РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

XIX Международные Лихачевские научные чтения
22–24 мая 2019 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцать седьмые по счету и девятнадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

В 2019 году социально значимый проект «XIX Международные Лихачевские научные чтения» реализуется с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, в соответствии с распоряжением Президента РФ от 19 февраля 2018 г. № 32-рп

Санкт-Петербург
2019

ББК 72
М64

Научный редактор материалов пленарного заседания, панельной дискуссии и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **Е. А. Кайсаров**, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП; **А. П. Марков**, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП

3-я секция — **Е. Г. Хольнова**, заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор; **З. Н. Каландаришвили**, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

4-я секция — **Г. М. Бирженюк**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

М64 **Мировое** развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. — СПб. : СПбГУП, 2019. — 632 с., ил.

ISBN 978-5-7621-1055-6

В сборнике опубликованы материалы XIX Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 22–24 мая 2019 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XIX Чтениях приняли участие представители 25 стран.

Среди 204 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: И. О. Абрамова, С. Ю. Глазьев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, В. Л. Квинт, Г. Б. Клейнер, А. В. Кузнецов, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, В. В. Миронов, Р. И. Нигматулин, В. Ф. Петренко, Ж. Т. Тощенко, Л. Л. Фитуни, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, представители высших учебных заведений, известные государственные и общественные деятели, руководители СМИ: заместитель министра иностранных дел РФ С. В. Вершинин, судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» М. С. Гусман, первый заместитель председателя Комитета Госдумы по делам СНГ К. Ф. Затулин, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Г. М. Резник, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков, председатель ФНПР М. В. Шмаков, Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко и др.

В числе иностранных авторов сборника — премьер-министр Пакистана (2004–2007) Ш. Азиз, Президент Киргизии (1990–2005) академик РАН А. А. Акаев, министр Турции по делам Евросоюза (2009–2013) Э. Багис, Посол Азербайджана в РФ П. Бюльбюль оглы, министр образования Польши (1996–1997) Е. Вятр, вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003) академик РАН Г. В. Колодко, Посол Испании в РФ (2008–2011) Х. А. Марк, глава «Альянса цивилизаций» ООН, министр иностранных дел Испании (2004–2010) М. А. Моратинос Куйяубе, Посол Ирана в РФ М. Санаи; члены зарубежных академий наук: А. Н. Данилов (Беларусь), В. Проданов (Болгария), П. П. Толочко (Украина); профессора: Э. Агацци (Италия), А. Беблер (Словения), Ч. Варга (Венгрия), Дж. К. Гэлбрейт (США), П. Дуткевич (Канада), В. Ингимундарсон (Исландия), Г. Кёхлер (Австрия), Я. А. Шолте (Швеция) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент России Владимир Путин: «Лихачевские чтения и впредь будут выполнять высокую миссию, нацеленную на укрепление гуманитарного сотрудничества, упрочение дружбы и взаимопонимания между людьми».

ББК 72

ISBN 978-5-7621-1055-6

© СПбГУП, 2019

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить начиная с 2001 года две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН
Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XIX Международных Лихачевских научных чтений.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев уделял большое внимание Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов, был почетным доктором прославленного вуза. И потому символично, что ваши встречи проходят именно здесь, в СПбГУП, и по праву считаются значимым событием в жизни Северной столицы и всей страны.

Отмечу, что в работе форума традиционно принимают участие известные ученые и политики, деятели культуры и искусства, представители СМИ. Их содержательные доклады и подчас острые дискуссии неизменно вызывают широкий общественный резонанс, служат делу развития идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые и сегодня не утратили своей актуальности.

Уверен, что Лихачевские чтения и впредь будут выполнять высокую миссию, нацеленную на укрепление гуманитарного сотрудничества, упрочение дружбы и взаимопонимания между людьми.

Желаю вам успехов, интересного и полезного общения.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
23 мая 2019 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши встречи давно уже стали значимым, ожидаемым событием в общественной жизни Санкт-Петербурга и всей страны. Отрадно, что все эти годы организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур. Следуют заветам великого гуманиста и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что и нынешний форум пройдет в творческом, созидательном ключе, запомнится интересными, продуктивными дискуссиями, неформальной и по-настоящему дружеской атмосферой.

Желаю вам успехов.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
18 мая 2017 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч – всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимополезных дискуссий, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
16 мая 2016 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум – это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
17 мая 2012 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, – неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых – развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач – сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
5 мая 2011 года

♦ ♦ ♦

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и межнационального общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей – ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции – всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
11 мая 2010 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
22 мая 2008 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева – неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
25 мая 2006 года

♦ ♦ ♦

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума – это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
20 мая 2004 года

♦ ♦ ♦

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XIX МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Участникам и гостям XIX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Приветствую вас в Санкт-Петербурге и поздравляю с открытием XIX Международных Лихачевских научных чтений.

За два десятилетия ваша конференция стала значимым событием в научной и культурной жизни Северной столицы. И традиционно собирает представительную аудиторию – ученых, политиков, общественных деятелей со всего мира.

В этом году главная тема дискуссии – «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости». Она крайне актуальна и затрагивает практически все сферы нашей жизни. В эпоху глобальных перемен важно найти новые подходы к предупреждению и преодолению кризисов, с которыми сталкивается мир. Это возможно только общими усилиями – на основе взаимоуважения и заинтересованного диалога между государствами и народами. И, конечно, при помощи науки и культуры, которые не имеют границ.

Ученые и люди, посвятившие себя творчеству, чаще политиков и дипломатов говорят на одном языке. А наследие наиболее великих из них принадлежит всему человечеству. В полной мере это относится к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Его жизнь и труды – образец мудрости и научной глубины, верности высоким идеалам, бесконечной преданности своему делу. И ваша конференция – дань уважения заслугам выдающегося русского ученого и мыслителя.

Желаю вам интересных дискуссий, успехов и всего наилучшего.

Председатель Правительства Российской Федерации
Д. А. МЕДВЕДЕВ
Москва, 23 мая 2019 года

Участникам XIX Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

В этом году вы вновь собрались в городе на Неве, в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов для обсуждения актуальных вопросов глобального развития.

Ваш научный форум, инициированный академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, многие годы вносит вклад в выстраивание диалога между странами на основе взаимовыгодного, равноправного партнерства. Это подтверждает огромное влияние гуманистических идей Д. С. Лихачева на формирование современной научной мысли.

Сегодня в эпоху перемен, когда мировое развитие подвергается новым вызовам и рискам, особенно важно продвигать созидательную повестку международного сотрудничества. Рассчитываю, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе Лихачевских научных чтений, будут иметь практическое значение, в том числе в парламентском измерении.

Желаю вам успешной и плодотворной работы.

Председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации
В. В. ВОЛОДИН

Организаторам и участникам XIX Международных Лихачевских научных чтений и инициативы «Глобальный взгляд»

Сердечно приветствую организаторов и участников XIX Международных Лихачевских научных чтений, а также инициативы «Глобальный взгляд».

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов утвердился в качестве востребованной дискуссионной площадки, ежегодно собирающей видных политиков, ученых, деятелей культуры из различных государств для поиска ответов на многочисленные проблемы современности. В текущей непростой ситуации на мировой арене, характеризующейся усилением старых и появлением новых вызовов и угроз, такое сопряжение интеллектуальных усилий приобретает особое значение.

Тема нынешней встречи весьма актуальна. Сегодня мир переживает тектонические перемены, связанные с формированием полицентричной архитектуры мироустройства. Эта тенденция отражает в том числе естественное стремление народов самим выбирать те модели развития, которые отвечают их национальной, культурной, конфессиональной идентичности.

В общих интересах сделать этот процесс управляемым и предсказуемым. Достичь этой цели можно лишь сообща, на прочной основе международного права, с опорой на центральную координирующую роль ООН. Трудно переоценить вклад дипломатии, призванной содействовать выходу на сбалансированные решения в самых разных областях – от экономики до климата.

Обеспечить мирное, благополучное будущее всего человечества вряд ли возможно без налаживания продуктивного партнерства между представителями различных конфессий, культур, цивилизаций. В этой связи хотел бы выразить искреннюю признательность своему коллеге, Высокому представителю Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» Мигелю Анхелю Моратиносу за его энергичные усилия на этом направлении.

Убежден, что ваши встречи пройдут в созидательном ключе, а их результаты поспособствуют упрочению доверия и взаимопонимания между народами. Желаю вам плодотворных дискуссий и всего самого доброго.

Министр иностранных дел Российской Федерации
С. В. ЛАВРОВ
Москва, 20 мая 2019 года

Участникам XIX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Сердечно приветствую вас и поздравляю с началом работы XIX Международных Лихачевских научных чтений.

Этот интеллектуальный форум – достойное детище и визитная карточка Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, проект, широко известный во всем мире. Для участия в нем в Северную столицу России ежегодно съезжаются представители научной и творческой интеллигенции планеты, приумножая опыт позитивного международного диалога. Именно стремление к открытому общению делает Чтения уникальной площадкой, на которой ведется поиск стратегий и сценариев, обеспечивающих совместное преодоление глобальных проблем.

Для миллионов людей Дмитрий Сергеевич Лихачев является примером человека высокой нравственности, выдающегося ученого и общественного деятеля, чьи мысли всегда были устремлены в будущее. Его идеи о краеугольном значении культуры в процессе становления любой нации и сегодня сохраняют свою актуальность, подтверждаются все новыми примерами. Ведь забота государства о культуре – это прежде всего забота о своих гражданах, их творческой самореализации, развитии человеческого потенциала.

Желаю всем участникам Лихачевских чтений плодотворной работы, интересных дискуссий и всего самого доброго!

Министр культуры Российской Федерации
В. Р. МЕДИНСКИЙ

Ректору СПбГУП, организаторам и участникам XIX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемый Александр Сергеевич! Уважаемые коллеги!

От имени Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и от себя лично приветствую организаторов, участников и гостей XIX Международных Лихачевских научных чтений.

На форуме социально-трудовые отношения традиционно рассматриваются в контексте развития культуры, и этот подход позволяет достичь важных для практики научных результатов.

Уверен, что выводы форума и сама атмосфера взаимоуважения, присущая встречам ученых и практиков на Международных Лихачевских научных чтениях, станут новым достоянием международного сообщества.

Желаю участникам Чтений плодотворной работы, интересных и содержательных дискуссий!

Министр труда и социальной защиты Российской Федерации
М. А. ТОПИЛИН

Участникам, организаторам и гостям XIX Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Рад приветствовать участников, организаторов и гостей Международных Лихачевских научных чтений!

Проведение масштабного гуманитарного форума стало доброй традицией для Санкт-Петербурга, где жил и трудился Дмитрий Сергеевич Лихачев – выдающийся ученый и просветитель. Его блестящие идеи стали частью мирового научного достояния. Они и сегодня сохраняют свою актуальность.

Тематика научных Чтений 2019 года включает наиболее важные и острые вопросы современности, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России, всего мирового сообщества.

Уверен, что форум послужит укреплению международных гуманитарных связей.

Желаю всем вам плодотворного общения и самых ярких впечатлений от встречи с нашим прекрасным городом!

Временно исполняющий обязанности губернатора Санкт-Петербурга
А. Д. БЕГЛОВ

Уважаемые организаторы, участники и гости XIX Международных Лихачевских научных чтений!

Поздравляю вас с открытием форума гуманитарной мысли, ставшего в последние годы крупнейшей в мире ежегодной трибуной ученых-гуманитариев.

С 1993 года, воплощая идеи академика Д. С. Лихачева, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов собирает на берегах Невы ведущих ученых-гуманитариев планеты. Как интеллектуальный магнит, Чтения притягивают ярчайших мыслителей, политиков, деятелей культуры и искусства России и зарубежья.

Тематика Чтений традиционно соответствует нерву времени. Когда отношения между странами напряжены, особенно важно, чтобы голос соратников Д. С. Лихачева звучал громко и конструктивно, чтобы их выводы о культуре как сакральном пространстве, формирующем человека в духе созидания, сотворчества, содружества и взаимного уважения, не остались «вещью в себе», а были освоены мировым сообществом.

Дорогу осилит идущий. Желаю вам плодотворного межкультурного диалога, направленного на разработку стабильного будущего, личных и профессиональных успехов, здоровья и благополучия.

Президент Российской академии наук, академик
А. М. СЕРГЕЕВ

Участникам и гостям XIX Международных Лихачевских научных чтений!

От имени миллионов российских трудящихся, объединенных Федерацией независимых профсоюзов России, сердечно приветствую всех участников XIX Международных Лихачевских научных чтений!

Ваш заслуженно пользующийся международным признанием уникальный научный форум ежегодно собирает выдающихся ученых, деятелей культуры, дипломатов и политиков. Глубокие научные доклады и дискуссии на злободневные темы позволяют участникам Чтений выявить тенденции развития современного общества, содействуют обсуждению различных подходов к обеспечению стабильности мирового развития.

За последние годы мировое сообщество столкнулось с проблемами предсказуемости и управляемости международным развитием. Во многом это связано со столкновением различных стратегий развития современной мировой цивилизации. Действия реакционных международных сил диктуются их желанием получения максимально высокой прибыли, вне зависимости от того, какую цену за эти эгоистические устремления приходится платить жителям планеты. Все это ставит мир на грань кровопролитных войн, способных разрушить производительные силы многих стран.

Темы выступлений на Международных Лихачевских научных чтениях всегда вызывают особый интерес у российских профсоюзов, выступающих за мир и социальную справедливость.

Искренне желаю участникам научных Чтений интересной и содержательной работы, хорошего настроения и новых творческих успехов!

Председатель Федерации независимых профсоюзов России
М. В. ШМАКОВ

Участникам XIX Международных Лихачевских научных чтений!

XIX Международные Лихачевские научные чтения – важная веха на пути к оценке и пересмотру образовательного, научного и культурного аспектов глобализации.

Тема конференции «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости» подчеркивает наличие международных проблем, которые мы, глобальное сообщество, должны решить – будь то изменение климата, сокращение биологического разнообразия, распространение и этические последствия новейших прорывных технологий, гендерное неравенство и будущее Африки, последние из которых являются двумя пересекающимися приоритетами ЮНЕСКО.

Чтобы найти удовлетворительное решение этих проблем, требуется международное сотрудничество, научно обоснованное развитие, обмен знаниями и солидарность между людьми, поколениями и биологическими видами. Кроме того, мы должны обеспечить концептуализацию и коммуникацию последствий таких проблем с достаточной ясностью и на необходимом уровне детализации для политических деятелей и всех граждан. То, какие действия будут нами предприняты для решения этих проблем, определит будущее человечества.

Конференция направлена на обеспечение предсказуемости и управляемости неведомых нам предстоящих событий. Благодаря научно-техническому прогрессу мы живем в эпоху, сделавшую возможными научные, образовательные и культурные прорывы. Технологическая революция преображает нашу жизнь и качественно изменяет то, как мы работаем, учимся и взаимодействуем друг с другом. Искусственный интеллект, к примеру, переживает этап экспоненциального роста и находит новое применение для предсказуемости и управляемости в растущем числе областей: безопасность, окружающая среда, исследования и образование, здоровье, культура и торговля.

Искусственный интеллект – это новая terra incognita человечества. С одной стороны, он может стать поразительной ценностью для человечества и ответственного развития стран; с другой стороны, он неотделим от этической ответственности при использовании его огромного потенциала для поддержания устойчивого развития, мира и прав человека, в соответствии с мандатом ЮНЕСКО в области науки, культуры, образования, коммуникации и информации.

Жизнь и достижения Дмитрия Лихачева демонстрируют силу науки, образования и межкультурного диалога при построении жизнестойких общественных систем, что в значительной степени перекликается с работой ЮНЕСКО. В своей работе Лихачев руководствовался важностью прошлого для информирования будущего. Он осознавал то, насколько межкультурный диалог может вдохновлять ныне живущие и будущие поколения, а также углублять нашу общую человечность и солидарность. Его бесстрашная интеллигентность и непоколебимая приверженность науке и культуре были основаны на убеждении, что сложные проблемы решаются только посредством междисциплинарного подхода.

Сегодня мы должны приложить усилия к тому, чтобы собрать воедино и систематизировать знания из разных областей для формирования нашего общего будущего в соответствии с Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Я выражаю свою поддержку междисциплинарному масштабу этой конференции и благодарю Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов и участников форума за их непрерывные усилия и приверженность нашим общим принципам на пути к более благополучному будущему.

Генеральный директор ЮНЕСКО
О. АЗУЛАЙ

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Диалог культур в условиях глобализации», «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего», «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, И. О. Абрамова, Г. А. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, Ан. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, Ф. А. Асадуллин, Н. С. Бондарь, А. Е. Бусыгин, П. Бюльбюль оглы, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, Ал. А. Громыко, М. С. Гусман, А. К. Исаев, С. Л. Катанандов, К. И. Косачев, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, Т. А. Мансуров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, А. А. Панкин, В. Н. Плигин, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Н. С. Сафронов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России (с 2014 г. — Международный форум старшеклассников), на который собираются победители ежегодного конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России осуществляется Дипломатическая программа Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012, 2016, 2017, 2019 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2019 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются соответствующие сборники. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены и на научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА» 3

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ 4

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XIX МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ 7

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка) 11

Пленарное заседание
МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

ДОКЛАДЫ:

И. О. АБРАМОВА, *директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук*
ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ СХВАТКА ЗА АФРИКУ 26

Э. АГАЦЦИ, *профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии*
ЗАГАДКА ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ 31

Ш. АЗИЗ, *премьер-министр Пакистана (2004–2007)*
ГЛОБАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ВЫЗОВЫ ПРОГНОЗИРУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ 35

А. А. АКАЕВ, *Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук*
МИР ЦИВИЛИЗАЦИЙ — 2100. ШЕСТЬ ПОСТУЛАТОВ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ 38

Э. БАГИС, *министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013)*
ПОЗИЦИЯ ТУРЦИИ ПО ГЛОБАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ И ПЕРСПЕКТИВАМ ЕВРАЗИИ 40

А. БЕБЛЕР, *почетный профессор политических наук Университета Любляны (Словения)*
ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ 43

Н. С. БОНДАРЬ, *судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ*
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОМУ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМУ:
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ СУВЕРЕНИЗАЦИЯ? 49

П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы, *Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, профессор, народный артист Азербайджана*
ОСНОВАНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА 54

Ч. ВАРГА, *почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор*
ПРАВО КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 56

С. В. ВЕРШИНИН, *заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол*
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 60

Е. ВЯТР, *министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Польши (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор*
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ 61

Г. А. ГАДЖИЕВ, *судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП*
ПРОРОЧЕСТВО ГАМЛЕТА, КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ ВЕЧНОГО МИРА
И ОСНОВНАЯ ЗАГАДКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ 63

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ, *академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина, доктор экономических наук, профессор*
БУДУЩИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК ИЗ НЫНЕШНЕГО ХАОСА 66

Ал. А. ГРОМЫКО, *директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН*
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЕВРОПЕ. РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ 73

Ю. Р. ГРОТЕ, *главный научный сотрудник Научно-исследовательского института «Диалог цивилизаций» (Берлин)*
ПРОФСОЮЗЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ.
ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ АЛЬЯНСОВ И СОТРУДНИЧЕСТВА 79

А. А. ГУСЕЙНОВ, *научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*
В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО 83

М. С. ГУСМАН, *первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», профессор, заслуженный работник культуры РФ*
ДОВЕРИЕ К СМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 88

Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ, *профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США)*
ЧТО ЕСТЬ РАЗВИТИЕ? ТОЧКА ЗРЕНИЯ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ГЭЛБРЕЙТА. 89

А. Н. ДАНИЛОВ, *заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор*
СОВРЕМЕННЫЙ МИР НА ПЕРЕПУТЬЕ: ЦЕННОСТИ ЭПОХИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ 92

Б. ДЕГАРДЕН, *генеральный директор банка «Eric Sturdza SA» (Женева, Швейцария)*
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И ЕВРОПА ПЕРЕД ЛИЦОМ КИТАЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.
КАКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОЖИДАТЬ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ? 97

П. ДУТКЕВИЧ, *директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии*
ХАОС, СТРАХ И ГЕГЕМОНИЯ — НОВЫЙ И СТАРЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК 103

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 110

К. Ф. ЗАТУЛИН, *первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Государственной Думы РФ, директор Института стран СНГ*
РОССИЯ И МИР: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 117

В. ИНГИМУНДАРСОН, *профессор современной истории Университета Исландии (Рейкьявик), доктор философии*
«ПОПУЛИСТСКИЙ МОМЕНТ» И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ (БЕС)ПОРЯДОК. 124

В. Л. КВИНТ, *заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ*
ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ КАК НАУКИ 129

Г. КЁХЛЕР, *президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии*
ГЕОПОЛИТИКА И ЗАКОН НЕПРЕДНАМЕРЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ.
РИСКИ УНИЛАТЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА 132

Г. Б. КЛЕЙНЕР, *заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*
ПРОГНОЗИРУЕМОСТЬ, ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ,
УПРАВЛЯЕМОСТЬ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В ЦИФРОВОМ ВЕКЕ 137

Г. В. КОЛОДКО, *вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор*
ЭКОНОМИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ, ИЛИ ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА 140

А. Д. КОРОЛЬ, *ректор Белорусского государственного университета (Минск), доктор педагогических наук, профессор*
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА ВОСТОКА И ЗАПАДА: МОЛЧАНИЕ В ОБУЧЕНИИ 145

А. М. КРАМАРЕНКО, *директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ*
ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА О СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ:
ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ XX ВЕКА 150

А. В. КУЗНЕЦОВ, *и.о. директора Института научной информации по общественным наукам РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук*
ТНК — УСИЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ РОЛИ
ИЛИ УСЛОЖНЕНИЕ АДАПТАЦИИ К ТРЕНДАМ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ? 154

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ, *главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор*
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЖИЗНИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ 159

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, *главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор*
ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩИХСЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 162

А. А. ЛИХАНОВ, *писатель, председатель правления Российского детского фонда, академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, Почетный доктор СПбГУП*
ДОМ БЕЗ ФУНДАМЕНТА? 165

В. Л. МАКАРОВ, *научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор*
ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ПОНЯТИЙ
ДЛЯ РАЗГАДКИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НЕИЗБЕЖНО 166

В. К. МАМОНТОВ, *генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»*
ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА 168

Х. А. МАРК, *Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)*
ВЕКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ И БУДУЩЕЕ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА 172

А. П. МАРКОВ, *профессор СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП*
ЭПОХА ПОСТМОДЕРНА: ПРОЕКТ КУЛЬТУРНОЙ РЕГРЕССИИ 176

Г. МЕТТАН, *президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)*
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НАЗАД В XIX ВЕК! МИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ВОЗВРАЩЕНИЕ СОПЕРНИЧЕСТВА ИМПЕРИЙ В ЭПОХУ ПОСЛЕ ГОСПОДСТВА ЗАПАДА 180

В. В. МИРОНОВ, *декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЦИФРОВАЯ ПЕЩЕРА КАК ВОЗМОЖНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ 183

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ, *глава «Альянса цивилизаций» ООН, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП*
«АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ» —
ИНИЦИАТИВА ПО ПОДДЕРЖКЕ БРАТСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ 187

Р. И. НИГМАТУЛИН, *научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор*
РАЗВИТИЕ РОССИИ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ 190

Р. О'БРАЙЕН, *профессор политологии Университета МакМастера (Гамильтон, Канада)*
ЮЖНЫЕ ДИЛЕММЫ: ЗАЩИТА ПРАВ РАБОЧИХ ВО ВРАЖДЕБНОМ ОКРУЖЕНИИ 192

В. Ф. ПЕТРЕНКО, *заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор*
ИМЕЕТ ЛИ ЦЕЛЬ ГЛОБАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ? 195

В. ПРОДАНОВ, *директор Фракийского научного института, профессор Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук*
КРИЗИС МИРОВОЙ СИСТЕМЫ И ПРОГНОЗЫ
В ОТНОШЕНИИ ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ 198

Г. М. РЕЗНИК, *вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП*
ЖУРНАЛИСТИКА В МИРЕ ПОСТПРАВДЫ. 202

М. САНАИ, *Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук*
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 204

И. ТАЛУКДАР, *научный сотрудник Индийского совета по международным делам (Нью-Дели)*
МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ 206

П. П. ТОЛОЧКО, *член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП*
МИР У ОПАСНОЙ ЧЕРТЫ 209

М. П. ТОМАС, *доцент кафедры социологии Йоркского университета (Торонто, Канада), кандидат социологических наук*
ПРОФСОЮЗЫ В КАНАДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 211

Ж. Т. ТОШЕНКО, *главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, председатель международного редакционного совета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор*
ОБЩЕСТВА ТРАВМЫ: ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗИГЗАГ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ? . . . 214

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ, *декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова*
КАК СПАСТИ ЕВРОПЕЙСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ 219

Л. Л. ФИТУНИ, *заместитель директора Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор*
АСИММЕТРИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ВНЕШНЕМУ УПРАВЛЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЭЛИТАМИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ 222

Т. Я. ХАБРИЕВА, *директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП*
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ФОКУСЕ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ 227

В. А. ЧЕРЕШНЕВ, *главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП;*
В. Н. РАСТОРГУЕВ, *профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ПРЕДСКАЗУЕМАЯ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ В МИРОВОМ РАЗВИТИИ: КРИЗИС СОЛИДАРНОСТИ И НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОГНОСТИКЕ 231

М. В. ШМАКОВ, *председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП*
СИСТЕМА ТРИПАРТИЗМА: СТО ЛЕТ УСИЛИЯМ ПО ПОВЫШЕНИЮ ПРОГНОЗИРУЕМОСТИ И ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ 236

Я. А. ШОЛТЕ, *профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)*
ЛЕГИТИМНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ — КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПРЕДСКАЗУЕМОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ 240

А. В. ЯКОВЕНКО, *Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук (международное право), профессор*
ПОЧЕМУ МИР СТАНОВИТСЯ ДЛЯ НАС ВСЕ МЕНЕЕ ПРЕДСКАЗУЕМЫМ 244

ДИСКУССИЯ 246

Выступающие: И. О. Абрамова, Э. Агацци, А. А. Акаев, С. В. Вершинин, Г. А. Гаджиев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, Дж. К. Гэлбрейт, Б. Дегарден, П. Дуткевич, М. А. Замшев, А. С. Запесоцкий, К. Ф. Затулин, Г. Кёхлер, В. В. Кириллов, Г. В. Колодко, А. М. Крамаренко, В. А. Леонтьев, А. Г. Лисицын-Светланов, Е. И. Макаров, М. А. Моратинос Куйяубе, Р. И. Нигматулин, Г. М. Резник, М. Санаи, И. Талукдар, П. П. Толочко, Ж. Т. Тошенко, В. Т. Третьяков, В. А. Черешнев, У. де Шаваньяк, Я. А. Шолте

Панельная дискуссия
МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ 268

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, *ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (модератор)*
Шаукат АЗИЗ, *премьер-министр Пакистана (2004–2007)*
Эгемен БАГИС, *министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013)*
Сергей ВЕРШИНИН, *заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол*
Хуан Антонио МАРК, *Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)*
Мигель Анхель МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ, *глава «Альянса цивилизаций» ООН*
Амр МУСА, *генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)*
Луи РИВЕРА МАРИН, *государственный секретарь Пуэрто-Рико*
Канвал СИБАЛ, *министр иностранных дел Индии (2002–2003)*

Секция 1
НОВЫЕ РИСКИ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

ДИСКУССИЯ. 275

Выступающие: И. О. Абрамова, А. А. Акаев, Э. Багис, А. Беблер, Ч. Варга, Е. Вятр, Б. Дегарден, Ал. А. Громыко, А. С. Запесоцкий, В. Ингимундарсон, Г. Кёхлер, Г. В. Колодко, А. М. Крамаренко, А. В. Кузнецов, Г. Меттан, А. Муса, Р. И. Нигматулин, В. Проданов, Г. М. Резник, Л. Ривера Марин, М. Санаи, И. Талукдар, П. П. Толочко, В. Т. Третьяков, Л. Л. Фитуни, В. А. Черешнев, У. де Шаваньяк, Я. А. Шолте, Р. Штайнманн

ДОКЛАДЫ:

М. АБДОЛЛАХИ, *преподаватель кафедры русского языка Университета им. Алламе Табатабаи (Иран), кандидат филологических наук*
ОБРАЗЫ РОССИИ И ИРАНА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 292

М. А. АБИШЕВ, *профессор Алматинского филиала СПбГУП, доктор социологических наук, заслуженный деятель Республики Казахстан*
ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — ПУТЬ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ 295

П. А. ВОДОПЬЯНОВ, *профессор Белорусского государственного технологического университета, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук*
СТРАТЕГИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 296

А. Г. ВОЛОДИН, *главный научный сотрудник — руководитель группы Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор Дипломатической академии МИД России, доктор исторических наук*
ЯПОНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ 299

Е. В. ХАРИТОНОВА, *старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент*
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ ЗА БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, О ПРОГНОЗИРОВАНИИ, ПРОГРАММИРОВАНИИ И САМОИСПОЛНЯЮЩИХСЯ ПРОРОЧЕСТВАХ. 303

Секция 2
ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

ДОКЛАДЫ:

А. В. АГОШКОВ, *главный редактор издательства «Наука и культура» (издательский дом «Панорама»), кандидат философских наук*
НОРМЫ КУЛЬТУРЫ И ПРАВА: МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ КОНФЛИКТА 306

Б. В. АКСЮМОВ, *профессор Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук*
НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ 308

О. В. АРХИПОВА, *профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук*
СТРАТЕГИИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ ЦИФРЫ 309

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН, *профессор Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна», доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ 311

А. В. БОНДАРЕВ, *доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии*
ПРИКЛАДНОЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОГРАММИРУЮЩИЕ, РЕГУЛЯТИВНЫЕ И МОТИВИРУЮЩИЕ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ 313

Л. Б. БРУСИЛОВСКАЯ, *старший научный сотрудник лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва), кандидат культурологии*
«ОТТЕПЕЛЬ» КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 314

И. М. БЫХОВСКАЯ, *профессор Института естествознания и спортивных технологий Московского городского педагогического университета, доктор философских наук, заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
«ВСТРЕЧА КУЛЬТУР» КАК КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗОНЫ АНАЛИЗА 315

В. В. ВАСИЛЕНКО, *заведующая кафедрой исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института, доктор исторических наук, профессор*
«ПОБЕДИТЬ ЗВЕРЯ...» НА ПУТИ К ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВУ И КУЛЬТУРЕ (К 130-летию со дня рождения П. А. Сорокина) 317

М. Н. ВЕТЧИНОВА, *профессор Курского государственного университета, доктор педагогических наук*
Д. С. ЛИХАЧЕВ О КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ КАК УСЛОВИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И КРИТЕРИИ БОГАТСТВА ЦИВИЛИЗАЦИИ 319

Ю. К. ВОЛКОВ, *профессор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИНВЕРСИИ ТРАДИЦИЙ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА 320

В. С. ГЛАГОЛЕВ, *профессор МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук*
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ВЫЗОВЫ ЧЕЛОВЕКУ И КУЛЬТУРЕ 322

В. В. ГОРШКОВА, *декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ*
ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ СОТВОРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО 324

Ю. Д. ГРАНИН, *ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор*
ЭРОЗИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА 325

А. Ю. ДЕМШИНА, *доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии*
ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ТОЧКА ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ 327

И. И. ДОКУЧАЕВ, *заведующий кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор*
КРИЗИС ЦЕННОСТЕЙ КРЕАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ 328

В. Ю. ДУНАЕВ, *главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор;*
В. Д. КУРГАНСКАЯ, *главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор*
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ДОМИНАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНЫХ ЭКОСИСТЕМ В КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ Д. С. ЛИХАЧЕВА 330

Н. В. ДЫМЧЕНКО, *проректор Тираспольского межрегионального университета, заведующий кафедрой общегуманитарных и правовых дисциплин, доктор философии, кандидат культурологии, профессор*
ПОЛИЭТНИЧНАЯ ОБЩНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ (На материале Приднестровья) 332

Т. И. ЕРОХИНА, *первый проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор*
ЧЕЛОВЕК И ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ГРАНИЦЫ КОММУНИКАЦИИ 334

О. А. ЖУКОВА, *заместитель заведующего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога, профессор школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор философских наук*
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА 335

М. А. ЗАМШЕВ, *главный редактор «Литературной газеты» (Москва)*
ПЯТЬ ПРИЧИН ВЕЛИЧИЯ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА 337

О. П. ЗУБЕЦ, *старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук*
МОЛЧАНИЕ И КРИК (Человек и культура в перспективе Аушвица) 338

М. Г. ИВАНОВА, *заместитель директора Алматинского филиала СПбГУП по научной работе, кандидат педагогических наук, профессор*
КОНЦЕПТОСФЕРА НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК СМЫСЛОВОЕ ЯДРО НАРОДНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ 340

С. Ю. ИВАНОВА, *главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛИЗМА 342

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ, *профессор СПбГУП, доктор культурологии*
ЛИЧНОСТЬ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ТРАДИЦИОННОЙ И СЕТЕВОЙ КУЛЬТУР 343

Е. А. КАЙСАРОВ, *заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП*
РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 345

О. В. КАШИРИНА, *профессор Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук*
ЭПОХА ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: НООСФЕРНЫЙ ПАТРИОТИЗМ
КАК ПУТЬ САМОСОХРАНЕНИЯ В СИТУАЦИИ «НА КРАЮ» 347

П. Н. КИРИЧЁК, *профессор Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук*
ДВУЗНАЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ В АКСИОМАРКЕРАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 348

Г. Г. КОЛОМИЕЦ, *профессор Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, почетный работник сферы образования РФ*
ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН СОВРЕМЕННОСТИ 350

С. С. КОМИССАРЕНКО, *профессор СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ОТЧУЖДЕНИЕ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 352

И. В. КОНДАКОВ, *профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, кандидат филологических наук, почетный работник общего образования РФ*
ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. 354

В. А. КОНЕВ, *профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ*
ОПЫТ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ НОВОГО МОДЕРНА 356

А. В. КОСТИНА, *директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор*
РАЗВИТИЕ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА
КАК ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН. 358

В. В. КРАВЧЕНКО, *профессор Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор философских наук*
ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ:
ВИРТУАЛЬНОЕ «СОЛО» В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ 360

Л. К. КРУГЛОВА, *профессор Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор философских наук*
МУЛЬТИЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
КАК ФЕНОМЕН ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 362

В. А. КУТЫРЕВ, *профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук*
ЧЕЛО-ВЕК XXI: ИСКУШЕНИЕ ТЕХНОГЛОБАЛИЗМОМ 363

И. В. ЛЕОНОВ, *доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии;*
В. Л. СОЛОВЬЕВА, *доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии*
НАСЛЕДИЕ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ПСЕВДОМОРФОЗЫ И ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. 365

Л. Ю. ЛЕПЕШКИНА, *доцент Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти), кандидат исторических наук*
ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН. 367

В. Е. ЛЕПСКИЙ, *главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук*
БЕЗОПАСНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН. 368

К. В. ЛОШЕВСКИЙ, *доцент СПбГУП, кандидат философских наук*
КОНЕЦ МОДЕРНА И СУДЬБА ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ НОВОЕВРОПЕЙСКИХ ПРАКТИК 370

С. В. ЛУРЬЕ, *ведущий научный сотрудник Социологического института — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, доктор культурологии, кандидат исторических наук*
КУЛЬТУРА В «МИРЕ, КОТОРЫЙ ВО ЗЛЕ ЛЕЖИТ»,
ИЛИ К ВОПРОСУ О НОВОЙ ГРЯДУЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 372

И. В. МАЛЫГИНА, *заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор*
ГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 374

В. Э. МАНАПОВА, *доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства (Махачкала), доктор философских наук*
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И «ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ ПАРАДОКС» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 376

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ, *заместитель главного редактора «Социологического журнала», старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, кандидат философских наук*
ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 378

Л. В. МАТВЕЕВА, *профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук*
КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН. 380

А. А. МЕЛЬНИКОВА, *профессор СПбГУП, доктор культурологии, кандидат философских наук*
ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: РАКУРС ПОЛЯРНЫХ ВЗГЛЯДОВ 382

Л. М. МОСОЛОВА, *профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, заслуженный работник высшей школы РФ*
ЧЕЛОВЕК КАК ПЕРСОНИФИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 383

С. Б. НИКОНОВА, *профессор СПбГУП, доктор философских наук*
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ 385

К. С. ПИГРОВ, *профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук*
ПРОЕКТНОСТЬ В ГОРИЗОНТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: МЕЖДУ НООСФЕРОЙ И ТЕХНОГЕНЕЗОМ 387

М. Е. ПОПОВ, *профессор Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук*
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 389

В. Ш. САБИРОВ, *заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН. 391

Т. Б. СИДНЕВА, *проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ*
ЧЕЛОВЕК И БУДУЩЕЕ ИСКУССТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 393

М. В. СИЛАНТЬЕВА, *заведующая кафедрой философии им. А. Ф. Шишкина МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук, профессор*
СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 395

Н. В. СИНЯВИНА, *доцент Московского государственного института культуры, кандидат культурологии*
ДИХОТОМИЯ «ДОБРО–ЗЛО» И «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 396

С. В. СНАПКОВСКАЯ, *профессор Белорусского государственного университета (Минск), доктор педагогических наук, доктор исторических наук*
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ СОЦИУМЕ 398

О. С. СОИНА, *профессор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДОЛГА 400

Л. Н. СОЛОВЬЕВА, *доцент Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат философских наук*
СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА 402

О. И. СТАВЦЕВА, *заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент СПбГУП, кандидат философских наук*
ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКАХ: ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ВЕДУЩИЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ 403

В. Н. ТОМАЛИНЦЕВ, *старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук*
ЭКСТРИМ КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: МЕЖДУ ТВОРЧЕСКОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬЮ И ЭКСТРЕМИЗМОМ 405

В. Е. ТРИОДИН, *профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, почетный профессор СПбГУП*
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ И ГУМАНИТАРНЫЕ РЕСУРСЫ СОЛИДАРНОСТИ 407

А. В. УСПЕНСКАЯ, *профессор СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник сферы образования РФ*
ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ТРОЯНСКОГО МИФА 410

А. Н. ФАТЕНКОВ, *профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук*
ОБ АВТОКРАТЕ И ЕГО ОППОНЕНТАХ: ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОСТИ 412

М. Н. ФОМИНА, *профессор Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук, почетный работник сферы образования РФ*
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ, ВАРИАТИВНОСТЬ, РИСКИ 414

Н. А. ХРЕНОВ, *главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор*
РОССИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: О. ШПЕНГЛЕР О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 416

А. Н. ЧУМАКОВ, *ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук*
ЦЕННОСТНОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА 418

Я. Г. ШЕМЯКИН, *главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук*
ПАРАДОКС СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОМИНАНТЫ МНОГООБРАЗИЯ. О ЗНАЧЕНИИ ОПЫТА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО «ПОГРАНИЧЬЯ» ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА. 420

О. Д. ШЕМЯКИНА, *научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук*
ПРАКТИКИ «УХОДА» И КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА: ОПЫТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ 422

ДИСКУССИЯ. 424

Выступающие: М. А. Абишев, Э. Агацции, Н. Г. Багдасарьян, М. Н. Ветчинова, П. А. Водопьянов, Ю. К. Волков, В. С. Глаголев, А. А. Гусейнов, О. А. Жукова, А. С. Запесоцкий, Г. Г. Коломиец, В. А. Конев, В. В. Кравченко, Л. К. Круглова, В. Е. Лепский, А. П. Марков, Л. В. Матвеева, В. Ф. Петренко, Т. Б. Сиднева, М. В. Силантьева, В. Е. Триодин, А. Н. Фатенков, М. Н. Фомина, Е. В. Харитонова, Н. А. Хренов, Я. Г. Шемякин, О. Д. Шемякина

Секция 3
ЭКОНОМИКА И ПРАВО В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

ДОКЛАДЫ:

Е. Е. АМПЛЕЕВА, *заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент*
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ КОНСЕНСУАЛЬНОГО МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА. 444

Т. Л. БАТАЛОВА, *директор Алматинского филиала СПбГУП, доцент кафедры юриспруденции*
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 447

О. А. БЕНЕДСКАЯ, *адвокат и советник коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» (Москва)*
РАСШИРЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРАВОСУДИЯ: НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 449

В. Ф. БОГАЧЕВ, *главный научный сотрудник Кольского научного центра РАН, доктор экономических наук, профессор;*
Н. П. ВЕРЕТЕННИКОВ, *профессор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор экономических наук*
РИСКИ РОССИЙСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 451

Е. А. БРЫЛЕВА, *заведующая кафедрой публичного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент*
СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ СОВЕРШИТЬ НАУЧНЫЙ ПРОРЫВ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ? 453

Н. В. БУРОВА, *директор Центра российско-французского сотрудничества в области образования и науки Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор;*
М. БАЛИ, *докторант Санкт-Петербургского государственного экономического университета*
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДЕКСА МНОГОЦЕЛЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ. 456

О. В. ВЕРБОВАЯ, *профессор Алматинского филиала СПбГУП, доктор юридических наук*
РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 458

Ф. Б. ВЛАСОВ, *профессор Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева (до 2017 г.), доктор экономических наук*
СМЕНА ПАРАДИГМЫ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ МОДЕЛИ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 460

В. Г. ГРАФСКИЙ, *главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор*
О ВОЗМОЖНОСТЯХ И НЕПОЛНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ДЕЛЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 461

О. Н. ГРОМОВА, *заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент*
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ. 463

М. Л. ДАВЫДОВА, *заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор*
СТАБИЛЬНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. 465

М. В. ДЕМИДОВ, *заведующий кафедрой административного и финансового права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, доктор юридических наук, профессор*
ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 468

А. А. ДЖАГАРЯН, *советник коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» (Москва), доктор юридических наук*
ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ. 470

А. А. ДОРСКАЯ, *заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор*
РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО СООБЩЕСТВА: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 472

И. Г. ДУДКО, *заведующий кафедрой государственного и административного права Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ*
О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 475

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ, *профессор СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ*
МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ПРИНЦИП НЕПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ИЛИ УГРОЗЫ СИЛОЙ: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ. 477

И. В. ЗИКУНОВА, *проректор по научной работе Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор экономических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ» 479

А. И. ЗЯБКИН, *профессор СПбГУП, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ. 482

В. В. ЗЯБРИКОВ, *доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук*
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ФИРМЫ 484

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ, *заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор*
ФАКТОРЫ, ДЕФОРМИРУЮЩИЕ ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 486

С. Н. КАСАТКИН, *профессор Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук*
МИССИЯ ПРАВОВЕДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ:
КОНЦЕПЦИЯ РОДЖЕРА КОТТЕРЕЛЛА 488

В. А. КОВАЛЕВ, *доцент СПбГУП, кандидат исторических наук*
АНТИНОМИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. МОДЕЛЬ АГОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ
КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПУТЬ ВЫХОДА ИЗ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 491

Ю. В. КУЗНЕЦОВ, *заведующий кафедрой управления и планирования социально-экономических процессов Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ*
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ. . . .493

А. В. КУЗЬМИН, *заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент*
К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 494

Е. А. КУКЛИНА, *профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук*
МОДЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ГЛОБАЛЬНОМ ОСЫПАЮЩЕМСЯ МИРЕ. 496

В. В. ЛАПАЕВА, *главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук*
НБИК-ТЕХНОЛОГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
(С позиций философско-правового подхода) 498

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА, *руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор (мировая экономика)*
ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США
В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ТРАМПА 500

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ, *профессор СПбГУП, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЭВОЛЮЦИЯ «ЖИВОЙ» КОНСТИТУЦИИ РОССИИ —
РЕАКЦИЯ НА ТЕНДЕНЦИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ 503

А. И. ЛУЧЕНОК, *заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор*
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТЬЮ 505

О. В. МАРТЫШИН, *профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук*
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ 507

М. С. МОТЫШИНА, *профессор СПбГУП, доктор экономических наук*
САМООРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ. 508

Т. В. НИКИТИНА, *директор Международного центра исследований финансовых рынков, Российско-немецкого центра Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор*
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ. 510

Н. Н. НИКУЛИН, *профессор Научно-исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва), доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
РИСКИ И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ 512

Е. А. ПЕТРОВА, *доцент Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук*
ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОСТИ
И ПРАВОПОРЯДКА В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ. 515

В. Г. ПЕТУХОВ, *профессор СПбГУП, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ*
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ. ПОЛИЦЕЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 517

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ, *профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, кандидат экономических наук*
ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИЛИ СИСТЕМА КРЕАТИВНОЙ ГУМАНИЗАЦИИ 519

Э. Э. ПОЛЕТАЕВ, *президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алматы, Казахстан)*
ПОДХОД КАЗАХСТАНА К МОДЕЛИ ЕАЭС: «ЭФФЕКТ НИЗКОЙ БАЗЫ», ПРИОРИТЕТНЫЕ СМЫСЛЫ ИНТЕГРАЦИИ И СПЕЦИФИКА ПОЗИЦИИ 522

Р. А. РОМАШОВ, *профессор СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ*
ФЕНОМЕН КОНСТИТУЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА 524

Е. С. САДОВАЯ, *заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент*
НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ ОПИШЕМ НАШЕ БУДУЩЕЕ (О методологии исследования социальной динамики в условиях трансформации мироустройства) 526

А. Ю. САЛОМАТИН, *заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор*
ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ 529

М. Г. СМИРНОВА, *профессор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук*
СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 531

А. А. ТАРАСОВ, *заведующий кафедрой уголовного права и процесса Башкирского государственного университета (Уфа), доктор юридических наук, профессор*
СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ФОРМА ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 533

В. В. ТРОФИМОВ, *директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук*
КОНФЛИКТНАЯ ПРИРОДА ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР МОБИЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ (Введение в проблему) 535

С. Ф. УДАРЦЕВ, *руководитель научно-исследовательских проектов Университета КАЗГЮУ им. М. С. Нарикбаева (Нур-Султан), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана*
КОСМИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРЕДСКАЗУЕМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 537

Г. Ф. ФЕЙГИН, *профессор СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП*
МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ: ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 540

Н. М. ФИЛИМОНОВА, *заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор экономических наук, профессор*
ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В ЭКОНОМИКЕ СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ. 542

И. Э. ФРОЛОВ, *заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор*
ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ 544

М. М. ХАЙКИН, *заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор;*
А. А. ЛАПИНСКАС, *профессор Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук*
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРЕД- И ПОСТРЕФОРМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ. 546

И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА, *профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук*
СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 548

Е. Г. ХОЛЬНОВА, *заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор*
ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 551

Е. Ф. ЧЕБЕРКО, *профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук*
ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МОТИВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАПИТАЛИЗМА 553

И. Л. ЧЕСТНОВ, *профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ*
ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В МИРЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВЕ 555

Т. В. ЧУБАРОВА, *заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, доктор экономических наук*
ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РЕГУЛИРУЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА. 557

В. Л. ЭНТИН, *директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук*
ОБОСТРЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЛАТИЛЬНОСТИ 559

ДИСКУССИЯ. 562

Выступающие: Е. А. Брылева, Г. А. Гаджиев, В. Г. Графский, Дж. К. Гэлбрейт, М. Л. Давыдова, И. Г. Дудко, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, В. А. Ковалев, В. В. Лапаева, А. А. Ливеровский, А. Г. Лисицын-Светланов, А. И. Лученок, О. В. Мартышин, Н. Н. Никулин, Л. А. Пасешникова, Р. А. Ромашов, Е. С. Садовая, А. Ю. Саломатин, А. А. Тарасов, С. Ф. Ударцев, Г. Ф. Фейгин, Н. М. Филимонова, И. Э. Фролов, М. М. Хайкин, Т. В. Чубарова

Секция 4
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОФСОЮЗЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВА И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ДОКЛАДЫ:

Г. М. БИРЖЕНЮК, *заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП*
НОВЫЕ РЕАЛИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ И ЗАДАЧИ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ 582

В. Ю. БОЧАРОВ, *доцент Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, кандидат социологических наук*
ВОВЛЕЧЕННОСТЬ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ УРАЛА В ПРОФСОЮЗЫ И ГОТОВНОСТЬ ОТСТАИВАТЬ СВОИ ТРУДОВЫЕ ПРАВА. 584

Л. И. ГРОШЕВА, *старший преподаватель Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, кандидат социологических наук*
ФЕНОМЕН НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛА 586

У. Х. КАРАБАЕВ, *профессор Национального института художеств и дизайна им. К. Бехзода, доктор философских наук*
СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ: ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ 588

А. М. МИТЯЕВА, *заведующая кафедрой социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ 589

А. С. МИЩЕНКО, *эксперт общественного объединения «Непрерывное образование для всех» (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук*
ИНТЕГРАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВУЮ КУЛЬТУРУ ЕВРОПЫ: ИДЕЯ И АСПЕКТЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 591

И. В. НОВИКОВА, *ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент Московской школы экономики, доктор экономических наук*
МИНИМИЗАЦИЯ НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ. 593

Т. О. РАЗУМОВА, *заведующая кафедрой экономики труда и персонала МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор;*
М. В. АРТАМОНОВА, *доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук*
ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И НОВАЯ РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН 594

О. С. СУХАРЕВ, *главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор*
СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТОДАТЕЛИ И РАБОТНИКИ: ПРИРОДА КОНФЛИКТА И ЕГО ПЕРСПЕКТИВА 597

Л. Г. ТИТОВА, *профессор Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор политических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ СМЫСЛОВ 599

Е. В. УЛЬКО, *доцент Кубанского государственного университета (Краснодар), кандидат психологических наук*
УСТАНОВКИ К КОНФЛИКТУ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ 602

Н. Н. ЦВЕТКОВА, *ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук*
ПЕРСПЕКТИВЫ РЫНКА ТРУДА И ВЫЗОВЫ АВТОМАТИЗАЦИИ: ТРУДЯЩИЕСЯ, ПРОФСОЮЗЫ И ТНК 604

А. В. ШЕРШУКОВ, *секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор газеты «Солидарность»*
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ. 606

Е. А. ШИШКИНА, *профессор Астраханского филиала Международного юридического института, доктор социологических наук*
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СИНДРОМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ 608

ДИСКУССИЯ. 610

Выступающие: Г. М. Бирженюк, В. Ю. Бочаров, Ю. Р. Гроте, Л. И. Грошева, П. Дуткевич, А. С. Запесоцкий, У. Х. Карабаев, Д. В. Лобок, Е. И. Макаров, Л. Г. Титова, М. П. Томас, Е. В. Улько, Н. Н. Цветкова, А. В. Шершуков, Е. А. Шишкина

Секция 5
ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников) 623

Выступающие: Н. В. Буров, А. Г. Евстигнеева, А. С. Запесоцкий, старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений: М. Баженова, А. Ботова, А. Воробьева, С. Евгеньева, Д. Ельфин, Д. Карманова, К. Коркина, А. Кривошеев, Д. Кузнецова

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 630

Пленарное заседание
МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

23 мая 2019 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

С. В. ВЕРШИНИН	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	глава «Альянса цивилизаций» ООН, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

И. О. Абрамова[1]

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ СХВАТКА ЗА АФРИКУ[2]

Как и сто лет назад, второе десятилетие наступившего века ознаменовалось опасным обострением накопившихся в прошлом противоречий и нерешенных проблем между ведущими державами мира. Вновь в непримиримом конфликте столкнулись интересы старых государственных и негосударственных игроков, утвердившихся в предшествующие годы в качестве вершителей судеб на мировой геополитической и геоэкономической арене, и их восходящих «новых» государственных и негосударственных конкурентов. Противоречия начала XX века, эпохи, когда раздел мира на огромные колониальные империи достиг своих естественных географических пределов, и марксисты-социалисты, и их консервативные оппоненты именовали «межимпериалистическими». Эти противоречия привели к двум мировым войнам, так и не закончившимся безусловным господством в мире только одного из участников. Не случайно, что некоторые мировые политические лидеры рассматривали происходившие в первой половине XX века события как одну незавершенную «большую войну» за роль конечного победителя.

Холодная война завершилась распадом СССР и быстрым перетеканием большинства его прежних союзников в лагерь Организации Североатлантического договора (НАТО). На исторически короткий промежуток времени на планете установилась иллюзорная ситуация «конца истории» — выявления пресловутого «конечного победителя» и установления однополярного мира во главе с этим новым гегемоном.

Однако объективные законы развития не позволяют ситуации оставаться неизменной неопределенно долго. Неравномерность социально-экономического развития

[1] Директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, профессор кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук. Автор более 250 научных трудов, в т. ч. 11 монографий: «Новая роль Африки в мировой экономике XXI века», «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» (в соавт.), «Арабский город на рубеже тысячелетий», «„Возникающие“ и „несостоявшиеся“ государства в мировой экономике и политике» (в соавт.), «Африканская миграция: опыт системного анализа», «Население Африки в новой глобальной экономике» и др. Член редколлегий научных журналов «Азия и Африка сегодня», «Ученые записки Института Африки РАН», «Конфликтология», «Контуры глобальных трансформаций».

[2] Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России», подпрограмма «Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России».

государств и их альянсов, возвышение одних государственных, субгосударственных и негосударственных акторов и ослабление позиций других сначала размыли, а к настоящему времени практически полностью разрушили ситуацию однополярности в мире.

С началом XXI века наступил новый этап развития мировой цивилизации — ее постепенный переход к полицентричной модели. На международной арене новые акторы постепенно меняют правила и условия игры. Баланс глобальных сил смещается с Запада на Восток и с Севера на Юг. Международные отношения также преобразуются в результате воздействия так называемых больших вызовов. Растет экономическая мощь Китая и Индии, которые уже сегодня по объемам валового внутреннего продукта (ВВП) (12,263 и 2,488 трлн долл. в 2017 г. по обменному курсу соответственно) занимают второе и седьмое места в мире, обогнав не только Россию, но и такие страны, как Италия, Канада, Испания и Австралия[1]. А по паритету покупательной способности Китай (23,301 трлн долл.) и Индия (9,449 трлн долл.) вышли в 2017 году на первое и третье место соответственно (на втором находится США)[2], полностью опровергнув все прогнозы весьма уважаемых корпораций Goldman Sachs и PricewaterhouseCoopers, эксперты которых считали, что лишь к середине XXI века эти страны окажутся в десятке лидирующих экономик планеты[3]. Иными словами, все процессы, происходящие в современном мире, с одной стороны, все более ускоряются, а с другой — становятся все менее предсказуемыми. Учитывая эти факторы, исследователи и эксперты, несмотря на конъюнктурные моменты, предсказывают ускоренный рост экономических потенциалов стран Востока и Юга.

При этом существующая система международных институциональных структур, определяющая правила игры в современной политике и экономике, по-прежнему настроена на интересы стран так называемого золотого миллиарда. Иными словами, растет конфликт между глобальным «экономическим базисом», который все более смещается с Запада и Севера на Восток и Юг, и глобальной «надстройкой» — политическими, военными, финансовыми и информационными институтами и инструментами управления, которые действуют в рамках Вашингтонского консенсуса. Противостояние приобретает все более острые формы, проявляясь в региональных вооруженных конфликтах, в информационных войнах с использованием всех без исключения средств, в том числе технологий манипулирования общественным сознанием, навязывания единственно верной, по мнению «старых игроков», системы подходов к тем или иным событиям и исповедования системы «западных ценностей».

Многополярность как новое вызревающее мироустройство, как никогда прежде, нуждается в системе двухсторонних и многосторонних геостратегических сдержек и противовесов, исключающих или, по крайней мере, минимизирующих опасность глобального вооруженного столкновения.

На этом фоне происходит переоценка сравнительной значимости и роли регионов мира как зон столкновения интересов участников обновленного соперничества. В условиях крайней нежелательности сверхопасной прямой конфронтации между «старыми» и «новыми» игроками возросло геостратегическое и военно-политическое значение «периферийных» зон соперничества: Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки.

Африке до последнего времени отводилась роль «аутсайдера» в мировом хозяйстве. Еще более ускорил отставание стран региона от передовых направлений экономики переход развитых стран на постиндустриальную и инновационную модели развития. Изощренные «программы структурной адаптации», навязанные африканским странам Бреттон-Вудскими институтами, усугубили бедственное положение африканского населения. Широко разрекламированные Западом обязательства по помощи развитию не выполнялись будто бы из-за отсутствия средств. Богатейшие африканские ресурсы нещадно эксплуатировались бывшими метрополиями и другими западными государствами. В самих африканских странах сохраняется высокий уровень коррупции. По результатам работы Комиссии Африканского союза (АС) высокого уровня во главе с бывшим президентом Южно-Африканской Республики (ЮАР) Т. Мбеки установлено, что незаконный отток капитала из Африки за последние 50 лет составил более 1 трлн долларов, а ежегодный превышает 50 млрд долларов. Все это привело к тому, что доля континента в мировом ВВП до сих пор не превышает 3 % (по паритету покупательной способности — 5 %), а в мировом экспорте товаров и услуг — 2,5 %[4].

Но ситуация постепенно меняется. В настоящее время Африка развивается достаточно успешно. За последние 10 лет, несмотря на кризисные явления, среднегодовые темпы прироста достигали на континенте 4–5 %, что было существенно выше среднемировых показателей, а экономика 15 стран Африки растет сегодня на 7–8 % в год, то есть даже быстрее, чем в Китае. К тому же Африка обладает огромным демографическим «бонусом» — молодым населением, прирастающим быстрыми темпами и формирующим как современные рынки труда, так и колоссальный потребительский рынок. В результате Африка сегодня в стратегическом плане превращается в один из самых перспективных регионов мира, и западные страны, понимая, что в неравной конкурентной борьбе с новыми мощными экономиками Китая и Индии они проигрывают, пытаются найти новые «источники подпитки» для своего развития и находят их на Африканском континенте.

В последние годы ведущие мировые державы и центры экономической силы синхронно пришли

[1] http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-2017 (дата обращения: 09.07.2018).

[2] https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD (дата обращения: 09.07.2018).

[3] http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/BRICs-and-Beyond.html ; https://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html (дата обращения: 09.07.2018).

[4] https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/African_Economic_Outlook_2018_-_EN.pdf (дата обращения: 24.07.2018).

к осознанию высокой значимости ресурсного, человеческого и нарастающего экономического потенциала Африки в формирующейся новой модели глобального развития и мировой экономики. Следствием этого понимания стало усиление экономической экспансии в данный богатый ресурсами регион всех без исключения государств, претендующих на роль весомого игрока на мировой арене и значимой силы в будущей мировой экономике. Их задача — закрепиться в регионе путем инвестирования в имеющиеся и складывающиеся экономические цепочки. Это даст возможность не ограничиваться лишь торговыми связями с африканскими странами, а закрепиться в Африке на перспективу, гарантируя поступление существенного объема эксклюзивных ресурсов, которыми обладает континент, для собственного, в том числе инновационного, развития в новых экономических условиях.

В условиях разлома мирового экономического, политического и культурного пространства борьба за ресурсы и рынки, сохранение или завоевание экономических, политических и культурных позиций на африканском направлении между старыми и новыми игроками будет непрерывно нарастать и затронет все без исключения сферы деятельности человека.

Блок «старых игроков» рассматривает Африку прежде всего с трех точек зрения: прогнозируемых перспектив глобального экономического развития, ресурсной и военно-геополитической. Все три аспекта рассматриваются через призму соперничества с главными, как считается, существующими и потенциальными соперниками и конкурентами. В роли последнего видят прежде всего Китай и в несколько меньшей степени (особенно если говорить о Тропической Африке) — Россию. Одновременно Запад внимательно следит за возрастающей активностью и влиянием в этом регионе соперников «второго эшелона» — Индии, Бразилии, Ирана, Турции, монархий Персидского залива, обеих Корей.

Геостратегическое значение континента, естественно, предопределено его географическим положением в качестве южного флага НАТО — точками и театрами, контролирующими морские коммуникации, проходящие через Красное море, из Персидского залива и — шире — всего Индийского океана, а также по Южной Атлантике.

Официально в Африке больше всего военных баз и значимых стационарных военных объектов, юридически базами не именуемых, у Франции (Джибути, Габон, Кот-д'Ивуар, Реюньон, коморский остров Майотта, Сенегал). Также подобными объектами в африканском регионе обладают Англия (Кения, остров Вознесения, Британская территория в Индийском океане), Италия (Джибути), Индия (Мадагаскар, Сейшелы, Маврикий), Япония (Джибути), Турция (Сомали).

Американские военные создали обширную сеть из более 60 форпостов и пунктов размещения в Африке. В настоящее время часть из них используется, а часть является резервными или, как утверждается, закрыты, но, возможно, временно. Сюда относят базы, лагеря, коммуникационные центры/точки, порты. Все это охватывает как минимум 34 государства на континенте. Формально подобные пункты считаются не базами, а «точками сотрудничества в области безопасности» (Cooperative Security Location — CSL) и служат якобы для временного базирования «в основном провизии и амуниции».

Зачем нужны эти базы? Что они охраняют? Декларируется, что их главная задача — защита критически важных коммуникаций НАТО, поддержание мира, предотвращение конфликтов в Африке и борьба с угрозой терроризма и пиратства. Не приуменьшая роли иностранных контингентов в решении хотя бы части декларируемых задач, нужно признать, что для всех вышеперечисленных государств указанные объекты являются прежде всего важными элементами утверждения их геополитической значимости и международного проецирования своей военной силы.

При этом внешние игроки, заинтересованные в использовании богатейших африканских ресурсов и рынков, активно вмешиваются во внутренние дела африканских государств, подливая масло в огонь конфликтов, боевых действий и «цветных революций».

На рубеже XX–XXI веков темпы роста экономик стран «золотого миллиарда» замедлились, что привело к некоторому сокращению масштабов потребления в развитых государствах. По нашим многочисленным опросам, проведенным в Германии, Италии, Испании, Франции и Великобритании, жители этих стран впервые за всю послевоенную историю отмечают, что сегодня они живут хуже, чем пять лет назад. И это связано не только с миграционным кризисом, но и с исчерпанием внутренних факторов развития западных государств в рамках существующей модели развития. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации, эти страны (в первую очередь США, теряющие роль мирового гегемона) наращивают мощь военно-промышленного комплекса и развязывают локальные и региональные конфликты под видом продвижения так называемых идеалов демократии и борьбы с терроризмом. Создание ряда военных командований на территории Африки с целью мнимого разрешения конфликтов, содержание там многочисленного воинского контингента, развитие военной инфраструктуры, в том числе поддержание старых и создание новых военных баз, поставки вооружений прозападным африканским режимам и другие подобные действия не только служат цели расширения и успешного (в том числе с экономической точки зрения) функционирования военной индустрии США и стран Европейского союза (ЕС), но и обеспечивают контроль за африканскими ресурсами, имеющими стратегическое значение.

Несмотря на многочисленные и нередко успешные попытки сохранить Африку в качестве объекта мировой экономики и политики, континент все более обретает «субъектность» в международных отношениях, а его развитие в ближайшие десятилетия сможет, на наш взгляд, изменить его положение в новой модели мирового развития.

Темпы прироста ВВП в среднем по Африке южнее Сахары, по прогнозам аналитиков, в ближайшие десятилетия (начиная с 2020-х гг.) вновь могут превысить 5 %. В пяти странах они уже сейчас превышают 7 %

годовых. Это Буркина-Фасо (8,4 % в 2017 г.), Эфиопия (8,1 %), Кот-д'Ивуар (7,3 %), Танзания (7,2 %) и Гана (7,1 %). В условиях ломки старой и вызревания новой экономической модели мира некоторые аналитики предрекают, что к 2050 году африканская экономика может вырасти с 2,2 трлн (данные на 2017 г.) до 29 трлн долларов и превзойти по объему ВВП США и Европейский союз[1].

Возможности экономического роста для Африканского континента расширяются благодаря начавшемуся в конце 2016 года повышению цен на сырьевые товары, однако не этот фактор является определяющим для африканского развития.

Начиная с 2030-х годов Африка, по имеющимся прогнозам, в том числе сделанным в Институте Африки РАН, превратится в важнейший и почти уникальный глобальный стратегический резерв источников сырья в рамках Грядущей (новой) производственной революции — NPR, Next (в других документах — New) Production Revolution. Африканский континент занимает сегодня ведущие позиции в мире именно по тем сырьевым товарам, которые не имеют аналогов и жизненно необходимы для развития оборонных и инновационных технологий XXI века. Другими словами, целый ряд металлов, импортируемых странами НАТО (алюминий, кобальт, хром, литий, колтан и т. п.), приобретает военно-стратегическую значимость. Так, например, уровень зависимости военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов Америки от импорта из некоторых стран Африки южнее Сахары (Демократической Республики Конго (ДРК), Южно-Африканской Республики (ЮАР), Зимбабве и др.) цветных и редких металлов, технологически необходимых для производства современных видов вооружений, в частности двигателей для военной авиации, достигает 60 %, а по кобальту превышает 70 %.

Другими важнейшими факторами ускоренного развития Африки выступают расширение масштабов потребления на внутренних рынках африканских стран, диверсификация экономик ряда государств континента за счет повышения доли услуг и промышленности, существенное улучшение делового климата в результате совершенствования инвестиционного законодательства и постепенной стабилизации внутриполитической ситуации. За последние семь лет страны Африки значительно повысили свой индекс конкурентоспособности. А такие страны, как Руанда и Маврикий, где соответствующий индикатор достиг величины 4,49, а также Ботсвана (4,29), Кения (3,9), Эфиопия (3,77), Сенегал (3,74), Кот-д'Ивуар (3,7) и Гана (3,69) превзошли по данному показателю успешно развивающиеся экономики Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Камбоджу и Мьянму, где данный индикатор не превышает 3,6[2].

По рейтингу doing business, три африканские страны — Маврикий (25-е место), Руанда (41-е место) и Марокко (69-е место) — опережают такие страны, как Индонезия (72-е место), Китай (78-е место) и Индия (100-е место)[3].

Иными словами, по инвестиционной привлекательности Африка ничуть не уступает азиатским лидерам развития, а по некоторым позициям и превосходит их.

Однако основным триггером развития африканской экономики в 2000-е годы стал рост частного потребления. По нашим подсчетам, его вклад в экономический рост в данный период составлял от 40 до 60 %. В среднем частное потребление в Африке росло в период с 2010 по 2018 год на 3,7 % ежегодно[4]. Такой прирост потребления в значительной степени обеспечивается быстрорастущим африканским населением и ускоренным формированием среднего класса, который уже сегодня составляет примерно 350 млн человек, или треть населения Африки. По нашим подсчетам, объем внутреннего потребления континента, который в 2017 году превысил 920 млрд долларов США (в 2008 г. он составлял 680 млрд), может увеличиться к 2030 году до 2,2 трлн долларов. И произойдет это в значительной степени за счет увеличения покупательной способности среднего класса, численность которого вырастет по меньшей мере вдвое[5].

Таким образом, используя свои конкурентные преимущества в ресурсной сфере, активно балансируя между старыми и новыми партнерами, привлекая финансовые и технологические ресурсы, активизируя человеческий капитал, современная Африка постепенно превращается во влиятельного игрока в мировой политике и экономике, в необходимое звено в противостоянии «большим вызовам».

Проведенный в Институте Африки РАН эконометрический прогноз-анализ показал, что кривая индикатора «стратегическая заинтересованность в регионе внешних игроков» во временно́й промежуток 2020–2025 годы быстро меняет угол и кривизну подъема от плавного и пологого к резкому и крутому. Эта тенденция, по прогнозу, сохранится как минимум в ближайшие два десятилетия.

При этом, по нашим оценкам, значимость субрегионов Африканского континента будет возрастать асинхронно. Сегодня наибольший стратегический интерес у старых и новых игроков вызывает зона Южного Средиземноморья, куда входит не только Северная Африка, но и Сахель, включающий такие страны, как Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерия, Камерун, Чад, Судан и Эритрея.

В 2020-е годы резко повысится стратегическое внимание к зоне Большое Красноморье, частично перекрывающейся южно-средиземноморской зоной. К ней относятся страны Африки и Азии с выходом к Красному морю (в том числе, помимо ранее упоминавшихся Египта, Эритреи и Судана, Джибути, Израиль, страны Аравийского полуострова, архипелаг Сокотра, Сейшельские острова и далее вплоть до архипелага Чагос)

[1] *Abramova I.* Potential of the African Continent in the Updated Strategy of Development of the Russian Federation // African Studies in Russia. Yearbook 2014–2016. Moscow, 2017. P. 7.

[2] http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index- 2017-2018/competitiveness-rankings (дата обращения: 04.07.2018).

[3] http://www.doingbusiness.org/~/media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf (дата обращения: 13.07.2018).

[4] Рассчитано нами по: World Bank. 2017. World Development Indicators 2017. Washington, DC.

[5] Рассчитано нами по предыдущим источникам и по: https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page29.

плюс не имеющий выхода к побережью африканский хинтерланд, включающий Эфиопию, Южный Судан, восток Чада и север Кении.

С конца 2020-х годов начнется бурный рост значимости юго-восточного и южного субрегионов Африки (Танзания, Мозамбик, Зимбабве, ЮАР и сопряженные территории), известного в западных стратегических разработках как Южный конус Африки.

В ближайшие 10 лет ведущие полюса глобальной силы усилят борьбу за доминирование в субрегионе Северной Африки и Сахеля. Усилившаяся в последние месяцы активность и готовность западных фондов проводить и финансировать совместные с российскими научными центрами «исследовательские» мероприятия и дискуссии именно по этому субрегиону косвенно подтверждает это. Регион тесными узами связан в первую очередь с Европейским союзом, своим ближайшим северным соседом. И речь идет не только о географической близости, хотя в районе Гибралтарского пролива расстояние между Европой и Африкой не превышает 14 км. Борьба за африканские, в том числе нефтегазовые, ресурсы — одна из важнейших, но не единственная экономическая причина активизации европейцев в зоне Северной Африки и Сахеля. Страны субрегиона — важный рынок для продукции и технологий европейских государств, вступающих на африканском поле в конкурентную борьбу с другими игроками, в первую очередь с США, Китаем и Россией.

Регион Красноморья, по прогнозам, в 2020–2030 годах будет переживать экономический бум и, как следствие, рост геостратегической значимости, проистекающий из его активной интеграции в глобальные инфраструктурно-транспортные и информационно-коммуникационные цепочки. В немалой степени это связано с усилением к нему внимания в рамках проекта Нового шелкового пути и мегапроекта «Китайская мечта». Уже сейчас субрегион стал объектом ускоренного создания военных баз внешних для Африки центров силы — четкое свидетельство его стратегической долгосрочной значимости для ведущих мировых полюсов. (На африканском фланге субрегиона уже созданы или строятся военные базы и объекты США, Франции, Китайской Народной Республики, Саудовской Аравии, Италии, Федеративной Республики Германия, Турции, Объединенных Арабских Эмиратов, Японии и др.).

Рост геостратегической значимости Южного конуса Африки прогнозируется на более отдаленную перспективу — примерно на 15–20 лет — и будет зависеть от интенсивности введения в коммерческий оборот недавно открытых огромных, но труднодобываемых углеводородных ресурсов в Мозамбикском проливе и стратегического сырья (главным образом руд с содержанием редких и редкоземельных металлов в зоне Медного пояса и южном Зимбабве) в увязке и в зависимости от интенсивности включения Китаем этих ресурсов в обеспечение своего стратегического потенциала.

В страновом плане можно выделить три потенциально значимых региональных центра силы в Африке южнее Сахары и один в Северной Африке. Каждый из них на среднесрочном (7–12 лет) или долгосрочном (15–20 лет) горизонте прогнозирования сможет претендовать и на значимую роль, выходящую за рамки Африканского континента. В Субсахарской Африке речь идет о ЮАР, Нигерии и Эфиопии. В Северной Африке это Египет. Главные факторы, выступающие в пользу этих стран, — быстрорастущее население (191 млн в Нигерии, 105 млн в Эфиопии, почти 100 млн в Египте и 55 млн в ЮАР)[1], мощная по региональным масштабам (Нигерия, Египет, ЮАР) или быстрорастущая экономика (Эфиопия), значительные по меркам континента вооруженные силы — неоспоримые достижения и амбиции в борьбе за роль «африканского лидера» и/или «локомотива развития» континента (африканский аналог роли Германии в Евросоюзе, интеграционная модель которого принята Африканским союзом за образец).

Россия, к сожалению, только в последние 2–3 года осознала важность использования «африканского вектора» при решении стратегических задач собственного экономического развития. Во многом этому способствовали санкции, введенные западными государствами. Российским экономическим операторам до сих пор не хочется выходить из «зоны комфорта» и переориентироваться с западного на южное направление. Но делать это придется. О развороте в сторону Африки свидетельствует принятое на коллегии Министерства иностранных дел в мае 2018 года решение о разработке новой стратегии взаимоотношений Российской Федерации и африканских государств. Предыдущая стратегия была принята в 1994 году и уже не отвечает интересам ни России, ни Африки. В этом плане настоятельно необходимо радикальное усиление внимания Российской Федерации к африканскому направлению, включая политическую, экономическую и культурную (особенно в сфере образования и подготовки кадров) составляющие.

Важнейшим шагом в развитии российско-африканских отношений станет проведение первого в истории не только Российской Федерации, но и СССР полномасштабного российско-африканского саммита в Сочи в октябре 2019 года с участием большинства лидеров африканских государств и Президента Российской Федерации В. В. Путина. В рамках большого саммита будет организован экономический форум «Россия–Африка» с участием глав государств Африки и руководителей международных организаций. Россия пытается вернуть утраченные в 1990-е годы позиции на континенте, но сделать это с каждым днем становится все труднее, учитывая растущую день ото дня конкуренцию, смену африканских элит, снизившиеся финансовые возможности Российской Федерации. Вот почему нашей стране необходимо определить наиболее перспективные для политического и экономического взаимодействия африканские страны и отраслевые приоритеты сотрудничества и сконцентрироваться в первую очередь на них.

Поставки промышленных товаров в африканские страны могут стать одним из факторов развития несырьевых отраслей российской экономики и способствовать выполнению задачи повышения доли несырьевого экспорта Российской Федерации, сформулирован-

[1] The World Factbook. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2119rank.html (дата обращения: 31.07.2018).

ной В. В. Путиным в майских указах 2018 года. Речь идет, в частности, о выпуске железнодорожной, агропромышленной, транспортной техники, производстве сельскохозяйственной продукции, атомных, космических, медицинских, радио- и цифровых технологиях.

В Африку России надо вернуться всерьез и надолго, не просто для того чтобы не отстать от других, а четко осознавая необходимость взаимодействия с африканцами на всех направлениях. Активное российско-африканское сотрудничество позволит обеим сторонам извлечь геополитические и геоэкономические дивиденды, способствуя развитию их экономик и укрепляя позиции Российской Федерации и африканских государств на международной арене.

Э. Агаши[1]

ЗАГАДКА ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ

Познание будущего

Человечество всегда стремилось узнать свое будущее, и чтобы удовлетворить любопытство, зачастую обращалось за помощью к посредникам — избранным, которые якобы могли общаться с богами (например, к пророкам) или были наделены даром видеть будущее (такие прорицатели есть в каждой культуре и по-прежнему существуют даже в развитых обществах). С наступлением современной эпохи произошло обмирщение прежних верований. Известно, что предсказание появления на небе кометы Галлея в 1758 году существенно повысило интеллектуальный и социальный престиж естественных наук в XVIII веке. Если говорить о сравнительно недавних временах, то в 1919 году подтвердилось предсказанное гравитационное отклонение света, что стало решающим фактором в принятии теории относительности Эйнштейна.

Предсказание и детерминизм

Общей интеллектуальной основой этих явлений был неизменный детерминистический взгляд не только на физическую природу, но и на существование человека и исторические события. Это мировоззрение прекратило свое существование, когда начали высказываться предложения, как применить новые естественные науки *на практике*, и четкое понимание детерминистических естественных механизмов позволило выработать *механизмы*, которые использовались на благо человечества и вносили свой вклад в решение различных проблем. Выгодное сочетание природного детерминизма и творческих способностей человека в процессе изобретения машин подтверждало тезис, что именно развитие науки и технологий является сутью *прогресса*. Это центральная идея позитивизма, который в свое оправдание предлагает рассматривать соответствующую перспективу будущего человечества: концепция *предсказуемости* уже была заложена в модели технологических *машин*.

Действительно, в машине нет ничего загадочного, поскольку ее строение и то, как она функционирует, известно еще *до* создания самой машины; это следствие грамотного использования на практике научных знаний, с помощью которых можно объяснить, как и почему машина действует в соответствии с *проектом*. Это объясняет восхищение людей машинами в XVIII–XIX веках: раз мы способны предложить машинную модель для трактовки конкретного физического процесса, складывается впечатление, что мы его полностью понимаем. Соответственно, тот же подход можно применить к нефизическим процессам (например, к психическим или социальным), тем самым мы сможем осмыслить их как проявления определенных идеализированных механизмов. Понятно, что постичь их удастся, лишь проигнорировав множество характеристик смоделированной системы, но зачастую эти характеристики не столь важны, а в ходе последующего усовершенствования предложенного механизма они и вовсе будут устранены.

Ограничения механистических моделей

Такие механистические модели приносят интеллектуальное удовлетворение, поскольку позволяют *понять* тот или иной аспект реальности благодаря проведению *аналогий* с более знакомыми аспектами или посредством абстрактной идеализации. Однако если использовать их для *прогнозов* в исследуемых сферах, появляется ограничение таких моделей. Обычно в качестве причины ограничения называют количественную природу модели, подчеркивая тот факт, что любая аналогичная модель содержит лишь малое число параметров, в то время как в указанной сфере их гораздо больше, и если бы мы постарались учесть все параметры, то нам пришлось бы иметь дело со множеством уравнений, а одновременный контроль за ними представлял бы собой колоссальную вычислительную задачу. В заявленном объяснении, пожалуй, есть доля истины, но его нерациональность становится неоспоримой, если учесть, что развитие компьютерных технологий предоставило нам вычислительные средства,

[1] Профессор Университета Генуи (Италия), Панамериканского университета Мехико (Мексика), иностранный член РАН и Мексиканской академии наук, доктор философии. Автор более 80 книг и около 1 тыс. научных статей, в т. ч.: «Научная объективность и ее контексты», «Методологический поворот в философии», «Идея общества, основанного на знаниях» и др. Главный редактор журналов «Epistemologia» (Италия) и «Bioethics UPdate» (международное издание), член Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редакционных коллегий нескольких международных научных журналов и энциклопедий. Почетный профессор университета Фрибура (Швейцария). Почетный президент Международной академии философии науки (Брюссель), Международной федерации философских обществ (FISP), Международного института философии (Париж) и др. Почетный доктор девяти университетов и академических институтов.

с помощью которых можно решать столь сложные задачи. В популярной литературе часто заявляют, например, что современный компьютер за несколько минут может произвести расчеты, для которых раньше требовалось привлечь сотни хороших математиков, которые непрерывно работали бы на протяжении нескольких веков. Аналогичным образом в популярной литературе 1970-х годов, посвященной искусственному интеллекту, можно найти заявления о том, что если бы человеческий мозг с миллиардами нейронов был компьютером, то по размерам (учитывая уровень развития компьютерных технологий в то время) он сравнялся бы с Эмпайр-стейт-билдинг, а для обеспечения его функционирования потребовалось бы столько энергии, что пришлось бы одновременно задействовать десятки современных электростанций.

От количества к комплексности

Неубедительность позиции, на которой строятся столь популярные примеры, заключается в том, что она акцентирует внимание на *количестве* и игнорирует *комплексность*. Исключительно количественные проблемы, вероятно, можно решить с помощью мощных вычислительных аппаратов, но комплексность обеспечивает новый компонент — *взаимодействие* различных параметров, которое можно представить в виде модели, а это, как известно, приводит к возникновению множества трудных задач даже при небольшом числе параметров. В математике данное явление называют *нелинейностью*. Этот термин впервые ввел Анри Пуанкаре в известном труде, посвященном «задаче трех тел» (1889–1890). Задача концептуально проста: рассматривается единственный пример физического взаимодействия — взаимное гравитационное притяжение материальных тел, описанное ньютоновским законом, которое является *детерминистическим* и позволяет точно определить, состоит ли система только из двух тел. Однако если начать рассматривать три тела, то окажется, что применение этого детерминистического закона не даст общего решения, позволяющего вовремя спрогнозировать динамическое поведение системы, поскольку спустя короткий промежуток времени, на протяжении которого это поведение в достаточной степени детерминировано, начнется рост непредсказуемости (часто такое явление называют хаотичным поведением). Тем не менее в этом хаотичном движении можно найти определенные закономерности. Однако все сложные и точные математические выводы не могут отменить того факта, что комплексность существенно препятствует созданию прогноза, даже если речь идет только о детерминистских действиях.

Маршруты, карты и компас

Понятие линейности можно изобразить наглядно. Например, если система находится в положении S_0 в момент времени $t = 0$, а порядок точности равен ε, мы сможем предсказать, что в момент времени $t = n$ с тем же порядком точности ε система будет находиться в положении S_n. Нелинейность, напротив, проявляется, когда реальное положение системы S_n в момент времени $t = n$ не только существенно отличается от первого — линейного — случая, когда его можно предсказать, но и не поддается определению посредством иного математического метода.

Смысл вышеприведенных размышлений заключается в том, что самая рациональная и эффективная стратегия планирования индивидуальных или коллективных действий не может основываться на мечте о поиске точных прогнозов, которые обеспечат детерминистические механизмы. Понимание того, что реальные ситуации всегда являются *комплексными*, разрушило оптимистическую (и наивную) уверенность в правоте методологического подхода, негласно предполагавшего, что все в физическом мире, включая события, происходящие с человеком, заранее предопределено, поэтому необходимо лишь выяснить маршруты и составить карты этой огромной территории. Согласно данной точке зрения, если мы хотим добиться заданной цели, то должны найти на карте подходящий маршрут движения, который приведет нас к этой цели. К сожалению, как мы видим, таких карт не существует.

Какой же вывод можно сделать? Что мы потерялись? Что все, что нам осталось, — просто гадать и надеяться на удачу? Необязательно, просто нужно изменить свое мировоззрение. Вместо того чтобы мечтать о несуществующей карте, стоит задуматься о том, как можно изучить неизведанную территорию. Если и есть инструмент, способный помочь в этом деле, то это определенно компас, указывающий *направление*, в котором следует двигаться. Данный инструмент особенно полезен, если человек ясно представляет, какой цели намеревается достичь. В этом случае можно время от времени корректировать свой маршрут, при необходимости сделать крюк, чтобы обойти препятствия или нехоженые пути, но в итоге у человека всегда будет *ориентир* относительно направления, в котором он движется.

Ценности-ориентиры

Образ компаса предоставляет возможность преодолеть внутренние ограничения прогноза: все, что нам нужно, — четкие критерии для *ориентации*, которые можно определить с помощью конкретных *основных целей* или *ценностей*, способных вдохновить на индивидуальные или коллективные поступки (в зависимости от рассматриваемой ситуации). Основополагающая характеристика таких целей — их выбирают не потому, что они являются инструментом для достижения чего-либо еще, а потому, что они ценны *сами по себе*.

Любой поступок человека — неважно, индивидуальный или коллективный — характеризует достижение заданной главной цели и использование стратегий или действий, которые считаются наиболее подходящими в сложившихся обстоятельствах. Обычно комплекс действий состоит из нескольких сегментов, каждый из которых имеет в принципе одинаковую структуру глобального действия, подчиненного общей цели (в том смысле, что оно является средством достижения данной цели). Как следствие, такие сегменты допускают вариативность и гибкость, а возможное внесение поправок и систематизация структуры рациональ-

но обоснованы изменившимися условиями, появлением неожиданных препятствий или объектов на пути к цели, которые навязывают или предполагают изменения с целью сохранения *ориентира* при достижении общей цели. Следовательно, стабильность цели является непременным условием гибкости различных действий, используемых для ее достижения, а значит, общая цель в определенном смысле *безусловна*, в то время как промежуточные цели отдельных сегментов условны.

Очевидно, общая цель, чтобы играть столь важную роль, должна быть по-настоящему *безусловной*, а значит, должна представлять большую ценность *сама по себе*, как уже говорилось ранее, тогда она сможет придавать смысл рассматриваемым индивидуальным или коллективным поступкам. Таких ценностей не найти в науке и технологии, внутренняя логика и структура которых, как правило, являются *гипотетическими*. В связи с этим следует проанализировать кризисную ситуацию, в которой оказалась современная цивилизация, по-видимому, полностью понадеявшись на технические науки в решении всех человеческих проблем. Технические науки наделили человечество колоссальной властью, но не сориентировали в том, как воспользоваться ею. Сегодня требуется все больше интеллектуальной энергии и заинтересованности в том, чтобы дополнить технологический и научный прогресс этической, социальной и духовной составляющими. На этом основании мы смогли бы определить ориентир, который подсказал бы нам, каким образом заставить прогресс работать на благо человечества. Такое заключение нельзя назвать неожиданным: это лишь следствие достаточной осведомленности о *комплексности* «мира жизни», а значит, о том, что ни одно явление нашего мира не может предложить верное решение глобальных проблем. Они требуют одновременной взаимосвязи всех сфер комплексного мира.

Возникновение

Есть еще одна важная причина сложности соотношения прогноза и комплексности. Общеизвестно, что с концепцией комплексной системы тесно связано фундаментальное понятие *возникновения*. Оно заключается в понимании того, что комплексная система представлена несколькими взаимосвязанными подсистемами, каждая из которых характеризуется особыми свойствами и функциями. Глобальная система, однако, обладает свойствами и функциями, отличными от свойств и функций подсистем, хотя в то же время они зависят от правильного функционирования и надежных взаимосвязей между подсистемами. Живой организм — яркий пример такой взаимозависимости и возникновения. Возникновение — это нечто совершенно новое, то, что нельзя логически вывести или случайным образом создать с помощью простой последовательности действий. Оно требует особой организации и обеспечения межсистемных взаимодействий. Впрочем, это лишь половина дела, поскольку существование, качества и функции глобальной системы также зависят от отношений с *окружающей средой*, от отношений, которые можно назвать внесистемными, учитывая конкретную систему, но которые при этом являются и внутрисистемными в более широком смысле.

Строго говоря, признаки возникновения чего-либо непредсказуемы. Тем не менее существует понимание, что их все же можно спрогнозировать. Подобное происходит, когда система динамично *развивается* сама по себе, то есть когда она последовательно проходит несколько стадий, сохраняя идентичность, но при этом приобретая (или утрачивая) определенные качества, свойства, функции. В этом смысле понятным примером являются живые организмы: превращения насекомого начинаются с яйца, затем оно проводит несколько недель в форме личинки (похожей на червя), потом становится куколкой и на несколько недель оказывается в полной изоляции и наконец выходит наружу в виде «идеального насекомого» — красивой бабочки. Это яркий пример сочетания возникновения и предсказуемости. Впрочем, многочисленные примеры, связанные с живыми организмами, не охватывают радикального значения прогноза, которое связано с тем, что еще не произошло, но должно произойти. На самом деле череду последовательных шагов в индивидуальном развитии организма можно считать наблюдаемыми закономерностями: в этом случае определенные признаки возникновения появлялись в заданной последовательности по мере развития организма. Следовательно, прогноз того, что конкретный живой организм, за которым мы наблюдаем в настоящий момент, проявит конкретные специфические черты через определенный промежуток времени — всего лишь вопрос научной индукции. Поэтому истинный прогноз относится к событиям будущего, которые не имеют прецедентов в прошлом и которые, по нашему мнению, могут либо с большой вероятностью произойти спонтанно, либо стать результатом наших более или менее успешных действий.

Создание будущего

Особое значение прогноз приобретает во втором случае, поскольку он сопряжен с *ответственностью* за последствия поступков, которые мы намереваемся совершить. Теоретически доказано, что, когда мы действуем исходя из комплексной природы реальности, наши поступки влияют на всю систему, и мы не сможем узнать, в какой степени это предопределит неожиданные изменения в системе и какой вклад будет внесен в *возникновение* непредсказуемых ситуаций. В этом смысле внедрение технологических новшеств является парадигматическим, а потому требует проявления *благоразумия*, которое не совпадает с широким пониманием осторожности, а имеет более глубокое философское значение и оценивается комплексно (проводится оценка аспектов, ценностей и ограничений с целью принятия мудрого решения). Интересный факт заключается в том, что, давая благоразумную оценку, следует стремиться к достижению максимального уровня предсказуемости, что обычно зависит от знаний в сфере науки и техники (в широком смысле). Основное значение знаний в первую очередь состоит в определении действий, которые *не стоит* предпринимать, поскольку имеющиеся научно-технические знания позволяют

определить их негативные последствия. Кроме того, основываясь на научно-технических знаниях, рекомендуется определить, какие действия окажут положительное воздействие и будут иметь минимум негативных побочных эффектов, при этом помня о том, что могут возникнуть непредвиденные ситуации.

Вышеприведенные тезисы подкрепляют два довода. Первый — при проведении последнего анализа будущее представляется единственным доступным нам временным пространством, где мы способны что-то предпринять, потому что прошлое уже случилось и его события нельзя исправить, а настоящее быстротечно, стремительно проходит и просто «открывает дверь» в будущее. Следовательно, будущее — единственное подходящее пространство для наших действий. Второй довод связан с предсказуемостью. Мы уже отметили ограниченность прогноза, в частности ограничения, связанные с нелинейностью динамики комплексных систем. Тем не менее с точки зрения логики невозможно представить действия в будущем без определенной доли предсказуемости. Следовательно, предсказуемость также неизбежна. Частично решение данной проблемы связано с допущением, что на начальных этапах развитие динамического комплексного процесса близко к линейному, а значит, при создании приемлемого и правдоподобного прогноза мы можем полагаться на имеющиеся *тренды*. Именно поэтому мы должны использовать знания в области науки и технологии, прогнозируя будущее, при этом не теряя бдительности в вопросе снижения надежности наших прогнозов с увеличением их временнóго диапазона.

Глобализация

Однако по-прежнему не вполне известно, какое воздействие окажут внесистемные условия, которые мы относим к *окружающей среде* (не в привычном значении «экологические природные условия», а в более широком понимании), особенно на фоне усиления *глобализации*, которая непосредственно связана с ростом этнического и культурного плюрализма, влияющего на общие представления о максимальном уровне «нетрадиционных» ценностей, определяющих человеческое поведение и общие взгляды.

Речь идет о таком значимом современном явлении, как миграция. Сегодня, говоря о миграции, мы имеем в виду нечто совершенно новое — не просто общепринятый факт, что отдельные лица покидают родину и отправляются за рубеж в поисках более подходящего места жительства по разным причинам (один хочет устроиться на хорошую работу, а другой вынужден эмигрировать по политическим мотивам). Данное явление существовало на протяжении всей истории человечества и касалось отдельных лиц или небольших групп лиц, которых считали эмигрантами на родине и иммигрантами на новом месте жительства. Но сегодня, когда мы говорим о миграции, подразумевается перемещение целых групп населения, пересекающих границу уже заселенной территории с целью остаться там. Данное явление не является чем-то новым, подобное уже несколько раз случалось в истории человечества и приводило к глубоким изменениям. Самый известный пример — так называемое Великое переселение народов, которое в итоге привело к падению Западной Римской империи в конце V века и положило начало эпохе Средневековья. В давние времена миграции, как правило, предпринимали кочевники (которые веками совершали набеги, грабили и пр.), затем они возвращались к кочевому образу жизни, но в конечном счете становились постоянными оккупантами части захваченной территории и постепенно смешивались с местным населением. Сегодня кочевников почти не существует, а миграция коснулась людей, населяющих определенную территорию, или граждан конкретного государства, которые покидают свою страну, чтобы поселиться в другом месте.

Существенная новизна данного явления требует изучения природы, причин и форм современной миграции, которая за последние десятилетия стала более «эффектной» в силу своих масштабов: ежедневно сотни людей прибывали в страны Европы, их присутствие породило много политических, социальных, экономических и дипломатических проблем, обусловило напряженные отношения и споры, всколыхнуло общественность.

Отличительной характеристикой современной миграции является то, что большие группы мигрантов, имеющих одну и ту же этническую принадлежность, обладают определенной *культурной идентичностью*, представленной разнообразными традициями, нравственными и социальными нормами, религиозными убеждениями, общими представлениями о естественной среде, природе человека, положении мужчин и женщин, составе семьи, природе и структуре общества, образе жизни, силе традиций и т. д. Эти группы культурно отличаются не только от населения стран, в которые они прибывают, но и от других групп мигрантов, что приводит к «столкновению культур», глубина и последствия которого непредсказуемы и различаются в зависимости от конкретной страны и ряда факторов. Некоторые страны в силу исторических причин уже имеют определенный «мультиэтнический» опыт и пытаются повторить его в соответствии с различными моделями, в то время как для других стран такая ситуация в новинку, а значит, им сложнее с ней справиться, поскольку она оказывает непосредственное влияние на *конкретные действия* и поступки, что неизбежно проявляется и в общественной жизни.

Толерантность и диалог представляются единственным способом найти удовлетворительное решение *возникшей* проблемы нашего века, которое не будет носить свободного от обязательств релятивистского характера и не станет наигранным поиском единой модели рациональности и морали в поиске верного решения. Однако это самый серьезный вызов нашего времени, и его разумное решение — единственная альтернатива насилию.

Ш. Азиз[1]

ГЛОБАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ВЫЗОВЫ ПРОГНОЗИРУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

Глобализированный характер жизни в современном мире оказывает трансформирующее влияние как на микро-, так и на макроуровне. С помощью глобализации нам удается конструировать новые геоэкономические нормы, постоянно трансформирующие глобальные отношения. Резонансный эффект глобализации уже достиг самых отдаленных мест. Он открыл рынки в такой степени, которая ранее была недоступна, создавая новые возможности и помогая миллионам людей выбраться из нищеты. Эти изменения в сочетании с новыми важными разработками, такими как программа «Один пояс — один путь», в значительной мере перекраивают экономическую карту Евразии.

В процессе развития экономика испытывает все возрастающую потребность в изменениях и ослаблении контроля для поддержания темпа их роста. При этом важно сосредоточиться на инновациях, повышая их продуктивность и продолжая создавать добавленную ценность. Развивающиеся страны должны переходить от производства комплектующих или товаров, которые затем продаются под брендом компаний других стран, к разработке собственных брендов, признанных на международном уровне. Они должны отдавать предпочтение исследованиям и разработкам высокотехнологичной продукции, которую можно экспортировать на мировом уровне.

Через три четверти века после окончания Второй мировой войны мы вновь сталкиваемся со стремительными изменениями геополитической среды. Запад перестает играть решающую роль в балансе сил, по мере того как Восток занимает все более заметное положение. Мы все чаще наблюдаем эволюцию глобальных центров влияния. Сегодня Соединенные Штаты Америки понемногу уходят с мировой арены, в частности это касается роли, которую они играют на Ближнем Востоке, и призывов к другим нациям занять более влиятельное положение в НАТО. Роль существующих многосторонних альянсов также становится менее значимой; внимание ключевых действующих игроков переключается с внешних на внутренние проблемы. В то же время мы наблюдаем возврат к противостоянию времен холодной войны.

Многие страны занимают негибкую позицию. Старый миропорядок становится все менее пригодным, однако новая структура для поддержания мира и безопасности наций еще не сформирована. В результате мы полагаемся на устаревшие способы сотрудничества и институты по его поддержанию. В то же время мы являемся свидетелями новой волны фундаментальной глобальной трансформации. В предыдущем веке мир изменился более фундаментально, чем когда-либо за всю историю человечества. И в настоящее время темп изменений растет с рекордной скоростью.

Изменения, с которыми мы сталкиваемся в нашем все более взаимосвязанном и глобализированном мире, также приобретают беспрецедентный масштаб. К ним относится в том числе распространение экстремизма и терроризма, угроза экономических кризисов, кибератак, эпидемий и отрицательных последствий конфликтов. Величайшим вызовом нашего глобализированного мира является то, что проблемы, возникающие в отдаленных странах, могут сказаться на ситуации в любой точке мира.

На глобальном уровне связанность является неоспоримым фактором роста. Странам следует прилагать усилия для построения долгосрочных связей и взаимозависимостей как инструмента создания новых рабочих мест, стимулирования экономической деятельности и поощрения развития. При помощи перспективной инициативы «Один пояс — один путь» Китай сделал важный шаг в направлении мобилизации более 60 наций к принятию обязательства по наращиванию связанности — это указывает на то, что движение к новой парадигме наконец-то становится возможным для мирового сообщества. Тем не менее, чтобы этот шаг в направлении укрепления связанности действительно укоренился, необходимо продолжать развивать сотрудничество между странами — участницами инициативы, а также другими нациями. Следует признать рост разногласий в других частях мира, а также внутри общества (по любым вопросам — от расовых и религиозных различий до роста неравенства доходов и возможностей) и принять соответствующие меры, исключающие его эскалацию. Для стран, принимающих на себя обязательства по укреплению связей, важным условием должна стать демонстрация положительного влияния такой политики на экономический рост, благосостояние и благополучие общества. Таким образом следует показать привлекательную сторону нового, еще более взаимосвязанного мира, в котором территориальные конфликты наконец-то станут частью прошлого.

Один из наиболее серьезных вызовов, с которыми мы сталкиваемся как мировое сообщество, — демографическая ситуация. В странах с развитой экономикой эта проблема проявляется в сокращении численности населения и его старении, что постоянно увеличивает нагрузку на социальные службы. В других частях мира, напротив, наблюдается демографический бум. С учетом этих тенденций жизненно необходимы широкомасштабные образовательные реформы. Молодежь, начинающая трудовую деятельность, должна быть профессионально подготовлена, чтобы иметь максимальное количество возможностей трудоустройства. В про-

[1] Премьер-министр (2004–2007), министр финансов (1999–2004) Пакистана. Старший научный сотрудник Оксфордского университета (Великобритания), доктор делового администрирования. Автор ряда научных и публицистических трудов, в т. ч.: «От банковского дела до тернистого мира политики», «Современные общемировые проблемы и национальные интересы» и др. В 2001 г. экономическими журналами Euromoney и The Banker признан лучшим министром финансов года. Почетный доктор юриспруденции Института делового администрирования Университета Карачи (Пакистан). Лауреат премии «Глобальное лидерство в сфере исламской экономики».

тивном случае мир рискует получить отчужденное поколение, не ощущающее своей вовлеченности в жизнь общества и своей значимости для него, что может привести к целому ряду социально-экономических и политических проблем. Напротив, раскрытие потенциала и профессиональных способностей молодых людей может стать важным фактором мирового роста. Политические деятели должны сосредоточиться на максимальном раскрытии талантов молодежи, чтобы способствовать росту благосостояния во всем мире.

Около 800 млн человек продолжают жить за чертой бедности и страдать от голода. В странах, вовлеченных в конфликты, доля детей, не посещающих школы, возросла с 30 % в 1999 году до 36 % в 2012-м. Вместе с тем с момента принятия Целей развития тысячелетия (ЦРТ) наблюдается существенный прогресс. ООН называет ЦРТ наиболее успешным в истории движением против бедности. Количество населения с доходом менее 1,25 доллара в день сократилось с 1,9 млрд в 1990 году до 836 млн в 2015-м. В то время как в реализации многих ЦРТ был достигнут существенный прогресс, данный процесс в разных регионах и странах проходит неравномерно, что приводит к значительным разрывам.

Тем не менее предстоит еще многое сделать, чтобы ликвидировать крайнюю нищету 800 млн человек. В 2015 году ООН объявила Цели устойчивого развития, направленные на продолжение работы по искоренению глобальной бедности и фундаментальное улучшение жизни людей по всему миру к 2030 году. Стратегия основана на холистическом подходе, а среди целей есть такие, как повышение гендерного равенства, распространение качественного образования, строительство экологически устойчивых городов и достижение более экологически безопасного роста.

Естественно, что при условии абсолютной бедности вследствие инвалидности, старости или по болезни людям требуется финансовая помощь. Но для устойчивого долгосрочного развития необходимы целевые инвестиции в сферы, которые могут обеспечить максимальный рост. С бедностью лучше всего бороться с помощью не субсидий и грантов, а стимулирования экономической активности и предоставления людям возможностей заработать деньги. Любая инициатива, предполагающая долгосрочное развитие, должна наделять людей, на помощь которым она направлена, полномочиями активно воздействовать на ситуацию. Во многих странах с развивающейся экономикой, опирающихся на сельское хозяйство, обеспечение более дешевыми удобрениями и пестицидами, а также более высококачественными семенами может существенно повысить экономическую активность. В конечном счете любое развитие и рост должны быть основаны на потребности, а потребности каждой страны индивидуальны. Агентства по развитию, государственные органы и международные организации, предоставляющие помощь, должны уметь адаптироваться к потребностям.

Важно создать среду, в которой у людей появятся средства и возможности для открытия бизнеса, приносящего доход. Реализация программ микрофинансирования, то есть мелкого кредитования, может оказать трансформирующее влияние в плане открытия новых возможностей для малого бизнеса и роста активности. Лауреат Нобелевской премии мира и основатель микрокредитования доктор Мухаммад Юнус сыграл ведущую роль в этом процессе: его усилия привели к тому, что Пакистан стал одной из первых стран в мире, закрепивших микрофинансирование на законодательном уровне. Система микрофинансирования впервые позволила миллионам людей получить доступ к кредиту. Некоторые из банков отдавали предпочтение женщинам в качестве заемщиков, что стало важным фактором расширения их прав и возможностей. Другие банки открыли свои филиалы в сельских и пригородных районах.

Правительственные органы несут ответственность за состояние сферы социальных услуг и системы здравоохранения, а также за тщательный мониторинг показателей бедности и адекватную оценку потребностей с целью последующего стимулирования экономической активности и роста доходов в наиболее нуждающихся сферах. Повышение квалификации и профессиональное техническое образование — жизненно важная часть стимулирования экономической активности. В то же время страны должны понимать, что помощь менее благополучным соседям в конечном счете будет способствовать росту экономической активности и безопасности в регионе в целом. Помогая соседу развиваться и преуспевать, вы инвестируете в собственное долгосрочное благополучие. Любая страна заинтересована в благополучном стабильном окружении.

Конфликты остаются наиболее опасной угрозой развитию человечества. Уязвимые, вовлеченные в конфликты страны обычно имеют наиболее высокие показатели бедности. Гендерное неравенство все еще сохраняется, несмотря на рост числа девочек, посещающих школу, а также представительства женщин в парламентах в почти 90 % из 174 стран, по данным за последние 20 лет. Женщины продолжают сталкиваться с дискриминацией с точки зрения доступа к труду, экономическим ценностям и принятию решений на частном и государственном уровне.

Одним из крупнейших вызовов для многих стран является не только поиск способов стимулирования роста, но и обеспечение его равномерности. Вместе с ростом возникает проблема неравенства. Экономист Тома Пикетти предостерегает нас от опасности растущего разрыва между богатыми и бедными. Он утверждает, что неравенство — это системная характеристика капитализма, поскольку капитал прирастает к богатству быстрее, чем его генерирует труд, а также что окупаемость капитала в пять раз выше окупаемости труда. Это означает, что следует выделить ресурсы для решения проблем, созданных неравенством, посредством проведения широкомасштабной реформы социального сектора. Если такой переход не сопровождается осторожной политикой, то его социальное воздействие может быть весьма серьезным. Извлечение выгоды из возможностей, которые предоставляют технологии — от возрастающей автоматизации до так называемых революционных инноваций, обладающих

потенциалом трансформации старой индустрии, может стать важным шагом в направлении вступления экономики в XXI век и высвобождения новых возможностей.

Страны должны выработать способы надежной защиты своих систем от экономических кризисов в будущем. Многие из них все еще переживают последствия недавнего глобального сбоя, но природа экономических циклов такова, что за подъемом всегда следует спад. Вместе с тем предусмотрительная политика и проведение непрерывных структурных реформ могут защитить нас от потенциальных потрясений. Развивающимся экономикам требуются программы непрерывного реформирования для создания новых подходов и возможностей и повышения продуктивности. Структурная реформа поможет отраслевой промышленности приблизиться к мировым стандартам управления и сделает ее более конкурентоспособной. Иностранные инвестиции также предполагают глобальные стандарты и инновации и, кроме того, сокращают вероятность возникновения коррупции, не оказывая влияния на суверенитет.

Только непрерывное реформирование поможет контролировать ситуацию. Это наилучший способ подготовить к росту и обеспечить процветание в будущем для всех стран. Более значительные экономические системы уступают первенство странам с динамичными программами структурных реформ. Не существует ни одной страны или организации, которых не коснулась бы насущная необходимость адаптироваться и реформироваться. Технологический рост обостряет эту необходимость. Все политические деятели должны признать, что во имя процветания экономиками следует управлять при помощи программы непрерывных широкомасштабных структурных реформ. Реформирование страны должно осуществляться безостановочно — изменение является единственной константой.

Страны обычно получают преимущество при реализации программы реформ, в которую включены выход на международный рынок, повышение конкурентоспособности, поощрение внутренних и иностранных инвестиций. Важно создать и поддерживать среду для роста, а также стимулировать предпринимательство и инновации. Правительство отвечает за обеспечение оптимального регулирования и соблюдение закона и порядка. Кроме того, важно сочетать структурные экономические реформы с улучшением социального сектора, повышением уровня грамотности, предоставлением возможностей всем гражданам и принятием мер по ликвидации гендерного неравенства. Это поможет людям взять ситуацию под контроль и обеспечит им лучшее будущее. При этом важно помнить, что реформа — это непрерывный процесс. Это касается как развивающихся, так и развитых стран. Если вы стоите на месте, то вы уже двигаетесь назад.

Мы живем в век небывалых технологических изменений. Мы покупаем более дешевые и качественные товары и услуги, чем те, что были доступны в прошлом. Кроме того, улучшается состояние здоровья, продолжительность и качество жизни людей. «Уберизация» экономики объединяет спрос и предложение новым образом. Все больше услуг переходит к потребителю. Расширяющиеся границы технологий могут стать сильным стимулом роста для руководящих органов всего мира. Они могут облегчить предоставление государственных услуг гражданам, в частности повысить доступность здравоохранения, а также обеспечить более эффективное использование ресурсов. Разработки в области электронного государственного управления могут способствовать оптимизации управления, повышению прозрачности и сокращению количества ошибок. Сокращение контактов между людьми во всех сферах управления сводит к минимуму возможность коррупции.

Тем не менее там, где существуют возможности, непременно есть место вызовам. Вышеописанные трансформации будут иметь последствия — от социоэкономических до геополитических. Привычные способы работы и жизни претерпевают изменения. Для некоторых людей автоматизация означает потерю работы и средств к существованию. Политические деятели по всему миру ищут возможности адаптации общества к значительным изменениям, неопределенному и дробному миру. Они должны найти способы переобучения работников, чье место заняли машины, предоставив им адекватное обучение и новые адаптивные навыки. Растущая проблема неравенства и разрыв между богатыми и бедными могут привести к серьезному конфликту, если не будут приняты необходимые меры. Наши многосторонние институты иногда недостаточно эффективны — требуется реформирование и более эффективная работа ООН, чтобы справляться с вызовами будущего, поддерживая мир во всем мире. В целом сама сложность поставленных задач на внутреннем и международном уровнях является еще одним вызовом для любой страны.

Это означает, что необходимо стратегическое, дальновидное руководство, чтобы в полной мере реализовать возможности, которые дают глобализация, растущая связанность мирового сообщества и технологическая революция. Всем странам требуется эффективное управление изменениями. Правительствам следует сосредоточиться на реформировании систем регулирования по ходу мировых изменений, но делать это нужно осторожно, чтобы не уничтожить инновации. Им следует использовать технологические возможности для обеспечения социальной мобильности, помогая бизнесу справляться с трудностями переходного периода и обучая людей тому, как инновации могут быть им полезны. Государства должны предоставить доступ к обучению навыкам, необходимым для того, чтобы воспользоваться возможностями, которые дают эти изменения. Таким образом страны смогут укрепить успех, достигнутый в ходе реализации программ активизации сотрудничества, продолжая двигаться в сторону благополучного будущего.

А. А. Акаев[1]

МИР ЦИВИЛИЗАЦИЙ — 2100. ШЕСТЬ ПОСТУЛАТОВ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

В последнее десятилетие широко распространилось убеждение в непредсказуемости и неуправляемости будущего развития общества. Это обусловлено усилением хаотичности мирового развития в условиях глобального кризиса, а также тем, что ныне преобладающая индустриальная парадигма обществознания в значительной мере устарела и не отражает радикальных перемен в структуре и динамике современного общества. Представление о непредсказуемости и неуправляемости служит оправданием ошибочности многочисленных долгосрочных прогнозов и стратегической беспомощности властей как на международном, так и на национальных уровнях.

Однако такое представление является глубоко ошибочным. Происходящие в мире радикальные трансформации закономерны и предсказуемы. На них можно и дóлжно оказывать воздействие, опираясь на новую парадигму обществознания, отвечающую реалиям XXI века. Краеугольный камень этой парадигмы был заложен великими мыслителями XX века — Питиримом Сорокиным и Николаем Кондратьевым, Владимиром Вернадским и Никитой Моисеевым, Йозефом Шумпетером и Фернаном Броделем, Василием Леонтьевым и Элвином Тоффлером. Современными российскими научными школами (цивилизационного, русского циклизма, ноосферной, глобального моделирования и прогнозирования технологических и хозяйственных укладов, социодемографических и др.), воспринявшими и синтезировавшими это научное наследие, заложены основы новой интегральной парадигмы обществознания и взаимодействия общества и природы, которые служат важной предпосылкой для надежного прогнозирования и долгосрочного стратегического планирования [5].

На основе этой парадигмы разработаны и представлены в ООН и другие международные организации долгосрочные стратегии устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций, преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития, становления многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций [2].

Можно сформулировать следующие шесть постулатов, вытекающих из указанной парадигмы, которые определяют предсказуемость и управляемость цивилизаций на период до конца XXI века [1].

Цивилизационные циклы. Мир цивилизаций, объединяющий разнообразные локальные цивилизации в глобальную, и мировые цивилизации как исторические эпохи глобальных цивилизаций развиваются в соответствии с закономерностями циклической динамики. Наблюдаются сверхдолгосрочные циклы смены мировых цивилизаций за 10 тысячелетий перехода к цивилизационному развитию человечества: неолитическая, раннеклассовая, античная, средневековая, ранняя индустриальная и позднеиндустриальная мировая цивилизации. За 5 тысячелетий существования локальных цивилизаций произошла смена четырех поколений, при этом действует закон сжатия исторического времени: продолжительность сверхдолгосрочных цивилизационных циклов сократилась с нескольких тысячелетий в эпоху древних цивилизаций до нескольких веков во второй половине II тыс. н. э.

В конце XX века человечество вступило в эпоху завершения индустриально-технической мировой цивилизации, IV поколения локальных цивилизаций и становления интегральной гуманистической цивилизации и V поколения локальных цивилизаций, которые будут преобладать во второй половине XXI века.

Основные контуры новой исторической эпохи определены в трудах лидеров современной цивилизационной школы.

Цивилизационные кризисы. Смена сверхдолгосрочных цивилизационных циклов сопровождается затяжными и глубокими цивилизационными кризисами, усилением хаоса и турбулентности в мировой динамике, обострением политических противоречий. Однако в этом хаосе, по определению нобелевского лауреата Ильи Пригожина, закладываются основы очередной исторической эпохи динамики цивилизации, рождается новый мировой порядок [4].

Именно в такой цивилизационный кризис вступил мир в конце XX века, что выразилось в замедлении экономического роста, углублении периодических экономических кризисов, распространении депопуляции, снижении темпов роста производительности труда, углублении пропасти между богатством и нищетой, энерго-экологическом и геополитическом кризисах, распространении терроризма и войн. В то же время расширяется круг стран, в которых закладываются основы интегральной гуманистически-ноосферной цивилизации. Можно ожидать, что с начала второй четверти XXI века цивилизационный кризис будет постепенно преодолеваться и в середине века новая мировая

[1] Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). Главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова (с 2005 г.), иностранный член РАН, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Научный руководитель Центра фундаментальных исследований Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Автор более 300 научных работ, изобретений и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические, экономические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «Переходная экономика глазами физика», «Новая стратегия В. В. Путина по достижению высоких устойчивых темпов роста российской экономики», «Моделирование и прогнозирование мировой динамики» (в соавт.). «Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики» (в соавт.), «Думая о будущем с оптимизмом: размышления о внешней политике и мироустройстве» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина. Лауреат золотых медалей Н. Кондратьева, С. Кузнеца, В. Леонтьева, золотой медали и ордена В. Вернадского.

цивилизация станет преобладающей в наиболее развитых странах.

Цивилизационная социогенетика. Одновременно происходит процесс трансформации всех шести составляющих генотипа цивилизаций (цивилизационного кода) — природно-экологической и социодемографической, технологической и экономической, социокультурной и геополитической. Развиваются процессы становления ноосферного энерго-экологического способа производства и потребления, социально ориентированного производства при умеренном росте населения, формирования научно-технологической революции XXI века и интегрального экономического строя — социально-ноосферного и инновационно ориентированного становления интегрального социокультурного строя и устойчивого многополярного мироустройства, основанного на диалоге и партнерстве цивилизаций.

Главные контуры нового генотипа становятся все более очевидными в авангардных, восходящих цивилизациях. В то же время в нисходящих цивилизациях все более отчетливо проявляются признаки загнивания и разложения генотипа уходящей индустриально-капиталистической эпохи.

Смена мировых лидеров. Динамика мира цивилизаций характеризуется периодическими колебаниями исторического маятника, сменой мировых лидеров. Если в период Средневековья лидерство принадлежало цивилизациям Востока (китайской, индийской, мусульманской), то в Новое время, особенно в эпоху индустриальной цивилизации, лидерство перешло к западноевропейской, а со второй половины XX века — к североамериканской цивилизации. В числе лидеров были также японская и евразийская (СССР) цивилизации. Однако с конца XX века наблюдается предсказанный Питиримом Сорокиным и Арнольдом Тойнби сдвиг центра творческой активности цивилизаций на восток. Мировыми лидерами становятся китайская и индийская цивилизации. Попытка североамериканской цивилизации закрепить свое доминирование и установить однополярное мироустройство в XXI веке потерпела крах. Евразийская цивилизация пережила очередную катастрофу и начинает возрождаться, утверждая свое лидерство в становлении многополярного мироустройства. Одновременно усилился риск самоубийственного столкновения цивилизаций с применением ядерного оружия. Это делает настоятельно необходимым переход к многополярному мироустройству на базе диалога и партнерства цивилизаций. Решающее значение при этом имеет сопряжение двух мегапроектов, реализуемых на пространстве Большой Евразии: большого евразийского партнерства — инициативы России и инициативы Китая «Один пояс — один путь».

Становление ноосферы и формирование интегральной парадигмы обществознания. Преодоление цивилизационного кризиса и становление интегральной гуманистической ноосферной цивилизации — новый этап становления ноосферы, что обусловлено развитием и эффективным внедрением в практику достижений научной революции XXI века, а также активным использованием ее результатов властными структурами на национальном и глобальном уровнях. Для этого потребуется преодолеть современный кризис науки, обеспечить опережающие темпы ее развития и преодолеть существующий разрыв между властью и наукой. Принимаемые стратегические решения должны основываться на научных достижениях и подвергаться научной экспертизе.

При этом следует учитывать особенность научной революции, отмеченной Томасом Куном: новая научная парадигма рождается вне глобальной науки [3]. Лидерами современной научной революции в обществознании являются общественные академии наук и научные организации. Новая парадигма обществознания в России разрабатывается научными школами, объединенными отделениями исследования циклов и прогнозирования Российской академии естественных наук и отделениями Международной академии глобальных исследований совместно с учеными МГУ им. М. В. Ломоносова. Возник мощный интеллектуальный центр, регулярно проводятся цивилизационные и евразийские форумы, междисциплинарные дискуссии, издаются научные журналы «Партнерство цивилизаций» и «Стратегические приоритеты». Открыта сеть интернет-сайтов, где налаживаются плодотворные связи с зарубежными учеными, тем самым фактически сформированы основы научной платформы для преодоления цивилизационного кризиса и становления гуманистической ноосферной цивилизации, повышения предсказуемости и управляемости будущего развития.

Смена поколений и синтез научно-образовательной и цифровой революций XXI века. Трансформация мира цивилизаций осуществляется на основе действия закона смены поколений. Каждые три десятилетия происходит смена лидирующих поколений. Новое поколение воспринимает наследие, накопленное предыдущими, адаптирует его к новым условиям развития и реализует в течение периода своей творческой активности. В настоящее время завершается период лидерства поколения 1990-х годов и осуществляется переход к лидерству поколения 2020-х. Это поколение находится под ударом глобального кризиса высокой безработицы и готово к радикальным переменам. Однако оно не понимает сути происходящих перемен, содержания кризиса и путей его преодоления, не вооружено ясными идеалами будущего общества. Существующая система образования в значительной мере утратила свою фундаментальность и креативность, черпаемые из Интернета знания существенно искажены и дезориентируют новое поколение. Поэтому огромное значение для становления основ гуманистической ноосферной цивилизации имеет современная революция в образовании и ее синтез с научными и цифровыми революциями XXI века. Главными направлениями трансформации образования являются повышение его фундаментальности и креативности, а также непрерывность и использование современных цифровых технологий для распространения новых знаний, реализующих новую парадигму. На это направлены, в частности, разработанная Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева международная программа цифрового цивилизационного образования, созда-

ние открытого университета диалога цивилизаций, издание циклов учебников для него, публикация международного научно-образовательного журнала «Партнерство цивилизаций». На факультете глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова прочитан цикл лекций «Диалог и партнерство цивилизаций» на основе учебника с предисловием С. В. Лаврова. Предстоит осуществить гуманитарное наполнение информационных сетей для формирования мировоззрения новых поколений в духе восприятия наследия собственной цивилизации, диалога и партнерства цивилизаций.

Таким образом, в настоящее время именно в России, которая находится в эпицентре современного цивилизационного кризиса и в то же время обладает мощными научными традициями, формируется исходная база для повышения предсказуемости и управляемости цивилизационного развития и перехода к новой исторической эпохе. Необходимо, чтобы эта платформа была воспринята и поддержана властными структурами.

Литература

1. *Акаев А. А.* Мир цивилизаций — 2100 : интегральная научная утопия. Диалог трех поколений / А. А. Акаев, Ю. В. Яковец, А. Г. Савойский. — М. : Прогресс, 2019.

2. *Акаев А. А.* Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций / А. А. Акаев, Ю. В. Яковец. — М. : МИСК, 2016.

3. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. — М. : АСТ, 2009.

4. *Пригожин И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М. : Прогресс, 1986.

5. *Яковец Ю. В.* Лидерство российских ученых в формировании интегральной парадигмы обществознания / Ю. В. Яковец. — М. : МИСК, 2018.

Э. Багис[1]

ПОЗИЦИЯ ТУРЦИИ ПО ГЛОБАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ И ПЕРСПЕКТИВАМ ЕВРАЗИИ

Мы живем в эпоху, когда все более актуальным становится слово «стоицизм». Как сказал один философ: «Стоицизм — это способность управлять тем, что в нашей власти, а все остальное принимать как должное».

Философия стоицизма возникла в Афинах в III веке до н. э. Согласно принципам стоицизма, добродетель, включая мудрость, — это счастье, а суждения должны быть основаны на поступках, а не на словах. Мы не в силах управлять внешними событиями и не можем на них полагаться; единственное, что в нашей власти, — наша реакция на них.

Консалтинговая фирма «A. T. Kearney» ежегодно публикует социально-экономические прогнозы, которые впоследствии обычно подтверждаются. Кратко изложу их прогнозы на 2019 год.

1. Торговая война между США и Китаем усилится.
2. Растущий курс биткойна приведет к централизации и укреплению рынка криптовалют.
3. Глобальный кризис в области переработки мусора ускорит появление и развитие новых методов утилизации отходов.
4. Серьезным препятствием на пути мирового судоходства станет ужесточение норм процентного содержания серы в топливе.
5. Дружеские отношения между президентом России Владимиром Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином будут иметь далеко идущие последствия.
6. Охватившие мир тревога и беспокойство приведут к появлению на рынке новых продуктов.
7. Дефицит песка сильно ударит по мировой строительной индустрии.
8. Кризис кредитоспособности, угрожающий вновь возникающим рынкам, усугубится и станет более масштабным.
9. Теснее, чем когда бы то ни было, станут связи между африканскими государствами.
10. Экзоскелеты, показанные в фильме «Железный человек», воплотятся в реальных конструкциях.

Мы живем в сложное и непредсказуемое время. С одной стороны, растущие темпы глобализации облегчают контакты между людьми. С другой стороны, усиливается разделение мира, обусловленное этническими, религиозными и иными факторами. Человечество пытается преодолеть последствия травмы, вызванной этой дилеммой. В то время как одни проповедуют идеи интеграции и единства, другие выступают за строительство стен и политическую изоляцию, что напоминает стремление к протекционизму и изоляционизму, характерное для межвоенного периода. Эти противоречивые тенденции не позволяют нам сплотиться перед лицом возникающих глобальных проблем и делают нас уязвимыми перед ними. Не секрет, что существующая структура ООН, будучи продуктом холодной войны, уже не отвечает насущным нуждам человечества. Поэтому мы решительно призываем к реформированию ООН и Совета Безопасности, руководствуясь принципом «пять стран — это еще не весь мир».

Моя родина, Турция, тоже не застрахована от глобальных и региональных потрясений. Более того, в отличие от некоторых европейских партнеров и союзников, которым больше повезло с соседями, мы находимся в эпицентре многочисленных конфликтов, в регионе с крайне нестабильной обстановкой.

Хочу обратить внимание на непосредственное окружение нашей страны. На юге Турция граничит

[1] Министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013), член Турецкого парламента — представитель Стамбула (2002–2015). Автор многих научных публикаций в журналах и статей в национальных и зарубежных газетах в качестве международного специалиста со стратегическим мышлением и консультанта. Председатель Центра западных исследований и западной платформы в Стамбульском университете «Айдын», член Попечительского совета Стамбульского университета коммерции.

с ближневосточной зоной — наиболее конфликтным регионом в настоящее время. Наши северные соседи — несколько бывших республик Советского Союза, конфликты между которыми пока далеки от завершения. Запад Турции — неотъемлемая часть Балканского региона, где мир и стабильность могут быть нарушены в любой момент. Кроме того, через территорию Турции проходят маршруты беженцев и иностранных террористов; последние представляют собой угрозу не только для нашей страны, но и для всего глобального миропорядка.

Такое географическое окружение требует от руководства Турции мужества, гибкости и активности. Наша позиция — ключ к миру и стабильности в нашем регионе. Очевидно также, что мир и стабильность в регионе являются непременным условием благополучия самой Турции, так что в данном случае выгода обоюдная. Вот почему Турция в своей внешней политике всегда следовала принципам, заложенным ее основателем Мустафой Кемалем Ататюрком. Главный из них — «мир в доме, мир во всем мире».

Чтобы реализовать этот принцип на практике в современных условиях, мы создали новую модель внешней политики, суть которой можно обозначить как «инициативный гуманитарный подход». Как ее понимать?

Во-первых, внешняя политика Турции носит инициативный характер, поскольку мы принимаем активные меры, способствующие поддержанию мира и стабильности как в нашем регионе, так и во всем мире, вместо того чтобы занимать пассивную позицию. Для этого мы создали целый ряд многосторонних региональных механизмов, позволяющих обеспечить возможности для диалога и сотрудничества. К этому следует добавить наши посреднические усилия по мирному разрешению конфликтов. Один из наиболее ярких примеров — отношения Турции и России. Несмотря на трудности в недавнем прошлом, в настоящее время диалог между нашими странами расширяется на всех уровнях и затрагивает все насущные проблемы. Убежден, что нам и в дальнейшем следует сосредоточиться на решении наиболее важных вопросов и расширять наше сотрудничество в различных областях. Именно этой цели служит деятельность Совета по сотрудничеству на высшем уровне, направляемая президентами Путиным и Эрдоганом.

Во-вторых, внешняя политика Турция основана на гуманитарных принципах и не зависит от географических, расовых, религиозных и культурных факторов. Например, Турция помогает Сомали в укреплении безопасности; в качестве члена НАТО вносит активный вклад в укрепление мира и стабильности в Афганистане; в соседнем Ираке делает финансовые вложения с целью реструктуризации экономики страны; в Бангладеш обеспечивает гуманитарную помощь беженцам из Мьянмы; на Гаити участвует в спасательных операциях для помощи жертвам землетрясения.

Что касается помощи Сирии, в настоящее время в Турции находятся более 3,5 млн сирийских беженцев. Средства, потраченные из местных источников на помощь мигрантам из Сирии, превысили 35 млрд долларов США, в то же время взносы, которые наша страна получает от мирового сообщества, намного меньше ожидаемых.

Почему Турция во внешней политике последовательно реализует гуманитарные принципы? Мы считаем, что это единственный способ эффективно разрешить возникающие противоречия до того, как они станут глобальными проблемами.

Я хотел бы также остановиться на региональных приоритетах внешней политики Турции, чтобы избежать недомолвок и разночтений.

Начнем с Балкан. Как я уже отмечал, Турция несколько столетий является неотъемлемой частью данного региона. Помимо этого, в качестве одного из основателей Совета Европы, давнишнего члена НАТО, Организации экономического сотрудничества и развития, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и кандидата в члены Евросоюза, Турция является неотъемлемой частью Запада, и наше понимание балканских проблем в точности соответствует точке зрения наших западных партнеров. Мы активно поддерживаем интеграцию всех балканских стран в евроатлантические структуры. В связи с этим считаем соглашение между Грецией и Северной Македонией важным шагом в разрешении проблемы, связанной с названием страны. Мы в полной мере поддерживаем диалог между Белградом и Приштиной: нормализация отношений между Сербией и Косово — ключ к стабильности на Балканах. Мы также решительно поддерживаем единство, территориальную целостность и стабильность Боснии и Герцеговины и ее интеграцию в мировые процессы. В то же время разные организации и общества, а также, к сожалению, некоторые наши партнеры усиленно пытаются навесить на Турцию ярлык «дестабилизирующего фактора» на Балканах. Эти усилия беспочвенны и противоречат здравому смыслу или же служат другим целям и интересам.

Вернемся к ситуации на Ближнем Востоке. Турция, безусловно, хотела бы видеть в Сирии и Ираке мир, стабильность и процветание. Наша страна пострадала больше других из-за продолжающегося конфликта в Сирии и раскола Ирака. Угрозы, вызванные кризисом в этих странах, непосредственно отражаются на нашей национальной безопасности, поэтому мы неустанно стремимся возглавить совместные усилия по прекращению кровопролития в Сирии с целью поиска политического решения, которое гарантировало бы долговременный мир и стабильность на наших южных границах. В связи с этим считаем сочинское соглашение по Идлибу реальным практическим успехом, поскольку оно позволило предотвратить дальнейшую трагедию, включая новый массовый отток беженцев.

В регионе Восточного Средиземноморья основные проблемы связаны с Кипром. Турция принимала участие во встречах в Кран-Монтана и была полна решимости внести свой вклад в справедливое, жизнеспособное и долговременное решение кипрской проблемы.

Позитивный подход и решимость, продемонстрированные Турцией и турками-киприотами, получили положительную оценку всего международного сообщества. К сожалению, встречи в Кран-Монтана и весь

переговорный процесс, начатый еще в 2008 году, закончились безрезультатно. Турция продолжает считать, что только соглашение, основанное на переговорах, диалоге и дипломатии, поможет принять справедливое и долговременное решение по Кипру. Поэтому мы считаем, что Турции и Греции следует продолжать предпринимать усилия в этом направлении.

То же касается и проблемы эксплуатации углеводородных ресурсов Кипра. Попытки односторонней деятельности, имеющие своей целью исключение и изоляцию турецкого населения острова, вряд ли будут способствовать плодотворному долговременному решению проблем в данном регионе.

Посредством постоянного обмена мнениями на самом высоком уровне необходимо поддерживать открытыми каналы возможного диалога.

Евросоюз. Вступление Турции в Евросоюз на протяжении более пятидесяти лет, которые насчитывает история этого процесса, неоднократно рассматривалось под разными углами зрения. В любом случае вопрос «что произошло с желанием Турции войти в Евросоюз?» является чрезвычайно важным и включает различные аспекты и перспективы.

Турецкие и европейские политологи рассматривают различные точки зрения, высказываемые в Турции, на вхождение (или невхождение) нашей страны в Евросоюз. Они также проанализировали официальные заявления Евросоюза и мнение правого крыла евроскептиков на перспективы Турции в Евросоюзе, приняли во внимание возможные перспективы с точки зрения западнобалканских государств и послевоенной Германии.

Исследователи подчеркивают, что процесс вхождения в Евросоюз способствовал развитию в Турции гражданского общества. Однако на протяжении ряда лет объектом критики является недостаточное внимание к данному вопросу неправительственных организаций.

Следует помнить, что процесс вхождения в Евросоюз — это не только политическая и техническая проблема: разногласия существуют и на социальном уровне. Важным примером в данном случае являются Нидерланды, чьи отношения с Турцией ухудшились в последние годы. Приятно отметить, что положение изменилось в лучшую сторону после прошедших в Нидерландах выборов.

Различные точки зрения высказываются и внутри Турции, отражаясь на отношениях между партиями: если сравнить послевоенные дебаты в Германии с положением в Турции в начале 2000-х годов, можно заметить сходство между Партией справедливости и развития и ранними христианскими демократами в их стремлении к европейской интеграции. В то же время доминирующие партии левой оппозиции — Республиканская народная партия в Турции и Социал-демократическая партия Германии — аналогично выступали против членства в Евросоюзе.

Кратко критическое отношение к вступлению Турецкой Республики в Евросоюз можно подытожить следующим образом: если Турция не стремится к членству в Евросоюзе, то в этом виноваты страны Евросоюза.

Как я уже не раз отмечал в своих прежних публикациях, эпопея с вступлением Турции в Евросоюз вполне может быть включена в Книгу рекордов Гиннесса, поскольку ни одному другому государству не приходилось так долго ждать приема в какую-либо международную организацию. Отношение Евросоюза к Турции иногда в нашей стране воспринимается как оскорбительное, особенно последние несколько лет.

По моему мнению, отношение Турции к Евросоюзу можно сравнить с отношением пациента к врачу-диетологу. Все мы знаем: чтобы вести здоровый образ жизни, нужно соблюдать диету и регулярно делать физические упражнения; следование точным предписаниям квалифицированного диетолога, который регулярно наблюдает за вашим состоянием, всегда помогает. И не беда, если у самого диетолога имеется избыточный вес или повышен уровень холестерина. Но если диетолог начнет оскорблять пациента, то пациент, скорее всего, будет искать другого диетолога или вообще откажется от лечения. Искренне надеюсь, что в ближайшие годы в Брюсселе не возникнет вопроса «из-за кого мы потеряли Турцию?».

Ракетный комплекс С-400. Хотел бы обсудить доклад С. А. Кука «Не друг и не враг: будущее отношений США и Турции», представленный Советом по международным отношениям.

Автор доклада Стивен А. Кук, представитель фонда ЭНИ Энрико Маттеи, специализирующийся на изучении проблем Ближнего Востока и Африки, утверждает, что эпоха стратегических отношений между США и Турцией завершилась и сегодня во многих отношениях Турция выступает соперником и антагонистом США. Кук рекомендует США отказаться от использования военно-воздушной базы Инджирлик, продолжить сотрудничество с отрядами самообороны курдов в Сирии и официально осудить аспекты турецкой политики, подрывающие интересы США.

Такие доклады, публикуемые проправительственными исследовательскими организациями в США, вызывают озабоченность у общественности Турции. К тому же Турция подвергается критике за проведение с Россией переговоров о приобретении комплекса противоракетной обороны С-400, особенно после того, как союзники по НАТО отказались ей предоставить аналогичное оборонительное вооружение.

«Альянс цивилизаций». Нам следует поздравить одного из участников Глобального круглого стола, министра М. Моратиноса Куйяубе, с избранием на пост генерального секретаря «Альянса цивилизаций» ООН. Его большой опыт работы государственным деятелем поможет этой организации предложить решения текущих глобальных проблем.

Недавно я ознакомился с аналитическим докладом Данкварта А. Растоу «Каковы условия, делающие демократию возможной и позволяющие ей работать?». Растоу утверждает, что ключевой вопрос — это не построение демократии, а сохранение ее существующих элементов. В качестве примера для подтверждения своей точки зрения он предлагает сопоставить демократии в США и Скандинавских стран, с одной стороны, и демократии во Франции и Германии — с другой:

две первые оказались неожиданно успешными, а вторые потерпели крах в третьем и четвертом поколении. Также Растоу добавляет, что студенты из развивающихся стран Ближнего Востока, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Центральной Африки не всегда понимают суть демократии; причина тому — различия между странами зрелой демократии (США, Великобританией, Швецией) и странами, стремящимися достичь демократии, такими как Ливан, Турция, Перу и Венесуэла. По этой причине студенты не могут понять, как возникает демократия.

Переход к демократии, по его мнению, возникает вместе с кризисом законной власти, что приводит к расколу между политическими элитами, которые и определяют процесс перехода к демократии, — раскол между прежней элитой, которая стремится к сохранению политической системы, и теми, кто хочет эту систему изменить и представлен оппозицией.

«Основа демократии — это различие, — утверждает Растоу. — Требуются обе формы поведения, чтобы увидеть противоречие между ними. Все это происходит на первом этапе, в процессе становления демократии и ее принятия и демократами, и противниками демократии». Продолжая излагать свое ви́дение, он переходит к вопросу становления демократии: «В конечном счете эффективная модель перехода должна содержать возможность формирования команд, включающих и сторонников, и противников демократии, обеспечивая дальнейший процесс демократизации».

Поскольку незыблемы только перемены, нам придется учитывать принципы стоицизма и «управлять тем, чем мы можем управлять, принимая то, что вне нашего контроля».

Хочу поблагодарить организаторов Международных Лихачевских научных чтений, и прежде всего ректора СПбГУП, профессора А. С. Запесоцкого за то, что мы можем продолжить взаимный обмен мнениями с целью поиска решений стоящих перед нами проблем.

А. Беблер[1]

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

Практика использования штрафных санкций против другого государства (или государств) имеет давнюю историю. Усиление глобальной взаимозависимости и интенсивность межгосударственных отношений, а также рост числа международных организаций с XIX века значительно расширили диапазон штрафных мер. В последние десятилетия практикуются экономические, административные, коммуникационные, дипломатические, спортивные, культурные и иные санкции, в том числе с применением силы. Такие меры бывают односторонними или взаимными, их применяют отдельные государства или группы стран либо международные организации. Санкции бывают официальными и негласными, обязательными и добровольными и либо соответствуют нормам международного права и правилам международных организаций, либо идут вразрез с ними.

Со времен Второй мировой войны с предъявлением коллективных санкций наиболее активно выступали Организация Объединенных Наций (ООН) и Европейский союз (ЕС). Поскольку введение санкций со стороны ООН требует согласия или хотя бы нейтралитета пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, данное требование исключило эти страны, а также их ближайших союзников и подконтрольные им государства, из списка мишеней ООН. Большинство санкций ООН в форме эмбарго вводились против стран Африки и Азии: эмбарго на поставку вооружения, запрет на поездки, арест активов, запрет на товары, транспортные и дипломатические ограничения, запреты на распространение стратегически важных товаров и финансовые ограничения. В ряде случаев эти меры применялись в сочетании друг с другом. Две трети случаев составляют четыре меры: эмбарго на поставку вооружения, запрет на поездки, арест активов и запрет на товары. Из 26 режимов санкций, введенных ООН с 1996 года, 13 действуют до сих пор. Большинство санкций ООН носят штрафной характер, но считается, что некоторые из них вводятся ради содействия демократии, оказания помощи правительствам и режимам, работающим над мирным решением конфликтов, либо в целях нераспространения ядерного оружия и борьбы с терроризмом.

Европейский союз ввел санкции против 34 стран, в основном располагающихся на территории Африки, Азии и Латинской Америки, а также против четырех организаций. Кроме того, мишенью торговых, финансовых и административных санкций ЕС стал ряд европейских стран и территорий — Беларусь, Босния и Герцеговина, Молдова, Сербия, Черногория, Украина, а с 2014 года еще и Российская Федерация, Крым и две самопровозглашенные республики — Донецкая и Луганская — на юго-востоке Украины.

Официально заявленной причиной введения санкций, как правило, является ответ на некие нарушения международного права указанными странами, которые

[1] Почетный профессор политических наук факультета общественных наук Университета Любляны (Словения), изучал различные предметы на уровнях бакалавриата и аспирантуры в Словении, Сербии, России, США, Великобритании и Франции, получил степень доктора политических наук в Пенсильванском университете (Филадельфия, США). Автор и соавтор около десяти книг на разных языках и нескольких сотен статей в профессиональных журналах. Его последняя книга на английском языке — «Замороженные конфликты в Европе» (2015). Посол и постоянный представитель Республики Словения в Организации Объединенных Наций в Женеве (1992–1997). Член Исполнительного совета Международной ассоциации политических наук (2006–2009). Президент Евро-Атлантического совета Словении.

якобы подвергли угрозе мир и безопасность, разрабатывая оружие массового поражения, используя запрещенное химическое оружие, грубо нарушая права человека в отношении собственного населения, поддерживая терроризм, предоставляя разрешение на незаконную торговлю наркотиками или спонсируя ее, и т. д. В некоторых случаях также утверждалось, что международное сообщество несет ответственность за защиту пострадавших.

К наиболее актуальным вопросам, связанным с международными санкциями, относится рассмотрение преднамеренных и непреднамеренных политических, экономических, социальных и иных последствий для стран, подвергающихся санкциям, и для стран-исполнителей. *Заявленные и негласные задачи торговых, финансовых, транспортных и иных аналогичных санкций всегда носят политический характер. Данные меры основываются на предположении, что их дестабилизирующее воздействие на экономику, общество и психологическую обстановку вынудит лидеров государства, в отношении которого введены санкции, желаемым образом изменить политический курс или лишит их власти. Таким образом, истинная эффективность международных санкций определяется исключительно объективной оценкой их политического воздействия на заданное государство или территорию в соответствии с заявленными или негласными целями.*

Со времен Второй мировой войны США были государством, которое чаще других вводило односторонние международные санкции и (или) инициировало расширение санкций против других стран. В данном исследовании рассматриваются результаты нескольких показательных примеров введения санкций за последние 60 лет. На основании этого обзора можно будет сделать вывод об обоснованности заявленных целей, а также об эффективности текущих односторонних санкций США либо введенных по их инициативе против Российской Федерации.

Односторонние санкции США и санкции по их инициативе против стран Латинской Америки, Азии, Африки и Европы

За последние семьдесят с лишним лет США применяли односторонние штрафные меры против 25 стран Африки, Азии, Латинской Америки, а также против трех европейских стран или территорий. Кроме того, США и другие страны Запада инициировали и реализовали ряд санкций против нескольких стран Азии, Африки и Европы, введенных ООН и другими международными организациями.

Одним из наиболее продолжительных для США является опыт санкций против **Северной Кореи**. Впервые их ввели в начале 1950-х; чуть позже к ним добавились торговые и финансовые ограничения ООН, а также запреты на поездки и другие меры. С 2003 года к ним относится запрет на ввоз товаров в Северную Корею и вывоз из нее (включая нефть и оружие), запрет гражданам Северной Кореи работать за рубежом, путешествовать, осуществлять финансовые операции и т. д. В 2017 году США расширили пакет санкций, включив в него штрафные меры против юридических лиц и физических лиц из третьих стран, ведущих бизнес с Северной Кореей. Европейский союз, Япония и многие другие страны в той или иной степени поддержали санкции, введенные Советом Безопасности ООН. Эти меры нанесли серьезный вред экономике Северной Кореи и благосостоянию большей части населения страны. Впрочем, трудности, связанные с санкциями, не помешали впечатляющим достижениям Северной Кореи в разработке и испытании ядерного оружия, а также ракет средней и большей дальности. Ни угроза уничтожения, объявленная президентом США Дональдом Трампом на Генеральной Ассамблее ООН, ни прямые переговоры лидеров двух стран не привели к желаемому результату — закрытию ядерной и ракетной программы Северной Кореи, не говоря уже о крахе коммунистического режима.

Первые односторонние санкции США против **Ирана** были введены вскоре после Иранской революции 1979 года. В частности, были арестованы активы в американских банках и введено полное торговое эмбарго. Позже санкции были отменены, но в 1987 году введены снова и усилены. В 2006 году Совет Безопасности ООН по предложению США представил новые санкции, включающие запрет на поставку материалов и технологий для создания ядерного оружия, эмбарго на поставку вооружения и т. д. Кроме того, Европейский союз и некоторые другие государства ввели ограничения на сотрудничество с Ираном в сфере торговли, финансовых услуг, энергетики, страхования и перестрахования иранских компаний и др. Такие меры были приняты, чтобы заставить Иран выполнить свои обязательства по нераспространению ядерного оружия. Изначально США и Израиль объединяла общая цель — свергнуть исламистский режим. В дополнение к введенным международным санкциям США оказали поддержку вооруженной оппозиционной группировке «Организация моджахедов иранского народа» (ОМИН), действовавшей из Ирака, совместно с Израилем организовывали диверсии против ядерной программы Ирана и совершили воздушные налеты на иранские войска в Сирии.

Пакет санкций существенно снизил ВНП Ирана и уровень жизни значительной части населения страны, увеличил объемы контрабанды и повысил связанную с ней коррупцию. По имеющимся сведениям, созданный санкциями дефицит стал причиной десятков тысяч преждевременных смертей в Иране. Кроме того, санкции позволили сторонникам исламистского режима обвинять Соединенные Штаты в невзгодах иранского народа. Санкции усилили режим, его репрессивный аппарат и внутреннюю легитимность. Годы санкций внесли свой вклад в достижение соглашения между Ираном, западными странами и Российской Федерацией в октябре 2015 года, согласно которому Иран сокращал разработку ядерного оружия под наблюдением Международного агентства по атомной энергии в обмен на отмену большинства санкций. Принятое в мае 2018 года решение президента Дональда Трампа о выходе из данного соглашения подтвердило, что Вашинг-

тон не сумел добиться желаемых результатов посредством санкций.

Ирак стал мишенью санкций ООН в августе 1990 года. Их инициатором выступили США в ответ на вторжение Ирака в Кувейт. Однако освободить оккупированное государство Ирак вынудили не санкции ООН, а вооруженные силы США и союзников, готовых поддержать их. Позже ООН расширила санкции, аргументировав их сначала тем, что Ирак якобы располагал оружием массового поражения, а затем — разработкой баллистических ракет и содействием терроризму. Санкции ООН включали ограничения на импорт большого перечня товаров, на экспорт нефти и вынужденное распределение экспортной выручки, а их соблюдение обеспечивали вооруженные силы США. Санкционный режим ООН действовал почти 13 лет, был существенно ослаблен в августе 2003 года и полностью прекратился в декабре 2010 года. Санкции оказали крайне негативное влияние на экономику Ирака, а также на социальную сферу и систему здравоохранения. Доход на душу населения в Ираке упал почти в девять раз, что обрекло на нищету и лишения большую часть населения страны. Массовое недоедание и нехватка медикаментов стали причиной множества преждевременных смертей среди детей. Однако санкции не ослабили, а, напротив, даже усилили режим в стране. Военная мощь Ирака, как и технические возможности разработки оружия массового поражения, были снижены. Предположения США позволили им оправдать вторжение американских и британских войск на территорию Ирака в марте 2003 года. Однако, как выяснилось, их обвинения были сфабрикованы и не соответствовали реальному положению дел. Настоящей целью было свержение режима Баас, угрожавшего стратегическим интересам США на территории богатого нефтью Ближнего Востока. Того, что оказалось не по силам санкциям ООН, удалось достичь грубой силой и восьмилетней оккупацией, за которую более 150 тысяч человек, в основном иракцев, заплатили жизнью, а экономика обеих стран, Ирака и США, понесла огромные убытки.

Часть **Югославии**, в состав которой входили Сербия и Черногория, попала под действие самого масштабного пакета из 140 санкций, введенных Организацией Объединенных Наций в сентябре 1991 года. Резолюцию 713, первую из предложенных СБ ООН, вынесли на обсуждение США и еще несколько государств. Общее и полное эмбарго на поставку вооружения ввели в ответ на явную причастность Сербии к действиям, представлявшим угрозу миру и безопасности в Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также во всем регионе. Последующие санкции были рассчитаны на полную изоляцию Югославии посредством почти абсолютного торгового эмбарго, прекращения воздушного сообщения и какого бы то ни было сотрудничества со страной, в том числе в области спорта. Впоследствии ограничения были ужесточены: введен запрет на транзит любых товаров, в том числе бензина; на все коммерческие рейсы морских судов; югославские морские и воздушные суда, а также другие транспортные средства, находящиеся за пределами страны, были конфискованы; НАТО и Западноевропейский союз стали контролировать побережье Адриатического моря и Дунай; представителей Югославии отстранили от участия в деятельности международных организаций и т. д. Санкции ООН причинили существенный вред экономике и обществу Югославии. ВВП страны упал примерно в три раза по сравнению с 1990 годом. Вынужденная изоляция страны и прочие запреты разрушили промышленность, стали причиной массовой нехватки продовольствия, гиперинфляции и нищеты для значительной части населения; негативно сказались на общественно значимых услугах, способствовали резкому росту контрабанды и коррупции, массовой эмиграции и т. д. Однако санкции не остановили осаду Сараево боснийскими сербами, гражданскую войну, этнические чистки и зверства в Боснии и Герцеговине. Конец боевым действиям положили бомбежки США и связанные с ними принудительные меры Запада, а также первая миссия НАТО за пределами зоны ответственности (IFOR). Действие большинства санкций было временно приостановлено в октябре 1996 года для содействия Дейтонским соглашениям о мире в Боснии и Герцеговине. Но в июне 1998 года США снова ввели финансовые санкции и другие штрафные меры, чтобы заставить правительство Сербии прекратить преследование албанцев в Косово. Однако новые ненасильственные санкции явно потерпели неудачу. Достичь заявленной цели удалось посредством бомбардировок США и других стран — членов НАТО в марте–июне 1999 года в нарушение норм международного права. В результате погибли две тысячи человек, в том числе гражданские лица, а Сербии и Косово был нанесен огромный экономический урон. За односторонним вооруженным насилием последовало принудительное отделение Косово от Сербии, а еще через два года — крах сербского правящего режима.

Первые санкции США и ООН против **Ливии** были введены в 1979 году. Они включали запрет на торговлю, финансовые операции, поездки и другие ограничения в ответ на программу Ливии по разработке оружия массового поражения (ОМП), поддержку терроризма и организацию террористических актов. В сочетании с насильственными мерами, в том числе воздушными налетами, эти санкции сыграли свою роль в свертывании ливийской программы по созданию ОМП, прекращении террористических актов и содействовали выплате компенсаций жертвам и возмещению ущерба. В 2003 году санкции ООН были сняты, а в феврале 2011 года введены снова в ответ на начало гражданской войны и жестокое подавление правительством Ливии политической оппозиции. Новые санкции включали запрет на полеты и морскую блокаду берегов Ливии. Остановить насилие они не смогли. 19 марта 2011 года американские, французские и британские военно-воздушные силы с разрешения Совета Безопасности начали продлившиеся семь месяцев бомбардировки, чтобы любыми средствами защитить гражданское население Бенгази. Однако страны Запада злоупотребили полученным разрешением, свергнув режим в и без того неустойчивом государстве к октябрю 2011 года.

Вторая по продолжительности и последовательности санкционная кампания США была направлена

против **Кубы**, острова неподалеку от США, на котором расположена военная база Гуантанамо. В 1958 году США наложили строжайшее эмбарго, запрещавшее экспорт каких-либо товаров в Кубу за исключением продуктов питания и медикаментов, практически весь импорт из Кубы, а также продукцию, содержащую кубинские компоненты; ведение бизнеса с Кубой или на ее территории для граждан США и американских компаний; все финансовые операции с Кубой или на ее территории; полный запрет на морское судоходство и гражданские авиаперевозки до Кубы и т. д. Наказанием за нарушение было тюремное заключение на срок до 10 лет. Кроме того, США закрыли посольство и консульство в Гаване.

В качестве официального оправдания для эмбарго и прочих враждебных мер США назвали национализацию Кубой американских компаний без выплаты компенсаций и якобы поддержку «свободы и демократии» в Кубе. Однако истинной целью политики США была смена режима посредством свержения коммунистического правительства Кастро. Эмбарго и многие другие действия США серьезно нарушали международное право и правила Всемирной торговой организации. Применяемые американцами меры неоднократно осуждала Генеральная Ассамблея ООН, с критикой и протестами выступали другие международные организации, в том числе Европейский союз и Организация американских государств.

В апреле 1961 года эмбарго и другие действия США против режима Кастро дополнило вооруженное вторжение кубинских эмигрантов с территории США, организованное ЦРУ. Во время Карибского ракетного кризиса в октябре 1962 года остров подвергся морской блокаде со стороны военно-морского флота США. Более того, на протяжении многих лет власти США допускали, а зачастую поддерживали многочисленные враждебные действия против правительства Кубы, с которыми выступали кубинцы, живущие в США, в том числе террористические акты и попытки убийства Фиделя Кастро.

Более 57 лет американских эмбарго нанесли колоссальный экономический ущерб стране. Национальный институт экономических исследований Кубы оценил его в 28,6 млрд долларов США, правительство назвало значительно большую цифру — 753 млрд. На протяжении почти трех десятилетий преодолеть неблагоприятное экономическое воздействие американского эмбарго Кубе во многом помогал Советский Союз и в меньшей степени — государства Восточной Европы, а потом и Венесуэла. К 1991 году общий накопленный долг Кубы перед СССР оценивался в 35 млрд долларов.

Режим Кастро оказался устойчив и выдержал давление соседа-гиганта. Более того, эмбарго и другие враждебные действия США способствовали подъему антиколониальных и патриотических настроений среди кубинцев и усилили легитимность правления Кастро. Также эмбарго позволили режиму избавиться от значительной части внутренней политической оппозиции, эмигрировавшей в США, и обвинить США в тяжелой жизни кубинского народа, то есть американские эмбарго оказались политически контрпродуктивными.

Спустя полвека президент США Барак Обама публично признал, что санкции против Кубы не привели к достижению желаемых целей. В 2013 году он возобновил дипломатические отношения и лично посетил Кубу. Таким образом, санкционная кампания США против Кубы стала политическим фиаско еще до своего окончания.

Многосторонние санкции Запада и односторонние санкции США против России и Советского Союза

История антироссийских санкций со стороны западных стран насчитывает два с половиной столетия, причем в XIX веке они включали два открытых военных вторжения и несколько войн на территории России. Официальной целью вторжения Франции и ее союзников в 1812 году было принуждение Российской империи к соблюдению запрета на торговлю с Британией. Наполеон объявил санкции, именуемые континентальной блокадой, берлинским декретом в 1806 году. В 1855 году вооруженные силы Франции, Великобритании, Османской империи и Италии вошли в Крым в ответ на политику, проводимую Россией на территории современной Румынии. В XX веке враждебность Запада к Советской России и коммунистическому Советскому Союзу выражалась, в частности, в военных вторжениях Великобритании, Франции, США и Японии (1918–1921), а также в многочисленных экономических и иных санкциях в период 1920–1930-х годов. Чаще всего инициатором и исполнителем антироссийских мер выступала Великобритания. С началом холодной войны первенство в этом и некоторых других вопросах перешло к США, хотя право на второе место по-прежнему оспаривает Великобритания.

В 1948 году США начали новый виток антисоветских и антироссийских санкций, которые продолжались более 70 лет. Основой для них послужили несколько законов, принятых Конгрессом США, особенно «Закон о торговле с враждебными государствами» (1917), «Закон о контроле над экспортом» (1949), «Закон Бэттла» (1951) и несколько правительственных постановлений. Кроме того, США использовали Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ), чтобы заставить другие страны Запада присоединиться к ограничениям и запретам, введенным США в области технологий двойного назначения.

После распада Советского Союза США продолжили применять те же меры против Российской Федерации и добавили еще несколько, в частности «Закон Хелмса–Бертона» (1996) и «Закон Магнитского» (2002). Более того, США оказывали постоянное давление на своих западных союзников, заставляя их ограничить сотрудничество с Россией в экономике и других сферах, в первую очередь сократить импорт российского газа. США выступили инициатором бойкота Зимних Олимпийских игр в Сочи, организовали кампанию, чтобы запретить всем российским спортсменам участвовать в двух последующих Олимпиадах, массово выслали российских дипломатов и т. д. С весны 2014 года США используют укра-

инский кризис для наращивания антироссийской пропаганды, а также для привлечения Европейского союза, других государств — членов НАТО и нескольких стран-кандидатов, таких как Япония, Республика Корея и Австралия, к противостоянию с Россией. Санкции, введенные некоторыми из этих стран, носили преимущественно символический характер и на практике не оказали ощутимого эффекта.

В августе 2017 года Конгресс США принял новый закон, впервые классифицировав Российскую Федерацию как вражеское государство наряду с Ираном и Северной Кореей. Данным законом были введены многочисленные дополнительные санкции, преимущественно в области финансов — официально в ответ на проводимую Россией политику в отношении Ирана, Сирии, Молдовы, Грузии, а также в ответ на предполагаемое вмешательство в американскую кампанию по выборам президента в 2016 году. Второе место в списке предполагаемых прегрешений России играют аннексия Крыма и поддержка повстанцев на юго-востоке Украины. Кроме того, американские федеральные власти конфисковали российскую недвижимость на территории США и приказали закрыть Генеральное консульство РФ в Сан-Франциско.

Так Конгресс США расширил арсенал антироссийских мер в рамках глобальной американской стратегии по ослаблению своих конкурентов в политической, экономической и военной сфере. По словам Дональда Трампа, главными «врагами» Соединенных Штатов являются ЕС, Китай и Россия. В связи с этим возникает вопрос о конкретных целях геостратегии США в отношении Российской Федерации. В их число входят или могут входить: 1) изоляция и сдерживание России, ослабление ее влияния и роли на мировой арене; 2) поддержка «цветной революции» в России и смена режима в Москве; 3) вынуждение России согласиться на дальнейшее расширение НАТО в странах бывшего Советского Союза, особенно на территории Украины и Грузии; 4) возврат Крыма Украине; 5) прекращение поддержки Донецкой и Луганской республик со стороны России и оказание на них давления, чтобы заставить их подчиниться режиму Киева.

В 2014–2015 годах Европейский союз объявил о введении более узкого перечня санкций в качестве меры против политики, проводимой Российской Федерацией в отношении Украины, где не упоминался Крым. ЕС согласился отменить санкции при условии полной реализации Второго минского соглашения по урегулированию ситуации в Донбассе. В отличие от США, Европейский союз не считает Российскую Федерацию своим официальным врагом, хотя отдельные страны Европы имеют другое мнение. Европейский союз в целом и большая часть его стран-участниц находятся в более сложных, более сбалансированных и значительно менее конфликтных двусторонних отношениях с Российской Федерацией. Сотрудничество между ЕС и Россией обеспечивает бóльшую часть торговли, что для российской стороны составляет в общей сложности около 48 %. То же в определенной степени можно сказать о прямых иностранных инвестициях и импорте энергоресурсов из России. «Война санкций» по-разному повлияла на государства, входящие в состав ЕС. Больше других пострадали страны, которые граничат с Россией (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша), а также Чехия и Словакия, где экспорт в общей сложности сократился на 7,1–12,7 %. Однако в денежном выражении от сокращения экспорта больше всех потеряла Германия. Таким образом, «война санкций» негативно сказалась на Европейском союзе, причем на некоторые страны она повлияла сильнее (иногда значительно), чем на США, чья торговля с Россией в 2015 году составляла лишь 0,63 % от общего объема внешней торговли.

Кроме того, санкции Запада негативно повлияли и на российскую экономику. В 2013–2017 годах они стали причиной сокращения экспорта на 32,7 %, импорта — на 27,9 %, а также повлекли за собой существенное падение курса рубля. Правда, введение в 2014 году односторонних санкций США и более широкого пакета экономических и финансовых санкций стран Запада преимущественно совпало с падением цен на нефть и газ в мире. Поэтому крайне сложно аналитически разделить негативное воздействие этих одновременно случившихся событий. По приблизительным расчетам, санкции Запада привели к снижению роста ВНП России на 0,5 %.

В то же время санкции Запада в сочетании с контрмерами, принятыми Россией, привели к некоторым последствиям для российской стороны, противоречащим целям США. Россия перенаправила свои внешнеторговые связи на страны Азии, Латинской Америки и Европы (включая ЕС) и существенно укрепила собственную независимость, а кроме того, увеличила экспорт сельскохозяйственной и некоторых других видов продукции. К 2018 году Россия стала крупнейшим мировым экспортером зерновых и сохранила положение лидирующего поставщика энергоресурсов. Несмотря на давление США, она не только остается крупнейшим продавцом газа в страны ЕС, но и значительно увеличила объемы поставок по сравнению с 2014 годом. После переломного 2016 года негативное влияние санкций Запада заметно ослабло, а переориентация российской экономической политики и изменения в экономике страны имели благоприятные экономические последствия. Такое развитие событий привело к уменьшению, а то и вовсе к исчезновению потенциальных мотивов для того, чтобы пойти на уступки Западу в обмен на отмену санкций.

Заключение

Представленный обзор примеров односторонних экономических и прочих ненасильственных санкций, введенных или инициированных США против малых и средних государств, демонстрирует их крайне низкую эффективность в достижении желаемых политических результатов. Такие санкции США стали причиной ощутимого, а порой и колоссального ущерба, нанесенного экономике, обществу и гуманитарной сфере в странах, ставших их мишенью, и в некоторых случаях привели к нарушению Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах. Тем не ме-

нее ненасильственные санкции большей частью или полностью потерпели неудачу в достижении политических целей США в Северной Корее, Кубе, Иране, Ираке и Югославии. В четырех случаях санкции сопровождались вводом войск — односторонним со стороны США либо коллективным со стороны нескольких стран Запада, причем в трех случаях эта мера имела успех (в Ираке, Югославии и Ливии), а в одном потерпела неудачу (Куба). К списку неудачных санкций можно добавить Сирию, Судан и до настоящего времени Венесуэлу.

Похожий вывод был сделан по итогам исследования эффективности санкций ООН против 65 стран Африки и Азии. Исследование показало, что для достижения заявленных политических целей необходимо использовать как минимум три инструмента одновременно, включая, что примечательно, угрозы или применение силы. При этом только восемь из 65 вариантов санкций ООН оценивались как политически эффективные. Их использовали исключительно против слабых и в основном небольших государств, в высшей степени зависимых от импорта продуктов питания и (или) топлива, не получающих поддержки извне и изолированных в транспортном отношении.

Более чем очевидно, что современная Россия радикально отличается от вышеперечисленных стран, ставших в разное время мишенью санкций. В отличие от ситуации с Крымом в 1855 году, усиление Западом штрафных мер до уровня привлечения вооруженных сил против ядерной сверхдержавы станет настоящим безумием. Так что данную вероятность можно исключить по рациональным причинам, хотя не исключено, в некоторых стратегических планах США рассматривается и такой вариант. Кроме того, угрожать России применением военной силы не имеет смысла. Таким образом, введение США и другими странами Запада новых санкций будет ограничиваться ненасильственными мерами, которые гораздо меньше сказались на России, чем на остальных странах.

Крайне маловероятно, что односторонние санкции США когда-либо достигнут хотя бы одной из политических целей. Также ясно, что никакие санкции Запада, какими бы жесткими они ни были, не вернут Крым Украине. Более того, современная Украина включает части бывших территорий Польши, Чехословакии, Румынии и Молдовы, незаконно и нелегитимно аннексированные в 1940–1947 годах, в отличие от Крыма, присоединившегося к России в 2014 году. Применение антироссийских санкций Европейским союзом (в отличие от США) оказалось иррациональным. Санкции не просто не способствуют достижению политической цели, заявленной Европейским союзом, — реализации Вторых минских соглашений по урегулированию ситуации в Донбассе. Из-за них добиться мирного решения внутреннего конфликта на Украине становится еще сложнее, поскольку они поощряют власти Киева саботировать Вторые минские соглашения. Продолжение внутреннего конфликта на Украине и конфликта между Украиной и Россией имеет смысл для геополитических целей Соединенных Штатов, но определенно не для Европейского союза. В сочетании с принятыми Россией контрмерами санкции ЕС причинили значительный ущерб экономике дюжины стран — членов ЕС, не принося при этом никакой политической выгоды. Кроме того, их побочные эффекты, проявившиеся на Украине, в России и других странах, противоречат намерениям и желаниям Запада.

Так что можно ожидать, что односторонние санкции США и инициированная ими санкционная кампания против России окажется политически неэффективной.

Литература

1. *Екимова Н. А.* Международные санкции в отношении России: неявные выгоды / Н. А. Екимова // Мир новой экономики. — 2018. — № 12. — С. 82–92.

2. *Маркедонов С.* Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты / С. Маркедонов // Постсоветские исследования. — 2019. — Т. 2, № 2. — М. : МГИМО, 2019 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://docs.wixstatic.com/ugd/0206eb_470ae79295cc48d1bac46a613ac920be.pdf.

3. *Морозов В.* Санкции против России : отчет Российского совета по международным делам / В. Морозов. — М., 2018.

4. *Biersteker Th.* Types of UN Targeted Sanctions and their Effectiveness: Research Note / Th. Biersteker, Hudakova Z. — The Graduate Institute Geneva, 2014 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.hlr-unsanctions.org/UN_Targeted_Sanctions_and_Effectiveness.pdf.

5. *Hufbauer G. C.* Economic sanctions reconsidered : uvl. 1 / G. C. Hufbauer, J. I., Schrott, K. A. Elliott. — United Book Press, Inc., 2007 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Ivo_De_Sousa/post/Can_we_evaluate_economic_effectiveness_of_political_sanctions_And_if_yes_how_can_we_measure_it/attachment/59d631ca79197b807798f8eb/AS%3A367657468612609%401464667779377/download/Economic+Sanctions+RECONSIDERED.pdf.

6. *Kacsur Ch. Ir.* Economic Sanctions Targeting Yugoslavia — An Effective National Security Strategy Component / Ch. Kacsur Ir. — Carlisle : US Army war College, 2001.

7. *Moret E.* Humanitarian impact of economic sanctions on Iran and Syria / E. Moret // European Security. — 2015. — №. 1. — P. 120–135.

8. *Moret E.* The New Deterrent? International Sanctions Against Russia over the Ukraine Crisis / E. Moret et. al. — Geneva : Graduate Institute of International Relations, 2016.

9. The Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. — Washington D.C. : US Congress, August 2017.

Н. С. Бондарь[1]

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОМУ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМУ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ СУВЕРЕНИЗАЦИЯ?

Современные процессы мирового развития приобретают все более неустойчивый, непредсказуемый, а порой и опасный характер. В этих условиях естественным становится, казалось бы, вполне закономерный процесс повышения роли права как важнейшего фактора обеспечения стабильности, защиты предсказуемого развития социальной действительности по заданным правовыми нормами координатам движения. Особая роль принадлежит здесь конституциям современных правовых демократий, системе конституционализма в целом, которая — в классическом, формально-юридическом ее понимании — призвана обеспечивать непротиворечивое отражение национальных политических, социально-экономических, правовых систем, соотносить их с универсальными конституционными ценностями, принципами, началами и на этой основе задавать нормативные ориентиры цивилизационного развития.

В полной ли мере отвечает этим требованиям современный конституционализм? Вопрос риторический хотя бы потому, что глубокие противоречия, непредсказуемость современной социально-политической действительности неизбежно отражаются и на системе конституционализма. Пытаясь противостоять, минимизировать с помощью правовых средств и механизмов негативные тенденции, система конституционализма и сама становится объектом активного воздействия негативных явлений политической действительности, испытывает реальные угрозы для самого права, которое И. Кант в свое время назвал «самым святым, что есть у Бога на земле»[2].

Это в полной мере проявилось в связи с влиянием на современную социальную и правовую жизнь так называемых глобализационных факторов, которые оказывают мощное непосредственное воздействие в том числе на изменяющиеся подходы к интерпретации, пониманию, обоснованию, равно как и практической реализации ценностей современного конституционализма.

1. Что становится приоритетным в развитии современного конституционализма — глобализация или суверенизация?

В контексте решения данного вопроса на первый план выходит проблема самой природы, глубинных перемен в законодательстве и в современной правовой жизни в целом[3]. В качестве ответа на него может быть предложен тезис, что в основе сегодняшних глобальных перемен, включая правовую жизнь с ее конкуренцией, столкновением, появлением новых конституционных ценностей (как, например, «конституционно-сексуальное» равенство, равенство однополых браков, которое уже сегодня признано законами около полусотни государств мира, 27 из которых являются членами Совета Европы)[4], лежит не столько политико-идеологическая или тем более «классовая» борьба, сколько социокультурное противостояние, где важная роль отводится в том числе конституционно-правовым инструментам, орудиям противостояния.

Недавний настрой на партнерство цивилизаций, сближение, конвергенцию правовых систем (импульс которому был задан так называемым перестроечным периодом) сегодня трансформируется в противостояние социокультурных цивилизаций[5], их конституционно-правовых систем. Важно при этом учитывать, что сохраняющиеся, но проявляющиеся во все более противоречивых формах процессы правовой глобализации ведут не к улучшению взаимопонимания, преодолению различий, усилению правового и тем более социального равенства, а к углублению неравенства, включая удаление от конституционно значимых ориентиров наднациональных юрисдикционных механизмов с их политизированными двойными стандартами.

В связи с этим возникают принципиально важные в методологическом плане вопросы: действительно ли глобализация способна оказать столь серьезное влияние на современную правовую жизнь, что возможен (и необходим) пересмотр значения национальных конституций и признаваемых ими конституционных ценностей, провозглашение приоритета международно-правовых норм над нормами национальных конституций, а международных юрисдикционных органов — над национальными судебными органами?

В поиске ответов на эти вопросы важно понимать смысл, вкладываемый в само понятие правовой глобализации, которому на международной арене противопоставляется правовой суверенитет и доктрина патриотизма. Примечательными являются прозвучавшие на Генеральной Ассамблее Организации Объеди-

[1] Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий, учебников по конституционному, муниципальному праву, теории и практике развития правовой государственности. Председатель Диссертационного совета по юридическим наукам в Южном федеральном университете. Член редколлегий 9 научных журналов. Награжден орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почетной грамотой Президента РФ. Победитель национальной премии по литературе в области права за монографию «Судебный конституционализм: доктрина и практика» (2018).

[2] См.: http://informsky.ru/filosofia-prava-kanta-1.html. См. также: *Алексеев С. С.* Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М. : Норма, 2015.

[3] Эти вопросы системно исследуются особенно в связи с развитием законодательства. См., например: Научные концепции развития российского законодательства : моногр. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М. : ИД «Юриспруденция», 2015 ; *Хабриева Т. Я.* Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1.

[4] State-sponsored homophobia. A world survey of sexual orientation laws: criminalisation, protection and recognition. 2016. 11th ed. URL: https://www.ilga.org/sites/default/files/02_ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2016_ENG_WEB_150516.pdf.

[5] В этом плане несомненный интерес представляют идеи Сэмюэля Хантингтона (см.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003).

ненных Наций (ООН) 2018 года слова: «Мы отвергаем теорию глобализма и верим в доктрину патриотизма… По всему миру ответственные страны должны противостоять угрозам суверенитету не только со стороны глобальных правительств, но также и иным новым формам соправительства и доминирования»[1]. Еще недавно трудно было даже предположить, что эти слова могут принадлежать не какому-то протестующему на митинге, например, одной из западных столиц люмпен-антиглобалисту, а… президенту США. Но это именно так: Д. Трамп в своем выступлении в ООН жестко противопоставил глобализм суверенитету и патриотизму.

В конституционно-правовом измерении это означает, что глобализационные процессы могут и должны рассматриваться, как нам на этот раз не без оснований напоминают из-за океана, сквозь призму не приоритета норм международного права над национальным законодательством и тем более над конституцией, а в соответствии с идеей патриотизма, в том числе конституционно признаваемого. В этих подходах, провозглашающих антиглобализм, национальный патриотизм в качестве государственной политики — проявление нового взгляда не только на расстановку приоритетов в соотношении универсальных (всеобщих) и национально-специфических начал в конституционном регулировании, но и на степень императивности норм международного права в их соотношении с национальными конституциями в современном миропорядке[2].

С этим непосредственно связана проблема конкуренции конституционных ценностей, лежащих в основе современных процессов глобализации и правового прогресса. Игнорирование мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести (и уже приводит) в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе чего — не сила права, а право силы, отказ от фундаментальных идей демократии и государственного суверенитета.

В связи с этим важно учитывать, что идея государственного суверенитета в ее классическом понимании рассматривается наряду с правами человека в качестве краеугольного камня современного конституционализма. Такой подход получил признание практически во всех современных конституциях. При этом нормативное содержание данного конституционного принципа всегда имеет конкретно-историческое наполнение, что получило применительно к нашей федеративной многонациональной государственности емкое, многоплановое обоснование в решениях КС РФ. В соответствии с этими подходами государственный суверенитет, который предполагает полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на своей территории и независимость в международном общении, един и неделим, он представляет собой основополагающий качественный признак Российской Федерации, характеризующий ее конституционно-правовой статус.

Вместе с тем правоглобализация напрямую влияет на нормативное содержание конституционного принципа государственного суверенитета, предопределяет новые ценностные критерии его реализации и защиты, в том числе с учетом новых подходов в соотношении нормативных систем международного права и национального законодательства. Одновременно происходит взаимное переплетение, диффузия внутригосударственных и международных кризисов, конфликтов и противоречий, а жизнедеятельность конкретного общества и государства подвергается все более активному влиянию со стороны универсальных принципов развития всего человечества.

В этом контексте актуальной становится проблема современных вызовов праву, что во многом является одновременно и отражением глобального кризиса конституционализма.

2. О главных угрозах современному конституционализму

Для понимания, какие основные угрозы стоят перед конституционализмом, и для определения возможностей их минимизации, в том числе с помощью правовых средств воздействия, необходимо учитывать, что конституционно-правовая система в своей основе рефлекторно отражает состояние общества, его экономические, социальные, политические противоречия, а конституция как ядро национальной правовой системы является по своим сущностных характеристикам порождением, отражением и институционно-правовой матрицей разрешения социальных противоречий.

1. Наиболее острые противоречия и наибольшая угроза для самого права и системы конституционализма сегодня связаны с проблемой, которую можно сформулировать как *глобальный дефицит конституционного равенства*. Само понятие конституционного равенства предполагает не только признание формально-юридических стандартов равенства, но и наполнение этого принципа социальным содержанием на основе конституционных требований справедливости (Преамбула Конституции РФ), достоинства личности (ст. 21) и в соответствии с этим недопустимости несправедливого, конституционно необоснованного неравенства.

В этом плане нормативная модель конституционного равенства воплощает в себе единство формально-юридических, нравственно-этических, социокультурных начал. При определении же регулятивно-правоохранительного и, стало быть, нормативно обязывающего (императивного) потенциала требования конституционного равенства необходимо учитывать по крайней мере три органически взаимосвязанных начала его нормативности: *во-первых*, требование равенства индивида как человека (своего рода биологическая нормативность, имеющая происхождение

[1] https://ria.ru/world/20180925/1529327692.html (дата обращения: 06.11.2018).

[2] В связи с этим остается хотя бы попутно вспомнить, с какой ожесточенной критикой было воспринято на Западе постановление Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 14 июля 2015 г. № 21-П, в котором было прямо указано, что никакие решения наднациональных юрисдикционных органов «не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

от рождения человека, его «равенство перед Богом»); *во-вторых*, равенство индивида как личности (социокультурная, нравственно-этическая нормативность требований равенства перед обществом); *в-третьих*, равенство индивида как гражданина (формально-юридическая нормативность равенства перед государством, законом, судом).

В таком понимании нормативный императив категории конституционного равенства не ограничивается формально-юридическим содержанием. Это значительно более содержательная, многоаспектная категория: она включает в себя нормативные требования и равноправия, и равенства перед законом, что одновременно усиливается нормативностью социальных, экономических, социокультурных, нравственно-этических начал, присутствующих в нормативном эквиваленте равенства. Абсолютизация же формально-юридических начал равенства в ущерб социальному содержанию режима равноправия, социально-распределительным возможностям права — одна из наиболее серьезных глобальных опасностей, которые несет в себе либеральное восприятие конституционных ценностей.

Это как раз и позволяет охарактеризовать *конституционное равенство* не только как принцип, исходное основание всей системы правового регулирования, особый правовой режим, основанный на требованиях справедливости, достоинства личности, но и как такую всеобъемлющую категорию, в которой *воплощаются сущностные характеристики права как равной для всех меры свободы*. Соответственно, *дефицит равенства как глобальный вызов современному конституционализму* способен деформировать не только любую национальную систему законодательства и правоприменения, но и саму природу права, этого удивительного явления современной цивилизации, без которого было бы невозможно обеспечение равной для всех меры свободы.

Что же касается кризиса конституционного равенства, то он, конечно, имеет в своей основе внеправовые, метаюридические корни. Речь идет прежде всего о приобретающем все более угрожающие масштабы социальном расслоении, нарастающем разрыве между богатыми и бедными странами, регионами, национально-этническими, социально-демографическими, профессиональными, иными группами населения. Острота проблем бедности, социального расслоения, усиливающегося социального неравенства, угрожающего самим основам социальной стабильности и демократического развития современных государств, — один из важнейших показателей системного кризиса современного конституционализма. Углубление социального расслоения и конституционного неравенства — прямой путь к социальным потрясениям и революциям. Сухая статистика свидетельствует, что современная Россия — на одном из первых мест по глубине социальной, имущественной дифференциации, по неравенству распределения богатств: на долю 1 % самых богатых россиян приходится более 70 % всех личных активов в России (в мире в целом этот показатель равен 46 %, в Африке — 44 %, в США — 37 %, в Китае и Европе — 32 %, в Японии — 17 %). Россия также лидирует в мире по доле самых состоятельных людей — 5 % населения (это более 80 % всего личного богатства страны). Похожие процессы — на микроэкономическом уровне: заработная плата руководителя частной российской компании превышает оклад рядового работника в 20–30 раз (по оценкам независимых экспертов, эта разница заметно выше); различие между минимальной и максимальной оплатой в рамках отрасли в России составляет 20–40 раз и еще больше — между регионами.

При этом, как свидетельствует исторический опыт, вопросы равенства и справедливости всегда актуализируются в переломные периоды развития общества и государства, что имеет место и в современной России: переход к рыночной экономике и плюралистической политической демократии сопровождается серьезными изменениями наших представлений об этих вечных ценностях современной цивилизации. Нельзя не видеть, что политические и экономические преобразования в стране, особенно проведенные в 1990-е годы, породили глубокие противоречия, в том числе в виде новых проявлений неравенств. В то же время потенциал Конституции РФ 1993 года, достаточно определенно закрепившей социальную природу новой российской государственности (ст. 7, 38–43 и др.), который мог бы быть использован для противодействия негативным тенденциям и эффективного решения соответствующих проблем, оказался далеко не в полной мере востребованным. Более того, приоритетное значение приобрели в этот период так называемые рыночно-экономические нормы Конституции РФ (ст. 8, 9, 35, 36 и др.) — в их понимании на практике, — далеко не в полной мере соответствующие глубинному содержанию самих ее принципов и духа.

Это потребовало от КС РФ внести существенные коррективы в истолкование соответствующих конституционных положений, сформулировать на основе вытекающих из основополагающих принципов, ценностей нашей Конституции правовые позиции о социальной ответственности частного предпринимательства, социально ориентированной природе находившейся на начальных этапах формирования на тот момент рыночной экономики России, взаимоотношениях бизнеса и власти и т. п.

2. *Деформации социокультурных начал в праве, отрыв системы нормативно-правового регулирования от нравственно-этических основ* — вторая глобальная угроза для современного конституционализма, которая напрямую связана с проблемой дефицита конституционного равенства, в том числе в социально-экономическом плане.

Сегодня очевидными становятся попытки придать праву значение одного из основных орудий не взаимодействия и сотрудничества, а санкционно-конфронтационного противоборства. В этих условиях, по существу, наблюдается новая волна политизации права, ее своего рода социокультурная (в отличие от классово-политической) идеологизация, когда в качестве общих, универсальных правовых стандартов и принципов выдвигаются представления о праве, о конституционализме, свойственные одной конкретной культурно-правовой традиции. Как определенная реакция на эти про-

цессы — непропорциональное усиление (доминирование) в отдельных странах, регионах современного мира религиозных, этнонациональных, иных геополитических факторов правового регулирования. На этой основе — противоречивые, нередко диаметрально противоположные процессы активной секуляризации законодательства в западных демократиях, с одной стороны, и столь же активная, порой воинственная клерикализация права и закона в других регионах мира, особенно в странах мусульманского фундаментализма, — с другой.

Отрыв права и закона от общей системы социокультурной нормативности сказывается и на представлениях о Конституции, которая может восприниматься в этих случаях как формально-технологичный, инструментальный акт, а не социально-правовая, социокультурная институция упорядочения современной жизни. В основе этого лежит иллюзорное представление о законе государства как некоем самодостаточном инструменте социальных преобразований, не обусловленном вытекающими из жизни общества его нравственными характеристиками, духовным содержанием.

Между тем верховенство права, предопределяющее верховенство и прямое действие Конституции, реализуется в условиях общей социальной нормативности и связано с действием социокультурных, нравственно-этических начал, поскольку правовая норма всегда существует в определенном социальном контексте. Конституция исходит из идеи правового закона, в которой содержательные характеристики равной меры справедливости увязываются с формально-юридической определенностью, всеобщностью и общеобязательностью.

Исследование духовных начал Конституции предполагает использование весьма тонкого методологического инструментария как средства достижения не только научно аргументированных знаний о сущностных характеристиках этого явления, но и особого психологического восприятия данного документа на основе веры в истинность, социальную и правовую ценность закрепленных в Конституции положений. Именно вера (и основанное на ней доверие) как относительно самостоятельная философско-мировоззренческая система взглядов и оценок представляет собой форму отражения скрытых от внешнего восприятия сакральных характеристик Конституции, которые воплощаются не в букве, а в духе этого уникального документа.

В связи с этим с известной долей условности можно сказать, что существуют ощутимые различия в представлениях об указанных идеалах и подходах, свойственных англосаксонской правовой системе, с одной стороны, и романо-германской (континентальной) — с другой. Не вдаваясь в детали исторического правогенеза, можно отметить, в частности, воспринятый романо-германской системой права от римского права высокий уровень доктринальности, системно-методологической проработанности, структурированности, а также высокий уровень развития в ней нравственно-этических начал. И это не случайно. Нравственно-этические начала, определившие континентальное право, были в их исходно-генетическом плане переведены с языка греческой философии на язык точных юридических формулировок римского права, а в дальнейшем получили развитие и методологическое подкрепление через активное влияние на континентальное право классической немецкой философии.

Что же придает праву столь высокий уровень нравственно-этических начал? Очевидно, основным, решающим фактором, возвышающим право в системе социальной нормативности, являются выраженные в праве требования равенства и справедливости. В этом плане юридическое обоснование, в частности, категории справедливости составляет ключевую задачу как античной и средневековой, так и современной конституционной юриспруденции.

Никакая рациональная формально-юридическая аргументация не может быть свободной от национальной культуры и нравственности, ценностных характеристик правовых и социальных явлений. Сама категория «нравственность» признается как конституционно значимая, и не только в России, где в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ нравственность рассматривается как одна из целей, для достижения которой могут вводиться ограничения основных прав. Несмотря на то что этот термин активно задействован в российском отраслевом законодательстве (сейчас это 31-й федеральный закон), он не получил своего содержательного раскрытия в виде легальной дефиниции; как правило, речь идет о воспроизведении в отраслевых законах общей формулы названной статьи Конституции о возможности ограничения тех или иных основных прав в интересах нравственности. А потому вопрос о конкретных механизмах и самой практике включения нравственных ценностей в систему действующего законодательства остается актуальным. Надо признать, что сегодня имеют место лишь отдельные робкие попытки позитивной юридизации выраженных в духе Конституции нравственных ценностей, их правового обеспечения как необходимых регуляторов практической жизни. Между тем только с учетом соответствующих факторов и явлений правовой действительности возможно выявление глубинных внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных особенностей современного конституционализма, в том числе сквозь призму соотношения буквы и духа национальной Конституции.

На этой основе становится возможным уяснить не только глубинный смысл, историческое значение Конституции РФ, но и те ее характеристики, которые могут стать (и при определенных условиях становились) предпосылкой политических иллюзий и правового романтизма, источником не только надежд, но и разочарований, равно как и конституционных прозрений, новых обретений. Пожалуй, в наиболее острой форме это проявилось в конституционно-правовых иллюзиях, связанных с абсолютизацией примата международного права.

3. Преодоление иллюзий абсолютизации примата международного права — важное условие обеспечения правового суверенитета России

Отмечая международно-правовые аспекты современных угроз праву, в условиях российского консти-

туционализма следует учитывать прежде всего положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, на основе которых осуществляется взаимодействие норм международного и национального права, равно как и проникновение наднациональных ценностей современного конституционализма в пространство российской правовой системы, обеспечивается их определенное взаимодействие с национальными конституционными нормами, открываются возможности для дополнительного гарантирования и защиты национальных конституционных ценностей наднациональными институтами (ч. 3 ст. 46, ст. 79).

В силу соответствующих положений Конституции РФ предполагается, в частности, что реализация ценностей, принципов, институтов национального конституционализма обеспечивается не только внутригосударственными правовыми механизмами и юрисдикционными процедурами, но и за счет применения международных, в том числе региональных, средств защиты права и, соответственно, в рамках функционирования наднациональных контрольно-юрисдикционных институтов. Такое взаимодействие национальных и наднациональных элементов в реализации ценностей конституционализма присуще не только России, отражает общую тенденцию развития цивилизации. В пределах Европы, например, оно выражается в формировании общеевропейского конституционного пространства.

Проникновение в национальную правовую систему универсальных ценностей, особенно если иметь в виду возможности их определенной интерпретации наднациональными органами, связано с возникновением конфликтов и коллизий, что в последнее время в особо острой форме проявилось во взаимоотношениях национальной юрисдикции конституционного правосудия с европейской конвенционной юрисдикций (в лице Европейского суда по правам человека — ЕСПЧ) в вопросах обеспечения основных прав и свобод человека. Оценивая данную ситуацию, важно обратить внимание, что КС РФ, пожалуй, впервые среди национальных органов конституционного правосудия Европы сделал значимый вывод, касающийся признания принципиальной идентичности конвенционных и национальных конституционных прав и свобод[1]. Это, в свою очередь, предполагает возможность использования единого институционного механизма исполнения решений, принимаемых как КС РФ, так и ЕСПЧ. В этом находит свое подтверждение тот факт, что происходит не только прямое влияние международных (европейских) институтов защиты прав человека на национальные конституционные системы, но и своего рода конституционализация общепризнанных принципов и норм международного права и на этой основе — проникновение внутригосударственных юридико-правовых (конституционных) начал в сферу международных отношений, определяющих, в частности, сферу европейского конституционного пространства.

Тем не менее это не означает, что Россия безусловно связана интерпретациями конвенционных положений, которые, даже следуя доминирующим в Европе ценностным предпочтениям, дает ЕСПЧ, если подобные интерпретации предполагают принятие на национальном уровне мер, идущих вразрез с национальной системой конституционных ценностей. КС РФ сформулировал принципиальный подход к этому вопросу: будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий, что, однако, не означает ее отказа от государственного суверенитета; исходя из этого в ситуации, когда самим содержанием постановления ЕСПЧ, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных ЕСПЧ в рамках конкретного дела, неправомерно — с конституционно-правовой точки зрения — затрагиваются принципы и нормы Конституции, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ.

При этом практика показывает, что отстаивание посредством конституционного правосудия национальной конституционной идентичности связано с поиском гибких, сбалансированных подходов, позволяющих учесть, насколько возможно, международные обязательства в той мере, в какой они совместимы с конституционным правопорядком. Соответствующие подходы России в лице КС РФ и законодателя соотносятся со складывающейся практикой решения аналогичных вопросов конституционными судами и других стран Европы (например, Федеративной Республики Германия, Италии, Великобритании).

В этом подтверждение, с одной стороны, активной роли конституционного правосудия в преодолении глобальных вызовов праву, современному правопорядку, системе конституционализма в целом, а с другой — того обстоятельства, что соотношение норм международного и национального права, взаимоотношения наднациональной юрисдикции с национальными судебными органами — это в конечном счете вопросы, которые должны решаться на основе безусловного соблюдения конституционно-правового суверенитета России.

[1] См.: Постановление КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П // СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1255.

П. Бюльбюль оглы[1]

ОСНОВАНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА

В последние годы значительно усилилась тенденция рассмотрения культурологической проблематики в философии и социологии, политологии и психологии. И это не случайно. Современная эпоха характеризуется глобализацией различных сфер деятельности, беспрецедентным развитием средств коммуникации, становлением интегративного культурного пространства. Особое значение в контексте нынешней геополитической ситуации приобретает выявление перспектив культурного развития отдельных стран и регионов, взаимодействия национальных культур, формирования новых культурных универсалий.

Интенсивная динамика глобализационных процессов расширяет уровни взаимодействия культур, формы их конструктивного диалога. Вместе с перспективой становления глобальной культуры возникают опасения о возможном стирании культурного разнообразия, об унификации ценностей национальных культур. Диалектику культурного процесса образно выразил в свое время Махатма Ганди в следующем высказывании: «Я не хочу жить в доме, обнесенном глухой стеной, с забитыми окнами. Хочу, чтобы культуры всех стран свободно веяли вокруг моего дома, как ветры. Но я не желаю, чтобы какой-либо из них сбивал меня с ног».

Сохранение национальных культур помимо исторической, социальной, этнокультурной значимости, несомненно, связано с вопросами соблюдения прав человека, ибо национальная культура есть обобщенное проявление прав человека в своем особом мире.

Великий гуманист академик Дмитрий Сергеевич Лихачев связывал вопросы сохранения национальных культур, культур национальных меньшинств с соблюдением прав человека. Казалось бы, эта незыблемая истина должна определять основу не только политики в области культуры, но и государственной политики в целом. К сожалению, в наше время под флагом «крушения» идеологии мультикультурализма эта фундаментальная истина искажается.

Сохранение многогранной сущности мировой культуры в условиях глобализации, кроме всего прочего, предстает как социально-политическая проблема. В связи с этим нельзя списывать со счетов политику мультикультурализма, нужно рассеять туман, искусственно создаваемый в последние годы вокруг этого чрезвычайно важного цивилизационного способа управления социокультурным процессом.

В этом контексте опыт Азербайджана представляется весьма показательным. Многонациональное и поликонфессиональное население страны исторически определяло культурное многообразие, многогранность культурных ценностей. Так, на протяжении многих веков в силу политических, экономических и культурных особенностей, характерных для Азербайджана, менталитет азербайджанцев формировался в условиях толерантности и уважения к культурам соседних народов. Историческая память азербайджанского народа, хранящая этапы прохождения через три религии — зороастризм, христианство и ислам — также является немаловажным фактором для построения сбалансированных межкультурных коммуникаций как внутри страны, так и на международном уровне.

Национальный лидер Азербайджана Гейдар Алиев в своей политической государственной деятельности исходил из концепции «азербайджанства», предполагающей единство и многообразие азербайджанской нации. Претворение в жизнь идеи национального единства в современном Азербайджане — это соответствие идеалам «азербайджанства». Понимание ценности концепции «азербайджанства» всеми этническими группами страны обеспечивает гармоничное социокультурное развитие республики. Концепция «азербайджанства» поддерживается и успешно развивается ныне президентом Ильхамом Алиевым.

Хочу подчеркнуть, что базовые положения национальной политики, заложенные в Конституции Азербайджанской Республики, обеспечивают равенство всех граждан вне зависимости от их этнической и расовой принадлежности. Не случайно только в городе Баку успешно функционируют более двадцати различных национальных культурных обществ, самые масштабные из которых — русское, украинское, лезгинское, курдское, талышское, грузинское и еврейское. Такие общества существуют и в некоторых районах Азербайджана, где проживают этнические меньшинства.

Опасность унификации культур в эпоху глобализации заключается не только в том, что могут исчезнуть отдельные культурные формы, но и в том, что культурное единообразие ведет к единообразию способа мышления людей, их миропонимания. Обеспокоенность ситуацией таких международных организаций, как Организация Объединенных Наций (ООН) и Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), привела к принятию ряда известных международных актов, направленных на поддержание культурного многообразия.

Ценности формирующейся интегративной культуры мира (квинтэссенция ценностей национальных культур) должны содействовать духовному росту каждого человека, гармонизации социальной жизни, устойчивому развитию общества. Интегративная культура — это не искусственно созданная, а естественно складывающаяся благодаря наметившейся интенсификации коммуникативных связей, снимающей проблему пространственно-временнóй разобщенности человечества на нашей планете, культура.

[1] Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, профессор, народный артист Азербайджана. Композитор, певец, актер. Министр культуры Азербайджана (1988–2006). Автор книги «Культурная политика в Азербайджане» (2003, в соавт.) и других публикаций. Награжден орденами Дружбы и Почета (РФ), «Независимость» и «Честь» (Азербайджан), Чести (Грузия), удостоен многих других зарубежных наград.

В этом тотальном процессе особое значение приобретает постижение предпосылок и условий духовного развития человека будущего, способного понять ценность культурного многообразия мира и на этой основе решать глобальные проблемы современности. Можно сказать, что в динамично развивающемся мире значительно возросла потребность в выявлении внутренних ценностей национальных культур, духовных констант. Формируется толерантная парадигма к восприятию разнообразной культурной коммуникации. Новый стиль отношения к культурным ценностям складывается под влиянием демократизации модернистского импульса, основанной на признании равенства традиций, множественности тенденций в культуре.

Азербайджан относится к числу немногих государств, где мультикультурализм приобрел статус государственной политики. По мнению экспертов ООН, это чрезвычайно гуманная и мудрая политика. Она, во-первых, укрепляет безопасность страны, ослабляя идеологические основания сепаратизма; во-вторых, интегрирует духовный, интеллектуальный потенциал различных культур, нацеливает население на созидание, на совместное эффективное решение социально-экономических проблем; в-третьих, содействует отражению интересов, насущных потребностей всех народов, проживающих в стране, создает атмосферу доверия, усиливает социальный капитал общества.

Мультикультурализм исторически показал свою состоятельность в многонациональных странах. Последовательно проводимая политика мультикультурализма предотвращает конфликты на этнокультурной почве, создает толерантную духовную атмосферу в обществе, содействует адекватному восприятию другой культуры. Гуманистические принципы мультикультурализма позволяют подняться над узкими националистическими интересами, опасными проявлениями шовинизма и ксенофобии.

Разумеется, доминирование единых национальных, патриотических ценностей в современном Азербайджане обусловлено историей проживающих здесь народов. Азербайджанская культура развивалась благодаря эвристическому взаимодействию разных культур. Общенациональный лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев неоднократно обращал внимание на триединый характер истоков культуры Азербайджана, обусловленный взаимодействием и взаимовлиянием в течение столетий тюркских, арабо-мусульманских и европейских ценностей. Он считал бесценным просветительское влияние России на Азербайджан в последние два столетия.

Хочу выделить несколько узловых моментов в истории азербайджанской культуры, которые подтверждают ее открытость к внешним культурным влияниям и раскрывают основания азербайджанского мультикультурализма.

Древняя история Азербайджана связана с религией зороастризма и хуррамизма, когда создавались священные тексты Авесты, игравшие важную духовную роль в доисламский период страны.

С началом новой эры в Кавказскую Албанию, государство, которое сформировалось на севере Азербайджана, начинают проникать христианские идеи. Христианство, лишенное этнической ориентации, обратившееся с проповедью ко всем народам, становится универсальной религией для народов региона.

Спустя несколько веков проникновение и постепенное оседание тюркских племен придало взаимодействию культур в древнем Азербайджане новую окраску. В связи с тюркским влиянием в синкретичной культуре Азербайджана усиливается туранский пласт. Со временем тюркский элемент образует самую ткань культуры — ее язык.

Тюркский фактор в развитии мировой культуры, на мой взгляд, до сих пор остается во многих отношениях недооцененным. В европейском общественном сознании «тюркские страницы» истории зачастую ассоциируются только с жестокими завоеваниями. Абсолютизация негативных сторон этого процесса оставляет в тени его позитивные последствия, повлиявшие на ход мирового развития.

С распространением тюркских племен в Евразии связана конвергенция ценностей культур многих народов, населявших эти бескрайние просторы, формирование основ евразийской культуры, понимание значения государственности. Оставляя в стороне геополитическое значение появления Османской империи, можно сказать, что она на протяжении шести веков являлась связующим звеном между Европой и странами Востока, выполняла важную культурно-коммуникативную функцию.

«Туранство» характеризует существенные особенности современной азербайджанской культуры. Этим же определяется общность, почва для взаимовлияния с культурой славянских народов, в которых также присутствует туранский элемент, правда, не столь глубинный и не затрагивающий языка. Собственно, эта культурная взаимосвязь славян и тюрков породила «евразийский» тип культуры.

В VII веке в результате нашествия арабов в судьбе народов, населявших нашу территорию, совершился головокружительный поворот от христианства к исламу. Азербайджан стал органической частью арабо-мусульманского мира. Исламский мир вобрал в себя античное наследие, многие достижения других традиций, переработав их в соответствии со своими потребностями.

Как отмечают в своих работах Элизе Реклю, Уотт Монтгомери, Джеймс Кло и другие ученые, вряд ли была возможна эпоха Возрождения в Европе без потока разнообразных исламских и тюркских идей, изменивших духовный и интеллектуальный климат Средневековья. Азербайджан сыграл в этом заметную роль. Достаточно упомянуть имена таких азербайджанских мыслителей, как Низами Гянджеви, Имадеддин Насими, Шах Исмаил Хатаи, Бахманьяр аль Азербайджани, Насереддин Туси, идеи которых стали достоянием европейской культурной общественности.

В начале XIX века произошло эпохальное событие в истории Азербайджана: после русско-персидских войн Северный Азербайджан вошел в состав Российской империи. Это привело к раздвоению азербайд-

жанской культуры. Если культура Южного Азербайджана сохраняла архаические устои, то в культуре Северного Азербайджана все более зримо стал проявляться «европейский уклон».

Произошедшие в 1917 году в России политические события привели к падению царской монархии, возникли условия для провозглашения 28 мая 1918 года независимой Азербайджанской Демократической Республики.

Однако ее существование было прервано в 1920 году — в стране установилась советская власть. Главную особенность развития культуры в Азербайджане в советский период определяла марксистско-ленинская идеология и культурная политика, скрыто направленная на «размывание» национального менталитета. В то же время нельзя отрицать положительные стороны советского периода в истории Азербайджана: в стране началась борьба за всеобщую грамотность, за доступность культуры и искусства всем слоям населения. В советский период творили и внесли весомый вклад не только в национальную, но и в мировую культуру выдающиеся композиторы, художники, ученые, имена которых признаны во всем мире.

К сожалению, финал социалистической эпохи для Азербайджана оказался трагичным. С 1988 года Азербайджан был втянут в кровавый вооруженный конфликт с Арменией. В результате военных действий было оккупировано более 20 % азербайджанских земель. На оккупированных территориях наряду с промышленными и сельскохозяйственными объектами осталось огромное количество культурных учреждений, в том числе музеев, художественных галерей, памятников архитектуры. Все они были разрушены и разорены.

Сегодня культура Азербайджана на подъеме и в фокусе пристального внимания государства. Строятся новые музеи и центры, реставрируются театры и концертные залы, проводятся международные фестивали современной и классической музыки, талантливые музыканты из Азербайджана выступают в последние годы на таких прославленных сценах, как Большой театр, Мариинский театр, Метрополитен-опера, Венская опера и других, молодые специалисты едут учиться в зарубежные вузы.

Азербайджан сегодня не только аккумулирует традиции многих культур в пределах своих границ, но и распространяет свою традиционную культуру в других странах. Более того, благодаря масштабным международным симпозиумам и конференциям, проходящим в последние годы в Баку, Азербайджан стал своего рода «законодателем мод» в сфере анализа и разрешения гуманитарных проблем, в частности в сфере моделирования политики мультикультурализма.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что на протяжении своего существования азербайджанская культура испытывала различные влияния, творчески усваивала самое ценное из других культур, на основе культурных достижений и синтеза Востока и Запада стали возможными многие начинания в философии, математике, искусстве. Культура Азербайджана при этом не утратила самобытности, сохранила неповторимый национальный колорит. Современный независимый Азербайджан устремлен в будущее, страна имеет огромный духовный, интеллектуальный, культурный потенциал для развития, реализации высоких гуманистических ценностей и идеалов. Этот потенциал, несомненно, связан с целостностью культуры Азербайджана, связующим звеном которой является мультикультурная политика, проводимая государством.

Ч. Варга[1]

ПРАВО КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Начиная со времен Древнего Китая и Месопотамии постепенно и почти незаметно секуляризовалась *легитимизация* земной власти, и так же постепенно *установление законов правителями* превратилось в открытое и свободное проявление намерений и воли людей[2]. Таким образом возникла революционная идея о человеческой способности создать новый порядок, а затем и искусственно спланированное и улучшенное общество. При следовании этому курсу — как подходящей и осуществимой программе действий — появилось желание провести социальные реформы и полностью обновить идеалы. За этим последовали более смелые желания, включая бескомпромиссное воплощение реформистских идей в новых институциональных рамках и в новых условиях, в которых интеллектуалы уже могли предвидеть общую перестройку человеческой жизни как главного актива.

После того как традиционная — феодальная — идея признания (восстановления или возрождения) того, что может быть названо старым добрым правом, в конце концов была оставлена в прошлом[3], само право приобрело способность запускающего инструмента и средства принуждения и навязывания новых

[1] Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор. Приглашенный профессор многих зарубежных учебных заведений (США, Австралия, Италия, Германия, Великобритания, Япония и Россия). Автор более 400 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч. монографий «Law and Philosophy», «Paradigms of Legal Thinking», «Comparative Legal Cultures», «The Enigma of Law and of Legal Philosophising» и др. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994), член Международной академии сравнительного права. Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения.

[2] См.: *Villey M.* Essor et décadence du volontarisme juridique // Archives de Philosophie du Droit 3: Le rôle de la volonté dans le droit. P. : Sirey, 1979. P. 87–136.

[3] Об идее «gutes, altes Recht» см.: *Kern F.* Kingship and Law in the Middle Ages. I: The Divine Right of Kings and the Right of Resistance in the Early Middle Ages ; II: Law and Constitution in the Middle Ages. Studies / transl. S. B. Chrimes. Oxford : Basil Blackwell, 1939. xxxi + 214 p. (Studies in Mediaeval History 4).

идеалов[1]. Вся сложность человеческого самоосвобождения, предварительно изобретенная и сформировавшаяся в эпоху Просвещения и Великой французской революции, в конце концов достигла апогея в идее *социальной инженерии*, четко и ясно сформулированной столетие назад[2], и в программе *изменения* (на самом деле — переключения) *набора людских верований*, как подчеркивается в наши дни[3]. Все это основывается на правовом волюнтаризме, открыто признанном в Новое время, выражающем конечный этап развития и окончательную победу рационализма. Это продолжается и в наши дни, поскольку степень стремления людей к самосознанию, о котором давно мечтали, что казалось оправданным достижениями западной цивилизации благодаря прогрессу евро-атлантической культуры, материализовалась в успехах науки.

Можно также наблюдать и другой вид возрождения, усиливающий вышесказанное, или контролирующий, или взаимодействующий путем обратной связи, или действующий как сила торможения или как противоположный полюс, возможно, даже как простой провокационный импульс или противоположный импульс, побуждающий к действиям. Возрождение тоже станет новой кровью, но с неизмененной природой, напоминающей критически деструктивную силу Просвещения. Это идеология закона природы и естественных прав, которые в последний раз были возрождены в Западной Европе после Второй мировой войны. Однако по прошествии времени эта идеология превратилась в перерожденную форму *прав человека*, зафиксированных в международных документах, принятых по всему миру, реализация которых также сопровождается механизмами принуждения[4], потому что может появиться многоплановость, человеческие намерения могут быть ограничены, но зафиксированные права человека служать и критерием, и целевым ориентиром. Однако при этом идеология прав человека дегенерировала, выступая в качестве конечного этапа самоосвобождения человека и будучи распространена на каждого человека на личностном уровне. Она дегенерировала с более ранней позиции защитника человеческого субъекта, когда излишняя государственная власть могла слишком сильно давить, в простое средство, с помощью которого общество может (и не время от времени, а тщательно) быть раздроблено все возрастающей исключительностью правового языка, без какой-либо уравновешивающей функции, которую можно было бы предложить или создать от имени привилегированной части этого общества.

Все это — дело рук человеческих, полностью искусственное, нацеленное на получение преимуществ и привилегий, более того, на максимизацию прибыли, которая становится доступной. Как известно из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса, борьбе за социальные преобразования присущ один элемент, а именно влияние на генерирование идей, и не только в частности, тем же росчерком пера они обобщаются и оказываются на уровне универсальности, которая может быть придумана. Таким образом обычные человеческие, иногда личные соображения возводятся в абсолютную ценность, на какое-то время становятся непререкаемыми. Они известны как бескомпромиссные и применяются только в целом[5].

По сути, *борьба за права человека*, практикуемая на земле, в настоящее время требует наличия прав, которые олицетворяют неприкрытые желания некоторых акторов (элит, меньшинств или других): свободные требования — требования, предъявляемые к другим, или что-то получаемое за счет других, потому что природа сделок такова, что за все нужно платить. С точки зрения онтологии, борьба за права человека — это лишь нормативная риторика, используемая для того, чтобы социальная среда вначале усвоила, а затем насаждала эти ожидания. Сам по себе список прав человека, которые могут возникнуть (кстати, уже показанных английскими консерваторами, которые критиковали заявления, сделанные французскими рево-

[1] Идея реформирования общества по закону восходит к иудейской эсхатологической мысли, по мнению А. Лео Оппенхайма, представленному в книге Ancient Mesopotamia Portrait of a Dead Civilization [1964] / rev. ed. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1977. ix + 433 p.

[2] См.: *Swirski P.* American Utopia and Social Engineering in Literature, Social Thought, and Political History. N. Y. : Routledge, 2011. xiii + 255 p. (Routledge Transnational Perspectives on American Literature 15).

[3] Госсекретарь США, которая продвигала агрессивный интервенционизм в обертке «экспорта демократии», а затем была кандидатом на пост президента США, одной из первых открыто сказала (когда она выступала в поддержку абортов): «Глубоко укоренившиеся культурные коды, религиозные убеждения и структурные предубеждения нужно менять» (см.: Хиллари Клинтон на саммите «Женщины в мире», Нью-Йорк, апрель 2015 года. URL: http://www.nationalreview.com/article/417448/hillary-clinton-religious-beliefs-have-be-changed-accommodate-abortion-joel-gehrke). Она долго «трудилась» ради принятия американским обществом однополых браков, эвтаназии и тому подобного и пыталась спровоцировать выступления в США, например какую-нибудь разрушительную «католическую весну», похожую на дестабилизацию времен «арабской весны», только у себя в стране, когда фактически среди общего беспорядка все делалось в угоду американским интересам. Но здесь «семена революции» были направлены против «отсталых» ценностей, связанных с церковью, которая, как утверждалось, остается «средневековой диктатурой» (см.: *Thiessen M. A.* Hillary Clinton is a Threat to Religious Liberty. October 13, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/hillary-clinton-is-a-threat-to-religious-liberty/2016/10/13/878cdc36-9150-11e6-a6a3-d50061aa9fae_story.html), со ссылками на переписку сотрудников в 2012 году, которая стала известна благодаря WikiLeaks. Как позднее высказался один высокопоставленный священник, «в этом мире существуют три группы людей: те, кто верит в Бога, те, кто не верит в Бога, и те, кто считает себя богами. Я думаю, что Хиллари Клинтон — одна их тех, кто считает себя богом». URL: http://aleteia.org/2015/04/29/nigerian-bishop-hillary-clintons-remarks-about-religious-beliefs-show-she-thinks-she-is-a-god/3/#sthash.nAHJ2zBI.dpuf.

[4] См.: *Варга Ч.* Природа прав человека // Варга Ч. Загадка права и правового мышления. Избранные произведения / сост. и науч. ред. М. В. Антонов. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 224–230.

По мнению Шаннона Холзера, высказанному в работе «How Liberals Abuse Language» («Как либералы злоупотребляют языком» (URL: https://www.academia.edu/30204590/How_Liberals_Abuse_Language?auto=download&campaign=weekly_digest), подобное требование является просто игрой слов. В то время как закон природы требует глубокой сути вещей, практика применения прав человека имеет дело только с номинальными новыми определениями, когда словам даются новые значения «в попытке создать реальность с помощью языка». Таким образом, «права... оказываются тем, что левые пытаются навязать другим и заставить принять».

[5] Представление классического варианта развития см. в: *Marx K., Engels F.* Die deutsche Ideologie. 1846. URL: http://www.mlwerke.de/me/me03/me03_009.htm.

люционерами сто лет назад), в принципе бесконечен и ничем не ограничен: за каждым из них последуют другие, по большей части превосходящие предыдущие, но иногда также вытесняющие устаревшие в этом никогда не прекращающемся процессе.

Учитывая нынешний этап открыто политизированной идеологической борьбы, которая получила распространение в современном мире, можно сказать, что всегда существовал (и контрастировал с ней) вызов древней человеческой мудрости, которая выступала противоположным полюсом человеческим амбициям, подпитываемым верой в бесконечные возможности и способности. Все это усугублялось в революционные «медовые месяцы», когда возникало чувство утопизма, теперь вооруженное современными организационными техниками и подтвержденное, хотя и предположительно, различными победами, достигнутыми таким образом. Здесь я имею в виду древнюю уверенность человечества[1], выраженную двойственным образом, присутствующую в корне всех известных правовых идей.

В частности, эта уверенность в первую очередь выражена в христианском символизме как библейской основе нашей веры в фигуральную силу *Страшного суда*. В нашем случае, если говорить о праве, это означает, что в определенное время о значении и пользе всего, что сделал человек или намеревался сделать, будет судить исключительно божественная власть на божественной территории. В свою очередь, это приводит к выводу, что отправление правосудия, изобретенного, направляемого и осуществляемого людьми, может служить только одномоментным и эфемерным целям, просто для того, чтобы организовать мирские дела здесь и сейчас. В наследии римского права, возрожденного на Европейском континенте, идея *ius* (≈ *правда*) когда-то напоминала о божественном происхождении закона природы как продукта сотворения мира и возникшего одновременно с ним. Однако в дальнейшем эта идея была сведена к пониманию этого мира как явно человеческого, волевой манифестации или воплощению в реальности *lex* (≈ *закона*). В отличие от такого порядка вещей, в традиции того же римского права, ожившего в англосаксонском мире, юристы осмелились индуктивно обрабатывать опыт, который они могли почерпнуть из прошлого через повторение прецедентов: дел, которые имели прецеденты, и судебных решений в таких делах. В подходе к делу наблюдаются параллели с восстановлением в некоторой степени классических иудейских и исламистских повторяющихся моделей и юридического мышления. Известно, что иудейские и исламистские законы священны, их форма считается теологически вдохновленной. Люди осознают их происхождение, и эти законы делают все, чтобы вызвать недоверие (и слишком большую доверчивость) к любым формам логики и концептуального формализма[2].

Другое извечное выражение — это молитва, в которой звучат просьбы о помощи, это первобытный крик, возвещающий о горе и печали: *«Из глубины взываю к Тебе, Господи»*[3]. Это му́ка и боль, переросшие в сильнейший крик, чтобы получить облегчение. Он свидетельствует о данной судьбой врожденной слабости, более того, о непосредственном страдании и бессилии всего человечества, то есть нас, падших людей, которые возлагают единственную надежду на Бога в трансцендентальной перспективе.

Не приходится сомневаться в том, что оба выражения повлияли на основные устремления и пути, известные в истории права и любой правовой ментальности. Они даже сформировали способ установления и закрепления законов, более того, в значительной степени создали основу системной или связанной с практикой последовательности формальных единиц или образцов решений. Это подтверждается: 1) стремлением *правового органа* к превосходству через конкуренцию и соперничество с имеющимися и появляющимися правовыми органами в институциональной борьбе (от имени *закона, письменно зафиксированного в документах, действующего закона и закона в общественном сознании*)[4]; 2) усилиями по возобновлению судебных процессов благодаря институционализации апелляций, в результате чего уже вынесенные решения могут быть пересмотрены; 3) тем, что после применения силы закона можно получить снисхождение; 4) обращением за помощью к *другим процедурам параллельно* или путем обработки (интерпретации или применения) формального закона и внутренней логики иным образом, или путем использования других стандартов для контроля за процедурой принятия решений; 5) *чередованием* (если не явным переключением) между неформализованными и формализованными тенденциями в случае примитивных законов прошлого и усовершенствованных правовых систем настоящего. Например, это столкновение между моделями, которые делают закон приемлемым, то есть справедливым и суровым, как было показано уже в раннем иудаизме мудрецами Гилелем и Шамаем и в римском праве прокульянцами и сабиньянцами[5].

Существуют вечные варианты правовых техник, которые сами по себе нейтральны, хотя и бросают вызов друг другу, если занимают позиции на разных полюсах. При упрощении искаженной сегодня теории права, стерильной, иногда слишком политизированной, такие альтернативные возможности используются для представления диаметрально противоположных направлений, например при демократическом и недемократиче-

[1] Хотя теология и посвящена описанию места, которое по плану зарезервировано для людей в божественной иерархии, она сформулирована людьми и уходит своими корнями в человеческий опыт.

[2] См.: *Varga C.* The Paradigms of Legal Thinking. [1999] 2nd ed. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae Iuris]. URL: http://mek.oszk.hu/14600/14657 ; *Он же.* Comparative Legal Cultures On Traditions Classified, their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-rationalism. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae Iuris]. URL: http://mek.oszk.hu/15300/15386.

[3] Псалом 130:1. См.: Псалтирь на английском (URL: https://www.kingjamesbibleonline.org/Psalms-130-1) и на русском языках (URL: http://www.russianbible.net/Psa-130.html).

[4] Поразительно, что при обзоре основных законных режимов, существующих в настоящее время в мире, Янос Яни в «Jogi kultúrák Ázsiában» («Правовые культуры в Азии». Будапешт : Typotex, 2016) рассматривает исламизм не просто как мятеж против доминирования западной культуры, но и как борьбу новой силы за установление своей высшей власти.

[5] *Perelman C.* Legal Ontology and Legal Reasoning // Israel Law Review. 1981. July 1981. Vol. 16 (3). P. 356–367.

ском подходах. В конце концов правовые механизмы постоянно конкурируют, ведя борьбу в рамках системы, чтобы выбрать и зафиксировать модель, которая — по крайней мере, на какое-то время — могла бы одержать победу[1]. В любом случае в человеческой борьбе, которая изменяется в зависимости от ситуации, наш интерес привлекает не способность человека отвечать на вызовы и не она нуждается в объяснении. Новым всегда бывает только контекст. Более того, можно утверждать, что, когда мы сражаемся с помощью обновленного оружия, на самом деле мы только по-новому ведем старые сражения[2]. Исполняющие роли актеры могут меняться каждый раз, но, несмотря на это, игра все та же, что и была.

Мы видим, что борьба идет повсюду и современный мир более фрагментарен, чем когда-либо.

Самое важное, что нужно понять, — что мы живем в довольно *опасную эпоху*. Сегодняшние Евы продолжают есть новые яблоки способом, который не изменился на протяжении тысячелетий, а их Адамы, как и прежде, остаются в замешательстве. Самодовольство не изменилось, оно безгранично, и у нас фактически нет знаков, указывающих нам выход[3].

* * *

Какие выводы можно сделать из вышесказанного о природе и характеристиках права?

1. Сегодня и узаконенные псевдокритерии (такие как демократия и парламентаризм), и термины, считающиеся частью права (такие как законность и права человека), доминируют — или, если говорить об их реальном значении, господствуют или властвуют — в мире международной политики и прочно вошли в ее базовую лексику. Сам по себе факт их использования как критериев является предположением, хотя они и не подходят для оперативного использования, потому что не определены, а возможно, и неопределенны, поскольку изначально относятся к способности формировать понятия и концепции, охватывающие базовые ориентиры общего и основного западного цивилизационного *идеала*.

2. При этом, как показывается в настоящем докладе, защитная роль права, которое в соответствии с широко распространенным мнением считается таким же мощным, предсказуемым и контролируемым, как бастионы любой крепости, совсем не так прочна. На самом деле право не дает уверенности, потому что по своей природе, как было показано выше, оно не обеспечивает и не может обеспечить предсказуемую поддержку и безопасность.

3. В соответствии с фундаментальными доказательствами, поддерживающими общественные науки в нынешнем состоянии, любая политика опирается на людей, которые социально обусловлены, являясь продуктом трех составляющих: социализации, образования и манипулирования с рождения до последнего дня. На самом деле за фактическими общественными движениями, как и за законодательством, построенным с иерархическими барьерами, всегда стоит некий вид «господствующей воли», исходящей из центра и управляющей процессом в большей или меньшей степени как главная сила. Это фундаментальная сила, которая владеет всеми интерпретациями и способами возможного применения.

Иными словами, в отличие от профессиональной идеологии юристов в континентальной Европе, которые сосредоточили внимание на позитивном (позитивированном) праве, воплощенном в форме текста, только англосаксонский подход может оказаться истинным и оправданным с точки зрения онтологии. В реальности бытие права как компонент социальной онтологии связано с его фактическим влиянием, но далеко не с его позитивностью. В конечном счете общее влияние права не зависит от того, насколько оно преобладает, какую позицию занимает или каким образом объявляет себя ценным правилом государства.

Основная проблема — то, каким образом право интерпретируется и применяется. Здесь уместно вспомнить классическое высказывание: «Епископ Хоадли сказал: „Тот, кто имеет *абсолютную власть* для *интерпретации* любых писаных или неписаных законов, на самом деле и является тем, кто устанавливает законы во всех смыслах и фактически, а не тот человек, который первым их написал или произнес“. Тем более тот, кто имеет абсолютную власть не только интерпретировать закон, но и говорить, что есть закон, на самом деле является тем, кто устанавливает законы»[4].

4. Если вспомнить историю, то право никогда не существовало в пустом духовном пространстве. Это только испытание, распространившееся по миру вследствие общего упадка, вызванного в Америке волнениями 1968 года. В частности, *общая вера* в самоидентификацию общества (выраженная в общей религиозной вере или связанная с населением или территорией, о которой идет речь) вместе с *общей нравственностью*, развитой в нем и им, всегда обеспечивала (и должна обеспечивать сегодня) необходимый фон для права. Независимо от того, каким оно кажется, право — это не больше чем символическая власть. Поэтому, хотя право и является конечным продуктом любой успешной социальной интеграции и разрешения конфликтов, оно не всемогуще. Его мобилизующая, принуждающая и карательная сила, то есть главнейшая компетенция, заключается в способности поддерживать порядок путем эффективного разбирательства нарушений, которые происходят по отдельности, но не массово. Оно не выдержит столкновения с массовостью, то есть с беспорядком, который станет обыденным и ежедневным. Если право не имеет сильной поддержки, то оно рухнет. В конце концов, как говорил Кант, самим фактом

[1] См. статьи в: Comparative Legal Cultures / ed. C. Varga. Aldershot ; Hong Kong ; Singapore ; Sydney ; Dartmouth ; N. Y. : The New York Univ. Press, 1992. xxiv + 614 p. (The International Library of Essays in Law & Legal Theory, Legal Cultures 1).

[2] *Dyzenhaus D.* Legality and Legitimacy / C. Schmitt, H. Kelsen, H. Heller. Oxford : Clarendon Press, 1997. xiv + 283 p. ; *Varga C.* Múltkutatás, jövőkeresés Közép-Európa jogában // Varga C. Jogfilozófia a múlt, jelen és jövő ölelésében. Budapest : Pázmány Press, 2018. P. 377. (Tanulmányok 44). URL: http://mek.oszk.hu/18900/18995/18995.pdf.

[3] См., например: *Nisbet R*. The Quest for Community. San Francisco : ICS Press, 1990. P. 3–65.

[4] *Chipman J. G.* The Nature and Sources of the Law. [1909]. 2nd ed. N. Y., 1927. 102, цит. по: *Hoadly's B.* Sermon. The Nature of the Kingdom or Church of Christ; A Sermon Preached before the King at... St. James's, March 31, 1717. L. : J. Knapton, 1717. P. 12.

своего существования, концептуально, отсутствие возможности предусмотреть в законе меру наказания или невозможность наказания означает революцию.

5. Таким образом, как только сила, стоящая за законом, исчезает, то, что осталось, является только пустой рамкой закона и ничем больше. То есть то, что могло быть законом, теперь становится беспомощной нормативной оболочкой. А у такого закона, который остается сам по себе, не может быть никаких других амбиций, кроме применения насилия, пока режим не падет полностью.

6. В целом, если говорить о перспективах, которые мы можем предвидеть в настоящее время, наше будущее не приведет ни к каким другим последствиям, кроме краха цивилизаций[1], какофонии, непредсказуемости, если только не появится окончательное решение, на самом деле достойное гуманизма XXI века[2] и способное изменить судьбу мира.

С. В. Вершинин[3]

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сегодня можно констатировать, что система международных отношений устойчиво движется к дальнейшему укреплению многополярности. И хотя общая трансформация вряд ли обратима, то, какой будет многополярность XXI века, по-прежнему неясно. В этих условиях обостряется борьба за право устанавливать «правила игры» в рамках меняющегося мироустройства.

«Коллективный Запад» пытается сохранить за собой привилегии единственного центра принятия решений и тем самым затормозить или скорректировать объективные тенденции современного этапа развития международных отношений. В результате сегодня под ударом оказалась складывавшаяся десятилетиями система международного права, являвшаяся залогом стабильности и предсказуемости в мировых делах. Вместо нее Запад навязывает остальным участникам международных отношений новую формулу: некий «миропорядок, основанный на правилах». Эти «правила» зачастую оказываются вольной интерпретацией общепризнанных международно-правовых норм в пользу ограниченной группы стран. Сложившаяся архитектура глобального управления испытывает серьезный стресс и просто не может эффективно функционировать.

США и их союзники все отчетливее берут курс на коренное переформатирование не устраивающих их международных институтов. В итоге вместо многосторонней дипломатии, наиболее универсально воплощенной в деятельности ООН, решения все чаще стали приниматься в формате узких ситуативных союзов. Остальным государствам предлагается присоединиться к уже согласованным решениям, выдаваемым за позицию всего международного сообщества.

Очевидно, что такой подход не соответствует идеалам подлинной многосторонности, разделяемым подавляющим большинством государств — членов Организации Объединенных Наций. Кроме того, он подрывает Устав ООН, привносит в международные дела существенный элемент стратегической неопределенности, а также ведет к росту взаимного недоверия и сужению пространства для конструктивного межгосударственного взаимодействия.

Не могут не отражаться эти моменты и на экономике. С одной стороны, мы видим, что после длительного периода стагнации мировая экономика по итогам 2018 года продемонстрировала определенные признаки оживления: по данным Всемирного банка и МВФ, в 2018 году темпы роста мирового ВВП составили около 3,7 %, что стало лучшим показателем с 2011 года. Вместе с тем риски развития кризисных явлений попрежнему сохраняются, а мирохозяйственная динамика остается нестабильной. По прогнозам экспертов, темпы роста мирового ВВП могут снизиться до 3,5 % в 2019 году и до 3,6 % — в 2020-м. Поступают сигналы о начале рецессии уже не только в развивающихся странах, таких как Аргентина и Турция, но и в развитых — Италии, Франции, Южной Корее.

Наряду с этим мы сталкиваемся с такими глобальными вызовами, как растущая напряженность в торговых отношениях (особенно заметной в последнее время она стала между США и Китаем), усиление протекционизма, ожидающийся выход Великобритании из ЕС, геополитическая нестабильность, а также всеобщая неготовность к скоординированным действиям.

Нынешним международным отношениям свойственно усиление соперничества в военно-политической, экономической, финансовой, технологической, информационной и других областях. Политика отдельных стран, направленная на отстаивание принципа использования силы, а также на применение односторонних принудительных мер, выдвижение бездоказательных обвинений и отказ от выполнения ранее принятых

[1] *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996. 367 p.

[2] Но предложения, имеющие место в самокритике эстетов, типа «Страх перед варварами — это как раз то, что может сделать нас варварами» (*Todorov Z.* The Fear of Barbarians // Beyond the Clash of Civilizations. Cambridge : Polity Press, 2010. vii + 233 p.) кажутся риторическими, тем более что лежащая в их основе проблема касается «нравственного ответа Запада на исламский терроризм» (Майкл Кинг в журнале «The Times Higher Education» от 11 ноября 2010 г.).

[3] Заместитель министра иностранных дел РФ (с марта 2018 г.), Чрезвычайный и Полномочный Посол. Окончил МГИМО МИД СССР (1976) и Дипломатическую академию МИД СССР (1991). На дипломатической работе с 1976 г. Советник-посланник Посольства РФ в Тунисе (1993–1997). Начальник отдела Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России (1997–2000). Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Алжире (1999–2003). Директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России (2005–2018). Награжден орденом Дружбы и орденом Почета.

на себя международно-правовых обязательств, отнюдь не способствует нормальному развитию государств, становясь для них мощным дестабилизирующим фактором.

Новые реалии диктуют необходимость осознания рисков, возникающих как следствие обозначенных проблем. К этим рискам, в частности, следовало бы отнести в первую очередь усиление неравенства между развитыми и развивающимися странами, сокращение рабочих мест, ущемление фундаментальных прав и свобод человека. Одним из приоритетов в повестке дня сегодня должен стать поиск адекватных ответов на эти вызовы. Особую актуальность в данных условиях приобретает активизация межгосударственного взаимодействия в сфере разработки международных норм по управлению глобальной сетью Интернет, а также совершенствование и гармонизация национальных законодательств, регулирующих сферу применения цифровых технологий.

По оценкам экспертов, сегодня мир находится на пороге масштабной структурной трансформации, обусловленной не только широким внедрением в практику информационных технологий, но и тем, что долговая модель экономического роста исчерпала себя, а существующие глобальные механизмы регулирования становятся неэффективными. Поэтому все более явной становится тенденция к протекционизму, одним из проявлений которой являются политически мотивированные санкции. Подобного рода ограничительные меры невыгодны ни для тех, кто их применяет, ни для тех, против кого они направлены. Порядок, основанный на непродуманном использовании такого инструментария, приводит лишь к новым проблемам, не помогая при этом разрешить уже имеющиеся противоречия.

Особенностью нынешней эпохи является то, что наращивание конфликтного потенциала в мире происходит в условиях предельной взаимозависимости и открытости национальных экономик, а также перехода к новому технологическому укладу. Есть все основания полагать, что развитие и внедрение инновационных технологий будет способствовать стимулированию экономического роста и повышению эффективности использования природных ресурсов. Мировая экономика находится в процессе структурной трансформации под влиянием так называемой четвертой промышленной революции с активным развитием цифровых технологий. В этом контексте возникает потребность в выработке новой инновационной парадигмы, основанной на ресурсосберегающих принципах развития, а также в перестройке существующих механизмов глобального регулирования.

На наш взгляд, это окажет существенное позитивное влияние на эволюцию миропорядка и поможет в формировании созидательной многополярности — более справедливой и гармоничной модели мироустройства. Она должна основываться на широком, неконфронтационном и равноправном сотрудничестве государств и их объединений с уважением к культурно-цивилизационному многообразию современного мира, соблюдением общепризнанных принципов и норм международного права как единых правил игры, а также с признанием за ООН роли универсального регулятора мировой политики.

Е. Вятр[1]

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

В XXI веке мир сталкивается с четырьмя серьезными вызовами, ответы на которые определят будущее человечества. Они касаются демографии, экономики, экологии и безопасности. Чтобы найти подходящие ответы на них, требуется сотрудничество на международном уровне, которого нельзя добиться без фундаментальной переориентации их понимания и восприятия как политическими лидерами, так и широкими слоями населения.

Демографическая проблема является результатом быстрого роста населения планеты и неравномерной скорости роста населения в крупных регионах мира. Сегодня на планете проживают 7,6 млрд человек. Это означает, что население земного шара увеличилось на 760 % за два столетия (примерно с 1 млрд в 1820 г.) и на 350 % — за последние восемьдесят лет (примерно с 2 млрд в 1930 г.). Более того, темпы роста в разных регионах существенно различаются, при этом самый быстрый рост отмечен в двух беднейших регионах: в Азии и Африке. В 2015 году наблюдалось следующее распределение населения по регионам: Азия — 4,31 млрд человек, Африка — 1,15 млрд, Америка — 973 млн, Европа — 745 млн, Океания — 37 млн. Демографические тенденции тоже существенно различаются. Быстрые темпы роста населения в Азии и Африке сопровождаются демографической стагнацией и старением населения в Европе. Соответственно, наблюда-

[1] Министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографий «Социология политических отношений», «The Soldier And The Nation: The Role Of The Military In Polish Politics, 1918–1985», «Four Essays on East European Democratic Transformation», «Political Sociology in Eastern Europe: A Trend Report and Bibliography», «Socjologia wojska», «Socjologia wielkiej przemiany», «Socjaldemokracja wobec wyzwań XXI wieku», «Socjologia polityki», «Europa pokomunistyczna — przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku», «Refleksje o polskim interesie narodowym» и др.; статей «Восточная Европа: судьбы демократии», «Польша и Россия: национальные интересы или историческая память?», «Вторая мировая война и новый мировой порядок», «Политический кризис на Украине и его перспективы» и др. Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный президент Центральной европейской ассоциации политических наук, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Любляны, почетный доктор Днепровского национального университета им. Олеся Гончара (Украина). Награжден орденом Возрождения Польши II степени.

ется сильное миграционное давление беднейших регионов Азии, Африки и Южной Америки на богатый север — Европу и Северную Америку. Политика, нацеленная на предотвращение такой миграции, не может быть в полной мере эффективной и вследствие решимости мигрантов, и в связи с ростом сопротивления радикальным мерам демократических государств «глобального Севера».

Экономическая проблема является результатом роста неравенства как внутри стран, так и между странами. Самый высокий ВВП на душу населения (более 50 тыс. долл. США) отмечается в трех западноевропейских странах: Люксембург — 65 602, Норвегия — 59 768 и Швейцария — 54 925, а самый низкий (меньше 200 долл.) — в семи африканских странах: Бурунди — 96, Конго — 120, Либерия — 135, Сомали — 136, Малави — 161, Гвинея-Бисау — 177, Эритрея — 193. Сегодня в мире 2,5 млрд человек живут менее чем на два доллара в день, в то время как восемь самых богатых людей владеют тем же количеством мировых ресурсов, что и 3,6 млрд самых бедных людей. Несмотря на то что в последние десятилетия абсолютный уровень бедности снизился, разница в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения резко увеличилась. Самое большое неравенство в доходах наблюдается в беднейших странах Центральной Америки (в Гаити коэффициент Джини равен 60,8) и Африки (в Ботсване — 60,5, Намибии — 59,7, Замбии — 57,5). Следует отметить, что наименьшее неравенство в доходах в настоящее время отмечено в постсоциалистических государствах Центральной Европы: Словакии, Словении и Чехии, где коэффициент Джини по отношению к национальному доходу составляет меньше 30. Также наблюдается тенденция к сокращению неравенства доходов внутри страны в относительно богатых европейских государствах, в то время оно остается высоким и увеличивается в быстро развивающихся странах Азии (особенно в Китае). Рост экономического неравенства ведет к радикализации социальных конфликтов и политической дестабилизации, преимущественно (но не исключительно) в беднейших регионах мира. В настоящее время растет осознание необходимости пересмотреть догмы неолиберального экономического мышления. Польские экономисты Колодко и Козьминский называют этот подход новым прагматизмом[1].

Экология представляет собой третью серьезную проблему, особенно в связи с потеплением климата, которое в большей части вызвано деятельностью людей. Потепление климата ведет к ужасающим последствиям в нескольких регионах мира и если ничего не будет сделано для замедления этого процесса, то внесет свой вклад в усиление миграционных процессов, особенно из Африки в Европу. Решение проблемы, связанной с потеплением климата, требует скоординированных действий большинства стран для замедления этого процесса. Это сложный вопрос, потому что радикально уменьшить потепление климата, вызванного человеческой деятельностью, очень дорого. Поэтому правительства оказались в ловушке и разрываются между необходимостью разработки долгосрочной экологической стратегии и политической ценой такой стратегии в краткосрочной перспективе. Киотский протокол о сокращении выбросов парниковых газов в атмосферу для сдерживания глобального потепления (1997) представляет собой амбициозную попытку наладить международное сотрудничество с целью замедления изменения климата совместными усилиями. Ратификация Киотского протокола Российской Федерацией представляет собой важный шаг в правильном направлении. Важны постоянные усилия, направленные на то, чтобы сделать Киотский протокол объединяющим все страны.

Проблема безопасности включает две составляющие: войну и терроризм. В период холодной войны соперничество между двумя сверхдержавами, имеющими на вооружении оружие массового поражения, завело в тупик, и в этой ситуации мировая война стала невозможной[2]. Локальные войны (в Корее, Вьетнаме, Афганистане), иногда даже с участием одной из сверхдержав, происходили довольно часто, но из-за страха возникновения тотальной войны между сверхдержавами локальные войны удерживались в определенных границах. Холодная война закончилась в связи с переориентацией советской международной политики в конце 1980-х годов, во время короткого пребывания у власти М. С. Горбачева. Тогда многие верили, что с окончанием конфликта между США и Советским Союзом настанет эпоха длительного и устойчивого мира. В реальности все оказалось сложнее. В то время как равновесие ядерных держав делает невозможной мировую войну, длительный и устойчивый мир не воцарился. Этому есть три основные причины: окончание американской гегемонии в мире (особенно после и из-за военного вторжения в Ирак в 2003 г.), соперничество между региональными державами в попытке расширения сферы своих интересов и этнические и/или религиозные конфликты в некоторых местах на планете. Возобновление гонки вооружений, особенно после решения США о выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), делает проблему безопасности еще более актуальной, чем несколько лет назад. Длительный устойчивый мир требует долгого и сложного выстраивания доверительных отношений. «На практике, — пишут британские политологи Китинг и Уилер, — проблема, стоящая перед государствами, — это проблема создания успешного режима безопасности и превращения его в сообщество безопасности. Мы считаем, что это влечет за собой преодоление страха и подозрительности путем разработки новой практики построения доверительных отношений»[3]. В недавно опубликованном исследовании, посвященном анализу взаимоотношений России с миром, российские ученые выступают за восстановление отношений сотрудничества между Россией и западными державами, несмотря на конфликт интересов Российской

[1] *Kołodko G., Koźmiński A.* Nowy pragmatyzm kontra nowy nacjonalizm. Warszawa : Prószyński i S-ka, 2017.

[2] *Aron R.* Paix et guerre entre les nations. Paris : Calmann Levy, 1962.

[3] *Keating V. C., Wheeler N. J.* Concepts and Practices of Cooperative Security // The Legacy of the Cold War. Perspectives on Security, Cooperation, and Conflict / eds. V. Mastny, Zhu Liquin. Lanham : Lexington Press, 2014. P. 73.

Федерации и США[1]. Считаю, что улучшение отношений крайне важно для поддержания мира во всем мире и решения международных проблем в духе международного сотрудничества.

Кроме конфликтов между государствами и внутри государств серьезную опасность для мировой безопасности продолжает представлять международный терроризм. Он восходит корнями к этническим и религиозным конфликтам (например, неутихающий израильско-палестинский конфликт), разочарованию и неудовлетворенности бедностью и дискриминацией, а также к религиозному и/или идеологическому фанатизму. В нынешнем столетии терроризм стал по-настоящему международным явлением, которое требует от государств, страдающих от него, выработки согласованных усилий. Терроризм нельзя победить только с помощью мер безопасности. Чтобы стать по-настоящему эффективными, меры должны основываться на сотрудничестве между государствами. Однако даже лучшие меры безопасности не решат проблему терроризма. Долгосрочная стратегия должна включать воспитание граждан в духе уважения к отказу от насильственных методов. Чтобы создать социальные и психологические условия для снижения опасности терроризма, необходимо формировать и поддерживать систему ценностей, способствующих мирному разрешению конфликтов и уважению прав человека. Поэтому отвечающий реальности ответ на вопрос о безопасности нельзя сводить исключительно к военным и/или полицейским мерам. Требуется новый взгляд на мир, о котором я уже говорил как о культуре мира[2].

Сочетание четырех вызовов означает, что ответы на них невозможно связать с мерами, принимаемыми отдельными государствами. Они требуют по-настоящему глобальных ответов. В отсутствие мирового правительства решение можно найти только при условии сотрудничества национальных правительств.

Установление такого сотрудничества вызывает трудности, потому что во многих случаях требуется подчинение краткосрочных национальных интересов глобальным. Решения такого рода находятся в руках политических лидеров. Осознают ли они серьезность глобальных проблем? Можно ли добиться от них особого отношения к этим проблемам? Смогут ли они отказаться от национального эгоизма в пользу взаимовыгодного сотрудничества и содействия общему благу даже за счет краткосрочных национальных интересов?

Ответы на эти вопросы должны выходить за рамки решений политического руководства. Руководители и демократических, и авторитарных государств не действуют в политическом вакууме. Им приходится учитывать настрой своих граждан, даже если демократические механизмы выборов отсутствуют или ограничены. Ключ к политическим решениям глобальных проблем — в умонастроениях граждан. Необходимо так называемое «глобальное образование», направленное на переосмысление восприятия людьми глобальных проблем. Польский социолог Катаржина Ясиковская в своей книге рассуждает о перспективах глобального образования как «необходимом элементе решения животрепещущих проблем современности»[3] и считает такое образование попыткой преодоления ограничений неолиберального экономического мышления и консервативного принятия статус-кво. Действенное глобальное образование может быть утопией, но его ценность в долгосрочной перспективе состоит в том, что люди начинают осознавать возможность альтернативы в решении глобальных проблем и отношении к ним политиков и широких слоев населения. В этом смысле глобальный диалог между народами, представляющими разные культуры, играет очень большую роль.

Г. А. Гаджиев[4]

ПРОРОЧЕСТВО ГАМЛЕТА, КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ ВЕЧНОГО МИРА И ОСНОВНАЯ ЗАГАДКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

1. Всемирно известный символ властолюбивого саморазрушения — Гамлет — произносит завораживающую фразу: «Насильственные действия концом своим насильственные действия имеют» (в переводе Б. Пастернака).

Датский летописец XII века Саксон Грамматик и английский хронист конца XVI века Рафаэль Холиншед, к исследованиям которых обращался Уильям Шекспир при написании «Гамлета», указывали, что шекспировский герой прежде всего известен тем, что он убийца, а не рефлексирующий молодой мыслитель. Да, он убил Полония, отравил Розенкранца и Гильденстерна. Но у Шекспира эта историческая правда превращается в вечную этическую проблему самоуничтожения властолюбием. В интерпретации Льва Додина «Гамлет» сводится к жесткой закономерности: «насилие всегда

[1] Russia and the World: Understanding International relations / ed. N. Tsvetkova. Lanham : Lexington Press, 2017.

[2] *Wiatr J. J.* Tarcza i miecz: socjologiczne zagadnienia bezpieczeństwa narodowego. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2017. S. 296–321.

[3] *Jasikowska K.* Zmnieniając świat! Edukacja globalna między zyskiem a zbawieniem. Krakow : Impuls, 2018. S. 10.

[4] Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 270 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика», «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)», «Российская судебная власть: современность и перспективы» (в соавт.), «Право и экономика (методология)» и др. Член редколлегий 12 научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

образует замкнутый кровавый круг, вырваться из которого можно, только распрощавшись с жизнью».

2. Кровавый круг насилия — bellum omnium contra omnes — понятие социальной философии Томаса Гоббса продолжает пророчество Гамлета. В так называемом естественном доправовом состоянии все люди равны и каждый руководствуется своими страстями. А поскольку человек эгоистичен, то самыми сильными страстями являются жажда власти, богатства и наслаждений. Принцип поведения человека в «естественном состоянии» предельно прост: «человек вступает в череду конфликтов. Так возникает война всех против всех». Как известно, в «Левиафане» Гоббса проявилась философская рефлексия гражданской войны в Англии.

Прошли века, и появился великий кантовский проект договора о вечном мире между государствами. Он появился не сразу, сначала Кант считал, что война является одной из «хитростей разума», которая направляет разногласия между государствами на пользу человечеству. Но ко времени появления трактата «К вечному миру» (1795) Кант уже считал, что практический разум состоит в устремлении к миру. Когда он использовал термин «истребительная война», то, по сути, предугадал риски современной войны, «которая позволила бы установиться вечному миру лишь на великом кладбище человечества».

Избежать такой перспективы позволяет только право, прописывающее правила, в соответствии с которыми военные столкновения становятся невозможны из-за ликвидации оснований к таковым.

Великий моралист Кант, как и другие моралисты, свято верил в реализуемость его программы «к вечному миру». А академик А. А. Гусейнов доказывал, что развитие цивилизации не пошло по пути, указанному великими моралистами, и их нормативно-этические программы чаще всего оказываются нереализованными. Чтобы, надо думать, оправдать их деятельность, Абдусалам Абдулкеримович пишет: «Возвышенный пафос моралистов был спасательным противовесом материальной устремленности цивилизации»[1]. В этой апологетике можно обнаружить глубокую мысль: хорошо уже то, что моралисты есть, что их предупреждающие голоса предостерегают от рисков одичания. Но одновременно Гусейнов, как мне кажется, намекает на вечную закономерность несоответствия между платоническим миром идей и материальными интересами наций.

Прудон через полтора века после проекта Канта вновь объяснял феномен войны и мира как две неизбежные функции человечества, которые чередуются в истории, так же как в жизни человека чередуются бодрствование и сон. Поэтому у Прудона, пережившего революцию и войну, война — дело обыденное и чуть ли не продуктивное.

В начале XXI века в глобальном мироустройстве начался новый цикл, появились «гегемониальная держава» и «оппортунистическое приспособление к ней Европы» (Ю. Хабермас).

Дальнейший «разлом коры мира» (как состояние, сменяющее состояние войны) вновь расколол Запад и Восток как будто бы для того, чтобы доказать правоту Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись».

Неужели цивилизация обречена на такую модель развития, которая может быть описана известными словами В. И. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад»?

3. Для меня утверждение, что ядром культуры человечества и тем самым сердцевиной цивилизации являются универсальные и неизменные моральные ценности, является бесспорным. Они так же вечны и универсальны, как естественные права.

Любая модель мироустройства, то есть глобальный мир, неизбежно нуждается в морально-нравственной базе, созданной всем человечеством. Принцип взаимности как принцип международного права вытекает из более общего принципа суверенного равенства государств.

Генеалогия принципа взаимности показывает его истоки. Это старая социальная норма, согласно которой если кто-то делает что-то для вас, вы чувствуете себя обязанным сделать что-то в порядке взаимности.

The Rule of Reciprocity, этика взаимности, или «золотое правило», стало одним из самых важных социальных правил, проводимых в жизнь всеми мировыми религиями: «Делай другим то, что ты хотел бы, чтобы они сделали для тебя». Это правило стало «местом встречи» различных областей знаний — философии, теологии, социологии, юриспруденции.

Несомненно, что сейчас правило взаимности является всеми признанной частью общего наследия человеческой мудрости — эта идея совпадает во всех теологических системах знаний.

Принцип взаимности вырос из формулы древнеримского права: do ut des (даю тебе, чтобы ты дал мне). Эта древнейшая юридическая норма описывает опыт примитивного экономического оборота. Право возникло в процессе осознания сути обменных операций. Создавать цены, измерять ценности — все это и означало обмениваться. Этот реальный процесс, писал Ф. Ницше в труде «К генеалогии морали», в такой степени занимал сознание древнего человека, что (в известном смысле) первоначально формы юридического мышления оказались придатками обменных операций. Из этой зачаточной формы зарождающегося права зреющее чувство и понятие долга, меры, а потом и договора с его взаимностью не только привели к аристотелевскому пониманию взаимности, но и предопределили современный юридический концепт.

Дисгармония, нарушение баланса интересов в обмене, как правило, является следствием страстей человека (желания неосновательно получить ценности). Пострадавшая сторона вынуждена реагировать — в связи с этим возникает стремление осуществить возмездие. Так Платон описывает причины конфликтов в «Государстве». Его версия того, как разрешить проблему гражданского мира и согласия, с позиции нынешнего дня кажется наивной. Платон предлагал передать власть в государстве философам, которые, буду-

[1] *Гусейнов А. А.* Великие моралисты. М., 1995. С. 263.

чи одержимы идеей добра, должны сдерживать страсти людей.

Идею добра подхватило христианство, призывая поставить любовь к ближнему в один ряд с любовью к самому себе. Идея добра «проросла» в учении Л. И. Петражицкого. Профессор Петражицкий в изданной в 1895 году на немецком языке работе «Lehre vom Einkommen», обсуждая различные соображения относительно распределения материальных благ в обществе, высказал идею о значении любви к ближним, согражданам и современникам. При этом выдающийся русский теоретик права понимал под любовью деятельную силу, отличающуюся постоянно возрастающей интенсивностью. По его мнению, любовь может институционализироваться в виде воззрений, инстинктов и даже учреждений. Он считал, что при внимательном изучении всего «общественного здания» можно прийти к заключению, что его фундамент, устои — не что иное, как кристаллизация институтов, образовавшихся под длительным воздействием любви и разума. При этом два начала — любовь и разум — переходят одно в другое. Любовь и разум постоянно борются с эгоизмом, который мешает как установлению гармонии в межчеловеческих отношениях, так и построению разумной социальной жизни.

Отталкиваясь от этих рассуждений, можно высказать предположение, что любовь и эгоизм порождают постоянную борьбу противоположностей, при этом оба начала обладают социальной полезностью, ибо конкуренция между ними создает гармонию, баланс в форме публичного порядка. Сужение зоны конфликтности — в этом смысл общего блага.

Главное общее благо, если судить по тексту российской Конституции, — это согласие, мир, минимизация социальных конфликтов. В третьей строке преамбулы к ней сказано, что многонациональный народ России утверждает на своей земле права и свободы человека, гражданский мир и согласие.

Кант рассматривал мораль и право как проявление естественного практического разума. Тем самым его взгляды на то, как разрешать конфликты, не очень отличаются от идеи Платона: нет большого различия между тем, должны управлять всеми философы или практический разум (мораль и право).

Устарели ли подходы Платона, Канта и далее по списку? Думаю, они прошли испытание временем. Глобальный мир по-прежнему имеет два полюса — страстные желания (экономические интересы, желание осчастливить насильно и т. д.) и разум. Разум предполагает баланс, сдерживание.

«Гегемониальные державы» с сателлитным множеством стран в мировой политике несущественно отличаются от стран с моделью классической империи. Они составляют проект мироустройства, который Карл Шмитт во второй половине XX века назвал «порядком больших пространств». Мироустройством в этом проекте занимаются уже не суверенные государства, а «суверенные пространства», на территории которых зависимые нации и народы подчиняются авторитету «прирожденной для руководства» нации, которая обрела доминирующее положение благодаря своим историческим достижениям в области экономики. Сами «большие пространства» в проекте Шмитта наделяются коннотациями, пересекающимися с идеей вечной борьбы культур/идеологий.

«Гегемониальные державы», как пишет Юрген Хабермас, обладают способностью к самоутверждению и «излучению». С помощью своих политических ценностей они формируют *идентичность большого пространства*. Нельзя не согласиться с К. Шмиттом в том, что новый миропорядок, состоящий из «больших суверенных пространств», может держаться исключительно на «равновесии сил», а не на идее абстрактной справедливости.

Проект Карла Шмитта учитывает все возрастающий скепсис в новом веке по отношению к возможности межкультурного согласования универсально приемлемых трактовок прав человека и демократии.

Итак, философские проекты мироустройства попрежнему конкурируют между собой. С одной стороны, великие мечтатели Платон, Кант, верившие в вечный мир между нациями, с другой — философы-скептики. К ним весьма условно можно отнести Прудона, К. Шмитта и Ю. Хабермаса.

Первые верили в то, что у вечного мира между народами есть платформа в виде общих морально-нравственных принципов. Вторые, напротив, используя в качестве эмпирических точек опорно-политические события XX и XXI веков, фокусируются на культурном релятивизме, несовпадении морально-правовых принципов в разных «больших пространствах» (западноевропейском, евразийском, азиатском), борьбе культур, идентичности в ее новом масштабе, выходящем за пределы одной нации.

Неизменным остается только одно — основная загадка истории: окажутся правы скептики или романтики?

На уровне ощущений — пока берут верх первые. Это ощущение возникло в связи с тем, что бал начинает править политический цинизм. Общественная атмосфера сродни той, что описал А. Мариенгоф в книге «Циники». Это душная атмосфера, которая обычно возникает тогда, когда рушатся прежние системы ценностей, а пыль и взвесь мешают увидеть, какие новые ценности придут им на смену.

С. Ю. Глазьев[1]

БУДУЩИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК ИЗ НЫНЕШНЕГО ХАОСА

Нарастающий хаос в мировой экономике, политике, информационной сфере пугает своим размахом и ощущением глобальной неопределенности. Экономисты не смогли предсказать глобальный финансовый кризис и не могут сказать, когда закончится Великая стагнация, охватившая ведущие страны мира. Айтишники на волне активного распространения социальных сетей, гаджетов и криптовалют надувают финансовые пузыри обязательств виртуальных компаний, порождая то ажиотаж, то панику среди ведущейся на краудсорсинг публики. Технари увлечены всеобщей роботизацией и автоматизацией, создавая ожидание всеобщего вытеснения рабочих и служащих в болото застойной безработицы. Наконец, футурологи рисуют мрачную картину господства искусственного интеллекта, которую киношники дополняют образами киборгов, мутантов и прочих чудовищ биоинженерной революции. Общественное сознание поражено депрессией и ожиданием апокалипсиса, которое подогревается навязчивым стремлением фискальных органов провести всеобщую оцифровку населения, присвоив номер каждому человеку.

В общем есть от чего сойти ума думающему человеку. Хотя не думающих, а плывущих по волне цифровизации обывателей, особенно среди молодежи, более чем достаточно, общее настроение тревоги, вызванной неопределенностью даже близкого будущего, формирует социально-экономический климат во многих странах мира, включая Россию.

Во многих, но далеко не всех. Быстрый устойчивый экономический рост Китая, Индии, стран Индокитая сопровождается оптимистическими ожиданиями и хорошим настроением большинства населения Юго-Восточной Азии. И в управляемом коммунистами Китае, и в демократической Индии, и в мусульманской Малайзии, и в модерновом Сингапуре не наблюдается страха перед будущим, которое созидается народами этих стран по долгосрочным планам с уверенностью в своих силах.

Да и в нашей стране немало людей уверенно смотрят в будущее, увлечены новыми технологиями и добиваются успехов в их освоении. Они зарабатывают на информатизации, роботизации, искусственном интеллекте, криптовалютах, плавая, как рыба в воде, в условиях сингулярности, пугающей обывателя своей запредельной сложностью и неопределенностью.

Можно ли на макроэкономическом уровне найти точки опоры для стратегического планирования, которое позволило бы не горстке высокоинтеллектуальных профессионалов, а обществу в целом наметить путь устойчивого развития в нарастающем хаосе? Или хотя бы точку зрения, с которой за этим хаосом можно разглядеть контуры обозримого будущего?

Наука о технологическом прогнозировании позволяет предвидеть распространение технологий, опираясь на закономерности научно-производственного цикла. Жизненный цикл любой технологии описывается логистической кривой, так же как и жизненный цикл любого живого существа или любого процесса обучения. Эта *S*-образная кривая проявляется в динамике всех признаков научно-производственного цикла: объема производства, доли на рынке, производительности, в характеристиках качества продукции[2].

«В самом общем, приблизительном, виде он описывается логистической кривой (рис. 1), определяемой дифференциальным уравнением вида

$$\frac{dy}{dt} = \alpha\left(y - k_1\right)\left(k_2 - y\right), \qquad (1)$$

где t — параметр, выражающий совокупные затраты общества на развитие данной технологии (это могут быть затраты времени, денег или любого другого ресурса); $y(t)$ — технологически значимый результат, достигаемый данной технологией (он также может быть выражен в натуральных или стоимостных единицах); α — положительная постоянная (параметр „масштаба“), определяющая крутизну подъема данной кривой; k_1 и k_2 — положительные константы, ограничивающие (соответственно снизу и сверху) результат функционирования технологии. При этом k_1 — это нижняя граница $y(t)$, выражающая исходные, стартовые, предельно низкие возможности технологии, а k_2 — ее технологический предел, характеризующий максимально высокие ее возможности.

С увеличением затрат (в какой бы форме они ни измерялись) на освоение и совершенствование данной технологии ее технологически значимый результат может лишь возрастать, поэтому $y(t)$ представляет собой функцию, монотонно растущую на всей области ее определения. Тот факт, что первая производная (скорость роста) величины y, согласно уравнению (1), прямо пропорциональна отрыву этой величины от ее стартовых возможностей, означает, что $y(t)$ растет

[1] Академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина по вопросам региональной экономической интеграции, доктор экономических наук, профессор. Научный руководитель Межрегионального института экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС. Автор более 300 научных работ, в т. ч. 32 монографий: «Экономическая теория технического развития», «Теория долгосрочного технико-экономического развития», «Выбор будущего», «О стратегии экономического развития России», «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на „экономическое чудо“», «Стратегические предпосылки модернизации и инновационного развития российской экономики», «„Украинская катастрофа“: от американской агрессии к мировой войне», «Экономика будущего. Есть ли у России шанс?», «Последняя мировая война. США начинают и проигрывают», «Битва за лидерство в XXI веке. Россия–США–Китай: семь вариантов обозримого будущего» и др. Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. Награжден орденом Дружбы, медалью «За вклад в создание Евразийского экономического союза» I степени, золотой медалью Н. Д. Кондратьева. Многократный лауреат национальной премии «Человек года».

[2] *Сахал Д.* Технический прогресс: концепции, модели, оценки. М. : Финансы и статистика, 1985.

тем быстрее, чем больше этот отрыв. С другой стороны, пропорциональность первой производной значению ($k_2 - y$) означает замедление роста величины y (t) по мере приближения ее к своему верхнему технологическому пределу»[1].

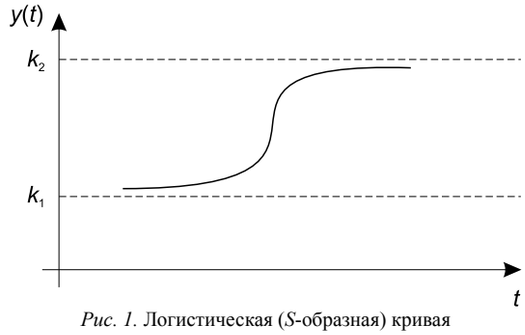

Рис. 1. Логистическая (*S*-образная) кривая

Таким образом, по мере накопления данной величины она все ближе подходит к значению k_2, и по мере того как разница между ними ($k_2 - y$) стремится к нулю, скорость роста y (t) также снижается до бесконечно малых величин. Тем самым мы имеем рост с насыщением, означающий, что растущая величина имеет верхний предел, по мере приближения к которому ее рост замедляется.

Логистическая кривая является универсальной формой жизненного цикла любых технологий. Для математического описания этого процесса используются уравнения Пирла–Ферхюльста: трехпараметрическая симметричная логистическая кривая, позитивно смещенная логистическая кривая, функция Гомпертца, модифицированная экспоненциальная функция и др.[2] Приведем формулы логистического уравнения Ферхюльста[3], успешно использовавшиеся для описания динамики биопроцессов популяции:

$$dx/dt = \alpha x - \beta x^2, \quad (2)$$

где $\beta = \alpha/K$; α — общий коэффициент прироста популяции, учитывающий смертность; К — предельная численность, которой может достичь популяция; x — численность популяции; t — время; dx/dt — скорость роста популяции.

В логарифмической шкале эта кривая приобретает форму прямой, что делает ее удобным инструментом математического моделирования. Она широко используется в технологическом прогнозировании. Имея информацию о начальном этапе распространения технологии (с момента ее выхода на устойчивую фазу роста проходит, как правило, от 10 до 15 % времени всего жизненного цикла), можно достаточно надежно спрогнозировать всю траекторию ее развития.

Существуют тысячи примеров формального описания распространения технологий посредством эмпирического подбора параметров логистической кривой[4]. Технологическое прогнозирование сегодня представляет собой развитую отрасль современной науки, которая, в отличие макроэкономического мейнстрима, имеет дело с реальными процессами и является надежной опорой для принятия правильных решений в управлении развитии экономикой на локальном уровне отдельных технологий и направлений развития техники.

Взаимодействие не ограничивается последовательным замещением устаревающих технологий новыми. Ни одна из технологий не существует в вакууме, ее воспроизводство предполагает сопряжение с другими технологиями, а развитие сопровождается внедрением дополняющих и улучшающих нововведений. При изучении закономерностей технического развития экономики необходимо так представить ее структуру, чтобы основной структурный элемент не только сохранял бы целостность в процессе технологических сдвигов, но и был бы носителем технологических изменений, то есть не требовал бы дальнейшей дезагрегации для их описания и измерения.

В качестве такого элемента мы рассматриваем *совокупность технологически сопряженных производств — технологическую совокупность*. Технологическая совокупность складывается в воспроизводящуюся целостность из связанных «входами» и «выходами» технологических процессов, продукция которых используется главным образом внутри технологической совокупности.

Технологическая сопряженность объединенных в технологическую совокупность производственных процессов обусловливает синхронизацию их развития. Возникновение, расширение, стабилизация и упадок производств, входящих в одну технологическую совокупность, происходят более или менее одновременно. Образование новых цепочек сопряженных технологических процессов вследствие внутренней целостности технологической совокупности означает вытеснение старых, поэтому любые серьезные нововведения внутри технологической совокупности принимают характер ее реконструкции на новой технической платформе, которая может знаменовать собой появление очередной технологической совокупности.

Так складываются группы технологических совокупностей, связанных друг с другом более тесно, чем с остальными. В такую группу включаются технологические совокупности всех типов, соединенные в воспроизводящуюся целостность производственной кооперацией, технологически приспособленные друг к другу и имеющие относительно одинаковый технический уровень. В процессе развития сопряженные технологические совокупности приспосабливаются к потребностям друг друга; естественное стремление субъектов хозяйствования к стабильности условий производства придает технологическим связям между совокупностями устойчивый характер. В экономике складываются устойчивые технологические цепи, которые объединяют сопряженные друг с другом технологические совокупности различных типов, осуществляющие последовательные переделы некоторо-

[1] *Нижегородцев Р. М.* Логистическое моделирование экономической динамики. Ч. 1 // Control sciences. 2004. № 1. С. 46–47.

[2] *Tarde G.* Les lois de l'imitation, etude sociologique. Sec. ed. P., 1985.

[3] Приведено на основе: Прикладное прогнозирование национальной экономики / под ред. В. В. Ивантера, И. А. Буданова, А. Г. Коровкина, В. С. Сутягина. М. : Экономистъ, 2007. С. 362.

[4] *Сахал Д.* Указ. соч.

го набора ресурсов — от добычи полезных ископаемых до производства предметов конечного потребления.

Таким образом, в технологической структуре экономики можно выделить группы технологических совокупностей, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности — *технологические уклады*. Согласно классическому определению, *технологические уклады — это группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепочками и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый уклад представляет собой обладающее внутренним единством устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления*[1].

Технологический уклад (ТУ), рассматриваемый в динамике функционирования, является воспроизводственным контуром[2], содержащим совокупность развивающихся и воспроизводящихся синхронно базовых технологий. В статике он может быть определен как совокупность близких по техническому уровню производств, то есть как хозяйственный уровень[3].

Технологический уклад формируется в рамках экономической системы, охватывая все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления, образуя *макроэкономический воспроизводственный контур*. Таким образом, каждый технологический уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего техническое развитие экономики не может происходить иначе, как путем последовательной смены технологических укладов. Жизненный цикл каждого уклада образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития.

Жизненный цикл технологического уклада на поверхности экономических явлений отражается в форме «длинной волны» экономической конъюнктуры с фазами, соответствующими этапам этого цикла. Фаза депрессии отвечает этапу зарождения соответствующего технологического уклада, фаза оживления — этапу его становления, фаза подъема «длинной волны» — этапу его роста, фаза рецессии — этапу его зрелости, характеризуемому исчерпанием возможностей дальнейшего экономического роста, продолжение которого становится возможным с переходом к новому технологическому укладу.

Фаза роста нового технологического уклада сопровождается не только снижением издержек производства, происходящим особенно быстро с формированием его воспроизводственного контура, но и перестройкой экономических оценок в соответствии с условиями его воспроизводства. Изменение соотношения цен способствует повышению эффективности технологий, составляющих новый технологический уклад, а с вытеснением традиционного технологического уклада — эффективности всего общественного производства. Наиболее четко эти изменения проявляются в периодически происходящих колебаниях цен на энергоносители — с резкого повышения этих цен начинаются падение эффективности доминирующего технологического уклада и процесс его замещения новым, более эффективным. По мере роста последнего энергоемкость общественного производства сокращается, падает спрос на энергоносители, снижаются цены на них, а также на энергоемкие материалы и сырье, что создает благоприятные условия для возобновления экономического роста на базе нового технологического уклада.

Смена доминирующих технологических укладов опосредуется структурными кризисами мировой экономики. Именно такого рода кризис происходит в настоящее время с характерными для этого периода колебаниями цен на энергоносители, финансовыми «пузырями», экономической депрессией. Произошедший в нулевые годы всплеск цен на нефть и другие энергоносители свидетельствует о достижении пределов роста доминировавшим до последнего времени технологическим укладом. Преодоление структурного кризиса происходит в настоящее время благодаря росту нового технологического уклада. Уже обозначились его ключевые направления: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологии, аддитивные технологии[4], системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Дальнейшее развитие получат гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, атомная промышленность, авиаперевозки. Расширение атомной энергетики и потребления природного газа будет дополнено расширением сферы использования водорода в качестве экологически чистого энергоносителя, существенно распространится применение возобновляемых источников энергии. Произойдут еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий.

[1] *Глазьев С. Ю.* Методы оценки динамических характеристик НТП // Известия АН СССР. Сер. экономическая. 1985. № 1. Научное открытие С. Ю. Глазьева «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик».

[2] *Данилов-Данильян В. И., Рывкин А. А.* Воспроизводственный аспект экономического развития и некоторые проблемы управления // Экономика и математические методы. 1982. Т. XX, вып. 1 ; *Глазьев С. Ю.* НТП и воспроизводственные структуры в народном хозяйстве. Препринт. М. : ЦЭМИ АН СССР, 1986.

[3] *Яременко Ю. В.* Структурные изменения в социалистической экономике. М. : Мысль, 1981.

[4] Аддитивные (от *англ.* to add — «добавлять») технологии — процесс послойного синтеза материала объекта из данных 3D-модели: изделие как бы выращивается из загруженного в принтер материала. Они получили свое название в противоположность «вычитающим» (subtractive) производственным технологиям, а именно механической обработке. Преимущества аддитивных технологий — улучшенные свойства готовой продукции, большая экономия сырья, возможность создания изделий со сложной геометрией. По данным Минпромторга, приведенным в № 24 журнала «Эксперт» за 2017 год (статья «Технология на вырост»), в России сегодня эксплуатируется около 600–650 промышленных 3D-принтеров, из которых лишь около 10 % — аддитивные машины, работающие с металлическими порошками.

Завершится переход от «общества потребления» к «интеллектуальному обществу», в котором важнейшее значение приобретут требования к качеству жизни и комфортности среды обитания. Производственная сфера перейдет к экологически чистым и безотходным технологиям. В структуре потребления доминирующее значение займут информационные, образовательные, медицинские услуги, обеспечивающие воспроизводство человеческого капитала.

Измерение динамики ключевых производств нового технологического уклада позволяет констатировать прохождение им фазы «родов» с выходом в ближайшее время в фазу роста. Они расширяются с темпом около 35 % в год, формируя технологические траектории новой «длинной волны» экономического роста[1]. Наибольшая активность в освоении новых технологий наблюдается в солнечной энергетике, робототехнике, светотехнике, лазерных, информационных и биоинженерных технологиях. Самой крупной отраслью становится здравоохранение благодаря революции в медицине, которая происходит на основе клеточных технологий. Вторая по величине отрасль — образование, поскольку с ростом продолжительности жизни приходится постоянно переобучать кадры, образование становится непрерывным.

Таким образом, опираясь на теорию долгосрочного технико-экономического развития как процесса становления и смены технологических укладов, можно прогнозировать технологические траектории экономического развития на 2–3 десятилетия. Своевременное совершенствование ключевых производств нового технологического уклада формирует сравнительные преимущества, которые будут определять геоэкономическую конкуренцию до середины XXI века. Переход к нему совершается через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность ключевых направлений развития экономики. Стоимость производства и эксплуатации средств вычислительной техники на нанотехнологической основе снизится на порядок, многократно возрастут объемы ее применения в связи с миниатюризацией и приспособлением к конкретным потребительским нуждам. Медицина получит в свое распоряжение технологии борьбы с болезнями на клеточном уровне, предполагающие точную адресную доставку лекарственных средств к пораженным участкам организма в минимальных объемах и с максимальным использованием способностей организма к регенерации.

Наноматериалы обладают уникальными потребительскими свойствами, формируемыми целевым образом, в том числе для многократного повышения прочности, износостойкости, надежности создаваемых из них изделий. Трансгенные культуры многократно снижают издержки, увеличивают эффективность и улучшают потребительские качества фармацевтического и сельскохозяйственного производства. Генетически модифицированные микроорганизмы будут использоваться для извлечения металлов и чистых материалов из горнорудного сырья, революционизируя химико-металлургическую промышленность. В машиностроении на основе системы «нанокомьютер–наноманипулятор» создаются сборочные автоматизированные комплексы и 3D-принтеры, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов и клеточных технологий в медицине кардинально расширяются возможности профилактического лечения и продления человеческой жизни.

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов создает научную основу для формирования стратегии развития национальной экономики[2]. В частности, в отношении отечественной экономики — стратегию опережающего развития на базе форсированного роста нового технологического уклада. С учетом перехода нового технологического уклада в фазу роста и состояния российской экономики разработана стратегия ее опережающего развития, предусматривающая приоритетное значение роста производства нового технологического уклада на базе активизации имеющегося научно-технического потенциала. Именно в период смены технологических укладов для отстающих стран открываются возможности, позволяющие совершить рывок на передовой уровень развития экономики. Это требует концентрации ресурсов в сферах производства нового технологического уклада. Необходимо также стимулировать инновационную активность в целях динамического наверстывания отставания в тех производствах, где наблюдается незначительное отставание от передового в мире уровня. И наконец, в безнадежно отставших отраслях нужна реализация стратегии догоняющего развития с опорой на импорт технологий и воплощающие передовой технический уровень иностранные инвестиции. Реализация смешанной стратегии опережающего развития требует стимулирования спроса на новую продукцию, в том числе через госзакупки, а также обеспечения финансирования роста новых технологий посредством долгосрочного доступного кредита.

Исходя из приоритета опережающего роста нового технологического уклада и модернизации на этой основе российской экономики, с учетом ее возможностей подготовлены предложения по реализации государственной политики опережающего развития экономики[3]. Они включают развертывание системы стратегического и индикативного планирования, механизмов долгосрочного кредитования роста перспективных производств нового технологического уклада, форм частно-государственного партнерства в достижении поставленных целей модернизации и роста экономики на передовой технологической основе. При этом должны учитываться соответствующие новому технологическому укладу методы управления, в том числе системы автоматизированного проектирования, которые

[1] Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитонова. М. : Тровант, 2009.

[2] Научное открытие С. Ю. Глазьева «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации № 65-S выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук).

[3] *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010.

вместе с технологиями маркетинга и технологического прогнозирования позволяют перейти к автоматизированному управлению всем жизненным циклом продукции.

Прогнозирование структурных изменений, обусловленных сменой ТУ, позволяет определить приоритетные направления политики экономического развития. Форсированное наращивание инвестиций в их осуществление дает возможность экономике развиваться в режиме опережающего развития, при котором рост новых производств будет компенсировать падение деловой активности в устаревших технологических совокупностях старого ТУ. И наоборот, игнорирование этой возможности обрекает экономику на технологическое отставание и деградацию.

Опираясь на гипотезу о закономерностях смены мирохозяйственных укладов не только в технологической, но и в институциональной области, за кажущимся хаосом можно выявить устойчивые тенденции.

В историческом исследовании Дж. Арриги[1] приводится периодизация развития капитализма как последовательности системных вековых циклов накопления капитала. По наименованию стран, лидировавших в ходе соответствующего цикла и задававших образец организации воспроизводства капитала, он выделяет испано-генуэзский, голландский, английский и американский циклы, каждый из которых занимал около столетия. По его мнению, в настоящий период мир находится на пороге нового векового цикла накопления капитала. Вслед за американским вековым циклом центр мирового экономического развития смещается в Азию, где вперед вырывается Китай.

Гипотеза, на которую мы опираемся, заключается в том, что в основе каждого векового цикла накопления капитала лежит жизненный цикл соответствующего мирохозяйственного уклада, который мы определили как *систему взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений*. Смена вековых циклов накопления капитала происходит вследствие завершения жизненного цикла соответствующего мирохозяйственного уклада и становления нового. Их еще можно определить как системы управления развитием экономики с характерной для каждой из них структурой властно-хозяйственных отношений.

Ключевое значение для формирования структуры властно-хозяйственных отношений каждого мирохозяйственного уклада имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные нормы, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения. Каждый уклад имеет пределы своего роста, определяемые накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Рост этих противоречий происходит до момента дестабилизации системы международных экономических и политических отношений и до сих пор разрешался мировыми войнами. Последние организовывались и провоцировались теряющей доминирующие позиции страной-лидером устаревающего мирохозяйственного уклада с целью ужесточения контроля над периферией мировой экономики для усиления своих конкурентных преимуществ и ослабления позиций возможных конкурентов. Из числа последних, однако, всегда появлялся новый лидер — носитель более прогрессивной системы институтов и производственных отношений, который до последнего момента уклонялся от участия в войне, чтобы вступить в нее на завершающем этапе в стане победителей и захватить глобальное лидерство.

Использование понятия «уклад» призвано отразить воспроизводящуюся целостность взаимосвязанных элементов — соединенных технологической кооперацией производств (технологический уклад) и объединенных институтами хозяйственных образований (мирохозяйственный уклад). Связанность элементов предопределяет синхронизацию их жизненных циклов по меньшей мере в фазе зрелости и упадка, а также прерывистый характер экономического развития, в котором периодически происходит одновременная смена большого количества элементов, приобретающая скачкообразный характер технологических (при смене технологических укладов) и социальных (при смене мирохозяйственных укладов) революций.

Историческая схема вековых циклов накопления капитала и соответствующих им мирохозяйственных укладов, условно названных по типу доминировавшей в то время системы международных торгово-экономических отношений, приведена на рис. 2.

Приведенная периодическая система А. Айвазова сочетает периодизацию сменяющих друг друга технологических укладов и системных циклов накопления капитала. Она основана на обобщении теории длинных волн Н. Кондратьева и теории системных циклов накопления капитала Дж. Арриги. Из этой периодической системы следует, что в 2008 году мир вступил в фазу «великих потрясений», в процессе которой произойдет смена системных циклов накопления, а также смена лидера мирового экономического развития. Мир входит в азиатский системный цикл накопления капитала, в котором главная роль в обеспечении роста экономики принадлежит государству. И на место господствующей до настоящего времени неолиберальной «свободной игры рыночных сил» придут усиление государственного вмешательства в экономическую жизнь, государственное индикативное планирование и жесткое регулирование экономики государственными и надгосударственными органами, интегрирующими деятельность различных социальных групп и экономических агентов исходя из общенародных интересов.

Выход из нынешнего кризиса будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. Как это обычно бывает, доминирующие в рамках существующего мирохозяйственного уклада стра́ны демонстрируют неспособность к кардинальным институциональным нововведениям, которые могли бы канализировать высвобождающийся капитал в структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада, продолжая вос-

[1] *Arrighi G.* The long twentieth century: money, power and the origins of our times. L. : Verso, 1994.

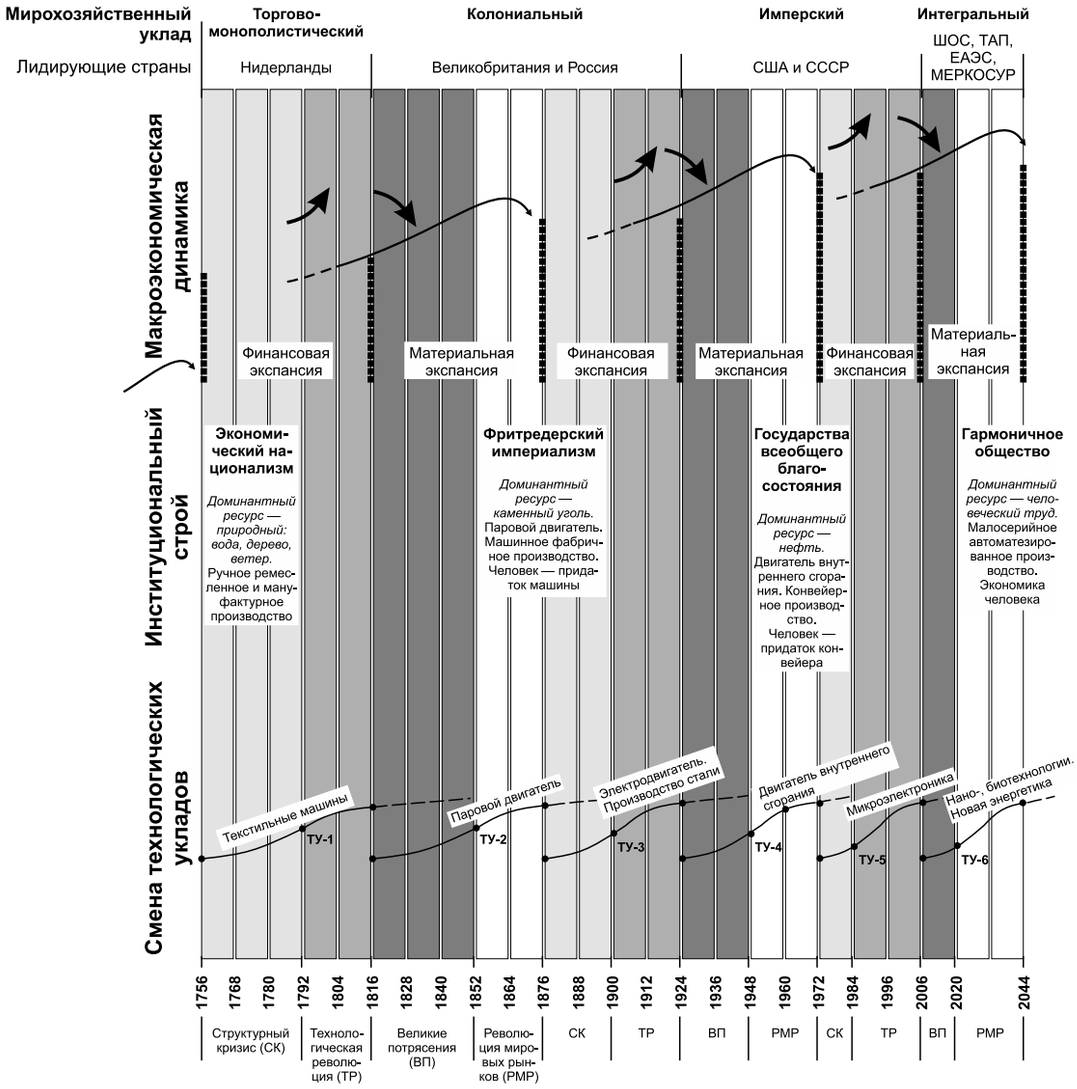

Рис. 2. Периодическая смена мирохозяйственных укладов. (Источник с изменениями автора: *Айвазов А.* Периодическая система мирового капиталистического развития // Развитие и экономика. 2012. Март. № 2.)

производить сложившуюся институциональную систему и обслуживать воплощенные в ней экономические интересы. Тем временем разворачивающаяся структурная перестройка мировой экономики, связанная с переходом на новый технологический уклад, дает отстающим странам возможность для экономического рывка с целью достижения уровня передовых стран, пока последние сталкиваются с перенакоплением капитала в устаревших производственно-технологических комплексах.

Такой рывок сегодня совершают Китай и другие страны Юго-Восточной Азии. За три последних десятилетия КНР добилась впечатляющих успехов. Из глубокой периферии мировой экономики Китай шагнул в число лидеров, выйдя в 2014 году на первое место в мире по физическому объему ВВП и экспорту высокотехнологичной продукции. За три десятилетия объем ВВП Китая вырос в 30 раз (с 300 млрд долл. до 9 трлн долл. по текущему курсу юаня к доллару), промышленного производства — в 40–50 раз, валютных резервов — в несколько сотен раз (с нескольких десятков миллиардов долл. до 4 трлн долл.). По уровню экономического развития, измеряемого показателем ВВП на душу населения, Китай поднялся с места в конце списка беднейших стран до места в первой тридцатке стран среднего достатка[1].

Китай становится мировым инженерно-технологическим центром. Доля китайских инженерно-технических и научных работников в их мировой численности в 2007 году достигла 20 %, удвоившись по сравнению с 2000 годом (1420 и 690 тыс. соответственно). Согласно прогнозам, к 2030 году в мире будет насчитываться

[1] Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС / под ред. В. Садовничего, Ю. Яковца, А. Акаева. М., 2014.

15 млн инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн чел. (30 %) будут составлять ученые, инженеры и техники из КНР[1]. К 2030 году Китай по объему затрат на научно-технические разработки выйдет на первое место в мире, и его доля в объеме мировых затрат составит 25 %[2].

Одновременно с КНР опережающие темпы роста демонстрируют Индия, Индонезия, страны Индокитая. Они формируют ядро нового — интегрального — мирохозяйственного уклада. В отличие от стран ядра существующего мирохозяйственного уклада, навязавшего миру универсальную систему финансово-экономических отношений как основу либеральной глобализации, формирующееся ядро нового мирохозяйственного уклада отличается большим разнообразием. Эта особенность проявляется и в принципах международных отношений, разделяемых странами нового ядра: в свободе выбора путей развития, отрицании гегемонизма, суверенности исторических и культурных традиций. Формирование нового мирохозяйственного уклада ведется на равноправной, взаимовыгодной и консенсусной основе. По этим принципам создаются новые региональные экономические объединения (ШОС, ЕАЭС, МЕРКОСУР, АСЕАН–Китай) и международные финансовые институты (Банк развития и Пул условных валютных резервов БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Евразийский банк развития).

Формирование нового мирохозяйственного уклада влечет за собой реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Возрождение планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, активная промышленная политика, контроль за трансграничными потоками капитала и валютные ограничения — все это превращается из запрещенного вашингтонскими финансовыми организациями «меню» в общепринятые инструменты международных экономических отношений. В противовес Вашингтонскому ряд ученых заговорил о Пекинском консенсусе, являющемся более привлекательным для развивающихся стран, в которых проживает большинство человечества[3]. Он опирается на принципы недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориентируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъем народного благосостояния. При этом может возникнуть новый режим защиты прав на интеллектуальную собственность и передачи технологий, вероятно принятие новых норм международной торговли в сфере энергетики и ресурсов, новых правил международной миграции, могут быть заключены новые соглашения об ограничении вредных выбросов и т. д.

К формирующемуся ядру нового мирохозяйственного уклада подтягиваются как близлежащие страны — Россия, Индия, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, так и страны Африки и Латинской Америки. В совокупности экономическая мощь этих государств уже сопоставима со странами ядра американского цикла накопления. Есть у них и общие элементы — Япония, Сингапур и Южная Корея, которые могут сыграть роль своего рода канала для перемещения капитала из одного цикла накопления в другой. Несмотря на существенные отличия от КНР по политическому устройству и механизмам регулирования экономики, между ними формируется множество устойчивых кооперационных связей, увеличиваются объемы взаимной торговли и растут инвестиции.

Вне зависимости от доминирующей формы собственности — государственной, как в Китае или Вьетнаме, или частной, как в Японии или Корее, — для интегрального мирохозяйственного уклада характерно сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы. При этом формы политического устройства могут принципиально различаться — от самой большой в мире индийской демократии до крупнейшей в мире Коммунистической партии Китая. Неизменным остается приоритет общенародных интересов над частными, выражающийся в жестких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, четкое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Система управления социально-экономическим развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение уровня благополучия общества.

Примат общественных интересов над частными выражается в характерной для нового мирохозяйственного уклада институциональной структуре регулирования экономики. Прежде всего — в государственном контроле над ключевыми параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство при этом не столько приказывает, сколько выполняет функции модератора, формируя механизмы социального партнерства и взаимодействия между основными социальными группами. Чиновники не пытаются руководить предпринимателями, а организуют совместную работу делового, научного, инженерного сообществ с целью формирования общих целей развития и выработки методов их достижения. В свою очередь, предприниматели вписывают мотив максимизации прибыли и обогащения в этические нормы, защищающие интересы общества. Расширяется использование институтов предпринимательской деятельности, ориентированных не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат — создание и развитие некоммерческих организаций, институтов развития, исламского и православного банкинга. При управлении денежными потоками принимаются

[1] 2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай-2030: вперед к всеобщей зажиточности) / Центр изучения положения в стране Университета Цинхуа ; под ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. Пекин : Изд-во Кит. народ. ун-та, 2011. С. 30. (На кит. яз.)

[2] Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС.

[3] *Ramo J. C.* The Beijing Consensus. The Foreign Policy Centre, 2004 ; The Beijing Consensus: An alternative approach to development. World Foresight Forum. The Hague, The Netherlands, 2011. Issue Brief № 02.

во внимание этические нормы и вводятся ограничения против финансирования преступной и аморальной деятельности. На это настраиваются и механизмы государственного регулирования экономики.

Государство обеспечивает предоставление долгосрочного и дешевого кредита, а бизнесмены гарантируют его целевое использование в конкретных инвестиционных проектах для развития производства. Государство предоставляет доступ к инфраструктуре и услугам естественных монополий по низким ценам, а предприятия отвечают за производство конкурентоспособной продукции. В целях повышения ее качества государство организует и финансирует проведение необходимых НИОКР, образование и подготовку кадров, а предприниматели реализуют инновации и осуществляют инвестиции в новые технологии. Частно-государственное партнерство подчинено общественным интересам развития экономики, повышения народного благосостояния, улучшения качества жизни. Соответственно меняется и идеология международного сотрудничества: модель либеральной глобализации в интересах мировой финансовой олигархии сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества; а также роль и значение денег, вокруг накопления которых в руках властвующей элиты доминирующих государств вращались все вековые циклы накопления капитала. В новом мирохозяйственном укладе деньги становятся инструментом обеспечения воспроизводства и развития экономики в общественных интересах.

Россия, входившая в составе СССР в одно из двух ядер имперского мирохозяйственного уклада, после распада Союза оказалась на периферии американского цикла накопления капитала. Соответственно, сократился вес российской экономики в мировой. Утратив воспроизводящуюся целостность, российская экономика не может образовать ядро нового мирохозяйственного уклада, встраиваясь в азиатский цикл накопления капитала в качестве сырьевой периферии. Теоретически в качестве ведущей страны Евразийского экономического союза Россия может войти в ядро интегрального мирохозяйственного уклада, если сумеет своевременно освоить его институты, а также создать базисные технологические совокупности нового технологического уклада.

Ал. А. Громыко[1]

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЕВРОПЕ. РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

В XX веке мир стал свидетелем изобретения международного субъекта нового — наднационального — качества. Со времени своего создания в 1957 году Европейский союз превратился в одного из экономических тяжеловесов. Однако его амбиции пока не подкреплены необходимым набором инструментов. Статус Евросоюза как крупного центра силы опирается больше на внешнеполитическое влияние его ведущих стран-членов, нежели на собственный наднациональный потенциал. Сможет ли ЕС обрести настоящую субъективность глобального игрока и реализовывать свою международную стратегию — одна из главных интриг ближайших десятилетий [15, 16].

Председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер предупреждает, что ни одна страна ЕС через 30 лет не будет входить в число семи крупнейших экономик. Если в настоящее время, по его данным, доля ВВП организации в мировой экономике составляет порядка 23 %, то через 20 лет она сократится до 15–17 %. Евросоюз теряет и демографически: к концу столетия его население может составить лишь 4 % от мирового[2]. На стратегические проблемы интеграционного объединения все чаще указывают в европейских столицах. Так, в Великобритании, несмотря на стремление Лондона в розовом свете представить будущие позиции королевства в мире, осознают растущие геополитические риски. «К 2030 году, — указывает Дж. Хант, глава британского Форин-офиса, — Китай обойдет США и станет крупнейшей экономикой мира. К 2050 году экономики Китая и Индии в сумме превзойдут ВВП „Большой семерки“»[3].

На фоне многочисленных кризисных явлений во внутреннем развитии Евросоюза и изменении «картинки» внешнего мира не в пользу прежнего порядка вещей [2] новое дыхание в последние годы обретает замысел с давней историей — создать собственный политико-военный потенциал ЕС, добиться определенного

[1] Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы» (в соавт.), «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко» (авт. и сост.), «Европа XXI века. Новые вызовы и риски» (ред. и соавтор), «О насущном. Европа в современном мире» и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа». Председатель Совета экспертов Института лингвоцивилизационных и миграционных процессов фонда «Русский мир». Президент Ассоциации европейских исследований России. Председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко. Член бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, Научного совета Совета безопасности РФ, Научного совета при министре иностранных дел России. Руководитель кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария) и Воронежского государственного университета.

[2] https://youtu.be/2R6rwAkvnwE (дата обращения: 15.01.2019).

[3] http://www.ukpol.co.uk/jeremy-hunt-2018-speech-at-policy-exchange (дата обращения: 27.12.2018).

суверенитета в проведении общей внешней политики и политики безопасности.

Вновь ставка на «жесткую силу»

Сердцевина современной системы обороны и безопасности ЕС — соглашение о постоянном структурированном сотрудничестве[1] (ПСС) в качестве элемента Европейской политики обороны и безопасности (ЕПБО) ЕС[2], созданной Амстердамским договором 1999 года. Принцип ПСС получил юридическое закрепление в Лиссабонском договоре, вступившем в силу в декабре 2009 года. В декабре 2017 года Европейский совет утвердил одноименную программу, к которой присоединилось 25 стран ЕС за исключением Великобритании, Мальты и Дании [19]. Подписанное соглашение носит юридически обязывающий характер. С тех пор основополагающая роль ПСС в развитии оборонного союза подчеркивалась многократно.

В случае осуществления Брексита [1] и с учетом деформаций в отношениях ЕС и США эти тенденции получат дальнейшее развитие. С 2012 года вне рамок Военного штаба ЕС заработал Оперативный центр планирования и проведения военных миссий за рубежом за исключением боевых операций[3]. В июне 2017 года его функции в рамках имплементации Глобальной стратегии по решению Европейского совета перешли к Центру планирования и проведения военных миссий[4] уже в структуре Военного штаба. В его ведении находятся три небоевые миссии ЕС в Мали, Центральноафриканской Республике и Сомали. Центр изначально задумывался как постоянно действующий военно-оперативный штаб, но такую смелую новацию неизменно блокировал Лондон. В Брюсселе рассчитывают, что после выхода Британии из Евросоюза эта новая структура в 2020 году будет преобразована в Оперативный штаб с возможностью проведения боевых операций (прообраз Министерства обороны ЕС).

Представляется, что в ближайшие годы приоритет концепции оборонного союза ЕС будет заключаться в стремлении ускорить интеграцию военно-промышленных комплексов государств-членов, что, в свою очередь, подразумевает увеличение их конкурентоспособности в соревновании с ВПК Соединенных Штатов. Военные расходы членов Альянса до планки в 2 % от национальных ВВП наращиваются под давлением Вашингтона. Но одновременно ряд европейских союзников хотел бы использовать по крайней мере часть дополнительных средств для продвижения по пути стратегической автономии ЕС, другими словами, для ухода от полной военно-политической зависимости от США.

Для наиболее радикальных последователей идеи оборонного союза конечная цель состоит в создании европейской армии, то есть наднационального инструмента обороны и безопасности ЕС. Но сегодня речь идет о гораздо более реальных вещах, как, например, о стимулировании совместных НИОКР в военной сфере для создания полностью совместимых технологий и оборудования[5]. Суммарный военный бюджет стран — членов ЕС — 28 в 2017 году впечатлял: порядка 260 млрд долларов[6] (траты на вооружения, исследования и разработки), однако 80 % оборонных закупок осуществлялось исключительно на национальной основе.

Наиболее проблемной стороной развития нового европейского военного потенциала является его тесная связь с военным планированием в рамках НАТО — организации с выраженной антироссийской направленностью. Ярким примером является концепция «оборонного Шенгена». В марте 2018 года Еврокомиссия утвердила план по ускоренной переброске военной силы и техники с запада на восток Европы, который стал одним из масштабных проектов ПСС. Этот план направлен на адаптацию гражданской транспортной инфраструктуры для военных нужд (специфика строительства и модернизации транспортных объектов, унификация законодательства стран — членов ЕС по предоставлению транзита для военных сил и оружия). Вкупе с новыми программами Альянса эти приготовления со всей очевидностью свидетельствуют о готовности части европейского политического и военного истеблишмента рассматривать вероятность крупномасштабных военных действий в Европе.

Одновременно в направлении активизации военной мобильности в рамках усилий по сдерживанию «российской агрессии» и укреплению гарантий безопасности союзников работает Пентагон на базе Европейской инициативы по сдерживанию[7]. Затраты на ее реализацию в 2019 году американцы планируют повысить с 4,8 до 6,5 млрд долларов. Бóльшая часть этой суммы пойдет на модернизацию военной инфраструктуры для американских ВВС в восточноевропейских странах с одновременным созданием больших запасов военного снаряжения в таких государствах, как Германия и Великобритания.

Со стороны НАТО принимаются дальнейшие программы, направленные на наполнение оборонного Шенгена содержанием. Так, одним из главных решений саммита НАТО в Брюсселе в июне 2018 года стала инициатива «4 по 30», тесно связанная с вопросами военной мобильности. Замысел состоит в том, чтобы к 2020 году на основе имеющихся сил подготовить 30 батальонов, 30 авиаэскадрилий и 30 военных кораблей, готовых к развертыванию в течение 30 дней или быстрее. Эти ротационные силы в подчинении государств — участников Альянса призваны выполнять функцию второго эшелона для быстрой переброски, усиления или замещения Сил быстрого реагирования (СБР).

Эти и другие военные приготовления, расширение военной инфраструктуры говорят о принципиально

[1] Permanent Structured Cooperation (PESCO).

[2] European Security and Defence Policy (ESDP). После принятия Лиссабонского договора в 2007 году переименована в Общую политику безопасности и обороны (Common Security and Defence Policy (CSDP)).

[3] The EU Operations Centre (EU OPCEN).

[4] Military Planning and Conduct Capability.

[5] С 2010 года страны ЕС тратят на совместные НИОКР в военной сфере менее 200 млн евро в год.

[6] По данным СИПРИ. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2017.xlsx (дата обращения: 05.01.2019).

[7] European Deterrence Initiative.

важном моменте: конфронтация с Россией закладывается в военном планировании НАТО, которая старается внедрить его в элементы еще находящегося в эмбриональной стадии Европейского оборонного союза. Будущее покажет, удастся ли Альянсу поглотить элементы европейского военного строительства или оно сумеет встать на ноги.

С точки зрения российских интересов ключевое значение имеют два следующих положения: во-первых, судя по всему, укрепление военного потенциала в рамках ЕС — процесс необратимый; во-вторых, незападным центрам силы намного выгоднее его развитие в соответствии с концепцией Европейского оборонного союза (ЕОС), чем на основе тезиса об общей политике безопасности и обороны ЕС (ОПБО) как о «европейской опоре НАТО». Структурное противостояние России с Альянсом в обозримом будущем гарантировано, что далеко не очевидно в области отношений с ЕС. Для других крупных субъектов мировой политики вне «коллективного Запада» усиление НАТО за счет европейцев — малопривлекательная опция. США, которые по традиции доминируют в Альянсе, не воспринимаются как стабилизирующая сила в международных отношениях. Евросоюз — напротив, обладает репутацией более предсказуемого, миролюбивого и последовательного в своих действиях игрока.

Евросоюз повышает свой голос

В конце августа 2018 года широкий резонанс вызвало выступление Э. Макрона перед руководителями дипломатических миссий Франции. Он заявил о необходимости более тесной европейской кооперации в области обороны, а также отметил: «Европа больше не может доверять свою безопасность только Соединенным Штатам. Мы сами должны гарантировать нашу безопасность» [39]. Все более откровенно стали высказываться политики рангом ниже. Ф. Парли, министр обороны Франции, в сентябре 2018 года призвала к снижению военной зависимости от США. Для подкрепления своей позиции она привела следующие примеры: блокирование Соединенными Штатами Америки продажи Египту французских крылатых ракет «Скальп», в производстве которых используются американские компоненты, и необходимость запрашивать у Конгресса США разрешение на установку вооружений на американские беспилотники «Рипер», которые Париж покупает для борьбы с террористическими группировками. Причем причины этих трудностей Парли отнесла на счет как геополитических соображений, так и коммерческой конкуренции[1]. Позже в интервью CNN уже сам президент Франции без обиняков сказал, что увеличение европейцами трат на оборону не значит, что они должны покупать вооружение американского производства[2].

Львиная доля успеха или неудачи продвинутого сотрудничества в сфере обороны и безопасности зависит в первую очередь от франко-германского тандема, хотя и испытавшего в последние десятилетия деформацию с ростом экономической и политической роли Германии. Осознание развития мира по неизведанному пути полицентризма происходит в умах не только политиков крупнейших ведущих государств интеграционного объединения, но и малых членов ЕС, включая те, в которых антироссийские настроения укоренились, а проамериканские доминируют.

Стоит ожидать, что Франция и Германия продолжат выдвигать те или иные инициативы, сопровождающие идею оборонного союза: одни — для продвижения конкретики, другие, менее реальные, — для поддержания темпа реформ. Возможно, к последней категории относится предложение о создании Совета безопасности ЕС (СБЕС), которое Э. Макрон и А. Меркель озвучили на двусторонних межправительственных консультациях 19 июля 2018 года [5]. Позже, в октябре, выступая в баварском г. Оттобойрене, канцлер подтвердила свою позицию [8]. Речь идет об органе, название которого не случайно созвучно Совету Безопасности ООН. Из разрозненных комментариев следует, что в его состав могли бы войти постоянные члены (в первую очередь Франция и Германия), а также на ротационной основе — непостоянные члены. Тогда в духе «многоскоростной Европы» решалась бы и проблема консенсуса при принятии в ЕС внешнеполитических решений, то есть ни одна страна из последней категории не смогла бы блокировать его решения, как это происходит сейчас.

С точки зрения интересов России демонтаж правила консенсуса, который сегодня применяется при голосовании в Совете ЕС по иностранным делам, носит двусмысленный характер. Консенсус означает, что любая страна может наложить вето, например, по вопросу о продлении антироссийских санкций; но с его отменой потребуется уже политическая воля нескольких государств для принятия такого решения. И, конечно, в случае создания Совета безопасности ЕС встанет целый ряд управленческих вопросов для всей организации, например: как новая структура будет соотноситься с Советом ЕС по иностранным делам. Получит ли идея СБЕС развитие, станет ясно в течение 2019 года. Пока же, принимая инициативу во внимание, руководящие органы интеграционного объединения осторожно высказываются о ее перспективах. Так, в резолюции Европарламента от 12 декабря 2018 года говорится: «Принимаем во внимание предложение нескольких государств-членов о Совете безопасности ЕС и считаем, что данную концепцию необходимо прояснить, перед тем как провести оценку ее добавленной стоимости» [23].

Вскоре Э. Макрон пошел еще дальше, заявив 6 ноября 2018 года в эфире радиостанции «Европа 1», что ЕС нуждается в собственных вооруженных силах[3]. Более того, он назвал страны, от которых надо защищаться: Китай, Россия и… США. Включение последних в этот перечень было беспрецедентным для лидера одного из государств — членов ЕС и НАТО, тем более такого крупного. Сообщения в «Твиттере» Д. Трампа в ответ

[1] Глава Минобороны Франции выступила за снижение зависимости от США в оружейных компонентах. URL: http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=75292.

[2] https://edition.cnn.com/videos/politics/2017/09/19/intv-macron-complete-amanpour.cnn (дата обращения: 20.11.2018).

[3] https://www.youtube.com/watch?v=ilggBgh8Lhw.

на это высказывание были полны негодования (он назвал их «очень оскорбительными»). Разгорелась достаточно жаркая дискуссия и в Европе, причем, что показательно, в основном только по высказываниям президента Франции в части евроармии. Солидарность с Макроном проявила А. Меркель, которая призвала работать над созданием «настоящей европейской армии»[1].

Энергичным игроком в деле наращивания политико-военных возможностей ЕС выступает Европарламент, большинство депутатов которого поддерживают концепцию общей оборонной политики. В его недрах прорабатывается ряд обновленных идей. Так, на рассмотрение в Комитет по международным делам этого наднационального органа в сентябре 2018 года поступил доклад об увеличении в четыре раза численности боевых групп[2] ЕС путем преобразования 14 батальонных групп по 1,5 тыс. человек каждая в такое же количество войсковых бригад. Эти предложения были включены в официальные материалы для подготовки доклада Европарламента о реализации ОПБО [22] и в более сжатом виде изложены в его резолюции по докладу (п. 27) [23].

Выводы

Если для консолидации НАТО и придания ей смысла «российская угроза» вновь стала основным мотивом, то резоны создания оборонного союза ЕС совсем иной природы. Здесь главным стимулом стали два геополитических шока, которые испытал ЕС: первый — Брексит, второй — глубокие изменения в отношениях с США. Именно эти факторы заставили (и в какой-то степени развязали руки) поборников стратегической автономии не только в очередной раз в истории интеграции задуматься о ее военном измерении, но и приступить к конкретным действиям. Сколько бы ни звучало заявлений, что и после Брексита Лондон останется надежным союзником Брюсселя, доверие к британцам у их континентальных соседей подорвано. Сколько бы США и их европейские союзники ни заверяли друг друга в преданности и непоколебимости ст. 5 Устава НАТО, в Евросоюзе распространяется осознание неизбежности принципиальных и долгосрочных расхождений с Америкой по целому ряду пунктов региональной и глобальной повестки дня. Что касается отношений ЕС с Россией, то в них достаточно не только разногласий, но и общих тем для возобновления серьезного долгосрочного диалога [20].

Конечно, фрондирование части европейцев в отношениях с США и желание обрести бóльшую самостоятельность во внешнеполитической и военно-политической области далеко не всегда делает их менее восприимчивыми к нарративу об «угрозе с востока». Во многих странах ЕС с готовностью подхватили изменения в приоритетах, внесенные в обновленную Стратегию национальной безопасности США 2017 года. В этом документе главной угрозой Соединенным Штатам провозглашается возобновление геополитического соперничества между государствами, среди которых Китай и Россия составляют первый ряд противников. «Китай и Россия, — говорится в стратегии, — бросают вызов силе Америки, ее влиянию и интересам, пытаясь подточить американскую безопасность и процветание» [32].

И все же ЕС уже во многом представляет собой политический союз, надстраиваемый над экономическим. Может ли он опираться на политико-военный потенциал государств, не входящих в него? Очевидно, что нет. Трудно себе представить, чтобы европейцы испытывали давление и даже унижение со стороны США, например, в торговой сфере или в вопросе о ядерной сделке с Ираном и одновременно продолжали как ни в чем не бывало следовать традиционному соподчинению в военной сфере. В этой ситуации неизбежно стремление снизить свою зависимость от военных возможностей такого партнера, используя союзнические отношения там, где выгодно, и действуя самостоятельно в иных случаях.

Раньше как данность было принято считать, что США гарантируют военную безопасность Европы фактически в качестве альтруизма. Теперь такие гарантии обусловливаются вполне прагматичными соображениями. Новая реальность подталкивает обладателей крупнейшего единого рынка на планете к обретению собственной стратегической автономии даже с учетом того, что суммарный американский и британский вклад в бюджет НАТО достигает порядка 32 % (22 и 10 % соответственно).

Если вынести за скобки «российскую угрозу», то остается не так много проблем, с которыми ЕС не справился бы, опираясь на собственный политико-военный потенциал. Общим местом в рассуждениях о его зависимости от США является история войн в Югославии и интервенции против Белграда, в которых американцы играли доминирующую роль. Но это события 20-летней давности, их последствия отвечали в первую очередь геополитическим интересам Вашингтона, и противоречивость принятых тогда решений признается многими даже на Западе. Войны в Афганистане и Ираке также были порождением исключительно американской внешней политики и во многом шли вразрез с интересами Европы. Единственный случай, когда европейцы стали инициатором крупных военных действий, — вторжение Франции и Британии в Ливию под прикрытием известной резолюции Совета Безопасности ООН. Но это очевидный негативный пример, который в Париже и Лондоне не принято вспоминать, тем более использовать как аргумент в пользу консервации зависимости Европы от США в сфере безопасности.

Там, где ЕС действительно заинтересован в применении «жесткой силы», например для борьбы с внутренним экстремизмом, международным терроризмом, охраной внешних границ, проведением операций в Сахеле и так далее, европейцы вполне способны спра-

[1] А. Меркель заявила, что ЕС следует двигаться в направлении создания европейской армии // ТАСС. 2018. 13 нояб. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5788160 (дата обращения: 10.12.2018).

[2] Боевые группы были созданы в рамках программы «Головная цель–2010», принятой на саммите ЕС в 2004 году. Их оперативную готовность официально провозгласили в 2007 году; с тех пор они ни разу не были задействованы в каких-либо операциях, хотя совместные учения проводились.

виться сами. На это направлена вся логика «европейского проекта» Э. Макрона, включая «европейскую инициативу по вмешательству» [10]. Маловероятно, что в обозримом будущем ЕС придется предпринять какую-либо крупную экспедиционную операцию, которая в очередной раз сделает его зависимым от военного потенциала США. Привычка военной зависимости от США не раз наносила вред безопасности Европы. Так, если Париж и Лондон полагались бы исключительно на свои силы и не были бы уверены, что при необходимости их подстрахуют США и НАТО, то, скорее всего, не решились бы на авантюру в Ливии. Если Британия не руководствовалась бы превратным толкованием военной солидарности с Америкой, то, возможно, не ввергла бы себя в иракскую драму.

Строительство оборонного союза ЕС не противоречит деятельности Альянса, по крайней мере в обозримом будущем. Напротив, европейцы будут продвигаться в этом направлении крайне осторожно, а часть из них, настроенная наиболее проамерикански, в свете выхода Великобритании из ЕС попытается взять на себя функцию торможения развития политико-военного потенциала организации. Постоянным будет акцент на тесное сопряжение новых европейских политико-военных инициатив с деятельностью НАТО. Достижение настоящей стратегической автономии займет много времени. Не исключено и попятное движение в случае снижения интереса Берлина и Парижа к энергичному запуску ПСС и других программ.

При всей обоснованности скепсиса в отношении будущего ЕОС формирование «двухъядерного» Запада, сердцевина которого распадается на США и ЕС, делает очевидной потребность в наличии потенциала «жесткой силы» у обоих его центров. При наличии политической воли и снижении уровня противоречий между Вашингтоном и ведущими европейскими столицами эти центры еще длительное время смогут сосуществовать достаточно гармонично, разделив сферы ответственности и функции в рамках «коллективного Запада».

Например, Париж и Берлин, концентрируя со временем в своих руках все больше политико-военных возможностей, вряд ли будут оспаривать восточноевропейское направление обеспечения безопасности как вотчину Альянса. Это направление по разным причинам играет важную роль во внешней и внутренней политике США и ряда восточноевропейских стран, которые пока едины в своем антироссийском настрое. Стремление распространить на эту сферу прерогативы ЕОС будет вызывать лишь ненужное французам и немцам раздражение союзников. А у Парижа и Берлина проблем и так достаточно.

Концепция ЕОС в обозримом будущем не предусматривает дублирования американских программ в военном строительстве, не говоря уже о конкуренции с США в Азиатском регионе. Однако в случае неспособности объединенной Европы в последующие годы подкрепить свои глобальные экономические интересы автономным политико-военным потенциалом Евросоюз не сможет заставить США, а позже и Китай считаться со своими стратегическими амбициями.

Литература

1. *Годованюк К. А.* Последствия Брексита для общей политики безопасности и обороны ЕС / К. А. Годованюк // Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы. — М. : Ин-т Европы РАН, 2018. — С. 14–19. — (Доклады Института Европы ; № 351).

2. *Громыко Ал. А.* Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики / Ал. А. Громыко // Современная Европа. — 2018. — № 4. — С. 5–16.

3. *Данилов Д. А.* Формирование новых инструментов и механизмов ОПБО / Д. А. Данилов // Европейский союз: факты и комментарии. — М. : Ин-т Европы РАН : АЕВИС, 2018. — Вып. 93. Июнь-авг. — С. 74–77.

4. *Журкин В. В.* Европейская армия: поражения и победы. Международные отношения / В. В. Журкин. — М., 2012. — С. 51–58.

5. *Журкин В. В.* Об идее создания Совета Безопасности Евросоюза / В. В. Журкин // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2018. — № 4. — С. 4–5 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD.pdf.

6. Защита государственного суверенитета — опыт Евросоюза и европейских стран / под ред. В. Б. Белова. — М. : Ин-т Европы РАН, 2018.

7. Меняющаяся роль Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах : аналит. докл. / под ред. В. И. Васильева, А. М. Кокеев. — М. : ИМЭМО РАН, 2018.

8. *Рокоссовская А.* Совет от канцлера. Меркель предложила создать Совбез Евросоюза / А. Рокоссовская // Российская газета. — Фед. вып. — 2018. — 2 окт. — № 7683 (220) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://rg.ru/2018/10/02/merkel-predlozhila-es-sozdat-svoj-sovet-bezopasnosti.html (дата обращения: 15.01.2019).

9. *Тимошенкова Е. П.* Насколько суверенна объединенная Германия в действительности? / Е. П. Тимошенкова // Научно-аналитический вестник Ин-та Европы РАН. — 2018. — № 5.

10. *Федоров С. М.* «План Макрона» для Европы: новый старт Европейского проекта в XXI веке / С. М. Федоров // Современная Европа. — 2018. — № 6. — С. 30–39.

11. *Bachmann D. et al.* More European, More Connected, More Capable: Building the European Armed Forces of the Future / D. Bachmann [et al.] // Munich Security Conference, McKinsey & Company and Hertie School of Governance. — Nov. 2017 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://european-defense-report.securityconference.de.

12. *Barrie D. et al.* Protecting Europe: Meeting the EU's Military Level of Ambition in the Context of Brexit / D. Barrie [et al.] // IISS-DGAP. — 2018. — Nov. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://dgap.org/de/article/getFullPDF/31639.

13. *Billon-Galland A.* Are PESCO projects fit for purpose?/ A. Billon-Galland, Y.-S. Efstathiou // European Defence Policy Brief. European Leadership Network, IISS. — 2019. — Febr.

14. *Billon-Galland A.* European Staregic Autonomy: Stop Talking, Start Planning / A. Billon-Galland, A. Thomson // European Defence Policy Brief. European Leadership Network. — 2018. — May.

15. *Biscop S.* 1919–2019: How to Make Peace Last? European Strategy and the Future of the World Order / S. Biscop // Security Policy Briefs. Egmont Royal Institute for International Relations. — 2019 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.egmontinstitute.be/1919-2019-how-to-make-peace-last (дата обращения: 10.01.2019).

16. *Biscop S.* Fighting for Europe. European Strategic Autonomy and the Use of Force / S. Biscop // Egmon Paper. — 2019. — Jan. — № 103.

17. Consolidated version of the Treaty on European Union — PROTOCOLS — Protocol (№ 10) on permanent structured cooperation established by Article 42 of the Treaty on European Union [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12008M/PRO/10&from=EN.

18. Consolidated version of the Treaty on European Union. — Art. 42 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12008M042.

19. Council Decision establishing Permanent Structured Cooperation (PESCO) and determining the list of Participating Member States. — 2017. — 8 Dec. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consilium.europa.eu/media/32000/st14866en17.pdf.

20. *Criekemans D.* Security Threats in Europe: Possibilities and Obstacles for EU–Russia Cooperation / D. Criekemans // The EU–Russia: The Way Out or the Way Down? / ed. O. Potemkina ; Institute of Europe ; Egmont. — M., 2018. — P. 28–33.

21. *Daslder I.* The Empty Throne: America's Abdication of Global Leadership / I. Daslder, J. Lindsay. — N. Y. : PublicAffairs, 2018.

22. Draft report on annual report on the implementation of the Common Security and Defence Policy (2018/2099 (INI)). — 2018. — 20 Sept.

23. European Parliament resolution of 12 December 2018 on the annual report on the implementation of the Common Security and Defence Policy (2018/2099 (INI)) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2018-0514+0+DOC+XML+V0//EN (дата обращения: 05.01.2018).

24. European Parliament resolution of 22 November 2016 on the European Defence Union (2016/2052 (INI)) [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P8-TA-2016-0435&language=EN.

25. *Fiott D.* Strategic Autonomy: Towards 'European Sovereignty' in Defence? / D. Fiott // EUISS Issue Brief. — 2018. — Nov. — № 12.

26. *Gould J.* NATO official warns EU force would be unwise / J. Gould // Defence News. — 2018. — 17 Nov. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.defensenews.com/global/europe/2018/11/17/nato-official-warns-eu-force-would-be-unwise.

27. Implementation Plan on Security and Defence. — 2016. — 14 Nov. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_implementation_plan_st14392.en16_0.pdf.

28. *Kunz B.* The Three Dimensions of Europe's Defense Debate / B. Kunz // Policy Brief. — 2018. — 21 June. — № 24 : The German Marshall Fund of the United States.

29. *Marrone A. et al.* Boosting Defense Cooperation in Europe: An Analysis of Key Military Capabilities / A. Marrone [et al.] // Istituto Affari Internazionali, Institut de Relations Internationales et Strategiques, Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, Swedish Defence Research Agency, Polish Institute of Internaitonal Affairs, Royal United Services Institute. — 2018. — June.

30. *Mehta A.* Portugal's defence minister targets NATO defence spending goals / A. Mehta // Defence News. — 2018. — 25 June [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.defensenews.com/smr/nato-priorities/2018/06/25/portugals-defense-minister-targets-nato-defense-spending-goals.

31. *Miglio A.* A Schengen of Defence? Integrating Existing Clusters of Inter-State Defence Cooperation into the EU Legal Framework / A. Miglio // Centre of Studies on Federalism. Policy Paper. — 2017. — July. — № 23.

32. National Security Strategy of the United Nations of America. — 2017. — Dec. — P. 2.

33. Notification on Permanent Structured Cooperation (PESCO) to the Council and to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf.

34. *Nye J. R.* The Rise and Fall of American Hegemony From Wilson to Trump / J. R. Nye // International Affairs. — 2019. — Jan. — Vol. 95, № 1. — P. 63–80.

35. Over 10,000 troops from nine nations ready to meet global challenges [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.gov.uk/government/news/over-10000-troops-from-nine-nations-ready-to-meet-global-challenges.

36. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. — 2016. — June [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf.

37. *Stone J.* EU army: Brussels 'delighted' that Angela Merkel and Macron want to create European military force / J. Stone // Independent. — 2018. — 14 Nov. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.independent.co.uk/news/world/europe/eu-army-angela-merkel-macron-germany-france-military-european-commission-juncker-a8633196.html.

38. We need a European army, says Jean-Claude Juncker. BBC News. — 2015. — 9 Mar. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.bbc.com/news/world-europe-31796337.

39. *Zachary Y.* Macron: Europe can't depend on US for security / Y. Zachary // Politico.eu. — 2018. — 27 Aug. [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.politico.eu/article/europe-defense-macron-cant-depend-on-us-for-security (дата обращения: 31.08.2018).

Ю. Р. Гроте[1]

ПРОФСОЮЗЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ АЛЬЯНСОВ И СОТРУДНИЧЕСТВА

В то время как Запад озабочен распространением популизма, праворадикальными ксенофобскими движениями и их мечтающими вернуться в прошлое сторонниками, от его внимания ускользают группы и организации, имеющие более широкий взгляд на мир, — профсоюзы и общественные движения. Далее я попытаюсь изложить свою точку зрения на эту проблему: почему так происходит и какие теоретические исследования и практические действия следует предпринять, чтобы улучшить ситуацию.

1. Страсти и интересы

В опубликованных в последнее время работах о современном состоянии политики в западных демократиях и о формах коллективных действий можно выделить три недостатка. Общий посыл как результат исследований в сфере политической экономии и форм демократии в Европе просто ужасает. Кажется, что мы находимся в ситуации упадка, дробления и индивидуализации, снижения веры в институты, лишившиеся содержания, захвата власти и чрезмерного накопления богатств небольшими по численности политическими и экономическими элитами, нарастающей маргинализации и обнищания больших групп населения. Все это происходит одновременно, и мы оказываемся в самом центре проблем. Достоверность этих наблюдений не вызывает сомнений, однако следует отметить один из недостатков исследований: в них в той или иной степени игнорируется один ключевой аспект, а именно способность тех, кто больше всего страдает от вышеупомянутых тенденций, объединиться и искать возможности, чтобы совместными усилиями остановить, обратить вспять происходящее или каким-то иным образом защитить свои интересы.

Второй недостаток относится к работам, посвященным конкретно этим акторам, а именно исследованиям существующих профсоюзов и общественных движений. И в тех, и в других признается масштаб нынешнего кризиса. Появились многочисленные книги и статьи, где рассматриваются реакции тех, кто является целями этих исследований, но в целом это всем безразлично. Плодотворного сотрудничества почти нет, никто не хочет выходить за рамки установившихся традиций исследования. Похоже, что те, кто изучает две разные формы коллективных действий, игнорируют друг друга. В лучшем случае исследователи профсоюзов и общественных движений рассматривают друг друга просто как средства, которые могут быть им полезны.

Третий недостаток непосредственно связан с предыдущим. Он относится к подобному типу разделения или, если выразиться более точно, к дихотомическим рассуждениям в целом. Мы позаимствовали идеи о страстях и интересах из новаторской работы Альберта Хиршмана [7] о процессах перехода от одного исторического периода к другому. Слово «страсти» используется в настоящей работе для сокращенного обозначения нематериальных интересов, в то время как термин «интересы» относится к материальной сфере. В типичной работе об общественных движениях и профсоюзах утверждается, что это были важнейшие различия, лежащие в основе коллективных действий двух типов групп, и с этими различиями трудно справиться. Эта дихотомия лежит в основе всех дебатов с самого их начала. Однако все может быть не так просто. Хиршман четко показывает, что страсти изначально ассоциировались с положительными качествами (в феодальные времена), но со временем могут превратиться в отрицательные, а потом опять приобрести дополнительное положительное значение — но на этот раз в форме просвещенного, то есть ведомого каким-то интересом поведения (капитализма). Например, жадность и алчность, как и честолюбие, и стремление к славе, трансформировались в более прозаичные интересы, и теперь от них получают пользу не только отдельные парвеню и феодалы, но и все общество. За долгую историю удалось понять, что интересы являются укротителями страстей, а последние теперь считаются негативными и нежелательными для общества отклонениями, и этот переход во многом произошел благодаря социально-политическим и экономическим переменам.

Поэтому страсти и интересы нельзя четко отделить друг от друга. Они все время сливаются и смешиваются, и что именно возьмет верх в сознании людей в тот или иной исторический период, во многом зависит от степени вовлеченности и изменяющихся восприятий. В таком случае спорным оказывается вопрос, можно ли упомянутым выше разделениям и дихотомии (политическая экономия и политическая теория против исследования коллективных действий; производственные отношения против знания общественных движений; и страсти против интересов) придать единую форму и привести в соответствие или совместить, глядя на некоторые недавние примеры коллективных действий членов двух изучаемых лагерей.

---

[1] Главный научный сотрудник Научно-исследовательского института «Диалог цивилизаций» (Берлин), доктор философии (Европейский университетский институт во Флоренции, Италия), работал в Карловом университете в Праге (Чехия). Область научных интересов: формы организованных коллективных действий капиталистов, рабочего класса; гражданское общество и общественные движения; европейская интеграция; региональная и структурная политика; стратегически важное управление и анализ взаимоотношений. Автор и редактор большого количества научных статей и книг, в т. ч.: «Social Movements and Organized Labour: Passions and Interests» (соред.), «Organized Business Interests in Changing Environments: The Complexity of Adaptation» (соред.), «Governing Interests. Business Associations Facing Internationalization» (соред.), «Organized Interests and the European Community» (соред.), «Yellow vests and blue mandarins», «Political misperceptions and their causes: Suggestions for research» (в соавт.), «Democratic capitalism and its discontents», «Making and breaking social capital: The paradox of China's social credit system» (в соавт.) и т. д.

В последнее время шли дебаты о том, что называть общественным движением или юнионизмом общества (как это делает Уотерман в своих работах). В основном они были вызваны событиями в ЮАР и Латинской Америке. Ученые, занимающиеся производственными отношениями, глубоко изучали работы об общественных движениях с целью идентификации моделей действий, которые могли бы способствовать возрождению профсоюзов. Тем не менее даже эти прогрессивные работы по сути оставались нормативными и большей частью инструментальными по своему характеру.

Если говорить об ученых, изучающих общественные движения, то профсоюзы фактически никогда не включались в их поле исследований. На протяжении какого-то времени их полностью исключали и не рассматривали как возможных партнеров и союзников. Их считали анахронизмом (Турень) из-за встроенности в государственные институты. Говорили, что они не способны адаптироваться к потребностям постиндустриального общества (Мелуччи). Горц не видел в них средоточия социальных перемен, а для Гидденса и Бека их место в современном мире остается спорным. В целом изучение общественных движений имеет склонность пренебрегать возможностью поиска альянсов с профсоюзами, как и профсоюзы, в свою очередь, пренебрегают этой возможностью. В настоящее время имеется лишь несколько исключений из подобного взаимного неуважения и невнимания. В первую очередь это вызвано реакцией на долги и финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, после которого положение дел начало меняться совсем недавно. Некоторые ученые поняли, что капитализм и политическую экономию нужно снова анализировать и включать в исследования, потому что большинство тех, кто стоит за последними выступлениями против режима жесткой экономии, направляют свое недовольство не только против форм коммодификации (традиционных трудовых споров и производственных конфликтов), но и против рекоммодификации (приватизации) и экс-коммодификации (исключения из рынков труда).

Анализируется возникновение контрдвижения, или новой формы совместных коллективных действий. Поэтому нас интересует вопрос, решают ли, а если решают, то почему и когда отдельные люди, уже сформировавшие организованную группу, присоединиться к проектам и деятельности с более широким охватом, которые выходят за пределы различных коллективных акторов. Во вторую очередь нас интересует, берут ли при этом профессиональные лидеры этих акторов на себя руководящую роль, а если берут, то когда. Это очень важное различие. Одно дело смотреть на договоры, заключения которых добились руководители. Для этого типа совместных действий понятие альянса или, как предлагает Диани [4], организационного «режима координации» (РК), может быть самым подходящим. Совсем другое дело, если посмотреть на уровень рядовых участников. Совместные действия людей, стирающие границы, лучше всего можно понять по сетям, по общественному движению и субкультурным видам координации. Наконец, альянсы и сети могут иметь весьма разные позиции относительно лежащих в основе целей, логических обоснований и подоплеки, а также структурных конфигураций. Иногда альянсы могут хорошо работать даже в отсутствие поддержки снизу. В других случаях может быть явное сотрудничество членов различных организаций, при котором нет необходимости в формировании альянса на уровне руководителей.

Вместо того чтобы рассуждать об уже устоявшейся сфере или поле деятельности профсоюзов и общественных движений, предлагаю перечитать современных классиков. Возможно, это даст возможность по-новому осмыслить обсуждаемую тему.

2. Поперечные расколы и пересекающиеся слои общества

Исчезновение традиционных расколов и когда-то четких классовых барьеров ставит вопрос о том, происходит ли обмен мировоззрениями и самосознанием в проницаемых классовых и поколенческих структурах, и не может ли этот обмен привести к чему-то вроде общего сознания активистов. Главной работой на эту тему считается книга Стейна Роккана [10] о слоистых структурах и пронизывающих всю структуру расколах. Расколы касаются не только структуры (экономической и пространственной), но и норм и ценностей (идеологий и отношений), а также действий и мобилизации (поведения), но могут включать еще и этническое, политическое, религиозное, гендерное и культурное разделение общества. Большую часть времени они представляются в форме своеобразных комбинаций таких разделений с тенденцией к взаимному наложению и усилению друг друга. В случаях, когда группы, изначально придерживавшиеся постматериалистических ценностей, начинают общаться и перемешиваться с членами групп, предпочитающих традиционные материалистические ценности, мы имеем дело с поперечным расколом. Когда члены обеих групп остаются в рамках своих изначальных пределов или среды, речь идет об усилении расколов. Если говорить о двух изучаемых группах, то вполне обоснованно можно утверждать, что последняя тенденция была доминирующей в относительно стабильный период роста примерно до начала 1980-х годов. С этого времени социальные, политические и культурные расколы становятся все шире, при этом как у членов профсоюзов, так и у участников движений формируется самосознание и мировоззрение, в которых присутствует одно и то же беспокойство, неуверенность и озлобленность из-за угроз, которые они одинаково чувствуют, — понижение общественного статуса, исключение из политической жизни и, если говорить об экономике, снижение уровня жизни.

Работа Георга Зиммеля о концентрических и пересекающихся слоях общества [11, p. 125–195] также помогает пролить свет на смешение социальных положений, стилей жизни, поведения и ценностей. В то время как «Концепция Роккана… относит структурные напряжения к сетям, идея Зиммеля… позволяет нам ухватить процесс индивидуализации, но также и посмотреть на то, как членство может перекомбинироваться в различных структурных моделях» [3,

p. 391]. Поскольку в пересекающихся кругах меняются не только восприятие и нормативные рамки, но и сама природа эмпирически наблюдаемых общественных отношений, такая комбинация может помочь полностью преодолеть дихотомию «структура–действие».

3. Движения и контрдвижения

Понятие «контрдвижение» было введено Карлом Поланием уже в 1944 году [9]. В своей книге «Великая трансформация» Поланий описывает переход от одного исторического периода к другому, изначально сосредоточив внимание на XIX веке. В его понимании развитие капитализма было вызвано двойным движением, определяющим относительную степень включенности и исключенности рынков из социальной и институциональной организации в разное время. Поланий обращается к более поздним событиям 1930-х годов и утверждает, что крах международной экономической системы был прямым следствием попытки организовать экономику на основе концепции свободной конкуренции и свободного предпринимательства, взятой из британской и австрийской школ либерализма. Как и в предыдущем столетии, движение за свободу предпринимательства нацелено на освобождение рынка от вмешательства государства, регулирования и других социальных ограничений и в дальнейшем подверглось атаке контрдвижения, которое боролось за сохранение социальных и политических прав и привилегий, завоеванных ранее. Движение «в обе стороны» означало столкновение двух противоположных и несовместимых целей: с одной стороны, свободного рынка, с другой — стремления общества навязать свои ценности процессу производства и распределения.

Поэтому концепция особенно подходит для анализа протестных событий и широкомасштабной мобилизации как раз в то время, когда рушатся традиционные оплоты профсоюзов. При этом защитой материальных интересов с каждым днем озабочены все бóльшие группы населения.

4. Формы критики

Многие из кажущихся точными дихотомий, разделяющих страсти и интересы, усиливаются от углубляющих друг друга расколов, становятся более сфокусированными благодаря пересекающимся слоям общества и прогрессивными благодаря реакционным частям контрдвижения, требуют дальнейшей концептуальной разработки и уточнения. Однако имеется еще одна классическая концепция, и она больше других подходит для наших аналитических целей. Она представлена Люком Болтанским и Евой Чапелло [2] в работе под названием «Новый дух капитализма». Авторов интересует анализ мотивов, неожиданно побудивших студентов и рабочих объединиться во время известных событий 1968 года во Франции, и они утверждают, что в основе волнений лежали различные источники негодования. Во-первых, требование свободы, во-вторых, неприятие безликости, в-третьих, отказ от эгоизма и, наконец, реакция на страдания. Соединение двух первых причин нашло классическое выражение в богемной среде в конце XIX века и называется «художественная критика». Вторая пара, централизованно сформулированная традиционным рабочим движением, представляет собой форму «социальной критики». Сравнивая судьбу двух форм критики с точки зрения их успеха, авторы находят, что художественная критика, по сути, была представлена студенческим движением и добилась большего, хотя и несколько неожиданным образом, чем рабочее движение. Многие требования, выдвинутые студентами в 1968 году, как, например, типы творческого выражения, гибкость самосознания, независимость и саморазвитие, направленные против ограничений буржуазной дисциплины, буржуазного лицемерия и потребительского конформизма, со временем были приняты логикой капиталистического производства и управления: в форме гибких систем организации труда, работы со смежниками и субподрядчиками, работы в команде, многопрофильности и специалистов широкого профиля, горизонтального менеджмента и других характеристик так называемого бережливого капитализма или постфордизма. Хотя социальная критика могла быть такой же успешной в достижении целей, связанных с правами, относящимися к рабочему месту, или нормами и предписаниями, от многих из них в дальнейшем отказались или они были утрачены во время триумфального поворота к неолиберализму, установившемуся примерно в середине 1970-х годов.

Как и в случае других дихотомий, о которых говорилось выше, здесь встает вопрос в том, оправдывает ли нынешний период кризиса и упадка четкое разделение между двумя сильно различающимися, противоположными формами критики. Несмотря на предыдущие утверждения относительно несовместимости их формы и содержания [2, p. 468], они не поддаются пессимизму: «Художественной критике нужно… время для переформулирования вопросов освобождения и истинности, начиная с новых форм угнетения, которые она неосознанно помогла сделать возможными» [2, p. 469]. Это подведет ее ближе к социальной критике. На самом деле новые формы угнетения могут быть такими, что художественная критика, хотя и не полностью утратила *raison d'etre* (*фр.* — смысл существования), больше не играет той роли, которую она играла три или четыре десятилетия тому назад. Чаще всего отчаяние, индивидуализация, вытеснение, изоляция, бессилие, заброшенность и отказы уходят корнями в социально-экономические формы угнетения, а не культурные или политические. В любом случае так называемые основные и побочные противоречия капитализма сегодня труднее выделить, когда дело касается реальных жизненных ситуаций.

В этом докладе пока еще не рассматривался вопрос организации. Ниже будет представлен ряд замечаний о важности организации для будущих альянсов и сетей, стирающих границы.

5. Организация по интересам

Важно учитывать различия между свободно меняющимися мотивами (мечтами, желаниями, стремлениями, беспокойствами или на самом деле страстями) с од-

ной стороны, и интересами, которые в конечном счете становятся важными на политическом рынке, — с другой. Назовем последние осторожно «политически существенными интересами». В реальной жизни только коллективно выраженные опасения и тревоги имеют шанс быть услышанными, особенно если вопрос поднимают сильные организации. Чем более профессионально выражается проблема и чем точнее она сформулирована, тем выше вероятность привлечения внимания к ней. При этом чем более реалистичны, то есть соответствуют системе, форма и содержание, тем выше шансы на продаваемость на политическом рынке. В то время как общественные движения и профсоюзы продвигают или поднимают острые вопросы примерно одинаковым образом, мы мало знаем о механизмах, которые трансформируют изначально аморфные страсти в такие существенные интересы. Интересы — это что угодно, только не социальная данность. Что такое интерес или каким он должен быть, по большей части определяется профессиональной бюрократией предпринимателей, преследующей собственные цели. В случае официальных организаций, таких как профсоюзы или ассоциации бизнесменов, поиск и адекватное определение интересов — сложный и нередко проблемный процесс трансформации. Используя образ дымохода, Филипп Шмиттер [12] разработал интересную модель, демонстрирующую основные составляющие этого процесса.

Представьте дымоход с отверстием наверху, через которое в него попадает фактически неограниченное количество самых разных индивидуальных потребностей всех членов общества. Ширина дымохода будет становиться все меньше, потребностям придется проходить через щели и зазоры, а в конце будет довольно узкая сливная труба. Изначальные потребности, желания, мечты, страсти, двигаясь по дымоходу, будут существенно меняться количественно (в меньшую сторону) и качественно (в худшую). «Из всех потребностей, которые потенциально могут стать интересами, одни отбираются, другие выталкиваются. Это относится к каждой „точке перехода“… пока лишь несколько избранных не выйдут из отверстия дымохода, чтобы их активно защищали или продвигали… По пути очень многие [из них] теряются или становятся бесполезными» [12, p. 302]. Проходы в каждом узком месте могут быть у́же или шире, так что определенным желаниям, мечтам и страстям труднее других продолжать движение вниз. Кому из них удастся пройти весь путь, а кого вытолкнут из дымохода, определяется преднамеренным выбором в пользу выхода, властью, искажением или сокрытием со стороны руководства организации, или действиями и усилиями снаружи тех, кто их поддерживает, или оппонентов. В любом случае можно с уверенностью сказать, что у большинства официальных объединений по интересам, а значит, и профсоюзов, «политика групповых интересов имеет склонность быть по сути действительно консервативной» [12, p. 302]. Они исключают большое количество потенциальных потребностей, которые недостаточно четко определены, практически неосуществимы, не осознаны, не имеют ярко выраженных черт или характерных особенностей, неоправданны, в которых отсутствует изобретательность и т. д.

В таком случае встает вопрос о том, как выглядит «дымоход» в случае общественных движений и более широко охватывающих выходов для коллективных действий. Что происходит с потребностями, желаниями и страстями, когда структурные конфигурации менее профессиональны, когда механизмы отбора менее развиты и когда отдельные люди в меньшей степени готовы отказаться от изначальных мотивов, присоединяясь к общим действиям? Для подобных случаев Шмиттер и предлагает форму трубы. При такой конфигурации весь набор потребностей, которые только можно придумать, теоретически будет разрабатываться коллективно, формулироваться свободно и удовлетворяться должным образом. Это, очевидно, будет непросто, потому что многие из них либо окажутся несовместимыми, либо их нельзя будет реализовать совместно. Для наших целей единственный способ обойти проблему несовместимости — дать новое определение потребностей таким образом, чтобы они одновременно стали менее всеохватывающими на входе в «дымоход», но достаточно специфическими в нижней его части.

6. Политика жизненно важных интересов

В таком случае одна из самых актуальных аналитических задач, стоящих перед нами, — заняться потребностями тех, чья жизнь не отличается стабильностью, различными формами изоляции и вытеснений. Одна из возможных стратегий — взять практически неограниченное количество общественных потребностей и сократить его, затем определить главные характеристики оставшихся и попытаться найти механизмы, способные трансформировать их в политические платформы и общие программы действий. Таким образом они трансформируются, станут «существенными интересами» в вышеизложенном смысле и будут лучше распознаваться широкой общественностью, СМИ и в не меньшей мере — политиками. Мы предлагаем назвать эти потребности «жизненно важными», или «необходимыми для выживания». Жизненно важные потребности не так экстравагантны и специфичны, как те, которые направляли большую часть исследований общественных движений в прошлом. Но они также являются и более широко охватывающими, чем просто выдвижение определенных требований, как практикуется многими профсоюзами и защитниками интересов, связанных с местом работы. При этом жизненно важные потребности более специфичны, чем мириады мотивов, наполняющих дымоход Шмиттера, писавшего о политике групповых интересов. В любом случае и теоретическое, и практическое значение появления стирающих границы форм коллективных действий еще предстоит определить.

Несмотря на достижения позднего капитализма в плане темпов экономического роста и создания богатства, сегодня жизненно важные потребности вернулись в программу действий. Они все еще ждут более точного определения и в не меньшей степени — тех, кто готов ими заняться и сделать их совместно разрабатываемыми интересами, а от контрдвижения потре-

буется оправдать свое название, решительно выдвигая требования. В немалой степени вследствие исторического успеха мобилизации профсоюзов жизненно важные потребности, так сказать, сошли с дистанции, были отодвинуты на второй план или из-за того, что их больше не считали необходимыми или выгодными, или из-за убежденности, что большинство из них уже в любом случае удовлетворены. Если вернуться к образу дымохода, то они могли в равной степени просочиться через узкие места внутреннего механизма фильтрации по причине выхода людей из профсоюзов или вмешательства со стороны консервативных или изначально смотрящих внутрь профсоюзных лидеров. Представляется, что сейчас пришло время заново их открыть и сделать важной частью программы действий профсоюзов.

В целом в этом докладе я попытался показать, что, во-первых, можно продолжать вести исследование совместных коллективных действий профсоюзов, общественных движений и акторов, не затронутых здесь, придерживаясь типов структурных и мотивационных дихотомий, которые являются нормой в области исследования профсоюзов и общественных движений. Во-вторых, что особые формы и содержание потребностей, которые снабжались ярлыком «жизненно важные», нашли свою объективную социальную основу в прекариате, важность которого постоянно растет. В-третьих, что удовлетворение жизненно важных потребностей и определение жизненно важных интересов, понимаемое как сознательно и повторно отражаемый набор целей и требований, включает страсти и интересы, художественную и социальную формы критики, а также материальные и нематериальные вопросы, волнующие людей. Оно усиливается при постоянных встречах членов различных групп, которые выходят за пределы традиционных расколов, формируют пересекающиеся слои общества и в конце концов приобретают черты истинного контрдвижения, направленного против дальнейшей либерализации и упадка демократии.

Литература

1. *Beck U.* The Brave New World of Work / U. Beck. — Cambridge : Polity Press, 2000.
2. *Boltanski L.* The New Spirit of Capitalism / L. Boltanski, E. Chiapello. — L. : Verso, 2005.
3. *Diani M.* Simmel to Rokkan and Beyond: Elements for a Network Theory of (New) Social Movements / M. Diani // European Journal of Social Theory. — 2000. — № 3. — P. 387–406.
4. *Diani M.* Unions as Social Movements or Unions in Social Movements? / M. Diani // Social Movements and Organized Labour. Passions and Interests / J. R. Grote, C. Wagemann (eds.). — L. : Routledge, 2018. — P. 43–65.
5. *Giddens A.* The Consequences of Modernity / A. Giddens. — Cambridge : Polity Press, 1990.
6. *Gorz A.* Farewell to the Working Class: an essay on post-industrial socialism / A. Gorz. — L. : Pluto Press, 1985.
7. *Hirschman A. O.* The Passions and the Interests. Political Arguments for Capitalism before its Triumph / A. O. Hirschman. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1977.
8. *Melucci A.* Nomads of the Present / A. Melucci. — L. : Hutchinson, 1998.
9. *Polanyi K.* The Great Transformation / K. Polanyi. — Beacon Hill : Beacon Press, 1957 [1944].
10. *Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties / S. Rokkan. — Oslo : Univ. Press, 1970.
11. *Simmel G.* Conflict and the Web of Group Affiliations / G. Simmel. — N. Y. : Free Press, 1955.
12. *Schmitter Ph.* A Prolegomenon to a Theory of Interest Politics / Ph. Schmitter // Transformationen des Kapitalismus / J. Beckert, B. Ebbinghaus, A. Hassel, P. Manow (eds.). — Frankfurt ; N. Y. : Campus, 2006 [1981]. — P. 297–313.
13. *Touraine A.* Unionism as a Social Movement / A. Touraine // Unions in Transition: Entering the Second Century / ed. S. M. Lipset. — San Francisco: ICS Press, 1986. P. 151–73.

А. А. Гусейнов[1]

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

Лихачевские чтения уже третий год подряд обращаются к теме будущего. Учитывая, что они собирают сотни гуманитариев из разных областей знания и разных стран, такую сосредоточенность саму по себе можно считать симптомом того, что будущее стало проблемой, источником неотпускающей боли современного человека и его общественного организма.

1

В докладе 2017 года «Будущее без будущего» я попытался предложить свой диагноз, суть которого в уточненном варианте можно резюмировать в следующих положениях:

— необходимо отличать будущее как аспект физического времени от будущего как социальной (исторической) категории, во втором случае оно включает не всю формальную совокупность событий, которые происходят после того момента, от которого ведется отсчет и которое обозначается как настоящее, а только те из них, которые по своему содержанию и ценностной нагруженности являются отрицанием настоящего, его качественным преобразованием;

— социальное будущее не есть нечто реальное, некое скрытое от нас и маячащее впереди состояние, которого мы хотим достичь, оно существует только в модусе возможности, не в том смысле, что оно может

[1] Научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг «Философия — мысль и поступок», «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней» и др. Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегий журналов «Вестник РАН», «Философский журнал», «Вопросы философии», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

быть различным, оно само есть лишь возможность, его нет в отрыве от самих субъектов, чьим будущим оно является и существует только в форме их ожиданий, деятельных устремлений и целей в той мере, в какой эти последние выражают неудовлетворенность настоящим и выводят за его границы;

— ориентированность в социальном времени — не постоянное свойство человеческих обществ (доисторическая эпоха, когда не было такой ориентированности, многократно превышает по длительности историческую эпоху), а нацеленность на будущее и вовсе является недавним приобретением — признаком новоевропейской цивилизации, развивающейся под знаком прогресса и понимающей будущее не только как то, что наступает после того, что есть, но и как то, что непременно должно быть другим, принципиально лучше него;

— идея прогресса, конкретизированная как демократическое переустройство общества, вера в силу разума и миропреобразующую роль техники, была основной духовной силой, двигавшей людьми в их борьбе против сословно-феодального строя, за те достижения в науке, культуре, технологиях, практике гражданской жизни, человеческом развитии, которые в совокупности составляют то, что именуется капиталистической (западной) цивилизацией;

— ситуация изменилась, когда капитализм победил и вопрос о прогрессе, о социальном будущем стал вопросом о будущем самого капитализма: идея прогресса расщепилась на две линии — охранительно-эволюционную, исходившую из убеждения, что капитализм имеет неограниченные возможности эволюции на собственной основе, и революционно-критическую, нацеленную на низвержение капитализма во имя коммунистического братства всех людей и народов;

— идейное противостояние по отношению к будущему капитализма после победы Октябрьской революции 1917 года и построения социалистического общества без частной собственности и рыночной экономики первоначально в форме одного государства (СССР), а после Второй мировой войны — целого ряда государств социалистического блока приняло характер открытой борьбы двух систем, которая была борьбой двух линий общественного развития: одной, нацеленной на продолжение истории в сторону справедливого жизнеустройства, и другой, исходящей из ее принципиальной завершенности на буржуазно-демократической вершине. Победа капитализма (как бы его ни называли — поздним капитализмом, информационным обществом, постиндустриальным обществом и т. п.) в этой борьбе принесла ему в качестве основного трофея гарантированное будущее, которое понимается как пролонгация настоящего, хотя и постоянно улучшающегося, но неизменного в своих базовых принципах, — словом, будущее без будущего, как физическая длительность, как «после», но не как качественное изменение, не как «другое», оно было истолковано и закрепилось в общественном сознании победителей как доказательство ложности самих представлений об идеальном обществе.

2

Существует много свидетельств того, что представления о социальном будущем потеряли силу движущих мотивов общественного развития. Ушла (или уходит) в прошлое эпоха союзов и противостояний общественных движений и государств на основе различий идеологий, социального устройства и прокламируемых исторических целей, на первый план вышли плохо маскируемые сугубо прагматические интересы отдельных государств и их столь же прагматичных союзов. Предметом спора на всемирном «чемпионате» государств, стран и народов являются не проекты общеисторического развития человечества, а различные культурно-цивилизационные идентичности. Геополитические различия стали довлеть над социальными. Место одной исторической истины заняло много разнокультурных правд. Деление на своих и чужих оказывается несравненно важнее деления по критерию справедливости. Меняется сама ориентированность общественного сознания с социального времени на геополитическое пространство. Соответственно представления о более совершенном будущем теряют свою социально мотивирующую роль и уступают место стремлению более комфортно устроиться в настоящем согласно пословице «Лучше синица в руке, чем журавль в небе». Люди больше сосредоточены на прошлом и спорах о нем, чем на будущем, охотнее выделяют то, что отличает их культуру от других культур, чем то, что соединяет с ними. Значительно возрос интерес к религиозным и другим мистическим представлениям, выносящим вопрос о будущем за пределы земной жизни. Укороченность общественного сознания обнаруживается не только в тематических приоритетах и пропагандистских акцентах людей, обслуживающих сферу идеологии, она стала также повседневным фактом. Это выражается, например, в том, что изменился общепринятый канон человеческих ожиданий и целей, став очевидным образом прагматично сниженным и приватно ориентированным. В масштабе государства, конечно, формулируются некие общие цели и стратегические планы, которые имеют административное и прочее значение в процессе управления, однако они не имеют личностного смысла и не занимают важного места в системе ценностных приоритетов, которыми руководствуются люди в своем поведении. Да и сами эти цели и планы, будучи прагматично ориентированы (замкнуты на электоральный цикл и прочую конъюнктуру), не предполагают такого непосредственного живого отклика. К примеру, в мае 2018 года президентом РФ была поставлена задача — Россия к 2024 году должна войти в пятерку ведущих экономик мира. Задача важная, напрямую связанная с будущим страны. Но трудно представить себе реальную межчеловеческую ситуацию (дружескую встречу, застольный разговор, спонтанный спор, родительскую беседу и т. п.), в которой могла бы зайти речь о данном предмете, этого невозможно представить даже в форме шутки или анекдота, имея в виду, что это не первый срок, поставленный для этой цели.

Складывается впечатление, что из общественного сознания современных развитых и развивающихся

стран исчезает (сместилась на периферию) ориентация на историческое будущее, идеальное переустройство общества. Историческое (социальное) будущее сливается с физическим будущим и выступает как длящееся настоящее. Это изменение имеет фундаментальный характер, обозначает принципиально новый способ бытия человека. Оно порождено многообразными факторами и имеет противоречивые следствия, не только негативные. Это изменение, в частности, также свидетельствует о высоком уровне интеллектуальной и социальной зрелости современного человека. За ним стоит выстраданное трагическими опытами сознание того, что историческое будущее нельзя познать. И не только потому, что его не существует как некого состояния и оно не может быть объектом познания, оно конструируется, создается деятельностью людей, при этом деятельностью практически бесчисленного их количества, так что получаемый совокупный результат оказывается их непредсказуемой равнодействующей. Будущее общества нельзя познать не только в целом, но и в отдельных лицах и событиях. Его нельзя также предсказать и предвидеть с точностью, которая хотя бы в приблизительной степени была научно приемлемой (это одна из причин живучести всякого рода гаданий по звездам, линиям руки, на кофейной гуще, золе, полетах и криках птиц и тому подобной чепухе). Как писал Л. Н. Толстой, «мало того что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества: людям бывает нехорошо оттого, что они думают, что могут знать это»[1]. Ложная, хотя и заманчивая цель прекрасного будущего становится источником непроизводительного расходования социальной энергии. К тому же она, как правило, выступает оправданием чрезмерных жестокостей и напрасных жертв: апелляция к счастливому будущему — один из излюбленных аргументов, к которому прибегают сторонники войн и других форм государственного насилия. Соединение того и другого приводит к тому, что так называемое познание или предвидение будущего оказывается идеологемой, которая чаще всего оборачивается своей противоположностью. Наглядной иллюстрацией этого является то, что литературные утопии, с которых начиналось Новое время, обернулись реальными антиутопиями XX века.

Отказ от будущего как более или менее, но всегда неопределенно отдаленного во времени состояния общества не означает обязательно род эскапизма, отшельничества или какой-то иной внесоциальной, антисоциальной позиции. Это может быть вполне активная и в высшей степени реалистическая позиция по отношению к будущему, понимающая его как то, чем оно является на самом деле, — неким состоянием, которое наступит после настоящего. Поэтому отношение к нему является превращенной (косвенной) формой отношения к настоящему, выражением степени довольства и недовольства им, прежде всего мерой критичности по отношению к настоящему. Человек не знает будущего, может обмануться и быть обманутым относительно того, каким оно будет, но он хорошо и определенно знает, каким оно должно не быть, знает, что в настоящем неприемлемо для него и чего он ни в коем случае не хотел бы видеть воспроизводящимся во времени. Это знание, непосредственно влияющее на степень, характер, направленность его общественной активности, на его мысли и действия, будучи формой его актуального деятельного состояния, есть в то же время его фактическое отношение к будущему, работа на будущее. К примеру, могут быть разные образы будущего, но во всех случаях ни один здравомыслящий человек, находящийся на современном уровне гуманитарного сознания, не согласится включить в него в качестве нормы насилие и войны. Даже те, кто оправдывает эти варварские формы отношений между людьми, ссылаясь на то, что они необходимы в качестве условия борьбы за справедливое будущее, делают это, стараясь убедить себя в том, что все это делается во имя будущего, в котором уже не будет никакого насилия и войн. Самые жестокие и бесчеловечные войны, какими были обе мировые войны XX века, велись в ложном убеждении, что каждая из них является последней.

3

За потерей исторической перспективы как доминанты общественного сознания можно увидеть новую структуру ответственности, в которой индивидуально-нравственная ответственность довлеет над социально-функциональной, является первичной по отношению к ней. Это значит, что себя в качестве существа, обладающего разумной волей, свою нацеленность на совершенствование, идеальную завершенность человек реализует в рамках индивидуально-ответственного существования, которое включает, разумеется, и социальную (материальную) ответственность, но в качестве вторичного приобщенного момента. Это значит, что, выполняя ту или иную общественную функцию, индивид действует не анонимно, а персонально, не от имени функции, а от своего имени. Любое общественное действие есть действие данного конкретного индивида. За ним всегда стоит живая душа, не только в том смысле, что без нее, живой души, ее решения и решимости совершить данное действие, оно бы не совершилось, — совершаемое индивидом действие, каким бы внешне обусловленным оно ни было, является его субъективным актом, решением и становится моментом истории его души. В свое время (в 1902 г.) Лев Николаевич Толстой написал письмо царю Николаю II, обратившись к нему со словами «Любезный брат!», смысл которого состоял в следующем: «Как ни велика Ваша ответственность за те годы Вашего царствования, во время которых Вы можете сделать много доброго и много злого, но еще больше Ваша ответственность перед богом за Вашу жизнь здесь, от которой зависит Ваша вечная жизнь и которую бог дал Вам не для того, чтобы предписывать всякого рода злые дела или хотя бы участвовать в них и допускать их, а для того, чтобы исполнять его волю. Воля же его в том, чтобы делать не зло, а добро людям»[2]. Это невероятное письмо, которое на первый взгляд кажется даже казусом, интересно

[1] *Толстой Л. Н.* О значении русской революции // Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Гослитиздат, 1926. Т. 36. С. 352.

[2] *Толстой Л. Н.* Письмо Николаю Второму // Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Гослитиздат, 1954. Т. 73. С. 190.

тем, что в нем Толстой на примере предельного случая обнажает определенную, индивидуально-ответственную, логику человеческого существования: даже самодержец, единолично олицетворяющий государство, действует в персональном качестве, не может оправдать своих жестокостей и других злых дел, прикрывая их благом государства, общества, истории, Отечества и прочими анонимными понятиями, лишенными самостоятельной субъектности. Отказ от гипноза будущего, разумеется, не обязательно ведет к персонально ответственному общественному поведению, он может сочетаться с потребительством, цинизмом, другими формами эгоизма, однако, в отличие от последних, которые вполне могут протекать также в рамках лживо-демагогического отношения к будущему, персонально ответственное общественное поведение прямо связано с таким отказом.

Словом, если стремление к идеалу, совершенству не может быть реализовано в качестве социологического проекта и, обращенное в будущее, дезориентирует человеческое поведение, то ничто не мешает тому, чтобы оно могло состояться в качестве индивидуальных жизненных программ конкретных индивидов, раскрывающих себя в мире в качестве суверенных, автономных личностей.

В связи с этим два слова о модной сегодня цифровизации. Как считается, хранение и передача информации на основе искусственного интеллекта в цифровой форме открывают невероятные технологические перспективы, позволяющие взять под контроль и неограниченно расширять возможности человека во всех сферах его жизнедеятельности. Речь идет о передаче умным машинам всей техники жизни, о полноценной и даже многократно более совершенной замене человека в его физических и рассудочных (интеллектуальных) функциях. Принципиально раздвигается диапазон свободы человека, Интернет позволяет индивиду преодолеть физическую привязанность к пространству и времени, а также включиться в сетевые сообщества, непосредственно реализуя свои общественные предпочтения. Цифровизацию можно рассматривать как технический базис персонализации общественной жизни, когда индивид не может затеряться в толпе, скрыть свое общественное лицо в анонимности исторического события и когда, с другой стороны, он, будучи один (например, на даче), может находиться в гуще событий (слушать доклад коллеги на другом конце земного шара или принимать участие в гражданской акции).

Однако цифровизация — это не только вдохновляющие возможности, но и зловещие опасности. Как отмечает академик В. А. Лекторский[1], она означает вызов и угрозу коренным условиям человеческого существования. Перспективы, связанные с продлением физического существования вплоть до реализации идеи бессмертия, грозят потерей идентичности человека, его переходом в иное, нечеловеческое, состояние. Возможности чтения мыслей путем прямого снятия информации с нейродинамических кодов головного мозга грозят опасностью тотального контроля над поведением. Уже сейчас размывается граница между частным и публичным пространствами, в результате чего под угрозой оказывается тайна личной жизни. То, что развитие техники связано с развитием исходящих от нее опасностей, — очевидный факт. Критическая точка была достигнута созданием ядерного оружия, поставившего человечество на грань самоуничтожения. Новые технологии, насколько можно судить, более явственно обозначают критическую стадию, когда сопряженные с ними опасности в силу масштаба и необратимости обессмысливают их позитивные результаты.

Человеку свойственно рисковать, играть с огнем («Всё, всё, что гибелью грозит, / для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья...»), в его натуре заложено стремление властвовать над миром («Я царь познанья и свободы»), быть его центром, смотреть на него глазами Бога. Вся культура, в конце концов, представляет собой неустанный и всесторонний опыт приручения природы, управления ею. Поэтому процесс технического прогресса, наращивания технологической мощи и производительных возможностей человека, вплоть до его стремления преодолеть самого себя, надо принять если не как благо, то как факт. По-видимому, единственный способ противостоять этому движению человечества навстречу собственной гибели состоит в том, чтобы совершенствовать старые и вырабатывать новые страховочные механизмы, способные блокировать, сглаживать опасности, которые несет прогресс.

Всякое добро имеет свое зло. Одно не может существовать без другого. Важно, однако, чтобы они сохраняли разнозначность и отношения между ними оставались однонаправленными, чтобы зло не обрело самостоятельности, оставалось зависимым от добра, его выражением и дополнением. Так, к сожалению, бывает не всегда, зло может оборвать пуповинную связь с добром, претендовать на то, чтобы быть равновеликим ему. Это относится к общественному опыту так же, как и к индивидуальному. Подобно тому как в отдельном человеке недостатки могут быть и чаще всего бывают продолжением его достоинств, но в определенных случаях являются самостоятельными чертами характера, в результате чего сам индивид становится жертвой своего характера, так и в обществе бывают недостатки, которые неизбежно сопровождают достижения (например, безработица — рыночную экономику), связаны с ними столь неразрывно, что без них были бы невозможны сами достижения, но в то же время какие-то общественные недостатки не имеют прямой привязки к достижениям (как, например, работорговля в современном мире) и представляют собой зло как таковое. Общественные механизмы, призванные сдерживать, подчищать, устранять зло в обществе, должны учитывать характер и масштабы зла, прежде всего указанное различие между злом, сопутствующим добру и потому

[1] В статье «Возможны ли науки о человеке?» (Вопросы философии. 2015. № 5) В. А. Лекторский пишет: «Все более становится ясным новое обстоятельство: современные науки о человеке могут создать принципиально иной уровень человеческого развития, но они же при определенных условиях могут использоваться для деградации человека, его расчеловечивания — в этом случае окажется, что именно развитие наук о человеке приведет к тому, что человек в привычном нам смысле исчезнет, погибнет» (URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1153&Itemid=52).

терпимым, поддающимся смягчению, и злом «автономным», противостоящим добру в качестве самостоятельной силы и бросающим ему вызов.

Общий подход борьбы с социально опасным злом, который практикуется в современных обществах, базируется на двух принципах: а) убеждении, что благо общества (государства, народа, будущего и т. п.) выше благополучия отдельных лиц, и б) уверенности, что необходимо отделять зерна от плевел и выбраковывать тех, кто представляют угрозу обществу (государству), и создавать такие внешние социально-экономические, политические, юридические и прочие условия и ограничения, которые были бы способны удержать негативные проявления действий отдельных индивидов и их групп на уровне, приемлемом для воспроизводства и развития общества. Такой подход был эффективен, пока зло в обществе не имело абсолютного характера и не было способно поставить под угрозу существование самого социума, тем более существование человечества и всей жизни на Земле. В настоящее время ситуация изменилась, и такое потенциально абсолютное (абсолютно неприемлемое) зло появилось. Ядерное оружие — наиболее яркий, но не единственный пример технологического «прогресса», заключающего возможность зла, способного уничтожить все достижения культуры и цивилизации, даже все живое на Земле.

Самое важное: запустить такое зло с его необратимо смертельными для человечества и земной жизни последствиями могут отдельные индивиды. Если раньше возможности зла отдельных индивидов (так называемых гениев зла, будь то на криминальном или государственном уровне) были технически ограничены, то сейчас они технически возможны. Это означает, что противостоять такому злу невозможно без того, чтобы не отказаться от господствующих ложных взглядов, будто благо общества выше блага отдельных лиц, а действия людей можно гарантированно взять под внешний контроль. Вся история человечества убедительно показывает и доказывает, что зло очень часто и в огромных масштабах совершалось под прикрытием и во имя общего блага и что нельзя извне полностью контролировать действия людей даже тогда, когда они низведены на рабский уровень говорящих орудий. Конечно, не все, что совершается под знаменем общего блага, является злом, но в интересующем нас случае достаточно того, что зло вполне способно прикрываться им; можно даже сказать: для добра не обязательно апеллировать к общему благу, а зло не может обойтись без этого. Почему, например, не быть какому-нибудь фанатику, который может посчитать, что сгореть в мировом пожаре будет настоящим благом для человечества?! Что касается возможности сплошной (лишенной лакун) внешней детерминации решений и действий индивидов, то достаточно того аргумента, что она исключается идеей свободной воли. И если у нашего фанатика появится возможность реализовать свою безумную идею, то что может помешать ему это сделать?

Адекватным ответом на глобальные опасности, потенциально заложенные в злоупотреблениях неограниченными возможностями технического прогресса, может стать новый гуманитарный поворот, основанный на принципиально иных убеждениях: а) индивидуальное благо — выше блага целого; б) персональная (нравственная) ответственность — выше социальной (функциональной) ответственности. Речь идет о коренном изменении нравственных основ совместной жизни людей, исходящем из того, что люди не командуют людьми и общество не довлеет над индивидами, сковывая их внешними обручами законов, границ, идеологий, норм, властей, героев и так далее, а является выражением и следствием свободного развития каждого из них.

Если говорить о реальных провозвестиях такого изменения, то они, к сожалению, удручающе малочисленны, но все-таки имеются. Можно указать на учения и практики (непротивленчество Толстого и его сторонников, ненасильственные общественно-политические движения под руководством Ганди и Кинга, другие ненасильственные опыты) радикального (не допускающего никаких исключений) отказа от насилия как средства разрешения конфликтов, в том числе и прежде всего как средства борьбы за справедливость. Можно сослаться также на сложную, противоречивую, но тем не менее совершенно определенную в своей превалирующей тенденции и открывающую новые гуманитарные перспективы этико-правовую практику прав человека.

Мир, в котором нет войн и насилия, нет вооруженных отрядов, охраняющих «священные» границы и привилегии, в котором индивидуальная ответственность и индивидуальное развитие каждого являются основой и условием развития всех, воспринимается современным человеком и канонизированным гуманитарным знанием в лучшем случае в качестве несбыточной утопии. Он кажется утопией и является ею с точки зрения сегодняшнего мира, отрицанием которого является. И человек сегодняшнего мира, не представляющий себе жизни и благополучия без опоры на насилие, не может думать иначе. Однако эта утопия в высшей степени реалистична, потому что ее основой и гарантией служит исключительно разумная воля и потому что она является единственной возможностью самосохранения человека в качестве разумного существа и человечества в качестве разумно организованного общежития. А появляющиеся новые технологические возможности, впечатляющим выражением которых выступает цифровизация, позволяют предположить, что данная утопия реалистична и с технической точки зрения.

М. С. Гусман[1]

ДОВЕРИЕ К СМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В последнее время нередко разворачиваются бурные дискуссии относительно того, что с развитием информационных технологий, когда каждый может быть журналистом, а некоторые блоги и аккаунты имеют столько подписчиков, что конкурируют с телевизионными каналами, профессиональным средствам массовой информации не выжить.

Кроме того, появление новых медиа, сервисов и платформ, рост их аудитории приводит к тому, что: а) информации становится слишком много, информационное пространство перенасыщается и пользователь оказывается перед выбором, чему же доверять; б) технически остановить распространение недостоверной информации просто невозможно; в) в этой среде пользователи перестают идентифицировать, чья это информация, где ее первоисточник.

Динамика доверия российской аудитории к тем или иным источникам информации в целом повторяет тренд, который наблюдается во всем мире. Если 8 лет назад интернет-СМИ доверяли меньше 15 % опрошенных, то сейчас эта цифра уже перевалила за 40 %. Если рейтинг доверия к блогам составлял менее 5 %, то сейчас уже больше 20 %.

Лидером по этому показателю является телевидение, но и тут стоит отметить, что сейчас рейтинг доверия составляет чуть более 70 %, а 8 лет назад был почти 90 %.

Таким образом, для традиционных СМИ сегодня актуальна проблема не только сохранения интереса аудитории к новостям, но и доверия к ним.

Это, безусловно, является вызовом, но одновременно повышает требования к качеству журналистики. В связи с этим ТАСС как одно их ведущих мировых агентств рассматривает несколько направлений, в которых следует работать:

1) освещать все важные темы в самом широком диапазоне;

2) давать всегда несколько мнений разных сторон по любому вопросу;

3) объяснять происходящее в разных форматах для разных платформ.

Открытость редакции и редакционного процесса

Доверие аудитории возрастает, когда люди имеют представление о том, как именно готовился тот или иной материал, что пережил журналист, сколько труда и таланта он вложил в свою работу. Поэтому ТАСС много делает для того, что стать более открытым.

Способов для этого множество:

— лекции и мастер-классы наших журналистов в различных аудиториях;

— возможность для самых разных людей прийти в ТАСС на экскурсию и посмотреть, как выглядит наша «кухня»;

— рассказ в наших аккаунтах в социальных сетях, что мы начали готовить тот или иной материал — при помощи текста, фото, видео.

Достоверность наравне с оперативностью — наша главная ценность. В этом смысле мы осознаем свою ответственность: наши клиенты — почти все СМИ в России и большое количество в других странах. Каждый журналист ТАСС понимает, что дать информацию как можно быстрее, не будучи стопроцентно уверенным в ее достоверности, — не наш стиль работы. Достоверность всегда превыше всего.

Мы открыто говорим об этом в интервью и на публичных мероприятиях. Несмотря на то что ТАСС — информационное агентство, мы всегда предпочтем опоздать, но лишний раз проверить информацию.

Такая практика приносит свои плоды: мы проводили опросы и по реакции аудитории видим, что если происходят «большие новости», то люди обращаются к нам, чтобы перепроверить, работает принцип «если написал ТАСС, то это правда».

Кроме того, ТАСС активно работает над тем, чтобы у пользователей всегда была возможность взаимодействовать с агентством напрямую.

Функция объяснения

Журналист, особенно в информационном агентстве, всегда считал своей задачей поиск новостей и их верификацию. В текущей ситуации к этому добавляется еще одна важная функция — объяснение. При помощи экспертов, различных форматов, используя возможности платформ, мы стремимся к одной цели: сделать сложный для читателя вопрос простым. Это требует новых навыков, больших дополнительных затрат на производство контента, но это того стоит. Ваш бренд, ваш продукт начинает ассоциироваться у аудитории с конкретной пользой, и доверие возрастает.

Безусловно, новые условия работы вынуждают журналистов постоянно улучшать свои профессиональные навыки, при этом агентство изменяет свои редакционные стандарты с учетом новых методик работы, которые регламентируют, как отличить фейковую информацию от правды и какие действия должен совершить журналист.

Такой подход весьма эффективен: на нашей памяти нет ни одной истории, когда бы мы совершили серьезную ошибку или распространили недостоверную информацию.

---

[1] Первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», профессор, заслуженный журналист РФ, заслуженный работник культуры РФ. Теле- и радиоведущий. Автор телевизионного цикла «Формула власти» (с 2000 г. более 400 эксклюзивных интервью с мировыми лидерами). Автор книг, многих сценариев к телевизионным фильмам и программам. Вице-президент Всемирного конгресса информационных агентств, представитель РФ в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Лауреат Государственной премии РФ и премии Правительства Москвы в области журналистики. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Почета и рядом государственных наград иностранных государств.

Дж. К. Гэлбрейт[1]

ЧТО ЕСТЬ РАЗВИТИЕ? ТОЧКА ЗРЕНИЯ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ГЭЛБРЕЙТА

Хорошие экономисты не консерваторы или еретики, а скорее прагматики: они могут сформировать хорошую экономическую политику, основанную на открытой и скромной теории, которая постоянно заставляет их обдумывать и принимать решения в условиях неопределенности.

Л. К. Брессер-Перейра

Революция в России и образование Советского Союза показали возможность создания социалистической республики, свободной от феодального, капиталистического или фашистского контроля, а победа Советского Союза во Второй мировой войне продемонстрировала индустриальный и военный потенциал подобного государства, что вскоре было подтверждено итогом гражданской войны в Китае. Из-за высокого престижа социализма и освобождения колоний Запад осознал необходимость предъявить миру конкретные и весомые достижения в экономике, а также преимущества политической свободы. В странах Запада этого требовали сильный рабочий класс и ветераны. Все это стало основой для расцвета на международном уровне таких концепций, как социал-демократия, демократический социализм и государство всеобщего благосостояния, что воплотилось в Плане Маршалла, Бреттон-Вудских соглашениях, затем «Союзе ради прогресса», Продовольствие ради мира (PL 480) и множестве подобных инициатив с целью экономического развития, руководствующихся духом либерализма времен холодной войны. Трое из главных фигур того времени — Уолт Ростоу, Саймон Кузнец и Альберт Хиршман.

Вклад Ростоу был простой схемой «этапов» экономического роста, откровенно озаглавленной «некоммунистический манифест» и созданной для того, чтобы распространить модель США и Великобритании на весь независимый и неконфликтный мир. Схема предполагала, что страна должна сначала скатиться вниз, чтобы потом взлететь и в итоге оказаться на плато с высоким массовым потреблением. Такой полет на высоте не может продолжаться без топлива, что несколько ограничило «авиационную» аналогию, но, по крайней мере, посыл надежды и подражания был отправлен. Теории Ростоу недоставало явных дистрибутивных выводов, хотя «высокое массовое потребление» неявно влекло за собой конечное установление общества среднего класса.

Саймон Кузнец, экономист с большими практическими заслугами, создал распределительную теорию процесса развития. Проще говоря, появление урбанизированных отраслей в экономике, в которой ранее преобладало крестьянское или йоменское сельское хозяйство, должно повлечь за собой неравенство, которое будет углубляться до тех пор, пока доля крестьян и фермеров не упадет ниже определенного порога, после чего динамика организации рабочих и городской демократии перевесит и неравенство снова начнет сокращаться. Это существенная база «обратной U» — известной связи Кузнеца между неравенством и доходом. Кривая предполагала, что растущее неравенство на ранней стадии рыночной индустриализации было неизбежно и косвенно побуждало к согласию в результате постепенного улучшения дел.

Хиршман отверг концепцию развития «большого толчка» в пользу теории межотраслевых связей с производящими и потребляющими отраслями; он полагал, что все должно происходить поэтапно — сначала одно, а затем что-то другое, выполнимое и тесно связанное с предыдущим. Хиршман также исследовал социально-психологические аспекты представлений Кузнеца в своей концепции «эффекта туннеля». Если обе полосы движения в туннеле встают в пробку, то движение одной из полос вдохновляет, а не подавляет тех, кто стоит во второй полосе. Тем не менее Хиршман особо отметил, что если вторая полоса стоит слишком долго, то эффект будет обратным: надежда сменится разочарованием и в конце концов восстанием. В условиях холодной войны работа Хиршмана была ярким напоминанием о том, что просто обещаний недостаточно и что простые схемы должны сдерживаться реализмом в отношении административных и технических ограничений, а также адаптированы к условиям на местах.

Либералы времен холодной войны и послевоенные американские кейнсианцы знали, что их ви́дение экономического развития должно продвигать оптимистичный взгляд на управляемый и прогрессивный демократический капитализм. И политическая власть на Западе, как бы она ни была связана с главными финансовыми и бизнес-интересами, время от времени воздействовала на послание. История этого периода — история нерегулярного противоречия между ви́дением эффективной и прогрессивной политики и более мрачным представлением о прямом или косвенном контроле с помощью силы и провокации — основных средств секретных служб тогда и сейчас. Доктрины развития представляли обнадеживающее и относительно прогрессивное лицо мирового порядка, конечным итогом которого было принято считать социал-демократию,

[1] Профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Balancing: technology, finance and the American future», «Given rise by the unequal: crisis in the American payment», «Is less than shock, it is more than therapy», «Billions on star dust», «The Economic Problem» (в соавт.), «Macroeconomics» (в соавт.), «Inequality and Industrial Change: A Global View» (в соавт.) и др. Председатель американской организации «Объединенные экономисты за сокращение вооружений» (ECAAR).

общество потребления и государство всеобщего благосостояния.

В Швеции стратегия была основана на эгалитарной политике. Там модель [25, 26] определяла сжатые структуры заработной платы как путь к производительности и конкурентоспособности, а социал-демократия реализовала эту модель таким образом, что за шесть десятилетий Швеция поднялась на первую строчку таблицы мирового дохода. Ключевым моментом стала эндогенность состава и технологического уровня промышленности в малой экономике, где размер минимальной зарплаты устраняет слабых игроков и давит на более сильных, заставляя модернизироваться. С течением времени результатом становится превосходная структура промышленности и более высокий уровень жизни как в абсолютном, так и в относительном выражении. Более того, развитая промышленная база может поддерживать обширный и хорошо оплачиваемый сектор услуг. Недостаток кроется в том, что высокие налоговые ставки могут вызвать экспатриацию лиц с высоким чистым доходом, но это не будет представлять значительные издержки. Тем не менее шведская модель была секретом для всех, кроме самих шведов.

Вторая формулировка проблемы неравенства в контексте политики развития основана на моделях [18], изучающих проблемы урбанизации, заработной платы и безработицы в Восточной Африке в 1960-х годах. Их открытие состояло в том, что неравенство в оплате труда (например, между городскими и сельскими районами) порождает миграцию и конкуренцию за лучшие рабочие места. Если последних немного, а разрыв в зарплате велик, то соискателей будет больше, чем рабочих мест, что непременно приведет к безработице. Гипотеза Харриса–Тодаро может быть рассмотрена на множестве различных примеров, таких как нынешние и прошлые миграции в Европе, Северной Америке и Китае.

В широком смысле неоклассическая экономика прогнозирует, что на более гибких неравномерных рынках труда безработица меньше. Модели M/P и X/T говорят об обратном: что общества со сжатой и регулируемой структурой заработной платы будут иметь (в определенных пределах) тенденцию к снижению уровня безработицы и (если они умно нацелены на инвестиции), высокие темпы роста производительности и более развитые промышленные отрасли, чем те, которые сохраняют свою приверженность «свободным и гибким» рынкам труда. Склонность работодателей к гибкости связана с властью, с реакционным отношением к модернизации, но никак не с экономическим развитием.

Эти модели можно рассматривать как примеры стратегии развития и даже самого смысла развития. Их правила оплаты труда, формирования доходов и благосостояния являются своего рода механизмом регулирования, который по-разному затрагивает структуры компенсации и собственности, политические права работников, эффективность налоговой системы и ее влияние на справедливое распределение богатства. Существует много других видов регулирования: фитосанитарная безопасность, безопасность продукции, транспортировки, строительные нормы, зонирование, условия на рабочем месте, охрана окружающей среды, предотвращение и смягчение последствий изменения климата и др. И, конечно, справедливое и эффективное применение гражданского и уголовного законодательства. Создание и применение нормативных актов во всех этих сферах требует баланса между техническими (научными, инженерными) возможностями, административным потенциалом, готовностью решающих игроков в частной экономике к сотрудничеству и уступкам и способностью к эффективному, но не репрессивному правоприменению.

Регулирование имеет решающее значение для развития. Характерное современное различие между «развитой» и «развивающейся» страной кроется не в защите прав собственности, призванном укрепить положение богатых (как предполагает неоклассическая экономика); не в уровне образования — как известно, более бедные страны имеют богатую историю, а их народы зачастую высокообразованны и культурны; не в производственных технологиях и технике, которые могут быть распространены по всему миру. В современном мире развитие заключается главным образом в способности разрабатывать и внедрять эффективные и действенные нормативные акты и получать как (в значительной степени) добровольное согласие населения, так и принудительное в отношении меньшинства нарушителей. Эти условия позволяют гражданам наслаждаться жизнью, в значительной степени свободной от досаждающего бремени ежедневных рисков и элементарной самозащиты, хорошо известной тем, кто приезжает из менее благополучных мест. В этом заключается сумма и сущность экономического прогресса. Там, где рушатся консенсус и сотрудничество, исчезает и стабильный уклад жизни развитых стран.

Успешное создание регулирующей основы для экономической деятельности стало большим достижением XX века. Это стало возможно в Америке в результате прогрессивизма в годы президентства Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона и Франклина Д. Рузвельта и продолжилось в эпоху Линдона Джонсона и Ричарда Никсона, которые подписали закон о создании Агентства по охране окружающей среды. К середине столетия этот закон сформировал основу для американской промышленной мощи и привлекательности американской социальной модели, в конечном счете распространившись на послевоенную Европу и Японию.

Основополагающим принципом американского капитализма был не свободный рынок, а «теория уравновешивающей силы» [9]. Великая корпорация, процветавшая в данном контексте, приняла ограничения, установленные еще более могущественным представительным государством, а также организованным взаимодействием профсоюзов и гражданского общества [16]. После Великого краха над финансами был установлен законодательный контроль, и они в значительной степени стали играть служебную роль. Модель была мобилизационной, но сохранила мотив прибыли и допускала определенную степень децентрализации, сдержек и противовесов, а также технический прогресс, который социалистический блок не мог воспроизвести в течение долгого времени.

Излишне говорить, что с тех пор все изменилось. Начиная с середины 1970-х годов американская модель была подорвана изнутри возрождением пуристской идеологии свободного рынка, которая взяла под контроль экономическую профессию, в основном в сфере возрождающегося финансового сектора, при том что одновременно нарастало напряжение между организованным трудом и капиталом в промышленных секторах самого центра страны [3]. Финансовое дерегулирование совместно с жесткой политикой макроэкономической дестабилизации нанесло ущерб промышленному сектору и положило конец эпохе равновесия сил. Упадок советской модели и окончание холодной войны означали триумф Запада, а давление на население в целом ослабло; нарратив о прогрессивном развитии был отложен в пользу доктрины «рыночных реформ», неоклассической ортодоксии, известной как Вашингтонский консенсус. Стоит ли и говорить, что неравенство росло как в богатых, так и в более бедных странах.

Движущей силой этого процесса было возобновление доминирования в финансовом секторе, или так называемый капитализм денежного рынка — корпоративный идеал «акционерной стоимости» (означавший подчинение Уолл-стрит) и рост международных цепочек создания добавленной стоимости, что в конце концов подорвало социальный консенсус и политический потенциал (в частности, для обеспечения инфраструктуры), составляющие американскую модель. Технологическое функционирование вышло из-под контроля промышленных корпораций и переместилось в собственный сектор, в одну из относительно небольших и молодых компаний с огромной рыночной капитализацией. Американский рост в 2000-х годах поддерживался только благодаря терпимости мошеннического финансового двигателя, обреченного на провал в должное время [2]. В итоге возникла двойная экономика, сочетающая технологии с упадком, неравенство с нестабильностью [13] и создающая условия абсолютного дерегулирования, что в 2007 году привело к масштабному финансовому кризису [15][1].

Последствия этой регрессии американской модели были замаскированы еще более быстрым крахом социалистического блока в конце 1980-х — начале 1990-х годов, за которым последовал катастрофический эксперимент со свободной рыночной экономикой в России. Кроме того, после дерегулирования финансовый кризис затронул Японию в начале 1990-х и большую часть остальной Азии в 1997 году. После Великого финансового кризиса экономика США была в большой степени спасена благодаря комбинации кейнсианского «стимула» и автоматических мер стабилизации — в основном программ социального страхования, выживших после «Нового курса» и «Великого общества», в то время как большая часть Европы томилась под *социал-либерализмом* Европейского союза.

Результатом спустя сорок лет стал глобальный порядок с новым игроком в первом ряду — Китаем, страной, которая осуществила самую успешную стратегию экономического развития и сокращения бедности в мировой истории. Как им это удалось? Благодаря программе постепенного развития, направленной на развитие государства в области инфраструктуры и урбанизации, развития передовых национальных корпораций наряду с поддержкой миллионов небольших фирм и, прежде всего, политики стабильных и предсказуемых базовых цен [28], социального баланса [14] и продолжения четкого регулирования финансовых взаимоотношений с остальным миром. В отличие от Кореи, Китай не отменил государственное регулирование банковского сектора, а в 1990-х годах открыл свой счет операций с капиталом, поэтому ему удалось избежать азиатского финансового кризиса. Что касается качества продукции, то Китай придерживался стратегии импорта знаний и технологий наряду с либеральным использованием внешних нормативных стандартов западных рынков для повышения качества производителей как для внутреннего рынка, так и для экспорта. Таким образом страна, которая была и все еще частично остается социалистической, решила головоломку: как удовлетворить бесконечно разнообразные потребности сопоставимым разнообразием нестандартизированных товаров.

Китай не одинок в продвижении по этому пути; на самом деле он не лидер, а всего лишь последователь, хотя гигантский. Модель фирмы Гэлбрейта продолжает преобладать в Германии и Японии. Еще один пример — Корея. Новый прагматизм Гжегожа Колодко [22] с его влиянием на относительно успешную трансформацию Польши [21] и новый эволюционизм Луиса Карлоса Брессера-Перейры [6, 7] отражают многие из тех же идей. Оба требуют стратегии открытой торговли и технологического совершенствования в условиях необратимой глобализации, но в сочетании с эффективным контролем над глобальными финансами. При благоприятных условиях и прагматическом политическом руководстве в первые два десятилетия этого столетия Бразилия, Аргентина, Чили, Уругвай и Эквадор добились впечатляющих успехов на пути к стабильным экономическим условиям и сокращению нищеты[2]. В настоящее время, однако, этот прогресс не получает дальнейшего развития[3].

Таким образом, у нас есть показательные случаи успеха в отсутствие следования Вашингтонскому консенсусу. Действительно, лучшие примеры послевоенного восстановления и экономического развития в современную эпоху отчетливо демонстрируют приверженность теории Гэлбрейта о корпоративной организации, ориентированной на долгосрочное улучшение производственного потенциала, репутацию передового опыта, долю на мировом рынке, эффективное регулирование и отношение сдержек и противовесов с проф-

[1] Экономика Соединенного Королевства, в которой более доминирующее положение занимают крупные финансы, следовала по тому же пути, что и Соединенные Штаты, с сопоставимым политическим/пространственным недовольством, что в конечном счете привело к референдуму по Брекситу.

[2] Хотя Уго Чавес однажды назвал себя «Galbraithiano», Венесуэла не смогла избежать опасностей нефтяного богатства и голландской болезни.

[3] Среди европейских ученых традиция Дж. К. Гэлбрейта осталась жива в основном в диссидентских кругах, например в работе Общества Федерико Кафе [1], Вебленских институтах [8] и проекте «Зеленого нового курса» Движения за демократию в Европе 2025 (DiEM25).

союзами и государством, то есть уравновешивающую силу.

Можно рассмотреть движение в этом направлении и в Российской Федерации, особенно в работах Бодрунова [4, 5], Кошкина и Кретова [23] и других, которые в качестве руководства для своих разработок очевидно выбрали идеи моего отца (чему я, признаюсь, очень рад). Возможно, неудивительно, что, увидев недостатки крайностей — централизованного планирования, с одной стороны, и «свободного рынка» — с другой, российские ученые проявляют интерес к тому, что когда-то реально показало хорошие результаты в Соединенных Штатах и до сих пор работает в самых успешных развитых и развивающихся странах мира.

Литература

1. *Amoroso B*. L'Europa Oltra L'Euro: Le Ragioni del Disastro Economico e la Riconstruzione del Progetto Comunitario / B. Amoroso, J. Jesperson. — Rome : Lit Edizioni, Castelvechhi, 2012.

2. *Black W. K*. The Best Way to Rob a Bank is to Own One Black / W. K. Black. — Austin : Univ. of Texas Press, 2014.

3. *Bluestone B*. The Great U-turn: Corporate Restructuring and the Polarizing Of America / B. Bluestone, Harrison B. — N. Y. : Basic Books, 1990.

4. *Bodrunov S.* Galbraith Restored / S. Bodrunov. — Moscow : Kul'turnaia revoliutsiia, 2017.

5. *Bodrunov S.* Noonomy / S. Bodrunov. — St. Petersburg : S. Y. Witte Institute, 2019.

6. *Bresser-Pereira L. C*. From classical developmentalism and Post-Keynesian economics to new developmentalism / L. C. Bresser-Pereira // Brazilian Journal of Political Economy. — 2019. — Vol. 39, № 2 (155). — P. 187–210.

7. *Bresser-Pereira L. C*. Globalization and Competition: Why Some Emergent Countries Succeed While Others Fall Behind / L. C. Bresser-Pereira. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010.

8. *Frémeaux Ph*. Transition Écologique, Mode D'Emploi / Ph. Frémeaux, W. Kalinowski, A. Lalucq. — P. : Les Petits Matins, 2014.

9. *Galbraith J. K*. American Capitalism: The Concept of Countervailing Power / J. K. Galbraith, J. Kenneth. — Cambridge : Houghton-Mifflin, 1952.

10. *Galbraith J. K.* Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future / J. K. Galbraith. — N. Y. : Basic, 1989.

11. *Galbraith J. K.* Created Unequal: The Crisis in American Pay / J. K. Galbraith. — N. Y. : Free Press, 1998.

12. *Galbraith J. K*. Inequality: What Everyone Needs to Know / J. K. Galbraith. — N. Y. : Oxford Univ. Press, 2016.

13. *Galbraith J. K.* Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis / J. K. Galbraith. — N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012.

14. *Galbraith J. K*. The Affluent Society / J. K. Galbraith. — Cambridge : Houghton-Mifflin, 1958.

15. *Galbraith J. K*. The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth / J. K. Galbraith. — N. Y. : Free Press, 2014.

16. *Galbraith J. K*. The New Industrial State / J. K. Galbraith. — Cambridge : Houghton-Mifflin, 1967.

17. *Galbraith J. K*. The Pragmatism of John Kenneth Galbraith / J. K. Galbraith // Acta Oeconomica. — 2019. — Vol. 69 (S1). — P. 195–213.

18. *Harris J. R*. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis / J. R. Harris, M. P. Todaro // The American Economic Review. — 1970. — № 60 (1). — P. 126–142.

19. *Hirschman A*. The Strategy of Economic Development / A. Hirschman. — New Haven : Yale Univ. Press, 1958.

20. Inequality and Industrial Change: A Global View / J. K. Galbraith, M. Berner (eds.). — N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2001.

21. *Kolodko G*. A two-thirds of success. Poland's post-communist transformation 1989–2009 / G. Kolodko // Communist and Post-Communist Studies. — 2009. — № 42 (3). — P. 325–351.

22. *Kolodko G*. Whither the World: The Political Economy of the Future / G. Kolodko. — N. Y. : Palgrave-MacMillan, 2014.

23. *Koshkin V.* Solidarism: The New Mainstream of the Future / V. Koshkin, S. Kretov. — Moscow : Radix, 2018.

24. *Kuznets S.* Economic Growth and Income Inequality / S. Kuznets // The American Economic Review. — 1955. — № 45 (1). P. 1–28.

25. *Martin A.* Economic Stagnation and Social Stalemate in Sweden / A. Martin // Monetary Policy, Selective Credit Policy and Industrial Policy in France, Britain West Germany and Sweden. — Washington: Joint Economic Committee, 1981.

26. *Meidner R*. Fackföreningrsrörelsen och den Fulla Sysselsättningen / R. Meidner, G. Rehn. — Stockholm : LO, 1951.

27. *Rostow W. W.* The Stages of Economic Growth / W. W. Rostow // Cambridge (UK) : Cambridge Univ. Press, 1960.

28. *Weber I*. China's Escape from the Big Bang: The 1980s Price Reform Debate in Historical Perspective : Ph.D dissertation / I. Weber. — Cambridge : Univ. of Cambridge, 2017 (Center of Development Studies, Department of Politics and International Studies).

А. Н. Данилов[1]

СОВРЕМЕННЫЙ МИР НА ПЕРЕПУТЬЕ: ЦЕННОСТИ ЭПОХИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Каждая эпоха порождает свои механизмы регулирования мирового развития. При этом одни механизмы остаются эффективными на долгие времена, другие же сразу после принятия уходят в небытие. Мы подошли ко времени смены эпох, и не надо быть большим аналитиком, чтобы заметить: механизмы послевоенного регулирования пришли в негодность. Глобальные институты в лице ООН и других международных организаций, обеспечивающие стабильность и мир на планете, упреждая или регулируя неизбежные конфликты и кризисы, вдруг начали пробуксовывать. Им все труднее сдерживать нового гегемона — США. Вместе с тем это лишний раз показывает, насколько надежными и справедливыми были эти глобальные международные институты. Поэтому вряд ли стоит так быстро и легко отказываться от накопленного ими положительного опыта. Справедливости ради следует отметить, что даже этим глобальным институтам не всегда удавалось предотвратить войны на планете, однако эти

[1] Заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор. Автор и соавтор более 300 научных работ по социологии, методологии и методике социологических исследований, теории и истории социологии, в т. ч. монографий «Переходное общество: проблемы системной трансформации», «Власть и общество: поиск новой гармонии», «Социология власти: теория и практика глобализма», «Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте „Исследование европейских ценностей“» (в соавт.), «Слово о современниках: эссе, интервью», «Знать, чтобы предвидеть… Социологические этюды», «Синтез философии, науки и культуры», «Современное белорусское общество: социологическое прочтение» (в соавт.) и др. Председатель Белорусского социологического общества. Главный редактор «Журнала Белорусского государственного университета. Социология». Лауреат премии НАН Беларуси.

войны носили локальный характер, нового мирового пожара все же удалось избежать…

Серьезными аргументами в пользу философии ненасилия, на мой взгляд, служат историческая память человечества, понимание ценности мирного сосуществования и принятие человеческой жизни как высшей ценности на Земле. Как это непросто… В этом году исполнилось 75 лет со дня окончательного снятия блокады Ленинграда. Подвиг ленинградцев никогда не померкнет в людской памяти. Вспоминаются проникновенные слова из выступления Даниила Гранина в бундестаге 27 января 2014 года: «Немцы хорошо знали, что происходит в городе, про ужасы голода, знали от разведки, от перебежчиков. Противник мог войти в город, но понимал, что город и солдаты будут стоять насмерть. <…> В дневниках того времени люди писали: „Господи, дожить бы до травы“. По скромным подсчетам, за время блокады умерло больше одного миллиона горожан. <…> У людей не исчезло, а появилось больше сострадания. Единственное, что можно было противопоставить голоду и бесчеловечности фашизма, — это духовное сопротивление людей. <…> Часто оказывалось, что спасались те, кто спасал других… Конечно, и спасатели умирали, но поражало меня то, как им помогала душа не расчеловечиваться. <…> Ненависть — чувство тупиковое, в нем нет будущего. Надо уметь прощать, но надо уметь и помнить. <…> В конечном счете всегда торжествует не сила, а справедливость и правда»[1].

Нас в Беларуси часто упрекают, что мы чересчур терпеливы, что бывает непросто вывести нас из себя. И что слишком консервативны, не склонны к переменам, демократию, мол, не поддерживаем, и «цветные революции» нас не берут. Что тут скажешь, ленинградцы нас поймут — слишком много пришлось пережить и испытать в жизни белорусскому народу, чтобы на уровне генетической памяти из поколения в поколение передавалась очевидная прописная истина-пожелание: «только б не было войны».

Мой отец, гвардии старший сержант Николай Афанасьевич Данилов, участвовал в боях за полное снятие Ленинградской блокады 75 лет тому назад. Всегда гордился своей самой высокой наградой — медалью «За освобождение Ленинграда». Вот и главная ценность мирового развития на все времена — *не допустить войны*.

Проблема мирового развития всегда волновала человечество, особенно в контексте возможности его предсказуемости и управляемости. Чаще всего повышенный интерес к этой проблеме возникает в периоды кризисов, когда мир стоит на пороге глобальной катастрофы или готовится принять новый облик. Точки роста формируются еще в прежнем обществе, но заметить перспективу и динамику их развития удается немногим. А предвидеть новый облик будущего общества дано лишь самым прозорливым.

В нынешнее переломное для всей человеческой цивилизации время особенно важно вглядеться в глубинную суть процессов трансформации. Эти перемены предполагалось органически вписать в новый облик мира. Однако многим независимым государствам суверенитет оказался не по силам. Надежды и ожидания, с которыми многие встретили свежий ветер перемен, оказались очередной иллюзией[2]. Приходилось заново учиться умению идти на компромиссы, поступаться личными политическими амбициями, преодолевать накопившуюся неприязнь, проявлять терпимость и понимание ситуации, поступаться малым, чтобы сохранить перспективу. Вот и еще один вывод для будущего — *поступаться малым, чтобы сохранить перспективу*.

Сегодня наступило время, когда состояние нестабильности становится перманентным. Кризис за кризисом обрушивается на современных землян: глобальный финансовый кризис, упадок морали, экологические проблемы, международный терроризм, угроза ядерной войны и т. д. Резко снизилось доверие к результатам научных исследований и в то же время остро востребованы новые сценарии будущего, изменяющие привычные представления, побуждающие представителей разных наук искать ответы на новые вызовы времени. Вспомним хотя бы выход в 2014 году фундаментальной работы экономиста Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке»[3]. В своей монографии автор сделал математически обоснованный прогноз дальнейшего роста социального неравенства и поляризации бедности и богатства: в руках самой богатой части человечества, составляющей 0,1 % мирового населения, сосредоточено сегодня больше богатств, чем у всех остальных. Факт глобального социального неравенства известен давно, еще со времен К. Маркса, но Т. Пикетти написал об этом свежо и современно…

Серьезно встряхнул общественное мнение и повысил интерес к проблемам будущего бестселлер Ю. Н. Харари «Homo Deus. Краткая история будущего»[4]. Главное сейчас, полагает Ю. Н. Харари, осознать, что мы находимся на перепутье, и понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами. Мы не в силах остановить ход истории, но можем выбрать правильное направление движения. Хотя это очень непросто… И вот еще один вывод: надо *понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами*.

Проблемы прогнозирования и управляемости будущего активно разрабатывались и в советское время. Тогда строили светлое будущее, и долгое время эта цель вдохновляла на ратные и трудовые подвиги советских людей. Затем грянули разоблачения и очернение прошлого. За образец будущего взяли витринный капитализм, которым было принято восхищаться и по кусочкам переносить в советскую реальность. В это время Римский клуб в своих сценариях будущего объявил чуть ли не о конце света. Пережили… К счастью, конец света не наступил.

Предсказания будущего были популярны всегда. К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Адорно, Г. Маркузе, К. Мангейм, З. Бауман, Р. Белл, У. Бек и другие

[1] *Гранин Д.* «…Всегда торжествует не сила, а справедливость и правда» // Социология (Минск). 2016. № 1. С. 3–6.

[2] *Антонович И. И., Данилов А. Н.* Геополитика в эпоху нестабильности. Минск : Беларуская навука, 2018. С. 293.

[3] *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.

[4] *Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2019.

в своих трудах делали научно обоснованные прогнозы. Созданные ими образы будущего сыграли важную роль в его осмыслении, хотя почему-то ни один из них не был оптимистичным. Может, поэтому и не сбылись, но многие серьезно всех напугали. В современной науке получила распространение позиция неопределенности в отношении как настоящего, так и будущего состояния общества. Позиция неопределенности означает признание того, что спонтанное развитие общества не позволяет предвидеть будущее. И дело здесь не только в недооценке прошлого. Речь идет об очередной смене научных идеалов и обновлении парадигм. Возможно, это симптомы смены научной картины мира, новой глобальной научной революции. В. С. Степин отмечал: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в *идеал устойчивого развития*: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию»[1].

Однако *«застывшая стабильность» может перерасти в явление, которое называется стагнацией*. В свою очередь, стагнация может привести к развалу экономики, ухудшению условий жизни людей и, как следствие, к активным протестам.

«Чтобы обеспечить освоение сложных, развивающихся человекоразмерных систем, необходимо сопоставление внутринаучных этических регулятивов с более широкими, выходящими за рамки собственно науки гуманистическими принципами. Сопоставление такого типа достигается в ходе социально-этической экспертизы научно-технологических программ и проектов. <…> Если ранее полагалось, что автономия науки обеспечивает генерацию в ней объективно истинного знания и автоматически реализует гуманистические идеалы, то теперь выясняется, что достижение этих целей в науке XXI века требует дополнительного социально-этического контроля, который обеспечил бы выбор из множества возможных сценариев научно-технологического развития наиболее благоприятного сценария, не угрожающего разрушением биосфере и человеческой социальности»[2]. Еще один вывод: *выбор из множества возможных сценариев развития наиболее благоприятного, не угрожающего разрушением биосфере и человеческой социальности, требует дополнительного социально-этического контроля*.

Современные технологии влияния на сознание людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций общественным сознанием со стороны средств массовой коммуникации, анонимных источников в социальных сетях, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка. Несмотря на немалые усилия, пока с большим трудом удается выстраивать новые точки роста, позитивные сценарии преодоления кризиса государственного управления. Правда, совместить власть олигархата и государственное управление пока никому не удавалось. Видимо, прав был В. С. Степин, когда писал: «*Сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития*. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов нереализуема без выполнения этой задачи»[3].

Что представляет собой новая система ценностей? Один из самых актуальных вопросов: что мы принимаем и от чего отказываемся? Ведь формирование новой системы ценностей — процесс чрезвычайно непростой и небыстрый. С ним всегда связано нарастание неустойчивости в обществе, ослабление власти и обострение многих социальных проблем.

На современном этапе на роль доминирующего претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах Запада. Он основан на идее роста потребления как условия экономического роста, в этот процесс включаются научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада. Успехи потребительских обществ в улучшении качества жизни сделали привлекательной организацию экономики по принципу роста потребления.

Сложившаяся система экономического роста имеет свои ценностные основания. Хотя мы не устаем повторять, что в современном мире нет образца для подражания в государственном строительстве, неявно он все же присутствует и даже навязывается постсоветским странам. Это либеральная модель развития с рыночной экономикой и потребительским обществом, где совсем иные ценности, чем те, с которыми мы жили долгое время… Что, как вы понимаете, не одно и то же.

Современное экономическое и научное развитие, особенно в последние десятилетия, нашедшее свое воплощение в новых информационных и коммуникационных технологиях, в нарастающей глобализации, которые оказывают большое влияние на человеческое поведение, поставило всех нас перед новыми вызовами. Естественно, что эти перемены меняют наши представления об окружающем мире и о самом человеке, его нравственном поведении. Уже очевидно, что постоянно прогрессирующая цивилизация способна разрушить культуру, незамедлительного реагирования требует надвигающаяся экологическая катастрофа. Глобализация стремится к полной унификации, свободная рыночная экономика обостряет социальные конфликты, разделяя людей, порождая новую несправедливость, неравенство, бедность, протест.

Чтобы общество перешло в новое состояние, нужны ориентиры, цели, которых желало бы достигнуть подавляющее большинство населения Земли. И кто-то должен к новым высотам вести, сознательно неся свой нелегкий крест, быть нравственным примером, жертвуя собой. Сегодня же царит культура вырождения, где нет места академизму, классические работы неузнаваемо искажены и обращены к низменным инстинктам, национальное сдвинуто к крайнему национализму, манипуляции историей приводят к полному нигилизму, когда здравый смысл и научная аргументация теряют всякое значение. «Рыночная экономика

[1] *Степин В. С.* Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 10.

[2] Там же. С. 11.

[3] *Степин В. С.* Указ. соч.

вышла за собственные пределы, разлилась по всей поверхности. В обществе есть много аспектов, для которых рыночные механизмы губительны. Таковы публичное пространство государства, интеллектуально-духовная деятельность, межличностные отношения и многое другое. Экономика является первой, базовой в том смысле, что с нее начинается, но совсем не в том смысле, что все делается ради нее. Есть много ценных вещей, которые на деньги не обмениваются. Как раз они и являются самыми ценными в жизни»[1].

Дело даже не в интеллектуально-духовном потенциале — он еще сохранился. Просто он не востребован. «…Мы живем в странную эпоху. Россия переживает глубочайшую национальную катастрофу, а на нее не откликнулись ни литература, ни поэзия, ни философия, ни музыка… Нет духовных открытий, которые стали бы центром притяжения интеллектуальных сил, источником общественного вдохновения…»[2] В этих условиях *ценности, вырабатывавшиеся человечеством на протяжении многих столетий социальной эволюции, могут быть разрушены*.

Сохранение ценностного кода во многом зависит от *достижений социально-гуманитарных наук*. Эти науки в процессе исследования и технологического освоения сложных социальных систем и практик активно взаимодействуют с естественными и техническими науками, образуя междисциплинарные комплексы знаний, необходимые для решения конкретных исследовательских и практических задач.

В ближайшем будущем человечество, осваивая конвергентные технологии, столкнется с новыми проблемами, решение которых потребует нового уровня социально-гуманитарных научных исследований. Роботизация и применение информационных технологий ставят задачу изменения стратегий обучения и подготовки специалистов. Возникают вопросы, как перестроить процессы обучения, как организовать воспитание нового поколения людей. И такое осмысление невозможно без *наращивания потенциала социально-гуманитарных наук*.

Сегодня уже существуют и реализуются проекты генетического улучшения отдельных свойств человека с целью более успешного выполнения им определенных видов деятельности. Тенденция конструирования самых разных генетически специализированных индивидов, приспособленных для осуществления строго определенных видов деятельности, может радикально изменить структуру общественной жизни. *Ученые не исключают возможности трансформации общества, где люди превращаются в генетически запрограммированных биороботов*.

Как мы уже отмечали, усложнившийся социум, его постоянная изменчивость делают будущее весьма неопределенным, смещают исследовательский акцент на развитие новых теорий, способных помочь в осмыслении мира. В этих условиях важно не подменять реальный анализ нынешнего состояния общества морализированием и краснобайством. Надо заниматься научным анализом реального мира, учитывая при этом новые технические, биологические, психологические, экономические и другие достижения. Поэтому *конструирование новых социальных теорий, адекватно описывающих и объясняющих современный мир во всей его сложности, представляется весьма актуальным для современной науки*.

Гуманитарные и социальные науки не могут не реагировать на потребность в анализе современного мира, поскольку наличие этой потребности делает их присутствие видимым в публичной сфере именно в эпоху кризисов и быстрых трансформаций. Мы до сих пор не сумели достойно проанализировать социальные достижения и провалы Советского Союза, а также динамику и последствия последующей реставрации капитализма… «Советская „Атлантида“ ушла под воду. И мы там, где находятся все народы, — в суровой реальности, где бал правит частный интерес и где каждый за себя»[3]. «Поражает другое, — пишет А. А. Гусейнов, — все сколько-нибудь серьезные исторические изменения в России сопровождались интеллектуально-духовными прорывами. Достаточно назвать всплески в поэзии, литературе, кино, философии, порожденные хрущевской оттепелью. А сейчас? Произошли фундаментальные изменения строя жизни, положения России в мире — и никакого отзвука на высших этапах сознания… Надо задуматься: что собой представляют, куда ведут преобразования, которые осуществляются без вдохновения, без мысли и чувства? <…> Для сдавшейся армии поэты не слагают гимнов, композиторы не пишут маршей»[4].

На что надеяться, «что ждет общество, где элиту составляют сплошь звезды попсы и дизайнеры, программисты и футболисты? Эти представители креативного класса в массе своей не создают сегодня подлинные ценности, а паразитируют на пороках и недостатках человека и общества, формируя искусственные, зачастую вредные потребности… Кто из креативщиков может похвастаться своим вкладом в культуру, который был бы сопоставим с вкладом ученых и художников прошлого?»[5]

Чрезмерное увлечение глобализмом, в том числе его поощрительное толкование экспертным сообществом, умиление по этому поводу может иметь отрицательные последствия для суверенной политики отдельно взятых стран. Этот аспект переоценки глобального по сравнению с национальным особенно важен для России и других постсоветских стран. Нельзя создавать ненужную зависимость от внешних факторов в ущерб собственным интересам. Россия всегда должна быть готова к противостоянию Западу в разных сферах, будь это противоракетная оборона в Европе, Арктика или «цветные революции». Как показывает опыт, противостояние с Россией часто объединяет Запад, но это не должно нас дезориентировать. Не все, что экономически выгодно с точки зрения международного разделения труда, целесообразно применять. *Решающий выбор диктуется безопасностью государства*.

[1] *Гусейнов А. А.* Философия — мысль и поступок : статьи, доклады, лекции, интервью. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 453.

[2] Там же. С. 464.

[3] *Гусейнов А. А.* Указ. соч. С. 334.

[4] Там же. С. 451–452.

[5] *Антонов М.* Феодализм «продвинутых». Вся власть олигархам интеллектуальной собственности? // Литературная газета. 2014. № 5 (5–11 февр.). С. 9.

С распадом Советского Союза «конца истории» не наступило. Вывод: надо *достойно проанализировать социальные достижения и реальные провалы Советского Союза, а также динамику и последствия последующей реставрации капитализма*.

В своей нобелевской лекции белорусский писатель Светлана Алексиевич отмечала: «Мой путь на эту трибуну был длиной почти в сорок лет — от человека к человеку, от голоса к голосу. Не могу сказать, что он всегда был мне под силу этот путь — много раз я была потрясена и испугана человеком, испытывала восторг и отвращение, хотелось забыть то, что я услышала, вернуться в то время, когда была еще в неведении. Плакать от радости, что я увидела человека прекрасным, я тоже не раз хотела»[1]. Вывод для будущего — *увидеть человека прекрасным… как мечта, как прогноз на будущее*.

И все же, рассматривая последствия системной трансформации постсоветских стран, нельзя не видеть, что мир приходит не к многополярности и усложнению структуры, а, наоборот, к ее упрощению. Кстати, как и ранее — к элементарной двухполярности. Раньше это был мир социализма в лице СССР и мир капитализма в лице США. Сегодня, когда преемник СССР — Россия — поднимается с колен, становится самостоятельным мировым игроком, даже называя свою систему капиталистической, это другой капитализм. Я бы назвал его постсоветским. И все другие страны опять оказались перед выбором: на чью сторону перейти, какую позицию занять. Кому-то может показаться, что и в такой ситуации можно быть самостоятельными. Но на практике это не так… Неприсоединившиеся страны временно могут ими быть, но только в том случае, если им позволят два эти гиганта. Первыми падут те, кто не имеет ресурсов. Те, кто богаче, устоят, но лишь до тех пор, пока кто-то из великих не захочет прибрать их к рукам. К сожалению, мир лучше не стал…

Выводы. Анализ показывает, что современное общество находится на перепутье, когда состояние стратегической нестабильности становится перманентным, глобальный финансовый кризис накладывается на упадок морали, происходит деградация экологической среды, нарастает международный терроризм, проявляются симптомы возможности ядерной войны и т. д. Конечно, каждая эпоха, в том числе эпоха неопределенности, рождает свои механизмы регулирования мирового развития, в основе которых лежит историческая память человечества, понимание ценности мирного сосуществования и принятие человеческой жизни как высшей ценности на Земле. Не допустить войны — главная ценность мирового развития.

Трудно, но необходимо осознать, что мы находимся на перепутье, поэтому учимся поступаться малым, чтобы сохранить перспективу на будущее, и стремимся понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами. Когда вы не в силах остановить ход истории, надо выбрать правильное направление движения.

Решающий выбор диктуется безопасностью государства. Проведенный анализ показывает, что идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития, где условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития является формирование новой матрицы ценностей. Сложившаяся сегодня система экономического роста имеет свое ценностное основание — общество потребления. Сохранение общества потребления или предложение альтернативных сценариев развития во многом зависит от достижений социально-гуманитарных наук.

Прогресс сделал человека потенциально лишним в самом процессе трудовой деятельности, а непомерно раздутая свобода оказалась просто предоставленностью людей самим себе. Очень точно писал В. С. Степин: «Новые ценности ниоткуда извне не придут — они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать точки их роста»[2]. Нельзя предвидеть будущего, не извлекая уроков из собственной истории.

В завершение приведу слова президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко из его выступления в ходе общей дискуссии на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года: «Нужно осознать ответственность перед будущим, думать о том, что мы оставим после себя»[3]. Как видим, будущее не возникнет само по себе. Его надо строить нам, здесь и сейчас. Каким построим, таким оно и будет…

Времена меняются, и меняется взгляд на будущее, прогнозные оценки становятся все более адекватными, но почему-то тревога не исчезает…

[1] *Алексиевич С.* О проигранной битве : нобелевская лекция. 7 декабря 2015 г. URL: https://www.litmir.me/br/?b=279406&p=1.

[2] *Степин В. С.* Указ. соч. С. 10.

[3] *Лукашенко А. Г.* Общая дискуссия на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. URL: http://www.ctv.by/v-pervyy-den-obshchepoliticheskoy- diskussii-svoyu-poziciyu-ozvuchili-pochti-dva-desyatka-glav.

Б. Дегарден[1]

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И ЕВРОПА ПЕРЕД ЛИЦОМ КИТАЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА. КАКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОЖИДАТЬ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ?

Знай свое место в мире.
Конфуций

Высказывание Конфуция кажется особенно своевременным в разгар борьбы между державами, потому что это важнейший вопрос для рынков и геополитики. Встает много вопросов, но история Китая помогает нам многое понять, а недавняя история является иллюстрацией перемен.

Вопросы: от света к тени или даже к полной тьме

Солнечная сторона — это впечатляющие результаты. Как коммунистическая страна, которая продвигает и поддерживает государственный капитализм, смогла так сильно выиграть от глобализации?

Тени — это неравенство и империализм. Как режим, для которого равенство было высшей ценностью, смог породить одно из самых неэгалитарных обществ? Что, например, мы должны думать об агрессивном империализме инициативы «Один пояс — один путь»? Каких угроз ждать западным странам и компаниям?

Настоящую тьму мы, возможно, увидим в предстоящие десятилетия. Разве страна не пытается смягчить замедление роста, накапливая долг? Может ли рост продолжаться при таком загрязнении окружающей среды? А если сократится население? Сможет ли Китай добиться статуса страны с высоким доходом? Можно ли провести параллель с Японией конца 1980-х годов — перед тем, как лопнул «мыльный пузырь»?

Можно ли объяснить концентрацию власти в руках Си Цзиньпина его страхом перед крахом режима, подобным тому, в результате которого исчез Советский Союз?

Древняя история: великая держава

С момента основания Китайской империи в 221 году до н. э. в Китае доминирует народ хань (самая многочисленная в мире этническая группа) и сформировалась конфуцианская цивилизация, история которой насчитывает уже несколько тысячелетий. Китайцы господствуют в Азии, они подарили миру компас, порох, книгопечатание и даже, как пишет *Дэвид Лэндис* в книге *«Богатство и бедность народов»*, металлургию, — на 1500 лет раньше, чем она появилась в Европе. По словам *Ангуса Мэдиссона*, в тот период на долю Китая приходилось от 15 до 20 % мирового богатства. Тем не менее после путешествия флотоводца Чжэна Хэ, который добрался до берегов Африки около 1430 года, Китай закрылся от остального мира.

Недавняя история: возрождение

После начала промышленной революции в Великобритании в XVIII веке именно Китай продемонстрировал самый мощный цикл роста по сравнению с остальным миром. Китаю удалось избежать кризисов. Если в 1990 году на его долю приходилось 3 % мирового промышленного производства, то в настоящее время — около одной четверти. После вступления в ВТО в 2001 году доля Китая в международной торговле повысилась с 4,3 до 14 %, китайский ВВП вырос в 12 раз, а его вес в мировой экономике увеличился с 2 до 15 %. Страна является ведущим экспортером в мире и все больше инвестирует средства за рубежом.

В 2018 году ВВП США составлял примерно 20 трлн, ВВП 27 европейских стран — 15 трлн, а ВВП Китая — 12,5 трлн долларов. ВВП Китая не превышает 60 % от ВВП США, но если говорить о ВВП на душу населения, пересчитанному по паритету покупательной способности, то это уже 120 %, и, по мнению некоторых ученых, к 2025 году китайская экономика обгонит американскую по абсолютным показателям. ВВП трех других стран БРИКС (России, Индии и Бразилии) составляет в целом менее 8 %.

Что касается фондового рынка, то индекс S&P 500 в американских долларах ежегодно растет на 17,7 % после того, как достиг самого низкого значения в марте 2009 года, рост китайского фондового рынка в пересчете на год составил всего 11,8 %.

Посвятим первую часть доклада триумфальному Китаю, вторую — его влиянию на Запад и наконец посмотрим, как Китай занимает оборонительную позицию.

Триумфальный Китай

Человек, который двигает горы, начинает с того, что носит маленькие камни.
Конфуций

Стремление Китая к завоеваниям является следствием ряда перенесенных обид. Это унижение во время Опиумных войн в 1842 году, когда англичане заставляли китайцев покупать производимый в Индии опиум для финансирования покупок китайских товаров, которые им очень нравились. Затем Китай был подвергнут унижению в 1860 году, когда англичане и французы совместно разграбили Летний императорский дворец; в 1895-м, когда был заключен Симоносекский договор, по которому остров Тайвань пе-

[1] Генеральный директор банка «Eric Sturdza SA» (Женева, Швейцария). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Новая международная экономическая окружающая среда», «Стратегии глобализации», «Феномен банковской системы Швейцарии: исторические факты и современные тенденции развития» и др.; статей по проблемам банковской деятельности.

редавался японцам; в 1931-м, когда японцы вторглись в Маньчжурию.

И только в 1976 году, после смерти Мао, возглавивший страну Дэн Сяопин стал проводить политику, вдохновленную ленинским нэпом 1921 года. Он сделал страну открытой, начал аграрную реформу и инициировал инвестиции в промышленность и образование, таким образом подготовив почву для 40 лет быстрого роста.

Изменения начались в 1978 году, и с тех пор Китаю удалось превратиться из страны с преимущественно сельским населением (70 % в 1978 г.) в промышленную страну с преобладанием городского населения (55 %), при этом избежав такой опасности, как поселки из бараков и времянок.

Доля людей, живущих за чертой бедности в Китае, сократилась с 80 до 12 %. Если говорить о развитии среднего класса, то цифры, которые приводит *Питер Франкопан* в книге *«Шелковый путь: Новая мировая история»*, впечатляют: в 1990 году китайские туристы потратили за границей 500 млн долларов, а в 2017 году — 250 млрд, и эти цифры будут стремительно расти, потому что в настоящее время паспорта есть только у 5 % китайцев. Развитие инфраструктуры поражает воображение: в 1968 году в Китае не было автомагистралей, в то время как во Франции их протяженность составляла 1000 километров; в настоящее же время эти показатели равны 130 тыс. и 12 тыс. километров соответственно. Есть четыре ключа к пониманию этого триумфа: использование правил ВТО (Всемирной торговой организации), поддержка государственных предприятий, инициатива «Один пояс — один путь» и возрождение идеологии.

Использование правил ВТО

Китай вступил в ВТО в 2001 году в статусе развивающейся страны, что позволило ему запретить иностранные инвестиции в одиннадцать отраслей и ограничить их во многих других. Следует признать, что Китай меньше использует социальный демпинг и больше полагается на технологии, но ограничения на западные инвестиции в Китай вызывают много вопросов и обсуждаются.

Поддержка государственных компаний и технологические амбиции

Китай защищает свой внутренний рынок, позволяет собственным компаниям достигать гигантских размеров и помогает лучшим из них завоевывать рынки благодаря выгодным займам от своих государственных банков.

— *В традиционных отраслях*, например в производстве стали, доля Китая на мировом рынке увеличилась с 4 % в 1997 году до более 50 %. Если говорить о цементе, то за пять лет Китай произвел его больше, чем США во всем XX веке.

— *В высокотехнологичных отраслях* Китай больше не хочет играть роль «сборочного цеха». В соответствии с программой «Китай-2025», 2 трлн евро инвестиций должны быть предоставлены десятку отраслей будущего, таким как робототехника, автономный транспорт, электромобили и электронные чипы. Китай планирует, что рост производства в этих отраслях достигнет 40 % к 2020 году и 70 % — к 2025-му, поэтому расходы на исследования были увеличены с 0,9 % ВВП в 2000 году до 2,1 % в 2016-м и ожидается, что они достигнут 400 млрд долларов в 2020 году. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, к 2016 году от китайцев поступало столько заявок на патенты, сколько из США, Японии и Южной Кореи вместе взятых, так что в будущем следует ожидать от Китая технологических прорывов.

Одним из примеров развития стратегического сектора является *аэрокосмическая промышленность*. Активно развивается группа Avic, в которой работает 400 тыс. человек и которая вполне может конкурировать с компанией Airbus, продающей четверть своей продукции в Китай. Еще один пример — *робототехника*, где китайцы хотят наверстать упущенное. По данным Международной федерации робототехники, в 2016 году Китай приобрел 27 % произведенных в мире роботов.

Та же тенденция наблюдается в производстве *электронных чипов*, потому что Китай больше не желает почти полностью (на 80 %) зависеть от американских чипов.

Инициатива «Один пояс — один путь»: амбиции и препятствия

Амбиции

Этот проект был инициирован в 2013 году и предполагалось 65 участников, теперь же в него вовлечены около сотни стран, или 4,4 млрд человек, представляющих более 30 % мирового ВВП, возможно, от Китая до Италии, а также до Ближнего Востока и Африки. Разрабатываются два пути: морской и наземный. В 2014 году Китай основал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, в который, по оценкам, уже вложил 240 млрд долларов и планирует финансирование в размере триллиона долларов в форме займов или проектов по схеме «строй–управляй–передавай»[1]. С помощью этого предприятия Китай надеется выковать для себя инструмент геополитической власти.

«Империализм как высшая стадия капитализма»

Эта работа Ленина характеризует нынешнюю ситуацию в Китае, который пытается справиться с замедлением роста и излишком производственных мощностей и при этом ищет драйвер роста. Инвестируя в инфраструктуру вдоль Шелковых путей, китайцы хотят облегчить приобретение сырья и сельскохозяйственной продукции для себя и увеличить продажи китайских товаров.

Особенности китайских инвестиций

Можно сказать, что они часто полезны, не всегда соответствуют потребностям, иногда сопровождаются загрязнением окружающей среды, всегда обходятся

[1] Китайская фирма получает прибыль с операций, чтобы окупить начальные инвестиции перед тем, как передавать завод стране.

дорого для стран, в которые направляются, и никогда не учитывают права человека.

Полезно — например, строительство нового города рядом с Каиром, чтобы избавиться от пробок на дорогах, или расширение порта Багамойо в Танзании, чтобы разгрузить порт в Дар-эс-Саламе.

Невыгодно — например, железная дорога между Аддис-Абебой и Джибути, убытки от которой составили 4,5 млрд долларов почти через два года после ввода в строй.

Вредно для окружающей среды — например, угольные электростанции в Кении или Бангладеш, против которых выступало местное население.

Дорого — МВФ обеспокоен ситуацией в Пакистане, ВВП которого составляет всего 280 млрд долларов, в то время как Китай предоставил ему займы на сумму свыше 60 млрд долларов, чтобы построить глубоководный порт в Гвадаре, объекты, использующие энергию ветра, электростанции, водоочистные сооружения и высокоскоростную железную дорогу протяженностью 1600 километров между Карачи и Пешаваром. Валютных резервов страны (10 млрд долл.) недостаточно для выплаты долга и финансирования импорта из Китая.

Излишне — для небольших стран, таких как Мальдивы (от 1,5 до 3 млрд долл. бюджетных ассигнований при ВВП, равном 5 млрд долл.), которые позволяют искушать себя крупными проектами.

Без учета прав человека — например, в странах Центральной Азии, с которыми торгует Китай; также следует принять во внимание ту роль, которую Китай сыграл в ООН для защиты президента Судана Омара аль-Башира.

Возрождение идеологии: четыре важных момента

Ссылки на историческое величие

Си Цзиньпин склонен забывать о Дэн Сяопине, но ссылается на Конфуция и Мао, хотя из текстов Конфуция вычеркиваются места, где говорится о человеческом достоинстве и о том, что политическая власть должна прислушиваться к людям. Он говорит о Мао великих времен революции, но не о голодных годах, когда от 30 до 60 млн человек умерли от истощения. В детстве Си жил в сельской местности, ругал западную демократию и мог легко подписаться под утверждением *Ли Куан Ю «Запад выбирает правителей, в которых не верит, в то время как Китай не выбирает правителей, в которых верит»*.

Подавление оппозиции

Си — продукт иерархического общества, унаследовавшего культуру, в которой человек не более чем винтик в большой машине. В 2019 году он тратит больше на оборону, нанимает два миллиона человек, чтобы следить за пользователями Интернета, избавился от более чем миллиона оппонентов («борьба с коррупцией»), подавляет свободу прессы в Гонконге, а за рубежом его поддерживают Институты Конфуция, финансируемые Коммунистической партией.

Он без колебаний репрессировал миллион *уйгуров* из 11-миллионного населения этой национальности, отправив их в так называемые воспитательные лагеря. Уйгуры — тюркоязычные мусульмане, проживающие в крупнейшей провинции Китая *Синьцзян*, которая граничит с Пакистаном, Индией, Россией и многими другими странами и площадь которой сопоставима с территорией трех Франций.

Еще один проблемный регион — *Тибет*, имеющий стратегическую важность, где берут начало три крупнейшие реки Китая: Хуанхэ, Янцзы и Меконг.

Возрождение руководящей роли Коммунистической партии Китая (КПК)

КПК присутствует в компаниях и контролирует общество — от рождаемости до оценки поведения людей, от обязательного изучения марксизма до слежки за интеллигенцией. Это напоминает действия Мао после кампании «Сто цветов».

Давление на Тайвань

Тайвань — это крупная страна с населением 23 млн человек, которой принадлежат многие бренды в электронной промышленности. Тайвань не дает спокойно жить Китаю, потому что ему удается совмещать конфуцианство и демократические ценности. США взяли на себя обязательство защищать Тайвань в случае нападения, но эта страна экономически зависит от Китая, куда идет 40 % ее экспорта.

Сотрудничество и конфронтация с азиатскими странами

Китай то проводит совместные военные учения с ними, то вступает в конфронтации. Он оспаривает суверенность примерно 200 небольших островов и рифов в регионе, через которые проходит 40 % китайских товаров.

В случае конфликта у китайцев возникнут трудности с доступом в Тихий океан из-за Курильских островов и Японского моря. И они также знают, что будет блокирован Малаккский пролив между Малайзией, Сингапуром и Индонезией, которые являются союзниками США.

Влияние на Запад

> Повергнуть врага без сражения — вот вершина военного мастерства.
>
> *Сунь-цзы*

После рассказа о триумфальном Китае давайте обратим взоры в сторону Запада и отметим влияние по четырем направлениям: отрасли, товары, валюты и уязвимость экономического цикла.

Отрасли, страдающие от недобросовестной конкуренции

Щедрые инвестиции китайских государственных предприятий в многочисленные отрасли являются фактором, сдерживающим рост мировой экономики. Так происходит в сталелитейной отрасли, производстве

цемента, ветроэнергетике, солнечной и другой возобновляемой энергетике, где многочисленные компании были подавлены или нейтрализованы китайскими конкурентами.

Список можно продолжить, но особого внимания, на мой взгляд, заслуживает следующее:

— в *электроэнергетике* Государственная энергосистема, имеющая 1,1 млрд китайских клиентов и 1,7 млн сотрудников, инвестирует в акции многочисленных компаний в Австралии, Греции и Италии;

— в *ядерной энергетике* группа CGN торжественно запустила первый EPR-реактор (еврореактор с водой под давлением), обогнав компанию EDF;

— в производстве *солнечных батарей* 6 из 8 ведущих фирм — китайские[1];

— в *ветроэнергетике* 5 из 10 ведущих производителей оборудования — китайские[2], они устанавливают половину ветряных турбин в мире;

— в производстве *электрических батарей* 5 из 10 ведущих производителей — китайские[3];

— в *космической промышленности* космический зонд корпорации China Aerospace недавно успешно совершил посадку на Луне;

— в *производстве железнодорожных подвижных составов* в 2014 году в результате слияния двух групп была создана Китайская корпорация по производству железнодорожных подвижных составов. Эта государственная компания поставила более половины локомотивов в мире в последние три года.

Товары: дестабилизирующее влияние на цены

В 2000–2013 годах первичное энергопотребление в Китае возросло с 14 до 28 % от общемирового, а потребление металлов, в частности меди, часто достигает 50 % мирового производства, так что китайский рост влияет на цены.

Доля Китая в добыче редкоземельных металлов, необходимых для производства компьютеров и мобильных телефонов, по данным *Питрона*, приводимых в *La guerre des metaux rares* («Война за редкие металлы»), составляет от 50 до 70 % рынка, и он имеет фантастическое преимущество, потому что Запад отказался от такой добычи, сильно загрязняющей окружающую среду.

Американский долг и валюты: средства давления, доступные китайцам

Наряду с Японией Китай является одним из основных держателей американских государственных облигаций на сумму 1170 млрд долларов, и снижение этого количества является оружием устрашения.

Китай откладывает интернационализацию своей валюты, чтобы не допустить утечки капитала, что приводит к увеличению ставок (за последние два года его валютные резервы сократились с 4 до 3,2 трлн долл.). Недавно юань был включен в корзину резервных валют Международного валютного фонда со специальными правами заимствования.

Растут китайские инвестиции в зарубежную недвижимость. По словам *Питера Франкопана*, Китай потратил на это 50 млрд долларов в 2016 году и 40 млрд — в 2017-м, что привело к росту цен в Калифорнии, Ванкувере, Австралии и Юго-Восточной Азии.

Уязвимость китайской экономики

В последние годы вклад Китая в общемировой экономический рост составлял 30 %. Многие страны (Австралия, Япония, Тайвань, Сингапур, Вьетнам и др.) выиграли от такого успеха, в основном за счет впечатляющего роста экспорта в Китай.

Китай занимает оборонительную позицию, или Ограниченность государственного капитализма

> Удача уходит корнями в неудачу, а неудача маячит под удачей.
>
> *Лао-цзы*

Внутренние проблемы Китая — замедление роста, загрязнение окружающей среды и старение населения, а во внешней политике он сталкивается с санкциями Запада.

Замедление роста и долговая нагрузка

Китай — это новая Япония?

Китай демонстрирует симптомы, подобные тем, от которых Япония пострадала в начале 1990-х годов: недооцененная валюта, финансирование относительно неприбыльного экспорта, ослабляющее банковскую систему, сокращение численности населения (хотя в Китае это происходит более драматично), «пузыри» в некоторых отраслях.

Трудности понимания китайской статистики

Необходимо учитывать, что к данным китайской статистики следует относиться с большой осторожностью.

Пять факторов замедления роста

1. Избыточные производственные мощности, причиной которых стала конкуренция между провинциями. Например, в конце 1990-х годов в стране было 8 тыс. производителей цемента (даже сейчас их 4 тыс.) и 120 автомобилестроителей.

2. Результаты догоняющей стратегии, благотворной для всех развивающихся стран, снижаются; также замедляется рост производительности труда, что вызвано массовым переездом людей из сельской местности в города: мигрантов, вынужденных соглашаться на зарплаты на 30 % ниже, чем у городских жителей, стало заметно меньше.

3. Молодых людей, вступающий в трудоспособный возраст, уже не так много, как раньше.

4. Потеря конкурентоспособности из-за роста заработной платы: минимальная ежемесячная зарплата увеличилась вчетверо по сравнению с 2006 годом

[1] Компании Trina Solar, JA Solar, Jinko Solar, Canadian Solar, Yingli Solar и Shungfeng.

[2] Компания Goldwind (первое место), United Power, Mingyang, Envision и CSIC.

[3] Компания BYD (второе место), Epower, Beijing Pride Power, Air Litium и Wanxiang.

и сейчас составляет 315 евро, то есть больше, чем в Болгарии (285 евро). Производство перемещается в другие страны региона, где зарплата может быть в три раза ниже.

5. Неравенство: не только очень большая разница в доходах, но и неравенство в доступе к образованию[1]. Все это усиливает индивидуализм в ущерб социалистической модели. Траты на социальное обеспечение составляют 10 % ВВП (в развитых странах — в среднем 22 %), и это едва ли обеспечивает какую-то компенсацию.

Долговая нагрузка

Долги провинций связаны с тем, что центральное правительство вменило им в обязанность финансирование образования, строительства инфраструктуры и социального обеспечения.

Корпоративные долги — самые большие в мире: по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), они составляют 155 % ВВП.

Государственный долг низкий, но он недооценивается из-за неработающих займов на балансах банков, хотя иногда, надо признать, они конвертируются в инвестиции.

Этот пессимистический взгляд *смягчается тремя факторами*: норма сбережений исключительно высока и составляет 48 % ВВП, доля китайских гособлигаций на руках у иностранцев не превышает 2 %, а номинальная ставка по этому долгу ниже, чем темпы роста экономики. Тем не менее, если в Китае начнется кризис, последствия в глобальном плане будут серьезными из-за того, что Китаю придется избавляться от иностранных активов.

Излишки недвижимости: спекуляции, связанные с недвижимостью, диктуются стремлением сделать сбережения «на черный день». Закредитованность населения выросла до 49 % ВВП, многие застройщики имеют большие долги, десятки миллионов квартир стоят пустые, в то время как в Пекине квартира площадью 75 м^2 может стоить в 50 раз больше, чем доход покупателя.

Проблемы окружающей среды

Загрязнение воды, пахотных земель и воздуха заставляет страну принимать радикальные меры, потому что, как нас учит *Джаред Даймонд*, богатство или бедность страны зависит не только от ее географического положения, но и от экологического состояния.

Китай больше других стран инвестирует в возобновляемую энергию, но он и загрязняет окружающую среду больше других, на его долю приходится 27 % выбросов парниковых газов[2].

Загрязнение воды

Всего 8 % запасов воды на планете приходится на Китай, но он потребляет их четвертую часть и без колебаний отводит часть вод реки Янцзы, в дельте которой расположен Шанхай. По данным ООН, Китай (особенно северо-восточная часть) является одной из 13 стран, испытывающих наибольший дефицит воды.

Загрязнение пахотных земель

Перемещение населения в районы, где ощущается нехватка водных ресурсов, усилило опустынивание земель. 20 % пахотных земель загрязнены, и это существенная проблема в стране, где их и без того мало. Также обеспокоенность вызывает застройка еще чистых земель.

Загрязнение воздуха

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), с 2008 по 2015 год жители Пекина дышали чистым воздухом всего 55 дней, или 2 % времени. «Виновник» — уголь, используемый для производства двух третей электроэнергии.

Старение населения

Политика «одна семья — один ребенок» привела к массовому избавлению от девочек и к уменьшению числа потенциальных матерей, так что 35 млн китайцев, родившихся после 1980 года, не найдут себе жен.

Стремительное старение населения

К 2050 году количество пожилых людей в Китае превысит общую численность населения Европы и США. Возраст выхода на пенсию придется повышать, потому что женщины в основном уже работают. Население этим обеспокоено, поэтому старается делать сбережения, что снижает потребление.

Реакция Запада

Позиция США

Американцы испытывают искушение занять жесткую позицию, потому что американский экспорт в Китай составляет менее 1 % американского ВВП, в то время как импорт в США из Китая эквивалентен 4 % китайского ВВП. Между тем в 2018 году дефицит США в двусторонней торговле с Китаем достиг рекордной цифры 419 млрд долларов — это ухудшение на 12 % из-за снижения американского экспорта. Американцы также борются с коррупцией и применяют принцип экстерриториальности, если сообщение по электронной почте проходит через американский ящик или трансакция проводится в американских долларах, и ожидают от Китая мер против протекционизма и кражи интеллектуальной собственности. Первым следствием в 2018 году стало снижение китайских инвестиций в США с 30 млрд до менее 5 млрд долларов.

Дональд Трамп не сможет провести репатриацию большого количества фирм в США. Сборочные цеха, вероятнее всего, переместятся из Китая в страны с более дешевой рабочей силой. Трамп пытается защитить сталелитейную промышленность, которая не имеет потенциала роста, и уделяет недостаточно внимания та-

[1] Сегодня уровень образования выше (27 % образованных людей в 2012 г.), однако все еще низкий по сравнению с Южной Кореей (98 %), Японией (61 %) и даже Таиландом (51 %).

[2] Если бы в Китае было по три транспортных средства на четырех человек, как в США, то это бы означало 1,1 млрд автомобилей. Количество углекислого газа на человека: выбросы в 2012 году составили 6,6 тонн в Китае и 17 тонн в США. Один американец потребляет эквивалент 8 тонн нефти в год, европеец — 4 тонн, китаец — 1 тонны.

ким услугам, как консалтинг, страхование или платежные системы (Visa и Mastercard все еще не разрешены в Китае), а эти компоненты торговли обеспечивают профицит, пусть и не превышающий 50 млрд долларов, но при этом США имеют возможность диктовать свои условия.

Позиция Европы

> В мире геополитических хищников европейцы остаются последними вегетарианцами. Без Великобритании мы и вовсе станем веганами.
>
> *Зигмар Габриэль*

Годеман в работе *La Chine à nos portes* («Китай у наших ворот») отмечает, что китайцев интересует аэрокосмическая промышленность, технологии и порты Европы[1].

Иногда партнерство с китайцами выгодно, например компания Club Med пришла в Китай благодаря местному акционеру Fosun. В то же время фирма «Пежо» не увеличила продажи в Китае, хотя Dongfeng принадлежит доля в компании[2].

Недавно Европейский парламент стал применять меры для контроля китайских инвестиций, но Китай умело использует его отдельных участников. *Греция* выиграла от инвестиций Costco в Пирей, *Португалия* получила выгоду от китайских инвестиций в энергетическую компанию EDP (Energias de Portugal). Эти страны не готовы голосовать за предложения, которые могут негативно отразиться на Китае, так что единогласия достичь не удается. Еврокомиссия слишком озабочена конкуренцией в Европе и недостаточно осознает последствия в глобальных масштабах.

Заключение

В 1980 году никто не мог предвидеть распада Советского Союза, рецессию в Японии и успех Китая, так что лучше не делать категоричных заявлений о будущем Китая. У него есть сильные стороны, но есть и «симптомы, предшествующие началу заболевания», которые могут отразиться на всем мире.

Демографическая стена. Количество работающих снижается начиная с 2010 года. Максимальная численность населения — 1,4 млрд человек — будет достигнута в Китае в 2030 году, но к 2050 году страна может потерять 200 млн жителей. Китай будет вынужден заботиться о единстве общества и выбирать между созданием роботов, иммиграцией, законодательным принуждением к рождению детей или даже клонированием, вызывающим опасение у многих, например у Лорана Александра, о чем он говорит в своей книге *La guerre des intelligences* («Война разведок»).

Долговая стена. Общий долг, равный трем размерам ВВП, по данным Института международных финансов, — самый крупный среди развивающихся стран и продолжает расти. В последнее десятилетие прибыль на используемый капитал несколько снижается, что приводит к избытку производственных мощностей, появлению «компаний-зомби» и городов-призраков.

Стена проблем окружающей среды. Жан-Франсуа Хуше в книге *La crise environnementale en Chine* («Кризис окружающей среды в Китае») показывает, что нелегко заставить работать законы, направленные против загрязнения окружающей среды. Власти на местах озабочены занятостью населения, пусть даже на «грязных» заводах. По данным Всемирного банка, загрязнение окружающей среды сто́ит 5 процентных пунктов ВВП. Это еще раз подтверждает ограниченные возможности государственного капитализма.

Стена глобализации. Китай выиграл от открытия зарубежных рынков для своей продукции и хотел бы предотвратить откат глобализации, но обозначаются два момента. Партнеры по инициативе «Один пояс — один путь», которые не могут расплатиться по долгам, связанным с китайскими контрактами, проявляют осторожность и опасаются обращения взыскания на имущество и лишения права им пользоваться. Страны Запада, требующие соблюдения принципа взаимности в торговле, стараются не терять бдительности. Чтобы оказывать влияние на Китай, западный мир должен действовать сообща. Обама, поняв это, довел до завершающей фазы Транстихоокеанское партнерство, объединившее азиатских партнеров США с целью сдерживания экономической мощи Китая. Трамп вышел из этого соглашения и рассматривает возможность роспуска НАТО. Это беспокоит Европу, которой придется укреплять свое единство и разрабатывать общую политику в области цифровых технологий, искусственного интеллекта и других областях будущего, чтобы найти свое место между Китаем и США. Если США больше не хотят гарантировать мировую стабильность или поддерживать НАТО, то надо ставить вопрос о чрезмерных привилегиях, которыми в ответ на все это пользовались Штаты, — об экстерриториальности, дорого обходящейся европейским компаниям, и о долларе как международной резервной валюте. Если доллар потеряет свой статус, то его курс снизится, а ссудный процент повысится. Пока схема, разработанная европейскими странами для бартерной торговли без американских долларов с Ираном, находится в эмбриональном состоянии.

Стена роста. Похоже, что рост Китая замедляется гораздо быстрее, чем показывает статистика. Это структурное явление, и это плохая новость для мировой экономики. По данным ОЭСР, если рост Китая снизится на 2 процентных пункта, это означает –0,4 процентных пункта для мировой экономики. Это тревожные цифры, потому что китайский ВВП на душу населения составляет только 15 % от американского уровня и 28 %, если пересчитать его по паритету покупательной способности. Ни одна страна так не сдерживала потребление, как Китай, чтобы стимулировать накопления и инвестиции. Хайек показал, что ни одна управляемая из единого центра система не может повторить сложного пути рыночной экономики со свободным ценообразованием. Завтрашний Китай

[1] Европа получила 35 млрд из 200 млрд евро иностранных инвестиций Китая, но смогла инвестировать в Китай только 7 млрд евро.

[2] Наоборот, в 2018 году группа продала только 260 тыс. автомобилей, что составило 7 % продаж против 25 % четыре года назад, и ее потери составили 600 млн евро!

будет отличаться от триумфального Китая 2000-х. Хотя в период динамичного роста он рос вдвое быстрее, чем Япония в 1970-е годы, но по ВВП на душу населения он занимает только 76-е место в мире, после Бразилии и России, которая удвоила свой доход на душу на населения. Китай все еще остается промышленной экономикой с недостаточно развитым сектором услуг, который составляет всего 45 % его ВВП (в странах Запада — более 70 %).

Одна из проблем Китая — потребление. Американцы составляют 4 % мирового населения, при этом на их долю приходится 27 % мирового потребления, в то время как Китай — это примерно 20 % населения и всего 10 % мирового потребления, или 4700 млрд долларов в 2017 году. Некоторые инвесторы считают, что рост потребления в Китае — это новые возможности для планеты, но вызывает опасение тот факт, что высокая норма сбережений (37 % валового дохода) не снизится, пока система социального обеспечения остается слабой. Таким образом, очевидны ограничения государственного капитализма по сравнению с более гибким либеральным капитализмом.

П. Дуткевич[1]

ХАОС, СТРАХ И ГЕГЕМОНИЯ — НОВЫЙ И СТАРЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК

Я хотел бы представить вашему вниманию трехуровневую гипотезу. Она предполагает, что, во-первых, сегодняшняя хаотичность международного порядка является следствием нерешенных структурных противоречий, которые придают динамику существующей системе, но вместе с тем усиливают ее анархичную природу.

Во-вторых, я утверждаю, что следствием этих противоречий является постоянный **страх**, который становится стимулом преобразований, страх выступает уже не средством достижения цели, а *ситуативным* политическим *инструментом*, *фактически* он стал сущностью политики. Сегодня страх служит импульсом и обоснованием политики, заменяя другие источники легитимации власти, такие как демократия, справедливость и общее благо.

В-третьих, в заключение я скажу о том, что реакция на этот **страх** приобретает форму гегемонии в новом прочтении, причем как в региональном, так и в глобальном масштабе, охватывая государственных и негосударственных игроков, что влечет за собой серьезные последствия для национальных государств.

Хочу сказать несколько слов о **методологии первой части** нашего исследования: она основана на диалектическом методе исследования и социальном анализе. Мы анализируем действие, противодействие и их взаимодействие; иначе говоря, провозглашаем тезис, изучаем антитезис и проводим синтез. Эта идея не нова. Концепция социального исследования была предложена Гегелем, а позднее доработана Фихте, который реализовал первые исследования такого рода на практике. Я хотел бы показать вам процесс, антипроцесс и синтез данных двух переменных, который представляет собой сложное взаимодействие двух противоречивых процессов.

I. Пять противоречий мирового порядка

Гегемония против многополярности

Первое противоречие является фундаментальным. Это противоречие между **гегемонией и многополярным миром**, которое уже сейчас, несомненно, привело к изменениям в международной системе. В результате этой борьбы сформируется будущий мировой порядок. С одной стороны в этой борьбе участвуют США и их союзники, с другой — все остальные страны. Гегемон стремится сохранить свою гегемонию (здесь мы не даем моральной или этической оценки этого желания), что позволяет ему обеспечить лучшие условия жизни, более четкое видение будущего и добиться стабильности для своих граждан. Поэтому гегемона или гегемонию нельзя назвать морально или этически неправильным явлением. Проблема заключается в том, что в современном миропорядке сохранение гегемонии практически невозможно, поэтому гегемону приходится вступать в конфликт с многополярным миром, представленным другими странами. Совершенно очевидно, что следующие несколько лет будет продолжаться противостояние в рамках парадигмы «мы против всех остальных».

Как нетрудно заметить, эта борьба основана на противоречиях между системой «США + Евросоюз» (гегемония США с условной поддержкой ЕС) и системой «китайских экономических проблем и российских задач защиты глобальной безопасности». В 2018 году ВВП Китая сравнялся с ВВП США. Этот факт ничего не говорит о качестве жизни в Китае или США, но важно понимать, что произошедшее посылает США вполне определенный сигнал.

Как же реагирует на эти процессы гегемон? В ответ он начинает изобретать новые, доселе не известные

[1] Директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Ответственный редактор 19-томного издания «Местное и региональное развитие в Польше» (1986–1989), редактор и соредактор 12 книг, последние из них — «Нанося на карту новый миропорядок: мир за пределами Запада», «Социальная история посткоммунистической России», «Евразийская интеграция: взгляд изнутри», «22 идеи исправления мира», «Демократия против модернизации: дилемма для России и мира», «Россия: проблемы трансформации», «Новые технологии государственного управления на примере России и Канады». Почетный доктор РУДН (2006), Почетный доктор РАНХиГС при Президенте РФ (2007). Член Международного дискуссионного клуба «Валдай».

инструменты для сохранения своей гегемонии. С этой целью США за последние 6–10 лет выступили с серией инициатив, которые стали известны как «Три Т»: Транстихоокеанское партнерство (ТТП — 12 стран), Соглашение о торговле услугами (ТиСА) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП с ЕС). Президент Трамп предпринимает попытки заблокировать некоторые из этих проектов, но переговоры ведутся. Мы полагаем, что администрация Трампа, по всей вероятности, достигнет определенного прогресса в этих переговорах.

Вышеназванные договоры с помощью институциональной и нормативной базы позволяют захватить ключевые позиции, чтобы США и Европейский союз сохраняли положение гегемонов. Интересен факт, что если эти соглашения будут заключены, страны, подписавшие эти договоры, будут контролировать две трети мирового ВВП. А значит, в ближайшие годы возникнет новый мировой порядок, основанный на новой гегемонии — не военной и даже не экономической. Интересно также и то, что ни в одном из этих соглашений не фигурирует Китай. Россия также не приглашена ни в одно из них. Вообще страны БРИКС исключены из этих договоров. Это серьезный сигнал, который доказывает существование противостояния «мы против всех остальных», когда те, кто не следует правилам, исключаются из ключевых нормативных и институциональных структур, при помощи которых мы формируем будущее.

Глобализация против политики идентичности

Второе противоречие, которое служит основой для формирования нашего будущего, — это **глобализация (универсализация) против политики идентичности** (автономизация идентичностей, которая впоследствии приводит к их радикализации). Одной из основных характеристик глобализации является универсализация норм, культур, поведения, институтов и систем управления, а также коммодификация социальных отношений. Основная задача глобализации состоит в том, чтобы заставить экономическую систему работать более гладко, улучшить состояние экономики и повысить ее эффективность, но универсализация поведения и норм, очевидно, является более простым понятием. Проще иметь одну модель разрешения проблем, предлагать одно решение вместо рассмотрения нескольких вариантов. Поэтому универсализация является одним из ключевых элементов нынешнего этапа глобализации.

В то же время люди отрицательно относятся к потере своей идентичности, культуры, обычаев, религии, истории. И в качестве ответа на универсализацию возникает политика идентичности в разных ее проявлениях — религиозном, гендерном, этническом и т. д.

Политика идентичности — процесс не новый, но мы вступаем в его новую фазу, в которой политика становится зависимой от идентичности. Политика все чаще реагирует на столкновение идентичностей, классовую борьбу, борьбу культур, других видов идентичностей и, наконец, часто становится основой для формирования групп идентичностей. Последние, развиваясь, оказывают все большее давление на политику, заставляя политиков обеспечивать то, на что, по их мнению, они имеют право. Эти группы, политические партии или социальные движения выделяются на основе культуры, религии, социального класса или касты, диалекта, инвалидности, образования, этнической принадлежности, языка, национальности, пола, гендерной идентичности, поколения, профессии, сферы занятости, расы, политической и партийной принадлежности, сексуальной ориентации, места поселения, городской и сельской местности и статуса ветеранов.

Другими словами, новая политика идентичности заменяет собой существовавшие когда-то большие общественные группы по интересам, которые становятся все более специализированными. Так как государство не имеет возможности реагировать на каждую группу интересов в сфере идентичности, некоторые из них становятся все более радикальными. Они считают так: «Если нам не дают то, что мы хотим, нужно выражать свое несогласие более открыто, более радикально, потому что тогда государство прислушается и отреагирует на наши требования».

Поэтому следующий этап — это борьба между политикой идентичности и универсализацией. Результат борьбы будет иметь значение для государственной политики и поведения государства: чем слабее государство, тем более оно склонно реагировать на политику идентичности. Государство более не реагирует на социальные потребности; оно реагирует на потребности групп идентичности, что меняет отношения между государством и гражданами.

Такие изменения, очевидно, приводят к росту социальных протестов, потому что чем более радикальны группы, тем более заметна их деятельность. В результате возникает дисбаланс в отношениях между государством и группами интересов. Классический пример — группы пенсионеров во всем мире. Гласность и сила их совместных действий заставляют некоторые государства обращать больше внимания на пенсионеров, чем на детей. Если вы посмотрите на статистику Евросоюза, то заметите, что социальные расходы на все группы снижаются год от года, за исключением одной-единственной группы — пенсионеров. В области здравоохранения на детей выделяется все меньше средств, в то время как социальное обеспечение пенсионеров, включая расходы на здравоохранение, ежегодно растет во всех странах ЕС. Эта ситуация является угрожающей.

Богатство против бедности

Третье противоречие возникает между богатством и бедностью. По данным Всемирного банка, из 7,4 млрд человек на Земле 1,1 млрд живет за чертой бедности, которая составляет 1,25 доллара в день, а еще 2,7 млрд человек вынуждены довольствоваться менее чем двумя долларами в день. Это означает, что около 40 % населения планеты живут за чертой бедности. Этот факт описан в книге французского экономиста Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке». Основной постулат этой книги гласит: «Капитал имеет свойство к самовоспроизведению». Эта идея не нова, так в свое

время говорил и Карл Маркс. Пикетти в своей книге доказывает, что происходит некоторая *олигархизация* капитала: суммы наследуемого богатства растут в геометрической прогрессии, а другие социальные группы вынуждены с этим мириться.

За книгой Пикетти последовал отчет Оксфама «О бедности» (2017), подготовленный для конференции в Давосе. В этом отчете говорится, что всего восемь человек на планете владеют богатством, которое эквивалентно сумме личных средств 3,6 млрд беднейших жителей Земли. Этот факт шокирует с точки зрения не столько морали или этики, сколько возможных последствий такого расслоения.

Последствия растущего неравенства заключаются в следующем.

1. Влияние на демократию: обычно считается, что один голос приходится на одного человека, но теперь все чаще становится понятно, что демократический театр превращается в представление под названием «один доллар = один голос». Недавно мы наблюдали за двумя самыми дорогими выборами в истории человечества. Как показали в своей книге «Капитал как власть» Джонатан Нитцан и Шимшон Бихлер, капитал становится политической властью. Авторы представили большой объем экономических доказательств прямого влияния капитала на политическую власть.

2. Уход от налогов: сверхбогатые люди эффективно уходят от налогов, потому что всю свою прибыль они держат в «налоговом раю». Это очень важно, поскольку уплата налогов жизненно необходима для поддержания социальной стабильности в государстве: налоги обеспечивают социальные интересы общества и безопасность страны. Если вы не платите налоги, то функция государства по защите вышеназванных интересов снижается.

3. Глобальный контроль за рынком труда: в результате возникает серьезная борьба за максимальное снижение МРОТ в большинстве стран, в том числе в Северной Америке. По данным статистики, более 300 млн человек работают без гарантии обеспечения МРОТ. Это явление возникло не только в результате политических манипуляций, во всем мире наблюдается «жонглирование» уровнем зарплат.

Резюмируя, заметим, что если демократический процесс окажется подвержен меркантилизации, то это приведет к краху мифа либерального порядка. Такое развитие событий опасно для тех, кто верит в миф, что имеет возможность влиять на политику, и думает, что голос, отданный на выборах, может иметь хоть какое-то значение для избирателя.

Государство против рынка

Четвертое, самое старое противоречие возникает между **государством и рынком**. Отношение экономистов и политиков к этому вопросу изменяется по синусоиде: сотрудничают или не сотрудничают государство и рыночная экономика, каковы отношения между ними и следует ли государству влиять на развитие рынка, или рынок должен самостоятельно об этом позаботиться. Другими словами, вопрос заключается в том, должно государство нести ответственность за наше благосостояние или условия для процветания общества должен создавать рынок.

Это противоречие принимает форму синусоиды, потому что, по мнению некоторых людей, согласно кейнсианской модели, государство должно управлять рынком. Самые крупные проекты 1920-х, 1930-х, 1940-х годов и последующего времени, такие как социализм, основаны на этой идее. На этой же идее — что государство должно руководить рынком — основан и фашизм. На смену этим проектам в 1970–1980-х годах пришел неолиберальный порядок, который постепенно завоевал ведущее положение. Согласно этому порядку, именно рыночная экономика способствует развитию и накоплению богатства. Как оказалось, ни одна из этих моделей не сработала. Кризис 2007–2008 годов показал, что ни рынок, ни государство поодиночке не способны дать гражданам то, что они им обещают. Поэтому граждане утратили доверие как к государству, так и к рынку. Это означает, что сегодня мы не верим никому, даже банкам, которые теперь выплачивают огромные штрафы за манипулирование рынком во время кризиса.

В результате даже предприниматели потеряли веру в собственную систему. Решением может стать создание параллельной системы между государством и рынком, в которой государство играет роль корпоративной страховой компании для нарождающихся производительных сил, оказывая им помощь в завоевании позиции на рынке и преодолении конкуренции. Этот подход отличается от стратегии импортозамещения, поскольку последняя предполагает, что государство будет помогать рынку неопределенно долго. В результате государство предоставляет корпоративное преимущество отдельным секторам промышленности, создавая из них конкурентоспособные отрасли на мировом уровне. Так произошло в Китае, на Тайване, в Сингапуре, Малайзии и Южной Корее. Таким образом, никаких споров между государством и рынком более не существует. Спор теперь идет о том, насколько глубоким должно быть сотрудничество между государством и рынком, чтобы сбалансировать интересы национального и глобального рынков.

Проблема состоит в том, что если государство желает сотрудничать с рынком, то оно должно быть относительно сильным, а это обычно не так. Государства не могут устоять под давлением глобализации. Они становятся все слабее и слабее. Волна неолиберализации привела к приватизации многих государственных услуг. Какова теперь будет роль государства в защите интересов граждан? Почти нулевая. А если государство не в состоянии защитить интересы граждан, государственный аппарат становится бесполезным. Зачем нужны политические партии и парламенты, если в результате не возникает политической жизни?

Спор между государством и рынком касается не только экономических вопросов. Параллельно идет формирование нашей будущей политической системы. Мы превращаемся в потребителей. За последние двадцать лет мы стали свидетелями фундаментального роста силы денег. Люди зарабатывают много денег, товары обходятся им дешевле, они начинают превращаться

в потребителей. Мы более не нужны рынку как граждане, потому что граждане стремятся сделать самостоятельный выбор, а рынок диктует нам свой. Проблема состоит в том, что эти два процесса несовместимы: чем в большей степени мы становимся потребителями, тем меньше в нас остается того, что делало нас гражданами.

Власть против политики

Пятое противоречие, которое следует из предыдущего, называется **«власть против политики»**. В настоящее время власть постепенно отходит от политики и определяется как способность привносить реальные изменения в жизнь, менять ход событий. Политика — это процесс выбора средств реализации проектов власти. Политика — это принятие решения по поводу того, строить новую школу или бассейн, нужно тратить средства на ВПК или на школы и больницы. Данные потребности затем доводятся до сведения органов власти в результате парламентского процесса, а органы власти реализуют их на практике. Таким образом возникает связь между политикой и властью: прежде идет политика, за ней следует власть.

Теперь эта система разрушается, в руках государства остается все меньше власти. В связи с приватизацией и глобализацией некоторые основные прерогативы государства перешли в другие руки. Деньги также теперь сконцентрированы не в руках государства, поэтому власть вышла за пределы национального государства. Меняется роль государства, и оно не может сотрудничать с рынком так, как этого ждет рынок. Поэтому рынок становится более зависимым от внешних сил, а не от сил, расположенных внутри национального государства. В результате политика и власть разделились почти до такой степени, что стали вести как бы совершенно обособленное существование.

На практике это означает, что политики и система государственного устройства теперь автономны друг от друга, как никогда прежде. Они создали структуру, в которой проживают свои отдельные жизни; они гораздо больше отдалились от того, чем должны были бы, по нашему мнению, заниматься. Мы называем это автономизацией политики. Когда политиков спрашивают, почему некоторые их действия настолько нерациональны и недальновидны, они отвечают: «Мы поступаем так потому, что можем». Государство создает собственную реальность. «Автономизация» политики приводит к интересным политическим последствиям: серьезные конфликты теперь связаны не с национальными интересами, а с автономными решениями руководства.

II. Страх как замена политики

Настало время пояснить вторую часть моей гипотезы. Я утверждаю, что следствием этих противоречий является постоянный **страх**, который становится стимулом преобразований, страх выступает уже не средством достижения цели, а *ситуативным* политическим *инструментом*, он фактически стал сущностью политики. Сегодня страх служит импульсом и обоснованием политики, заменяя другие источники легитимации власти, такие как демократия, справедливость и общее благо. В этой части выступления ключевым доводом будет тот факт, что *страх как политика обладает качественно новой способностью менять политику, нормы и институты*.

Я говорю о том, что мир сегодня не просто наблюдает за недавними проявлениями «политики страха» (Трамп, мигранты), но и в принципе отличается появлением «страха как политики». Обратившись к определению Зигмунта Баумана, согласно которому «политика — это умение решать, что надо сделать и в каком порядке»[1], можно сделать три вывода.

Страх вносит существенный вклад в «умение решать», поскольку политики используют его как предварительное условие, необходимое для принятия решений («мы должны поступить так из-за иммигрантов, мусульман и т. д.»). Кроме того, страх выступает критерием отбора того, что надо сделать. Так, приоритетом политики становится не образование или охрана окружающей среды, а уязвимые к страху сферы, например безопасность, отношения между расами или занятость. Наконец, страх влияет на содержание того, что надо сделать (например, если мы боимся иммигрантов, иммиграционная политика станет довольно жесткой по отношению к приезжим).

Сегодня ключевые сферы, такие как миграция[2], охрана и безопасность[3], рынок труда[4], развитие[5], отношения между расами[6], демократия[7], международные отношения[8], охрана окружающей среды[9], здравоохранение и благополучие граждан, определяют страх (либо попытки преодолеть его, либо его использование для легитимизации дальнейшего усиления элит).

Путь от «политики страха» к «страху как политике»

Кори Робин описывает страх как экзистенциальное коллективное состояние разума, которое изобличает «глубокую истину о том, кто мы — как политические

[1] Беседа Зигмунта Баумана и Винсента Делла Сала «Создайте заново социальное государство». См.: 22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers / eds. P. Dutkiewicz, R. Sakwa. N. Y. : New York Univ. Press, 2013. P. 189.

[2] *Huysmans J.* The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU. L. : Routledge, 2006.

[3] *Furedi F.* Fear and Security: A Vulnerability-led Policy Response // Social Policy and Administration. 2008. Dec. Vol. 42, is. 6. P. 645–661.

[4] *Blanchflower D. G., Shadforth C.* Fear, Unemployment and Migration // Economic Journal. 2009. Febr. Vol. 119, is. 535. P. 136–182.

[5] An Economy for the 99 %. OXFAM Report. 2017. Jan. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp-economy-for-99-percent-160117-en.pdf.

[6] См., например: *Ioanide P.* The Emotional Politics of Racism // Stanford Studies in Comparative Race and Ethnicity. 2015.

[7] *Sleeper J.* A History of Unwarranted Fears of Tyranny. URL: http://www.nytimes.com/roomfordebate/2016/05/12/is-tyranny-around-the-corner/a-history-of-unwarranted-fears-of-tyranny.

[8] *Taras R.* Fear and the Making of Foreign Policy. Förlag: Edinburgh Univ. Press, 2015.

[9] Сторонники охраны окружающей среды боятся, что «прогрессу в вопросах климата пришел конец» после выбора Трампа президентом США (*Ritter K., Borenstein S.* The Associated Press. 2016. 9 Nov.).

игроки, как люди, как народ»[1]. На самом деле, судя по всему, все люди на земле в глубине души находятся на грани; кажется, что нет места, избавленного от всеобщих волнений, корни которых кроются в экономической или политической неуверенности, социальной неустроенности, а также в разного рода угрозах безопасности и общей напряженности. Например, в Европе решение вопросов, связанных с миграцией и экономической нестабильностью, приводит к стремительному изменению политического ландшафта (усиливается популизм, а силы в большой политике смещаются в сторону многочисленных правых партий) с дестабилизирующими последствиями[2]. В США желание бросить вызов прежним нормам политического поведения и институциональным структурам стало политической площадкой для нового президента[3]. В быстро развивающейся Азии стремление нагнать Запад вызывает разного рода социальные, политические и экологические противоречия, из-за чего регион теряет уверенность в будущем[4]. Всего несколько африканских стран демонстрируют экономический рост и социальную стабильность среди всеобщего политического хаоса[5]. И наша точка зрения состоит в том, что страх уже не ограничивается одной страной или регионом — он стал глобальным явлением.

Как заявляет Зигмунт Бауман, опасности существовали всегда, но сегодня все по-другому. Он считает, что мы живем в состоянии «постоянной неопределенности, которое порождает тревогу»[6], и добавляет: «Сегодня... люди беспокойны, растеряны и не способны действовать четко и уверенно».

Страх способен стать инструментом трансформации государственной политики, делая ее более «чувствительной к страху» (так, например, происходит *наполнение страхом* иммиграционной политики, секьюритизация национальных отношений, введение торговых ограничений и усиление наблюдения за гражданами). Но это еще не формирует явление, которое мы называем «страх как политика». Это просто новое воплощение старой политической стратегии использования страха в качестве удобного инструмента влияния на электорат. Чтобы перейти на следующий уровень в рассмотрении данного вопроса, необходимо проанализировать страх под другим углом. Поскольку ключевым положением данной работы является тот факт, что *страх как политика обладает качественно новой способностью менять политику, нормы и институты*, понятие «текучий страх», предложенное З. Бауманом, представляется оптимальным для объяснения нового политического потенциала страха, возникшего с расцветом и закатом глобализации. Позвольте кратко обрисовать этот подход.

«Страх тоже текучий, — поясняет Бауман. — Мы не знаем, откуда он прибывает, он не задерживается на одном месте, а распространяется. И опасность текучего страха состоит в том, что в отличие от конкретной угрозы, о которой вы знаете и с которой уже знакомы, вы понятия не имеете, откуда ждать удара. <...> Больше нет надежных институтов, к которым мы могли бы обратиться и могли бы доверить свои надежды и ожидания. Даже самые могущественные правительства зачастую не могут исполнить своих обещаний. Их власть недостаточна для этого»[7].

Это приводит нас к ситуации, когда все наши общества испытывают — по отдельности или коллективно — неопределенность, неуверенность в будущем во всем социально-политическом спектре, абсолютно бессильны перед лицом проблем и не в состоянии контролировать ситуацию. Наш ответ состоит из трех частей: 1) утрата доверия к государству и рынку; 2) разделение власти и политики; 3) усиление (а затем радикализация) социальных барьеров сразу в нескольких вопросах (в основном из-за неравенства, идеологии, идентичности и власти). Таким образом, страх становится систематическим (всепроникающим), поскольку присутствует в каждом аспекте нашей жизни, но при этом ключевые структуры, назначение которых — устранение его коренных причин (в частности, государственные учреждения социального обеспечения, профсоюзы, поставщики услуг, общественные организации), прекратили свое существование либо их полномочия были урезаны.

Видимо, наступил период стратегической нестабильности, на котором мы утратили большинство защитных механизмов против неустойчивости рынка и репрессивности государства. За последние двадцать лет граждан постепенно лишили «защитной оболочки» социального государства (государства всеобщего благосостояния). Волны приватизации отняли у государства большинство привилегий, которые и делали их столь привлекательными для граждан[8]. Однако будет ошибкой полагать, что страх — явление, характерное для низшего и среднего классов, которым свойственна неуверенность, замешательство и беззащитность. То же можно сказать и о высших слоях общества. Именно к такому заключению пришли в своем

[1] Кроме того, Кори Робин отмечает: «Политика страха не выявляет, не пробуждает и даже не полагается на угрозы, реальные или ложные. Она не является эмоционально заряженной (хотя какая политика обходится без этого?) или параноидальной. У нее совершенно иное значение: это политика, основанная на страхе, ее вдохновение и значение — порождение страха, именно в страхе она видит богатство опыта и дополнительную глубину, которые невозможно найти где-либо еще» (*Robin C.* Against the Politics of Fear. URL: https://www.jacobinmag.com/2016/12/against-politics-fear-trump-republicans-organizing-change).

[2] The Rise of Populist Extremism in Europe : Chatham House report. URL: https://www.chathamhouse.org/media/news/view/178303#sthash.iipNi7ot.dpuf.

[3] *Kuntzman G.* A Trump presidency means Americans can forget all political norms going forward // New York Daily News. 2016. 9 Nov. Wednesday. URL: http://www.nydailynews.com/news/politics/president-trump-means-no-political-norms-america-article-1.2865226.

[4] http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2016/apd/eng/areo0516.htm.

[5] The Economic Development in Africa Report 2016 : Debt Dynamics and Development Finance in Africa. UNCTAD. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldcafrica2016_en.pdf.

[6] http://www.aljazeera.com/programmes/talktojazeera/2016/07/zygmunt-bauman-world-crisis-humanity-160722085342260.html (дата обращения: 08.03.2017).

[7] *Bauman Z.* URL: http://www.aljazeera.com/programmes/talktojazeera/2016/07/zygmunt-bauman-world-crisis-humanity-160722085342260.html (дата обращения: 08.03.2017).

[8] *Bauman Z.* Archipelago of exceptions. 2005. URL: http://www.publicspace.org/ca/text-biblioteca/eng/b015-archipelago-of-exceptions (дата обращения: 19.03.2017).

исследовании капитала Джонатан Нитцан и Шимшон Бихлер[1].

Мы наблюдаем за ростом популизма в Европе, США, Азии и Латинской Америке[2]. «Сторонников PEP (популистских экстремистских партий. — *Прим. авт.*) зачастую сбрасывают со счетов как участников политических протестов, избирателей одного вопроса или неимущих неудачников эпохи глобализации, — пишет Мэтью Гудвин в докладе Chatham House о популистских правых экстремистах. — На выборах большинство успешных партий вербуют сторонников из граждан экономически уязвимого низшего или среднего класса, из квалифицированных и неквалифицированных работников физического труда. <...> Однако всех их сторонников объединяет одна главная черта: их глубокая враждебность к иммиграции, мультикультурализму и усилению культурного и этнического разнообразия»[3]. Приводя из множества примеров, служащих подтверждением нашей позиции, самый недавний[4], мы обращаем внимание на тот факт, что основанная на страхе политика занимает место обычной не только в силу утраты доверия к власти и ее отделения от политики, но также с помощью политических партий и тактик предвыборной борьбы. Это приводит нас к «нормализации» страха в большой политике.

III. Реакция государственных и негосударственных игроков: повторная гегемонизация мировой политики

Как можно установить и удерживать гегемонию в современной мировой политике?

Гегемония: что это такое?

Гегемония объединяет: а) централизованный контроль над материальными ресурсами; б) лидирующее положение в определении правил общественного устройства и в) мировоззрение, убеждающее людей, что сильная власть действует в их интересах. Принципиальным является тот факт, что гегемония претендует на легитимность, на основании которой все, на кого распространяется ее господство, охотно принимают свое положение.

Гегемония имеет значение не только для мировой политики: она играет важную роль в местном и национальном масштабе. Для большинства современных обществ характерны трансграничные потоки товаров, знаний, средств, людей, загрязнителей и насилия. Аналогично общественным отношениям внутри страны трансграничные связи привлекательны для правительства, а именно для режимов, которые стремятся привнести упорядоченность, предсказуемость и контролируемые изменения в жизнь общества. Когда мировой порядок достигается за счет узаконенного главенства доминирующей власти, мы говорим, что в игру вступает международная или глобальная гегемония.

На ком лежит ответственность за гегемонию?

Существует несколько различных теорий относительно того, какая именно господствующая сила сумеет добиться гегемонии в мировой политике. Например, согласно либеральным и реалистическим теориям международных отношений, ответственность за гегемонию ложится на одно главенствующее государство. В данном случае правительство конкретной страны контролирует превосходство в материальных ресурсах, спонсирует режимы других государств и содействует продвижению ценностей и представлений, которые находят отклик за пределами данной страны. Таких подходов обычно придерживаются Великобритания и США, которые являлись гегемонами XIX и XX веков соответственно. Многие либералы и реалисты также задумываются о том, суждено ли Китаю стать следующим гегемоном.

Неограмшизм, напротив, возлагает ответственность за мировую гегемонию на глобальный капитализм и транснациональный класс капиталистов. С этой точки зрения главенствующей силой, устанавливающей мировой порядок, становится накопление избыточного капитала. Основные игроки в этой сфере — многонациональные корпорации, «стержневые» государства (G7/G20), глобальные правительственные структуры и общепризнанные научно-исследовательские центры. По мнению сторонников неограмшизма, гегемонистские силы продвигают узаконенное главенство капитала в глобальном масштабе, в то время как разного рода контргегемонистские движения сопротивления (например, бедняки из городов и деревень) стремятся лишить глобальную доминирующую силу законной власти и разрушить ее.

В теориях постиндустриализма гегемония в мировой политике занимает место в правящей системе знания (которую также называют дискурсом или эпистемой). Согласно данной концепции, верховная власть в мировом сообществе принадлежит определенным языкам и сознанию. Сторонники постиндустриализма часто считают Просвещение и рационализм гегемонистским режимом современности, основанным на знаниях, получаемых благодаря науке, образованию, средствам массовой информации и т. д. Многие теоретики, придерживающиеся данного подхода, придают особое значение неолиберальным правительствам в дискурсе рыночной цивилизации и секьюритизации в плане риска как наиболее конкретным вариантам просвещенного знания, которое правит современной мировой политикой. Гегемония возникает, так как

[1] *Bichler S., Nitzan J.* Systemic Fear, Modern Finance and the Future of Capitalism. Jerusalem ; Montreal, 2010. URL: http://bnarchives.net.

[2] *Taylor A.* The global wave of populism that turned 2016 upside down. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/12/19/the-global-wave-of-populism-that-turned-2016-upside-down/?utm_term=.89cd7b6968e9 (дата обращения: 19.03.2017).

[3] The Rise of Populist Extremism in Europe : Chatham House report. URL: https://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/178301.

[4] См.: *Dionne F. J.* The new politics of fear. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-politics-of-fear-is-gripping-democracies-across-the-world/2016/12/04/2de10712-b8c8-11e6-959c-172c82123976_story.html?utm_term=.1d6956e28049 ; *Freeman H.* Don't play identity politics! The primal scream of the straight white male. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/02/identity-politics-donald-trump-white-men ; *BatTzedek E.* Identity Politics and Racism: Some Thoughts and Questions. URL: http://feminist-reprise.org/library/resistance-strategy-and-struggle/identity-politics-and-racism-some-thoughts-and-questions.

субъекты с готовностью принимают данные установки как истину.

Согласно постколониальным теориям, гегемония в мировой политике — это вопрос принятия главенства западного империализма (или сопротивления ему), а также свойственной ему иерархии общества в соответствии с классом, гендерной принадлежностью, географией, расой, вероисповеданием и сексуальной ориентацией. Гегемония империализма, как правило, действовала с помощью колониального порядка, навязываемого одной страной внешним территориям. Сегодня возникает неоколониальный порядок: он проявляется в том, что «независимые» государства объединяются с внешними силами, например с правительствами стран-доноров, международными организациями и неправительственными организациями (НПО). Более того, гегемонистская суть такого доминирования ведет к тому, что подчиненные (нео)колониальные субъекты считают, что империалистическая держава имеет полное право руководить ими: так происходит, например, когда цветное население начинает перенимать расизм. С другой стороны, с точки зрения постколониалистов, контргегемония рождается, когда общественные движения (ЛГБТК+, движения женщин и т. д.) бросают вызов империи.

Таким образом, существует множество трактовок гегемонии в мировой политике.

Как осуществляется мировая гегемония?

Помимо разработки различных концепций гегемонии в мировой политике существуют разнообразные техники, которые могут задействовать гегемонистские силы, чтобы обеспечить законность своего господства. Как же создать и сохранить мировую гегемонию? И как ей могут противостоять контргегемонистские силы?

Каждая трактовка концепции предполагает приоритет определенного инструмента гегемонии, зачастую отражая ее теоретическую составляющую. Так, Слоан, рассуждая с реалистической точки зрения, особо выделяла инструменты войны. Гейгер — представитель либерального течения — подчеркивал роль международных организаций как двигателей мировой гегемонии. Жермен — сторонник неограмшизма — сконцентрировался на деньгах. Чебанкова, придерживаясь идей постиндустриализма, особо подчеркивала роль идей. Парашар, опираясь на постколониальный подход, сделала акцент на значении скрытой борьбы.

Однако вместо того, чтобы составлять длинный и разрозненный перечень отдельных инструментов, следует разграничить несколько обширных категорий гегемонистских (и контргегемонистских) практик в мировой политике. **В связи с этим можно предложить четырехчастную типологию материальных, дискурсивных, институционных и перформативных техник**. Разумеется, разграничения вводятся для удобства анализа: на практике четыре аспекта часто пересекаются или накладываются друг на друга.

1. Благодаря материальным методам главенствующая сила мирового сообщества использует экономические ресурсы для получения законной власти. Такие ресурсы могут быть реально ощутимыми — к ним относятся сырье, промышленные предприятия и вооруженные силы. Также решающую роль могут сыграть деньги и финансы, пример тому — гегемонистское использование доллара США, банковских займов, «помощи» из-за рубежа и т. д. Сегодня материальный аспект гегемонии подразумевает помимо прочего контроль за цифровой экономикой, представленной данными и изображениями, а значит, и установление правил в этой сфере.

2. Благодаря дискурсивным методам гегемония сохраняет за собой законное главенство в мировой политике, используя средства и значение языка. Готовность подчиняться обеспечивают фигуры речи (например, «сообщество», «демократия» и «справедливость»), которые представляют высшую силу как благо. Аналогичным образом политическая риторика (концепции «прозрачности», «развития» и «безопасности») проявляет позитивный посыл с целью легитимизации системы доминирования, как это делали все гегемоны в истории. Кратко говоря, гегемонистские дискурсы формируют сознание («режимы истины»), при котором объекты доминирования искренне уверены в том, что оно является благом.

3. Институциональные методы помогают гегемонистским силам создавать и контролировать организационные аппараты, обеспечивающие правила законного доминирования. С одной стороны, к этим механизмам относятся структуры, формулирующие и регулирующие официальные правила (на местном, национальном, региональном или глобальном уровнях). С другой стороны, мировая гегемония действует с помощью менее формальных органов власти в лице организаций гражданского общества, фондов и научно-исследовательских центров, которые занимают центральное место в создании господствующих дискурсов.

4. Перформативные техники сохраняют мировую гегемонию с помощью определенных норм поведения и ритуалов. Например, гегемония государств выражается в церемониях подъема и спуска флага, памятниках, национальных праздниках и военных парадах. Гегемония финансового капитала проявляется в скоплении сверкающих небоскребов, возвышающихся в центрах глобальных городов. Гегемония современной науки проявляется среди прочего в проведении конференций, вручении научных премий и церемоний вручения дипломов. Контргегемония также имеет свои средства выражения — уличные марши, искусство диссидентов и т. д.

Как уже говорилось, события, знаменующие мировую гегемонию, как правило, происходят благодаря сочетанию этих четырех методов. Независимо от того, кто становится гегемоном — государство, капитал, империя или что-то еще, гегемония формируется и поддерживается с помощью совокупности материальных, дискурсивных, институционных и перформативных техник. Ни одна из них не является эффективной сама по себе. Например, чтобы контролировать нормотворческие институты, гегемонистская сила должна управлять ресурсами, риторикой и ритуалами. Аналогичным

образом использование дискурсивных техник требует экономической поддержки, институционной основы и формального представления.

Разумеется, столь краткое рассуждение на эту тему не дает ответа на вопросы, вокруг которых ведутся ожесточенные споры: существует ли гегемония в современном мире, в какой именно форме и какие техники она использует? Однако, возможно, представленная здесь схема поможет конкретизировать и систематизировать эти дебаты.

А. С. Запесоцкий[1]

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В одной из бесед академик Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов высказал мысль, что когда в будущем, лет через сто, историки будут пытаться сформулировать актуальные проблемы, которые волновали ученых, политиков, деятелей культуры в конце XX — начале XXI века, материалы Лихачевских чтений окажутся для них неоценимым подспорьем, поскольку тематика Чтений и названия секций могут рассматриваться как индикаторы актуальных проблем.

Не дожидаясь прихода следующего века, мы тоже можем попытаться осмыслить историю Чтений, которая разворачивается как осознание истории России и мировой цивилизации последних десятилетий. С 1993 года участники Лихачевских чтений не раз становились свидетелями прозорливых и ошибочных прогнозов, надежд и разочарований, обретений и утрат.

Формат Чтений во многом уникален. Они научны и деполитизированы изначально. Проводятся при поддержке Фонда Президента РФ Владимира Путина, при этом чиновники не определяют ни состав участников, ни направленность докладов, ни содержание дискуссий. Этим объясняется многое. Во-первых, тематика Чтений, которая неизменно охватывает актуальные проблемы современности. Во-вторых, многоаспектность анализа, поскольку свое ви́дение социальных, политических, экономических и иных проблем предлагают как ученые-гуманитарии, так и общественные и государственные деятели, политики, дипломаты, артисты, художники, что придает нашему форуму особое звучание. В-третьих, популярность Дней науки, а затем Лихачевских чтений в Университете, в котором ежегодно собирается уникальное сообщество людей, представляющее реальную элиту постсоветской России и мирового сообщества.

Г. В. Ф. Гегель ввел в науку шекспировское выражение «крот истории», которое призвано обозначить непознанную логику исторических событий и исторического процесса в целом. В период становления и развития Лихачевских чтений «крот истории» тоже торил свой путь, но происходило это, используя выражение В. Беньямина, в условиях «мессианского времени». Оно протекало в пространстве незавершенного прошлого и одновременно неполного настоящего.

С позиций сегодняшнего дня становится очевидно, что незавершенность прошлого и неполнота настоящего во многом преодолеваются благодаря интеллектуально насыщенной работе, которая всегда отличает Чтения.

Социальная практика как источник научного дискурса

Проблемное поле наших дискуссий формирует сама жизнь. Первая половина 1990-х годов — период хаоса, смутное и, казалось бы, безнадежное время. В ситуации разрушающегося советского мира собравшиеся в нашем Университете гуманитарии тогда твердо заявили о великой миссии национальной культуры, которая стала одним из основных объектов атак со стороны либеральных реформаторов.

Культура с тех пор осознается участниками Чтений, как было позднее четко сформулировано Вячеславом Семеновичем Степиным (которого, к глубокому сожалению, в этом году уже нет с нами), как духовный «генофонд» нации, способ организации и передачи духовной памяти народа, система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. Тогда и пришло понимание культуры как условия сохранения душевного здоровья и обеспечения духовной безопасности общества. Была осознана необходимость сохранения и укрепления человеческих ценностей, универсалий, составляющих основу диалога, толерантности и согласия.

Гуманитарная миссия Лихачевских чтений периода 90-х заключалась в исследовании глобальных проблем и вызовов цивилизации и прогнозировании сценариев грядущего мироустройства. В дискуссиях, проходивших в 1990-х годах, культура рассматривалась не только как условие экономических и политических реформ, но и как единственное оправдание прошлого и гарант будущего человечества. Итогом такого подхода к осознанию функций, тенденций развития и — шире —

[1] Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Автор около 2800 публикаций. Зам. председателя редсоветов журналов «Философия и культура», «Философская мысль», «Педагогика и просвещение». Член редсоветов журналов «Вопросы культурологии», «Литературная учеба», «Партнерство цивилизаций», «Филология: научные исследования», «ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура», «LITERA», «Современное образование», «Simurg» (Азербайджан). Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Республики Болгария, медалями «SIMURG» Ассоциации культуры Азербайджана и «Академик Сапаргалиев» (Казахстан). Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010, 2016) в области образования, Горьковской литературной премии (2007), премии им. Г. В. Плеханова РАН (2015). Почетный доктор университетов США, Ирландии, Украины и Польши. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

миссии культуры стал инициированный академиком Д. С. Лихачевым проект «Декларация прав культуры», который был разработан в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов и поддержан научной и художественной элитой страны, рядом государственных и политических деятелей.

Мы строили свой дискурс в контексте понимания академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым главного вектора развития культуры — от хаоса к гармонии, совершенствованию культурной среды, формирующей человека, увеличению «сектора свободы» как ключевого условия самореализации личности и утверждения ценностей гуманизма.

С годами, по мере усугубления проблем, ставящих перед культурой, упорядочивающей жизнь общества, все новые вызовы, тематика Чтений расширялась. Участники Лихачевских чтений в своих докладах и выступлениях исследовали такие вопросы, как глобализация радикализма и экстремизма, расширение географии и социальной базы насилия; деформация базовых культурно-антропологических моделей и разрушение нормативных функций культуры; обострение проблем техногенного характера, оказывающих негативное воздействие на среду обитания и биологическую природу человека; разработки генной инженерии, угрожающие среде обитания и биологической природе человека.

Затем в фокусе внимания Лихачевских чтений оказался диалог культур и цивилизаций. Каждый год открывались его новые грани, что вполне закономерно: мир постепенно осознавал, что дальнейшее развитие цивилизации возможно только на основе взаимопонимания, диалога и равноправного партнерства. Рассматривая диалог культур в качестве фундаментального принципа развития современной цивилизации, Чтения, по сути, осуществили концептуализацию в системе гуманитарного знания универсальной методологии выживания человечества, выработали мировоззренческие платформы для создания новых моделей цивилизационного развития и альтернативных стратегий глобализации, смоделировали среду, в которой формируются эффективные способы преодоления глобальных кризисов современного мира.

В конце XX — начале XXI века в мире произошло усиление интеграционных процессов. Участники Лихачевских чтений системно исследовали концепт «взаимодействие культур» и диалогическую природу мирового культурного пространства, проанализировали соотношение глобального и локального в социокультурной динамике, оценили влияние глобализации на взаимодействие культур. Глобализация и диалог культур имеют различные стороны, складываются из различных процессов, интегрируют порой противоречивые тенденции. Восприятие этих явлений во многом определяется не только сугубо научными критериями их осмысления, но и тем политическим и культурным контекстом, который доминирует в социуме и отражает как исторические традиции, так и текущее понимание реальности.

Глобализация в аналитическом поле культурологии

Тема глобализации постоянно присутствует в программе Чтений. Сегодня представляется актуальным осмыслить не только сам феномен глобализации, но и динамику развития взглядов на него представителей различных областей социальной практики — участников нашего научного форума.

В выступлениях и дискуссиях на Лихачевских чтениях разных лет феномен глобализации получал различные трактовки и оценки, порой диаметрально противоположные. Это связано с тем, что глобализация и как теоретическая категория, и как реальный процесс имеет множество граней и охватывает ряд сфер: политическую, экономическую, правовую, социальную и др. При этом в каждой из них обнаруживаются как позитивные, так и негативные результаты.

Глобализация — явление культуры в ее максимально широком понимании. По своей природе она имеет диалогический характер. Глобализация интенсифицирует процесс и расширяет поле взаимодействия культур и цивилизаций, которые рассматриваются нами в контексте духовного родства культур Западной Европы и России. При этом Европа понимается не географически, с границей на Урале, а как культурное в широком смысле пространство, включающее Россию и простирающееся от Исландии и Гибралтара на западе Европейского континента до Чукотки на востоке, от Атлантического до Тихого океана. Поэтому, как представлялось в начале нынешнего века, Европейский союз и Россия имеют интерес и мотивацию к сближению, испытывают потребность в сообща обустроенной Европе, которая должна обрести свою идентичность, интегрировать силы, чтобы быть конкурентоспособной в глобальном мире будущего. В связи с этим представлялось необходимым критически оценить и преодолеть национальный и региональный эгоцентризм.

Выяснилось, что принципиально новыми явлениями завершающего десятилетия XX века стали утверждение монополярности мира и переход западной культуры к эпохе постмодерна. В мировоззренческой плоскости США было объявлено о конце истории, географии и государства. Этот подход стал основой государственной политики. «Конец истории» утверждал в качестве базовой и единственно легитимной американскую модель развития, распространение которой по всему миру обеспечивалось интервенцией (бомбардировки в Югославии, а также военное вмешательство во внутренние дела государств Ближнего Востока и Северной Африки). «Конец географии» фиксировал стирание границ суверенных государств и неизбежность наступления глобализованного мира без границ, свободную миграцию людей, товаров и капиталов. «Конец государств» предсказывал их постепенное превращение в придаток транснациональных корпораций в контексте глобального рынка.

Эти концепции обосновывали экспансионистскую практику глобализации. Однако глобализация по-американски породила проблемы социально-культурного, политического и экономического характера, решить которые в рамках американского подхода оказалось невозможно. Как отметил Г. М. Гатилов, глобальные процессы, порождающие обострение социальных и межнациональных противоречий, ставят под угрозу самобытность стран и народов, делают реальной опасность межцивилизационного раскола[1].

[1] *Гатилов Г. М.* Международные аспекты диалога культур в условиях глобализации // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб. : СПбГУП, 2012. Т. 1 : Доклады. С. 58.

Глобализация становится способом «удушения» национальных экономик и дестабилизации мира, все больше увеличивая пропасть между бедными и богатыми странами[1]. Она обостряет (и в значительной степени консервирует) противоречия между различными этнокультурными группами и нациями, национальными государствами и международными структурами, региональными сообществами и межгосударственными объединениями[2].

Все увеличивающийся разрыв между развитыми и развивающимися странами (по экономическим, социально-культурным и другим параметрам) стимулирует сопротивление экспансии Запада. Глобальный мир, проводя культурную стандартизацию, проблематизируя существование национальных государств как устойчивой формы общежития, провоцирует усиление антиглобализационной позиции меньшинств, движений и организаций (этнических, религиозных, культурных и др.), развитие сепаратистских движений, сопровождающихся возрождением этнокультурной и национальной идентичностей[3].

Унифицирующие интенции глобализации

Ключевым противоречием глобализации становится «стремление унифицировать человечество, подавляя любые проявления уникальности и самостоятельности со стороны отдельных стран и регионов под предлогом необходимости централизации власти в глобализирующемся мире перед лицом общих вызовов времени, и стремление государств и народов сохранить фундамент государственного суверенитета и свою конфессиональноцивилизационную идентичность»[4]. По мнению П. С. Гуревича, «глобализм обладает огромной унифицирующей мощью. Однако он наталкивается на собственные пределы. Ревнители глобализма настаивали на устранении традиций, этнической и национальной идентичности. Призывали к космополитической практике и обвиняли в архаике и антипрогрессизме любые попытки опереться на собственные фундаментальные духовные истоки. Но в мировом пространстве обозначилось возрождение религиозных и этнических тенденций. Многие философы расценили эту закономерность как „диалектический парадокс“»[5].

Глобализация в ее американском понимании антикультурна по своей сути, так как культура исторически, исходно национальна. С одной стороны, антикультурный пафос глобализации заключается в ее стремлении предельно упростить мировую систему, сделать ее гомогенной. «Глобализм — это „конец истории“ как духовной и личностной формы жизни людей, когда мир превращается из состояния „цветущей сложности“ в однообразный „мир-экономику“»[6]. «Именно такой характер приобретает сейчас взаимодействие людей на планете, заставляющее беспокоиться о судьбе наций, культур, традиций, сохранении собственно человечности. Мир давно, по крайней мере с Нового времени, становился единым, но как комплекс теперь он переходит в органически однородное состояние. Однако это не живой организм, а все более искусственная система, во многом подобная органической»[7]. С другой стороны, глобализация уже запустила механизм «инволюции культуры» — крушение идеи ее победоносного шествия порождает фактическую локализацию культуры по странам и регионам[8].

Казалось бы, современные информационные технологии глобального мира существенно облегчают доступ к культурам и увеличивают их многообразие. К тому же глобализация охватывает едва ли не все институты и сферы жизнедеятельности человека и общества, проявляясь в интеграционных процессах прежде всего в области геополитики, мировой экономики, культуры, сфере формирования наднациональных политических и экономических структур. Глобализация направляет формирование всемирного хозяйства как целостного организма, единой мировой культуры с унифицированными ценностно-нормативными и поведенческими моделями. В условиях нарастания проблем, угрожающих человеческой цивилизации, глобализация часто преподносится как единственный путь спасения человечества от грядущих катастроф. Однако все это выглядит привлекательно лишь в ее теории.

Реалии далеки от идеала. Среди особенностей глобализации нашего времени исследователи называют усиливающуюся агрессивность ключевых агентов глобального проекта, усугубление ими деструктивных тенденций с целью модификации национально-культурных идентичностей и разрушения основ национальных культур. Все очевиднее становится контраст между технологическими, военными «мускулами» западных держав и убогостью их целей, между пафосом идеологической риторики, намерениями и отсутствием моральных ограничений в стремлении достичь собственной выгоды. В итоге глобализация усиливает конкуренцию мировых держав, каждая из которых стремится захватить лидирующие позиции в мире, выдавая свои национальные интересы за глобальные.

Мультикультурализм: надежды и разочарования

На Лихачевских чтениях в течение ряда лет обсуждалась проблема утверждения в Европе мультикультурализма как основы культурной политики и межкультурного диалога. Мультикультурализм рассматривался в качестве концептуальной основы государственной политики. Участники Чтений проанализировали различные сценарии реализации мультикультурализ-

[1] *Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 1999. С. 31.

[2] *Гранин Ю. Д.* Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ : автореф. дис. … д-ра филос. наук. М., 2008.

[3] *Миронов В. В.* Диалог культур или глобализационный монолог? // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 114.

[4] *Черешнев В. А., Расторгуев В. Н.* Стратегия долгосрочного развития: вызовы времени, глобальная нестабильность и методология определения приоритетов // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 259.

[5] *Гуревич П. С.* Духовное противоборство цивилизаций // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 69.

[6] *Кутырев В. А.* Глобализм: вместо наций — регионы, вместо общества — технос // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 418.

[7] Там же.

[8] *Капустина Л. Б.* Глобализация и глобальная культура: два десятилетия под прицелом аналитиков // Управленческое консультирование. 2010. № 4. С. 161–175.

ма, его модели и проблемы их воплощения в жизнь, возможности мультикультурного диалога в формировании нового глобального уклада. Мультикультурализм исследовался в качестве ресурса оптимизации международных отношений, способствующего сохранению и укреплению общечеловеческих ценностей.

Как отмечает Э. Шнайдер, принятие политики мультикультурализма означает, что представители культуры большинства должны позволить представителям культур меньшинства быть полноценными участниками общества, а представители культур меньшинства должны хотеть быть участниками, а не просто физически присутствовать. При этом для сохранения национального единства мультикультурного общества необходимо акцентировать внимание на общем, консолидирующем, а не на разобщающем[1].

На протяжении ряда лет мультикультурализм в Евросоюзе был реальной политикой, которая осуществлялась в правовом поле, базировалась на конституциях и законах государств. Он рассматривался как условие обеспечения и защиты культурного разнообразия, утверждения принципа толерантности как уважения к иной системе ценностей, взглядов на мир, образа жизни. Предполагалось, что политике мультикультурализма нет альтернативы.

Однако практическое воплощение идеологии мультикультурализма происходило в условиях роста конфликтного потенциала глобализации, в обстановке сложного взаимодействия разных культур, когда дают о себе знать различия цивилизационного порядка. В итоге оптимистические ожидания глобалистов по поводу успеха политики мультикультурализма не оправдались.

Глобализация vs диалог культур

На Лихачевских чтениях не раз прогнозировалась неизбежность конфронтационных практик в диалоге, что подтвердилось. В общение вступают осознающие себя этнокультурные сообщества, поэтому культурная идентичность выступает в качестве одного из важных инструментов, оказывающих влияние на коммуникацию. Самоосознание своей идентичности отдельным субъектом и этнической группой в целом формируется в процессе противопоставления своего и другого, а представление о себе — в результате сравнения с «иным». Поэтому в межкультурной коммуникации важное значение приобретает понятие «чужой». Разделение на «чужих» и «своих» может привести как к сотрудничеству, так и к конкуренции[2].

В современной литературе выделяются три глобализационно-культурные парадигмы (модели, перспективы): культурный дифференциализм на фоне усиливающихся различий; культурная конвергенция с растущей похожестью (sameness); культурная гибридизация, сопровождающаяся смешением разнородных культурных систем[3]. Современный диалог цивилизаций включает все названные парадигмы.

Сегодня происходят изменения геополитического ландшафта, обостряются социальные и межнациональные противоречия. Эти процессы сопровождаются взаимным обогащением культур, но в то же время ставят под угрозу их самобытность, порождают чувство опасности, вызванное возможностью межцивилизационного раскола. Глобальные вызовы и масштабные задачи международных отношений придают дополнительную значимость взаимодействию культур. Альтернативой становится стремление к гармонизации отношений, продуктивному диалогу и снижению конфликтности.

Трансграничные вызовы требуют солидарного ответа. При этом в процессе коллективного налаживания межкультурного диалога возникает проблема, связанная с его нравственной составляющей. Насущные задачи — недопущение конфликтов межцивилизационного характера, столкновений на межэтнической, межкультурной и межрелигиозной почве; объединение усилий международного сообщества на основе верховенства международного права, строгого следования принципам Устава ООН; формирование более гибких внеблоковых механизмов взаимодействия, сетевой дипломатии, основанных на равноправии и учете интересов участников, объединенных общими целями. Открываются новые возможности, базирующиеся на прошлом, избавленном от интеллектуальной инерции и деидеологизации, на творческих подходах к солидарному противодействию общим вызовам, объективном совпадении национальных интересов[4]. Европа будущего возможна в том случае, если будет найдена оптимальная форма сотрудничества, удовлетворяющая интересам и требованиям Европейского союза, СНГ, евразийского содружества и Российской Федерации.

Однако попытки России наладить с западноевропейским миром диалог, основанный на общих культурных доминантах, сталкиваются с серьезными трудностями. Одна из участниц диалога — российская культура — не принимает ценности западноевропейского постмодерна. Линия конфронтации наметилась в поле представлений о толерантности, мультикультурализме, гендерной проблематике. Для России оказывается неприемлемой и западная претензия на монополию на истину, двойные стандарты в международных отношениях. Быстро наметились пределы в распространении идеологии «общества потребления», «культа наживы». Отечественный опыт построения капитализма по западному образцу все больше воспринимается как навязывание ложных жизненных стратегий, чуждых моделей бытия, вызывает отторжение.

Россия на цивилизационной развилке

В последние десятилетия утверждение капитализма в России во многом приняло характер бездумного копирования западного опыта без учета национально-

[1] *Шнайдер Э.* Мультикультурализм в Германии // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб. : СПбГУП, 2012. Т. 1 : Доклады. С. 241–242.

[2] *Манапова В. Э.* Образ «чужого» в межкультурном диалоге // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб. : СПбГУП, 2012. Т. 1 : Доклады. С. 387–389.

[3] *Pieterse J. N.* Globalization and Culture: Global Mélange. Lanham : Rowman and Littlefield, 2009. P. 44.

[4] *Гатилов Г. М.* Указ. соч.

культурной специфики. В результате на российскую почву были перенесены и получили существенное развитие проблемы Запада, в особенности связанные с системой ценностей «потребительского общества», в центре которой — культ материальных благ, гедонизм и гипертрофированная автономия личности, ущемляющая общественные интересы.

«Глобализация» Русского мира все больше воспринимается как разрушение культурного кода и деформация ментальных моделей русской цивилизации, маргинализация носителей традиционных ценностей (им отводится роль функционеров субкультуры, которая имеет право на существование в замкнутых сообществах). Активное внедрение в массовое сознание федеральными СМИ жизненных стратегий, исторически чуждых народам России, разрушает ментальные основы русской культуры. Как отмечает М. К. Горшков, девальвируются нравственные императивы: добро, правда, истина, красота, справедливость[1]. Уничтожение духовного мира, объединяющего социум, в перспективе лишает субъекта культуры воли к консолидации и мобилизации внутренних ресурсов, необходимых для ответа на вызовы XXI века.

В свое время Л. Н. Гумилев, критикуя примитивность рассуждений о создании единой мировой культуры, утверждал, что «общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна». «Известно, — писал он, — что жизнеспособна и успешно функционировать может лишь система достаточно сложная. Общечеловеческая культура возможна лишь при предельном упрощении (за счет уничтожения национальных культур). Предел упрощения системы — ее гибель»[2]. Поэтому главная опора глобализма, признают это или нет его сторонники, — необразованные, малокультурные люди. «Человек, чувствительный к культуре, всегда задает себе вопрос о смысле любого явления, в том числе того, которое подается как последняя новинка западной цивилизации. Изменение культуры быта (если оно происходит в обществе свободно, в сторону большей прагматизации) само по себе не страшно. Но глобализм станет настоящей угрозой, если в обществе угаснет национальное гуманитарное образование, в котором важную роль должно играть образование в сфере искусства. Именно в нем залог того, что в обществе сохраняется способность производить уникальные культурные ценности, залог уважения к культурным традициям, умения узнавать и сохранять ценности, не подвластные времени»[3].

Глобализация в ее нынешнем виде все больше воспринимается аналитиками как реализация сценария, продвигаемого странами Запада во главе с США. Процессы, которые представлялись ранее естественным развитием взаимодействия культур, цивилизаций, народов, государств, теперь высветили существенные противоречия между разными культурами и цивилизациями. Процессы глобализации не только не сняли, но еще более обострили стремление многих государств участвовать в глобальных взаимодействиях на преимущественных условиях с минимальными уступками. Сегодня наблюдаются дифференциация отдельных цивилизаций, их противоборство, вплоть до столкновения. Взаимодействие культур проходит в рамках оформившихся оппозиций «глобализм–локализм», «современное–традиционное», «западное–восточное».

Что век грядущий нам готовит?

Жизнь показала, что диалог культур все чаще превращается в их конфликт, а сотрудничество цивилизаций — в их противоборство. В связи с этим центральной темой Международных Лихачевских научных чтений стали системные сдвиги и вызовы современной цивилизации, определяющие контуры и сценарии будущего, что нашло отражение в названиях секций и проблемно-тематическом поле дискуссий.

Расширение тематического поля Чтений в последнее десятилетие было продиктовано усилением этнических, социальных, политических и других конфликтов в различных регионах мира, расширением процессов, характеризующих отношения человека и окружающей среды, изменением роли науки и техники в жизни личности, общества, страны и мира в целом. Драматизм ситуации последних лет усиливается финансово-экономическим кризисом, перспективы разрешения которого весьма неопределенны. Это придает проектам будущего мира размытые контуры. Все чаще слышны пессимистические выводы: техногенная цивилизация подошла к рубежу, исчерпав возможности экстенсивного развития и породив глобальные кризисы и проблемы.

Все эти проблемы так или иначе связаны с изменением духовных оснований бытия и имеют культурогенную природу. Осмысление контуров грядущего обусловлено необходимостью прогнозирования будущего миропорядка, устройства человеческого общества, возможностью выработки мер противодействия негативным тенденциям, перевода деструктивных процессов в конструктивные. Отправной точкой поиска ответов на глобальные вызовы стал системный анализ проблем развития современной цивилизации.

Одним из важных результатов многолетних научных дискуссий на Лихачевских чтениях стала трактовка культуры как фактора национальной безопасности. В докладах участников неоднократно отмечалось, что возрождение национальной культуры — основа духовной безопасности общества. Эта проблематика представляется чрезвычайно актуальной в силу того, что российское общество на протяжении ряда лет переживало глобальный кризис идентичности, протекавший на фоне идеологического хаоса, разрушения базовых духовно-нравственных основ социального бытия, снижения роли российской культуры в общемировом ци-

[1] *Горшков М. К.* Культура как пространство диалога цивилизаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 48.

[2] *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2008. С. 8.

[3] *Авдеев А. А.* Культура в начале XXI века и ее роль в становлении межнационального диалога // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб. : СПбГУП, 2010. Т. 1 : Доклады. С. 22–23.

вилизационном процессе. В связи с этим чрезвычайно актуальными для участников Лихачевских чтений были и остаются поиск ресурсов духовного возрождения, осознание ценностно-нормативной специфики российского этоса, анализ национальной ментальности как антропологической модели отечественной культуры, определение условий реализации идентификационного потенциала российской культуры.

Такая постановка проблемы оправдана как с культурологической, так и с политической точки зрения: без человека (его нравственного и душевного здоровья) жизнь и понятие «безопасность» теряют смысл. Мировая история показывает, что народы ведут борьбу не только за материальные ресурсы, экономическое освобождение, но и за ценности — интеллектуальные, нравственные, религиозные. Опасность (в том числе культурная, порождаемая распространением ценностей других культур) нивелирует ощущение полноты жизни и порождает внутреннюю дезорганизацию. В связи с этим духовная безопасность понимается как система условий, помогающих этносу сохранить жизненно важные параметры в рамках нормативных границ, сложившихся исторически. Выход за пределы нормы обусловливает дезорганизацию системы и может привести к катастрофе, гибели народа и государства.

Тематическим «нервом» Лихачевских чтений 2017–2018 годов стали анализ генезиса мирового порядка, определение основных источников международной напряженности, выработка сценариев урегулирования современных международных конфликтов, осмысление контуров будущего в контексте мирового культурного развития.

Нарастание конфликтности в развитии современной цивилизации

Человечество, вступившее в III тысячелетие, столкнулось с нарастающей конфликтностью в международных отношениях. Увеличение количества внутренних локальных конфликтов ведет к их интернационализации и эскалации масштабов и последствий, оказывает влияние на всю международную систему. Репертуар международных конфликтов в XXI веке обогатился целым рядом новых форм экспансии (экономической, культурной, религиозной с преобладанием фундаменталистских начал).

Современные конфликты нацелены не столько на изменение территориальной конфигурации других стран, сколько на деформацию хозяйственных связей, изменение мировоззрения и мировосприятия народов, перераспределение сфер политического влияния, навязывание более слабым странам иных культурных моделей и ценностей, разрушающих ядро их национальной культуры.

Участники Чтений выявили сущностные характеристики международного конфликта как объекта управления; провели системный анализ глобальной и региональной напряженности с учетом новых видов невоенных конфликтов и угроз; наметили структурные сдвиги в системе международных отношений, влияющие на уровень напряженности; обосновали средства мирного урегулирования международных конфликтов и ресурсы международных организаций; предложили способы оптимального соотношения силовых и «мягких» методов урегулирования международных конфликтов.

Сегодня в развитии капитализма конкурируют и поразному сочетаются строительство социального государства и общества потребления. Бесспорным лидером в создании такого общества долгое время остается Запад, однако движение в данном направлении привело его в тупик. Ряд докладов на Чтениях был посвящен системному кризису капитализма западного типа[1]. В них отмечались фундаментальные изменения рынка, утрата им роли локомотива экономического развития; деформация национальных элит и потеря ими способности к генерации новых смыслов, выявлению перспективных путей развития; тотальное перерождение демократии; усиление манипулирования обществом и уничтожение свободы слова; разрушение христианской модели развития культуры. Эффективность классического капитализма базировалась на свободном рынке с его стихийной принудительностью экономических механизмов. В его основе лежала конкуренция производителей, борьба за удовлетворение нужд потребителей с помощью предложения качественных товаров. Но этот рынок ушел в прошлое.

Экономический центр тяжести переместился из фабричных цехов в сознание людей. Материальное производство было вытеснено на периферию экономики производством смыслов, а потребности стали производиться как продукты. Современное информационное общество с момента своего зарождения и по сей день так и не стало сферой свободной жизнедеятельности людей, явив собой, по сути, лишь новую форму государственно-монополистической организации производства. В конце 1960-х — начале 1970-х годов относительно свободная интеллектуальная жизнь Запада сменилась механизмами тотальной манипуляции сознанием. Радикально трансформировались механизмы формирования и функционирования элит.

Ранее особую роль в обществе играли интеллектуалы — писатели, философы, ученые, профессора. Они пользовались значительной свободой в анализе реальности, генерации идей и донесении их до общества, оказывали на его развитие существенное, а иногда и ключевое влияние. Их зависимость от экономической и политической элиты была сравнительно слабой. Позднее практически все духовное производство Запада, как и само государство, было приватизировано монополистическими структурами. Интеллектуалы превратились в служащих корпораций, производящих идеи по заказу и в их интересах, часто без соотношения с реальностью или связанных с нею,

[1] См., например: *Запесоцкий А. С.* Исторический спор между капитализмом и социализмом как диалог культур // Диалог культур в условиях глобализации : XI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 12–13 мая 2011 г. СПб. : СПбГУП, 2011. Т. 1 : Доклады. С. 67–73 ; *Запесоцкий А. С., Чеберко Е. Ф.* Трансформация экономических отношений в условиях современного цивилизационного кризиса // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 83–87.

но не улучшающих ее с точки зрения общественного блага. Сегодня крупная буржуазия в собственных узкокорыстных интересах создает духовный продукт и навязывает его через систему СМИ, с помощью механизмов распространения массовой культуры. Аналогичным образом приватизируются институты демократии, что приводит к вырождению политического класса, исчезновению политических лидеров уровня Франклина Рузвельта, Шарля де Голля. Не случайно сегодня лидеры стран Евросоюза, за редким исключением, представляют собой единообразный ряд безликих чиновников.

Превращение демократии, свободы слова и смыслов бытия в товар означает вступление западного капитализма в фазу критического перерождения, которое следует назвать злокачественным. В последнее время мировое научное сообщество активно обсуждает и критикует культурное перерождение Запада. Весь спектр глобальных кризисов (истощение природных ресурсов, климатические изменения, рост терроризма, множащиеся техногенные катастрофы, загрязнение среды обитания человека и т. д.) все больше связывают с кризисом западной цивилизационной парадигмы. К сожалению, именно эту модель новоявленная российская элита начала культивировать на местной почве без особого ее понимания и умения что-либо культивировать.

Коммерциализация демократических институтов сводит на нет конкуренцию как важнейший элемент эффективного функционирования рынка и расширяет пространство коррупции. Крупные корпорации во всем мире получают прибыль как абсолютную ренту, реализуя политическое и экономическое господство. Финансовые институты отказались от своей исконной функции обслуживания производства в пользу финансовых спекуляций. В финансовой сфере создано множество способов увеличить прибыль, не удовлетворяя общественных потребностей. Деньги превратились в самостоятельное средство производства, минуя товарообмен. Такой капитализм уже не может быть эффективным.

Сегодня встает вопрос об отказе от расширения западных принципов хозяйствования в пользу принципов справедливости, нравственного долга перед обществом, заботы о человеке.

Россия как поле глобальных экспериментов

Феномен и перспективы российского капитализма систематически становятся предметом обсуждения на Лихачевских чтениях. Сегодня уже понятно, что в нашей стране вновь, второй раз за сто лет, реализован уникальный и грандиозный по масштабам социально-экономический эксперимент. Опять создана небывалая ранее в истории человечества дефективная формация, на этот раз — ультралиберальная.

То, что у нас построено, несложно соотнести с мировой практикой: длящийся несколько веков спор между идеологиями социализма и либерализма уже примерно полстолетия протекает в русле теории конвергенции. В основе спора — различия между двумя системами ценностей. Как известно, согласно одной из них, жизнедеятельность социума регулируется государством, поведение людей подчиняется интересам коллектива, а человек понимается как существо социальное. В соответствии с другой — жизнедеятельность общества регулируется рынком, поведение людей определяется личной выгодой, а человек понимается как существо экономическое. Сегодня современные развитые государства соревнуются в создании механизмов социально-экономической и культурной жизни, эффективно сочетающих преимущества социалистического и либерального подходов.

Глобальный переход цивилизации в посткапиталистическую фазу связан с наступлением четвертой промышленной революции, которая приходит на смену нынешней, третьей по счету (после аграрной и индустриальной), — информационной, делающей неизбежным переход к шестому технологическому укладу. Инфраструктуру нового экономического уклада, многократно повышающего эффективность производства и снижающего его энерго- и материалоемкость, составляют искусственный интеллект, робототехника, нанотехнологии (создающие новые технологические цепочки для электронной, химической, авиакосмической промышленности); биотехнологии, опирающиеся на достижения молекулярной биологии и генной инженерии (особенно эффективные в медицинской и агропромышленной отраслях); глобальные информационные сети; аддитивные 3D-принтеры и когнитивные технологии.

Входящий в фазу роста новый технологический уклад радикально меняет структуру экономики, деформируя ее институциональную базу и разрушая человеческий фактор производства. «Мы на краю нового эволюционного скачка за пределы капитализма»[1]. Четвертая промышленная революция радикально преобразует традиционную капиталистическую модель с ее беспощадной конкуренцией, репрессивным характером отношения к человеку, природе, культуре. Система становится посткапиталистической и знаменует начало перехода человечества к новому типу развития, цивилизация вступает в эпоху трансмодерна, несоизмеримую с нашим жизненным миром, и переживает время сингулярного перехода реальности в иное, постчеловеческое состояние[2].

Осмысливая в рамках Лихачевских чтений исторический опыт и логику развития социальной практики, можно сказать, что будущее не фатально и не предопределено высшими силами, божественным провидением или другими столь же непознаваемыми и непрогнозируемыми началами. Будущее формируют люди, мыслящие, живущие и работающие здесь и сейчас, — различные политические, экономические, художественные, научные элиты в соответствии со своими представлениями. Оно несводимо к жесткой детерминации как национальными историко-культурными ма-

[1] Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше? URL: https://ideanomics.ru/articles/4476.

[2] См.: *Кутырев В. А.* Отдадим все машинам!.. И себя тоже? // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 355.

трицами, так и некой формирующейся глобальной мировой культурой.

Мир может противостоять грядущим глобальным рискам и угрозам, систематизируя представления о будущем, сформированные в различных областях научного знания, всесторонне анализируя современные проблемы природного, техногенного, социально-политического и экономического характера, объединяя усилия различных научных школ и исследовательских институтов.

Создание концепции будущего возможно лишь на основе всестороннего анализа процессов в ведущих сферах жизнедеятельности общества, использования методологии научного прогнозирования. В этом плане научную и гуманитарную роль Лихачевских чтений трудно переоценить. Президент России В. В. Путин в приветствии участникам одной из предыдущих конференций, высоко оценивая миссию нашего научного форума, отметил: «Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности»[1]. Эта оценка — серьезный стимул для нашей работы на Международных Лихачевских научных чтениях 2019 года и продолжения исследований острых гуманитарных проблем, связанных с развитием диалога культур и цивилизаций в современном мире, укреплением духовно-нравственных основ общества, сохранением бесценного наследия академика Д. С. Лихачева, которое с годами приобретает все большую значимость и актуальность.

К. Ф. Затулин[2]

РОССИЯ И МИР: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ловушка Фукидида

Тема моего выступления — место России в современном мире, положение нашей страны в ближайшей перспективе и анализ возникающих рисков. Строки из стихотворения русского поэта Н. А. Некрасова: «Бывали хуже времена, / Но не было подлей» довольно точно описывают современную ситуацию.

Недавно состоялось заседание Совета по внешней и оборонной политике, членами которого являются как действующие дипломаты, журналисты, политики, так и те, кто уже вышел в отставку. Я был одним из учредителей этой неправительственной организации, работающей с 1992 года. Министр иностранных дел России С. В. Лавров, всегда выступающий на этих ассамблеях, метко заметил, что сегодня вместо мирового устройства мы сталкиваемся с мировым расстройством. Причина этого заключается в том, что завершается период, наступивший после распада Советского Союза и продолжавшийся примерно до 2011 года, когда Соединенные Штаты Америки безраздельно господствовали в мире, не испытывая тревоги за свое лидерство. Теперь мир оказался в положении, названном одним из исследователей ловушкой Фукидида.

В чем состоит ловушка Фукидида, если выражаться языком XXI века? Когда держава, которая является лидером в мире, устроенном по однополярной модели, утрачивает свое влияние, а другая страна, напротив, возвышается, то первая всевозможными способами, в том числе военными, пытается предотвратить неизбежное. Фукидид писал о современных ему отношениях между Персией и Грецией. Персия, которая долгие годы была мировым гегемоном, постепенно утрачивала свое влияние. Но чтобы один период в эллинистическом мире сменился другим, Европе пришлось пережить ряд Греко-персидских войн и масштабные завоевания Александра Македонского.

Во многом превентивные меры Запада, направленные против попыток России вернуть положение мировой державы, которые мы предприняли с приходом к власти В. В. Путина, тоже укладываются в рамки ловушки Фукидида: мир становится более уязвимым из-за того, что меняется лидер. Почему сегодня Россия находится под санкциями и происходят провокации (такие как дело Скрипалей или попытка прорыва через Керченский пролив), которые еще вчера были невозможны? Точнее, речь идет об освещении этих попыток в западных средствах массовой информации, что служит основанием для новых обвинений России. Сое-

[1] Гуманитарные проблемы современной цивилизации : VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 5.

[2] Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов, директор Института стран СНГ. Автор сотен публикаций в отечественных и зарубежных СМИ, а также книг «33 и еще одна история из жизни нашего материка», «Между Востоком и Западом. Украина на фоне оранжевой революции», «Россия и Абхазия: две страны — один народ», «Русский вопрос» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ, председатель Комиссии по международной политике Межпарламентской ассамблеи православия, член Совета по казачеству при Президенте РФ, член Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом. Награжден орденами Александра Невского, Почета, Дружбы, медалями «За отличную службу по охране общественного порядка», «В память 850-летия Москвы», «300 лет Российскому флоту»; орденами РПЦ святого благоверного князя Даниила Московского, преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского, орденом Святого Саввы Сербской православной церкви; орденами и медалями Республик Армения, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахской и Приднестровской Молдавской Республик, Почетной грамотой и Почетным знаком Государственной Думы РФ «За заслуги в развитии парламентаризма» и др. Почетный гражданин Республики Абхазия.

диненным Штатам важно, чтобы в тот момент, когда настанет час X, Россия не вступила в союз с Китаем. В этом конфликте у нас не будет права голоса, Россия должна, как во времена Ельцина и Козырева, следовать в фарватере политики Соединенных Штатов. Поэтому курс нашего президента во внешней политике абсолютно не устраивает руководство США. Известие о победе Д. Трампа на выборах президента США в Государственной Думе было встречено аплодисментами. Некоторым депутатам казалось, что с приходом Трампа в российско-американских отношениях наступит прогресс. Но вместо этого произошло их ухудшение, потому что отношения между государствами — это большая политика, не зависящая от личных симпатий и антипатий. Перспектива заключения союза между Китаем и Россией усиливает негатив в наших отношениях с Западом. К сожалению, любые действия, которые предпринимает Россия или Соединенные Штаты, ведут не к смягчению, а к нарастанию напряженности.

«Возвышение» Китая

В конце XX века эксперты прогнозировали, что Китай догонит Америку к середине III тысячелетия, но этот процесс происходит намного быстрее. В настоящее время валовой внутренний продукт Китая превосходит ВВП США. Это заставляет Соединенные Штаты волноваться, что проявляется в реактивной политике президента США Дональда Трампа, победившего на выборах вопреки вашингтонскому истеблишменту.

До этого политическая элита США управляла миром через созданные несколько десятилетий назад альянсы, такие как НАТО, или новые, образованные по инициативе Барака Обамы и Хиллари Клинтон, — Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство. Трамп планомерно отказывается от участия в этих организациях. С НАТО ему не позволили это сделать, но отношения внутри этого блока сейчас переживают кризис, потому что Соединенные Штаты больше не желают оплачивать львиную долю расходов и требуют от своих союзников увеличения военных расходов. Возможно, НАТО сменят двусторонние соглашения США с европейскими странами, прежде всего с Польшей, Румынией, странами Балтии, Великобританией. Им уже сегодня не хочется тратить свои деньги на оборону других стран.

Что касается Китая, то Трамп сразу поставил вопрос о необходимости ликвидации торгового дефицита в отношениях между США и КНР. Годовой объем экспорта Китая в Соединенные Штаты составляет 600 млрд долларов, что примерно равно общей сумме экспорта из Российской Федерации во все страны мира. Соединенные Штаты пытаются «остановить» Китай рядом превентивных мер, в частности Трамп резко повысил пошлины на экспорт из Китая — это 200 млрд долларов.

Кроме экономических успехов, в настоящее время Китай все больше заявляет о себе как о мощной военной державе. Он начал строить военные базы в Сомали, разработал и реализует программу создания авианосцев. Первым китайским авианосцем стал приобретенный когда-то у Украины недостроенный «Варяг», который теперь включен в китайский флот под названием «Авианосец Ляонин». То есть Китай сегодня самим фактом своего развития бросает вызов однополярному миру.

В сегодняшней ситуации Соединенные Штаты пытаются ограничить Китай, сдерживать его активность, они заинтересованы в том, чтобы создать вокруг Китая пояс конфликтующих с ним государств. США поддерживают претензии разных стран к Китаю, в частности Вьетнама, воевавшего с Китаем в 1979 году, Индии, у которой с Поднебесной напряженные отношения из-за Тибета, Японии, которая так и не смогла улучшить отношения с Китаем после Второй мировой войны. По последним данным, в той войне погибло 27 млн советских граждан и около 40 млн китайцев. Но за пределами Азии об этом никто не вспоминает. В результате российско-китайская граница остается самой спокойной. Мы уладили все трения, которые когда-то были между нашими странами.

Кстати, к ухудшению отношений между СССР и Китаем в свое время тоже приложили руку американцы, в частности этому способствовала политика Ричарда Никсона, Генри Киссинджера и др. Когда Никсон стал президентом, он принял ряд мер, направленных на улучшение отношений США с Китаем, что создало новые проблемы для Советского Союза, уже вовлеченного в конфликт с Китаем по партийной линии. Улучшение отношений Китая с Соединенными Штатами усилило напряженность в этом треугольнике.

Складывается впечатление, что сегодня Россия оказалась в роли Китая 1970-х годов. Российская Федерация — это не Советский Союз, претендовавший на мировое лидерство, но мы хотим быть суверенной страной — политическим субъектом, а не объектом. Поэтому сегодня Россия, выдавливаемая из Европы под любым предлогом, в том числе из-за украинского кризиса, все чаще обращает внимание на Восток.

В 2018 году товарооборот между Россией и Китаем преодолел рубеж в 100 млрд долларов, достигнув 108,3 млрд. Экспорт из России в Китай составил около 43 млрд долларов, это двенадцатая часть всего нашего экспорта. К 2020 году планируется довести российско-китайский товарооборот до 200 млрд долларов. Евросоюз уступил Китаю первенство в качестве внешнеторгового партнера России. Более того, на восточном направлении Россия развивает отношения не только с Китаем: быстрыми темпами растут показатели внешней торговли почти со всеми странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Россия не зависит от Китая в такой степени, чтобы можно было говорить об угрозе нашим национальным интересам, во всяком случае в настоящее время. Правда, периодически возникают споры из-за того, что китайцы вырубают наши леса и посягают на байкальскую воду. Американские политики и журналисты часто рассказывают о коварных замыслах Китая в отношении нашей Сибири и Дальнего Востока, но эти слухи не находят подтверждения (в частности, безосновательный страх, что китайцы, расселяясь в Сибири

и на Дальнем Востоке России, вытеснят местное население).

Поворот в сторону Азии — важный фактор российской внешней политики, влияющий на многие стороны жизни нашей страны.

Евразийский союз

Довольно часто говорят о том, что Россия — евразийская страна. В 1993 году президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выступая в Московском госуниверситете, впервые предложил идею создания Евразийского союза. В 1994 году, когда я был депутатом Государственной Думы первого созыва, мы по его приглашению собрались в Алматы (тогда столице Казахстана) обсудить контуры этого союза. Вообще термин «евразийство» принадлежит русским белоэмигрантам, которые вкладывали в него глубокий исторический и философский смысл. «Евразийство» Назарбаева носило чисто географический характер: Казахстан и Россия расположены на двух континентах. Правда, европейская часть России достаточно велика, в то время как европейская территория Казахстана — совсем небольшая часть. Однако некоторые политологи и философы, например А. Дугин, доводят идею евразийства до абсурда: они готовы заставить нас переодеться в китайские халаты и отрастить бороды, чтобы подчеркнуть, что нам с Европой не по пути, воспевают паладинов вроде барона Унгерна, которые в годы Гражданской войны считали себя принадлежащими к желтой расе, и т. д. Но на самом деле мы в основном европейцы, которые передвигались с запада на восток и достигли Тихого океана. Американцы — такие же европейцы, только они продвигались в обратном направлении, с востока на запад, и дошли до Калифорнии.

Сегодня для Евразийского экономического союза настали сложные времена. После того как Россия оказалась врагом просвещенного Запада, наши союзники в ЕАЭС (Беларусь, Казахстан и др.) всеми силами пытаются продемонстрировать, что они — не Россия. О других странах я не говорю, потому что их мнение ничего не значит, но они тоже не хотели бы попасть под раздачу. Отсюда — все сложности во взаимоотношениях с А. Г. Лукашенко. Он понимает, что как союзник России Западу он не нужен. Западу нужна Беларусь, как и другие соседствующие с Россией территории, но только после того, как там произойдет переворот. Если мы дадим ему состояться, как это было на Украине, там выберут другого лидера вместо Лукашенко. С одной стороны, президент Лукашенко это понимает, с другой — пытается шантажировать Россию и балансировать в экономических отношениях. То же самое происходит и в Казахстане.

Приведу пример: два года назад в Нидерландах по судебному иску бизнесмена против Казахстана было принято решение, в результате которого США заблокировали несколько десятков миллиардов долларов — две трети капитала инвестиционного казахского фонда «Самрук-Қазына». Формально — по решению нидерландского суда. Н. Назарбаев встретился в США с Трампом, и после встречи арест со счетов был снят. Но через 2–3 месяца вдруг появилось соглашение о транзите американских военных грузов через порты Казахстана на Каспии, хотя до этого все государства Прикаспия договорились о том, что третьих стран в этом регионе не будет. То есть казахстанцы откровенно нарушили договоренность и с нами, и с другими государствами, позволив американцам транзитировать нелегальные грузы в Афганистан. Американцы сделали это под фальшивым предлогом снабжения своей группировки в Афганистане, так как, во-первых, Трамп хочет вывести войска из Афганистана, во-вторых, они снабжают Афганистан через Пакистан. Все это вызвало кризис в отношениях между Россией и Казахстаном. Мы не афишируем эту сложную проблему, но она существует и переговоры ведутся.

Что означает для России Казахстан? Наши страны состоят в общих объединениях. Именно Казахстан инициировал идею евразийской интеграции. Но все остальное в Казахстане делается таким образом, чтобы, сохраняя отношения с Россией, исключить риск утраты независимости и ни в коем случае не дать повода для того, чтобы часть Казахстана, где проживает русское население (то есть восточные и северные территории, которые есть не что иное, как Южный Урал и Западная Сибирь), тем или иным образом нашла себя в Российской Федерации.

Это подозрение всегда подспудно присутствует у казахстанских политиков, поэтому, развивая добрые отношения с Россией, Казахстан как независимое государство в течение всей своей недолгой истории выстраивает определенные барьеры. Российские бизнесмены никогда не были допущены к природным богатствам Казахстана, притом что страна активно привлекала западные, прежде всего американские, инвестиции, но сдерживала российские. Н. Назарбаев всегда старался поддерживать баланс: с Россией развивалось политическое сотрудничество, но экономика была гарантией того, что Казахстан не вернется в состав России — ни как ее часть, ни в качестве придатка.

Такая политика приносит свои плоды. Казахстан не подвергается санкциям, новое поколение казахстанских политиков критично относится к возможному сближению с Россией и, напротив, всячески подчеркивает свой национальный суверенитет. В связи с этим верховной властью Казахстана принят ряд соответствующих решений, одно из них — о переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латиницу. Они имеют право на такие меры, но это симптом увеличения дистанции между Россией и Казахстаном. Для Российской Федерации все это становится проблемой: общая протяженность российско-казахстанской границы составляет 5 тыс. километров, поэтому отношения с Казахстаном для нас очень важны с точки зрения стабильности и перспективы. Вообще отношения со странами ближнего зарубежья значимы для нас именно потому, что их могут использовать против России, как это происходит в Грузии и на Украине, а теперь и в Молдове.

Смена политической элиты в Казахстане может вызвать серьезные проблемы: выросло поколение казахстанских политиков, которые не знают цены своей не-

зависимости, склонны обольщаться на свой счет и считают, что в Сети можно свободно обсуждать, как они выгонят всех русских из Казахстана. Пока Назарбаев был президентом, у него хватало сил и ума держать ситуацию под контролем, даже при его курсе на строительство национального Казахстана. Хватит ли на это сил у тех, кто ему наследует, сказать сложно.

Когда Россия конфликтовала с Западом по поводу событий на постсоветском пространстве, ни Беларусь, ни Казахстан нас не поддержали. Эти страны не признают независимость Абхазии и Южной Осетии, присоединения Крыма к России, уходят от этих вопросов, чтобы продемонстрировать, что они самостоятельные, не такие, как Россия. Все это мешает достижению интеграционных договоренностей.

Россия не стремится к поглощению Беларуси и Казахстана. Фобией прибалтийских политиков является представление о том, что Россия намеревается вернуть себе Эстонию и Латвию. Но поскольку Россия еще никогда не существовала в таких границах, как сейчас, для нас важно — будут границы с постсоветскими странами связывать нас или разъединять, наладятся между нами дружественные отношения или вокруг будут находиться источники постоянной угрозы, подпитываемые извне, чтобы удерживать нас «в рамках».

Россия и Европейский союз

Сегодня Россия, будучи европейской страной, стоит перед перспективой «выдавливания» из Европы. Во-первых, Европейский союз вовлечен в санкционную кампанию против России. Во-вторых, страны Европы позволили себя уговорить в тот момент, когда Соединенные Штаты захотели переложить на них ответственность за происходящее на постсоветском пространстве. Этот проект назывался Восточным партнерством. В конце 1990-х — начале 2000-х годов Соединенные Штаты передоверили Еврокомиссии (тогда ее возглавлял Жозе Мануэл Баррозу) продвижение НАТО на восток, поскольку столкнулись с неприятием такого расширения. И Европейский союз взял на себя эту функцию, но не преуспел в ее выполнении. В ходе так называемой Революции достоинства на Украине, а по сути государственного переворота, была опубликована расшифровка телефонных переговоров помощника Госсекретаря США Виктории Нуланд, где она, в частности, усомнилась в дееспособности европейских политиков. Поэтому американцы решили снова взять инициативу в свои руки и теперь пытаются «навести порядок», в частности в Европе усилилась антироссийская риторика. В такой ситуации Россия контактирует индивидуально с каждой европейской страной, чтобы хотя бы немного «раскачать» их антироссийское единство. Пока эта работа не приносит результатов. Европейский союз в своей внешней политике продолжает двигаться в фарватере Соединенных Штатов, и украинский кризис — тому пример.

Украинский кризис

Что такое украинский кризис, в чем его суть и значение для России с точки зрения геополитики? В феврале 2010 года президентом Украины был избран В. Янукович, и у многих в России сложилось впечатление, что период охлаждения отношений между нашими странами завершен. «Оранжевый» президент В. Ющенко тогда набрал всего 5 % голосов в первом туре и бесславно канул в Лету, а во втором туре Янукович одержал победу над Ю. Тимошенко. Тогда я говорил о том, что если Российская Федерация сможет найти общий язык с Украиной, то останется европейской страной. Россия — европейская страна и без Украины. Но если Украина будет дальше дрейфовать на Запад, а не останется буферным для нас государством, то мы будем вынуждены устремить свои взгляды в сторону Востока — Азии и Китая. На этом и строят свои геополитические расчеты антирусские силы Запада — не дать нам восстановить свои позиции на Украине и в Беларуси и завязать тесные отношения со странами СНГ, рассчитывая на то, что Россия будет вынуждена идти на восток, где рано или поздно ее интересы столкнутся с интересами Китая. Тогда Запад, как всегда, станет «третьим радующимся». Что из этого прогноза оправдалось? Как известно, Россия не нашла общего языка с Украиной, где произошел государственный переворот, в котором Запад принял активное участие, и обратила свое внимание на восток.

В битве за сохранение отношений с Европой конфликт на Украине имеет ключевое значение. Парижской хартией, подписанной почти 30 лет назад, России была отведена роль страны, в основном подчиняющейся Западу. После распада Советского Союза руководители нашей страны согласились на это, но все изменилось после того, как в 2007 году В. В. Путин выступил на Мюнхенской конференции по безопасности. Мы прилагаем большие усилия, чтобы доказать свое право принимать решения.

В 2014 году мы оказались перед выбором: реагировать или нет на дерзкий вызов, который был брошен России переворотом на Украине. Начиная с работы в Государственной Думе первого созыва я постоянно напоминал о проблеме Крыма и Севастополя. Однако в 1990-е годы, когда мы пытались обратить внимание руководства страны на эти проблемы, от нас отмахнулись, упрекнув нас в том, что мы хотим расстроить братские российско-украинские отношения.

Как бы то ни было, в 1990-х годах ни в какие планы не был включен вопрос о возвращении Крыма России. Мы предприняли попытку убедить украинские власти в том, что Украина для того, чтобы удержать разнородные части в своем составе, должна пойти по тому же пути, что и Россия, став федерацией. В Государственной Думе шли дебаты о том, надо ли подписывать договор о дружбе и сотрудничестве с Украиной. Правительство считало, что это необходимо, а Комитет по делам СНГ и связям с соотечественниками, который я возглавлял, призывал, прежде чем подписывать договор, в котором будут признаны границы между странами (то есть нахождение Крыма и Севастополя в составе Украины), сформулировать некоторые условия.

Почему Крым и Севастополь вообще оказались украинскими территориями? Потому что Советский Союз на момент своего распада был скроен именно таким образом. В 1991 году Россия согласилась со всеми

границами, и договор, который мы собирались подписать с Украиной, должен был это подтвердить. Но мы считали, что для этого Украина должна заключить с Крымом федеративный договор, чтобы разграничить зоны полномочий и ответственности, как в федеративных государствах. Россия — федеративное государство. Существуют сферы исключительных полномочий центральных органов власти и сферы полномочий местной власти — республик, краев, областей, а также сферы совместных полномочий. Аналогичным образом мы предлагали узаконить отношения между Украиной и Крымом в ее составе.

Это было необходимо, потому что крымчане не скрывали своего желания вернуться в Россию. В январе 1991 года, когда СССР доживал последние месяцы, в Крыму был проведен первый референдум, на который был вынесен вопрос: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» Крым, имевший тогда статус области в составе Украинской ССР, выступил за придание полуострову республиканского статуса и прямое включение в будущий обновленный СССР по новому союзному договору, который тогда пытался предложить Горбачев. То есть крымчане выступили за выход из состава Украины. В итоге Украина дала им возможность называться Республикой Крым, но проигнорировала желание быть самостоятельными участниками общего объединения.

После этого началась первая «русская весна», которая была задушена в 1995 году, когда президентом Крыма стал всенародно избранный (больше подобных выборов не проводилось) Ю. А. Мешков. Он возглавлял Крым всего год, потом власти Украины отправили его в отставку, а Россия не откликнулась на призыв Крыма о помощи.

Таким образом, проблема Крыма в российско-украинских отношениях всегда была миной замедленного действия. С начала 1990-х годов и вплоть до 2014 года власти России старались не осложнять отношения между двумя государствами, а жители Крыма — 2 млн человек — оставались в роли заложников. Когда в 2014 году стало ясно, что Украина разрывает отношения с Россией, в действие были приведены механизмы, позволившие вернуть Крым в состав Российской Федерации. Затем последовали события в Донбассе.

В результате этих событий Россия была объявлена исчадием зла, потому что она «захватила» чужую территорию и поддерживает сепаратистов в соседней стране. Что касается «чужой территории» — Крыма, то Комитет Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками обнародовал соответствующее заявление «Правда истории: о 65-летии кражи Крыма у России и 5-летии его возвращения».

На самом деле мы не забирали чужой территории. Крым в 1954 году незаконно был передан Украинской ССР в рамках Советского Союза по решению Президиума ЦК КПСС, точнее, по решению Н. С. Хрущева. 26 апреля исполнилось 65 лет со дня принятия этого позорного решения. Не мы аннексировали Крым — у нас его украли. Поэтому заявления о том, что мы забрали у Украины что-то украинское, несправедливы.

Сегодня европейские, американские и украинские политики, которые говорят, что Россия должна отказаться от поддержки Донбасса, но при этом не упоминают о Крыме, в принципе пытаются найти компромисс в отношениях с нашей страной. Люди, утверждающие, что Россия обязана не только отказаться от поддержки своих соотечественников в ДНР и ЛНР, но и вернуть Украине «аннексированный» Крым, заводят наши отношения в тупик. Потому что Крым мы не вернем никогда — это наша территория, и историческая правда на нашей стороне. Этот вопрос мог бы быть решен иначе, если бы наши соседи в свое время не пошли по одиозному пути создания Украины для украинцев. Любая другая точка зрения рассматривается как угроза для Украины, а федеративное государственное устройство считается преступлением. Обострив проблемы в отношениях между Россией и Украиной, заинтересованные круги на Западе (а Украина и Россия невольно им в этом помогли) тем самым создали серьезную угрозу для дальнейшего геополитического сотрудничества между Россией и Европейским союзом. А выигрывают от этого США, потому что Россия, так же как и Европейский союз, — для них конкурент, если не политический, то экономический. В Европе это понимают, но реализовать идею смягчения напряженности в отношениях с Россией не могут, потому что несамостоятельны в политическом отношении.

Ядерная угроза

Время работает на то, чтобы однополярность мира сменилась многополярностью. Вопрос заключается в том, насколько многополярность уязвима для дестабилизации. Ведь сегодня в США, стремящихся сохранить свое лидерство, в политику пришло поколение, которое не знает, что такое война и военное поражение (так называемый вьетнамский синдром). Это поколение считает, что в ядерной войне можно победить. Оно утешает себя, например, тем, что можно изобрести миниатюрные ядерные заряды, которые не дадут разразиться глобальной ядерной войне, но позволят добиться превосходства в локальных конфликтах. Именно на это — на миниатюризацию ядерных зарядов на подводных лодках или урановую начинку танковых и артиллерийских снарядов — направлена военно-техническая мысль.

Об опасности такого подхода говорят не только российские, но и американские эксперты, которые еще помнят времена, когда стороны выступали за разоружение. Ричард Берт, возглавлявший американскую делегацию на переговорах о заключении Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ 1), обеспокоен тем, что в США к власти пришли люди, не понимающие, что ядерной войны быть не должно. Они допускают вероятность ее проведения и даже победы США в этой войне, потому что Америка создала непреодолимый ракетно-ядерный щит и т. д. Но это иллюзия. Ни у России, ни у Соединенных Штатов нет средств противоракетной обороны,

которые предотвратили бы ядерную катастрофу. В предыдущий раз такого рода фантазии одолевали американцев в период президентства Р. Рейгана (в поздние времена существования Советского Союза), когда он выдвинул Стратегическую оборонную инициативу, так называемую программу звездных войн (основной ее целью было создание космического щита, который позволит Америке стать неуязвимой). В настоящее время эксперты понимают, что создать щит от ядерного удара невозможно.

Сегодня возникла угроза, обусловленная выходом США из договоров об ограничении систем противоракетной обороны, ракет средней и меньшей дальности и связанная с попытками США на ближних подступах к России оснастить Польшу, Румынию и другие страны ракетами, которые могут быстро достичь территории нашей страны. Проблема заключается в том, что размещение ракетного потенциала вблизи наших границ не способствует преодолению существующего паритета и ядерного потенциала, но сокращает время для принятия решения. Подлетное время до нашей территории составляет всего 5–7 минут, если ракеты будут размещены там, где планируется. Это означает, что решение об ответном ударе будет принимать уже не человек, а компьютер. Мы становимся заложниками машин, то есть человек исключается из процесса принятия решения о выживании человечества. Это принцип «мертвой руки», гарантирующий нанесение ответного ядерного удара по противнику в случае недееспособности руководства страны, что представляет опасность не только для нас, но и для всех остальных.

Поэтому Россия заинтересована в соблюдении договоренностей и ведении переговоров по разоружению и сдерживанию гонки вооружений. Но мы не видим взаимного стремления со стороны США. В октябре 2018 года Россия официально обратилась к Соединенным Штатам Америки с просьбой подписать декларацию: две ведущие ядерные державы, РФ и США, должны были подтвердить, что в ядерной войне победителей не будет и сама ядерная война невозможна в принципе. Американцы отказались это сделать.

Россия и НАТО

15 апреля 2019 года представители Министерства иностранных дел РФ сообщили о прекращении контактов между Российской Федерацией и НАТО. Это еще один шаг, свидетельствующий об отсутствии диалога. В свое время Россия в контактах с НАТО зашла слишком далеко. В 1995 году Запад продвигал идею расширения НАТО на восток. Чтобы мы не возражали против этого, была придумана программа военного сотрудничества с НАТО «Партнерство во имя мира». В то время в Государственной Думе по моей инициативе мы провели парламентские слушания, посвященные вопросу, нужно ли России участвовать в этой программе. Вывод был однозначный: эта программа — троянский конь, запущенный на постсоветское пространство, и если мы ее подпишем, то тем самым дадим сигнал соседям — независимым государствам СНГ — подписать договор с НАТО о партнерстве во имя мира. И дальше уже от НАТО будет зависеть глубина его взаимоотношений с этими странами. Тогда руководство страны не обратило внимания на наши выводы, и Россия подписала программу сотрудничества. В эту программу были вовлечены Грузия, Армения и другие страны, которые начали всерьез развивать отношения с НАТО. Если отношения между РФ и НАТО оставались на уровне взаимной вежливости, визитов дружбы, то у них началась отработка механизмов, подготовка кадров и т. д. Сегодня маятник качнулся больше, чем требуется, то есть Россия с НАТО уже настолько разошлись во мнениях и не поддерживают отношений, что официально признали это. Сейчас какие-либо связи полностью прекращены — два корабля идут в разных направлениях, не обращая внимания друг на друга. Но это не очень хорошо, ведь даже во времена советско-американской конфронтации существовали механизмы для обмена мнениями и консультаций, действовал Варшавский договор. Сейчас ничего нет, это создает риски для России. Развивая риторику и борясь за свои интересы, мы не должны забывать о том, что надо находить точки соприкосновения.

Роль современных международных институтов

Созданные в том числе по инициативе Запада международные организации, такие как ВТО и многие другие, сегодня подвергаются уничтожающей критике лидером Запада — Соединенными Штатами Америки. В этом заключается политика администрации Трампа. Оппозиционеры, в основном демократы, хотели бы вернуться к прежней системе доминирования США, которые в роли доброго гегемона придерживаются правил игры и манипулируют всеми с помощью международных институтов. Трамп, ставший лидером протестующей белой Америки против истеблишмента в Вашингтоне, Нью-Йорке и других городах, разрушает этот подход, что доводит конфликты в американской политической системе до крайней степени.

Недавно на русском языке вышла книга известного американского журналиста Боба Вудворда «Страх: Трамп в белом доме». Боб Вудворд и Карл Бернстайн были авторами острых разоблачений во время Уотергейтского скандала, закончившегося отставкой президента Никсона. Из 18 книг, написанных Вудвордом, 16 стали национальными бестселлерами. Он не сторонник Трампа, но написал книгу о пребывании Трампа во власти. В ней приводится много конкретной информации и понимания того, как реально функционирует эта администрация, создается образ Трампа, который является разрушителем любого порядка в силу опыта бизнесмена: он, прежде чем подружиться, должен обязательно на кого-нибудь обрушиться. Трамп гордится своими отношениями с Си Цзиньпином, но при этом устраивает постоянные встряски американо-китайским отношениям. Сейчас в китайском руководстве ведется неафишируемая борьба между теми, кто считает, что с Америкой можно договориться (ближайшие советники Си Цзиньпиня), и теми, кто считает, что с США договориться нельзя, потому что развитие Китая является приговором для китайско-американских отношений.

Сегодня Россия старается на каждом уровне подчеркивать важную роль международных институтов (ООН и др.). Иногда международные институты трансформируются — так произошло с Организацией по запрещению химического оружия: был переписан ее устав, и теперь все решения принимает аппарат, а позиции других стран не учитываются. Поэтому в ближайшее время я не вижу перспективы достичь глобальных договоренностей.

Россия в современном мире

В то время как США теряют свои лидерские позиции (по экономическим и прочим причинам) на фоне наступающего им на пятки и уже обгоняющего их Китая усиливается конфронтация и возникают риски по периметру Российской Федерации. Россия пытается с этим бороться и демонстрирует свои военные возможности. Сомнения в том, что наша страна вообще что-то может предпринять, в основном связаны со слабостью российской экономики. Западные аналитики и политики, пренебрегая отношениями с Россией, полагают, что слабость нашей экономики не позволит нам конкурировать с ними.

Валовой внутренний продукт РФ составляет 1,5 трлн долларов и равен ВВП штата Нью-Йорк, то есть ВВП России — это 1/10 ВВП Соединенных Штатов Америки, или 3,3 % мирового ВВП. США кажется, что этого достаточно, чтобы можно было пренебрегать амбициями и интересами России. А мы пытаемся им доказать (и, кстати, делаем это достаточно убедительно), что не только на Украине, но и в Сирии, и в других частях мира мы в состоянии конкурировать.

Даже любовь России к Китаю — это лишь попытка показать США, что если они будут вести себя подобным образом, то мы обратимся к Китаю. Однако многие желали бы вернуть отношения с Соединенными Штатами в нормальное русло. Я считаю, что Россия не должна быть младшим партнером ни США, ни Китая. Эта точка зрения в концептуальном виде выражена В. Сурковым в статье «Одиночество полукровки».

По какому пути пойдет мир? Будет ли в дальнейшем усугубляться нестабильность? Никогда еще в отношениях двух стран, РФ и США, не было такой определенности: мы уверены в том, что сегодня США считают своими врагами Россию, Китай и Иран. В 1990-е годы казалось, что Россия лежит в руинах и на нее можно не обращать внимания: с нами разговаривали покровительственно, смотрели на нас как на вчерашних соперников, которые ничего не могут сделать.

Сегодня Россия настораживает Запад, вызывает его беспокойство. Вопрос в том, к чему это приведет. В состоянии ли мы ответить на вызовы, быть конкурентоспособными, решить внутренние проблемы, которые, к сожалению, в России только нарастают?

По статистике, уровень жизни россиян падает, в частности по сравнению с 2018 годом он снизился на 2,3 %. Растет протестный потенциал не только в столице, но и в провинции. Сегодня люди не готовы терпеть и предъявляют претензии по поводу всего, что им не нравится. В частности, проблема мусора существовала всегда, но никогда она не стояла столь остро: люди требуют закрыть все свалки, которые отравляют им жизнь. Власть должна принимать соответствующие решения. В России перерабатывается всего 4 % мусора, а все остальное копится десятилетиями. Сегодня в связи с проведением мусорной реформы это одна из актуальных проблем. Правительство перекладывает материальное решение данных вопросов на население за счет повышения тарифов на вывоз мусора. Все это создает поводы для протеста.

На мой взгляд, были допущены серьезные промахи при проведении пенсионной реформы. Пенсионная реформа неизбежна, но для того, чтобы население ее поддержало, власть должна была продемонстрировать, что желает справедливо распределить налоговое бремя между всеми: подоходный налог должен быть пропорциональным. К сожалению, до сих пор нам не удалось убедить в этом президента и правительство. Президент считает, что должны существовать неизменные правила игры и недопустимо увеличивать налоги для предпринимателей, так как они отреагируют закрытием производств и выводом денег за рубеж. А люди думают иначе: если власть чего-то требует, то все граждане должны облагаться налогами в пользу государства пропорционально своим возможностям. К такому пониманию мы еще не пришли. В очередной раз мы одобрили отчет правительства, но удовлетворения от этого не получили, потому что в нем нет подлинного понимания глубины проблем — пропасть между народом и правительством все больше расширяется.

Отсюда — нарастание протестного потенциала, способного помешать возвращению России в ряд великих держав. Все это — повод для серьезных размышлений.

В. Ингимундарсон[1]

«ПОПУЛИСТСКИЙ МОМЕНТ» И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ (БЕС)ПОРЯДОК

Введение

Во время обсуждений и споров о подъеме популистских партий правого толка это явление было охарактеризовано не только как рожденное из фашизма прошлых лет[2] или как реакция на современное беспокойство из-за культуры, социальной нестабильности и отсутствия безопасности, порождаемых глобальными неолиберальными программами[3]. Этот подъем также рассматривается как системная коррекция политики, которая сильно отдалилась от людей[4] или, по словам Каса Мудде, как «нелиберальный демократический ответ на недемократический либерализм»[5]. Учитывая эти противоречивые интерпретации, не приходится удивляться, что популисты, выступающие против истеблишмента, иногда описываются как находящиеся одновременно во враждебных и дружественных отношениях с демократией[6]. Эксклюзивистские мнения и идеи о том, что представляет собой демос, сопоставляются с мнениями и идеями, где подчеркивается спасительный потенциал демократии, на основании чего «народ» должен принимать решения о своем будущем путем прямого выражения своей суверенной воли[7]. Связь праворадикальных партий с популизмом[8], который имеет собственные четкие левосторонние исторические линии, является еще одним осложняющим фактором. Некоторые ученые, как, например, Мудде и Кристобаль Кальтвассер, утверждают, что популизм представляет собой так называемую «тонкую идеологию»[9] (эта концепция взята у Майкла Фридена), и она присоединяется к «главенствующей идеологии», которая может быть как в левом крыле, так и в правом. Такое гибкое определение, которое предполагает организованную, хотя и мимолетную и быстропроходящую реакцию на различные политические условия, сопряжено с риском стирания концепции исторических масштабов, а также происхождения, преемственности и родства концепций[10]. Поскольку формы популизма левого и правого толка часто являются прямо противоположными, их слияние или объединение не включает важнейших идеологических различий. Критика леворадикальными партиями социального неравенства и отождествление либерализма с демократией определенно основываются на дискурсах, направленных против элиты[11]. Но критика ультраправыми элит от лица народа и во имя народа может частично рассматриваться как реакция на антидемократическую технократию, это скорее антиполитика, основанная на этнонационализме и социально-культурном консерватизме. По этой причине некоторые ученые, такие как Жак Рансьер, не хотят использовать ярлык популизма, поскольку в этом случае сливаются критические оценки неолиберализма левых и расистские традиции правых[12]. По его мнению, моралистическое осуждение популизма во всех его проявлениях сводится к попыткам представителей элиты редуцировать выражение демократической воли народа. Учитывая, что термин широко распространен, от него бессмысленно отказываться. При этом постоянно напоминает о себе отсутствие четкого определения, которое учитывало бы не только амбивалентную историю популизма как политической категории, но и то, как он использовался и продолжает использоваться на практике.

В настоящей работе я исследую европейский популизм правого толка — как идеологию и основу формирования партий — с точки зрения выхода за пределы одного государства и сравниваю различные его проявления. Исторически популизм правых должен рассматриваться как часть традиции, которая восходит к двум мировым войнам и периоду холодной войны[13].

---

[1] Профессор современной истории Университета Исландии (Рейкьявик), председатель правления Центра передового опыта EDDA, ассоциированный сотрудник Королевского объединенного института оборонных исследований в Лондоне. Приглашенный профессор Лондонской школы экономики, Высшей школы социальных наук в Париже, Свободного университета в Берлине, Шанхайской академии международных исследований, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика. 1945–2006», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Исландский финансовый кризис: Политика обвинения, протеста и реконструкции», и глав в книгах «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений» и «НАТО: первые пятьдесят лет» и др. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал исследований холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

[2] *Finchelstein F.* From Fascism to Populism in History. Oakland : Univ. of California Press, 2017.

[3] См.: *Ignazi P.* The Extreme Right Parties in Western Europe. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003.

[4] *Mudde C.* The problem with populism // The Guardian. 2015. Feb. 17.

[5] См., например, недавнюю работу, в которой очевидно одобрительное отношение к теме: *Eatwell R., Goodwin M.* National Populism: The Revolt against Liberal Democarcy. L. : Penquin, 2018.

[6] *Mudde C., Kaltwasser C. R.* Populism. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. P. 18–20.

[7] *Canovan M.* Trust the people! Populism and the two faces of democracy // Political Studies. 1999. Vol. 47, iss. 1. P. 2–16.

[8] О популизме см.: *Mudde C.* The Populist Radical Right: A Reader. L. ; N. Y. : Routledge, 2017 ; *Mudde C., Kaltwasser C. R.* Populism ; *Finchelstein F.* From Fascism to Populism in History ; The Ideational Approach to Populism: Concept, Theory, and Analysis / K. A. Hawkins, R. E. Carlin, L. Littvay, C. R. Kaltwasser (eds.). L. ; N. Y. : Routledge, 2019 ; *Müller J.-W.* What is Populism? Philadelphia : Univ. of Pensylvania, 2016 ; *Urbinati N.* Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2014 ; *Moffitt B.* The Global Rise of Populism: Performance, Style, and Representation. Stanford : Stanford Univ. Press, 2016 ; *Judis J. B.* The Populist Explosion: How the Great Recession Transformed American and European Politics. N. Y. : Columbia Global Report, 2016 ; *Mouffe C.* For a Left Populism. L. ; N. Y. : Verso, 2018 ; *Eatwell R., Goodwin M.* National Populism: The Revolt against Liberal Democracy.

[9] См.: *Stanley B.* The thin ideology of populism // Journal of Political Ideologies. 2008. Vol. 13, iss. 1. P. 95–110 ; *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. № 39. P. 542–563 ; *Laclau E.* On Populist Reason. L. : Verso Books, 2005 ; *Freeden M.* Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford : Clarendon Press, 1996 ; *Idem.* Ideology and Political Theory // Journal of Political Ideologies. 2006. № 11. P. 3–22.

[10] См.: *Finchelstein F.* From Fascism to Populism in History. P. 130.

[11] Ibid. C. 134.

[12] *Rancière J.* Hatred of Democracy. L. : Verso, 2006. P. 79–80.

[13] *Finchelstein F.* From Fascism to Populism in History.

Он существует в нескольких формах[1] и уходит корнями в различные политические среды[2]: может быть частью «наследия фашизма», неофашизма, неолиберализма и выступлений против повышения налогов. Я привожу здесь аргументы в пользу существования функциональных связей между праворадикальными партиями — современными и существовавшими в период между двумя мировыми войнами[3]. Несмотря на их различные позиции по отношению к либеральной демократии, у них есть общие интересы и программы действий в отношении представителей элиты, по этнонациональному вопросу, традиционным социальным и культурным проблемам. Однако более важным является их поведение в рамках политических систем. В то время как популисты не используют насилие, как делали фашисты, они готовы заключать альянсы с консервативными элитами ради достижения своих целей в плане получения власти и мест в правительстве[4].

Партийные платформы европейских праворадикальных партий, за исключением явно связанных с фашистскими корнями или идеологией, как, например, «Золотая заря» в Греции, имеют общие черты, которые не только подчеркивают их транснациональный характер, но и показывают их принадлежность к одной группе партий. Борясь за голоса избирателей с популистами правого крыла, консервативные партии из Северной и Западной Европы, за небольшим, но важным исключением, в частности в Германии, Франции и Швеции, ускорили принятие праворадикальных партий в политический мейнстрим, и это стало частью стратегии управления. Однако это сотрудничество идет не по одной общей схеме. Некоторые консервативные партии, особенно в северных странах, не готовы заходить так далеко, как другие, в нейтрализации популистских правых партий через полуавторитарное правление, как в Венгрии и Польше, или в том, что можно назвать «слизыванием» программ, как в Австрии, по таким вопросам, как иммиграция и ислам.

«Кризис представительства»: связи между популизмом и демократией

Теоретики популизма определяют концепцию различными способами, но чаще всего описывают ее с точки зрения антагонистических отношений между «народом» и элитами. Мудде и Кальтвассер утверждают, что, как и другие идеологии, такие как либерализм, национализм или социализм, популизм может давать положительные или отрицательные результаты: как потенциальная корректировка или угроза демократии в зависимости от политического контекста[5]. С одной стороны, как демократизирующая сила он защищает принцип народного суверенитета с целью предоставления возможностей группам, которые считают, что политический истеблишмент не представляет их интересы. С другой стороны, это может привести к авторитарным изменениям и конфликту с либеральной демократией из-за отказа от плюрализма, включая права меньшинств[6].

Ян-Вернер Мюллер, который в первую очередь сосредоточивает внимание на популизме правого крыла, утверждает, что популисты правого крыла хотят отождествлять себя с «народом» в попытке представлять его эксклюзивным образом. Он ставит знак равенства между либеральной демократией и демократией и подчеркивает, что популизм никогда не сможет улучшить политическую систему, ведомую элитой. Таким образом, популистское разграничение «чистого народа» и «коррумпированной элиты» включает особую моралистическую политическую фантазию. «Народ» не существует в реальном мире, поскольку это воображаемая конструкция, созданная в антидемократических целях. В то время как Мюллер допускает, что практики либеральной демократии оставляют желать лучшего в ряде стран, ее следует защищать от ложных обещаний популизма о демократическом обновлении[7]. Принимая такую морализаторскую и оборонительную позицию, он не говорит то, что утверждают теоретики, критикующие демократию, такие как Яннис Ставракакис и Антон Ягер, которые считают, что в век усиления социального неравенства и технократии элиты более других виноваты в отделении либерализма от демократии и обычно создают условия для нынешнего подъема популистских правых партий[8]. На самом деле провал политических элит до и после финансового кризиса 2008 года может хотя бы частично объяснить снижение доверия к либерально-демократическим институтам.

Тем не менее Надя Урбинати, как и Мюллер, утверждает, что популизм искажает демократические институты, так как делает трудно управляемой полемику между меньшинством и большинством[9], и что стратегия, включающая гегемонистскую политику, представляет риск превращения в средство достижения целей для реакционного автократизма, использующего популизм для своей победы[10]. В случае успеха это может привести к уходу от репрезентативной и конституционной демократии. Вместо этого Урбинати подчеркивает ключевую роль «посреднических органов» в либеральных демократиях, которые способны передавать политические требования из нижних слоев партии элите без прямого объединения, предлагаемого популистами-демагогами, или неограниченной демофобии технократов из элиты[11].

Все эти мнения подчеркивают, что доминирующей тенденцией в научных кругах является определение популизма исключительно в «умозрительных» терминах — как дискурса, идеологии или мировоззре-

[1] *Гриффитс Р.* Фашизм. Лондон : Continuum, 2006. С. 150–152.

[2] *Halikiopoulou D., Vasilopoulou S.* Support for the Far Right in the 2014 European Parliament Elections: A Comparative Perspective // The Political Quarterly. 2014. Vol. 85, iss. 3. P. 286.

[3] См.: *Finchelstein F.* From Fascism to Populism in History. P. 251.

[4] См.: Fascists and conservatives. The radical right and the establishment in twentieth-century Europe / M. Blinkhorn (ed.). L. : Unwin Hyman, 1990 ; Fascism and the right in Europe, 1918–1945 / M. Blinkhorn (ed.). L. : Longmans, 2000.

[5] *Mudde C., Kaltwasser C. R.* Populism. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. P. 18–20.

[6] *Mudde C., Kaltwasser C. R.* Populism. C. 79.

[7] *Müller J.-W.* What is Populism? Philadelphia: Univ. of Pensylvania, 2016. P. 6, 10–11, 76.

[8] См.: *Stavrakakis Y., Jäger A.* Accomplishments and limitations of the «new» mainstream in contemporary populism studies // European Journal of Social Studies. 2018. Vol. 21, iss. 4. P. 547–565.

[9] *Urbinati N.* Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People. P. 149.

[10] Ibid. P. 137, 153.

[11] *Urbinati N.* A revolt against intermediary bodies // Constellations. 2015. № 22. P. 484–485.

ния. Упор на радикальную настроенность популизма против элит в большой степени скрывает не только его сотрудничество с консервативными элитами, но и его функциональные роли в рамках либерально-демократических систем.

В Европе праворадикальные партии выиграли от «разрегулирования» либерально-демократических систем. И если ослабление умеренных левых открыло пространство для леворадикальных и некоторых «зеленых» партий, общим результатом этой политической перестройки стало усиление партий правого толка. Было предложено несколько объяснений сокращения и ослабления левых партий: принятие глобалистской неолиберальной программы в десятилетие перед финансовым кризисом 2008 года, символизируемое идеологией «Третий путь», и увеличение отрыва от рабочего движения. Это позволило популистским праворадикальным партиям проложить путь на территории, где традиционно голосовали за левых. В дополнение к этому популисты правого толка соединили просоциальную позицию с риторикой, направленной против элит и иммиграции.

Шанталь Муффе утверждает, что наступил «популистский момент», сигнализируя о кризисе неолиберальной гегемонии, установленной в 1980-е годы. Более того, она предсказывает, что центральная ось политического конфликта в ближайшем будущем окажется между популизмом правого и левого толка. Опыт тэтчеризма в Великобритании, по ее утверждению, показывает, что в европейских обществах можно вызвать трансформацию существующего порядка без разрушения либерально-демократических институтов[1]. Учитывая нынешнюю слабость левых, трудно увидеть, как популистская стратегия обеспечит их оружием, необходимым для противостояния праворадикальным партиям. Но нет сомнений, что электоральные успехи популистов правого крыла в Европе нужно рассматривать в контексте более широких социальных тенденций — усиления социального неравенства, происходящего из неолиберальных программ глобализации (что символизирует серьезный экономический спад, получивший название «Великая рецессия»), и такой реакции, как «идентитаризм» (термин, используемый для обозначения идеологии европейских новых правых), на фоне мультикультурализма, запущенного недавним притоком иммигрантов.

Смешанные идеологические посылы

Европейские популистские партии правого толка обычно принимают программы, в которых подчеркивается «чистое» национальное прошлое и культурная однородность, а исторические мифы, включая воплощение европейского «государства всеобщего благосостояния», особенно в северных странах, играют важную роль в проектах формирования эксклюзивистской идентичности. Они также строятся на идее этноплюрализма как диаметрально противоположной мультикультурализму идеологической установке. Популисты пропагандируют монокультуру, чтобы убедить в необходимости сохранения уникальных национальных черт, и изоляцию друг от друга разных этнических групп, так как любая «смесь» приведет к упадку культуры. Некоторые ученые не считают этот аргумент частью традиционного расистского дискурса, потому что этноплюрализм не должен быть иерархическим и состоять из «высших» и «низших» этнических групп[2]. Но эта идеологическая установка, имеющая очевидный антиисламский подтекст, к тому же определенно является частью расистской традиции. «Равенство порознь» было рефреном у тех в США, кто пытался сохранить сегрегацию Юга во время борьбы за гражданские права в 1950–1960-х годах.

Также можно обнаружить сходство программ. Как и праворадикальные партии в период между двумя мировыми войнами, современные ультраправые обычно отказываются определять себя, используя традиционное деление на две части — правых и левых. Их программа нацелена на маргинальные группы, и они, по выражению Йенса Ридгрена, предлагают новый «ведущий кадр», соединяющий национальное своеобразие и риторику, направленную против истеблишмента[3]. Большинство популистских партий правого толка отказались от открытой связи с историческим расизмом или фашизмом, однако, например, Маттео Сальвини, лидер партии «Лига Севера», после того как стал министром внутренних дел, без угрызений совести перефразировал в своем «Твиттере» одну из самых известных фраз Муссолини: «Больше врагов, больше чести». В немецкой партии «Альтернатива для Германии» есть элементы, которые можно описать как поддерживающие неофашистскую и антисемитскую программу. У «Шведских демократов» есть неонацистская подоплека, и они традиционно ностальгируют по периоду между двумя мировыми войнами. Партия «Йоббик» в Венгрии продемонстрировала антиримские и антисемитские настроения, хотя в программе ее лидеры попытались смягчить свой ультранационалистический и ксенофобский имидж.

Это не означает, что все популистские партии правого толка тайно связаны с прошлым, потому что некоторые хотят полностью от него отделиться. Такие партии, как Австрийская партия свободы[4] и Партия прогресса в Норвегии[5], являются консервативными и традиционалистскими в том, что касается социальных вопросов, но поддерживают индивидуалистскую либеральную экономическую политику, а в некоторых случаях и антикапиталистическую риторику праворадикальных партий периода между двумя мировыми войнами. Скорее всего, успеха на выборах в современ-

[1] См.: *Mouffe Ch*. For a Left Populism. P. 6, 11, 36.

[2] *Elgenius G., Rydgren J.* Frames of nostalgia and belonging: the resurgence of ethno-nationalism in Sweden // European Societies. 2018. July. DOI: 10.1080/14616696.2018.1494297. URL: http://www.jensrydgren.com/EuropeanSocieties2018.pdf.

[3] См.: *Rydgren J.* Is extreme right-wing populism contagious? Explaining the emergence of a new party Family // European Journal of Political Research. 2005. № 44. P. 413–443.

[4] *Heinisch R., Hauser K*. The mainstreaming of the Austrian Freedom Party: The more things change… // Akkerman T., Lange S. L. de, Rooduijn M. Radical Right-Wing Populist Parties in Europe: Into the mainstream? N. Y. : Routledge, 2016. P. 73–93.

[5] О Партии прогресса см.: *Jupsås A. R.* The taming of the shrew: How the Progress Party (almost) became part of the mainstream // Akkerman T., Lange S. L. de, Rooduijn M. Radical Right-Wing Populist Parties in Europe: Into the mainstream? P. 169–192 ; *Allern E. H.* The Contemporary Relationship of «New Left» and «New Right» Parties with Interest Groups: Exceptional or Mainstream? The Case of Norway's Socialist Left and Progress Party // Scandinavian Political Studies. 2013. Vol. 36, iss. 1. P. 67–90 ; *Bjerkem J.* The Norwegian Progress Party: an established populist party // European View. 2016. № 15. P. 233–243 ; *Jupskås A. R.* Persistence of Populism: The Norwegian Progress Party, 1973–2009 : Ph.D. thesis. University of Oslo, 2015.

ной Европе добьются те из них, кто соединит националистическую идеологию и консервативные культурные ценности с политикой социальной защиты. Это стало новой «победной формулой» праворадикальных партий, в отличие от комбинации неолиберализма и культурного традиционализма, которую Энтони Дж. Макганн и Герберт Китшельт предлагали в 1990-е годы[1].

Ян-Вернер Мюллер в своей ограничительной интерпретации популистской идеологии обходит ее исторические масштабы[2] и воздерживается от таких объясняющих факторов, как экономические кризисы и социальные потрясения. Более того, он не только включает все популистские партии правого толка в одну категорию, но и не проводит различий между авторитарными лидерами, такими как Реджеп Тайип Эрдоган и Виктор Орбан. Для противопоставления этому упрощению может быть полезно проанализировать популизм таким образом, как изучались партии правого толка, действовавшие в период между двумя войнами, то есть обратить больше внимания на то, что объединяет и разделяет радикалов и консерваторов. В Венгрии Орбан и его партия «Фидес», или Венгерский гражданский союз, резко передвинулась в правое крыло, многое позаимствовав у «Йоббика». Учитывая его националистическую программу и политику поощрения рождаемости, возможно, что Орбан в конце концов уйдет от своей традиционной консервативной базы и объединится с популистами. Но пока он следует гибридной стратегии, которая позволяет ему оставаться в обоих лагерях. Федеральный канцлер Австрии Себастьян Курц тоже включил в программу своей Австрийской партии свободы соответствующие элементы, сделав приоритетными вопросами борьбу с иммиграцией, шовинизмом благосостояния и политическим исламом. В то же время он идентифицирует себя с правоцентристскими консервативными партиями в Европейском парламенте. В отличие от Орбана, он выступает за европейский проект, критикуя венгерское правительство за подрыв независимости юридической системы. Таким образом, если идеологические линии консервативных правых партий могут пересекаться, то совсем необязательно, что они делают это в унисон.

Утверждение Мюллера, что популистские лидеры в целом не заинтересованы в активизации и мобилизации населения, ошибочно, потому что он не учитывает ключевые идеологические различия. Некоторые авторитарные лидеры, полагающиеся не на партии, а на государство, могут пытаться задушить активность простых людей. Но популистские лидеры, с энтузиазмом искавшие возможность работать вместе с авторитарными лидерами правого крыла, склонны стимулировать поддержку широких масс. По выражению Герберта Китшельта, такие партии, выросшие из общественно-политических движений, пытаются соединить деятельность на арене официальной демократической конкуренции с мобилизацией вне институтов[3]. Не имеет смысла и отказываться от социологического анализа избирательной базы популистов, как делает Мюллер, на основании того, что такие партии склонны «ловить всех, кого удастся поймать». В 1930-е годы фашистские и праворадикальные партии привлекали избирателей из всех социальных слоев, но не в равной степени, как показывают многочисленные исследования состава их членов и избирательной базы[4].

Праворадикальные и консервативные правые партии

Попытка многих популистских партий смягчить свой посыл об этнической эксклюзивности открыла возможности для сотрудничества с другими партиями. Однако в некоторых случаях правоцентристские партии по идеологическим причинам воздерживаются от любого вида сотрудничества с праворадикальными. В других случаях консерваторы могут править сами по себе или сотрудничая с другими центристами либо с социал-демократами. В Европе популистские партии в странах Скандинавии добились наибольшего успеха в плане признания другими партиями и интеграции в политическую систему. Более того, они стали правящими партнерами консервативных партий в Дании, Норвегии и Финляндии. Это означает, что либеральные и центристские партии стали менее влиятельными, чем в раньше. Швеция представляет собой аномалию: здесь либеральные партии решили переметнуться на другую сторону и поддерживать социал-демократов в коалиционном правительстве, чтобы установить санитарный кордон для сдерживания популистской партии «Шведские демократы»[5]. В то же время популисты правого толка конкурируют с консервативными партиями, чтобы стать вторыми по численности после социал-демократов в странах Скандинавии[6]. Точно так же

[1] См.: *McGann A. J., Kitschelt H.* The New Radical Right in Europe. Ann Arbor : Univ. of Michigan, 1995.

[2] См.: *Müller J.-W.* What is Populism?

[3] *Kitschelt H.* Movement parties // Handbook of party politics / R. S. Katz, W. Crotty (eds.). L. : Sage Publications, 2006. P. 280.

[4] О социальной основе фашизма см.: *Childers T.* The Nazi Voter: The Social Foundations of Fascism in Germany, 1919–1945. Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 1983 ; *Falter* J. Hitlers Wähler. Munich : C. H. Beck Verlag, 1991 ; *Kater M. H.* The Nazi Party: A Social Profile of Its Members and Leaders, 1919–1945. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1983 ; *Brustein W.* The Political Geography of Belgian Fascism: the Case of Rexism // American Sociological Review. 1988. № 53. P. 939–950 ; *Hamilton R. F.* Who Voted for Hitler? Princeton : Princeton Univ. Press, 1982 ; *Lyttelton A.* The Seizure of Power: Fascism in Italy, 1919–1929. L. : Weidenfeld and Nicolson, 1973 ; *Fameti P.* The Crisis of Parliamentary Democracy and the Takeover of the Fascist Dictatorship, 1919–1922 // Breakdown and Crisis of Democracies / J. Linz, A. Stepan (eds.). Baltimore : Johns Hopkins Press, 1979.

[5] О партии «Шведские демократы» см.: *Norocel O. C.* Populist radical right protectors of the folkhem: Welfare chauvinism in Sweden // Critical Social Policy. 2016. Vol. 36, iss. 3. P. 371–390 ; *Erlingsson G. Ö., Vernbyb K., Öhrvall R.* The single-issue party thesis and the Sweden Democrats // Acta Politica. 2014. Vol. 49, iss. 2. P. 196–216 ; *Oskarson M., Demker M.* Room for Realignment : The Working Class Sympathy for Sweden Democrats // Government and Opposition. 2015. Vol. 50, iss. 4. P. 629–651 ; *Bolin N.* A Loyal Rookie? The Sweden Democrats' First Year in the European Parliament // The Polish Quarterly of International Affairs. 2015. № 2. P. 59–77 ; *Elgenius G., Rydgren J.* The Sweden Democrats and the ethnonationalist rhetoric of decay and betrayal // Sociologisk Forskning. 2017. Vol. 54, iss. 4 P. 353–358 ; *Norocel O. C.* «Give Us Back Sweden!» A Feminist Reading of the (Re)Interpretations of the Folkhem Conceptual Metaphor in Swedish Radical Right Populist Discourse // NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research. 2013. Vol. 21, iss. 1. P. 4–20.

[6] Даже финны потеряли большую часть поддержки после раскола на две партии. О популизме финского правого крыла см.: *Hatakka N.* When logics of party politics and online activism collide: The populist Finns Party's identity under negotiation // New Media & Society. 2017. Vol. 19, iss. 12. P. 2022–2038 ; *Sakki I. Hakoköngäs E., Pettersson K.* Past and Present Nationalist Political Rhetoric in Finland: Changes and Continuities // J. Lang. Soc. Psychol. 2018.

Австрийская партия свободы уже какое-то время является частью мейнстрима в Австрии и в настоящее время — младшим партнером в коалиционном правительстве совместно с консервативной Австрийской народной партией. А в Италии «Лига Севера» изначально хотела сохранить альянс с консервативной партией Сильвио Берлускони перед тем, как последняя согласилась не входить в правительство, чтобы открыть путь для формирования правительственной коалиции популистской партии правого крыла Сальвини и популистов левого толка, «Движения пяти звезд».

В некоторых странах исторические или идеологические факторы препятствуют любому сотрудничеству между консерваторами и популистами. В Германии Христианско-демократический союз был вынужден обновить свое коалиционное правительство с социал-демократами частично для того, чтобы предотвратить новые выборы, где «Альтернатива для Германии» могла бы улучшить свою недавно завоеванную позицию третьей по величине партии в бундестаге. Учитывая тень нацистского прошлого, Христианско-демократическому союзу будет чрезвычайно сложно решиться на любое сотрудничество с ультраправыми. Более консервативная, «сестринская» партия Христианско-демократического союза под названием Христианско-социальный союз также яростно выступает против этого, хотя и позаимствовала антииммигрантскую риторику у «Альтернативы для Германии». Не говоря уже о том, что президент Франции Эммануэль Макрон, который победил на президентских выборах Марин Ле Пен, продолжает политику своих предшественников, правых консерваторов и левых социалистов, отказываясь от любого сотрудничества с ультраправым «Национальным объединением» (или «Национальным фронтом», как партия называлась раньше)[1].

Другие консервативные партии, в частности в Венгрии и Польше, преобразовались в полуавторитарные партии правого крыла, которым хорошо удается идеологическая борьба с популистскими партиями. Например, «Фидес» сохраняет абсолютное большинство в парламенте Венгрии и заставила «Йоббик» искать идеологическое утешение среди слабых оппозиционных партий. В Чешской Республике, где премьер-министр Андрей Бабиш продемонстрировал полуавторитарные склонности, популисты правого крыла необходимы для поддержки правительства, но не играют основной роли, потому что задействованы и другие маленькие партии, включая коммунистов.

Таким образом, успех популистских правых партий во многих европейских странах парадоксально позволил им быть одновременно и системными дестабилизаторами, и стабилизаторами. С одной стороны, это разрушительная сила, которая выступает против элит, пытается изменить основную политическую линию по вопросам иммиграции, социального обеспечения, мультикультурализма и европейской интеграции. С другой — это адаптивная политическая сила, готовая на политические альянсы, основанные на националистических и традиционалистских программах действий.

Заключение

Несмотря на возрождение праворадикальных сил по всей Европе, ни одной популистской партии не удалось монополизировать власть или сформировать свое правительство. Им пришлось «разбавить» свою радикальную программу в обмен на прямо или косвенно принятые на себя правительством обязательства[2] и удалось сыграть роль руководящей и направляющей силы в утверждении политической повестки в таких вопросах, как иммиграция[3]. Готовность вступать в коалиции перечеркивает ошибочные, но часто повторяемые заявления, что популисты считают незаконными всех политических конкурентов и элиты. Здесь можно четко увидеть сходство между настоящим и прошлым. Утверждение Мудде и Кальтвассера, что фашистские режимы скорее были элитарными, а не популистскими из-за идеологического упора на культ лидера и расовой политики, представляется неверным[4]. После того как фашисты пришли к власти в Германии и Италии, началась ожесточенная конкуренция между партией и государством, эхом повторяя напряжение, которое является неотъемлемой частью взаимоотношений старой гвардии и новых сил, или «патрициев» и «плебейских» элементов. Это помогает объяснить, почему консерваторы обычно сотрудничают с праворадикальными партиями: по необходимости, а не из-за родства идеологий. В Европе такой альянс в настоящее время наиболее очевиден в Скандинавии, но присутствует и в других странах, например в Австрии.

Популизм правого крыла — не возрождение фашизма, но и не вполне новое явление. Он связан с появлением в 1970-е годы партии, провозглашавшей отказ от повышения налогов и неолиберальные экономические программы. Как некоторое время назад сказал Роджер Гриффин, отказ популистских партий от мультикультурализма, их желание «чистоты», их ностальгия по мифическому миру «расовой однородности», а также по «четко установленным границам между разными культурами» и использование истории представляют собой обновленную версию все того же мифа[5]. Таким образом, нынешний «популистский момент», бросающий вызов либеральному порядку, пробуждает воспоминания, указывая на исторический след, и не только в отношении прошлых идеологий правых, но и, что более важно, их практик. И опять же некоторые консервативные партии приняли ключевые антилиберальные идеологические элементы программ праворадикальных партий как способ ответа на политическую конкуренцию. Остается открытым вопрос, кто именно, популисты или консерваторы, в конце концов добьется победы в политической борьбе.

Vol. 37, iss. 2. P. 160–180 ; *Welker À.* Consolidation, Historiography and the Challenge of Populism in Finland // Eur. Rev. 2013. Vol. 21, iss. 4. P. 489–500.

[1] *Mondon A.* The Front National in the Twenty-First Century: From Pariah to Republican Democratic Contender // Modern & Contemporary France. 2014. Vol. 22, iss. 3. P. 301–320.

[2] *Jungar A.-C., Jupskås A. R.* Populist Radical Right in the Nordic Region: A New and Distinct Party Family? // Scandinavian Political Studies. 2014. Vol. 37, iss. 3. P. 215–238.

[3] См.: *Lindsköld L.* Contradicting Cultural Policy: A Comparative Study of the Cultural Policy of the Scandinavian Radical Right // Nordisk kulturpolitisk tidskrift. 2015. № 1. Aug. P. 8–26.

[4] См.: *Mudde C., Kaltwasser C. R.* Populism. P. 33.

[5] *Griffin R.* Interregnum or endgame? The radical right in the «post-fascist» era // Journal of Political Ideologies. 2000. Vol. 5, iss. 2. P. 163–178.

В. Л. Квинт[1]

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ КАК НАУКИ

Человечество как минимум три тысячи лет пытается предвидеть свое будущее. Картины будущего всегда рисуются и познаются на грани сознания и подсознания и представляют собой симбиоз рационального и иррационального. Пророки, провидцы, предсказатели, а затем и прогнозисты, последовательно создавая «сценарии» движения к будущему или непосредственно предопределяя сюжеты далекой перспективы, по сути наполняли смыслом и содержанием само развитие человечества. Пророки и провидцы, предвидя и предсказывая несказанное величие будущего или предрекая страшный рок, иногда излишне детально, а иногда бесконечно обще описывали перспективное мироздание или миропорядок. Постепенно методология практики предвидения через футурологию привела к формированию более строгих наук понимания будущего и траектории движения к нему. Так появилось прогнозирование. Но развитие производительных сил общества, человеческих отношений в процессе производства и распределения материальных благ и услуг требовало все более точных характеристик будущего и построения наиболее быстрых и эффективных траекторий движения к нему. Прежде всего в силу глубинных интересов экономического характера стало складываться долгосрочное планирование. Однако между прогнозированием и долгосрочным планированием отсутствовал очень важный элемент, предопределяющий возможные сценарии движения к долгосрочному будущему, позволяющий выбирать из множества ориентиров на пути к далекой перспективе те, которые ведут к истинным приоритетам и целям, реализующим сущностные интересы обществ, коллективов и индивидуумов. Тем не менее общество и его лидеры испытывают проблемы и трудности преобразования различного вида прогнозов в более точное и детальное *планирование* движения в будущее, поскольку между двумя этими видами деятельности существует вакуум, который постепенно начал наполняться практикой стратегирования, осмысления и аналитических исследований, которые в начале XIX века привели к появлению первых признаков и научных публикаций, отражающих формирование стратегии как науки. После этого постепенно начали определяться методологические основы и аналитический аппарат новой сферы научных знаний.

Последовательность процессов прогнозирования, стратегирования и планирования

Стратегическая практика сущностно нашла широкое отражение во многих первоисточниках: трактатах, сочинениях и трудах, в которых подтверждается ее трехтысячелетняя история. Практику стратегии можно проследить не только в анализе исторических документов, но и в сакральных текстах, в описании подвигов мифологических героев. Что касается теории стратегии, то это исключительно молодая, формирующаяся наука, которая насчитывает приблизительно 200 лет. Вместе с тем истоки данной науки обнаруживаются во многих философских работах и исторических трудах, наиболее древними из которых можно считать книгу древнегреческого историка Фукидита (V в. до н. э.) «История Пелопоннесской войны» или древнекитайский трактат *«Законы войны почтенного учителя Суня»*, приписываемый военачальнику VI–V веков до н. э. Сунь-цзы. Среди великих лидеров древности есть только один, авторство трудов которого, сущностно посвященных принятию стратегических решений, неоспоримо — это Гай Юлий Цезарь (I в. до н. э.). Его восьмитомник «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне» в трех книгах являются первыми из дошедших до нас трудов великих полководцев и государственных деятелей.

Необходимо подчеркнуть, что ни в одной из книг Цезаря, так же как ни в одном из трудов других авторов до него и несколько столетий после, не содержится термин «стратегия». Однако в переводах работ Сунь-цзы, Цезаря и других древних классиков этот термин неправомерно используется переводчиками. Другая проблема категории «стратегия» заключается в том, что этимология этого слова связана с древнегреческим термином «стратег». Но и здесь существует ловушка. В Древней Греции этот термин не связывался с крупнейшими лидерами, «инфляция» этого слова, произошедшая более двух тысяч лет назад, привела к тому, что стратегами начали именоваться любые администраторы и функционеры вплоть до руководителей небольших территорий и подразделений. После долгих исследований самый ранний пример использования термина «стратегия», хотя и как прилагательного, мне удалось найти в труде «Стратегикон» византийского императора Маврикия, правившего в VI–VII веках н. э. Самое раннее из дошедших до наших дней изданий этого труда датируется 1664 годом.

К становлению стратегии как науки имеют отношение труды нескольких философов, военачальников

[1] Иностранный член РАН (США), заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор около 500 научных публикаций, изданных за последние годы в США, Албании, Великобритании, Словении и других странах, в т. ч.: «Strategy for the Global Market», «The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics» и др.; ряд работ переведен в России: «Концепция стратегирования», «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке» и др. Почетный доктор и профессор ряда университетов России, США, Албании, Словении, Украины, Узбекистана, Казахстана. Почетный исследователь Ново-Английского центра международных и региональных исследований (США), член Всемирной академии искусств и науки (США). Награжден орденами Почета, Дружбы, почетной грамотой Совета Федерации Федерального собрания РФ, золотой медалью Н. Кондратьева, а также научными наградами России, Албании, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Казахстана, Киргизии, Словении, США, Украины. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова за научные работы I степени.

и государственных деятелей, но непосредственно анализ стратегии как специфической деятельности и разработка ее правил впервые предприняты в работах двух военачальников, ставших первыми теоретиками этой науки, — генералов Генриха Жомини и Карла фон Клаузевица. Если быть точным, то труд Жомини «Общие правила военного искусства», опубликованный в 1817 году в Санкт-Петербурге «по высочайшему повелению» императора Александра I, на 15 лет опередил книгу «О войне», изданную вдовой Клаузевица в 1832 году. Хотя по ряду субъективных причин работа Клаузевица более известна, а публикация указанной книги Жомини на 200 лет практически была забыта, можно утверждать, что первой теоретической работой, непосредственно относящейся к теории стратегии, является как раз русскоязычная публикация книги Жомини (хотя и написанная им по-французски). Таким образом, Санкт-Петербург можно считать исторической родиной теории стратегии.

Стратегия как наука первоначально была связана с анализом жизнедеятельности полководцев, исследованием войн и отдельных сражений. Затем, уже в середине XX века, стратегия как практика, анализ и обобщение этой практики в основном на уровне здравого смысла формировалась в трудах, посвященных хозяйственной деятельности и управлению бизнесом. И лишь потом появились исследования и книги, предлагающие первые практические рекомендации по разработке и реализации стратегии для государственных структур разного уровня, и труды, анализирующие и систематизирующие новый опыт.

Вместе с тем можно утверждать, что второе десятилетие XXI века стратегия встретила как молодая наука, находящаяся на первоначальной стадии формирования теоретических основ и методологии процессов стратегирования.

Изложенный выше краткий анализ формирования стратегии как новой науки, а также последующее обоснование ее методологии мною были впервые представлены в монографии «Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications», опубликованной одновременно в Нью-Йорке и Лондоне в 2015 году издательством «Routledge».

Стратегия как наука нуждается в исследовании и обосновании теоретических положений и категорий, которые, как и истоки любой науки, следует искать в философии.

Философские основы теории стратегии прежде всего связаны с двумя философскими школами: онтологией и экзистенциализмом. Онтология изучает практику, находя и исследуя причины несовершенства окружающего мира (как сказал Платон, «мир несовершенен»), обосновывая пути совершенствования жизнедеятельности общества.

Фундаментальной теоретической концепцией онтологии, разработанной в трудах великого Аристотеля, является «хорошая жизнь» и «эвдемония». Именно исходя из этих категорий определяются индивидуальные и общественные *ценности*, на достижение которых и, следовательно, на повышение качества жизни в конечном счете направлена практика стратегирования. Индивидуальные и общественные ценности систематизируются и концентрируются в категории «*интересы* объекта стратегирования». Практическая реализация интересов обеспечивается посредством формулирования *приоритетов* стратегии и их достижения. Но для реализации в стратегируемом периоде формулируются и обеспечиваются всеми видами ресурсов лишь такие приоритеты, которые имеют в своей основе *конкурентные преимущества* (или такие преимущества могут быть созданы в стратегируемый период). Этот этап стратегирования систематизируется в документ, который в методологии стратегии в последние десятилетия принято называть *ви́дением*, хотя он с некоторыми уточнениями может называться и форсайтом (foresight).

Именно на данном этапе стратегирования проводится анализ и *выбор* из множества *ценностных ориентиров* общества и индивидуумов тех, что наиболее полно представляют общество и/или его подсистемы на данном этапе, затем происходит выбор таких интересов, которые возможно достичь в процессе реализации стратегических приоритетов, обеспеченных стратегическими преимуществами.

Философские основы этого и последующих этапов стратегирования, бесспорно, находятся в сфере философии экзистенциализма. Связь теории экзистенциализма с теорией стратегии определяется одной из главнейших категорий этой философской школы — *свободой выбора*. Это обусловлено тем, что сущностно все процессы стратегирования направлены на создание объектом стратегии таких качественных результатов его функционирования или деятельности, которые ведут к возможности *выбора эффективных долгосрочных решений* или производству объектом стратегирования услуг и продуктов, соответствующих выбору общества и его членов. В частности, стратегирование деятельности предприятий всегда ориентировано на производство товаров или оказание услуг, отвечающих интересам потребителей, корпоративным или индивидуальным, в соответствии с их выбором.

Поскольку *теория* стратегии только формируется, методология этой науки в значительной степени основывается на *анализе* практики и первоначального *практического использования* тех научных рекомендаций в *сфере стратегии, которые проистекают из изучения и обобщения практики*, анализа успехов и поражений в процессе реализации ранее разработанных и использованных стратегий во всех сферах человеческой деятельности. Стратегия как новая методология и практика находит свое место и устанавливает взаимосвязи с другими науками и методологиями, направленными на разработку и реализацию долгосрочных решений. В то же время реализация любых решений долгосрочного характера возможна только посредством применения методологии и инструментов среднесрочного, текущего и краткосрочного характера. К таким инструментам относятся тактика, текущее и оперативное планирование и управление. *Эти инструменты в более близкой перспективе эффективны при реализации стратегии в той степени, в какой они основаны на использовании конкурентных преиму-*

ществ объектов стратегирования, обеспечении всеми видами ресурсов, если они осуществляются под руководством лидера, воодушевленного идеей воплощения стратегии и конкурентного сценария на практике.

Выявление и исследование философских начал стратегии, анализ ее практики должны быть направлены на разработку наиболее общих правил — законов и постулатов стратегии, методологии их реализации.

Как обосновывается в моих публикациях, законы стратегии связаны прежде всего с *влиянием фактора времени* на все стратегические решения, которые *всегда* носят долгосрочный характер. Основополагающие законы и правила стратегии соотносятся с вопросами *асимметричной информации* в процессе принятия долгосрочных решений, особенно эффективных асимметричных, с предсказуемостью этих решений для конкурентов и противников. Важнейшие постулаты стратегии связаны с обязательным требованием, предъявляемым к приоритетам, разрабатываемым в процессе стратегирования по их обеспеченности, во-первых, конкурентными преимуществами и, во-вторых, всеми необходимыми финансовыми, материальными, инфраструктурными ресурсами, лимитом времени и человеческим капиталом.

Ниже приводятся модели и некоторые их элементы, которые недостаточны для реального счета, но в этом случае необходим еще один ряд ограничений. Поэтому приведенные модели и их элементы носят концептуальный характер.

Используемые количественные показатели (или характеристики) при выборе стратегического сценария: P_k — множество возможных сценариев региональной технологической политики в регионе k; p_k^j — сценарий j региональной технологической политики в регионе k; Q_k^j — множество стратегий в регионе k в соответствии с региональной технологической политикой по сценарию j; q_{ik}^j — стратегия i в регионе k в соответствии с технологической политикой по сценарию j; Z_{ik}^j — множество тактик согласно стратегии i, политике по сценарию j в регионе k; z_{sik}^j — тактический сценарий s согласно стратегии i, политике по сценарию j в регионе k.

Иерархическая модель выбора возможного стратегического сценария:

$$q_{ik}^j \in Q_k^i \Rightarrow z_{sik}^j \in Z_{ik}^j \Rightarrow p_k^j \in P_k,$$

где k — индекс региона; j — индекс сценария региональной технологической политики P; i — индекс стратегии предварительно выбранного сценария; S — индекс тактики предварительно выбранной стратегии.

Модель выбора оптимальной стратегии:

$$\sum_l [U\left(q\right]_{ik}^j\right) \times \gamma_{ikl}^j \to \max,$$

где $[U\left(q\right]_{ik}^j\right)$ — интегральный социально-экономический эффект интенсивной эксплуатации стратегии i, политики по сценарию j в регионе k; γ_{ikl}^j — идентификатор булевского типа, который равняется единице, если выбрана стратегия i, во всех остальных случаях — нулю.

При этом

$$\sum_l \gamma_{ikl}^j = 1{,}0 \forall i, j, k.$$

Концептуальная модель оптимизации тактики:

$$\sum_s [f^p\left(z\right]_{sik}^j\right) \times \eta_{sik}^j \to \max,$$

где f — функция интегрального социально-экономического эффекта; $[f^p\left(z\right]_{sik}^j\right)$ — интегральный социально-экономический эффект применения тактики s согласно стратегии i, по сценарию j, политики p из множества политики P_k в регионе k. Эффект ориентирован на основные цели региональной технической политики корпорации; η_{sik}^j — булева переменная, значение которой описывает выбор в соответствии с тактикой, стратегией и регионом в j сценарии политики: 1 — если была выбрана тактика s, 0 — во всех остальных случаях.

Условия применения тактического сценария:

$$\sum_s \eta_{sik}^j = 1 \forall i, j, k.$$

Кроме того, могут быть и другие ресурсные лимиты и условия:

$$\sum_s [d_l\left(z\right]_{sik}^j\right) \times \eta_{sik}^j \le R_l^i, \forall l, i, j, k,$$

где $\forall$ — квантор для всех сочетаний ресурсов; $[d_l\left(z\right]_{sik}^j\right)$ — затраты ресурса l при реализации тактики s в регионе k по сценарию j; R_l^k — максимально возможный расход ресурса l в регионе k по стратегии i и ее сценарию j.

Ресурс можно понимать крайне широко: начиная от базовых экономических факторов и заканчивая влиянием природных, экологических, трудовых и даже культурных ограничений.

Модель выбора оптимальной политики в регионе:

$$\sum_j [c\left(p\right]_k^j\right) \times \eta_k^j \to \max,$$

где $[c\left(p\right]_k^j\right)$ — интегральный социально-экономический эффект от реализации сценария j, политики P в регионе k; η_k^j равняется единице, если выбран сценарий j политики P, и нулю во всех остальных случаях.

$$\sum_j \eta_k^j = 1;$$

$$\sum_j [m_l\left(p\right]_k^j\right) \times \eta_k^j \le N_{lk} \forall k,$$

где N_l — общая величина ограниченного l ресурса в k регионе; $[m_l\left(p\right]_k^j\right)$ — количество расходуемого ресурса l по сценарию j, политики p при тактике s.

Конечно, можно после выбора возможного *стратегического сценария* записать концептуальную модель оптимизации тактики. Но тогда возникает ряд проблем многокритериального выбора, пока таких решений нет, а если точнее — их очень много в соответствии с принципом Парето.

Модель выбора оптимальной стратегии также может быть формализована, чтобы отразить реальные,

имеющие место ограничения, но это усложнило бы данную модельную запись.

Поскольку стратегия — новая, молодая наука, то ее модельный аппарат и подходы к ее оптимизации в процессе принятия реальных стратегических решений пока недостаточно проработаны и предполагают исследования специального экономико-математического моделирования. Большинство стратегий вообще не оптимизированы, в них не используются экономико-математические модели. Если во втором десятилетии XXI века модельный аппарат процессов разработки стратегии преимущественно связан с оптимизационным подходом или только с оптимизационными моделями концептуального уровня, то для стадии реализации стратегии, ее мониторинга уже существует несколько экономико-математических инструментов практического использования. Для мониторинга реализации стратегии, особенно региональных стратегий, наиболее эффективными из ныне существующих представляются агент-ориентированные модели.

Г. Кёхлер[1]

ГЕОПОЛИТИКА И ЗАКОН НЕПРЕДНАМЕРЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ. РИСКИ УНИЛАТЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

I

В соответствии с общепринятой точкой зрения в конце XX века миропорядок вошел в фазу глубокой нестабильности из-за *отсутствия противовеса* — державы, которая уравновешивала бы силу самообъявленного победителя холодной войны[2]. Однако нам еще предстоит оценить долгосрочные последствия такого развития событий для основанной на определенных правилах системы международных отношений — той, в защиту которой выступает Организация Объединенных Наций. Ничем не сдерживаемое применение силы глобальным гегемоном вполне может запустить *цепную реакцию* из-за заявлений о суверенитете и национальных интересах со стороны постоянно растущего числа государств, которые не готовы платить за «время однополярности»[3] одной страны. То, что некоторые ожидали как «конец истории»[4], стало фактором системной *волатильности* с риском глобальной анархии вместо вечного мира и процветания, обещанного апологетами «нового мирового порядка»[5].

В этом геополитическом контексте политика силы, основанная на военной мощи, буквально означает всесторонние усилия гегемона для поддержания и сохранения своего доминирования над потенциальными соперниками, а также во всех регионах мира. В период после 11 сентября это было подкреплено доктриной, в соответствии с которой нельзя допустить такого баланса политических сил, при котором другая держава сможет достичь стратегического паритета с доминирующим игроком[6]. В отличие от традиционной *realpolitik* (реальной политики — *нем.*), когда суверенные государства действуют согласованно и сообща[7], стратегия гегемона в сегодняшней *глобальной* среде означает *тотальную мобилизацию* потенциала страны во всех сферах — военной, политической, экономической, дипломатической и культурной[8]. Соответственно, на геополитику нельзя смотреть как на совместные усилия в русле «мирного сосуществования»; в нынешних условиях это *per se* (по сути, само по себе — *лат.*)

---

[1] Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, бывший председатель Института философии, доктор философии. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель правосудия?», «Мировой порядок: видение и реальность» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета. Почетный профессор Университета Памуккале (Турция). Член консультационного совета Академии культурной дипломатии (Берлин, Германия).

[2] См.: *Köchler H.* The State of Peace under the Conditions of a Unipolar World Order // Enlightenment on the Order of Coexistence: Collection of Records of the 9th International Forum on Lifelong Integrated Education / Nomura Center for Lifelong Integrated Education. Tokyo : Ichiyosha Co., 2009. P. 233–242.

[3] Подробнее об этом понятии см. эссе одного из сторонников однополярной миссии США, высказывающегося наиболее смело и открыто: *Krauthammer C.* The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. 2002. 1 December. URL: nationalinterest.org/article/the-unipolar-moment-revisited-391 (дата обращения: 01.03.2019).

[4] *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest. 1989. Summer. P. 3–18 ; *Idem*. The End of History and the Last Man. N. Y. : The Free Press, 1992.

[5] См. ссылки на «новый мировой порядок» в речи президента Джорджа Буша-старшего в начале войны в Персидском заливе 1991 г.: Public Papers of the Presidents of the United States: George Bush 1991, Book I : January 1 to June 30, 1991. Washington : United States Government Printing Office, 1992. P. 42–45.

[6] *Bush G. W.* The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. Washington, D. C. : The White House, 2002.

[7] Так обстояли дела в отношении суверенных национальных государств после Вестфальского мира. Для анализа концепции в контексте дебатов о современном мировом порядке см.: *Kissinger H.* World Order. N. Y. : Penguin Books, 2014. Ch. 1 : The Operation of the Westphalian System.

[8] Понятие «мягкая сила», введенное Джозефом Наем и сложившееся во время однополярности, свидетельствует об этом подходе (см.: Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y. : Public Affairs, 2004).

политика силы без ограничений[1]. Работа Совета Безопасности ООН — органа, который, по идее основателей организации, должен служить гарантом соблюдения законов и обеспечивать их соблюдение государствами, — парализована, и становится очевидно, что *закон силы* не только подорвал, но и в значительной степени заменил *силу закона* во взаимоотношениях между государствами[2].

Теперь, когда прошло более четверти века после перехода от биполярного мира к однополярному, то есть после системного сдвига от равновесия сил к его отсутствию, мы видим нарастающее несоответствие между *односторонним* действием и *многополярным* переформатированным мировым порядком. Это результат позиции, характерной для политики держав-гегемонов на протяжении всей истории: «уход от реальности» во время триумфа. Гегемон основывает свою стратегию на ложной надежде, что после того, как он достигнет доминирующего положения, это будет длиться вечно, если только предпринимать необходимые усилия и пресекать возвышение других держав, как только оно будет замечено[3]. Однако попытки остановить историю всегда были сизифовым трудом в мире, который находится в состоянии постоянного изменения; фактически это невозможно. Гегемон, нацеленный сохранить *статус-кво*, запускает процесс, который ведет к его собственной кончине. Политика тех, кто стремится сделать свою власть вечной, саморазрушительна и обречена на провал, что со всей очевидностью показывают эти стратегические расчеты.

На протяжении всей истории державы-гегемоны не только недооценивали, но и игнорировали «эффект отдачи» при утверждении своего главенства[4] (в большинстве случаев это идеологически подкреплялось претензиями на их незаменимость[5]). В соответствии с принципом *actio-reactio* (действие рождает противодействие — *лат.*), который определяет человеческое поведение — и индивидуума, и любой общности, утверждение гегемонии, то есть упорство определенного государства в сохранении однополярной констелляции, что выгодно только одному этому государству, неизбежно культивирует неприятие и сопротивление тех, от кого ожидают подчинения гегемону. Таким образом, главенствующее положение, которое утверждается агрессивно и напористо через интервенцию, будь то военными или какими-то другими средствами одностороннего принуждения, как, например, санкции[6], может в конце концов запустить развитие в направлении *нового баланса сил*, биполярного или многополярного. Сейчас мы живем в период после окончания холодной войны, и при нынешних обстоятельствах последний вариант представляется более вероятным, хотя и он будет достигнут ценой долгосрочной нестабильности.

II

В начале XXI века *однополярность* мирового расклада сил постепенно трансформируется в *многополярную* констелляцию. Исключительно *односторонняя* стратегия доминирующей державы, отказывающейся интегрироваться в многостороннюю структуру, еще сильнее подорвала устойчивость своего привилегированного положения[7]. И опять же, в наш век империалистическая держава сталкивается с «законом непреднамеренных последствий», который в разные исторические периоды сопровождал описанный выше *уход от реальности* и от которого страдали все великие державы.

Начиная с 1990-х годов, после внезапного конца глобальной биполярности, стратегия США по сохранению статус-кво породила события, которые дестабилизировали геополитически чувствительные регионы и подорвали и так шаткий консенсус, воплощенный в Уставе ООН, на основании которого строилась система коллективной безопасности после окончания Второй мировой войны. Однако *унилатерализм* военных интервенций, часто представляемых (и оправдываемых) как «гуманитарные»[8], агрессивно навязываемых экстерриториальных санкций и крупномасштабных операций, нацеленных на «смену режима», включая методы гибридной войны, в конечном счете привел к драматическим последствиям. Конфликты в таких странах, как Афганистан, Ирак, Ливия или Сирия, создали *вакуум власти* в этих и соседних регионах. Такое развитие событий в конце концов убедило региональных и глобальных акторов в необходимости вступать в новые альянсы, и это был вызов гегемонии, который в противном случае мог быть и не брошен, по крайней мере, ситуация не достигла бы такого накала.

Имперская (или, точнее, империалистическая) стратегия дестабилизации была не только недальновидной,

[1] См.: *Köchler H.* The Politics of Global Powers // The Global Community : Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Vol. I. P. 173–201.

[2] О лежащих в основе противоречиях см.: *Köchler H.* The United Nations and Global Power Politics: The Antagonism between Power and Law and the Future of World Order // Chinese Journal of International Law. 2006. Vol. 5, № 2. P. 323–340.

[3] Речь идет о доктрине безопасности президента Джорджа Буша-младшего (см.: The National Security Strategy of the United States of America. 2002, Sept.). «Мы должны строить нашу оборону так, чтобы нам не могли бросить вызов»; «Наши вооруженные силы должны отбивать охоту военного соперничества в будущем» (гл. IX).

[4] Об изучении этого вопроса относительно США см.: *Johnson C.* The Cost and Consequences of American Empire. N. Y. : Metropolitan Books, 2000.

[5] Во время дебатов о последствиях войны в Персидском заливе 1991 года Государственный секретарь США Мадлен Олбрайт произнесла знаменитую фразу о США, которые «видели свою роль в качестве незаменимой нации» (Secretary of State Madeleine K. Albright, Secretary of Defense William S. Cohen, and National Security Advisor Samuel R. Berger — Remarks at Town Hall Meeting, Ohio State University, Columbus, Ohio, February 18, 1998. As released by the Office of the Spokesman, February 20, 1998. U. S. Department of State).

[6] О масштабах американской политики санкций и ее дестабилизирующем влиянии на мировой порядок см.: *Köchler H.* Sanctions and International Law. Economic Sanctions, Global Governance and the Future of World Order // Int. Organ. Res. Journal. 2019. Special Is. (Forthcoming).

[7] О концептуальном различии между однополярной (в отличие от би- или многополярной) расстановкой политических сил и односторонним (в отличие от дву- или многостороннего) действием (или стратегией) см.: *Köchler H.* Internationale Beziehungen in einer multipolaren Welt // Zeit-Fragen. 26th Year. № 24. Zurich, 2018. 23 Oct. P. 1–2.

[8] Подробнее см.: *Köchler H.* The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics: Is the Revival of the Doctrine of «Just War» Compatible with the International Rule of Law? // Studies in International Relations. Vienna : International Progress Organization, 2001. Vol. XXVI.

но и в конечном счете саморазрушительной. Новый порядок не возник из хаоса: были созданы новые «линии разлома», где разгорелись конфликты, «столкновение цивилизаций» Хантингтона[1] стало самореализующимся пророчеством, а существующие многосторонние механизмы для управления нестабильностью, как, например, ООН, по большей части перестали работать или справляться со своими обязанностями[2]. Односторонняя политика, нацеленная на сохранение однополярности, также поставила под угрозу процесс разоружения и нераспространения оружия массового поражения, в частности выполнение Договора о нераспространении ядерного оружия. Долгосрочная нестабильность и риск серьезной военной конфронтации, будь то непосредственно между крупнейшими державами или как непрямая конфронтация в форме «войн марионеток», являются очевидной ценой, которую приходится платить за гегемонистское господство.

Контраст между предполагаемыми результатами и непредвиденными последствиями односторонней политики вмешательства не мог бы быть бóльшим. Предполагалось усилить превосходство и доминирующее положение, достигнутое после окончания холодной войны, путем дестабилизации порядка в регионах, расположенных в разных частях света. Была надежда, что это приведет к некоему «творческому хаосу», из которого гегемон сможет сформировать порядок на свой вкус, систему «глобального управления», которая в первую очередь будет отражать интересы ее создателя. Однако, как и в истории многих империй прошлого, иррациональное по сути стремление к власти дало противоположный результат. Оно создало новые точки сопротивления в регионах и усилило решимость стран и народов объединить свои силы против совсем не мягкого и не благотворного доминирования, причем не только в своих регионах, но и на глобальном уровне.

Непредвиденным последствием стало стратегическое ослабление приписываемого себе Соединенными Штатами положения мирового лидера вместе с еще более мощным вызовом, брошенным упорным утверждениям об идеологическом превосходстве, включая претензию на определение мировой повестки дня в плане демократии, прав человека и верховенства закона. Збигнев Бжезинский, один из ведущих стратегических умов в нескольких американских администрациях начиная с эпохи Картера, признавал новую реальность и предлагал, чтобы США во имя *realpolitik* рассмотрели некий вариант «глобального переустройства». Он предлагал США объединиться на равноправной основе с другими державами, такими как Китай и Россия, для сохранения глобальной стабильности через новую многополярную архитектуру[3].

Всесторонняя оценка, ставшая основой этого предложения, была дана Стивеном М. Уолтом при анализе американской стратегической политики, в частности в период после окончания холодной войны[4]. Он убедительно ее обосновывает, а также показывает, как провалилась американская имперская стратегия «либеральной гегемонии»[5], признавая, что интервенционистская политика (во имя того, что США определяют как «свобода»)[6] только «умножила количество врагов» и «дестабилизировала ключевые регионы мира»[7]. Автор настоящей работы дал эту оценку ранее[8]. Анализируя структуру «глубинной власти» в США, Майкл Дж. Гленнон объясняет, что такой подход к американской внешней политике устойчиво сохраняется, несмотря на идеологическую ориентацию администрации[9].

По нашей оценке развития событий в период после холодной войны, США нацелились «взять на себя мировое лидерство»[10] и в самом деле начали самонадеянный и идеологически небезупречный[11] проект национального строительства, который в ретроспективе по сути оказался «разрушением нации» с неожиданным последствием — «стратегическим ответным ударом».

Во имя «нового мирового порядка», элементы которого определялись высоким гуманитарным стилем[12], американская внешняя политика нарушила фундаментальные принципы международного права, подорвав сам порядок, на котором основана система норм Организации Объединенных Наций. Противоречивая ин-

[1] *Huntington S.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, № 3 (Summer). P. 22–49. Об общей оценке с точки зрения мирового порядка см.: *Köchler* H. Clash of Civilizations // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory / eds. B. S. Turner, K.-S. Chang, C. F. Epstein, P. Kivisto, Ryan J. M., W. Outhwaite. Chichester, West Sussex (UK) : Wiley-Blackwell, 2017. Vol. I. P. 1–3.

[2] О затруднительном положении Совета Безопасности как защитника мира см.: *Köchler H.* The United Nations Organization and International Legitimacy: Reflections on the Role of the Security Council. I.P.O. Online Papers. Vienna : International Progress Organization, 2011. URL: http://www.i-p-o.org/Koechler-Security_Council-int_legitimacy-IPO-OP-2011.htm.

[3] *Brzezinski Z.* Toward a Global Realignment // The American Interest. 2016. Vol. 11, № 6. July/August. P. 1–3. URL: https://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/. Рассматривая угрозы от оружия массового поражения, находящегося в руках все большего количества стран, он утверждает: «It behooves the United States to fashion a policy in which at least one of the two potentially threatening states [China, Russia. — *H. K.*] becomes a partner in the quest for regional and then wider global stability…»

[4] *Walt S. M.* The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. N. Y. : Farar, Straus and Giroux, 2018.

[5] Ibid. P. xi.

[6] О лежащей в основе доктрине или идеологии «гуманитарной интервенции» см.: *Köchler H.* The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics.

[7] *Walt S. M.* Op. cit. P. 255.

[8] О стратегии на Ближнем Востоке, в частности, см.: *Köchler H.* Introduction // The Iraq Crisis and the United Nations: Power Politics vs. the International Rule of Law. Vienna : International Progress Organization, 2004. P. 7–14.

[9] *Glennon M. J.* National Security and Double Government. Oxford etc. : Oxford Univ. Press, 2015.

[10] *Walt S. M.* Op. cit. P. 137.

[11] Нигде нет точного определения идеологического понятия «либерализм». На фоне излишнего использования военной силы (для обозначения которой используется эвфемизм «жесткая сила», чтобы отделить ее от «мягкой силы») термин «свобода» остается двусмысленным и часто неправильно употребляется в защиту плохо проработанной повестки дня в случае политики силы.

[12] «У нас есть возможность сформировать для себя и для будущих поколений новый мировой порядок — мир, где правовые нормы, а не закон джунглей, управляют поведением стран» (см.: President George H. W. Bush. Address to the Nation Announcing Allied Military Action in the Persian Gulf, January 16, 1991 // Public Papers of the Presidents of the United States: George Bush 1991. P. 44 ; *Köchler H.* Democracy and the New World Order: Studies in International Relations. Vol. XIX. Vienna : International Progress Organization, 1993).

терпретация национальной суверенности, которая идет вразрез с принципом «суверенного равенства» государств, предусмотренным Уставом ООН (ст. 2.1)[1], была неоднократно использована для оправдания военных интервенций и других форм вмешательства во внутренние дела государств — членов ООН. Это фактически сделало бессмысленной концепцию «верховенства международного права».

Стивен Уолт убедительно и подробно описывает провал американских стратегий в период после трагедии 11 сентября. Однако неудачу потерпели не «благие намерения» (как вроде бы можно предположить из названия книги), а тщательно спланированная грандиозная стратегия по дестабилизации и разрушению политического и общественного порядка в важнейших регионах, таких как Ближний Восток[2], что в конце концов привело к непредвиденным для США последствиям — подрыву статуса гегемона. Самопровозглашенный гегемон показал себя неспособным сдерживать последствия этой интервенционистской политики.

В качестве «высшей альтернативы» этой саморазрушительной либеральной политики вмешательства Уолт предлагает то, что другие ранее называли стратегией «офшорного балансирования»[3]. Фактически это современная версия древнего принципа имперской политики *divide et impera* (разделяй и властвуй — *лат.*). Логическое обоснование этой стратегии состоит в том, что США следует, не доводя дело до военной интервенции, то есть без «высадки на берег» войск, использовать все другие доступные инструменты (политические, дипломатические, экономические и т. д.) для того, чтобы не дать другим государствам «разворачивать военное присутствие и демонстрировать силу таким образом, что это может угрожать США»[4]. В отношении политики страны в геополитически чувствительных регионах это означает, что она должна быть нацелена «на поддержание местного равновесия сил таким образом, что сильнейшее государство в этих регионах должно беспокоиться из-за одного или нескольких соседей и не иметь возможности рыскать в западном полушарии или любой другой зоне, которая считается жизненно важной для США»[5].

Эта предполагаемая альтернатива жесткой силе при подходе к «либеральной гегемонии»[6], тем не менее, основывается на интервенционистской идеологии, хотя и без идеологического оправдания (заявления о мнимом обязательстве или ответственности за защиту прав человека или продвижение демократии). В структурном плане эта стратегия хотя и является более реалистичной с точки зрения осторожности в отношении использования вооруженных сил, по-прежнему выражает неограниченное утверждение суверенности и претензии на доминирующее положение надо всем остальным миром. Логическое обоснование доминирования остается прежним. Меняется не стратегия, а только тактика. По сути, логика «офшорного балансирования» не сильно отличается от подхода Джорджа Буша-младшего к «Стратегии национальной безопасности» 2002 года[7]. «Превентивный» подход, нацеленный на исключение (с помощью тактики «разделяй и властвуй» или других методов) любой возможности приспособления к мировой расстановке политических сил, является по своей сути интервенционистским.

III

Несмотря на упорство державы-гегемона в попытке сохранения статус-кво, количество тех, кто бросает вызов однополярному порядку, постоянно растет. В соответствии с динамикой взаимоотношений держав, реакцией на то, что на более широком историческом фоне может показаться арьергардными боями империи, проявляются все более сложные рамки многостороннего сотрудничества. Это глобальное сотрудничество стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), Новый банк развития, учрежденный этими странами, ориентированная на свой регион Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)[8], а также Евразийский союз. Эти недавно учрежденные многосторонние программы служат доказательством постепенно формирующегося многополярного равновесия сил.

С точки зрения *realpolitik* очевидной стратегией доминирующего мирового игрока является нейтрализация результата развития, указывающего в направлении многополярной системы, которая будет значительно сложнее, чем расстановка политических сил в предыдущие эпохи. Несмотря на торжественные заявления нынешней администрации США о приоритете национальных интересов над соображениями международной политики (под лозунгом «Америка прежде всего!»)[9], гегемон тем не менее, как кажется, готов присоединиться к новым, конкурентным формам многостороннего сотрудничества, когда это отвечает его интересам. Такая идеологическая гибкость очевидна в том, что можно рассматривать как еще одну версию *divide et impera*, а именно формат сотрудничества,

[1] О проблеме противоречий с базовыми нормами Устава ООН см.: *Köchler H.* Normative Inconsistencies in the State System with Special Emphasis on International Law // The Global Community : Yearbook of International Law and Jurisprudence, 2016 / ed. G. Ziccardi Capaldo. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. P. 175–190.

[2] См., в частности, критический анализ: *Kuehner T. J.* A New Middle East? : a Report of FPRI's History Institute for Teachers // The Newsletter of FPRI's Marvin Wachman Fund for International Education. 2005. Vol. 10, № 1 (Jan.). USA : Foreign Policy Research Institute. URL: www.fpri.org/footnotes/101.200501.kuehner.newmiddleeast.html.

[3] *Layne C.* From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy // International Security. 1997. Vol. 22, № 1 (Summer). P. 86–124.

[4] *Walt S. M.* Op. cit. P. 261.

[5] Ibid. P. 262.

[6] См. также: *Mearsheimer J. J., Walt S. M.* The Case for Offshore Balancing: A Superior U.S. Grand Strategy // Foreign Affairs. 2016. July/Aug. P. 70–83.

[7] *Bush G. W.* The National Security Strategy of the United States of America.

[8] Подробнее см., в частности: The Shanghai Cooperation Organization and BRICS: The Roles of China, Russia (and India) / E. P. da Seixas [et al.] // BCP Monitor, Policy Brief. 2014. Vol. 4, № 11 (Oct.). ; *Carvalho E. M. de.* SCO and BRICS: Bridges to a Shared Future // Beijing Review. 2019. Mar. 2.

[9] Для объяснения лозунга на основе взаимности см. первую речь президента Дональда Трампа на сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «As President of the United States, I will always put America first, just like you, as the leaders of your countries will always, and should always, put your countries first» (Remarks by President Trump to the 72nd Session of the United Nations General Assembly, September 19, 2017. The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly).

описанный как «четырехсторонний альянс» (также именуемый акронимом «Quad») между США, Индией, Японией и Австралией[1]. Очевидно, что главной целью этого «переустройства» является сдерживание Китая[2]. Похоже, что принцип, лежащий в основе этой стратегии сдерживания: «враг моего врага — мой друг», — и это общепринятая точка зрения не только политики с позиции силы, но и всей борьбы за социальные преобразования в истории. Комментируя это третье мнение о *realpolitik* (между «либеральной» интервенционистской политикой и изоляционизмом), Роберт Каган предложил называть США «разбойничьей сверхдержавой» под руководством президента, который «готов отказаться от нравственных, идеологических и стратегических ограничений» ради продвижения национальных интересов[3].

Кроме арьергардных боев империи, которая обрекает себя на квазимногостороннее участие[4], когда это служит все перевешивающей стратегической цели поддержания превосходства[5], страны на региональных уровнях постоянно формируют альянсы *ad hoc* (по ситуации, на данный случай — *лат.*). Их целью всегда является сохранение или обретение влияния путем сдерживания силы других государств. Этот сложный «параллелограмм» сил — взаимозависимость регионального и глобального развития — еще больше усиливает нестабильность и непредсказуемость мирового порядка.

Заключение

Напряженность и конфликты, которые являются результатом использования по сути односторонней стратегии при все более многополярной расстановке политических сил, будут определять судьбу мирового порядка в XXI веке, а если говорить о ближайшем времени, то перспективы Организации Объединенных Наций. Мобилизация всех ресурсов «жесткой» и «мягкой» силы, чтобы не позволить потенциальным соперникам сомневаться в существующем порядке (который выгоден только им), всегда была приоритетом крупнейших игроков как на региональных, так и на глобальном уровнях[6]. Это природа *власти* как выражения и организации *коллективной воли*, когда суверенные национальные государства действуют согласованно и сообща. Однако, пытаясь остановить историю, гегемон настоящего времени рискует свести на нет и лишить смысла заявленную цель, а также разрушить фундамент, на котором он и все другие члены международного сообщества могут вести переговоры о своих интересах в духе взаимности и равноправия[7]. Это опасная ситуация, с которой мир сталкивается сегодня, в период перехода от биполярного к многополярному порядку через промежуточный однополярный период, который может оказаться короче, чем могли представить те, кто предсказывал «конец истории»[8].

[1] *Berkofsky A., Miracola S. (eds.)* Geopolitics by Other Means: The Indo-Pacific Reality. ISPI. Milan : Ledizioni LediPublishing, 2019. Надо еще посмотреть, повлияет ли как-то заявление президента США о том, чтобы, в частности, положить конец льготным тарифам для Индии (Trump targets India and Turkey in trade crackdown // BBC Business. 2019. Mar. 5. URL: https://www.bbc.com/news/business-47450224), на это стратегическое сотрудничество.

[2] См. анализ Паоло Магри: «How will China respond at both the geo-economic and strategic levels to what it perceives to be a US-driven policy of encirclement and/or containment?»

[3] *Kagan R.* Trump's America does not care // The Washington Post. 2018. June 14.

[4] На уровне международных отношений «многосторонний», строго говоря, при противопоставлении «одностороннему» относится к совместному действию всех членов международного сообщества. Это также основа «коллективной безопасности» в рамках Организации Объединенных Наций. В контексте ООН любое действие одного государства или группы (альянса) государств является «односторонним».

[5] В анализе Кристофера Лайна превосходство являлось основной стратегией США на протяжении всего периода после окончания Второй мировой войны. (См.: *Layne C.* Op. cit. P. 86.)

[6] См.: *Köchler H.* The Politics of Global Powers.

[7] Именно эта идея лежит в основе системы коллективной безопасности ООН (см., в частности: *Wilson G.* The United Nations and Collective Security. Abingdon, Oxon : Routledge, 2014).

[8] *Fukuyama F.* Op. cit.

Г. Б. Клейнер[1]

ПРОГНОЗИРУЕМОСТЬ, ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ, УПРАВЛЯЕМОСТЬ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В ЦИФРОВОМ ВЕКЕ

В. С. Черномырдину приписывается высказывание: «Прогнозирование — вещь сложная, особенно когда речь идет о будущем»[2]. Обычно к этому высказыванию относятся с иронией, между тем оно имеет конкретный смысл. Дело в том, что прогнозирование может охватывать как область *будущего* (продвижения во времени), так и область *дальнейшего* (перемещения в пространстве). Область будущего — это сфера, к которой можно приблизиться, двигаясь по оси времени. Однако не меньший интерес представляет и описание результатов движения по какому-либо азимуту в пространстве, например при переходе от одного региона к другому или от одной страны к другой. Здесь можно выделить варианты неожиданной и ожидаемой информации, условно говоря, появление «черного» или «белого лебедя».

Для описания эффекта движения в пространстве целесообразно использовать термин «предсказуемость». В. В. Ивантер четко различает прогнозирование как результат анализа сценариев будущего развития, которые проводятся на основе моделей, алгоритмов и тому подобного, и предсказание как непосредственно высказывание относительно той или иной ситуации в будущем[3]. В целом прогнозирование можно охарактеризовать как путь из прошлого через настоящее в будущее, осуществляемый на основе определенного алгоритма (модели, сценария, расчета и др.), предсказание — как путь из будущего в настоящее, прокладываемый через интуицию, ощущения, озарение и т. п. Таким образом, прогнозирование следует рассматривать как процесс последовательного движения по этапам, в то время как предсказание — как результат краткосрочного ментального «броска». При этом прогнозируемость означает эффективность определенной процедуры (алгоритма) прогнозирования, предсказуемость — адекватность ощущения определенного результата будущего развития. Прогнозируемость связана с влиянием социально-экономических факторов, а предсказуемость — с воздействием ментальных и психологических факторов[4]. В итоге собственно прогноз может быть результатом как прогнозирования, так и предсказания, а также их совместного осуществления. Соответственно появление непрогнозируемых событий является свидетельством неоднородности времени, а появление непредсказанных эффектов — главным образом неоднородности пространства.

В целом овладение информацией о структуре экономического пространства-времени опирается на процесс как прогнозирования (в разрезе времени), так и предсказания (в разрезе пространства).

Отметим, что в рамках стратегического планирования объект такого планирования представляется в виде целостной системы в пространственно-временном континууме и, следовательно, может служить предметом прогнозирования и предсказания одновременно. Таким образом, стратегический подход к анализу экономических процессов и явлений предполагает интеграцию объективных закономерностей развития, отражающихся в процессе прогнозирования, и субъективных особенностей восприятия действительности, отражающихся в актах предсказания. В целом связь предсказания и прогнозирования имеет сложный характер: прогнозирование как инструментальный аналитический процесс оказывает влияние на предсказание как субъективный синтетический процесс, в результате чего появляются самоадаптирующиеся прогнозы и самосбывающиеся предсказания.

Для стратегического подхода характерна также интеграция таких фундаментальных гносеологических и онтологических категорий, как пространство и время. Этот параллелизм находит выражение в особенностях психологии человека, связанных с восприятием времени как изменений в собственном состоянии и восприятии пространства как изменений в состоянии других субъектов[5].

В существующем экономическом дискурсе термин «прогнозирование» чаще всего употребляется, когда речь идет об анализе будущего на относительно длительном временно́м промежутке. В краткосрочной пер-

---

[1] Заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 750 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы» (в соавт.), «Системный анализ инвестиционной деятельности» (в соавт.), «Системная сбалансированность экономики» (в соавт.), «Коллективные формы хозяйствования в современной экономике» (в соавт.), «Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды», «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний» (в соавт.), «Эволюция институциональных систем», «Эконометрические зависимости: принципы и методы построений» (в соавт.); статей: «Согласие несогласных: роль культуры в обеспечении устойчивости геополитической системы», «Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы», «Гуманистический менеджмент, социальный менеджмент, системный менеджмент — путь к менеджменту XXI века», «Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции)», «Психологические факторы экономического поведения: системный взгляд» (в соавт.), «От „экономики физических лиц“ к системной экономике», «Системная экономика как платформа развития современной экономической теории» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России». Председатель Научного совета Отделения общественных наук РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий». Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, золотой медалью Н. Д. Кондратьева «За вклад в развитие общественных наук». Лауреат премии им. В. С. Немчинова.

[2] Виктор Черномырдин: цитаты. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1020265/Chernomyrdin_-_Viktor_Chernomyrdin_citaty.html (дата обращения: 11.03.2019).

[3] *Ивантер В. В.* Прогноз как предсказание // Российская газета. 2016. № 258 (7126). URL: https://rg.ru/2016/11/14/viktor-ivanter-potencial-rosta-ekonomiki-rossii-eto-6-8-procentov.html (дата обращения: 16.03.2019).

[4] *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование: логико-психологический анализ. М. : Мысль, 1979.

[5] См.: *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Эксмо-Пресс, 2015.

спективе говорить о прогнозировании в полном смысле этого слова, по-видимому, не совсем уместно. Для краткосрочного «броска» более целесообразно применять термин «предсказание». В частности, если речь идет о реакции ближайшего окружения некоторой системы на те или иные ее действия, например увеличение или уменьшение объемов производства, изменение цен, то здесь следует говорить скорее о предсказании реакции окружения.

Наиболее естественной предметной сферой прогнозирования являются «медленные» социально-экономические процессы, где на длительном промежутке времени прогнозируемые характеристики процессов меняются незначительно и изменения носят плавный характер. Так, теория формаций К. Маркса описывает глобальное социально-экономическое развитие как смену формаций, каждая из которых продолжается длительное время и сохраняет тип взаимосвязей между производственными отношениями и производительными силами неизменным. Для прогнозирования локальных (страновых) социально-экономических процессов аналогом формационного подхода может служить концепция типа данной страны как социально-экономической системы. Речь идет о четырех типах систем: объектных, средовых, процессных и проектных, характеризующихся степенью влияния пространственных и/или временны́х ограничений на функционирование данной системы[1]. Среди стран выделяются соответственно четыре типа, различающиеся устойчивым восприятием (ви́дением) перспектив развития страны в рамках существующих границ в геополитическом пространстве. Страна, видящая перспективы развития в интенсификации использования собственной территории, относится к объектному типу (пример — Евросоюз); страна, видящая свою задачу в краткосрочном периоде в расширении своей территории и влияния, относится к процессному типу (пример — Китай); страна, реализующая свою миссию в развитии инновационных процессов и проектов в рамках существующей территории, относится к проектному типу (пример — Северная Америка); наконец, страна, развитие которой носит преимущественно экстенсивный и технологически консервативный характер, относится к числу средовых стран (пример — Россия). Принадлежность страны к данному типу носит стабильный характер и не меняется на протяжении десятков или даже сотен лет. Трансформация как смена типа возможна, но она чаще всего является результатом геополитических потрясений (войн, революций, природных катаклизмов и т. д.). Таким образом, в основе прогнозирования развития такого рода стран на длительных промежутках времени лежат идентификация их типов как социально-экономических систем и предсказание возможных социально-экономических или геополитических мутаций.

В масштабах истории и развития человечества в целом прогнозирование также основывается на «кусочно-линейном» подходе, связанном с выделением фаз развития человека. Обычно выделяются Homo habilis (человек умелый), Homo erectus (человек прямоходящий), Homo sapiens (человек разумный). Ю. Харари характеризует следующую фазу исторического движения как появление Homo deus — человека-демиурга, обладающего неограниченной властью над естественной и искусственной природой. Соответственно, прогнозирование здесь так же, как и в формационном подходе, опирается на определение точек трансформации одного типа человека в другого. Иными словами, здесь прогнозирование по существу тоже смыкается с идентификацией.

В задачах управления развитием стран и мирового сообщества в целом на значимом временно́м промежутке «чистое» прогнозирование частично уступает главенствующее место «чистому» предсказанию. В этих условиях особую значимость приобретает точное разграничение терминов «прогнозирование» и «предсказание» для исследования процессов управления и определения управляемости.

Под управлением понимается деятельность, осуществляемая субъектом управления и направленная на достижение определенных (целевых) характеристик состояния или функционирования управляемого объекта. Конкретным выражением такой деятельности являются воздействия на объект управления со стороны субъекта управления. Определение предполагаемого результата такого воздействия опирается на понятие предсказания. По сути, здесь имеется в виду пространственный скачок от системы, представляющей субъект управления, к системе, представляющей объект управления. Таким образом, управление предполагает естественную реакцию на управленческие действия, формулируемую в предположении о прогнозируемости окружения объекта управления.

В зависимости от степени и направленности реагирования объекта управления на управляющее воздействие мы говорим о большей или меньшей управляемости этого объекта. В контексте мирового развития спектр возможных мер воздействия одной страны как субъекта управления на другую как объект управления в последнее время существенно расширился. В отношениях между странами стали возможны кроме традиционных дипломатических воздействий и военных интервенций такие варианты воздействия, как целенаправленные санкции, электронные атаки и социально-сетевые действия. Каждый вид такого воздействия вызывает изменения текущего состояния оперативных задач и перспективных планов объекта воздействия. Очевидно, степень и характер реагирования могут рассматриваться как показатели внешней управляемости данной страны.

Предсказуемость и управляемость в ряде ситуаций противоречат друг другу. Предсказуемость означает возможность объективно предсказать результаты развития. Управляемость означает возможность изменять движение управляемой системы с помощью субъективно назначаемых целей. При этом предсказуемость и управляемость представляют собой две стороны одной медали. С точки зрения системного подхода управление — это взаимодействие двух систем:

[1] *Клейнер Г. Б.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.

субъекта управления и объекта управления, при этом объект управления пересекается с окружением субъекта, а субъект входит в окружение объекта. В итоге процесс управления в некотором смысле носит симметричный характер, с необходимостью включая прямые и обратные связи. В этом контексте управляемость объекта управления опирается на предсказуемость его реакции, а предсказуемость действий субъекта — на рефлексию субъекта как оценку связи между управлением и его результатами. В процесс управления вовлекаются как прогнозирование, так и предсказание. Прогнозирование относится к медленным и отдаленным во времени и пространстве процессам, а предсказание — к быстро меняющимся и близко расположенным к субъекту и объекту управления процессам. Управление так же, как и прогнозирование, имеет дело с набором уже существующих явлений или процессов, в то время как возникновение новых сущностей является прерогативой предсказания. Не случайно большинство традиционных методов прогнозирования опирается на темпоральную экстраполяцию, а предсказание — на пространственную аналогию (гомоморфизм).

В современном мире попытки внешнего воздействия на страновое поведение приобрели необычайно широкий характер. Этому способствовали и процесс глобализации, и повышение проницаемости границ между государствами, и формирование сетевых коммуникаций, и развитие систем искусственного интеллекта. Распространение Интернета привело к появлению множества неформальных, а порой и ненаблюдаемых групп с более или менее ярко выраженными целями и интересами. В свою очередь, генерация таких групп в ряде случаев способствовала расширению терроризма в рамках геополитического пространственно-временнóго континуума. Регулирование негативного проявления этих процессов существенно отстает как по оперативности, так и по эффективности от темпов появления, миграции и реконфигурации террористических групп. Будет ли это противоречие обостряться в период дальнейшей цифровизации социально-экономического пространства? Прежде чем ответить на этот вопрос, сформулируем концепцию цифровизации в пределах обозримого будущего, иными словами, в пределах «цифрового века». Будем исходить из предположения, что веком здесь, как и в других случаях, будет считаться последовательность десятилетий, более или менее соответствующая периодам появления новых элементов в сфере цифровой трансформации социально-экономического пространства. Отсчет значимого влияния цифровизации, понимаемой как процесс органического включения компьютеров и информационно-коммуникационных технологий в социально-экономические отношения, целесообразно начать с 1950-х годов — времени появления электронно-вычислительных машин. В понятии «цифровой век» заключен важный символический смысл, если нумеровать его десятилетия цифрами от 0 до 9. Согласно Б. Верберу, последовательность цифр от 0 до 9 символизирует универсальный цикл эволюции развития от простого к сложному[1]. В приложении к развитию компьютерных систем, основанных на цифровизации, этот цикл выглядит следующим образом:

0 — предчувствия, футурологические представления;

1 — механические счетные машины;

2 — стационарные компьютеры, mainframe;

3 — смартфоны;

4 — симбиоз человека и компьютера (чипирование);

5 — гибридный человек-компьютер;

6 — саморождение компьютеров;

7 — доминирование роботов, угроза победы компьютеров;

8 — предпосылки разрыва человека и компьютера;

9 — растворение человека в среде роботов («хищные вещи века»);

0 — новый цикл цифровой цивилизации.

В настоящее время стрелка условного «цифрового циферблата» находится между цифрами 3 и 4. Чипизация человеческих особей только начинает набирать силу. В дальнейшем человекомашинные системы, основанные на сплетении биологических существ, социальных образований и электронных конструкций, позволят извлекать, накапливать и перерабатывать массивы данных, информации, знаний и моделей, детально отражающих состояние и перспективы живой, неживой, социальной и духовной материи. Это создает предпосылки для искомого синтеза прогнозирования и предсказания, что, в свою очередь, может изменить основы взаимоотношений между членами геополитического мирового сообщества. Уже сейчас можно заметить активное формирование нового слоя в международных отношениях, основанного на индивидуальном информационном взаимодействии людей, проживающих в разных странах, посредством социальных сетей. Существующие языковые барьеры, надо полагать, в скором времени будут преодолены путем развития интеллектуальных средств автоматического перевода. Возникнет сфера «народной дипломатии», дополняющая сферу межгосударственной дипломатии и позволяющая в том числе расширить возможности воздействия одной страны на другую. Формирование на этом поле «дополненной реальности», в том числе искусственных интеллектуально-эмоциональных собеседников или даже друзей, создает возможности манипулирования общественным сознанием населения разных стран. Сбор, анализ и обобщение эмпирических данных в поведении отдельных индивидуумов в сочетании с методами искусственного интеллекта сделают информационно прозрачными не только межгосударственные границы, но и стены офисов и квартир. Можно заметить, что количество собираемых данных растет в геометрической прогрессии, в то время как средства шифрования и ограничения доступа к индивидуальным данным — только в арифметической. В практике взаимоотношений между странами попытки несанкционированного информационного проникновения в каналы связи между населением и административными органами порой получают асимметричные ответы в виде

[1] *Вербер Б.* Энциклопедия относительного и абсолютного знания. М. : Гелеос : Рипол классик, 2007. С. 180.

санкций и иных «грубых» мер государственного воздействия.

Следует ожидать появления гибридных систем прогнозирования/предсказания мирового развития, в которых будут интегрированы данные эмпирических наблюдений поведения, психологические особенности восприятия и эмоциональные особенности реагирования отдельных индивидов и социальных групп. Такие гибридные системы прогнозирования/предсказания позволят более точно определять цели и средства управляющих воздействий одних стран на другие. В таких системах будут синтезированы средства агентно-, системно- и интеллект-ориентированного моделирования, комбинирующего методы компьютерного, математического и психологического отражения реальных процессов и явлений. Иными словами, здесь будет задействован естественный интеллект индивидов, социальный интеллект групп населения и искусственный интеллект компьютерных систем в виде логико-вычислительных программных конструкций и аппроксимационных возможностей нейронных сетей.

На этом пути будет решена проблема моделирования процесса появления новых сущностей как результата синхронизированной эволюции живой, неживой, социальной и духовной материи, в том числе, возможно, раскрыта тайна появления живой материи из неорганических соединений[1]. На этой базе могут быть построены интегральные модели функционирования стран — участниц мирового сообщества, соединяющие на макро-, мезо-, микро- и наноуровнях динамические модели взаимодействия и эволюции объектных, проектных, процессных и средовых систем.

Не следует думать, что все многообразие вышеописанных средств и инструментов прогнозирования, предсказания и управления будет ориентировано на конфронтацию и навязывание интересов одних стран другим. Среди возможных путей развития есть широкая полоса для сближения и интеграции интересов стран при сохранении, а возможно, даже увеличении разнообразия мирового социально-политического ландшафта.

Г. В. Колодко[2]

ЭКОНОМИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ, ИЛИ ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Времена сейчас мирные, но войны тем не менее идут. Происходят как региональные конфликты, так и локальные столкновения, но это все же меньшее зло, чем большой глобальный взрыв. Здесь нет святых, когда мы говорим о намерениях и действиях, так как никто из троих наиболее влиятельных на данный момент акторов на политической и военной сцене — США, Китай и Россия — не без греха. Все они играют мускулами, что разрушает международные отношения и свидетельствует о новой холодной войне, причиняя ущерб экономическому сотрудничеству и попыткам создать более масштабную версию глобализации.

К сожалению, мы уже можем говорить о второй холодной войне. После второй войны, разразившейся 25 лет спустя, предыдущую, 1914–1918 годов, назвали Первой мировой. Вскоре после того, как закончилась Вторая мировая (1939–1945), началась холодная война. Ее развязал Запад в противовес Востоку, который был побежден несколько десятилетий спустя. После 1989 года даже был провозглашен «конец истории». Как недальновидно…

Через всего лишь одно поколение, заставшее более или менее мирное время, началась вторая холодная война. В связи с этим войну 1946–1989 годов историки станут называть первой холодной войной. Ее выиграли те, кто начал, — Запад. Сейчас Запад снова начинает холодную войну — вторую. Но теперь он не победит, как не победит и Восток. В этой войне выиграет Китай, который преследует собственные интересы, прилагая основные усилия к развитию экономики и год от года укрепляя свои международные позиции. Через несколько лет, возможно, через десятилетие, когда американские и российские ястребы со своими сторонниками устанут от неблагоразумной холодной войны, обнаружится, что Китай нарастил огромную силу и стал мощной сверхдержавой, по абсолютным и относительным критериям сравнимой с США, Евросоюзом и Россией. Позиции других стран, отказывающихся погружаться в хаос еще одной холодной войны, в том числе тех, где экономика становится все свободнее, тоже улучшатся [8]. На самом деле это и есть цель — не быть втянутыми в новую холодную войну.

Самая богатая страна мира, Соединенные Штаты Америки, вместо того чтобы повысить расходы на социальные пособия, создать экономические основы для мирного развития, урезает их, чтобы иметь больше средств на вооружение. Более того, Сенат США обсуждает их увеличение до 80 млрд долларов в 2019 году и 85 млрд в 2020-м [1]. По состоянию на 2018 год установлены расходы в 692,1 млрд долларов, что демонстрирует экспоненциальный рост на 18,7 % по сравнению с предыдущим годом. В то же время Россия снижает военные расходы на 9,2 % — до 2,77 трлн рублей,

[1] См.: *Браун Д.* Происхождение. М. : АСТ. Neoclassic, 2018.

[2] Вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор 50 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т. ч.: «25 лет трансформации: от неолиберальных провалов к прагматичному росту» (в соавт.), «Мир в движении: экономический бестселлер», «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

или 42,3 млрд долларов [2]. Это на удивление мало по сравнению с США, но относительно гораздо больше, потому что в то время как США выделяют «всего лишь» 3,3 % своего бюджета на военные расходы, в России эта статья достигает примерно 5 %. Президент России Владимир Путин подтверждает сокращение военных расходов в связи с необходимостью повысить расходы на здравоохранение, образование, науку и культуру, однако его критики возражают, что это всего лишь тактическая политическая уловка.

В Китае отношение военных расходов к бюджету почти вдвое меньше, чем в США, и составляет 1,9 % ВВП, но их доля быстро растет. В абсолютном значении военные расходы Китая составляют почти треть от американских — около 230 млрд долларов в год, но не будем забывать, что существуют также расходы, которые по факту являются военными, но заявляются как другие статьи. Например, ассигнования на исследования и развитие, которые очевидно обслуживают армию, проходят по статье «наука». Следует признать, что это касается не только Китая; остальные делают так же.

Таким образом, военные расходы Китая все еще гораздо меньше американских, но необходимо подчеркнуть: США, несмотря на возрастающие в последнее время издержки, тратят меньше, чем десять лет назад, а Китай — почти на 120 % больше. Небольшим утешением служит то, что другие страны с самым большим в мире военным бюджетом повысили свои расходы намного меньше.

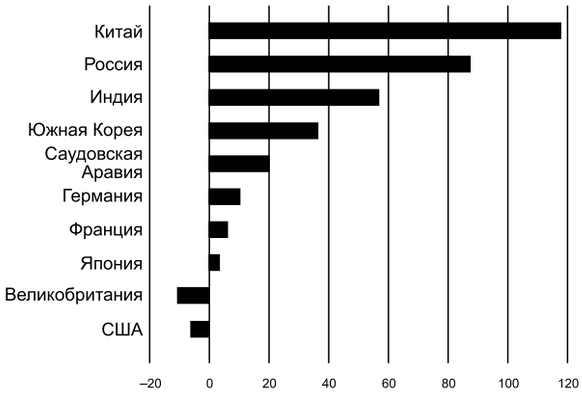

Рис. 1. Динамика оборонных расходов основных военных держав (2007–2016), %.
По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира

Аналитики подчеркивают преобладание расходов на оборонительное вооружение во всех военных расходах Китая. Одна из важнейших задач в данной области — развитие производства вооружения, чтобы в случае конфликта можно было дать отпор американским военным силам. Смысл в том, чтобы отбросить неприятельскую армию как можно дальше от своих границ, предпочтительно в самые отдаленные тихоокеанские регионы, а не приблизить свою к чьим-либо границам. Эта стратегия известна в военных кругах как A2AD. Это никоим образом не препятствует разработке различных типов наступательного вооружения, включая беспилотники, которые Китай уже экспортирует в растущих масштабах. Он пока сильно отстает в этом отношении от США и России, от Великобритании и Франции, но известно, что при 75 % возможностей по сравнению с западными Китай продает их на 50 % дешевле [10]. Для многих покупателей это выгодная сделка, так что, к сожалению, гонка вооружений обретает новый импульс.

Еще большее беспокойство вызывает то, что президент Дональд Трамп вместо того, чтобы искать примирения и создавать новые каналы для международного сотрудничества, через год после занятия все еще самого важного в мире кабинета объявляет Китай и Россию не партнерами, а противниками США. Поэтому неудивительно, что даже такой влиятельный еженедельник, как англо-американский The Economist, предостерегает против растущей угрозы конфликта между сверхдержавами [12].

Во многих частях света особенно паникуют по поводу Китая, чья растущая мощь представляется угрозой мирной жизни для остальных. Эту страну боятся не только государства, расположенные в том же регионе, не только ближайшие соседи, такие как Япония, Южная Корея, Индия и Пакистан, но и страны в более отдаленных частях мира, включая Запад, особенно США и некоторые европейские страны, подверженные синофобии. Другим государствам, наоборот, китайская экспансия дает надежду на более сбалансированный мир, на новый мировой порядок, где будет сильный противовес Западу, сосредоточенному исключительно на собственных интересах.

Антикитайская риторика особенно нарастает в среде американского истеблишмента, в некоторых консервативных средствах массовой информации и в части научного сообщества.

Что поражает меня как нечто давно не слыханное, возможно, со времен прошлой холодной войны, так это агрессивное, скорее эмоциональное, чем рациональное публичное нападение (вместо беспристрастной, разумной критики) еженедельника The Economist, который озаглавил тему номера «Как Запад ошибся в Китае». Утверждается, что Запад «поставил на то, что Китай будет двигаться в сторону демократии и рыночной экономики. Но они проиграли ставку. <…> Китай не является рыночной экономикой и, идя нынешним курсом, никогда ею не станет. Вместо этого он усиливает контроль за бизнесом как рычаг государственной мощи. Он рассматривает большой спектр производства как стратегический. Его план „Made in China 2025“, например, предполагает субсидии для десяти сфер производства, чтобы вывести их в мировые лидеры. В этот список входит авиастроение, технологии и энергетика, которые в сумме составляют 40 % всего производства» [3]. Китай вместо того, чтобы перенять западную, не регулируемую государством рыночную экономику, идет своим путем активного экономического вмешательства, проводя хорошо продуманную индустриальную политику, которую, кстати, когда-то проводили многие развитые страны, а некоторые из них, например Южная Корея, до сих пор не отказались от нее.

Конечно, критика Китая небеспочвенна, ведь экономическая политика и системные решения там направлены на решение внутренних задач, что может дорого обойтись тем, кто в сложившихся обстоятельствах не способен угнаться за конкуренцией. Независимо от структурной неспособности США уравновесить свой торговый баланс, что уже некоторое время является главной причиной антикитайских настроений, имеют место как случаи шпионской деятельности Китая в США и других западных странах, так и разнообразные попытки использовать меры организационно-информационного характера, чтобы повлиять на происходящее. И все же так китайцы лучше узнают американцев, нежели наоборот.

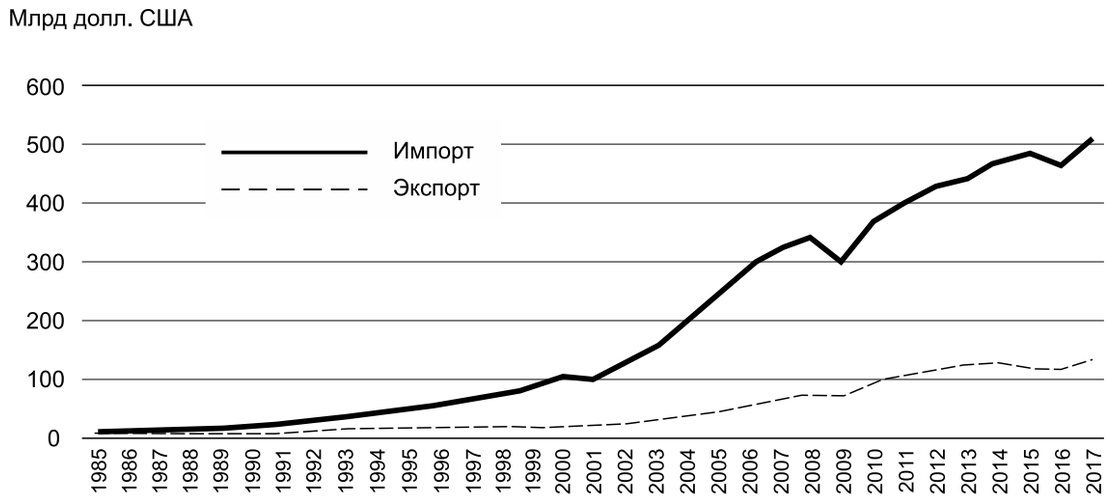

Рис. 2. Объемы торговли США с Китаем в 1985–2017 годах (млрд долл. США).
По данным Международного валютного фонда

Торговый дефицит США является, в первую очередь, следствием слабого и недостаточно конкурентоспособного экспортного предложения страны, а не несправедливой китайской конкуренцией, как утверждает Дональд Трамп и другие синофобы. Пришло время понять, что фундаментальная причина конкурентной несостоятельности некоторых секторов США заключается в том, что они живут не по средствам, что проявляется, в частности, в высокой заработной плате работников, вознаграждении для менеджеров и прибыли для владельцев. Однако протекционистские практики не дадут пользы в долгосрочной перспективе, а словесные атаки на Китай и вовсе бесполезны. Единственным итогом такой политики станет разрушение отношений, которые и сегодня далеки от идеальных.

Недовольство действительно огромным преобладанием экспорта китайских товаров в США над американским в Китай не позволяет дать всестороннюю оценку отношениям двух стран. Польша, например, имеет относительно более высокий по сравнению со своим национальным доходом дефицит в торговле с Китаем, но ей удается балансировать его в общем объеме внешней торговли, фиксируя положительное сальдо в других отношениях. В двусторонних торговых отношениях Китай платит Польше в 12 раз меньше за прямой экспорт, чем за импорт из Китая. В то же время автомобили, компоненты которых производятся в Польше, составляют значительную часть немецкого экспорта в Китай. Если предположить, что немецкий автомобильный экспорт в стоимостном выражении составляет 10 % продукции польской автомобильной промышленности, то общая сумма достигнет 30–35 млрд злотых (около 1,5 % ВВП страны). Следовательно, если провести всесторонний анализ, то окажется, что торговый обмен с Китаем создает гораздо больше рабочих мест и обеспечивает бóльшую прибыль, чем кажется на первый взгляд.

США на это не способны, из-за чего их торговый дефицит стал постоянным явлением. В 2017 году он составлял 375 млрд долларов в торговле с Китаем, а общий разрыв достиг 566 млрд долларов. Это раздувает пламя риторики, направленной против Китая и некоторых других стран, особенно соседней Мексики, но все еще далеко от антисоветского психоза времен Маккарти в 1950-х годах. И все же панические антикитайские настроения в Вашингтоне только крепнут. «Усилия Китая по оказанию скрытого влияния на Запад так же тревожат, как и российская подрывная деятельность», — заявляет Майк Помпео. «Подумайте о масштабе двух экономик… У китайцев гораздо больше возможностей выполнить эту миссию, чем у русских» [4].

Довольно противоречивыми представляются картины исторической перспективы. С одной стороны, империализм западного образца должен смениться восточным коммунистическим. Реальная ли это перспектива или сущий иррационализм, потому что в Китае

нет коммунизма, а сама страна не стремится к мировому господству? С другой стороны, Китай может спасти мир от грозящей экономической и экологической угрозы, поскольку обладает исключительной способностью к долгосрочному и комплексному подходу к решению проблем, а не ориентируется эгоистично только на свои интересы.

Противоположные ценности, конфликты интересов, неоднозначные ситуации, неясные намерения приводят к тому, что одни и те же факты интерпретируются совершенно по-разному. В то время как ни слова критики не прозвучало в связи с назначением Ангелы Меркель канцлером Германии на четвертый срок полномочий, отмена положения китайской Конституции, ограничивающего президентство двумя сроками, повлекла за собой настоящий скандал. Игнорируя тот факт, что ключевой фигурой в политической иерархии Китая является председатель единственной правящей партии, а роль президента весьма незначительна, многие только поэтому склонны считать, что с этого момента нынешний лидер Китая Си Цзиньпин, который только вступил в свой второй пятилетний срок, становится пожизненным диктатором. Между тем другие подчеркивают, что это правильный шаг, который сам по себе не определяет, кто именно уступит власть, но при необходимости обеспечит преемственность в сфере руководства политикой долгосрочного развития. При нынешнем нарастании проблем, требующих стратегического планирования, такой подход представляется правильным.

Оставляя нерешенной дилемму «диктатор или стратег» (и не беря в расчет, что теоретически обе роли может исполнять одно и то же лицо), стоит подчеркнуть, что именно ограничение срока полномочий государственных чиновников, которые избираются часто и на короткий период, нередко влечет за собой близорукость в мышлении и действия с очевидными негативными последствиями для социально-экономического развития. Такого рода временно́й горизонт, при котором рассматриваются различные сценарии действий, безусловно, не характерен для китайской политики. Как раз наоборот: во многих случаях именно благодаря отсутствию негативного влияния политических циклов на экономику, столь типичного для западной либеральной демократии, китайский способ управления экономикой гораздо качественнее.

В нашем прекрасном демократическом мире продолжаются всевозможные референдумы и выборы: в Греции и Италии, в Великобритании и Франции, в Австрии и Нидерландах, в Испании и Германии, тогда как в Китае все спокойно... Где-то в далекой Бразилии президент подвергся импичменту; в Южной Корее президента свергли, а в Южно-Африканской Республике президент был вынужден уйти в отставку, тогда как в Китае все спокойно... В Северной Африке и на Ближнем Востоке «арабская весна» сама себя скомпрометировала, а в Китае все еще спокойно... Даже в предположительно институционально зрелом и экономически продвинутом Европейском союзе время от времени кого-то нужно покритиковать или отстранить от должности, тогда как в Китае все спокойно... По крайней мере, относительно.

Спецификой своей экономической и политической системы, созданной за последние 70 лет, Китай привлек внимание многих развивающихся стран. В ситуации, когда классическая экономика развития потерпела неудачу [5; 6], для многих экономистов и политиков китайская модель, хорошо зарекомендовавшая себя на практике, достойна глубокого и критического анализа, а также творческой адаптации и применения в их странах. Китай — уникальное государство, которое всего за два поколения, планомерно осуществлявших рыночные реформы начиная с 1978 года, прямо сейчас меняет свой статус, переходя из категории стран с низким уровнем дохода (согласно терминологии Всемирного банка) в категорию стран с высоким уровнем дохода, которого, по оценкам, достигнет уже в 2024 году [7].

Если выделить фундаментальные различия между высокоразвитыми и слаборазвитыми или, с другой точки зрения, богатыми и бедными странами, то отчетливо прослеживается превосходство первых в плане капитала, технологического прогресса, образовательных возможностей, качества человеческого капитала и уровня развития современной инфраструктуры. В каждой из этих сфер Китай добился огромного количественного и качественного прогресса. В некоторых отношениях он даже опережает богатые страны, особенно когда речь идет о располагаемом капитале инвесторов и некоторых элементах физической инфраструктуры. Правда, в социальной инфраструктуре по сравнению с высокоразвитым Западом по-прежнему видна отсталость.

Бедные страны бедны в основном потому, что они не овладели навыками управления экономикой и регулирования экономических процессов. Без этих навыков один только рынок мало что дает; он целесообразен на ярмарке или местном рынке, но не подходит для такой сложной формации, как экономика целой страны, для наций и государств. Здесь требуется продвинутый уровень управления и квалифицированного, выверенного регулирования, недостаток которых стал хронической болезнью в самых бедных странах.

Слаборазвитые институты являются одной из основных причин плохого состояния экономики [1]. Речь идет об институтах не в организационном смысле, а в поведенческом, то есть о нормах поведения, «правилах игры» в экономике, таких как те, что кодифицированы в действующих нормативных актах, и те, что основаны на культуре и обычаях, сформированных на основе практического опыта [9; 11].

В странах с централизованно планируемой экономикой определенно не было недостатка в управлении и регулировании; в Китае его тоже нет. Однако там эти институты строились в соответствии с характером страны и нередко принимали громоздкую и чрезмерно бюрократизированную форму. В сочетании с типичной для государственного социализма тенденцией к преимущественному развитию тяжелой промышленности, в том числе оборонной, это содействовало мобилизации средств и накоплению капитала, необходимого для расширения, однако этот приоритет не способствовал производству средств потребления. Неудивительно, что такие сверхдержавы, как Советский Союз (сна-

чала) и Китай (позже), сумели организовать производство ядерной бомбы и завоевать космос, но не смогли обеспечить постоянные поставки продовольствия для населения.

Китай, установивший исторический курс на то, чтобы догнать развитые страны, радикально сократил различия, отделявшие его от богатых экономик, и добился значительных успехов в устранении институционального разрыва. Это достигается не только путем активной адаптации институтов, оказавшихся эффективными в рыночной экономике Запада, и изменения некоторых из ранее использовавшихся методов администрирования и регулирования, но также путем внедрения собственных оригинальных институциональных решений. Здесь же ясно видно значение управления изменениями и творческой целостности в реинституционализации экономики. Многое еще предстоит сделать, в том числе аккумулировать физический и человеческий капитал, нарастить потенциал современных технологий и физической инфраструктуры. Вот когда завершится один из важнейших сюжетов битвы за будущее.

Но не каждое институциональное изменение способствует росту и экономическому балансу или содействует развитию. Иногда бывает наоборот. Администрирование, вмешательство и регулирование могут не стимулировать накопление и лучшее распределение капитала, а работать на бюрократию и коррумпированный государственный аппарат, на пресловутых чиновников и политические элиты, позволяя им паразитировать на коллективной экономической деятельности. Слабость государства и его регулятивных функций позволяет недобросовестным бизнесменам, печально известным капиталистам присваивать результаты чужого труда.

В современном Китае такой институциональный риск велик, поскольку многие вопросы еще не решены окончательно, если их вообще можно будет решить. Учитывая, что экономическая система находится *in statu nascendi* и претерпевает множество изменений в сфере экономического регулирования, что может привести как к избыточному, так и к недостаточному управлению, трудно сказать, какой из этих двух путей в настоящее время представляет бóльшую угрозу для Китая. И тот и другой должны постоянно находиться в поле зрения.

Литература

1. *Acemoglu D.* Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / D. Acemoglu, J. A. Robinson. — N. Y. : Crown Business, 2012.

2. *Bershidsky L.* Russia's Military Is Leaner, But Meaner / L. Bershidsky // Bloomberg View. — 2017. — Dec. 14th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-12-14/russia-s-military-is-leaner-but-meaner.

3. China moves into Latin America // The Economist. — 2018. — Febr. 3rd [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.economist.com/news/americas/21736192-asian-giant-taking-advantage-other-powers-lack-interest-region-china-moves.

4. CIA chief says China 'as big a threat to US' as Russia // BBC News. — 2018. — Jan. 30th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-us-canada-42867076.

5. *Easterly W.* The Elusive Quest for Growth. Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics / W. Easterly. — Cambridge, Mass. ; L. : MIT Press, 2002.

6. *Easterly W.* White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good / W. Easterly. — N. Y. : The Penguin Press, 2006.

7. *Hofman B.* Reflections on forty years of China's reforms / B. Hofman // East Asia & Pacific on the Rise. — 2018. — Febr. 1st [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/reflections-on-forty-years-of-china-reforms.

8. *Kolodko G. W.* Cold War II / G. W. Kolodko // Blog — Volatile World. — Post 2506. — 2014. — Nov. 10th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.wedrujacyswiat.pl/blog/gwk_BLOG.pdf.

9. *Kolodko G. W.* Institutions, Policies and Growth / G. W. Kolodko // Rivista di Politica Economica. — 2004. — Maggio–Giugno. — P. 45–79.

10. *Marcus J.* The «globalization» of China's military power / J. Marcus // BBC News. — 2018. — Febr. 13rd [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-asia-china-43036302.

11. *North D. C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. C. North. — N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1990.

12. The growing danger of great-power conflict. How shifts in technology and geopolitics are renewing the threat // The Economist. — 2018. — Jan. 25th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.economist.com/news/leaders/21735586-how-shifts-technology-and-geopolitics-are-renewing-threat-growing-danger.

13. US Senate reaches two-year budget deal // BBC News. — 2018. — Febr. 7th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-us-canada-42981072.

А. Д. Король[1]

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА ВОСТОКА И ЗАПАДА: МОЛЧАНИЕ В ОБУЧЕНИИ

Диалог двух выдающихся цивилизаций культурного типа — восточной и западной — был важен всегда. В уникальнейшей эпохе человечества, предвосхитившей появление христианства, — эпохе эллинизма — многие историки до сих пор не находят ответа на вопрос, какая цивилизация в большей степени повлияла на другую, произошла ли вестернизация Востока или ориентализация Запада.

В середине XX в. свое мнение относительно возможного диалога восточной и западной культур высказывали Джон Дьюи, Сарвепалли Радхакришнан, Джордж Сантаяна — у всех троих было отрицательное отношение. «Вы говорите о „синтезе“ восточной и западной философий. Но этого можно было бы достичь, только опустошив обе системы»[2]. «Диалог западной и восточной культур не столь немыслим, сколько реально неосуществим в силу коренной разнородности цивилизационных начал; возможны лишь деловые и практически позиционные отношения при осознании и сохранении их гетерогенности и фатально неустранимой антиномичности»[3].

Способно ли образование человека повлиять на слышимость друг друга представителями разных культур? Ведь, по меткому выражению Гессена, образований столько, сколько культур. Насколько культурно-исторический «слух» сопоставим в целом со способностью людей видеть стереотипы и избегать барьеров в общении? Ведь «душа народа есть лишь более сложная структура, нежели душа индивида», — писал К. Г. Юнг.

Цивилизации молчания и говорения: причины непонимания

Причина непонимания одним человеком другого является сложной, междисциплинарной и лежит в плоскости изучения психологии, философии, логики. Для устранения барьеров в общении важно научить человека выходить за собственные пределы и смотреть на себя со стороны. В основном ксенологическом принципе «мы можем познать себя на столько, на сколько узнаем, кем мы не являемся» заключена глубокая диалогическая основа. Человек познает окружающий мир из самого себя, делая собственные открытия, открывается миру. Философские работы М. М. Бахтина, Г. Г. Гадамера и многих других являются тому подтверждением. «Углубление» и «расширение» человека суть различий западной и восточной культур, создававших колоссальный барьер в понимании друг другом представителей двух выдающихся цивилизаций культурного типа. «Человек обожается» — «ум божествен» — эти две формулы отражают характер восточной и западной культур[4].

В Китае мировоззренческие представления о веществе (состоянии как материальных, так и духовных явлений) имели *непрерывно-волновой* характер, в Древней Греции и Индии — *атомистический*, дискретный. Эти различия прослеживаются и в языке — матрице мышления. В основе западного типа мышления лежит **Единица** (греческая монада, христианский Бог — абсолютная единица). Изначальная Единица как точка отсчета предполагает последовательный причинно-следственный ряд, располагающий к линейному, дискурсивному, экстравертному типу мышления. В основе восточного, или буддийского, типа мышления лежит **Ноль** — абсолютный ноль (Шунья), или полнота непроявленного мира. Такое представление не могло не породить модели мира как буддийской логики целого, обусловило характер художественного сознания, отношения человека к жизни и к самому себе.

Дж. Нидэм аналогичным образом пишет о том, что в китайском языке отдельный иероглиф — это органическое целое, гештальт (образ), поэтому ум, воспитанный на идеографическом языке, едва ли будет открыт для восприятия идеи атомистического строения материи. В противоположность иероглифам буквы как фонетические абстракции уже на самом элементарном уровне письма атомизируют фиксируемый в нем опыт.

Согласно Э. Фромму, атомистическая природа сознания рождает логику *«А не равно Б»* — предтечу *коммуникаций*, которая демонстрирует внешнюю, а не «внутреннюю» историю человека. Отнюдь не случайно этот принцип сродни мужскому стилю общения, основанному, по свидетельству психологов, на рациональных способах взаимодействия.

Совсем иные плоды мировосприятия у «волновой» теории сознания. *Восточная цивилизация* «прирастала» внутренним: парадоксальное мышление, согласно философу Э. Фромму, основывается на равенстве А и не-А, что порождало толерантность, терпимость, а также стремление к преобразованию человеком самого себя[5].

Взаимоотношения Востока и Запада можно выразить в *терминах говорения и молчания*, знака и отсутствия оного. У советского и российского философа Г. Померанца есть слова о том, что на Южном и Дальнем Востоке сущностным элементом «тайны, прикоснувшейся к сердцу», выступает не знак, а отрицание всех знаков — пустота или молчание[6]. Говорение как

[1] Ректор Белорусского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. «Диалог в образовании: эвристический аспект», «Эвристическое обучение», «Педагогика диалога: от методологии к методам обучения», «Обучение через открытие: в поисках ученика. Книга для Учителя и Родителя» и др. Награжден грамотами РАО, медалью Сократа, нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі».

[2] *Степанянц М. Т.* От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 150.

[3] *Аникеев Е. Н.* Диалог цивилизаций: Восток–Запад // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 177.

[4] *Хоружий С. С.* О старом и новом. СПб. : Алетейя, 2000. С. 410.

[5] См.: *Фромм Э.* Иметь или быть? М. : Прогресс, 1986.

[6] *Померанц Г. С.* Дороги духа и зигзаги истории: работы последних лет. М. : РОССПЭН, 2008. С. 8.

наличие знаков есть символ западной культуры, молчание как «пауза», глубина имеет непосредственное родство с восточным символом культуры, приматом внутреннего перед внешним, непрерывным перед дискретным.

Данные выводы опираются на многочисленные культурологические и социально-психологические исследования в области диалога культур[1], в частности свидетельствуют о соответствии между взаимодействием собеседников в диалоге, взаимодействием культур и полушарий в головном мозге.

Различие в способах мышления определяет и разные представления о природе личности, а также **о смыслах и целях образования**. Существуют два древнейших взгляда на сущность природы человека: **человек — чистый лист** и **человек — семя неизвестного растения**. Если ученик (студент) — чистый лист, то основная цель — заполнить его как можно более мелким почерком. Тогда и вопрос «чему учить?» будет иметь вполне определенный ответ — учить достижениям человечества.

И совсем другой взгляд на то, кто есть человек, позволяет нам говорить о другой системе дидактики, основной принцип которой — *выявить*, *раскрыть* и *реализовать потенциал человека*. Каждое семя неизвестного растения имеет свою заданность — культурную, психологическую, социальную и так далее, свое предназначение и свою миссию. При этом роль культурно-исторического наследия — это роль зеркала, в котором учащийся видит созданный им уникальный образовательный продукт и познает самого себя.

Исаак Сирин в «Словах подвижнических» написал: «Молчание есть таинство будущего века, а слова суть орудие этого мира»[2]. XXI век — мир шума и хаоса, *«все возрастающего говорения»*, *«мир, стремящийся к тотальному высказыванию»*[3].

Ученик сегодня тонет во вселенском шуме — информации, хуже слышит себя и других, становится, по словам Г. Гадамера, все более монологичным — в мышлении, поведении, общении. Однако мир тотального говорения есть мир молчания как стадии — когда сказать нечего. Хорошо передана суть такого молчания в словах З. Миркиной: «Бог нашей суетою оглушен, а дьявол — этой полной тишиною...».

Монологизм — *причина массового копирования чужого*, устремляющего к нулю содержания общения не только с другими людьми, но и с самим собой. В образовании ученик молчит в буквальном и переносном смысле — воспроизводит чужие мысли, не имеет возможности для общения, которое раскрывало бы его миру и самому себе, порождая новые смыслы и содержание. Потеря социального «слуха» у человека как неспособность вести диалог приводит к молчанию как стадии.

При этом молчание ученика имеет и второй полюс — молчание как компетентности, где ученик «открывает» себя: свои смыслы, цели, знание, миссию. «Молчаливый человек знает в два раза больше, чем болтун», — гласит индейская народная мудрость.

В чем причины монологичности поведения и общения ученика? Основные смыслы, цели, содержание образования — скопировать, передать поликультурный опыт человечества «монокультурному» учащемуся — также монологичны. Заполнение «чистого листа» внешними, «чужими» письменами означает не учитывать самого ученика в образовании — его миссию, предназначение, особенности.

В результате монологизм системы образования производит Ученика Монологичного, не меняет человека, позволяет смотреть на мир чужим глазами, выступает фабрикой стереотипов мышления, общения, поведения[4], стержнем и движущей силой роста массовости явлений, подтверждая одну из теорий развития истории Г. Тарда.

Теория Габриеля Тарда гласит, что история есть столкновение кругов подражаний. Количество подражающих, шаблонных и монологичных выпускников различных учреждений образования определяют *скорость изменений в окружающем мире*, которая также отражает *быстроту утрачивания человеком способности вести межкультурный диалог*.

Причина в том, что монолог в образовании ведет к истончению внутреннего пространства человека — пространства смыслов, ценностей, самоидентичности, способности слышать себя и других — представителей иной культуры. Известный психолог Ф. Зимбардо на примере жизни в больших и малых городах показал в частности, что люди, которые постоянно испытывают дефицит времени, менее склонны помогать другим, чем люди, которые никуда не спешат. Человек перестает слышать других по причине того, что не слышит себя самого.

Внутреннее *пространство* человека, которое живет в общении с пространствами других людей, связано с его *языком*, а значит, с самоидентичностью, диалогом внутренних форм: слова, действия, образа.

Копирование информации, как вирус, «убивает» пространство изменения человека, смыслы и общение. Чем меньше пространства внутри, тем больший «голод, эго и агрессию» испытывает человек, страдает от удушья — нехватки пространства внутри себя, осознания своего «я». Кванты или атомы информации есть «черные дыры» смыслов и внутреннего пространства человека. Поглощая информацию, ученик поглощает миллионы квантов троянских коней, которые его разрушают.

Иллюзия знания как барьер в общении

Потеря способности человеком слышать другого человека означает потерю целостности и распад по отдельности на ноль и единицу, говорение и мол-

[1] См.: *Степанянц М. Т.* От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 150–162 ; *Иванов В. В.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М. : Сов. радио, 1978 ; *Кучинский Г. М.* Диалог и мышление. Минск : Изд-во БГУ, 1983.

[2] *Сирин Ниневийский И.* О божественных тайнах и о духовной жизни : духовные беседы / пер. с сир., примеч. и послесл. игумена Иллариона (Алфеева). М. : Изд-во Зачатьевского монастыря, 1993. С. 180.

[3] *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / [пер. с фр. А. Качалова]. М. : Постум, 2015. С. 183.

[4] См.: *Король А. Д.* Стереотип как образовательная проблема // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 156–162.

чание. Целостность не есть ноль, а только ноль вместе с единицей, равно как и истина не существует в голове отдельного человека, а только лишь в процессе их диалогического взаимодействия (М. М. Бахтин). Потеря субъектности ученика в монологе внешне заданного содержания образования с ним приводит к поляризации означаемого и означающего (в терминах Р. Барта), обусловливает рост иллюзий и стереотипов, затрудняющих любой диалог, особенно диалог культур.

Монолог ориентирован на получение половинки целого — информации о предмете. Отнюдь не случайно, что система извлечения знаний в диалоге — майевтика — со времен Сократа определяет **знание о своем незнании** самым главным образовательным знанием. Ведь односторонность и половинчатость — причина барьеров в понимании другого как утраты целостного. *Трансляция «знака» — достижений человечества без учета социокультурного фона самого ученика — априори ведет к искажениям в ви́дении мира, закрытию человеком пути к себе и другим, неспособности выпускника школы к диалогу культур.*

Видеть во всех подробностях предмет — значит видеть его вблизи. Тем самым не иметь возможности видеть все, что окружает сам предмет, — так называемый фон. Отсюда островок знания, который попадает в поле зрения ученика на занятии, стереотипно *достраивается им до некого шаблона*, а потому заключает в себе потенциальную ошибку.

Такого рода иллюзии свойственны *физиологическим процессам*, например оптические, а также социальным. Основа зрительных иллюзий (ошибки зрительного восприятия) заключается в том, что человек часто видит сам предмет, не замечая фона. Ви́дение частного, а не целого — одна из центральных причин стереотипизации жизни человека.

Фокусирование внимания на предмете — путь к искажениям знания, пространства и времени, «остановка ума», согласно буддистам. Другими словами, **знак, говорение — это всегда ошибка**. *Сама мысль о чем-либо есть концентрация и потому ошибочна с позиций даосской философии*. «Прозрение наступает тогда, когда мысль исчерпает сама себя» — такова одна из даосских максим.

Ярким примером социальной иллюзии выступает **фундаментальная ошибка каузальной атрибуции**. Смысл в том, что сторонний наблюдатель в том или ином событии склонен переоценивать личностные качества субъекта — виновника события и не замечать фона — ситуации, которая и привела к событию.

Китайская фраза о том, что говорящий не знает, знающий не говорит, подтверждает вышеперечисленные эффекты. Переход от образа или замысла к его словесному описанию всегда имеет погрешность изложения, лакуны молчания. Утраченный при говорении смысл исходного образа превращается в искажения действительности, иллюзии. *Лакуны молчания есть барьеры в понимании Другого, общения с ним и возникают при переходе от целостного к монологичному — однонаправленному.* Существуют различные типы барьеров в общении — семантический, информационный, психологический[1]. Эти барьеры характеризуют границы внутреннего пространства человека, его идентичности и одновременно выступают причиной непонимания одним человеком другого, неспособности слышать.

Данные барьеры выходят за рамки конкретного человека и распространяются вовне его — на взаимоотношения с другими людьми. Чем больше молчания у человека внутри него — молчания стадии «исчерпания», когда нечего сказать нового, тем больше *молчания между людьми как молчания в мире*: тотального говорения и празднословия.

Таков сегодня **логос** образования, в результате человечество стремительно движется к стадии постгуманизма. Закат концепции «чистого листа» в образовании хорошо проиллюстрирован в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли[2]. Там описывается гипнопедический метод обучения, который заключался в том, что людям днем и ночью внушали одну и ту же фразу, одни и те же постулаты. Один из героев романа восклицает: «62 400 повторений — и перед вами готовая истина!» Гипнопедия сродни трансляции, не учитывает субъектности, а потому есть монолог.

Копирование не просто расширяет внешние пределы человека, но умножает объемы *удовольствия*. По этой причине на вопрос одного из героев книги О. Хаксли «Наталкивались ли вы хоть раз на непреодолимые препятствия?» студенты отвечают отрицательно. В образовании будущего нет никаких усилий.

Усвоение «чужого» приводит к тому, что у постчеловека мышление и порождаемое им знание «протезировано» коммуникацией и информацией. Постчеловек — «человек расширенный».

Понимание человеком другого человека есть акт его самоизменения, которое происходит в процессе открытия учеником самого себя. *Открытие же самого себя есть изменение внутреннего пространства в сопоставлении с внешним*. Педагогическим механизмом, способным обеспечить глубинное понимание другого, выступает молчание. «Возврат» человека — его внутреннего пространства смыслов — происходит в молчании.

Л. Н. Толстой, автор идеи школы свободного развития, писал, что *люди учатся, как говорить, в то время как главная наука — как и когда молчать*[3]. *«Трагедия нынешней школы в том, что у ребенка там отнимают право на молчание»*, — вторил ему В. В. Бибихин[4].

Что мы понимаем под молчанием в педагогике? В *восточной педагогической традиции*, в отличие от взглядов на человека как на «чистый лист», человек рассматривается как «семя неизвестного растения». Этот методологический взгляд на сущность человека и вопрос «зачем учить?» свидетельствуют о внутреннем, холистическом, а не внешне рациональном способе постижения действительности. Например, в Ин-

[1] См.: *Ильин Е. П.* Психология общения и межличностных отношений. СПб. : Питер, 2009.

[2] См.: *Хаксли О.* О дивный новый мир. М. : АСТ, 2015.

[3] См.: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 45 : Путь жизни (1910) / подгот. текста и коммент. Н. Н. Гусева, И. И. Горбунова-Посадова. М. : Гослитиздат, 1956.

[4] *Бибихин В. В.* Язык философии. 3-е изд., стереотип. СПб. : Наука, 2007. С. 29.

дии главным учением об истине является онтологическая концепция двух истин: высшей — парамартха и низшей — вьявахара. Отсюда логико-эпистемологические истины приобретают более низкий статус, чем истины, позволяющие достичь высшего уровня реальности.

В *учении суфизма* истина раскрывается только в *личном опыте*, а сердце является главным органом познания. Познавательная способность сердца не тождественна эпистемической способности разума[1].

Приоритет внутреннего перед внешним означает углубление, а не расширение внешних пределов человека, определяет молчание главным методологическим инструментом познания себя и окружающего мира. Отметим особую, мистико-религиозную роль молчания во всех древних восточных учениях: даосизме, буддизме, в культуре американских индейцев. Молчание выступает как психоэмоциональная практика, проявление аскетизма, *сдержанности*, а значит, как метод **самопознания, формирования нравственных, волевых качеств личности**, рождения **знаний изнутри**, способ **общения с Творцом**.

Отражение реальности без искажений, предоставление возможности «всем вещам быть тем, что они есть»[2], — залог восприятия человеком другого человека как **равного**, возможность видеть его с разных ракурсов, вступать с ним в диалог.

Способность «видеть вещи такими, как они есть на самом деле», предваряет путь к *диалогу между представителями разных культур*.

Если молчание на Востоке является практикой психоэмоционального постижения истины, то исследование категории «молчания» — значительной теоретической частью европейского рационального наследия философии. К философской проблеме молчания обращались многие видные мыслители Запада, такие как С. Кьеркегор[3], М. Хайдеггер[4], Э. Гуссерль[5]. Ряд одноименных работ «Философия молчания», «Методология молчания» являются попыткой хора рациональных голосов Запада проникнуть в тайну Востока, ревностно хранимую и оберегаемую[6].

В **педагогических** исследованиях о молчании молчания гораздо больше, нежели в философии и лингвистике. Преимущественно речь идет о *нравственно-этическом*, *психофизиологическом* аспекте молчания, формировании дисциплины ребенка, выработке его внимания[7]. Уместно вспомнить уроки М. Монтессори, которая доказывала, что единство тела, психики и духа достигается за счет движения и тишины и что внутреннее умиротворение в тишине помогает человеку в построении реальности.

Доказано, что уроки молчания помогают ребенку обрести спокойствие, внутреннюю умиротворенность и контроль двигательной активности, медитативную и творческую концентрацию, которая связана с успокоением. Методы молчания формируют рефлексию и способность к внутреннему погружению (концентрации), облегчают концентрацию и позволяют открыть себя, свою внутреннюю глубину благодаря совершению различных действий, не говоря ни слова.

Профессор Т. Олеарчик отмечает, что тишина в педагогике имеет важное значение как в образовательном процессе, так и в воспитательном. Однако наиболее важную роль она играет в учебном процессе, саморазвитии и формировании воли. «Педагогика тишины не является альтернативой педагогике слова: диалога, убеждения, но является его основой, его непременным условием»[8].

Современные авторы М. Зембилас (M. Zembylas) и П. Михаэлидис (P. Michaelides) задаются риторическим вопросом: «Чего стоит для индивидуума, а также для общества в целом образование, которое игнорирует педагогическую ценность молчания?»[9] «Существует нечто, что существует за пределами того, что сказано, что-то, что невозможно передать в устной форме, которое он (Мерло-Понти) называет тихим и неявным языком»[10].

Наряду с коммуникативным, психофизиологическим потенциалом молчания в обучении ряд отечественных и зарубежных авторов «приближается» к *дидактическому* компоненту. Здесь есть немало интересных древних практик, которые могут быть использованы в педагогической практике. «Знающий не говорит, говорящий не знает». Поэтому *«Мудрый и осуществляет учение безмолвно»* — суть одной из главных философских мыслей даосизма[11]. Небезынтересны слова о молчании в индейской культуре: *«Тот, кто молчит, знает в два раза больше, чем болтун»*. Уместно вспомнить и школу Пифагора, в которой ученику до трех лет запрещалось говорить[12].

«*Тишина приносит знание, которое мы еще не познали*, благодаря ее тайне мы открываем нашу вну-

[1] См.: *Жиртуева Н. С.* Типология универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 60–70.

[2] «Только тот, кто постиг в себе самого себя, может предоставить всем вещам быть тем, что они есть» (Хун Цзычэн «Вкус корней»). См.: Афоризмы старого Китая.

[3] См.: *Кьеркегор С.* Страх и трепет — этические трактаты / пер. с дат., коммент. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева ; общ. ред., сост. и предисл. С. А. Исаева. М. : Республика, 1993.

[4] См.: *Хайдеггер М. М.* Основные понятия метафизики. Мир — конечность — одиночество / пер. с нем. В. В. Бибихина [и др.]. СПб. : Владимир Даль, 2013.

[5] См.: *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб. : Владимир Даль : Фонд Университет, 2004.

[6] *Stachewich K.* Milczenie wobec dobra i zła : w stronę etyki sygetycznej i apofatycznej. Poznań : Uniwersytet im. Adama Mickiewicza. Wydział Teologiczny. Redakcja Wydawnictw, 2012. S. 71.

[7] См.: *Olearczyk T. E.* Pedagogia ciszy. Kraków : Wyższa Szkoła Filozoficzno-Pedagogiczna «Ignatianum» : Wydawnictwo WAM, 2010.

[8] *Olearczyk T. E.* Op. cit. S. 9.

[9] *Zembylas M., Michaelides P.* The Sound of Silence // Educational Theory. 2004. Vol. 54, iss. 2. P. 193.

[10] Solitude, silence, serenity and pausing: the missing philosophical story of education / [H. E. Lees et al.] // Symposium PESGB (Philosophy of Education Society of Great Britain) Annual Conference, New College, Oxford, 22–24 March 2013. URL: https://www.academia.edu/5031274/Solitude_silence_serenity_and_pausing_the_missing_philosophical_story_of_education (дата обращения: 13.08.2018).

[11] Мудрецы Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы / пер. с кит. Л. Д. Позднеевой ; авт.-ред. А. В. Маматов. СПб. : Петербург-XXI век : Лань, 1994.

[12] *Хуторской А. В.* Древнейшие системы обучения: Школа Пифагора // Эйдос. 2014. № 1. URL: http://eidos.ru/journal/2014/1-11.htm (дата обращения: 13.08.2016).

треннюю жизнь... Пережив опыт молчания, никто не будет прежним» (E. M. Стэндинг (E. M. Standing)). Заслуживают особого внимания работы А. Каранфы (A. Caranfa)[1], А. Яворского (A. Jaworski)[2], Д. Е. Купера (D. E. Cooper)[3], Х. Лиз (H. Lees)[4].

В имеющих место дидактических исследованиях речь идет преимущественно о приемах, реже — о методах использования молчания в школе. «Читая открытые уроки инновационного типа, видишь, что они перенасыщены репликами, вопросами учителя и быстрыми ответами учеников. Молчанию места не находится, хотя оно необходимо, чтобы обдумать заданный вопрос, приготовиться к ответной реплике, „остановить“ собственную мысль, не совпадающую с только что высказанной»[5].

Следует отметить, что практически нет педагогических исследований в области методологии молчания в образовании, в содержании образования — стандартах, учебниках. *На каких принципах строится содержание обучения на основе молчания? Каковы механизмы извлечения знаний в молчании? Каково соотношение молчания и говорения на уроках?*

Практически нет исследований о том, как можно отразить молчание в содержании учебных планов программ, оценить «молчаливую» деятельность ученика — индивидуальный опыт знания ученика о самом себе, об окружающем мире, которое не может быть выражено словами?

Другими словами, насколько уместно вести речь о полноценной дидактике молчания как целостной науке об обучении? Каковы ее методология, содержание, методы, критерии оценки?

Философско-методологический анализ характеристик цивилизаций восточного и западного культурных типов позволяет сделать шаг вперед. Тишина или молчание — вторая часть бытия человека, которую нельзя отделять от говорения, как нельзя отделить день от ночи, тело от души. «Кто не умеет молчать, не умеет и говорить». Текст оказывается пустым и молчаливым, если состоит только из слов. Одна лишь логика повествования без молчания не позволяет рождать образы, ассоциации, устраняет творчество, лишает возможности понять себя и другого. Во многом в этом кроется причина искаженного восприятия действительности, барьеров в общении, утраты идентичности — источника смыслов и внутреннего пространства человека. Текст без пробелов молчания монологичен и линеен, лишен способности к самопродолжению.

Молчание как «образ-пауза» есть творчество, метафора, «перевозка» смыслов, что ведет к открытию. Образованию не хватает молчания как открытия учениками самих себя. Общая, ничейная, отчужденная от ученика информация пуста и молчалива, сродни тексту, состоящему только из слов. Внешний мир глушит, навязывает внешние рецепты. Ученику и учителю нужны паузы молчания.

Анализ психолого-педагогической, философской литературы, принцип подобия микрокосма макрокосму позволяет рассматривать понятия «вопрос», «мышление человека», «диалог двух обществ» — восточного и западного — неразрывно взаимосвязанными.

Вопрошание «примиряет» Восток и Запад, действительную знаковую и мнимую (молчаливую) части диалога культур. Обеспечивает метапредметное и целостное понимание представителями двух культур. В образовательной плоскости молчание и трансляция информации (сродни говорению) по отдельности не способны достичь результатов — помочь ученику открыть себя миру и самому себе.

Вопрос как сущностный элемент дидактической эвристики открывает нам «колодец» смыслов, порождает «знающее» молчание и рождается из **молчания**. Если вопрошание ориентирует ученика вовне, на создание своей системы знаний об окружающем мире, то молчание имеет *обратный вектор — вовнутрь*, к людям, взявшимся за руки и образующим единое метапредметное начало, подобное дереву в известном художественном фильме «Аватар».

Углубление в себя сродни археологическим раскопкам: каждый нижний слой более целостный и образный. Чем глубже «колодец» смыслов, по которому человек углубляется в свое «я» в молчании, тем более глубоким становится его общение, компетентность в понимании представителя другой культуры. В молчании, равно как и в вопросе, происходят «размыкание» человека миру, «размыкание в бытии, навстречу онтологическому Другому (парадигма онтологического размыкания)» (С. С. Хоружий).

Отход от слов и «молодого» мышления к более древним слоям психики сопровождается изменением, качественным появлением нового знания о себе и мире. Вопросов становится меньше, но каждый из них заключает в себе все больший объем знания. Вопросы становятся простыми, емкими, мудрыми.

Вопрос есть «острие копья» мотивации, которая всегда на стыке неоднородностей смыслов (мотивация к общению), порубежья (мотивация к историзму), рациональности и иррациональности, трансцендентности и имманентного, субъектного и всеобщего, измеряемого и неизмеримого.

Вывод

Писатель Герман Гессе видел в «мудрости Востока и Запада... не враждебные, борющиеся силы, но полюсы, „между которыми раскачивается жизнь“»[6]. Путь вовне не отрицает пути вовнутрь, а даже невозможен без него. Это не просто диалог культур, диалог двух полу-

[1] См.: *Caranfa A.* Silence as the Foundation of Learning // Educational Theory. 2004. Vol. 54, iss. 2. P. 211–230.

[2] См.: *Jaworski A.* The power of silence: social and pragmatic perspectives. Newbury Park [etc.] : Sage, 1993.

[3] См.: *Cooper D. E.* Silence, nature and education // Attending to silence / A. Kristiansen, H. Hägg. Kristiansand, 2012.

[4] *Lees H. E.* Choosing Silence for Equality in and through Schooling // Forum. 2016. Vol. 58, № 3. P. 399–406. URL: http://www.wwwords.co.uk/rss/abstract.asp?j=forum&aid=6309&doi=1 (дата обращения: 13.08.2018).

[5] *Роботова А. С.* О диалоге, монологе и молчании в образовании // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 126. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/o-dialoge-monologe-i-molchanii-v-obrazovanii (дата обращения: 13.08.2016).

[6] *Гессе Г.* К моим японским читателям // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С. 217.

шарий человека. Это диалог познания и общения. Вся всемирная история — это противостояние логики познания и логики общения, как отмечают С. С. Неретина и П. А. Огурцов[1].

Способность слушать Другого возможна при интериоризации внешнего во внутренний опыт, попросту — при копировании чужого и превращении в свое. Однако в данном механизме нет изменения внутреннего пространства, отражающего принадлежность человека к своей культуре. Более высокий уровень — способность слышать другого человека. Она кроется в способности человека смотреть на себя со стороны, к изменению себя. Внутреннее пространство человека живет только в состоянии изменения во встрече с другим «ненулевым» пространством.

Образование как процесс не есть «сумма наук», которые нужно передать человеку. Образование как результат не есть мегаполис с разветвленной инфраструктурой дорог и акведуков, вмещающих в себя рациональность. В этом мегаполисе должны быть «дороги духа», которые ведут к отблескам истины, магистрали открытий учеником самого себя, позволяющие увидеть мир вокруг него, наполнить его своим смыслом и содержанием, магистрали, меняющие ученика.

Обретение человеком самого себя как способ безбарьерного общения с другим человеком достигается за счет использования эвристического обучения на основе диалога, дидактической системы молчания. Молчание и вопрошание выступают гордиевым узлом проблемы барьеров общения.

А. М. Крамаренко[2]

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА О СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ: ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ XX ВЕКА

Аллергия на всякий окончательный и безапелляционный порядок, по счастью, универсальна.

Ж. Бодрийяр. Дух терроризма

…Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду… Поистине, кто обладает малым, тот будет тем меньше обладаем.

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра

Ценность постмодернизма заключается в том, что он, отражая дух эпохи, убедительно описывает разлагающийся мир после холодной войны. Весь Достоевский, крохами с идейного стола которого (один полифонизм чего стоит!) питаются в том числе и постмодернисты, сводится к тезису, что не может быть «последнего слова» (конца истории и т. д.); в этом одно из главных условий и следствий свободы. События последних лет свидетельствуют в пользу того, что вслед за такими метанарративами, претендующими на «окончательность», как капитализм и социализм/коммунизм, рушится последний — либерализм, который стараниями западных элит, прежде всего с помощью политкорректности, обрел черты тоталитарной идеологии со всеми ее атрибутами — подавлением свободы слова и инакомыслия.

Для всех стран, включая западные, на первый план вышли проблемы развития, которые не поддаются решению в прежней бинарной идеологической системе координат. Бинарность — прагматика власти и всегда тяготеет к тотальности (по Ницше). Поэтому в интересах элит выстраивать новые биполярности, будь то США–Китай или либерализм–авторитаризм. Как пишет И. С. Иванов, «надо отказаться от концепции западного универсализма в пользу плюрализма развития»[3]. Таким образом, открывается подлинное значение окончания холодной войны (в этом году исполнится 30 лет со дня падения Берлинской стены), а именно — освобождение международных отношений от идеологического детерминизма, который на протяжении долгого XX века объективировал международных акторов в лице суверенных и независимых государств. Другими словами, торжествует знаменитая кошка Дэн Сяопина, окрас которой не имеет значения. Реакцией на кризис развития стали Трамп в США и Болсонару в Бразилии, долгое сколачивание старой коалиции в Германии и правительство Дж. Конте в Италии, но также муки Брексита и в целом пресловутый призрак популизма/Веймара на Западе.

[1] См.: *Межуев В. М.* Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 65–73.

[2] Директор по развитию Российского совета по международным делам (РСМД), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. Автор публикаций в журнале «Международная жизнь», на сайтах РСМД, «Газета.ру», журнала «Эксперт», в т. ч.: «Геополитика Русской революции: вердикт альтернативной истории?», «Реставрация Мэйдзи и Россия: сравнительный анализ опыта модернизации», «Россия и НАТО: предыстория „рокового решения“. Что делать?», «Переговоры по Брекситу: первые итоги» и др. Директор департамента внешнеполитического планирования МИД РФ (2005–2011), советник-посланник (в ранге Посла) Посольства России в Великобритании (2011–2017). Член Совета по внешней и оборонной политике. Награжден орденами Почета, Дружбы.

[3] http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/2019-god-problemy-i-vozmozhnosti.

На смену биполярной конфронтации и преходящему «однополярному моменту» приходит многоукладная геополитическая реальность, которая своей сложностью обеспечивает демократизацию международных отношений, так что в них создаются условия для всякого рода плюрализма. Это и остаточная биполярность прошлой эпохи, и иерархические вертикали Западного альянса (НАТО и «Группа семи»), и многополярность (ООН, «Группа двадцати», БРИКС), и различные конструкции региональных порядков, глобальные и трансрегиональные ситуативные альянсы (например, Совместный всеобъемлющий план действий по ядерной программе Ирана), и многое другое. Ревнители статус-кво запугивают хаосом, как это делали в свое время в отношении демократии вообще. Но послевоенный правовой миропорядок с центральной ролью ООН и ее Уставом как был, так и остается.

Пока рано говорить о том, как мир будет развиваться на уровне идей, хотя высказывается мнение о назревшей необходимости «неоклассического синтеза» идей 1960-х годов, то есть наследия периода до того, как Запад впал в политическое усреднение («царство тотальной серости»?) и безыдейность. Собственно, таким синтезом было западноевропейское социальное государство, которое стало итогом двух мировых войн и следствием императива «ответа на вызов Советского Союза», способом мирного сосуществования между капитализмом и демократией (по Хабермасу). Но теперь оно разрушается экономическим неолиберализмом в форме рейганомики/тэтчеризма и «Лиссабонской повестки дня» Евросоюза. Странным образом в конце 2018 года реализовалось предсказание, что через 50 лет во Франции повторится 1968-й год. Похоже, вопросы развития будут решаться прежде всего в рамках каждой отдельно взятой страны как функция назревшего восстановления демократической подотчетности власти.

Проблемы развития остро заявили о себе во всех западных странах, отсылая в том числе к знаменитой максиме Дж. М. Кейнса: «Свободная торговля предполагает, что если вы лишаете людей работы на одном направлении, то вы их нанимаете на другом. Как только эта связь обрывается, рушится вся аргументация в пользу свободной торговли». В этом причины «революции Трампа». Америка через свою империю/глобализацию стала «обладаема» другими. Прибыли достались элите, а страна в целом оказалась заброшенной — именно отсюда у среднего американца чувство, что его предали. Анализ части консервативной элиты показал, что в течение нескольких десятилетий США своими капиталами, технологиями и даже рынком работали на подъем Китая в наивной вере, что Пекин окажется покладистым партнером, который примет глобальное лидерство США.

Поэтому не стоит удивляться тому, что США сворачивают свой геополитический проект, как бы ни возражали западные элиты. При этом американцы будут по максимуму реализовывать еще имеющиеся преимущества своего доминирования в глобальном валютно-финансовом порядке. Главное неизвестное — ради чего будет «сожжен» привилегированный статус доллара. Вариант наиболее вероятный: такое переиздание *total commitment* (задействование всех наличных ресурсов для решения задачи экзистенциального порядка) образца холодной войны будет адресовано Китаю, но в вопросах перспективных, таких как будущее информационных технологий, включая средства «отрицания доступа к большим данным», и искусственный интеллект. Возможно, в дополнение к попытке «пересдать карты» в текущих торгово-экономических вопросах посредством в том числе навязывания Пекину своего сланцевого газа.

В целом не-конфронтация, как не-война и не-мир (как тут не вспомнить Троцкого в Брест-Литовске!) и множество других не-событий и отсутствий, включая неучастие России в НАТО и отсутствие в Евро-Атлантике инклюзивной системы коллективной безопасности, возвращают нас к теме постмодерна. Что будет дальше? Поскольку все геополитическое наследие прошлой эпохи, включая элементы глобальной и региональных архитектур, стремится к нулю, вряд ли стоит надеяться на их «мягкую» трансформацию — обнуление всего, хотя и с разной степенью очевидности, неизбежно. Скорее всего, логика происходящего, которая прямо противостоит европейской светской культуре рационализма, заключается в том, что площадка для нового этапа исторического творчества должна быть расчищена — эмансипация или хаос, в конце концов, неважно как называть. Да и мир создавался из хаоса. Ясно одно: мир, 30 лет существовавший как отражение недавнего прошлого (прошлое тоже отбрасывает тень?), находится на грани того, чтобы обрести наконец свое настоящее время, а с ним и будущее.

Бродский писал о «конце прекрасной эпохи» в 1967 году. Тогда же вышла книга Жака Деррида «Голос и феномен» и одновременно стало ясно, что никаких косыгинских реформ не будет. Вспомним оригинал: *Belle epoque* — период между Франко-прусской войной и Первой мировой, который был отмечен инерцией прощания с XVIII веком и еще большим уровнем глобализации. Пруст, как никто, убедителен в этой тоске и в том, что весь длинный XIX век был переходным к XX веку. То есть было время, которое надо было обретать, причем через войну. Другие предтечи постмодернистов — Дж. Джойс, Д. Г. Лоуренс, С. Беккет, Г. Миллер, Дж. Д. Сэлинджер, К. Воннегут, Г. Гессе, С. Кубрик, Ф. Феллини, Л. Бунюэль и затем другие, включая Тарантино, — по-своему провидели нынешнее безвременье/межвременье. Пустота тогда (Чехов, Блок, Розанов и др.) — пустота и сейчас. Тогда в нее провалились «троны, классы, сословия, труд, богатства». Что сейчас, когда прошло время войн и революций? Все в Евро-Атлантике находится в «состоянии грандиозной растерянности» и непонимания смысла происходящего, подтверждаемых утратой веры в улучшение на основе постхолодной войны. Остается только признать изношенность этого наследия, искусственно перенесенного из прежней эпохи, в том числе его промотанность попыткой западных элит вернуть капитализм во времена до 1929 года. Федор Лукьянов пишет, что «изжила себя старая система понятий»[1].

[1] http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vneshnyaya-politika-rossii-v-2018-godu-problem-bolshe-chem-uspekhov.

Россия, реальность которой отрицалась западной политикой сдерживания, именно утверждением подлинности своего существования — к сожалению, на путях создания потенциала проецирования силы и обеспечения устойчивости к силовому и финансово-экономическому давлению как наиболее убедительных аргументов в контексте политической культуры Запада, — приближала это преодоление гиперреальности Г. Аполлинера, или, проще говоря, сверку с реальностью. Опыт России показывает, что «есть жизнь после империи». Россия сама оказалась «обладаемой» в ближнем круге Советского Союза и дальнем — соцлагеря и подала пример роспуска/фрагментации империи.

Китай, если судить по рейтингу счастья/оптимизма (92 % опрошенных), уже во многом обрел свое настоящее и будущее. Сложнее обстоят дела с Европой. Россия продвинулась сама и помогла продвинуться западному обществу, вступившему в системный кризис. Своим военным строительством Россия отрицает милитаризм Запада, доказывая его несостоятельность как «большой стратегии». Поэтому для Европы немыслимо размещение американских ракет средней и меньшей дальности в связи с выходом США из ДРСМД. Завершать процесс «посадки в реальность» после длительного сюрреалистичного бытия придется сообща. Прежде всего в силу культурно-цивилизационной общности, общей истории, необходимости совместно, коллективно разобраться с общим историческим наследием во всей его разъятости. Только в своей воссозданной и переосмысленной идентичности мы сможем выжить в качественно новой глобальной конкурентной среде.

Иван Крастев пишет о страхе западных элит перед тем, что «собственное общество начинает выглядеть не таким уж другим. Ты начинаешь быть похожим на того, кто тебе не нравится. Вот где настоящий страх... Почему у нас проблемы, как у русских?»[1]. То есть мы имеем дело с очередной конвергенцией и надо переформулировать определение Другого, отказавшись от прежней мифологии и его демонизации.

Чего ждать от Америки Трампа? Сергей Шнуров в своем недавнем интервью журналу «Россия в глобальной политике» затронул вопрос, которым задаются многие: может ли Америка существовать иначе, кроме как мировой гегемон? Во-первых, это относится не ко всей Америке, а только к ее элитам. Во-вторых, есть джексоновская Америка, которую удовлетворяет «говорить слово миру» своим примером. Именно эту Америку представляет Трамп. Неоизоляционизм — это та терапия, которую подсказывает распространенный в США психоанализ. Прагматизм Кремля ни у кого не вызывает сомнений. У Америки своя давняя традиция прагматизма — в духе «Anything goes!» Пола Фейерабенда, что равно кошке Дэна. Тем более что от прагматизма один шаг до постмодерна с его множественностью/плюрализмом, фрагментарностью («распадение целостности на жемчуг фрагментов») и эклектичностью, на почве чего и можно преодолеть накопившиеся за 30 лет завалы в мировом развитии и мировой политике.

Что касается гонки вооружений, то в 2017 году произошло крупное сокращение наших расходов на оборону. У США далеко не те возможности в ней участвовать (несмотря на риторику Трампа), что были у Рейгана 35 лет назад: в долларах того времени, по мнению экспертов, к нынешним 700 млрд долларов недостает 500 млрд плюс огромный госдолг (22 трлн, что превышает 100 % ВВП) и совокупный дефицит федерального бюджета и текущего счета платежного баланса порядка 6 % ВВП, или свыше 1 трлн долларов, который требует в том числе внешнего финансирования и имеет тенденцию к росту (по данным «Файненшл таймс», в следующие 10 лет понадобится заимствовать 12 трлн долл.[2]). Оборонный бюджет Китая уже превышает по паритету покупательной способности американский за вычетом расходов на содержание личного состава.

Можно заключить, что никакая массированная гонка вооружений миру не грозит. Ее трехсторонний характер (поскольку США сделали выбор в пользу двойного сдерживания — России и Китая) будет служить дополнительной гарантией. Новая гонка вооружений, как уже можно судить по последним российским разработкам, будет сравнительно малозатратной и в формате «технологического маньеризма», предсказанного Бодрийяром еще в 1991 году на опыте Войны в Персидском заливе[3]. Кибербезопасность и искусственный интеллект, информационное противоборство и космос уже стали направлениями такого соревнования. Осталось только признать, что здесь нет сейчас и не может быть в принципе выигравших и проигравших, и договариваться о мерах контроля и сдержанности на взаимной основе придется в трехстороннем формате.

В чем проблема западных элит в постхолодную войну, а значит, и часть проблемы России и всего мира? Думали, что прошлое будет продолжаться, но уже без СССР. Не поняли, что опыт XX века и предыдущей истории поставил вопрос о тотальностях вообще, в какие бы одежды ни рядились эти идеологии. Даже благой либерализм мутирует в тотальность. Нацизм, когда коменданты концлагерей на досуге читали Гёте, поставил под вопрос всю европейскую культуру, или, лучше сказать, западную цивилизацию. Немцам как исполнителям этого сугубо западного проекта пришлось покаяться, но он был коллективным — просто вышел из-под контроля элит, позволивших себе эту импровизацию. Преодолевать последствия пришлось при решающей роли Советского Союза. У Шпенглера в «Закате Западного мира» пруссак с его социализмом, точнее, государством как средством реализации категорических императивов, должен был заступить на место мирового/западного гегемона, занятое англосаксом, но история распорядилась иначе. Причем дважды Россия в своих различных инкарнациях выступала на стороне англосаксов с их приматом личной свободы.

[1] https://globalaffairs.ru/number/My-bolshe-ne-mechtaem-o-buduschem-my-ego-skoree-boimsya-19829.

[2] *Tett G.* America faces a battle to find buyers for its bonds // The Financial Times. 2019. Febr. 7.

[3] *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М. : РИПОЛ классик, 2016. С. 28.

Из этого следует, что проблема глубже указанных различий, да и советский опыт использовал продукты европейской мысли, только другие. Постмодернизм ставит проблему шире: она в фашизоидном менталитете, коренящемся в антропоцентризме (человекобожестве, по Достоевскому) и метафизике присутствия. Фашизм предстает как гегельянство (апофеоз тотального модерна), взятое государством на вооружение. Отсюда деантропологизация и устранение субъекта через письменный язык/тексты, разъятие тотальности через деконструкцию. Поэтому корни надо искать не у Ницше, а во всей немецкой классической философии, восходящей (как и опыт англосаксов) к Реформации, которая, по меткому выражению Тютчева, выплеснула с водой ребенка. Первородство по части Реформации стало ключевым пунктом немецкого национализма.

С точки зрения постмодернизма европроект в его нынешнем виде не имеет будущего. Как и западный альянс, ЕС представляет собой тотальность, только на уровне международных отношений. Его может спасти либо выход на уровень еще большей тотальности/наднациональности, что не просматривается, либо «мягкий» демонтаж (деконструкция?), скажем, до общего рынка, что удержало/вернуло бы англичан. Постмодернистская альтернатива — уход в национальные квартиры (суверенизация как фрагментация) с их «ремонтом», но с выборочным учетом наработанных европейских ценностей. Что будет потом, покажет история. Но сама жизнь доказывает, что наше время не терпит тотальности. Британцы поступили мудро, сохранив фунт как гарантию своей независимости. Если осмотреться из лютеранского севера с центром в Берлине, то может сложиться впечатление осады на всех фронтах: англосаксы на западе (Брексит и поддерживающие его американцы), бунтующая Восточная Европа и страны Средиземноморской периферии, переваривающие опыт греков. Для всех, хотя и по разным причинам, бремя германского порядка вдруг, когда прошли «тучные времена», оказалось тяжелым. Даже немцы признают, что у них образовалась «случайная империя» в форме еврозоны[1].

О российских корнях постмодернизма, помимо Достоевского, позволяет судить Тютчев, который предвидел, что Россия самим фактом своего существования будет отрицать будущее Запада, то есть его тотальность. Значит, неизбежна конвергенция, каких было немало в XX веке. Малоизвестный факт — участие России в сооружении Статуи Свободы в ознаменование отмены рабства в США и крепостного права в России (уральская медь и сбор средств под патронатом одного из великих князей). Все не так мрачно — надо только уметь ждать. О синтезе (добавим еще один его современный вариант — fusion) писал еще Достоевский, представляя свой «Дневник писателя». Кто знает, может, в этом и есть та тайна, которую нам оставил разгадывать Пушкин, о чем Достоевский говорил в знаменитой Пушкинской речи незадолго до своей кончины: не случайно он особо остановился на «Маленьких трагедиях» — этом мини-Шекспире как ярком примере сопряжения русской культуры с лучшими традициями европейской. Тургенев, живя в Европе, мучился людской неприглядностью, как и его друг Г. Флобер, который, предваряя Дж. Джойса, писал: «Непоправимое варварство человечества наполняет меня черной тоской… Я затопил бы человечество под своей рвотой!»[2]. Собственно, этот пессимизм, доходящий до мизантропии, движет Дж. Джойсом, первым постмодернистом. Как и все отсылки к Гомеру, «Улисс» возвещает глубокий кризис европейской цивилизации. Сто лет его художественного осмысления и 50 лет теоретического не дают оснований для удивления по поводу всего происходившего после окончания холодной войны.

Постмодернизм отрицает, но отрицает то, что на протяжении двух веков отрицало идеалы Просвещения. Чем дальше от XVIII века, тем больше «варварства (добавим, освященного идеологией) в высокоцивилизованных условиях жизни». Пример дает контраст между Венским конгрессом и Версалем, между тем, как обошлись с побежденной Францией и с побежденной Германией, а после холодной войны Запад вообще счел ненужным какое бы то ни было формальное урегулирование с участием России.

Окончание холодной войны вскрыло универсальное значение Дж. Оруэлла с его организующим общество корытом и новоязом, одними равнее других. Со временем под сомнением оказались любые «великие замыслы», «большие стратегии» и тому подобные упражнения в самовозвеличивании. В них продолжалось омертвение жизни (*living dead*). «Измельчал» не просто человек — леонтьевское «вторичное упрощение» выставило напоказ элиты. На этом фоне личность Трампа обретает чуть ли не масштабы Улисса. Империи еще поддерживали в сознании какую-то связь с XVIII веком и традиционным обществом, но когда они рухнули, героику уже XX века обеспечивали войны и революции и связанные с ними метанарративы, что достигалось ценой свободы. После 1989 года на повестке дня западных элит оказался вопрос о псевдогероике, которую и обеспечивала антироссийская политика (советская целина, БАМ?), благо отчуждение России в связи с расширением НАТО было вполне предсказуемым.

Все псевдоимперское стало походить на комедию дель арте, но с кровавыми последствиями, включая войну в Ираке и терроризм, где «торжествующая глобализация столкнулась сама с собой»[3]. Этот диссонанс не мог не провоцировать постмодернистскую мысль. Нетрудно понять желание окончательно (хотя ничто не окончательно!) разрушить основание человеческой несвободы до самых ее истоков. Может случиться и так, что придет крамольное осознание того, что все их разъятия/расщепления подтверждают подлинное христианское понимание свободы, как его утверждал в своей «христоцентричной апологетике» Достоевский (по Роуэну Уильямсу, бывшему архиепископу Кентерберийскому[4]). Свобода в таком понимании никак не де-

[1] Цит. по: *Zielonka J.* Counter-Revoluton. Liberal Europe in Retreat. Oxford Univ. Press, 2018. P. 8.

[2] *Гроссман Л.* Литературные портреты. М. : РИПОЛ классик, 2010. С. 262.

[3] *Бодрийяр Ж.* Указ. соч. С. 101.

[4] *Уильямс Р.* Достоевский. Язык, вера, повествование. М. : РОССПЭН, 2013. С. 280.

терминирует человека, а детерминирует его все остальное.

Постмодернизм, безусловно, обречен на свое отрицание. Синтез — лишь догадка. А пока приходится ожидать комплексной развязки всего клубка разноплановых конфликтов и противоречий, накопившихся за столетия. Тут и тотальность/тоталитарность рынка, его хаос, в котором мы уже давно живем, отличный от предполагаемого многополярного, которым запугивают. И Питирим Сорокин, предсказавший крах потребительского социокультурного уклада по обе стороны идеологической конфронтации. Вопрос в том, как долго может поддерживаться виртуальная реальность не-кризиса в изношенной до дыр системе. Ни много ни мало подводится итог развитию европейской цивилизации за последние пять веков, что и служит решающим фактором проблемы непредсказуемости и резкого снижения управляемости мирового развития в наше время.

А. В. Кузнецов[1]

ТНК — УСИЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ РОЛИ ИЛИ УСЛОЖНЕНИЕ АДАПТАЦИИ К ТРЕНДАМ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ?

Текущее десятилетие характеризуется ростом непредсказуемости многих важных для мирового развития политико-экономических процессов. В Европе с осени 2018 года на протяжении многих месяцев действительно никто не может сказать, когда и в каком формате состоится выход Великобритании из ЕС, притом что конфигурация Брексита, бесспорно, окажет существенное влияние на внешнеэкономические связи многих стран, причем не только членов крупнейшего европейского интеграционного проекта. Весьма туманны перспективы протекционистской политики администрации Д. Трампа в США, при этом характер участия США в мирохозяйственных связях так или иначе затрагивает почти все государства. Непрекращающиеся политические проблемы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, растущая нестабильность в Латинской Америке также не добавляют определенности при попытке оценить современные тренды мирового развития.

Тем не менее проблему предсказуемости мирового развития надо решать, и одним из вариантов, на наш взгляд, является анализ отдельных групп субъектов международных отношений, их способности, с одной стороны, участвовать в формирующейся системе полицентрического глобального управления, а с другой — самим адаптироваться к изменчивости значимых международных процессов. Одной из наиболее перспективных для исследования групп таких субъектов, по нашему мнению, являются транснациональные корпорации (ТНК).

Согласно определению, которое дала ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), к ТНК или многонациональным предприятиям (как их все чаще называют) относятся компании любой организационно-правовой формы, состоящие из головного предприятия и дочерней либо зависимой структуры, где головное предприятие владеет минимум 10 %, в другой стране[2]. По сути, фирмы — прямые инвесторы и ТНК объявляются синонимами. Такая трактовка позволяет отнести к многонациональным предприятиям большинство крупных участников внешнеэкономических связей, что делает ТНК важными участниками мировой экономики.

По данным ЮНКТАД, в мире действует около 100 тыс. ТНК. Валовая добавленная стоимость, создаваемая в зарубежных подразделения ТНК, в 2017 году составила около 7,3 трлн долларов, или 9 % мирового ВВП. Еще значительнее вклад в мировой ВВП у ТНК за счет дочерних предприятий и филиалов ТНК на родине. При этом суммарная выручка только заграничных подразделений составила более 30,8 трлн долларов (что почти на 37 % превышает мировой экспорт товаров и услуг), а общая занятость в этих структурах ТНК достигла 73,2 млн человек[3]. По сравнению с 1990 годом, вклад зарубежных подразделений ТНК в мировой ВВП увеличился в 1,7 раза, число занятых — в 2,7 раза, а объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) — в 14 раз. Аккумулированный объем ПИИ в мире к концу 2017 года оказался на уровне примерно 31 трлн долларов, в том числе ежегодный поток ПИИ составил свыше 1,4 трлн долларов (это около 7 % всех вложений в основной капитал в мире за год).

[1] Временно исполняющий обязанности директора Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН (2013–2019), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор МГИМО (Университета) МИД России. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект» (удостоена медали РАН); нескольких коллективных монографий, посвященных экономике стран ЕС, европейской и евразийской интеграции, региональной политике, российским внешнеэкономическим связям; свыше 20 статей в журналах, индексированных Scopus и WoS, включая «Foreign Investments of Russian Companies: Competition with West European and East Asian Multinationals», «Prospects of Diversifying Russian Direct Investment Abroad», «Framework for the Analysis of Geography of Transnational Corporations Investments Abroad» и др. Главный редактор журнала «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право». Член Ученого совета Русского географического общества, правления Ассоциации европейских исследований. Награжден Почетной грамотой Президента РФ за заслуги в научной деятельности.

[2] World Investment Report 2018. Methodological Note. P. 3. URL: https://unctad.org/en/PublicationChapters/wir2018chMethodNote_en.pdf.

[3] World Investment Report 2018. Investment and New Industrial Policies. Geneva : UNCTAD, 2018. P. 20. Попутно заметим, что актуальные данные ЮНКТАД получает на основе собственных эконометрических моделей, так что приведенные показатели оказались существенно ниже цифр, рассчитанных за год до этого.

ТНК как субъекты международных отношений

Растущий вклад ТНК в мировой ВВП и трансграничные потоки товаров, услуг и капитала уже несколько последних десятилетий порождают оживленную дискуссию о превращении ТНК в важных субъектов международных отношений. При характеристике глобализации нередко можно увидеть даже сопоставление *масштабов крупнейших бизнес-империй* с отдельными государствами[1]. Проводившиеся в текущем десятилетии переговоры по созданию мегарегиональных торговых соглашений также оставляли большой простор для прогнозирования растущего веса ТНК в трансформации элементов глобального регулирования международных экономических отношений. При этом эволюция стратегий ТНК, их бóльшая, чем прежде, гибкость вследствие развития новых информационно-коммуникационных технологий и продолжающегося научно-технического прогресса в производственном секторе позволяют компаниям успешнее адаптироваться к негативным аспектам инвестиционного климата той или иной страны. По сути, глобализация не столько замедлилась вследствие последнего мирового экономического кризиса («великой рецессии»), сколько изменила свой характер, открывая новые возможности для усиления роли ТНК[2].

В некоторых долгосрочных прогнозах даже отдельно рассматриваются сценарии размывания роли государств и традиционного миропорядка, когда им на смену приходят сетевые модели мироустройства с ключевым значением не правительств, а ТНК и других негосударственных субъектов[3]. «Созидательному разрушению» современной политической организации мира под влиянием крупного бизнеса, причем на всех уровнях — от глобального до национального, посвящены специальные научные исследования[4].

Крупные компании действительно имеют возможность влиять на мировое развитие в целом и перспективы экономического благополучия отдельных стран. В частности, *ТНК способны оказывать воздействие на страны* через такой инструмент, как трансграничные цепочки создания стоимости. Хорошо известно, что стадии этих цепочек сильно различаются по вкладу в образование добавленной стоимости, формируя так называемую кривую улыбки, когда самыми невыгодными для стран-реципиентов ПИИ оказываются примитивные производственные стадии[5]. При этом именно ТНК в конце концов принимают решения о локализации своих предприятий. В связи с этим многонациональные компании могут сильно воздействовать на национальные государства, особенно на небольшие страны, постоянно выдвигая требования по улучшению инвестиционного климата. Фактически речь идет о воздействии транснационального бизнеса на национальное законодательство в сфере экономики. Поскольку некоторые государства пытаются из этого процесса получить свою выгоду, появляются такие спровоцированные транснационализацией бизнеса феномены, как офшоры и конкуренция юрисдикций (например, путем создания специальных экономических зон с льготным режимом хозяйствования).

В пользу растущей автономии частного бизнеса от национальных государств свидетельствует и *потеря многими ТНК национальной почвы*. При всей волнообразности динамики иностранных портфельных инвестиций в акции в долгосрочном плане растет доля зарубежных акционеров даже в самых крупных компаниях. Расширение присутствия иностранных инвесторов на местных фондовых рынках, равно как и стремление ведущих ТНК публично разместить свои акции на крупнейших биржах за рубежом, привели к тому, что во многих всемирно известных фирмах иностранным портфельным инвесторам принадлежит значительная (а иногда и доминирующая) часть акций. Например, в конце 2017 года швейцарцы владели лишь 34,5 % акций «Nestle», тогда как физические и юридические лица из США — 32,3 %, а представители стран ЕС — еще порядка 20 %[6]. Этот процесс затронул даже очень крупные страны. Так, в крупнейшей германской ТНК «Volkswagen» в 2018 году иностранным акционерам принадлежало около 40 % капитала, в том числе свыше 20 % голосующих акций. В находившемся на втором месте в ФРГ по величине зарубежных активов концерне «Daimler» иностранцы владели свыше 67 % капитала, у следовавшего за ним «Siemens» показатель был 70 % (причем в обоих случаях инвесторы из США лишь немного отставали по суммарной доле от немцев) и т. д. Все чаще в руководящих органах крупнейших ТНК весьма значительную долю занимают иностранцы.

Таким образом, уже можно говорить не только о появлении конкурентоспособного национального бизнеса в неконкурентоспособных странах (когда благодаря ПИИ производство переносится в страны с меньшими издержками и забота об улучшении инвестиционного климата на родине уходит из числа приоритетов ТНК), но и о постепенном отрыве сверхкрупного бизнеса от национального общества. Глобальными по своей сути становятся и некоторые ТНК «второго эшелона». Углубление проектов региональной интеграции, особенно в ЕС (в меньшей степени в Северной Америке и пока довольно слабо в других регионах мира), ведет к формированию многонационального характера иногда даже у сравнительно небольших региональных ТНК.

Не случайно появился также феномен *компаний, рожденных транснациональными*. Вернее, речь идет о компаниях, которые слишком быстро (в тече-

[1] См., например: Глобальное управление: возможности и риски / ОГПМО РАН ; отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М. : ИМЭМО РАН, 2015. С. 83.

[2] Есть большое количество работ по новым чертам глобализации. Процитируем для иллюстрации: *Хейфец Б. А.* Глобализация не кончается, она становится другой // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 14–33.

[3] См.: Перспективы экономической глобализации / [А. С. Булатов и др.] ; под ред. А. С. Булатова. М. : КноРус, 2019. Гл. 1.

[4] См.: *Лебедева М. М., Харкевич М. В.* Роль бизнеса в трансформации политической организации мира // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 34–51.

[5] Подробнее см.: *Смородинская Н. В., Малыгин В. Е., Катуков Д. Д.* Сетевое устройство глобальных стоимостных цепочек и специфика участия национальных экономик // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 55–68.

[6] Здесь и далее при ссылке на статистическую информацию по отдельным ТНК используются их корпоративные годовые или финансовые отчеты, размещенные в Интернете.

ние 1–3 лет после создания) начинают осуществлять ПИИ. При этом терминологического единства пока нет — их называют international new ventures, global start-ups, born global или early internationalizing firms[1]. Важно то, что такие компании, на первый взгляд, опровергают основные идеи Уппсальской школы интернационализации фирмы о поэтапной интернационализации бизнеса[2]. Нет у многих компаний, рожденных транснациональными, и национально обусловленных этнокультурной и исторической близостью приоритетов в географии ПИИ (в том числе вследствие языкового и образовательного факторов при привлечении иностранных членов советов директоров). На самом деле особого противоречия с идеями Уппсальской школы нет, поскольку поэтапный характер зарубежной экспансии на фоне проявления психологического расстояния («эффекта соседства»), связанный с обучением внешнеэкономической деятельности, характерен не для компаний, а для работающих в них людях. В условиях ускоренной интернационализации топ-менеджмента создается все больше возможностей для создания компаний, сразу ориентированных на транснациональный характер бизнеса людьми, которые уже успели получить необходимое для этого образование и/или опыт работы в других ТНК. То, что было большой редкостью даже в развитых странах в 1970-х годах (когда шведские ученые предложили соответствующую теоретическую концепцию), сейчас наличествует даже в развивающихся странах (например, в секторе информационных технологий в Индии). При этом такого рода компании, в отличие от «классических» ТНК, чаще не относятся к крупному, а тем более сверхкрупному бизнесу.

Пределы международной автономии ТНК

Говоря о растущей роли ТНК в мировой экономике, потере связи транснационального бизнеса с национальной почвой, нельзя забывать о том, что *государство не собирается «умирать»*. Значительные масштабы нескольких сотен ведущих ТНК, действительно превращающихся в глобальные по охвату бизнеса компании, не отменяют регионального или в лучшем случае бирегионального (например, с акцентом на Европу и Северную Америку) характера остальных десятков тысяч ТНК. Многие фирмы-инвесторы представлены лишь в двух-трех соседних государствах. Более того, меняющийся под воздействием глобализации мир создает сложности не только правительствам, но и бизнесу, который должен уметь быстро адаптироваться к новым трендам. При этом потеря национальной почвы не позволяет ТНК эффективно воздействовать на правящие элиты стран изнутри.

Яркой иллюстрацией ограниченной власти ТНК в международных отношениях стала «война санкций» России с Западом вследствие событий на Украине. Несмотря на явные убытки западных компаний, политическая конфронтация привела и к ограничениям в сфере ПИИ, и к сворачиванию товарооборота России и ЕС. Так, если в 2013 году товарная торговля с ЕС-28 составила 417,6 млрд долларов (49,6 % внешнего товарооборота России и 9,6 % внешнего товарооборота ЕС без учета торговли стран-членов друг с другом), то в 2018 году показатель упал до 294,2 млрд долларов (42,7 % российского товарооборота и 6,4 % товарооборота ЕС). В результате Россия переместилась с 3-го на 4-е место среди торговых партнеров ЕС[3]. При этом крупные европейские ТНК, на которые приходился основной объем накопленных в России ПИИ, не смогли серьезно повлиять на смягчение «войны санкций», где солирует национальное государство — США. Напротив, события 2018 года показывают, что маховик протекционизма США раскручивается — так называемым санкциям подверглись российские частные бизнес-империи. Более того, О. Дерипаска и В. Вексельберг, владеющие самыми крупными (наряду с компаниями ЛУКОЙЛ, «Севергрупп» и «Евраз») российскими частными транснациональными бизнес-империями (соответственно «Эн+» и «РЕНОВА»), вынуждены адаптироваться к ограничениям не только в Северной Америке, но и в Европе.

Для европейского бизнеса еще более ощутимым ударом оказался референдум в Великобритании о выходе из ЕС. Сложные переговоры о формате так называемого Брексита, как и сама идея референдума, подчиняются больше логике британской внутриполитической борьбы, а не экономическим интересам Соединенного Королевства или их партнеров по европейской интеграции. В результате компании из Англии могут лишь «голосовать ногами», перенося свои офисы в Ирландию или на континент. Не случайно в 2017 году в Ирландии зафиксирован рост ВВП на уровне 7,2 %, а в 2018 году он оценивался в 6,8 % против соответственно 2,4 и 1,9 % в среднем по ЕС (и зоне евро). Зато в самой Великобритании показатель динамики ВВП в 2016–2017 годах замедлился до 1,8 %, а в 2018-м упал до 1,4 %[4].

Есть еще *много глобальных по своему значению событий, на которые ТНК не могут повлиять*. Из истории XX века известно, что отдельные ТНК финансировали государственные перевороты в ряде развивающихся стран, наживались на торговом посредничестве во время крупных войн, однако в целом транснациональный бизнес процветал преимущественно в годы либерализации внешней торговли и относительной разрядки в международных отношениях. В связи с этим формирование почти сплошного пояса нестабильности в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке привело к сворачиванию активности многих ТНК, которую не удалось полностью переориентировать на другие регионы. Особенно значимо это оказалось для стран, где ТНК только формируются. Наибольшее влияние события текущего десятилетия ока-

[1] См., например: *Arte P., Barron A*. Early Internationalisation of New and Small Indian Firms: An Exploratory Study // Progress in International Business Research. 2017. P. 525–558.

[2] *Johanson J., Vahlne J.-E*. The Uppsala internationalization process model revisited: From liability of foreignness to liability of outsidership // Journal of International Business Studies. 2009. № 9. P. 1411–1431.

[3] Расчеты автора на основе статистики ФТС России (http://www.customs.ru) и Евростата (https://ec.europa.eu/eurostat).

[4] European Economic Forecast. Winter 2019 (interim) // European Commission Institutional Paper 096. Febr. 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip096_en.pdf.

зали на ТНК из арабских монархий Персидского залива, которые были вынуждены начать географическую диверсификацию прямых инвестиций за счет поиска более стабильных мест приложения капитала по сравнению с сопредельными странами. Для российских ТНК потери капиталовложений в Ливии, исчисляемые сотнями миллионов долларов, также оказались заметны, хотя они были меньше потерь ряда европейских ТНК (в целом годовой приток ПИИ в Ливию упал с более чем 3 млрд долл. в 2007–2009 гг. до ничтожных показателей)[1]. Самым ярким примером оказалась компания «Татнефть», которая в текущее десятилетие входила со значительными активами в три зарубежные страны — в Ливию, Сирию и на Украину.

Из-за неясности с будущим санкционного режима США непонятны перспективы вовлечения в потоки ПИИ такой крупной страны, как Иран. Новым очагом нестабильности может стать Венесуэла. Даже ведение бизнеса в более устойчивых развитых странах создает новые проблемы для ТНК вследствие роста геополитической нестабильности в мире. Например, нынешний миграционный бум в ЕС, обусловленный событиями в арабских странах, создаст в перспективе напряженность на рынках труда и в целом в обществе, причем с учетом низкой квалификации многих прибывших мигрантов и сложностей их культурной адаптации это не будет способствовать улучшению деловой среды для европейских компаний.

Новые тренды в мире ТНК

Нельзя забывать, что мир ТНК разнороден. Компаниям приходится адаптироваться не только к последствиям новых политических процессов, но и к трансформации экономической конкуренции. Так, в 2010-е годы возросло внимание экспертов к *ТНК, полностью или частично подконтрольных государству*. По данным ЮНКТАД, создавшей специальную базу таких компаний, в мире насчитывается около 1,5 тыс. подконтрольных государству ТНК, причем их много и в развитых, и в развивающихся странах. Хотя это лишь 1,5 % общей численности ТНК, на них приходится почти 10 % всех зарубежных дочерних компаний и филиалов (примерно 86 тыс.)[2].

Несмотря на масштабные программы приватизации в ряде стран, на наш взгляд, в ближайшие годы следует ожидать роста значения подконтрольных государству ТНК. Во-первых, это связано с продажей в частные руки неконтрольных пакетов акций. Достаточно напомнить, что в топ-10 ведущих российских нефинансовых ТНК входят Газпром, Совкомфлот, Роснефть, Атомэнергопром и РЖД, причем под контролем государства лишь в трех из них находятся 100 % акций, тогда как лишь 50,23 % ПАО «Газпром» и немногим более 50 % ПАО «Роснефть». Два крупнейших российских транснациональных банка — Сбербанк и ВТБ — также лишь частично принадлежат государству, как и еще 21 банк из мирового топ-25 транснациональных банков с государственным участием[3]. Во-вторых, доля подконтрольных государству ТНК выше в развивающихся и постсоциалистических странах, а их значение в ПИИ постоянно возрастает.

Кроме того, разрыв с национальной почвой у ТНК происходит не только из-за интернационализации акционерного капитала или топ-менеджмента, но и по мере роста значения в трансграничном инвестировании «перевалочных баз» (офшоров и других юрисдикций с благоприятным налоговым законодательством или регулированием внешнеэкономической деятельности). В результате появляется ощутимое количество *ТНК-мигрантов*. Например, при традиционном выделении именно транснациональных, а не многонациональных компаний к нидерландским ТНК следует относить российский ВымпелКом (ныне — VEON) или шведскую IKEA, поскольку их фактические штаб-квартиры действительно переехали несколько лет назад в Нидерланды. Весьма сложно привязать к одной стране и компании, возникшие в результате гигантских слияний. Хорошо освещенным в научной литературе примером служит имеющая более чем вековую историю нидерландско-британская нефтегазовая компания Royal Dutch Shell. Однако есть и много новых компаний — например, лишь пять лет назад на основе двух самостоятельных ТНК возникла итало-американская автомобильная компания Fiat Chrysler Automobiles (к тому же она зарегистрирована в Нидерландах, а ее штаб-квартира находится в Великобритании).

В будущем количество таких компаний заметно возрастет и среди ведущих ТНК, и во «втором эшелоне». В последнем случае это может быть обусловлено эмиграцией владельцев фирм. Так, среди российских ТНК-мигрантов можно выделить как ТНК с российским бизнес-сегментом, но штаб-квартирой за рубежом (производитель алкоголя SPI Group Ю. Шефлера и производитель молока Food Union А. Бесхмельницкого), так и бизнес-структуры эмигрантов и лиц с двумя-тремя гражданствами. Среди последних есть и советские граждане, начавшие бизнес за рубежом (например, Л. Блаватник с Access Industries или А. Бронштейн с Solway Investment); успешные российские бизнесмены, уехавшие в 2000-е (например, В. Иорих); граждане Израиля с российскими паспортами (Р. Абрамович и др.).

Следует ожидать дальнейшего *роста значения ТНК из развивающихся стран*, который вызовет очередную трансформацию типов ТНК. При этом не исключено возрождение определенных типов ТНК, которые сейчас стали уходить в прошлое в развитых странах. Это связано, в частности, с неизбежной сменой географических и отраслевых приоритетов, например ростом интереса китайских и других азиатских ТНК к агропродовольственным и минерально-сырьевым ресурсам экономически отсталых стран. Нельзя забывать и о специфике «мультилатинос», а также о появляющихся африканских ТНК.

Усиление зарубежной экспансии китайских, российских и некоторых других ТНК из развивающих-

[1] COMESA Investment Trends Report 2018. Lusaka : COMESA Secretariat, 2019.

[2] World Investment Report 2017: Investment and the Digital Economy. Geneva : UNCTAD, 2017. P. xi.

[3] World Investment Report 2017: Investment and the Digital Economy. P. 34.

ся и постсоциалистических стран, скорее всего, приведет к новому витку протекционизма в странах ЕС и США. Не исключено, что страны Запада будут, как и сейчас, в каждом конкретном случае пытаться политизировать вводимые ими запреты или, напротив, маскировать их под шапкой более общих мер регулирования (будь то произвольно вводимые санкции США против отдельных стран или так называемые энергетические пакеты в ЕС, формально призванные улучшить условия для потребителей). Однако рано или поздно это заставит изменить регулирование трансграничной инвестиционной деятельности на международном уровне, отказавшись от нынешней аксиомы о либеральном режиме для ПИИ и низких инвестиционных рисках в большинстве развитых стран. Это связано с тем, что ТНК развивающихся стран объективно демонстрируют доминирование иной модели транснационализации по сравнению с компаниями-инвесторами из ведущих экономических держав. Ведь китайские, южнокорейские и многие другие азиатские ТНК не только пытаются с помощью экспорта капитала шире использовать имеющиеся у них преимущества, но и преодолевают свои недостатки благодаря покупке зарубежных активов в передовых странах (особенно ради доступа к технологиям и квалифицированным кадрам).

Наконец, подъем именно ТНК Китая приведет не только к очередному повышению значения подконтрольных государству компаний-инвесторов, но и к появлению *новых форм взаимосвязей между ПИИ и иными внешнеэкономическими связями*. Так, уже сейчас китайская зарубежная экспансия подкрепляется долгосрочным кредитованием развивающихся государств со стороны КНР. В результате многие африканские, азиатские и даже латиноамериканские страны, получая финансовую помощь от КНР, в лучшем случае создают плацдарм для скорой экспансии китайских ТНК, поскольку китайские компании уже сейчас изучают специфику ведения бизнеса в соответствующих государствах, а также строят необходимые дорогостоящие инфраструктурные объекты. Не исключено, однако, и применение в следующем десятилетии схемы «долг в обмен на активы», когда страны окажутся не в состоянии обслуживать стремительно растущий внешний долг перед Китаем. На постсоветском пространстве показательным примером служит Киргизия[1].

Завершая оценку перспектив ТНК, необходимо отметить неизбежность *размывания «классических» ТНК* (хотя этой классике лишь 3–4 десятилетия — еще в 1950–1970-е гг. ТНК выглядели по-иному) и по нескольким другим причинам. Прежде всего растущая популярность трансграничных стратегических альянсов независимых ТНК, а также становящаяся повсеместной мода на анализ путей повышения конкурентоспособности национальной экономики в логике трансграничных цепочек создания стоимости свидетельствуют о готовности как бизнесменов, так и органов власти к дальнейшему размыванию границ ТНК.

Наконец, никуда не исчезают фонды прямого инвестирования, фактически не имеющие гражданства, равно как и укрепляются суверенные фонды, которые, напротив, не обладают даже той степенью автономии от интересов национального государства, которая присуща «классическим» ТНК. Продолжат расти инвестиции физических лиц в зарубежную недвижимость — вследствие роста числа представителей «средних классов» в развивающихся странах и повышательной динамики международного туризма. В итоге многие проблемы в анализе ТНК ученым, специализирующимся на исследовании международного бизнеса, еще только предстоит изучить. При этом популярность сетевых принципов организации транснационального бизнеса и рост значения гибких форм осуществления заграничной инвестиционной экспансии создают предпосылки для более активного воздействия ТНК на формирующуюся систему глобального полицентрического управления.

[1] Подробнее см.: *Кузнецов А. В.* Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 15–29.

В. А. Лекторский[1]

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЖИЗНИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

Мы живем в неопределенном, неуправляемом, рискованном мире, то и дело преподносящем новые проблемы: экономические, экологические, геополитические, межкультурные. Но есть одна проблема, которая до недавних пор казалась скорее периферийной, ибо считалось, что она относится не к кардинальным человеческим ценностям и важнейшим целям жизнедеятельности, а лишь к технологическим средствам их осуществления. Речь идет о современных информационных технологиях, реализуемых посредством устройств искусственного интеллекта. Между тем сегодня ясно, что разработки в области искусственного интеллекта, позволяющие передавать и обрабатывать информацию в цифровой форме (то, что называют цифровизацией экономики, систем безопасности, сферы быта), в действительности не просто вспомогательные средства для решения разных проблем, а главный способ экономического и социального развития. С ним связана нынешняя технологическая революция в экономике. Тот, кто успел вскочить в быстро несущийся поезд этой революции, может выиграть в мировой экономической и политической гонке. Недаром большое внимание на государственном уровне уделяется проблемам цифровизации жизни и разработкам в области искусственного интеллекта в США, Китае и нашей стране.

Между тем становится все более очевидным, что цифровизация и искусственный интеллект — не просто новый технологический уклад, это вызов ряду кардинальных ценностей культуры. Не так давно известный американский политический деятель Г. Киссинджер написал, что эра искусственного интеллекта — это конец европейского проекта эпохи Просвещения. В оценке возможных последствий использования искусственного интеллекта я бы пошел дальше. С моей точки зрения, использование современных информационных технологий на базе искусственного интеллекта, цифровизация всей жизни означают вызов коренным условиям человеческого существования вообще, независимо от принадлежности его к той или иной культуре. Речь идет о судьбе человека: не превратится ли он в какое-то иное существо, или просто погибнет? Считается, что культура Запада, который на протяжении столетий был источником развития науки и новых технологий, в том числе информационных, в большей степени готова к решению этих проблем, чем остальные культуры. На самом деле готовых ответов нет ни у кого, поэтому это вызов для всех существующих ныне культур.

О новых колоссальных возможностях человека

Традиционная культура привязана ко времени: она когда-то возникла. Люди живут в определенной среде обитания. А с помощью Интернета можно выходить за пределы пространства и времени, можно создавать сетевые сообщества по интересам. Это социальные связи нового типа, когда члены того или иного сообщества выходят за рамки того, что было принято до сих пор, человек становится более свободным. А мечта о расширении пространства свободы всегда была одной из движущих сил развития человечества.

В социальных сетях никто не знает, кто вы такой. Там можно писать все что угодно. Каждый может быть автором, а не только читателем текстов.

Существующие демократические системы имеют серьезные изъяны. Сегодня появляется идея более совершенной ее формы — электронной. Ведь в Интернете можно обсуждать все политические вопросы и нет цензуры. Можно с помощью социальных сетей устраивать политические акции, например призывать сторонников той или иной политической идеи выйти на улицу, заявить о своих требованиях. И, кажется, что электронная демократия хорошо себя показала в действии, обычно в связи с этим ссылаются на пример так называемой арабской весны — восстания молодежи в Египте.

С информационными технологиями и исследованиями в области искусственного интеллекта связано развитие целой серии новых технологий (их иногда называют NBIC-технологии). Это нано-, био-, информационные, когнитивные технологии. Считается, что сейчас на использование этих технологий переходят самые цивилизованные страны, и с их помощью можно будет делать то, что раньше было невозможно, например создавать таких нанороботов, которые будут чистить кровеносные сосуды и в принципе смогут бесконечно продлевать человеческую жизнь. Мечта о том, чтобы жить как можно дольше, а может быть, и вовсе не умирать, всегда владела человеком. Сегодня есть немало людей (в том числе вполне серьезных, включая ученых и философов), считающих, что идея бессмертия может

[1] Главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, научный руководитель философского факультета, заведующий кафедрой эпистемологии и логики Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура», «Человек и культура», «Наука глазами гуманитария» (ред.), «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» (ред.), «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке» (ред.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии «Философия России второй половины XX в.» (22 тома). Главный редактор журнала «Философия науки и техники», председатель международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», председатель редсоветов журналов «Эпистемология и философия науки», «Личность. Культура. Общество». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалями им. Г. И. Челпанова I степени, Института философии РАН «За вклад в философию», «В память 850-летия Москвы».

быть реализована с помощью информационных технологий на базе искусственного интеллекта. В настоящее время есть два варианта реализации идеи бессмертия: 1) нанороботы будут постоянно «чинить» человеческий организм; 2) некий аппарат каждый раз будет снимать информационную копию с поступков конкретного человека, с его переживаний, мыслей, записывать все, что с ним творилось на протяжении жизни. А потом все это перенесут на другой носитель — биологический, а лучше всего цифровой, то есть психическая жизнь конкретного человека сохранится, но он будет жить уже не в своем теле, а в другом, и это тело может вечно существовать, так как его можно будет постоянно «чинить». Но это будет уже постчеловек. Смысл жизни человечества, считают некоторые ученые и философы, — создать постчеловека.

В связи с этим развивается идея о возможности управлять процессом эволюции. Этот процесс перестанет быть естественным, станет искусственным. Человек с помощью NBIC-технологий сам будет создавать то, что природа не могла создать, или сможет повторить природу.

Некоторые специалисты считают, что в будущем можно будет читать мысли другого человека на основе расшифровки нейродинамических кодов записи информации в головном мозге.

Все это вызовы коренным условиям человеческой жизни, которые являются неизбежным следствием новых информационных технологий, опирающихся на разработки в области искусственного интеллекта.

О возможности создавать в Интернете сетевые сообщества, где отсутствует цензура и каждый получает полную свободу

Дело в том, что люди несут ответственность за свои поступки. Человек обладает свободой воли, о которой писали философы тысячу лет назад. Сегодня дискуссии о свободе снова обострились в связи с тем, что некоторые исследователи мозга пришли к выводу, что свободы воли якобы нет. На самом деле свобода воли есть, без нее человека не существует, ибо он отвечает за свои поступки. В Интернете появляются новые возможности для «авторствования». Но если все, что помещено в Интернете, считать ценной публикацией, это будет означать конец культуры. При выдвижении любой идеи предполагается, что есть способы оценить, хороша она или плоха. Рецензируемые журналы отличаются от нерецензируемых, поэтому публикации в них оцениваются по-разному. Художественные тексты мы тоже оцениваем по-разному в зависимости от их качества. Демократия, когда исчезают критерии оценки текстов, хуже, чем отсутствие демократии. В Интернете есть все что угодно. Но если интернетовские публикации никак не регулируются, тогда теряются критерии отличения хорошего от плохого и исчезает ответственность за то, что человек делает.

О проблеме электронной демократии

Конечно, можно вывести людей на улицу с помощью социальных сетей. Но ведь люди выходят ради какого-то результата, перемен, и у них должна быть программа таких перемен. А программу нельзя выработать в Интернете с помощью чата — для этого нужны специалисты, которые понимают экономическую и политическую ситуацию, знают, что можно сделать, а что нельзя. Толпа может сокрушить что-то, а что-либо создать без знающих людей не сможет. (Поэтому «арабская весна» в Египте не привела к тому результату, на который рассчитывала вышедшая на улицу молодежь.) Современное общество — это общество не электронной демократии, а скорее «экспертократии». В связи с этим возникают проблемы, так как эксперты бывают разные и у них могут быть свои интересы, но ясно одно: без профессионалов ни в одном деле не обойтись.

О NBIC-технологиях

На первый взгляд, хорошо, что вживленные в тело нанороботы будут сигнализировать, что у человека не в порядке (они знают его лучше, чем он сам), а «умный дом» будет говорить: купи то-то и то-то, и закажет в магазине что-то нужное, и это привезут. Таким образом, человеку ничего не надо будет делать — машина все сделает за него. Но тогда человек будет придатком машины, интеллектуального устройства, искусственного интеллекта, который за человека будет решать все — начиная с порядка в доме и заканчивая состоянием здоровья.

О преодолении смерти

Представим себе, что люди бессмертны. Хотя я думаю, что это вряд ли возможно, но допустим, что это удалось осуществить. Что это значит? Во-первых, люди не будут рождаться. Нужны ли новые люди, ведь они будут жить вечно? В наших отношениях с другими людьми огромную роль играет взаимопонимание, симпатия друг к другу, любовь, готовность пожертвовать чем-то, а иногда и жизнью, ради другого человека. Но в случае бессмертия человеческие качества, на которых основана жизнь, — самоотверженность, самопожертвование, сострадание, — будут не нужны, станут бессмысленны.

О свободе передвижения

У каждого будет карточка, в которой записано, куда вы пошли, что купили, где остановились. А поскольку современный мир — это мир опасностей, рисков и террористических атак, то центральная инстанция, отслеживающая ваши передвижения, будет давать советы: иди сюда, туда не ходи, делай так, а не эдак, — то есть управлять всеми вашими действиями. Получается, что это не новый уровень свободы, а новый уровень закабаления, потому что вы окажетесь во власти механизмов, которые умнее вас, все о вас знают и вроде бы делают все в ваших интересах. Кто знает, в чьих интересах они действуют на самом деле? Может быть, в интересах тех, кто имеет власть в обществе?

О чтении мыслей

К счастью, это невозможно. Например, два человека видят один и тот же предмет, но у них возника-

ют разные ассоциации и разные представления, смыслы, связанные с этим предметом. Референты и разные смыслы, с ним связанные, — это известная и до сих пор обсуждаемая философская проблема. Один и тот же референт (предмет) может вызывать у разных людей разные представления, смыслы, потому что люди не похожи друг на друга, и жизни у них разные, а значит, мысли, связанные о одним и тем же предметом, будут разными. Поэтому, даже зная, какие участки коры вашего головного мозга какому референту соответствуют, я все равно не пойму, о чем вы думаете. Невозможно угадать даже самые простейшие мысли другого человека с помощью исследования его мозга, потому что у каждого своя жизнь, ни один человек, к счастью, не похож на другого. Человек автономен, он сам принимает решения. А если бы можно было читать мысли, как предполагают некоторые специалисты в когнитивных науках, то, конечно, можно было бы с человеком что угодно делать — манипулировать им, внушать ему какие-то мысли. В итоге человек превратился бы в марионетку в чужих руках. К счастью, это невозможно. А даже если и было бы возможно, лучше не делать этого. Не все, что можно, нужно.

Об идеях «улучшения человека» (human enhancement)

Сегодня многие ученые и философы разделяют идеи «улучшения человека» (human enhancement). Но как «улучшать» человека? И где границы этого улучшения? Некоторые отвечают на этот вопрос так: нужно, чтобы человек лучше и быстрее думал, был более эмоциональным, быстрее бегал, меньше ел, меньше спал. Тогда возникает вопрос: каковы критерии того, что лучше? Может быть, это для человека не лучше, а хуже? Например, что значит лучше думать? Мышление бывает разным. Человек может прекрасно играть в шахматы, а во всех остальных отношениях быть если не идиотом, то странноватым существом и совсем не разбираться в других сферах жизни. Человек может быть гениальным математиком и в то же время шизофреником (такие случаи есть). А что значит лучше чувствовать? Например, в китайской культуре эмоциональность понимается иначе, чем в европейской. Китайцы считают, что себя вести так, как европейцы, нельзя, открыто выражать эмоции — это нехорошо, неприлично. Что значит «лучше» в этом случае? Чья точка зрения? Кому-то показалось, что так будет лучше, и он считает, что это самоочевидно, поэтому нужно «улучшать человека».

Сегодня есть проекты воздействия на генную систему человека — редактирование генной карты. У каждого человека есть генетическая система и ее можно улучшать. Если есть какие-то заболевания, их, конечно, нужно лечить. Но возникает вопрос: когда можно вмешиваться в генную систему, а когда нельзя. Здесь нужно вспомнить старый врачебный принцип: не навреди. Можно что-то вылечить или улучшить, а что-то одновременно ухудшить. Сейчас человечество может очень многое — то, о чем раньше могли только мечтать. Люди вмешиваются в жизнь природы, человеческое тело, работу мозга. Вопрос в том, как вмешиваться? Как это делать во благо, а не во вред человеку? Выход только один: нужно, чтобы решения в таких случаях принимали не случайные люди или политики, а понимающие, что такое человек, каковы его возможности, в чем его сила и слабость и как они взаимосвязаны. Нужна философско-гуманитарная экспертиза подобных проектов. Попытки улучшить какие-то качества человека могут привести к лишению его особенностей, которые делают его человеком, превратить его в нелюдя (а постчеловек и есть нелюдь).

Это не фантастика и не отдаленное будущее — мы постепенно становимся участниками этой новой ситуации. Представьте себе такую картину: идет человек по тропинке, подошел к ее краю и видит: перед ним пропасть, у него есть выбор: взлететь (крылья у него вырастут) или упасть в пропасть. Все люди, думающие о судьбе современной цивилизации, должны не допустить падения в пропасть. Г. Киссинджер считает, что сегодня насущно необходимо философское и гуманитарное осмысление проблем, связанных с возможностями и опасностями цифровизации жизни на основе искусственного интеллекта. С этим нельзя не согласиться.

А. Г. Лисицын-Светланов[1]

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩИХСЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Предсказуемость, управляемость, векторы перемен и будущее человечества

Начало XXI века ознаменовалось непредсказуемыми событиями и неуправляемыми процессами в международных отношениях. Менее чем за 20 лет мир успел провозгласить торжество глобализации и при этом «глобально» впасть в финансовый кризис, возвеличить национальные интересы, потеснившие идеи интеграции, попытаться развернуть строительство однополярного мира и с удвоенной силой осложнить жизнь многих народов проблемами терроризма и вынужденного переселения.

Этот, возможно, неполный список явлений, похожий пока на хаотичный, вызван тем не менее объективными факторами, имеющими экономический, политический, идеологический, техногенный и природный характер.

Первым и предопределяющим толчком к изменениям стало крушение биполярного мира. С точки зрения возможных моделей дальнейшего развития мирового сообщества западная модель могла показаться безальтернативной. Такой взгляд был допустим хотя бы потому, что эта модель развивалась в течение полувека и имела в основании не только национальные системы западных стран, но и определенный международный правопорядок.

Что касается мировой экономики, то в процесс управления были вовлечены универсальные международные организации, такие как Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ) и др. Примером регионального объединения, причем не только экономического, но и политического, стал Евросоюз. На национальном уровне к числу мировых экономических лидеров, воспринявших в значительной степени западные модели, кроме такого гиганта, как Япония, следует отнести и юго-восточных «тигров».

Вместе с тем если трезво посмотреть на экономическую, политическую и правовую карту мира конца XX — начала XXI века, то западная модель как путеводная звезда не выглядит бесспорной. Мировой порядок формируется в результате взаимодействия государств, их политических и экономических интересов. В свою очередь, эти интересы не предопределены исключительно прагматичными установками. На них оказывает воздействие целый спектр неэкономических факторов и даже цивилизационный код нации[2].

Эти неэкономические факторы, как правило, отражают материальную и духовную базу общества в каждом государстве и являются фундаментом развития в любую историческую эпоху. Они же определяют и вектор правовой политики каждого государства. В отечественной юридической литературе справедливо отмечалось, что право должно отражать объективную ситуацию, а не быть продуктом «выдумок» законодателя[3]. Продолжая эту мысль, следует отметить, что национальное право не только в его статике, но и в развитии под воздействием тех или иных факторов меняется с учетом своих традиций. Национальные политические системы, экономические модели и национальное законодательство на протяжении всей истории объективно взаимодействовали, но неизбежными спутниками этого процесса были противоречия, конфликты и войны.

Во второй половине XX века мир, все еще не избавившись от конфликтов, тем не менее нашел средство предотвращения глобальной войны: сначала путем демонстрации возможностей ядерного оружия, а потом его накопления на двух «полюсах противостояния». Эта фатальная опасность привела к формированию нового типа международного права — права мирного сосуществования. Сейчас, оглядываясь назад, можно достаточно определенно объяснить принципы построения обеих систем биполярного мира и при этом избежать субъективных политических и идеологических оценок, подчас весьма различных. Это возможно, поскольку политические процессы, происходившие в каждой из стран и в мировом сообществе в целом, нашли свое отражение в праве — как национальном, так и международном.

Но биполярный мир рухнул, а 30 лет новейшей истории привели к убеждению, что мировой «монопо-

[1] Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 120 научных работ, в т. ч.: «Национальное право в условиях глобализации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», «Культура как фактор, влияющий на развитие международного права», «Правовая культура и правовой нигилизм: характерные черты, оценки, проблемы», «Национальный и международный правопорядок в контексте геополитической ситуации», «Белые пятна в современном международном праве», «Роль международного частного права в процессе взаимодействия национальных систем права», «Правовые иммунитеты от „цветных революций“», «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)» и др. Член редакционного совета журнала «Государство и право» и редколлегии «Трудов Института государства и права РАН». Член бюро Отделения общественных наук РАН. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия) и преподобного Сергия Радонежского.

[2] См.: Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / науч. ред. О. Т. Богомолов. М. : Ин-т экон. стратегий, 2010 ; *Лисицын-Светланов А. Г.* Всеобщая декларация прав человека — концептуальная основа правового развития в современном мире // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М. : Ин-т государства и права РАН, 2009. С. 8–13 ; *Лукашева Е. А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М. : Норма, 2009.

[3] *Шебанов А. Ф.* Формы советского права. М., 1968. С. 3–9.

рядок» невозможен. Это могут подтвердить эксперты в любой области гуманитарных и общественных знаний. Остается вопрос: каким видится правопорядок XXI века?

Можно было бы предположить, что международное право, действовавшее в период от Ялты 1945 года до падения Берлинской стены, сохраняет свою энергетику и прослужит человечеству по крайней мере «второй срок». Однако наблюдаемые политические процессы свидетельствуют не столько о стремлении усовершенствовать существующую модель, сколько ее разрушить. Можно было бы усомниться в категоричности такого суждения, однако проводимая оперативная политика ведущих государств находит поддержку и продолжение в их правовой политике и, более того, закрепляется в их внутреннем праве.

Если обратиться к примерам созидания в современных международных отношениях, то следует отметить меры по формированию регионального сотрудничества, реализуемого в форме новых международных организаций — ШОС, БРИКС и др. Несмотря на безусловную пользу усилий их участников, принимаемые в этих организациях решения носят скорее программный, нежели регулятивный для государств-участников характер.

Таким образом, оценивая современные стартовые позиции для развития правопорядка XXI века, можно видеть, что пока в них прослеживается скорее тенденция силового развития, нежели следование принципу согласования воль государств и их обязанности сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН, что прямо закреплено в Декларации «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года (Резолюция 2625 [XXV]). При этом «силовое» в современных условиях не тождественно «военному». Желаемый результат может быть достигнут не только оружием (Non solum armis), но и экономическими мерами.

Еще одним фактором, усложняющим формирование нового экономического правопорядка, стал интенсивный рост ряда национальных экономик. Этот, казалось бы, позитивный фактор мирового развития имеет и оборотную сторону. Новые игроки на мировом рынке объективно развивают конкуренцию. Конкуренция сама по себе необходимое условие функционирования рынка, но жизнь показывает, что ее непременным спутником являются недобросовестность, протекционизм, а то и просто применение силы.

Будущее регулирование международных экономических отношений с учетом ситуации, сложившейся в наши дни, выглядит не лучшим образом. Постоянные сводки о наложении санкций, введении дополнительных таможенных тарифов, назначение и отмена торговых переговоров, давление на коммерцию, основанное на экстерриториальном действии национальных законов, политика канонерок в горячих точках мира, угрожающая разрушить энергетический рынок, — этих факторов вполне достаточно для того, чтобы ожидать краха действовавшей до сих пор системы правового регулирования внешнеэкономических отношений. Все перечисленное означает растущую тенденцию к конфронтации, противоречащую упомянутому выше международно-правовому принципу обязанности государств сотрудничать. Принципу, рассматриваемому международным правом как абсолютно императивный (jus cogens).

На глобальный характер кризиса в праве, регулирующем внешнеэкономические отношения, указывает деструктивный характер правовой политики, распространившийся по всему миру без создания каких-либо альянсов. Например, изменение таможенных тарифов в отношениях США и Китая, по мнению французских официальных лиц, способно привести к экономическому спаду в Европе и потере рабочих мест во Франции.

Остро воспринимаемая конфронтация с Россией из-за Украины отнюдь не является источником «общей болезни». Но роль современной России на мировом энергетическом рынке и рынке вооружений сама по себе является раздражителем для ведущей экономики мира — США. Это подтверждает их отношение к проектам поставок комплексов С-400 в Турцию и «Северный поток–2».

Углубление кризиса может вызвать выход Великобритании из ЕС. В настоящее время Соединенное Королевство является и финансовым донором, и потребителем товаров ЕС. Роль этой страны на европейском рынке трудно переоценить. Сейчас очевидны правовые проблемы выхода страны из Союза и неопределенность с предлагаемыми документами по дальнейшему взаимодействию, а впереди не только их окончательное согласование, но и реализация на практике.

Китай уже на примере двух долгосрочных проектов — Шелкового пути и Арктики — со всей определенностью заявляет о своем намерении продвижения на Запад. Это неизбежно повысит накал противостояния с США. В такой ситуации двусторонние договоренности маловероятны, следовательно, потребуется заключение многосторонних договоров с участием России, что для США весьма проблематично.

В отличие от прежних лет, США в угоду своим внутриполитическим интересам загнали в угол национальное санкционное регулирование. Такого не было даже в разгар холодной войны. Прежде действовавшее законодательство, где были четко прописаны основания для экспортного контроля, предоставляло администрации право устанавливать и снимать ограничения по трем основаниям: по соображениям национальной безопасности, интересам внешней политики и ограничениям доступности товаров на рынке. В компетенцию администрации также входило определение номенклатуры контролируемых товаров и услуг, порядок выдачи частичных специальных разрешений или снятия ограничений. Принятый в настоящее время пакет законов лишает администрацию права принимать самостоятельные решения. Это не только делает непонятным действие американского конституционного принципа разделения властей, но и подрывает доверие к возможности ведения переговоров с США.

Формой разрушения международного правопорядка стало насильственное вмешательство во внутренние дела государств Ближнего Востока и Северной Афри-

ки. Кроме прямой агрессии, широкое применение под лозунгом защиты демократии нашла поддержка, в том числе финансовая, антиправительственных движений извне, перерастающая в поддержку терроризма. Результатом стали хаос и насилие в этих странах, а апофеозом — формирование ИГИЛ.

Политические и экономические последствия подобных кризисов отражаются и на других регионах. Разрушение рынков, например иракского и ливийского, для России означает сворачивание внешнеэкономических связей в сфере промышленного сотрудничества, энергетики и др. Для Европы военные действия в Ливии и Сирии породили огромные проблемы, связанные с миграцией и рынком труда. Проблема миграции стала одной из ведущих в политической и экономической повестках дня Евросоюза.

Предсказать дальнейшие пути регулирования внешнеэкономических отношений сложно еще и по причине позитивного фактора — интенсивного технологического развития, формирующего цифровую экономику и дающего неоспоримые преимущества государствам — лидерам в этой области перед остальным человечеством.

Настороженность вызывает тот факт, что во все исторические эпохи технический прогресс попадал в первую очередь в руки «богу войны». XX век создал международно-правовую систему, запрещающую производство и использование оружия массового поражения. Можно вполне согласиться с мнением, что в целом сохраняющейся международной безопасностью мир обязан имеющемуся ядерному оружию. Но в условиях упадка международного права чего можно ожидать от будущих разработок, формально не подпадающих под определение конвенционального (запрещенного международными конвенциями) оружия, но способного причинить существенный вред?

Отдельно следует отметить правовую проблему непредсказуемости будущих отношений, возникающих в киберпространстве. Жизнь человека и общества в этой среде способна изменить само представление о функционировании права. Действие национального права изначально ограничивалось границами государства. Исходя из суверенитета над своей территорией, государства формировали международное право, чтобы хоть как-то обеспечить межнациональное взаимодействие. Киберпространство изначально призвано развиваться вне границ, то есть вне государственного суверенитета. Правовое регулирование в этом пространстве требует новой философии права, а его формирование — заинтересованности и открытости государств в реальном мире.

Таким образом, разрушаемая международно-правовая система, в том числе в сфере внешнеэкономических отношений, дополняемая техногенными, а возможно, и природными факторами, открывает простор для волевых политических решений, основанных не на силе права, а на праве силы. Опасность такой тенденции достаточно полно рассматривается, в частности, в монографии профессора В. Д. Зорькина[1].

Откуда можно ожидать перемен? Первый шаг — обретение суверенитета и прагматизм. Однако это непростой процесс. По оценке президента России В. В. Путина, в мире не так много стран, которые обладают суверенитетом, и Россия дорожит им. По оценке временной Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, глобальным суверенитетом в современных условиях обладают только три государства: США, Китай и Россия. В этих условиях возвращение на Европейский континент суверенитета является ключевым вопросом с точки зрения перспектив выстраивания международно-правовых отношений России с зарубежными странами. Это утверждение может быть подкреплено примером из недавней истории. После введения Советским Союзом войск в Афганистан Соединенные Штаты приняли решение о санкциях и потребовали от ФРГ запретить поставку фирмой Mannesmann труб широкого диаметра для газопровода «Уренгой–Ужгород». Однако правительство ФРГ не поддалось давлению, поставка была осуществлена, а Mannesmann не подвергся американским санкциям.

Этот пример, как и современное противостояние ФРГ санкциям, по крайней мере пока, в отношении «Северного потока–2» вряд ли стоит рассматривать как серьезное противодействие праву силы, сложившееся в настоящее время в международных экономических отношениях. В связи с этим возникают вопросы о том, каков будет процесс выстраивания новых отношений. Будет ли правовое решение исходным условием для решения конкретных международных экономических проблем? Или существенные изменения в значении мировых рынков создадут условия для «перезагрузки» их правового регулирования? Эти две сходные проблемы проявляют, тем не менее, различную оценку возможностей права решать экономические проблемы как внутри страны, так и в мировой экономике.

Псевдоправовые меры, принимаемые в основном США, разрушают правовое регулирование мировых экономических отношений. Введение односторонних ограничительных мер, любые угрозы санкций, от финансовых до уголовных, в отношении иностранных компаний и лиц имеют в настоящее время экстерриториальный эффект. Этот эффект может сохранить свое значение с точки зрения его применения постольку, поскольку заинтересованность в присутствии на американском рынке и боязнь его потерять являются доминирующим фактором для компаний других стран. Развитие альтернативных рынков, в том числе цифровых, а также появление реальной альтернативы доллару позволит переформатировать правовое регулирование внешнеэкономических связей.

Таким образом, для формирования нового правопорядка недостаточно только политической воли. Кроме политических решений, необходимо изменение соотношения экономических сил и новая концепция формирования международных механизмов, способных выработать правила поведения в современных условиях — как в сфере реальных внешнеэкономических связей, так и в киберпространстве.

[1] *Зорькин В. Д.* Право против хаоса. 2-е изд. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. С. 367.

А. А. Лиханов[1]

ДОМ БЕЗ ФУНДАМЕНТА?

Дорогие коллеги! Тема XIX Лихачевских чтений более чем значительна. Мировое развитие человечества немыслимо без предсказуемости и управляемости, хотя окружающая нас всемирная действительность с какой-то младенческой наивностью уклоняется, бежит от поисков взаимности и встречных векторов.

Планета движется к важной метке — 75-летию окончания Второй мировой войны (для нас — Отечественной, народной), к 75-летию учреждения Организации Объединенных Наций, но всем очевидно, что ООН отступает на обочину мирового сотрудничества.

А кровавая война если и не забыта, то усердно забывается или извращается.

Состязательность технологического свойства обретает черты новой формы рабовладения (или, если угодно, душевладения), духовного, этического, когда обычаи, национальные особенности, языки как бы отступают в сторону, уступая упорству нового единообразия — мысли и управляемости. Боюсь, что нравственные установления, выработанные человечеством в многообразии представлений, сегодня разглаживаются нового рода глобальным утюгом в единообразие, ценности и свойства, усредняя этим дарования, помыслы, мечтания в некую средневзвешенную всемирную допустимость.

Стремясь к будущему, пытаясь нащупать его предварительно, спрогнозировать, заранее понять достоинства или перерождения, которые оно принесет, конечно же, надо начинать с фундамента, с нулевого цикла, как во всяком строительстве. В человеческом измерении это дети — задуманные, рожденные и подрастающие, начальная часть человечества.

Будет предсказано оно, будет предсоздано — с предварительным ему содействием, — или окажется предано воле стихии — вот вопрос, который представляется важнейшим для такого прогноза.

В октябре исполняется 30 лет со дня принятия ООН Всемирной конвенции о правах ребенка.

Даже в самом основании этого события сокрыто странное противоречие. На Генеральной Ассамблее ООН с яркой речью и первым выступил президент США Буш-старший, но Америка — как будто в какое-то порицание всему миру — Конвенцию эту не ратифицировала до сих пор. И до сих пор никто не может понять этого двоезначия.

СССР и Китай сделали это одними из первых. Но главное — Конвенцию приняли все остальные страны мира!

Картина всемирного детства — штрихами, конечно, такова:

— 570 млн детей живут в нищете;

— 230 млн не числятся вообще на земном шаре — то есть они есть, живут, но нигде и никем не зарегистрированы;

— 5 млн детей не умеют ни читать, ни писать;

— каждая десятая девочка в мире подвергается насилию;

— вообще дети становятся жертвами насилия каждые 5 минут;

— от насилия в мире защищены лишь 10 % детей.

В мире идет активная торговля детьми, продажа их органов, использование в вооруженных конфликтах и организованной преступности, в том числе торговле наркотиками.

Детству — основе и продолжению нашей цивилизации — грозит смертность от голода, отсутствия воды на целых континентах, не знающих границ инфекций.

В мире упрочилось понятие «детская бедность».

Международная организация труда (МОТ) объявила, что социальной защитой охвачено только 35 % детей мира, а совокупные расходы на выплату пособий не превышают 1,1 % мирового ВВП. (Наша страна не включена в этот анализ.)

Только 23 страны (это страны ЕС) предоставляют нуждающимся семьям с детьми универсальные пособия.

Но представьте: дети до 14 лет составляют 26 % мирового населения, на их нужды в целом всеми государствами тратится через различные пособия только 1,1 % мирового ВВП.

Минимальные расходы на пособия зафиксированы в Северной Африке (0,1 % ВВП, доля детей среди населения — 32 %), максимальные — в странах Тихоокеанского региона (2,7 % ВВП, дети — 23,3 %). В Европе и Центральной Азии они составляют 2,2 % (дети — 17,2 %), в Восточной Европе — 1,1 % ВВП (доля детей — 16 %).

На этом фоне представленные ранее российскими специалистами (РАНХиГС) оценки детской бедности в России выглядят позитивно, хотя из-за различия критериев оценки бедности прямо сопоставить данные по России и миру невозможно (с точки зрения стандарта ООН, детская бедность в России почти отсутствует).

В России 25 млн детей в возрасте до 15 лет. Уровень абсолютной монетарной бедности среди них — 22 %. Это в 1,5 раза выше показателя среди населения страны в целом. Уровень существенной материальной депривации детей составляет 4,7 %, что в 1,6 раза выше, чем для населения в целом. 21 % детей проживают в домохозяйствах, имеющих из-за нехватки средств задолженность по оплате ЖКХ, арендной платы или кредитов, тот же показатель для всего населения РФ

[1] Писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, академик РАО. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Чистые камушки», «Обман», «Лабиринт» (трилогия «Семейные обстоятельства»), «Благие намерения», «Голгофа», «Невинные тайны», «Высшая мера», «Паводок», «Никто», «Сломанная кукла», «Русские мальчики», «Мужская школа», «Слётки», «Преддетство», «Сострадательное наклонение» и др. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, а также орденами и медалями Болгарии, Грузии, Украины, Беларуси и Армении. Лауреат премии Ленинского комсомола, Большой литературной премии России, премии Президента РФ в области образования, премии Правительства РФ в области культуры и др. Почетный доктор СПбГУП.

составляет 14 %. 8,4 % детей проживают в семьях, которые не в состоянии оплачивать ежедневные расходы (в целом по РФ — 12 %).

Эти показатели характеризует зависимость благосостояния детей и семей, в которых они растут; в этом дети зависят от родных и уподобляются им. Иначе говоря, словосочетание и социальное определение «бедные дети бедных родителей» — доказанная жизнью совпадаемость.

Мир не может позитивно развиваться да и вообще существовать, если важная часть народов в начале своей жизни уже пребывает в состоянии никомуненужности, бедности, безысходности. Бедные дети в бедных семьях являют собой не только жертву чьего-то богатства, но и грядущую опасность, увы, не тем социально-политическим категориям, которые придерживают и богатство, и человеческие возможности.

Такие дети — во всем мире — могут являть собой угрозу благополучным стратам — как обычным, человеческим, так и экономическим построениям разного рода. И это противостояние есть признак дегуманизации, неравенства, конфронтации.

Бедное, обреченное, бесперспективное детство — дом без фундамента. И как бы добротно ни выглядело строение, оно непременно рухнет из-за просчетов социального конструирования.

Справедливо и правильно лишь равенство. А механизм выравнивания и всевозможной помощи — единственно справедливый способ всеобщих действий. И государств, и обществ, и единого нашего разумения.

В. Л. Макаров[1]

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ПОНЯТИЙ ДЛЯ РАЗГАДКИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НЕИЗБЕЖНО

Популяции людей, типы людских сообществ очень разнообразны: семьи, роды, тейпы и т. д. Национальность, язык матери, проживание на одной территории, землячество, профессия, школа, университет, работа в одном коллективе, религия, идеология, политическая партия, клуб по интересам, приверженность моде в широком смысле этого слова — все это объединяет людей в определенные социальные группы.

К какой группе относились люди, проживавшие в СССР? До сих пор мы употребляем выражение «советский человек». Людей современной России называют россиянами. В разговорной речи можно услышать: западные европейцы, азиаты, африканцы, латиноамериканцы и т. д. Когда используется одно из перечисленных определений, зачастую имеется в виду не проживание людей на определенной территории, а что-то другое. Уместно было бы употребить слово «портрет» людей определенного типа. Иногда используется термин «менталитет». Например, иногда говорят: «китайский менталитет», и понятно, о чем идет речь.

В основе понятия «идеология» лежит идея, которая, конечно, в скрытой форме управляет поведением человека. Без идеи человек как без руля — не знает, куда идти.

Российский человек, как, впрочем, и любой другой, нуждается в путеводной идее. И если таковой нет, то он чувствует себя неуютно. Не случайно и «разговоры на кухне», и социологические опросы показывают, что в современных условиях человеку не хватает четко сформулированной идеи. Еще во времена Ельцина поднимался вопрос о национальной идее. Вспомнили уваровскую триаду «Православие, самодержавие, народность». Нынешний президент В. В. Путин предложил в качестве национальной идею патриотизма. Но, оказывается, этого недостаточно для идеи, которая бы объединила весь народ.

В литературе часто прослеживается правильная мысль, что любая придуманная самыми умными людьми формулировка оказывается недостаточно глубокой. Надо не искать формулировку, а понимать суть идеи, лежащей в природе россиян, в их генетическом коде, как сейчас модно говорить.

Естественно, каждый народ принимает те нормы, которые соответствуют его генетическому коду, большую роль в этом играет религия. У нас это православие.

Говорят, что в нашем генетическом коде заложено единовластие в форме монарха, царя, генсека, президента, обладающего большими полномочиями. Но полномочия должен определить и дать народ, убежденный, что они будут использованы для достижения общей цели.

Также в нашем генетическом коде содержится понятие справедливости, которое выше любого закона. Поэтому православие может быть тем механизмом, который будет подсказывать, как разрешать противоречие между законом и внутренним пониманием справедливости.

---

[1] Научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, президент Российской экономической школы, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности» (в соавт.), «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики», «Социальный кластеризм. Российский вызов». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегий и редакционных советов журналов: «Ekonomics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономическая наука современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Награжден орденами Дружбы народов, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии им. Л. В. Канторовича РАН, Демидовской премии и др.

Еще одно свойство российского самосознания — терпимость к инородцам, к иным представлениям о жизни. Это называется толерантностью, если использовать термин западного происхождения. Благодаря этому свойству Российская империя была самым большим государством по территории и по количеству народностей, его населяющих.

Наконец, каждому присуще чувство патриотизма, любовь к родной земле, принятие проблем страны на уровне личных проблем. Без этого страна бы не побеждала, защищаясь от внешних угроз.

Эта совокупность перечисленных особенностей генетического кода россиян является неполной. В ней нет цели, идеологии, которая бы объединяла людей, мотивировала их к действиям. Если для отдельного человека понимаемый им смысл жизни неразрывно связан с личной мотивацией, то смысл жизни народа — в идеологии.

В действующей ныне Конституции Российской Федерации, к сожалению, идеология не рассматривается как смысл жизни народа. В современном Китае — наоборот: конституция сфокусирована на идеологических вопросах. Китайский способ управления обществом заметно отличается от традиционного, западного. Считается, что так называемые западные демократии обеспечивают гораздо больше свободы гражданам, организациям, предпринимательству, чем другие формы управления обществом. В действительности в китайском обществе ограничения свободы присутствуют только в сфере идеологии, то есть в сфере глобальных целевых установок. В области предпринимательства и регионального управления, например, в Китае свободы заметно больше, чем у нас, хотя формально наше государство в отличие от Китая федеральное, и парткомов у нас давно нет. Мне представляется, что следует изучать опыт Китая: как воздействовать на идеологию, как распространять правильную среди народа. Чуждую идеологию народ сам отвергнет, а лежащую в его генетическом коде надо помочь выявить.

Итак, об идеологии, различных ее вариантах сказано и написано немало. Великие мыслители прошлого стали великими в значительной степени благодаря предложениям своего типа идеологии. Платон, например, считал, что мир состоит из двух частей: мир материальных вещей и мир идей. Идеи существуют и развиваются по своим законам, отличным от законов материального мира. Платон имел свое представление об идеальном обществе и государстве. У его ученика — Аристотеля — были несколько другие представления об идеальном обществе. Он подчеркивал, что человек по своей природе склонен стремиться к познанию.

Вообще, Конфуций и Аристотель были одними из первых мыслителей, которые допускали разные варианты идеального общества и, соответственно, движения к идеальному обществу.

Можно вспомнить Томмазо Кампанеллу с его «Городом солнца», Томаса Мора и других мыслителей-утопистов, которые мечтали об идеальном обществе, но ничего не делали для его создания. Однако после появления сочинений Карла Маркса идеальное общество под названием «коммунизм» обросло деталями, и движение к нему стало возможным. В те годы понятие идеологии стало более осмысленным. Люди начали лучше понимать коллективный смысл жизни общества, членами которого они являлись. Идеология сделалась знаменем движений, называемых революциями, особенно лидеров этих революций. Можно вспомнить Мориса Тореза, Петра Кропоткина, Владимира Ленина, Фиделя Кастро, Сальвадора Альенде и многих других.

Таким образом, представляется бесспорным, что мотивацией для великих свершений, потрясений, революций является идеология. Можно выстроить длинную цепочку известных идеологий, однако все они, по сути, содержат в себе лишь две базовые компоненты: коллективную и индивидуальную. В идеологии коммунистической направленности в основе лежит коллективизм, либеральной — индивидуализм.

Если взглянуть на совокупность известных идеологий, можно отметить отсутствие прогресса в осмыслении основ человеческого существования. Каждая новая идеология обрастает деталями, учитывающими современное состояние общества, используемых технологий и прочее, но качественного скачка не наблюдается — все сводится к компромиссу между коллективным и индивидуальным.

Основы и цели человеческого существования расплывчаты и, видимо, таковыми будут всегда. Однако благодаря быстрому развитию компьютерного моделирования появляется возможность рассматривать и, следовательно, оценивать различные варианты эволюции человеческого общества.

Скоро появятся цифровые двойники не только изделий типа мотора или самолета, но и людей. Эти цифровые двойники образуют общество, называемое искусственным. В рамках искусственного (цифрового) общества можно будет проводить любые эксперименты.

Человечество должно выработать механизм сравнения и выбора наиболее приемлемого варианта дальнейшего развития, которое бы устраивало всех. Любопытно, что этот механизм также может быть встроен и в искусственное общество. Получается своеобразный фрактал.

Вариантов развития человечества очень много. Например, мечта поколений, переживших войну, — чтобы не было войны. Добиться этого можно с помощью направленного изменения индивидуального генетического кода. У новых людей стремление к взаимопомощи будет доминировать, и тогда мечта Петра Кропоткина превратится в реальность. Вот другой вариант развития человечества — общество, в котором три пола: мужской, женский и средний. Сможем ли мы это осмыслить, понять?

Я предлагаю подумать об идеологии в наступающем цифровом мире. Главная особенность цифрового мира — принципиально бóльшая прозрачность действий каждого члена общества. Каждый знает о каждом намного больше, чем раньше. Например, китайские эксперименты с социальным кредитом (см. в Википедии «Система социального кредита»).

Прозрачность приводит к более эффективному управлению обществом с помощью норм, в первую очередь социальных.

Когда в обществе царствуют нормы, старые представления о капитализме, социализме нуждаются в существенной корректировке. Например, частная собственность, лежащая в основе капитализма, теперь управляется нормами. При соблюдении некоторых норм на использование частной собственности могут быть наложены такие ограничения, что она, по сути, превращается в государственную.

Мне представляется, что человечество движется к обществу, управляемому нормами. Назовем его нормативным, пока не придумали более благозвучного названия. Итак, общинность, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм, коммунизм, нормативизм… Что же дальше?..

Вариантов нормативного общества может быть много, так как надвигающийся на нас цифровой мир порождает их большое разнообразие.

В цифровом мире к процессу мышления подключается компьютер, работа с которым предполагает появление огромного количества вариантов, не укладывающихся в голове обычного человека. Роль человека становится другой: кроме порождения вариантов и их (в весьма малом количестве) оценки, перед ним встает задача — оценить варианты, созданные компьютером, их ценность для человечества.

В. К. Мамонтов[1]

ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА

Помните этот советский мультфильм? Там за двоечника веселые молодцы из волшебного ларца, «одинаковы с лица», решают все насущные задачи. Но и правила устанавливают: не только пекут булки, но и едят тоже за человека и живут фактически вместо него. Маленький лентяй удивлен: «Мы так не договаривались». А ему: «Шел бы ты».

К чему вспомнился этот мультфильм? К ничуть не смешной, не мультяшной, а настоящей человеческой беде.

Однако начну не с нее. Намедни я встретил на тусовке Михаила Федоровича Ненашева, выдающегося редактора газеты «Советская Россия» советских времен и написал об этом в соцсети: мол, ветеран в порядке, бодр, готовится к 90-летию. Робот, который в Сети отслеживает изображения, решил мне помочь: он подписал портрет. Даль Константинович Орлов.

Ну, не велика беда: обоих мэтров журналистики я знаю, с чувством юмора у них все в порядке. Они действительно похожи: вырубленные скульптурно лица. И робот может их спутать, но не я! Я стал эту подпись убирать. Робот упорствует. Удаляю. Не сдается. Упрямая машина долго доказывала мне, что лучше знает, кто на портрете. Вела себя со мной как с умственно отсталым. В конечном счете ошибку удалось исправить, но на это ушло много драгоценного времени!

Но это ладно: время мое, личное, компьютер мой, никто не пострадал. А если бы я пилотировал «боинг»? Тот самый «боинг», что не так давно угробила «умная» машина, с которой не справился недотренированный пилот, недооценивший упрямство киберпрограммы?

Понимаете, что происходит? Кто-то делегировал роботу, автомату, железяке массу моих прав, обязанностей и возможностей. Подо мной — Эфиопия. Я беру штурвал левее, а ему кажется, что надо правее. Раньше на месте робота был третий член экипажа, типа бортмеханика. И я мог спросить: «Вась, слышь, я с ума не сошел?» Это ж Ненашев? Не Орлов? Левее ведь? А Вася бы ответил: «Вроде да». Может, и вырулили бы. Может, и нет, всякое бывало, но я мог Васю и не слушать — взять ответственность на себя. А тут у автомата что-то перемкнуло: Орлов. Вправо. И его не собьешь. Можно, наверное, выключить. Но дело в том, что человека уже ментально заточили под нехитрый постулат: автомат надежнее тебя и бортмеханика, точнее, быстрее. Слушай его, мешок с кишками, полными микробов, не сопротивляйся.

В итоге: у меня в ленте неудобная чеховская «реникса».

С «боингом» хуже: от ста пятидесяти семи человек, пассажиров ковчега Земля, остались только аккаунты в соцсетях да селфи.

У меня назрели вопросы: как случилось, что вместо Васи, третьего члена экипажа, в кабине теперь робот? И куда делся Вася? Чем занят, для чего высвобожден? Откопал новый углеводород? Летит к Альфе Центавра? Пишет поэму? Может, хотя бы самогон гонит? Да, чуть не забыл: кто тот умник, который заменил бортмеханика Васю на мешок с кремнием?

Давайте разберемся по порядку. В конечном счете робот появился потому, что он дешевле Васи. Вам будут морочить голову, совать умные гаджеты, трындеть про прогресс, безопасность и прочее, но вы должны быть как сталь: дело в деньгах.

Смотрите: я выпускаю и эксплуатирую «боинги». У меня интересный выбор: наколдовать, чтобы где-то в далекой деревеньке Нерехте в семье потомственных прыгунов с колокольни и летунов на воздушных шарах Крякутных родился Вася. Василий должен выучиться, его должно было позвать небо, ему надо дать зарплату, отпуск и послать на курсы повышения квалификации. Иногда Вася приходит на работу мрачный: жена досталась из семьи потомственных распиловщиков древесины. Люди вообще несовершенны и обходятся довольно дорого. И как только у эксплуататора «боин-

[1] Генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

га» (и эксплуататора в целом) появляется возможность «наколдовать» вместо Васи коробку с проводами, он это со звериным урчанием делает.

Теперь посмотрим, что же делает высвобожденный Василек, он же Базилио, он же Бэзил? Чем занят его творческий ум, куда расходуется энергия? Матушки мои! А не он ли это с пивным пузом у телевизора? Не он ли молекула в сером потоке, что проглочен одной станцией метро, чтобы быть выплюнутым другой? Не он ли — в стеклянном кубе тычет в унылые кнопочки? Или неудавшийся бортмеханик как раз сейчас на табуретку встает… А чего это он? Стоп, а не в петлю ли он лезет оттого, что жизнь не удалась? Что небо звало, да не дозвалось? А не он ли накупил всякого оружия и расписывает его сейчас именами Дмитрия Сенявина и Давида Строителя, как это случилось с парнем из Новой Зеландии, пустившим в расход невинных людей в городке с потрясающим названием Христоцерковск — в дословном переводе?

Скажите: вот вы заменили человека неким устройством. Ради чего? Чтобы делать что? Не делать чего? Что вы выиграли?

Старшее поколение застало времена, когда жизнь постоянно заставляла что-то придумывать, шевелить мозгами, улучшать. Чтобы продлить жизнь батарейкам КБС, надо было — всего лишь! — придавить их дверью, чтобы осталась глубокая вмятина с двух сторон. Потом они, расплющенные, не лезли в фонарик, но тут же придумывался расширитель фонарика.

В советское время не было отбоя от инноваторов. Отделы писем многих газет были буквально завалены историями о том, как человек изобрел прищепку, которая сигнализирует, когда белье высохнет, а чинуши и бюрократы не дают ей ходу. Зажимают прищепку.

Однако теперь, вместо того чтобы возмущаться, я думаю: может, советские бюрократы, зажимавшие дверью своего кабинета прищепку, делали важное и благое дело? Они держали в тонусе умственное и физическое состояние народа. На чердак еще надо было подняться — узнать, высохло ли белье? А это тренировка, здоровое сердце, крепкие мышцы. Без всякого фитнеса!

И так — буквально по пунктам. В результате народ всегда был готов ко всему — и ему за это выдавали значки, те самые ГТО.

Когда Советского Союза не стало, на народ — собранный, готовый к испытаниям и отмобилизованный — обрушились все изобретения, которыми давно пользовался остальной мир. Все это зарычало, закрутилось, запело победную песню. Но погодите радоваться.

Раз уж зашел откровенный разговор о последствиях прогресса в быту, то скажу: наше семейство, увы, не стоит в стороне. Нами куплен, к примеру, комбайн — не тот, что в прежних репортажах о страде, а волшебная машинка, которая сама рубит картошку в кубики, и свеклу, и колбасу. Раньше, к примеру, приготовление главного новогоднего салата занимало полдня. Стучал нож. Пахло солеными огурчиками. Теперь деловитое жужжание — и эмалированное ведро (а что, оливье все любят) готово за час.

Раньше меня привлекали к чему-нибудь простому: я чистил, например, картошку, и мы разговаривали на важную тему, что комбайн так и не куплен, а потому приходится сидеть и чистить. Возле терся кот, который ждал, пока закончатся дела с горошком и огурцами и настанет время мяса, колбасы, а то и крабов, если дальневосточные гости не изменяли обычным традициям и приезжали.

У нас было важное совместное дело, которое занимало наше время — и наше сознание. Его некому было сделать, кроме нас. И это было очень ответственно. Ибо если мы не успеем, то на Новый год без салата голодной останется вся наша большая компания.

Купленный комбайн порезал в кубики не картошку — то самое важное и значительное дело, которое ты не мог никому препоручить, которое тренировало тебя резать мелко, но не порезаться самому. Думать о других, а не только о себе. Ты пробовал салат с особым чувством: ты же сам его сделал. Ну, почти сам. Может, добавить майонеза?

Что теперь на месте этого прекрасного совместного сидения на уютной кухне? Комбайн отжужжал. Жена разгадывает сотый кроссворд, тренируя память и моторику — навыки, которые у нее ежедневно отбирают «Википедия», калькулятор, стиральная машина-автомат, утюг с отпаривателем, телевизор с таймером, перебранная заранее гречка, невыкипающие кастрюли и самодвижущийся пылесос. И комбайн, окончательно покончивший с рабским трудом.

Я могу сказать, что пишу эту статью, но это будет неправдой. Статейку я пишу ночью, когда не спится. Я тоже ищу себе новое занятие. Но чем бы я ни занялся, все будет менее важно, чем совместное приготовление оливье.

Сравните сами: даже если я вкручиваю лампочки, а это важно, лампочки все равно хуже оливье! Что я сделал-то за сэкономленное время? Лайкнул? Ну а дальше?

А дальше каникулы. Десять дней спит да гуляет страна. Мается. Кутит. Лежит на пляже — кто выбрался из наших сугробов. Катается с Альп, купив себе сугробы Альп.

И так, между прочим, весь мир — толпы праздных людей текут друг мимо друга: одни — из Лувра в Третьяковку, другие — из Третьяковки в Лувр (это в лучшем случае, а то ведь некоторые в Таиланд).

Понял я это в Париже, на Елисейских Полях. Мы подтянулись туда к вечеру, когда косые лучи заходящего солнца уже облили золотым светом Триумфальную арку — и все такое прочее. С трудом найдя два стульчика на террасе ресторанчика (ох, и маленькие они у экономных французов) и получив два бокальчика с белым вином, мы вытянули натруженные ноженьки, да так и замерли, столбенея.

Перед нами текли два встречных людских потока. Такую плотность особей я встречал только на нерестовых реках, когда инстинкт продолжения рода гонит лососей в верховья. Но у человеческих стад не просматривалось ясной цели. Просто те, кто вроде бы в верховья, шли к Триумфальной арке, а те, кто типа в низовья, — от нее.

Нельзя сказать, что они куда-то стремились. Напротив, это было, на мой взгляд, торжество беспощадного препровождения, если не сказать, убийства времени.

Это был туризм в его чистом, беспримесном виде: гудят, надрываясь, чудовищные брюхатые и горбатые дримлайнеры, глотают людей метрополитены, сжирают бензин автобусы и горит синим пламенем народное наше достояние в топках электростанций; летят скоростные поезда, в графен стерты подошвы разношенных туфель — и что?

Да, все слегка устали, вспотели, особенно дети, которых катят в колясках, тащат сонных в рюкзаках, слингах, только что не в карманах. Поглощаются мегалитры пепси, мегатонны круассанов — а что в остатке? Видели из-за спин японцев и китайцев «Мону Лизу». Заглянули под юбку Железной Парижанке. На башне, кстати, строится еще один промежуточный этаж — предыдущие не справляются с потоком желающих глазеть, тащить туда спящих детей в слингах и жевать булку с видом на Монпарнас. Или как его — Монмартр?

Попадались тут и праздные соотечественники, но я не об этом: обезоруживали разноязыкость, разноцветность, разновозрастность особей — и подспудное, нутряное их единение, их общее настроение, их лишние килограммы, их одинаковые кеды, мобильники, рюкзаки, их схожий настрой, который я выразил бы так: безмятежное целеустремленное безделье, под которое подведена соответствующая оправдательная база.

Чему они учат у себя дома и кого? Чем зарабатывают? В какие издания пишут, чтобы приехать — и замереть в изумлении: так вот какая река тебя несет! Вот куда ты попал! Есть у меня подозрение, что мы не отыщем существенных следов разумной, овеществленной деятельности этих орд. Конечно, кто-то ведет самолеты и поезда, а также бурит скважины. Но для чего? Чтобы однажды понять, что все это ты делаешь только для того, чтобы самому влиться в потный нерестовый (если бы) поток на Елисейских Полях?

Что делает это донельзя разбухшее человечество? Мы все стали туристами на поверхности нашей планеты, везде перильца и заграждения, кругом киоски и гиды, а также инструкторы в ее пестро обрыбленных Красных морях, на бескрайних отмелях, старых покатых горах, в оджипиэшенных тайгах и каньонах. Или я это чересчур и не стоило просить третий бокал беленького у улыбчивого чернокожего французского официанта?

Страшная мысль, что по большому счету мы все не сильно нужны, по правде говоря, ошеломила меня, сидящего на приставных стульчиках в бесконечном театре Елисейских Полей. Нельзя сказать, что я об этом прежде не догадывался. Мальтузианство, неомальтузианство, то-сё.

Но у каждого свой «момент истины». Придумать столько всего — удобрения, станки с числовым программным управлением, боевых и трудовых роботов, увешаться спутниками и извести на дым и суету электронов столько невосполнимых ресурсов, чтобы проснуться однажды ненужным? Праздным? Живущим и производящим себе подобных без ясной цели?

Причем конца этому веселому самоубийству не предвидится.

Учеными предсказывается (не знаю, правда, сколько беленького выпито ими), что многоголовым бездельником станет практически весь средний класс, предвестником чего, по-моему, является суета с классом «креативным», который точно с жиру бесится. Ибо гигантскими темпами автоматизируется умственный труд, на котором до сей поры базировалась орда чиновников, офисных манагеров, юристов, врачей, учителей, консультантов с копытом и без. Безработными останутся бухгалтеры и банковские служащие, а самое обидное — в зоне риска журналисты. Ибо то, что мы пишем, уже сегодня можно в большинстве случае поручить копипастеру. Чуть усовершенствовать программку — и на Елисейские.

Открытым остается вопрос: а на какие шиши? Но и тут мы шагнули далеко вперед по сравнению даже с Великой депрессией. Тогда безработные и бездомные строили дороги. Это негуманно. Мы, бывшие бухгалтеры, журналисты и изобретатели роботов, которые нас же и выдворили, найдем чем заняться и развлечься, не марая рук о битум и щебенку. Внедрение новых технологий волшебным образом принесет — и это по самым скромным подсчетам — около 30 трлн долларов год.

Эти гигантские деньги будут, вне всякого сомнения, перераспределены и перекуют нас в еще более изощренных потребителей абсолютно ненужных нам — в своей глубинной, базовой сути — вещей. Мы обзовем это информационным обществом, мы изъездим в пыль все Парижи и Сарла-ла-Канеды, мы, как в кислоте, растворимся в соцсетях, перепробуем все беленькие и красненькие вина, а также все другие интересные вещества, жутко устанем и эмоционально опустошимся, однако будем уныло жить, поскольку нам предсказано глобальное улучшение фармацевтики и геномики, нанолекарства и экзоскелеты. Даже кишечная палочка теперь поставлена на службу прогрессу — будет биотопливо вырабатывать. Очевидно, из того самого ярко-желтого живописного рапса, которым во Франции, по-моему, засеяны все поля, кроме Елисейских.

Раньше люди ходили друг к другу по неотложным делам. Торговля, война, то-сё. Раньше человечество хотя бы с упоением убивало друг друга в бесконечных мировых войнах, выдумывая танки, бомбы, дрессируя боевых слонов и смешивая в ретортах удушающие газы. Теперь нет и этого: войны локальны, ведутся без выдумки, трусливо, дронами, черенками лопат, чужими руками и точечными ударами. Слава богу, нет горя и смертей, но нет и всепоглощающей радости победы, беби-бума, который происходит от счастья, что выжил и вернулся, а она ждала; нет сжигающих страстей, нет точки отсчета подлинности.

Раньше ездили обозом: Ягеллон Некрасивый в прошлом году договорился с Тихоном Кривым, что уступит ему Сонные Лощины в обмен на Макаровы Самовары, так о том везли манускрипт. Приезжают: Тишкавор на Водовзводной башне висит, остатним глазом подмаргивает. На троне Филька Временный (правил 46 лет с небольшим, построил Владимирскую коль-

цевую дорогу, присоединил Бай-Конурское ханство, степь, конечно, но пригодится, отменил черту оседлости таджиков). Хрен вам, а не Самовары, говорит: власть переменилась. А вот Лощину давайте, от нее не отказываемся. Наше слово крепкое.

Поползли послы обратно, прикладывая ко лбам пятаки.

Теперь все это делается одним звонком по мобильной спецсвязи. Чем занять сэкономленное время? Кухонный комбайн все смолол: и огурцы, и колбасу. Послы теперь переписывают сплетни и с умным видом шлют их наверх. А парень, мушкетер фельдъегерской службы, который раньше д'Артаньяном скакал бы с секретным пакетом четверо суток, не делает ничего. Точнее, он сидит у секретного дипкомпьютера, слушает Леди Гагу, хихикает, не скачет, а скачивает те самые секретные сплетни, чтобы продать их таким же веселым парням и девушкам, которые впервые за века выросли, не узнав, что такое война, настоящее большое горе или голод, которые не испытали даже неудобств.

Иногда мне хочется перерезать провода, перекрыть кран, сжечь китайские пошивочные цеха, вынуть все батарейки и посмотреть, как они будут умирать без своих телефонов, гаджетов, блогов, зависаний на Гоа и заказа пиццы на дом. Все те, кто без умолку болтает про производство и потребление смыслов.

Ну, это оттого, что я устарел и озлобился. Мне кажется, что смысл не может долго существовать без материального воплощения. От разных умников и их наставников мы знаем, что общество было индустриальным, потом постиндустриальным, теперь оно информационное.

Проиллюстрируем это на примере легкой промышленности. В индустриальном обществе ценился мастер, который умел сшить крепкие и удобные трусы. Он ходил гоголем.

Бартелеми Тимонье утомился в свое время шить трусы вручную. Он извел гору бумаги. Чертил, комкал, кусал невкусное гусиное перо. Ну, хорошо, думал он, рычаг протолкнет иглу сквозь кромку сшиваемой ткани. А как обратно? Ночью ему приснилось: дырку в игле надо делать на другом конце. Он вскочил, как уколотый. Зажег свечу, рисовал, смеялся… Он не понимал, что производит смысл, когда придумал швейную машинку. Он думал, что придумывает швейную машинку. А был и смысл: теперь трусы можно шить быстрее и крепче.

Потом Хоу и Зингер усовершенствовали его смысл — и трусов можно было изготовить еще больше и еще быстрее. И так везде: в кузнечном деле, электричестве и паре, воздухоплавании, космосе...

Тимонье долго мастерил свою швейную машинку. В наши дни он вполне мог продать свой сон — и на Гоа.

В информационном обществе, внушают мне, ценится тот, кто придумал новый фасон трусов, тот, кто написал про новый фасон трусов, тот, кто носит правильные трусы, тот, кто, сидя в новых трусах, придумывает следующие новые трусы. Он победил, ходит гоголем.

Он победил. А кто проиграл? Кто хам? Кто лузер? Ничтожество, которое сшило трусы. Добыло нефть, которую сожгли следующие в цепочке лузеры — и добыли из нефти ток. А потом, по колено в ледяной воде, объедаемое мошкарой, протянуло линии электропередачи. Подало невидимые, но трудолюбивые электроны прямиком на швейную машинку в далеком Гуандуне или Пловдиве.

Их, лузеров, еще надо бить палкой за урон живой природе, который они нанесли по дороге. Видели эти рощи увядшего бамбука? Эти лежбища мертвой селедки? Эти спиленные и перемолотые в гравий Гималаи? Дышали этим ржавым воздухом? Это все они. Палкой, палкой их по глупым, никчемным пяткам!

Подождите, они ж для вас старались, изобретатели трусов! Это же вы измысливали все новые, чаще бесполезные, вещи, которые производились, нет, извергались на человечество! Вы заработали на этом денег, славы. А они немного денег и ни капли славы — позор и обвинения в отсталости.

Ваши трусы так и остались бы виртуальными, если бы не они. А в виртуальных трусах зябко ходить. Уныло. Можно, конечно, на Гоа уехать. Но там охватывает такой расслабон, что задумываешься: не да ну ли всё это вообще?

Опасно и вот что: процесс придумывания новых трусов не должен останавливаться. В горошек были? Были. Стринги? Были. До колен? Ниже колен? С приспущенной резинкой? На веревочках? Были! Съедобные? А вот это интересно…

И тут механизм дает сбой. Я, испытывающий необоримую тягу к подлинному, прочному, долгоиграющему, неподвластному, в ноздрях которого стоит запах гарта и звон линотипа, видящий в дизайнерском букете инженерную конструкцию, завороженно стоящий над чревом машинного отделения старого парохода, что бороздит Люцернское озеро, получаю поддержку откуда не ждал.

Нет, говорит молодой человек, живущий в одной стране со мной, съедобные трусы мне тоже не интересны. Как не интересны? Это уже такой новейший оборот событий. Этак и глянцевые журналы вымрут! Потому что «новый молодой» дистанцируется не только от производства направленных электронов, но и от креативища с гламурякой, справедливо полагая, что там блескучая пустота и выпендреж. А стало быть, циничная и успешная попытка выкачать из дураков бабло.

«Новые молодые», отстраняющиеся от этой суеты (недавно узнал, что их почему-то опять называют хипстерами), поняли, мне кажется, важную вещь: они не хотят, чтобы людьми (то есть ими) манипулировал новый эксплуататорский класс. И сами не хотят становиться новыми колонизаторами, скромно именуя все это глобализацией, мировым разделением труда и производством смыслов. Совестно как-то.

Этот класс формируется на наших глазах. Раньше умный, чтобы разбогатеть, должен был быть и предприимчивым. Или предприимчивый забирал (покупал по дешевке) у умного идею — и преодолевая гигантские трудности, строя заводы, формируя коллективы, сращивая расползающуюся ткань бытия, выпускал не-

что новое. Богател на этом и правил миром. А изобретатель умирал нищим — как Тимонье. Рядом с ним хоронили нищего рабочего согласно теории прибавочной стоимости.

Теперь, когда продается идея, которая реализуется все чаще виртуально, у изобретателя есть все шансы разбогатеть — ну и править миром, разумеется. Причем повадки сразу же оформляются сходные с повадками предыдущих властелинов: интернет-гуру за 50 % прибыли ведут себя абсолютно по Марксу.

Но, по Марксу же, появился вид молодых зверьков, которым не хочется так качать бабло. Они пока не протестуют, не создают подпольных кружков по изучению виртуальной социал-демократии, просто довольствуются малым. Не клюют на бесконечного потребительского червя, которого им ежесекундно подносят к пасти. Но в обществе, заточенном на бесконечное потребление, демонстрацию стандартных признаков успеха, и это тянет на бунт.

Отстраненность, признаем, дается им легко, поскольку квартира куплена родителями, милыми недоумками, продолжающими жить в материальном мире, молиться золотому тельцу, думать о будущем детей, так до обидного быстро улетучивающихся из их мира в свой собственный. Кепку, чтоб голову не пекло, «новый молодой» купит винтажную, на блошином рынке. А его подруга, к счастью, хороший человек и любит его, дурака, а не его кошелек.

Но до нашей общей победы далеко. Пишу этот текст, а по телевизору каждые полчаса — реклама решетки, которую надо вставить в сковороду, чтобы оладьи получались строгой геометрической формы. Озабоченный голос спрашивает: вы пекли оладьи? Вы же были страшно расстроены, что они не идеально круглы? Все, теперь ваши расстройства позади: вы получите идеальные оладьи!

Ловлю себя на мысли: а может, я действительно мечтал не летчиком стать, не бортмехаником, не под мостом пролететь, как Чкалов, а чтоб оладьи были круглыми? Чтоб жесткая вода не сожрала мою стиральную машину? Чтоб листать альбом Ротко и цокать языком: вот оно, искусство! Мне маякуют: подступает новая мода; будь готов лечиться от микробов в кишках! Всегда готов!

Слушайте, а когда мне голову успели заменить на автомат? Я лечусь уже не от того, чем реально болею, а от того, что умеют гарантированно вылечить навязываемые мне препараты!

Не знаю как вы, а я собираюсь упорствовать: на фото — Ненашев, летать под мостом круто, абстрактисты — жулики (не все), оладьи должны быть неровными, а аз есмь… умнее железяки. А вы как хотите.

Х. А. Марк[1]

ВЕКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ И БУДУЩЕЕ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Экс-президент Израиля Шимон Перес, несколько лет назад посетивший Россию с циклом лекций, предсказал, что XXI век станет принципиально новой эпохой для человечества и переломным моментом в его эволюции. По мнению Ш. Переса, раньше человек использовал умственные способности для познания окружающего мира: наблюдая за бегом лошадей, человек изобрел машины и поезда, полет птицы навел его на мысль о создании самолетов. Но в нынешнем веке человек познает свой разум, его истинную сущность и колоссальный потенциал. Если верить вышесказанному, сегодня мы стоим на пороге новой эпохи, которую назовут цивилизацией интеллекта.

В это время великий ученый — британец Стивен Хокинг сделал еще одно важное предсказание о будущем. Когда его спросили, какой ему представляется судьба человека, он дал лаконичный, но вместе с тем емкий ответ: людям суждено исполнить свое предназначение — быть пчелами во Вселенной, существами, опыляющими космос знаниями.

Пересечение этих двух точек зрения позволяет нам задуматься о двух главных мотивах, под знаком которых пройдет наше будущее, — новый этап в развитии цивилизации и выход в космос.

Сегодня мы движемся к новой цивилизации интеллекта, где совершенно иной станет ценность человека, а его отношения с планетой перейдут на новый уровень. Кроме того, сегодня мы должны подумать о том, какой видим Вселенную в будущем: человечество может создать гармонию или спровоцировать войну космического масштаба. Мы проживаем оба главных сценария, которые реализуются во множестве различных цивилизаций, живущих в разном ритме эволюции. В такой ситуации и при отсутствии высшего политического устройства глобального масштаба неизвестные стратегические явления нависли над нами, подобно дамоклову мечу.

Таким образом, мы приближаемся к переломному моменту в истории, когда наука влечет нас в будущее,

[1] Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Ибероамериканского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книг «Жди меня в Гаване», «Ключевые стратегические вопросы в глобальном мире», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений, в т. ч.: «Актуальные общемировые проблемы и национальные интересы. Мир между конфликтом и созидательностью», «Мир уже никогда не будет прежним: грядут большие перемены», «Проблема разных стадий конкуренции в процессе глобализации» и др.

а политика тормозит, так и не выявив формулы примирения людей с жизнью. Именно поэтому важно проанализировать ряд черт, которые уже сейчас свойственны нашей эволюции, и попытаться смоделировать оптимальный способ успешного мирного развития.

Развитие науки и технологий придает значимость жителям городов, закрепляя их конкурентоспособность в виде интеллектуального капитала, что ведет к росту индивидуальной движущей силы с большим творческим потенциалом. Сегодня благодаря распространению технологий ценность человека слишком высока, чтобы ограничивать его механическими функциями или задачами, которые могут выполнять программы или искусственный интеллект. Самое главное — человек мыслящий, тот, кто способен думать и изобретать. Наибольшая ценность человека, таким образом, заключается в интеллекте, а по мере его развития запускается комплексный процесс, который ведет к приобретению богатства, основанного на инновациях. Человек от процесса выживания перешел к роли рабочей силы, трудящейся на элиту, которая разрабатывает продукты, а в итоге стал частью галактики, населенной творческими созданиями. Ценность каждого гражданина растет пропорционально его потенциалу, что позволяет внедрять якобы бесконечные инновации, что, в свою очередь, способствует экспоненциальному росту многообразия.

Будущее мира связано с творческим этапом: чем больше людей будут вовлечены в творчество, тем больших успехов мы достигнем и тем шире будут горизонты, которые нам откроются. Мы движемся к обществу состоящему из бесконечного множества творческих личностей, генераторов идей, проектов, инициатив и продуктов, оставляя позади общества с массой потребителей, где каждый исполнял свои функции на базе ограниченных технических ресурсов.

Данный вопрос поднимался и раньше, еще в 1900 году, но в другой ситуации: в начале XX века промышленная революция сформировала новые условия в развитых странах планеты: там располагались фабрики, где на тысячу рабочих приходилось лишь десять руководителей. Из тысячи 990 человек занимались монотонным механическим трудом, который благодаря научному развитию заменили машины. В 2000 году в тех же зданиях мы обнаружили сотни компаний (по десять человек в каждой), а механический труд выполняли сложные машины, заменившие людей. К середине XXI века в развитых уголках планеты тысячи людей будут возглавлять компании, состоящие из одного или двух человек. И в этом случае они тоже будут создавать новую экономическую реальность. В будущем ставка делается на то, чтобы не повторяться, использовать ресурсы по максимуму, чтобы за ограниченное время — отпущенные человеку годы — каждый мог воплотить в реальность нечто уникальное.

В мире без искусственного интеллекта люди просто совершали механические операции. Человек, выделяющийся среди прочих, воспринимался как проблема — его пытались ограничить и загнать в рамки. Вступив в эпоху, когда человек может изобрести оборудование для выполнения любого механического труда, центр внимания сместился в сторону способности изобретать, а приоритетом стало умение творить. Если что и имеет ценность, так это интеллектуально одаренный человек, поскольку ему суждено изобрести все самое важное. Способность творить уникальна для каждого человека, благодаря ей люди могут создать миллионы новых проектов. Таким образом, каждый воспринимает мир по-своему, и ключ к новому интеллектуальному миру — что один человек способен изобрести то, до чего другой никогда не додумается, именно благодаря этому люди становятся ценными и невзаимозаменяемыми.

Однако если наука и технологии открыли горизонты для развития человека как мыслящего существа на индивидуальном уровне, добившись большого прогресса, то наука о коллективной политической архитектуре, назовем ее так, о том, как мы организуем собственное сосуществование и взаимодействуем друг с другом с целью укрепления сотрудничества и предотвращения потрясений и конфликтов, еще далека от совершенства. Это оказывает на нас существенное влияние не только потому, что, не сумев организовать общества, мы упускаем огромные возможности, теряем поколения и ресурсы и создаем предпосылки для конфликта. Крайне необходимо определить новые приоритеты политической архитектуры стран в глобальном масштабе.

На XVI Лихачевских чтениях, состоявшихся в Санкт-Петербурге в мае 2016 года, профессор Джеймс К. Гэлбрейт, подробно рассказал о критериях, на основании которых людей относят к социальным группам. Эти критерии — не образование, не финансы, не прочие важные факторы. Фундаментальный принцип — как мы определяем общество, по каким правилам играем. Сегодня этот вопрос становится все более актуальным, ведь мы стоим на пороге великой революции — перехода к «человеку интеллектуальному». Нам нужна хорошо организованная коллективная игра, чтобы никакие сдерживающие факторы не препятствовали реализации инициатив и каждый человек мог максимально самореализоваться. В международных отношениях это основополагающий критерий, чтобы менее развитые страны могли извлечь пользу из технологий и перейти на более высокую стадию развития, минуя преграды промежуточных этапов. Мы должны удостовериться в том, что коллективные инфраструктуры прогрессируют в том же темпе, что и личные достижения и т. д.

За последние пятьсот лет наука достигла колоссального прогресса. За несколько веков она сумела освободиться от ограничений, навязанных различными моральными и религиозными концепциями. Цена, заплаченная за то, чтобы этот механизм начал действовать, оказалась необыкновенно высокой: Галилея сожгли на костре за то, что он доказал, что Земля вращается вокруг Солнца, а Мигеля Сервета сварили в кипящем масле за то, что он представил работу о циркуляции крови. Однако предпринятые усилия позволили расширить и углубить области научных исследований, которые в итоге привели человечество к эпохе интеллекта.

Нам еще многое предстоит сделать для развития социальной архитектуры — организации общего публичного пространства и осуществления взаимодействия между людьми. В основном это вопрос капитала: именно успешность инноваций в социальной архитектуре позволит обрести твердую почву под ногами в эпоху серьезных потрясений.

Сегодня общества становятся комплексными по своей сути, и мы должны понимать, как усилить их инновациями. Общество должно ценить архитекторов, формирующих его структуру: они играют важнейшую роль в достижении прогресса, привлекая к этому процессу блестящих специалистов, создающих механизмы, которые гарантируют открытую игру, где никто не сможет занять доминирующее положение. Каждый из нас делает свой выбор, но в первую очередь мы должны ориентироваться на общее благо. Сегодня люди должны создавать нравственный порядок, гарантирующий их сосуществование и развитие, а для усиления такого порядка им нужна эффективная политическая архитектура. Понять, как создать грамотную политическую архитектуру, так же сложно, как досконально изучить космос или найти лекарство от неизлечимой болезни. На протяжении многих веков обеспечением сосуществования народов занималась религия, не позволяя человеку выйти на авансцену и самому вершить свою судьбу. Сегодня мы эволюционируем под воздействием науки и технологий, именно с ними мы сталкиваемся, отстаивая право на определение своего будущего. Такая ответственность по меньшей мере головокружительна, но, взяв ее на себя, мы уже не можем отступить.

Наша общая задача — стать новаторами в создании обществ и выстраивании взаимоотношений между ними на планете. Изменяются критерии, а у рецептов прошлого истекает срок годности. Раз человек больше не является просто рабочей силой, а приобретает бóльшую (и более комплексную) ценность как источник интеллектуальной энергии, мы должны реорганизовать политические системы и создать площадки, где каждый сможет максимально проявить себя, чтобы в течение своей жизни полностью реализовать свой потенциал.

Важнейшая задача — сопровождать и поддерживать ныне живущие поколения. Решающее значение имеет трансформация системы образования, необходимая для того, чтобы надлежащим образом подготовить последующие поколения в соответствии с новыми критериями, чтобы они в полной мере смогли реализовать свой потенциал и избежали разочарования. Все сводится к тому, чтобы полностью изменить систему образования, повернув ее на 360º относительно нынешних методов. Именно в этой области все зависит от обществ, которые определяют, что ждет людей — подъем или упадок, удовлетворение или разочарование. Новая система образования должна формироваться на основе устремлений и пожеланий новых поколений, в том числе с учетом готовности действовать как можно быстрее. Мы должны перейти от образования, которое держат в заложниках участники рынка и учителя, к образованию, ориентированному на учеников, занимающих в нем главное место. Сегодня образование должно изменить шаблон. Времена энциклопедических знаний прошли, настало время исследований и творчества. Необходимо тщательно продумать, что требуется системе, чтобы не перегружать учащихся, растрачивая их время и силы впустую, а вместо этого направить их энергию в правильное русло. Максимальное развитие умственного потенциала — ориентир, которого должны придерживаться системы образования, поскольку каждый человек обладает уникальным умственным потенциалом, и сама молодежь должна найти способы раскрыть его в образовательном процессе. Чем больше общество будет создавать, тем богаче оно станет; чем больше люди смогут вообразить, тем больше будет создано, причем оперативно.

Помимо колоссального объема работ, которые предстоит провести на национальном уровне, существует потребность в новой коллективной политической архитектуре. Одной из важных является проблема внедрения инноваций с учетом расселения людей на планете. Еще одна проблема заключается в том, чтобы понять, какую выгоду можно извлечь из уникального места, коим является Земля, ведь здесь можно многое открыть и многим воспользоваться. Теперь, когда началась революция в сфере мобильности и коммуникаций, настало время новых отношений с нашим миром. Рассмотрим несколько сценариев, чтобы продемонстрировать, как много можно изменить, грамотно продолжив эту игру.

Сегодня на планете много незаселенных территорий, в то время как мегагорода охватывают огромные агломерации. Путешествуя из Аккры в Стамбул, вы пересечете местность площадью в миллионы квадратных километров, не встретив ни души. Это необитаемая территория, потому что здесь нет питьевой воды. Однако море находится недалеко, воздух чистый, всегда светит солнце, но нам кажется, что здесь сложно обустроить жизнь. И я согласился бы с этим... но только в условиях прошлого. Потому что в прошлом главным критерием была невозможность добычи воды. Однако сегодня это препятствие становится менее значимым, поскольку, с одной стороны, опреснение позволяет получить питьевую воду из океана, а с другой — благодаря преимуществам инфраструктуры можно доставить опресненную воду в любую точку. Огромные резервы воды на нашей планете сосредоточены в океанах, и пока эту воду можно превратить в питьевую, мировое сельское хозяйство и жилые поселения могут разрастаться в геометрической прогрессии. Кроме того, в области энергетики альтернативные виды энергии предоставляют все больше возможностей изменить концепцию жилых поселений. Все сложности представляются минимальными в сравнении с тем, с чем столкнутся колонии человечества в будущем, выйдя в космическое пространство, где не будет ничего: ни кислорода, ни воды, ни территорий, которые можно превратить в сады.

Так что мы вновь возвращаемся к теме социальной структуры. Движение вперед и внедрение инноваций в этой сфере имеют основополагающее значение, поскольку мы должны предложить каждому чело-

веку качественное пространство для проживания, ведь на планете есть место для всех. В России не заселены миллионы гектаров от Москвы до Владивостока. В крупных странах, таких как Канада, Соединенные Штаты Америки, Бразилия, Египет и Австралия, едва ли заселено 90 % территории. Вопрос в том, хватит ли нам мудрости с умом заселить обширные пространства нашей планеты. В XXI веке данную тему будут решать в революционном ключе.

Проблема заключается не только в численности населения, но и в политической архитектуре, в том, как мы обеспечиваем доступность мира для каждого. Еще пять веков назад океаны были для людей непреодолимым препятствием, люди не смели отплывать от берега на расстояние нескольких миль. Постепенно с развитием судоходства мир начал объединяться, пока не стал общим пространством, которое предстояло исследовать. Антропологи датируют происхождение современного человека примерно I веком нашей эры, а значит, 99,9 % времени, проведенного на этой планете, человечество не имело представления о ее масштабах. Нам повезло: сегодня мы можем воспользоваться огромными водными пространствами. До сих пор они служили человеку, позволяя осваивать мореплавание и обеспечивая продовольствием благодаря рыбной ловле. Несомненно, в океане скрыто много всего — от растений и уникальных живых организмов, способных радикально изменить здравоохранение, до новых источников энергии. Океаны по-прежнему являются огромными пространствами, потенциал которых лишь предстоит раскрыть. Необходимо сообща организовать данный процесс, воспользовавшись инновациями этого века.

Сегодня ставка делается на то, что человечество, объединившись, выработает необходимые решения, поскольку скоро исчезнут языковые и неязыковые барьеры. С помощью умений человек сумел преодолеть барьеры, выстроенные цифровыми данными, создав десятизначную базу для числовой коммуникации глобального масштаба, которая позволила развивать науку вне территориальных границ. Пока не удалось добиться аналогичных успехов в языковой среде, поскольку мир является очень раздробленной и неоднородной лингвистической мозаикой. Впрочем, наука находится на грани создания микрочипа, который можно будет вставить в ухо и слушать синхронный перевод на любой язык благодаря встроенному коду, что позволит каждому из нас общаться с целым миром, не отказываясь от своих корней. Поскольку мы уже устроили революцию в мире коммуникационного оборудования (например, сегодня можно транслировать звук в режиме реального времени из Азии в Америку и из Европы в Африку с помощью мобильных телефонов), передача данных в коммуникационных кодах позволяет каждому на планете говорить так, чтобы его поняли в полной мере. В первую очередь мы устранили препятствие в виде территориальной удаленности, скоро исчезнет барьер в виде сжатия информации. Тогда Земля станет совершенно новым местом. Человечество будет активнее творить, поскольку люди смогут общаться, культуры — пересекаться, а поток новых идей и проектов возрастет.

Однако все эти новые возможности (миллионы личностей в качестве новых столпов творчества) требуют создания правил, с помощью которых можно будет управлять ситуацией, — социальной архитектуры. Последняя неминуемо повлечет за собой эволюцию международной среды, которая будет избегать конфликтов и блокад.

Столкнувшись с неспособностью организовать и структурировать собственные действия относительно морального кодекса, гаранта каждого человека, в глобальном масштабе, мир продолжает существовать на основе мозаики правовых систем, которые воплощаются в государствах и по-разному регулируют человеческую деятельность. Они возникают в условиях разных цивилизаций, у них разные исходные позиции и ритмы развития, что влияет на мировую эволюцию. Во-первых, в зависимости от способности лучше или хуже организовать жизнь общества его представители рано или поздно начнут вступать в новое интеллектуальное общество. Во-вторых, из-за ощущения уязвимости до сих пор существует арсенал вооружения и актуальна вероятность возникновения разрушительных конфликтов. От того, как развиваются отношения, зависит, что возобладает, — война или мир.

Китай на сегодняшний день, пожалуй, крупнейшая восходящая держава, прежде всего самый очевидный в истории пример того, насколько важными являются управление и административные нормы в развитии общества. С 1950 по 1980 год для 1,5 млрд человек этой огромной цивилизации доход на душу населения не увеличивался даже на 100 долларов. Однако когда Дэн Сяопин изменил курс (и именно за это получил прозвище Великий кормчий), люди в последующие 35 лет стали получать на 8 тыс. долларов больше, иными словами, доход на душу населения вырос в 20 раз (он составил 380 долл. в 1980 г. и 8600 — в 2015-м). Если учесть, что мы говорим о стране, население которой составляет примерно пятую часть человечества, — это потрясающий успех. Высокие темпы развития, достигнутые за эти годы, использовались в основном для того, чтобы создать образовательную среду для новых поколений, живущих в ограниченных сельских поселениях, тем самым приобщить их к миру города, открыв путь к получению высшего образования.

Китаю не свойственна экспансия, поэтому он никому не угрожает, однако в будущем станет причиной треволнений из-за своего огромного потенциала. Важную для Китая роль сыграет ограничение в развитии вооруженных сил: отказ от гонки вооружений в космосе. Если в скором времени все государства с наибольшим потенциалом в этой области не смогут прийти к соглашению, то Китай не оставит попыток сделать космические путешествия своим приоритетом.

Китай не стремился к мировой гегемонии на планете Земля. За двадцать веков он скопил 30 % мирового богатства, но в результате не захотел доминировать на Западе, в Африке, Америке и на Ближнем Востоке. Ему достаточно собственной вселенной. Но в итоге Китай заплатил за то, что ошибочно полагал, будто страна защищена от влияния других государств, достигнув низких показателей развития в 1968 году, когда

во время «культурной революции» на его долю приходилось только 6 % мировой экономики. Китай не захочет повторить историю, когда он был уязвим.

В настоящее время экономический рост США составляет 2 %, Китая — около 6 %, однако эти страны находятся на разных уровнях развития: в первом случае доход на душу населения составляет 55 тыс. долларов, а во втором — 9 тыс. Однако 20 лет назад доход на душу населения в Соединенных Штатах Америки составлял 35 тыс., а в Китае — всего 800 долларов. Это означает, что США даже не удвоили свой показатель, в то время как Китай увеличил его в 12 раз. Это позволяет судить о различиях темпов роста экономики. Стремительное развитие Китая привело к тому, что из-за огромной разницы в численности населения — 325 млн в США по сравнению с 1400 млн в Китае — ВВП двух стран начинает сближаться. По прогнозам, к 2030 году обе страны достигнут одинакового уровня развития. В то же время объемы государственного долга кардинальным образом различаются: 18 млрд долларов у США и только 5 млрд у Китая. На этом фоне расходы на оборону в Соединенных Штатах составляют 500 млрд долларов, а в Китае — 200 млрд. И это ключевой вопрос. Уже сегодня Китай тратит на вооружение почти вдвое меньше средств, чем США, а учитывая экономический рост в 6 %, в то время как рост американской экономики составляет 2 %, бюджеты обеих стран станут равны через 10 лет. Чтобы избежать этого, доля военных расходов в американском бюджете должна увеличиться, намного опередив пропорциональный рост, связанный с общим увеличением бюджета страны. Это предел, после которого конгрессмены не пойдут на компромисс, поскольку не смогут прекратить вкладывать средства в способ, позволяющий им возглавить военное дело в космосе.

Будущим оппонентом США Китай становится по двум причинам: во-первых, потому что он создал экономику, которая уже работает, а в будущем будет работать еще лучше, а во-вторых, потому что он не готов принять главенство другой страны, когда речь заходит о гонке вооружений в космосе. Китай положительно относится к отсутствию гонки вооружений, однако если ей суждено быть, то он не будет никому подчиняться. Поэтому Китай готов увеличивать инвестиции и занять положение, в котором сможет дать отпор другому лидеру. Но не следует представлять Китай в качестве угрозы или врага в том числе потому, что это ведет к возникновению искаженных мотивов на внешнеэкономическом рынке, который имеет приоритетное значение, пока среднестатистический американец не видит в китайцах завоевателей. Следовательно, во многих других конфликтах удалось убедить американское общество в хрупкости его безопасности и необходимости активно инвестировать в эту сферу.

Сегодня гонка вооружений продолжается уже в области космоса, что, учитывая масштаб и долгосрочность результатов, не представляет сиюминутной угрозы, однако оказывает большое влияние на мировую эволюцию.

Мы живем так, как будто нас в будущем ожидают огромные возможности, однако в настоящем нас окружает множество сомнений. Новый порядок еще не сформирован, а прежний уже демонстрирует все симптомы краха. Имеющийся баланс невероятно хрупок и сохраняется с целью избежать вероятной разрушительной силы конфликта, который может произойти, учитывая объемы и мощь имеющегося вооружения. Мир сегодня зиждется не на признанном мировом порядке, а на воле отдельных сильных государств, которые его поддерживают. Баланс не является результатом совместно принятого решения. Пока безопасность не будет проистекать из коллективного порядка, мы не сможем вздохнуть спокойно.

Тем временем необходимо упрочить приверженность миллионов человек сценарию, который позволит сохранить достоинство. Если вы не хотите смотреть, как ограничивают ваш личный потенциал, необходимо усилить значимость прав человека в качестве универсальной основы нового мира.

А. П. Марков[1]

ЭПОХА ПОСТМОДЕРНА: ПРОЕКТ КУЛЬТУРНОЙ РЕГРЕССИИ

1. «Распалась связь времен»

Современная цивилизация в ее духовной, технологической и геополитической ипостаси приближается к опасной границе, переход которой чреват фундаментальными изменениями и необратимой деформацией культурно-антропологических матриц бытия, сформированных эпохой осевого времени (К. Ясперс) — эпохой, которая совершает метафизическую революцию, избавляя человека от «оков рода» и предоставляя ему свободу обретения смысла бытия в сфере духа. О неизбежности смены цивилизационной парадигмы свидетельствует стремительное нарастание глобальных кризисов геополитического, культурно-антропологического и экологического характера, которые ставят под сомнение модель прогресса, реализованную на предыдущем этапе техногенного разви-

[1] Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 170 публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.), «Национальная идея как смысл и судьба „русской цивилизации“», «Эпоха информационных войн и проблемы обеспечения духовной безопасности общества» (в соавт.), «Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преображения», «Социально-трудовые отношения в постсоветской России. Национально-культурная специфика, проблемы формирования, ресурсы и стратегии оптимизации» (в соавт.) и др. Почетный профессор СПбГУП.

тия (В. Степин)[1]. Переход к новому типу цивилизационного развития связан с грядущим «демонтажом» капитализма в результате четвертой промышленной революции, которая формирует принципиально иной технологический уклад, основанный на экспансии искусственного интеллекта, тотальной автоматизации, компьютеризации и роботизации производства. Неопределенность сценариев будущего усиливает приближение технологической сингулярности — точки на кривой исторического времени, фиксирующей начало «взрывного» этапа прогресса, стремящегося к бесконечности, рождающего потенциально широкий спектр моделей развития с непредсказуемыми последствиями. Неизбежность перехода цивилизации в качественно иное состояние, образы которого все чаще обретают эсхатологическую окраску конца истории, «гарантируют» расширяющаяся пропасть между силой и мудростью (А. Назаретян) и усиливающаяся «асимметрия вооружений» добра и зла (А. Кураев), обеспечивающая злу неоспоримые преимущества в борьбе за умы и души человеческие.

2. Энтропия европейского гуманизма

Локомотивом движения к границам кризиса выступает западный мир, уже не первое десятилетие переживающий системную деформацию культурных институтов и мировоззренческих констант, в свое время обеспечивших целостность и достижения европейской цивилизации. Запад переживает эсхатологический час *X*, фиксирующий «смену знака» культурной доминанты. Дух европейской культуры истощает девальвация христианских ценностей, определяющих смыслообразующие доминанты и нормативное пространство жизнедеятельности человека и общества на протяжении почти двух тысячелетий. Общая логика происходящих изменений: закат логоцентричной *«культуры Пророков»*, вытесняемой культурно-антропологическими сценариями далекого языческого прошлого — *«эры Жрецов»* (Г. Джемаль). Современная европейская цивилизация вступает в новый этап — эпоху постмодерна, которая по ключевым характеристикам отвергает предыдущие эпохи и представляет собой модель культурной регрессии.

Об исчерпанности проекта модерн свидетельствует прежде всего кризис европейского гуманизма, искаженного непреодолимой волей к мировому господству, пораженного «ржавчиной» агрессии и глубоко встроенной в ментальные матрицы расистской моделью отношения к другим народам и культурам. Гуманизм является продуктом западного католического мира, который осуществляет корректировку христианской антропологии: он появляется в результате утверждения принципа «человек есть мера всего», чрезмерной озабоченности устроением реальной, земной жизни[2]. Не случайно уже на ранних этапах обретения культурной легитимности гуманизм обнаруживает тенденцию к девальвации христианских ценностей добра и благодарности, солидарности, милосердия и сострадания, вытесняемых мефистофельской гордыней и репрессивными энергиями отношения к миру. Европа многократно сбрасывала гуманистический и демократический камуфляж, являя себя миру жестоким и беспощадным агрессором (особенно в период Крестовых походов и двух мировых войн XX в.). Европейские гуманитарии неоднократно отмечали хроническое презрение Запада к нецивилизованному миру, низшим расам и правам других народов, фиксировали «превосходящую способность убивать», которая нередко играла решающую роль в ходе европейской экспансии (Й. Терборн). Даже во времена Средневековья западное христианство представляло собой апологию агрессии и насилия, которое обрело институциональный статус в виде многочисленных военно-монашеских орденов, оправдывало брендом Крестовых походов откровенный милитаризм и ненависть к народам, исповедующим не только ислам, но и христианство[3]. Окончательно гуманизм дискредитировал себя античеловеческим духом и зверствами мировых войн прошлого столетия, а также сегодняшней геополитической стратегией беззастенчивого диктата воли другим странам и народам. Пораженное метастазами архаического этоса с его психологией расового презрения к «варварскому окружению» западное общество и сегодня с готовностью принимает установку либеральных кумиров «золотого миллиарда» подчинять, закабалять и властвовать «миром варварства», населенным «недочеловеками» (А. Панарин). Об этом свидетельствует расширение социальной базы сторонников социал-дарвинистских и неонацистских идей, грозящее очередной волной экспансии насилия, способной сделать XXI век еще более кровавым, чем век XX.

Значимыми симптомами заката европейского гуманизма являются истощение и девальвация смыслового ядра основных концептов, лежащих в основе образа человека и мира. В современном информационно-коммуникативном пространстве европейский гуманизм представлен набором пустых слов, потерявших связь с первичными смыслами и манипулятивно скрывающих фальшь и двойные стандарты современной политической и культурной жизни. Примитивные манихейские противопоставления торжествующего победу либерализма (демократия–тоталитаризм, традиционализм–современность, деспотизм–права человека, открытое–закрытое общество, национализм–глобализм) становятся источником расовой ненависти и презрения к культурам и народам, олицетворяющим «гражданскую неполноценность» и «низшее начало» (А. Панарин).

---

[1] В соответствии с первичным смыслом греческого слова ἡ κρίσις означает «суд», «приговор», а в более мягкой версии фиксирует границу, водораздел, исход, поворотную точку, смену вектора развития.

[2] Источником будущей инверсии европейского гуманизма можно считать разделение церквей на восточную и западную, разрушившее «материнское» единство христианского мира. В результате такого раскола образ Священной Римской империи (провозглашенной в 962 г.) обретает на базе католичества свою духовную определенность и становится первичным символом всей западной цивилизации.

[3] Негативное отношение Запада к православной Византии было характерно не только для церковных иерархов — его разделяла и европейская гуманитарная элита. Об этом свидетельствуют оценки Византийской цивилизации как «сбившей с толку ум человеческий» (И. Г. Гердер), имеющей «извращенную и греховную природу» (А. Тойнби).

В облике моральной разнузданности и в стихии потребительства завершает свой «триумфальный путь» фундаментальный для христианского мира феномен свободы, подлинный смысл которой Запад променял на гедонистический экстаз и псевдосвободу потребительства на площадке супермаркета. Эрозия целостности культурной системы превращает свободу в свою противоположность, становится почвой для массового инфицирования социально-психическими энергиями агрессии и девиации, ввергает общество в полосу конфликтов и катастроф. Либеральными трибунами и кумирами массовой культуры заболтаны ее святые заповеди и сокровенные тайны, необходимые для оправдания смысла жизни, реализации потенциалов личности и утверждения ее достоинства. Если в христианской антропологии свобода была средством постижения истины, условием освобождения от рабства греха, от «отравляющего и бессмысленного существования» (И. Попович), то в культуре постмодерна свобода регрессирует до бесстыдства и «креативного» издевательства над всем святым, оборачивается оргиями распущенности и разложения или проваливается «в ад исчерпанных желаний» (Г. Померанц). В состоянии упадка современное западное искусство сознательно игнорирует эстетические принципы истины, гармонии и добра и откровенно переходит на сторону сил хаоса и нравственной деградации, превращаясь в разновидность поп-культуры, утратившей национальные корни и ориентированной на удовольствия и развлечения.

3. Истоки и факторы духовной инверсии западной цивилизации

Духовными «кирпичиками» модели западной цивилизации становится освобожденная от этического идеала Нагорной проповеди идеология европейского сверхчеловека, с ее бытовым расизмом и «просвещенческим» презрением к другим народам и культурам, «имперская одномерность» (А. Панарин), утверждающая институциональное совершенство земного порядка в ущерб христианской духовности. Начиная с эпохи Возрождения европейская цивилизация последовательно и неизбежно уничтожает христианский дух, вытесняя его фаустовской энергетикой индивидуализма и рационализма, утилитарной целеустремленности и пространственной экспансии — энергетикой, откровенно пренебрегающей нравственными и религиозными нормами. «Разорванная культура Ренессанса», абсолютизирующая «изолированного субъекта», постепенно деформирует целостное пространство культуры Средневековья (П. Флоренский). Рационализм Нового времени еще больше «усиливает антагонизм разума и жизни» (Г. Зиммель), разрушая в итоге метафизические основания бытия, расширяя царство хаоса и подрывая творческие силы народов Европейского континента.

Целенаправленная деформация христианской сущности европейской цивилизации связана с реализацией глобального проекта — капитализма, возникновение которого трудно объяснить и оправдать естественной логикой развития внутри христианской системы ценностей. По сути, капиталистический проект стал катализатором процесса формирования хищного исторического субъекта новоевропейского Запада, «который оказался чужим по отношению не только к неевропейским цивилизациям, но и к самой европейской культуре» (А. Фурсов). Свобода внутри капиталистического тела породила институт частной собственности, который стал источником отвратительных форм эксплуатации. Капиталистическая модель девальвировала духовный смысл свободы, превратив ее в свободу эксплуатации и максимизации прибыли любой ценой, сделав свободу совести свободой от совести. Диктатура частного интереса по отношению к общему благу атомизировала общество, уничтожив идею и ценность общественного служения.

Инверсию духовных оснований европейской культуры завершает антихристианский дух модерна, который стал своеобразной ширмой, где под вывеской секуляризма светская интеллектуальная элита реализует новый религиозный проект формирования глобальной контрсистемы, позиционирующей себя как «антипод к традиционной клерикальной иерархии» (В. Багдасарян). Отречение от христианства, кичливость прогрессом и погоня за материальным благополучием с неизбежностью заводят западную цивилизацию в тупик, ввергают ее во времена «нового варварства», убивающего способность видеть и ценить духовную глубину, ожесточающего и совершающего «непоправимое опустошение» в душах и необратимую деградацию человеческой сущности (С. Франк).

Острая фаза коррозии духовного ядра европейской цивилизации приходится на вторую половину XX века, ознаменованную завершением проекта *модерна* и переходом западной цивилизации в стадию *постмодерна*, который сопровождается кардинальной сменой антропологических матриц европейского мира. Постмодерн существенно деформировал основания цивилизационной и конфессиональной идентичности европейского мира, подвел черту под прометеевским типом цивилизации, рожденной творческой мыслью и энергией общественного производства. Доведенный до предела антропоцентризм и «гнетущее иго» толерантности и евромультикультурализма (В. Расторгуев) лишают европейский мир энергии духовного единения, дефицит которого компенсируют ультранационалистические настроения, этнорасовые идентичности и рецидивы этнического национализма. В своем стремительном погружении в хаос аномии и девиации западноевропейская цивилизация возвращается к временам, предшествующим осевому времени, когда языческий мир оказался на грани самоуничтожения, утратив способность культурными нормами и традицией удерживать деструктивные импульсы, идущие из глубин человеческой экзистенции.

4. Роковой час сумерек Запада

Стрелка часов мировой истории еще в конце XIX века фиксировала процесс умирания великой европейской культуры, историю которой завершает торжествующая цивилизация, бездушная и безбожная (О. Шпенглер). К середине XX века, после ужасов двух мировых войн, проект модерн был окончательно исчерпан

и эпоха европейской цивилизации ушла со сцены мировой истории.

Постмодерн представляет собой заключительную стадию культурного развития — омертвение и угасание духа, истощение творческого импульса «культуры воли», который в свое время определил стремление Запада к мировому могуществу и обеспечил экспансию рациональной мысли, сотворившей величественное здание науки и самую конкурентоспособную в мире экономику. Духовный надлом европейской цивилизации свидетельствует о завершенности, исчерпанности ее замысла, умирании ее души — того «первосимвола», который вдохновляет культуру, определяя все богатство ее смыслов, форм, достижений (О. Шпенглер). Истощение фаустовского духа европейской «культуры воли» сопровождается хаосом и аномией, дисфункцией социальных институтов и деформацией этических норм, сменой способов восприятия мира и смыслообразующих сценариев. Характер глобальных угроз обретают процессы дестабилизации политических и экономических институтов, системы международного права. Языческая доминанта наступающей эпохи блокирует основополагающие элементы нравственности — чувства *вины*, *долга*, *стыда*, *совести*, которые выступают ключевым признаком «человека культурного» и условием совместного общежития в структуре социума.

В ситуации духовного кризиса и утраты способности элиты к опережающей рефлексивной самотрансформации надежды на возвращение европейского мира в лоно христианской традиции гуманитарии связывают с притоком «внешнего духовного импульса», прежде всего со стороны православного мира (А. Панарин). Однако реалистичность такого рода духовной реабилитации минимальна. Европейская цивилизация выполнила свое историческое предназначение. Духовно истощенная «вирусами» религиозных контрсистем, иссушающими душу капиталистическим образом жизни, реабилитирующим алчность как базовый ресурс выживания, бесконечными войнами и злокачественной опухолью нацизма, обезоруженная аморальной политикой сегодняшних гегемонов мира, либеральной стратегией дискредитации морали, институтов национального государства, права, семьи, душевно опустошенная тотальной ложью массмедиа, массовой культурой и деструктивной символикой современного искусства западная цивилизация утратила способность конструктивного ответа на фундаментальные вызовы времени. Инициированные либеральными идеологами сценарии спасения (в том числе концепция мультикультурализма или проект толерантности, который гуманитарии квалифицируют как прикрытие самоистребления человеческой цивилизации) парадоксальным образом приближают «час роковой, час наступающих сумерек, когда пора зажигать огни и готовиться к ночи» (Н. Бердяев).

5. Русский мир — альтернатива проекту постмодерна

Европейская цивилизация утрачивает статус референтного для народов мира «града на холме». Духовная немощь западной цивилизации все явственнее обнаруживается в условиях растущей конкуренции новых цивилизационных проектов. В частности, ситуацию духовного кризиса Запада обостряют геополитические факторы, прежде всего растущая мощь исламского протоцивилизационного проекта, ресурсом которого являются общие универсальные религиозные ценности и нормы божественного Откровения, историческая память о великом исламском прошлом и растущий уровень «живой религиозности» (Ш. Султанов). Исчерпанность духовного замысла европейской цивилизации приближает демографическую гибель Европы, которую уже к середине века грозит похоронить многомиллионная волна беженцев. Главную угрозу для Запада в первой четверти XXI века представляет «великое переселение народов», источником которого становится так называемый молодежный пузырь на Ближнем Востоке и в Африке, растущий на фоне «старческого пузыря» в Японии и Европе, а также рост населения трудоспособного возраста в Восточной Азии и Латинской Америке (Г. Хайнзон)[1].

Альтернативой нынешней духовно опустошенной и паразитарной западной цивилизации, переживающей стадию «разлагающейся чувственности» (П. Сорокин), становится Русский мир, образ которого несет надежду не адаптированным к модерну странам-изгоям и народам четвертого мира, отмеченным «печатью презрительного избранничества» (А. Панарин). Особая цивилизационная миссия России, корни которой уходят в глубины народного этоса и ментальности, состоит в защите человеческого рода от разрушительного влияния глобальных антисистем. Именно русская цивилизация аккумулирует богатейший опыт практического противостояния антисистемным проектам, угрожавшим не только России, но и европейской цивилизации в целом (наполеоновские войны, Третий рейх и т. д.)[2]. На фоне европейских «сумерек» русская культура способна компенсировать утрату духовного измерения бытия стремлением человеческого духа к вечным истинам и ценностям — к тому, что выше человека, что оправдывает его лишения и определяет жизненные смыслы.

Но эта жизнеутверждающая роль русской цивилизации предполагает фундаментальную корректировку идеологии капиталистического тоталитаризма, требует радикальной замены духовных кумиров последних десятилетий, очищения национального духа от корост и язв либерального расизма, объявившего войну бедным и неуспешным, возвращения и сохранения глубинного смысла и души православного царства: быть опорой и покровителем слабых. Как только власть изменяет этому духовному призванию, Святая Русь уходит в подполье и замолкает, а на смену ей приходит держава, которая своим отречением и имперской гор-

[1] В контексте этих статистических тенденций все более реалистичными становятся апокаполитические прогнозы по поводу перспектив Старого Света: по результатам опросов Института Гэллапа, к 2050 году почти 900 млн голодных и обездоленных из Африки и стран Ближнего Востока, без образования и перспектив, хлынут в Европу за лучшей жизнью, окончательно сменив цивилизационный код Запада.

[2] См.: http://izborsk-club.ru/14417.

дыней, подменяющей правду силой, обрекает себя на тление и гибель (А. Панарин). Именно в этом заключается основная причина сегодняшней утраты духовной легитимности власти, истощения силы тяготения как вовне, так и внутри Русского мира, вернуть которую может «живая энергия» действия русской цивилизации, обретающаяся в метафизических глубинах образа Святой Руси (В. Аверьянов).

Альтернативой разрушительного для души человеческой западного индивидуализма может стать всемирная отзывчивость и всечеловечность русских, лежащая в основе национальной идеи и определяющая направленность русской культуры на абсолютное чувство всеобщности, «на мессианскую душу» (В. Шубарт). Конструктивным и значимым для народов мира ресурсом будущего является апробированный отечественной историей проект солидарности, альтернативный западноевропейской модели общества разъединения и перманентного конфликта. Ответом на выстраданный «заказ» мирового сообщества, уставшего от бесконечных войн и выжигающей душу ненависти, может стать духовный опыт совместного общежития различных народов и культур, славяно-тюркский синтез, являющийся многовековым «стержнем единой Евразии» (А. Панарин) и цивилизационной платформой евразийской идентичности. В масштабе евразийского пространства Русский мир с его обостренным чувством большой общечеловеческой истории, исключающим эгоизм националистической самоизоляции, является воплощением соборности и солидарности различных этнокультурных групп и религий, практическим утверждением братства народов и сотрудничества цивилизаций.

Г. Меттан[1]

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НАЗАД В XIX ВЕК! МИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗВРАЩЕНИЕ СОПЕРНИЧЕСТВА ИМПЕРИЙ В ЭПОХУ ПОСЛЕ ГОСПОДСТВА ЗАПАДА

Четвертая промышленная революция, стартапы, переход к альтернативным источникам энергии, кибербезопасность, усиление сенсорных и моторных возможностей человека, Интернет вещей, блокчейн, искусственный интеллект, космический туризм, фейковые новости — кажется, эти слова и выражения прочно вошли в наш лексикон в XXI веке. Сторонники постоянных инноваций сейчас на коне, социальные сети демонстрируют новые парадигмы, которые убеждают, что ничто больше не будет таким, как раньше, СМИ каждый день объявляют о новой революции. Хочу ответить всем этим апостолам новой религии: мне смешно! Бизнес идет как шел, те, кто выиграл от технологического прорыва, продают свои обычные салаты глупым людям, которые хотят успеть на сверхскоростной поезд новейших модных идей... Честно говоря, я даже убежден в обратном. Вместо того, чтобы двигаться в будущее как сверхзвуковой лайнер, мы скорее на полной скорости откатываемся назад.

Возьмите вопрос охраны окружающей среды. В этой сфере мы наблюдаем быстрое продвижение вперед или, скорее, назад. У всех на устах тема глобального потепления, но никто не хочет сделать первый шаг. Никто не ставит вопрос о налогообложении керосина, на котором летают самолеты и ходят суда, потому что это поставит под угрозу священную и неприкосновенную международную торговлю. Биоразнообразие, особенно опылителей и морских ресурсов, резко сокращается. Кого это волнует? Гербициды и пестициды — это табу. Полярный лед и другие ледники тают? А в чем проблема? То же самое касается закатывания всего живого в бетон и появления каменных джунглей, проблем демографии, деградации почв, закисления океана, истощения рыбных ресурсов, урбанизации, которые нарастают гигантскими темпами. При этом сельское хозяйство, несмотря на все химикаты и механизацию, вернулось к уровню производства 1900-х годов... Если мы будем продолжать двигаться назад, то окажемся даже не в XIX веке, а откатимся на миллион лет, до того состояния, когда на планете еще не было людей…

Еще больше удручает и возмущает международная политика. В начале XXI века мы думали, что глобальное управление решит все вопросы. Человечество восторгалось глобальной либеральной демократией, в эту веру его обратили Соединенные Штаты Америки и Европейский союз. Эта великодушная теория должна была уничтожить гидру национализма и мракобесия. Благодаря просвещению, которым занимались НКО, являющиеся депозитариями Добра, должно было появиться международное гражданское общество, которое сделает человечество более податливым и безгранично уважающим права человека и принципы финансового капитализма — источника процветания.

На самом деле происходит нечто противоположное. Европа распадается на части из-за действий стран и народов, которым нужны идентичность или независимость (Брексит, выход Каталонии из состава Испании, тяжелое положение Греции и успех так называемых популистских партий), отдельные группы населения ищут признания (например, «желтые жилеты» во Франции).

Фактически мы наблюдаем коллапс мечты о многополярном мире, управляемом демократическими госу-

[1] Президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева). Депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева от Христианско-демократической партии (PDC). Автор ряда книг по общественно-политической тематике и международным отношениям, в т. ч.: «Запад–Россия: тысячелетняя война», «Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио» и др.

дарствами, которые делили бы свои полномочия с другими, усилившими свое влияние в последние годы, такими как страны БРИКС. Эта мечта испарилась. Современный мир, где все больше обостряется конкуренция между США и Китаем, постепенно вновь становится биполярным. Неожиданный быстрый рост Китая всех застал врасплох. США занервничали и напряглись, последовали сдерживающие меры (вспомним, какие действия против СССР предпринимались во времена холодной войны). Наращивание экономических санкций против государств, поддерживающих любого потенциального соперника, возросшие военные расходы, выход из Договора о ликвидации ракет средней и меньше дальности — все это очевидные и тревожные свидетельства того, что развитие идет вспять. Новая биполярность будет гораздо опаснее, чем прошлая, потому что дипломатические каналы если не разрушены окончательно, то находятся в стадии разрушения.

Что касается глобального мира, то он фактически вошел в фазу перекомпоновки империй, как Европа после 1815 года. Неожиданный подъем Китая, Индии, Бразилии, а теперь и Африки подтолкнул к этому. Китай нацелен заново получить то место, которое занимал до XIX века, до Опиумных войн, возглавляемых британскими империалистами, которые поставили его в подчиненное положение.

США сталкиваются с новыми конкурентами и отвечают силовыми методами, усиливая экономические санкции против всех, кто встает у них на пути. Ирак, Ливия, Сирия, Украина, Иран, а теперь Венесуэла — не прекращает расти список «мягких» государственных переворотов, смертоносных экономических блокад, «оранжевых революций» и других организованных смен режима или жестоких вторжений и оккупаций, оправданных выдуманными с нуля предлогами типа несуществующего оружия массового поражения у Саддама Хусейна.

А в последнее время, с приходом Дональда Трампа, жестокость воцарилась в ведущей мировой державе. Больше не существует международного права, которое игнорируют или к которому с пренебрежением относятся Конгресс и система правосудия США, навязывающие экстерриториальные и имеющие обратную силу правила. Возобновилась гонка вооружений, международные договоры расторгаются, международные организации бойкотируются. Добро пожаловать в новый XIX век, в безжалостный мир, где беспринципные империи рыскают по планете для того, чтобы варварски захватить ее ресурсы.

Давайте более внимательно рассмотрим основные характеристики этого древнего мира, который исчезает, и нового мира, который рождается.

Во-первых, конец истории, объявленный Фрэнсисом Фукуямой, и столкновение цивилизаций, предсказанное Сэмюэлем Хантингтоном, не произошли и не произойдут в той форме, в которой предполагались.

Мечта о мире, в котором либеральная демократия, капитализм и свободный рынок победили и распространились по всей планете, определенно похоронена. Везде либеральная модель пребывает в кризисе, а капитализм с ослабленным государственным регулированием порождает все больше скептицизма и сопротивления. С одной стороны, так называемые авторитарные режимы закрепляют свою власть над обществом, будь то под влиянием национализма или религии. Турция и Китай, Египет, арабский мир, Иран и Россия — каждая из этих стран защищает свое национальное ви́дение, основанное на культуре, политических традициях и идеологии, вдохновляемых коммунизмом, суннитским исламом, шиизмом или православием.

С другой стороны, западные демократии все больше дрейфуют в сторону постдемократических или «нелиберальных» режимов, в то время как везде усиливаются популистские партии. Под предлогом борьбы с терроризмом и так называемыми фейковыми новостями, насаждаемыми извне, как в случае навязчивой идеи США о якобы вмешательстве в президентские выборы в 2016 году, эти демократии приняли антидемократические законы, в то время как их открытая социальная система постепенно закрывается, социальные классы изолируются друг от друга, и это идет на пользу олигархии, которая становится все более тоталитарной. Усиление авторитаризма проявляется в распространении массовой слежки (камеры наблюдения, задержание полицией и заключение под стражу, подслушивание телефонных разговоров с помощью специальных устройств, слежка за населением, находящимся в группе риска, тайные тюрьмы и суды с исключительными полномочиями), создании социальных сетей и СМИ Соединенными Штатами Америки и частными монополиями, находящимися в руках ряда супербогачей, усилении полицейских и интервенционистских доктрин, направленных против протестующих, законов против фейковых новостей, возбуждении судебных процессов против сознательных граждан, информирующих общество о нарушении законов и прав, типа Джулиана Ассанжа и Эдварда Сноудена, манипуляциях с правами человека ради геополитических целей.

Можно добавить очернение людей элитами, расслоение демократических обществ из-за прогрессирующей бедности, подавления и уничтожения среднего класса, который является социальной базой в республиках. На первом плане у этих демократий, которые должны вот-вот превратиться в авторитарные олигархические режимы, естественно, стоят США Дональда Трампа, но также и Польша, Венгрия, Бразилия Жаира Болсонару и в некоторой степени Франция Эммануэля Макрона, где после его прихода к власти подорвана деятельность политических партий, вытеснены промежуточные структуры, гарантирующие надлежащее функционирование демократии, и введена изначальная форма популизма, гораздо более тонкая и эффектная.

Что касается столкновения цивилизаций, то его также не произойдет в предсказанной форме. Скорее надо опасаться столкновения не цивилизаций, а новых империй. Это происходило в XIX веке, во время соперничества империй, и надо возвратиться туда, чтобы объяснить будущее. Хантингтон считал, что в XXI веке, в новом тысячелетии, в отличие от XX века, отмеченного острым, потрясшим мир национализмом, произойдет столкновение ценностей, культур, регионов, где существуют цивилизации, которые начнут безжалост-

ную борьбу друг с другом за символическое господство — и, конечно, политический мир. На это ви́дение повлияла его концепция американской державы, полностью сосредоточенной на покорении и удержании своей мировой гегемонии через применение «мягкой силы», распространение свода своих ценностей, демократии, свободы, прав человека, первичности личного, а не коллективного, и т. д. Он думал, что другие регионы с другой культурой, исламом, китайским конфуцианством или Россия, Евразия сделают то же самое, что вызовет всеобщий опустошающий пожар.

Развитие событий в последнее время показывает, что все обстоит не так по той простой причине, что, за исключением суннитского ислама, ни одна из этих культурных областей не является империалистской или экспансионистской. Китай не стремится навязывать конфуцианство или даже коммунизм остальному миру, и Россия не намерена обращать Африку или Азию в православие. Даже Иран, который сегодня обвиняют во всех грехах, не отправляет своих имамов покорять мир. На самом деле все они стремятся обезопасить свои границы и свое ближайшее окружение и защищают те места, где оказались по воле истории и географии.

У них нет империалистических целей. Китай хочет оставаться хозяином у себя дома, в своем историческом пространстве, включающем Синьцзян, Тибет, Тайвань и Желтое море. Россия тоже защищает то, что считает своей территорией (Крым), и зону, где находятся ее традиционные союзники (Кавказ, Донбасс, Центральная Азия), точно так же, как Франция защищает то, что считает своими владениями, и партнеров в Африке, Карибском бассейне или Тихом океане. То же самое можно сказать про Иран и его союзников-шиитов. Имамов европейских мечетей обучают в Исламском университете Медины, а не в Куме в Иране.

С начала 2000-х годов наблюдается подъем сильных национальных государств, которые намерены защищать свои культурные традиции и отстаивать свои интересы, при этом не позволяя никому диктовать им, как себя вести, и насаждать западные стандарты. Со стороны Запада такой подъем, усиление давления и постановка под вопрос западной гегемонии вызвали две реакции: с одной стороны, напряжение США и ужесточение их действий, с другой — политический и культурный коллапс Европы, которая становится вассалом США.

Террористическая атака 11 сентября 2001 года на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке стала поворотным пунктом. До этого дня США были готовы называть себя миролюбивой державой, которая прилагает все усилия ради процветания и самореализации людей по всему миру, лишая власти диктаторов, облегчая и ускоряя транзит товаров, идей, ресурсов и людей, а при необходимости обеспечивая всеобщую безопасность путем исправления плохих людей, которые угрожают мировой гармонии. Все изменилось после 2001 года. Начались военные интервенции, которые не имели никакого отношения к миссии жандарма, защищающего мировой общественный порядок, но были полностью посвящены защите исключительно собственных интересов и установлению политических режимов, полностью подконтрольных США. Мы знаем их список: Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Украина и сегодня Венесуэла, в то время как Иран и Куба после короткого перемирия снова стали врагами.

Вместе с военной радикализацией США стали принимать все возможные меры, являющиеся частью экономической войны, против стран, которые они считают враждебными или просто противостоящими их интересам. Я имею в виду налагаемые президентом или Конгрессом санкции, количество и сила которых растут день ото дня, в то время как ответные торговые меры тоже усиливаются и иногда уже направлены против их собственных союзников.

Это ужесточение, начавшееся в 1990-е годы против Ирака и Сербии, сегодня стало основной чертой американской международной политики. Очередные шаги были предприняты с приходом Дональда Трампа к власти, в меньшей степени по сути, чем по форме. Политика, которая маскировалась и приукрашивалась глянцем цивилизованности при Клинтоне, Буше и Обаме, стала брутальной, демонстративной и не стесненной условностями в эпоху Трампа. Она расширилась, чтобы включить Китай и Европу, при этом усилилось военное присутствие, агрессивность НАТО и расторгаются договоры о разоружении.

Мы предполагаем, что эта тенденция усилится в будущем. На самом деле чем больше американская супердержава сталкивается с подъемом Китая и государствами, которые оспаривают ее гегемонию, тем больше она будет ужесточать военные операции и экономическую политику, пытаясь, с одной стороны, изолировать и ослабить своих противников, с другой — превратить союзников и партнеров в вассалов и протектораты. Эта тенденция, вероятно, будет главной в предстоящие десятилетия, независимо от того, кто станет следующим президентом США — республиканец или демократ, грубый популист или выдающийся технократ.

Следствие этой эволюции — крах Европы и как силы, и как модели. Европа еще долго будет оставаться крупнейшим экономическим центром, но ее политический и символический вес снизится еще больше из-за разделения и невозможности основать организованный федеративный союз и стать автономной от США. По сути, сегодня возможны два одинаково негативных сценария развития событий в Европе. Первый — прогрессирующая фрагментарность, медленная дефедерализация по типу Священной Римской империи, которая постепенно утратила свою сущность в процессе реформ и заключения договоров. С данной точки зрения будущее Европы — это не более чем управление своим упадком и кризисами, чтобы система просуществовала столько, сколько возможно, как и те, кто от нее выигрывают. Если вкратце, получается неестественная, ограниченная судьба, без перспектив, без проекта, ограниченная, усеченная Европа, обреченная на рост маргинализации перед лицом подъема все более сильных государств — США, Китая и России.

В мире, где идет перекомпоновка империй на основании новой Вестфальской системы международных

отношений, когда США хотят удерживать все рычаги власти, которые имеются в их распоряжении (американский доллар, вооружение, экономические санкции и таможенные пошлины), под провозглашенным президентом лозунгом «Сделаем Америку снова великой», и когда Китай не скрывает своей амбициозной цели стать крупнейшей в мире экономикой, Европа играет по-мелкому, используя свой метод управления 28 (скоро 27?) государствами, опирающимися на свои частные тактические интересы.

Второй сценарий едва ли можно назвать более комфортным, поскольку он означает подтверждение постепенного, но неизбежного превращения Европы в вассала государства-опекуна — Соединенных Штатов Америки, таких близких и дружелюбных, что они без колебаний стремятся к культуре и творческой энергии Европы и к тому, чтобы заключить ее в объятия, которые сожмут со всей силой милостивых щупалец...

После великой эпохи Перикла и гражданской Пелопоннесской войны Древняя Греция была обескровлена, лишилась экономической и политической жизненной силы, при этом она приобщала к греческой культуре и религии соседние народы. Она передавала им свои ценности, идеи, талант в торговле и мореплавании, своих наемников для ведения войн. Таким образом, Греция покорила дух, а иногда и сердца других народов, но в этом процессе потеряла себя. В конце концов ее полностью покорили римляне, к которым она обратилась за помощью — и совершенно напрасно.

Современная Европа, которая изобрела практически все, следует в том же направлении: она дала миру принципы демократического управления, политические и экономические доктрины, гениальную мысль и художественное творчество, но исчерпала свой запас энергии. Остальной мир становится европеизированным, как в прошлом Азия и Рим, в то время как Европа американизируется, китаизируется и медленно становится третьим миром под аплодисменты своих руководителей и СМИ, без ограничений открывает свои порты, школы и театры вездесущим товарам, сделанным в США и Китае, и превращается в огромный плавильный котел глобализации... И современная Европа находится на пути к потере независимости и покорению своим американским союзником, которого призывала на помощь в 1917, 1941 и 1949 годах во время холодной войны.

На этом этапе нашего обзора возникают следующие вопросы. Европа, а если точнее, политическое образование, которое ее представляет, — Евросоюз, — обречен на политическую ничтожность и рабскую зависимость? Или Европа способна вскоре начать возрождение, которое позволит восстановить ее суверенитет и вернуть статус великой демократической силы? Европа больше не будет имперской, а станет уравновешивающей и стабилизирующей силой в мире, который все больше ослабевает из-за конфронтации между США и Китаем?

От этого наблюдения можно впасть в отчаяние, но есть ли основания для того, чтобы оспаривать эту колонизацию наоборот? Разве нет других способов, более эффективных, более гуманных и устойчивых, для сохранения братства и сочувствия?

Это тот мир, к которому, как кажется, мы идем: так видится происходящее. Давайте закончим в более оптимистичном ключе: если лучшее маловероятно, то и худшее никогда не бывает неизбежным. Развитие событий всегда может повернуть в позитивную сторону. От нас зависит, сможем ли мы избежать худшего и действовать так, чтобы прийти к лучшему.

В. В. Миронов[1]

ЦИФРОВАЯ ПЕЩЕРА КАК ВОЗМОЖНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

В наше время возрастает значение философского анализа культуры, который в числе прочего связан с предупреждением возможных последствий развития, в том числе цифровых технологий. Культура переживает момент «технологической сингулярности», то есть взрывного ускорения научно-технического прогресса, который может полностью трансформировать культуру и человеческое сознание.

Технологии из чисто вспомогательного средства, увеличивающего комфортность и качество жизни людей, превращаются в самостоятельный доминирующий фактор, вынуждая человека следовать предписанным алгоритмам, которые не всегда могут его устраивать.

Я когда-то метафорически отметил, что первой формой цифровизации была практика концлагерей, когда человеку присваивали номер и лишали его идентичности. К сожалению, это оказалось гораздо ближе

[1] Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Единство разнообразия. Разнообразие единства», «Философия. Введение в метафизику и онтология» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Размышления о реформе российского образования», «Современные трансформации в культуре», «Человек как субъект и объект медиапсихологии» (в соавт.), «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.); статей: «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Противоречивость реформ российского образования», «Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации», «Мультикультурализм: толерантность или признание?», «Философ и власть: случай Хайдеггера» и др. Председатель Федерального учебно-методического объединения в системе высшего образования по специальностям «Философия, этика и религиоведение». Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», член редколлегий журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

к реальности, чем можно было предположить. Томас Уотсон-младший, один из руководителей IBM, получил в 1937 году высочайшую награду (орден Заслуг Немецкого орла) за работу филиала его фирмы в Германии, куда были поставлены вычислительные машины для проведения переписи и ее дальнейшего использования именно для учета евреев и цыган[1]. Вероятно, он не думал, что так произойдет, но с наукой подобное случается нередко. Весь мир облетела знаменитая фраза Оппенгеймера после бомбардировки Хиросимы: «Мы сделали работу за дьявола». 31 мая 1945 года, то есть вскоре после капитуляции гитлеровской Германии, собралась комиссия, получившая название «Временный комитет», назначением которой было консультирование президента Трумэна. В нее входили, в частности, Роберт Оппенгеймер, Энрико Ферми, Артур Х. Комптон и Эрнест О. Лоуренс. Перед четырьмя учеными-атомщиками ставился вопрос не о том, нужно ли применять атомную бомбу, а только о том, как ее применять. Комиссия ответила, что бомбу надо сбросить над Японией, причем по возможности поскорей, и что она должна быть нацелена на военный объект, находящийся посреди или вблизи жилых домов и других легко поддающихся разрушению построек. После атомных бомбардировок японских городов Оппенгеймер сказал президенту, что он и его коллеги чувствуют «кровь на своих руках», и услышал ответ: «Ничего, это легко смывается водой».

История знает много подобных примеров, и мы должны понимать возможные последствия внедрения новых технологий, а какие-то из них стараться всеми силами предупредить.

Современные технологии приводят к нарастанию вертикальной дифференциации уровней культуры (возрастных, потребительских и пр.), которая становится многокластерной системой, так что человек может сам выбирать место своего пребывания в ней. Он как бы локализует свое индивидуальное коммуникационное пространство и благодаря новейшим технологиям может его конструировать, самостоятельно решая, кого он хочет, а кого не хочет туда допускать. В результате социализация индивида становится очень слабой, его мир ограничивается экраном смартфона.

Подвергаются изменениям некоторые представления о мире и бытии.

Когда-то мы были уверены в том, что природа есть некая предзаданная реальность, и пытались понять ее, пропуская воспринимаемые разумом или чувствами факты через наше сознание. Сегодня может оказаться, что «вторичная» природа, хотя и сотворенная сознанием, может быть технологически преобразована в некую иную, например виртуальную, реальность, с которой мы можем работать как с обычной реальностью. А это порождает новое прочтение онтологических проблем и ставит проблему: как нам соотноситься с этим миром? Само понимание мышления как присущего индивидуальному сознанию (или совокупности сознаний), то есть как нечто принципиально личностное, также может претерпеть изменения, связанные с созданием искусственного интеллекта и возможным симбиозом человеческого и компьютерного.

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Уотсон,_Томас_Джон.

В становящейся электронной культуре изменяются функции экспертизы и роль эксперта. Экспертиза сводится к поиску подтверждающей информации. Человек выступает в качестве «пользователя» всех знаний, которые накопило человечество, что приводит к изменению традиционных эпистемологических представлений о характере и источнике знаний. По сути, экспертиза превращается в перебор инвариантов решений, что может повлиять на интуитивные способности человека. Интуиция, напротив, направлена на выбор модели, имеющей недостаточно подтверждений, что часто приводило к научным открытиям.

Процессы цифровизации серьезно влияют на систему образования. Это большая тема, здесь же отмечу лишь изменение взаимоотношений между преподавателем и учащимся. Традиционная система образования подразумевала, что преподаватель, как правило, человек старшего возраста — это прежде всего тот, кто владеет информацией, которой в большинстве случаев не владеет обучающийся. Сегодня молодой человек имеет доступ к информации без посредника. То есть функция преподавателя не может быть сведена к роли ретранслятора информации.

Старшее поколение не всегда понимает «информационную продвинутость» нынешних обучаемых и их умение пользоваться техническими средствами. А молодое поколение, что вполне естественно, уверено, что знание сводимо к информации, которую можно легко почерпнуть в Интернете. С этим связано и иное понимание воспитательной функции. Это уже не просто навязывание доминирующей системы ценностей, а обучение умению выбирать ценностные приоритеты и умение обосновать преимущество той или иной системы.

Электронная культура сильно влияет на мышление. Уже сегодня ряд функций памяти человека оказываются незатребованными. Мир переходит к пользовательской жизни, когда по любому поводу достаточно нажать на соответствующую кнопку. Это не безобидно, ибо закрепляется алгоритмическое мышление, когда человек просто ищет алгоритмы действия, не задумываясь, для чего это нужно, и сам характер этих действий непрерывно упрощается. Это ведет к утрате понимания диалектичности и противоречивости мира.

Мы как бы возвращаемся к периоду дописьменной культуры. Маклюэн отмечал: «Наше время — это ранняя стадия эпохи, для которой печатная культура становится такой же чуждой по своему смыслу, какой рукописная культура была чужда восемнадцатому столетию… Мы первобытные люди новой культуры»[2]. Но здесь реализуется следующий технологический шаг — новые возможности визуализации, то есть доминирование не понятийного смысла (как в тексте), а смоделированного образа. Визуальный образ воздействует непосредственно, как бы отключая рациональное осмысление.

Аудиовизуальные средства могут оказывать буквально гипнотическое воздействие на сознание, что создает предпосылки для манипуляции. В частности,

[2] *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. М., 2003. С. 201–202.

это проявляется в том, что событием в современном мире может выступать не реальный факт, а его медийная конструкция, даже в отсутствие реального факта как такового.

То же самое происходит с влиянием новейших коммуникационных средств, таких как смартфоны. Человеку кажется, что, держа в руках смартфон, он становится более умным, тогда как по сути он превращается в периферийное устройство. А ведь эта привычка приводит к значительному снижению умения концентрироваться, так как человек буквально ловит сообщения и часто отвечает на них не задумываясь, но главное заключается в том, что это средство коммуникации резко понижает социализацию людей, которые готовы замкнуться в виртуальном мире.

Вот американские исследования 2016 года:

— среднестатистический американец заглядывает в свой телефон каждые 6,5 минут, примерно 150 раз в день, по другим исследованиям — 300 раз в день;

— 53 % опрошенных в возрасте от 15 до 30 лет готовы отказаться скорее от способности распознавать вкус, нежели от смартфона;

— среднестатистический студент американского университета ежедневно тратит на смартфон около 8 часов 48 минут;

— 79 % людей через 15 минут после пробуждения берут в руки смартфон;

— 68 % спят с ним вместе;

— 67 % проверяют его даже когда нет звонка;

— 46 % утверждают, что они не могут жить без смартфона[1].

В результате мы теряем, возможно, самое главное — свободное время, которое заполняется бесконечным потоком информации, формируемым не нами, а поисковыми системами и геолокационными данными. Отфильтрованный на основе нашего цифрового следа Интернет превращается в так называемый тоннель реальности — «тот узкий спектр явлений и мнений, которые мы видим, находясь внутри сформированной алгоритмами реальности. Мы перестаем воспринимать сложность и взаимосвязанность в мире и видим только то, что находится на цифровом „блюдце“ перед нашим носом»[2]. И хотя оптимисты типа Илона Маска говорят о смартфоне как новом «расширителе мозга», что делает человека умнее, Сократ бы ему возразил, что мы не становимся умнее, ибо это не наше внутреннее знание, а поэтому мы очень легко его меняем или отказываемся от него. Не случайно стали говорить о «цифровой гигиене», то есть сознательном обучении людей умению отказываться от лишней траты времени на социальные сети в ущерб реальному общению.

Очень комфортно подписывать петиции, поздравлять знакомых, радоваться или ругаться, раздавать «лайки», не выходя из ванной и думая, что ты живешь реальностью, тогда как по сути ты уже в пещере. Да-да, в той самой пещере, о которой писал Платон, конечно, не догадываясь о технологиях, которые превратят его метафорический образ в реальность.

Пять лет назад в Германии выбрали словосочетание, наиболее точно описывающее нынешнее поколение: «Generation Kopf unten» (буквально «поколение с опущенной головой»)[3].

Философское осмысление этих процессов необходимо, ибо оно способно опережать реальность. В истории философии таких примеров предостаточно, хотя бы тот же Платон, который вряд ли мог иметь представление о современных технологиях, которые превращают его модель-метафору пещеры в своеобразную реальность. В знаменитой притче (Государство, VII, 514a2–517a7) Платон описывает ситуацию, когда люди с детства прикованы за ноги и шею в пещере и не могут не только сдвинуться с места, но даже повернуть голову и направить свой взгляд в другое место. Их взгляд направлен лишь на тени от огня, который представляет собой образ Солнца. Пещера — образ существования человечества на земле.

Рассуждая как сторонний наблюдатель, анализирующий сконструированную мыслительную модель, Платон делает вывод, что существует четыре состояния души, с помощью которых мы постигаем истину: «на высшей ступени — разум, на второй — рассудок, третье место удели вере, а последнее — уподоблению»[4], которые имеют внутреннюю иерархию в зависимости от степени приближения к истине как таковой, то есть достоверности.

Вера и уподобление как состояния души находятся в нижней части иерархии Платона. Они не результат размышления (постижения умом), а поэтому могут порождать лишь мнения, то есть в наибольшей степени удалены от возможности познания истины[5]. Например, пишет философ, мы можем приравнивать сущность объекта к числу, что помогает «соизмерять» вещи. Но при этом необходимо помнить об относительности такой мыслительной операции. Очень актуальное суждение на фоне ажиотажа вокруг цифровизации.

Цифровизация способна выстроить цепочки соизмерений, могущие интерпретировать мир, какие-то явления иным, более удобным образом, но при этом необходимо помнить, что это мыслительная конструкция, которая может находиться достаточно далеко от постижения сущности объектов.

Как отмечал Платон, в ряде случаев уподобление реальности может приобретать характер имитации, которая находится в стороне от истины и сущности, как в той самой платоновской пещере (а может, и в нынешней информационной пещере), когда люди видят не реальность, а нечто лишь уподобленное ей. Для них тень неотличима от реальности.

Современный человек также прикован, пусть и не железными цепями, к новостным лентам, сконструированным образам, часто не способен, да и не особо желает понять, что реальность может отличаться от этих конструкций. Это реализованный на новейших техно-

[1] https://style.nv.ua/blogs/skolko-raz-v-den-vy-proverjaete-telefon-amerikanskij-uchenyj-o-pervyh-priznakah-zavisimosti-ot-gadzheta-192903.html.

[2] *Жданов В.* Тоннель реальности: как соцсети вызывают «ожирение» мозга и продают нас корпорациям. URL: https://knife.media/dark-social/.

[3] https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/boulevard_nt/article127898591/Generation-Kopf-unten-Wie-einsam-macht-das-Smartphone.html.

[4] *Платон.* Государство. Кн. 7.

[5] См.: Там же.

логиях образ платоновской пещеры: люди погружены в мир теней, их даже не требуется приковывать реальными цепями, ибо они прикованы цепями технологическими. Человек, погрузившийся в такую пещеру, воспринимает ее как единственную реальность, а значит, и истина, и красота также находятся в ней. Но, как отмечал Платон, уподобление такой реальности по сути является имитацией. Имитацией деятельности, чувств, то есть имитацией реальности в целом. Здесь тень неотличима от реальности.

«Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?»[1]

Современная пещера — это пространство глобальной коммуникации. Условием такой виртуальной, но не менее реальной прикованности выступают большие данные, посредством которых человек ныне существует в мире, ограничивая свою внутреннюю свободу. По сути, сознание человека становится предметом компьютерной симуляции. Это уже не просто оптическое искажение (как в притче Платона), а воплощение современного мира теней, который для многих становится реальностью, причем такой, которая в связи с развитием технологий становится все более убедительной.

Мир начинает напоминать компьютерную игру. Абстрагирование от реальности и подчинение игровым алгоритмам приучает нас к тому, что размышление как процесс, предшествующий некому действию, становится вторичным или отложенным. Коммуникация подвергается мощному воздействию, что приводит к трансформации культуры, деформируя ее смыслообразующие компоненты, в частности язык. Кратко и точно это выразил Ю. М. Лотман: «Язык есть код плюс его история». Культура в семиотической интерпретации — это закодированная языком семиотическая система. Нет культуры как таковой, есть сложная система взаимодействующих локальных культур. Именно язык долгое время определял форму взаимодействия культур, которая представляла собой диалог, то есть метафорические пересечения языковых множеств в разных вариантах. Более того, ценность диалога оказывается большей в непересекающихся частях.

На коммуникацию всегда оказывало влияние развитие технологий, но до последнего времени, в отличие от нынешней ситуации, это был постепенный процесс интеграции в культуру. Сегодня же происходит становление глобального коммуникационного пространства и распадение культуры как системы взаимодействующих локальных культур. В этом процессе роль цифровизации огромна, так как она усиливает нынешнюю трансформацию культуры. Под трансформацией я понимаю направленный внутренний процесс изменения системы, который реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом. Современная система массмедиа трансформирует коммуникацию из состояния некого фона, фиксирующего события, в своеобразный стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования, прежде всего расширяя псевдокультурное пространство общения. В результате этих процессов начинают господствовать общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, то есть наиболее простые компоненты. Кстати, именно этот фактор проявляется и в попытках выработать некоторые глобальные критерии, например научной деятельности, в виде преимущественного цитирования на английском языке, что может выступить долгосрочным фактором, разрушающим национальную культуру.

Глобальная цифровизация может стать прекрасным условием для возникновения нового типа тоталитаризма в виде своеобразной глобальной империи, базирующейся на использовании этих технологий и возможностей контроля над личностью. При внешне сохраняющейся свободе нажимать кнопки и общаться в социальных сетях человек все в большей степени передает власть СИСТЕМЕ, в которой он становится цифровым винтиком или кодом.

Можно высказать предостережения и по поводу споров вокруг создания искусственного интеллекта как некой панацеи и средства решения всех проблем. Но будет ли искусственный интеллект признавать равноправным человеческий интеллект или вытеснит его на периферию как не особо нужный?

«Если наделить алгоритмический рассудок способностью к самоизменению и творчеству, сделать его подобным человеку в способности чувствовать радость и горе (без которых невозможна понятная нам мотивация), если дать ему сознательную свободу выбора, с какой стати он выберет существование?.. искусственный интеллект будет все про себя знать с самого начала. Захочет ли разумная и свободная шестерня быть? Все сводится к гамлетовскому „to be or not to be“…»[2]

[1] *Платон.* Государство. Кн. 7.

[2] *Пелевин В.* IPhuck 10. М. : Эксмо, 2017. С. 407–408.

М. А. Моратинос Куйяубе[1]

«АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ» — ИНИЦИАТИВА ПО ПОДДЕРЖКЕ БРАТСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Тонкая мозаика, которую составляют различные цивилизации, по-прежнему находится под угрозой. Мы живем в мире, где много культур, этносов и языков, поэтому главным принципом международных отношений должен быть мультилатерализм. Однако, как это ни парадоксально, в то время, когда мультилатерализм особенно необходим, он подвергается сомнению. Поэтому для завоевания доверия нам требуется новый, эффективный мультилатерализм.

Будучи последовательным защитником ценностей мультилатерализма, я уверен, что нам нужны новые формы сотрудничества с другими международными и региональными организациями — инклюзивный мультилатерализм, в центре которого будет оставаться Организация Объединенных Наций, развивающая связи с гражданским обществом, религиозными лидерами, женскими организациями, сообществами ученых и молодежью, полной свежих идей, чье мировоззрение основано на всесторонней осведомленности. Когда мультилатерализм будет инклюзивным, люди станут его сторонниками.

Учитывая сложные глобальные изменения, которые переживает современный мир, особенно угрозу глобального терроризма и воинствующего экстремизма, я не могу представить иного способа справиться с этим вызовами, чем глобальные ответы, которые заложены в основу инклюзивного мультилатерализма.

Позвольте рассказать немного о работе «Альянса цивилизаций» Организации Объединенных Наций в этом контексте.

«Альянс цивилизаций» ООН продолжает отстаивать инклюзивность и эффективный мультилатерализм, содействуя межкультурному и межконфессиональному диалогу. Наш девиз: «Много культур — одно человечество». Необходимо признать, что существует плюрализм цивилизаций, каждая из которых внесла свой вклад в обогащение общей и единой человеческой природы. Разнообразие — это наше богатство, в нем корни нашего единства. Хотелось бы вспомнить основателя ООН Дага Хаммаршельда, чьи мудрость и вдохновение сопровождают нас по сей день. Он твердо верил, что разнообразие — неоценимое достоинство человечества. Когда его спросили, какую книгу он любит больше всего, он ответил: «„Дон Кихот“ Сервантеса».

Печально, но в наши дни такое отношение встречается нечасто. Вместо этого мы сталкиваемся с шовинизмом, исламофобией, антисемитизмом и дискриминацией, которые со скоростью лесного пожара распространяются по «темной стороне» Интернета.

Террористические атаки на мусульман, совершавших молитвы в двух мечетях города Крайстчерч на востоке Новой Зеландии, стали болезненным напоминанием о том, что наша работа еще далека от завершения. Ненависть белых шовинистов была направлена не только на мусульман. В октябре прошлого года Роберт Бауэрс в приступе ярости убил одиннадцать евреев в синагоге «Древо жизни» в городе Питтсбурге. Он обвинил их в том, что они привели в Соединенные Штаты захватчиков (имея в виду беженцев). В январе в христианской церкви острова Холо филиппинской провинции Сулу во время воскресной мессы был совершен взрыв, унесший жизни прихожан.

Массовое убийство в Крайстчерч, потрясшее людей до глубины души, напомнило о том, что при реализации глобальных мер по борьбе с терроризмом не менее важно охранять религиозные собрания и гарантировать безопасность людей, которых объединяет дух сострадания и любви.

Генеральный секретарь ООН был абсолютно прав, когда 23 марта опубликовал свой глобальный призыв к принятию дополнительных мер по обеспечению неприкосновенности всех религиозных собраний и безопасности всех прихожан, посещающих святые места, исходя из сострадания и терпимости. Мне была поручена почетная задача — составление плана мероприятий по обеспечению всестороннего участия ООН в поддержке инициативы по охране религиозных собраний.

Как оказалось, это поручение было как нельзя более своевременным и неотложным: лишь месяц спустя произошла очередная атака в Шри-Ланке, где погибло более 200 членов католического сообщества.

В современной политической философии существуют разные и часто противоположные концепции человеческого братства.

Например, при подготовке к этой конференции я черпал вдохновение в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека — великой хартии всего человечества, в которой говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Во все исторические эпохи пророки и религиозные провозвестники проповедовали одно и то же послание о мире, любви и братстве. Так, в исламе достоинство всех людей происходит из общечеловеческого начала независимо от расы, вероучения, пола или цвета кожи. Ислам рассматривает мир как единую семью, в которой мировое гражданство является основой сотрудничества и мирного сосуществования. Ислам — это веро-

[1] Глава «Альянса цивилизаций» ООН, дипломат, юрист и политик, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Кризис на Ближнем Востоке», «Мир в эпоху устойчивого развития», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы». Награжден орденами Сербского флага I степени (Сербия), Креста Земли Марии 1-го класса (Эстония), королевским орденом Карла III (Испания), гранд-офицер ордена Трех звезд (Латвия), кавалер королевского ордена Изабеллы Католической, рыцарь ордена «За гражданские заслуги» и др. Почетный доктор университетов Гранады, Мальты, Бен-Гурион и Аль-Кудс (Израиль). Почетный доктор СПбГУП.

учение о терпимости, о гуманизме, что особенно важно учитывать, говоря об этой религии в наши дни.

Сура «Аль-Худжурат» Священного Корана гласит: «О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга».

Эти ценности не ограничиваются священными писаниями трех монотеистических религий. Их почитают последователи всех крупнейших мировых вероисповеданий.

Человеческое братство — это наша способность признавать друг друга равными на основе общего человеческого начала. Следует добавить: человеческое братство подлинно, если оно исходит из уважения к другому.

Тем не менее во всех уголках мира мы наблюдаем эрозию этих универсальных ценностей и углубление социальных и культурных расколов. В этом есть некоторая ирония. Казалось бы, по логике вещей в современном мультиполярном, мультикультурном, мультиэтническом мире мультилатерализм должен преобладать, а люди должны быть свободны от национальных предрассудков. Вместо этого разгораются межплеменная вражда, этническое насилие, исламофобия, антисемитизм, ксенофобия, злословие и ультранационализм. Зверские преступления продолжают сотрясать человечество. За примерами далеко ходить не надо: вспомните страдания езидов или трагедию мусульман рохинджа в Мьянме. Религиозные и этнические меньшинства все еще остаются самыми уязвимыми группами, особенно в ситуациях вооруженных конфликтов.

Также несомненно то, что женщины и девочки во всем мире по-прежнему ущемлены в своих правах только из-за того, что они — женщины и девочки.

Эти вызовы — наша суровая реальность. Они подвергают испытанию на прочность местные сообщества и подрывают доверие к институтам.

Тем не менее сегодня мы имеем возможность продемонстрировать нашу общую ответственность и практическую приверженность делу восстановления концепции всеобщего братства как краеугольного камня международного сотрудничества. Напомню слова из послания Его Святейшества Папы Римского Франциска в 47-й Всемирный день мира: «Братство — основа мира и путь к нему». Цитируя папу римского Святого Павла VI, он отметил, что не только отдельные люди, но и целые нации должны взаимодействовать в духе братства, стремиться к взаимопониманию и сотрудничеству, чтобы строить общее будущее для всего человечества.

Позвольте мне затронуть несколько подходов к продвижению этой парадигмы.

1. *«Альянс цивилизаций» ООН, организация, которую я возглавил всего 3 недели назад, продолжает всеми силами отстаивать инклюзивность и эффективный мультилатерализм.* Учитывая разнообразие взаимосвязанных глобальных вызовов, наши ответы на них не должны замыкаться в национальных границах. Повторю, наш девиз: «Много культур — одно человечество». В то же время мы должны культивировать новые формы сотрудничества на основе подлинной инклюзивности с другими международными и региональными организациями, гражданским обществом, лидерами общественного мнения по всему миру и частным сектором.

Религиозным лидерам и организациям всех вероисповеданий предстоит сыграть ключевую роль в мультилатеральном миропорядке. Организация под моим началом продолжает целенаправленно содействовать межконфессиональному и межкультурному диалогу как средству борьбы с нетерпимостью, распространением негативных стереотипов и призывами к насилию на основании вероисповедания.

2. *Инклюзивное гражданство, при котором люди пользуются равными возможностями и правами независимо от пола, религии или этнической принадлежности, является ключевым фактором мирного сосуществования.*

Марракешская декларация, продвигающая новое законодательство об инклюзивном гражданстве, — полезный и важный пример инициативы в этом направлении. Все мы, как по отдельности, так и сообща, должны обеспечить максимальное информирование о декларации и поддержать ее выполнение.

Однако инклюзивное гражданство само по себе не является панацеей. Этнические и религиозные меньшинства во всех регионах продолжают сталкиваться с дискриминацией и новыми угрозами в форме вооруженных экстремистских атак и в виде ограничительной политики, реализуемой ультранационалистическими группами.

Помимо классической концепции гражданства, мы должны стараться прививать всем культуру мира с детского возраста, тогда люди с разной идентичностью, вероисповеданием и культурой смогут идентифицировать себя как граждане мира.

Я искренне верю в то, что образование в области мирового гражданства — лучший инструмент для того, чтобы укоренить эти ценности. Поэтому Альянс поддержит те государства, которые будут разрабатывать образовательные программы, воспитывающие понимание и уважение к плюрализму религий, культур и обществ. Мы поможем вооружить студентов навыками по борьбе с фанатизмом, отчуждением и невежеством. Образование в области мирового гражданства — это важный инструмент наших коллективных усилий по достижению мирного сосуществования. Надо стремиться к тому, чтобы оно было универсальным по своему охвату, но локальным в плане воздействия.

3. *Проблема терроризма и воинствующего экстремизма по-прежнему остается острой.* В настоящее время ИГИЛ, их союзники и другие террористические группы ослаблены, но их идеология нетерпимости (поддерживаемая, в частности, возвращением и перемещением иностранных боевиков-террористов) продолжает оказывать влияние на население, особенно молодежь.

Ключевой компонент нашей программы профилактики — работа с глубинными проблемами и недовольством, которым так часто манипулируют террористы и их сторонники. Опять-таки это требует от нас ско-

ординированных действий. Надо добиться, чтобы религиозные лидеры, авторитетные личности, правозащитные организации и средства массовой информации действовали с нами заодно, поддерживали наши инициативы.

Что касается террористов и воинствующих экстремистов, заявляющих о том, что их действия основаны на религиозных убеждениях, то надо разоблачать ложность их аргументов, расхождение со взглядами религиозных лидеров и деятелей, заслуживших доверие людей. Для этого необходимо поддерживать молодых лидеров религиозных групп, вооружая их инструментами критического религиозного мышления для деконструкции извращенных посланий и помогая в выявлении признаков радикализации в местных сообществах.

Также нам следует проявлять братскую солидарность с жертвами террористов, их семьями и близкими людьми. После террористических нападений мы редко слышим истории людей, чьи родственники и друзья погибли от рук террористов, о том, как это повлияло на их жизнь. Заголовки в СМИ зачастую содержат лишь имена преступников, совершивших террористический акт. Однако мы можем и должны делать больше для того, чтобы не забывать и поддерживать жертв терроризма во всех регионах мира.

Генеральная Ассамблея ООН недавно учредила Международный день памяти и поминовения жертв терроризма, который будет ежегодно отмечаться 21 августа.

Организация под моим началом продолжит поддерживать усилия государств-участников по формированию культуры памяти и солидарности, включающей истории и опыт жертв терроризма. Я уверен в том, что наша солидарность будет способствовать взаимопониманию и социальной сплоченности. Кроме того, такие свидетельства будут напоминать будущим поколениям о варварской и криминальной природе терроризма.

4. *Защита прав угнетенных и преследуемых включает в себя правосудие над лицами, совершившими зверские преступления, в рамках концепции прав человека и власти закона.* Это единственный способ прервать порочный круг безнаказанности. Ответственность за совершенные злодеяния необходима для восстановления справедливости по отношению к жертвам. Также она прокладывает путь к примирению и предотвращению будущих бесчинств.

Всех нас объединяют общечеловеческие связи, наши культуры переплетены, мировое культурное наследие — достояние всего человечества. Но для того, чтобы добиться всеобщего братства и процветания, в каждом обществе должен существовать базовый уровень свободы, равенства и политической инклюзивности. Исполнение и принятие наших общих обязательств и принципов для воплощения этой идеи требует более широкого, глубокого и прочного партнерства и сотрудничества между всеми нациями и людьми.

Вы можете быть уверены в том, что «Альянс цивилизаций» ООН продолжает пропагандировать уважение к принципу всемирного братства и добиваться наших общих целей справедливости, достоинства и мира.

Позвольте от лица Альянса предложить десять заповедей человеческого братства.

1) *уважение* ко всем нациям и народам независимо от их вероисповедания, культуры и цивилизации;

2) *диалог* как базовый инструмент улучшения понимания между разными культурами и точками зрения;

3) *терпимость* как основа уважения к человеческому достоинству и фундаментальным правам каждого человека, богатству и разнообразию мировых культур и цивилизаций;

4) *эмпатия* как свойство каждого народа, позволяющее строить мосты взаимопонимания и сотрудничества в поиске универсального принятия и мирного сосуществования;

5) *инклюзивность* как процесс, устанавливающий полное и равное право отдельных людей и групп участвовать в жизни общества независимо от расы, этнической принадлежности, религии, физических возможностей, сексуальной ориентации и гендерной идентичности;

6) *разнообразие* как положительная и обогащающая концепция; справедливый императив, неотделимый от уважения к человеческому достоинству;

7) *солидарность* как приверженность делу оказания помощи другим в трудной ситуации в духе взаимопомощи и заботы;

8) *достоинство и равные права* всех членов мировой человеческой семьи, находящихся в отношениях взаимозависимости и взаимной поддержки, создающих фундамент свободы, справедливости и мира во всем мире;

9) *мультикультурализм* как отражение разнообразия в эпоху глобализации, а не просто установки или мнения;

10) *convivencia* (*исп.*), то есть «жизнь вместе» как святая обязанность и настроенность на мирное сосуществование.

Р. И. Нигматулин[1]

РАЗВИТИЕ РОССИИ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

Всякий социум (страна, регион, отрасль экономики, а также культура и наука) стремится к самообеспеченному (самоподдерживаемому и устойчивому) развитию в условиях своего географического положения и ограниченности ресурсов. Об этом размышляют государственные деятели, лидеры партий, общественных групп, представители культуры и науки.

Каждая группа исходя из своих представлений и опыта вырабатывает необходимые условия для такого развития. Следует подчеркнуть, что необходимых условий управляемости и предсказуемости очень много, но все они не являются достаточными. Достаточность может быть обеспечена только комплексом этих условий.

Например, анализ экономики приводит к необходимости установления определенной доли государственных расходов, фонда оплаты труда, прогрессивного налогообложения, мер по ослаблению разности доходов между бедными и богатыми, правил на валютном рынке, мер стимулирования инвестиций, организации международного сотрудничества для использования лучших в мире технологий и т. д. Но все эти необходимые меры не дадут желаемого результата, если не преодолена коррупция, низки управленческий потенциал правительственных чиновников и менеджмента хозяйствующих компаний, уровень инженеров и проектировщиков, квалификация рабочих.

Преодоление каждой из указанных проблем (необходимых условий) диктует решения других проблем, требующих работы представителей других специальностей. Например, для преодоления коррупции помимо усилий правоохранительных органов нужны открытое общество, политическая конкуренция, развитая судебная система, потому что, каким бы мудрым ни был руководитель страны, он не сможет обеспечить необходимого уровня антикоррупционной атмосферы. А подъем уровня управленческих кадров упирается в совершенствование системы образования, подготовки учителей, подъема авторитета знания, духовного уровня народа. А это расходы — на медицину, образование, на развитие как прикладной, так и фундаментальной науки.

Все страны мира пытаются обеспечить выполнение указанных необходимых условий для гармоничного сбалансированного развития, преодоления проблем. Особенно острая ситуация с реализаций необходимых (но даже недостаточных) условий наблюдается в современной России. Более того, за последнее десятилетие, несмотря на «фанфары» в средствах массовой информации, неуправляемость и непредсказуемость стала все более очевидной, за этим таится угроза потери стабильности на десятилетия. Такие угрозы в перспективе десятилетия обычно недооцениваются большинством специалистов. Кто из ученых и общественных деятелей в 1982 году мог предсказать, что в 1991 году произойдет распад СССР? Единицы, которым мало кто верил.

Великий русский ученый, академик, нобелевский лауреат И. П. Павлов в 1918 году говорил, что даже научное знание не смогло предупредить страшные события 1917 года. Он с сожалением констатировал: «Научный ум относительно мало влияет на жизнь и историю. Ведь наука только в последнее время получила значение в жизни и заняла первенствующее место в немногих странах. История же шла вне научного влияния, она определялась работой другого ума, и судьба государства от научного ума не зависит». Вот что И. П. Павлов писал о России: «Мы десять лет назад похоронили нашего гения Д. И. Менделеева, но это не помешало России прийти к тому положению, в котором она сейчас находится». А ведь Д. И. Менделеев, помимо того что он был великим химиком, стал экономистом. Он подробно изучил экономическое развитие регионов России. Но все это превратилось в прах, потому что не нашло поддержки даже в научных кругах, было сметено революцией, начатой либералами. И. П. Павлов объяснял это тем, что научный ум «есть ум частичный, касающийся очень небольшой части народа (а я бы сказал, его проблем), и он не мог характеризовать весь народный ум в целом».

К сожалению, этот порок науки не изжит до сих пор. Об этом я говорил на заседании Президиума РАН 15 января 2019 года, напомнил высказывание Н. Г. Чернышевского: «Сотни лет губила Русь вера в добрые намерения царей». Исходя их этого верного наблюдения, он призывал: «К топору зовите Русь!»

Сейчас мы понимаем, что это призыв не к исправлению, а к трагическому разрушению и народному бедствию. Проблема была не в том, что цари были плохие, а в том, что они действовали неправильно, совершали ошибки, от которых не застрахован ни один руководитель государства. Проблема была также в том, что представители научной и культурной элит в разговоре с государем (царем, генсеком, президентом) старались быть приятными вместо того, чтобы говорить *правду*, порой тяжелую, и сделать все, чтобы убедить государя принять конструктивные решения. А ведь именно в этом *всегда* нуждается руководитель страны. Конечно, намного легче быть гоголевской «дамой, приятной во всех отношениях, ничего не пожалевшей, чтобы сделаться любезной в последней степени».

Таким образом, сложилась пагубная привычка говорить, что все хорошо. Но сегодня *нехорошо* и в стране, и в науке, и в этой ситуации говорить, что у нас все хорошо, — грех.

---

[1] Научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор свыше 200 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий: «Основы механики гетерогенных сред», «Динамика многофазных сред», «Как обустроить экономику и власть России: анализ инженера и математика», «Кризис и модернизация России — 13 теорем», «Механика сплошной среды. Кинематика. Динамика. Термодинамика. Статистическая динамика» и др. Имеет 21 авторское свидетельство на изобретения. Главный редактор журнала «Океанология». Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии СССР, премии Правительства РФ в области науки и техники. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Уже 10 лет в России нет реального экономического роста. Объявленный 1 % роста — не рост, так как мы каждый год теряем около 1,5–2 % богатства из-за катастроф, пожаров, наводнений, износа и пр.[1] И необходимого для преодоления бедности большой части населения роста экономики в ближайшем будущем не предвидится.

Академик А. А. Дынкин в своем докладе на последней научной сессии Общего собрания РАН в ноябре 2018 года говорил, что, по мнению *экспертного* сообщества, экономическая стагнация — главная проблема страны.

А через несколько недель Президент РАН академик А. М. Сергеев на встрече с В. В. Путиным утверждал, что «страна вышла на этап стабильного роста». Это не только неверно — это убаюкивающая руководство страны ложь. В ближайшие годы при сохранении социально-экономического курса реального экономического роста не будет. Это опасно, потому что уже более пяти лет падают реальные доходы среднего класса. Ни правительство, ни президент Российской Федерации не осознают этой проблемы, хотя призывы инвестировать и обещания сделать экономику России 5-й в мире (то есть обогнать Германию с населением в 2 раза меньше) с их стороны повторяются более 10 лет. Как следует из вышесказанного, над проблемой обеспечения экономического роста должны работать специалисты всех подразделений Академии наук.

Деградационные процессы происходят и в науке. Мы каждый год теряем около 2 % научных работников (на совещаниях у президента России В. В. Путина эта проблема замалчивается), а надо спасть аспирантуру, обеспечивающую подготовку молодых ученых.

Единственным, кто громко указал на эту проблему, был ректор Санкт-Петербургского горного университета профессор Литвиненко. На заседании Совета по науке он говорил, что ключ к решению проблемы подготовки молодых ученых — поднять зарплату аспиранта до среднего уровня. Не может взрослый человек с высшим образованием жить на 4–6 тыс. рублей в месяц. Ректор предупредил, что скоро некому будет работать на сложных приборах и преподавать. В этой ситуации президент Академии наук должен был только подтвердить эту мысль, попросив президента России дать соответствующее поручение правительству.

В. В. Путин на Совете по науке упрекнул сотрудников Академии наук, что не выстроили прозрачную и объективную экспертизу результатов в фундаментальных науках. Он согласился, что ключевыми являются не публикационные и «цитационные» показатели, «а основанные на репутационной ответственности и *оценке профессионального сообщества*». Эти слова президента и есть ответ. В Академии наук всегда было: каждый год выявлялись важнейшие результаты в институтах, в отделениях, в докладах на годичных собраниях отделений и Общем собрании РАН. Мы каждые пять лет аттестовали всех научных работников, проводили комплексные проверки всех институтов РАН. Значит, надо восстановить решающее влияние Академии наук и ее отделений на планирование и оценку деятельности ученых и институтов. Ученых должны оценивать ученые, а не библиографы. Так надо было и отвечать президенту: это у нас было, но все разрушила чиновничья рать. И чиновники должны ориентироваться только на эти оценки. На заседаниях Президиума РАН академики пытаются усовершенствовать «библиометрические» критерии, где наибольшей доблестью отличаются публикации в иностранных журналах.

Сегодня неподготовленные чиновники департамента координации науки формируют государственные задания институтам РАН с кратным ростом числа публикаций, хотя при мне М. М. Котюков говорил им, что так делать нельзя. Госзадания должны формировать сами институты с тематическими отделениями РАН. Это и только это есть научно-методическое руководство РАН.

Минобрнауки, как хозяйствующий субъект, должно планировать финансовую и хозяйственную деятельность на основе принятых в Академии наук госзаданий.

Только четко проработанная позиция может обеспечить позитивное влияние научного сообщества на управляемость и предсказуемость развития страны. А авторитет науки не растет.

Во-первых, это связано с тем, что утверждение И. П. Павлова «наша русская производительность ничтожная. Она в несколько десятков раз меньше производительности передовых культурных стран Европы» актуально и сегодня.

Во-вторых, это связано с тем, что научное сообщество не формулирует свою позицию по важнейшим проблемам, которые обсуждаются в народе. В качестве примера приведу позицию католической церкви о семи социальных грехах, озвученных епископом Джиротти в 2008 году от имени Ватикана. Он подчеркнул, что все они — следствие глобализации. Если раньше грех считался личным делом, то теперь грех приобретает общественный резонанс. Отмечу только три, имеющие решающее влияние на жизнь в России:

— увеличение имущественного расслоения;
— чрезмерное богатство;
— действия, приводящие других к бедности.

О какой морали нашего правительства можно говорить, если месячные зарплаты министров, депутатов, губернаторов — несколько миллионов рублей, а у половины трудящихся меньше 20 тыс. рублей, и только у 7 % трудящихся доходы превышают 70 тыс. рублей. Аномальная бедность половины трудящихся на фоне аномальной роскоши богатых, в том числе чиновников, приводит к неустойчивости власти, падению ее авторитета, развитию аморальности. Вместе с этим происходит потеря управляемости и предсказуемости.

Как и в XIX веке, сегодня перед Россией стоит трагическая проблема — проблема *передела доходов*. Она должна быть решена сверху. Если для ее решения будут привлечены низы, это будет бунт, скорее всего, «бес-

[1] По данным академика В. И. Осипова, годовой ущерб России от катастроф — 1,4 % от ВВП страны, а в мире — 0,5 % от мирового валового продукта, риск погибнуть в авиакатастрофе в России в 4 раза выше, чем в мире, а при пожаре — в 9 раз выше, чем в США.

смысленный и беспощадный». Чтобы его предотвратить, деятели науки и культуры должны, следуя наказу Н. А. Некрасова, не только «сеять разумное, доброе, вечное», но и культурно, настойчиво «давить» на верхи и на низы.

Главное — говорить народу базисные вещи, которые всегда можно объяснить просто. Но именно простые вещи бывают непонятны и чаще всего забываются. Как говорил великий русский композитор Георгий Свиридов, «не так просто понять простые вещи».

Р. О'Брайен[1]

ЮЖНЫЕ ДИЛЕММЫ: ЗАЩИТА ПРАВ РАБОЧИХ ВО ВРАЖДЕБНОМ ОКРУЖЕНИИ

Целью настоящей работы является краткий обзор разнообразного опыта и стратегий взаимодействия рабочего класса и государства, а также взаимодействия с деятелями из корпоративных кругов и гражданского общества в ряде стран за пределами ядра мировой экономики, которое составляют промышленно развитые страны. Большинство профсоюзов на юге сталкиваются с проблемами, связанными с правительствами, которые проводят либеральную или авторитарную политику, а также с изменением связей и отношений с политическими партиями, агрессивными корпорациями и дерегуляцией рынка труда. Здесь мы сосредоточиваем внимание на левых профсоюзах в ряде ключевых развивающихся стран[2].

Предпосылки

Профсоюзное движение традиционно ассоциируется с промышленно развитыми странами. Однако 1980–1990-е годы были отмечены появлением сильных и динамичных профсоюзов в ряде развивающихся стран, таких как Бразилия, ЮАР и Южная Корея. Подъем производства привел к росту рабочего и профсоюзного движения по всему югу[3]. Часто приходилось слышать, что там используется стратегия «общественного профсоюзного движения», включающая много социальных проблем, кроме экономических потребностей их участников, платящих взносы[4]. Сила и решительность общественного профсоюзного движения в развивающихся странах рассматривалась как возможный путь, которым могут пойти «северные» рабочие и профсоюзные движения по примеру «южных»[5].

Некоторые аналитики продолжают видеть возможность мобилизации рабочего класса в южных странах[6], однако там для этого много препятствий. В последние годы в профсоюзном движении в ЮАР начался кризис после раскола Конгресса южноафриканских профсоюзов, который, в свою очередь, произошел после выхода из него крупнейшего участника — Национального профсоюза рабочих металлопрокатной промышленности ЮАР.

Рабочее движение и Рабочая партия в Бразилии оказались под атакой, когда правые силы организовали законную смену власти путем объявления импичмента президенту Дилме Руссефф, а бывший президент Бразилии Лула был арестован. В Корее в 2016 году началась очередная волна репрессий в отношении рабочего движения, лидеры Корейской конфедерации профсоюзов оказались в тюрьме. В Индии профсоюзы организовали крупнейшую в мире всеобщую забастовку против правительственной программы либерализации.

Либеральные или авторитарные государства

Опыт каждой страны отличен от других, однако профсоюзы, которые работают не на Западе, в период после 1945 года все же имеют некоторые общие черты[7]. Определяющим свойством рабочего движения на Юге стало присутствие европейского или американского империализма[8]. Это привело к тому, что борьба

[1] Профессор политологии Университета МакМастера (Гамильтон, Канада). Автор 6 книг и более 20 статей в журналах, а также глав в книгах в сфере международных отношений и глобальной политической экономии, в т. ч.: «Интернационализм рабочего движения на глобальном Юге: инициатива SIGTUR — Южная инициатива по глобализации и правам профсоюзов», «Глобальная политическая экономия: эволюция и динамика» (в соавт.), «Вызов корпоративному капиталу: создание альтернативы неолиберализму» (соред.), «Пересмотр интернационализма Розы Люксембург», «Интернациональный ответ западного рабочего класса на глобализацию Индии и Китая» (в соавт.), «Продолжающаяся невежливость: права рабочего класса в глобальной экономике» и др. Преподает глобальную политическую экономию, является научным руководителем у аспирантов, которые интересуются проблемами мирового рабочего класса, глобальным гражданским обществом, международными организациями, глобальным управлением и политической экономией изменений климата. Редактор-консультант журнала «Мировой рабочий класс».

[2] Этот доклад во многом основан на работе: *O'Brien R.* Labour Internationalism in the Global South: The SIGTUR Initiative. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2019.

[3] *Silver B. J.* Forces of Labor. Cambridge : Cambridge Univ. Press 2003.

[4] *Wells D.* Building Transnational Coordinative Unionism // Confronting Change: Auto Labor and Lean Production in North America / H. J. Nunez, S. Babson (eds.). Detroit : Wayne State Univ. Press, 1998. P. 487–505.

[5] *Moody K.* Workers in a Lean World: Unions in the international economy. N. Y. : Verso Books, 1997.

[6] *Ness I.* Southern Insurgency: The Coming of the Global Working Class. L. : Pluto Press, 2016.

[7] *Carway T. L.* Labor in Developing and Post-Communist Countries // Fioretos O., Falleti T. G., Sheingate A. The Oxford Handbook of Historical Institutionalism. Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. P. 256–269.

[8] В случае Кореи это японский империализм.

рабочего класса проходит в три этапа: а) стремление к деколонизации и изгнанию западных держав; б) борьба за демократизацию национальных государств перед лицом авторитарного правления[1]; в) борьба против неолиберализма и разрушения модели государства развития. Трудность для наемных работников заключается в том, что, хотя модель государства развития поддерживала их заинтересованность в индустриализации, это часто делалось за счет подавления рабочего класса (в том числе жесткими насильственными методами)[2]. По статистике, политико-экономические стратегии имеют долгую историю продвижения «развития» за счет независимости рабочего класса[3].

В некоторых странах эта борьба шла последовательно, в других два или более конфликтов имели место одновременно. Это могут проиллюстрировать примеры Индии, ЮАР и Кореи. В Индии в 1940-е годы шла национально-освободительная борьба против британцев, после деколонизации последовало быстрое строительство демократического государства, а сорок лет спустя начался конфликт из-за неолиберального поворота. Разногласия по поводу того, как должна вестись борьба за независимость Индии, поддерживать или нет Великобританию в период Второй мировой войны, привели к «политическому объединению в профсоюзы». Связи профсоюзов с политическими партиями позволили им влиять на своих политических партнеров, но это вызвало внутреннюю борьбу между профсоюзами и к тому же помешало им создавать более широкие альянсы и повредило взаимоотношениям с большинством рабочих, занятых в теневой экономике[4].

В отличие от Индии, освободительная борьба на Африканском континенте велась с конца Второй мировой войны до начала 1990-х годов. Борьба против апартеида в ЮАР объединила антиколониальные усилия с попыткой демократизации государства. Вскоре после этого рабочий класс столкнулся с неолиберализмом 1990-х, который продвигал Африканский национальный конгресс. Другие африканские страны столкнулись с проблемами либерализации на десять лет раньше, когда в них были запущены программы по структурному урегулированию после долгового кризиса 1982 года. Хотя в странах Африки взаимоотношения государства и рабочего класса принимали различные формы, национально-освободительная борьба стала их определяющим фактором[5].

Ситуация в Корее развивалась иначе, чем в Индии или Африке[6]. Здесь антиколониальная борьба велась против японцев и шла с 1910 до 1945 года, когда борьба с Японией сменилась борьбой против корейского государства и поддерживаемого США авторитарного режима, который подавлял левых и независимые профсоюзы. Корейские рабочие и профсоюзы сыграли важную роль в демократической борьбе в 1970–1980-е годы, внеся свой вклад в переход к демократии в 1987 году. Демократизация позволила профсоюзам быстро добиться повышения заработной платы и улучшения условий труда, но Азиатский финансовый кризис, разразившийся через десять лет, изменил баланс сил. Корейское государство работало с МВФ с целью радикальной либерализации и дерегуляции рынка труда, что увеличило безработицу и временную занятость.

Взаимоотношения с политическими партиями

Южные профсоюзы не нашли успешного рецепта для взаимодействия с политическими партиями. Однако есть, по крайней мере, три варианта взаимоотношений с политическими партиями. Первый — тесные рабочие контакты с партиями, которые будут формировать правительство. В Бразилии Рабочая партия была создана как объединение профсоюзов, и в итоге ее представитель смог победить на президентских выборах. Когда Рабочая партия находится в оппозиции, профсоюзы активно ее поддерживают. Однако когда Рабочая партия формирует правительство, возникает напряжение. Профсоюзам приходится подталкивать партию в левую сторону, потому что бизнес тянет ее вправо. В ЮАР тоже сложилась непростая ситуация, потому что Конгресс южноафриканских профсоюзов вступил в альянс и с Африканским национальным конгрессом, и с Коммунистической партией ЮАР. Этот альянс находится в сложном положении, потому что правящая партия либерализовала торговлю и проводит неолиберальную экономическую политику.

Второй вариант взаимоотношений — независимость от партий, как, например, получилось у Центрального профсоюза рабочих в Аргентине. Это, в частности, обусловлено особенностями аргентинской истории, когда движение перонистов доминировало над многими профсоюзами или поглощало их. В этом случае блок или союз с перонистской партией (Хустисиалистской партией) означает, что придется пожертвовать политической независимостью. Другой вариант демонстрирует Корейская конфедерация профсоюзов, создавшая в 1997 году Демократическую рабочую партию для обеспечения представительства рабочих в парламентской политике. После небольших успехов в начале 2000-х члены Демократической рабочей партии неоднократно расходились во мнениях по поводу демократии внутри страны и ее взаимоотношений с Северной Кореей. Корейская конфедерация профсоюзов больше с этой партией не связана.

Третья модель — когда политические партии доминируют над профсоюзами. Например, Маоистская

[1] *Curless G*. Introduction: Trade unions in the global south from imperialism to the present day // Labor History. 2016. Vol. 57, № 1. P. 1–19.

[2] *Deyo F. C*. Beneath the Miracle: Labor Suppression in the New Asian Industrialism. Berkley : Berkley Univ. Press, 1989.

[3] *Selwyn B*. The Global Development Crisis. Cambridge : Policy, 2014.

[4] *Teitelbaum E.* Was the Indian Labor Movement Ever Co-opted? Evaluating Standard Accunts // Critical Asian Studies. 2006. Vol. 38, № 4. P. 389–417 ; *Candland C.* Labour Industry and the State in India and Pakistan // Labour World Wide in the era of Globalization: Alternative union models in the new world order / R. Munck, P. Waterman (eds.). Basingstoke : Macmillian, 1999. P. 175–196.

[5] *Buhlungu S*. Trade unions and the politics of national liberation in Africa: An appraisal // Beckman B., Buhlungu S., Sachikonye L. (eds.). Trade Unions and Party Politics: Labour movements in Africa. Captetown : HSRC Press, 2010. P. 191–207.

[6] *Gray K*. Labour and Development in East Asia. N. Y. : Routledge, 2015.

федерация профсоюзов Филиппин давно и неразрывно связана с Коммунистической партией Филиппин, и многие считают ее подконтрольной партии[1]. В Индии Центр индийских профсоюзов очень тесно связан с Коммунистической партией Индии (марксистской) и гордится этим. Это может привести к некоторой напряженности и трениям между профсоюзами и партией, когда партия находится у власти в каком-то штате (таком как Бенгалия) и начинает проводить политику либерализации. Также партия оказывает влияние на Центр индийских профсоюзов по ряду трудовых вопросов, и временами кажется, что профсоюзы повторяют то, что говорит Коммунистическая партия Индии (марксистская).

Транснациональные корпорации и дерегуляция рынка труда

Южные профсоюзы столкнулись с двойным вызовом: усилением интернационализации экономики их стран и переходом постоянных рабочих в категорию временных на своих рынках труда. Корея и Индия — примеры стран, перешедших от относительно защищенных национальных рынков к экономике с огромными прямыми иностранными инвестициями и одновременно экспортирующих такие инвестиции. На протяжении многих лет южнокорейская экономика была и сосредоточена на использовании экспортных рынков. Однако она стала интернациональной, когда корейские транснациональные корпорации организовали производство за границей. После Азиатского финансового кризиса 1997 года была проведена реструктуризация. Корейские компании все больше инвестируют в производство в других странах, чтобы использовать дешевую рабочую силу или обойти торговые барьеры[2].

В Индии вице-президент Центра индийских профсоюзов отмечает растущее количество транснациональных корпораций, работающих в индийской электронной, автомобильной и химической промышленности, среди них можно назвать такие компании, как Hyundai, Ford, Dalmer, Nissan, Renault, Mitsubishi, Caterpillar и BMW[3]. Если в 1990-е годы профсоюзы сосредоточивали усилия на индийских компаниях, то теперь они также борются и с транснациональными корпорациями (ТНК), но правительство осложняет эту борьбу. ТНК, со своей стороны, или пытаются создавать «желтые» профсоюзы, как Samsung, или вообще не дают организовать профсоюзы.

В дополнение к решению проблем с ТНК южные профсоюзы также борются с переводом постоянных рабочих в категорию временных на своих рынках труда. Южнокорейские профсоюзы отметили, как трансформировались рынки труда после Азиатского финансового кризиса. Корейская конфедерация профсоюзов заметила, что стремление к гибким рынкам труда и приватизации, за которые выступают МВФ и Всемирный банк, привело к потере работы и переводу постоянных сотрудников в категорию временных для 52 % наемных работников[4].

Еще одна экономическая проблема — рост неравенства и бедности. Например, представители ЮАР подчеркивают, что доля бедных в населении их страны составляет 50 %, при этом 10 % населения контролирует 90 % богатств. В дополнение к этому безработица превышает 25 %, а среди молодежи она больше 50 %. Индийская делегация отметила, что у них в стране 1 % самых богатых людей владеет 73 % богатств.

Заключение

Краткий обзор профсоюзов южных стран показывает, что рабочие сталкиваются с общими проблемами, такими как враждебная политика государства и неолиберализм. Во многих случаях жизнь профсоюзных активистов подвергается опасности. Однако положение дел в разных странах неодинаково. Профсоюзы южных стран выбрали разные стратегии взаимодействия с государствами, политическими партиями и корпорациями, на что серьезно влияет их история, но ни один из них пока не нашел выигрышную стратегию.

---

[1] *Waterman P.* On (Not) Understanding The KMU Trade Union Centre In The Philippines (Countercurrents.org: 2 Nov., 2015).

[2] *Coestier B., Perrin S.* The Internationalization of Korean Firms: Strategic interaction and tariff-jumping when quality matters // Multinationals and Foreign Investment in Economic Development / E. Graham (ed.). L. : Palgrave Macmillan, 2005. P. 119–144.

[3] Заметки автора, 10-й Конгресс SIGTUR — Южной инициативы по глобализации и правам профсоюзов. Перт, 3 декабря 2013 г.

[4] Sigtur's Strategic Orientation and Action Commitments : 6th Congress. Seoul, 2001. Nov. P. 3.

В. Ф. Петренко[1]

ИМЕЕТ ЛИ ЦЕЛЬ ГЛОБАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ?[2]

В уже ставших традиционными XIX Лихачевских чтениях в 2019 году в качестве ведущей выдвинута проблематика прогнозирования и управления мировым развитием. Но глобальное прогнозирование неизбежно ставит вопрос: имеет ли мировая эволюцию некую заданную цель развития? Что-то наподобие «антропного принципа», согласно которому случайное сочетание величин глобальных физических констант не могло привести Вселенную к нынешнему состоянию. Так, например, величина постоянной Планка, будь несколько иной, не позволила бы возникнуть сложным структурам материального мира. Эволюция буквально движется между Сциллой и Харибдой по ничтожно маловероятному пути развития, ее вершиной является появление гомо сапиенса — человека разумного. Но как задается цель глобальной эволюции и есть ли она?

Пытается осмыслить эту проблему и психологическая наука. История российской, да, пожалуй, и всей мировой психологической науки характеризуется сдвигом интересов от изучения отдельных психических элементов (ассоциаций, умственных действий, реакций в бихевиоризме, мотивов и действий в деятельностном подходе, ментальных карт и семантических пространств в когнитивной психологии), психических функций (восприятия, памяти, мышления, эмоций и т. п.) и даже от индивида, индивидуальных различий и личности ко все более целостным системам бытия, процессам, включающим личность человека как подсистему в отношениях «человек — среда, социум, история, наука, искусство, духовные ценности». Чем выше ученый поднимается в исследовании уровней бытия, тем сложнее и менее изучены кольца обратной связи в регуляции и развитии сложного целого, в которое включен человек. Например, только в прошлом веке благодаря работам А. Чижевского обнаружено влияние солнечной активности и космического излучения на биологическую активность биоценоза и даже на социальную активность человека, его творчество.

Благодаря трудам В. Вернадского показаны роль биосферы и человеческой цивилизации как геологического фактора в эволюции земной коры и обратное влияние геоморфологических процессов и катаклизмов на формирующуюся ноосферу как область приложения человеческого разума. Эта линия продолжена в теоретических изысканиях А. Назаретяна [7], В. Панова [10] в анализе техногенных кризисов, вызванных нарушением морально-техногенного баланса и обратного влияния духовного состояния общества на природу и индустриальный прогресс.

Работы З. Фрейда, К. Г. Юнга, Ш. Ференци и других позволили вскрыть позитивное или разрушающее влияние бессознательных процессов человека на его психосоматику. В религиозных системах постулируется (а в актах самосозерцания и покаяния непосредственно переживается) влияние даже не поступков, а дурных помыслов на духовное и физическое самочувствие человека. Все эти уровни обратной связи сложных систем, в которые включен человек, мало изучены, мало отрефлексированы и мало представлены в понятийном психологическом аппарате.

И здесь, оставаясь в поле науки (а не религии или искусства), возможны две глобальные стратегии теоретических построений: то ли оставаться в жестких рамках естественно-научной парадигмы и оперировать понятиями, фиксирующими наличное знание, рискуя редуцировать целое к его проекциям на частные науки и остаться слепым к многомерности и многоуровневости мира (при этом человек, успешно функционирующий на поле обыденной жизни, оказывается голым и беспомощным в столкновении с экстраординарными экзистенциональными проблемами жизни и смерти, смысла жизни и веры); то ли конструировать понятия «на вырост», оставлять в их содержании некую неопределенность, составляющую «люфт незнаемого».

Опираясь на вторую стратегию и развивая идеи «Общего дела» Н. Федорова о достижении бессмертия и «возрождении отцов», основатель движения «Россия 2045» Д. Ицков утверждает, что новая идеология должна сделать одним из приоритетов необходимость использовать прорывные технологии для совершенствования самого человека, а не только среды его обитания. Он полагает, что можно и нужно ликвидировать старение и даже смерть, преодолеть фундаментальные пределы физических и психических возможностей, заданные ограничениями биологического тела.

Программа Ицкова гармонично сочетается с гипотезой техногуманитарного баланса Назаретяна. Согласно ей [6; 8], развитие новых технологий требует появления новых систем ценностей, релевантных изменяющемуся миру, которые направляли бы, а где-то и ограничивали бы степень свободы возможных реализаций, которой обладает сложная система в выборе путей своего развития. Назаретян вслед за Г. Померанцем [15] трактует историю «как прогресс нравственных задач». Экспансивный рост любой цивилизации неизбежно вызывает негативные последствия. Возникающие кризисы в силу безудержной эксплуатации возросших инструментальных возможностей могут разрешаться путем создания новых систем ценностей, новых идеоло-

---

[1] Заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор. Главный редактор журнала «Методология и история психологии». Автор более 370 научных публикаций, в т. ч. книг: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Основы психосемантики», «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма», «Психосемантика искусства» «Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики», «Политическая психология: психосемантический подход» и др. Член редакционных коллегий журналов: «Психологический журнал», «Психология», «Общественные науки и современность», «Консультативная психология и психотерапия». Лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН, лауреат Общероссийского национального профессионального психологического конкурса «Золотая Психея» в номинации «Человек года». Награжден медалью «В память 850-летия Москвы».

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, грант № 17-18-01610.

гий, ограничивающих безудержную экспансию технологических возможностей и направляющих развитие цивилизации в новое русло.

Двадцатый век столкнулся с возросшими возможностями оружия массового поражения, несущими угрозу самоистребления человечества, с экологическими проблемами (загрязнение воды, земли и воздуха) на огромных территориях из-за интенсивной добычи природных ископаемых, токсичных отходов промышленности и современного сельского хозяйства. Одна из центральных угроз выживанию человечества в условиях прогресса медицины и здравоохранения, вызвавших увеличение продолжительности жизни, связана с накоплением наследственных аномалий в геноме самого человека и угрозой его вырождения как биологического вида.

Все эти проблемы диктуют необходимость не только увеличивать темпы роста науки и научных технологий, чтобы успевать устранять негативные побочные следствия цивилизационного прогресса. Расчеты, проведенные независимо русским физиком-теоретиком Пановым [9] и австралийским историком-глобалистом Г. Снуксом, показали устойчивое ускорение эволюционного процесса на протяжении всех этапов земной эволюции — геоморфологическом, биологическом и ноосферном. Расчеты выявили зону сингулярности (вертикаль Снукса–Панова), согласно которой приблизительно к 2045 году кривая скорости эволюции устремится к бесконечности. Что за этим последует: гибель человечества, или, наоборот, появление бессмертного сверхчеловечества благодаря возможности существовать в нескольких телах, или интеграция человечества с развитием средств связи в некую единую сверхсущность — этакий земной вариант «Соляриса» С. Лема?

Полагаю, что почти тридцатилетний срок со дня сегодняшнего до гипотетичной зоны сингулярности слишком мал для трансформации человечества в неочеловечество. Одна из возможных гипотез объяснения феномена сингулярности — выход человечества на связь с иными космическими цивилизациями, что открывает поистине безграничные информационные возможности и сокровища знаний. Но этой гипотезе противоречит «Великое молчание космоса» — отсутствие достоверных сигналов «братьев по разуму», адресованных человечеству.

Наши экспериментальные исследования [12] продемонстрировали, что сознание требует наличия некоторого языка, благодаря которому и происходит осознание. По-видимому, чем больше язык формализован, тем более четким, но узким (по семантическому охвату) является осознание. Образно-символьный язык бессознательного, давая возможность широкой интерпретации воспринимаемого, характеризуется малой степенью осознанности. Таким образом, осознанное восприятие чего-либо требует как наличия специфических перцептивных органов для считывания информации, так и когнитивных структур, отвечающих за распознавание и интерпретацию воспринимаемого. Наконец, осознание воспринимаемого зависит от наличия системы значений (некоторого языка, понимаемого в широком семиотическом смысле, например языка, а вернее — языков, искусства).

Делая шаг назад в нашем рассуждении, вернемся к проблеме «Великого молчания космоса». Со времен Большого взрыва прошло не менее 13,75 млрд лет. И, как утверждает современная астрофизика, существует огромное количество планет, подобных Земле, многие из которых гораздо старше по возрасту, ибо возраст нашей родной планеты — всего 4,54 млрд лет (4,54 × 109 лет ± 1 %). Перефразируя Ш. де Костера, я на лекциях нередко напоминаю студентам, что в нашем сердце стучит «пепел погасших звезд». Действительно, наш организм содержит тяжелые элементы (например, железо в эритроцитах крови), которого нет на Солнце. Оно — вторичная звезда. Там в основном (99,9 %) водород и гелий. Тяжелые элементы возникают при сверхновых взрывах. Когда старая звезда выгорает и коллапсирует до гораздо меньших объемов при чудовищной плотности и сверхвысоких температурах, она взрывается. Тогда-то и образуются тяжелые элементы периодической таблицы Менделеева. Тяжелые элементы в основном занесены в Солнечную систему кометами. Но не только тяжелые элементы заносятся блуждающими космическими телами. Есть теории «панспермии» (Г. Рихтер, Г. Гельмгольц), говорящие о том, что сама жизнь имеет космическое происхождение и передана в космической эстафете от более ранних источников. Поддерживал эту идею и Вернадский. По мнению современных ученых Ф. Хойла и Н. Ч. Викрамасингха, частицы межзвездной пыли содержат замерзшие клетки и бактерии [2]. Конечно, потребовались миллиарды лет биологической эволюции, чтобы от «космических зародышей жизни» перейти к высокоорганизованным живым организмам, к тому же обладающим психикой. Но если жизнь имеет космическое происхождение, то вполне логично допустить, что и человеческое сознание развивалось в ходе культурно-исторической эволюции не без участия всепроникающего космического разума.

Но почему тогда молчит Космос? На мой взгляд, наивно полагать, что космические цивилизации встретятся примерно на одном уровне своего развития, что они пошлют нам некие сигналы, а земляне успешно их дешифруют, что прилетят инопланетяне на космических кораблях, даже на более совершенных, чем наши, и установят дружественный контакт. Мне кажется сомнительным, что такой холодный, недружественный к нам космос можно обжить, и полагаю, что возможные контакты с представителями иных космических цивилизаций будут иметь совсем иные формы.

Скорее возможен поиск контактов с иными цивилизациями внутри собственной ментальности, в сфере бессознательного, в медитативных трансовых состояниях, и помогут установить эти контакты такие науки, как психология и семиотика. В нашей статье [14] мы пытались обосновать точку зрения, что работа сознания осуществляется в идущей еще от Р. Декарта субъект-объектной парадигме, где в качестве категорий сознания (или интуиций сознания, по И. Канту) присутствуют пространство и время. Сознание строит предметные образы, включающие эти категории в евклидовом пространстве, разновидностью которого выступают пространства Римана, Лобачевского, Минков-

ского. Коллективное бессознательное К. Юнга, восходящее к гипотетическому космическому бессознательному, описывается на языке целостных состояний гильбертова пространства, неразложимых на дискретную предметность. Этому целостному состоянию (как и квантовой реальности) присущи нелокальность бытия и феномен ЭПР (Эйнштейна, Подольского, Розена), заключающийся, согласно квантовой физике, в мгновенной синхронической связи генетически родственных элементов.

Сознание, понимаемое широко как способность ощущать, переживать, чувствовать, то есть как качество, в той или иной степени присущее всем живым существам, может иметь космическое происхождение. В своих фоновых формах оно способно выступать камертоном Вселенной, эволюционируя и дифференцируясь в земных условиях к уровню, связанному с языком человеческого сознания. Если верна гипотеза о предсуществовании сознания, то «братьев по разуму» можно искать, не только запуская в космос радиозонды и телескопы, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного. Именно этим и занимались адепты буддизма, индуизма, практик суфизма и исихазма. Разница только в концептах, в которых они обосновывали «многообразие религиозного опыта».

Практики науки и религии здесь сближаются. История религии проникнута опытом «пиковых» состояний сознания [4; 18; 20], попытки научного осмысления которых предпринимает и психология. «Не следует ли нам предположить, — полагает В. Франкл, — что над человеческим миром, в свою очередь, расположен превосходящий и недоступный человеку мир, смысл, точнее „сверхсмысл“, которого только и может придать смысл всему человеческому страданию? Человек может постичь сверхмир не больше, чем животное из своей среды может понять более широкий человеческий мир. Он, однако, может уловить его в предчувствии — в вере» [19, с. 42].

Представление о предсуществовании космического сознания содержится в индуизме. Индивидуальное сознание (Атман) является частью (искрой божьей) целостного океана космического сознания (Брахмана), с которым сливается после физической смерти. В рамках этих представлений единое интегральное сознание предшествует индивидуальному. Интегральное выступает как базисный фон, «несущая волна», на основе которой моделируется более дифференцированно-индивидуальное.

Индивидуальное сознание ограничено, по-видимому, из-за возможной перегрузки и нервных срывов при адаптации к окружению. Самосознание механизмы самоидентичности при таком понимании отсекают, ограничивают индивида от чужого сознания, чужих переживаний (иногда прорывающихся, возможно, в феноменах телепатии, гипноза, синхроничности). На такую трактовку интегрального сознания также хорошо ложится гипотеза Б. Поршнева о возникновении многообразия естественных языков вследствие контрсуггестии, вызванной необходимостью отделиться при помощи барьера собственного языка от чужеродных влияний [16].

Чтобы осознанно воспринимать что-либо, необходимы периферические органы чувств и когнитивные схемы, эталоны распознавания, а для осознания воспринимаемого — еще и наличие некоего языка, понимаемого в широком семиотическом плане, например «языка искусства» или, вернее, «языков искусства». Из-за отсутствия ряда специфических органов чувств для восприятия идущей из внешнего мира информации психика человека содержит ряд «слепых зон». Расширить диапазон восприятия можно за счет различных психотренингов, таких как «тренинг сенситивности», медитация и аутотренинг, йога, холотропное дыхание, метод сенсомоторного психосинтеза, гипноз и мягкий эриксоновский гипноз; различных религиозных практик: динамической медитации в форме монотонных телодвижений или повторения мантр, текстов, имеющих сакральный смысл, поста, молитвы, созерцания, затворничества, ретрита.

Психопрактики и медитация не только снижают порог чувствительности, открывая области, ранее недоступные ощущениям и переживаниям, но главное — они расширяют сознание, снимая субъект-объектную оппозицию, интегрируют индивидуальное сознание с космическим, трансперсональным, божественным (возможны разные термины). В гипнотическом трансовом состоянии человек, как в замедленной киносъемке, может увидеть в своем воображении движущуюся автомашину и успеть рассмотреть ее номер (если, конечно, он был доступен зрению при первичном восприятии). В гипнотическом состоянии можно приблизить или отдалить воспринимаемый в воображении объект, изменить угол его обзора, прокрутить вперед и назад во времени, то есть работать с ним как с воспринимаемым наличным объектом, а не пассивной фотографией. Но для того, чтобы осознать актуализованное из пассивного запаса памяти, нужен язык (в нашем случае — русский), ведь и гипнотическая инструкция сообщалась испытуемому посредством языка, и сам испытуемый описывал извлеченный из памяти образ с помощью слов. Чем более формализован язык, тем четче осознание, но меньше широта и у́же охват семантического поля осознанного. Образно-символьный язык бессознательного открывает предельно широкую возможность интерпретаций. Ситуация с выбором того или иного толкования образа (например, образа сновидения) напоминает процесс редукции волновой функции в физике [5; 11].

Перевод с образно-символьного «языка» бессознательного (предположительно содержащего информацию о «внеземном разуме») на обычный язык требует разработки проблемы понимания [1], анализа семантики образа и семиотических исследований символа [3], разработки проблематики «психосемантики искусства» [13]. Возможно, «психология искусства» (в частности, семиотика музыки) явится той нитью Ариадны, которая выведет исследователей на контакт с Космосом. Не менее важная область для установления такого контакта — сравнительное религиоведение, изучающее конкретные частные реализации трансперсональ-

ного «зова Космоса». Важны в контексте обсуждаемой проблематики и изучение измененных состояний сознания, и трансперсональная психология.

На смену гонке и конкуренции между странами в области атомной физики в XX столетии в XXI веке придут кооперация и сотрудничество в области гуманитарных наук, в первую очередь психологии, постнеклассической философии [17], структурной лингвистики и семиотики, столь необходимых для трактовки «проблем понимания». Контакт с внеземными цивилизациями, предположительно предсказываемый около 2045 года, вызовет рост проблем и исследований в области гуманитарной науки, а «царицей наук» на определенный отрезок «мегаистории» (или «универсальной истории») станет психология. Тогда, как я уже говорил на конгрессе «Глобальное будущее 2045» 18 февраля 2012 года, «возможно, вырабатывая своеобразную систему значений, не привязанную к нашему конкретному миру, с одной стороны, а с другой — разрабатывая изощренные техники медитации и психопрактики, мы выйдем на контакт с возможными мирами на глубинных медитативных уровнях».

Литература

1. *Знаков В. В.* Психология понимания: проблемы и перспективы / В. В. Знаков. — М. : Ин-т психологии РАН, 2005.

2. Ископаемые бактерии и другие микроорганизмы в земных породах и астроматериалах / М. М. Астафьева [и др.]. — М. : ПИН РАН, 2011.

3. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — М. : Гнозис, 1992.

4. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность / А. Г. Маслоу. — СПб. : Евразия, 1999.

5. *Менский М. Б.* Человек и квантовый мир. Странности квантового мира и тайна сознания / М. Б. Менский. — Фрязино : Век 2, 2007.

6. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории / А. П. Назаретян. — М. : ПЕРСЕ, 2001.

7. *Назаретян А. П.* История и психология антропогенных кризисов, гипотеза техно-гуманитарного баланса / А. П. Назаретян // Глобальный мир : материалы междисциплинарного семинара Клуба ученых. — М. : Ин-т микроэкономики, 2003.

8. *Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян. — М. : УРСС, 2008.

9. *Панов А. Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (8ET1) / А. Д. Панов. — М. : ЛКИ, 2008.

10. *Панов В. И.* Введение в экологическую психологию : учеб. пособие / В. И. Панов. — М. : НИИ школьных технологий, 2006.

11. *Пенроуз Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании / Р. Пенроуз. — М. ; Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2005.

12. *Петренко В. Ф.* Медитация как неопосредствованное познание / В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко // Методология и история психологии. — 2007. — № 1. — С. 164–189.

13. *Петренко В. Ф.* Психосемантика искусства / В. Ф. Петренко. — М. : МГУ, 2014.

14. *Петренко В. Ф.* Методология психосемантики в контексте философии постнеклассической рациональности и квантовой физики / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Вестник РАН. — 2015. — Т. 85, № 10. — С. 896–905.

15. *Померанц Г. С.* Русское богатство / Г. Померанц // Журнал одного автора. — М., 1994. — № 2 (6).

16. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. — М. : Наука, 1979.

17. *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. — 2003. — № 8. — С. 5–17.

18. *Торчинов Е. А.* Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов. — СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1998.

19. *Франкл В.* Десять тезисов о личности / В. Франкл // Психология личности : хрестоматия. — М. : АСТ-Астрель, 2009. — С. 36–53.

20. *Фрейджер Р.* Личность: теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейджер, Дж. Фейдимен. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2008.

В. Проданов[1]

КРИЗИС МИРОВОЙ СИСТЕМЫ И ПРОГНОЗЫ В ОТНОШЕНИИ ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

По определению науке присущи три основные функции: описание, объяснение и прогнозирование, но у социальных наук существует своя специфика. В данном случае описание и объяснение в той или иной степени несут ценностную нагрузку, а прогнозирование чрезвычайно затруднено из-за сложности, развивающегося характера и рефлексивности общества. Одновременно с развитием общества с эпохи Просвещения до наших дней можно выделить пять основных этапов социальных прогнозов.

На *первом этапе*, который длился до начала Второй мировой войны, прогнозирование являлось проблемой прежде всего философии истории и было связано с фиксацией определенных тенденций в историческом развитии. Однако в принципе прогнозы тех или иных геополитических событий себя не оправдывают. Например, накануне Первой мировой войны общие настроения склонялись к тому, что войны постепенно прекратятся, а Вторая мировая война и нападение на СССР стали неожиданностью даже для Сталина.

Второй этап развития прогнозирования занял период между Второй мировой войной и 1970-ми годами, когда появилась специальная дисциплина «Футурология» и возникла система методов, применяемых

[1] Директор Фракийского научного института, профессор кафедры политической экономии Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук. Главный секретарь Болгарского философского общества (1978–1989), директор Института философской науки (1988–1992) и Института философских исследований БАН (1995–2010). Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 22 монографий: «Добро и дължимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода», «Системные циклы и будущее истории: куда движется мир». Член редколлегий ряда научных журналов. Публичный интеллектуал и автор сотен статей в массмедиа.

в прогнозах экономических, политических и иных процессов, используемая государствами, корпорациями и мозговыми центрами. Это было время второй промышленной революции, когда прогнозирование было связано и с директивным планированием в странах государственного социализма, и с индикативным планированием в развитых капиталистических государствах.

Третий этап прогнозирования обусловлен развитием неолиберального капитализма, характеризующегося ускорением и усложнением различных процессов, а также тем, что предыдущие прогнозы и планы все чаще не оправдываются, приводя к передаче полномочий рынку и негосударственным субъектам. При этом рациональное планирование, ожидание, выбор становятся характеристиками «человека экономического» (Homo economicus) неоклассического «экономикса».

Когда речь идет о геополитическом прогнозировании, то в большом количестве случаев наблюдается крах прогнозов гениальных людей и сильных коллективов экспертов и разведывательных служб. Разведывательные организации США не смогли предсказать Исламскую революцию в Иране. В СССР Горбачев обещал «больше социализма, больше демократии», а произошла реставрация капитализма олигархического типа. В декабре 1990 года выдающиеся американские эксперты провели в Пентагоне круглый стол, посвященный будущему СССР. Они были единодушны во мнении, что вероятность распада Советского Союза не превышает 20 %. Спустя несколько месяцев реальность полностью опровергла этот прогноз. Точно так же американские аналитические центры не смогли предугадать стремительный подъем Китая и его превращение в альтернативу США. После распада СССР США были полны ожиданий, что XXI столетие станет веком Америки, но это оказалось иллюзией, а войны, которые они вели во Вьетнаме, Ираке, Афганистане, Сирии, сокрушили их надежды.

В настоящее время кризис традиционных подходов и методов (написание сценариев, форсайт, стратегическое планирование, метод «Дельфи», экспертные оценки) усиливается. Мы вступаем в *четвертый этап* прогнозирования, особенно если речь идет о геополитическом прогнозировании и глобальных тенденциях. С одной стороны, растут ожидания относительно создания формальных моделей и использования искусственного интеллекта, алгоритмов и обработки больших массивов данных для оценки вероятности конкретного пути развития. Именно по этой причине в мире ведется борьба за лидерство в разработке искусственного интеллекта. С другой стороны, продолжает оставаться актуальным макроисторический подход, связанный с соответствующей теорией или философией истории.

Попытаюсь ответить на поставленный вопрос через призму философии истории, опирающейся на базисные закономерности, которые дадут возможность не только объяснить прошлое, но и заглянуть в будущее. Отправной точкой выберем традицию, заложенную в макроистории Фернана Броделя, в сочетании с концепцией циклов в теории о миросистеме и системных циклах развития. В рамках этой философии динамика развития капитализма — это процесс растущей глобальной экспансии, проходящей через фазы нескольких больших циклов. В целом поиск возможностей для успешного накопления капитала на основе глобальной системы циклически сменяется самокапсуляцией в национальных государствах. За либерализацией следуют периоды протекционизма, при этом каждый цикл либерализации отдельной страны или группы стран является гегемоном в данном процессе. Как интернационализация, так и самокапсуляция капитала связаны с системными циклами его накопления, доминированием и исчезновением определенной гегемонистской силы.

Первый цикл имел место между XIV и XVI веками, когда основную роль играли итальянские города-государства, в первую очередь Флоренция, Генуя, Венеция и их диаспоры. Второй цикл включал навязывание мирового гегемона и универсализацию капитализма, опутывающего весь мир торговыми связями, пришелся на XVII–XVIII века, когда Нидерланды исполняли роль гегемона. Третий цикл соответствует XIX веку. В этот период мировым гегемоном стала Великобритания, и как результат — именно там произошла первая промышленная революция и резко возросло производство. Четвертый цикл наступил после Второй мировой войны, когда в качестве мирового гегемона утвердились США. Гегемония США происходила в два этапа: социально-либеральный длился до 1970-х годов, затем начался неолиберальный этап, приведший к распаду советского социализма, биполярного мира и соответственно к неолиберальной глобализации под контролем США.

В *пятый этап* капитализм начал входить после 2008 года. После периода расцвета американизированной монополярной неолиберальной глобализации начался распад предшествующего неолиберального глобализированного порядка. Для него характерны экспоненциальное ускорение всех процессов и растущий дисбаланс мировой системы, когда незначительные непредсказуемые факторы могут привести к огромным, труднопрогнозируемым последствиям. События и информация, накопленные человечеством за всю его историю, теперь аккумулируются за год, скорость технологических (в данном случае и многих других) инноваций сегодня гораздо выше, чем столетие назад, поэтому и мир становится все более неопределенным и, как следствие, наполненным быстрыми взлетами и падениями, ведущими к сжатию времени. Все это делает миллиарды людей неуверенными в себе и вселяет в них тревогу за то, что происходит. Очевидности распадаются, налицо — глобальная либеральная истерия, «заливающая» нас враньем, фейковыми новостями и информацией о том, что мы живем в постистинном мире.

Учитывая системный и циклический характер изменений, выделим семь ключевых показателей грядущих (в ближайшие два десятилетия) глобальных перемен.

1. *Кризис существующих политэкономических систем в развитых странах, растущая политическая поляризация, тенденции распада предшествующего неолиберального консенсуса системных партий* в вопросе о том, как добиться устойчивого экономического ро-

ста и преодолеть неравенство. Все сильнее становится критика неоклассического экономикса, в частности утверждается, что он уже не служит основой экономической политики. Растет недовольство граждан экономическими экспертами, политическими лидерами, транснациональными компаниями, люди возлагают на них вину за экономические проблемы в обществе. Усиливаются движения, партии, позиции конкретных лидеров, которые используют массовое кризисное сознание и недовольство, чтобы заручиться поддержкой, выдвигая антисистемные лозунги. В Великобритании большая часть населения проголосовала за Брексит, то есть за отделение от более крупного европейского рынка, а в США — за Трампа, что также стало неожиданностью для неолиберальной элиты, поскольку он начал поиск новых направлений развития за рамками существующей неолиберальной политики глобализма. Кризис отчетливо проявился именно в капиталистическом центре, воплощенном в двух названных государствах — глобальных гегемонах XIX и XX веков. Таким образом, капитализм не может успешно воспроизводиться с помощью существующих механизмов — они лишь усиливают противоречия в нем.

Кризисы при накоплении капитала становятся смертельными, если сочетаются с другим элементом — раздором элит по вопросу о том, как же с ними справиться. Именно это — раскол между Трампом и элитой Демократической партии — мы наблюдаем сегодня в США. Такие ситуации имеют место и в ряде стран ЕС в связи с разногласиями по поводу того, как же следует решать экономические проблемы — посредством так называемой политики остерити (финансового аскетизма) и ограничения расходов на социальные цели или путем стимулирования потребления. Раздор между элитами, исходя из анализа предыдущих революционных распадов, сочетается с делегитимацией правительств, призывами к решительным реформам. Появляются силы, которые заполняют возникающий вакуум власти и активно мобилизуют общественные движения, обладающие хорошими коммуникационными сетями и организационными ресурсами. Сегодня данная тенденция усиливается за счет как ускоренных процессов автоматизации, так и конкуренции с миграционными потоками рабочей силы, ведущими к снижению цены на рынке труда.

2. *Монополизация экономик находится на подъеме*, при этом сегодня глобальные цифровые монополии, такие как Facebook и Google, начинают контролировать миллиарды людей, поскольку именно через них проходит большая часть мирового интернет-трафика. В 1990-х годах Интернет представлял собой открытую, свободную, децентрализованную форму коммуникации. Теперь же стало ясно, что он является централизованной структурой, осуществляющей контроль над большей частью населения планеты. В 2018 году из 200 ведущих экономик мира 157 являлись корпорациями и только 43 принадлежали государствам, что превращает государство в инструмент корпораций[1]. Количество компаний, которые по своим масштабам превышают конкретную страну, растет, что порождает демонополизацию и деофшоризацию капитала — тенденцию, которая лишь будет усиливаться в течение следующего десятилетия.

3. *Вновь, как и накануне Первой мировой войны, мы наблюдаем ускоренный рост социального неравенства и доминирующий отток большей части добавленной стоимости к глобализированному капиталу*. В настоящее время 40 % американцев получают в месяц меньше минимальной заработной платы в США в 1968 году, а производительность труда с тех пор выросла на 259 %. Медианное богатство среднего класса на 36 % ниже, чем было тогда[2]. В Канаде в период с 2002 по 2017 год число тех, кто относит себя к среднему классу, сократилось с 70 до 43 %. У 70 % домохозяйств в 25 наиболее развитых экономиках за десятилетие с 2005 по 2014 год доходы снизились, тогда как в предыдущие 10 лет это коснулось только 2 % домохозяйств. Число пострадавших и по этой причине недовольных, чьи доходы сократились, огромно — 540–580 млн человек[3]. Не случайно в журнале американских консерваторов «The Spectator» появилось изображение разъяренных граждан, гневно смотрящих на окровавленную гильотину, к которой ведут буржуа с моноклем в глазу. Надпись под изображением гласит: «Новая классовая война»[4]. Образ гильотины не так давно появился и на улицах Парижа, где бастуют «желтые жилеты», при этом растут протесты и недовольство в глобальном масштабе, что становится тенденцией следующего десятилетия. До сих пор из ситуации резко увеличивающегося неравенства капитализм выходил посредством войн, распада государств и глобальных эпидемий.

4. *Объем совокупного мирового долга больше, чем когда-либо в истории, и растет ускоренными темпами*. С 2016 по 2018 год мировой долг вырос на 12 %, и сейчас он больше, чем когда-либо в истории, — 244 трлн долларов, что эквивалентно 318 % мирового ВВП[5]. Ни одна из монетарных политик стимулирования роста не работает достаточно эффективно, сохраняется тенденция роста всех видов долга, что, несомненно, станет фактором нового глобального кризиса, прогнозируемого многими аналитиками.

5. *Распадается неолиберализованный мировой порядок под американским контролем и получают развитие тенденции постглобализации, национализма, консерватизма*. Неолиберальная глобализация постепенно приводит к росту противоречий и дальнейшему ускорению распада крупных интегрированных рынков. Не случайно в течение последних двух лет наблюдается резкое сокращение потоков прямых глобальных ин-

[1] *Johnson J.* 57 of World's Richest Entities are Corporations, Not Governments // Inequality. 2018. Oct. 19. URL: https://inequality.org/research/richest-entities-corporations-governments.

[2] *Worstall T.* Ludicrous Economic Numbers: 40 % Of Americans Make Less Than The 1968 Minimum Wage // Forbes. 2016. Febr. 7.

[3] *Matthews C.* The Death of the Middle Class Is Worse Than You Think // Fortune. 2016. July 13.

[4] См.: *Parramore L. S.* Why American Conservatives Are Suddenly Freaking Out About Guillotines // Truth out. 2014. May 24. URL: https://truthout.org/articles/why-american-conservatives-are-suddenly-freaking-out-about-guillotines.

[5] Global Debt Monitor. Devil in the Details // Institute of International Finance. 2019. Jan. 15. URL: https://www.iif.com/Portals/0/Files/Global%20Debt%20Monitor_January_vf.pdf.

вестиций. Согласно Всемирному докладу ООН о мировых инвестициях (2017), в 2017 году они сократились на 23 %, а только за первую половину 2018 года — на 41 %. В то же время сокращается и глобальная торговля, которая после Второй мировой войны опережала рост ВВП, но начиная с 2008 года рост торговли ниже показателей роста ВВП или близок к ним. Неслучайно Трамп объявил о выходе из соглашений Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерства и дал старт торговой и технологической войне. Согласно докладу «Евробарометра», в ведущих западных странах доверие к ЕС находится на крайне низком уровне. В Великобритании ЕС пользуется доверием лишь у 31 % населения, во Франции — у 33 %, в Чехии — у 32 %, в Греции — у 26 %, в Италии — у 36 %[1]. Растущее территориальное неравенство в ЕС обусловливают процессы распада и капсуляции в национальных государствах. Данные тенденции в следующем десятилетии будут укрепляться благодаря технологической поддержке четвертой промышленной революции, чьи сущностные характеристики предполагают деглобализацию:

1) автоматизация и роботизация приведут к тому, что сегодняшний отток капитала в сторону «дешевых» направлений станет излишним и промышленность вернется в развитые страны;

2) природа новых технологий подразумевает отказ от глобальных производственно-сбытовых цепочек глобализации. С помощью 3D-принтеров возможно производить продукты целиком на месте, что радикальным образом изменит организацию труда и глобальный рынок;

3) цифровые технологии и связанные с ними кибервойны, возможности военного использования искусственного интеллекта, роботов, квадрокоптеров порождают обострение технологических войн и распад глобализированного цифрового пространства, ведущий к цифровому суверенитету. Эта тенденция прослеживается везде, но особенно сильно в Китае и России.

6. *Сейчас впервые проявилась реальная тенденция «смерти» Запада, который теряет свои экономические позиции на фоне «восхода» Азии*. Национальный разведывательный совет США в последнем глобальном прогнозе «Глобальные тенденции: парадокс прогресса» предпринял попытку дать прогноз развития мира до 2035 года. В частности, в нем говорится: «В течение следующих пяти лет будет расти напряженность как внутри стран, так и между ними. Глобальный рост замедлится по мере аккумулирования все более сложных глобальных проблем. Геополитика будет определяться постоянно растущим рядом государств, организаций и отдельных лиц с расширяющимися правами и возможностями. Так или иначе, но *современная глобальная картина представляет собой конец эпохи американского господства, наступившей после окончания холодной войны. Таким образом, возможно, заканчивается основанный на правилах международный порядок, возникший после Второй мировой войны* (курсив мой. — *В. П.*)»[2]. Азия постепенно занимает место США и ЕС или место совокупного Запада. В настоящее время азиатская экономическая зона производит 50 % мирового ВВП, на нее приходится две трети глобального экономического роста. В конце 2018 года ВВП Китая составил 21,42 трлн долларов, пересчитанный по паритету покупательной способности, а США — 17,57 трлн долларов. Сейчас Азия производит, импортирует, экспортирует, потребляет больше, чем любой другой регион мира. Там же проживает 60 % населения мира[3]. После распада СССР США считали, что XXI столетие станет веком Америки, однако оно превращается в век Китая, Азии, евразийский век.

7. *Положено начало новой милитаризации и войнам, с помощью которых капитализм пытается выйти из кризиса*. Разрабатываются новые стратегии ведения войны, когда важное место отводится асимметричным методам, использованию цифровых технологий, сочетанию экономических, технологических, информационных войн с прямыми военными ударами. Эти новые стратегии получили отражение в концепциях гибридных войн и стратегии «Троянский конь», при этом дестабилизирующая роль «пятой колонны» сочетается с использованием цифровой сети, частных военных формирований, применением ударов, нанесенных беспилотными летательными аппаратами и автоматизированными системами.

После выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности началась новая гонка в ядерной сфере, сочетающаяся с гонкой вооружений в космосе после создания космических сил США. Стрелка часов Судного дня Чикагского университета замерла на отметке 2,5 минут до полуночи ядерного апокалипсиса, как это было в 1953 году. М. С. Горбачев пообещал отказаться от образа врага, но сегодня этот образ стал основным инструментом в трансформации внутренних противоречий США во внешнюю угрозу и попытке объединения поляризованных социальных групп в стране. Русофобская истерия в сочетании с постепенным нарастанием китаефобии в США похожа на истерию, характерную для времен маккартизма. В ЕС все больше средств тратится на вооружение. Дело идет к новой холодной войне США против России и Китая. Гораздо более активна мировая гонка в области создания искусственного интеллекта, роботов и беспилотных летательных аппаратов для военных целей: им предстоит играть ведущую роль в войнах следующих десятилетий. Согласно докладу Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), глобальные военные расходы в 2017 году достигли самого высокого уровня со времен холодной войны. И если в период Первой и Второй мировых войн основное средство уничтожения было связано

[1] *Lipton G.* Graphic Truth: Europeans Don't Trust Europe. 2019. Mar. 6. URL: https://www.gzeromedia.com/graphic-truth-europeans-dont-trust-europe?utm_campaign=RebelMouse&socialux=facebook&share_id=4444139&utm_medium=social&utm_content=Ian+Bremmer&utm_source=facebook&fbclid=IwAR3eugeIpyNGvdxjoRky0evSVnlUt35UUrzHjUe2Gq48r8FsPAiXdniqSfA.

[2] Global Trends: Paradox of Progress. NIC, 2017. P. VII.

[3] *Khanna P.* Why we're living in the 'Asian Century' // World Economic Forum. 2019. Mar. 8. URL: https://www.weforum.org/agenda/2019/03/why-were-living-in-the-asian-century?fbclid=IwAR2igPL8pyL4gGgrlzeZKEqLDjpXv4_76ViqjCGJ4d2RKMHtGWAqCXSCj9o.

с обогащением бизнеса в капиталистических странах за счет растущих военных поставок и с формированием соответствующих военно-промышленных комплексов, то теперь к этому добавляется тот факт, что все большее число войн ведется с помощью частных военных формирований, которые создают мощные лоббистские группировки с целью получения государственных средств и обогащения в ходе войн. Капитализм усиленно пытается спасти себя путем новой ремилитаризации и вовлечения мира в разнообразные войны: религиозные, гибридные, кибер- и роботовойны, ядерные, экономические, информационные.

Г. М. Резник[1]

ЖУРНАЛИСТИКА В МИРЕ ПОСТПРАВДЫ

Термин «постправда» редакция Оксфордского словаря английского языка в 2016 году назвала словом года. Составители словаря определили его как «обозначение или отношение к обстоятельствам, в которых объективные факты меньше влияют на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям». Такой чести этот неологизм, чуть более 10 лет назад введенный в научный оборот, удостоился благодаря главным образом двум крупнейшим политическим событиям: избранию президентом США Дональда Трампа и Брекситу — выходу Великобритании из Европейского союза. Более 70 % заявлений Трампа, сделанных им в ходе президентской кампании, были оценены независимым проектом «Politifact» как ложь или искажение фактов, многие тут же опровергались. Тем не менее, по опросам населения, Трамп считался более честным и заслуживающим доверия, чем его оппонент Хиллари Клинтон. При проведении референдума о выходе Великобритании из Евросоюза мнение большинства британцев о слишком дорогом пребывании страны в ЕС разошлось с предоставленными цифрами и документами, которые говорили как раз об обратном, показывали, что членство в Евросоюзе обходится для Великобритании существенно дешевле, нежели нахождение вне его.

Масштабность последствий, вызванных массовым отходом от традиционной дихотомии «правда–ложь», усилила пессимистические настроения среди аналитиков, которые зазвучали в отношении судьбы журналистики с появлением Интернета. В многочисленных публикациях ставится один и тот же вопрос: поскольку исчезает вера в подтвержденные факты, возможно, правда людям уже не нужна? Политики, конечно, во все времена подвирали и стремились манипулировать общественным мнением. Но консенсус в странах либеральной демократии поддерживался наличием независимой журналистики, именуемой иногда «четвертой властью», ключевой функцией которой является предоставление гражданам объективной и достоверной информации. В мире, который перестает быть фактоцентричным, отворачивается от морали и логики, профессиональной журналистике места нет.

Исследователи указывают на целый ряд причин «кризиса факта» — от переизбытка фактического материала, разнообразия форм передачи информации, приводящих к невозможности проверить надежность и неангажированность источников, до влияния философии и эстетики постмодернизма в массовой культуре, с его релятивизмом, безразличием к проблеме отделения правды ото лжи и даже обоснованием невозможности такого отделения.

Падению доверия к массмедиа содействуют и их коммерциализация, погоня за высокими рейтингами, вовлечение в политическую борьбу и информационные войны.

Крен к «постправде» в политической жизни России и отечественной журналистике имеет не только общие, но и специфические причины. Конфронтация с Западом, вмешательство в сирийский конфликт, события на Украине, присоединение Крыма привели к легитимизации «гибридности» в политике. Правда к политике чрезвычайно чувствительна. Происходит унижение факта, появляется госзаказ на пропаганду: задачей провластных массмедиа становится формирование образа врага (как внешнего, так и внутреннего), меняется стиль подачи информации, он становится негативной лексикой, языком ненависти.

С воинствующим заявлением в защиту постправды выступил сразу после вступления в должность генерального директора Международного информационного агентства «Россия сегодня» в декабре 2013 года телеведущий программы «Вести недели» Дмитрий Киселев: «Объективность — это миф, который нам предлагают и навязывают. Время дистиллированной беспристрастной журналистики прошло». При этом он попытался оспорить устоявшееся в современном политическом дискурсе понимание пропаганды как пристрастного распространения взглядов, фактов, аргументов и других сведений с целью формирования общественного мнения или иных целей, преследуемых

[1] Вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Президент Адвокатской палаты г. Москвы (2002 — февраль 2015 г.). Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ», «Личность преступника: правовое и криминологическое содержание», «К вопросу об определении понятия преступности», «Адвокат: престиж профессии», «Противоречия урбанизации и преступность», «Правовая реформа XXI века и адвокатура» (в соавт.) и др. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, медалью Анатолия Кони; почетными знаками «Общественное признание» и «Символ Свободы»; высшей юридической премией «Фемида», Национальной премией в области адвокатуры «За честь и достоинство». Почетный доктор СПбГУП.

пропагандистами (*лат.* propaganda — дословно «подлежащая распространению вера»), предложив считать пропагандой «попытку просто объяснить».

Оговорка, что «нужна опора на надежные источники», сделанная при повторении своего тезиса об ушедшей в прошлое «дистиллированной журналистике» на Международном медиафоруме 6 июня 2016 года, положения не спасла: к этому моменту уже были известны случаи довольно вольного обращения телеведущего с фактами.

На программное заявление главы медиахолдинга остро отреагировали представители региональной прессы. Петербургские, уральские и якутские журналисты в своих открытых письмах, обращениях и публикациях были единодушны: журналистика может и должна быть объективной, и пропагандистские приемы ей противопоказаны.

Такая реакция напомнила о существовании множества международных и национальных документов — деклараций, хартий, резолюций, профессиональных этических кодексов, объединенных указанием на главную цель журналистов — поиск и доведение до сведения граждан правды, имеющей общественный интерес. При этом подчеркивается, что критерий правдивости, объективности относится не только к представлению информации, но и к ее комментированию, в частности недопустимы смысловая правка цитируемого материала, противодействие ведению дискуссий, замалчивание суждений, с которыми не согласен, нарушая тем самым принцип плюрализма мнений.

Во многих странах действуют органы саморегулирования прессы — советы, в состав которых обычно входят представители всех заинтересованных сторон: журналисты, редакторы, владельцы СМИ, представители общественности. Все они должны иметь достойную репутацию и быть привержены идее независимости и саморегулирования прессы. Основная задача советов состоит в рассмотрении жалоб на работу средств массовой информации, вынесении коллективных решений по вопросам соблюдения норм профессиональной этики. Тем самым они дают обществу гарантии качества получаемой информации, демонстрируют ответственность профессионального журналистского сообщества и показывают, что нет необходимости в расширенном государственном регулировании СМИ.

В России с 2005 года действует Общественная коллегия по жалобам на прессу — независимая структура гражданского общества, сменившая существовавшее до этого Большое жюри Союза журналистов России. Коллегия состоит из Палаты медиасообщества и Палаты медиааудитории численностью 25 человек каждая. Палата медиасообщества формируется некоммерческими организациями в сфере массовой информации, Палата медиааудитории — политическими и неполитическими организациями, действующими вне сферы массовой информации. Задача коллегии — разрешать конфликтные ситуации нравственно-этического характера, связанные с профессиональной деятельностью журналистов.

Руководствуясь базовыми принципами журналистской этики, на основе рассмотрения ряда информационных споров коллегия сформулировала принципиальные выводы о несовместимости профессии журналиста с пропагандой, выделив следующие ее признаки:

— «объектное» отношение субъекта пропаганды к конкретному человеку, социальной группе, обществу в целом;

— целенаправленное сведение многомерного к двухмерному, многоцветного — к черно-белому;

— сужение поля личного морального выбора и ответственности за выбор;

— наличие четкой, подлежащей реализации цели как ожидаемого итога воздействия медиа на «объект»;

— целевой, работающий на жесткий «сценарий» отбор фактов, активное обращение к дезинформации, манипулирование фактами, статистическими данными, мнениями, включая экспертные, или сдвиг акцентов там, где прямая дезинформация представляется невозможной;

— действие в логике «цель оправдывает средства», использование средств и методов, несовместимых с такими ценностями, как честность и правдивость;

— обнаружение, создание и дорисовка «образа врага»; внедрение в массовое сознание и поддержание в нем разделения на «мы» и «они»;

— формирование убеждения в моральной оправданности любого поступка по отношению к «врагу», в том числе к «внутреннему врагу», врагу потенциальному, лицу, недостаточно лояльному по отношению к доминирующим в обществе институтам, интересам и идеям;

— апелляция преимущественно к эмоциям, чувствам, а не к разуму, игра на страхах и предубеждениях;

— работа «под прикрытием» журналистики, стремление играть роль первичного источника новостей;

— фабрикация признаков надежности, в том числе источников информации;

— формирование лояльности адресата манипулятивного воздействия к системе институтов, интересов и идей, которым служит субъект пропаганды.

Вообще в том, что апелляция к эмоциям бывает эффективнее, чем к рассудку, нет ничего нового. Власть использовала эту закономерность во все времена, и, очевидно, во всех странах бывали свои периоды постправды. В урбанизованном индустриальном обществе возможности для массовой пропаганды резко возрастают. И циклы ее господства, особенно при закрытых авторитарных режимах, могут быть весьма длительными, но они всегда конечны. Вряд ли мир когда-нибудь будет готов сказать правде «прощай». По тонкому замечанию американского исследователя и писателя Ральфа Кейнса, «мы не смогли бы даже говорить о постправде, если бы не думали, что правда имеет значение».

Подъем или шок от политических потрясений проходит, разум от пропагандистских «бомбардировок» очищается — в итоге доверие к власти и СМИ падает. Так, о снижении уровня доверия россиян к информации, которую транслируют на телевидении, свидетельствуют данные опроса фонда «Общественное мнение». В апреле 2018 года 43 % респондентов заявили, что

доверяют телевидению больше, чем остальным источникам информации. Весной 2015 года о большем доверии ТВ высказались 63 % респондентов, в январе 2016-го — 58 %, в феврале 2017-го — 50 %, в июне 2017-го — 47 %.

Согласно результатам опроса, если 31 января 2016 года государственным СМИ доверяли 65 %, то при опросе 18 ноября 2018 года — 47 % опрошенных. В то же время доверие к негосударственным СМИ за тот же период выросло в два раза: с 13 до 25 %. Налицо исчерпание мобилизационного «крымского эффекта», когда нужно верить всему, что говорят свои, и, с другой стороны, мнение о том, что в освещении пенсионной реформы федеральные телеканалы подыгрывают власти.

Проблема доверия к прессе более остро стоит в государствах — бывших республиках СССР. У постсоветской журналистики дурное наследование — идеологическая холодная война с Западом, которую еще называют первой мировой информационной войной. Эта длившаяся почти полвека война порождала пропагандистские тексты — у нас все хорошо, у них все плохо — и по мере ослабления тоталитарного режима снижала уровень доверия к отечественной журналистике. Возникновение в 1990-х годах множества независимых некоммерческих медиа в 2000-е годы сменилось их удушением; ныне почти вся независимая региональная пресса и телевидение перестали существовать, превратившись в окологубернаторские.

Независимым СМИ в молодых посттоталитарных государствах приходится сталкиваться со сходными препятствиями в своей деятельности. Среди них — отсутствие традиций и опыта саморегулирования; разделяющие журналистское сообщество политические разногласия; постоянное политическое давление с требованием проявлять лояльность к власти и избегать ее критики; политическая и экономическая зависимость журналистов от властных элит и деловых кругов.

В целях признания роли свободных и независимых СМИ как фундаментальной ценности демократического общества, поддержки качественной, профессиональной и этической журналистики в своих странах представители органов самоуправления СМИ семи постсоветских государств — Армении, Азербайджана, Грузии, Молдовы, России, Таджикистана и Украины — создали в 2011 году Сеть организаций медийного саморегулирования (СОМС) (в 2016 г. вместо выбывшего Таджикистана в Сеть вошла Белоруссия). В 2014 году при СОМС была учреждена Консультационная комиссия по противодействию пропаганде, подготовившая Рекомендации относительно распространения пропаганды в СМИ.

Саморегулирование СМИ — сложный процесс. Стандарты журналистики остро дискутируются по всему миру, даже в упрочившихся либеральных демократиях. Отстаивание права на правду нуждается и в солидарности честных, профессиональных журналистов, как это произошло на первой пресс-конференции в январе 2018 года нового посла США в Нидерландах Пита Хустры. Журналисты припомнили ему ложные заявления трехлетней давности:

— Вы писали, — спросил его журналист Воутер Цвирт, — что исламисты заживо сожгли голландского политика. Как его звали?

— Я говорил, — благодушно ответил посол, — об опасности террора.

— Вы писали, — продублировал вопрос другой журналист, — что исламисты заживо сожгли голландского политика. Как его звали?

— Следующий вопрос, — уже раздраженно произнес американец.

— Вы не поняли, — сказал третий журналист, — Вы должны ответить на вопрос, который Вам задали мои коллеги.

Хустра выразил сожаление о сказанном, но смягчил свой ответ в духе постправды — дело не в его взглядах, а в политике США.

Непререкаемый престиж в обществе журналисты приобретают тогда, когда они не поглаживают власть по головке, а контролируют ее, разоблачают злоупотребления, выполняя тем самым свое главное предназначение — быть цепными псами демократии.

М. Санаи[1]

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

С прошлого десятилетия до нынешнего дня можно наблюдать два основных процесса формирования международного порядка. Первый процесс — благодаря усилиям, направленным на завершение Вестфальской системы (опиравшейся на правительства, обладавшие суверенитетом, официальные международные границы, принципы невмешательства, отказ от применения силы), международный порядок стремится войти в поствестфальскую и мировую систему, базирующуюся на глобализации западных идей, принципе ответственности за гуманитарное вмешательство и права человека (Запад является основным проводником этого направления). Второй процесс — мультилатерализм и многополярность, партнерство всех мировых и региональных держав, продолжение принципов Вестфальской системы, уважение национального суверенитета, незыблемости границ, национальной и региональной безопасности.

[1] Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук. Директор Группы исследования России Тегеранского университета (2005–2013), депутат Меджлиса Исламского совета (2008–2013). Автор книг «На Великом шелковом пути», «Право и политика в исламе» (учебник), «Ирано-российские отношения» (в соавт.), «Возрождение ирано-исламской цивилизации», «Отношения Ирана и Центральной Азии», научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук.

Принимая во внимание эти два процесса, с 2010 года на Ближнем Востоке можно наблюдать результаты их смешения на региональном и глобальном уровнях. Ориентация на Запад в международной системе привела к уничтожению государственных структур в Ливии, Йемене и Сирии и в результате — к росту неправительственных радикальных сил и террористических группировок. Однако второй процесс протекал при непосредственном участии таких стран, как Россия, Иран и Турция, эти страны помогли установить стабильность в Сирии, разгромить террористические группировки, что свидетельствует о том, что данный процесс может быть реализован на более серьезном уровне.

Комплекс факторов обусловил разнообразие мира с точки зрения политики, безопасности и экономики и направил развитие в сторону мультилатерализма и многополярной структуры. Поэтому больше невозможно в рамках и условиях XX столетия и первых десятилетий XXI века заниматься стратегическим планированием внешней политики. Также необходимо обратить внимание на требования, определяемые этими условиями и заключающиеся в установлении многополярного, многоуровневого мира и в большем мультилатерализме.

В связи с этим и с учетом геостратегического взаимодействия регионов Западной Азии, Евразии и Ближнего Востока в настоящее время в качестве реальной силы формируется восточная стратегия. Часть этого процесса протекает в институциональных рамках, здесь можно упомянуть Шанхайскую организацию сотрудничества, другая часть предполагает взаимодействие между такими институтами, как Организация экономического сотрудничества (Economic Cooperation Organization, ECO) и Евразийский экономический союз, и также обладает возможностями развития.

Россия, Китай, Иран и Турция, преследующие свои интересы в восточной политике, не имеют механизмов и определенных правил защиты международного вестфальского порядка и/или его позитивной трансформации в систему, основанную на более широких, без ограничивающих западных трактовок, интересах человечества. За пределами двустороннего и/или регионального взаимодействия эти страны должны расширять стратегический диалог с мировыми структурами. В условиях трансформации международной системы данный вопрос может ограничить эти страны и их интересы при формировании будущей системы.

В следующем десятилетии произойдут кардинальные изменения в разных сферах. Одна из таких сфер — структура международного порядка, которая станет более разнообразной и многополярной с точки зрения политики, безопасности и экономики. Поэтому в стратегическом планировании внешней политики необходимо учитывать новые эффективные процессы, обращать внимание на требования, продиктованные установлением многополярного, многоуровневого мира и мультилатерализма, и на этом основании определять национальные интересы и регулировать внешнюю политику.

Несмотря на то что сокращается численность сторонников Запада, однако отказа от его идеологии не произойдет: Запад по-прежнему продолжит играть свою роль. Вместе с тем значение Востока будет возрастать, восточные государства должны сыграть важную роль в формировании будущего порядка, формулировании норм и правил и структуры будущего порядка. Восточные страны обеспокоены изменением международной Вестфальской системы и таких норм, как права человека, ответственность за гуманитарное вмешательство, которое на самом деле является лишь предлогом для обхода международных правовых норм, а также унилатерализм Америки в давлении на независимые государства, применении экономических санкций. Поэтому не остается иного пути, кроме сотрудничества и принятия ответственности человечества за свои действия в этом процессе.

Формирование таких институтов, как ШОС (а также расширение круга ее участников и зоны их ответственности), Евразийский экономический союз (с учетом процесса его взаимодействия), Организация экономического сотрудничества (включая перспективы расширения ее деятельности), а также взаимодействие между этими тремя организациями и между региональными азиатскими и евразийскими институтами и расширение этого сотрудничества с включением в него Турции являются важным условием эффективной реализации восточной стратегии в формировании будущего мирового порядка.

Иран, имеющий опыт эффективного сотрудничества с Россией в области борьбы с терроризмом и обеспечения стабильности в других странах, с учетом его национальных и региональных интересов, важной роли в Организации экономического сотрудничества, геополитического расположения на пути «Север–Юг» и азиатском Шелковом пути, занимает ключевое место в восточной стратегии, в некотором смысле это недостающее звено в любом проекте, региональной системе и интеграции. Иран — точка пересечения культурных, мыслительных, институциональных процессов, происходящих в трех стратегических районах: на Ближнем Востоке, в Евразии и Восточной Азии. Эти важные особенности наряду с возможностями в сферах экономики, энергетики и безопасности позволяют Ирану играть важную роль как ответственному игроку, выступающему за формирование будущего регионального и мирового порядка.

И. Талукдар[1]

МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

С одной стороны, конец биполярности после холодной войны помог миру стать инклюзивным. Мы наблюдаем развитие и распространение информации и технологий, продолжение глобализации, и таким образом в мире идет процесс сближения, всех интересуют решения, принимаемые на международном уровне, люди выражают озабоченность господством любого гегемона. Можно наблюдать ускорение процесса отказа от однополярного миропорядка в пользу многополярного. Развивающиеся страны, которые на протяжении долгих лет находились под чьей-либо властью, имеют собственные идеи по поводу построения многополярного миропорядка. Между тем борьба за разделение мира на сферы влияния не является чем-то новым.

Во времена империй существовал некий вид многополярности (независимо от того, хотим мы это признавать или нет), когда многие имперские державы соперничали друг с другом, желая получить власть над целыми регионами и континентами. Велись войны, империи вторгались в другие страны и оккупировали их, колонизовали народы, чтобы получить над ними власть и расширить империю. Во всем этом большую роль сыграли технологии. Изобретение новых видов оружия и открытие далеких земель Западом в Средние века изменили былой баланс господства и влияния. Например, Османская империя доминировала в своем регионе и имела тесные контакты с европейцами, но при этом она концентрировала усилия исключительно на развитии военного дела, не уделяя внимания другим отраслям, что привело к ее краху, потому что внутри империи начались бунты недовольных властью. Такие примеры можно найти и в Азии. Две мировые войны ускорили индустриализацию, обострили международную конкуренцию и повлияли на развивающиеся страны, в результате чего мир разделился на два блока, сформировавшихся вокруг двух сверхдержав.

Период биполярности в XX веке сопровождался хаосом и усилением гонки вооружений, которая совпала с проблемами объединения и разделения мира на две идеологии — коммунизм и капитализм. В результате две ядерные державы, Россия и США, оказались на грани войны, что также разделило народы, вплоть до строительства Берлинской стены прямо посередине страны. Войны удалось избежать с помощью международного сообщества, в большей степени — благодаря мудрости руководителей государств, холодная война закончилась и Берлинская стена была демонтирована, но между двумя бывшими сверхдержавами по-прежнему сложные взаимоотношения и конкуренция, резонанс и опосредованное воздействие которых можно наблюдать и в XXI веке.

Казалось, что мир после холодной войны начал двигаться в правильном направлении, включая сближение России и США, однако трагедия 11 сентября, «цветные революции» в странах Восточной Европы, расширение НАТО и ЕС с включением стран Восточной Европы, а также удержание России на расстоянии — все это привело к началу осложнений. К тому же в развивающихся странах, особенно в Индии, Китае, Южной Корее, начался ускоренный экономический рост.

Мировой прогресс вызвал усиление других негативных факторов, сделавших мировую систему еще сложнее, таких как техногенные катастрофы, борьба за господство над ресурсами, конфликты и в последнее время — радикализация взглядов, терроризм и глобальное изменение климата. Предпочтение отдается национальным интересам и утверждению собственной силы, а не гуманности и интересам человечества, и эта причина лежит в корне всех этих проблем.

Все страны, включая крупнейшие державы, говорят о многополярности и мире во всем мире, терпимости и сотрудничестве друг с другом, включая контроль за вооружениями и ядерное разоружение. Для этих целей создается много международных институтов, включая Организацию Объединенных Наций (различные подразделения), Международный суд, Всемирный банк, «Большую двадцатку», Международный валютный фонд, проводятся Пагуошские конференции по науке и международным отношениям, Сока Гаккай Интернэшнл (SGI), Международная кампания за запрет ядерного оружия и т. д. Работают недавно созданные региональные многосторонние организации, такие как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества, Европейский союз и др. В некоторой степени эти международные и региональные многосторонние организации смогли выступить как посредники в вопросах кооперации и обеспечения и укрепления мира, а также помогли сформировать многополярность. Важно, чтобы эти организации и в дальнейшем работали на благо всего человечества и всеми силами старались предотвратить доминирование какой-либо влиятельной страны или группы стран.

Многополярность — это благородная идея и концепция, потому что все народы будут равноправны

[1] Научный сотрудник Индийского совета по международным делам (Нью-Дели). Получила степень доктора наук на факультете изучения Западной Азии в Школе международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру. Сфера научных интересов: Турция, Греция, Россия, США; кипрский вопрос, турецко-греческие отношения, стратегические исследования, исследования в области мирных процессов и разрешения конфликтов, обороны и внешней политики. Автор ряда научных публикаций по международным делам, в т. ч.: «The Vostok-2018: Significance of Russia-China Military Exercises», «India-Russia Relationship in Changing Geopolitical Dynamics», «US' National Security Strategy: A Russian Overview», «The Munich Security Conference 2018: An Overview», «Russia's Increasing Role in Afghanistan: Impact on the Peace Process», «Russia's New Foreign Policy 2016», «Russia and Trump's Win», «A New Aspect in the Special and Privileged Relationship between India and Russia: The Informal Meetings», «Highlights of President Vladimir Putin's Speech at the Federal Assembly 2018. A Vision for Russia's Future», «Special Report on Moves and Counter Moves: Between Russia and NATO», «Russia and Pakistan Relationship: Engagement after Estrangement», «China's Relations with West Asia and Turkey», «Geopolitical and Strategic Implications to Russia's Security», «Ukraine: The Clash of the Titans» и др.

в голосовании, будут равными партнерами как члены международного сообщества. Но нам еще предстоит посмотреть, до какой степени это будет успешно. Дело в том, что амбиции и национальные интересы каждой страны в некоторой степени сдерживают создание по-настоящему многополярного миропорядка. Можно дискутировать на тему однополярности и биполярности, но та или иная модель неизбежно одержит верх. Даже в нынешней ситуации, когда страны ведут переговоры и работают в направлении создания многополярной мировой системы, кажется, что дело будет организовано так, что получится биполярность или полицентричный мир, в котором будут доминировать несколько держав. Пока неизвестны все плюсы и минусы такого порядка. В любом случае в мире в той или иной степени сохранится разрыв между крупными государствами, средними и небольшими. При этом доминирование будет продолжаться, хотя и в более сложной форме. Склонность к колебаниям средних и небольших стран добавит сложности в построении нового мирового порядка.

В настоящее время наблюдаются неразбериха и замешательство. Крупнейшие державы, такие как США, Россия и Китай, пытаются сотрудничать, но их конкуренция и стремление к доминированию создают немалые проблемы, в том числе в таких регионах, как Арктика и Антарктика, которые в условиях милитаризации станут полями сражений в борьбе за базы научных исследований и источники энергии. И во всем этом средние и маленькие государства, такие как Индия, Германия, Франция, Турция, Иран, Япония, страны Центральной Азии, Африки и прочие, пытаются найти опору и укрепить свое положение.

Сегодня не ведется крупных войн, не идет холодная война, во время которой наблюдалась беспрецедентная гонка вооружений, включая создание огромного количества ядерных боеголовок. Однако ситуация стала не проще, а, напротив, сложнее. Уровень конфронтации заметно повышается и принимает разные формы в зависимости от региона, страны и того, что поставлено на карту. Например, между Россией и США нет прямой конфронтации, но по всему миру идут «опосредованные» войны — в Европе и Азии, Латинской Америке, Арктике и Антарктике. Непрямые конфронтации можно наблюдать на Ближнем Востоке между Ираном и Саудовской Аравией, но через Сирию и Йемен. Конфликт между Израилем и Ираном — еще одна область опосредованной конфронтации, но при этом там имеется и зерно непосредственной войны.

В Азии обычным делом стали прямые военные действия и опосредованные войны, это можно видеть на примере Индии и Пакистана или Индии и Китая. Не снижается напряженность между Китаем и Японией, Китаем и Тайванем, Китаем и его соседями по Южно-Китайскому морю и т. д. По мере того как Индо-Тихоокеанский регион и Арктика приобретают все большее значение, конкуренция великих держав становится неизбежной и добавляет проблем.

Развитие технологий и распространение информации с началом четвертой промышленной революции сделало жизнь легче и в то же время сложнее. Киберугрозы, вмешательство в чужие выборы, хакерские атаки, милитаризация в космосе, искусственный интеллект и другие приметы времени разделяют страны и при этом объединяют тех, кто думает одинаково. Мир может наблюдать дефицит доверия среди таких политических акторов, как Россия и Запад, Китай и его соседи, Иран и другие региональные игроки в Западной Азии и т. д. Причина недоверия заключается в том, что те диалоги, которые ведутся, не основываются на уважении, в частности к национальному достоинству, а остаются поверхностными. Иногда национальные интересы препятствуют настоящему диалогу.

Конфликты XX столетия все еще продолжаются: между Индией и Пакистаном, Израилем и Палестиной и т. д. В замороженных конфликтах, как, например, в Боснии и Герцеговине, Чечне, на Кипре все еще тлеет искра, которая может вспыхнуть и сжечь Запад. Другие проблемы, такие как кризис, связанный с наплывом беженцев из-за внутренних конфликтов (что мы наблюдаем в Ливии, Сирии и Йемене), а также угроза, создаваемая терроризмом и радикальными образованиями, не являющимися государствами, такими как «Талибан» или ИГИЛ, являются проблемой для всего человечества.

Изменение направления интересов в сторону Африки откроет новый этап в большой игре и конкуренции. На этот раз все будет гораздо сложнее, потому что африканские страны поднимают голос, их сила растет. Эти страны пытаются объединиться. Более того, для своего развития они ищут расположения всех стран, готовых предоставить помощь, таких как Китай, Турция и Россия. Индия всегда присутствовала на Африканском континенте и вносила свой вклад в его развитие. В дополнение ко всему недальновидность тех, кто вырабатывает политический курс и принимает политические решения, а также различных руководителей привела к ужасающим изменениям климата на планете. Мы уже видим его последствия: страны сталкиваются с поражающими воображение природными катаклизмами — тайфунами, наводнениями, пожарами, таянием льдов в Арктике и Антарктике. Все это не создает позитивную картину. Кризис, связанный с потоками беженцев, миграция, национализм, ксенофобия, расизм, закамуфлированная и иногда трудноуловимая конкуренция между цивилизациями и культурами добавляют проблем миру.

На экономическом фронте МВФ и Всемирный банк предсказывают очередной экономический спад через десять лет. США пытаются вводить протекционистские меры, грядет Брексит, на Западе отмечается финансовая неустойчивость, идет торговая война между США и Китаем, разные страны пытаются создать конкуренцию доллару, торгуя между собой в национальных валютах. Индекс выгодных капиталовложений упал между 2016 и 2018 годами: котировки китайских акций обвалились на 49 %, кибератаки на финансовые компании[1], колебания цен на нефть и многое другое

[1] Is 2019 the Year of the Financial Crisis Comeback? // Tsam Insights. 2019. URL: https://www.tsam.net/is-2019-the-year-of-the-financial-crisis-comeback.

обусловливают неблагоприятные прогнозы относительно мировой экономики. Хотя в Евразии действуют многосторонние экономические инициативы, такие как Евразийский экономический союз, Международный транспортный коридор «Север–Юг», порт Чабахар, всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство и прочее — все это должно быть хорошими новостями для всего мира, однако надо еще посмотреть, насколько это может разрушить однополярную гегемонию США.

Национальные интересы каждой страны всегда были в приоритете, но при этом мир двигался вперед. Однако этот аспект приобрел особую четкость после открытого провозглашения президентом США Дональдом Трампом политики «Америка прежде всего», что не сделало мир проще. Другие державы не хотят признавать этот фактор «первичности моей страны». Россия, Китай, Индия, Европа, Япония и другие говорят о многополярности, однако если получше присмотреться, то можно увидеть, что все эти страны со времен империй придерживаются подхода «моя страна прежде всего». Только теперь эта идея получила четкое определение — «Америка прежде всего» или «X прежде всего», это было сформулировано и произнесено вслух. На самом деле с приходом президента Трампа соперничество великих держав, которое несколько ослабело при Обаме из-за сближения государств и пацифистской политики, снова сделалось очевидным. Этот фактор является благом и проклятием одновременно.

Это благоприятно, потому что помогает странам вести многогранную и многостороннюю международную политику, сосредоточивая внимание на укреплении собственных национальных интересов и приоритетов. Но это и неблагоприятно — из-за создаваемой конкуренции между странами и последствий для проводимой политики. Например, Пакистан, хотя и пытался вести разноплановую и комплексную политику со всеми сильными державами, включая соседей по региону, не добился прогресса в отношениях с Индией и Афганистаном из-за многолетней враждебности. Конфликт с этими двумя странами не позволил Пакистану стать таким государством, которое, по мнению международного сообщества, было бы достойно той помощи, которую оно получает. Его сомнительная политика поддержки терроризма на государственном уровне в дальнейшем создает проблемы для него самого, региона и всего мира. Нет никакой уверенности в том, что Пакистан будет решительно преодолевать эту проблему.

Хотя мир говорит о многополярном мироустройстве и движется в этом направлении, есть еще один момент, который можно упустить из-за глобализации и мультилатерализма. Это раскол между Западом и Востоком, а также расколы внутри них. Запад пытается, но не может до конца принять реальность многополярности и идею разделения власти с другими. Большой вопрос, в какой степени Запад сможет принять господство Востока. Тесное сотрудничество по экономическим проектам или двусторонние отношения — не то же самое, что раздел власти. Конечно, Запад попытается удержать контроль в своих руках.

Что касается разногласий между странами Запада, то здесь есть свои проблемы, например взаимоотношения между США и Европой и их влияние на Трансатлантическое партнерство. ЕС говорит об усилении своей обороны и политики безопасности, в то время как США и Великобритания говорят об усилении НАТО. Германия и Франция стремятся стать влиятельнее в Евросоюзе, в то время как Италия, Греция, Испания и Венгрия пытаются проводить собственную политику вне ЕС. Недавно Италия присоединилась к инициативе «Один пояс и один путь» (BRI). Следует ли из этого, что она ослабила Евросоюз?

Опыт взаимоотношений России с Западом заставил ее понять и принять преимущества сосредоточения внимания на Евразии. Россия попыталась сблизиться с Западом, в том числе с Америкой, но не добилась в этом особых успехов. Кажется, что Запад намерен конкурировать с Россией. Однако насколько Москве будет комфортно, если Пекин станет сильнее и сблизится с США? Также наблюдается соперничество на Востоке, где Индия, Китай, Япония и Южная Корея борются за звание самого сильного игрока.

Вывод

В целом, хотя в мире наблюдается движение вперед, проблемы остаются, и это неизбежно. Можно уверенно предсказать соперничество между полицентричными силами после того, как будет построена многополярная мировая система, а это может вести к хаосу.

Из-за раскола между Западом и Востоком будет трудно достигнуть согласия как между ними, так и внутри них, и это уже очевидно. Такие проблемы, как, например, терроризм, могли бы объединить страны. Однако, хотя это произошло, в частности, в рамках Шанхайской организации сотрудничества, это не помогло справиться с проблемами из-за разного толкования данных вопросов и различия повесток в каждой стране.

Многие страны говорят о сотрудничестве между цивилизациями. Однако скорее можно прогнозировать не кооперацию, а конкуренцию, в которой каждая будет пытаться доказать свое превосходство над остальными. В этой области тоже будут проблемы управляемости. Поэтому миру требуется сильная гуманная философия, основанная на уважении к жизни каждого человека и его чувству собственного достоинства, а не на религии, принадлежности к той или иной цивилизации или национальных интересах. Укрепление границ и усиление национализма и политики правого толка, подкрепляемой антизападными или антивосточными настроениями, не поможет. Настоящий диалог для поиска настоящих решений на основе всеобщей пользы — вот ключ к созданию лучшего мира. До какой степени государства, в том числе самые сильные, искренне заинтересованы в этом, покажет будущее.

П. П. Толочко[1]

МИР У ОПАСНОЙ ЧЕРТЫ

Тема XIX Международных Лихачевских чтений предполагает разговор о тенденциях мирового развития сегодня и в ближайшем будущем. По сути, перед мировым сообществом стоит извечный вопрос: быть или не быть миру? И не лучшему миру, будь то в его либеральной модели, насильственно навязываемой США и их западными союзниками, коммунистической, которой следует Китай и некоторые другие страны, или национально-суверенной, что отстаивает Россия, а миру вообще.

На эти апокалиптические размышления наводит нас все обостряющееся противостояние США, и Запада в целом, России, уже давно не социалистической по экономическому укладу — практически ничем не отличающейся от своих оппонентов, но, как и сотни лет назад, виновной во всех мыслимых и немыслимых грехах. Такое поведение коллективного Запада напоминает народную притчу о воре, который кричит: «Держите вора!». Ведь это не Россия развязала две мировые войны, а вечно морализаторствующий о миролюбии Запад. Он же вместе с США, Японией и Турцией в 1917–1920 годах пытался расчленить Россию посредством военной интервенции. Аналогичным было поведение Запада и в XIX веке: на его совести вторжение в Россию в 1812-м, а затем в 1853–1856 годах.

Так что у России неизмеримо больше оснований опасаться агрессии со стороны Запада, тем более что он не особенно ее и скрывает. Известно, что в ядерной доктрине США, предусматривающей применение атомного оружия в условиях военного конфликта, России отведена роль одного из основных противников. В соответствии с этим происходит тотальное окружение ее военными базами США и Организации Северо-атлантического договора (НАТО). В этот военный блок, который является сегодня, по сути, анахронизмом, поскольку его визави — Варшавский блок — прекратил свое существование более тридцати лет назад, вовлекается все больше стран. Практически в каждой из них размещаются воинские контингенты США и НАТО, в некоторых (Румынии, Польше) создаются ракетные базы. После принятия в НАТО Украины и Грузии Россия будет окружена со всех сторон. Это опасно не только для России, но и для ее натовских соседей, для мира в целом. Очень уж близки по уровню военные потенциалы противостоящих сторон, что многократно повышает риски столкновения.

О том, какая страна представляет бóльшую опасность для мира — Россия или США, — красноречиво свидетельствуют их военные бюджеты: США — 700 млрд долларов, России — только 47 млрд. Заявление президента США Д. Трампа о том, что они должны обеспечить «длительный мир при помощи силы» фактически означает признание за ними права на развязывание войны.

К сожалению, это находит понимание и поддержку у европейских союзников США, особенно у так называемых младоевропейцев, а также у Англии, которая страдает давними фантомными болями по отношению к России. В своей традиционной к ней неприязни британская правящая элита теряет чувство реальности. Яркими свидетельствами этого стали так называемое дело Скрипалей, настойчиво эксплуатируемое премьер-министром Т. Мэй, а также речь министра обороны Великобритании Гэвина Уильямсона на Мюнхенской конференции по безопасности 2019 года. Содержательно и по тону, как это было отмечено российскими политиками, она очень близка к объявлению войны России. Это немыслимо и безответственно в первую очередь перед гражданами своей страны, которые не уполномочивали своего юного министра на столь воинственную риторику. Как верный подручный США, незадачливый министр заодно указал НАТО брать на себя ответственность за оборону и не перекладывать этот груз на плечи американских налогоплательщиков.

К сожалению, эта речь не слишком диссонировала с общей тональностью Мюнхенской конференции, которую задали вице-президент США Майк Пенс и другие высокопоставленные государственные деятели стран Западной Европы. Я не могу разделить оптимистического утверждения, прошедшего в средствах массовой информации России, что на Мюнхенской конференции по безопасности 2019 года были выявлены серьезные расхождения между США и их европейскими союзниками. У младоевропейцев, как и у Англии, расхождений с США или вовсе нет, или они не смеют о них заявлять.

В странах старой Европы они, несомненно, есть, но сказать об этом может только канцлер Германии Ангела Меркель. Общий смысл ее выступления в Мюнхене свелся к тому, что Россию не надо изолировать, но необходимо работать вместе с ней над решением мировых проблем. Это близко к тому, о чем госпожа Меркель говорила на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2018 году: «Мы должны взять свою судьбу в свои руки». Разумеется, не следует обманываться: А. Меркель заняла не пророссийскую позицию, скорее, проевропейскую, подчиненную интересам собственного устойчивого экономического развития.

---

[1] Член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Древний Киев», «Древняя Русь», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Русские летописи и летописцы X–XIII вв.», «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность, воображаемая или реальная», «Власть в Древней Руси X–XIII вв.», «Украинцы в России», «Откуда пошла Русская земля» и др. Член Европейской академии (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии. Лауреат Государственной премии УССР в области науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского, премий Макариевской и Александра Невского (Россия). Награжден орденами князя Ярослава Мудрого III–V степеней, «Знак Почета» (СССР), Дружбы (Россия). Почетный доктор СПбГУП.

Конечно, до осознания этой простой истины всеми европейскими странами еще очень далеко, как и до понимания, что бесконечная травля России, обладающей практически равным с США ядерным потенциалом, может привести мир к катастрофическим последствиям.

Особенностью современного мирового развития является его полная неуправляемость. Ранее, во времена холодной войны, и позже, вплоть до начала правления в США президента Д. Трампа, такая управляемость была. Зиждилась она, с одной стороны, на системе международных договоров, ограничивавших гонку ядерных вооружений, с другой — на авторитете таких международных организаций, как Всемирный совет мира, имевший свои структуры во всех странах мира, а также Движение неприсоединения, являвшееся своеобразным мировым арбитром в спорах двух полюсов силы.

После развала Советского Союза и крушения социалистического содружества существование названных международных организациий потеряло смысл, отпала необходимость в их посреднических усилиях. Сегодня их голос в защиту мира совсем не слышен. США и их союзники расценили победу в холодной войне с Советским Союзом как подтверждение своей правоты в определении путей и смыслов мирового развития. Хотя после того рокового времени прошло почти тридцать лет и Россия уже далеко не та, что была в 1990-е годы, США не могут изменить психологию победителя — хозяина земного шара, единственно ответственного за обустройство «свободного и демократичного» мира.

Экс-вице-президент США Д. Байден в Мюнхене заявил: «На нас лежит задача организации мира, и я обещаю вам (надо полагать, европейским союзникам. — *П. Т.*), мы вернемся, не сомневайтесь в этом». Почему эта задача лежит на США и кто на них ее возложил, Д. Байден не объяснил. Как не объясняет этого и нынешний государственный секретарь США М. Помпео, заявляющий о необходимости смены режимов в Венесуэле, Никарагуа и на Кубе. Оптимистическое обещание Д. Байдена вернуться, как бы странно оно ни прозвучало, является одновременно и признанием, что безоговорочное лидерство США в мире все-таки утрачено.

Определенно, договорные системы прошлого не вечны. Наверное, конкретные соглашения, будь то об ограничении стратегических ядерных сил, ракет средней и малой дальности или о ядерной программе Ирана, нуждаются в пересмотре, а то и в перезаключении. Но для этого нужны новые переговоры между заинтересованными сторонами, а не диктат одной из них. В данном случае США, которые без всяких консультаций и объяснения причин объявили о выходе из целого ряда международных договоров о контроле за ядерным вооружением, на которых держалась мировая стабильность. По сути, мировое сообщество было поставлено перед свершившимися фактами. Это потом уже, видимо, чтобы хоть как-то сохранить лицо, США начали искать этому оправдания: то Иран им не внушает доверия, то Россия, как им кажется, обходит запрет на строительство ракет средней дальности. Но ведь США с такой же безответственной легкостью отказались и от Парижского соглашения по климату, которое Россия никак не нарушает.

Что и говорить, такое возвращение США своего прежнего мирового лидерства может дорого обойтись миру. Почему-то до политической элиты США никак не доходит очевидная истина, что их страна может хотя и многое, но уже далеко не всё. Пример этому — Ближний Восток. Традиционный уклад его жизни США сумели разрушить, сопроводив многотысячными жертвами среди жителей и миллионными потоками беженцев в Европу, а построить новый — «свободный и демократический» — не смогли. В Сирии и вовсе оконфузились. Заявленная цель свергнуть «диктатора» Башара Асада оказалась для них непосильной.

Когда писались эти строки, США, ничему не научившись на Ближнем Востоке, принялись наводить порядок в Венесуэле. Законно избранного президента Николаса Мадуро объявили низложенным и назначили временным президентом своего ставленника Хуана Гуайдо. Этот вопиющий произвол вызвал решительный протест не только в Венесуэле, но и во многих странах мира. Требование США признать президентом Венесуэлы их марионетку Х. Гуайдо не выполнили единогласно даже ближайшие их союзники в Европе. В Мюнхене вице-президент США М. Пенс буквально требовал от них признания «нового» президента Венесуэлы, но полного успеха так и не достиг. Наверное, США в состоянии свергнуть Н. Мадуро силой, своей или своих союзников, как сделали это в Ираке с Саддамом Хусейном или в Ливии с Муаммаром Каддафи. Но, во-первых, бескровно осуществить переворот им вряд ли удастся, а во-вторых, на их совести будет еще одна незаживающая рана на теле мирового сообщества.

Определенно, в американские сказки, что США являются образцом свободы и демократии и на них лежит особая миссия осчастливить весь мир, уже никто не верит. Все понимают, что ими движут исключительно имперские экономические интересы, стремление сделать кладовую мира своей. Вот только не могут взять в толк, что свои интересы есть у России, Китая, Ирана, Индии и других стран и что с ними тоже следует считаться. Время ковбоя с пистолетами в обеих руках (и даже с дальнобойными ракетами), если и не прошло, то, бесспорно, проходит. Мир становится многополярным. И существовать он может только на принципах соблюдения взаимных интересов. Управлять им не сможет ни одна страна, сколь безграничными ни казались бы ее возможности. Необходимо договариваться, заключать взаимоприемлемые договоры и жить, соблюдая их условия. Если эта простая истина не будет усвоена США, если они не проявят благоразумия, чтобы отказаться от убеждения, что весь земной шар является сферой их исключительных интересов, это может иметь катастрофические последствия для мира.

Сегодня мир уже стоит у опасной черты. Надежды на здравомыслие президента США Д. Трампа не оправдались. Предвыборное обещание поладить с Россией он не выполнил. Накопленного ядерного

оружия уде достаточно, чтобы уничтожить на земле все живое. Но противоборствующие стороны — США, Россия и другие — озабочены созданием все более совершенных его видов. И что самое страшное, мировое сообщество фактически смирилось с такой перспективой: американцы заявляют, что их военной доктриной предусмотрено применение ядерных зарядов в обычном военном конфликте, а оно молчит. Не бьет в набат. Многим, наверное, кажется, что такой локальный конфликт обойдет их стороной. Но это заблуждение. Любой военный ядерный взрыв в конфликте между США, НАТО и Россией сдетонирует всепланетарную катастрофу. Необходимо сделать все возможное, чтобы ничего подобного не случилось. Применение ядерного оружия, пусть и в локальном конфликте, должно быть объявлено ООН преступлением перед человечеством и запрещено соответствующим юридическим актом. Жизненно необходимо также восстановить авторитет Всемирного совета мира, а также Движения неприсоединения.

М. П. Томас[1]

ПРОФСОЮЗЫ В КАНАДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Краткая информация

В 2018 году профсоюзы представляли примерно 4,8 млн рабочих, составляющих 30,1 % рабочей силы Канады. Однако объединение в профсоюзы очень неравномерно распределено между государственным и частным секторами. Членами профсоюзов являются только 15,9 % работников частного сектора и 75,1 % занятых в государственном секторе. Участие в профсоюзах в Канаде достигло пика в середине 1980-х годов, когда они объединяли около 40 % наемных работников. К концу 1990-х количество членов профсоюзов снизилось до примерно 30 % и до сих пор остается на том же уровне [2]. Несмотря на снижение процентной доли членов профсоюзов, абсолютное число членов профсоюзов в Канаде продолжало расти по мере роста рабочей силы.

Самое большое сокращение количества членов профсоюзов наблюдалось среди мужчин — «синих воротничков» (производственных рабочих). Членство женщин в профсоюзах оставалось гораздо более стабильным из-за того, что их больше в государственном секторе, где в ряде областей доля объединенных в профсоюзы людей значительно выше, чем у наемных работников в целом, как, например, в государственном управлении, образовании и здравоохранении. Хотя в государственном секторе занято не более 20 % работников, высокие показатели их объединения в профсоюзы помогают поддерживать общую статистику, притом что количество членов профсоюзов в частном секторе снизилось.

Трудовое законодательство / Производственные отношения

Роль профсоюзов в Канаде формируется законодательством, и, с одной стороны, это дает рабочим право объединяться в профсоюзы и вести переговоры о заключении коллективных трудовых договоров с работодателем, с другой — налагает на профсоюзы жесткие ограничения и устанавливает их обязательства [1]. В то время как рабочие имеют право вступать в профсоюз с 1872 года, право на ведение переговоров о заключении коллективного договора с работодателем они получили только в 1940-х годах. Тогда также был введен и механизм обеспечения защиты и гарантий профсоюзам (через обязательное удержание взносов из заработной платы). В принятых законах также была по-новому прописана ответственность профсоюзов — предусматривались запреты на забастовки на период действия коллективного договора, ограничивались рамки ведения переговоров по коллективному договору, обеспечивалось официальное признание прав руководства на управление работой и контроль за ней. Действие этого законодательства усилило бюрократию внутри профсоюзов, ограничив их возможность влиять на отношения между работодателями и работниками, а также способствовать борьбе рабочих [6]. Эта система также породила децентрализованную систему регистрации профсоюзов, наделения их полномочиями и ведения переговоров о заключении коллективных договоров по месту работы.

Проблемы, стоящие перед профсоюзами в Канаде

Потеря работы и уменьшение членов профсоюзов в производственном секторе

Наблюдается значительное уменьшение количества рабочих, объединенных в профсоюзы, среди занятых в производственной сфере, что существенно повлияло на общее количество рабочих, объединенных в профсоюзы. В 2018 году членами профсоюзов были 24,7 % работников, занятых в производственной сфере, по сравнению с 36,4 % в 1997 году. В этом сокращении большую роль сыграли соглашения о свободной торговле и стратегии, используемые нанимателями при реорганизации работы [2].

Соглашения о свободной торговле с США (1988) и США и Мексикой (1993) усилили конкуренцию в промышленности за счет ускорения перемещения в места с более низкой стоимостью производства, в частности в Мексику и южную часть США. Это внес-

[1] Доцент кафедры социологии Йоркского университета (Торонто, Канада), кандидат социологических наук. Автор ряда научных публикаций по политической экономии, экономической социологии, социологии труда, в т. ч. книг: «Change and Continuity: Canadian Political Economy in the New Millennium» (в соавт.), «Work and Labour in Canada: Critical Issues» (в соавт.), «Regulating Flexibility: The Political Economy of Employment Standards» и др.; статей: «The Employment Standards Enforcement Gap and the Overtime Pay Exemption in Ontario» (в соавт.), «Being ‘Middle Class’?», «Austerity, Right Populism and the Crisis of Labour in Canada» (в соавт.), «Global Unions, Global Framework Agreements and the Transnational Regulation of Labour Standards» и др.

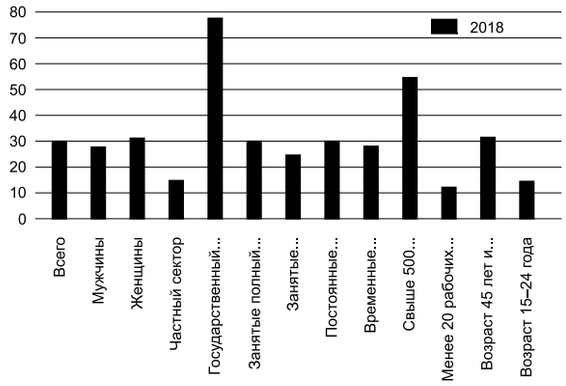

Рис. 1. Объединение в профсоюзы в Канаде (%), 2018 год.
По данным Statistics Canada, Tables 14-10-0070-01,
Union coverage by industry, annual (x 1,000), and 14-10-0133-01,
Union status by establishment size

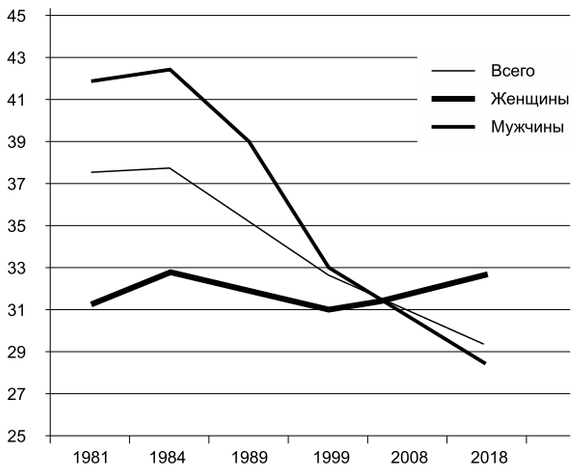

Рис. 2. Объединение в профсоюзы в Канаде (%),
1981–2018 годы.
По данным Statistics Canada, Table 14-10-0070-01,
Union coverage by industry, annual (x 1,000); см. также: [2]

ло свой вклад и в сокращение рабочих мест, и в ухудшение условий труда в производственной сфере Канады. Конкурентное давление усилилось, когда часть производств была перемещена еще дальше, в Азию, в частности в Китай. Профсоюзы не только лишились части своих членов, но и в большой степени потеряли влияние из-за остроконкурентной среды, созданной свободной торговлей.

Стратегии аутсорсинга, используемые работодателями, также сыграли значительную роль в уменьшении количества людей, объединенных в профсоюзы в производственной сфере, так как многие работодатели, на предприятиях которых действовали профсоюзы, стали передавать заказы на условиях договора подряда более мелким компаниям без профсоюзов. К середине 1990-х годов занятость в производственной сфере стабилизировалась, а в 2000-х даже начала расти, однако членство в профсоюзах в этом секторе не вернулось на максимальные уровни 1980-х годов. Например, производитель автокомплектующих Magna стал одним из мировых лидеров в своей сфере, и на большей части заводов компании профсоюзы отсутствуют [3]. Появившиеся позднее на рынке работодатели как в области производства комплектующих, так и в сфере сборки автомобилей, по большей части добились успеха в противостоянии усилиям по объединению рабочих в профсоюзы, в том числе крупным автомобилестроителям (Toyota, Honda), появившимся в Канаде в конце 1980-х годов [10].

Объединения и слияния профсоюзов в дополнение к попыткам организации новых рабочих мест в производственной сфере объяснялись стремлением компенсировать сокращение количества участников. Самое значительное слияние произошло в 2012 году, когда канадский профсоюз работников автомобильной промышленности объединился с профсоюзом работников связи, энергетики и бумажной промышленности. Был сформирован крупнейший в Канаде профсоюз в частном секторе под названием Unifor. Поскольку Unifor объединяет работников, особенно сильно страдающих от конкурентного давления, и тех, кто потенциально может лишиться работы из-за свободной торговли, этот профсоюз в настоящее время использует стратегию экономического национализма, проводя кампанию с целью убедить потребителей покупать сделанные в Канаде автомобили. Unifor понимает, что сила профсоюзов в производственной сфере снижается, поэтому также заключает партнерские соглашения с работодателями (Magna), перейдя на двухуровневые коллективные договоры, обеспечивающие различные привилегии новым членам.

Нестабильная работа в сфере услуг в частном секторе

Профсоюзы также сталкиваются с тем, что с 1970-х годов растет количество занятых в сфере услуг, и к настоящему времени они уже составляют 80 % работающих. В 2018 году 30,9 % занятых в индустрии сервиса были объединены в профсоюзы, хотя в частных фирмах, оказывающих услуги, количество членов профсоюзов обычно значительно ниже 30 %. В некоторых видах деятельности доля членов профсоюзов меньше 10 %, самая низкая — в сфере размещения и питания — 6 %. Во многих видах деятельности в сфере услуг в частном секторе исторически было мало членов профсоюзов, поэтому там нет основы для организации профсоюзов и приложения новых усилий в попытке объединить людей. Однако профсоюзы имеются в некоторых гостиничных сетях и крупных продовольственных магазинах [2].

Одна из основных проблем, с которыми сталкиваются профсоюзы при попытке объединения рабочих в сфере услуг в частном секторе, — высокая доля нестандартных форм найма (частичная занятость, временные работники) и рискованных форм найма (нестабильная, низкооплачиваемая работа), что осложняет организацию. Неполный рабочий день чаще встречается в сфере услуг (28,2 %) по сравнению с производ-

ством товаров (6,1 %), как и временная работа (11 % против 6,1)[1]. Частичная и временная занятость чаще всего встречаются в области размещения и питания, которые также являются сферами с самым низким количеством членов профсоюзов. В дополнение к этому наниматели в сфере услуг в частном секторе зачастую агрессивно настроены против профсоюзов [8], к тому же там меньше рабочих мест на одном предприятии, а текучесть кадров выше, что еще больше усугубляет сложности, связанные с объединением людей в профсоюзы.

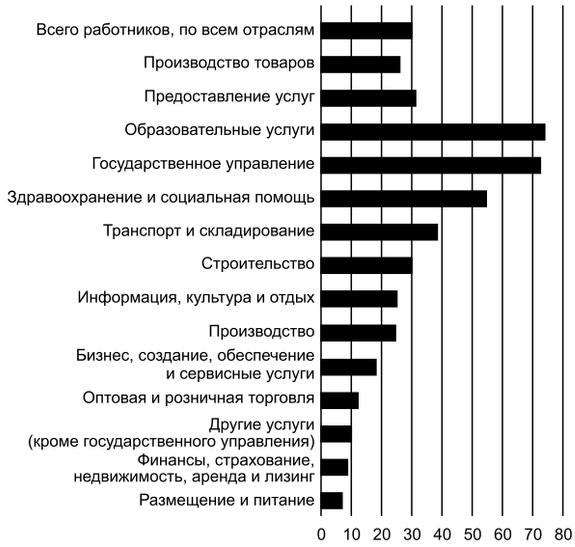

Рис. 3. Объединение в профсоюзы по отраслям (%), 2018 год. По данным Statistics Canada, Table 14-10-0132-01, Union status by industry

Профсоюзы продолжают попытки решения проблем в сфере услуг в частном секторе. Поскольку наибольшую обеспокоенность вызывает график работы, особенно в розничной торговле и сфере питания, профсоюзы пытаются добиться заключения коллективных договоров для обеспечения более четких графиков и гарантированного минимального количества рабочих часов [5]. Еще одна стратегия включает более широкий охват при объединении в профсоюзы и/или подход, основанный на любой работе в секторе, а также ведение переговоров по типу кампании под лозунгом «Справедливость для уборщиков», которая проводилась в США [2]. Более широкие подходы мало распространены в Канаде, поскольку трудовое законодательство признает четко определенные организационные единицы, по которым можно вести переговоры, а также поддерживает регистрацию, наделение профсоюзов полномочиями и ведение переговоров строго по месту работы.

[1] См.: Statistics Canada, Table 14-10-0072-01, Job permanency (permanent and temporary) by industry, annual (x 1000) ; Statistics Canada, Table 14-10-0023-01, Labour force characteristics by industry, annual (x 1000).

Неолиберальное трудовое законодательство и политика

Проблемы, с которыми профсоюзы сталкиваются в Канаде, усугубились из-за неолиберального регулирования трудового законодательства и политики [9]. Влияние неолиберализма прослеживается в разнообразной политике и практике на муниципальном, региональном (провинции) и федеральном уровнях. Первые действия в неолиберальном ключе, вызвавшие переформатирование работы в Канаде, — соглашения о свободной торговле, о которых говорилось выше. Значительное урезание федерального бюджета в середине 1990-х годов существенно снизило финансирование государственных услуг, что привело к последствиям в виде нестабильности работы и сложности в получении компенсаций для людей, занятых в государственном секторе и объединенных в профсоюзы [4]. На уровне провинций неолиберальные реформы трудового законодательства затруднили объединение в профсоюзы и снизили порог для аннулирования полномочий профсоюза правительством [6]. Эти реформы повлияли на снижение силы профсоюзов, а реформы законодательства, касающиеся рабочих стандартов (включая увеличение количества максимальных часов работы, минимальных сроков замораживания заработной платы и изменение процедур применения принудительных мер), снизили общий уровень социальной защиты всех работников [11].

Начиная с середины 1990-х годов люди, занятые в государственном секторе на федеральном, региональном (провинции) и муниципальном уровнях, испытали на себе приостановку работы организации и административные отпуска в связи с этим, замораживание заработной платы, а также более частое использование законодательства о возврате на работу до начала переговоров с профсоюзом [7]. Неолиберализм усилился после финансового кризиса 2008 года с принятием мер строгой экономии, направленных на людей, занятых в государственном секторе, через дальнейшее замораживание заработной платы, разукрупнение организаций и оптимизацию штата, использование законодательства о возврате на работу до начала переговоров с профсоюзом и переговоры об уступках [12]. В целом климат в трудовых отношениях в сфере государственных услуг в последние годы во многом стал напоминать сферу бизнеса.

Кампании, недавно проведенные профсоюзами из государственного сектора, успешно отразили ряд неолиберальных атак на работу в государственном секторе и занятых в нем людей. Заслуживающие внимания примеры — кампании, проведенные в Торонто, в том числе кампания под лозунгом «Хорошие рабочие места для всей коалиции», целью которой было предотвращение приватизации услуг по уборке зданий, а также забастовка библиотекарей, большинство из которых работает неполный рабочий день, с целью предотвратить приостановку работы и административные отпуска из-за использования аутсорсинга и технологических изменений [12]. В обоих случаях было оказано успешное сопротивление предложенным неолиберальным мерам, но кампании не вышли за пределы «своих» групп ра-

ботников с их частными проблемами. Не были созданы долговременные структуры, с помощью которых можно было бы обеспечить более широко охватывающую движущую силу для борьбы с неолиберализмом.

Будущее профсоюзов в Канаде

В настоящее время, когда у профсоюзов возникли проблемы из-за уменьшения количества членов в производственной сфере, роста численности занятых в сфере услуг, неолиберального трудового законодательства и политики, профсоюзы предпринимают разнообразные действия для противостояния этим процессам и улучшения условий труда. Эти действия включают ответные/оборонительные стратегии, в том числе лоббирование и ведение переговоров по заключению коллективных договоров по узкому кругу рабочих вопросов. Также профсоюзы проводят кампании, в основе которых лежит экономический национализм и которые можно назвать регрессивными. Благодаря стратегиям, основанным на коалициях рабочей силы и общественных групп, удалось добиться заметных успехов, поскольку благодаря им разнообразные организации объединяются для того, чтобы справляться с рисками и опасностями, возникшими из-за неолиберализма и строгой экономии. Организация подобных действий включает экспериментирование с новыми структурами, которые, возможно, смогут лучше представлять рабочий класс по месту работы и вне ее, среди них — движения низкооплачиваемых работников и людей на нестабильной работе, такие как движение под лозунгом «Борьба за 15 долларов» и движение «Справедливость». Такие усилия иллюстрируют динамику объединения рабочих в контексте меняющихся экономических и политических условий и имеют потенциал для того, чтобы способствовать более системным переменам.

Литература

1. *Fudge J.* Labour Before the Law: The Regulation of Workers' Collective Action in Canada, 1900–1948 / J. Fudge, E. Tucker. — Don Mills, ON : Oxford Univ. Press, 2001.

2. *Jackson A*. Work and Labour in Canada: Critical Issues / A. Jackson, M. P. Thomas. — 3rd ed. — Toronto : Canadian Scholars Press, 2017.

3. *Lewchuk W*. Transforming Worker Representation: The Magna Model in Canada and Mexico / W. Lewchuk, D. Wells // Labour/Le Travail 60. — 2007. — P. 109–138.

4. *McBride S*. Dismantling a Nation: The Transition to Corporate Rule in Canada / S. McBride, J. Shields. — Halifax : Fernwood, 1997.

5. *Mojtehedzadeh S.* Loblaws rings in better scheduling for part-time workers / S. Mojtehedzadeh // Toronto Star. — 2015. — 22 Aug.

6. *Panitch L*. From Consent to Coercion: The Assault on Trade Union Freedoms. / L. Panitch, D. Swartz. — 3rd ed. — Toronto: Univ. of Toronto Press, 2008.

7. *Ross S*. Public Sector Unions in the Age of Austerity / S. Ross, L. Savage. — Halifax & Winnipeg : Fernwood, 2013.

8. *Ross S*. Labour Under Attack: Anti-Unionism in Canada / S. Ross, L. Savage. — Halifax & Winnipeg : Fernwood, 2018.

9. *Ross S*. Organizing in Precarious Times: The Political Economy of Work and Workers' Movements After the Great Recession / S. Ross, M. P. Thomas // Change and Continuity: Canadian Political Economy in the New Millennium / M. P. Thomas, L. F. Vosko, C. Fanelli, O. Lyubchenko (eds.). — Kingston ; Montreal : McGill-Queen's Univ. Press, 2019.

10. *Thomas M.* Toyotaism Meets the 60 Hour Work Week: Coercion, «Consent» and the Regulation of Working Time / M. Thomas // Studies in Political Economy 80. — 2007. — P. 105–128.

11. *Thomas M. P.* Regulating Flexibility: The Political Economy of Employment Standards / M. P. Thomas. — Montreal ; Kingston : McGill-Queen's Univ. Press, 2009.

12. *Thomas M. P*. «Enabling Dissent»: Contesting Austerity and Right-Wing Populism in Toronto, Canada / M. P. Thomas, S. Tufts // Economic and Labour Relations Review. — 2016. — № 27 (1). — P. 29–45.

Ж. Т. Тошенко[1]

ОБЩЕСТВА ТРАВМЫ: ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗИГЗАГ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ?

Общество травмы как третья модальность в развитии

Сегодня в мире есть страны, жизнь в которых не укладывается в классические теории наук об обществе. Нынешний этап мирового развития характеризуется такими значительными, значимыми и знаковыми событиями и процессами, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях: эволюция или революция, прогресс или стагнация и рецессия. То, что случилось в конце XX и начале XXI века в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Тунисе и ряде других стран, выпадает из общепринятой и ранее понятной логики общественного развития.

С этой точки зрения не менее впечатляющим выглядит распад СССР и то, что началось после него во многих ныне независимых государствах. Особенно это коснулось Грузии, Молдовы, Киргизии и, конечно, Украины. Не избежала своей участи и Россия. Общеизвестно эмоциональное высказывание президента страны В. В. Путина, назвавшего результаты распада СССР геополитической катастрофой, так что Россия не может не входить в число тех государств, о которых пойдет речь.

[1] Главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва), председатель международного редакционного совета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 660 публикаций, 22 монографий и 5 учебников, в т. ч.: «Парадоксальный человек», «Социология труда», «Тезаурус социологии», «Вехи социологии» (отв. ред.), «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Политическая социология» (отв. ред.), «Социология управления», «Фантомы российского общества», «Социология жизни», «Прекариат: от протокласса к новому классу» и др. Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и РГГУ. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского.

К этим странам (в эту специфическую группу) можно добавить так называемых кандидатов. Согласно данным Всемирного банка, успешными в своих рыночных преобразованиях оказались только 52 % демократических стран и 48 % стран, отнесенных к группе авторитарных.

Все эти страны объединяет одно — политические потрясения, стагнация и (или) упадок экономики, неопределенность иногда даже ближайшего будущего, наконец, разочарование и потеря доверия к провозглашенному пути и средствам достижения намеченных целей.

Все это никак не укладывается в классические представления о прогрессе или регрессе, эволюции или революции.

Тогда с чем мы имеем дело? Как охарактеризовать эти политические, экономические, социальные, культурные процессы (а скорее — неопределенности), которые сродни катастрофам? Есть ли у них нечто общее при всем разнообразии особенностей?

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». Но уже в современной медицинской и психиатрической литературе термин стал трактоваться и как рана сознания в результате эмоционального шока, нарушающего в человеке и в социуме осмысление времени, себя и мира.

Одним из первых на социальное содержание травмы обратил внимание немецкий ученый Юрген Хабермас, когда связал ее с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе [30]. Польский социолог П. Штомпка употребил это понятие при анализе проблем социально-культурного развития («социальная и культурная травма»). Характеризуя совокупность изменений, происходящих в мире и в большинстве стран, он рассматривает травмы как «социальные трансформации», в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [26, с. 6–7]. При изучении происходящих в западных обществах потрясений Н. Смелзер определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом». Д. Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, то есть являются непосредственными причинами деформирующего эффекта. Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман [28]. Социальная трактовка травмы стала использоваться и при анализе других процессов, например при исследовании проблем коллективной идентичности, включая религиозную и этническую [31].

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, о травмирующих аспектах писали экономисты М. Ф. Делягин [8], Р. С. Гринберг [6], политики Ю. А. Красин [13], В. К. Левашов [15], специалисты социальной сферы М. К. Горшков [19], сферы культуры и образования — О. Н. Смолин [21], А. С. Запесоцкий [10]. На наш взгляд, трактовки происходящих изменений, представленные названными авторами, можно расширить до понятия «травма общества», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформирующий характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф).

При современных определениях травм, поразивших многие общества, стало возможным применять понятие «травма» к особому состоянию общественных процессов, выраженному в неопределенности, перекосе развития неустойчивых обществ и государств. Конечно, в таком подходе есть свои нюансы, детали, уточнения, но я хочу сразу обратиться к тем чертам, показателям и индикаторам, которые считаю важными для понимания самого феномена.

Основные характеристики общества травмы

Травмы многих современных обществ, о которых пойдет речь, начинались с насильственного свержения существующего политического режима и соответствующих институтов управления. Это происходило либо из-за вмешательства внешних сил (Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия, Тунис), либо под воздействием внутренних катаклизмов (Россия, Украина, Грузия, Молдова). Но при этом все возникающие потрясения проходили под лозунгом неотложности кардинальных изменений, с требованием серьезных сдвигов в экономике и социальной сфере, под обещания срочно добиться достойной жизни людей и полного благополучия страны. Звучали призывы поднять на более высокий уровень соблюдение прав и свобод человека. Но вмешательство внешних сил в странах, не способных на самостоятельное реформирование (Ирак, Ливия, Афганистан), привело к тому, что они не вышли из полосы кровопролитных конфликтов.

Не менее впечатляющими были результаты изменений в Грузии, Молдове, на Украине. Эти республики оказались еще дальше от того, что они имели, находясь в составе СССР. Не более успешными были и достижения России: за четверть века она не вышла на социально-экономические показатели, которыми обладала РСФСР в 1990 году.

Таким образом, все названные государства не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационной эпохой, предоставить населению новые высокие стандарты жизни. И это поражение постигало названные государства после того, как данную задачу успешно решили, причем в течение непродолжительного времени, как капиталистические (Сингапур, Малайзия, Южная Корея), так и социалистические страны (Китай и Вьетнам).

На мой взгляд, причина неудач кроется прежде всего в том, что общество травмы обладает таким комплексом черт, которые резко и отчетливо отделяют его как от революционных преобразований, так и от поступательных эволюционных изменений.

И это отличие начинается с того, что у общества травмы отсутствуют четкая и ясная стратегия и понимание перспектив развития. Намеченные преобразования в основном сводятся к тому, чтобы ориентироваться на решение отдельных насущных и неотложных проблем: иногда — с учетом опыта других стран (как это пытались сделать в России), иногда — путем пассивного выполнения чьих-то советов без учета национальной специфики (Афганистан, Ирак, Ливия, где это делается под экономическим и военным давлением извне).

Что касается России, то до сих пор остается невыясненным, какое общество мы строим. Например, академик О. Т. Богомолов выражал свой публичный интерес к этой неопределенности еще в 2008 году [27]. Да, тогда обсуждалось немало рецептов, идей, но они сводились в основном к тому, чтобы отказаться от прошлого (социалистического) пути развития, воспользоваться рекомендациями, основанными на опыте других стран (были разные предложения: заимствовать опыт США, Германии, Японии, Франции, даже Аргентины), или некими теоретическими умозрительными конструкциями вроде положений чикагской школы, на выводы которой уповали российские либералы [1].

Немало было доморощенных предложений, которые рождались скорее из фантазий, чем из научно обоснованных программ развития. Показательны в этом плане рассуждения известного либерала Л. Гозмана, который огорчался, что у либералов было много вариантов развития, но им не дали возможности все реализовать [5]. Это напоминает старый анекдот о применяемых по очереди советах по кормлению цыплят, которые в результате сдохли. Инициатор этих методов посетовал: «А сколько у меня еще осталось неиспользованных вариантов!»

Кроме того, анализ причин отставания в развитии показывает, почему в обществах травмы происходят потери и даже откаты от тех экономических и социальных рубежей, которыми обладали эти страны, до попыток изменения вектора своего развития. Более того, можно говорить и о явной деградации, отбросившей некоторые страны от достигнутого уровня, в которых нынешняя экономика представляет собой разваленные отрасли национального хозяйства [23, 24].

«Коллективные агентства». Насколько они эффективны?

Увы, примерно такая же ситуация наблюдается и в современной России. Речь идет не только об утрате темпов развития, но и о потере ранее достигнутых и до сих пор не восстановленных экономических и социальных показателей.

Так, по некоторым данным, за период гайдаровских реформ в 1990-е годы народное хозяйство страны потеряло больше, чем за время Великой Отечественной войны. Мало что удалось исправить и в 2000-е годы. Как отметил творец рыночной реформы, экс-министр экономики и финансов Польши Гжегож Колодко (иностранный член Российской академии наук), именно отсутствие грамотной экономической стратегии в Российской Федерации привело к печальным результатам. Если 25 лет назад ВВП нашей страны втрое превышал ВВП Китая, то на данном этапе уже КНР превосходит Россию по этому показателю в шесть раз.

Отсутствие стратегии развития в обществах травмы связано с тем, что в них нет активных, движущих, творческих созидательных сил, олицетворяемых, как писал польский социолог Петр Штомпка, «коллективным агентством», которое осуществляло бы стратегию желаемых преобразований на основании четкой, продуманной программы действий, опирающейся на объективные законы развития [26, с. 7].

В отсутствие же такой программы и такой команды происходит следующее. Имея доступ к фонду структурных и культурных ресурсов, официальные структуры, как правило, производят импульсивные действия, которые нередко похожи на имитацию рациональной деятельности. Так, в свое время вместо научно обоснованных кардинальных преобразований в экономической и социальной сферах президент страны Дмитрий Медведев осуществлял такие, по его мнению, неотложные меры, как переименование милиции в полицию, смена часовых поясов, введение нулевого промилле для водителей автомобилей и т. д.

Не менее убедительным свидетельством обществ травмы является тот факт, что для них характерна конвертация ресурсов власти в капитал и капитала во власть, так как политическое руководство в этом процессе рассматривается как источник доходов, способ оправдания и прикрытия сомнительных акций на экономическом и финансовом рынке.

Непонятная для населения ситуация в стратегии развития привела к отстранению большинства россиян от контроля и общественного участия в том, чем занимается власть. Сегодня 80,3 % граждан не состоят ни в одной общественной организации, 93,7 % считают, что они никак не влияют на принятие государственных решений [9, с. 356–357]. Именно в этом контексте возникает вопрос о государственной идеологии, которая наряду с другими существующими в обществе мировоззренческими установками формулировала бы перспективы развития с учетом глубинных интересов населения.

Пока же, с одной стороны, в обществе преобладает утверждение, что в стране, согласно Конституции РФ, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, с другой — нам постоянно напоминают о необходимости строительства демократического общества, что, в сущности, невозможно без каких-либо серьезных, утвержденных всем обществом идей, способных мобилизовать народ на действительное развитие страны. В результате в России сложился политический режим, который ряд авторов определяют как неидеологический [4]. Поэтому я считаю оправданной тревогу аналитиков, которые отмечают, что в стране вместо формирования национально-государственной идентичности происходит стихийный поиск путей трансформации этнического, регионального и локального самосознания, которые при всей их важности не могут заменить общие идеологические ориентиры, идею сплочения многонационального и поликонфессионального народа.

На мой взгляд, попытки сформулировать национальную идею ничем не оканчивались и не оканчиваются, потому что они отражают гипотетические идеи лишь отдельных представителей правящих слоев России и предложения некоторых научных работников, а не чаяния и устремления народа.

И это понятно, потому что в обществах травмы «коллективные агентства» (то есть правящие круги, или так называемая элита) не учитывают или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику, иными словами, все, что было накоплено странами в их историческом развитии. Так, в российском обществе полностью и безапелляционно отвергнут опыт не только советского, но и более раннего исторического прошлого, исходя из заведомо пагубной установки: в прежней России и особенно в СССР ничего позитивного не было.

В отношении России до сих пор ведется спор: что же в ней происходит более четверти века и как правильно назвать происходящее? Многие политики, ученые, журналисты, используя некую совокупность данных, настаивают на том, что произошел слом социалистического строя и начался процесс возвращения в испытанное и проверенное опытом либеральное устройство общества. Но, мол, при этом переход к капитализму искажается нынешним политическим руководством России [11].

Представители других мировоззренческих убеждений, опираясь на анализ процессов функционирования новой России, не менее убедительно доказывают, что происходит пусть сложное и трудное, с огромными издержками, но эволюционное развитие страны [5].

Еще одна группа представлена неомарксистскими и социалистически ориентированными взглядами на произошедшее в стране как на насильственный переворот, отказ от ориентации на интересы народа. Признавая просчеты и ошибки советского руководства и последовавших после нее рыночных реформ, представители этой группы настаивают на проведении политики, утверждающей проверенные жизнью позитивные изменения, накопленные как в опыте СССР, так и в ныне существующих странах с социалистической ориентацией (Китай, Вьетнам) [2; 3; 12].

Что же до реальности, то происходящий процесс развития характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией некоторых социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, со следованием принципам рыночного фундаментализма и либерализма и попытками обосновать путь, по которому идет «европейская цивилизация», но с учетом особой евразийской ориентации. В итоге, на наш взгляд, экономическая и социальная жизнь находится в состоянии кризиса: потеряна основная часть высокотехнологичного производства в космической индустрии, машиностроении, авиационной промышленности. К примеру, если в 1990 году в стране было выпущено 74,2 тыс. металлорежущих станков, которые закупались даже ФРГ, то в 2014 году их было произведено всего 2,7 тыс. Станков ткацких — соответственно 18 300 и 79 [18, с. 147; 20, с. 264–265]. В сельском хозяйстве были бездумно распущены колхозы и совхозы, особенно успешно функционирующие, потеряны многие эффективно развивающиеся хозяйства. В 2014 году в сельскохозяйственных организациях насчитывалось 247,3 тыс. тракторов (в 1990 г. их было 1345,6 тыс.), комбайнов — соответственно 64,6 тыс. и 407,8 тыс., свеклоуборочных машин — 2,4 тыс. и 25,3 тыс. [25]. В результате так называемой аграрной реформы объем продукции сельскохозяйственной отрасли (за исключением производства зерна) не вышел на уровень советского 1990 года, а по животноводству уменьшился на треть.

Что касается гипертрофирования псевдонациональных особенностей, то этот путь ярко демонстрирует государственное строительство на Украине. Вот что писал по этому поводу политолог В. Лапкин: «Стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих этносы и нации по их отношению к свободе, демократии и процветанию, оказывается одной из ключевых составляющих» в «общей стратегии хаотизации социального субстрата неконсолидированных режимов» [14, с. 61].

Где же выход?

Таким образом, особую значимость среди новых явлений на современном этапе приобрела такая черта в жизни ряда стран, в том числе России, как их травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития. В то же время несомненно, что общества травмы не могут быть вечными: при определенных обстоятельствах они должны выйти из этого кризиса.

В 1990–2000-е годы у нас не раз предпринимались попытки выйти на новые рубежи экономического и социального развития.

Сначала это была приватизация с ее спутниками — девальвацией рубля, залоговыми аукционами, созданием олигархического капитализма, что привело к полнейшему разгрому национального хозяйства. Затем были проекты развития здравоохранения, сельского хозяйства, образования, провозглашенные Дмитрием Медведевым в бытность его премьер-министром, приведшие его в нулевые годы к посту президента, но оказавшиеся несостоятельными и теперь всеми забытыми. Потом были четыре «и»: институты, инфраструктура, инновации и инвестиции, которые также ничего не дали стране. В рамках этих амбициозных проектов был создан дорогостоящий проект «Сколково», который, по мнению экс-президента Сибирского отделения РАН Александра Асеева, является «мраморной телефонной трубкой в руках старика Хоттабыча», а по мнению профессора Массачусетского технологического института Лорена Грэма, — дорогостоящим, сомнительным актом, от которого «скорее всего выиграют западные компании» [7].

Чтобы выйти из травмированного состояния, мотивацией социальной, экономической и политический жизни должны быть не прибыль или власть, а служба обществу. Грэм, выступивший на Петербургском экономическом форуме в мае 2016 года, образно сформулировал парадоксальное состояние современной Рос-

сии: «Вам нужно молоко без коровы», предполагая то же самое, о чем говорил Питирим Сорокин: нужно раскрепощение созидательных сил не только бизнеса, но и творческих людей, которые олицетворяют «научный гений русских людей», а также социальные реформы [22, с. 7]. И это не только удовлетворяло бы потребности народа, но и развивало бы созидательные силы общества.

Свою лепту в этот противоречивый процесс вносит нынешняя модель развития, которую «можно представить в виде велосипеда, в котором руль — социалистический, а педали — капиталистические» [16, с. 202].

Все это позволяет сделать вывод: травмированность общества и в обществе возникает тогда, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом» [26, с. 8].

Поэтому вполне оправданной закономерной реакцией на практически единодушное мнение экспертного общества (да и не только его) о необходимости коренной смены экономического курса правительства, стало недавнее Послание президента Федеральному собранию в феврале 2019 года, обратившего внимание на необходимость серьезной коррекции социально-экономического курса страны.

Литература

1. *Авен П.* Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук / П. Авен, А. Кох. — М. : Альпина Паблишер, 2013. — 471 с.

2. *Бодрунов И. С.* Реиндустриализация: социально-экономические параметры и реинтеграция производства, науки и образования / И. С. Бодрунов // Социологические исследования. — 2016. — № 2. — С. 20–28.

3. *Бузгалин А. В.* Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социологические исследования. — 2014. — № 3. — С. 120–130.

4. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. — М. : РОССПЭН, 2006. — 448 с.

5. *Гозман Л.* Гражданский мир как несбыточная мечта : интервью / Л. Гозман // Литературная газета. — 2019. — № 7. — 20–26 февр. — С. 20–21.

6. *Гринберг Р. С.* Россия опять в поисках «верного» пути / Р. С. Гринберг // Мир перемен. — 2015. — № 1. — С. 5–7.

7. *Грэм Л.* Россия может предложить великие идеи, но не в состоянии ими воспользоваться / Л. Грэм // Новая газета. — 2016. — 25 июля.

8. *Делягин М.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчака и Навального / М. Делягин. — М., 2016. — 800 с.

9. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М., 2016. — 367 с.

10. *Запесоцкий А. С.* Культура: взгляд из России / А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2014. — 848 с.

11. *Иноземцев В. Л.* Потерянное десятилетие / В. Л. Иноземцев. — М., 2013. — 594 с.

12. *Кива А. В.* Реформы в Китае и России. Сравнительный анализ / А. В. Кива. — М. : Ин-т востоковедения. Центр стратегической конъюнктуры, 2015. — 304 с.

13. *Красин Ю. А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора / Ю. А. Красин // ПОЛИС. Политические исследования. — 2003. — № 4. — С. 114–124.

14. *Лапкин В. В.* Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе / В. В. Лапкин // ПОЛИС. Политические исследования. — 2016. — № 4. — С. 54–64.

15. *Левашов В. К.* Реформы и кризисы: тридцать лет спустя / В. К. Левашов // Социологические исследования. — 2016. — № 10. — С. 31–38.

16. *Лившиц В. Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013 / В. Н. Лившиц. — М. : USSR : Ленард, 2013. — 631 с.

17. *Линецкий А. И.* Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития / А. И. Линецкий // ПОЛИС. Политические исследования. — 2016. — № 2. — С. 152–170.

18. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. : стат. ежегодник. — М. : Финансы и кредит, 1991. — 465 с.

19. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. — М. : Весь мир, 2015. — 336 с.

20. Россия в цифрах в 2015 г. : крат. стат. сб. — М. : Росстат, 2015. — 543 с.

21. *Смолин О. Н.* Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? / О. Н. Смолин // Социологические исследования. — 2015. — № 6. — С. 91–101.

22. *Сорокин П. А.* Условия и перспективы мира без войны / П. А. Сорокин // Социологические исследования. — 1999. — № 5.— С. 3–12.

23. *Тощенко Ж. Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тощенко. — М. : Наука, 2018 — 350 с.

24. *Тощенко Ж. Т.* Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) / Ж. Т. Тощенко // ПОЛИС. Политические исследования. — 2017. — № 1. — С. 70–84.

25. *Узун В. Я.* Агарная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты / В. Я. Узун, Н. И. Шагайда. — М. : Дело. — 352 с.

26. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 6–16.

27. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / под ред. О. Т. Богомолова. — М. : Ин-т экон. стратегий, 2008. — 439 с.

28. *Bauman Z.* Modernity and the Holocaust / Z. Bauman. — Ithaca : Cornell Univ. Press, 1989. — 254 p.

29. *Caruth C.* Trauma. Explorations in Memory / C. Caruth. — Baltimore : John Hopkins Univ. Press, 1995. — 288 p.

30. *Habermas J.* The Post-National Constellation and the Future Democracy / J. Habermas // The Post-National Constellation: Political Essays / ed. by M. Pensky. — Cambridge MA : MIT Press, 2001. — P. 58–112.

31. Narrating trauma: on the impact of collective suffering. — Boulder : Paradigm Publ., 2011.

32. Rethinking Progress: Movements, Forces and Ideas of the End of the 20th Century / eds. J. C. Alexander, P. Sztompka. — L. : Routledge, 1990. — 284 p.

В. Т. Третьяков[1]

КАК СПАСТИ ЕВРОПЕЙСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Будущее мирового сообщества представляется мне хотя и не беспроблемным, но не вызывающим чрезвычайного беспокойства. Однако как минимум одну часть этого сообщества — когда-то наиболее процветающую и привлекательную для всех остальных — надо спасать.

Векторы перемен, выражаясь языком организаторов нынешних Лихачевских чтений, в этой части человеческой цивилизации явно дурные и тлетворные.

Я говорю о Европе.

В том, что Европа и европейская цивилизация находятся на краю гибели, теперь уже мало кто сомневается. Еще 10–15 лет назад об этом говорили немногие, в том числе я, сегодня убеждение в этом стало почти всеобщим.

К сожалению, громче всего звучащие в самой «Европе» (Европа минус Россия) рецепты спасения либо невежественны, либо бесперспективны в силу своей неолиберальной догматичности, то есть антинародности.

Конечно, без отрезвления самой «Европы» России ее не спасти — слишком мощным стал сегодня суицидальный синдром у этой «Европы». Но, кажется, шанс еще не потерян. Попытаться отрезвить «Европу» можно и нужно.

Недавно опубликованная мною «Хартия спасения Европы», на основе которой составлены эти тезисы, и есть такая попытка.

Для спасения Европы (европейской цивилизации) в том виде, в котором мы ее знаем, ценим и любим, необходимо радикальным (революционным) образом пересмотреть все, что можно отнести к европейской политике в широком понимании этих слов. Ниже я перечислю то, что считаю самым непреложным и принципиальным.

Деоккупация Европы. Вывести все войска и военные базы США с территории европейских стран, для чего разумнее всего просто распустить Организацию Североатлантического договора (НАТО). «Европа» должна перестать быть военным вассалом США.

Как минимум исключить из Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) США и Канаду, а лучше всего вообще ликвидировать эту организацию как извратившую цель своего создания. В совокупности эти две меры будут означать пусть не полную, но радикальную **деамериканизацию Европы**.

Следует распустить и Европейский союз как исторически отжившее наднациональное бюрократическое образование, к тому же не отражающее интересы не только всех стран Европы, но даже и многих членов Европейского союза (ЕС). Евросоюз распадется сам по себе с той же неизбежностью в те же исторические сроки и по тем же причинам, по которым распался Советский Союз — Евросоюз № 1, — сто лет назад возникший на востоке Европы. Но тогда это будет хаотичный распад с соответствующими эксцессами и последствиями.

Воссоединение Европы. Мало того, что западноевропейцы позволили американизировать свою часть Европы, они еще и приватизировали историческое имя Европы, посчитав Европой только то, что является Евросоюзом и НАТО, и отделив от нее все, что не входит в эти две организации, в первую очередь Россию. Настало время воссоединить «Европу» и Россию, ибо это и есть настоящая полноценная и полномасштабная Европа и европейская цивилизация (кстати, продленная Россией в Азию — до Тихого океана).

Необходимо собрать форум представителей политической и общественной мысли всех европейских стран и всех идейных направлений, целями которого должны стать:

1) учреждение постоянно действующего Интеллектуального совета Европы;

2) выработка в течение ближайших пяти лет стратегии сохранения и развития европейской цивилизации;

3) разработка новой политической архитектуры Европы, в частности концепции Организации европейских наций (ОЕН).

Нужно публично заявить, что главными субъектами внутриевропейской политики являются только независимые суверенные европейские (расположенные в Европе) страны.

Следует наложить и юридически закрепить запрет на вмешательство любых европейских государств во внутренние дела друг друга, тем более на вмешательство во внутренние дела европейских государств, а также во внутриевропейские дела (включая межгосударственные противоречия и конфликты) любых неевропейских государств.

Равным образом европейские страны должны публично отказаться от вмешательства во внутренние дела любых государств, расположенных за пределами Европы. Такое вмешательство возможно в исключительных случаях и только по просьбе законных правительств этих государств либо по решению Совета Безопасности ООН.

Европейским странам следует инициировать реформу ООН, Совет Безопасности которой после этой

[1] Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать? Философские беседы» (телеканал «Культура»). Автор более 2500 публикаций, научно-публицистических статей и учебных изданий, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (сборник статей), «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики», «Что делать?», «Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал», «Конфликт с Западом. Уроки и последствия», «Как стать знаменитым на телевидении: теория телевидения для всех, кто хочет на нем работать», «Владимир Путин. 20 лет у власти», «Премудрости и глупости, собранные вместе. Книга афоризмов, парадоксов, максим и прочих сентенций» и др. Лауреат премии «Золотое перо» Союза журналистов России, премии ТЭФИ, национальной премии «Телегранд», кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

реформы должен формироваться по цивилизационному, или континентальному, принципу.

Организацию европейских наций нужно учредить еще до реформы ООН. Высшим постоянно действующим органом ОЕН должен стать Совет безопасности, а его постоянными членами — великие европейские державы, за исключением (на первые 10 лет) Великобритании — из-за чрезмерного влияния США на ее внешнюю политику.

История ни мира, ни Европы не остановилась. А ход истории — это всегда изменение границ, возникновение и исчезновение государств, посему необходимо создать при ОЕН специальный орган — Совет непризнанных государств и спорных европейских территорий с представительством в нем каждого из таких государств и каждой из таких территорий.

Категорическим императивом является создание между западными странами Европы и Россией пояса нейтральных государств, каковые не будут иметь права в течение ближайших 15 лет вступать ни в какие межгосударственные военные блоки — как внутриевропейские, так и внеевропейские. В этот пояс должны войти Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Беларусь, Словакия, Венгрия, все государства бывшей Югославии, Болгария, Румыния, Украина, Молдова, Грузия. Это позволит постепенно преодолевать исторический «раскол Европы», послуживший причиной многих войн.

Необходимо внести в конституции и иные основополагающие документы европейских стран положение о христианской основе европейской цивилизации, что, не отрицая права каждого жителя Европы на исповедование любой традиционной религии или на атеизм, должно означать и предполагать:

1) признание исторического авторитета христианской церкви (христианских конфессий) как для общества в целом, так и для его политических и иных институтов;

2) запрет на уничтожение или ограничение демонстрации материальных, духовных и культурных святынь и символов христианской религии;

3) обязательное следование, в том числе юридическое, основным нормам традиционной христианской морали и соответствующих запретов.

Демографический кризис является одним из самых трагических вызовов современной Европе, поэтому и по многим другим причинам необходимо восстановление традиционного (классического) института брака как добровольного союза мужчины и женщины. Никакие иные союзы и связи, основанные на физиологической близости и (или) сожительстве, браком признаваться не должны, хотя и не могут запрещаться законодательно.

Нужно восстановить традиционный (классический) институт семьи, предполагающий ответственность родителей за жизнь и воспитание детей до их совершеннолетия. Вмешательство государства, а также любых общественных организаций в отношения детей и родителей запрещается. Такое вмешательство возможно лишь в случае крайней необходимости и только по предельно ограниченному списку определенных законом оснований. Органы так называемой ювенальной юстиции должны быть ликвидированы, повсеместно внедряемая система доносительства детей на родителей запрещена в педагогической практике.

Категорически отказаться от признания, прежде всего юридического, в качестве нормы или особой и допустимой разновидности нормы того, что считается в традиционном христианстве, да и среди большинства людей пороками.

Столь же категорически отказаться от навязывания большинству населения Европы вообще и каждой отдельной стране в частности, в том числе через решения национальных парламентов и местных законодательных органов, норм и стиля поведения малых социальных групп, особенно и в первую очередь в сфере отношений между полами, семейных ценностей, физиологических отношений между взрослыми и детьми.

Отказаться от навязывания обществу «политкорректности», фактически заменившей институт цензуры, и так называемой толерантности, то есть от обязанности мириться с тем, что тебе не нравится, противно, противоестественно или мешает твоей нормальной (включая исполнение гражданского долга и общественных обязанностей) жизни, жизни твоей семьи, твоих детей.

Отказаться от поклонения гражданским правам и свободам, если они противоречат общепризнанным общественным интересам и естественной человеческой солидарности, естественному человеческому сотрудничеству и общежитию.

Отказаться от идеализации и абсолютизации так называемой демократии (политической), ибо она нигде и никогда не являлась и в принципе не может являться полностью демократией, или демократией для всех. Необходим демонтаж обветшавших «демократических декораций», маскирующих власть правящего класса. Отказаться от «демократического» политического лицемерия, каковое является одной из отвратительнейших черт современной «Европы».

Отказаться от управляемого перевода демократии как власти большинства (пусть и иллюзорной) в демократию как власть (в этом случае уже реальную) узкой группы пассионарных и тоталитарных по своим интенциям меньшинств над большинством.

При этом, естественно, нельзя отрицать и умалять ценности и важности демократических форм управления (включая государственную власть), столь свойственных европейской цивилизации на разных этапах ее развития. Но не в меньшей степени европейская цивилизация умела и плодотворно использовала другой естественный режим управления обществом — административно-командный (в пределе — авторитарный). Нахождение разумного, но все время изменяющегося баланса между двумя этими методами управления — вот что такое истинная, а не притворная демократия, то есть власть во имя интересов большинства граждан и общества в целом.

Признать разнообразие европейских стран, народов, их культур, языков, традиций, включая политические традиции, основополагающей ценностью Европы как сообщества стран и как цивилизации. Никакая

страна не может быть принуждена к отказу от своих национальных особенностей — от ментальных до политических. Никому не может быть навязан какой-либо политический строй, режим или какая-то политическая идеология или философия. Стандартизация, то есть планомерная унификация, жизни европейских стран и народов есть механизм постепенного умерщвления европейской цивилизации.

Нужно, чтобы интеллектуалы, творческие лидеры и политики, а в итоге и все жители стран Западной и Центральной Европы отказались от цивилизационного расизма, то есть от деления жителей всех стран Европы на «европейцев» и «недоевропейцев», «не вполне европейцев» — тех, кому еще нужно «доказать», что они являются «истинными европейцами», и от всех соответствующих стереотипов, риторики, «домашних заданий», «экзаменов» и «проверок».

Не менее важно отказаться и от все набирающего силу и масштаб спекулятивного переписывания европейской и мировой истории, основными составляющими чего являются обеление «своих» злодеев и безосновательное наделение злодейскими качествами «чужих» или «чуждых» политических и государственных деятелей, военачальников и простых солдат, а также прямая ложь вплоть до перекрашивания агрессоров в жертв агрессии, и наоборот. Нельзя не замечать, что сейчас в «Европе» дело дошло до оправдания и даже воспевания коллаборационизма, а значит, в перспективе — и нацизма. В некоторых европейских странах эта «перспектива» уже реализуется. А «Европа» делает вид, что не замечает этого, или просто трусливо молчит. Пора осознать, что эта политика, во-первых, аморальна; во-вторых, лжива, а потому антинаучна; в-третьих, ведет к фактическому умерщвлению реальной истории Европы.

Ни бедных, ни отверженных! Проблема социальной справедливости в Европе должна решаться общими усилиями, что предполагает не только ликвидацию бедности в самых богатых странах или нищеты в самых бедных, но и устранение кричащих материальных различий в жизни населения разных европейских стран. В Европе вообще не должно быть бедных стран, тем более что здесь этого можно добиться гораздо раньше, чем в какой-либо другой части мира.

Необходимо отказаться от евроцентризма и «европейской» фанаберии по отношению к другим странам, народам и цивилизациям. Жители стран, развязавших как минимум две мировые войны (на самом деле — не менее четырех), не могут учить других миролюбию или пацифизму. Жители стран, когда-то располагавших колониями на других континентах планеты со всеми вытекавшими из этого последствиями, включая массовое уничтожение местного населения и работорговлю, не могут учить других «толерантности», демократии, правам человека и т. п. Страны, в которых родились нацизм и иные расистские теории и которые веками эксплуатировали расистские практики, не имеют морального права учить иные народы и более молодые государства гуманизму, милосердию, житейским и политическим добродетелям.

Европа должна вернуть своим бывшим колониям то, что давно у них было отнято и отнимается до сих пор, прежде всего политическую и экономическую свободу. Возможно, Европе придется во имя исторической и социальной справедливости, а также ради своего собственного выживания оказать народам своих бывших колоний тот минимум материальной помощи, который поможет им — в рамках их представлений и привычек — жить на своей земле безбедно и не менее счастливо, чем в Европе.

Европа и европейская цивилизация в их нынешнем состоянии не могут быть спасены без России, помимо России, тем более в конфронтации с Россией и в борьбе против нее. Тот, кто думает иначе, либо невежда, либо глупец, либо провокатор (каких много на востоке Европы), либо идейный или безыдейный, но верный член партии атлантистов, а точнее, просто безвольный и послушный раб США. Именно сегодня Европа должна наконец стать единой во всем своем разнообразии и во всем своем географическом и историческом масштабе, то есть объединиться с Россией — с самой большой и более европейской, чем сама «Европа», частью европейской цивилизации.

Речь, разумеется, идет не о мифическом «общеевропейском доме», который будет построен по западноевропейским образцам и неолиберальным чертежам, а управляться из Брюсселя, Берлина или Лондона. Такого дома никогда не будет — Россия больше не даст «перестраивать» себя «под Европу».

Россия, конечно, может просто ждать, когда миллионы коренных (и не только коренных) европейцев побегут на ее просторы спасаться. Более того, Россия должна на всякий случай (на случай глупого и безответственного поведения правящих европейских элит) готовиться к такому переселению европейских народов. Но все-таки сначала Россия обязана предложить «настоящим европейцам» искренний и бескорыстный (бескорыстный в смысле меркантильности, но не в желании спасти европейскую цивилизацию) союз во имя сохранения всей исторической Европы на всех ее исторических и географических просторах. Примет ли «Европа» предложение о создании такого союза или предпочтет погибнуть в одиночку?..

Я буду счастлив, если моя «Хартия…», очевидно, не бесспорная в некоторых положениях, найдет отклик, а еще лучше — поддержку среди ответственных и здравомыслящих общественных и политических деятелей и мыслителей как России, так и остальной Европы, среди настоящих европейцев, которые любят Европу не в ущерб России, а Россию — не в ущерб Европе, ощущают и тревоги нынешнего дня, и опасности грядущего (если «Европа» будет продолжать упорствовать в своих заблуждениях). Но тогда «Европа» исчезнет совсем, мы потеряем значительную часть исторического наследия Европы, и ареал европейской цивилизации резко сократится. И России придется взять на себя всю ответственность за сбережение остатков того, что когда-то было блестящей европейской цивилизацией.

Конечно, Россия это сделает! Но все-таки жалко «старушку Европу»…

Л. Л. Фитуни[1]

АСИММЕТРИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ВНЕШНЕМУ УПРАВЛЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЭЛИТАМИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ[2]

Одной из ключевых характеристик современного этапа перехода к полицентричному миру является постепенная утрата доминировавшими прежде «старыми» странами-лидерами (США и некоторые другие государства Запада) своих исключительных глобальных позиций[3]. Тем не менее западные державы пытаются по возможности удержать их, используя для этого как силовые, так и несиловые методы. Именно эта особенность современного мира ведет к снижению уровня предсказуемости и управляемости.

Неизбежно ли перерастание нынешней непредсказуемости и нестабильности мира в крупную войну? Если согласиться с тем, что ленинская теория империализма не есть нечто в корне неверное, то придется вместе с этим принять и его вывод: пока существует империализм, войны неизбежны.

Действительно ли его утверждение и в наши дни? Ведь, как известно, на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев «подправил» В. И. Ленина, пояснив, что указанное положение было абсолютно правильным для того времени, когда «1) империализм был всеохватывающей мировой системой и 2) общественные и политические силы, не заинтересованные в войне, были слабы, недостаточно организованы и не могли ввиду этого заставить империалистов отказаться от войн…» «Но в настоящее время, — продолжал в 1956 году Первый секретарь КПСС, — положение коренным образом изменилось. Возник и превратился в могучую силу мировой лагерь социализма. В лице этого лагеря миролюбивые силы имеют не только моральные, но и материальные средства для предотвращения агрессии… фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать — дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы»[4].

Применимо ли это положение сегодня? Это не праздный вопрос, поскольку напрямую связан с тем, насколько вероятно перерастание сегодняшней глобальной неопределенности в мировую войну. Во многом это вопрос о потенциале антивоенных сил в мире. «Могучего социалистического лагеря», на сдерживающую роль которого ссылался Н. С. Хрущев, больше нет. Его единство было разрушено в немалой степени усилиями самого Первого секретаря. Мощь и влияние антивоенного движения в мире в основном сошли на нет к концу периода правления М. С. Горбачева.

После распада СССР мир постепенно вернулся к предсказуемо детерминированным параметрам эпохи обострения межимпериалистических противоречий: 1) империализм в новых формах глобализации стал всеохватывающей мировой системой, а 2) общественные и политические силы, не заинтересованные в войне, ныне слабы, недостаточно организованны и ввиду этого вряд ли в состоянии «заставить империалистов отказаться от войн».

Перед общественными, и прежде всего политическими, науками со всей настоятельностью встает задача обновления теории империализма применительно к нынешним реалиям. При этом важно понимать, что прежние марксистские подходы уже не могут механистически применяться к реалиям нынешнего дня, но по-прежнему многое объясняют в нынешней динамике развития событий на международной арене.

Сегодня мы стесняемся лишний раз использовать термин «империализм». В отечественной политической и экономической науке это слово применительно к анализу современности едва ли не табуировано, а зарубежные источники — как претендующие на научность, так и массовые СМИ — используют его в основном с определением «российский».

В основе такого положения дел — опасения быть обвиненным в «идеологизации» научных исследований. Между тем объективная реальность показывает, что отождествление исследования современного империализма (не только «российского») с коммунистической идеологией — большое заблуждение и результат научной малограмотности.

Приведу любопытную цитату из книги В. В. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»[5]: «Немецкий оппортунист Гергард Гильдебранд, который в свое время был исключен из партии за защиту империализма, а ныне мог бы быть вождем так назы-

[1] Заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Член научного совета при Совете безопасности РФ. Автор более 280 научных работ, в т. ч.: «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» (в соавт.), «Африка и национальные интересы России» (в соавт.), «Африка: ресурсные войны XXI века», «Экономика международного терроризма», «Международное движение капитала в условиях глобализации», «Финансовый мониторинг» (учеб. пособие), «Теневой оборот и „бегство капитала“», «Преодолим ли голод? Ключевая проблема развивающихся стран» и др. Главный редактор журнала «Ученые записки Института Африки» и серийного издания «Глобальные и стратегические исследования». Член редколлегий 6 журналов (в т. ч. «Азия и Африка сегодня», Journal of Financial Crime, Journal of Money Laundering Control и др.). Заместитель председателя экспертного совета РГНФ по глобальным проблемам и международным отношениям. Президент московского Независимого центра документации по вопросам свободы, демократии и законности.

[2] Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2019 год «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России», подпрограмма «Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России».

[3] *Фитуни Л. Л.* Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 18–29.

[4] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стеногр. отчет. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 37–38.

[5] *Гильдебранд Г.* Потрясение господства промышленности и промышленного социализма (*Hildebrand G.* Die Erschutterung der Industrieherrschaft und des Industriesozialismus) (цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 402).

ваемой „социал-демократической“ партии Германии, хорошо дополняет Гобсона, проповедуя „Соединенные Штаты Западной Европы“ (без России) в целях „совместных“ действий... против африканских негров, против „великого исламистского движения“, для содержания „сильного войска и флота“, против „японо-китайской коалиции“ и пр.».

Если абстрагироваться от ленинской озабоченности внутрипартийными проблемами германской социал-демократии тех времен, то оказывается, что списки «глобальных вызовов» начала XX и XXI веков (с учетом поправок на современность и ситуативные конкретные условия сегодняшнего дня) мало отличаются друг от друга.

На острие повестки дня, как и сто лет назад: 1) объединение Европы без участия России; 2) противостояние исламизму и «африканским неграм» (сегодня последний аспект приобрел форму «проблемы африканской миграции»); 3) необходимость увеличения военных расходов (сегодня — НАТО) и распределения этого бремени между странами единой Европы; 4) угроза японо-китайской коалиции сегодня трансформировалась в угрозу необходимости Запада противостоять России и Китаю одновременно.

Конечно, есть и масса новых проблем: ядерное разоружение, изменение климата и многое другое. Однако и здесь, и там интересы правящих элит держав-гегемонов последовательно разрушают стабильность и предсказуемость в мире.

Сегодня трудно сказать, когда именно начались процессы расшатывания международного права и глобальной безопасности. Кто-то отсчитывает катастрофическое возрастание глобальной неопределенности от времени перерождения перестройки в развал Советского Союза, кто-то связывает эти процессы с приходом к власти в США нестандартно мыслящего и непредсказуемого президента Д. Трампа, соединившего для своей страны и для всего мира в одном «флаконе» аромат волюнтаризма Н. С. Хрущева, М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина.

Так или иначе, сегодня мало кто сомневается в том, что грядущий мир становится все менее предсказуемым, а уровень глобальной неопределенности нарастает даже по сравнению с последним десятилетием холодной войны.

Между тем с окончанием последней, казалось, дело шло, наоборот, к тотальной предсказуемости и концу истории[1]. Ведь утверждалось, что с реставрацией капитализма на территории бывшего СССР демократия и либеральные подходы к мировому развитию продемонстрировали свою историческую безальтернативность.

Уильям Кристол и Роберт Каган предначертали граду и миру необходимые контуры глобальных трансформаций в проекте «Новый американский век»[2], заложив в его основу концепцию «всеобъемлющего доминирования» («full spectrum dominance») США. В новом предсказуемом и управляемом мире у этого гегемона не должно быть соперников ни на суше, ни на море.

В рамках концепции «всеобъемлющего доминирования» воздушное, космическое, экономическое и политическое господство США в мире было обеспечено. Гарантом этого, по мнению Ричарда Перла[3] и Пола Вулфовица[4], выступает военная доктрина победоносного упреждающего ядерного удара («first strike winnable nuclear war»). Основные положения так называемой доктрины Вулфовица и ее дальнейшего развития — доктрины Дж. Буша-младшего, несмотря на изначальную волну негодования и критику даже со стороны представителей американского истеблишмента (сенатор Эд. Кеннеди квалифицировал их как «воззвание американского империализма XXI века, которое ни одна нация не может и не должна принять»[5]), последовательно реализуются по сей день.

Ключевые пункты, прописанные Вулфовицем (тогда заместителем министра обороны США) и его подчиненным Льюисом Либби в 1992 году в «Руководстве по оборонному строительству» и донесенные до всего человечества «Нью-Йорк таймс» постулируют:

«В мире господствует одна сверхдержава…

США должны демонстрировать лидерство, необходимое для установления и защиты нового порядка, который обещает убедить потенциальных конкурентов в том, что им **не нужно стремиться** к большей роли или занятию более агрессивной позиций для защиты своих **законных интересов**. В областях, не связанных с обороной, мы должны в достаточной степени учитывать интересы **развитых** индустриальных стран, чтобы не поощрять их бросать вызов нашему руководству или пытаться свергнуть установившийся политический и экономический порядок. Мы должны установить механизм, отваживающий потенциальных конкурентов даже от помыслов о более значительной региональной или глобальной роли (выделено мной. — *Л. Ф.*)»[6].

Другими словами, США устанавливают незыблемую мировую иерархию с собой во главе. В ее рамках Вашингтон готов до определенной степени учитывать интересы развитых стран (читай — Запада). Остальные государства не имеют права даже помышлять о защите своих интересов, будь они даже абсолютно законными и естественными.

Переход к предсказуемому и стабильному миру нового американского века должен был происходить плавно, гладко, но в то же время динамично. Остаточные неровности на магистральном пути к свободе, свету в виде огромного числа недемократизированных пока стран мира планировалось «закатать асфальтом народных революций и восстаний», которые неизменно заканчивались бы сменой режима.

---

[1] *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N. Y. : Free Press. 1992.

[2] http://www.newamericancentury.org (дата обращения: 28.01.2019).

[3] Perle, a Pentagon adviser, sees more preemption in future // International Herald Tribune. P., 2003. Apr. 12. URL: http://www.iht.com/articles/93022.html (дата обращения: 08.03.2019).

[4] *Tyler P. U. S.* Strategy Plan Calls for Insuring No Rivals Develop: A One-Superpower World // New York Times. 1992. March 8. URL: https://www.nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html (дата обращения: 08.04.2019).

[5] Цит. по: *Caputo Leiva O.* The World Economy and the United States at the Beginning of the Twenty-first Century // Latin American Perspectives. 2007. Vol. 34, № 1. P. 9–15.

[6] https://www.nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html ; https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf (дата обращения: 08.04.2019).

В последние годы Запад все шире использует асимметричные и гибридные методы, занимающие промежуточное место между силовыми и несиловыми средствами давления. К таким, можно сказать, «парасиловым» методам относятся различные односторонние или групповые санкционные механизмы, правовые рестрикции и угрозы экспроприации собственности в отношении представителей национальных элит. Большую роль в наборе прикладных инструментов воздействия играют действия по маргинализации оппонента, его очернению, запуску мощных потоков разноречивой информации с огромной долей негатива, которая, даже будучи впоследствии опровергнутой, оставляет за собой шлейф подозрений в отношении объекта информационных атак.

При прочих равных условиях бóльшую роль играет работа с национальными элитами «восходящих» держав — «новых игроков», претендующих на значимые позиции в полицентричном мире, а также просто стратегически или геополитически важных стран Африки, Ближнего Востока, постсоветского пространства и других регионов мира.

В марте этого года на одном политическом форуме я услышал из уст влиятельного еврочиновника из страны с гордым колониальным прошлым следующее: «В этом регионе мира мы настолько эффективны, что местные лидеры соревнуются в том, чтобы продать себя раньше и дешевле остальных». В интонациях оратора не звучало ни презрения, ни высокомерного цинизма. Для него сказанное было констатацией факта, резюме отчета об успешно выполненной работе.

Следует оговориться, что принципиальной исторической новизны ни в сути, ни в оценке описываемой оратором ситуации нет. Такое в мире случалось и ранее. Схожим образом, например, можно было охарактеризовать модель поведения представителей местной знати в многочисленных африканских «королевствах», султанатах и «независимых государствах» накануне Берлинской конференции 1884/85 года — той самой, которая считается пиком «схватки за Африку» и на которой европейские колонизаторы окончательного поделили между собой Черный континент по параллелям и меридианам.

О деструктивной роли местных элит (в те времена это были в основном местные военные элиты и племенная знать) в колониальном разделе мира английский исследователь империализма Гобсон в начале XX века писал: «Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами»[1].

В наше время состав национальных элит расширился и количественно, и структурно. Политические, экономические, культурные элиты в государствах, представляющих геополитический интерес или являющихся глобальными конкурентами, становятся объектами манипуляции и давления Запада.

Целенаправленная поддержка Западом оппозиционных и антиправительственных сил в национальных элитах неоднократно приводила к смене правящих режимов в обход избирательного процесса, к цветным революциям, а во многих странах Ближнего Востока — к катаклизмам «арабской весны» и ее постэффектам.

В современном сложно структурированном мире как в развитых, так и в развивающихся странах национальные элиты неоднородны. Разные группы элит сильно различаются по степени влияния. Уровень влияния элиты, ее иерархическая «высота» нередко отражается в наименовании: мировая, региональная (например, элита Евросоюза), национальная (страновая), локальная (местная) элита. В России и ряде постсоветских республик термин «национальная элита» нередко используется для обозначения этнических элит (например, элиты титульных народов автономных республик). В этой статье мы используем определение «национальная» в стандартном международном понимании, то есть как относящаяся к какому-то определенному государству.

Существует множество критериев, по которым современная наука типологизирует национальные элиты. В академической литературе и политической публицистике едва ли не самой распространенной является классификация, в основу которой положена дифференциация элит в соответствии с видом профессиональной деятельности (военная, научная, судебная, театральная и т. п.) или с устоявшейся ролью их представителей в общественно-политической жизни государства, фактически тоже профессиональной, но в более широком смысле (политическая, культурная).

Как правило, профессиональная типологизация элит в силу своей относительной конкретности оказывается более объективной и более четко очерчивает границы конкретной элитной группы, чем многие другие. Однако существуют и иные классификации, с более расплывчатыми границами элит и массой взаимно перекрывающихся сегментов, например: патриотическая и компрадорская, властная и оппозиционная. Определить принадлежность или отнести какие-то лица или группы граждан государства к любой из них — действие достаточно субъективное. Дело в том, что нередко разные группы людей в зависимости от их позиций, мировоззрения и жизненного опыта могут считать одни и те же поступки или взгляды представителей элит и патриотическими, и предательскими. Кроме того, в научной литературе встречается много градаций, категорий и подкатегорий элит[2].

Чтобы санкции или другие репрессивные меры в отношении национальных элит привели к желательному эффекту, стране-репрессору необходимо обеспечить выполнение двух обязательных условий. Во-первых, нужно правильно определить фокусный слой внутри элиты, который был бы в состоянии стать ведущей силой по смене курса (режима) и, если не удастся решить

[1] «Great Britain has gone farthest. Most of the fighting by which we have won our Indian Empire was done by natives; in India, as later in Egypt, great standing armies were placed under British commanders; almost all the fighting associated with our African dominions, except in the southern part, was done for us by natives» (см.: *Hobson J. A.* Imperialism: A Study. Originally published by George Allen & Unwin LTD in 1902. Reprint 2002. N. Y. : Cosimo Inc., 2005. P. 136–137).

[2] Подробнее см., например: *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005.

задачу путем «дворцового переворота», мобилизовать против действующей власти «народные массы». Это означает, что фокусная группа должна быть, с одной стороны, достаточно сильна для коллективного воздействия на власть, а с другой — манипулируема настолько, чтобы решиться на рискованные действия.

Например, вводимые адресные санкции должны ущемить жизненные интересы этой части элиты настолько, чтобы заставить ее с риском для себя пойти против существующей власти и добиваться смены политической линии страны или ее высшего руководства. Другими словами, сила и характер санкций должны быть такими, чтобы оказавшиеся под их угрозой представители элиты опасались бы их больше, чем наказания со стороны национальных властей. Сочетание страха перед санкциями и опасения неизбежной кары со стороны властного режима за свое предательство лишь усиливает возможности для внешнего политического манипулирования таргетируемыми слоями национальных элит. Повышается их «усердие» по понуждению руководства страны к изменению курса. В более сложных случаях на эту часть элит манипуляторами возлагается задача обеспечения смены режима без прямого военного вмешательства извне. Эти методики лежат в основе многих удачных сценариев так называемого народного волеизъявления — от распада СССР до успехов технологии цветных революций во многих частях планеты.

Если таргетированные манипуляторами слои национальных элит начали активные практические действия по смене режима, но не смогли самостоятельно решить поставленную задачу, то, как показывают примеры Ливии, Сирии, Йемена и других стран, может последовать прямое военное вмешательство извне. В этом случае изначальные санкции и другие манипуляционные меры будут служить делу легитимизации внешней агрессии, камуфлируемой под поддержку народа, восставшего против репрессивного, коррумпированного, или антидемократического, режима на борьбу с диктатурой и т. п.

Национальные элиты уязвимы для политического манипуляционного воздействия извне в разной степени. Степень этой зависимости определяется конкретными условиями их формирования и особенностями социально-экономического развития их государств. В условиях глобализированного мира, где по сравнению с прежними временами для всех акторов очень высок уровень свободы трансграничных действий (будь то инвестирование, миграция, международные аресты или конфискации), возросли и возможности манипулирования элитами. Болевыми точками для манипулирования представителями последних становятся сохранность их иностранных вложений, судьба заграничной недвижимости, возможность для детей и родственников быть резидентами иностранных юрисдикций, внешнее покровительство, «страхующее» от ареста, и т. п. Неудивительно, что национальные элиты становятся объектом для потенциального внешнего давления. Сила санкционного давления определяется опытным путем. При недостаточности первичных санкционых мер сила давления может постоянно увеличиваться в пределах, определяющихся экономическим и (или) геополитическим потенциалом страны-репрессора.

Какие именно слои национальной элиты представляют особый интерес для внешнего политического манипулирования?

Как видно из предшествующего рассмотрения, детерминантами выбора являются: а) способность объекта манипулирования исполнить волю манипулятора и б) наличие у объекта достаточных побудительных стимулов (позитивных или негативных) к ее исполнению. При этом фундаментальными стимуляторами для всех социальных слоев и групп будут инстинкт самосохранения (групповой и индивидуальный), властные амбиции и материальные соображения (сохранение или приумножение имеющихся активов всех видов).

Если принять во внимание эти соображения, то приближенные к власти слои элиты выглядят для манипуляторов более привлекательным объектом давления, чем оппозиционные, или контрэлиты. Оппозиционная элита — часть национальной элиты, борющаяся за власть в рамках существующей политической системы (например, элита лейбористов во время правления консерваторов в Великобритании, в Южно-Африканской республике — представители национальной элиты из партий, противостоящих Африканскому национальному конгрессу). В странах Ближнего Востока и Африки оппозиционные элиты обычно слабо консолидированы, но амбициозны и нередко легко идут на сотрудничество с внешними силами в надежде на их поддержку в борьбе за власть.

В тех странах рассматриваемых регионов, где существуют многопартийные политические системы, члены парламентов от оппозиционных партий являются составной частью существующей политической системы. В той или иной степени вольно или невольно они легитимизируют существующую власть, и многие заинтересованы в ее сохранении. При этом за редким исключением в политическую элиту страны они входят лишь постольку, поскольку являются членами парламентов либо занимают другие значимые позиции в политической системе.

О. Крыштановская[1] и В. Очирова противопоставляют оппозиционной элите контрэлиту. Она (контрэлита) — не правящая группа в обществе, а потому готова и даже стремится к изменению существующей в государстве политической системы. Как замечает В. Очирова, контрэлита претендует на высокий или даже доминирующий статус при декларируемой оппозиционности по отношению к лидерам элиты или даже всей элите в целом[2]. В странах Африки и Ближнего Востока контрэлиты для достижения своих целей готовы к сотрудничеству с внешними силами и охотно принимают правила игры политических манипуляторов Запада.

При наличии несомненных преимуществ в работе зарубежных манипуляторов с оппозиционными и контрэлитами есть и минусы. Главный из них — отстраненность этих частей национальной элиты от реальной власти в стране и затрудненный доступ к ее высшему руководству. Это практически исключает

[1] *Крыштановская О.* Указ. соч.

[2] *Очирова В.* Структура политической элиты // Вестник ЧитГУ. 2010. № 7. С. 78.

смену режима по сценарию «дворцового переворота» в целевой стране представителями этих групп элит.

В связи с этим более эффективна опора на представителей властных элит и особенно местного олигархата. Сверхбогатые представители национальных элит (местный олигархат) практически всегда встроены в структуры мировых элит. Они сильно зависят от глобального истеблишмента и стремятся сохранить в нем свое положение. В отношении них санкционные меры и требования отчетности о происхождении их богатства являются мощным орудием политического и индивидуального манипулирования. Учитывая, что число миллионеров и миллиардеров во многих государствах, в том числе в самых бедных странах Африки и Ближнего Востока, растет, усложняются их взаимоотношения с властью, с внешними силами и внутри своего круга, объективно расширяются и возможности манипулирования: шантажа, игры на противоречиях, прямого подкупа и т. д.

Согласно докладу Boston Consulting Group о богатстве в мире, опубликованному в июне 2018 года, миллионерам и миллиардерам в настоящее время принадлежит почти половина мирового личного богатства, по сравнению с чуть менее 45 % в 2012 году[1]. В составе инструментов манипуляционного прессинга в отношении этой части национальных элит чрезвычайно важная роль принадлежит глобальному информационно-коммуникативному воздействию на объект манипулирования[2]. Последний в силу своего положения как значимой публичной персоны оказывается под огнем информационных атак и угрозой репутационных потерь практически круглосуточно и в любой точке мира.

Сегодня ушли в прошлое декларировавшиеся некогда «незыблемыми» принципы капиталистической свободы зарабатывать и бесконтрольно распоряжаться своими деньгами. В мире все более распространяются различные формы контроля над индивидуальным богатством, декларируется требование к чистоте происхождения состояния и транспарентности источников доходов. Эти — на самом деле справедливые — требования превратились в эффективное орудие манипулирования бизнес-элитами стран Азии и Африки и давления на политических деятелей и деловую элиту. В некоторых случаях надуманные обвинения в неясности происхождения доходов или недостаточной транспарентности структур собственности превращаются в инструмент международной коммерческой конкуренции.

Власти развитых стран требуют соблюдения прозрачности не только при операциях с собственностью в реальном секторе экономики, но и в деле хранения средств на банковских счетах и даже при использовании виртуальных расчетных единиц, включая криптовалюты.

Ясное ви́дение распределения богатства и контроль над ним со стороны правительств имеют важное значение для власти. Государство не может позволить себе оставить этот важный ресурс полностью в руках частных лиц из страха перед их непредсказуемо независимым поведением. Оно опасается, что богатство как ресурс может попасть под чужой контроль. В то же время, контролируя движение финансовых средств, состав и объемы собственности иностранных юридических и физических лиц, выявляя конечных бенефициаров в различных трансакциях, государство приобретает информационные и иные рычаги давления на собственников и политического манипулирования ими.

Такое политическое манипулирование, санкционное давление и правовые рестрикции в отношении национальных элит создают существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления. В глобальном плане происходит расшатывание устоявшихся правовых, политических, экономических, культурных и гуманитарных основ международных отношений. Рушатся долго и трудно выстраивавшиеся взаимосогласованные инструменты и институты глобального сосуществования и взаимодействия государств. Нарастает нестабильность, чреватая катастрофическими международными последствиями.

В глобальных масштабах набирает силу феномен односторонней корректировки Соединенными Штатами и рядом стран Запада правил «легитимного» поведения в мире, изменения сложившихся в нем финансово-экономических и регуляторно-правовых правил игры и подрыва некоторых институтов управления.

В условиях резкого обострения противостояния ведущих стран Запада России они активно используют новые и совершенствуют старые инструменты давления на разные слои российского общества с целью добиться желательных Западу изменений в балансе политических сил в стране, ограничить возможности ее экономического роста и модернизации экономики, подъема уровня жизни основной части населения. Сам факт укрепления экономических и внешнеполитических позиций России, улучшения ее международного имиджа и влияния рассматривается как вызов и угроза сложившемуся после развала СССР миропорядку. В составе средств сдерживания «российской угрозы» большое внимание геополитические конкуренты уделяют мерам санкционного и иного давления на экономическую, политическую и культурную элиты страны в надежде побудить их представителей к действиям, направленным на смену политического курса Российской Федерации. Давая оценку этим веяниям, президент России назвал санкции древним инструментом, который «применяется многими, в том числе американскими партнерами». «Просто это способ конкурентной борьбы — нелегитимный, нечестный, но это так», — пояснил В. В. Путин, добавив, что это также является «попыткой сдержать рост обороноспособности нашей страны»[3].

В связи с этим перед российской наукой встает задача обобщить существующую мировую практику в рассматриваемой области и проанализировать источники, характер и типы санкционных угроз в отношении элит и международного опыта противодействия нелигитимному давлению в странах Африки, Ближнего Востока, Содружества Независимых Государств и других регионах мира.

---

[1] https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2018/global-wealth-seizing-analytics-advantage.aspx (дата обращения: 18.03.2019).

[2] *Фитуни Л. Л., Абрамова И. О.* Политическое манипулирование национальными элитами — средство сохранения существующего миропорядка // Ученые записки Института Африки РАН. 2018. № 3 (44). С. 11–17.

[3] Цит. по: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a9fa61c9a794768526e548f (дата обращения: 20.03.2019).

Т. Я. Хабриева[1]

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ФОКУСЕ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Юридическая наука сегодня становится все более восприимчива к достижениям других отраслей научного знания, как естественного, так и гуманитарного[2]. Правоведы в процессе доктринального освоения явлений и процессов, функционирующих и протекающих в государственно-правовой сфере, все чаще используют понятийно-категориальный аппарат, результаты исследований и методологический инструментарий других наук (философии, социологии, психологии, физики, химии и др.). Это позволяет обогатить методологию юридических исследований, расширить их теоретическую и эмпирическую базы, в новых ракурсах увидеть изучаемые объекты, вследствие чего получить новые данные о закономерностях их развития и приумножить доктринальное знание. К тому же такой подход, преодолевающий жесткие границы отраслевой обособленности, дает возможность развивать новые междисциплинарные направления в науке.

К осмыслению правовых явлений современного мира можно подходить с разных позиций. Любопытная картина открывается при использовании *сюжета* и *фабулы* в качестве инструментальных литературных категорий наряду с известными категориями «сущность» и «явление», «содержание» и «форма», «материя», «пространство», «время» (при этом они приобретают методологическое значение, так как применяются в качестве познавательного инструмента). В этом случае ход событий *(сюжет)*, связанных с констатированным философами изменением технологического уклада жизни общества и переходом человечества к новому типу цивилизационного развития, рассматривается в контексте основного конфликта *(фабулы)*, имеющего социально-гуманитарное содержание, который по ходу этих событий развивается. Данный ракурс вновь актуализирует рассмотрение права, его роли и возможностей как важнейших средств разрешения социальных конфликтов и противоречий, преодоления или снижения их остроты.

Современная наука объясняет процессы мирового развития, руководствуясь принципом *поликазуальности* (многопричинности). В связи с этим выделяется целый ряд факторов, оказывающих на него воздействие и (или) детерминирующих его. В их числе цивилизационные кризисы (экологический, антропологический и пр.), процессы глобализации и деглобализации, технологический прогресс. Комбинация факторов не статична, роль и значение того или иного фактора меняются с течением времени.

Результаты фундаментальных исследований дают основания для вывода, что ведущим фактором общественного и мирового развития становятся технологические инновации, оказывающие решающее воздействие на общество, основные сферы его жизни. Их стремительное приращение происходит в широком диапазоне (информационно-коммуникационные, нано-, био- и когнитивные технологии), а интенсивное распространение детерминирует глобальные общественные трансформации, обусловливающие вектор и тренды в эволюции человеческой цивилизации.

Новые технологии меняют сферы и способ производства (причем не только продуктов питания, материальных благ, но и самого человека), распределения, потребления, социальной коммуникации и управления,

---

[1] Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель Президента РАН, академик РАН, профессор кафедры конституционного права МГИМО (Университет) МИД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Конституционная реформа в современном мире», «Венецианская комиссия как субъект интерпретации права», «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика», «Национально-культурная автономия в Российской Федерации», «Теория современной конституции» (в соавт.); «„Цветные революции“ и „арабская весна“ в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование» (в соавт.), «АСЕАН — движущая сила региональной интеграции в Азии» (в соавт.), «Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей» (в соавт.) и др. Главный редактор «Журнала российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», член редакционных советов журналов «Государство и право» и «Конституционное и муниципальное право». Представитель РФ в Венецианской комиссии Совета Европы (Европейской комиссии за демократию через право). Действительный член Международной академии сравнительного права. Член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции; член Комиссий при Президенте РФ по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров, по государственным наградам; член Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности; член Правительственной комиссии по проведению административной реформы; член Экспертного совета Управления Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан; член Научного совета при Совете безопасности РФ и др. Заместитель председателя Международного союза юристов; член Президиума Ассоциации юристов России. Награждена орденами «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, орденом Почета, орденом Дружбы и др. Почетный доктор СПбГУП.

[2] Так, в методологии юридической науки нашли отражение идеи философов о типах научной рациональности и научной картине мира, роли культуры в развитии человеческой цивилизации, государства и права, сложных человекоразмерных системах и закономерностях их развития, основных противоречиях современной эпохи и смене ценностей, новых векторах, возможных сценариях цивилизационного развития, понимании человека (на фоне открывшихся возможностей доведения человека до уровня машины и машины до уровня человека) и др. Востребованными оказались выводы экономистов, социологов и психологов о специфике современного общества (постиндустриального, цифрового, программируемого), изменении его структуры (появлении сетевых сообществ, новых социальных страт, установлении новых и коррекции сложившихся связей между социальными общностями и их членами), особенностях волеобразования в нем (об отличительных признаках мышления современного человека, индивидуального и общественного сознания, влиянии современных информационно-коммуникационных технологий на формирование мировоззрения, о механизмах образования индивидуальной и «общей» воли, посредничестве в процессах волеобразования и волеизъявления в виртуальном пространстве), роли личностного субстрата в правообразовании (об изменениях в понимании личности, новых лицах — нечеловеческих сущностях, различиях потенциальных и фактических возможностей людей, их объединений и компьютерных программ участвовать в этом процессе). В категориальной матрице правоведения все чаще фигурируют в качестве операциональных фундаментальные понятия культурологии, физики и даже химии (сложные саморегулируемые системы, фазовый переход, алгоритм, программный код, традиция).

расширяют состав субъектов социального и правового взаимодействия и, как следствие, ведут:

— к деформации универсальных ценностей и жизненных смыслов (человек, природа, деятельность, традиции и новации, личность, рациональность, власть);

— изменению социальной структуры (на смену классам, социальным стратам приходят сетевые сообщества), размыванию традиционных общественных институтов (например, семьи);

— ослаблению социальных связей, атомизации индивидов;

— доминированию в социальной жизни отношений, связанных с формированием человеческого капитала;

— переходу (начавшемуся, но еще не завершившемуся[1]) к новому технологическому и экономическому укладу жизни общества, новой «социально-экономической формации».

Таким образом, в самом общем виде технологический сюжет в мировом развитии состоит в том, что человеческая цивилизация и общество (как сложные саморазвивающиеся системы) в результате технологического прорыва перешли в стадию качественных перемен — «фазового перехода»[2], «сдвига в цивилизации» (именуемого Э. Ласло макросдвигом[3]), за которым последует утверждение нового типа общества (общественно-экономической формации) и вектора цивилизационного развития.

Его особенность состоит в том, что «экспозиция» и «завязка» (как элементы сюжета) уже известны и более или менее понятны, но сценарии развития действия, его «кульминация», а тем более «развязка» и «постпозиция» неясны. Они весьма вариативны, точно не определены и не предустановлены.

Очертания нового (будущего) общества, его экономической основы, социальной структуры (несмотря на множество футурологических предсказаний) еще не видны (даже институты РАН пока воздерживаются от сколько-нибудь конкретных прогнозов[4]). Есть разные предположения, согласно некоторым из них экономическим базисом нового общества будет «цифровая экономика», а само оно приобретет качества программируемого. К тому же ожидаются существенные изменения в его структуре, социальном регулировании, системе ценностей и др.[5] Однако судить об их достоверности пока затруднительно. Они, как и положено, носят вероятностный характер. Верифицировать их позволит время, являющееся «предпосылкой развертывания сюжета».

Причины существующей неопределенности состоят в том, что:

— во-первых, фазовый переход включает три стадии; более или менее четкие очертания качественно нового состояния системы можно фиксировать только на третьей (последней) стадии, когда из всех конкурирующих сценариев уже выделился доминирующий, развитие системы (в нашем случае — общества) уже подчинено ему и пройдена точка невозврата[6]. В настоящее время, по оценкам ученых, человеческое общество находится на первой стадии фазового перехода, когда еще только начинают формироваться конкурирующие сценарии дальнейшего цивилизационного и общественного развития. Поэтому любые прогнозы весьма вероятностны, вариативны и их трудно верифицировать в данный момент времени;

— во-вторых, сложно спрогнозировать дальнейшее приращение и «поведение» конкретных технологий, их вектор, масштаб, а также последствия для человека и общества. Достоверной и достаточной информации об этом мало, и она доступна посвященным — ограниченному кругу специалистов, которые не спешат ее раскрывать;

— в-третьих, современные прогнозы строятся преимущественно на основе метода экстраполяции. Фазовый переход является той точкой (в терминологии других современных концепций — это точка технологической сингулярности[7]), за которой экстраполяция теряет всякий смысл, так как в качественно новом состоянии системы ранее сложившиеся тенденции, механизмы, закономерности и программы уже не воспроизводятся, а развитие системы происходит согласно новой логике. Данное обстоятельство также осложняет научное предвидение сценария будущего развития общества.

В то же время утверждение в науке идей конструктивизма, постулирующих, что будущее не столько теоретически предсказывается, сколько практически шаг за шагом создается, нацеливает на управление протекающими процессами, создание новых и адаптацию к изменившимся условиям традиционных инструментов. Одним из них является право, имеющее свойство опережающего отражения действительности и конструирования социальной реальности. Именно на него

[1] Переходное состояние характеризуется: 1) одновременным существованием двух технологических и экономических укладов — привычного, давно сложившегося и нового, нарождающегося под воздействием стремительного развития и проникновения во все сферы жизни общества прежде всего новых информационно-коммуникационных и цифровых технологий; 2) постепенным изменением баланса между ними в сторону последнего, усилением тенденции к смене одного другим.

[2] См.: *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.

[3] *Ласло Э.* Макросдвиг. М. : Тайдекс Ко, 2004. С. 16–21. Макросдвиг в терминологии Э. Ласло — это бифуркация в динамике эволюции общества, человеческой цивилизации в ее квазицелостности.

[4] См.: Перспективные проекты XXI века: конструирование современной социальной реальности / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Вече, 2018. Т. 1.

[5] См.: *Хабриева Т. Я.* Правосудие в социогуманитарном дискурсе глобальных общественных трансформаций // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке. 2018. № 2 (11). С. 17–23.

[6] См.: *Степин В. С.* Указ. соч.

[7] Термин «сингулярность» заимствован у математиков и астрофизиков, которые используют его при описании космических черных дыр и в некоторых теориях начала Вселенной. В данном понимании впервые термин «сингулярность» был употреблен в середине XX века Джоном фон Нейманом (см.: *Neumann J. von.* Mathematical Foundations of Quantum Mechanics. Princeton Univ. Press, 1955). Он использовал его в математическом, а не в астрофизическом понимании, то есть как точку, за которой экстраполяция начинает давать бессмысленные результаты. Об этом писал Вернор Виндж, которому обычно приписывают авторство этого термина (см.: *Vinge V.* The Coming Technological Singularity. 1993). Научным обоснованием наступления сингулярности активно занимался Рэймонд Курцвейл (*Kurzweil R.* The Singularity is Near. N. Y. : Viking Books, 2005). См. также: *Панов А. Д.* Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания // Метафизика. 2013. № 3 (9). С. 141–188.

правоведы (и не только) возлагают большие надежды, связанные с дальнейшим упорядочением и контролем над происходящими общественными трансформациями, социально-экономическим и технологическим прогрессом.

Современным трендом технологического развития является конвергенция инноваций, образующих так называемую большую четверку конвергентных (или конвергирующих) технологий, обозначаемую аббревиатурой NBIC-технологии (нано-, био-, информационно-коммуникационные, когнитивные).

Конвергенция технологических инноваций предполагает, что атомы, цепи, код ДНК, нейроны и биты будут взаимозаменяемыми[1]. Это дает основания прогнозировать, что продуктом технологических практик и их конвергенции станет вездесущая реальность гибридов природы и культуры, квазиобъектов, «граничных» объектов или «субъект-объектов», которые «перешагивают через барьеры между культурой и природой, деятелем и материалом»[2]. Такого рода конвергенция (конвергенция на наноуровне) постепенно приобретет черты всеобщей закономерности бытия не только человека, но и сложных человекоразмерных систем, в частности права.

Философы связывают с развитием конвергентных технологий перспективу создания: 1) техномиров, разумных и саморазвивающихся, в которых антропосфера в трансгуманистическом пределе может ими поглощаться; 2) нейромиров, обеспечивающих уход от контакта с материальной реальностью в виртуальные миры, несущих угрозу диссоциации субъектности человека в сетях киберклонов и аватаров, с которыми человек может сотрудничать, соперничать или полностью раствориться в них. NBIC-технологии являются посредниками и фундаментом этих двух миров и существующей реальности[3].

Данные констатации, выводы и прогнозы имеют принципиальное значение для юридической доктрины, так как содержат указание на реальные и потенциальные изменения общенаучной картины мира, что повлечет за собой изменение картин мира, сформированных различными отраслями научного знания, в том числе юридической наукой.

Юридическая доктрина воспринимает фактор конвергентных технологий дифференцированно. Вследствие этого в правоведении сформировался «шаблон», согласно которому право отвечает (должно отвечать) на вызовы развития каждого вида технологий в отдельности[4]. В настоящее время в юридическом дискурсе «лидирует» проблема цифровизации (цифровых технологий), которая нередко превалирует над другими аспектами изменения технологического уклада жизни общества, оставляя на втором плане (но не без внимания) правовые проблемы развития био-, нано- и когнитивных технологий.

В связи с этим технологических сюжетов, оказавшихся в фокусе правовой доктрины, много: цифровизация, искусственное улучшение человека, технологии манипулирования общественным сознанием и др. Соответственно, выявлено немало различных противоречий, как прослеживаемых в отдельно взятых сюжетных линиях, так и характерных для целой группы сюжетов.

Так, в процессе доктринального освоения цифровизации обнаружились противоречия:

— между потребностью в правовом опосредовании общественных отношений, складывающихся в ходе распространения и использования цифровых технологий, с одной стороны, и их правовым регулированием — с другой;

— стратегией жесткого всеобъемлющего государственного регулирования соответствующих отношений и потребностью практики в гибких регуляторах;

— целью и объектом регулирования, с одной стороны, и применяемыми правовыми средствами и инструментами — с другой; и др.

В современных условиях в связи с развитием конвергентных технологий многие сюжетные линии сошлись в одну, в рамках которой развивается более масштабное противоречие, проистекающее из того обстоятельства, что технологические инновации во многом лишены социально-гуманитарного содержания. Это противоречие, по сути, редуцировано к сугубо технонаучному аспекту. Данное обстоятельство чрезвычайно важно иметь в виду для понимания «фабулы» и специфики той качественно новой ситуации, в которой оказались человечество, общество и его системы.

Указанное обстоятельство ориентирует на интегральное восприятие технологических сюжетов, сводимых в данном случае к развитию конвергентных технологий. Происходящие метаморфозы реальности актуализируют и обостряют философские проблемы права, служат предпосылкой к переосмыслению его сущности, роли и значения в жизни современного общества, обусловливают постановку ряда вопросов, касающихся прежде всего следствий технологического прогресса для человека, правовой реальности и правового бытия права. Некоторые ученые даже заявляют о зарождении нового права — «права второго модерна»[5].

---

[1] *Bouchard R.* BioSytemic Synthesis // Science and Technology Foresight Pilot Project, STFPP Research Report. Ottava, 2003. June. № 4.

[2] *Дэвис Э.* Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург : Ультра : Культура, 2008.

[3] В. И. Аршинов и В. Г. Буданов заявляют также о необходимости третьего, вечного проекта, именуемого ими «Возвращение в Эдем». Он — основа христианского (и не только), гуманистического мировоззрения. Здесь человек преобразует не природу и материю, а себя через духовные культурные практики, восходя к человеку целостному, совершенному, соединяясь с ноосферой (см.: *Аршинов В. И., Буданов В. Г.* Парадигма сложностности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70).

[4] При этом юридическая наука пока не видит принципиальной разницы между процессами взаимодействия права с NBIC-технологиями и другими технологическими инновациями, например такими, как технологии конституционных преобразований (оказывающие возмущающее воздействие на право, играющие значительную роль в общественной организации, но не влекущие изменения вектора эволюции человека и его цивилизации). На данное обстоятельство автор обращал внимание в своих выступлениях и публикациях, призывая к отказу от одностороннего подхода к изучению влияния технологического фактора на право (см. подробнее: *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16).

[5] *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html.

В связи с этим актуальной является постановка следующих вопросов:

1) каковы сегодня возможности права для упорядочения и регулирования процессов развития новейших технологий и обусловленных ими общественных трансформаций;

2) сохранит ли право свою роль в общественной жизни и в каких пределах оно будет опосредовать общественные отношения в новой модели общественной организации;

3) что станет с идеей права, его содержанием и формой в будущем, когда новейшие технологии станут обыденным атрибутом жизни людей;

4) какие стратегии и тактики наиболее пригодны для адаптации права к новым условиям?

На наш взгляд, авторитет права, его роль и значение по-прежнему велики, несмотря на отмеченные негативные явления. Можно констатировать, что альтернативы праву как универсальному социальному регулятору нет. Не просматривается она и в отдаленной перспективе. Конвергентные технологии работают на укрепление идеи права. Они являются фактором, объективно и многократно увеличивающим роль и значение права в жизни каждого человека и общества, повышающим их авторитет. Право является тем социальным регулятором, который позволяет защитить человека не только от физического насилия и нелегального государственного принуждения, но и от насилия технологического, объединяющего эффекты действия конвергентных технологий[1].

По сути, у права появляется новая миссия — сохранение человека как биологического вида и обеспечение мирного сосуществования, гармоничной коммуникации людей и «субъект-объектов» (гибридов), созданных и социализированных в результате применения конвергентных технологий (генно-модифицированных индивидов, роботов-агентов, цифровых сущностей и др.). Эта задача едва ли по силам другим социальным регуляторам (морали, религии), так как роботы, цифровые сущности, как бы они ни были запрограммированы и какой бы информацией ни были оснащены, не способны мыслить в системе человеческих ценностей, генерировать их и использовать в качестве ориентира, меры и масштаба поведения. Эксперты утверждают, что не под силу это и искусственному интеллекту[2].

Таким образом, возникает вопрос о выборе стратегии правового опосредования складывающихся отношений.

Реагируя на происходящие изменения, государства наращивают правовое регулирование динамично развивающихся общественных отношений, сопряженных с приумножением и использованием новых технологий. Одновременно идет поиск новых решений и моделей социальной регуляции, предполагающих повышение роли внеправовых регуляторов, конструирование оригинальных механизмов их взаимодействия с правом, укрепление связи юридических норм с культурой конкретного общества.

Причем эта проблема уже вышла из разряда сугубо философско-правовых и теоретических. Путем эмпирических исследований зафиксировано протекание процесса формирования новой модели социального регулирования, в которой меняется соотношение права, морали и религии, трансформируется «трансграничный» режим их действия на «линии соприкосновения», углубляется взаимное вхождение в предметы друг друга. Этот процесс сопровождается морализацией права, становлением нового регулятора — так называемой легальной этики, распространение которой инициировано международно-правовыми актами[3].

Философское осмысление данного явления в контексте онтологии права приводит к выводу, что процесс морализации права — особая форма расширения границ сферы правового регулирования, имитирующая экспансию морали в право, которая обеспечивает его вторжение в личную жизнь человека и социальные отношения за пределами правового пространства[4] (наглядно это можно проиллюстрировать на примере современных стратегий противодействия коррупции).

Анализируя практику, эксперты констатируют часто встречающееся несоответствие объекта регулирования применяемым к нему правовым средствам и инструментам, отмечают, что для упорядочения принципиально новых отношений государство использует старые подходы и шаблоны, которые для этого не годятся.

В качестве одной из важных причин такого положения дел философы называют «разрыв» ментальности не только поколений, но и различных социальных общностей, указывая, что законодатель в силу формата сознания уже далеко не всегда способен понять логику и механизмы процессов создания и функционирования цифровых технологий, погружения общественных отношений в цифровую матрицу, правового поведения людей, интегрированных в новую реальность. Соответственно, трудно, по их мнению, рассчитывать на адекватные и эффективнее законодательные решения.

В этих условиях государству следует проявлять гибкость, сочетая приспособление уже существующих правовых институтов, коррекцию их функционала с разработкой и апробированием принципиально новых правовых моделей и инструментов[5]. Гибкая стратегия предопределяет некоторые тактические решения. Можно прогнозировать, что в ближайшем будущем возрастет значение казуального регулирования, будут особенно востребованы подзаконное правотворчество и механизм имплементации судебных решений в законодательство[6].

В процессе осмысления метаморфоз реальности пересматриваются базовые идеи и ценности, обеспе-

[1] См.: *Хабриева Т. Я.* Проекции развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов РАН / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М. : ИГП РАН, 2019. С. 145.

[2] Там же.

[3] Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование / Т. Я. Хабриева [и др.] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 3–12.

[4] См.: *Хабриева Т. Я.* Проекции развития конвергентных технологий в праве. С. 144.

[5] См.: *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности.

[6] См.: *Хабриева Т. Я.* Правосудие в социогуманитарном дискурсе... С. 21.

чивающие эволюцию права. В связи с этим правоведы соизмеряют идеи индивидуализма и коллективизма в контексте проблем обеспечения социальной справедливости и правовой идентичности, размышляют о моделях их синтеза, конструируют оптимальные модели правового регулирования, способные обеспечить согласие в обществе[1].

В то же время цивилизационные трансформации обусловливают выдвижение на первый план борьбы и согласования идей гуманизма и трансгуманизма. Вероятно, именно здесь надо искать точки роста новых правовых ценностей. До тех пор пока они не найдены, основой права должно оставаться его понимание как всеобщей нормы равенства для всех, как это повелось еще с эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, сформулировавшей идею права как рациональную картину мира, в котором демократическим образом уравновешены различные социальные силы[2].

В. А. Черешнев[3],
В. Н. Расторгуев[4]

ПРЕДСКАЗУЕМАЯ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ В МИРОВОМ РАЗВИТИИ: КРИЗИС СОЛИДАРНОСТИ И НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОГНОСТИКЕ

Тема очередных Лихачевских чтений тесно связана с нашим докладом, который был сделан на чтениях 2016 года, посвященных ведущим трендам мирового экономического развития[5]. Тогда в качестве одного из негативных и наиболее опасных трендов мы назвали глобальную нестабильность, которая разрушает всю систему приоритетов долгосрочного развития во внутренней и международной политике. Сегодня эта проблема представляется еще более актуальной на фоне ведущегося обсуждения доклада Римского клуба, сделанного в 2017 году (к анализу этого документа мы специально вернемся) и критической общемировой ситуации в 2018 году. Ее резкое обострение связано со множеством факторов, в том числе с острым противостоянием военных блоков на фоне разрушения последних гарантов международной безопасности, появлением новых типов оружия массового поражения и беспрецедентной гонкой вооружений.

По этой причине непредсказуемость, неопределенность и нестабильность, как и целый ряд схожих определений, постоянно пополняют лексикон публичной политики и воспринимаются, как правило, сугубо негативно подавляющим большинством политиков и политических аналитиков. В научной среде и масс-медиа все чаще встречаются прогнозы о наступлении эпохи тотальной глобальной непредсказуемости как об одной из главных угроз глобализирующегося мира, что лишь усугубляет панические настроения. А это, в свою очередь, в значительной степени обесценивает роль научно-аналитического обеспечения не только публичной и международной политики, но и целых секторов отраслевой политики, в том числе научной и оборонной, внося хаос в процесс принятия стратегических решений.

Кроме того, такая установка разрушает саму возможность выработки долгосрочных стратегий и свертывает перспективы нормальной жизни для миллионов людей. Особенно остро эта потребность осознается, когда речь заходит о жизненном горизонте и планах на будущее, так как данная установка деформирует глубинное чувство самоидентификации — и традиционной (семейной

[1] См.: *Зорькин В. Д.* Справедливость — императив цивилизации права // Рос. газ. 2018. 9 окт.

[2] Выступление В. С. Степина на пленарном заседании XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов «Право в условиях цифровой реальности» (Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения, 6.06.2018 г.). Цит. по: *Залоило М. В., Шулятьев И. А.* Право в условиях цифровой реальности (обзор XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4 (71). С. 171–187.

[3] Главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор более 900 научных публикаций, в т. ч. 68 монографий: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Влияние наркомании на социально-экономическое развитие общества», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации», «Введение в задачи моделирования и управления динамикой ВИЧ инфекции» и др.; 2 руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и 1 по клинической иммунологии; 14 учебников, 11 учебных пособий, 8 методических рекомендаций, 5 курсов лекций для вузов, 42 патентов и 2 открытий. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники и премии Правительства РФ в области образования. Почетный доктор СПбГУП.

[4] Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 26 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение» (в честь 60-летия образования ООН). Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

[5] *Черешнев В. А., Расторгуев В. Н.* Стратегия долгосрочного развития: вызовы времени, глобальная нестабильность и методология определения приоритетов // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 259–261.

и родовой, этнической и религиозной, профессиональной и возрастной, социокультурной и цивилизационной), и политической (гражданской и идеологической). Очевидно, что все типы идентичности и соответствующие им формы человеческой солидарности (как традиционной, так и сугубо политической) подвергаются жесточайшему испытанию при столкновении с неустойчивой социальной системой и внутренним миром. А это, в свою очередь, дестабилизирует все интеграционные процессы, в том числе внутриевропейские, и существенно ограничивает поиск политических и социальных технологий, направленных на укрепление базовых институтов коллективной солидарности.

О данной тенденции писал, в частности, выдающийся теоретик солидаризма Ю. Хабермас. В своей работе с говорящим названием «Технократический гнев. Разобщенный Союз застревает у порога солидарности» он вполне обоснованно утверждает, что дефицит солидарности является главным препятствием на пути устойчивого развития Европейского союза. При этом, как подмечает Н. В. Мотрошилова, анализируя эволюцию учения Ю. Хабермаса о солидарности, «морализирование и деполитизирование понятия солидарности» становятся, по мнению немецкого философа, «большим недочетом именно в последнее время, когда понятие солидарности потребовалось применить не к одним этическим, а к социально-политическим или „чисто“ политическим сторонам человеческих действий и отношений»[1].

Ю. Хабермас с немецкой пунктуальностью типологизировал все формы инструментальной солидарности, которые могут быть востребованы в процессе социального и политического строительства с учетом уровня цивилизационного развития общества. Но особо он выделяет традиционные типы солидарности, которые выступают как своеобразные гаранты стабильности, и прежде всего «солидарность тех, кто родился позже, с их предшественниками, со всеми, кто потерпел ущерб от руки человека в своей телесной или личностной целостности». По его определению, «эта солидарность утверждается и инициируется только посредством памятования. Сила воспоминания, несущая освобождение, должна означать (как это имело место от Гегеля до Фрейда) не избавление современности от власти прошлого, но снятие с современности ее вины перед прошлым», поскольку «именно невозвратный образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения, когда появляется современность, не умеющая угадать себя в этом образе»[2]. Однако и традиционное понятие солидарности, как показывает Ю. Хабермас, ссылаясь на «аристотелевскую традицию (вплоть до Ханны Арендт)», никогда не теряло тесной «связи с политическим концептом чувства солидарности»[3].

Если говорить о глубинных причинах панического ощущения постоянно возрастающей неустойчивости мироздания, то прежде всего следует указать на кризис капиталистического общества и тяжелейший упадок институтов современной демократии, о чем свидетельствует уже упомянутый нами доклад Римского клуба с говорящим названием «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», подготовленный Э. У. Вайцзеккером и А. Вийкман с использованием материалов большой группы ведущих экспертов. По мнению авторов (это второй случай, когда доклад Римского клуба был единодушно поддержан всеми его членами), состояние нестабильности — характерная черта сегодняшнего времени, а проблема перерождения общества заключается в том, что политический класс во всем мире попал в полную зависимость от инвесторов и мощных частных компаний. Это указывает на то, что нынешний кризис также является кризисом глобального капитализма, поскольку с 1980-х годов капитализм перешел от дальнейшего экономического развития стран, регионов и мира к максимизации прибыли, а затем в значительной степени — к росту прибыли от спекуляции. Кроме того, с 1980 года капитализм распространялся в англосаксонском мире, а с 1990-го — по всему миру в основном финансово. Эта тенденция укрепилась из-за чрезмерного дерегулирования и либерализации экономики. В действительности это суживает цели бизнеса до краткосрочных выгод, часто за счет социальных и экологических ценностей. Другим фактором дестабилизации, тесно связанным с монополизмом финансового капитала, стал «рост агрессивного, в основном правого движения против глобализации в странах ОЭСР, которое часто называют популизмом, что стало явным благодаря победе сторонников Брексита в Великобритании и победе Трампа в Соединенных Штатах». Как подчеркивается в докладе со ссылкой на оценку Ф. Закария, «сам Трамп является частью широкого популизма. Барометр доверия Эдельмана свидетельствует о том, что 53 % населения в 28 странах считают, что системы, управляющие ими, терпят неудачу, и только 15 % считают, что системы работают»[4].

Следует сказать, что на этот раз доклад Римского клуба был пронизан чувством безысходности и растерянности (слово «растерянность» — его доминанта). А позитивный выход из тупика авторы находят в далеко не однозначной концепции, предложенной американским экологом и экономистом Г. Дэйли, которая построена на противопоставлении так называемого «пустого мира», якобы характерного для человеческой цивилизации (мира неизведанных территорий и избытка ресурсов), и «полного мира». Если в первом, «пустом мире» господствуют, по мнению Дейли, превалирующие религии, политические идеологии и социальные институты, сложившиеся и устойчивые формы мышления, то второй, «полный мир» перенасыщен, заполнен до краев продуктами человеческой деятельности. С точки зрения сторонников такой позиции, нельзя жить по правилам «пустого мира», поскольку в этом случае коллапс не заставит себя долго ждать. Метафора, лежащая в основе этой концепции, по нашему

[1] *Мотрошилова Н. В.* Юрген Хабермас о кризисе Европейского союза и понятии солидарности (2011–2013 гг.) // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 25.

[2] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир, 2003. С. 26–27.

[3] Там же. С. 354.

[4] *Weizsäcker E. U. von., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. N. Y. : Springer Science + Business Media LLC, 2018. P. 5.

мнению, крайне неудачна и соответствует реальности только в приложении к информационной революции, да и то с поправкой, что льющийся через край информационный поток, по известному выражению А. Гора, усваивается людьми на сотые доли процента, превращаясь в белый шум. А правила «пустого мира», на основе которых строился и, что самое важное, самовоспроизводился традиционный многоцивилизационный устойчивый мир, нельзя отбрасывать, не подумав, в чем они заключаются.

Доклад Римского клуба пронизан не только пессимизмом, но и непонятным скепсисом по отношению к традиционным нормам и ценностям так называемого «пустого мира», хотя именно наука и искусство, политика и религия, так же как и другие специализированные сферы человеческой деятельности, имеют собственную многотысячелетнюю историю и внутреннюю логику становления. И каждая из этих сфер становится звеном мирового и национального культурного наследия, достоянием следующих поколений благодаря сложившимся формам внутренней и внешней регламентации, в том числе политической (соответствующие механизмы государственной отраслевой политики) и правовой. При этом устойчивые и неустойчивые, преходящие и непреходящие, то есть инвариантные, характеристики самой деятельности по-разному раскрываются в зависимости от того временнóго периода, в котором мы их рассматриваем.

Об этом феномене как об общекультурной закономерности очень емко сказал Д. С. Лихачев: «Конечно, предвидеть появление гениального литературного произведения невозможно. Но предвидеть гениальное научное открытие в какой-то мере можно. Научные открытия делаются на известном уровне знаний и техники. Не случайны поэтому появления сходных открытий и изобретений одновременно в разных странах, у разных ученых. <…> И с этой точки зрения снова вернемся к вопросу о предсказуемости отдаленного будущего и непредсказуемости ближайшего. Дело в том, что, обращаясь к ближайшему будущему, мы должны видеть его в крупных масштабах и иметь дело в первую очередь с индивидуальными явлениями. <…> Обращаясь же к далекому будущему, мы имеем дело с явлениями типичными, распространенными, массовыми, с общими контурами…»[1]

И действительно, если мы ограничиваемся краткосрочной и среднесрочной временнóй перспективой, или, точнее, ретроспективой, то в поле зрения попадают отдельные события, а в рамках долгосрочной перспективы — и большие событийные ряды, в том числе циклические, и те каузальные связи между исторически значимыми событиями, которые поддаются рациональной реконструкции[2]. Если же речь идет о воистину дальнесрочных горизонтах, а точнее, о метаисторическом времени, то картина существенно изменяется, когда даже события воистину исторической значимости уходят на второй план.

В первом случае нам становятся доступны эволюционные, устойчивые процессы развития, а также разрывы преемственности, возникающие в результате конфликта интересов различных социальных или этнических групп и отдельных людей (человеческий фактор истории в позитивном и негативном значении этого термина). Естественно, на первый план выходят основные акторы деятельности — знаковые фигуры политической и военной элиты, выдающиеся мыслители и творцы, властители дум и душ. С их именами связаны судьбоносные события, предопределившие ход истории. Во втором случае, в «периоды большой длительности», на первый план выходят метаисторические процессы, когда нам открываются, по точному определению М. Фуко, не только исторические реалии и событийные ряды, но и телеология разума. Это свидетельствует, по его мнению, «о возврате к философии истории, к представлениям о великих эпохах мира, к периодизациям, которые бы исходили из предназначения цивилизаций»[3], что не позволяет свести проблему «к простой линейной схеме».

Здесь частные и групповые интересы представляются уже куда менее существенными, чем телеологический аспект становления различных сфер специализированной деятельности. Теперь центральное место в аналитике занимают функциональные отличия, существующие между наукой и искусством как сферами, где доминирует (в соответствии с известной кантовской классификацией) направленность либо на открытие уже существующего (научная сфера), либо на изобретение нового, не существовавшего прежде (искусство). При этом в сферу искусств наряду и изящными искусствами Кант включает технику и изобретательскую деятельность. Соответственно, наряду с этими условно обозначаемыми сферами, где ключевыми функциями являются открытие и изобретение, выделяется обширная область, где доминирует регламентирующая функция, которая распространяется на все сферы деятельности. Это религиозное сознание, мораль и право, в котором выражаются государственные интересы.

На глубокое функциональное родство этих регламентирующих сфер обратил внимание Гегель в «Философии права», который понимал право предельно широко, включая в это понятие в первую очередь «неограниченно абсолютное право мирового духа». В частности, он писал: «Право есть нечто святое вообще, святое только потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы. Формализм же права (и затем также и формализм обязанности) возникает из различия между ступенями развития понятия свободы. Каждая ступень развития идеи свободы обладает своим собственным правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений. Когда говорят о противоположности между моральностью, нравственностью, с одной стороны, и правом — с другой, то под правом понимают лишь первое формальное право абстрактной личности. Моральность,

[1] *Лихачев Д. С.* Будущее литературы как предмет изучения (Заметки и размышления) // Новый мир. 1969. № 9. С. 167–168.

[2] О проблемах, связанных с классификацией событий, в том числе «роковых» и циклических, мы подробно говорили в книге: Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, развитие : колл. моногр. / под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. М., 2018.

[3] *Фуко М.* Археология знания. Киев : Ника-Центр, 1996. С. 11.

нравственность, государственный интерес каждое в отдельности представляют собой особое право, так как каждая из этих форм есть определение и наличное бытие свободы. Коллизия между ними может произойти лишь постольку, поскольку все они находятся на одной и той же линии и являются правом»[1].

Возвращаясь к оценке сугубо пессимистической картины будущего, представленной в докладе Римского клуба, следует сказать, что политическая концепция устойчивого развития вовсе не исчерпала своего потенциала, несмотря на множество противоречий, связанных с ее статусом, механизмами ее принятия международным сообществом как одной из базовых политических доктрин и ее отражением в сфере теоретической мысли (есть множество конкурирующих научных и околонаучных концепций с таким же названием). Детальный анализ этого аспекта функционирования концепции устойчивого развития приводится в монографии «Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия»[2].

Дело в том, что политическая концепция строится на иных принципах, чем научные теории. Их принимают не ученые, а политики на основании соответствующих процедур. На отдельных этапах действительно привлекается экспертное сообщество, включающее наряду с экспертами «первого уровня» — специалистами, дающими заключения, например, о правовом соответствии разрабатываемых документов нормам действующего национального законодательства и международного права, о возможности их ресурсного и финансового обеспечения и тому подобном, представителей науки, общественности, деятелей культуры. Но на важнейших стадиях принятия решения они, как правило, не участвуют. А политики, как известно, руководствуются другими соображениями, продиктованными национальными, корпоративными, лоббистскими и иными интересами, не имеющими никакого отношения к науке, — чувством партийной или групповой солидарности, наконец, укреплением собственной «устойчивости» в системе. При этом ради согласования разнонаправленных интересов участникам процесса иногда приходится жертвовать даже логикой и системой теоретических обоснований. Этот факт, собственно, и вызывает возмущение среди ученых, которые отчетливо видят дефекты в обосновании и логике, а потому норовят «исправить концепцию», предлагая свои варианты и искренне удивляясь, что их не слышат.

М. Вебер в своем известном обращении к студенческой молодежи «Наука как призвание и профессия» (прошло 100 лет со дня его публикации) говорил: «„Личностью“ в научной сфере является только тот, кто служит лишь одному делу. <…> В науке совершенно определенно не является „личностью“ тот, кто сам выходит на сцену как импресарио того дела, которому он должен был бы посвятить себя, кто хочет узаконить себя через „переживание“ и спрашивает: как доказать, что я не только специалист, как показать, что я — по форме или по существу — говорю такое, чего еще никто не сказал так, как я, — явление, ставшее сегодня массовым, делающее все ничтожно мелким, унижающее того, кто задает подобный вопрос, не будучи в силах подняться до высоты и достоинства дела, которому он должен был бы служить, и, значит, быть преданным только своей задаче»[3]. Этой сверхзадачей и долгом науки, по Веберу, был и остается «поиск истины». Именно по этой причине он считал, что политике не место в аудитории: «Студенты в аудитории не должны заниматься политикой. <…> Впрочем, политикой не должен заниматься в аудитории и преподаватель. И прежде всего в том случае, если он исследует сферу политики как ученый»[4].

В заключение отметим, что панические настроения в мировой публичной политике во многом связаны с ее закрытостью. Только на первый взгляд она становится все более открытой и демократичной, хотя эта открытость носит чаще всего демонстрационный, а иногда и откровенно пропагандистский характер. Такая открытость не распространяется, конечно, на особые сферы деятельности, которые относят к политической кухне, в частности ко многим областям политического планирования — и стратегического, и оперативного. Такое разделение столь же условно, как и водораздел между публичной и непубличной сферами, поскольку стратегическая проблематика, как правило, пронизывает именно оперативные планы, где цели и средства, причины и следствия могут свободно меняться местами. Общая картина усугубляется тем, что именно в этой сфере мы наблюдаем сцепление взаимоисключающих тенденций — от усиления планового начала в деятельности государств и межгосударственных союзов до их полного самоустранения от синхронизированного планирования на разных временны́х горизонтах и в различных специализированных отраслях политики, что ставит под вопрос устойчивость развития.

Как писал Э. Тоффлер, один из немногих известных теоретиков, попытавшихся осмыслить масштабы катастрофы под названием «государственное непланирование», в книге с говорящим названием «Шок будущего», «мы слышим усиливающиеся призывы к антипланированию или непланированию. <…> Прославляется беспланoвость. Утверждая, что планирование навязывает будущему ценности, антипланировщики упускают из виду тот факт, что непланирование тоже это делает, часто с гораздо худшими последствиями. <…> Хотим ли мы предотвратить шок будущего или контролировать численность населения, препятствовать загрязнению или ослабить гонку вооружений, мы не можем позволить, чтобы глобальные решения принимались невнимательно, неразумно, беспланово. Выпустить ситуацию из рук — значит совершить коллективное самоубийство»[5].

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Философия права // Сочинения. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. С. 55.

[2] *Черешнев В. А., Расторгуев В. Н.* Дилемма Н. Н. Моисеева: концепция устойчивого развития — утопия или стратегия? // Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия : колл. моногр. / под ред. А. И. Костина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018.

[3] *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 711.

[4] Там же. С. 721.

[5] *Тоффлер Э.* Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. С. 492.

В России о «стратегии непланирования» пишут и говорят неохотно, поскольку из истории не вычеркнуть эпоху великого планового строительства, когда страна, до войны стоявшая в одном ряду с промышленными гигантами и почти до основания ею разрушенная, после великой и жертвенной битвы восстановила и нарастила фантастический потенциал — промышленный и военный, научный и человеческий. И произошло это во многом благодаря искусству аналитики, встроенной в процесс системного средне- и долгосрочного планирования, а также блестяще налаженной системы контроля, основанной на многоуровневой государственной экспертизе.

В. В. Путин на заседании Государственного совета в 2006 году, когда только начинался переход к долгосрочному планированию, сказал: «Копирование моделей работы советского Госплана в условиях рыночной экономики нецелесообразно и невозможно, однако формирование планов и программ вполне совместимо с рыночными условиями хозяйствования»[1]. Именно этот переход (11 известных указов президента, которые «определяли параметры развития, сроки, персональную ответственность») позволил, как подытожил Путин результаты проделанной работы на заседании Госсовета в 2017 году, решить сложнейшие задачи, связанные с безопасностью и обороной, что изменило расстановку сил на мировой арене. Об этом говорилось уже с демонстрацией достижений в Послании президента Федеральному собранию в 2018 году.

Как видим, акцент в стратегическом планировании делается на методы управления стратегическим развитием отдельных сегментов отраслевой политики. И это не случайно: когда мы говорим об открытости политики, то имеем в виду прежде всего не отраслевую, а публичную политику. Но именно она, как это ни парадоксально, всегда была и остается самой закрытой областью политической жизни. Это происходит уже по той причине, что в ее основе лежат глубинные и зачастую разнонаправленные групповые интересы, в том числе сословные и классовые, партийные и личные, стратегические и конъюнктурные, ускользающие от самих политиков и требующие от них постоянной готовности к борьбе и компромиссам. А отраслевая политика, которая на первый взгляд кажется закрытой, в действительности является прозрачной для специалистов, поскольку понимание ее целей и функций требует должной квалификации. Она закрыта только для неспециалистов и, в отличие от публичной, поддается точному измерению, например с точки зрения эффективности или неэффективности тех или иных решений. По этой причине она открыта для посвященных за исключением отдельных зон, что связано обычно с коммерческой или государственной тайной.

Применительно к любой отраслевой политике не должно быть места «двухслойным» проектам, а также интригам и провокациям. Во всяком случае они уходят на дальний план, ибо включаются объективные критерии, в том числе оценка безопасности, ресурсоемкости и т. д. В публичной политике главное требование вовсе не эффективность, которую чаще всего невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, а эффектность иного рода — ставка на эффект, который производят политики и их действия, что, разумеется, также важно.

Именно поэтому экспертная работа и проведение экспертиз в «непубличной сфере» приобретают иной характер, который недоступен массовому сознанию, полностью сосредоточенному на перипетиях публичной политики — внешней и внутренней, где формируется другое отношение и к аналитике, и к экспертизе, а также к самим аналитикам и экспертам. Здесь сказывается феномен сопричастности к политической жизни, возникающий у многих людей, действительно вовлеченных в политические кампании, проводимые различными партиями и движениями, в том числе оппозиционными. Все это создает видимость доступности знаний о планах и целях, о «властных технологиях» и функционировании властных институтов на национальном и даже на наднациональном уровне. Такие иллюзии возникают как у рядовых граждан, так и у самих публичных политиков, которые, как правило, не обязаны соблюдать требования профессиональной компетентности в какой-либо конкретной области знаний (во многих странах для депутатов, к примеру, не предусмотрен даже минимальный образовательный ценз). Этот известный и неустранимый парадокс демократии воспринимается как данность, что в свою очередь также существенно снижает критичность мышления.

Вопрос о реальных функциях и типах экспертной и аналитической деятельности осложняется и тем фактом, что публичная политика стоит на трех китах. Первый — это «классические» формы планирования, в рамках которых проекты служат также «витриной» для лоббирования интересов реальных акторов политики. Здесь очевиден акцент на целостность и устойчивость. Второй «кит» — это интриги, то есть все те же интересы, но уже не прикрытые проектами, а предстающие в голом, так сказать, виде. Здесь мы сталкиваемся с широким спектром методов дестабилизации — от «параллельного» политического планирования до «инопланирования» (внешнего планирования), — которые не бросаются в глаза. Для основных «игроков» эти интриги-интересы связаны, естественно, с борьбой за власть и ресурсы или участие во власти, а для публики, для тех же избирателей — это интересы другого рода, которые издревле определялись формулой «хлеба и зрелищ». Третий «кит» — это провокации, где все поставлено на деструктивную дестабилизацию системы. Однако в число провокаций входят провокации «в хорошем смысле» слова, например провоцирование, без которого невозможно прощупать реакцию общества на те или иные реформы. Но к провокациям относится и провокаторство, целью которого может быть и разрушение устоев самой государственной системы. А это, согласитесь, далеко не однородные явления, требующие разных оценок — как политических и моральных, так и правовых.

[1] *Путин В. В.* О механизмах взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти при разработке программ комплексного социально-экономического развития регионов : выступление на заседании Государственного совета 21 июля 2006 года (см.: http://www.kremlin.ru/events/president/news/35972).

В результате политическая аналитика и экспертиза рассматриваются как деятельность, доступная едва ли не каждому, а принципиальные различия между работой аналитика и эксперта вообще ускользают из поля зрения. Не случайно среди тех, кого так называют, все реже упоминают представителей научного сообщества, но все чаще — так называемых медийных персон, среди которых доминируют журналисты и обозреватели, раскрученные в электронных СМИ комментаторы, которые, как уже говорилось, непосредственно не участвуют ни в подготовке, ни тем более в принятии политических решений.

М. В. Шмаков[1]

СИСТЕМА ТРИПАРТИЗМА: СТО ЛЕТ УСИЛИЯМ ПО ПОВЫШЕНИЮ ПРОГНОЗИРУЕМОСТИ И ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Проблемы предсказуемости и управляемости не являются для российских профсоюзов чем-то новым и неизвестным. Мы их рассматриваем в связи с эволюцией общества, его социальной, политической и экономической жизнью. Развитие общества неостановимо и вместе с тем неравномерно. Можно обоснованно связать уровень предсказуемости и управляемости со скоростью и глубиной тех перемен, с которыми мы сталкивались в нашей истории. Я имею в виду русские революции 1905 и 1917 годов, индустриализацию 1929–1941 годов, последствия Второй мировой войны, бурное развитие наукоемкого производства с началом освоения космоса, крах экономической и политической системы СССР в начале 1990-х. Не случайно в одном ряду оказались такие разные события. Каждое из них, как и другие, неупомянутые, оказали решающее влияние не только на социально-политическую структуру и облик всего общества, но и на экономику, характер и содержание труда, социальное положение работников, экономическое положение семей.

Профсоюзы как организация экономическая всегда стремились рассматривать происходящее во взаимосвязи с актуальной стадией экономического развития. В наши дни мировая экономика, в том числе интегрированная в нее российская, находится на начальной стадии нового — шестого кондратьевского цикла, который продлится ближайшие 40–50 лет. В силу особенностей технологических драйверов, которые получили мощное развитие в пятом цикле (электроника, робототехника, лазерная и телекоммуникационная техника), практически во всех отраслях, особенно в промышленном производстве, происходят огромные сдвиги, которые можно охарактеризовать как революционные. В сфере труда это ведет к заметному изменению содержания трудовых процессов, а, например, в управлении в целом — к увеличению скорости принятия решений и их осуществления на пределе человеческих возможностей. В то же время, мы видим постепенное отдаление знаний, лежащих в основе новой промышленной революции, от окружающей нас реальности в сферу абстракций, смысл которых не всегда понятен даже специалистам (нано- и квантовые технологии, микроэлектроника, генетические модификации и др.), отмечаем невероятное увеличение объема генерируемой информации, обработка которой уже невозможна на обычном человеческом уровне восприятия, видим растущую доступность информации, ее избыточность, параллельно наблюдаем бурный рост невиданных ранее коммуникационных возможностей. Все это порождает, с одной стороны, массу возможностей и перспектив, а с другой — страх и неуверенность в будущем, невозможность прямого контроля, освоенного предшествующими поколениями, повышает степень неопределенности. Согласитесь, что в сознании большинства людей любая революция — общественно-политическая, экономическая или промышленная — представляется как радикальные и сильные изменения во всех областях жизни, лишь иногда приводящие к новому витку развития, но почти всегда порождающие на долгое время хаос, а в наши дни еще и ведущие к невероятному, непрерывно растущему неравенству не только в распределении продуктов труда и создаваемых благ, но и в реальных правах и возможностях, доступе к качественному здравоохранению и образованию и т. д. И все это происходит, несмотря на витрины «многовековых демократий» и «устойчивых, сбалансированных» политических систем.

Человечество имеет опыт снижения неопределенности путем создания специальных политических механизмов. Напомню, что в 1919 году была создана

[1] Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов (МКП) и Всеевропейского регионального совета МКП. Председатель Совета попечителей СПбГУП. Автор ряда публикаций по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч. книг: «Профсоюзы России на пороге XXI века», «Без борьбы нет победы!», «За достойный труд», «Профсоюзные вести сквозь призму юмора» (соавт.); учебных пособий для профсоюзных работников и активистов: «Конфликты в трудовых коллективах» (соавт.), «ФНПР в меняющемся обществе», «ФНПР в вопросах и ответах»; главы «Федерация независимых профсоюзов России» в книге «15 лет ВКП: взгляд в будущее». Руководитель редакционного совета книги «История профсоюзов России». Руководитель авторского коллектива «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Председатель Совета попечителей, почетный профессор Академии труда и социальных отношений. Член Правления Вольного экономического общества России. Награжден орденами Дружбы, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III, IV степени, медалью «В память 850-летия Москвы», почетной грамотой Правительства РФ и др. Почетный профессор СПбГУП.

Международная организация труда, 100-летие которой широко отмечается в мире в этом году. Обратите внимание, что этот до сих пор остающийся беспрецедентным трехсторонний механизм согласования интересов между правительствами, работодателями и работниками появился в то время, когда мировые державы прошли через невероятную по своей жестокости Первую мировую войну, выкосившую наиболее производительную мужскую часть трудоспособного населения. Основной рабочей силой в Европе стали женщины и дети, не имевшие трудовых, а зачастую и гражданских прав. На их плечи лег груз восстановления разрушенной экономики. Это было время, когда в России закончилась революция и бушевала Гражданская война. В те годы уровень предсказуемости по меньшей мере для работающего населения не только в Европе, но и во всем мире находился на минимальных значениях. Через десять лет разразился очередной мировой экономический кризис — Великая депрессия. Закономерно, что из-за растущего недовольства повсеместным неравенством и плохими условиями труда Европа оказалась на грани революции. Работники требовали, чтобы в процессах мирного послевоенного урегулирования предусматривались и меры обеспечения более справедливых условий труда с помощью международного трудового законодательства и реализации профсоюзных прав. Было ясно, что всеобщий прочный мир невозможен без обеспечения, соблюдения норм социальной справедливости. «Основатели Международной организации труда (МОТ) были убеждены, что между установлением всеобщего мира и социальной справедливостью во всех странах существует неотъемлемая связь, которая имеет настолько важное значение, что для продвижения и защиты мира во всем мире необходимо создать специальную организацию, занимающуюся вопросами труда»[1].

Механизмы, заложенные в основу этой организации, направлены на согласование интересов главных участников трудовых отношений. Фундаментом для успешной работы этих механизмов стало понимание, что «труд не товар или неодушевленный продукт, не предмет торга с целью получить максимальную прибыль по минимальной цене. Достойный труд в нашем понимании связан с чувством собственного достоинства, благосостоянием и развитием личности. Путь к достойному труду лежит через соблюдение международных трудовых норм. Полноценное экономическое развитие подразумевает создание таких рабочих мест и условий труда, которые обеспечивают трудящимся свободу, равенство, безопасность и достоинство»[2]. Основатели МОТ предусмотрели, что крайне важно не только создать возможность трехстороннего обсуждения вопросов, но и разработать процедуры принятия решений (норм и рекомендаций) и последующего контроля принятых обязательств. Время показало, что модель согласования интересов сторон трудовых отношений, ранее ожесточенно конфликтовавших, позволяет решать задачи не только в сфере труда, но и в других смежных направлениях, таких как социальная защита, гендерные вопросы, искоренение разного рода дискриминации и др.

Создание, становление и укрепление МОТ на практике привело к тому, что Всеобщая декларация прав человека, принятая позднее, в 1948 году, во многом была построена на положениях и идеях, выработанных в рамках трехсторонних консультаций в сфере труда. Безусловным прогрессом стали механизмы имплементации международных трудовых норм в национальное законодательство стран-участниц. Сравнивая модель трипартизма, реализованную в формате МОТ, с другими механизмами согласования интересов и снижения напряженности, можно заметить, что работают лишь те из них, которые отрицают бутафорское представительство, не позволяют «заметать под ковер» острые противоречия и не связывают рук «высоким договаривающимся сторонам», если они не приходят к согласию.

Важнейшим качественным аспектом модели, реализованной сторонами трудовых отношений, является ее отзывчивость на происходящие изменения. Возникновение многонациональных корпораций как следствия экономической глобализации вызвало заметные, если не кардинальные, изменения в экономике труда и в области социальных гарантий занятых. Принятая в ответ на эти явления Трехсторонняя декларация МОТ, касающаяся многонациональных корпораций и их социальной ответственности, относится к политике труда и социальной защиты на предприятиях всего мира, пока не имеет аналогов в мировой юридической практике. Приблизительно так же можно описать и усилия МОТ по развитию тех форм и видов предприятий и труда на них, которые оказывают позитивное влияние на окружающую среду, создают социально ориентированный бизнес, способствуют его устойчивому развитию.

Столетний опыт работы МОТ позволяет убедиться в том, что глобальные механизмы согласования интересов сторон, зачастую до настоящего времени имеющих противоположные позиции, не только созданы и продуктивно запущены, но и эволюционируют в соответствии с интересами сторон, оставаясь эффективными вне зависимости от экономических спадов и подъемов, войн и революций. Нет необходимости повторять, что деятельность МОТ и поведение ее участников направлены на уменьшение неопределенности, следовательно, повышают предсказуемость и управляемость в сфере социально-трудовых отношений. Это тот случай, когда в процессе длительного трехстороннего диалога найдены точки совпадения и формы согласованных действий по расширению возможных договоренностей в сфере трудовых отношений. Констатируя это, необходимо понимать условия, в которых эти механизмы работают. Все три стороны в процессе трудовых отношений — от уровня национальных экономик до каждого рабочего места — находятся в непрерывном контакте. Если процесс трудовых отношений существует, информационный обмен возможен, то включаются объективные закономерности распределения прибавочной стоимости, возникают вопросы увеличения прибыли в тех рамках, кото-

[1] https://www.ilo.org/100/ru/story/tripartism.
[2] Там же.

рые задаются существующей экономической моделью. В этом процессе работодатели и работники обрабатывают информацию о своем социально-экономическом положении и непрерывно оценивают его приемлемость. Мощные социальные механизмы запускаются без специального управления и контроля, они являются естественными для данного типа отношений. Информационный обмен дает возможность для выработки действий, направленных на изменение или сохранение своего положения, что приводит к потребности вести социальный диалог. Очень важно, что стремление изменить или сохранить положение вещей является границей конфликта, способного вызревать годами и вспыхнуть в короткий срок, иногда приобретая разрушительные масштабы. Поддержание в рабочем состоянии инструментов защиты собственных интересов для сторон социально-трудовых отношений является важнейшим условием их нормального сосуществования. Именно понимание всеми сторонами прав на защиту своих интересов, пределов допустимости взаимных уступок и возможности регулирования противоречий формирует условия для осуществления трудового взаимодействия. Качество инструментов, границы интересов и эффективность механизмов регулирования определяют объем извлекаемой сторонами выгоды и степень стабильности трудового процесса. Эти универсальные особенности процесса труда позволили вывести на международный уровень общие нормы и рекомендации, которые способствуют экономическому балансу и социальному развитию общества.

Нужно заметить, что в глобальном масштабе есть и другие международные организации, целью деятельности которых являются снижение неопределенности и повышение предсказуемости. Обратим внимание на некоторые из них, такие как Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ) (специализированные организации ООН) и Всемирная торговая организация (ВТО). Цели и задачи этих организаций носят географически глобальный характер, в какой-то степени их деятельность сходна с деятельностью МОТ, но лишь в сферах их ответственности. Нетрудно заметить, что деятельность ВБ и МВФ, созданных в конце Второй мировой войны для решения задач мирового развития, фокусировалась на финансовой сфере и уже на начальном этапе не подразумевала поиска консенсусов между сторонами социально-трудовых отношений. Сформированные в рамках этих организаций механизмы имели форму кредитования и распределения, содержание которых постепенно дрейфовало скорее в политическую, чем в экономическую сферу. Согласование интересов сторон и в настоящее время не является принципом работы этих организаций. Их деятельность сосредоточена на формулировании условий предоставления финансовой помощи и контроле за исполнением правил. Принцип работы ВБ в большей степени подчинен задачам развития, формулируемым ООН, однако их решение предусматривается исключительно монетаристскими методами. Принцип распределения голосов при принятии решений по вопросам предоставления финансовой помощи в МВФ аналогичен акционерному обществу, то есть напрямую связан с долей вложенного финансового капитала. Причем, как хорошо известно, владельцы наиболее крупных вкладов устанавливают условия и правила, а также оценивают целесообразность действий в отношении той или иной страны. Что касается ВТО, уместно заметить, что ее оформление произошло в середине 1990-х годов и, как в случае с ВБ и МВФ, деятельность этой международной организации сосредоточена на выработке правил отношений между странами в особой сфере — международной торговле, а также на поддержании механизмов контроля и урегулирования споров, возникающих в этом процессе. Можно с полным основанием утверждать, что опыт МОТ является уникальным и необычайно ценным багажом, целесообразность и наполненность которого проверена вековой историей его использования.

Не случайно в нашей стране после кардинальных изменений в 1990-х годах, в том числе общественно-политического строя, в ходе создания системы регулирования социально-трудовых отношений были применены не только исторически существовавшие еще в царский период элементы социального партнерства, но и опыт трудовых отношений, накопленный в годы советской власти, а также формы и механизмы трипартизма, выработанные в рамках МОТ. Такой подход позволил существенно сократить период поисков, проб и ошибок и уже через два года после распада СССР заключить первые трехсторонние соглашения, которые положили начало формированию современной российской системы социального партнерства. Смысл и содержание действующих коллективных договоров и соглашений, механизмы их подготовки, заключения и реализации, а также процессы взаимодействия между сторонами социально-трудовых отношений в период их действия в рамках стратегического плана соответствуют интересам работников и их организаций.

Что подразумевается под стратегическим планом?

Как и во всякой экономической системе, у работников в нашей стране объективно имеются коренные интересы, содержание которых нет необходимости сейчас перечислять, о них можно узнать из соответствующих учебных курсов и литературы. В данном случае важно выделить несколько временны́х горизонтов, в рамках которых эти интересы могут быть конкретизированы.

На тактическом, краткосрочном, уровне интересы объективно складываются из текущих жизненных потребностей, уточняемых в процессе информационного обмена и определяемых социальным положением работника, составом его семьи, уровнем профессиональной подготовки, состоянием здоровья, возрастом и т. д. В хронологическом плане этот уровень в настоящее время можно определить как неделя–месяц–квартал–год. Пожалуй, далее года, совпадающего для нашей страны с полным циклом смены сезонов, тактический горизонт продлевать не стоит.

Среднесрочный горизонт интересов и планирования можно определить, принимая во внимание происходящие в жизни любого человека изменения, вызванные ее нормальным течением: периодами, связанными с изменением состава семьи, получением образования,

изменением здоровья, а также с набором циклов изменения окружающего материального мира — от продолжительности строительства недвижимости, устаревания предметов длительного пользования до износа предметов гардероба. Этот горизонт приблизительно можно определить от года до пяти лет. Все, что выходит за пределы пятилетнего горизонта, можно отнести к вопросам стратегических интересов и планирования, конечно, в рамках одной человеческой жизни.

Как видно из сложившейся практики жизненного и финансового планирования, эти временны́е горизонты носят универсальный характер, проявляющийся в разных сферах, в том числе в системе регулирования трудовых отношений. В частности, наиболее распространенные сроки продолжительности действия коллективных договоров и соглашений — год, рамочных соглашений, в том числе генерального, — три года. Перспективное экономическое планирование в настоящее время за пределы пятилетнего периода распространяется редко. Формулировка временны́х горизонтов помогает осознать потребность в предсказуемости изменений в сфере социально-трудовых отношений. Философия переговоров, поиска согласия, конфликтов, партнерства построена на повышении прогнозируемости результатов трудовых отношений. Уровень развития социального партнерства часто определяется через оценку его предсказуемости, так как коллективный договор со сроком действия три года (что на практике встречается как рамочное соглашение с ежегодным подписанием конкретных условий оплаты труда и состава социального пакета), очевидно, считается более приемлемой основой для продуктивной и успешной совместной работы, чем коллективный договор со сроком действия один год и тем более чем привлечение работников без каких-либо соглашений на основе трудового договора. С позиций работников, чем более предсказуемы трудовые отношения с точки зрения их формы и содержания, результативности, тем больше мотивации к высокопроизводительному труду и выпуску качественной продукции.

Однако нужно признать, что система трудовых отношений не является самодостаточной, замкнутой, в которой все решают партнеры, на каком бы уровне эта система ни была построена. По мере глобализации, интеграции стран и их производств в мировую экономическую систему все больше сначала внешних, а затем и внутренних факторов производства оказываются связанными с явлениями, происходящими за пределами национальной юрисдикции, вне зоны действия различных коллективных договоров и соглашений. Глобализация как непрерывный процесс изменения международного разделения труда, экономических и политических отношений и тесного переплетения экономик различных государств при формировании единой мировой экономической системы должна была бы привести к повышению предсказуемости как позитивному моменту, хотя бы в силу постепенной централизации системы принятия решений и стирания различий между суверенными системами регулирования экономических отношений. Развитие Европейского союза (ЕС), например как регионального сегмента мировой экономической системы, могло бы проявить эту позитивную черту глобализации. Однако сложность и противоречивость явлений, происходящих в процессе глобализации Европы, наряду с энтузиазмом евроинтеграции начала 2000-х годов за счет стран бывшего соцлагеря привели к возникновению течения евроскептиков, ожесточенно критикующих как принимаемые европейскими институтами решения, так и саму основу объединенной Европы вместе со сформированными институтами управления; подвергающих сомнению упразднение национальных государств; требующих перехода к власти суверенных национальных правительств. Крайним проявлением центробежных тенденций в евростроительстве стал не завершенный в настоящее время, но не снятый с повестки дня выход Великобритании из ЕС. Становится все яснее, что глобализация в Европе привела к консервации и усилению неравенства, закреплению экономического отставания, хаотизации региональной экономической жизни. Оказалась нерешаемой задача сделать позитивные плоды глобализации доступными для большинства населения стран Европы.

Впрочем, разбирая основные элементы глобализации по отдельности, нетрудно выявить причины таких явлений. Один из фундаментальных принципов глобализации, если не сказать, главенствующий, — свобода передвижения капитала. Международная торговля построена на свободе передвижения денег и минимизации таможенных и иных пошлин и различного рода тарифных барьеров. Вместе с тем свободный переток торгового капитала требует реформирования региональных рынков товаров, включая потребительские. Через краткосрочное снижение цен глобализация несет в регионы мира монополию транснациональных корпораций, которая, как известно, является предвестником жесткого и нерегулируемого роста цен. С притоком внешнего капитала зарубежные инвестиции превращаются из инструмента экономического развития в машину разрушения конкурентов, постепенно формируя вокруг себя новую систему политического управления, защищающую собственные интересы. Свободно движущийся капитал постепенно разрушает сначала налоговый порядок, затем бюджетную обеспеченность, которая замещается кредитованием из рук международных банковских институтов, в результате чего происходит снижение регионального развития до уровня доиндустриального общества, а затем и разрушение региональной экономической системы, на смену которой приходит долголетняя долговая кабала. Приток капиталов приводит к коренному изменению сложившихся финансовых систем и через сравнительно короткий промежуток времени ведет к необратимым институциональным изменениям региональных экономик. В таких условиях вывод иностранного капитала, который может произойти как по экономическим, так и по политическим причинам, становится инструментом внешнего управления. Выдергивание внешних финансовых ресурсов ведет к значительному ухудшению положения региональных экономик, скатыванию на менее устойчивые позиции, чем до прихода внешнего финансирования.

Такие негативные результаты глобализации получены из-за применения базовых постулатов рыночной экономики либерального типа с мощным наслоением анархизма, порождаемого периодическими сменами политических режимов в странах, стоящих у руля глобализации. В настоящее время невозможно сделать вывод, можно ли преодолеть эти «родовые травмы» глобализации. Но можно обоснованно заключить, что надежды на позитивное влияние глобализации как фактора роста предсказуемости развития мировой экономической системы не оправдались, скорее, наоборот, глобализация стала фактором резкого снижения управляемости и прогнозируемости и инструментом хаотизации экономики.

Можно ли сделать заключение, что система социального партнерства как набор инструментов согласования интересов и снижения противоречий лишена недостатков и является «волшебным ключом» от двери в мир предсказуемой и динамично развивающейся экономики? Здесь невозможно дать однозначно положительного ответа. Проблема в том, что несправедливость и неравенство встроены в структуру капиталистической системы государства. Капитализм не способен добровольно отказаться от либерализма, потому что именно здесь заложен фундамент для эксплуатации, а именно в эксплуатации и состоит экономический смысл этого строя. Структурное насилие, о котором еще в середине прошлого века писал норвежский экономист Й. Галтунг, внутренне присуще этой экономической модели общества и не может быть замещено системой социального партнерства. Вместе с тем система социального партнерства — пожалуй, единственный способ поддержания относительного мира на фронте трудовых сражений в рамках современной неолиберальной модели общества и вполне применимый инструмент повышения предсказуемости и управляемости процессов в системе трудовых отношений.

Я. А. Шолте[1]

ЛЕГИТИМНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ — КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПРЕДСКАЗУЕМОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Самая большая трудность для предсказуемого и управляемого мирового развития — слабость институтов глобального управления. Глобальное управление может в большой степени способствовать порядку, стабильности и встать во главе перемен для решения планетарных проблем. Например, мы видим, как это проявляется в мировом здравоохранении, когда идет борьба с трансграничными эпидемиями, или в глобальном управлении защитой окружающей среды, когда идет восстановление озонового слоя. Проблемные же области с более слабыми мировыми институтами, как, например, контроль за вооружениями и миграция, гораздо менее предсказуемы и хуже поддаются управлению — и поэтому потенциально могут нанести намного больше вреда.

Нынешние глобальные системы в целом можно считать слабыми. Такие институты, как Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирная торговая организация (ВТО) и «Большая двадцатка» (G20), борются с нехваткой ресурсов, политикой и властями. В результате способность решать проблемы у современного глобального управления весьма ограничена. Как нам без сильного регулирования в мировых масштабах справиться с изменением климата, проблемами кибербезопасности, финансовой стабильности, укрепления мира и т. д.?

Возможно, выходу из затруднительного положения может хотя бы частично помочь усиление легитимности, которая здесь понимается в социологическом смысле, как такое положение вещей, когда люди ожидают, что власть будет использована должным образом. Если управление организовано на законной основе, то оно вызывает доверие и одобрение, люди уверены в нем. При такой поддержке регулирующему органу может быть легче привлекать ресурсы, принимать решения, добиваться согласия или уступок и в целом решать политические проблемы[2].

Однако это не означает, что я предлагаю считать легитимность панацеей для успешной мировой политики. Тем не менее легитимность в значительной степени необходима — даже если самой по себе ее недостаточно, чтобы справиться с планетарными проблемами.

В настоящей работе в основном обобщается и кратко описывается работа, проведенная по программе «Легитимность в глобальном управлении» (LegGov) в Швеции, в частности на основании недавно опубликованной книги «Легитимность в глобальном управлении: источники, процессы и последствия»[3]. В настоящее время работа по программе LegGov также включает эмпирические исследования, которые используются для анализа, а доказательства собираются по всему миру[4].

---

[1] Профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция). Соруководитель Центра исследований мирового сотрудничества Университета Дуйсбурга–Эссена (Германия), визит-профессор кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Преподавал в Уорикском, Сассекском университетах, Лондонской школе экономики и Институте социальных исследований в Гааге. Был советником в Международном валютном фонде и Международной информационной организации «Internet Corporation for Assigned Names and Numbers» (ICANN). Автор ряда работ по глобализации, в т. ч.: «Globalization: A Critical Introduction», «Civil Society and Accountable Global Governance», «Legitimacy in Global Governance» (2018, соред.) и др.

[2] *Sommerer T., Agné H.* Consequences of Legitimacy in Global Governance // Legitimacy in Global Governance: Sources, Processes, and Consequences / J. Tallberg, K. Bäckstrand, J. A. Scholte (eds). Oxford : Oxford Univ. Press, 2018.

[3] См.: Legitimacy in Global Governance: Sources, Processes, and Consequences / J. Tallberg, K. Bäckstrand, J. A. Scholte (eds.). Chs. 3–5.

[4] См.: *Dellmuth L. M., Scholte J. A., Tallberg J.* Institutional Sources of Legitimacy for International Organizations: Beyond Procedure versus Performance : Review of International Studies. До-

Ниже в этой работе в первую очередь даются общие комментарии по легитимности. Затем последовательно обсуждаются возможные движущие силы и определяющие факторы легитимности глобального управления с точки зрения *институциональных*, *личностных* и *социальных* источников. Выводом является предложение взглянуть на сочетание этих трех видов источников для того, чтобы обеспечить бóльшую легитимность глобального управления и таким образом получить бóльшую предсказуемость и управляемость мирового развития.

Как уже упоминалось, легитимность в том понимании, как используется здесь, включает веру в то, что управляющие используют свои полномочия (то есть свою власть, позволяющую им править) должным образом, а также соответствующее восприятие этого.

Начиная с Макса Вебера, в современной политологической теории легитимность в основном рассматривается в связи с государством. Однако современное управление — это гораздо больше чем государство, в том числе существенные элементы глобального регулирования и контроля. Поэтому неудивительно, что в последние десятилетия ученые все больше интересуются механизмом легитимности вне пределов государства — в региональных и мировых институтах.

Легитимность можно понимать как нормативную и социологическую категорию. Нормативная легитимность устанавливается путем оценки организации управления на фоне определенных философски разработанных стандартов нравственности. В отличие от нее, социологическая нормативность устанавливается путем наблюдения и объяснения отношений и поведения субъектов определенной системы. Здесь мы говорим о социологической легитимности, поскольку таким образом можем пролить свет на то, как реально работает легитимность в глобальном управлении, и исследовать споры философов о том, как ей следует функционировать.

Если говорить о динамике легитимности — о том, как она работает, — то ключевые вопросы касаются ее источников. В большинстве теоретических размышлений и эмпирических исследований легитимности делается упор на одном из трех типов источников.

Институциональные источники легитимности связываются с признаками самой управляющей организации[1]. Различные теоретики выделяли разные институциональные свойства и характерные особенности, такие как движущие силы и определяющие факторы легитимности в глобальном управлении. Здесь мы выделяем четыре институциональных источника: цель, методы, результаты деятельности и личные характеристики.

Цель. Субъекты могут придать легитимность институту регулирования и контроля, потому что верят в функцию или миссию этой организации. Например, люди могут считать ООН легитимной организацией, потому что ее цель — способствовать миру. В такой ситуации для легитимности большее значение имеет обоснование глобального института, а не его фактическая деятельность.

Методы. Одобрение института глобального управления основывается на организационной структуре и процессах. В том, что касается процессов, люди приписывают большую легитимность способу действия органа регулирования и контроля даже независимо от результатов его решений и политики. Например, люди могут считать Всемирный банк легитимным, потому что видят, что его *modus operandi* (*лат*. — способ действия) прозрачен и эффективен и/или не связан с дискриминацией. И наоборот, субъекты могут отказать организации в легитимности, если считают, что структура глобального управления использует недемократические, малоэффективные и/или несправедливые методы.

Результаты деятельности. Уверенность в аппарате глобального управления базируется на удовлетворенности результатами. Так, акторы могут счесть Международный валютный фонд (МВФ) легитимным, потому что видят, как он добивается финансовой стабильности или справедливого распределения инвестиций и привилегий. И наоборот, если таких результатов добиться не удается, то это может стать причиной отказа в легитимности МВФ на основании его деятельности.

Личные характеристики. Вера в легитимность подпитывается личными качествами одного или более людей, которые стоят во главе института глобального управления. Так, например, можно утверждать, что Кофи Аннан усилил легитимность ООН в период своего пребывания на посту Генерального секретаря, поскольку его воспринимали как вдохновляющего лидера, обладающего стратегическим мышлением.

На практике различные институциональные источники легитимности — цель, методы, результаты деятельности и личные характеристики — действуют одновременно или в любых комбинациях. Если мы аналитически выделяем четыре категории институциональных источников, то фактически при восприятии легитимности различные качества нередко соединяются в одно.

В то время как институционализм в своих объяснениях находит движущие силы и определяющие факторы легитимности в свойствах определенной управляющей организации, **политическая психология** считает, что вера в правильное управление является результатом (в том числе) обстоятельств, связанных с отдельным субъектом. С этой точки зрения восприятие легитимности исходит от воспринимающего (человека), в отличие от воспринимаемого (института). Возможные личностные источники легитимности включают *inter alia* (*лат*. — в частности, среди прочего) чувство социальной идентичности субъекта, учет интересов, уровни социального доверия и политические знания[2].

ступно при первом просмотре по адресу: http://dx.doi.org/10.1017/S26021051900007X.

[1] *Scholte J. A., Tallberg J.* Theorizing the Institutional Sources of Global Governance Legitimacy // Legitimacy in Global Governance: Sources, Processes, and Consequences / J. Tallberg, K. Bäckstrand, J. A. Scholte (eds). P. 56–74.

[2] *Dellmuth L.* M. Individual Sources of Legitimacy Beliefs: Theory and Data // Legitimacy in Global Governance: Sources, Processes, and Consequences / J. Tallberg, K. Bäckstrand, J. A. Scholte (eds.). P. 37–55.

Социальная идентичность. Восприятие личностью легитимности глобального управления может отражать степень, в которой эта личность чувствует себя связанной с пространством вне пределов национального государства. Таким образом, люди, более склонные к космополитическим взглядам, готовы придать бóльшую легитимность глобальным органам, возможно, даже простить недостатки в работе института. Те же, чья социальная идентичность не распространяется за пределы определенных районов или стран, напротив, менее расположены к признанию легитимности глобального управления независимо от того, насколько хорошо работает система в институциональном плане.

Учет интересов. Восприятие легитимности глобального управления может быть обусловлено тем, насколько люди, по их оценкам, выигрывают или теряют от системы, о которой идет речь, — лично или как некое сообщество. Эти выгоды и потери могут быть экономическими (например, влияние на занятость и доходы), биологическими (здоровье, экология и др.), политическими (статус и влияние) или психологическими (например, в плане обучения и дружбы). Логика такого объяснения подсказывает, что не результаты деятельности института per se (*лат*. — сами по себе) определяют веру в легитимность, а утилитарные расчеты субъектов в плане баланса потерь и выгод от этих результатов.

Социальное доверие. Согласно индивидуально-психологическому объяснению, вера в легитимность — это часть общей веры человека в другую сторону отношений, в которые он вступает. По этой логике люди, в целом в большой степени доверяющие другим людям и организациям, с которыми имеют дело, с большей готовностью будут демонстрировать уверенность в правящих органах, включая глобальные системы. И наоборот, те, кто в целом склонен не доверять другим членам общества, с наименьшей вероятностью будут придавать легитимность (глобальным) регулирующим и контролирующим аппаратам.

Политические знания. Предполагается, что при наличии информации и понимании глобального управления человек скорее готов придать этим системам легитимность. Недостаток знания о глобальном управлении подпитывает ощущение отчуждения и угрозы, что способствует восприятию таких систем как незаконных.

Как и в случае институциональных движущих сил и определяющих факторов, личностные источники веры в легитимность глобального управления не работают изолированно друг от друга. Так, например, уровень политических знаний может повлиять на уровень социального доверия. Между тем психология большинства людей не оперирует логикой идентичности или логикой интересов по отдельности — только некоторой их комбинацией. Поэтому при изучении легитимности глобального управления нужно учитывать совпадающие механизмы нескольких психологических факторов.

В то время как с точки зрения психологии вера в легитимность зависит от личностных свойств отдельного человека, с точки зрения социологии внимание должно сосредоточиваться на факторах, связанных с общественным порядком[1]. В соответствии с этой третьей линией объяснений среди источников легитимности в глобальном управлении — не (только) институты и отдельные люди, но и общественные структуры, в которые встроены эти акторы. Возможные структурные силы, способные формировать веру в правильное глобальное управление, включают *inter alia* государство-гегемон, капитализм, главные дискурсы и социальное расслоение.

Согласно концепции государства-гегемона, легитимность глобального управления появляется, когда доминирующее правительство создает и поддерживает правила мирового порядка и институты регулирования и контроля и занимает главенствующее положение таким образом, как это позволяют другие крупнейшие игроки в международной системе. В доводах о государствах-гегемонах обычно говорится, что США были таким государством в глобальном управлении на протяжении второй половины XX века и, возможно, остаются им до сих пор.

Капитализм фигурирует как структурная сила легитимности, особенно в теориях глобального управления новых последователей взглядов Антонио Грамши, хотя и многие немарксисты тоже рассматривают капитализм как передовую или основную структурную силу в современной мировой политике. В соответствии с этими точками зрения, правила глобального управления (особенно в сферах производства, торговли, инвестиций, валюты и финансов) в основном служат для ускорения накопления излишков. Такое регулирование капитала часто способствует возрастанию материального неравенства в мире, углублению пропасти между доходами, что может стать одной из причин политической нестабильности. Тем не менее, согласно теории новых последователей взглядов Антонио Грамши, легитимация идеологий вмешивается в создание установок с положительным настроем по отношению к капиталистическому глобальному управлению, несмотря на порождаемое им сильное неравенство.

Как и в случае с идеей об идеологии новых последователей взглядов Антонио Грамши, в соответствии с теориями дискурса идеологические силы являются важными генераторами веры в легитимность. Дискурс — это упорядоченная организация вербального сознания, то есть вариант языка и коммуникации, который формирует рамки для знания мира. Социально-структурная сила дискурса приводит к тому, что определенные формы значения оказываются встроены как «общепринятое мнение» в данный социальный контекст. Дискурсивные структуры становятся источниками легитимности глобального управления, когда устанавливают лингвистические условия и рамки знаний для оценки соответствующего органа. Например, считается, что рыночные и технические дискурсы сильно влияют на легитимность нынешнего глобального экономического управления. Другие важные дискурсы, связанные с легитимностью, в современном глобаль-

[1] *Scholte J. A.* Social Structure and Global Governance Legitimacy // Legitimacy in Global Governance: Sources, Processes, and Consequences / J. Tallberg, K. Bäckstrand, J. A. Scholte (eds). P. 75–97.

ном регулировании включают «безопасность» и «ответственность».

Еще один возможный структурный источник (де) легитимации глобального управления кроется в социальном расслоении, то есть в укоренившемся неравенстве между различными группами населения. Социальная иерархия может быть основана на возрасте, касте, классе, ограниченных (неограниченных) физических и умственных возможностях, вероисповедовании, гендерной принадлежности, географическом регионе, языке, национальности, расе и сексуальной ориентации. В каждом случае доминирующая сторона оси (например, мужчины, глобальный Север или белое население) имеет структурные преимущества в виде власти и ресурсов перед соответствующей подчиненной стороной (например, женщины, глобальный Юг или цветное население). В той степени, в какой люди рассматривают социальное расслоение как справедливое или несправедливое, это структурное неравенство может быть связано с верой в легитимность. Таким образом, организация глобального управления может восприниматься как незаконная в той степени, в какой она порождает самовольные и несправедливые социальные иерархии. И наоборот, глобальные институты регулирования и контроля могут способствовать большей вере в легитимность в зависимости от того, насколько сопротивляются и уменьшают социальное расслоение. Например, МВФ часто подвергался нападкам, как утверждали его критики, за увеличение разрыва между богатыми и бедными странами, в то время как ООН получила много одобрительных отзывов за усилия по продвижению гендерного равенства.

Институциональные и личностные источники легитимности глобального управления могут быть в большой степени связаны и оказывать влияние друг на друга, и также могут быть связаны и различные потенциальные социальные источники. Так, например, государство-гегемон может помогать поддерживать мировой капиталистический порядок и наоборот. Капитализм, распределяя излишки неравномерно, может усиливать социальное неравенство, а иерархии, действуя совместно, помогают привилегированным категориям населения накапливать еще больше богатства. Учитывая потенциальное множество социальных структур и их сложные переплетения, исследователям можно посоветовать не утверждать заранее первичность или главенство того или иного социального источника легитимности, а, скорее, изучать возможную релевантность нескольких факторов.

Заключение. В этом докладе была подчеркнута важность придания легитимности глобальному управлению как фактору предсказуемости и управляемости мирового развития. Когда люди уверены в глобальных органах и доверяют им, эти системы могут лучше проводить успешную политику для решения планетарных проблем. И наоборот, отсутствие легитимности существенно ослабляет мировой порядок. Поэтому жизненно необходимо понимать, какие обстоятельства могут усилить легитимность глобального управления, а что может подорвать одобрение глобальных систем.

Представляется маловероятным, что движущие силы и определяющие факторы легитимности глобального управления могут быть сведены к одному или двум из многих политических источников. Разные институциональные источники могут оказывать влияние одновременно, так же как и разные личностные и социальные источники. Более того, политическая социология учит, что личную, институциональную и структурную власть надо рассматривать вкупе[1].

Кроме того, каждый случай легитимности в глобальном управлении вряд ли будет включать одно и то же сочетание институциональных, личностных и социальных источников. Таким образом, движущие силы и определяющие факторы, например, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), вероятно, не те же самые, что и силы, продвигающие легитимность Организации исламского сотрудничества (ОИС). Динамика также может меняться со временем: например, источники легитимности (незаконности) ВТО в 1995 году могут отличаться от превалирующих в 2019 году. Сочетание источников легитимности глобального управления может также различаться в разных странах, регионах, областях социальной сферы.

Учитывая эту сложность, невозможно предложить одну-единственную, конкретную и навсегда установленную формулу для объяснения легитимности глобального управления. Мы можем лишь обозначить рамки анализа, который охватывает широкий спектр различных источников уверенности людей в организации за пределами государства и одобрения ее деятельности. После этого для проработки вопроса конкретного сочетания факторов, действующих именно в этой конкретной части глобального управления, требуется эмпирическое исследование.

[1] См.: *Lukes S.* Power: A Radical View. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005.

А. В. Яковенко[1]

ПОЧЕМУ МИР СТАНОВИТСЯ ДЛЯ НАС ВСЕ МЕНЕЕ ПРЕДСКАЗУЕМЫМ

Сегодня мир вплотную приблизился к глобальным экономическим переменам. Ожидания четвертой технологической революции, основанной на стремительном развитии информационных технологий и использовании искусственного интеллекта, заставляют как частные компании, так и целые государства искать новые подходы к достижению экономического роста и благополучия. Параллельно мы наблюдаем устаревание традиционных форм сотрудничества, размывание блокового мироустройства, а также нивелирование англосаксонской доминанты в сложившемся геополитическом порядке. Идет активный рост развивающихся экономик, которые все чаще заявляют свои права на участие в формулировании «правил игры», обусловливая относительный упадок исторического Запада и его эрозию.

На фоне дающего сбои процесса глобализации все более четко прослеживаются тенденции к уплотнению регионального сотрудничества, которое компенсирует ослабление управляемости на глобальном уровне. Можно даже сказать, что основное бремя в радикально трансформирующейся международной системе ложится на региональный уровень управления. Причем Евроатлантика, как это ни прискорбно, находится в состоянии двойного кризиса — глобального и регионального, поскольку, с одной стороны, некоторые сугубо региональные институты, такие как НАТО, претендовали и продолжают претендовать на глобальную роль или же Запад просто продолжает контролировать ключевые структуры глобального управления («семерка», Бреттон-Вудс), а с другой — нынешняя архитектура европейской безопасности, будучи перенесена из эпохи холодной войны, никак не может адаптироваться к требованиям времени, прежде всего в плане обеспечения ее открытости и инклюзивности.

Более того, в международных отношениях мы имеем дело с нелинейной и подвижной средой. Обстановка здесь меняется быстро, обнуляя вчерашние или даже сегодняшние реалии. Многое виртуализируется, продолжая существовать формально, но уже не оказывая никакого реального воздействия на происходящее. Мир находится в той точке, когда краткосрочные изменения на отдельных страновых и региональных направлениях совпадают со сдвигами глобального характера, являясь выражением этих сущностных перемен.

Большую роль играют новые подходы, привнесенные Д. Трампом во внешнюю политику США, которая лишилась былого «демократизаторского» заряда в пользу доходящего до цинизма прагматизма. Вашингтон пытается вести дела без опоры на многосторонние институты и международное право, навязывая всем партнерам свои «правила», будь то в рамках «транзакционной дипломатии» или посредством ничем не прикрытого санкционного давления.

Те общественные настроения, которые привели Д. Трампа в Белый дом, набирают силу и в Европе. Брексит — яркий тому пример. Континентальная Европа настолько поглощена своими внутренними проблемами (кризисом доверия к элитам, вдруг ставшими туманными перспективами Евросоюза/еврозоны), что уже не служит маяком мирового развития, заметно «потеряв в весе» на международной арене и чуть ли не превратившись в «больного человека» мира.

Тем самым размываются казавшиеся незыблемыми основы международных отношений. Договоренности начинают рассматриваться не как ориентир в поведении, а как объект разного рода манипуляций ради оправдания собственного неправомерного поведения. Тревожным выглядит уже вошедшее в привычку апеллирование коллективного Запада к неким «правилам поведения», выдаваемым за международную норму. Следствием этого является развал многих договоренностей, таких как Совместный всеобъемлющий план действий по ядерной программе Ирана и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а также грубое нарушение Устава ООН — вторжение в Ирак, Ливию, удары западной коалиции по Сирии. Такой «правовой нигилизм» и игнорирование центральной роли ООН, демонстрация незаинтересованности в коллективной (а не блоковой) выработке новых норм международного права приводят к дестабилизации всей мировой системы, сложившегося в послевоенный период международного правопорядка.

Одним из ключевых элементов такой дезорганизации международной жизни остается стремление западных стран действовать с позиции силы даже в условиях подрыва монополии Запада на проецирование силы. Ярким примером этой инерции на уровне менталитета и практической политики является рост военных расходов НАТО, которые уже достигли 1 трлн долларов США в год. Осознание утраты своего былого доминирования в мировых делах заставляет США и их союзников нервничать, вследствие чего повышается риск непродуманных, резких шагов с их стороны с трудно-просчитываемыми последствиями.

На этом фоне своеобразным «маяком стабильности» остается Совет Безопасности ООН. Он по-прежнему играет ключевую роль в системе международных отношений, позволяет эффективно противосто-

[1] Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (с 2011 г.), доктор юридических наук (международное право), профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры. Действительный член РАЕН, член Российской академии космонавтики, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж). Почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания). Награжден орденами Александра Невского, Почета, Дружбы, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, грамотами Президента РФ и Правительства РФ.

ять вредоносным инициативам ряда стран. Очевидно, после серии провалов во внешней политике администрация Д. Трампа начинает задумываться о необходимости действовать с санкции СБ ООН. Как мы видим на примере венесуэльского кризиса, этот инструмент позволяет ответственным игрокам не допустить непоправимых последствий.

Другой пример — ситуация вокруг КНДР. Последовательное снижение непредсказуемости США, деградация их договороспособности заставляет Пхеньян требовать дополнительных гарантий на переговорах с Вашингтоном. Устным обещаниям больше нет веры, а значит, понадобятся тщательно проработанные, строго обязательные соглашения, которые могут быть выработаны только в многостороннем формате, с участием всех заинтересованных игроков, и должны получить одобрение СБ ООН.

Это показывает, что устоявшиеся международные институты по-прежнему востребованы. В среднесрочной перспективе влияние силовых методов будет сокращаться в силу как низкой эффективности, так и чрезмерной затратности, а главное, контрпродуктивности по отношению к интересам самих инициаторов силовых сценариев. Помимо прочих факторов следует назвать утрату англосаксонским миром — вследствие развития Интернета — контроля над международным информационно-медийным пространством. Информационные технологии создают ситуацию, когда Запад не может более диктовать всему миру выгодную для себя трактовку тех или иных событий и отрицать право на альтернативные точки зрения, квалифицируя их как «фейковые новости» и «постправду».

От этих информационных вызовов Запад пытается защищаться. Первые признаки этого мы видим уже сейчас. Например, в выпущенной на днях так называемой «Белой книге» правительства Великобритании предлагается ввести элементы государственного регулирования социальных сетей. Используя благовидные предлоги (борьбу с терроризмом и экстремизмом, защиту населения от возможных посягательств в Интернете и пресловутого «вмешательства извне» во внутриполитические процессы), государство, по сути, намеревается получить не только доступ к персональной информации пользователей, но и мощный инструмент для использования соцсетей в интересах элит.

Эти тенденции наблюдаются и в финансовой сфере. Наряду с Международным валютным фондом и Всемирным банком мы видим рост авторитета Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового банка развития БРИКС и других структур. Раздражение Запада из-за такого развития событий ведет к усилению санкционной политики, судорожным попыткам закрепить монополию доллара, крепче привязать к нему «непослушные» страны. В свою очередь, следствием станет возрастающий антагонизм третьих стран и подрыв доверия к долларовым инструментам. Утрата веры в международные стабилизирующие механизмы повлечет за собой стремление государств вернуть золотые запасы на родину. Кроме того, сегодня создаются новые платежные системы, происходит диверсификация валют и уже ведутся разговоры о замене доллара в торговле нефтью.

Особую обеспокоенность вызывают попытки подавления экономических конкурентов политическими средствами. В этом смысле весьма показателен пример оказываемого на Западе давления на китайский концерн «Huawei». Вашингтон, неспособный честно конкурировать с растущей азиатской экономикой в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта, возрождает далекие от цивилизованных способы ведения дел, такие как Координационный комитет по экспортному контролю времен холодной войны. Впрочем, эти меры все чаще приводят к эффекту, прямо противоположному искомому результату, способствуя еще большему обособлению стран, их опоре на собственные силы, что в итоге приводит к их самостоятельному развитию и появлению прорывных технологий за пределами Запада.

Таким образом, в кратко- и среднесрочной перспективе всем игрокам придется учитывать возросшие риски и непредсказуемость поведения былых мировых лидеров. Незападные государства будут вынуждены, с одной стороны, учитывать новый американский образ действий, с другой — искать «страховочные сетки», новые формы коллективной работы в кругу единомышленников. Компании по всему миру будут «закладываться» на повышенные политические риски, искать такие пути ведения дел, которые оградят их от произвола западных элит.

При этом, как представляется, в ближайшие десять лет в мире накопится «критическая масса» неприятия нынешних «ковбойских» подходов ряда западных стран. Параллельно встанут на ноги и укрепятся новые игроки и альтернативные институты в области безопасности и экономики. Это создаст условия для восстановления мирового равновесия и постепенного возвращения к цивилизованным формам урегулирования разногласий и международного поведения вообще.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА	директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Э. АГАЦЦИ	профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии
А. А. АКАЕВ	Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор
С. В. ВЕРШИНИН	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ	профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США)
Б. ДЕГАРДЕН	генеральный директор банка «Eric Sturdza SA» (Женева, Швейцария)
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии
М. А. ЗАМШЕВ	главный редактор «Литературной газеты»
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
К. Ф. ЗАТУЛИН	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Государственной Думы РФ, директор Института стран СНГ
Г. КЁХЛЕР	президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии
В. В. КИРИЛЛОВ	вице-губернатор Санкт-Петербурга, доктор социологических наук, действительный государственный советник РФ 1-го класса
Г. В. КОЛОДКО	вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
А. М. КРАМАРЕНКО	директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
В. А. ЛЕОНТЬЕВ	заместитель полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе, действительный государственный советник РФ 2-го класса
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
Е. И. МАКАРОВ	заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	глава «Альянса цивилизаций» ООН, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
М. САНАИ	Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук

И. ТАЛУКДАР	научный сотрудник Индийского совета по международным делам (Нью-Дели)
П. П. ТОЛОЧКО	член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Ж. Т. ТОЩЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, председатель международного редакционного совета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
У. де ШАВАНЬЯК	Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге
Я. А. ШОЛТЕ	профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Мы начинаем работу пленарного заседания Международных Лихачевских научных чтений. Лихачевские чтения (первоначально — Дни науки) проводятся в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов с 1993 года по инициативе и при личном участии академика Д. С. Лихачева. В 2001 году мы с писателем Д. А. Граниным обратились к Президенту России В. В. Путину с просьбой принять ряд мер об увековечении памяти ушедшего к тому времени из жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева. В течение трех дней после получения нашего письма (что является беспрецедентным фактом для мирного времени) президент выпустил Указ «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева», один из пунктов которого включал проведение Международных Лихачевских научных чтений на базе нашего Университета. Таким образом, наша общественная инициатива получила государственный статус.

Лихачевские чтения проводятся под эгидой Российской академии наук при поддержке Министерства иностранных дел РФ и с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества. Таким образом, сегодня XIX Международные Лихачевские научные чтения имеют государственный статус, закрепленный Указом Президента РФ.

Ежегодно в Чтениях участвуют более 1,5 тыс. человек: сегодня в этом зале присутствуют около 800 человек, а завтра в работе Лихачевских чтений примут участие более 750 школьников из России и из-за рубежа. В течение года они участвовали в Международном конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность» — это, как и участие в Чтениях студентов СПбГУП, очень важная часть Лихачевских чтений — то, что устремлено в будущее.

На сайте Университета опубликовано около 200 докладов крупнейших ученых, мыслителей, общественных деятелей, журналистов, представителей различных сфер практики и научного знания из 25 стран мира. В Чтениях участвуют свыше 200 профессоров и докторов наук из разных уголков нашей страны и, конечно, ученые из московских и петербургских вузов и учреждений Академии наук.

Тема нынешних Чтений — «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости». Название придумано не Оргкомитетом, а выработано в ходе обсуждения с большой группой ученых, традиционно участвующих в Чтениях, и нашло поддержку со стороны Российской академии наук и Министерства иностранных дел РФ.

Мы живем в сложный период, когда существенно меняется послевоенное мироустройство и под сомнение поставлены многие принципы международного права, роль Организации Объединенных Наций, Всемирной торговой организации и целого комплекса социальных институтов, с огромным трудом создававшихся в послевоенное время на протяжении 70 с лишним лет. До последнего десятилетия отношения между многими странами, несмотря на то что они иногда были напряженными и в определенный период характеризовались как холодная война, все равно строились на международных правилах, нормах и процедурах разрешения конфликтных ситуаций, признанных всеми. Это определяло стабильность в развитии мира. Несмотря на то что существовали блоки (Организация Варшавского договора и НАТО), была реальной угроза ядерной войны и возникали кризисы (типа Карибского или Берлинского), ситуация была более благополучной, управляемой и прогнозируемой, чем сегодня: каждая страна понимала, в каком порядке она может отстаивать свои интересы, если они были затронуты. В последние десятилетия эта система подвергается коррозии, деградирует и даже разрушается. Сегодня многим странам непонятно, как государства и правительства должны себя вести, чтобы разрешить кон-

фликтные ситуации. Мы сталкиваемся с целым рядом угроз (терроризмом, торговыми и пошлинными войнами и др.), на которые мировое сообщество не может выработать адекватных ответов.

То, что в мире создается новая архитектура, нам, участникам Чтений, совершенно понятно. Вопрос заключается не в том, будет новая архитектура или нет, а в том, можно ли перейти к новой мировой архитектуре, новым правилам построения международных отношений без войны (которая в современных условиях имеет все шансы стать ядерной). Задача Лихачевских чтений — выработка продуктивных идей, которые помогут двигаться вперед и обеспечить стабильное будущее.

Приглашаю на трибуну заместителя полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе Вадима Алексеевича Леонтьева.

В. А. ЛЕОНТЬЕВ[1]: — Позвольте огласить приветствие Президента РФ В. В. Путина участникам, организаторам и гостям XIX Международных Лихачевских научных чтений.

«Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XIX Международных Лихачевских научных чтений.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев уделял большое внимание Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов, был почетным доктором прославленного вуза. И потому символично, что ваши встречи проходят именно здесь, в СПбГУП, и по праву считаются значимым событием в жизни Северной столицы и всей страны.

Отмечу, что в работе форума традиционно принимают участие известные ученые и политики, деятели культуры и искусства, представители СМИ. Их содержательные доклады и подчас острые дискуссии неизменно вызывают широкий общественный резонанс, служат делу развития идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые и сегодня не утратили своей актуальности.

Уверен, что Лихачевские чтения и впредь будут выполнять высокую миссию, нацеленную на укрепление гуманитарного сотрудничества, упрочение дружбы и взаимопонимания между людьми.

Желаю вам успехов, интересного и полезного общения. В. Путин».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в адрес Чтений поступило приветствие Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева. В приветствии Дмитрий Анатольевич говорит о том, что за два десятилетия наша конференция стала значимым событием в научной и культурной жизни страны, традиционно собирает замечательную аудиторию. Д. А. Медведев отмечает, что главная тема дискуссии «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости» крайне актуальна и затрагивает практически все сферы нашей жизни, что очень важно в эпоху глобальных перемен. По мнению Дмитрия Анатольевича, нужно найти новые подходы к предупреждению и преодолению кризисов, а это можно сделать только общими усилиями, на основе взаимоуважения и заинтересованного диалога между государствами и народами и при помощи науки и культуры, которые не имеют границ.

Также в адрес Лихачевских чтений поступило приветствие от председателя Государственной Думы Федерального собрания РФ В. В. Володина, недавно лично познакомившегося с нашим Университетом.

Приглашаю на трибуну заместителя председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, российского ученого, известного публициста, телевизионного ведущего, руководителя одного из научно-исследовательских институтов, занимающихся проблематикой комитета, Константина Федоровича Затулина.

К. Ф. ЗАТУЛИН: — На меня возложена почетная миссия огласить приветствие Председателя Государственной Думы РФ Вячеслава Викторовича Володина.

«Дорогие друзья!

В этом году вы вновь собрались в городе на Неве, в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов для обсуждения актуальных вопросов глобального развития.

Ваш научный форум, инициированный академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, многие годы вносит вклад в выстраивание диалога между странами на основе взаимовыгодного равноправного партнерства. Это подтверждает огромное влияние гуманистических идей Лихачева на формирование современной научной мысли.

Сегодня, в эпоху перемен, когда мировое развитие подвергается новым вызовам и рискам, особенно важно продвигать созидательную повестку международного сотрудничества. Рассчитываю, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе Лихачевских научных чтений, будут иметь практическое значение, в том числе в парламентском измерении.

Желаю вам успешной и плодотворной работы. С уважением, В. В. Володин».

Я не первый раз нахожусь в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, горжусь теплыми отношениями с ректором этого замечательного вуза, но в первый раз присутствую на Лихачевских чтениях.

Я довольно долго работаю в Государственной Думе, но особенно мне дорог первый созыв, потому что тогда власть и оппозиция уравновешивали друг друга в составе Госдумы, мнения балансировали, что давало возможность переубедить других.

[1] Заместитель полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе (с ноября 2018 г.), действительный государственный советник РФ 2-го класса. Занимал различные должности в Городском агентстве по промышленным инвестициям (2004–2007), замещал руководящие должности в Северо-Западной дирекции по строительству, реконструкции и реставрации (2007–2011), работал в Управлении информационного и документационного обеспечения Президента РФ (2012). Главный советник, начальник департамента по вопросам внутренней политики аппарата полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе (2012 — сентябрь 2018). Начальник департамента по работе с регионами Центрального и Северо-Западного федеральных округов Управления Президента РФ по внутренней политике (сентябрь–ноябрь 2018). Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Для граждан нашей страны важна стабильность политической системы, им неинтересно, когда люди, облеченные властью, спорят между собой, — важно, какие решения они принимают. Но для тех, кто участвует в этом процессе, представляется важной возможность, аргументируя, убедить своего оппонента в правильности своей точка зрения. А когда все предопределено, и что бы ты ни говорил, будет принято определенное решение, то оно не всегда лучшее.

Сегодня в международных отношениях доминирует линия Соединенных Штатов Америки по отношению к своим союзникам на Западе, они пытаются всем навязать свою точку зрения: есть два мнения — американское и неправильное, то есть всех остальных. Это не может не вызывать возмущения, постоянных бифуркаций международной жизни. Россия в этой ситуации борется на международной арене за то, чтобы ее самостоятельную позицию уважали, чтобы никто не мог навязать ей точку зрения, как она должна жить, кто должен ею руководить, чем она вообще должна быть представлена в мире.

Наглядный пример — Украина, где постоянно идут дискуссии (тем более сейчас, когда власть перешла к новому президенту), в том числе на ток-шоу и в телевизионных программах, какого мнения придерживается тот или иной американский чиновник по поводу того или иного назначения на Украине. Украина оказалась в такой ситуации, когда сама себе отказывает в праве иметь свое мнение до тех пор, пока не узнает, что думают по этому поводу США. И если раньше речь шла о мнении президента, вице-президента, то теперь уже третьестепенные сотрудники Госдепартамента и общественные и политические деятели США указывают, кто должен быть назначен главой администрации на Украине.

Уверен, Россия никогда не допустит того, чтобы нам кто-то указывал, кого надо назначить, а кого снять. И отстоять это наше право — важная задача всех и каждого, в первую очередь людей, которые наделены властью в России.

Желаю участникам Чтений успешной и плодотворной работы!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в адрес Лихачевских чтений поступило приветствие министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова. В работе нашей конференции принимает участие заместитель министра иностранных дел РФ Сергей Васильевич Вершинин, которому и предоставляется слово.

С. В. ВЕРШИНИН: — Дорогие друзья, коллеги! Рад впервые присутствовать на этом научном форуме. Начну с главного — оглашения приветствия министра иностранных дел С. В. Лаврова:

«Сердечно приветствую организаторов и участников XIX Международных Лихачевских научных чтений, а также инициативы „Глобальный взгляд“.

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов утвердился в качестве востребованной дискуссионной площадки, ежегодно собирающей видных политиков, ученых и деятелей культуры из различных государств для поиска ответов на многочисленные проблемы современности. В текущей непростой ситуации на мировой арене, характеризующейся усилением старых и появлением новых вызовов и угроз, такое сопряжение интеллектуальных усилий приобретает особое значение.

Тема нынешней встречи весьма актуальна. Сегодня мир переживает тектонические перемены, связанные с формированием полицентричной архитектуры мироустройства. Эта тенденция отражает в том числе естественное стремление народов самим выбирать те модели развития, которые отвечают их национальной, культурной, конфессиональной идентичности.

В общих интересах сделать этот процесс управляемым и предсказуемым. Достичь этой цели можно лишь сообща, на прочной основе международного права, с опорой на центральную координирующую роль ООН. Трудно переоценить вклад дипломатии, призванной содействовать выходу на сбалансированные решения в самых разных областях — от экономики до климата.

Обеспечить мирное, благополучное будущее всего человечества вряд ли возможно без налаживания продуктивного партнерства между представителями различных конфессий, культур, цивилизаций. В связи с этим хотел бы выразить искреннюю признательность своему коллеге, Высокому представителю Генерального секретаря ООН по „Альянсу цивилизаций“ Мигелю Анхелю Моратиносу за его энергичные усилия на этом направлении.

Убежден, что ваши встречи пройдут в созидательном ключе, а их результаты поспособствуют упрочению доверия и взаимопонимания между народами. Желаю вам плодотворных дискуссий и всего самого доброго. С. В. Лавров».

Хотел бы отметить востребованность поднятой темы — «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости», ведь многие проблемы в политике и экономике возникают из-за неправильного прогнозирования, что зачастую выводит ситуацию из-под контроля и влечет за собой негативные последствия. Сегодня очевидно, что система международных отношений реорганизуется в направлении многополярности. И хотя общий вектор трансформации, на наш взгляд, необратим, в том, какой будет эта многополярность в XXI веке, пока сохраняется неопределенность.

В таких условиях обостряется борьба за права определять правила игры в рамках формирующегося мироустройства. Коллективный Запад пытается сделать это по-своему, утвердиться в качестве единого центра принятия решений в рамках так называемого либерального миропорядка. Сегодня под ударом оказывается складывающаяся десятилетиями система международного права, выступавшего залогом стабильности и предсказуемости в мировых делах. Взамен Запад навязывает остальным участникам международных отношений некую формулу, придуманный им миропорядок, основанный на правилах. Вместо многосторонней дипломатии, наиболее универсально воплощенной в ООН, практикуется принятие решений в формате узких ситуатив-

ных союзов. Затем остальным государствам предлагается присоединиться к согласованным решениям, которые выдаются за позицию всего международного сообщества. Считаем, что такой подход подрывает Устав ООН и не соответствует идеалам подлинной многосторонности, разделяемым подавляющим большинством государств — членов всемирной организации.

Все эти моменты не могут не отражаться на экономике. С одной стороны, мы наблюдаем, что после длительного периода стагнации мировая экономика по итогам 2018 года продемонстрировала признаки оживления. Впервые за последние несколько лет в этой сфере наметились позитивные тенденции. По данным Всемирного банка, в 2018 году темпы роста мирового ВВП составили около 3,7 % (это лучший показатель с 2011 г.). Однако одновременно мы констатируем сохранение рисков развития кризисных явлений, причем среди ключевых, глобальных вызовов и угроз на данный момент выделяется растущая напряженность в торговых отношениях. Стало очевидно, что долговая модель экономического роста себя исчерпала, а существующий глобальный механизм регулирования теряет эффективность. Отсюда все более явной становится тенденция к протекционизму, одно из ее проявлений — политически мотивированные санкции. Такого рода ограничительные меры невыгодны ни одной из сторон, а порядок, основанный на непродуманном использовании такого инструментария, приводит лишь к новым проблемам. Однако это не помогает разрешить имеющиеся противоречия.

На наш взгляд, существует иной путь эволюции миропорядка — формирование созидательной многополярности, более справедливой и представительной модели мироустройства, основанной на широком неконфронтационном и равноправном сотрудничестве государств и их объединении, на уважении и культурно-цивилизационном многообразии современного мира и соблюдении всеми участниками общепризнанных принципов и норм международного права как единых правил игры, на признании за ООН роли универсального регулятора мировой политики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в адрес Лихачевских чтений поступило приветствие от министра культуры РФ В. Р. Мединского. Министр отмечает, что Чтения стали «уникальной площадкой, на которой ведется поиск стратегий и сценариев, обеспечивающих совместное преодоление глобальных проблем». Господин Мединский говорит об огромной роли Дмитрия Лихачева в культуре современной России: «Его идеи о краеугольном значении культуры в процессе становления любой нации и сегодня сохраняют свою актуальность», желает нам плодотворных дискуссий и отличных результатов.

Также поступило приветствие от министра труда и социальной защиты РФ М. А. Топилина. В частности, он отмечает: «На форуме социально-трудовые отношения традиционно рассматриваются в контексте развития культуры, и этот подход позволяет достичь важных для практики научных результатов», подчеркивает высокую роль Чтений для совершенствования социально-трудовых отношений и желает нам всего наилучшего.

Приглашаю на трибуну члена Президиума РАН, академика Роберта Искандровича Нигматулина.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Приветствуя участников Международных Лихачевских научных чтений, Президент РАН академик А. М. Сергеев отмечает: «Когда отношения между странами напряжены, особенно важно, чтобы голос соратников Д. С. Лихачева звучал громко и конструктивно, чтобы их выводы о культуре как сакральном пространстве, формирующем человека в духе созидания, сотворчества, сотрудничества и взаимного уважения, не остались „вещью в себе“ и были освоены мировым сообществом. Дорогу осилит идущий».

В отличие от большинства присутствующих здесь, я представляю естественные науки. Когда в 1950-х годах я учился в школе, на уроке географии нам говорили, что население Земли составляет 2,5 млрд человек, а сейчас его численность достигла 7,5 млрд. Все больше людей хотят ездить на автомобилях, летать на самолетах, полноценно питаться, это нормальные потребности. В связи с этим возникают проблемы, потому что потребности необходимо гармонизировать, не должно быть избыточной траты ресурсов. Если у человека есть дом площадью 1 тыс. кв. м, то он избыточно тратит ресурсы.

В свое время наше правительство подписало международные соглашения, но после развала Советского Союза прошло время, и теперь мы понимаем, что многое было сделано несправедливо, мир начал ущемлять наши интересы и гуманитарные представления.

Несколько слов еще об одном вызове — глобальном изменении климата. За последние сто лет средняя температура планеты повысилась на один градус, в ближайшее время, может быть, увеличится на два градуса. Это ничтожно маленькая величина, но для человека и биологической системы — сильнейший удар, который может повлиять на бактериальный и вирусный состав и вызвать разные проблемы. Люди изучают возможность пандемии, которая может уничтожить все человечество. Но я должен констатировать, что в настоящее время сокращается количество метеостанций, люди и правительства экономят, причем не только в России, но и в США. Это мировая проблема.

Сейчас все чаще решение оборонных проблем перепоручается роботам, автоматическим системам. А они не имеют гуманитарных представлений, поэтому могут ошибиться, — мы рассматриваем это как серьезнейшую угрозу нашей безопасности. В связи с этим мне представляется важным обратить внимание на значение не столько образования, сколько просвещения. Имеется в виду образование не только как подготовка человека к трудовой деятельности, его квалификация, но прежде всего гуманитарное образование: человек должен понимать, что мы живем в мире, где нужно сочувствовать друг другу.

Одна из актуальных проблем России связана с изучением национальных языков в республиках. Государственная Дума приняла закон, по которому предпо-

лагается их добровольное изучение. Это европейская норма: хочешь — учи, не хочешь — не учи. Но в связи с этим возникла угроза исчезновения языков национальных республик. Образование чрезвычайно важно, и здесь роль власти должна усилиться.

Но власть представляют чиновники, лидеры партий, поэтому люди им не доверяют. Многие научные работники придерживаются следующего мнения: политика — грязное дело, они чураются политики. Но в этом случае она станет еще более грязным делом. Настоящие ученые, свою жизнь посвятившие науке (а не те, что получили от чиновников докторские степени), с молодости занимающиеся своим делом, при определенных условиях, талантах и возможностях должны идти во власть: мировые проблемы настолько важны, что их решение нельзя доверить чиновникам, так же как разрешение военных конфликтов нельзя доверять только военным.

Из вышесказанного можно сделать вывод о важности гуманитаризации образования, многоязычия и идеи, что ученые не должны чураться идти во власть, избегать важной и не очень чистой работы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, поступило приветствие от главы Санкт-Петербурга Александра Дмитриевича Беглова. В работе Лихачевских чтений принимает участие вице-губернатор Санкт-Петербурга, известный петербургский ученый, доктор социологических наук, профессор Владимир Владимирович Кириллов.

В. В. КИРИЛЛОВ[1]: — Позвольте зачитать приветствие временно исполняющего обязанности губернатора Санкт-Петербурга участникам, организаторам и гостям XIX Международных Лихачевских научных чтений:

«Дорогие друзья!

Рад приветствовать участников, организаторов и гостей Международных Лихачевских научных чтений!

Проведение масштабного гуманитарного форума стало доброй традицией для Санкт-Петербурга, где жил и трудился Дмитрий Сергеевич Лихачев — выдающийся ученый и просветитель. Его блестящие идеи стали частью мирового научного достояния. Они и сегодня сохраняют свою актуальность.

Тематика научных чтений 2019 года включает наиболее важные и острые вопросы современности, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России, всего мирового сообщества.

Уверен, что форум послужит укреплению международных гуманитарных связей.

Желаю всем вам плодотворного общения и самых ярких впечатлений от встречи с нашим прекрасным городом!

Временно исполняющий обязанности губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглов».

Желаю конференции успешной работы. Всего самого доброго!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, к нам поступило приветствие от главы ЮНЕСКО госпожи Азулай. Она очень высоко оценивает роль Лихачевских чтений и желает нам успеха. Надо сказать, что в последнее десятилетие мы каждый год получаем приветствия от ЮНЕСКО, то есть работа Чтений заметна с точки зрения этой крупнейшей в сфере культуры организации при ООН.

И еще одно приветствие, которое мне хотелось бы особо отметить. Впервые за многие годы в нашей работе не смог принять участие Михаил Викторович Шмаков, председатель Попечительского совета нашего Университета и постоянный автор содержательных докладов, отражающих проблемы отношений между трудом и капиталом в глобальном мире. К нынешним Чтениям Михаил Викторович тоже представил свой доклад, но он был делегатом состоявшегося в эти дни Съезда профсоюзов, на котором был триумфально избран на следующий срок главой Федерации независимых профсоюзов России.

Приведу некоторые данные. В российские профсоюзы входят 20 млн человек, которых на съезде представляли 632 делегата. 610 из них, то есть 96 % участников, проголосовали за председателя нашего Совета попечителей. Это невероятный рейтинг, особенно если учесть, что голосование было тайным. ФНПР — не только крупнейшая общественная организация страны, но и самая демократичная, где по всем актуальным вопросам идут острейшие дискуссии.

Приветствие Михаила Викторовича Шмакова огласит его заместитель и руководитель нашей университетской лаборатории по анализу и прогнозированию социально-трудовых конфликтов соответствующего Центра при нашем Университете. Евгений Иванович, прошу Вас.

Е. И. МАКАРОВ[2]: — Я хотел бы начать с темы Международной организации труда. Во-первых, потому что в этом году она празднует 100-летие со дня основания, во-вторых, потому что среди учреждений, созданных в рамках Организации Объединенных Наций, это единственная международная организация,

[1] Вице-губернатор Санкт-Петербурга (с 2014 г.), доктор социологических наук, действительный государственный советник РФ 1-го класса. С 1973 по 1991 г. — служба в пограничных войсках КГБ СССР. Начальник Управления делами, помощник главы администрации Выборгского района Ленинградской области (1991–1993). Первый заместитель администрации Выборгского района Ленинградской области (1993–1994). Глава администрации Выборгского района Ленинградской области (1994–1996). Глава администрации муниципального образования Выборгский район Ленинградской области (1996–2000). Первый вице-губернатор Ленинградской области (2000–2007). Советник Председателя Совета Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ (2007–2008). Руководитель Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (2008–2014). Награжден орденом Почета, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Александра Невского.

[2] Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (с 2012 г.), научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, тематике социально-трудовых отношений и конфликтов, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы», «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга» и др. Действительный государственный советник 2-го класса. Почетный профессор СПбГУП.

построенная на принципах поиска компромиссов. Никакие структуры в рамках ООН — ни Всемирный валютный фонд, ни ЮНЕСКО, ни одно из всех остальных 14 специализированных глобальных учреждений — не имеют трехстороннего представительства и подобной системы выработки взаимоприемлемых решений. Предсказуемость возможна исключительно при достижении согласия между разными сторонами, борющимися за свои экономические интересы; к сожалению, по-другому построить стабильные отношения в рамках капиталистической системы сегодня нельзя. Конечно, у каждого из партнеров, собирающихся за столом переговоров, всегда есть «камень за пазухой». У рабочего класса это классовая борьба, забастовки, революции (мирные); у работодателей всегда есть арсенал средств, с помощью которых он может заставить работников выполнять то, что ему нужно, — локауты, увольнения, наем штрейкбрехеров; у государства есть законодательство и полиция со слезоточивым газом.

Нахождение взаимоприемлемого решения между не фиктивными, а реальными участниками экономической жизни — единственная модель, которая оказалась жизнеспособной и позволила построить систему социального партнерства в России. У нас, как и во всем мире, случаются социально-трудовые конфликты. За те почти семь лет, что я работаю научным руководителем Центра мониторинга «Трудовые конфликты» (сайт проекта industrialconflicts.ru), в стране зафиксировано более 980 масштабных конфликтов. Но это не значит, что они ведут к разрушению экономики — напротив, они являются способом выхода из трудностей в экономической жизни, индикатором поиска и средством нахождения взаимоприемлемых решений.

Однако стабильность в экономической жизни любой страны зависит не только от работников, работодателей и органов государственной власти. Сегодняшняя мировая экономическая система превратилась в поле нечестной конкуренции и военно-политического давления. Это не только мое мнение — многие делегаты съезда ФНПР выражали обеспокоенность этим фактом. Мы обсуждали это на съезде, в том числе с участием президента страны, который, понимая значение социально-трудовых отношений и социального партнерства, сделал несколько интересных, на мой взгляд, заявлений. Во-первых, он сказал, что преследование профсоюзных активистов на предприятиях, препятствование созданию и деятельности профсоюзных организаций есть повод для разбирательства прокуратуры. Да, в стране есть нормативно-правовая база, но она, к сожалению, используется весьма избирательно и не всегда на основе безусловного признания права на объединение в профессиональные союзы. Нужно подкрепить базу правоприменительной практикой, об этом говорил президент. Во-вторых, что систему социального партнерства необходимо развивать на всех уровнях, во всех субъектах Российской Федерации, независимо от того, хочет этого глава администрации (губернатор) или нет. Нам необходима общенациональная система поиска согласия, по крайней мере в экономических отношениях. А что это, как не попытка сделать наш экономический мир более предсказуемым?

Съезд принял программу «За справедливую экономику», которая была озвучена на заседании. Сегодня это важнейшая позиция, на наш взгляд. Мы предлагаем властям всех ветвей и уровней, в том числе Президенту страны, вернуться к вопросу корректировки принципов налогообложения физических лиц. Мы считаем, что богатые должны платить за мир, и не 13 %, как все, а больше, в зависимости от размеров дохода; те же, кто получает доходы ниже прожиточного минимума, должны быть освобождены от налога на доходы. В. В. Путин, конечно, не дал немедленного ответа, но мы знаем, что когда он вернулся в Кремль, то собрал тех, от кого зависит решение этих вопросов, для обсуждения предложений, услышанных на съезде. Думаю, что несколько тезисов, которые он представил на съезде, получат дальнейшее развитие в виде поручений и указаний с его стороны.

Заканчивая свое выступление, хочу сказать следующее. Съезд — это не только возможность для делегатов высказать коллегам все свои тревоги и претензии, порожденные их повседневной деятельностью в регионах. Это еще и способ, и необходимость подсчитать свои ряды, посмотреть в глаза членам профсоюзов и понять их основные, самые глубинные нужды. Так вот, было сказано, что в рядах Федерации независимых профсоюзов России состоит чуть больше 20 млн членов. Сегодня в Российской Федерации 75 млн человек трудоспособного населения, мы же представляем всего около 30 % занятых. Что могло бы удивить, 30 % из 20 млн членов профсоюзов — молодежь в возрасте до 35 лет, но и это не предел, молодежь ищет способы реального участия в экономической жизни. На съезде было отмечено, что в России неудержимо меняется демографическая ситуация и соответственно меняются профсоюзы, подходы к задачам и требования к деятельности.

Призываю всех, кто находится в этом зале, всегда тщательно анализировать свои действия, взвешивать их с точки зрения того, добавляют ли они стабильности нашему обществу, делают ли его более предсказуемым. Уделяйте больше внимания молодежи, давайте ей дорогу, передавайте свой опыт. Только так мы сможем преодолеть все трудности!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, сейчас я хотел бы пригласить на трибуну судью Конституционного Суда РФ Гадиса Абдуллаевича Гаджиева, Почетного доктора нашего Университета.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я выступаю здесь от имени Конституционного Суда Российской Федерации, от имени судей, представивших свои доклады. Тем самым я выполняю поручение председателя КС Валерия Дмитриевича Зорькина.

На этой неделе в Конституционном Суде в рамках юридического форума состоялась большая международная конференция, в которой приняли участие 55 делегаций, представлявших высшие суды разных стран. Повестка была необычной и очень интересной:

конституционная идентичность, соотношение конституций и универсалистского подхода к правам человека. Эти вопросы до сих пор не обсуждались, хотя имеют прямое отношение к проблемам мироустройства, к конфликтам, которые сегодня происходят. Для меня было удивительно, что большинство выступающих (а это и председатель Верховного Суда Индии, и делегат от Пакистана, и представители еще многих стран) приняли эту повестку и говорили о неизбежности именно такого подхода, когда учитывается конституционная идентичность.

На следующий день после этой конференции состоялась публичная лекция профессора Зорькина. Он выдвинул очень интересную идею, по сути новое философско-правовое осмысление современного права, — идею метамодерна. Я считаю, что эту его лекцию можно рассматривать как своего рода вклад в работу Лихачевских чтений.

Эмоциональным толчком для моего сегодняшнего выступления послужило недавнее посещение «Гамлета» Льва Додина в Театре Европы в Санкт-Петербурге. Режиссер ставил Шекспира, но одним из персонажей стал Саксон Грамматик — датский летописец XII–XIII века, который как бы принимает участие в сочинении сценария для этого спектакля. И мы видим на сцене не только рефлексирующего молодого философа, а прежде всего убийцу, уничтожившего много людей (как это было на самом деле). И этот человек в середине спектакля почему-то говорит: «Насильственные действия концом своим насильственные действия имеют». В этом, собственно, загадка: человек, совершивший акт высшего насилия, — почему он говорит об этом, как будто осознавая значение своих действий. Этот вопрос, который задал самому себе, в общем-то, повлек за собой некоторые «нетеатральные» мысли.

Почему доктрина Монро 1821 года, весьма в то время прогрессивная, провозгласившая право бывших колониальных стран на самозащиту, к концу XIX века оказалась абсолютно искаженной? Почему она превратилась в апофеоз колониализма и колониальных волн? Эти вопросы заставляют задуматься: кто все же прав в вечном споре, который можно проследить по работам наших известных философов? Прав ли Кант с его проектом вечного мира, с идеализмом, с надеждой на то, что все благополучно образуется и все станут уважать универсальные права человека? Или правы другие, более скептичные философы, которые придерживаются относительно реалистической точки зрения, что универсалистский подход к правам человека зачастую используется для разрушения и не может быть оправдан?

И третий подход — основанный на признании культурного релятивизма, то есть признание, что преодолеть культурную самобытность, если уж это требуется, быстро не получится, поэтому надо руководствоваться принципом, лежавшим еще в основе Вестфальского мира, — принципом сдерживания, соблюдения баланса.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — От имени зарубежных дипломатов, работающих в России, слово предоставляется послу Ирана в Российской Федерации господину Мехди Санаи.

М. САНАИ: — С прошлого десятилетия можно наблюдать два основных процесса формирования мирового порядка. Первый — усилия, направленные на окончание Вестфальской системы международных отношений. Эта система опиралась на суверенные правительства и официальные границы, а также на принцип невмешательства стран во внутренние дела друг друга, отказа от применения силы. Поствестфальская система основывается на глобализации, распространении идей западного мира, в том числе соблюдения прав человека. Ее основной ветвью является Запад. Второй процесс — формирование мультилатерализма и многополярности, стремление к партнерским отношениям между всеми странами, продолжения принципов вестфальской системы, а также уважение к национальному суверенитету, незыблемости границ и региональной безопасности.

Принимая во внимание эти два процесса, с 2010 года в регионе Ближнего Востока можно увидеть результаты смешения двух указанных процессов в региональном и глобальном масштабе. Ориентация на Запад привела к образованию глобальной среды, к уничтожению государственных структур в Ливии, Йемене и Сирии и как следствие — к усилению неправительственных радикальных и террористических организаций.

Во втором процессе активное участие принимали такие страны, как Россия, Иран и Турция. С их помощью была обеспечена возможность установления стабильности в Сирии, разгромлены террористические группировки. Это свидетельствует о том, такие серьезные проблемы поддаются решению.

Между тем роль Востока в мире в наши дни возрастает. Об этом свидетельствует образование Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и других структур, поддерживающих этот «восточный поток». Я убежден в том, что будущее мира — многополярность при усилении роли Востока и особенно Азии.

Современный Иран также выступает за сотрудничество. В 2001 году мы стали инициаторами проведения форума «Диалог цивилизаций», а по предложению нынешнего президента Ирана ООН приняла резолюцию «Мир против насилия и радикализма». Однако есть страны, которые вместо диалога практикуют политику санкций. Каждый день можно слышать, что объявляются санкции — то против Китая, то против Турции, то против России. Санкции стали ходовым инструментом и уже воспринимаются почти как норма. Мы считаем, что это временно, а стратегической линией все же будет диалог, это мультилатерализм и многополярный мир. По-другому просто не может быть.

Мы будем продолжать сотрудничать с Россией, Китаем, со странами региона по разным направлениям.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я предоставляю слово для доклада господину Моратиносу Куйяубе.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Уважаемые гости, дамы и господа, дорогие студенты! Я рад вновь посетить Санкт-Петербург и участвовать в XIX Международных Лихачевских научных чтениях в Университете, почетным доктором которого я являюсь.

Я в восьмой раз участвую в Лихачевских чтениях. В этот раз я выступаю в новой роли — как глава «Альянса цивилизаций» ООН. Это означает, что я могу обратиться к участникам данного форума, студентам с посланием от Организации Объединенных Наций. Если бы этого форума не было, нам бы следовало его создать.

Мы живем в эпоху перемен, когда происходят серьезные изменения, и в таких условиях мы пытаемся формировать будущее. Обычно я пытаюсь этот мир каким-либо образом квалифицировать: так, в прошлом году я назвал его глобальным, сложным, неопределенным. Мы должны определить, в каком направлении нужно двигаться, чтобы исполнились наши мечты о будущем.

Мы живем в глобальном мире, в котором все взаимозависимо. Более того, наш мир совсем небольшой: любое событие, произошедшее в Латинской Америке, Азии, Африке или Европе, оказывает влияние на всех нас. Никто не может остановить процесс глобализации.

Экс-президент США Б. Клинтон вел свою предвыборную кампанию под лозунгом «Это экономика, глупый!» Но мы не можем сказать, что экономика — это глупо, как и политика, технологическая революция, наука, изменение климата. Нам нужны все эти элементы и многие другие, чтобы осознать сложность мира, потому что он включает не только национальные государства, но и местные муниципалитеты, гражданское общество и пр.

Мы наделены общей ответственностью. Как мы собираемся решать проблемы нынешнего и завтрашнего дня? Есть два пути. Первый (то, что некоторые из нас пытаются сделать) — сохранить традиционный подход к глобальным проблемам. Это так называемое равновесие сил, общие амбиции. Второй путь, предложенный ООН и другими организациями, — мультилатерализм.

Я — защитник и сторонник мультилатерализма. Считаю, что нужна новая форма кооперации с международными и региональными организациями. Я называю ее инклюзивным мультилатерализмом. Необходимы ООН как его центр, а также тесные связи с гражданским обществом, религиозными лидерами, научными кругами, в том числе с участниками Лихачевских чтений. Нужны молодые люди со свежими идеями, которые стремятся сформировать мировоззрение, мышление, при котором мультилатерализм станет инклюзивным, то есть всеобщим, и будет передаваться в массы.

Особое место среди угроз занимают глобальный терроризм и ярый экстремизм. Я не могу придумать другой способ решения проблем, кроме глобальных ответов на вызовы, в основе которых лежит инклюзивный мультилатерализм.

«Альянс цивилизаций» остается ревностным защитником всеобщего единства и эффективного мультилатерализма путем продвижения диалога культур и вероисповеданий. Наш девиз прост: «Много культур — одно человечество».

В современной политической философии существуют различные, нередко конкурирующие между собой концепции человеческого братства. Я должен добавить, что человеческое братство истинно и базируется на уважении к другим. Тем не менее во всех уголках земного шара мы видим разрушение, размывание универсальных ценностей и рост социальных и культурных различий. Это весьма странно, потому что в современном мультикультурном, многополярном, мультиэтническом мире можно ожидать, что мультилатерализм одержит победу, а люди станут космополитичными в большей степени.

Вместо этого — терроризм, насилие в отношении этнических групп, исламофобия, антисемитизм, ксенофобия, провокационные заявления и агрессивная риторика, ультранационализм. Продолжают совершаться жестокие преступления — они на совести человечества (в Новой Зеландии, Шри-Ланке, Мьянме и пр.). Религиозные и этнические меньшинства все еще остаются уязвимыми группами населения, особенно в ситуации конфликта. Девушки и женщины по всему миру продолжают страдать из-за дискриминации по признаку пола. Так не может больше продолжаться.

Проблемы и вызовы представляют собой суровую реальность. Они испытывают на выносливость местные сообщества и подрывают веру в институты. Однако сегодня у нас есть возможность продемонстрировать на практике общую ответственность и убеждения, чтобы понятие всеобщего братства вновь стало основой международного сотрудничества.

Позвольте сказать несколько слов о прагматичных подходах к парадигме движения вперед. Во-первых, «Альянс цивилизаций» ООН остается ревностным защитником всеобщего единства и эффективного мультилатерализма. Во-вторых, глобальное, инклюзивное гражданство, когда люди имеют равные возможности и права независимо от их пола, вероисповедания или принадлежности к этнической группе, является предпосылкой мирного сосуществования, но исключительно инклюзивное гражданство не является панацеей. Этнические и религиозные меньшинства во всех регионах продолжают сталкиваться с дискриминацией и угрозами в форме экстремистских атак или ограничительной, исключающей политики, продвигаемой ультранационалистами.

В рамках классической концепции гражданства мы должны учить культуре мира с раннего возраста, чтобы люди различных вероисповедания и культуры воспринимали себя гражданами мира. Я верю, что обучение граждан мира является лучшим способом привить эти ценности.

Мы объединены общими связями, наша культура сцементирована общим наследием, но для того, чтобы процветало всеобщее братство, каждое общество должно обладать базовым уровнем свободы, равенства и политического единства. Чтобы это ви́дение стало реальностью, нужно принять ряд обязательств и принципов: партнерство и сотрудничество между всеми людьми и народами нужно расширять, углублять и ак-

тивизировать. «Альянс цивилизаций» ООН продолжает поддерживать коллективный поиск справедливости, достоинства и мира.

Позвольте предложить десять заповедей человеческого братства от «Альянса цивилизаций»:

1) уважение ко всем народам и людям;

2) диалог как инструмент для лучшего понимания между культурами;

3) толерантность как основа уважения;

4) эмпатия как этическая добродетель;

5) всеобщее единство как гарантия соблюдения равных прав;

6) разнообразие как позитивная и обогащающая концепция;

7) солидарность как обязательство помогать другим;

8) достоинство и равные права всех членов человеческого общества;

9) мультикультурализм как проявление разнообразия;

10) convivencia (исп.) — совместная жизнь, мирное сосуществование.

Эти десять заповедей помогут создать соответствующую атмосферу, чтобы мы почувствовали, что обязаны построить лучшее будущее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется другому нашему зарубежному участнику. Профессор Дуткевич, пожалуйста.

П. ДУТКЕВИЧ: — Добрый день, уважаемые коллеги. Поезд сошел с рельсов, но машинист продолжает его вести. И поезд продолжает двигаться, хотя и не по рельсам и непонятно в какую сторону. Эта метафора отражает ситуацию, сложившуюся в нашем государстве, но ее можно применить и ко многим другим государствам, регионам, международным институтам и корпорациям. В этом поезде начались интересные процессы. Во-первых, публика разделилась на первый и второй класс, и меньшинство переместилось к началу состава, поближе к машинисту. А большинство — те, у кого не хватило средств, оказались в последних вагонах и не знают, что с ними случится завтра. Контакт между первыми и вторыми отсутствует.

Однако, что удивительно, хотя рельсов нет, колеса как-то приспосабливаются и поезд продолжает движение. Но машинист задается вопросом: куда ехать, если нет дороги? А в этом время в последних вагонах люди начинают беспокоиться, понимая, что машинист не знает куда едет. Более того, они перестали доверять и его помощникам. Ситуация становится по-настоящему опасной. Машинист ведет поезд в неизвестном направлении, его помощники говорят, что все в порядке, но пассажиры точно знают, что это неправда.

У машиниста возникают два чувства. Первое, о котором я сказал, — страх, второе — желание сделать так, чтобы все ощущали стабильность и уверенность в будущем. Как он может этого добиться? Ему в голову приходят два способа: материальными средствами и нематериальными мерами. Материальные — это деньги и другие ресурсы, нематериальные несколько сложнее. Задача заключается в том, чтобы сформулировать «правильную» повестку дня, которая убедила бы всех в верности пути, и таким образом легитимировать действия машиниста. Есть и еще одно решение: укреплять институты. Эти три стратегии — основные для создания новой гегемонии.

Как долго это может продолжаться — неизвестно. Но никто не задумывается о том, что надо быть толерантными и уважать друг друга. И это правильно, потому что наступило время выживания. И таких сбившихся с пути поездов сотни. Если пассажиры в последних вагонах будут недовольны, то можно разрешить им обращаться с предложениями о том, куда ехать, но не очень настойчиво, потому что машинист не любит революционных действий и будет решительно сопротивляться, отдавая соответствующие распоряжения своим помощникам. Период нестабильности, в который мы входим, продлится какое-то время. Рано или поздно ситуация должна прийти в относительное равновесие. Во всяком случае, молодежи в будущем точно доведется наслаждаться новым мировым порядком, но сначала придется ехать с машинистами, от которых не надо ожидать слишком много.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, хочу обратить ваше внимание на то, что Лихачевские чтения третий год подряд посвящены (с небольшими модификациями) одной и той же теме — будущему. Боюсь, что причина нашей сосредоточенности, чтобы не сказать зацикленности, на будущем является иной: будущее стало слабым местом современного общественного сознания и гуманитарного знания, источником боли социального организма, которую мы ощущаем, но природу которой не можем понять. Мы говорим о планах в той или иной сфере, разрабатываем разного рода стратегии, национальные проекты, в практике управления привычным, даже модным, стало понятие дорожной карты, словом, мы пытаемся заглянуть вперед, ориентировать свою деятельность во времени. Возникает вопрос, идет ли во всех подобных случаях речь о будущем?

Прежде всего необходимо конкретизировать само понятие будущего. С точки зрения грамматики к будущему времени относится и то, что произойдет через час, год, 10 лет и в неопределенно далеком времени. Как далеко мы должны заглядывать вперед, чтобы можно было говорить о будущем как особом специфическом аспекте человеческого познания и практики, и сводится ли проблема к количественным параметрам?

Особое значение понятия будущего в мировоззрении современного человека определяется тем, что оно связано с движением вперед, представлением о прогрессе, качественном улучшении жизни. Для нас будущее — это пространство более светлого и лучшего, несуществующая счастливая страна, утопия, как ее назвал Томас Мор. Под флагом исторического оптимизма осуществлялся переход от феодально-со-

словных порядков, монархического строя и полуобразованного состояния общества к демократическому жизнеустройству, национальным государствам, просвещению народа. Современная капиталистическая цивилизация, как бы мы ее ни называли — постиндустриальным обществом, обществом знания, информационным обществом и так далее, формировалась именно как общество, которое несло в себе новые возможности и ценности. И все было прекрасно, пока речь шла о создании, строительстве самого капитализма, его вдохновляющих лозунгах и преимуществах по сравнению со средними веками. Но когда речь зашла о собственной судьбе самого капитализма, ситуация изменилась. Возник вопрос: это — «последняя остановка» или потом, после капитализма, будет какое-то другое жизнеустройство, лучше этого, которое требует отказа от этой цивилизации в ее существенных основах? Здесь появились две линии, два жизнепонимания, которые мы знаем как социализм и капитализм. Спор между ними шел о том, сохраняются ли возможности развития современной цивилизации на ее капиталистической основе, являются ли эти возможности безграничными или все-таки в настоящее время они исторически исчерпаны и на смену ему придет коммунистический строй?

Мы знаем, что капитализм выиграл в этом эпохальном противостоянии, и его главным трофеем, как образно заметил Александр Александрович Зиновьев, стало будущее. Буржуазная цивилизация как бы обрела собственность над ним, и теперь будущее — как улучшенное, светлое, качественно иное — эту цивилизацию больше не интересует. Она вполне довольна собой, спокойно смотрит на свой завтрашний день, ибо ничто ему там не грозит. Коллега профессор Петр Дуткевич употребил метафору: поезд сошел с рельсов. Проблема может оказаться хуже, чем мы думаем, и дело не в том, что поезд сорвался или что машинист едет не туда, а в том, что в этом поезде вообще нет машиниста. Он просто едет по колее. В самом деле, что мы хотим от будущего, видим ли мы в нем качественно иное по сравнению с тем, что мы имеем сегодня? В серьезном смысле, нет; на самом деле в будущем мы видим то же самое настоящее, только чуть улучшенное. Общественное сознание и в России, и в других странах как на обыденном уровне, так и на уровне философских проектов характеризуется тем, что в нем нет будущего, в нем есть после, но нет другого. В том чемпионате, в котором принимают участие разные страны, государства, народы, разыгрываются не социальные проекты будущего, там на кону стоят различные культурно-цивилизационные идентичности. Мы говорим о геополитике, то есть о самоопределении в пространстве, а не во времени, и когда речь идет о будущем, то подразумеваем его в физическом смысле (что будет после) и мыслим его как некое «подчищенное» настоящее.

Господствующие общественные настроения в том, что касается социального будущего, характеризуются потерей исторического оптимизма. Под вопросом оказывается сама идея общественного прогресса. Это, конечно, не означает, что люди отказываются от надежд. Они просто ищут другие пути для удовлетворения веры в лучшее и в той мере, в какой речь идет о социальных возможностях, обращают свои взоры не столько на будущее, сколько на прошлое. Как пишет Зигмунд Бауман, фиксируя эпохальное изменение вектора социальных настроений, на смену утопии приходит ретротопия («Ретротопия» — так он назвал свою книгу 2017 г., которая недавно вышла на русском языке).

Разочарование в социальном будущем, имея в виду невозможность построения идеального общества, отказ от социальных утопий, обязывает более конкретно определить будущее как предмет социального познания. Хотел бы в связи с этим обратить внимание на два важных момента. Первое. Будущее невозможно познать в том смысле, в каком мы употребляем понятия «знание», «познание» — как нечто научно достоверное. Это невозможно по той причине, что будущее — это не реальность, которая существует в некой отдаленной перспективе. Его нельзя высмотреть, подобно тому, как мы можем высмотреть, вооружившись разного рода приборами, вещи, расположенные от нас на далеком расстоянии. Социального будущего в содержательном (эмпирическом) смысле не существует, оно существует лишь в качестве мечты, надежд, идеалов. Это то, что еще должно быть построено в результате нашей же деятельности, которая сама войдет в будущее в качестве его существенного элемента. Второй момент, порождающий и оправдывающий разочарование в прогрессистском взгляде на будущее, связан с тем, что оно, как правило, было превращенной формой идеологии. Будущее считалось такой высокой целью, ради которой допускались недопустимые средства и неоправданные жертвы. Апелляция к будущему ради счастья грядущих поколений была наиболее типичным аргументом для оправдания насилия и войн. Оба отмеченных момента свидетельствуют о том, что социальное будущее — это не только философско-историческая проблема, касающаяся эпохальных событий и движений больших масс людей, но одновременно также нравственная проблема, включенная в структуру индивидуальной ответственности индивидов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, представляю вам главного редактора «Литературной газеты» Максима Замшева.

М. А. ЗАМШЕВ: — Добрый день, дорогие друзья! Замечательно, что Лихачевские чтения посвящены такой насущной теме, как глобальный кризис международных институтов. Понятно, что этот кризис начался не сегодня, а теперь наступили его ощутимые и очень серьезные последствия, поскольку в свое время не заметили его начала. Наверное, даже пять лет назад было трудно представить, что в Донбассе будут происходить военные действия, что в центре Евразии появится никому не подконтрольная террористическая цивилизация-государство, и многого другого. То есть следствие мы видим, но каковы причины?

Один из ключевых факторов нынешнего кризиса — разрушение системы международных обязательств,

принятых после Второй мировой войны. В то время как бы враждебно политики ни были настроены друг к другу, все же было очевидно, что мир — это главная ценность. Приоритетом мировой политики стала система сдержек, а не наращивание угроз. Но прошли десятилетия, и западные политики, которые помнили ужасы войны, ушли со сцены. Мир стал развиваться, появились компьютерные технологии, в том числе различные игры. И, увы, сейчас к власти приходит поколение политических дилетантов, для которых война — это не более чем компьютерная стрелялка, развлечение. При этом международные институты, в частности Организация Объединенных Наций, мало на что могут влиять. Я уже не говорю о том, что везде очевиден диктат англо-саксонских стран.

Второй, не менее важный момент (Александр Сергеевич об этом сказал) — современные медиа. Почему? Дело в том, что тема новостей, которая легче всего монетизируется, — вражда. Например, если какой-нибудь западный политик скажет: «Россия — наш враг», то все СМИ это моментально процитируют. Пройдет ли там мероприятие, связанное с культурным обменом, — ни одно медиа не отзовется. Ведь может дойти до того, что кто-то сделает неосторожный политический жест — и ядерное оружие окажется у террористов. И тогда наши гуманитарные конференции и жаркие дискуссии уже не будут иметь никакого смысла.

В этой ситуации естественным образом обращаешься к авторитету академика Лихачева, который всегда повторял, что культура первична. Она настолько важна, что ее нельзя отпускать на произвол рынка. Между тем во всем мире рыночные отношения проникли в культуру, отсюда вся эта медийная продукция на потребу невзыскательной публики. Министерство культуры тоже стало «рыночным». Два миллиарда рублей было вложено в Российские сезоны в Японии — сумма, которой хватило бы, например, «Литературной газете», которую я возглавляю, на двести лет работы.

Очевидно, что одна из гуманитарных проблем современного мира — то, что государства оценивают друг друга по ядерной мощи, силе армии и тому подобному, а не по культурному потенциалу. Думаю, что каждой из стран надо снова научиться воспринимать других не как на врагов с пушками, а как культуры, в которых есть замечательные писатели, художники, ученые, музыканты.

Думаю, что этот кризис потихонечку будет «рассеиваться». Во всяком случае, очень хотелось бы этого и, надеюсь, что не только нам.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну нашего гостя из Соединенных Штатов Америки Джеймса Гэлбрейта.

Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ: — В выступлениях коллег уже прозвучали мысли, которые я собирался высказать, — о том, как будущее формируется идеологией. В частности, на Западе идея экономического развития возникла как идеологическая реакция на условия, сложившиеся во второй половине XX века. Среди прочего речь шла о разрушении колониальной системы и более пристальном внимании к альтернативной модели, представленной Советским Союзом.

Над такой идеей определенно работали в США Уолт Ростоу, Саймон Кузнец и — более искусно и утонченно — Альберт Хиршман. Модель, к которой стремились в то время, не включала свободный рынок и капитализм, скорее это были социальная демократия или государство всеобщего благосостояния, где сочетаются взаимные выгоды и организованный прогресс при свободном частном предпринимательстве. Малый бизнес в этой модели есть, но крупные промышленные компании доминируют. Таким образом, ключом к эффективному развитию должно было стать не только образование (хотя оно, безусловно, необходимо) и научно-технический прогресс, но в гораздо большей степени — система регулирования, правила игры. Общий порядок будет управлять фактически всем, от здравоохранения и безопасности рабочих до надежности продукции и ее растущей сложности, до структуры заработной платы, общего функционирования экономики, состояния окружающей среды. Система регулирования, разработка правил и всеобщее подчинение им — вот что провозглашалось конечной целью и сутью экономического развития.

Около 40 лет назад эта концепция была поставлена под вопрос в теории, но осталась в практике. Сегодня страны, которые продолжали следовать этой модели, мы относим к самым успешным. Это, как утверждал мой отец, Германия, Япония, Республика Корея и недавно добавившаяся к ним Китайская Народная Республика, растущая гигантскими темпами. Но в том мире, который иногда называют Англосферой, стала доминировать альтернативная идеология: саморегуляция, доминирование финансового сектора, а затем в результате развития техники и технологии — когнитивные изменения. Распространяемая информация зачастую является заказной, в зависимости от контекста меняются концепции одних и тех же фактов.

Я также согласен с тем, что олицетворением сверхстабильности Вестфальской системы международных отношений стала холодная война и четкое разделение мира на два уравновешивающих друг друга, если хотите, противостоящих друг другу блока.

Но есть и более глубокая проблема. Что мы считаем фактами? Какую из когнитивных зон нам следует принять и как прийти к такому принятию? Этот спор не может быть урегулирован на основе плюрализма и взаимоуважения (хотя они важны), здесь требуются независимая мысль, научные исследования и тщательная оценка доказательств в соответствии со стандартами, установленными сотни лет назад в «Веке разума».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется директору Института Африки РАН, члену Президиума РАН Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Уважаемые коллеги, я кратко остановлюсь на тех вопросах, которые, на мой взгляд, заслуживают обсуждения. Первое. Современная ситуация напоминает обстановку в Европе перед Первой мировой войной. Тогда шла борьба за передел

ресурсов и рынков, а основные противоречия были между Британией и Германией. Сейчас у нас другое главное противоречие — между базисом и надстройкой. Мировая экономика все больше смещается с севера на юг и с запада на восток, но все политические институции находятся в руках западного сообщества. Это и порождает те противоречия и конфликты, которые мы наблюдаем в настоящее время.

Однако, в отличие от начала XX века, у нас есть такие важные инструменты, как ядерное оружие, которое в определенной степени играет роль сдерживающего фактора, и информационные технологии, которые позволяют нам перенести борьбу из материальной в идеологическую сферу. Сегодня идет борьба за новые ресурсы и рынки, но она ведется совершенно другими способами. Далеко не всегда требуется прямая военная конфронтация, зачастую бывает достаточно манипулирования общественным сознанием, «промывки мозгов» — и вы добьетесь целей, сохранив при этом свое государство и избежав опасности ядерной войны. В связи с этим внимание, в том числе крупных игроков, переносится на так называемые периферийные регионы, где также происходит столкновение интересов. Эти регионы не только являются объектами международных отношений — они все больше превращаются в субъекты.

Не следует забывать об Африканском континенте — единственной территории на нашем земном шаре, не считая России, где ресурсы еще не до конца разведаны и распределены. В настоящее время идет очень острая борьба за этот континент, и Российской Федерации очень важно не упустить в ней свой шанс.

Второе. Те нормы и правила игры, которые пока сохраняются за Западом, навязывают нам определенные стереотипы, связанные с обществом потребления. Наши идеалы в значительной степени смещаются в материальную сферу. Технический прогресс также этому способствует. Между тем понятие смысла жизни и представления о счастье могут быть различными. Знаете, какие народы считают себя самыми счастливыми по такому показателю, как индекс счастья? Африканские. Те, у кого материальное благосостояние гораздо ниже, чем в экономически развитых странах.

Наконец, третий тезис. В связи с тем, о чем я сказала, очень важна гуманитарная составляющая нашего развития. И тот факт, что мы сегодня собрались в гуманитарном университете, весьма символичен. Культура может сыграть огромную роль в будущей жизни, она имеет потенциал для этого.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу подняться на трибуну Генерального консула Франции в Санкт-Петербурге господина Уго де Шаваньяка.

У. де ШАВАНЬЯК[1]: — Тема моего выступления связана с тем, о чем сегодня на панельной дискуссии говорил господин Муса. Есть ли еще польза от международных организаций? Я считаю, что да, польза от этих структур по-прежнему велика и волноваться за них не стоит. Но почему этот вопрос все же возникает? Дело в том, что они были созданы относительно недавно и по сравнению с национальными государствами они очень молоды. Первые международные организации появились в конце XIX — начале XX века, а большинство из них — во второй половине 1940-х годов благодаря тому, что после Второй мировой войны установился новый миропорядок. Потом, в 1990-х, когда закончилась холодная война, появилась надежда, что человечество сможет организовать новый порядок на основе взаимных договоренностей, все будут придерживаться некой общей программы действий и международные организации будут играть гораздо бóльшую роль, чем прежде, в частности в обеспечении мировой безопасности. Однако в новом тысячелетии многие из этих надежд если и не испарились, то стали значительно слабее, а международные организации сегодня подвергаются суровой критике.

Во-первых, их критикуют за неэффективность, но я считаю, что это обусловлено слишком высокими ожиданиями. Хотя, наверное, можно попытаться сделать их работу более результативной.

Во-вторых, у критиков есть и другие соображения, которые внушают тревогу. Они говорят о суверенитете, но нередко это лишь предлог для отказа от того, что, как им кажется, не соответствует интересам их стран. Но если каждый будет по малейшему поводу упоминать суверенитет, то согласия достичь не удастся ни по одному вопросу. Я не буду называть страну, поскольку я дипломат, но если я скажу «ведущая страна в мире», то вы, вероятно, догадаетесь, что я имею в виду. Так вот, эта страна демонстрирует большие сомнения в пользе международных организаций, и это представляет опасность, поскольку эта страна сыграла важнейшую роль в становлении этих организаций и все эти годы была бенефициаром их деятельности.

В средствах массовой информации часто говорят о Совете безопасности ООН, но вообще международных организаций в мире большое количество, и многие из них занимаются важнейшими проблемами — здравоохранением, защитой окружающей среды и т. д. Они совершенно необходимы для будущего человечества.

Еще одна сложнейшая проблема — управление кризисными ситуациями. И здесь источником затруднений тоже служат не международные организации, а отдельные страны, особенно крупные, которые эгоистично руководствуются только собственными интересами. Но мы должны находить основания для согласия по многим вопросам. Если мы хотим, чтобы положение дел улучшилось, каждая страна должна взять

[1] Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге (с 2017 г.). Работал в Министерстве международного сотрудничества и развития Франции (Париж, 1987–1992); в Европейской комиссии (Брюссель, 1992–1995); в Управлении по экономическим и финансовым вопросам при МИД Франции (Париж, 1995–1998); вторым советником в Посольстве Франции в России (Москва, 1998–2001); в Постоянном представительстве Франции при Евросоюзе (Брюссель, 2001–2005); советником президента Румынии по европейским вопросам (Бухарест, 2005–2007); в Генеральном секретариате Комиссии по Белой книге о международной и европейской политике Франции (2007–2008); директором по вопросам международных и европейских связей в МИД Франции (Париж, 2009–2010); советником по сотрудничеству и культуре и директором Французского института при Посольстве Франции в России (Москва, 2010–2013); в Управлении по вопросам предпринимательства и международной экономики при МИД Франции (Париж, 2014–2016).

на себя свою долю обязательств — это непременное условие для того, чтобы начать движение в верном направлении.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А теперь приглашаю выступить Андрея Геннадьевича Лисицына-Светланова.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Глубокоуважаемые коллеги, некоторые прозвучавшие здесь выступления, касающиеся оценки современных международных отношений, натолкнули меня на мысль предложить некоторые исторические параллели, связанные с необходимостью согласования ведущими государствами мира нового правопорядка.

Мы сейчас находимся в ситуации, когда надо подумать о том, каким может быть наше будущее. Вспомним Ялту 1944 года (известную всему миру фотографию трех лидеров), где в ходе продолжающейся войны состоялась встреча трех очень разных лидеров, трех очень разных государств, с очень разным будущим. Один представлял обновленную и очень видоизмененную империю, которой предстояло стать «великой державой». Второй — империю, в которой «никогда не заходило солнце», но которая рухнула через несколько лет. Третий — страну, которая не так давно преодолела страшную коррупцию и экономическую депрессию, кроме того, имевшую малый опыт в делах глобальной политики, но которая стала не только «великой державой», но и на многие годы единственной ведущей экономикой мира.

Тогда перед ними стояла задача: определить, что делать дальше, после того как погибло пятьдесят миллионов человек. В Ялте началось строительство послевоенного миропорядка, создание нового международного права.

Оно было создано не сразу. Только в 1948 году была принята Всеобщая декларация прав человека — основополагающий документ той эпохи. Но что представляла собой политическая карта в то время? Масса колоний, подконтрольных территорий. Если дать объективную оценку реалиям того времени, то в Декларации речь шла только о тех странах, которые занимались ее разработкой, остальное население планеты, похоже, в расчет не бралось. Да и в США еще продолжали действовать порядки, носившие отпечаток расовой сегрегации.

В 1970 году были сформулированы Основные принципы международного права, получившие признание как императивные. На то, чтобы их разработать, в условиях уже холодной войны потребовалось значительное время. И опять же, это право создавалось в основном Советским Союзом, Европой и Соединенными Штатами Америки, то есть странами цивилизационно близкими, по крайней мере в измерении их правовых систем.

В настоящее время карта мира — как политическая, так и правовая — совершенно другая. Она включает не просто более широкий набор стран, но и разнообразие их сущностных измерений. Речь идет о государствах, представляющих в том числе древнейшие цивилизации, отличные от «евро-американской».

Современный кризис в международных отношениях и в международном праве не сравним с военной трагедией. Но каким может быть новое международное право, когда оно должно быть создано столь разными по своим традициям государствами?

Вторая проблема в формировании будущего правопорядка связана с развитием самого человечества и новым этапом развития его технической мысли. Формирование новой среды его обитания — это киберпространство. Это пространство, с точки зрения формирования его правового регулирования, принципиально отличается от существующей ныне модели.

До последнего времени любую систему национального права можно назвать «правом вытянутой руки» — руки суверена, действовавшей в границах своих владений. Право изначально носило территориальный характер, а согласование воли суверенов делало возможным создание международного права. Но теперь появилось киберпространство. Оно не связано границами государств. В нем не только содержится информация, но и совершаются юридически значимые действия, формируется общественное мнение, наконец, формируется рынок как экономическая основа существования цивилизационного пространства.

Какова будет философия нового права? Как оно будет взаимодействовать с существующим правом, действующим в реальном пространстве? Техническая мысль стала опережать общественную. Поэтому призываю всех размышлять, выдвигать идеи — думать о том, как построить правоотношения в новом мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на сцену госпожу Индрани Талукдар.

И. ТАЛУКДАР: — Когда закончилась холодная война, мы думали, что это конец биполярной модели, и это были позитивные новости для всего мира. Индия, Китай и другие страны стали быстро расти, формировался новый многополярный мировой порядок. На первый взгляд, страны стали больше сотрудничать, однако проблемы, которые мы видим, заставляют сомневаться в устойчивости сегодняшнего мироустройства. Откуда они взялись, эти проблемы? Я считаю, что это продолжение биполярности. И действительно, отношения между Россией и США по-прежнему далеки от идеальных, и противоречия между ними волнообразно распространяются по миру — на страны Латинской Америки, Ближнего Востока и др. В войнах, в том числе гибридных, которые там идут, прямо или косвенно принимают участие великие державы. Они ведутся чужими руками или гибридно. На странах Восточной Европы также отражаются сложности взаимоотношений России и США.

Еще одна причина беспокойства во всем мире — отношения между Индией и Китаем и между другими странами в регионе. Стремительный рост Китая создает некоторое напряжение — не потому, что мы не желаем добра нашему соседу, а из-за того, чем сопровождается этот рост. Здесь обсуждалась инициатива «Один пояс — один путь». Но этот проект захватывает территорию Индии, что потенциально является вопросом

суверенитета, а вы все знаете, как серьезно мы подходим к вопросу территориальной целостности страны. Так вот, в связи с этим я хочу задать важный вопрос: сколько стран во имя мирового развития и прогресса позволят другой стране, стремящейся к гегемонии, реализовать этот проект на своей территории? К сожалению, напряжение между Индией и Пакистаном, Индией и Китаем усиливается, и его нельзя преодолеть.

Напряженность присутствует и в других регионах, и это тоже порождает проблемы: радикальные политические течения, ксенофобия, терроризм и многое другое, сотворенное человеком.

Но есть и проблемы окружающей среды, в частности, глобальное изменение климата. Об этом много говорят, но я не вижу, чтобы были приняты какие-либо решения о конкретных мерах. Кажется, я понимаю, почему так происходит. Если отнестись к этому серьезно, то всем государствам придется менять свою внутреннюю политику, а это может навредить нашим национальным интересам. И это еще одна из причин, почему многополярная модель обречена.

Соединенные Штаты проводят во всем мире политику навязывания своей воли. Но, по-моему, так же как США провозглашают «Америка прежде всего», любая другая страна, в том числе Индия, придерживается того же принципа: «страна X прежде всего». А при таком подходе невозможно решение общемировых проблем. Здесь требуется новая философия — подлинная философия гуманизма. Мы должны выйти за пределы своей национальной культуры и цивилизации и сосредоточиться на человечестве, охватить своим разумом весь мир, — лишь при этом условии можно будет искать решение. Каждая культура и цивилизация имеет огромную ценность, но есть такие вопросы, когда надо преодолеть их границы и отказаться от комплекса собственного превосходства. Только так мы сможем построить многополярный мир, в котором царят мир и стабильность.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Слово предоставляется Алексею Анатольевичу Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Говорят, есть три периода жизни: молодость, средний возраст и те годы, когда вы выглядите замечательно. Такое ощущение, что в нашем зрелом мире все думают обратное: что он выглядит плохо, и никакого просвета нет. В самом деле, на то есть причины. Социальное неравенство продолжает усиливаться — как в мире в целом, так и внутри отдельных стран, включая практически все самые развитые. Количество горячих точек растет. Презумпция невиновности в международных отношениях практически забыта и выброшена за пределы представлений о справедливости. Гонка вооружений ускоряется, причем уже не только где-то далеко от нас — в Азии или Латинской Америке, — но и в Европе. Постепенно исчезает стратегическая стабильность: второго августа этого года закончит свое действие знаменитый Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, США из него выходят. А восьмого мая президент Ирана заявил о том, что его страна на время прекращает выполнять часть условий так называемой иранской ядерной сделки — опять же, в результате того, что Штаты отказались от этого важнейшего международного соглашения.

Но ситуация не бывает сплошь черной или белой. Что же есть в нынешнем положении неплохого и вдохновляющего? Во-первых, сегодня уже было сказано, что мировой ВВП высок как никогда за последние десять лет. Кроме того, масштабная война в Сирии притихла, миграция в Европу значительно сбавила обороты, в Венесуэле не удалось реализовать сценарий по смене режима, доклад Мюллера в Штатах нанес сокрушительный удар по «фабрике троллей», антиамериканской части истеблишмента в этой стране, Порошенко ушел с поста президента Украины и т. д. То есть сохраняется баланс. Никогда мир не будет черно-белым.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Приглашаю к микрофону Петра Петровича Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогой Александр Сергеевич, президиум, дорогие коллеги, я хотел бы высказать три соображения.

Во-первых. Мне очень понравилась аллегория с сумасшедшим машинистом, предложенная профессором Дуткевичем. Важно следующее: беда сумасшедшего машиниста не только в том, что он не знает, куда ехать, а в том, что он еще и пытается уничтожить все, что могло бы указать ему путь. Мир не может жить без соглашений и договоров. И сегодня система таких договоров разрушается этим сумасшедшим машинистом. Петр Дуткевич не сказал, кто этот машинист, хотя и живет недалеко от него. А я могу сказать, что это Соединенные Штаты. Мир не должен признавать за США такой исключительности и избранности — нельзя, чтобы сумасшедший машинист правил миром. Думаю, это первостепенная задача мирового сообщества.

Во-вторых. Мне кажется, что Запад — я имею в виду коллективный Запад — не имеет совершенно никакого морального права демонизировать Россию, объявлять ее агрессором. Давайте обратимся к истории. Две мировые войны пришли в Россию из Европы. В семнадцатом, восемнадцатом, девятнадцатом годах двадцатого века просвещенные страны терзали Россию во Владивостоке, на Черном море, на Севере. В девятнадцатом веке в Россию пришли Наполеон и Крымская война. Если заглянуть дальше, то и шведский Карл XII тоже вошел на территорию России. Поэтому у Запада нет права навязывать идею противостояния. От этого он ничего не выиграет, кроме того, это попросту несправедливо.

В-третьих. Мне кажется, мир не должен привыкать к состоянию, в котором возможен скорый мировой катаклизм. Соединенные Штаты объявили, что имеют право применять атомное оружие превентивно. И другие страны молчат — но они не должны молчать. Чтобы мир стал хоть немого лучше, мне кажется, нужны международные организации, о которых как раз говорил коллега из Франции, — такие, как Всемирный совет мира. В ней состояли великие люди, в том числе

Фредерик Жолио-Кюри и Пабло Неруда. И в разных странах были моральные авторитеты, на которых ориентировались главы государств. Кроме того, существовало Движение неприсоединения, его участники были своеобразным противовесом, моральным арбитром между полюсами сил. Сегодня это все разрушено.

Абдусалам Абдулкеримович сказал, что мы не знаем, каким должен быть мир будущего. Я не философ — я более прагматичен. Мне кажется, мир будущего должен быть немного лучше, чем мир сегодняшний. И если мы добьемся того, чтобы некоторые институты мирового порядка, ушедшие и преданные забвению, снова начали работать, он будет лучше.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Слово предоставляется Аскару Акаевичу Акаеву.

А. А. АКАЕВ: — В последнее десятилетие, начиная с мирового финансового экономического кризиса 2008–2009 годов, широко распространилось утверждение, что будущее общества непредсказуемо, а следовательно, и неуправляемо.

С одной стороны, действительно, причиной этому служит ситуация углубления, расширения, хаотизации современного мира, который находится в состоянии цивилизационного кризиса. Речь идет не только об экономическом кризисе 2009 года. Мир переживает переломный период, когда меняется четвертое поколение локальных цивилизаций при лидерстве или даже доминировании западных цивилизаций. Также меняется пятое поколение локальных цивилизаций при лидерстве восточных цивилизаций — прежде всего китайской, индийской, евразийской во главе с Россией и др. То есть мы переживаем глобальный цивилизационный кризис.

С другой стороны, утверждение о непредсказуемости развития распространяется во многом для того, чтобы международные и национальные научные институты могли как-то оправдать свою беспомощность. Они оказались неспособны предсказать ни финансово-экономическое потрясение 2009 года, ни глобальный цивилизационный кризис, который мир переживает сегодня. Также необходимо прикрыть стратегическую беспомощность властей, которые не смогли найти пути перехода к прогрессивному будущему на национальном и глобальном уровнях.

Поэтому надо сказать прямо, что тезис о непредсказуемости, неуправляемости будущего развития общества является не только ошибочным, но и чрезвычайно вредным. Он усыпляет бдительность прогрессивной части человечества, людей, которые должны бороться за то, чтобы направить сегодня мировое развитие в позитивном направлении, потому что мир может начать развиваться в негативном направлении — и именно это сейчас происходит.

Сегодня Александр Сергеевич задал вопрос выдающимся умам о том, в каком состоянии находится мир. Одним словом можно было бы сказать так: мир находится в состоянии хаоса. Да, 70 лет мы жили в условиях Ялтинского мирового порядка, который обеспечил значительный прогресс и процветание человечества.

Хочу при этом отметить следующее. Почему-то все утверждают, что хаос несет исключительно деградационный характер, говорят о хаосе в негативном смысле. На самом деле хаос очень полезен. Великий русский ученый-химик, лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин разработал теорию хаоса и показал: любой новый порядок рождается из старого или на месте старого только через хаос. Именно хаос подводит мир к точке бифуркации, когда происходит выбор направления.

Из сказанного сделаю вывод. Здесь сегодня присутствуют представители многих дисциплин: обществознания, естествознания и других. И, как верно заметил Роберт Искандрович, нам надо вместе на междисциплинарной основе разработать подход к тому, как политическим лидерам, правительствам научиться управлять миром в условиях нестабильности. Тогда мы спокойно перейдем к новому миропорядку, который предвидели выдающиеся умы. Его можно охарактеризовать так: интегральный гуманистический ноосферный общественный строй.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю Виталия Товиевича Третьякова.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Мифы и религия умнее науки, оказывается. Древние все предсказали, у греков золотой век, когда была разработана система мифов, быстро оказался позади. За ним наступил медный век. А собственно то время, когда мифология фиксировалась, — это уже железный век с его отвратительными войнами и прочим. И в христианстве рай тоже позади — а тот, что на небесах, может и не наступить. Это к тому, что не все в нашей науке, и уж тем более в общественной, все правильно.

Нужно рассмотреть роль ученых в жизни страны. Например, в распаде Советского Союза. Фактически все умы, от физиков до лириков, выступали за перестройку и гласность. Где же было их прозрение, где была их дальновидность? Сейчас они страдают от того, что все развалилось, включая родную им Академию наук. Хотя отмечу, что лично я стою за создание новой научной партии в стране вместо всех ныне существующих, но это отдельная тема.

Нам повезло, что сегодня Европа и Соединенные Штаты не предвидят того, что грядет в мире. США, понятно, как диктатор хотят сохранить тот мир, который есть сейчас, а Европа просто сошла с ума и не понимает, что едет в том самом поезде, который катится в пропасть. Опасность европейские страны видят совсем в другом, о чем свидетельствует нынешняя борьба за Европарламент, за то, какие фракции там победят. Или взять Манифест тридцати интеллектуалов: «европейский дом в огне» и т. д. Все это не поможет европейским странам удержать будущее в своих руках.

Кстати говоря, и прошлого в каком-то смысле не существует. Потому что если и дальше события будут развиваться так, как они развиваются сейчас, наше прошлое будет уничтожено, вычеркнуто из нашего сознания, из сознания наших детей, из книг,

из библиотек. Все изымут, все уничтожат. Не будет никакой победы в Великой Отечественной войне и вообще ничего, что вы знаете. Так что время — вещь интересная.

Что же именно не учитывают европейские страны? Каждые 50–75 лет система международных отношений меняется радикально. Это легко проследить, если взглянуть на известные нам события прошлого. То, что существовало последние 75 лет, с 1945 года, закончится в следующем году. Очевидно, что все меняется. И перестроится вся система международных институтов, как бы за нее ни держались. Следовательно, чтобы управлять будущим, нужно создавать свою, выгодную себе, новую систему. Я не говорю, что нужно разрушить ООН, поскольку эта организация не справляется со своими прямыми обязанностями. И все же она просто устарела.

Так что тем, кто хочет быть в будущем и руководить им, лидировать, а не подчиняться, надо готовиться. Необходимо строить альтернативные международные организации — в первую очередь новую Организацию Объединенных Наций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к микрофону Гжегожа Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Наше будущее принадлежит нам, но прежде чем мы до него доберемся, придется одолеть высокую гору. Будущее едва ли предсказуемо и еще меньше — управляемо, и все же надо искать способы управления глобализацией и происходящими в мире событиями исходя из наших ценностей и интересов. Идеи, ценности и интересы — это те рычаги, которые движут миром.

Говоря о будущем, нам не обойтись без рассуждений о глобализации. Я определяю глобализацию как исторический и спонтанный процесс либерализации и интеграции пока еще в некоторой степени отдельно работающих экономик в одну взаимосвязанную, переплетенную глобальную экономику в мировых масштабах, и этот процесс необратим.

Я участвую в Лихачевских чтениях уже в пятый раз и каждый год замечаю, что положение дел ухудшается — не в Петербурге и не в России, где становится лучше, хоть и ненамного, а в мире. В том числе очевидно отсутствие прогресса глобализации. В моих словах нет противоречия. Глобализация в перспективе действительно необратима — из-за идей и интересов, которые формируют современную цивилизацию. Экономика и социальная сфера больше не могут развиваться изолированно, поэтому глобализация — благо.

Но иногда мы сталкиваемся с политикой, которая не имеет смысла, и на этот раз она начинается в США, что является еще одним сюрпризом. До недавнего времени США были лидерами свободного мира, а теперь крупнейшей силой, стоящей за продолжением глобализации, стал Китай — так называемая коммунистическая страна. Китайцы говорят о беспроигрышной глобализации, однако то, что является беспроигрышным с их точки зрения, может не соответствовать интересам остального мира. Тогда это совсем не то будущее, к которому мы стремимся. Но глобализация все равно необратима — из-за огромной выгоды от единой мировой экономики, многосторонней системы международных отношений, взаимодействия культур.

Я предлагаю новый прагматизм. Национализм, который в большой степени против глобализации, — это неверный ответ на провал неолиберализма, который паразитировал на глобализации, не являвшейся инклюзивной.

Итак, теперь у меня два врага: неолиберализм, который обогащает немногих за счет большинства, и новый национализм. Но враг моего врага не есть мой друг. Так что сейчас стоит вопрос о том, как бороться с этими двумя друзьями, глядя в будущее. Решение есть, поэтому я смотрю вперед с уверенностью и повторяю еще раз то, что я сказал несколько минут назад: будущее принадлежит нам. Единственная трудность — разумно, рационально управлять необратимой глобализацией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается Ганс Кёхлер из Вены.

Г. КЁХЛЕР: — По моим оценкам, имперский проект так называемого либерального миропорядка провалился. Сейчас мы видим арьергардные бои, сражения на периферии империи. Последние 20 лет мы наблюдали односторонние действия, однонаправленное использование силы при все более усиливающейся многополярности. Проблема заключается в том, что у Организации Объединенных Наций недостаточно средств, чтобы преодолевать разные ситуации, поэтому на самом деле она не может обеспечивать безопасность и поддерживать мир во всем мире.

Я согласен с А. Мусой в том, что пока самым важным институтом ООН остается Совет Безопасности. Именно этот орган решает проблемы сохранения мира и поддержания безопасности. Проблема заключается в том, что положения Устава ООН составлены таким образом, что Совет Безопасности парализует, если одна из великих держав (сейчас, в частности, держава-гегемон) играет не по правилам.

Почему дело обстоит именно так? В п. 3 ст. 27 Устава ООН четко прописан запрет на использование силы и вмешательство во внутренние дела. Подробно регламентируются полномочия Совета Безопасности, который при нарушении положений Устава может налагать санкции, а также уполномочивать на использование силы против государства-агрессора. Проблема связана не с нормами, а с процедурами. Для принятия решений Совету Безопасности требуется 9 из 15 голосов, что вполне справедливо. Дальше в этой статье говорится о голосах постоянных членов — так называемом праве вето пяти держав 1945 года — и о том, что сторона, участвующая в споре, должна воздержаться от голосования при принятии решения на основании гл. 6, что вполне справедливо (если я участвую в споре с другим, то не могу выступать судьей по этому делу).

Нередко из виду упускается момент, что решения Совета Безопасности о войне и мире, санкциях и ис-

пользовании силы против государства-агрессора вынесены на основании не главы 6, где говорится о рекомендациях, которые не имеют узаконенных последствий, а главы 7, где описываются юридически обязывающие решения. Это означает, что государство-агрессор не обязано воздерживаться от голосования. Пока мы не исключим несколько слов из решений в соответствии с гл. 7, Совет Безопасности будет парализован. Конечно, для этого потребуется согласие всех пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Но если такая мера будет принята на основании нынешнего Устава, это даст цивилизующий эффект и даже окажет воздействие на крупнейшего мирового игрока, потому что ни одна страна не испытывает радости от того, что ее как минимум морально осуждает всемирная организация.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Хочу поделиться своими представлениями о человеке. У меня сильные сомнения в том, что Господь создал нас по своему образу и подобию. Человек — это агрессивное, жестокое, злобное, завистливое, ленивое существо. Кроме того, для него нет запрета на убийство представителей своего вида. Посмотрите, как человечество жило до середины прошлого века: оно все время воевало, уничтожая себе подобных.

Но человеку присущ творческий потенциал — и, к нашему счастью, люди изобрели ядерную бомбу. Только благодаря ей мы сейчас живем без войны. Потому что другое наше великое достижение — гуманитарная культура — хоть и работает, но является слишком слабым препятствием, когда начинают играть державные амбиции, прежде всего национальные.

Наука вообще появляется, когда фиксируются определенные закономерности. В физическом мире их установить легко. Но у нас гуманитарные чтения, здесь сегодня собрались в основном экономисты и правоведы. Право пока отложим, рассмотрим как пример экономику. Так вот, экономика — это вообще наука? Вопрос очень важен, потому что все, что в ней рассматривается, является следствием выбора человека. Вообще-то первоначально какая-то идея, которая впоследствии овладевает массами, возникает в голове отдельной персоны. Коллектив в целом не способен ни на какое творчество. То есть появился когда-то один продвинутый, который слез с дерева, за ним второй, третий, четвертый, пятый и т. д. Так же и с экономикой. На определенном этапе делается какой-то выбор, а дальше, если вспомнить терминологию Маркса, возникают общественные отношения, в которые вступают все новые и новые поколения. Как вы думаете, нужно ли считаться с этими общественными отношениями? Гитлер, например, был большой поклонник Шопенгауэра. При этом именно экономика лежала в основе крушения гитлеровского режима — так же, как и советского тоталитарного, потому что экономическая модель уже не работала.

И последнее, что я хотел бы сказать. В чем состоит функция ученых, наша функция? Мы должны фиксировать какие-то закономерности и делать прогнозы, а на основе прогнозов давать советы политикам. В завершение хочу привести слова великого поэта. Самое страшное, что нам грозит, — это приход к власти идеологов и фанатиков. Мы уже видели идеократические системы, приводившие к страшным несчастьям. Поэтому мы должны постоянно заставлять власть сомневаться.

Так бойтесь тех, в ком дух железный,
Кто преградил сомненьям путь.
В чьем сердце страх увидеть бездну
Сильней, чем страх в нее шагнуть.
Таким ничто печальный опыт.
Их лозунг — «вера, как гранит!»
Такой весь мир в крови утопит,
Но только цельность сохранит.

Сейчас нам нужно останавливать особо идейных политиков, которые повернуты в глубины веков, к сакральным ценностям. Они хотят остановить развитие человечества, которое естественно идет по пути глобализации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Сегодня уже упоминалась книга Ильи Пригожина «Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой», которую он написал в 90-е годы прошлого века вместе со своей сотрудницей Изабель Стенгерс. Эта работа наделала много шума в свое время.

Когда мы в науке начинаем сравнивать что-то — например, природное и социальное, — то всегда действуем по принципу аналогии. То есть явления расписывают так, что выстраивается полное соответствие одного другому, тютелька в тютельку. При этом забывается важный принцип — принцип необратимости, который как раз обозначил Пригожин. Он пишет, что принцип необратимости — это основной закон, на котором базируются традиции, и который позволяет перевести хаос в порядок на всех уровнях. Также Пригожин утверждает, что порядок, возникающий из хаоса, — это ведь парадокс. Но будущее полностью сотканo из парадоксов.

Главный парадокс состоит в том, что будущее лишь кажется недоступным, непостижимым, непредсказуемым. Однако можно предугадать общую направленность, как подсказывает наш прошлый опыт. На этом строятся планы, прогнозы и т. д. Конечно, предсказания не всегда полностью совпадают с действительностью, но на их основе становится понятна общая динамика. Кроме того, важно учитывать — это касается и отдельного человека, и стран, и цивилизаций, — что будущее включает в себя прошлое и настоящее. Все обязательно аукнется в будущем. Как говорит М. М. Жванецкий, «у нас всегда светлое будущее и непредсказуемое прошлое». Это действительно так, но мы знаем, куда примерно идем и для чего развиваемся. Поэтому все экологические бомбы, заложенные в настоящем и в прошлом, — и Фукусима, и Чернобыль, и многие неправильные правительственные решения, и много-много чего еще —

все обязательно откликнется. Никуда от последствий не уйти. Понимая это, мы можем сказать: да, предугадать сложно, но знание предопределенности на основе принципа необратимости позволяет смело бороться с нестабильностью и прокладывать дорогу к долгосрочным стратегиям, благодаря чему открывается перспектива нормальной жизни для миллионов людей.

Конечно, в науке делать предсказания легче, чем в других сферах деятельности. Об этом как общекультурной закономерности говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев и приводил такой пример. Предугадать гениальное произведение в искусстве нельзя, а гениальное открытие в науке — можно. Почему? Да потому, что открытия делаются в условиях определенного уровня развития науки и техники, и по данной причине они часто совершаются одновременно в разных странах разными учеными. Поэтому прогнозы бывают различными. К примеру, Ясунори Номура, ведущий футуролог Соединенных Штатов из Сан-Франциско, утверждает: анализ излучений, поступающих на Землю, свидетельствует, что разумных цивилизаций много, и в предстоящие 30-50 лет мы увидим, какие существуют разумные виды помимо нас. Так это или нет — покажет время.

Заканчиваю свое выступление прогнозом выдающегося ученого Владимира Ивановича Вернадского. Он писал в 1920-е годы, что техносфера, созданная за 200 предшествующих лет, обязательно сменится ноосферой — разумным мышлением. Мы должны не только понимать это, но и созидать, совершать практические действия, чтобы Земля стала умной, теплой, светлой — такой, как предсказал Вернадский. Без усилий всего мира этого не достичь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется философу господину Агацци.

Э. АГАЦЦИ: — На меня произвел сильное впечатление интеллектуальный уровень нашей дискуссии. Я как президент Международной федерации философских сообществ хочу сказать, что атмосфера и интеллектуальный уровень дебатов на Лихачевских чтениях исключительные.

Как на самом деле можно предсказать будущее, если отвлечься от мистики? Это возможно, только если мы верим, что существуют иные, чем мистические, силы, которые управляют человеческими судьбами, событиями космического масштаба и т. д. Эта идея родилась в XVI веке одновременно с современной наукой (Галилеем, Ньютоном) и была применена при создании машин, в которых в них нет ничего таинственного. Можно сказать, как будет работать машина и почему она будет работать именно так до того, как вы начнете ее создавать.

Вы видите, как прекрасна определенная модель, и начинаете думать в соответствии с этой моделью. Если мы откроем механизмы рынка, принятия политических решений, психологического развития, то сможем предсказывать будущее и управлять им. Идея о склонности к детерминизму, который, как предполагается, позволяет предсказывать будущее, сильна, но не работает, потому что при таком взгляде игнорируются сложность структуры и взаимосвязи. Так что если вы склонны к детерминизму, то у вас нет линейности. Под линейностью понимается то, что вы можете что-то предсказать, но через некоторое время происходит дивергенция траектории. Что можно сделать в этом случае? У нас нет карт будущего, но мы можем приоткрыть завесу тайны над будущим, потому что, возможно, есть компас, позволяющий ориентироваться.

Для управления прогрессом необходимы идеи, цели, ценности. По этой причине мы не можем полагаться только на науку и технику в том, что касается лучшего будущего, — нужно проанализировать ценности, идеи, надежды и заняться их реализацией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну Александра Михайловича Крамаренко.

А. М. КРАМАРЕНКО: — Есть какое-то преимущество в том, что я выхожу к трибуне после таких ярких выступлений, причем по разным направлениям науки. В свою очередь, я хочу сказать: лучший способ выяснить, что точно не случится, — предсказывать будущее на основе того, что мы уже знаем. Внешнеполитический анализ, которым я занимаюсь уже давно, как-то неожиданно завел меня — правда, с подачи моей дочери, которая начиталась абсурдистов и стала покупать всех постмодернистов, — в объятия постмодернистской философии. Тогда я действительно начал понимать по крайней мере то, что происходит с миром последние 30 лет.

Во-первых, я согласен с мнением постмодернистов о том, что мы живем не в настоящем. То есть настоящее нам надо еще обрести. Мы живем в тени прошлой холодной войны, ее политики, институтов и так далее, и это бросает тень так же, как ее бросает будущее, прежде чем оно наступит, как писала Ахматова. Я также согласен с тем, что говорит Бодрийяр об обратимости вещей, а также о существовании иронии объекта и фатальных стратегий, которые приводят к банальным стратегиям.

Вот что в связи с этим хотелось бы сказать. Борьба с тотальностью, которая является центральной темой философии постмодерна, очень убедительна. Нужно оставить задние миры, Ницше с его смертью бога, все фанатичные идеологии, начиная с Мартина Лютера — поскольку мы знаем, чем обернулась та же протестантская революция, ставшая матерью всех революций. Мы завершаем протестантский период, причем две протестантские культуры — англо-саксонская и немецкая — оказались причиной внутризападной биполярности. Это в свое время привело к Первой мировой войне, все остальное уже было функцией данного события, включая русскую революцию, холодную войну и то, что мы переживаем сейчас.

Мне действительно кажется, что прежде чем обрести будущее, нужно обрести настоящее, а для этого — преодолеть прошлое, но за 30 лет это еще не получилось сделать до конца. Потому что все причины системного кризиса западного общества, с которым мы

сталкиваемся сейчас, — финансовизация экономики, устранение или эрозия среднего класса — были заложены еще в начале 1970-х годов. Именно на этот период пришлись война во Вьетнаме, ликвидация золотого стандарта, дерегулирование финансового сектора. Здесь еще встает вопрос языка, всех этих эвфемизмов. Хайдеггер писал о том, что в языке есть предпонимание, но когда стали нагромождать эвфемизмы, которые скрывали суть происходящего, мы оказались в очень серьезном положении.

Я уверен, что сейчас необходимо демонтировать любую идеологию, потому что она всегда сопряжена с фанатизмом, стремлением жить не для себя и не сейчас, а во имя какой-то соблазнительной идеи. Мы в состоянии все-таки положить конец даже либеральной идеологии, потому что она из-за политкорректности, из-за зажима свободы слова через контроль над традиционными СМИ, по сути, превратилась в нечто тоталитарное.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Яну Арту Шолте.

Я. А. ШОЛТЕ: — Мои замечания касаются легитимности как основы управления глобальным развитием. Я хотел бы рассказать о том, почему важна легитимность в глобальном управлении, что для этого требуется в институциональном и личностном плане, об основах миропорядка, который поможет добиться легитимности в глобальном управлении.

Мы должны сотрудничать в глобальном масштабе. Чтобы решить эти проблемы, нужны глобальные кооперация и управление. Мир глобален, поэтому необходимо по крайней мере частичное глобальное управление решением проблем, общих для всей планеты. Но сегодня крайне мало механизмов решения глобальных проблем.

В ходе дискуссии неоднократно упоминалась ООН. Количество сотрудников ООН соответствует численности управления пожарной охраны Нью-Йорка. Размер бюджета ООН такой же, как бюджет города Стокгольма. У нас недостаточно ресурсов. Добиться необходимого количества ресурсов можно посредством легитимности глобального управления.

Легитимность в глобальном управлении означает, что люди верят в режим, в то, что он правильно пользуется своей властью. Сегодня в это верится слабо. Но это необходимо, если мы хотим решить глобальные проблемы. Нужно увеличить ресурсы управления и расширить диапазон решений, принимаемых посредством глобального управления, заручиться согласием людей, расширить возможности решения проблем посредством глобального управления.

Как этого добиться? Нужны институциональные перемены, личностные изменения и трансформация миропорядка. Институциональные перемены означают, что появятся усовершенствованные процедуры, институты, которые будут работать лучше, более демократично и эффективно. Личностные изменения означают, что люди увидят, как глобальное управление служит их личным интересам и что цели глобального управления достигаются. Исследования показывают, что люди верят в глобальные институты так же, как в национальные институты.

Следует сказать и об изменениях в обществе. Необходимо более справедливое распределение власти и ресурсов, в противном случае люди не станут сторонниками глобального управления. Требуются новые способы решения проблемы культурного разнообразия для улучшения общества и совершенствования работы, глобального миропорядка, решения экологических проблем. Еще раз повторю: необходимы институциональные перемены, личностные изменения и трансформация миропорядка. Это трудновыполнимая задача, но если мы не начнем решать ее сейчас, то позже можем об этом пожалеть

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну Бруно Дегардена из Швейцарии.

Б. ДЕГАРДЕН: — По моему мнению, глобализация — это, с одной стороны, сотрудничество, а с другой — конкуренция, потому что мир становится все сложнее. В 1935 году на планете было 45 государств, теперь их 198. На протяжении последних 20 лет появилось 30 тыс. км новых границ, так что конкуренция никуда не исчезла.

В качестве примера я хотел бы привести Китай, который демонстрирует большие успехи, но я не считаю его примером для подражания. Я придерживаюсь иной точки зрения, отличной от того, что мы услышали на пленарном заседании.

С тех пор как Китай вступил в ВТО, ВВП этой страны увеличился в 12 раз. Сегодня ВВП Китая составляет 15 % от мирового ВВП по сравнению с 2 % в 2001 году. Китай добился успеха, если сравнивать его со странами БРИКС: Россией, Индией и Бразилией, ВВП которых в целом составляет 8 % мирового ВВП. Это действительно успех, но разве это пример?

Китай с помощью государственных компаний (которые не всегда конкурентоспособны) существенно нарастил производительность. Сегодня КНР, используя традиционные технологии, является мировым лидером во многих отраслях: так, производство железа и стали в этой стране составляет свыше 50 % от мирового производства, угольная промышленность дает более 50 % мирового объема. Но рост экономики также наблюдается и в случае использования Китаем новых технологий, например в солнечной и ветроэнергетике, где пять из десяти мировых лидеров — это китайские компании. Проблема заключается в том, что там слишком высокая производительность, вследствие чего на протяжении последних десяти лет экономический рост Китая финансировался в долг. В настоящее время 1 доллар ВВП требует 4–5 долларов дополнительных (долговых) средств. Таким образом, Китай ежегодно инвестирует огромные суммы, наращивая производительность не только в местных отраслях, например в сфере недвижимости, но и в глобальных масштабах, что создает дефляционное давление по всему миру.

«Один пояс — один путь» (или новый Шелковый путь) — фантастический проект, утвержденный в 2013 году. Он охватывает свыше ста стран и более

4 млрд человек. Планировалось потратить на его реализацию 1 трлн долларов. Этот проект можно сравнить с планом Маршалла (программой помощи Европе после Второй мировой войны), выдвинутым в 1947 году, тогда речь шла о 13 млрд долларов США, которые сегодня соответствуют 130 млрд долларов.

Проблема заключается в том, что «Один пояс — один путь» — очень привлекательный проект (сегодня некоторые выступающие рассказывали о нем с воодушевлением). Определенно, его реализация поможет в развитии отдельным странам, например Египту, о чем рассказал господин Муса (сегодня финансируется строительство нового города возле Каира). Но в то же время мы видим, что долг государств и населения растет, например в Таджикистане на одного жителя приходится долг в размере 1 тыс. долларов США, а в Китае — 700 долларов. ВВП на Мальдивах равен 5 млрд долларов, а займы, которые выделяет им Китай, составляют 3 млрд. На мой взгляд, необходимо создать конкуренцию между свободным и государственным капитализмом. Один из возможных примеров — планы по объединению Siemens и Alstom в Европе. Компаниям запретили это делать, что, на мой взгляд, является ошибкой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Жану Терентьевичу Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Мы рассуждаем о проблемах социальных и экономических изменений, о тех процессах, которые происходят в обществе в мире, но, на мой взгляд, не все обращают внимание на то, кто осуществляет эти изменения, кто реализует эти процессы и воплощает эти социальные явления. Попытки проанализировать, кто является субъектом исторического процесса, предпринимались всегда, но в последнее время в связи с кризисом социалистической системы прежняя классовая стратификационная структура (рабочий класс, крестьянство, буржуазия, интеллигенция) была подвергнута критике. Было заявлено, что такой подход уже не работает, и появилось огромное количество предложений, которые вообще отрицали такое строение — и классовое, и социальное. Но в последнее время появились и другие предложения. Об одном из них я хотел бы сказать подробнее.

Анализ, который мы провели, показал, что в настоящее время 15 % населения работают, не заключая трудового договора. Не будем сейчас вдаваться в подробности о том, что из себя может представлять их работа. Еще 20 % трудятся в режиме так называемой вре́менной занятости, когда с человеком заключают договор на часть года, на год, на полтора и так далее, что, кстати, особенно касается преподавательского корпуса. Все эти люди находятся в подвешенном состоянии. Некоторым отраслям производства выгодна неполная занятость, в результаты чего люди имеют ограниченные возможности устройства своей жизни. Можно упомянуть еще сезонную занятость, которая тоже ставит людей в весьма зависимое положение.

Перечисленные группы составляют примерно 40–45 % трудоспособного населения. Возникает вопрос — как их в таком случае обозначить? В мировой литературе для этого ввели термин «прекариат» (от латинского «precarius» — нестабильный, неустойчивый, негарантированный). В данной общности наблюдается массовая неудовлетворенность условиями и содержанием труда, своим социальным положением, отсутствием ясных перспектив общественной и личной жизни. У них есть такие общие проблемы, как нестабильность оплаты труда, отсутствие социальных гарантий и защиты, неопределенность будущего и профессиональной карьеры, а также некоторые другие. При этом данная категория людей хорошо образованна и не хочет терять социальных связей с обществом.

Возможно, с моей позицией многие не согласятся, но мне кажется, что Трампа к власти привел именно американский прекариат. Сейчас «оранжевые жилеты» во Франции — люди, которые не удовлетворены определенным образом жизни, представляют разные социальные группы и являются французским прекариатом. Прекариат, на наш взгляд, проявил себя при выборе президентом Украины Зеленского. Он же привел к власти Пашиняна в Армении. Да и наши участники экологических бунтов, недавнего конфликта в Екатеринбурге и других акций, связанных, например, с градостроительными проблемами, — люди разных слоев. Так что я убежден, что на этот феномен надо обратить самое пристальное внимание и сделать объектом не только научных исследований, но и предметом государственной экономической и социальной политики.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Позвольте предоставить заключительное слово ректору СПбГУП Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Так получилось, что я впервые за многие годы не подготовил доклада. Но я написал большую книгу, в которой анализирую все предыдущие Чтения — хотя и очень ею не удовлетворен. Надеюсь, мы вместе с вами будем создавать дальше что-то глубокое и яркое.

Сегодня было озвучено много интересных оригинальных мыслей — я не могу претендовать на такую глубину. Поэтому то, что я скажу, — это мое сугубо личное мнение, и я хотел бы им поделиться в порядке товарищеского обмена. Так вот: я не верю. Профессор Кёхлер пишет блистательные доклады на все Чтения, я ими восхищаюсь и каждый раз надеюсь на то, что он приедет к нам еще. Но я не согласен в том, что если мы изменим несколько параграфов или несколько слов в уставе ООН, в мире все станет хорошо. Никто не помешал Соединенным Штатам Америки вообще без санкций ООН бомбить Югославию, расчленять это государство вместе со странами НАТО. Никто не вынес решения для стран НАТО о приостановлении полетов над Ливией, никто не помешал просто уничтожить сначала ливийскую авиацию, а потом и все ее вооруженные силы. В мире главенствует «право сильного».

Конечно, наш друг профессор Кёхлер говорит о том, что эти действия неприемлемы с моральной точки зрения, и весь мир это понимает. Но мы уже десят-

ки раз сталкивались с ситуацией, когда те, кто имеет монополию в СМИ — а нам известно, что 95 % СМИ в мире контролируют Соединенные Штаты, — управляют информационным полем. Они могут называть белое черным, а черное белым и доказывать это. Сегодня, например, выпускаются медали, на которых изображены флаги победителей во Второй мировой войне — но России там нет. Кто сегодня обладает мощью средств массовой информации, может считать, что обладает монополией на истину.

Я приехал в Берлин, когда закончилась война в Грузии, — тогда Саакашвили отдал приказ напасть на российских миротворцев, и этот приказ был исполнен. Но немцы были убеждены, что это Россия напала на Грузию. Кадры, на которых грузинская армия атакует, показывались во всей Западной Европе, при этом говорилось, что атакует не Грузия, а Россия. Я видел новостные сюжеты своими глазами. На это тратятся миллиарды. Покупаются корпорации, ведутся огромные рекламные кампании, оправдываются нарушения устава ООН и вторжения в разные страны и т. д. Сильный сегодня делает все, что хочет. В уставе ООН при этом можно прописать любые положения.

В то же время мне кажется, что Запад в беде — так же, как и Россия. Более того, я думаю, что Россия в куда большей беде, потому что здесь очень неудачно и слепо копируется исторический опыт развития Запада, зашедшего в тупик.

Беда Запада заключается в том, что капитализм, этот потрясающий мироуклад, потрясающая экономическая формация, вдруг утратил свою живительную силу. В Советском Союзе был социализм — удивительная, чрезвычайно перспективная формация, которая сейчас очень интересно, по-своему развивается в Китае с огромным успехом, интегрируя в себя, в соответствии с теорией конвергенции, достижения капитализма. У нас же в стране социализм потерял свою силу, и вместо того чтобы его модернизировать, сместить в сторону материальной заинтересованности населения и разумной демократизации общества, был совершен прыжок к дикому, варварскому капитализму, с которым теперь бог знает что происходит. А на Западе капитализм утратил свою силу потому, что он превратился в фейковый капитализм, в подобие капитализма.

С чем вообще была связана сила капитализма? Да с тем, как я полагаю, что в нем реализовывалась его главная идея: человек, который произвел большие общественные блага, должен быть вознагражден, он должен стать богатым. Когда великолепный адвокат становится обеспеченным человеком — это прекрасно, он работает на общественное благо. Прекрасно, когда зарабатывает состояние певец, песни которого слушают миллионы и получают удовольствие, ученый, который создал гениальное изобретение. Хотя наш Почетный доктор Жорес Алферов, который был таким ученым — без него не было бы наших мобильных телефонов, — не стал богатым, и мы догадываемся почему.

Капитализм утратил эту особенность, это свойство — давать возможность зарабатывать, трудясь на благо людей. В принципе понятно, как следует исправлять положение, но Запад на это, похоже, не способен — так же, как Советский Союз был не способен починить свой плохо функционирующий социализм. Поэтому права Ирина Олеговна Абрамова: в этой ситуации полюс власти неизбежно переместится с Запада на Восток. Разумеется, когда будет разрушена Бреттон-Вудская система — а она будет разрушена, американцы не смогут печатать деньги, содержать 800 военных баз по всему миру и тратить столько чужих денег же на вооружение.

Конечно, все мощные институты перейдут под контроль стран Азии. С моей точки зрения, это практически неизбежно. И меня это совершенно не радует, потому что Россия, боюсь, окажется не на той стороне. К моему огромному сожалению, этот огромный передел мировой власти может произойти если не на наших глазах, то при жизни сегодняшней молодежи. И нам здесь, в Петербурге, конечно, не хотелось бы оказаться на задворках нового азиатского мира.

Сюда также следует добавить кризис христианства, разрушение всех его идеалов и идей. Я думаю, что, как ни странно, восстановление потенциала христианской модели цивилизации — и либеральной западной, и социалистической, которая, правда, тоже родом с Запада, — лежит в области нравственности, потому что жадность погубила все. Понимаете, куда ни ткнешь — везде жадность, везде пренебрежение высокой гуманитарной сущностью. Мы вроде бы не верим в то, что гуманизм победит жадность. Но Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о том, что иногда, конечно, зло торжествует, и иногда — на длительные периоды времени. Однако потом все равно гуманизм пробивается через дикость, как трава через асфальт. Я в это верю.

Панельная дискуссия
МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

23 мая 2019 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (модератор)
Ш. АЗИЗ	премьер-министр Пакистана (2004–2007)
Э. БАГИС	министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013)
С. В. ВЕРШИНИН	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Х. А. МАРК	Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	глава «Альянса цивилизаций» ООН, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. МУСА	генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
Л. РИВЕРА МАРИН	государственный секретарь Пуэрто-Рико
К. СИБАЛ	министр иностранных дел Индии (2002–2003)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — У нас собралась своего рода группа мудрецов из разных стран. Все они имеют огромный общественный, политический и государственный опыт. Наши коллеги, выступавшие в первый день, обсуждали те же вопросы, которые нам предстоит осветить сегодня. Мы прослушали доклад господина Моратиноса, и у меня появились вопросы, которые я хотел бы задать ему позднее. Надо сказать, что господин Моратинос в своем выступлении предстал перед нами великим гуманистом и, возможно, романтиком и идеалистом международных отношений.

Все принципы построения отношений между государствами в мире хорошо известны. Страны придерживались их благодаря тому консенсусу, который был достигнут после Второй мировой войны. Но сейчас появляются государства, которые заявляют: «Мы не хотим быть гуманными — мы хотим полагаться на свою силу». Также появляются страны, правительства которых говорят: «Для нас гуманно то, что хорошо для нас». Один господин — не буду называть имя, — например, высказывается так: «Я избран своим народом, и я буду делать только то, что нужно ему. А поскольку у нас мощные вооруженные силы, мы не будем учитывать интересы других стран». В этом, собственно, и заключается кризис современных международных отношений: никто не хочет соблюдать принципы, ранее обеспечивавшие мир. Что делать, какой будет новая мировая архитектура? Вот что нам сегодня интересно.

Также я бы хотел задать всем присутствующим следующие вопросы. Каковы, на ваш взгляд, ключевые характеристики перехода от старого порядка к новому? Какие еще черты кризиса вы могли бы назвать? Почему не все правительства хотят соблюдать правила, и к чему это ведет? Какие могут быть пути выхода из данной ситуации? Вот основные темы, которые хотелось бы обсудить сегодня. И первый вопрос нашей дискуссии следующий: каковы ключевые характеристики современного этапа мировых отношений?

Я попрошу начать искать ответы на эти вопросы Хуана Антонио Марка.

Х. А. МАРК: — Главная черта современного мира — новые возможности человека, потому что благодаря технологиям, прогрессу в науке мы, с одной стороны, живем во взаимосвязанном мире, а с другой — роль каждого гражданина серьезно трансформируется. Каждый из нас становится источником интеллекта, умной энергии. Способность людей создавать что-то новое, предлагать свои идеи — основная движущая сила в мире, поэтому нам нужно придерживаться концепции, которую упомянул господин Моратинос, — идеи единого человечества. Мы живем в одном мире на од-

ной планете. Способность каждого из нас к инновациям и полной жизни является движущей силой.

В Европе нужно создать новое большое пространство. Несколько лет назад мы говорили об идее создания общего пространства России и Европейского союза, в эту большую область должна быть включена и Турция. На этом пространстве будет проживать 1 млрд человек. В Китае сегодня проживают 1,5 млрд, в Индии — 1,3 млрд. Так что объединенная Европа — не такое уж большое пространство. У нас общая история, много общих ценностей, мы сталкиваемся с одинаковыми проблемами, которые вместе решаем. Со стратегической точки зрения мы должны забыть о том, что было в прошлом, когда мы думали, что Россия — это Россия, Европейский союз — это Европейский союз, а Турция пыталась стать такой, какой была в прошлом. Мы должны создать более крупное пространство, основанное на новых возможностях, науке, технологиях и пр.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Хуан Антонио, правильно ли я понял Вашу позицию: Вы считаете, что основная черта нового периода — это появление новых технологий?

Х. А. МАРК: — Человек становится источником энергии интеллекта, умной энергии — это его новое свойство. Посмотрите, каким был человек сто лет назад. Он работал по 12 часов, например шил одежду. При этом количество приказов, которые его мозг отдавал телу, было очень ограничено. Сегодня в университетах обучаются много человек, и их количество постоянно увеличивается, так как есть возможность учиться удаленно, в виртуальной реальности. Мы должны понять, что положение человека в мире меняется.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По-моему, ситуация в мире в этом плане ухудшилась даже по сравнению с довоенным периодом. Потому что до Второй мировой войны, да и позднее, во времена Камю, Сартра и других интеллектуалы во всем мире играли большую роль. Теперь идеи создают огромные информационные корпорации, и их концепции малопривлекательны. А вот система СМИ и электронных коммуникаций скорее используется для того, чтобы людей делать глупыми — так легче распространять штампы массовой культуры. Но это мое мнение.

Господин Багис, прошу Вас продолжить. Каковы, на Ваш взгляд, основные характеристики нового переходного периода? В чем отличие от старых времен?

Э. БАГИС: — В III веке до Рождества Христова греческие философы создали новую философию под названием стоицизм. По сути, стоицизм означает познание, освоение того, что вы можете постигнуть, и принятие того, что не можете. Полагаю, что миру вновь придется столкнуться со стоицизмом.

Как сказал господин Марк, благодаря глобализации мы все становимся ближе друг к другу, она объединяет людей. Однако в то же время мир с каждой минутой все больше разъединяется. Люди разделяются по религиозному, этническому, культурному принципам, идеологическим соображениям, вследствие выбора, которые они делают в жизни, так что нам нужно быть очень осторожными.

Сегодня мир сталкивается с огромным количеством угроз. Во вступительной речи профессор А. С. Запесоцкий предупредил нас о возможности новых войн. Мы, участники группы «Глобальный взгляд», пытаемся найти решение проблем, используя диалог и дипломатию, мирные решения. Это важно, потому что нам угрожают общие вызовы, общие проблемы, такие как дискриминация, бедность, ненависть, популизм и пр.

Только Организации Объединенных Наций недостаточно для решения всех проблем, данной организации самой требуется реформа. Именно поэтому Турция считает, что требуется больше пяти постоянных членов Совета безопасности ООН: если только пять стран имеют право решающего голоса, это не решает проблем сотен народов. Мы должны работать вместе. Как сказал основатель современной Турецкой Республики Кемаль Ататюрк, «мир в стране — мир во всем мире». Мы должны обеспечить мир в наших странах перед тем, как сможем экспортировать мир вовне.

Современная международная политика основывается на предпринимательстве и гуманитарном подходе, и лучшим примером являются турецко-российские отношения. В нашей истории были разные периоды, взлеты и падения, даже в недавней истории отношения складывались по-разному, но сегодня, как недавно сказал посол Ирана, Турция, Россия и Иран совместно ищут решение проблем в Сирии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Шаукат Азиз, Вам слово.

Ш. АЗИЗ: — Мы живем в меняющемся мире. Единственной константой сегодня является изменение жизни. Если вы неподвижны и смотрите только назад, в прошлое, а не вперед, то лодка уплывет без вас.

Глобализация — благоприятный, позитивный процесс, потому что мир стал более открытым, мы можем учиться друг у друга и использовать возможности, которые открываются перед нами. Одновременно глобализация — это негативный процесс, потому что иногда возникают проблемы для маленьких стран и экономик. В любом случае глобализация должна стать образом нашего мышления.

Мы не можем спрятаться внутри границ наших стран. Традиционные, старые подходы постепенно меняются. Главным двигателем прогресса станут лидерство стран, четкая политика и стратегия и, что самое важное, инвестирование в коммуникации. Мы становимся ближе друг к другу, время сокращается, и возникает больше возможностей. Глава любой страны должен создать новую парадигму: обеспечить больше коммуникаций, больше возможностей связи и процветание. В дополнение к этому мы должны быть открыты для новых идей и инноваций. Именно на это нужно направить свои усилия.

Одна из лучших современных глобальных инициатив, способствующих установлению взаимосвязей, —

проект «Один пояс — один путь», инициированный Китаем. Пакистан принимает в нем активное участие и меняет свой подход к рынкам в будущем. Другие страны могут сделать то же самое.

Надеемся, что Россия, имеющая большой вес на мировой арене и выдвигающая много прекрасных инициатив, тоже будет проявлять активность в этом проекте. Я был рад видеть президента Путина на конференции в Пекине, он активно участвовал в дискуссии. Мы учимся у лидеров.

Итак, главное — не нужно воспринимать перемены как угрозу. Перемены должны стать образом жизни. Нужно воспринимать перемены как новые возможности, что обеспечит нам процветание, мир и прогресс.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Азиз, какая именно идея из Китая показалась Вам наиболее интересной?

Ш. АЗИЗ: — У каждой страны много инициатив, но «Один пояс — один путь» — самая важная взаимосвязь и коммуникационные возможности, телекоммуникации, авиаперевозки, любые поставки, поток информации. Не нужно бежать от перемен, следует воспринимать их как новые возможности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Ривера Марин, пожалуйста.

Л. РИВЕРА МАРИН[1]: — Я согласен со многими выступавшими и хочу подчеркнуть, что мы должны обратить особое внимание на связь и технологии. Эти области меняют принципы ведения бизнеса, дипломатии, вообще развитие стран.

Я приехал с небольшого острова в Карибском море. Пуэрто-Рико — маленькая страна, но у нас большие мечты. Мы, используя современные технологии и коммуникационные возможности, благодаря инновациям стали крупнейшим центром фармацевтического производства в мире.

Несмотря на то что демократия и свободы развиваются и гражданин находится в центре внимания, необходимо удостовериться в том, что граждане участвуют в управлении, должно быть налажено взаимодействие между гражданами и правительством, основанное прежде всего на технологиях.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется господину Мусе.

А. МУСА[2]: — На нас лежит ответственность: мы должны договориться о новом миропорядке. Нынешнюю ситуацию характеризуют прежде всего высокие технологии и искусственный интеллект. Но при этом не следует забывать, что, несмотря на наличие высоких технологий, сейчас во многих регионах мира отмечается крайняя бедность. Искусственный интеллект противопоставляется популизму, который откатывает мир назад — к расизму, дискриминации, негативным идеям и идеологиям. У переходного периода могут быть как позитивные моменты, так и негативные. Мы должны открыто обсуждать их и искать компромисс.

Еще один важный момент — человек и его права, которым бросил вызов робот. С одной стороны, человек, способный наслаждаться разными явлениями и имеющий право на все блага, с другой — новое создание, робот, который может многое сделать. Робот собирается бросить вызов человеку — этот вопрос мы тоже должны обсуждать.

Посол Ирана М. Санаи на пленарном заседании поднял вопрос о Сирии, Ближнем Востоке. Он упомянул Россию, Турцию и Иран как страны оси. На мой взгляд, Россия как крупная держава не должна становиться частью оси, она должна направить усилия на достижение компромисса другими странами. А если есть ось, состоящая из трех названных стран, то обязательно возникнет другая, противостоящая ей ось, в результате чего пострадают сирийцы. Роль России — подвести страны к мирному решению вопроса. В этот процесс должны быть включены все заинтересованные стороны — не только Иран и Турция, но и арабский мир, в дополнение к региональным и мировым державам. Россия призвана играть отдельную роль, а не быть частью оси.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Вершинин, пожалуйста, прошу Вас.

С. В. ВЕРШИНИН: — Общая характеристика сегодняшней ситуации, вероятно, сводится к одному слову: «нестабильность». Нестабильность ощущается на всех уровнях. Главным ее аспектом я бы назвал то, что происходит расширение практики вмешательства в суверенные дела других стран. Мне кажется, что ключевой принцип, благодаря которому мы смогли бы достойно ответить на вызовы современности, — это уважение суверенитета, политической независимости всех стран. В конце концов, все государства — члены международного сообщества, они имеют равные права. Умение понимать это очень важно — так же, как умение, или вера, если хотите, в то, что народ каждой страны лучше знает сам, что ему делать.

Примеров вмешательства много, но самые яркие из них — это, наверное, Венесуэла, Ирак и Сирия. Они показывают, что из-за диктата, когда насаждаются принципы, неприемлемые для конкретного народа, получается очень деформированная система, в которой трудно или даже невозможно жить, поскольку сюда добавляются риски военной дестабилизации. Сегодня, когда мы из-за действий США утрачиваем многие важ-

[1] Государственный секретарь Пуэрто-Рико (с 2017 г.), адвокат, нотариус. Получил степень бакалавра в области экономики в Массачусетском университете в Амхерсте (США), затем степень магистра международного бизнеса в Школе бизнеса Л. Н. Штерна Нью-Йоркского университета (США) и степень доктора права на юридическом факультете Университета Пуэрто-Рико. Занимал должность исполнительного директора «Туристической компании Пуэрто-Рико» (2012–2013), был министром по делам потребителей Пуэрто-Рико.

[2] Генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001). В 2012 г. баллотировался на пост президента Египта (за него было отдано более 2,5 млн голосов). Возглавлял Комитет пятидесяти, создавший проект нынешней конституции Египта. Награжден орденами за заслуги Египта, Германии, Бразилии, Иордании, Судана, Катара, Аргентины, Венесуэлы и Эквадора.

ные договоренности по разоружению, такие действия еще опаснее.

К уважению, суверенности, предоставлению народам возможности определять свою судьбу я добавил бы еще одно необходимое качество — способность слушать и слышать друг друга, желание вообще понять друг друга и найти какие-то компромиссные решения. Мне понравилось выступление Константина Федоровича Затулина, который рассказывал про первую Думу. Он сделал акцент на том, что тогда была возможность искать компромисс, люди хотели слышать друг друга.

То же самое сегодня проецируется на ООН. Печально, что на заседаниях Совета Безопасности делегации и представители стран высказывают свою точку зрения и после этого сразу уходят — им неважно, что скажут другие. Нет поиска возможных объединяющих факторов. Отсюда такое частое применение права вето и нежелание искать какой-то совместный выход. Сегодня часто бывают такие ситуации, что на голосование специально вбрасывается неприемлемая резолюция, чтобы спровоцировать вето или отрицательную реакцию другой стороны — такого раньше не было, и от этого надо уходить.

Еще один важный момент, о котором я хотел бы сказать. Мы утверждаем, что хотим видеть мировой порядок, основанный на правилах. Но кем эти правила устанавливаются? В этом могут участвовать не только незаинтересованные люди и уважаемые в обществе эксперты. Примеров, опять же, много. Среди них — решение об атрибутивном механизме, которое было принято в Организации по запрещению химического оружия. Данная ситуация и другие подобные ей — это нарушение тех устоявшихся и проверенных норм, положений, а также принципов Устава ООН, когда решают не государства и не полномочные суверенные представители. Решение принимают отдельные эксперты, и это может очень плохо закончиться. Вот почему я считаю, что перечисленные мной пожелания и риски следует учитывать в нынешнем переходном периоде.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Моратинос, прошу Вас.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Хотел бы рассказать вам о двух диалектиках современного мира. Первая — искусственный интеллект против человеческого интеллекта. Сегодня все согласны с тем, что современный мир — это мир перемен, мир новых технологий, открытий, новых возможностей. И все это стало возможно с помощью Big Data.

Какое место в этом мире займет политик? Возможно, через пять лет, может быть, и ранее, уже не будет необходимости в очной панельной дискуссии, потому что отвечать на вопросы мы будем по видеосвязи, мне не нужно будет обращаться к студентам. Честно говоря, я не думаю, что нас ждет такое будущее. Прежде всего необходимо сохранить человеческий интеллект. Мы должны руководить этим процессом. Раньше научные открытия использовались политиками, теперь такое открытие, как искусственный интеллект, является ведущим на политической арене. Мы утрачиваем способность лидировать, вести за собой.

Вторая диалектика — между равенством и идентичностью. Сегодня появляется много возможностей, мир становится лучше, но проблема бедности не решена. Неравенство постоянно растет: 1 % людей принадлежит почти 100 % ВВП. Люди начинают отказывать себе в необходимом и на этой почве возникает радикализм. Мы должны руководить усилиями человеческого интеллекта и пытаться избежать неравенства, чтобы идентичности стали мультиидентичностью. Мир должен быть для всех, как сказал заместитель министра иностранных дел. Мы должны слушать друг друга, понимать и жить вместе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание на некоторые особенности современного периода развития.

Технический прогресс, на который мы с вами рассчитываем, с очень большой вероятностью может принести людям вред, потому что на самом деле он исключает людей из интеллектуальной деятельности и примитивизирует образование. В ходе образовательного процесса технический прогресс притупляет способности к творчеству: зачем тебе о чем-то думать, когда ты можешь вытащить это из интернета. Я озвучиваю не свое мнение: это результат моего анализа ключевых докладов Лихачевских чтений более чем за 10 лет — в них содержатся примерно такие тезисы. Кроме того, прогресс способствует тиражированию продукции массовой культуры, которая не делает людей выше, и т. д. То есть получается, что на сегодня технический прогресс не приводит к развитию человека. Напротив, из-за него падает качество образования, в том числе высшего. Медиасреда плохо влияет на людей. Человек не находит шедевры мировой культуры и не может с ними знакомиться. Вместо этого он видит с помощью современных технологий упрощенные символы общества потребления.

Другой вопрос — средства массовых коммуникаций. Еще 10 лет назад казалось, что это очень мощный инструмент развития общества, что это четвертая власть, с помощью которой выявляются и выносятся на обсуждение недостатки правительств и других ветвей власти. Подразумевалось, что власть начнут массово критиковать, в результате и государство, и общество, и социальные инструменты станут лучше. Теперь есть точка зрения, что средства массовой информации играют противоположную роль: не работают на нужды демократии, не распространяют передовые взгляды — напротив, они являются инструментом в руках власти и финансовых групп.

Сам же демократический строй раньше способствовал выявлению наиболее перспективных идей в обществе, поиску ярких лидеров, продвижению их вперед и т. д. Однако пять лет назад профессор Дуткевич из Канады, который сегодня присутствует здесь, написал потрясающую статью о том, что демократия в современном развитом обществе приватизирована: у кого есть деньги, тот контролирует демократию. И мы видим, например, что сейчас происходит

на Украине. Там население пребывает в восторге, хотя прошедшие в стране выборы — это очередное проявление приватизации демократии. Все хлопают в ладоши, а наши эксперты говорят, что новый президент отличается от старого только внешне — на самом деле, это продолжение политики Порошенко. При этом средства массовых коммуникаций культивируют определенный образ, навязывают его людям. Демократия и средства массовой информации не срабатывают.

Другая тема, которой следует коснуться, — национальные элиты, которые вроде бы должны выдвигать перспективные идеи для построения нового будущего. Но мы видим, что во многих странах, например, с либеральной демократией — той системой, которую мы считали передовой, — элиты, по сути, вырождаются. Сегодня они представляют собой закрытые группы, которые начинают путать интересы развития страны со своими собственными. Элиты перестают генерировать яркие идеи и начинают манипулировать демократией и населением, командовать средствами массовой коммуникации.

Давайте посмотрим на еще одну ценность современного общества — права человека. Казалось бы, чем больше у человека реальных демократических прав, тем быстрее развивается общество. Но обратим внимание на Китай. С точки зрения и Запада, и, пожалуй, России, нет там никаких прав человека. В Китае человек находится на одном из последних мест, он меркнет перед интересами государства. При этом страна быстро развивается, и сейчас в китайской модели Запад уже начинает видеть для себя много интересного. Я вам скажу больше: наши социологические исследования показывают, что в России население очень мало волнуют демократические права человека. Жителей беспокоят стабильность, безопасность, состояние экономики — люди не озабочены тем, чтобы все поголовно могли выступать в прессе и пользоваться свободой слова. Если будут обеспечены экономические права, безопасность и так далее, то без очень многих демократических прав можно обойтись. Так думают миллионы — в Китае, в России и во многих других странах. В связи с этим возникает другой вопрос: позволяет ли либеральная модель Соединенных Штатов и Западной Европы смотреть в будущее с таким же оптимизмом? При этом китайская модель, которая является, как утверждают в Европе и США, практически полутоталитарной, обгоняет западную.

Также следует упомянуть социализм вообще. Мы думали, что похоронили его в Советском Союзе — и вдруг увидели огромный рост интереса к социалистическим идеям, например в той же Испании. Присутствующие здесь коллеги рассказывают нам, что социалистическая партия набирает силы, становится очень популярной — и выигрывает очередные выборы. Оказывается, социалистическая идея никуда не исчезла, она не отброшена цивилизацией, то есть либеральные концепции не победили окончательно. Как следствие, возникает много серьезных вопросов. Как это все будет работать? На какие ценности и теоретические концепции мы будем опираться? За счет чего мы будем строить новый мир?

В нашей сегодняшней дискуссии принимают участие выдающиеся интеллектуалы. Я уверен, что если бы здесь сидели еще Иисус, Мухаммед и Будда, у вас не возникло бы с ними никаких противоречий. Более того, все трое сказали бы — может быть, разными словами и на разных языках, — что люди должны договариваться, быть внимательны друг к другу, не ущемлять чужие интересы, и что каждый должен относиться к ближнему так, как он бы хотел, чтобы относились к нему. Это то, что разделяет все гуманитарное человечество, — тем более Гуманитарный университет, в котором мы находимся. Но за счет чего мы будем выходить из положения, когда мир действительно стоит на грани ядерной войны, когда нарастают кризисные явления и нарушаются системы международных институтов? Где вообще оптимальные модели? Где вообще какой-то выход из этой ситуации? Мы хотим договариваться в ООН, а в действительности, как говорит господин Вершинин, на заседания приходят делегации, которые эффектно высказываются, чтобы у себя дома их процитировала пресса, и уходят, не собираясь ни с кем договариваться. Что делать-то? На что мы можем опираться, строя новое общество? Вот вопросы, которые я хотел задать. Хуан Антонио, может быть, Вы первым отреагируете на мои выпады?

Х. А. МАРК: — Хочу напомнить одну африканскую поговорку, которая хорошо иллюстрирует то, как мы управляем своей жизнью: «Если хочешь идти быстро, иди один. Если хочешь идти далеко, возьми товарища». Ценность демократии заключается в том, чтобы взять всех на борт. Сейчас ведутся дебаты об эффективности демократии. Но очевидно, что это спор о том, что может позволить себе недемократическая система. Можно использовать искусственный интеллект, чтобы улучшить систему голосования, усилить ее эффективность. Но если мы хотим продвинуться далеко, то демократия — хорошая система. Куда мы идем? Мы должны двигаться к созданию единого человечества.

Экс-министр иностранных дел Испании Хавьер Солана, физик по образованию, говорил мне: «Важно точно подобрать сетку при движении к цели. Если сетка неправильная, то даже если у вас есть время, вы никогда не прибудете к цели». Наша цель — это единое человечество.

Проблема заключается в том, что на планете Земля время людей ограничено. Как нам использовать это время? Как открыть себя и новые возможности? Что мы можем создать? Мы не должны стать элементами, предполагающими что-то коллективное. Нужно гарантировать наше участие в коллективном проекте, чтобы максимально использовать возможности и получить фантастический опыт на нашей планете.

В завершение хочу сказать, что в XV веке, когда людям позволили думать о своей судьбе, а не только о религии, произошли серьезные изменения. Сегодня мы должны понять, какая система будет способствовать установлению гармонии на планете Земля.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Муса, прошу Вас.

А. МУСА: — Я хотел бы отреагировать на то, что сказал господин Запесоцкий.

Во-первых, фейковые новости. В настоящее время на международной арене циркулирует много фейковых новостей. Например, о положении дел в Венесуэле. Неужели все, что пишут об этой стране, правда? Там на самом деле все так плохо или это преувеличение? Конечно, в Венесуэле сложная ситуация, но насколько сложная, мы не знаем. Так что фейковые новости стали проблемой СМИ.

Во-вторых, мы пока не добрались до последней станции капитализма или социализма, потому что это стало неважно. Дело не в том, что лучше — капитализм или социализм. Теперь значимы такие проекты, как «Один пояс — один путь». Этот проект объединяет 90 стран и включает много направлений деятельности: строительство железных и автомобильных дорог и т. д.

Если какие-то страны не хотят участвовать в проекте «Один пояс — один путь», пусть предложат свои проекты, покажут, на что они способны. В настоящее время высказываются идеи и предпринимаются конкретные шаги по созданию конкурирующего проекта, начало которому будет положено в Азии: в Японии, Индии и т. д. Один проект против другого проекта.

В-третьих, ООН в современном мире. Студенты должны знать, что ООН служит выражением существующего международного порядка, который был установлен в 1945 году после Второй мировой войны. Сегодня настало время для его пересмотра.

Проблема ООН связана с Советом Безопасности. Этот орган ООН плохо работает, когда дело касается его основной функции — сохранения мира во всем мире и обеспечения безопасности. Когда царит мир, это не заслуга Совета Безопасности, дело в соглашениях, компромиссах и так далее, достигнутых вне пределов зала заседаний ООН. Пять великих держав — постоянных членов Совбеза ООН тоже потерпели неудачу, потому что им как мировым лидерам оказываются предпочтения.

Итак, вопрос об ООН, как и пересмотр роли пяти постоянных его членов, требует более глубокого обсуждения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Ривера Марин, прошу Вас.

Л. РИВЕРА МАРИН: — Здесь высказывалось предположение, что СМИ влияют на принятие решений. Сегодня это аксиома. Для примера рассмотрим Китай, отличающийся прагматизмом и приспособляемостью. Доступность информации — это часть демократического процесса. Когда мы говорим о гармонии в международном сообществе, то имеем в виду свободу личности, а это в том числе доступ к информации, равенство, участие граждан в управлении.

Власть должна быть демократичной, люди — иметь возможность выбирать, что смотреть, откуда брать информацию. Но если все это контролируется, как в некоторых юрисдикциях, то, значит, свободы нет или она ограничивается.

Долг международного сообщества — контролировать наличие доступа к информации, а также к образованию. Например, в Пуэрто-Рико существует бесплатное университетское образование с использованием онлайн-курсов. Доступ к информации и знаниям должен быть обеспечен людям по всему миру за счет технологий и равных возможностей — все это приведет к прогрессу. Мы должны избавиться от неравенства, преодолеть пропасть между богатыми и бедными, люди должны иметь возможность быть лучше образованными. На мой взгляд, правительство тоже должно заниматься этой проблематикой, продвигать идею демократизации информации и СМИ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я был в Пуэрто-Рико. Уверен, что там действительно есть свобода слова. В этой стране в целом очень хорошая обстановка, но, по большому счету, я сомневаюсь, что свобода слова где-то вообще есть. Давайте мы расскажем Трампу, что в Соединенных Штатах свобода слова приводит к огромному прогрессу в обществе. Он ответит, что его страница в «Твиттере» действительно приводит, а вот «CNN» — нет. Я совершенно не уверен, что ситуация со средствами массовой информации в Соединенных Штатах в целом намного лучше, чем в Китае. И я не уверен, что в России ситуация со СМИ лучше, чем в Китае, потому что у меня возникает очень много неприятных для меня самого вопросов, когда я анализирую ситуацию. В России сейчас полная свобода слова, но приводит ли это к прогрессу — большой вопрос. Господин Багис, прошу Вас.

Э. БАГИС: — Во время разговора о едином человечестве я вспомнил одну историю. В годы сегрегации в Соединенных Штатах Америки чернокожие должны быть ездить на задней площадке автобуса. Один турок, переехавший жить в США, устроился работать водителем автобуса. Однажды в переднюю часть автобуса захотел сесть чернокожий человек, а белокожее население воспротивилось этому. Началась драка. Водитель автобуса закричал: «Прекратите! С этой минуты в автобусе больше нет ни черных, ни белых. Все зеленые!» Драка прекратилась. И водитель добавил: «Теперь светло-зеленые пройдут вперед, а темно-зеленые — в конец автобуса».

Итак, необходимо создать единое человечество, чтобы положить конец всем видам дискриминации. Сегодня в Турции находятся 3,7 млн сирийцев, которые живут в нашей стране последние шесть лет. Развитые европейские страны, ратующие за права человека, демократию, не хотят принять даже несколько тысяч сирийских беженцев, а мы обеспечиваем их всем. Поэтому ни Турция, ни какая-либо другая страна не является осью в Сирии. Мы хотим положить конец войне, пока она не перекинулась на нас. «Альянс цивилизаций» ООН был создан как ответ на риски, вызванные столкновением цивилизаций. Необходимо достигнуть общей цели — создать единое человечество. Для этого мы должны вести диалог.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Шаукат Азиз, прошу Вас.

Ш. АЗИЗ: — Позвольте мне повторить то, что уже говорилось, для молодого поколения, студентов, у которых впереди светлое будущее. Сегодня перемены — это единственная постоянная. Не бойтесь их, принимайте, и перед вами откроются новые возможности. Если вы будете избегать перемен, то упустите шанс. Воспринимайте технологии как образ жизни. Вы не можете их избежать. Технологии подобны кислороду: если вы хотите жить, то должны вдыхать кислород. Пользуйтесь ими. Если вы не можете этого сделать, пусть вас научат ваши дети — они более продвинутые, чем мы. Будьте готовы воспринимать новые идеи и иногда выглядывайте за границы своего окружения.

Когда мы смотрим на мир, то становимся мудрее, чем тогда, когда мы смотрим на себя в зеркале. Учитесь у других людей, на опыте других людей, учитесь всему, о чем говорили мои коллеги. Информационная эра и необходимость открытой связи, коммуникаций друг с другом — это мощная движущая сила, способствующая росту и переменам, именно в этом случае наступит процветание.

Итак, люди должны быть мотивированы напряженно работать независимо от того, чем они занимаются и где находятся. Нужно постоянно прилагать всевозможные усилия, чтобы делать все наилучшим образом. Когда вы станете восприимчивы к новым идеям и откроетесь для новых идей, то начнете работать быстрее, получите большее удовлетворение, ваше окружение изменится, станет позитивным. Перед вами открываются огромные возможности, жизнь становится лучше.

Будьте готовы воспринимать новые идеи, откройте ваши сердца, и вы станете более успешными.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Моратинос, пожалуйста.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Я хочу осветить два, на мой взгляд, взаимосвязанных вопроса: первый — о СМИ, второй — о демократии.

СМИ — это особая область, которая противопоставляется политике. Мы должны жить в согласии, но иногда можно и критиковать друг друга. Социальные сети — новый вызов СМИ. Традиционные СМИ, журналисты, которые критиковали политиков, дипломатов за то, что те скрывают информацию, удивлены тем, что их замещают и вытесняют социальные сети. С появлением социальных сетей каждый может стать журналистом, свободно выражаться.

Мы выступаем за свободу слова, другой вопрос — в каких пределах она возможна. Так, в Крайстчерче (Новая Зеландия) мужчина, считавшей себя лучше других, убивал людей и транслировал все это через Facebook в режиме реального времени. Из Крайстчерча прозвучал призыв премьер-министра Новой Зеландии не тиражировать ненависть, который поддержали европейские лидеры. США пока воздерживаются от ответа. У нас не должно быть никаких сомнений в том, транслировать или нет убийство людей в соцсетях по всему миру.

Второй вопрос — о демократии. Есть два элемента демократии: представительство и участие. Западная демократическая система базируется на представительстве. Раньше мы ходили голосовать, выбирали людей, а потом забывали об этом. Но сегодня люди хотят участвовать в общественной жизни и управлении, иметь право голоса, высказывать свое мнение о происходящем, как, например, «желтые жилеты» во Франции. Поэтому необходимо модифицировать демократическую систему.

Мы обсуждаем эффективность демократии, что произойдет, если прекратится рост Китая. Многих людей впечатляет успех Китая в экономике. Но кроме вопроса об успехе можно задать вопрос об успешности их политической модели. Нельзя игнорировать тот факт, что Китай преуспел. А какая демократия в Китае? Какая демократия в западных странах? Как мы собираемся адаптироваться к новым технологиям? Эти вопросы и нужно обсуждать. Так что демократию необходимо реформировать, нужно поддерживать баланс между представительством и участием. Сегодня люди хотят участвовать в общественной жизни, и мы должны помочь им в этом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сергей Васильевич, Ваше завершающее слово.

С. В. ВЕРШИНИН: — Александр Сергеевич, вопросы, которые Вы задали, действительно острые. И я бы отметил, что все они — и о пользе технического прогресса, и о средствах массовой информации, о демократии, социальных элитах, правах человека, социализме — не просто актуальные. Они вечные.

И на них, наверное, простых ответов нет. То, что сейчас было сказано, можно обобщить следующим образом. Надо понять эти проблемы, ориентируясь на человека, на сохранение человека и человечества вообще, стараясь осознать то новое, что несет технический прогресс.

Я бы отметил еще одну особенность современного периода, с которой мы сталкиваемся в повседневной работе. В международных отношениях сегодня основная тенденция — это предельная политизация любых организаций, в том числе не связанных с политикой. Права человека политизированы, фейковые новости — или просто новости — превратились в политическое оружие, политизирован спорт высоких достижений — мы же все понимаем, что стоит за обвинением России в допинге, — то же самое в сфере культуры.

Поэтому я бы хотел сказать, что задача при решении обсуждаемых сегодня проблем состоит в том, чтобы отделить политику от того, что для всех нас действительно важно — и начать отвечать на озвученные простые вопросы. Ответ будет очень долгий по протяженности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо огромное всем участникам!

Секция 1
НОВЫЕ РИСКИ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

24 мая 2019 г. Конференц-зал гостиницы «Radisson Royal»

Руководители секции:

И. О. АБРАМОВА	директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
Г. В. КОЛОДКО	вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
А. МУСА	генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
Л. РИВЕРА МАРИН	государственный секретарь Пуэрто-Рико

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

А. А. АКАЕВ	Президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор
Э. БАГИС	министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013)
А. БЕБЛЕР	почетный профессор политических наук Университета Любляны (Словения), доктор политических наук
Ч. ВАРГА	почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
Е. ВЯТР	министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор
Б. ДЕГАРДЕН	генеральный директор «Banque Eric Sturdza SA» (Женева, Швейцария)
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. ИНГИМУНДАРСОН	профессор современной истории Университета Исландии (Рейкьявик), доктор философии
Г. КЁХЛЕР	президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии
А. М. КРАМАРЕНКО	директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
А. В. КУЗНЕЦОВ	и. о. директора Института научной информации по общественным наукам РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

В. ПРОДАНОВ	директор Фракийского научного института, профессор Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
М. САНАИ	Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук
И. ТАЛУКДАР	научный сотрудник Индийского совета по международным делам (Нью-Дели)
П. П. ТОЛОЧКО	член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Л. Л. ФИТУНИ	заместитель директора Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума УрО РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
У. де ШАВАНЬЯК	Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге
Я. А. ШОЛТЕ	профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)
Р. ШТАЙНМАНН	атташе Генерального консульства Швейцарии в Санкт-Петербурге

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Мы продолжаем нашу дискуссию о мировой управляемости и стабильности, на которой обменяемся мнениями и поделимся впечатлениями от докладов, прозвучавших на пленарном заседании.

Сейчас в Университете начали работу еще четыре секции: одна из них посвящена культуре в эпоху глобальных перемен, вторая — экономике и праву, третья — социально-трудовым отношениям, взаимодействию правительств, профсоюзов и корпораций, и наконец, на заседание четвертой секции соберутся 750 школьников, которые обменяются своими гуманитарными идеями.

Надеюсь, что сегодня здесь состоится интересный и содержательный разговор. Желаю успехов в работе вашей секции!

Ал. А. ГРОМЫКО: — Александр Сергеевич, благодарим Вас за открытие сессии «Новые риски и проблемы обеспечения стабильности мирового развития». По возможности всем желающим мы дадим слово или, как говорят в Германии, организуем импульсные выступления.

Слово предоставляется профессору Антону Беблеру из Словении.

А. БЕБЛЕР: — Я хочу поднять вопрос стабильности нынешней системы взаимоотношений между крупнейшими державами, которая задается системой договоренностей и подписанных договоров о контроле над вооружениями. Данная структура распадается из-за одностороннего выхода США из отдельных договоров. В частности это относится к Договору об ограничении систем противоракетной обороны, который был заключен в 2000 году. Соединенные Штаты вышли из него, не обвинив при этом ни одно государство, включая и мою страну, и Российскую Федерацию в его нарушении. После этого в октябре 2018 года президент США Дональд Трамп объявил о намерении его страны выйти из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. На этот раз Штаты обвинили Российскую Федерацию в его нарушении, но не предъявили никаких доказательств. Кроме того, США явно идут к тому, чтобы выйти из Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана, поскольку это соглашение относится к той же категории.

В настоящее время высока вероятность того, что Дональд Трамп объявит об отказе продлевать или заключать новый Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, действие которого заканчивается в 2021 году. Все это является частью плана действий США по отказу от международной дипломатии или ее подрыву.

При этом у Соединенных Штатов не было необходимости обвинять Российскую Федерацию в нарушении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей

дальности, поскольку он, как и ряд других соглашений, устарел. Это относится и к Договору об ограничении систем противоракетной обороны, и к ряду других двусторонних договоров, заключенных между США и Советским Союзом в 1960-е, 1970-е и 1980-е годы. На самом деле, некоторые из этих соглашений, включая многосторонний Договор об обычных вооруженных силах в Европе, устарели из-за кардинальных изменений геополитической ситуации, то есть распада Организации Варшавского договора и Советского Союза, а также последующего расширения НАТО на восток. В случае с Договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности имелся дополнительный фактор, из-за которого возникли новые проблемы. Речь идет о развитии высоких технологий, включая IT-сферу, и их распространение в других странах, в том числе азиатских: в Северной Корее, Индии, Китае, Пакистане, Иране и т. д. По этой причине, а также, возможно, некоторым другим, действительно было необходимо предпринять какие-то действия по отношению к Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Несмотря на позицию Российской Федерации, которую поддержал ряд европейских стран — членов НАТО, необходимо было пересмотреть это соглашение, провести соответствующие переговоры.

Однако, даже если бы этот договор был пересмотрен и заново заключен между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией, от него не было бы толку, если бы к нему не присоединились Китай, Индия и Иран. Один из аспектов проблемы — это подъем Китайской Народной Республики, развитие там технологий и усиление военной мощи. Это помогло получить Китаю определенные права, но в то же время ситуация оказала негативное влияние на безопасность Европы, потому что Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности устарел в основном из-за усовершенствования китайских ракет и усиления мощи страны. Именно это было основной причиной выхода США из договора, а не предполагаемые нарушения договора Российской Федерацией.

Ал. А. ГРОМЫКО: — На трибуну приглашается профессор Чаба Варга из Венгрии.

Ч. ВАРГА: — Дамы и господа, мой доклад посвящен тому, как право соотносится с пониманием предсказуемости и управляемости будущего. Моя позиция с правовой, философской точки зрения, к сожалению, весьма пессимистична. В конечном счете право — не господин, а слуга событий. Право считается автономным в политической риторике, а также в профессиональной юриспруденции. Но, по сути, оно калибруется, чтобы соответствовать положению дел в конкретных государствах. Если же этого не происходит, если нет большинства, нет государства, на которое оказывается воздействие или влияние, то нет и психологической предрасположенности к подчинению. Грубо говоря, на протяжении всего хода истории право поддерживалось общей верой и общими нравственными основами. Если дело обстоит не так, и положение дел меняется, то право оказывается бессильным. Иначе говоря, у права есть только символическая власть, поскольку это инструмент, средство, посредник.

Здесь уже несколько раз упоминали международное и внутригосударственное право, а также права человека. Если международное право будет утверждать, что две страны ссорятся из-за конфликта интересов, то это будет просто переводом конфликта на другой язык, и все. Победит в конечном счете либо тот, кто сильнее, либо тот, кто имеет бóльшую власть, либо тот, кто сильнее в риторике. Таким образом, мою первую мысль можно обобщить следующим образом: право — это один из самых важных цивилизующих посредников в нашей культуре, но не больше. Нашу безопасность, наше будущее вверять ему нельзя, мы должны полагаться только на самих себя.

Второе, о чем я хотел сказать, — это появление права в период древнейшей истории. Я имею в виду Месопотамию и регион распространения иудейской культуры — эту очень небольшую, но очень важную территорию, на которой жили пророки, и где появилась идея перестройки человеческой жизни с помощью права. Намного позднее, в XIX веке, появились марксизм, позитивизм, идеи Огюста Конта и так далее — и, кроме того, появилась идея социальной инженерии. Теперь я вижу, что одна из самых важных целей многих политических акторов заключается в том, чтобы изменить значительную часть нашей жизни: исправить здравый смысл, заменить присущие человеческому обществу качества и идентичность отдельных людей. Я процитирую слова Хилари Клинтон, сказанные в 2015 году: «Глубоко укоренившиеся культурные коды, религиозные убеждения и структурные предубеждения нужно менять». Вот и все.

Третий аспект, на котором я хотел бы остановиться, — это технологии и глобализм. Их здесь упоминали как положительный и важный фактор. Насчет важности спорить не стану, это действительно так. Но в том, что это является положительным моментом, не соглашусь. Это не хорошо и не плохо — это нейтральный фактор. Так, могут, например, быть хорошие основания для плохих целей.

На основании сказанного я сделаю следующий вывод: важным является то, как впоследствии поведут себя конкретные люди, так что в этом смысле каждый из нас — идеалист. Все мы верим в людей, и поэтому все мы правы.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Профессор Варга, в выступлении Вы подняли несколько фундаментальных вопросов: о стратегической стабильности, праве как инструменте, который не должен заменять деятельность людей, социальной инженерии и глобализации как феноменах, приносящих людям как благо, так и несчастья.

Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Алексею Владимировичу Кузнецову.

А. В. КУЗНЕЦОВ: — Когда мы говорим о проблемах и рисках развития, то нельзя не уделить внимания экономическим аспектам и геополитическим проблемам, с которыми мы сталкиваемся в сфере меж-

дународного права и безопасности и которые влияют на развитие экономических связей.

Один из любопытных аспектов — деятельность транснациональных корпораций. Когда в конце XX — начале XXI века глобализация развивалась поступательно, высказывалось оптимистичное мнение, что транснациональные корпорации становятся все более автономными от политической жизни. Тому были реальные подтверждения: многие крупные ТНК теряли связь с национальной почвой из-за того, что становились подконтрольны портфельным инвесторам других стран. Так, «Нестле» или «Нокиа» не контролируются соответственно швейцарцами или финнами как акционерами, хотя менеджмент там национальный. Цепочки создания стоимости стали глобальными, поэтому в СМИ и научных работах даже высказывалось мнение, что крупнейшие корпорации благодаря объемам своей экономики могут участвовать в международных отношениях как самостоятельные игроки наравне с небольшими странами.

Однако последние события показали, что государство не собирается умирать, более того, компании оказались зависимы от того, что происходит в политической сфере. Речь идет прежде всего о войне санкций, от которой пострадали именно частные ТНК, не имевшие никакого отношения к политическим событиям, в связи с которыми (правомерно или нет) вводились санкции.

Второй момент не связан с конфликтной ситуацией, но очень важен в политической сфере, причем не только для незападных стран, — это Брексит. Компании против своей воли оказались перед фактом: распадается единое экономическое пространство, в котором они работали десятилетиями. Может быть, откололся маленький кусочек, но по необычайно высокой динамике экономического роста в Ирландии мы понимаем, что британский бизнес бежит из-под юрисдикции Соединенного Королевства.

Третий момент связан с вооруженными противостояниями и потерей комфортных рынков для ТНК, которые только начали свою зарубежную активность. В случае российского бизнеса это потеря Украины, которая раньше была для нас комфортным регионом. В случае арабского бизнеса из монархий Персидского залива это крах возможности инвестировать во многие арабские страны после «арабской весны». Нужно искать другие рынки, что отбрасывает назад транснациональные корпорации соответствующих стран — новых игроков в их конкурентной борьбе.

В результате происходит переформатирование транснациональных корпораций, которое будет продолжаться еще более десяти лет. Возрождается роль транснациональных корпораций, хотя бы частично подконтрольных государству: частная государственная компания ассоциируется со своей страной, и лучше заручиться помощью государства. Появляются ТНК-мигранты, когда фирма умышленно покидает страну с «плохой» для ведения международного бизнеса юрисдикцией. И наконец, помимо ТНК все более активными становятся непрозрачные инвестиционные фонды, физические лица, которые начинают вкладывать средства как глобальные игроки, и одновременно усиливается роль суверенных фондов. То есть происходит полное переформатирование, и нам предстоит осмыслить, как это отразится на мировом развитии.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Алексей Владимирович, Вы затронули большой срез жизни глобального мира. В этой сфере происходят не просто эволюционные процессы, а быстрая трансформация ситуации.

Слово предоставляется профессору Ежи Вятру из Польши.

Е. ВЯТР: — Я хотел бы сосредоточить внимание на причинах дестабилизации мирового порядка после холодной войны. 25–30 лет назад, когда она уже подходила к концу, многие ожидали, что в мире начнется эпоха стабильности. Основанием для этого являлась вера в то, что гегемония Америки будет долгой. Поэтому часто использовался термин «Pax Americana» (Американский мир — лат.) по аналогии с античным «Pax Romana» (Римский мир — лат.). Теперь мы знаем, что это была иллюзия. Возникает вопрос: почему ситуация сложилась именно так? Я вижу три основные причины окончания периода стабильности, основанного на гегемонии Америки.

Первая причина касается ошибочной политики США. Особенно это относится к периоду президентства Джорджа Буша-младшего, в частности, к вторжению Ирак. Следует также упомянуть еще худшую стратегию Дональда Трампа, которую мы наблюдаем сегодня. США в некотором смысле отреклись от своей роли ведущей мировой державы.

Второй фактор — быстрый рост двух альтернативных великих держав: России, которая достаточно быстро восстановилась после развала Советского Союза, и Китая. 25 лет назад этого никто не ожидал. В начале 1990-х годов очень многие специалисты считали, что КНР потребуются как минимум два поколения, чтобы достичь уровня мировой державы, но Китай сделал это гораздо быстрее. А в ЦРУ высказывались предположения о том, что кризис в России не только продолжится, но и углубится. Оба предсказания оказались неправильными, и теперь мир живет в условиях соперничества региональных держав, которые в настоящий момент слабее, чем США, но при этом достаточно сильны, чтобы не допустить гегемонии Америки.

Кроме того, есть третий фактор: дестабилизация некоторых государств, вызванная внутренними причинами. К ним относятся, в первую очередь, арабские страны. Ужасающие последствия так называемой «арабской весны» привели к дестабилизации Ближнего Востока и Северной Африки, гражданским войнам в Ливии, Йемене, Сирии и т. д. Еще один пример — это украинский кризис пятилетней давности. Он не был спровоцирован какой-то внешней силой, однако в результате привел к конфликту, в котором были задействованы, с одной стороны, США и Европейский союз, с другой — Российская Федерация.

Таким образом, указанные факторы вместе дестабилизировали ситуацию. Из этого следует сделать вывод о том, что в будущем нам нужно быть осторожными, не делать излишне оптимистических прогнозов и не предсказывать лучшее будущее преждевременно.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Затронута еще одна тема, которую не поднимали предыдущие спикеры, — цивилизационный аспект международных отношений. Профессор Вятр употребил термин «дестабилизация» и призвал нас не быть чересчур оптимистичными, хотя я думаю, что этот призыв сегодня не очень востребован, так как оптимистичные настроения отсутствуют.

Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Леониду Леонидовичу Фитуни.

Л. Л. ФИТУНИ: — Я хотел бы отреагировать на то, что говорилось на пленарном заседании. Насколько мы погрузились в малопредсказуемую ситуацию и нужна ли управляемость в мире?

Одна из претензий к Советскому Союзу в момент его развала заключалась в том, что в стране была повышенная предсказуемость. Мы тогда называли ее застоем, отсутствием движения вперед.

В связи с предсказуемостью возникает вопрос «что делать?». Я африканист, мне доводилось бывать в джунглях. В местах, где водятся дикие животные, тем более в джунглях, предупреждают: джунгли полны неожиданностей. Как правило, это не мешает нам во время сафари достигать целей. Мы исходим из того, что хищники ведут себя определенным образом, и мы выстраиваем наше поведение, исходя из того, чего нам от них ожидать. Если это сафари с охотой, то вы возвращаетесь со шкурой убитого льва, несмотря на то что он непредсказуем.

Перевожу свои размышления в политическую плоскость. Мы должны знать повадки хищников нынешнего дня и понимать ситуацию современного политического мира. Сегодня ведущие мировые державы пытаются поделить мир между собой, причем не территориально, как раньше, но поделив рынки и влияние. Исходя из этого, мы должны адаптировать свою внешнеполитическую линию поведения.

Я хотел бы упомянуть работу В. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», в которой он ругает социал-демократа Гильдебранда, поскольку тот фактически переметнулся на позиции империализма, говоря о «Соединенных Штатах Европы» без России, совместных действиях против африканских негров, исламского движения, японо-китайской коалиции, содержании сильного войска и флота и т. д. Получается, что объединение Европы без России, противостояние исламизму и африканским неграм, которые мигрируют в Европу, угроза японо-китайской коалиции привели к необходимости для Запада противостоять России и Китаю и увеличить военные расходы до 2 % ВВП. Возникает вопрос: мы вернулись в джунгли?

Ал. А. ГРОМЫКО: — Леонид Леонидович, спасибо за метафоры и отсылку к истории. Напомню, что последняя треть XIX века прошла под флагом «схватки за Африку», борьбы за разделение того, что еще не было поделено. Возможно, в XXI веке и другой регион, Арктика, начинает рассматриваться с точки зрения военной политики.

К микрофону приглашается профессор Валур Ингимундарсон из Исландии.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — В своем докладе я рассматриваю отрицательную реакцию на глобализацию на примере европейских праворадикальных партий. Их позиции особенно заметны сегодня, когда проходят выборы в Европейский парламент. Хочу обозначить пару моментов, связанных с этой темой.

Я считаю, что изучать популизм как идеологию недостаточно, хотя в наше время он действительно несколько изменился. Например, некоторые партии начинали свою деятельность как неолиберальные и не участвовали в каких-либо протестах — и теперь они занимаются отстаиванием интересов государства и его граждан. Конечно, их деятельность в основном направлена на защиту большинства населения.

Я хочу подчеркнуть, что необходимо сосредоточить внимание на поведении таких партий в рамках существующих политических систем. В результате упадка социальной демократии, а также ослабления центристских партий усилились партии правого крыла. Но следует отметить одно противоречие. Эти партии, с одной стороны, являются силой, направленной против элит, с другой — они готовы приспосабливаться к политике, которую проводят другие, готовы работать с консервативными элитами, основываясь на программе действий и интересах националистов и традиционалистов. Так что нам следует не только сосредоточить внимание на популистах per se (самих по себе, непосредственно — лат.), но посмотреть и на консервативные партии, на то, как они, подобно попугаям, повторяют некоторые пункты программ действий популистских партий и тоже все больше склоняются вправо.

Поскольку мы с вами обсуждаем вопросы будущего, следует отметить, что вскоре начнется борьба между популистскими и консервативными правыми партиями, радикалами и консерваторами правого крыла — и многое будет зависеть от того, кто в этой борьбе победит. Здесь мне вспоминается кризис в Австрии, который, возможно, стал началом перемен в отношении консервативных партий. Посмотрим, так ли это.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется господину Ги Меттану из Швейцарии.

Г. МЕТТАН: — Я хотел бы отметить два момента. Первый — это проблема защиты окружающей среды, о которой сегодня не было сказано. Посмотрите на то, с какой скоростью меняется климат и насколько сильно мы влияем на природу: вырубка лесов, повышение кислотности вод Мирового океана, исчезновения сельскохозяйственных земель, загрязнение воздуха и т. д. По этим причинам в странах третьего мира ежегодно умирает 7 млн человек. Я уверен, что через 5–10 лет мы на таких конференциях, как сегодняшняя, будем говорить именно об этом, поскольку все остальные вопросы отойдут на второй план, в то время как экология станет проблемой номер один. Дело не только в уменьшении мировых запасов нефти и газа — возникнет нехватка всех природных ресурсов, не только энергетических. Борьба за ресурсы, землю, продукты питания, и так далее вскоре станет главной целью всех ведущих государств. Я думаю, что мы должны об этом помнить: в противном случае мы не сможем понять,

что ждет Землю в будущем. У человечества нет будущего без природы.

Второй момент — конец многополярного мира, об этом можно говорить с полной определенностью. Я думаю, что многополярный мир вообще никогда не существовал: это была мечта, и сейчас мы можем увидеть смерть этой мечты. Последние 10 лет мы наблюдаем появление нового биполярного мира, в котором на одном полюсе, грубо говоря, находятся США с Европой и Японией, а на противоположном — Китай, Россия, Иран и другие страны. Но если мы хотим спасти свои жизни, нам нужно избегать разделения мира на две конкурирующие части. Эскалация борьбы между двумя новыми полюсами создается искусственно, в действительности никто не хочет противостояния. Китай пытается вырваться из сдерживающих его оков с помощью инициативы «Один пояс — один путь», но в любом случае, мы все способствуем становлению этого нового биполярного мира. Проблема в том, что мы не учитываем расстановку сил. Европейский союз полностью исчез со сцены, он уже не может уравновешивать две стороны. Естественная миссия Европы — вести весь мир за собой. Однако она стала вассалом США и теперь полностью от них зависит. По-моему, это нехорошо и для самих Соединенных Штатов, потому что нам все-таки нужна какая-то уравновешивающая сила, чтобы сохранить хладнокровие и смягчить предстоящую конфронтацию.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Спасибо, господин Меттан, за мастерски обрисованную расстановку сил в мире. Хочу отметить, что сегодня здесь присутствует атташе Генерального консульства Швейцарии в Санкт-Петербурге Роджер Штайнманн. Пожалуйста, несколько слов.

Р. ШТАЙНМАНН: — Добрый день! Я представляю здесь господина Роджера Кулля, Генерального консула Швейцарии в Санкт-Петербурге, приветствую всех участников от его имени. Благодарю организаторов за приглашение поучаствовать в этом замечательном форуме. Рад присутствовать здесь и следить за ходом этой интереснейшей дискуссии.

Ал. А. ГРОМЫКО: — На трибуну приглашается член-корреспондент Болгарской академии наук Васил Проданов.

В. ПРОДАНОВ: — Название нашей секции — «Новые риски и проблемы обеспечения стабильности мирового развития». Есть два типа рисков: старые и новые. Растущее неравенство, геополитические опасности, связанные с переходом от однополярного мира к многополярному, — все это наблюдалось и сто лет назад, то есть это старые риски, которые хорошо нам известны. Но сейчас появились и новые угрозы: по моему мнению, они связаны с особенностями постиндустриальной революции.

Мне бы хотелось отметить несколько аспектов новых рисков. Первый — это скорость социальных и экономических перемен, экспоненциальный характер изменений из-за темпа инноваций. Прогресс сейчас идет гораздо быстрее, чем сто лет назад. В результате увеличивается количество людей, которые ощущают на себе связанные с этим риски и испытывают неуверенность. Также в обществе все больше увеличивается разрыв между проигравшими и победителями.

Второй аспект — конвергенция физического, биологического, социального и цифрового миров, различных дисциплин, знаний, реальностей. Это основная характеристика постиндустриальной революции. В результате складывается гораздо более сложная мировая система.

Третий аспект — деструктивная природа новых технологий и разрушительные последствия для экономики, социальной структуры общества.

Четвертый аспект — сжатие пространства в результате глобализации, развития коммуникационных и транспортных технологий, расширения интернет-пространства. Это осложняет систему управления, основанную на репрезентативной многопартийной структуре либеральной демократии, которая повсеместно теряет поддержку. Утрачивается доверие к политикам, в обществе усиливается стресс, люди думают, что их общество развивается в неправильном направлении. Возможность оказывать влияние из любой точки земного шара сильно осложняет процесс управления. Системные партии теряют свои позиции, а новые сталкиваются с гигантскими трудностями. Они не могут принять правильные решения в условиях бесконечного потока перемен. Таким образом, на мой взгляд, и проявляют себя новые риски.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Профессор Проданов затронул тему социальной несправедливости и напряженности, ее влияния на отношения между различными частями общества и государствами.

Мы прослушали девять импульсных выступлений, было предложено много тем для обсуждения, каждая из которых важна. Я передаю ведение дискуссии Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Уважаемые коллеги, предлагаю в дискуссии сосредоточиться не на вопросе, кто виноват, а на вопросе, что делать. Задача любой конференции — не просто поставить ту или иную проблему, а найти ответы на вопросы.

Слово предоставляется Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Какая стабильность нам нужна? Профессор Фитуни правильно сказал, что в СССР была стабильность, которую потом назвали застоем. В Евросоюзе была стабильность, люди были счастливы, но в результате это образование распадается.

Но если же стабильность все же нужна, то что мы под этим понимаем: полицентризм, биполярную систему или что-то другое? Я придерживаюсь не очень популярной точки зрения, что миром руководят великие державы, и баланс сил между ними на ближайшие 50–75 лет и есть основа мировой архитектуры, соответствующих законодательств, международных организаций. Как только баланс нарушается, возникает нестабильность, которая нам не нравится.

Перечень великих держав на протяжении истории человечества меняется незначительно, и мы должны потребовать разумного баланса сил и ответственности, чтобы ни одна из них не заявляла, что можно превентивно использовать ядерное оружие. Вот что нужно сделать, а не требовать стабильности и не преодолевать риски. Меня настораживают академичность и интеллектуальный консерватизм рассуждений о всемирной или региональной стабильности. На мой взгляд, в наших рассуждениях мы движемся не в ту сторону.

И. О. АБРАМОВА: — Каковы критерии великой державы? Экономика? Но с точки зрения экономики Запад перестал лидировать в мире. Наличие ядерного оружия? Система, которая была положена в основу Совета Безопасности ООН, меняется. Появляется все больше держав, у которых есть ядерный арсенал. Другое дело — легитимно ли это? Бóльшее политическое влияние, институты глобального управления? На мой взгляд, происходит смещение понятия «великая держава». Экономический базис перемещается с Запада на Восток, а все инструменты управления этим базисом сосредоточены на Западе. Может быть, в этом кроется причина конфликтов: Запад не хочет выпускать из рук инструменты, а их у него отбирают. Предлагаю сегодня поговорить и об этом.

Слово предоставляется академику Аскару Акаевичу Акаеву.

А. А. АКАЕВ: — В своем выступлении я хотел бы развить тему неравенства. Обычно черный лебедь, несущий большие риски, появляется неожиданно. Мне представляется, что в 2020-е годы черный лебедь — это неравенство. Профессор Проданов в своем выступлении затронул эту проблему. В 2018 году был поставлен своеобразный рекорд — 1 % богатых людей мира завладел более чем 50 % мирового богатства, а 50 % бедного населения мира довольствуются 0,6 % мирового богатства. Во всех авангардных странах мира, как отметил Ал. А. Громыко, наблюдается рост неравенства (кроме социальных Скандинавских стран, Германии, Швейцарии и др.).

Новые технологии четвертой промышленной революции будут усугублять неравенство и уничтожать средний класс. А средний класс — это опора политической и социальной стабильности общества. Через десять лет в развитых странах не будет среднего класса. Кто будет поддерживать стабильность?

После Второй мировой войны были введены социальные инновации, прогрессивное налогообложение. Но ни одно правительство в мире сегодня не использует социальных инноваций, все идут по пути введения плоской шкалы вместо прогрессивного налогообложения. То есть социальная политика мирового правительства на национальном и глобальном уровнях направлена на то, чтобы богатые богатели, а бедные нищали.

Если не бороться с этими рисками, то в 2020-е годы во всех благополучных авангардных странах возникнет такая же ситуация, как во Франции. Этот риск представляется мне главным дестабилизирующим фактором в мире.

И. О. АБРАМОВА: — Предоставляю слово академику Роберту Искандровичу Нигматулину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Я согласен с тем, что если формально понимать слово «стабильность», то оно превращается в «застой». Мы хотим, чтобы мир совершенствовался, несмотря на возникновение новых проблем. Ирина Олеговна спросила, что делать, а я задаю вопрос: как? Если бы я контролировал мир, то предоставил бы странам возможность быть более открытыми, потому что открытость — это доверие. Считаю, что принцип Р. Рейгана «доверяй, но проверяй» нужно распространить не только на военную область, но и на институты гражданского общества, взаимного контроля, не просто журналистского, а более формализованного, в частности, на экономические министерства. Все должно быть формализовано, но с участием представителей научного сообщества. Контроль институтов и гражданского сообщества, на мой взгляд, может способствовать совершенствованию.

Нужно изучать опыт тех стран, с которых можно брать пример. Чем больше средств тратится на образование, науку, здравоохранение, экологию, повышение уровня жизни населения, тем лучше. Чем больше людей сидят в тюрьмах, тратится средств на оружие, тем хуже, поэтому надо совершенствоваться.

Неравенство будет и дальше усугубляться — так устроен капитализм. Я выступаю за сочетание капитализма и социализма: примерно 50 % капитализма и 50 % социализма. Мы должны наладить систему взаимного контроля не только военных сил, но и других показателей деятельности. Тогда мы можем двигаться в направлении построения доверительного мирового сообщества.

И. О. АБРАМОВА: — К микрофону приглашается представитель Франции Уго де Шаваньяк.

У. де ШАВАНЬЯК: — Меня зацепила фраза о Европе, которая якобы стала вассалом США и теперь полностью от них зависит. Я достаточно часто слышу подобное здесь, однако, например, многие европейские страны в свое время выступили против вторжения США в Ирак. Та же ситуация сейчас в вопросе Ирана, а отношения между Ираном и США сегодня крайне напряженные. Это не означает, что в настоящее время легко сопротивляться сильному давлению Соединенных Штатов, но можно уверенно говорить о том, что мы не присоединились к США.

Но все-таки в основной части своего выступления я хотел бы сказать о другом — о заявлении, что мы идем к биполярному миру. По моему, мы не должны столь быстро делать подобные выводы. Не думаю, что Европа рада нынешнему положению вещей. Наверняка со мной согласятся и представители другой страны — Индии, которая занимает второе место в мире по численности населения. Безусловно, будет правильно об этом беспокоиться, но нельзя воспринимать это как данность, как факт. Главная причина здесь — самореализующиеся пророчества и описания. Чем больше об этом говорите, чем больше вы навязываете идею о неизбежности этого, чем больше вы поощряете тех,

кто хочет проводить политику силы («давайте наращивать наши силы, потому что другие делают то же самое»), тем больше вероятность реализации ваших прогнозов.

Одним из требований «желтых жилетов» во Франции было возвращение налога на богатство. Франция была единственной развитой страной — возможно, единственной страной в мире вообще, — в которой ранее был введен такой налог. Однако из-за него многие компании, занимающиеся высокими технологиями, включая стартапы, бежали из Франции — именно эту проблему пытался решить наш президент.

Ситуация, которая сегодня сложилась в мире, очень непроста. Идут процессы глобализации, движение капитала — и это негативно сказалось на многих аспектах жизни, потому что в результате значительно усилилось неравенство. Однако при этом сотни тысяч людей во всем мире были «вытянуты» из бедности, в особенности в таких странах, как Китай и Индия, то же начинает происходить в Африке. В результате получается очень смешанная картина. Мы не будем утверждать, что все плохо: баланс во многом поддерживается, однако в некоторых вопросах это равновесие отсутствует. Нельзя говорить, что капитализм — это плохо, что он создает только бедность. На самом деле это не так.

И. О. АБРАМОВА: — Слово предоставляется Бруно Дегардену из Швейцарии.

Б. ДЕГАРДЕН: — Доброе утро. Я прокомментирую некоторые из предыдущих сообщений. Вначале скажу пару слов по поводу выступления господина Беблера. Я согласен с тем, что Вы говорили по поводу военных договоров, это действительно большая проблема. Хотел бы добавить, что в последние годы по всему миру увеличиваются траты на вооружение. Больше всего военные расходы увеличиваются у США, ежегодно они тратят в этом секторе по 650 млрд долларов. Наблюдается рост и у других стран. Китай тратит на вооружение 250 млрд долларов в год, Россия — более 60, Франция — 63, Германия — около 50. Я привожу данные Стокгольмского института исследования проблем мира — они, вероятно, не являются точными, но упомянуть их все же следует.

Мне также хотелось бы поделиться своими соображениями с господином Варгой. Вы утверждаете, что право становится бессильно. Я думаю, сегодня одной из главных проблем в мире является экстерриториальность, чем активно пользуются Соединенные Штаты. Например, в вопросе Ирана США играют с этой самой экстерриториальностью: они налагают санкции на банк «BNP Paribas» во Франции и другие крупные банки по всему миру, которые работают с этой страной, а также, например, на компанию «Airbus». Я думаю, это большая проблема. Поскольку вы ищите решения, я отмечу, что, пока американский доллар остается главной валютой в мире, у Штатов будут сохраняться привилегии, ничто не изменится.

Кроме того, я хотел бы сказать господину Меттану, что я полностью согласен с господином Шаваньяком: Европа не стала вассалом. Думаю, мы не можем оценивать Европу той же мерой, что и США. Мы много раз становились свидетелями дискуссий между Германией и США, Францией и США, Европой в целом и США. В то же самое время можно сказать, что Россия действительно выступает на стороне Китая. Но я не могу принять этот подход. Так что мне хотелось бы сказать господину Меттану следующее: когда вы говорите, что стабильность — это только мечта, я полностью с Вами согласен. Думаю, мир движется от состояния стабильности к состоянию нестабильности, и так было всегда, это будет продолжаться, и мы сможем выжить — как раз это не является проблемой. Безусловно, в сегодняшнем мире случается меньше конфликтов между государствами, чем когда-либо в прошлом. Внутри стран столкновения случаются часто, и в них бывают задействованы иностранные игроки, но все же войны между странами в наши дни — это большая редкость.

Наконец, я хотел бы обратиться к господину Акаеву, который говорил о среднем классе. Думаю, я все же выступаю за глобализацию, но глобализация связана с проблемами, которые нам необходимо решать. Определенно, одна из них — это влияние глобализационных процессов на средний класс в Западном мире. Я согласен с тем, что неравенство усилилось. При этом, как упомянул господин Шаваньяк, количество тех, кто живет за чертой бедности, в мире снизилось на 700 млн по сравнению с 1990 годом, и большая часть этих людей — граждане Китая и Индии. Поэтому можно сказать, что число представителей среднего класса растет в развивающихся странах, но в развитых государствах эта часть населения страдает. Если мы хотим найти решение данной проблемы, я думаю, нам следует обратить внимание на сферу образования, вернуться к меритократии, а также поднять вопрос о минимальном доходе.

И. О. АБРАМОВА: — Господин Дегарден, Вы сказали, что до тех пор, пока доллар будет основным платежным средством в мире, мы не сможем решить свои проблемы. Как директор банка, какое Вы видите решение? Возврат к золотому стандарту, более активное использование национальных валют или что-то еще?

Б. ДЕГАРДЕН: — Я обозначу два момента. Прежде всего скажу о золоте. Мы не можем вернуться к обмену на золото, потому что его производство ограничено: рост составляет около 2–3 % в год, что совершенно не соотносится с ростом ВВП в мире. Кроме того, золото очень неравномерно распределено между владельцами. У некоторых государств — например, США, Франции, Италии — его много, и завтра они будут в выигрышном положении. В других странах, в первую очередь развивающихся — как, например, Индия и Китай, — хранится очень небольшой процент мировых золотых резервов. Так что здесь возникают две проблемы. Первая — это неравенство, вторая — то, что цена на золото не может соответствовать росту мировой экономики, и в конце концов она снизится.

Теперь вернемся к доллару. Сегодня мы наблюдаем следующую картину. 62 % мировых финансовых резервов хранится в долларах, 23 % — в евро, еще 2–3 % — в юанях, в фунтах стерлингов — около 3–4 %, и на-

конец, в йенах и швейцарский франках — по 1–2 %, это фактически ничто. Так что единственной альтернативой доллару сегодня может быть евро. Юань пока не стал конвертируемым, но я думаю, что китайцы этого и не хотят, потому что если завтра они примут решение о свободной конвертации юаня, то резервы страны быстро закончатся, а люди будут хранить деньги за пределами Китая. Легко понять, откуда берутся привилегии США. Эта страна не создает большие резервы и получает выгоду от международных сбережений (в особенности китайских), которыми финансирует дефицит платежного баланса.

И. О. АБРАМОВА: — Если бы в нашей аудитории были представители Китая, то они, в отличие от господина Дегардена, который рекламирует евро (несмотря на то что евро сейчас подвержен значительным рискам в связи желанием многих стран выйти из Европейского союза), сказали бы, что основным платежным средством будет юань. Но мне не хотелось бы сводить нашу дискуссию исключительно к проблемам валюты.

Слово предоставляется представителю Турции — господину Багису.

Э. БАГИС: — Прозвучал вопрос о том, что делает государство сверхдержавой. Определенно, это оборонные возможности, военная сила и, что очень важно, — экономика страны. Принципиально значимой является и «мягкая» сила, то есть культурное влияние в мире. Большую роль играет численность граждан: мы понимаем, что Китай со своим населением, а теперь еще и с усилившейся экономической мощью успешно двигается вперед. Но сегодня появилась новая тенденция. У лидеров, которые заправляют в мире, принимают решения и диктуют свои условия, есть общие черты. Я имею в виду Путина, Трампа, Си Цзиньпина, Моди, Эрдогана, Макрона, Урбана, Ас-Сиси, Мухаммеда ибн Салмана Аль Сауда и даже недавно вернувшегося Махатхира. Они очень харизматичны, имеют большое влияние в своих странах, причем их любит свой народ, но не слишком любят жители других государств. Все это ведет нас в новую эпоху, в которой связь между лидерами, их общение станет определять будущее. Эти люди будут решать, как добиться стабильности в мире.

Отмечу, что, несмотря на все слабости и недостатки, Европейский союз является самым успешным мирным проектом в истории человечества, потому что он обеспечил завершение всех исторических споров и войн в континентальной Европе.

Можем ли мы перенять этот опыт? Ранее говорилось, что военные действия не ведутся из-за того, что оборона обходится очень дорого. Эта сфера требует больших инвестиций, которые легко можно направить на удовлетворение других потребностей, таких как строительство дорог, больниц, школ и т. д. Но в нашу эпоху со всеми ее угрозами каждой стране приходится инвестировать значительную часть ресурсов в вооружение, поскольку это основной сдерживающий фактор для других держав. Поэтому перед нами стоит дилемма: с одной стороны, люди в демократических (и даже в недемократических) обществах ожидают от своих правительств улучшения условий жизни. С другой — правительства чувствуют ответственность за своих граждан и тратят значительную часть ресурсов на обеспечение военной мощи. Я думаю, данная дилемма станет чрезвычайно важной в следующем десятилетии и заставит многих из нас размышлять и писать об этом.

И. О. АБРАМОВА: — Господин Багис, из Вашего выступления ясно: то, что будущее будет определяться лидерами, вызовет новые риски. С одной стороны, я с этим согласна, а с другой — это означает зависимость от конкретной личности, которая стоит во главе государства. Это извечный вопрос о роли личности в истории. История XX века, по крайней мере на европейском пространстве, свидетельствует о стремлении добиться того, чтобы система функционировала вне зависимости от того, кто возглавляет государство. Можем ли мы построить такую систему — это другой вопрос.

Вы сказали, что мы тратим много денег на вооружение, в то время как лучше строить дороги и развивать образование. Но почему люди, понимая это, не делают так? Кто в этом виноват? Лидеры? Несовершенная система? Можем ли мы создать систему, в которую изначально будут заложены социальные принципы развития? Дадут ли новые технологии и новые отношения между государствами стимулы для этого? Пока этого, к сожалению, не происходит.

К микрофону приглашается господин Кёхлер из Австрии.

Г. КЁХЛЕР: — Я остановлюсь на двух моментах. Во-первых, скажу пару слов о природе права и важности международного права. Правовая норма определяется возможностью обеспечить ее соблюдение. Проблема международного права состоит в том, что возможности его применения очень ограничены. В Организации Объединенных Наций никто не может даже наложить запрет на применение силы, потому что любой постоянный член может действовать так, как хочет, никаких санкций к нему применить нельзя. Примеры этого мы видели в 1999 году во время войны против Югославии и в 2003 году при вторжении в Ирак.

Пока это положение не изменится, единственная возможность добиться уважения к верховенству права — обеспечить равновесие сил. То есть фактор сдерживания — это единственное, что работает в данной ситуации. Если один из главных игроков или гегемон осознает, что в случае нарушения правил его ждут серьезные последствия, то он, возможно, с большей вероятностью будет играть по правилам. Я надеюсь, что такое равновесие сейчас формируется.

Этот вывод заставляет меня перейти ко второму вопросу: какова будет природа этой силы, окажется она биполярной либо же многополярной? Лично я считаю, что противостояние двух стран, Соединенных Штатов Америки и Китая, определенно оттеняет всю остальную борьбу за власть. Тем не менее, появляются новые центры притяжения в разных частях света. Развивающиеся страны, такие как Индия и Турция, не позволят полностью втянуть себя, например, в «Восточный

круг», а соперничество Китая и Индии означает, что в будущем возникнет некий вид многополярной структуры. Ситуация очень сложная, и невозможно с легкостью и точностью что-то предсказывать. При этом США не смогут полностью втянуть все традиционные западные державы в собственный круг: это становится очень сложно, учитывая расстановку сил. Кроме того, следует упомянуть пример Индии, которая является членом Шанхайской организации сотрудничества и других объединений, но нынешнее правительство страны предприняло тактические попытки установить дружественные отношения с США.

И. О. АБРАМОВА: — Я согласна с тем, что должно быть верховенство закона, но проблема в том, что закон применяется только по отношению к определенной группе стран, а в отношении других он не действует. Если же виновный хотя бы в одном случае не понесет наказания, возникнет прецедент, который может повториться, что мы сегодня и наблюдаем. Если бы мы действительно вернулись к верховенству закона — а Россия постоянно призывает к восстановлению норм международного права, избеганию двойных стандартов, — то мир стал бы намного безопаснее.

Слово предоставляется Александру Михайловичу Крамаренко.

А. М. КРАМАРЕНКО: — Считаю, что сегодня говорить об управляемости весьма проблематично. Вопрос — как соотносятся управляемость и свобода внутри государства и в международных отношениях. Мы переживаем период распада всего и вся, обнуления структур глобального управления, которые американцы не смогли сделать инклюзивными, так как стремились к тотальному контролю. Такое стремление все контролировать приводит к саморазрушению системы, что мы и наблюдаем.

Я предпочитаю вместо «великих держав» использовать более нейтральный, политкорректный термин «ведущие державы»: у него нет отрицательных коннотаций, связанных с историей. Даже Г. Киссинджер в своей книге «Дипломатия» (1994) писал, что в мире будут 5–6 ведущих держав, из которых США станут первыми среди равных. Вашингтон не захотел принять эту реальность — именно отсюда кризис системы либерального миропорядка.

Полагаю, что мы будем наблюдать два треугольника среди ведущих держав. Один — это Россия, США и Китай. Россия будет играть роль модератора, потому что Китай и США никогда не договорятся между собой, тем более что и те и другие достаточно жестко, в сходном ключе понимают силу и то, как она должна проецироваться. Второй треугольник — евроатлантический. Мы наблюдаем возобновление биполярности в западном мире: англосаксы с одной стороны и Германия/Евросоюз с другой. Так, американцы считают, что евро — это германская марка «в овечьей шкуре», то есть обвиняют немцев в манипулировании своей валютой посредством создания зоны евро. Поэтому можно предположить, что тут сложится треугольник Вашингтон–Берлин–Москва, где модерировать будут немцы, поскольку Европа оказалась в ловушке антироссийской политики, навязанной американцами (что не скрывал тот же бывший вице-президент Дж. Байден).

Налицо также кризис англосаксонского капитализма, который уходит корнями в Реформацию. Экономисты утверждают, что 45 лет после Второй мировой войны были аберрацией в развитии капитализма, которому присуще работать в пользу инвестиционных классов, вследствие чего в обществе неизбежен рост неравенства.

В связи с кризисом англосаксонского капитализма налицо кризис развития вообще. Яркий пример — Венесуэла.

Резко снизилось качество человеческого капитала. Кризис системы высшего образования был связан с дерегулированием финансового сектора, деградацией школьной системы и кризисом среднего класса. На этой основе началась атомизация общества. Высшее образование не гарантирует занятости по полученной специальности с соответствующим уровнем дохода. Поэтому то, что представляет собой средний класс, тоже предмет для разговора — он оказался подвержен изменениям, вплоть до полураспада.

Однако не случайно после Французской революции возник бонапартизм. Сейчас все несостоятельно, находится в состоянии распада, а значит, и хаоса, но хаос и свобода — это совместимые вещи. Думаю, у нас нет оснований беспокоиться на этот счет. Распад контроля над вооружениями тоже был неминуем в рамках такого общего тренда.

Сильные личности типа Дональда Трампа и Владимира Путина договорятся по экзистенциальным вопросам войны и мира. А когда сложатся условия, в том числе технологические, для контроля над вооружениями, тогда начнутся переговоры и возникнет их новая архитектура, отвечающая требованиям времени.

И. О. АБРАМОВА: — Предоставляю слово профессору Яну Арту Шолте из Швеции.

Я. А. ШОЛТЕ: — Когда мы говорили о рисках и о будущем, я задавался вопросом: а чего бы от нас могли хотеть наши внуки? У нас будут разные ответы на этот вопрос, но, думаю, он сам по себе весьма интересен. Будет ли наших внуков волновать Брексит? Будет ли их беспокоить вопрос о том, какая страна или какое государство доминирует в большей степени? Будет ли их волновать, кто из лидеров имеет большее влияние в мире? Подозреваю, что не очень. Я строю догадки на основании того, что вижу. Моих внуков будут беспокоить генетические модификации и биотехнологии, нанотехнологии, цифровые технологии, к которым мы уже сегодня чувствуем причастность. Я думаю, что их, вероятно, будут волновать защита окружающей среды, а также то, что влияет на изменение климата. Несколько недель назад был опубликован доклад ООН о исчезнувших видах животных. Меня он ошеломил. Я думаю, на протяжении жизней нескольких поколений люди будут задаваться вопросом о том, что эти изменения окружающей среды значат для жизни на Земле вообще и для человечества в частности.

Еще одна тема, над которой я размышляю, и о чем у всех нас могут быть самые разные представления, — это сложность нашего общества, понимание динамики и ускорение жизни социума, о чем ранее говорил господин Проданов. Необходимо понять эту систему для того, чтобы мы могли хотя бы в некоторой степени восстановить общую направленность развития, вернуть продуманную и взвешенную политику.

И. О. АБРАМОВА: — К микрофону приглашается господин Ги Меттан.

Г. МЕТТАН: — Спасибо большое за то, что озвучили эту мысль, профессор Шолте. Я думаю, мы здесь самые старшие, и если задать Ваш вопрос более молодым коллегам, то, уверен, они будут учитывать проблему защиты окружающей среды и угрозу полной потери биологического разнообразия, а также изменение климата. Но, поскольку мы старше, мы много не говорим об этом. Я также хотел бы поблагодарить господина Шаваньяка и господина Кёхлера за их выступления. Я считаю, что биполярный мир — это не мечта, а страх, угроза. Поэтому не встаю на защиту этого ви́дения мира, а пытаюсь избежать подобной эскалации. Но что мы можем сказать на эту тему, если взглянем на Европу? Простите, господин Шаваньяк, но боюсь, что она действительно полностью подчинена Соединенным Штатам в вопросах обороны, во всем, что касается НАТО. И НАТО командует не Европа, а США. Может, это и неплохо, но с военной точки зрения здесь происходит полная вассализация.

Также я хотел бы сказать о следующем. Сейчас США навязывают экстерриториальное право, как отметил господин Дегарден, а также экономические санкции. При этом европейские страны выступают категорически против такой политики, но на самом деле они ничего не предпринимают, это просто слова. Кроме того, Европа просто подчиняется тому, что говорят США, например, в вопросах, касающихся экономических санкций против России. Поэтому экономическая подчиненность Западной Европы усиливается, и очень хотелось бы, чтобы во Франции вспомнили времена де Голля и то, как он вел дела, — это могло бы создать некий противовес вмешательству Соединенных Штатов. Посмотрите на Венесуэлу, Кубу, Иран — там происходят перемены, которых добивается не Россия и не Китай. Что при этом делает Европа? Она полностью следует за США в указанном ими направлении и не принимает предложение президента Мексики стать точкой силы, чтобы найти решение вопроса. В этом и заключается проблема.

Отвечая на поставленный ранее вопрос скажу, что сверхдержава для меня — это государство, которое имеет возможность навязывать свою волю другим странам в вопросах военных конфликтов, культуры, экономики, техники, науки, человеческих ценностей и сохранения природных ресурсов. Возможно, в будущем это станет главной темой для обсуждений.

И. О. АБРАМОВА: — Сейчас перед нами выступит заслуженный юрист России Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Чем дольше я живу, тем больше поражаюсь мудрости древних греков, которые, напоминаю, определили меру как главную философскую категорию. В любой системе периодически возникают локальные сложности — признаки турбулентности. Они в той или иной степени присущи многим системам и проходят, когда меняются обстоятельства, приводящие к изменениям политики страны. Но как нам зафиксировать, что во все времена государство должно больше тратить на масло, чем на пушки? Жаль, что это невозможно. Но что происходит сегодня в России, почему на «пушки» стали тратить больше? Понятно, что это последствия событий 2014 года — кризиса на Украине, событий в Донбассе, присоединения Крыма. Последнее оценивается по-разному, и я бы порадовался этому присоединению, если бы не был юристом. Наверное, преобладающие военные расходы — это временное решение, да и денег не хватает и на то, и на другое. Но в связи с этим меняется вся политика, активизируется государственная пропаганда, и сейчас понятие патриотизма наполняется содержанием, которое точно и остро сформулировал Михаил Михайлович Жванецкий: «Патриотизм — это четкое, ясное, хорошо аргументированное объяснение того, почему мы должны жить хуже других».

Мир уже много веков развивается в конкурентной борьбе двух идей: либеральной и социальной. Время от времени одна из них одерживает победу. И что тогда получается? Абсолютный либерализм без каких-либо коррекций со стороны государства приводит к проблемам, с которыми мы знакомы не понаслышке. Напомню, Ленин в своей работе «Государство и революция» объявил утопическую цель — всеобщее равенство. Но он не знал, как этого добиться, признавая, что люди неодинаковы по разным качествам — трудолюбию, добросовестности, уму наконец. Другая крайность — социальная идея. Там, где она торжествует, начинается экономический застой, потому что опытом многих стран доказано: если мы хотим, чтобы страна развивалась и экономика росла, она должна основываться на частной инициативе. Сама по себе частная инициатива не может в обязательном порядке во всех странах обеспечить экономическое развитие, коллеги вполне правомерно обратили внимание на то, что важны также исторические традиции, наследование, национальный характер и пр. Но в мире нет ни одной страны, которая стала бы богатой и процветающей, не опираясь на частную инициативу. Аскар Акаевич, на мой взгляд, верно определил проблему, которая не будет решена еще очень долго. Мир стал открытым, и разные страны сравнивают себя с другими, а неравенство стало благодатной почвой для популистов. Весь как раньше было? Все богатства государства принадлежат фараону, и народ считает, что это правильно, по-другому не бывает.

Одна из важнейших проблем в наше время — система ценностей. В международной политике, естественно, необходимо считаться со сложившимся мироустройством, не унижать другие страны, а выстраивать с ними мирные отношения. Но это не означает, что люди склонны принимать те ценности, на которых зиждется жизнь в других странах. Например, внутрен-

няя политика некоторых государств вызывает у нас чувство ужаса — тоталитаризм, подавление достоинства и свободы личности и т. д. Как с ними сотрудничать? Способ назвала Ирина Олеговна: нет другого средства для регулирования отношений между странами, кроме международных правовых институтов.

Можно сколько угодно ругать Организацию Объединенных Наций — но есть ли у нас альтернативная структура? А Европейскому суду по правам человека я ставлю большой плюс с крошечным минусом: он своими решениями способствовал совершенствованию правоохранительных и судебных систем всех стран, входящих в Совет Европы. Если когда-то порядок поддерживался через религиозные ценности, то затем значение религии сильно уменьшилось, и в современном секуляризованном мире, как мне представляется, мы имеем только один действенный инструмент — международное право. От него ни в коем случае нельзя отказываться, напротив, его необходимо укреплять. И постоянно указывать на него великим державам, чтобы они подчинялись праву на равных основаниях и умеряли свой аппетит.

И. О. АБРАМОВА: — Небольшой комментарий по поводу ценностей. Думаю, все согласятся, что нет универсального понятия ценностей. Например, на территории Африканского континента проживают 10 тыс. разных наций и народностей, и у каждой из них свои ценности. На мой взгляд, большая ошибка — пытаться сформировать какую-то идеальную систему ценностей, которая стала бы общей для всего мира.

Г. М. РЕЗНИК: — Действительно, ценности свои в каждом обществе. Но у нас общие ценности с европейцами, которые не признают подавления свободы и достоинства людей. Это не должно определять внешнюю политику государства, но во внутренней вы не можете их отменить.

И. О. АБРАМОВА: — Согласна. Не спорю и с тем, что есть общечеловеческие принципы морали и нравственности. Большинство присутствующих в этом зале — представители христианской цивилизации, мы живем в европейской культуре, и нам не хотелось бы покидать свою зону комфорта. Однако существуют и другие культуры и цивилизации, которые мы должны уважать и признавать их ценности, несмотря на то, что иногда они сильно отличаются от наших.

Мне очень приятно предоставить слово как раз представителю другой культуры, госпоже Талукдар из Индии.

И. ТАЛУКДАР: — Поделюсь некоторыми мыслями по поводу идей, высказанных в выступлениях коллег.

Во-первых, мировой порядок. Я не согласна с мнением, что многополярность — это иллюзия, она недостижима. По-моему, многополярность все же существует, хотя и в несколько ином виде, чем мы привыкли представлять. Однако я также соглашусь, что в мире всегда будет либо однополярность, либо биполярность, либо полицентричность. Давайте разберемся, есть ли разница между полицентричностью и многополярностью, и если есть, то в чем она заключается. Если мы это поймем, то многие вопросы прояснятся.

Страны всегда будут конкурировать и даже враждовать между собой, от этого избавиться невозможно. Почему? Думаю, причина в том, что политика любой страны отражает характер народа.

Что касается цивилизации и культуры, то проблема заключается в том, чтобы решить, что важнее, потому что мы все гордимся и нашей цивилизацией, и религией, и культурой. Когда я в детстве читала о мировых религиях, то видела, что все они проповедуют мир и любовь. Как же так получается, что мы не можем достичь ни того ни другого? Наверное, причина в том, что мы не очень этого хотим и к тому же ставим во главу угла национальные интересы, которые стоят первыми в списке наших ценностей.

Если я не ошибаюсь, когда формировался Совет Безопасности ООН, Индия, доверяя Китаю, фактически отдала ему свое место. Но может ли Индия доверять Китаю сегодня? Я, как представительница молодого поколения, верю в человеческую добродетель, поэтому могу сказать: «Почему нет? Мы можем им снова довериться». Но большинство со мной не согласится, скажет, что такое доверие — большая глупость. Китай — это только один пример, то же можно сказать о любой стране.

По-моему, есть несколько вполне конкретных сценариев будущего, давайте обсудим их. Например, Россия и Китай — близкие друзья, и это отлично. В то же время Китай, не будучи арктической страной, претендует на какую-то долю в Арктике. При этом в Арктике происходит сильная милитаризация.

Мы говорим, что космос должен оставаться нейтральным, тем не менее и там видим милитаризацию, несмотря на то, что многие страны выступают против этого.

Будущее многосторонних организаций тоже проблематично. Вот, например, региональное объединение — Шанхайская организация сотрудничества, членом которой является Индия. При этом всем известны никак не разрешающиеся противоречия между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном. Страны Центральной Азии никак не могут наладить мирные отношения между собой и все вместе — с Китаем. Но хотим ли мы, чтобы все эти вопросы решались в ШОС путем многосторонних переговоров? Нет, почему-то не хотим.

Как представитель молодого поколения, я признаю, что молодежь Индии интересуется далеко не всеми мировыми проблемами. Например, нас не увлекает международная политика. Но нас, например, очень волнуют проблемы защиты окружающей среды, все их аспекты, потому что в Индии огромный дефицит водных ресурсов и вообще от экологического благополучия зависит вся наша жизнь. Поэтому вопросы экологии для нас главные.

И. О. АБРАМОВА: — Нас тревожит, что у большой части молодежи формируется потребительское отношение к жизни, поэтому радостно узнать, что молодое поколение интересуется проблемами экологии.

Сейчас я хочу передать слово господину Проданову.

В. ПРОДАНОВ: — Во второй половине 1980-х годов Михаил Горбачев объявил, что образа врага больше нет, но злая шутка истории заключается в том (как думал Гегель), что сейчас мы живем в мире, изобилующем врагами. «Официальные» враги, как правило, относятся к одной из двух категорий: иностранные государства и иммигранты. В Европе, США наблюдается рост антисемитизма, есть сообщения о русофобии и синофобии в США, а также исламофобии, и это становится тревожным признаком новой холодной войны. Внутренних врагов тоже становится больше: внутри обществ происходит разделение по религиозным, этническим, расовым мотивам, возникают конфликты, порождающие чувство опасности и неуверенности.

Все это приводит к тому, что вновь воздвигаются барьеры, усиливается контроль во всех сферах — от границ между странами до виртуальных границ и обеспечения цифровой безопасности, возникает потребность в «сильной руке», которая защитила бы всех. Либеральная демократия переживает кризис, происходит централизация всего и вся.

В настоящее время эта централизация ускоряется благодаря новым технологиям так называемого капитализма наблюдения: есть большие данные, системы распознавания лиц, цифровое правительство. Многие современные исследования фиксируют рост национализма и выступления против либеральной рыночной глобализации по всему миру. У нас уже есть Брексит и стремление Дональда Трампа построить стену между США и Мексикой. Также наблюдается рост протекционизма. Мне кажется, что сейчас правительства во всем мире движутся в этом направлении. Для массового сознания и политиков во всем мире борьба с «врагами» становятся важнейшей задачей.

И. О. АБРАМОВА: — Приглашаю выступить академика Петра Петровича Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги, сегодня здесь несколько раз прозвучали вопросы: что такое величие страны, чем оно измеряется, кто должен править миром? Величие страны — это экономика, культура, военная сила? Для ответа на этот вопрос я бы предложил нам всем вспомнить исторические факты. Блестящий Рим был сокрушен варварами, Византия повержена турками, Киевская Русь — монголами. Вот и думайте, что определяет величие страны. А насчет того, кто будет править миром, высказался Виталий Товиевич: это будут великие страны. Вот только надо от них потребовать, чтобы это правление было более или менее разумным.

Коллега Крамаренко говорит нам: не волнуйтесь, Путин с Трампом договорятся, и все будет хорошо. Но так не должно быть в мире. А если не договорятся, что тогда? К тому же, хотим мы этого или нет, а мир возвращается к биполярности. Поэтому я хочу согласиться с господином Меттаном: нам нужна третья сила, которая уравновешивала бы силу блоков.

Давайте вспомним хотя бы о Движении неприсоединения (я говорил о нем вчера). Есть еще Всемирный совет мира, голос которого мы давно не слышали. Генри Маркович сказал об ООН. Нельзя говорить, что все инструменты регулирования в мире устарели. Надо укреплять имеющиеся институты и возрождать те, которые сегодня потеряли свою силу, а не надеяться только на то, что президенты договорятся между собой или что от великих держав потребуют разумного поведения. Кто потребует? Повторю: ООН, Движение неприсоединения, Всемирный совет мира — этим институциям необходимо вернуть прежний авторитет. И, конечно, они должны руководствоваться международным правом, в противном случае в мире будет хаос и полная деструкция.

И. О. АБРАМОВА: — Слово предоставляется Алексею Владимировичу Кузнецову.

А. В. КУЗНЕЦОВ: — Сегодня все говорят примерно так: «Раньше была стабильность, а теперь ее нет». Однако нестабильность — это переход от одного относительно устойчивого состояния к другому. Конечно, возможен абсолютный хаос, но в глобальном масштабе это все же маловероятно.

Такой переход требуется время от времени, когда основные черты имеющегося регулирования, которое и удерживает эту относительную стабильность, начинают противоречить нуждам мирового развития, препятствуют восходящим державам. Обычно человечество, к сожалению, решало эту проблему вооруженным путем. А сейчас из-за угрозы применения ядерного оружия и благодаря развитию международного права вместо вооруженных конфликтов чаще всего бывает жесткое экономическое противостояние. Это делает ситуацию более гуманной, но не меняет ее принципиально. Соответственно, возникает вопрос: что делать? Сейчас в силу информационной открытости мы имеем возможность большего вовлечения обычного населения в международные процессы. Тем не менее мы продолжаем говорить о лидерах и элитах, а народ по-прежнему рассматриваем просто как массу, которую сегодня легче мобилизовать благодаря новым технологиям. Однако если мы говорим о европейских ценностях, о демократии, то надо обращаться к населению, которое в IT-эпоху должно отвечать за свое развитие.

Россия является особым случаем, потому что в долгосрочном плане ее, безусловно, ожидает снижение влияния, но в краткосрочном плане она явно эту роль увеличивает. Происходит некий всплеск, когда идет поиск своего места в мире. Где оно — рядом с Западом или со странами Азии? И, соответственно, опять вопрос: что делать? В частности, что делать Евросоюзу и России?

Необходимо всеми возможными средствами создавать объективную картину в средствах массовой информации, а для этого они должны быть, прежде всего, неангажированными. Этого вполне могут добиться элиты, если не будут продолжать использовать в своих политических интересах образ внешнего врага. Во многих странах, особенно небольших, население озабочено преимущественно внутренними проблемами, оставляя международные отношения великим державам. Поэтому население — каждый человек! — должно думать о своей роли в международных делах,

чтобы не стать в очередной раз жертвой экономических войн. А представители элиты должны быть более ответственными в понимании, что необходимо думать не только о собственном выживании, а мыслить несколько шире.

И. О. АБРАМОВА: — Приглашаю выступить Леонида Леонидовича Фитуни.

Л. Л. ФИТУНИ: — Несколько ремарок относительно высказанных суждений.

Первая — к словам академика Акаева об исчезновении среднего класса. Я согласен с ним, но хочу заметить, что результатом любой революции становится исчезновение того или иного класса. В середине XIX века прекратила свое существование аристократия. Сегодня, хотя у некоторых из нас остались приставки к фамилиям, например «de» или, как у меня, «уни» (восточный вариант), мы давно не аристократы, а обычные граждане и не жалеем об утраченном статусе.

Вторая — к замечанию господина Шолте относительно молодого поколения. Будут ли нынешние дети беспокоиться о Брексите? Скорее всего не будут, потому что Брексит будет уже в прошлом. Если нечто подобное будет на повестке дня, то молодежи придется об этом думать. Более того, даже экологические проблемы, на мой взгляд, не очень волнуют молодежь. Мы сильно переживаем, что исчезли динозавры? Нас волнует, что в XVI–XVII веке в Нидерландах закончился малый ледниковый период?

Третья ремарка — о ценностях. Вот это, по-моему, действительно важно. Проблема заключается в том, что великие ценности (любовь, мир и т. д.) важны тогда, когда мы воспринимаем их не как ценности, а как что-то такое, что просто существует у людей и для людей. Как только мы начинаем говорить, что любовь и мир — это ценности, которые мы должны передать кому-то, это становится сначала религией, а затем идеологией, которая вбивается в головы.

И последнее — не замечание, а просто мысль в связи с идеей господина Резника, что единственно верный путь развития — давать возможность принимать решения самым добросовестным, умным, трудолюбивым людям. Проблема заключается в том, что это тоже связано с ценностями. Кто-то должен сказать: «Вот это ценность» и подтвердить своим поведением, демонстрирующим его отношение к этой ценности. Но встает вопрос — а кто вправе об этом судить, во-вторых, нередко богатые люди — не самые добросовестные, умные и трудолюбивые. Поэтому категория ценностей в практическом смысле бесполезна, ими невозможно руководствоваться в реальной политике.

И. О. АБРАМОВА: — Академик Черешнев, Вам слово. Пожалуйста.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Май в России полон знаменательных событий. Только что мы отметили День Победы, сегодня день рождения Университета, через два дня — 316-я годовщина со дня основания Санкт-Петербурга и др. В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов об истории, точнее, о ее честном, правдивом изложении. Студенты задали мне вопрос: «Валерий Александрович, а почему вся Европа безропотно покорилась Гитлеру? Ведь, по сути, только мы и югославы оказали настоящее сопротивление». — «Да, так и было». — «А вы читали это?» — и показывают статью о том, что в Ленинграде и Сталинграде можно было не сопротивляться, да и Москву надо было сдать. Французы же сумели сохранить Париж невредимым, да и остальные европейские столицы практически не пострадали. Спрашиваю: «А вы читали, что Гитлер планировал сделать на месте Москвы и Ленинграда огромное озеро?» — «Правда? Валерий Александрович, а вот посмотрите, пожалуйста, японские школьники из Хиросимы и Нагасаки пишут сочинения о той войне, и 20 % из них не знают, что их бомбили Соединенные Штаты», — называют другие страны. И спрашивают: «Разве могут США, лучший партнер и союзник Японии, сбрасывать на нас бомбы, причем атомные, да еще в конце войны?»

В следующем году будет отмечаться 75-летие Великой Победы, в Польше делают памятную экспозицию о Собиборе, где большую часть узников составляли советские пленные, которые подняли восстание и совершили побег. Но есть ли в оргкомитете представители России как преемницы СССР? Увы, нет.

Продолжая разговор об истории, замечу: России повезло в том, что Академию наук, которой скоро исполнится 300 лет, создавали выдающиеся ученые, среди них — Михаил Васильевич Ломоносов. Когда отмечали 100-летие со дня его рождения, говорили, что он великий поэт, через 50 лет чествовали как великого химика, а затем его назвали Леонардо да Винчи XVIII века. В своем историческом труде «О сохранении и размножении российского народа» он писал, что могущество, величество и богатство всего государства заключается в сохранении и размножении российского народа, а не в обширности территорий, тщетных без обитателей. Ломоносов полагал, что количество народа важно, но еще важнее его качество: «А сверх того, ученьем вкорените всем в мысли, что… обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов».

И последнее. У меня много друзей в Крыму, с которыми я когда-то рос вместе, а они учились в Севастопольском училище им. Нахимова, а теперь они капитаны 1-го ранга и даже адмиралы. Я с ними часто встречаюсь. И они задают вопрос: почему вы не разъясните ситуацию с Крымом? Это же был 2014 год. В Киеве Майдан, а Верховная рада отменяет закон о статусе русского языка. Крымский парламент разрешает провести референдум, и он проводится. Украинские власти говорят: «По нашей Конституции надо было получить согласие Рады». Но как это возможно, если Рады фактически нет — безвластие. На референдуме 93 % голосуют за вхождение в состав России». Мои друзья-севастопольцы говорят мне: «Проведете референдум сейчас, получите 99 %. О какой оккупации может идти речь? Они думали, какие законы принимать? В регио-

не, где родным языком почти для всех является русский, отменить русский язык — чего они ожидали после этого?»

Повторю, в любой информации прежде всего важна правда.

И. О. АБРАМОВА: — Приглашаю на трибуну господина Ингимундарсона.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Здесь дважды упоминали Арктику и связанную с ней геополитику. В определенном смысле все было сказано верно. Например, Арктический совет был создан как геополитическая площадка, в частности, американцами, противостоящими Китаю и России. Раньше это была не политическая и не военная структура, теперь же у него появилась новая тональность, и он эхом повторяет американскую стратегию национальной обороны, которая представляет собой отказ от борьбы с терроризмом и сосредоточение внимания на новых целях — угрозе государству, соперничестве с государством (а соперники — все те же Китай и Россия). Раньше про Арктику обычно говорили так, как это принято у норвежцев: это Крайний Север, где практически отсутствует политическая напряженность. На мой взгляд, по сути это верно, но так говорить больше не принято. В то же время, по-моему, нет причин бить тревогу или впадать в панику, потому что в настоящее время членом Арктического совета стала еще и Индия, принятая в 2013 году. Стратегия Китая, в общем, осталась такой же, какой она была в последние 4–5 лет, в ней очень мало нового, и они соблюдают Конвенцию ООН по морскому праву. Но напряжение возникло снова, и опять к этой области приковано внимание, и началась новая милитаризация, об этом упоминал господин Алексей Громыко в самом начале. Является ли милитаризация Арктики важной проблемой с точки зрения ближайшего будущего? Думаю, этот вопрос заслуживает обсуждения.

И. О. АБРАМОВА: — Господин Вятр, Вам слово.

Е. ВЯТР: — Кратко выскажусь по затронутому вопросу о важности ценностей и идеологий. Идеологические конфликты могут быть разными. Здесь упоминалось противоречие между либеральными и социалистическими ценностями, но в данном случае компромисс вполне возможен. Например, демократия продвинулась значительно ближе к либеральным ценностям, чем коммунистическая идеология. Но есть один конфликт, который не может быть разрешен путем компромисса: это конфликт между агрессивным национализмом и демократическими ценностями.

Национализм имеет два аспекта: внутренний и внешний. Внутренний означает враждебность по отношению к ценностям и группам, особенно различным меньшинствам, внутри государства, и его вред, по крайней мере, не глобален. Внешний же национализм — это враждебное отношение к другим государствам. И тут четко прослеживается тенденция: чем больше, чем сильнее государство, тем опаснее его национализм. Можно сказать, что любой вид национализма плох, и это будет правдой. Но в некоторых случаях опасность возрастает многократно, это, повторю, зависит от того, насколько мощным является государство.

И. О. АБРАМОВА: — Генри Маркович, прошу Вас к микрофону.

Г. М. РЕЗНИК: — «Невежество — страшная сила, и мы опасаемся, что оно принесет человечеству еще немало трагедий». Это цитата из немодного нынче Маркса.

И все же закончу на идеалистической волне. Коллега Крамаренко сделал правильный акцент, а коллега Кузнецов развил его мысль: мы живем в массовом обществе, и нельзя допустить, чтобы эта масса превратилась в толпу, электорат, которым манипулируют, чтобы он «правильно» голосовал и не заботился о просвещении. Я считаю, что задача представителей ученого мира — говорить, с одной стороны, с людьми, с другой — настойчиво говорить с политиками, чтобы не были возможны дикие заявления, что неплохо бы нам внести в Конституцию норму об обязательности государственной идеологии. То, от чего мы пытались избавиться после распада СССР, никуда не делось, оно здесь, рядом. А нам надо развивать просвещение и транслировать адекватное представление о мире.

И. О. АБРАМОВА: — Приглашаю выступить господина Дегардена.

Б. ДЕГАРДЕН: — Я хотел бы вернуться к важному вопросу, затронутому господином Крамаренко, — об образовании. Думаю, что все присутствующие согласятся: образование развивать необходимо. Но мы видим, с какими трудностями сталкиваются выпускники вузов при поиске работы. Так происходит в Индии, на Ближнем Востоке, в Европе, в США. Это приводит к разочарованию и недовольству молодых людей, и, по-моему, это очень важная проблема.

Другая проблема нашего времени — кризис англосаксонского мира. Я не поддерживаю США, но надо быть честным. В США наблюдается социальный кризис, в частности, опиоидная эпидемия, снижается ожидаемая продолжительность жизни, но они продолжают лидировать в области технологий, и я думаю, что такое положение дел сохранится в ближайшем будущем.

Что касается НАТО и Европы, то я с сожалением говорю о том, что господин Трамп прав, настаивая на то, чтобы европейские страны тратили 2 % своего ВВП на оборону, но это делают только Польша и Великобритания, немного меньше — Франция. Но я не могу принять тот факт, что лидеры европейских стран говорят заведомую ложь. Даже по иранскому вопросу Европа продемонстрировала некоторую робость, но такова, к сожалению, реальная политика.

И. О. АБРАМОВА: — А сейчас я хотела бы обратиться к Его превосходительству послу Ирана господину Санаи. Возможно, Вы тоже прокомментируете сегодняшнюю дискуссию?

М. САНАИ: — Я с большим интересом слушал все выступления. Мне особенно приятно, что среди прочих тем мы говорим и об Иране. Я с уважением отношусь к мнению, что в мире верховодят великие державы, а многие вопросы мирового значения решают личности. Но я считаю, что нынешняя ситуация в мире — результат того, что мы привыкли к этому, в то время как на мировой арене появились новые игроки. Я не согласен с рассуждениями о том, что мир возвращается к двухполярной модели, потому что быстро развиваются и наращивают мощь страны Азии. Сегодня нельзя игнорировать социальные сети, надо прислушиваться к молодежи, которая уже не доверяет нынешней системе. Это недоверие во многом оправданно, потому что все бóльшую роль в мировой политике играет сила, а не право и созданные в свое время международные организации. Почему эти структуры в значительной мере утратили свою эффективность? Есть две причины. Во-первых, основатели и наиболее влиятельные участники этих организаций сами работали на их разрушение, в первую очередь США, начавшие развязывать войны, в том числе в Ираке. Интересно, что теперь США недовольны тем, что освободилась зона для влияния Ирана, хотя именно они сильно ослабили Ирак — нашего главного соперника в регионе. Во-вторых, не только великие державы и личности принимают важнейшие для мира решения. Я думаю, что сейчас главная задача для институтов и университетов — создавать новые структуры, новые теории и научные школы. Ибо очевидно, что нынешняя мировая система, регулирующая международные отношения, уже не соответствует новым реалиям.

И. О. АБРАМОВА: — Аскар Акаевич, Вам слово.

А. А. АКАЕВ: — Госпожа Талукдар говорила о проблемах в отношениях Индии с Китаем и Пакистаном, и я почувствовал ее пессимизм относительно перспективы их разрешения. Я же хочу добавить оптимизма. Все три страны — Китай, Индия, Пакистан — являются членами ШОС, к тому же Китай и Индия входят в БРИКС, а это не что иное, как новое межгосударственное образование на основе локальных цивилизаций. После того, как Индия и Пакистан вошли в ШОС, острота их конфликта стала ослабевать. Я убежден, что в рамках ШОС и БРИКС эти государства смогут урегулировать свои взаимоотношения. Давайте пожелаем, чтобы они показали всему миру пример того, как, опираясь на принципы диалога и партнерства цивилизаций (а в этих странах живут представители пяти локальных цивилизаций), можно решать межгосударственные и межцивилизационные проблемы. Ведь ШОС и БРИКС, пусть несовершенные, но прообразы будущего многополярного устойчивого мироустройства на базе диалога и партнерства.

И. О. АБРАМОВА: — Сейчас перед нами выступит господин Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Я бы сказал, что это конец конца истории. «Конец истории» длился всего лишь на протяжении жизни одного поколения, а то, что мы наблюдаем в последнее десятилетие, — это скорее время неразберихи или замешательства. Или, как это было в России 400 лет назад, смутное время, только теперь переживаемое во всем мире. И это очень большая проблема. Перед человечеством стоит сложнейшая задача — управлять, точнее, руководить всеми процессами в этот период, чтобы проблемы решались мирным путем и удалось избежать большой войны. Когда мы говорим о том, за что мы будем нести ответственность и какие проблемы придется решать следующим поколениям, не следует забывать вопрос первостепенной важности: будет ли мирным время между сегодняшним днем и, скажем, 2050 или 2070 годом? Ответ неочевиден. Чтобы сохранить мир на планете, мы должны напряженно работать не жалея сил.

Удивительно, что на протяжении двух дней оживленных дискуссий мы не говорили о кризисе либеральной демократии, или, может, я что-то пропустил.

Еще одна проблема в это смутное время — провал либеральной демократии. Одним из следствий либеральной демократии стал Брексит, другим — победа на президентских выборах в США Дональда Трампа, странного на этой должности, безответственного и при этом самого влиятельного мирового лидера. Таким образом, реинституционализация устанавливает новые правила для необратимой глобализации, для роста человечества, и это самая большая проблема, из-за которой оказались здесь, в одном зале — социологи, политологи, экономисты и другие ученые, которых волнует, каким окажется будущее. Ясно одно — грядущее будет сильно отличаться от прошлого.

И. О. АБРАМОВА: — Слово Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — В таких дискуссиях, как сегодняшняя, я всегда опасаюсь догматизма и чрезмерной политкорректности.

Разумеется, я за то, чтобы законы, в том числе международные, соблюдались всеми без исключения, но давайте будем реалистами. Но если бы все договоры всегда исполнялись, у нас бы до сих пор была Римская империя. Если международный договор не исполняется тем или иным государством, значит, он перестал быть выгодным для него, и никакие меры принуждения тут не помогут. Поэтому призываю вас избавиться от догматизма в международном праве.

Что касается политкорректности, то сегодня стало неприлично говорить о ведущей роли великих держав в мировой истории. Многие ошибочно полагают, что возглавлять маленькую страну — то же самое, что управлять большой, континентом и целым миром. Но это не так, поскольку в разных государствах разные системы и модели управления, сочетающие административно-командные и демократические методы. Если кто-то желает управлять всем миром, например США, я согласен потерпеть. Но в таком случае американский президент должен избираться всем миром, а не только гражданами США.

И. О. АБРАМОВА: — Роберт Искандрович, прошу Вас.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Уважаемые коллеги, мы обрисовали сложившуюся ситуацию, но мало говорили о том, что же делать. Я бы хотел добавить кое-какую информацию. Чего стоил России переход к демократии? Если до 1992 года смертность в России и Западной Европе была примерно на одном уровне, то после известных реформ у нас этот показатель стал расти и к 2003 году достиг 16,7 человек на тысячу населения, при том что раньше не превышал 10–11. В целом демократические реформы обошлись России в 16 млн дополнительных смертей. Вот что такое неправильный переход.

У нас есть вполне обоснованные претензии к Европе, но и у них к нам тоже. Думаю, надо наконец отказаться от этого и начать думать о том, что нам делать. Прежде всего необходимо сотрудничать, без этого улучшения невозможны. К сожалению, мы должны констатировать, что мир становится все менее пригодным для счастливой жизни, даже несмотря на то, что счастье — понятие относительное. И совсем небогатый человек может быть счастливым, если его положение улучшается, пускай и медленно. Но сейчас оно ухудшается, так что мир в целом не очень счастлив, а Россия — особенно.

И. О. АБРАМОВА: — Большое спасибо всем участникам дискуссии. Мы высказывали свои мнения и предложения, много говорили о новых экономических отношениях, о выстраивании новых норм права и сохранении действующих, о том, что надо учитывать разные мнения, прислушиваться к молодежи, уделять большее внимание образованию и науке, особенно при принятии политических решений.

А сейчас несколько слов скажет государственный секретарь Пуэрто-Рико Луи Ривера Марин.

Л. РИВЕРА МАРИН: — Уважаемые коллеги, для меня участие в Лихачевских чтениях — очень полезный опыт. Мне было очень интересно узнать различные мнения о том, что происходит в современном мире. Думаю, что открытость, безусловно, является необходимым условием для формирования взаимного доверия. Я приехал из небольшой страны в Центральной Америке, но это не означает, что у нас маленькие проблемы и мечтаем мы только о чем-то малом. На этом форуме я услышал различные мнения о том, как меняется мировой порядок и каких решений мир ожидает от руководителей ведущих держав. Я считаю, что они должны действовать ответственно, вести многосторонний диалог, и тогда, возможно, больше никто не станет использовать силу для политического давления. И еще я думаю, что долг мировых лидеров — сократить имеющееся неравенство, улучшить качество жизни для всего человечества.

Да, я оптимистичен. Мы все понимаем, как ценна свобода и как важно развивать здравоохранение и образование, чтобы во всем мире у людей были равные возможности, потому что все мы в конечном счете граждане мира, и все несем ответственность за его выживание и благополучие. Надеюсь, что наше сотрудничество и диалог будут продолжаться.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, мы обсудили самые разные темы, высказали свои суждения по многим важнейшим вопросам. В то же время, как ни странно, тема, с которой начал профессор Беблер, не стала у нас одной из главных. Это тема разрушения стратегической стабильности. Этот вопрос очень важнен с точки зрения жизни и смерти не только отдельных людей или народов, но и всей человеческой цивилизации.

Мне показалась очень интересной дискуссия по поводу реалполитик и международного права. Что из них важнее, или между ними должен быть постоянный баланс?

Представляется, что международное право, как и Организация Объединенных Наций, не виновато в том, что его все время нарушают, и даже в Совете Безопасности ООН время от времени устраивают политические шоу.

Также у нас практически не прозвучала тема, о которой мы много говорили еще 2–3 года назад, — международный терроризм. Еще одна важная тема — Арктика — была затронута лишь по касательной. Между тем лет через 5–7 не будет проходить ни одной дискуссии, где не будет подниматься эта проблема. В 1990-е годы весь мир живо обсуждал глобализацию, в начале XXI века практически все дискуссии были об арабском мире, сейчас мы не можем обойтись без темы Китая. Вскоре Арктика станет постоянной темой, а через 10–15 лет ни одна дискуссия не избежит проблем Индии. Сейчас это еще «полусонный» гигант, но все изменится в недалеком будущем. Есть страны, которые через одно или два десятилетия будут играть намного более значительную роль, чем сегодня: Бразилия, Мексика, Индонезия, Египет, Нигерия, Вьетнам, ЮАР. По различным оценкам, все эти страны к 2050 году поднимутся намного выше, чем сейчас. В настоящее время среди 10 крупнейших экономик мира 7 — это европейские или вышедшие из европейской цивилизации страны и только 3 — представители других континентов. А к 2050 году в первую десятку будут входить 2–3 страны европейской цивилизации, а остальные 7–8 будут представлять другие центры силы.

ДОКЛАДЫ

М. Абдоллахи[1]

ОБРАЗЫ РОССИИ И ИРАНА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Массмедиа как институт глобализации в постиндустриальном мире. Современная глобализация представляет собой процесс однонаправленного расширения всемирной интеграции в области геополитики, мировой экономики, культуры. Сжимая пространство и время, многократно увеличивая объем информации, она оказывает существенное влияние на политические и экономические институты, воздействует на характер и динамику национальных культур. С одной стороны, глобализация усиливает интеграционные процессы в области геополитики, формирования наднациональных политических и экономических структур, приводит к ощутимым успехам в технологическом развитии мировой экономики, формировании всемирного хозяйства как целостного организма. С другой стороны, глобализация порождает проблемы, связанные с эрозией фундамента государственного суверенитета и оснований конфессионально-цивилизационной идентичности, дезинтеграцией и хаосом нормативной базы национальных культур, расслоением общества и расширением социальной базы нищеты. Она разрушает традиционную иерархию народов и наций, ставит под сомнение целесообразность существования национальных государств как исторически устойчивой институциональной формы общежития. Порождаемые глобализацией последствия становятся ключевым вызовом национальным государствам и культурам.

Лидером глобального мира выступают США, которые не скрывают своего стремления к тотальному контролю над миром. Отрицательным эффектом глобальной экспансии Запада становится деформация традиций, обычаев и культуры не только стран третьего мира, но и развитых государств. Именно угроза гомогенизации культур вызвала большую озабоченность у некоторых развитых стран, к примеру правительства Японии и Франции были вынуждены на законодательном уровне обеспечить сохранение национальной культуры и языка.

Глобализация — противоречивое явление, что находит отражение в оценках данного феномена. Некоторые ученые убеждены в том, что глобализация ведет человечество к демократичному единому миру, созданному на основе глобальной культуры. Другие исследователи считают, что глобализация не способствует созданию единой политической и культурной идентичности, которая могла бы стать основой для более прочной всемирной солидарности[2]. Противники глобального проекта уверены в том, что глобализация с ее культурой господства и тотальным потребительством, а также с контролем сверхдержав над мировой империей массмедиа ведет к гомогенизации национальных и локальных культур[3]. Негативным результатом глобализации становится вестернизация мира, которая чревата разрушением оснований национально-культурной идентичности. Глобальная культура игнорирует традиционный духовный опыт народов, лежащий в основе национальных культур. Основной ресурс ее влияния — технологическая мощь и господство над миром[4]. Нивелировка национальных культур развивающихся стран по западным образцам, игнорирующая языковое, религиозное и этническое своеобразие, может привести к расколу стран третьего мира[5]. Экспансия западных культурных шаблонов вызывает ответную реакцию национально-культурного сохранения, которую усиливает осознание глубины культурных различий[6]. Глобализация оказала деструктивное влияние на принципы общечеловеческой нравственности. Глобальный капитал, с помощью международных рынков и мировых СМИ формирующий потребительскую доминанту образа жизни современного человека, в значительной степени девальвировал ценности добра, справедливости и патриотизма, национальных традиций и отечественной истории.

Глобальная экспансия приобрела особые масштабы в условиях развития средств коммуникации и возникновения глобального коммуникационного пространства. «Информационная эра» коренным образом изменила суть общения, превратив информацию и коммуникацию в главный источник силы. Глобализация коммуникации в результате информационной революции и разрушения границ в сфере распространения информации делает реальностью прогноз мира как «глобальной деревни». Современные инструменты коммуникации (Интернет, спутниковые технологии, телевидение) сводят к минимуму культурные границы и финансовые ограничения, они преодолевают обычные географические и культурные границы, обеспечивая неограничен-

---

[1] Преподаватель кафедры русского языка Университета им. Алламе Табатабаи (Тегеран, Иран), кандидат филологических наук. Член Научного совета университета. Автор ряда научных статей и публикаций, в т. ч.: «Мотивация студентов, изучающих русский язык в Мешхедском университете им. Фирдоуси», «Роль языка в развитии публичной дипломатии (изучение роли РЯ в двусторонних отношениях Ирана и России)», «Роль русского и персидского языков в формировании взгляда граждан РФ и ИРИ о другой стране», «Число как символика культурного кода в Шахнаме и осетинском эпосе», «Кавказ в иранских исторических путеводителях», «Проблемы персоязычных студентов в усвоении устной речи», «Этапы работы с видеоматериалами в процессе обучения иностранным языкам» и др. Эксперт Северо-Кавказской общественно-научной организации «Развитие».

[2] *Раджаи Ф.* Глобализация. Тегеран : Агах, 2001. С. 147.

[3] *Amin S.* The challenge of Globalization // Rev. Int. Polit. Econ. 1998. Vol. 3:2 (summer).

[4] Culture and Global change / eds. T. Skelton, T. Allen. L. ; N. Y. : Routledge, 1999.

[5] *Хенрз.* Локальное и космополитизм в глобальной культуре : сб. ст. Соруш, 1998. С. 56.

[6] *Хенз К.* Другая сторона глобализации. 2000. С. 52.

ный доступ к информации. Сегодня ключевые субъекты массмедиа становятся главными игроками в культурных, общественных, экономических и политических процессах на национальном и международном уровнях. Динамично развивающееся глобальное коммуникативное пространство становится инструментом в политической борьбе, пропаганде определенного образа жизни, формировании общественного мнения. Положительным эффектом этого процесса являются возможности участия каждого человека и общества в глобальной культуре.

Однако новые информационные технологии, способствуя формированию глобальной культуры, деформируют традиционные механизмы социализации, разрушают нормативную основу локальных культур путем модификации их мировоззренческой базы. Результатом информационной экспансии лидеров глобального проекта становятся деиндивидуализация человечества и разрушение национально-культурной самобытности, ослабление роли национальных языков и размывание оснований локально-национальной идентичности. В зону особого риска попадают государства, обладающие слабой инфраструктурой в сфере коммуникационных технологий, которые в ситуации глобальной конкуренции обречены на поражение. Слабая ресурсная база национальных массмедиа — существенная причина экономического, политического и культурного ущерба, который носит необратимый характер.

Информационная революция и новые коммуникационные технологии создают специфическое пространство для формирования новых источников политического влияния и силы, которые определяются возможностями в области производства, контроля и распространения информаций[1]. Обладатели силы используют глобальное коммуникационное пространство в качестве средства политических решений на национальном и международном уровнях.

Важнейшим институтом мирового господства становятся СМИ, с помощью которых источник силы не только обеспечивает свое господство, но и получает на это согласие обществ, находящихся под его контролем. Сторонники глобализации положительно оценивают роль института массмедиа, в то время как национальные элиты подвергают критике средства массовой коммуникации, которые лишают национальные культуры индивидуальности, превращая их носителя в «одномерного человека» (Г. Маркузе), способствуют формированию социума, члены которого лишены возможности чувствовать собственную значимость и вносить свой вклад в обеспечение стабильности общества[2]. Процесс несбалансированного движения информации, возникший вследствие неравенства в сфере технологий между развитыми и развивающимися странами, ведет к господству западной культуры над южными странами и росту ее влияния[3].

Барьеры и возможности отношений между Россией и Ираном. Сегодня общественное мнение становится важной составляющей процесса принятия политических решений, поэтому государства для продвижения своих идеей и реализации значимых для общества программ нуждаются в эффективных средствах коммуникации, при помощи которых они могли бы связываться с рядовыми гражданами и получать поддержку национальных элит. Для достижения такой цели страны используют разные методы и средства. Ключевым ресурсом геополитического влияния в последние годы становится «мягкая сила», которая формируется из трех источников: национальной культуры, политических ценностей (когда они соответствуют внутренним настроениям и совпадают с международным мнением), внутренней и внешней политики, имеющей легитимный и морально оправданный характер[4].

Иран и Россия с учетом богатого опыта их взаимоотношений имеют огромный потенциал для развития взаимовыгодного сотрудничества, но, как уже было сказано, СМИ в руках господствующих стран используются в качестве инструмента для реализации геополитических проектов, противоречащих интересам наших стран. К сожалению, РФ и Иран не обладают соответствующими ресурсами, способными обеспечить им доминирующий статус в области информационных технологий. В результате граждане обеих стран подвергаются информационным атакам извне.

Другой фактор, который негативно сказывается на отношениях между Ираном и РФ, — языковой барьер. Как известно, язык — инструмент общения и взаимопонимания различных народов, без общего языка невозможно конструктивное и взаимовыгодное сотрудничество. Концептосфера национального языка показывает богатство, культурный капитал и духовное сокровище народа. К сожалению, и в России, и в Иране очень мало людей, которые знают фарси и русский. Многие проблемы в процессе развития двусторонних отношений, в том числе в экономическом и культурном направлениях, связаны с этим фактом. Большинство россиян и иранцев получают информацию друг о друге через западные глобальные источники — большая часть стереотипов, которые господствуют в социальных сетях Ирана и России, возникла именно из-за этого. В 2003 году администрация президента В. В. Путина поручила провести опрос, в ходе которого американцы должны были назвать десять вещей, которые ассоциируются с Россией. Большинство ответов были следующими: коммунизм, КГБ, снег и мафия[5]. В Иране ситуация аналогичная, так как иранцы тоже очень мало знают о России.

Следовательно, ключевой проблемой развития двусторонних отношений является языковой барьер. Поэтому изучение и распространение русского языка в Иране и фарси в России сегодня как никогда важно. Руководители наших стран должны рассматривать обучение языкам в качестве важнейшего элемента в борьбе с дезинформацией. Иранская сторона от-

[1] *Mowlana H.* Globalization of mass media: opportunities and challenge for the Southe // Cooperation South. 1998. № 2.

[2] *Хади Х.* Роль СМИ в формировании идентичности // Хамшахри. 2002. № 2506. С. 28.

[3] *Херсич Х., Туйсаркани М.* Геополитическая мягкая сила Ирана // Журнал политических исследований. 2009. № 14.

[4] *Херсич Х., Туйсаркани М.* Указ. соч. С. 26.

[5] *Иванс Дж.* Прядение России // Внешняя политика. 2005. 1 дек. URL: http://foreignpolicy.com/2005/12/01/spinning-russia.

крыто утверждает, что для дальнейшего развития двусторонних отношений необходимо развивать обучение русскому языку в Иране. О важности изучения персидского языка в мире сказал в своем интервью вице-президент Ирана Эсхак Джахангири: «Персидский язык является важнейшим фактором нашей национальной идентичности, и его развитие считается важным компонентом публичной дипломатии Ирана»[1]. В настоящее время русский язык изучается в шести тегеранских университетах, в Мешхедском университете им. Фирдоуси, а также в университетах Гиляна и Мазендерана. В Иране отсутствует официальная статистика о количестве владеющих русским языком, но, по приблизительным данным, эта цифра может составлять до 4,5 тыс. человек[2].

О том, что русский язык можно рассматривать как важный элемент публичной дипломатии, свидетельствует комплекс мер по его распространению. Так, в 2007 году «в целях популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры», был создан фонд «Русский мир»[3]. При поддержке фонда и в партнерстве с ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами в 45 странах мира открыты и функционируют «Русские центры», в том числе в Тегеранском и Мешхедском университете им. Фирдоуси.

Языковой фактор восприятия образа страны. Но действительно ли распространение обучения русскому языку влияет на формирование представлений о России у граждан Ирана? С целью выяснения этого вопроса было проведено исследование в трех университетах Ирана, в которых есть кафедры русского языка (Университет им. Алламе Табатабаи, Тегеранский университет, Мешхедский университет им. Фирдоуси). В опросе приняли участие 20 студентов кафедры русского языка Университета им. Алламе Табатабаи, по 15 — кафедр русского языка двух остальных университетов, а также учащиеся, не владеющие русским языком (из Университета им. Алламе Табатабаи — 20 студентов, из Тегеранского и Мешхедского университетов — по 15). Респонденты были разделены по возрастным категориям (17–20, 21–25, 26–30 лет) и критерию владения русским языком.

Основные итоги опроса: больше половины респондентов заявили, что им известна история отношений России и Ирана. Столько же участников опроса ответили «в чем-то мы с ними похожи, в чем-то нет». Большинство респондентов выступали за необходимость развития отношений с Россией. Интересными оказались результаты ответов в зависимости от возраста. В группе 17–20-летних все параметры положительные: молодежь много знает о России, поддерживает отношения с РФ и считает, что россияне больше похожи на иранцев. Позитивное представление о РФ молодого поколения, рожденного после 2000-х годов, можно объяснить влиянием виртуального пространства и информационной политики России, направленной на оптимизацию своего имиджа в мире. Максимально позитивное отношение продемонстрировали респонденты, изучающие русский язык. В ответ на вопрос: «Известна ли вам история взаимоотношений России и Ирана?» 70 % ответили «да». Почти 80 % респондентов, изучающих русский язык, уверены в необходимости развития двухсторонних отношений с РФ. Результаты опроса еще раз свидетельствуют, что знание языка в иранской аудитории ведет к формированию позитивных представлений о России, поэтому для развития двустороннего сотрудничества необходимо принимать меры, способствующие продвижению русского языка как одного из важнейших факторов в отношениях между нашими странами. Развитие обучения фарси и русскому языку имеет важное значение для повышения имиджа Ирана и России в сознании наших народов, так как у граждан появится доступ к источникам информации, которые не находятся под контролем западных структур.

Развитие языкового диалога наших народов и культур станет реальной силой противодействия экстремистским идеологиям. Сегодня экстремизм и религиозный радикализм угрожают не только Кавказу, они являются общей угрозой для Ирана и России. С учетом того факта, что у Ирана и России общая позиция по борьбе с терроризмом, можно с уверенностью сказать, что в случае распространения и развития обучения русскому языку в Иране у иранской стороны появится возможность представления русскоязычному населению своих идей, и Россия так же сможет предоставлять сведения о своих проектах в регионе непосредственно населению Ирана. При этом проекты не будут подвергаться искажению пропагандистскими технологиями Запада. Следует заметить, что аналогичную выгоду России предоставляет развитие обучения фарси в вузах Российской Федерации. Преодоление языковых барьеров позволит обеим сторонам наладить контакт на общественном уровне, а общественный диалог, как известно, является важнейшим условием развития двусторонних отношений во всех сферах.

В глобальном мире эпицентр условий цивилизационного выживания и развития помимо наращивания экономического и военного потенциала включает духовную составляющую общества. Опыт Ирана и России показывает, что нарастающему процессу глобализации, стремящемуся к доминированию западной цивилизационной модели, может быть противопоставлена политика сохранения национальных культурных традиций и выстраивания конструктивного диалога. При этом важным условием информационной безопасности является утверждение сильных и независимых СМИ, способных адекватно реагировать на вызовы времени, обеспечивая защиту национальных культур и сохранение духовного здоровья народа.

[1] Интервью вице-президента Ирана. URL: http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=13940728000623.

[2] Русский язык в мире : докл. / редкол. А. Л. Федотов [и др.]. М., 2003. С. 156.

[3] http://russkiymir.ru/fund/the-decree-of-the-president-of-the-russian-federation-on-creation-of-fund-russian-world.php#1.

М. А. Абишев[1]

ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — ПУТЬ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Проблема стабильности мирового развития не может быть решена без усиления борьбы с риском применения ядерного оружия в международных конфликтах. Неслучайно задачей номер один сегодня является установление ядерной безопасности и укрепление мира во всем мире.

Мир вступает в новую эру — усиливающейся нестабильности, агрессивного национализма, отказа от игры по правилам, повышения рисков, опасного балансирования, эрозии сдерживающих факторов и прочих негативных явлений. В новых условиях многие снова озабочены проблемой ядерного вооружения. Некоторые высказывания, сделанные на высоком уровне в связи с событиями последних лет, могут быть восприняты или интерпретированы как политическое использование ядерного оружия, а в широком плане — как его публичная легитимация. К сожалению, мир вступил в новую эру гонки ядерных вооружений. Многие государства сегодня уделяют внимание реализации ряда программ по модернизации существующих и созданию новых видов ядерных вооружений и средств доставки[2].

Крупнейшими конкурентами в гонке вооружений в ближайшие десятилетия будут США и Россия. В частности, США потратит на эти цели 716 млрд долларов. В свою очередь Россия до 2020 года потратит на развитие ядерных вооружений около 70 млрд долларов. Среди стран, участвующих в гонке ядерных вооружений, — Китай, Индия, Франция, Израиль, Пакистан и Северная Корея.

С закрытием Семипалатинского испытательного ядерного полигона и последующего моратория на полигонах США, Великобритании, Франции и КНР казалось, что холодная война закончилась и не повторится. В 1991 году члены Верховного совета СССР академик Б. Велихов и поэт О. Сулейменов вместе с конгрессменами США и членами Британского парламента выразили единую точку зрения на укрепление режима нераспространения ядерного оружия и полное запрещение ядерных испытаний. Таким образом, все ядерные страны находились на пороге главного для человечества решения — отказа от ядерного оружия. Но в августе 1991 года в СССР случилась попытка государственного переворота, что привело к распаду государства — событию, которое помешало исчезновению ядерного оружия на Земле. К сожалению, мало кто из историков знает об этом моменте[3].

На Глобальном саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне в 2010 году Президент США Барак Обама отметил, что через два десятилетия после окончания холодной войны мы стали свидетелями жестокой иронии: риск ядерного противостояния между государствами понизился, а риск ядерного нападения, наоборот, возрос. Самая большая опасность заключается в потенциальной возможности конфликта между державами, обладающими ядерным оружием. Краеугольным камнем в обеспечении глобальной стабильности и безопасности является конструктивный диалог между Западом и Россией.

Великие державы должны внести необходимый вклад в обеспечение мира на Земле. К сожалению, милитаризм не исчез, а глубоко проник в сознание и поведение людей. Не могут не тревожить участившиеся демонстрации готовности НАТО и России к отражению любой агрессии, проведение срочных учений и маневров у границ и т. д. Арсеналы переполнены, в том числе ядерные. Вот на чем нам всем следует сконцентрировать внимание и попытаться оценить, сто́ят ли причины разногласий того, чтобы ради них жертвовать человечеством.

В апреле 2018 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш констатировал: «Ясно, что холодная война вернулась». При этом он отметил, что теперь США и Россия не контролируют другие страны, обладающие ядерным оружием, как это было во времена СССР.

Нобелевская премия мира за 2017 год была присуждена Международной кампании за запрещение ядерного оружия ICAN (International Campaign to Abolish Nuclear Weapons). Однако несмотря на все усилия, эта организация так и не достигла желаемых результатов. США, КНР, Россия, Великобритания, Франция, Израиль, Пакистан, Индия и КНДР не смогли прийти к соглашению и подписать договор о запрещении ядерного оружия, что создает угрозу нового риска его применения.

Еще одним испытанием для «безъядерного мира» стала позиция президента США Дональда Трампа и выход США из ядерной сделки с Ираном. Договор был расторгнут, но что дальше? На международной конференции в Варшаве премьер-министр Израиля открыто пообещал «новую войну Ирану». Последние переговоры Трампа с лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном в Ханое не привели к положительным результатам. Саммит во Вьетнаме завершился досрочно, из Ханоя руководители государств уехали, не подписав анонсированное соглашение. Кроме того, в феврале текущего года мир стоял на пороге войны между Пакистаном и Индией, при этом обе страны располагают ядерным оружием.

---

[1] Профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Алматинского филиала СПбГУП, доктор социологических наук, заслуженный деятель Республики Казахстан. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «The Contemporary Ecology and Nuclear Situation on the Semipalatinsk Nuclear Firing», «Суверенный Казахстан — лидер движения за безъядерный мир», «Антиядерная политика Казахстана: вчера, сегодня, завтра», «Роль и значение Казахстана в борьбе за ядерную безопасность», «Казахстанская модель урегулирования современных международных конфликтов», «Некоторые аспекты в истории духовного возрождения народа Казахстана» и др. Член Международного антиядерного движения «Невада–Семипалатинск». Награжден медалями «За трудовые заслуги», «20 лет независимости Республики Казахстан», орденом «Парасат».

[2] *Барановский В.* Трансформация глобального миропорядка: динамика системных измерений // Полис. 2017. № 3. С. 71.

[3] *Жалкишина А.* Вернуть миру шанс. URL: http://np.kz/events/21277-vernut-miru-shans.html.

Президент США Дональд Трамп, выступая с ежегодным обращением к Конгрессу «О положении в стране», заявил о приостановлении своего участия в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Во время выступления американский лидер обвинил Россию в нарушении условий договора и пообещал, что США превзойдут всех в разработке вооружений для защиты Америки. Москва, ранее отвергавшая обвинения Вашингтона, ответила зеркальными мерами: В. В. Путин объявил о приостановке участия в ДРСМД.

Больше всех разрыва ДРСМД опасается Европа, потому что американские ракеты могут снова появиться в Старом Свете, и тогда Россия неизбежно возьмет на прицел все позиции этих ракет. Берлин и Париж уже намекают США, что у них «другая позиция на этот счет». Европа, как и в далекие 1970–1980-е годы, не хочет жить под ядерным «колпаком» Москвы. Европе не нужны риски, связанные с возможностью применения ядерного оружия[1].

Казахстан последовательно вносит вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия. Так, в 2015 году он подписал соглашение с МАГАТЭ о размещении Банка низкообогащенного урана[2].

В конце прошлого года Казахстан успешно завершил двухлетнюю работу в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН. Впервые этот крупный, имеющий древнюю культуру регион Центральной Азии был представлен в Совбезе. Казахстан стремился и сумел стать в Совете голосом всего обширного Азиатско-Тихоокеанского региона. Мы продолжили консолидацию усилий мирового сообщества по избавлению планеты от ядерного оружия, за последовательное упрочение и расширение режима его нераспространения.

Центральным событием казахстанского председательства в СБ ООН в январе 2018 года стал тематический брифинг высокого уровня на тему «Нераспространение оружия массового уничтожения: меры доверия». Членство Казахстана в Совбезе совпало с беспрецедентным всплеском напряженности в глобальных политических процессах и с обострением противоречий между мировыми державами, что создавало сложности в достижении консенсуса по международным проблемам. Несмотря на это, Казахстан смог достойно выполнить свою миссию и оправдать доверие международного сообщества[3].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что сегодня большинство политиков и общественных деятелей признают необходимость сосредоточения усилий на мирном развитии, которое возможно только в мире, свободном от ядерного и иных видов оружия массового уничтожения. Наверное, поэтому, несмотря на трудности, всегда найдутся те, кто будет искать возможности для уменьшения угроз, в том числе в ядерной сфере, а также те, кто этому будет препятствовать.

П. А. Водопьянов[4]

СТРАТЕГИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Современная наука как символ могущества человеческого Разума привела к огромным достижениям в жизни современного общества — к росту средней продолжительности и уровня жизни в большинстве стран, повышению продуктивности сельского хозяйства, высокой доступности и удобству средств транспорта и связи, покорению космического пространства, овладению тайнами природы и многому другому. Вместе с тем следствиями научно-технического прогресса стали загрязнение окружающей среды, ухудшение ее качества, разрушение целого класса природных экосистем, сокращение жизненного пространства и другие отрицательные явления, представляющие угрозу для жизнедеятельности людей.

Современная цивилизация столкнулась с глобальными вызовами, угрожающими ее будущему. Все острее проявляется глобальный энергоэкологический кризис; нарастает духовный кризис, усиливается демографический кризис, приведший миллионы людей к голодной смерти; истощаются природные ресурсы. Именно поэтому возникает необходимость поиска путей выхода из такого рода трудностей на основе утверждения нового способа производства и потребления, который придет на смену потребительскому вектору развития.

Ухудшение состояния окружающей среды, обусловленное подрывом механизмов саморегуляции природных экосистем, индустриальный пресс, угрожающий здоровью человека, уже при жизни нынешнего поколения могут сделать невозможным проживание людей на планете. По прогнозам ряда видных ученых, XXI век станет веком нарастания целого класса новых заболеваний, в том числе психических расстройств. Это обусловлено нарастающим загрязнением воздуха, особенно хлорфторуглеродами, утратой естественной связи человека со своим окружением и другими неблагоприятными факторами.

[1] *Бранец В.* США подводит мир все ближе к ядерной войне // Комсомольская правда. 2018. 25 окт.

[2] *Шалтыков А. И.* Казахстан — золотой мост между Востоком и Западом: политологический анализ. Алматы, 2018.

[3] *Алимкулов Б.* На олимпе мировой дипломатии — Казахстан в Совете Безопасности ООН // Казахстанская правда. 2019. 4 марта.

[4] Профессор кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук. Автор 220 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Устойчивость в развитии живой природы», «Устойчивость и динамика биосферы», «Экологические последствия НТП», «Динамика биосферы и социокультурные традиции» (в соавт.), «Великий день гнева» (в соавт.), «Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку» (в соавт.).

Особую тревогу вызывает и нарушение естественной среды на поверхности Земли. По имеющимся данным, под влиянием человеческой деятельности треть территории планеты изменилась полностью и такая же часть — частично. Площадь антропогенных пустынь ныне достигает 7 % всей поверхности суши, а под угрозой опустынивания находится около 19 %. Остальная часть суши загрязнена химическими веществами, которые существенно изменяют биологические процессы в почвах.

Под угрозой исчезновения находятся многие биологические виды, играющие основную роль в поддержании стабильности и устойчивости биосферы. Сохранение видового разнообразия непосредственно связано с сохранением среды обитания организмов. Ежегодно сокращается площадь тропических лесных массивов, что приводит к исчезновению видов не только на этих территориях, но и на соседних участках.

На основании этого можно утверждать, что человечество вступило в эпоху глобального антропологического кризиса, который угрожает его ближайшему будущему. Не меньшую тревогу вызывает и проблема нравственного разложения современного человека, свидетельством чего является распространение наркомании, алкоголизма, употребления психотропных веществ, ведущих к биологической деградации. Извечные человеческие ценности — доброта, справедливость, порядочность, взаимопомощь — все чаще уступают место насилию, злобе, ненависти и другим порокам.

В итоге человечество оказалось в тисках целого ряда кризисных явлений в политической, экономической, экологической, социальной и духовной сферах жизни. Особую опасность в современных условиях представляет неконтролируемый рост численности населения, идущий экспоненциальными темпами, что приводит к недостатку жизненного пространства и нехватке природных ресурсов. Так, если в 1650 году население земного шара составляло 450 млн человек, в 1800-м — 1 млрд, в 1900-м — 2 млрд, в 1950 — 3 млрд, то в настоящее время оно достигло 7,6 млрд человек. Это влечет за собой интенсивное потребление природных ресурсов, переработка которых приводит к нарастанию загрязнения окружающей среды. Помимо этого все явственнее обнажаются черты социального кризиса: углубляющееся неравенство между бедными и богатыми, рост безработицы и нищеты, социальная несправедливость. Усиливается экономический кризис, ведущий к торгово-экономическим войнам и локальным финансовым кризисам.

По этой причине господствующая до сих пор установка на интенсивное использование природных ресурсов и покорение природы, основанная на признании самоценности человека в природе и закрепленная в общественном сознании, в условиях мощного антропогенного давления на биосферу доказала свою непригодность и должна уступить место новому отношению к природе.

В результате возрастания нагрузки на окружающую среду из-за роста промышленного производства и численности народонаселения в современном мире можно заключить, что бесконтрольное и безграничное воздействие человека на среду обитания может закончиться глобальной экологической катастрофой.

Сегодня, когда человечество вплотную столкнулось с различного рода катастрофами (антропологической, демографической, экологической и т. д.), когда мы видим последствия утопических претензий на тоталитарное управление социальными процессами, необходимо отказаться от идей подавления и господства. Гуманистическому измерению сегодня соответствует не антропоцентризм, а коэволюция — совместная эволюция общества и природы.

Понимание и учет указанных особенностей общественного развития диктуют необходимость разработки принципиально новой, противоположной господствовавшей ранее концепции социального проектирования и регулирования. Прежний подход основывался на стремлении к безальтернативному планированию будущего. На практике это означало попытку навязать обществу вместо естественно-исторического развития искусственно-рациональный проект, подчинить жизнь заданной схеме, строить будущее на основе изначально принятого плана подобно тому, как это имеет место при реализации конкретных мер. В этом заключается сугубо технократический подход к анализу социальных процессов, приведший к негативным явлениям в жизни современного общества.

Преодоление этих и других негативных явлений возможно на основе достижений современной науки, которые при разумном использовании помогут избавиться от большинства болезней, покончить с войнами, нищетой и голодом, предотвратить кризисные явления. Между тем мы все больше отдаляемся от осуществления этой цели. Величайшие достижения науки в области атомной энергетики, кибернетики, освоения космического пространства, электроники, лазерных технологий, биотехнологий всегда были обращены на военные цели, на овладение чужими богатствами и ресурсами — от Великих географических открытий и захвата колоний до новых форм колониализма и распространения военных действий в разных регионах планеты в настоящее время.

Человек завоевал космос, создал атомные электростанции, проник в недра земли и глубины океанов, исследовал тайны наследственности, психической деятельности и т. д. В то же время достижения научно-технического прогресса привели к деградации природы, к снижению качества окружающей среды и несут угрозу существованию человека. Эти и другие негативные последствия достижений науки и техники являются свидетельством того, что именно человек может дойти до массового самоубийства и заодно уничтожить все прочие формы жизни. Поэтому крайне важно обозначить основные глобальные риски, представляющие угрозу для нормальной жизнедеятельности людей, выявить меры по их устранению. Помимо опасности ядерной катастрофы к рискам глобального характера относятся загрязнение окружающей среды, приводящее к изменению климатических условий, недостаток природных ресурсов, ограничения, связанные с дефицитом энергии, продовольствия, воды и пр. В ряде

стран третьего мира население уже сегодня сталкивается с реальной угрозой массового голода и находится на грани выживания. Недостаток основных ресурсов приводит к возникновению конфликтов и военных действий между странами, а постоянно растущая потребность в ресурсах вызывает опасность новых конфликтов глобального характера.

В настоящее время особое значение имеют два вида рисков — неравенство между богатыми и бедными и неэффективность глобального управления процессами экономического развития. По имеющимся данным, в настоящее время 1 млн людей обладает половиной всего богатства человечества. Глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 году, имеет не структурный, а системный характер и связан с тем, что многие страны мирового сообщества не в состоянии устранить существующие угрозы рисков. Иными словами, в силу ослабления экономически развитых стран управление глобальными рисками оказалось на недопустимо низком уровне. Финансово-экономический кризис, разразившийся практически во всех странах, повлек за собой резкое возрастание риска для глобальной стабильности. Такого рода опасность, как полагают многие эксперты, может реализоваться в ближайшем будущем. Экономические риски как следствие дисбалансов макроэкономики, негативных явлений в бюджетно-налоговой сфере, слабых финансовых рынков отражают совокупность факторов, приводящих к негативным явлениям в финансовой сфере. Кроме этого, старение населения в экономически развитых странах создает особую напряженность в финансовой сфере, а возрастание роли теневой экономики (организованной преступности, незаконной торговли, коррупции) приводит к рискам криминального свойства.

Высокий прирост численности населения сопровождается нарастанием насилия в обществе, нехваткой продовольствия и, как следствие, вызывает массовые протесты населения против властных структур и государственных режимов. Более того, эти опасные тенденции порождают безудержное стяжательство, упоение властью, агрессивность отдельных политических деятелей, пренебрегающих гуманистическими ценностями и направляющих усилия на развязывание военных конфликтов и бесконечный рост расходов на военные нужды. Эти, казалось бы, не свойственные человеческой природе, саморазрушительные качества отражают отчуждение человека от самого себя и от общества.

Будущее человечества зависит от того, сможем ли мы справиться с опасностями, порожденными прогрессом науки и техники.

Значительную опасность в современных условиях представляет внутренний кризис самого человека, его стремление обеспечить свое благополучие за счет интенсивного и нерационального использования ресурсов. Приходится признать, что коллизии во взаимоотношениях человека и природы порождены человеком, его стремлением безрассудно пользоваться ее дарами и максимально освободиться от зависимости от природы. Именно поэтому в настоящее время остро требуется поиск новых путей социально-экономического развития, ориентированных на снижение индустриального давления на атмосферу. В производственной сфере крайне важна новая модернизация, нацеленная на создание производств, которые будут вписываться в структуру биохимических циклов биосферы. Речь идет о создании новых, экологически чистых технологий, существенно снижающих загрязнение окружающей среды и ориентированных на повышение производительности ресурсов. Поэтому в настоящее время невозможно обойтись без достижений научно-технического прогресса. Вместе с тем не вызывает сомнения и тот факт, что преодоление экологических затруднений во взаимоотношениях человека и природы сугубо техническими средствами — лишь одно из необходимых условий стабильного будущего.

Преодоление кризисных явлений в первую очередь связано с разработкой оптимальной экологической политики на основе утверждения новых мировоззренческих доминант во взаимодействии общества и природы. Особую роль в реализации этой цели играет и формирование новой нравственности людей, которая будет отвечать новым требованиям в сфере оптимального природопользования. Формирование нравственности нового типа, основанной на глубоком понимании места человека в биосфере, немыслимо без широкой образованности людей, их отношения к природе как особой ценности, от которой зависят их благополучная жизнедеятельность и здоровье.

Новые ценностные установки, ориентированные на достижение устойчивого развития в сфере науки и техники, в различных отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, связаны с необходимостью перехода экономики с интенсивного на экстенсивный путь развития, учитывающий взаимосвязанность процессов, протекающих в биосфере, и места в ней человека. Речь идет о формировании установок нового мышления, основанного на принципах совместного сбалансированного развития человека, общества и природы и выбора нового пути социально-экономического развития, учитывающего потребность в сохранении окружающей среды и изменении человеческих качеств.

А. Г. Володин[1]

ЯПОНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ[2]

Активизация «курильской проблемы» между Россией и Японией в конце 2018 года вновь обострила полемику о необходимости выстраивания Россией более четкой, выверенной политики в отношении Японии, в том числе в Центральной Азии. Исходя из долгосрочных геополитических интересов, Россия вновь активизировала свою экономическую деятельность в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР). Наша страна деятельно развивает интеграционный проект ЕАЭС. Российская дипломатия, действуя на центральноазиатском направлении, вынуждена учитывать рост влияния Китая в ЦАР, проявляющийся, в частности, в обострении соперничества отечественных и китайских компаний. В то же время ЦАР стал полем деятельности и других азиатских игроков. Первое место в этом списке уже довольно долго занимает Японии.

Сама Центральная Азия важна для укрепления геоэкономических позиций России. Особую значимость ЦАР приобрел в свете «санкционного противостояния» с Западом. Альтернативные интеграционные проекты, строящиеся на принципах «свободной геометрии» международных отношений, представляют собой веский «экономический аргумент» российской дипломатии. По мнению автора, логика развития геоэкономических и геополитических процессов в ЦАР делает Россию и Страну восходящего солнца естественными стратегическими партнерами.

В середине 1980-х годов Гельмут Шмидт, тогда уже бывший канцлер ФРГ, назвал Японию «экономическим гигантом и политическим карликом». Один из наиболее крупных политиков послевоенной Западной Европы, как представляется, имел в виду недостаток воли у правящих кругов Страны восходящего солнца превратить Японию в одно из главных «гравитационных полей» мировой системы. Распад биполярного мира, геополитическое возвышение Китая, самоутверждение «новых региональных лидеров» — эти и другие обстоятельства побудили официальный Токио пересмотреть свои геополитические установки, в частности некритическое отношение к действиям США и мотивам поведения Америки, и сформулировать собственное ви́дение мировых и региональных проблем, так или иначе затрагивающих жизненные интересы Японии. В своем внешнеполитическом планировании официальный Токио стремится: 1) учитывать общие тенденции геополитического мышления в ведущих государствах мира; 2) решать по-своему, по-японски текущие и перспективные задачи, вытекающие из динамичной перегруппировки геополитических сил в центральной части Евразии. Думается, ЦАР видится правящим кругам Японии идеальным пространством апробации своих новых геополитических концепций.

Уже в конце 1980-х годов, когда силы, скреплявшие Советский Союз, обнаружили явную тенденцию к необратимому истощению, в западной исторической и политической мысли возникло устойчивое представление о «центральности» тогдашней советской Средней Азии, опиравшееся: 1) на исключительную благоприятность географического положения ЦАР в Евразии (возрождение идеи Великого шелкового пути); 2) наличие значительной (имеющей международное значение) минерально-сырьевой базы, включая энергоносители (ретроспективный анализ показывает: запасы минеральных ресурсов в регионе оказались несколько преувеличенными).

При анализе поведения Японии в странах ЦАР необходимо учитывать фактор «третьей силы»; иными словами, непрекращающееся соперничество Токио и Пекина, которое помимо Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока начинает вовлекать в свой «круговорот» и другие регионы, включая Центральную Азию.

Можно утверждать: после распада СССР на постсоветском пространстве Япония действовала осмотрительно и осторожно, тогда как в 1990-е годы наибольшую активность в Центральной Азии проявляли США, КНР и Индия. Однако впоследствии, уже в 2000-е годы, Япония невольно (поскольку страна сознательно дистанцировалась от «цветных революций» в регионе) оказалась в роли «надежного» партнера государств Центральной Азии. Видимо, активность Японии стимулировалась изнутри ЦАР: рост китайских инвестиций и опасения элит центральноазиатских стран, вызванные активной деятельностью соседней страны-гиганта, порождали желание сбалансировать влияние Поднебесной за счет постоянного диалога не только с Россией и Индией, но и со Страной восходящего солнца. Поэтому выглядит логичной обозначившаяся с начала 2000-х годов линия Токио, гибко сочетающая многосторонние форматы отношений в регионе ЦАР с двусторонними связями, учитывающими своеобычие историко-культурного опыта отдельных центральноазиатских стран и особенности их взаимодействия друг с другом. «Руководство Японии, — полагает специалист-международник Я. О. Захарьев, — прекрасно понимает, что в ближайшие десятилетия регион будет находиться под мощным влиянием китайских и российских интересов. …Токио планирует укрепиться в старых нишах [экономики] и активно ищет новые пути для диалога в ЦА. Японским компаниям за пери-

[1] Главный научный сотрудник — руководитель группы Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор Дипломатической академии МИД России, доктор исторических наук. Автор научных публикаций по внешней и внутренней политике Южной и Центральной Азии, геополитике в регионе, анализу конфликтов и различных аспектов гражданского общества, в т. ч. монографий «Россия в полицентричном мире», «Политическая экономия демократии» и др.; статей «Активность Индии в Арктике и Антарктике», «Внешняя политика Индии: смена парадигмы», «Дональд Трамп: назад в будущее» (в соавт.), «Индия в мире регионализации», «Крым, Курилы: без права передачи» (в соавт.) и др.

[2] Исследование выполнено в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН по гранту Российского научного фонда (проект № 14-28-00097).

од 1993–2016 годов удалось профинансировать более 120 программ регионального партнерства между Токио и каждой страной региона»[1]. Важно помнить: Япония, безусловно, координирует свой курс в ЦАР с США, однако опасения относительно «чувствительной» реакции Китая заставляют японцев проводить взвешенную политику.

Эксперты отмечают: Япония — надежный партнер для государств ЦАР; отношения Японии и центральноазиатских республик выстраиваются по более логичной схеме, нежели связи Китай–ЦАР, нередко обремененные пересматриваемыми время от времени договорами, изменением условий сделок и т. п. В сущности, экономические отношения со странами ЦАР для Японии представляют своеобразную «мягкую силу», поскольку положительно влияют на образ Страны восходящего солнца в регионе. Япония особо заинтересована в углеводородах Туркменистана. Местные власти рассчитывают, что в недалеком будущем общий объем японских инвестиций в Туркменистане достигнет 18 млрд долларов[2]. Однако пока подобные заявления выглядят гипотетично.

Все больший интерес у японских правящих кругов и экономической элиты вызывает Узбекистан. К уже имеющимся совместным проектам по переработке урана, в железнодорожном транспорте, горном деле, автомобилестроении, телекоммуникациях, электронике, текстильной промышленности добавились начинания в сфере энергетики. Японские компании, как полагают в Ташкенте, готовы инвестировать в разработку новых газовых месторождений[3]. Наконец, Росатом может вступить в конкуренцию с Toshiba (владеющей американской корпорацией Westinghouse) за строительство АЭС в Казахстане, либо в республике будут две АЭС, построенные соответственно по российской и японской технологиям.

Токио, как отмечают эксперты, включился в реализацию газотранспортного проекта ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), а это очевидная неудача для Китая, который рассчитывал на исключительные права в разработке месторождения «Галкыныш». Заметно, что во внешнеполитической стратегии Японии в ЦАР центральная роль принадлежит Туркменистану, Казахстану и Узбекистану, тогда как Таджикистан и Киргизия образуют своеобразную «периферию» пространства интересов Страны восходящего солнца. Политическое присутствие в Центральной Азии необходимо Японии для: 1) геополитичекого «балансирования» Китая и 2) повышения своего статуса «державы критической массы» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Утверждения же о реализации Японией геополитических интересов США в Центральной Азии носят, на наш взгляд, излишне прямолинейный характер и не фундированы «документально».

Если попытаться сформулировать целостное ви́дение политики Японии в Центрально-Азиатском регионе, то выделяются следующие стратегические/долгосрочные направления.

Во-первых, укрепление своих политических позиций в ЦАР с учетом стремления элит центральноазиатских государств максимально усложнить «уравнение геополитических сил» в регионе. Расширение состава ансамбля участников политических процессов в ЦАР (Россия, Китай, Индия, Иран, скованные в своих действиях латентной гражданской войной в Афганистане США, потенциально Пакистан) за счет Японии предоставляет элитам Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, а также Киргизии и Таджикистана определенную свободу маневра в отношениях с великими державами и теоретически снижает риски деструктивных действий извне, например угрозу «цветных революций».

Во-вторых, заинтересованность Японии в странах ЦАР как в потенциальных участниках *транспортной революции* в Евразии по модели, исключающей доминирование в данном процессе какой-либо одной страны (в настоящее время — Китая).

В-третьих, содействие *экономическому развитию* (то есть экономическому росту, сопряженному с максимальной занятостью и относительно равномерным распределением национального дохода), который является фундаментом работоспособных политических институтов и *секуляристской* формы государственности. Поэтому можно, хотя и с оговорками, согласиться с мнением Д. В. Зеркалова: «Именно в Центральной Азии благодаря ее уникальному геополитическому расположению на стыке многих регионов, в самом центре Евразийского континента, деятельность Японии приобрела особенное значение в XXI веке, которое будет определять ее положение не только в системе японо-американских отношений, в АТР и Центральной Азии, но и в мире в целом»[4].

Общая стратегия Японии в Центральной Азии насыщена нюансами, которые придают политике Токио в ЦАР черты, позволяющие говорить о своеобразной большой игре, которая разворачивается в Евразии между второй и третьей экономиками мира. С одной стороны, Япония не может «фанатично» и зеркально отвечать на каждую геоэкономическую инициативу Поднебесной в Азии. В самом деле Страна восходящего солнца не располагает лишними 240 млрд долларов на инфраструктурные проекты, включая модернизацию портов и строительство судоходных каналов, в рамках китайского проекта «Один пояс — один путь». Тем не менее Токио своими действиями демонстрирует присутствие в Центральной Азии, стимулируя в регионе развитие добывающей и обрабатывающей промышленности. Одновременно японские фирмы успешно модернизируют порты и портовые сооружения в Бангладеш, демонстрируя тем самым способность *асимметрично* отвечать на геоэкономический «активизм» Китая в Центральной Азии, становясь тем самым значимым игроком в ЦАР. Такого рода стратегическая линия связывается аналитиками с деятельностью нынешнего премьера Японии С. Абэ[5].

[1] https://creativeconomy.ru/lib/37965.

[2] rusplt.ru/world/rossiya-teryaet-soyuznikov-v-asii-19452.html.

[3] russians Kz.info/politics/7387/tokio-zadel-interesy-pekina-v-centrflnoy-asii-yaponiya-vklyuchaetsa-v-borbu-za-vliyanie-v-regione.html.

[4] https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/politika-yaponii-tsentralnoy-24748.html.

[5] https://thediplomat.com/2015/107/japans-strategy-for-central-asia.

Видимо, частью большой игры Японии и Китая в Евразии станет политика транспортировки нефти и газа из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана к побережью Японского моря. Японские эксперты-энергетики отмечают: если в будущем и будет создана трубопроводная система для транспортировки нефти и газа в Страну восходящего солнца, то маршрут из Центральной Азии будет проложен не через Иран, Пакистан или Китай, энергоносители пойдут по сибирскому «тракту». При этом «сложные» («uneasy») политические отношения между двумя странами не повлияют на тонус экономических отношений Токио с Москвой[1].

Важное значение для политики Японии в ЦАР имеет, если так можно выразиться, ее культурно-психологический контекст; иными словами, отношение обществ стран Центральной Азии к Стране восходящего солнца, а равно и к целям ее политики в регионе. Так, данные социологического опроса, проведенного в Узбекистане, Казахстане, Киргизии и Таджикистане по заказу Министерства иностранных дел Японии, выявили следующие тенденции (декабрь 2015 — январь 2016 г.).

Во-первых, благожелательно к Стране восходящего солнца относятся 89 % респондентов.

Во-вторых, Япония (что естественно) пока отстает по значимости (25 %) от других партнеров центральноазиатских государств: России (75 %) и Китая (49 %).

В-третьих, Япония (63 %) отстает только от России как надежный партнер центральноазиатских государств (данные в процентах по России в материалах обзора не приводятся).

В-четвертых, 75 % респондентов положительно оценивают взвешенный характер внешнеполитического курса Японии.

В-пятых, Япония рассматривается респондентами как «страна с сильной экономикой и развитой тенологической основой хозяйства» (63 %), тогда как 35 % опрошенных считают Страну восходящего солнца «обществом великой традиции и культуры»[2].

Центральноазиатские элиты сознают: Япония не преследует цели бросить вызов влиянию Китая и (или) России в их регионе. Тем не менее Япония рассматривается властями государств ЦАР как полезный дополнительный участник социально-экономических и политических процессов в регионе, способный и усложнить уравнивание геополитических сил в Центральной Азии, и помочь новым независимым государствам выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Можно сказать, что Япония упорно отвоевывает для себя важные инвестиционные ниши в экономиках стран ЦАР, тем самым строя *коридоры роста и регионального сотрудничества*.

Развитие событий в Центральной Азии в последние два-три года позволяет предположить: в данном регионе формируется своеобразный геополитический треугольник «Москва–Пекин–Токио», функции которого пока не отработаны, и роли для действующих лиц все еще не написаны и не распределены. Такая неопределенность в конечном счете вытекает из отсутствия ясных представлений, прежде всего у официального Токио, о той роли, которая будет уготована Центральной Азии в общей стратегической линии внешней политики Японии в годы новой премьер-министерской «легислатуры» Синдзо Абэ. Иначе говоря, общая цель — «Япония — мировая держава» — сформулирована, тогда как инструменты (средства) ее достижения пока не изготовлены. Целесообразно напомнить: Страна восходящего солнца 70 лет вынужденно пребывала в состоянии всеобъемлющей неоколониальной зависимости, в то время как внешнеполитический курс С. Абэ (стратегическая автономия) в качестве основного предварительного условия предполагает *независимый образ политического мышления*. Неудивительно поэтому, что корабль японской внешней политики движется неспешно, порой на ощупь, постепенно отвоевывая для себя новые важные пространства.

Хорошо известно, что главным полем японо-китайской большой игры остается пространство АСЕАН. Двумя другими зонами большого соперничества являются Дальний Восток и Центральная Азия. И если на дальневосточном дипломатическом театре пока без перемен (отсутствие концептуального сдвига в российско-японских отношениях), то в Центрально-Азиатском регионе японская дипломатия в последние 10–12 лет получила значительную свободу политического маневра. И эта свобода, как представляется, в значительной мере связана с естественно существующими между различными региональными и внерегиональными игроками (государствами) противоречиями относительно движущих сил и бенефициаров грядущей транспортной революции в Евразии.

Информированные источники в связи с этим сообщают, что во внешнеполитической стратегии Японии перспективные инвестиции в развитие инфраструктуры российского Дальнего Востока тесно сопряжены с интересами Казахстана и других государств ЦАР. Ставшая более «пластичной» позиция Японии по заключению мирного договора с Россией, как отмечается, преследует цель лишить Китай надежного геополитического тыла в сложных отношениях со Страной восходящего солнца. Сходной тактической линии Токио придерживается в отношениях с центральноазиатскими элитами, опасающимися Китая, «нависающего» своей экономической и военной мощью (не говоря уже о демографическом потенциале) над бывшими советскими республиками Средней Азии.

Расширение аэропорта «Хабаровск», другие инвестиционные проекты (включая сферу энергетики) на Дальнем Востоке призваны продемонстрировать внешнему миру (и прежде всего Китаю): 1) зримое присутствие Японии на пространстве от Ашхабада до Владивостока и 2) активное участие в транспортных проектах в Евразии (то есть диверсификацию источников получения энергоносителей), тем самым сознательно отделяя сложную политическую проблематику («территориальное размежевание» с Россией) от внешнеэкономических связей, выступающих в данном случае в ипостаси геостратегического балансирования Китая: как в Центральной Азии, так и в Сиби-

[1] https://www.files.ethz.ch/isn/145121.

[2] www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001111.html

ри и на Дальнем Востоке. Возможное инвестиционное участие японских фирм в модернизации Транссибирской магистрали облегчит доступ Стране восходящего солнца в Центральную Азию, станет эффективным балансиром инициатив — проектов Шелкового пути и в конечном счете сделает Токио весомым участником продолжающейся (хотя и в новом составе) геополитической большой игры в Евразии[1].

О готовности Токио участвовать в большой игре в Евразии свидетельствует также возросший интерес японских горнорудных компаний к минеральным ресурсам Казахстана (в том числе редким металлам): освоение богатых не только редкоземельными элементами месторождений в районах Караганды и Кустаная (с их последующей транспортировкой в Японию в обход Китая) укрепит и договорные позиции политического руководства в Астане, в частности на переговорах с КНР по другим проблемам.

Дипломатия С. Абэ нередко характеризуется как преимущественно экономическая. Этот подход к столь сложной проблематике представляется излишне прямолинейным. Тем не менее у японского премьера есть мощный финансовый аргумент в пользу эконом-ориентации внешней политики. На счетах граждан Японии в национальных банках страны размещены финансовые ресурсы, эквивалентные 17 трлн долларов. Хотя бы частичная конвертация этих ресурсов в прямые японские инвестиции поможет Стране восходящего солнца решить те геополитические проблемы и задачи, которые накапливались в течение последних семи десятилетий. Инвестиционную емкость традиционных регионов деятельности Японии (Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, Австралия, США, некоторые страны ЕС) едва ли удастся увеличить, поскольку они в основном достигли естественного предела насыщения. Инвестиционные рынки Африки отличает непостоянство, частично связанное с переменчивостью внутриполитической ситуации в странах континента. Важным стратегическим и инвестиционным партнером остается Индия. Здесь японские прямые инвестиции к 2020 году, как полагают, достигнут 35–40 млрд долларов.

Центрально-Азиатский регион через транссибирский коридор становится и выгодным, и относительно безопасным пространством для японских инвестиций. Тем более что дипломатия Абэ попутно решает важнейшие, экзистенциальные для Японии задачи: включение в большую игру, активное участие в транспортной революции в Евразии и асимметричный ответ на воображаемые или реальные угрозы со стороны третьих стран. Таким образом, происходит естественное и объективное складывание неформального геополитического треугольника «Россия — Япония — Центральная Азия». Можно предположить: наше взаимодействие в ЦАР может в определенной степени снизить остроту восприятия проблемы северных территорий в японском общественном сознании.

* * *

И Россия, и Япония заинтересованы: 1) в отсутствии доминирующей *внешней силы* в Центральной Азии; 2) укреплении политэкономических основ *светской/секуляристской* государственности и институтов политического представительства в странах Центральной Азии; 3) эффективном противодействии силам радикального политического ислама и международного терроризма в ЦАР. Иными словами, Москва и Токио, реализуя собственные геополитические стратегии, объективно (то есть вне зависимости от характера их двусторонних отношений) заинтересованы в успешной деятельности партнера в Центральной Азии.

Исходя из вышесказанного, стоит выделить несколько стратегий для выстраивания долгосрочной политики России в Центральной Азии с учетом интересов Японии в данном регионе.

1. России следовало бы поощрять внешнеэкономическую деятельность Японии в Центральной Азии за счет создания *трехсторонних* промышленных и транспортных проектов — там и тогда, где и когда существует общее согласие для совместной деятельности.

2. Видимо, стоило бы вернуться к идее совместной модернизации и совместной эксплуатации Транссибирской магистрали, которая значительно облегчит выход Японии в Центральную Азию и страны Западной Европы.

3. Целесообразно подробнее ознакомиться с идеями правящих кругов Японии относительно транспортной революции в Евразии и в случае совпадения базовых представлений сторон сформировать совместное ви́дение развития средств сообщения (включая трубопроводные системы), не обязательно совпадающие с концепцией Шелкового пути.

[1] Globalriskincights.com/2016/11/japan-faces-russia-pathcentral-asia.

Е. В. Харитонова[1]

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ ЗА БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, О ПРОГНОЗИРОВАНИИ, ПРОГРАММИРОВАНИИ И САМОИСПОЛНЯЮЩИХСЯ ПРОРОЧЕСТВАХ

Теперь нужно осознать эту реальность, …прекратить раскачивать лодку, в которой мы все находимся и которая называется «планета Земля».

В. В. Путин[2]

В 2017 году в Дакаре состоялась 22-я Генеральная ассамблея Всемирной федерации научных работников (ВФНР), в работе которой я принимала участие и выступила с докладом от имени Российской академии наук. В конце апреля 2019 года состоялась очередная конференция ВФНР. Главная задача этой организации со дня основания — защита мира и предотвращение ядерной войны. В разные годы вице-президентами и участниками ВФНР были академики А. И. Опарин, Д. В. Скобельцын, О. М. Нефедов. Ведущие российские ученые — физики, химики, биологи — поддержали идею Фредерика Жолио-Кюри об ответственности ученых за использование научных достижений против человечества.

Размышляя о судьбе ученых и последствиях их научной деятельности, Ф. Жолио-Кюри сказал: «У меня был соблазн замкнуться в своей лаборатории. Но я задал себе вопрос: „А кто воспользуется открытием, которое я сделал?“»[3]. Фредерик Жолио-Кюри считал, что «ученые… должны быть озабочены тем, как используются их открытия». Он постоянно напоминал о социальной ответственности ученых и о том, что именно от науки в настоящее время зависит сохранение Земли и выживание человечества: «Наука — это основной связующий элемент между мыслями людей, рассеянных по земному шару, и в этом одно из самых высоких ее достоинств»[4].

1945 год. Мир потрясен варварскими бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. Ученые остро чувствуют свою вину и ответственность. В феврале 1946 года в Лондоне по приглашению британской Ассоциации научных работников Жолио-Кюри выступает с лекцией «Наука и благоденствие человечества». Так была создана Всемирная федерация научных работников — международная организация ученых, в Уставе которой записано, что ученые не имеют права быть пассивными свидетелями применения науки во вред человеку: «Научный работник… не может примириться с таким использованием науки, которое… умножает страдания человека... Наука может и должна быть использована на благо человечества»[5].

Если говорить о **глобальных геополитических проблемах**, с которыми столкнулся мир, то это нарастание террористической угрозы, возникновение регионов нестабильности, снижение уровня глобальной безопасности. Можно говорить о полномасштабном **«столкновении цивилизаций»**, о котором писал Сэмуэль Хантингтон. ВФНР была создана учеными — физиками, химиками, биологами. Их открытия имеют непосредственное отношение к созданию оружия массового поражения. И именно они первыми осознали, что их разработки могут быть применены для уничтожения человеческой цивилизации. Я предлагаю поднять вопрос **об ответственности ученых-гуманитариев**: могут ли быть «оружием массового поражения» открытия в сфере гуманитарной науки? Могут ли достижения гуманитарных наук **противостоять разрушительным сценариям и создавать основу для позитивного развития человечества**?

Война информационной эпохи предполагает несколько уровней, среди которых военные операции с применением оружия физического уничтожения являются лишь одной из составляющих. Уровни воздействия: **мировоззренческий** (язык, идеология, ценности, история, культура); **финансово-экономический** (единая финансовая система с контролем над эмиссионными центрами валют, ВТО, МВФ, система фондов и некоммерческих организаций, связанных с оппозицией в подконтрольных государствах, санкции и пр.) и собственно **военный** (вооруженные силы, оккупационные коалиции, миротворческие силы, операции специально-

[1] Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России», «Зимбабве на перепутье. Стратегическая „ниша“ России в многополярном мире», «Глобальные вызовы и конфликты в зеркале африканских событий», «Вопросы выживания цивилизации в условиях системных вызовов. Что делать?», «Этика и политика в Африке: прецеденты применения элементов традиционных этических систем в урегулировании политических конфликтов (на примере Руанды и ЮАР)», «Уроки борьбы Каддафи с экспансией джихадизма» и др. Член Исполнительного комитета Всемирной федерации научных работников. Награждена почетной грамотой Федерального агентства научных организаций России.

[2] Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957.

[3] *Шаскольская М. П.* Фредерик Жолио-Кюри. 2-е изд. М., 1966. Гл. VII : В битве за мир. (Жизнь замечательных людей ; вып. 281). URL: http://www.libros.am/book/read/id/332432/slug/frederik-zholio-kyuri.

[4] Там же.

[5] *Опарин А. И.* Международная встреча деятелей науки и высшей школы // Международная научная жизнь. URL: www.ras.ru/FStorage/download.aspx?id=ae89f888-1697-430c-9408. С. 68.

Политбюро ЦК ВКП(б) в 1951 году рассматривало вопрос о вхождении АН СССР в Международную федерацию научных работников и рекомендовало на пост вице-президента академика А. И. Опарина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1090. Л. 113, 136). Источник: Документы Агитпропа ЦК. М. : МФД : Материк, 2005. С. 279–281.

го назначения, государственные перевороты)[1]. Мировоззренческий уровень включает **модель будущего**.

Рассмотрим два процесса, имеющих отношение к **формированию будущего**: первый — **прогнозирование**: научное предсказание событий будущего на основе анализа фактов и разработки вероятностных сценариев; второй — **программирование будущего**: влияние на ход событий при помощи разных социальных технологий. Можно допустить, что в основе программирования лежит создание **информационной матрицы**. Предлагаю рассмотреть механизмы создания информационной матрицы, в рамках которой столкновение цивилизаций рассматривается как неизбежное и безальтернативное.

Матрица включает: а) разработку особой терминологии; б) построение модели будущего; в) авторитетное заявление о фатальности наступления сценария; г) создание представления о безальтернативности сценария; д) формирование массового сознания на основе внедряемых представлений. Формированию и реализации матрицы обязательно сопутствуют **реальные действия**, релевантные ее содержанию.

Полагаю, что **гуманитарное знание** имеет непосредственное отношение к формированию информационной матрицы, программированию будущего и, таким образом, может быть составляющей войны. Один из примеров такого гуманитарного знания — феномен **«самоисполняющегося пророчества»**[2].

Культурные традиции, связанные с феноменом «самоисполняющегося пророчества», уходят своими корнями к мифам Древней Греции[3]. Всем известен миф об Эдипе, убившем своего отца Лая в соответствии с пророчеством дельфийского оракула. Психологическая составляющая события состоит в изменении поведения действующих персон, которое неминуемо ведет к запрограммированному результату.

Термин «самореализующееся пророчество» был предложен в XX веке американским социологом Робертом К. Мертоном[4] на основе классической социологической теоремы Уильяма Айзека Томаса: **«Если человек определяет ситуацию как реальную, она реальна по своим последствиям»**[5]. Эта теорема применима только к социальным процессам и человеческим отношениям (а не к миру природы)[6], в которых вера в предсказание и значение, которое люди придают информации, детерминируют принятие решений и модифицируют модели поведения. Изменившееся в результате предсказания поведение человека или группы людей влияет на последующие события и реальный исход дела.

Простой пример — случай предэкзаменационного невроза. Страх провалить экзамен приводит к изменению психического состояния и поведения студента. Волнение дезорганизует умственную деятельность, что ведет к действительному провалу на экзамене. Следующий пример: когда война между двумя странами кажется неизбежной (или навязывается подобное мнение), усиливается поток информации о ее неизбежности. На этом фоне провокации оказываются эффективными. Представители обеих стран в ожидании войны видят в действиях «противника» агрессивные намерения и отвечают на «наступательные» действия собственными «оборонительными» действиями. Помимо усиления информационной составляющей происходит реальное наращивание вооружений, стягивание войск, отчуждение, так ожидание войны приводит к ее реальному началу[7].

Пример с разорением американского банка Картрайта Миллинджвиля[8] приобрел статус социологической притчи. Стабильность финансовой структуры зависит от доверия банку. Если вкладчики начинают думать иначе (если они получили информацию о банкротстве), их поведение меняется, они стремятся забрать вклады одновременно, что приводит к осуществлению намеренно созданного предсказания — разорению банка. Аналогичным образом граф Монте-Кристо разорил банк барона Данглара.

Самоисполняющееся пророчество — это или ложное определение ситуации, или намеренно смоделированная ситуация, которая программирует человеческое поведение и ведет к запланированному результату.

Мы рассмотрели примеры из области культуры и истории. Теперь рассмотрим примеры **из области политики**. Римский полководец и государственный деятель Марк Порций Катон Старший сказал: «Карфаген должен быть разрушен». Эта информационная матрица навязывалась при каждом выступлении Катона. Спустя несколько лет Карфаген действительно был разрушен римлянами.

Разумеется, это произошло не в результате сказанных Катоном слов. Речь не идет о сознании, которое определяет бытие. Информационная модель была усвоена, принята сенаторами, в рамках этой парадигмы сформулирована военная цель, выделены ресурсы и получен результат. **Когда информационная модель становится частью мировоззрения, будущее развивается в рамках этой модели**.

Вернемся в XXI век. В центрах стратегического планирования США была разработана модель развития человечества в XXI веке, которую мы знаем под

[1] См. об этом подробнее: *Харитонова Е. В.* Вопросы выживания нашей цивилизации в условиях системных вызовов. Что делать? // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 424–426.

[2] Самоисполняющееся пророчество (self-fulfilling prophecy) — предсказание, которое прямо или косвенно влияет на реальность таким образом, что в итоге неизбежно оказывается верным (см. об этом: *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. Free Press, 1968. P. 477).

[3] *Аверинцев С. С.* К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность: К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972. С. 90–102.

[4] Роберт Кинг Мертон — один из самых известных американских социологов XX века, президент Американской социологической ассоциации. Большую часть своей карьеры преподавал в Колумбийском университете.

[5] См., например: *Элленберг Дж.* Как не ошибаться. Сила математического мышления. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017.

[6] Так, предсказания метеорологов о наступающем похолодании не повлияют на реальную температуру, а предсказания астрономов о приближении к Земле кометы — на ее орбиту.

[7] См., например: *Лепехин В.* Мировые войны начинаются одинаково. И финал у них всегда один. URL: https://ria.ru/analytics/20150506/1062951456.html.

[8] *Мертон Р.* Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). URL: http://socioline.ru/node/828.

названием «Столкновение цивилизаций». Мы узнали о ней благодаря книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переосмысление мирового порядка»[1]. Особо подчеркну, что С. Хантингтон, создатель геополитической концепции «столкновения цивилизаций» и соответствующей информационной матрицы, которого мы знаем как ученого, социолога и политолога, был сотрудником государственного аппарата США и участником планирования реальных событий. В 1973 году работал заместителем директора Центра международных отношений, в 1977–1978 годах — координатором отдела планирования в Совете национальной безопасности США, в 1978–1989 — директором Центра международных отношений[2].

Практически все столкновения конца XX — начала XXI века проходят по обозначенным Хантингтоном *цивилизационным разломам*. Пример — события в Югославии в 1998 году. Сербия — часть православной цивилизации. Босния — часть исламской цивилизации. Хорватия — часть западной цивилизации (католической). Сейчас мы наблюдаем широкомасштабное столкновение цивилизаций в различных частях мира: исламо-христианские столкновения на Ближнем Востоке и в Африке; столкновение китайской (синской) цивилизации и исламской (кунгуры); исламо-буддистское столкновение в Мьянме (2017). Радикальные исламистские движения также есть часть столкновения цивилизаций: противостояние идей исламской цивилизации идеям и ценностям западной цивилизации (запрещенная в России группировка ИГИЛ, «Боко харам» в Африке).

Гипотеза столкновения цивилизаций вызвала волну возмущения и критики по всему миру, особенно в России и странах Юго-Восточной Азии, но пока не получила весомых опровержений[3], а главное — **гуманитарная наука не предложила альтернативы** этой геополитической концепции.

Способом реализации модели Хантингтона может быть механизм **«управляемого хаоса» Стивена Манна**[4] — ключевой фигуры в развитии этой геополитической доктрины, прежде всего в рамках национальных интересов США[5]. Суть теории хаоса состоит в утверждении, что сложные системы чрезвычайно зависимы от ряда условий и небольшие изменения в окружающей среде могут привести к непредсказуемым последствиям[6]. Основа технологии воздействия состоит в переводе системы в состояние «политической критичности», при создании определенных условий система сама ввергнет себя в состояние хаоса и «переустройства». Основная цель С. Манна — добиться «наилучших гарантий национальной безопасности США», поскольку только у Америки будет возможность сохраниться в качестве «острова порядка» в океане «управляемой критичности» или глобального хаоса[7].

Названные ученые и сотрудники государственных служб умело используют *знания* для формирования и реализации сценариев, приводящих к росту напряженности, войнам и конфликтам между народами. В этих условиях задача ответственных ученых — увидеть значение информационных матриц, оценить опасность самоисполняющихся пророчеств, «расколдовать» общество и предложить иные — позитивные — пути развития. Для решения глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество в XXI веке, мы должны уйти от навязанной нам катастрофической **модели будущего**, выработать новую терминологию, которая приведет мир не к фатальному исходу, а к позитивному развитию. Сценарный анализ путей развития и построение модели будущего должны стать одной из приоритетных задач мирового научного сообщества и зоной ответственности гуманитариев.

[1] *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996.

[2] *Латов Ю.* Хантингтон, Филлипс Сэмюэль. Биография // История и общество. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/HANTINGTON_FILLIPS_SEMYUEL.html.

[3] См., например: *Малахов В.* «Война культур», или Интеллектуалы на границах // Октябрь. 1997. № 7.

[4] С 1976 года находился на дипломатической службе. Работал в Москве и в отделе по вопросам Советского Союза при Госдепартаменте США в Вашингтоне; с 1991 по 1992 год — в офисе секретаря по обороне по вопросам России и Восточной Европы; в 1985–1986 годах был стипендиатом Института Гарримана по исследованиям Советского Союза при Колумбийском университете. По материалам сайта lawinrussia.ru.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

Секция 2
ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

24 мая 2019 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

Э. АГАЦЦИ	профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Ф. ПЕТРЕНКО	заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор
Ж. Т. ТОЩЕНКО	главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, председатель международного редакционного совета журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков[1]

НОРМЫ КУЛЬТУРЫ И ПРАВА: МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ КОНФЛИКТА

Правовой обычай — явление, мало изученное в современном отечественном обществознании. Признавая обычай одним из своих источников, российская правовая система ставит его в конец иерархии «закон — иные нормативные акты — нормативный договор — обычай». Вместе с тем в последние 10–20 лет интерес к правовым обычаям несколько вырос. Появились исследования междисциплинарного характера, объектом которых являются правовые отношения в контексте национально-культурного «ландшафта». Их обозначают как юридическую антропологию[2], или нормативную этнографию.

В самом общем виде «обычаем называется правило поведения, сложившееся вследствие фактического его применения в течение какого-либо продолжительного времени»[3]. Соответственно, правовым является обычай, признанный государством. Это подразумевает ряд условий: длительное непрерывное следование определенному образцу поведения в обществе или социальной группе; определенность обычая, то есть возможность точного установления его содержания; признание юридического значения обычая со стороны государства. Заметим, что, в отличие от прецедента, источником которого всегда является правоприменение, правовой обычай может иметь свое начало в правотворческой или иной внесудебной процедуре (деловой и торговый оборот, деятельность арбитража, традиции крестьянской общины и пр.); сообразность обычая нормам действующей морали, его разумность, то есть его добровольное признание большинством общества.

Как было сказано, правовой обычай не слишком часто применяется в системе российского права. Вместе с тем, если подойти к определению и функциональному анализу правового обычая с более широких позиций, нежели позитивно-правовое ви́дение, можно оценить его роль по-другому. Примером является социокультурный подход, в соответствии с которым обще-

[1] Главный редактор издательства «Наука и культура» (издательский дом «Панорама»), кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизации России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социогуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: „экономический век“ и „общинный социализм“» и др.

[2] См., например: *Тишков В. А.* Антропология права — начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М. : Стратегия, 2000. С. 7–14.

[3] Правоведение : учебник для вузов / под ред. С. Н. Бабурина. М. : Норма, 2003. С. 14.

ственное явление рассматривается как часть культуры конкретного общества. Это относится и к культурным институтам, в число которых мы включаем правовые обычаи.

Какие обычаи мы можем выделить в отечественной правовой культуре, используя социокультурный подход? Исходя из упомянутых признаков правового обычая, мы предлагаем считать таковыми «отложенную демократию», или «царизм». Эти понятия не являются полностью тождественными, так как, строго говоря, обозначают разные явления. Если первое подразумевает практическое бездействие некоторых демократических институтов, то второе определяется как фактический полный синоним российской монархии послепетровского периода. Тем не менее в контексте данного исследования мы склонны использовать их как тождественные, то есть выражающие равенство нескольких предметов. Анализ содержания этих двух понятий показывает, что они отвечают признакам правового обычая: *длительно и непрерывно существуют в обществе*; *содержание* «отложенной демократии»; *признание юридического значения* «отложенной демократии» со стороны государства налицо; *сообразность* «отложенной демократии» нормам действующей морали, ее разумность, то есть ее добровольное признание большинством общества.

Проблема отрыва правовой нормы от социальной действительности не нова, о ней писали многие ученые-обществоведы, включая классиков отечественной теории права (Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев и др.). На наш взгляд, источником отчуждения права от культуры (и нравственности) может быть явление *раздельного мышления*, или «двоемыслия» (Дж. Оруэлл). В мировой психологии термин «раздельное мышление» обозначает механизм психологической защиты, проявляющийся в том, что противоречия между какими-то мыслями, идеями, отношениями или формами поведения упорно не осознаются субъектом социального действия. Раздельное мышление — это защитный механизм, позволяющий человеку умещать в себе логически несовместимые установки. Двоемыслие — это «совмещение и „принудительное единство“ диаметрально противоположных мнений; забвение или „выворачивание наизнанку“ определенных глав истории, если того требует политическая целесообразность, насаждаемая властями; „черное есть белое“» (Е. Я. Бурлина).

Отдавая должное сложившейся трактовке оруэлловского произведения, мы склонны рассматривать явление двоемыслия в более широком историческом диапазоне. Здесь могут оказаться полезными помимо собственно исторических исследований художественные произведения и философские труды. Так, Ж. Г. Смирнова склонна считать причиной двойственности (амбивалентности) русского национального характера географию и климат: «...на любом этапе своего становления и исторического развития русская культура как бы двоится, представляя одновременно два отличных друг от друга лица. Европейское и азиатское, оседлое и кочевое, христианское и языческое, светское и духовное, официальное и оппозиционное, коллективное и индивидуальное — эти и подобные пары противоположностей свойственны русской культуре с древнейших времен и сохраняются фактически до настоящего времени. Двоеверие, двоемыслие, двоевластие, раскол — это лишь немногие из значимых для понимания истории русской культуры понятий, выявляемых уже на стадии древнерусской культуры»[1].

Со своей стороны Ю. А. Левада выдвинул концепцию «человека лукавого», то есть способного всю жизнь придерживаться двойных стандартов в морали. Данный психологический тип принимает черты архетипа отечественной культуры, ее вневременного, глубинного первообраза[2]. Этот тип поведения характерен для всех слоев общества, высших и низших. Его источником является постоянное перенапряжение сил при фактической ясности бесполезности этого перенапряжения. Принципиальная невыполнимость предъявляемых к человеку требований приводит к релятивизму и фактической девальвации ценностных систем — сосуществованию большой и малой правды, перспективных и сиюминутных интересов и пр. Вековая традиция лжи и лицемерия выразилась в архетипе «лукавого человека», потому что иному типу выжить в этой действительности практически невозможно. «Лукавое стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных) может быть обнаружено у людей всех времен и народов»[3]. Это подтверждает предположение, что склонность нашего общественного сознания к двоемыслию имеет довольно давние источники, не ограничивающиеся историей XX века, поэтому упомянутый тезис Е. Я. Бурлиной о сугубо советской природе явления двоемыслия видится по меньшей мере тенденциозным.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза об «отложенной демократии» («царизме») как отечественном правовом обычае получает веское социально-психологическое обоснование. Насколько он укоренен и будет ли иметь место в будущем? Очевидно, да, если государство не озаботится введением четких и разумных правил игры, начиная с самого высокого уровня — конституционно закрепленной официальной *государственной идеологии.* Тем более что возможность отдельных преобразований, в частности внесения изменений в текст действующей Конституции, признается на достаточно высоком уровне[4].

[1] *Смирнова Ж. Г.* Влияние географического положения и климатических особенностей на национальный характер русских // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4. С. 137.

[2] *Левада Ю.* Человек лукавый: двоемыслие по-российски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. Янв.-февр. № 1 (45). С. 19.

[3] Там же.

[4] См.: *Зорькин В.* Буква и дух конституции // Российская газета. Федерал. вып. 2018. 9 окт. № 7689 (226).

Б. В. Аксюмов[1]

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

В эпоху постмодерна с развитием информационных технологий возможности креативного воздействия на социальную реальность и социальных субъектов резко увеличиваются. Отрицание объективного характера существования наций, этносов, рас и вообще социальных групп — типичная черта современного социального конструктивизма, окончательно погрузившегося в мир рефлексии и принимающего за первичную и единственную реальность эпистемологические феномены. Так, Р. Брубейкер, уточняя свое понимание онтологического статуса больших социальных групп, пишет: «Понимание реальности расы не требует постулирования существования рас. …Но реальность расы, и даже ее чрезвычайная принудительная сила в некоторых обстоятельствах, не зависит от существования „рас“. Так же и реальность этничности и национальности — и решающая сила этнической и национальной идентификаций в некоторых обстоятельствах — не зависит от существования этнических групп или наций как субстанциальных групп или сущностей»[2].

Расы и нации, согласно социальному конструктивизму, не являются субстанциями, объектами в мире «вещей в себе», частью объективного мира в собственном смысле этого слова — как независимого от воли и сознания человека. Расы, нации и этносы — плоды интеллектуальной деятельности ученых, способы категоризации и фреймирования мира, его когнитивного представления. Отрицание объективного характера нации, во-первых, почти лишает смысла анализ ее объективных компонентов, таких как территория, язык, общая культура, способы хозяйственной деятельности, а во-вторых, по существу сводит нацию к самосознанию людей, которые ее представляют. Крупнейший отечественный представитель конструктивизма В. А. Тишков отмечает: «…нация — это воображаемая общность, социальный конструкт, политическая метафора, обладающая мобилизующей силой и имеющая почти всеобщее распространение. Тем самым эта категория политики и идеологического дискурса становится реальностью в силу своего воздействия на сознание и поведение людей»[3].

Итак, с точки зрения социального конструктивизма нации, расы, этносы обретают реальность и значимость только тогда, когда имеются референтные субъекты или группы субъектов, которые отождествляют себя с ними, считают себя принадлежащими к данным социальным конструкциям. Идея идентичности становится, таким образом, основополагающей, именно идентичность субъектов онтологизирует социальные общности, придает им особую «субъективную» реальность, делает их подлинными инструментами социокультурного развития.

Конструктивисты, безусловно, правы в утверждении, что нации конституируются на основе самосознания (идентичности) субъектов, которые относят себя к данной нации. Однако подчеркивание сугубо воображаемого, выдуманного, вымышленного характера современных наций может иметь пагубные последствия и для самих наций, и для национальных идентичностей. При всей своей онтологической относительности объективные признаки нации — территория, язык, культура и история, способы хозяйственной деятельности и прочие — на самом деле являются объективными (без кавычек) постольку, поскольку имеют, как правило, солидный исторический бэкграунд и поэтому напрямую не соотносятся с той формой национального самосознания (идентичности), которая существует на данный момент. Новое поколение всегда (по крайней мере, в современном мире) идентифицируется по отношению к уже существующим институтам, формам и факторам национальной жизни. Человек не выдумывает нового языка, а усваивает и пользуется уже имеющимся. Перед его интеллектуальным взором в процессе социализации проходят основные вехи мировой и национальной истории, шедевры мирового и национального искусства. Живет он чаще всего на территории, на которой жили его предки. Эта объективная реальность, включая природное обрамление социальной жизни, ограничивает возможности конструирования, задает рамки деятельности, определяет границы творческого воображения.

Очевидно, что большинство людей по своей природе являются примордиалистами в том смысле, что принимают социальную реальность как нечто данное и почти неизменное. Они не задумываются о смысле таких слов, как «государство», «нация», «идентичность». Сомнение в объективном существовании собственной нации или этноса означало бы для них сомнение в существовании самих себя. Для политиков ситуация выглядит примерно таким же образом: они не сомневаются в объективном характере существования возглавляемых ими институтов и социальных групп. Сам вопрос об онтологическом статусе государства или нации вызвал бы у них недоумение и настороженность. Даже сознательно участвуя в состав-

---

[1] Профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «A Portfolio of Identities of Young People of the South of Russia Under the Conditions of Civilizational Choice» (в соавт.), «Российская цивилизационная идентичность: теоретические контуры и практические возможности», «Портфель идентичности молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора» (в соавт.), «Формирование российской цивилизационной идентичности в контексте этнокультурного многообразия» (в соавт.), «К вопросу о концептуализации Русского мира», «Российская идентичность и политика идентичности: конструкция и деконструкция» (в соавт.), «Идеологическая война против России: анализ идей внешних и внутренних акторов» (в соавт.) и др.

[2] *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 30.

[3] *Тишков В. А.* Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Полит. энцикл., 2016. С. 9.

лении социальных проектов или технологий, превращаясь в «социального инженера», политик не сомневается в подлинности того материала, с которым имеет дело.

Постмодернистские разоблачения нации, лишение ее реального онтологического статуса, сведение национальной целостности только к совокупности составных частей, легко поддающихся деконструкции, только к волюнтаристской прихоти референтных субъектов потенциально угрожают организации социальной жизни как совокупности национальных объединений. Кроме того, эти постмодернистские научные (или псевдонаучные) усилия созвучны прогнозам многих аналитиков о том, что в эпоху глобализации суверенные нации должны постепенно уступить место более крупным политическим образованиям. Однако прошло более двух десятилетий — и ни один из этих прогнозов так и не сбылся. Более того, суверенные нации-государства только укрепляют свое положение на международной арене.

Тем не менее атаки на нацию и национальную идентичность, идущие с разных сторон, продолжаются. Некоторые из атак носят научный характер, проистекают из аналитического постмодернистского стиля мышления, по своему характеру направленного на разъединение целостных социальных и эпистемологических блоков, разукрупнение научных и философских дискурсов и нарративов. Давление на национальную форму жизни со стороны глобализации носит объективный характер, обусловленный имманентным универсалистским характером глобализационных процессов. Однако важно отметить, что бенефициариев таких невольных атак может найтись множество и они способны использовать деконструирующий потенциал постмодернистской науки и универсализм глобализации в своих целях.

Еще один важный аспект дискурса о национальной идентичности в контексте возможных деконструирующих для нее последствий связан с характером развития современной информационно-технической цивилизации. Резкое ускорение социального развития более отчетливо продемонстрировало текучесть и изменчивость многих форм и факторов социальной жизни. Наиболее «пострадавшей» в такой ситуации оказывается идентичность, нуждающаяся в постоянстве, неизменности, подлинности, требующая наличия более или менее устойчивых социальных институтов и культурных традиций, с которыми она могла бы себя соотнести и уцепиться за них как за спасительный якорь в хаосе перемен.

Иными словами, идентичности меняются вслед за трансформацией социокультурного ландшафта, они становятся «жидкими»[1]. Экстраполяция этих образных пониманий идентичности на национальную идентичность может иметь весьма негативные политические и социокультурные импликации вплоть до идентификационного нигилизма. Очевидно, что национальная идентичность функциональна только тогда, когда она является твердой и устойчивой, способной задавать общую социальную рамку большинству представителей данного народа. На основе «жидкой» идентичности нации будут слабыми, нежизнеспособными, а государства могут оказаться перед перспективой распада. Но где идентичности обрести твердую почву в мире перемен, как сделаться устойчивой в ситуации «текучей современности», выражаясь языком З. Баумана? Настоящее и будущее, лишенные определенности, вряд ли способны выступить в роли надежных источников идентичности. Единственным реальным источником формирования устойчивых современных групповых идентичностей может быть только прошлое, поскольку оно уже произошло, существует в определенном объеме, представляет собой внятный объект для понимания и изучения. Работа по укреплению идентичности в современной России идет сегодня именно по этому пути — позитивная репрезентация прошлого (исторического и культурного) с целью оптимизации актуального социокультурного развития страны, укрепления универсальных в масштабах Российской Федерации форм идентичности.

О. В. Архипова[2]

СТРАТЕГИИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ ЦИФРЫ

Глобальные изменения, связанные с формированием нового типа культуры, стали следствием цифровой революции (*англ.* Digital Revolution)[3]. Формально она связана с переходом от аналоговых к цифровым технологиям, всеобъемлющим проникновением Интернета (к слову, в апреле 2019 г. отмечается тридцатилетний юбилей *World Wide Web*). В результате появились новые способы коммуникации, сформировался новый тип культуры и экономики.

С момента рождения концепции цифровой экономики в конце XX века до выхода доклада «Цифровые дивиденды» о господстве цифровых технологий в мировом развитии прошло чуть более двадцати лет[4].

[1] См.: *Разлогов К. Э.* Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 28–40.

[2] Профессор кафедры гостиничного и ресторанного бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Идея образования в контексте постнеклассической культуры», «Культурологические и философские аспекты дихотомии „славянофилы“ — „западники“» (в соавт.), «Этюды метафизики творчества» (в соавт.), «Творческая личность в современной репрезентативной культуре», «Культурология творчества в современной репрезентативной культуре», «Цифровые тренды культуры: опыт трансформации культурных практик» и др.

[3] Часто используется и прилагательное «digital», образованное от английского слова «digit» («буква» нового языка компьютерных и коммуникационных технологий), в англоязычных словосочетаниях «цифровое общество», «цифровая революция», «цифровые технологии», «цифровая эпоха», «цифровое поколение» и т. п.

[4] Обзор и оглавление доклада о мировом развитии «Цифровые дивиденды» / Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк, 2016, NW, Washington, D. C., 20433. URL:

За это время появились различные внешние и внутренние цифровые каналы, зависящие от потребностей рынка, доступности и безопасности, целей, задач и вызовов. «Цифровое мышление» и особый «цифровой» образ жизни стали неотъемлемой частью современности. Мы ежедневно используем множество каналов цифровой коммуникации. С каждым годом они становятся технологичнее, удобнее, умнее. Смешивание онлайн- и офлайн-пространств, общение и работа в социальных сетях, поток контекстной и нативной рекламы, покупки и продажи в Сети, мобильные приложения, виртуальная и дополненная реальность, «интернет вещей» и многое другое стали частью нашей повседневности.

Оценка трансформаций, в результате которых формируется цифровая эпоха и власть от буквы переходит к цифре, неоднозначна[1]. Отмечается, что господство идеологии техноцентризма приводит к забвению книжной культуры, «атомизации» действительности, подмене гуманитарных ценностей примитивными эрзацами, что обнаруживает пропасть между человеком и миром, подлинным и неподлинным бытием[2]. Происходит стихийный процесс «развеществления» бытия. Вместо вещно-событийной реальности господствуют виртуальность, симулякры, «информация», статус подлинности переходит к сфабрикованному, искусственному[3]. Материальное бытие вытесняется виртуальным, а виртуальному миру не соответствует никакая ценностная шкала. Виртуальность избегает оценок, человекомерности. Там, в искусственном, но таком манящем мире все возможно. Этот мир дезориентирует современного человека, навязывает ему обманчивые идеалы, иллюзорные мотивы действия, необоснованные варианты поведения.

В то же время глобальные изменения, связанные с формированием цифрового типа культуры, отразились на дескриптивных практиках современности. Цифровые технологии активно узурпируют культурные функции *памяти* и *идентификации.* Информационная функция (функция памяти) реализуется в переводе многообразия информации, которой располагает человечество и которую оно продолжает создавать в цифровом поле[4]. Актуальным примером выступают огромные массивы частной «микроистории», генерируемые сегодня пользователями.

Функция знака, или кода, используется в цифровом формате для идентификации человека. В цифровой культуре вопрос идентификации и особенно самоидентификации отнюдь не праздный. Кто я? Как меня видят другие? Как себя вижу я сам? Мы получаем на этот вопрос множество ответов в соответствии с гендерными, социальными, психологическими, политическими и многими другими основаниями. А сегодняшняя культурная реальность провоцирует вариативность, нестабильность и изменяемость личностных статусов.

Само понятие «идентичность» предполагает осознание своей индивидуальности, причем осознание ее как ценности. Переживание себя — одна из высших форм переживания, когда мы начинаем осознавать целостность, неповторимость, уникальность самого себя и, с одной стороны, свое сходство с другими людьми, а с другой — свое отличие от них. Идентичность — это реализация своей принадлежности к различным частям многогранного социума. Когнитивная часть идентичности, то есть знание о себе, достаточно устойчива и постоянна, она традиционно описывается в классической психологии и хорошо известна. Вторая составляющая идентичности — переживание себя — связана с представлением о себе как авторе своей жизни. Можно сказать, что длительный путь развития человека до приобретения идентичности — это путь, в результате которого я начинаю писать свою жизнь, становлюсь ее автором. Это довольно сложный процесс, потому что до меня, до того как я приобрету авторские права, существуют другие люди, которые говорят, как мне жить, причем могут сказать это не только ребенку или подростку, но и взрослому человеку. Вот почему так сложно начать доверять себе, своим ощущениям и переживаниям, не пытаться их контролировать и делать правильными и удобными. Соответственно, сначала авторами являются родители, потом на авторство начинает претендовать школа, потом ими стремятся стать профессиональные гуру, затем — политики или еще кто-либо, то есть на авторство все время кто-то покушается. И зачастую часть жизни посвящена тому, что мы отстаиваем свою идентичность, нам важно ее отстаивать, поскольку идентичность включает переживание нашей целостности, непрерывности, нашего соответствия самому себе.

Проблема заключается в раскрытии механизмов формирования идентичности, идеях построения новых моделей идентичности в эпоху цифры. К. Э. Разлогов, размышляя об этом, подчеркивает, что именно на почве творчества и искусства прорастают зерна, необходимые для формирования возможной множественной идентичности одного индивида[5]. Модус современной культуры порождает и отражает эту ситуацию, стремясь к открытости и вариативности сценариев построения частной, персональной истории на платформе творчества.

Личный поиск этих сценариев обращается к проигрыванию различных вариантов судьбы. Такое творческое прочтение жизни связано с самой природой человека. И если в традиционной культуре «боязнь» совершить ошибку была достаточно высока, то сегодня не зазорно пробовать, экспериментировать, ошибаться, делать попытку за попыткой, доверять собственному опыту. Универсальной моделью опыта при таком подходе оказывается опыт творческий, связанный с про-

https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf (дата обращения: 29.03.2019).

[1] См.: *Катасонов В. Ю.* Мир под гипнозом цифры, или Дорога в электронный концлагерь. М. : Библиотека РЭО им. С. Ф. Шарапова, 2018. (Сер. «Анатомия современного капитализма») ; *Васильев Г. Е.* Причины упадка современной культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 5 ; *Архипова О. В.* Творческая личность в современной репрезентативной культуре // Общество в условиях современного медиапространства : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Д. Евменов. СПб. : СПбГИКиТ, 2016 ; *Кутырев В. А.* Бытие или ничто. СПб. : Алетейя, 2010.

[2] *Васильев Г. Е.* Указ. соч.

[3] *Кутырев В. А.* Указ. соч.

[4] См.: *Катасонов В. Ю.* Указ. соч.

[5] *Разлогов К. Э.* Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 32.

изводством нового и адаптацией к новому, самопроизводством человеческого «я». Сегодня творческая активность людей находит выражение во внеинституциональных категориях, развивается по субъективным линиям, включающим глубоко индивидуальные сюжеты. Развитие человека в культуре уходит от строгих догматичных схем и все больше фокусирует внимание на действиях и процессах, связанных с персональным, экзистенциальным опытом, воображением, повествованием и т. д. Иначе говоря, оно ищет все более тонко нюансированные определения человека в культуре, его культурной идентичности, понятой как проявление его творческой субъективности. Изменилась сама организация культурной жизни и активности общества. И это во многом спровоцировано распространением цифровых и информационно-коммуникативных технологий, на основе которых возникли новые социокультурные феномены и практики. Нужно отметить, что сами изменения совершаются теперь не столько структурами и институтами, сколько деятельностью людей, которые в силу жизненных обстоятельств и биографии экспериментируют с открывающимися возможностями и пользуются ими.

Участие людей в создании социокультурных феноменов, экспансия любителей в сферу культурного производства приводят к стиранию границ между потреблением и производством, игрой и работой, свободным временем и трудом, творчеством и рутиной повседневности, аудиторией и автором. Все это является свидетельством проявления особого типа активности, которая может быть названа культурной практикой, агентом и активным участником которой выступает личность как полноправный участник процесса и созидатель некого культурного явления. Цифровые и информационные технологии при этом становятся провоцирующим и поддерживающим инструментом новых форматов реализации активности человека в культуре. Актуальный опыт показывает, что в культуре медленно, но верно вызревают принципиально новые ценностные ориентации человека. Образ мира и культуры все чаще фокусируется на понимании человека как творца. И в эпоху «цифры» важно не подвергнуть забвению эту гуманистическую идею.

Н. Г. Багдасарьян[1]

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ

Когда мы произносим слово «человек», то имеем в виду обобщенный, абстрактный образ единого человечества. Сто тысяч лет назад на Земле жили шесть видов людей. Сегодня остался лишь один — мы, Homo sapiens. Хозяева этой планеты. Может быть, пока хозяева. Научно-техническая мысль уже подвела нас к необходимости оценивания перспективы трансформирования общества в «постчеловечество», а человека — в киборга — существа, в котором органические части сочетаются с неорганическими: бионическими протезами, электронными чипами и детекторами. Этот процесс уже начался, поэтому, видимо, массовое преобразование — дело уже не столь отдаленного будущего. Так, Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) уже проводит эксперименты по превращению в киборгов насекомых, имплантируя электронные чипы, детекторы и процессоры в тела мух и тараканов. Управляя издали перемещениями насекомых, оператор сможет собирать и передавать информацию[2].

Представляется, что наибольшую сложность и для научного осмысления современности, и для индивидуального самопознания представляет транзитивный характер перемен. Сегодня принято определять транзитивность как «крайне динамичный момент перехода, во время которого все еще действуют системные закономерности предшествовавшего этапа общественного развития и вместе с тем начинают формироваться закономерности новой общественной системы»[3]. Если прежде исторические границы новых общественно-культурных систем можно было хотя бы приблизительно хронологически определить, то в современном мире транзитивность становится перманентной чертой: новые социокультурные системы как бы «наплывают» на предшествующие, создавая диффузные феномены и процессы, плохо поддающиеся классификации и типологии.

Попытаемся выделить некоторые противоречия и конфликты, характерные для настоящего этапа транзитивности, методологически «пропустив» их через категорию идентичности. Мы ставим идентичность в центр исследования антропологической составляющей транзитивного общества, так как именно кризис

[1] Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна», доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 230 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч. монографий «Профессиональная культура инженера: механизмы освоения», «Энергия прорыва», «Завод Императорского училища»; статей «Инженерное образование: между миссией и стандартом», «Политика памяти: прошлое как продукт интерпретации», «НБИК-технологии как вызов образованию» (в соавт.), «„Динамическое теоретизирование“ З. Баумана: критическая оптика или поиск жизненных стратегий?» (в соавт), «Наука как призвание и профессия: опыт современного прочтения М. Вебера» (в соавт.), «Инженер в современном мире: вызовы будущего» и др.; учебников «Культурология», «Социология» (гл. ред.), «История, философия и методология науки и техники» (гл. ред.). Член редколлегий ряда журналов, главный редактор журнала «Вестник Университета „Дубна“. Серия „Науки о человеке и обществе“». Член Экспертного совета по международным делам при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

[2] *Харари Ю. Н.* Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М. : Синдбад, 2016. С. 488.

[3] *Федотова М. Г.* К вопросу о методологии исследования транзитивного общества // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. URL: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/6/fil%D0%BEs%D0%BEfiy%D0%B0/fedotova.pdf (дата обращения: 22.03.2019).

идентичности становится его ключевой характеристикой. Существуют три наиболее значимых «технологических» фактора кризиса идентичности.

1. В связи с проблемой границ применимости электронных технологий, «улучшающих» природу человека, наряду с правовыми, юридическими, экономическими, технологическими вопросами все более обостряется моральная сторона прогресса. Ведь, например, при посредстве тех же технологий создаются способы не только помощи людям с ограниченными возможностями, но и расширения возможностей людей вполне здоровых и при этом экономически и финансово состоятельных. Следовательно, новые биотехнологии не являются нейтральными по отношению к проблеме неравенства в самых разных его аспектах. Более того, скорее всего, они такое неравенство усилят, так же как усилили неравенство электронные информационные коммуникации — и на уровне межстрановом, и на уровне индивидуальном. Такое неравенство проявляется не только с точки зрения доступа к этим коммуникациям, но и в плане способности человека адекватно, критически осмысливать информационную лавину и ориентироваться в ней.

2. В качестве характеристик современного мира чаще используются такие понятия, как цифровые технологии, цифровое общество, цифровые коммуникации, цифровая личность. «Цифровая личность», обретая элементарные компетенции присутствия в цифровой среде (а процесс обретения начинается практически с рождения), ограничивает свой культурный контекст бытия рамками репрезентации культурных форм в виртуальном мире. В результате за пределами культурного контекста личности остаются пространства физического — природного мира, воспринимаемого через культурные паттерны, богатство мира эмоционального (неспособного быть полноценно описанным посредством заданных цифровой программой значков), непредсказуемость движения «живой» мысли и пр. Идентичность реальная смещается в сторону идентичности виртуальной, сетевой (а иногда и замещается ею). Новые информационно-коммуникационные, цифровые технологии, появляющиеся со скоростью, превышающей возможности человека к их адекватной адаптации, приводят к изменению образа жизни, ценностных координат, а главное, к социальной прерывистости. В последние десятилетия список социальных эпидемий, возникающих на базе информационных технологий, пополняется все новыми негативными социально-психологическими явлениями, угрожающими благополучию как отдельных групп населения, так и — в силу многочисленности последних — благополучию общества в целом[1].

3. В условиях глобализации информация благодаря Всемирной сети становится легким достоянием всего человечества. Речь идет не только о событийном ряде, но и о культурных образцах. Разумеется, диффузные процессы — закономерная составляющая всей культурной истории, являвшаяся следствием массовых перемещений народов, войн, природных катаклизмов, миграций и пр. Однако глобальная взаимосвязанность и взаимозависимость стран приводит к тому, что наиболее развитые из них в экономическом, технологическом, военном отношении, занимая ведущие позиции в мире, стремятся доминировать и в культуре, навязывая культурные образцы более зависимым народам. В результате повсеместно возникают так называемые гибридные культуры[2]. В отличие от диффузных процессов, вследствие которых инокультурные паттерны неизбежно трансформируются, переформатируются в принимающей эти паттерны культуре и зачастую по прошествии некоторого времени даже не опознаются как инородные (как, например, в русской культуре матрешки, пельмени, самовары, валенки и пр.), в культурах гибридных инокультурные образцы сохраняются в первоначальном варианте. В значительной мере это также связано с транзитивной динамикой ведущих в технологическом отношении стран: навязанные через информационные каналы стиль жизни, мода, тип кинопродукции, набор и формат компьютерных игр, сетевой фастфуд и прочее имеют универсальный характер. Вряд ли, однако, можно считать это закономерным и, более того, естественным явлением. Все эти интервенции имеют конкретных «авторов», они поддерживаются их производителями, организованными в мощные транснациональные корпорации. За этим процессом стоят политические и финансовые интересы, в том числе интересы интегрированных в мировые корпорации (и зависимых от них) управленческих структур «принимающих» культурные образцы стран. Все это осложняет процесс обретения не конфликтующей внутри личности идентичности.

В своей последней книге «Ретротопия» один из самых значительных мыслителей современности З. Бауман писал: «Нынешняя задача поднять человеческую интеграцию до уровня всего человечества, вероятно, окажется беспрецедентно трудной, обременительной и хлопотной в выполнении. Нам нужно готовиться к затяжному периоду, когда будет больше вопросов, чем ответов, больше проблем, чем решений, когда нам придется действовать в условиях четко сбалансированного равенства шансов на успех и поражение»[3]. Нам к этому нечего добавить.

[1] *Сандомирский М. Е.* Селфимания, экстремальные селфи и селфицид: на перекрестке аддиктологии и суицидологи // Психотерапия. 2015. № 10. С. 27–41.

[2] См.: *Кёхлер Г.* Культура в эпоху глобализации // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 91.

[3] *Бауман З.* Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019. С. 157.

А. В. Бондарев[1]

ПРИКЛАДНОЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОГРАММИРУЮЩИЕ, РЕГУЛЯТИВНЫЕ И МОТИВИРУЮЩИЕ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ

Предлагаемый доклад посвящен изучению программирующих, регулятивных и мотивирующих функций культуры, а также определению возможностей культурологической науки в их использовании и решении проблем национальной безопасности Российской Федерации.

Среди фундаментальных проблем культурознания выделяются биполярность культуры, противоборство созидательных и разрушительных потенциалов, заложенных в самой природе человека. Соответственно при наличии некоторых технологий можно актуализировать либо позитивно-конструктивные векторы в устремлениях и конкретных действиях человека, либо негативно-деструктивные. В связи с этим следует обратить внимание, что огромным препятствием в адекватном понимании культуры, определяющей человеческое в человеке, являются давно въевшиеся и до сих пор не изжитые эстетизированные представления, сводящие всю культуру к сфере развлечений и досуга, к искусству или системе ценностей. Такие устаревшие еще в прошлом веке представления о культуре носят дезавуирующий и обезоруживающий характер перед реалиями современных вызовов и угроз. Особенно плачевно, когда в этой западне оказывается государственная политика в отношении культуры. Между тем основоположниками культурологии В. Ф. Оствальдом, Л. Э. Уайтом и Э. С. Маркаряном была совершена подлинная научная революция в понимании культуры. До появления культурологии на культуру смотрели социоцентристски, как на что-то производное и опредмеченно-статичное, человек считался причиной, а культура — следствием. Культурология радикально изменила это представление: человек не только творец, но и творение культуры. Люди ведут себя так, а не иначе именно потому, что они рождены и воспитаны в конкретных культурных традициях, впитали ценности, нормы и идеалы родной для них культуры. Поведение народа запрограммировано его культурой, поступки каждого человека связаны с его культурными мотивациями и ценностно-смысловой системой координат. Поэтому человеческое поведение на всех уровнях социальной самоогранизации (от личностного до национально-цивилизационного) может интерпретироваться как функция культуры. Кроме того, культурология со всей очевидностью показывает, что не хлебом единым жив человек: мотивации поведения людей невозможно свести лишь к удовлетворению витальных потребностей; без вдохновенной мечты, светлого образа будущего, без возвышенных идеалов и ценностей человеческая жизнь теряет смысл.

Обострение идеологического противостояния, глобальные кризисы и радикальные изменения, охватывающие сейчас все сферы жизнедеятельности современного российского общества, особенно затрагивают сферу культуры. Это в высшей степени актуализирует необходимость научного изучения программирующего и мотивирующего потенциала культуры, а также обновления способов регуляции социокультурных отношений. Согласно Основам государственной культурной политики, утвержденным указом президента РФ 24 декабря 2014 года, в современном мире культура и социокультурная деятельность становятся ключевым фактором развития, благодаря которому государство способно обеспечить «экономическое процветание, государственный суверенитет и цивилизационную самобытность страны»[2]. Современный этап социокультурного развития России предполагает формирование *новых качеств человека* — системно-целостного и проективного мышления, способности к смыслополаганию, логике познания и самопознания, профессионализма и ответственности.

Происходящее сейчас на наших глазах гораздо масштабнее и важнее, чем предыдущие научные, технологические, социальные революции. Сегодня происходит *гуманитарно-технологическая революция* (термин В. В. Иванова). Она меняет не только мир, но и самого человека. Именно *человек* становится не только субъектом, но и главным объектом приложения усилий общества. Качество его жизни, возможности для самоорганизации, воплощение его мечты — важнейшие аргументы в конкуренции стран, регионов, цивилизаций. Символом индустриальной эпохи были стандартизация и взаимозаменяемость, массовое производство, образование, культура, армии. В постиндустриальную эпоху важнейшими ресурсами становятся разнообразие, уникальные способности, возможность общества выявлять таланты, давать им отличное образование и помогать найти то место в обществе, где они в полной мере могли бы реализоваться.

Будущее уже наступило. Человечество вступает в новую эру. Достижения научно-технического прогресса (в том числе технологии CRISPR — редактирования генов, позволяющие вырезать нежелательные фрагменты ДНК с хирургической точностью) предоставляют возможность избавить людей от болезней, сделать их жизнь более благополучной и, по-видимому, существенно увеличить ее продолжительность. В то же

[1] Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник Музея-квартиры Л. Н. Гумилева, кандидат культурологии. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Консолидирующие основы современной России: конструктивный потенциал культурной политики в свете евразийского дискурса», «Актуализация евразийской идеи Л. Н. Гумилева и ее значение для диалога культур и цивилизаций», «Науки о культуре и культурологическое образование: время стратегических решений» и др. Действительный член и ученый секретарь Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества.

[2] Об утверждении Основ государственной культурной политики : указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 г. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/39208.

время это инструмент для апгрейда человека, придания ему сверхчеловеческих возможностей, а также для создания страшных видов оружия… Но это может оказаться забавными цифровыми или биолого-генетическими игрушками по сравнению с культурогенетическим оружием массового поражения, способным имплантировать «культурные вирусы» и перепрограммировать в заданном направлении само поведение человека, трансформировать его мировоззренческие ориентиры, изменять ценностно-смысловую систему координат целых обществ. Противника уже не потребуется уничтожать — в современном мире это становится слишком дорого, вредно для имиджа и в целом малоэффективно. Чтобы нейтрализовать противника, достаточно изменить его собственные представления и жизненные установки, поменять их на прямо противоположные. И мы видим, что наши коллеги, представители cultural studies, уже испытывают технологии манипуляции массовым сознанием, смены ценностных, религиозных и идеологических ориентиров, внедрения «культурных вирусов» и т. д. Полем боя, как и предвидел Ф. М. Достоевский, становятся умы и сердца людей, орудиями — не автоматы, танки, ракеты и бомбы, как в прежние времена, а точно сконструированные по своим социальным и политическим последствиям идеологемы. В этом контексте проблемы национальной безопасности нашей страны приобретают совершенно особую остроту.

Л. Б. Брусиловская[1]

«ОТТЕПЕЛЬ» КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

У «оттепели» как культурной эпохи, во многом предвосхитившей перестройку и постсоветский период истории России, были движущие механизмы, исподволь осуществлявшие перелом от сталинской «зимы» к хрущевской холодной «весне» и имевшие кросс-культурный характер. Источники начавшихся в ней глубоких и необратимых изменений определялись всемирно-историческими факторами — окончанием Второй мировой войны и ее социокультурными последствиями. Начавшийся по объективным причинам — прежде всего военного характера — еще в разгар войны культурный диалог между Советским Союзом и Западом (в лице стран антигитлеровской коалиции) не закончился даже в связи с объявлением холодной войны, но возобновился со всей интенсивностью после смерти вождя народов. Советская культура, ставшая более открытой, поневоле наполнилась атрибутами европейской и американской культур, западного образа жизни, что стало одной из главных внешних причин «оттепели», обозначив начало диалога советской культуры, до того развивавшейся изолированно, по законам «осажденной крепости», с мировой культурой как целым.

Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве (1957) ознаменовал собой первый шаг Советского Союза к открытости, первый опыт сопричастности общечеловеческим проблемам, предпочтения культуры повседневности — идеологии, мирной риторики — военным демаршам, этнокультурного плюрализма — классовому подходу. Были сформулированы новая доктрина мирного сосуществования государств с различным социальным строем и концепция социально-экономического и культурного соревнования. Наряду с Западом, понимаемым обобщенно, без разделения на Европу и Америку, Советский Союз возлагал огромные надежды на развивающийся Восток (включая страны социализма — Китай, Корею, Вьетнам; демократическую Индию и др.), в котором видел непосредственную поддержку своим глобальным инициативам и истоки всемирного единства народов планеты.

В совокупности все это означало новую версию *«всемирной отзывчивости»* отечественной культуры (после увлечения в 1920-е гг. проектом мировой революции), включение Советского Союза во всемирно-исторический процесс цивилизационного, научно-технического и культурного развития в глобальном масштабе, приобщение к решению глобальных проблем середины XX века. К этому времени относится и формирование *биполярного мира* — с альтернативными центрами в Москве и Вашингтоне. Таким образом, СССР вступил в эру *глобализации* (с учетом советской цивилизационной и культурной специфики) и стал сам — в лице своей культуры 1950–1960-х годов — фактором глобального развития всего человечества. Не случайно именно в это время великий русско-американский социолог и культуролог П. А. Сорокин сформулировал как главную проблему нашего времени *конвергенцию* западной и советской цивилизаций, что в скором времени полностью подтвердилось.

Когда советские воины оказались в Европе — хотя и обескровленной оккупацией и бомбежками, но сохранившей свой неповторимый культурный и цивилизационный облик — это было для них в прямом и переносном смысле открытием Америки. Европейский благоустроенный (даже во время войны!) образ жизни и быт, атмосфера благополучия и комфорта особенно остро ощущались на фоне тягот армейской полевой жизни и тыла. Аморфные и в то же время схематичные представления о Западе, сформированные советской пропагандой, вытеснялись совершенно конкрет-

[1] Старший научный сотрудник лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва), кандидат культурологии. Автор около 130 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Культура повседневности в эпоху „оттепели“: метаморфозы стиля», «В. Розанов в контексте культуры», «Современные трансформации российской культуры», «Традиционное и нетрадиционное в культуре России», «Эстетико-культурологические смыслы праздника», «Искусство в начале XXI века. Проблемы и тенденции», «Русская утопия в контексте мировой культуры» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества, Международного Мандельштамовского общества.

ными, эмпирически ощутимыми образами высококачественных предметов массового потребления. Именно потребительские ценности стали одной из главных причин прозападных умонастроений поколения «младших детей войны», во многом спровоцированных гуманитарной помощью стран антигитлеровской коалиции, и прежде всего США, во время войны. Даже развернувшаяся с началом холодной войны антиамериканская кампания не смогла вытеснить из народного сознания позитивного интереса к Европе и Америке, к предметам их повседневного обихода и западной культуре в целом. Америка негласно оставалась неким маяком для эпохи «оттепели». «Догнать и перегнать Америку» — этот лозунг можно было встретить где угодно: это касалось и гонки ядерных вооружений, и мирного освоения космоса, и производства товаров народного потребления. Множество хрущевских реформ имело американское происхождение: односемейные квартиры, предприятия общественного питания с системой самообслуживания, «кукурузная эпопея», соревнования по удою молока... Сам исторический визит Н. Хрущева в США имел далекоидущие последствия и демонстрировал начало глобальных перемен в послевоенном мире.

В 1950–1960-х годах из восприятия жизни и искусства медленно, но верно уходят черно-белые тона, однозначные оценки, нормативные интерпретации событий и характеров, поступков и переживаний. Стремительно укореняется и развивается в массовом советском сознании поначалу малозаметная *деидеологизация культуры.* Это проявляется и в выборе «киногероев нашего времени», и в драматизации киносюжетов, и в нравственно-философском осмыслении действительности. Основное идейно-эстетическое кредо западного кинематографа — неповторимость каждой личности, ее беззащитность в современном обществе потребления и в технократическом мире, уязвимость перед обстоятельствами, превышающими ее возможности, экзистенциальная проблематика — находит понимание и творческий отклик в СССР.

Литература «оттепели» (В. Аксенов, Г. Владимов, Е. Евтушенко, А. Вознесенский и др.) сохранила дух восторженного преклонения перед звездами западного кино — Б. Бардо, Дж. Лоллобриджидой, М. Монро, А. Делоном. Первая половина 1960-х годов в СССР ознаменовалась подражанием внешнему облику, а также коллекционированием фотокарточек любимых киноактеров, в том числе зарубежных кумиров. Западное кино становилось неотъемлемой частью советской культуры. Огромное значение для модификации массового советского сознания в эпоху «оттепели» имел перевод книг Э. Хемингуэя и Э. М. Ремарка о потерянном послевоенном поколении. Вся молодежная проза второй половины 1950-х годов — В. Аксенов, А. Гладилин, А. Кузнецов и другие — испытала на себе глубокое влияние хемингуэевского и ремарковского творчества. В лице Хемингуэя представал не столько американский писатель XX века, сколько эталон свободного и обаятельного в своей свободе западного человека, на которого хотелось бы походить внешне и внутренне. От Ремарка ведут происхождение психологизм и саморефлексия героев, драматизм их взаимоотношений, стойкость в противостоянии судьбе — общечеловеческие черты, узнаваемые и в советском послевоенном поколении.

Только в последние постсоветские десятилетия появилась возможность реально сравнить две социокультурные системы, сделать обобщающие выводы об их единстве и значении для мировой истории, оценить *массовую культуру общества потребления* и сам процесс конвергенции как феномены современной *глобализации*. Однако без начавшегося в эпоху «оттепели» диалога советской культуры с западной, без бума западных материальных и духовных ценностей это было бы невозможно. С «оттепели» началось преодоление советского тоталитаризма и сталинизма, формирование открытости и гласности, плюрализма и толерантности — глобальных перемен в советской культуре и международных коммуникациях, имевших в XX веке всемирное значение.

И. М. Быховская[1]

«ВСТРЕЧА КУЛЬТУР» КАК КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗОНЫ АНАЛИЗА

Современные реалии, обусловливающие особенности становления и бытия человека, — это совокупность находящихся в трансформационном состоянии социокультурных контекстов разного рода, включая контексты технологических, информационных, организационных, аксиологических, культурно-смысловых и многих других преобразований. Влияние изменений, радикально и тотально меняющих параметры сегодняшнего мира, на особенности бытования в нем современного человека, — один из исследовательских «фокусов» для всего блока социально-гуманитарного знания. Много-

[1] Профессор Института естествознания и спортивных технологий Московского городского педагогического университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций (на русском, английском, немецком, японском языках), в т. ч.: «Прикладная культурология. Энциклопедия» (сост. и науч. ред.), «Музыка в социокультурном измерении: векторы и парадигмы анализа», «Социальное сквозь призму „культурного“: в поисках адекватной оптики», «Культурологические смыслы практик и практические смыслы культурологии», «Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований» (науч. ред.) и др. Член редколлегии нескольких международных журналов по социокультурным проблемам молодежи, спорта, досуга. Награждена медалью «За доблестный труд».

гранность проявлений данных процессов, постоянное приращение проблемных ареалов, требующих изучения (в том числе с точки зрения решения практических вопросов), обусловливают множественность векторов исследовательского движения. Среди них, однако, в зависимости от разных факторов периодически прорисовываются, формируются некоторые доминанты — тематические проблемные зоны, которые привлекают повышенное внимание теоретиков и практиков. Одной из таких предметных областей, заинтересованность в обсуждении которой связана с актуальными социокультурными процессами как в современном обществе в целом, так и в пространстве российского социума, является проблема «встречи культур».

Процесс соприкосновения, взаимодействия разных культурных систем, обусловленный множеством экономических, политических, экологических, аксиологических сдвигов в сегодняшнем мире, все более интенсифицируется, диверсифицируется, что придает ему форму сложной матрицы, многоярусной и многостолбцовой таблицы социокультурного характера. Такого рода матрица складывается (и постоянно преобразуется) в современном мире бытия личности независимо от того, хочет она этого или нет, стали эти процессы предметом рефлексии или игнорируются (что, как правило, возможно лишь декларативно или иллюзорно). Относимся мы к феномену встречи культур с огорчением/раздражением/скепсисом или, напротив, с радостью «распахивая двери» и «прорубая окна», факт остается фактом: сегодняшнее пространство становления личности и ее существования — это та самая «глобальная деревня», насквозь продуваемая множеством «культурных ветров», различных по характеру, направленности, силе проникновения...

Обозначенная проблема, давно и устойчиво существующая в научном пространстве, в современном мире приобрела остросоциальное звучание: и век XX, и унаследовавший многое из него XXI круто «замесили» вопросы, связанные со встречей и взаимодействием культур. Среди них особое место заняла проблема «своего» и «чужого» — одна из сквозных тем (и для социальной практики, и для гуманитарного познания), которые не теряют своей остроты и масштабности независимо от того, какое нынче тысячелетье на дворе. Хорошо известная, описанная во многих исследованиях потребность человека (группы, большой общности людей) осознать и отличить себя в безбрежном мире, явно артикулированная или лишь смутно свербящая, неизбежно рождает стремление маркировать все то, что относится к «своему/своим», и то, что таковым не является.

Известно, что любая встреча культур — это процесс, всякий раз приобретающий неодинаковые векторы протекания, как и возникающие из этого результирующие. Континуум описанных в теоретической литературе, а также известных нам из реальной социальной практики вариантов такого рода встреч простирается от позитивно окрашенной интеграции до жесткого, обостренно конфликтного противостояния, переходящего в борьбу «культурных миров». Такого рода процессы делают социокультурное пространство инкультурации личности, ее формирования пространством по сути лиминальным, подвижным, в котором поиск и нахождение своей идентичности, своего аксиологического «навигатора» не могут протекать однозначно линейно, заранее и навсегда предустановлено.

Представляется важным, особенно в обозначенном выше аспекте, уточнить понимание встречи культур, которое, как правило, сводится к взаимодействию разных *этнокультур*, что на деле составляет лишь один, хотя и значимый сегмент этого универсального процесса. Сфера тех реальных социокультурных практик, в которых вопрос о разделении/неразделении на «своего–чужого» имеет непериферийный статус, не тождественна области этнической. Подобно возможному систематизирующему анализу концептуальных подходов к рассматриваемой проблеме, вероятно, в определенных аспектах небезынтересен и анализ применительно к основным сферам социокультурных практик, в каждой из которых соотношение/сопряжение «своего» и «чужого» имеет свои особенности и артикуляцию.

Такого рода общая типология может быть построена, к примеру, исходя из особенностей проявления данной бинарности в структуре различных типов деятельности, демаркированных по характеру целевых ориентиров, лежащих в основе каждого из блоков, например: *организационно-управленческих*, *жизнеобеспечивающих* (хозяйственно-предпринимательская, экологическая, здравоохранительная и иные социокультурные практики), *коммуникативных* (включая все поле информационных практик, межкультурных взаимодействий и пр.); *социализирующих* и инкультурационных практик (как на обыденном, так и на специализированном уровнях реализации), *креативных* (включая все виды творчества — художественного, научного, инновативности в обществе и пр.), *досугово-рекреативных* видов деятельности. Осознавая несомненную условность такого рода деления (как и всякой систематизации), отметим все же, что сама возможность выделить — применительно к каждому из указанных видов деятельности специфику субъектов взаимодействия и групп их интересов — особенности предмета взаимодействия, характер восприятия и оценки «другого» в структуре каждого из вида практик и ряд других типологических особенностей, позволяет, как нам представляется, в последующем выстроить более систематически организованное представление о формах и «жанрах» объективизации в социокультурном пространстве.

Сложная культурная/субкультурная палитра пространства становления личности делает не менее значимым (для более адекватного, глубокого понимания процессов социализации и инкультурации) и характер встречи, например, возрастных и гендерных культур; социально-территориальных (мегаполис–город–село) и профессиональных культур; конфессиональных и экологических культур; художественно-креативных и технократических культур и т. д. Возможно, столь расширительное толкование вопроса о встрече культур и их носителей на первый взгляд может показаться избыточным для исследовательских процедур. Однако реалии современного мира, когда, скажем, молодые

поколения разных этнокультур бытийствуют в одном сетевом пространстве, используют аналогичные, связанные с виртуальным миром системы кодирования/декодирования и так далее, могут обусловливать смещение в периферийное пространство вопроса о противоречиях в этнокультурных взаимодействиях при акцентировке вопроса о встрече/сложностях/противостоянии в коммуникативных ситуациях, связанных с особенностями поколенческих культур.

Многообразие методологий и аналитических версий изучения вопросов встречи культур, как и разнообразие смысловых интерпретаций, которыми обрастает социальный факт (событие, процесс и пр.), так или иначе связанный с разделенностью пространства бытия человека на «свое» и «чужое», дают основание говорить (как ни банально это звучит) о многомерности самой проблемы, существовании своего рода «горизонталей» и «вертикалей» при ее рассмотрении. Очевидно, что формирование и позиционирование проблемных полей, так или иначе связанных с вопросом о «своем» и «чужом» в культуре, происходят как в рамках развертывания собственно *логики* гуманитарного знания, так и под влиянием того, что можно обозначить как фактор *социальной востребованности* данного знания. В последнем случае именно реальные процессы встречи, соприкосновения или столкновения «своего» и «чужого», ситуации их взаимопроникновения или кризисного противостояния стимулируют практику научного осмысления этих процессов, конституирование соответствующих блоков знания.

Построение матрицы проблемных полей, складывающихся под влиянием обеих групп факторов, может осуществляться по различным основаниям и критериям, в том числе в зависимости от характера задач, теоретических ориентаций и социальных интенций и т. п. Если же выделить самые общие из такого рода оснований, которые могут стать отправной точкой для группировки сложившихся в науке подходов в изучении проблемы «своего» и «чужого» в культуре, то мы должны будем как минимум маркировать эти подходы: а) в зависимости от их места в сложившейся *научно-дисциплинарной* структуре; б) в соответствии с особенностями *методологической парадигмы*, лежащей в основании той или иной конкретной версии самой постановки, развертывания и решения вопроса о соотношении «своего» и «чужого».

Таким образом, исходя как минимум хотя бы из двух этих позиций, очевидны факторы той полифоничности, которая отличает матрицу социально-гуманитарных версий, сложившихся в теоретическом осмыслении вопроса о бытовании «своего» и «чужого» в мире сегодняшнем и вчерашнем. Как уже отмечалось выше, эта ситуация — не только производная от многообразия векторов развития самого социально-гуманитарного знания, но и своего рода проекция в теоретическое пространство той разножанровости (и по форме, и по сути), которая отличает бытование этой проблемы в реальном социокультурном пространстве, ее объективизацию в структуре многообразных социокультурных практик. Признание культуры не сегментарным, локализованным явлением, а прежде всего системой норм, ценностей, образцов, которые регулируют, определяют направленность любой формы человеческой деятельности, лежат в основе ее о-смысления и оценки, которые символически явлены в результатах любой из социальных практик человека (а не только «возвышенного» творчества, хотя и его тоже), — такой подход определяет и достаточно широкий контекст рассмотрения вопроса «свое–чужое в культуре», а стало быть, и многовекторность анализа проблемы становления и существования личности в условиях встречи культур в современном мире.

В. В. Василенко[1]

«ПОБЕДИТЬ ЗВЕРЯ...» НА ПУТИ К ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВУ И КУЛЬТУРЕ (К 130-летию со дня рождения П. А. Сорокина)

В 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН были провозглашены новые цели мирового устойчивого развития. ЮНЕСКО определяет их как «программу действий народов, сформулированную народами в интересах народов». Возможность достижения поставленных целей мыслится через «формирование отношения и поведения, способствующего социальной интеграции… укрепление связей между знаниями, политикой и практикой, опираясь на опыт в области социальных наук». В связи с этим ЮНЕСКО рекомендует всем государствам полагаться на существующие междисциплинарные инициативы и учитывать универсальную ценность глобальной солидарности.

Идеи социальной и культурной интеграции на основе ценностей, созидательного альтруизма как основы консолидации общества и средства преодоления войн были обозначены еще в прошлом веке П. А. Сорокиным (1889–1968). Причем руководствовался П. А. Сорокин не только научным интересом к познанию историко-культурного процесса, но и пониманием необходимости прогнозирования будущего развития общества

[1] Заведующая кафедрой исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института, доктор исторических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «П. А. Сорокин. Опыт интеллектуальной биографии», «Методологические поиски российской дореволюционной социогуманитарной мысли и современная культурология», «Культурологическая экспертиза и ее значимость в современной социокультурной практике», «М. М. Ковалевский и его выдающийся ученик П. А. Сорокин о духовном построении общества» и др. Член Президиума Научно-образовательного культурологического общества (НОКО), председатель Ставропольского филиала НОКО. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

и культуры, социального управления ими. В первую очередь он был озадачен сугубо практическими вопросами. Почему происходят флуктуации социокультурных систем и возникают затяжные кризисы? Каким закономерностям они подчиняются? Каковы пути выхода из кризисов? Можно ли их предотвратить?

Размышляя над этими и рядом других вопросов, П. А. Сорокин высказал предположение, что в XXI веке лидирующее положение займут гуманитарные науки, которые помогут найти адекватный путь выхода из разрастающегося кризиса, способ снятия напряжения в мире. Руководствуясь этими соображениями, П. А. Сорокин осознанно стремился объединить координаты социального и культурного познания в единую модель-методологию.

С самого начала П. А. Сорокин называл свою систему социологии «homo-социологией». Социологию он понимал и как науку о «духе, о ценностях, о культуре». Основу общества видел во взаимодействии людей, смысл которому придают ценности. Особенностью интегральной концепции стало глубокое обоснование культурной (ценностной) составляющей социума, основанной на трех типах ментальности (стилей культуры, систем ценностей). С точки зрения П. А. Сорокина, любой акт человеческой деятельности наделен социокультурным смыслом. Каждой социокультурной системе соответствует ментальная характеристика (природа целей и потребностей человека, требующих удовлетворения). Различаются потребности телесные, чувственные (голод, жажда, безопасность) и духовные (спасение души, исполнение священного долга, преданность Богу, моральные императивы, жажда славы, власти, денег, популярности, познания). В ментальной структуре также определяются степень и формы удовлетворения потребностей (от минимума к максимуму, от скудности к роскоши, от примитивных до экстравагантных, от добродетельных до порочных). На этой основе предпочтений строятся системы ценностей, типичных для разных обществ и культур (социокультурных систем). В каждой социокультурной системе их конфигурация уникальна, что и определяет специфику общества, суть и смыслы социального взаимодействия людей. Способы удовлетворения потребностей в разных типах культур также различаются. Это могут быть поиск средств и среды их реализации, обращение к самому себе, стремление найти внутренние резервы за счет собственной энергии, поиск новых источников преодоления жизненных проблем и др. На данной теоретической основе выстраивается многомерная интегральная теория личности (космо-, био-, психо-, социо-, культурного духовного, экзистенциального существа надорганической целостности).

Обладая богатым жизненным опытом, наполненным драматизмом двух российских революций, двух мировых войн и холодной войны СССР и США, опасаясь новых масштабных бедствий, на определенном этапе П. А. Сорокин довольно глубоко погрузился в антропологическую проблематику. Он выявил масштабный глобальный кризис в мире, определив его как «самый кровавый кризис самого кровавого столетия»[1]. Поиск путей выхода из кризиса привел мыслителя к «новой интегральной теории человеческой личности», в рамках которой личность постигается как «чудесное интегральное существо… рационально мыслящее, деятельное: к тому же он подтверждает свое сверхчувственное и сверхрациональное бытие как активный и важный участник высших творческих сил космоса»[2].

Целостная сверхсознательная интегральная личность, способная стать проводником нового типа общества и культуры, помочь человечеству избежать самоуничтожения, должна обладать следующими характеристиками: высшее «я» с моральными и эстетическими ценностями осуществляет контроль над низшим «эго» и животными побуждениями; «внутренний мир человека и его внешнее поведение составляют единое целое, свободное от крупных конфликтов и противоречивых мотиваций и действий, свободное от множества напряжений и стрессов»; «такой человек наслаждается миром в душе»; «он придерживается четкой линии поведения, которая определяется его системой ценностей и его моральными нормами „ты должен“ и „ты не должен“»; «он огражден от большинства внутренних и внешних разобщающихся воздействий»; «с честью выдерживает тяжелые и мучительные жизненные нагрузки»; «без колебания отвергает искушение совершать действия, противоречащие его правилам, и в то же время радостно принимает призывы к действиям, соответствующие его „святая святых“, и в значительной мере следует им»; «сознательное и надсознательное в целостном человеке имеет большую степень автономии от рефлексов, инстинктов и биологических побуждений человека»[3].

На XVIII Международном социологическом конгрессе (Нюрнберг, 1958) П.А. Сорокин представил пленарный доклад «Таинственная энергия любви», в котором открытие энергии альтруистической любви сравнивал с открытием атома и использованием атомной энергии. Любовь он трактует как унифицирующую, интегрирующую и гармонизирующую космическую силу, «которая противодействует дезинтегрирующим силам хаоса… объединяет то, что разделяется враждой, строит то, что разрушается раздором, создает и поддерживает великий порядок во всем универсуме»[4]. Счастливое, свободное, мирное, гармоничное, творческое, достойное человеческое общество, с точки зрения социолога, — это общество индивидов, связанных взаимоотношениями любви. П. А. Сорокин полагал, что в будущем созидательная, неэгоистическая любовь будет играть все более возрастающую роль и, возможно, поможет избежать самоубийственных войн, революций и других социальных бедствий и катаклизмов. Он утверждал: «Напишите какие угодно конституции, пересадите какие угодно учреждения, но раз люди безнравственны, раз в них и их поступках нет нравственной идеи любви, то никакого улучшения быть не может»[5].

[1] *Сорокин П. А.* Кризис нашего времени // Встречи с Питиримом Сорокиным. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 66.

[2] *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. С. 51.

[3] *Сорокин П. А.* Л. Н. Толстой как философ // О русской общественной мысли. СПб. : Алетейя, 2000.

[4] *Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997. С. 250.

[5] *Сорокин П. А.* Заветы Достоевского // О русской общественной мысли. СПб. : Алетейя, 2000. С. 147.

В контексте проблем современного мира, в условиях нарастания глобальной конфликтности теория альтруистической трансформации личности и общества особую актуальности обретает мысль философа о том, что единственный и действенный путь развития человеческой цивилизации — распространение идей созидательного альтруизма и неэгоистической любви. Возможность того, что любовь и солидарность как реальная потребность, основа социальных отношений, абсолютная и укорененная ценность, смысл осознанного взаимодействия людей будет разделяться и поддерживаться большей частью общества и современными культурными и социальными институтами, столь же вероятна, как и то, с чем мы сталкиваемся сегодня намного чаще, а именно с насаждением ненависти, агрессии, звериных свойств человека и его эгоистических предпочтений.

М. Н. Ветчинова[1]

Д. С. ЛИХАЧЕВ О КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ КАК УСЛОВИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И КРИТЕРИИ БОГАТСТВА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современная цивилизация характеризуется усиливающейся нестабильностью в мировой экономике, политических и международных отношениях, межкультурных связях, нарастанием религиозных, военных конфликтов, экологических проблем. Сегодня очевидно, что глубокие перемены ставят человечество в ситуацию неопределенности, нарушая систему ценностных ориентиров, жизненных смыслов и веру в будущее. Все, что создано, накоплено, охраняется человечеством, в эпоху глобальных изменений становится уязвимым. С одной стороны, трансформируется культура, разрушаются разнородные локальные культуры, происходит становление новых черт глобальной культуры. С другой стороны, человек не всегда успевает за столь быстрыми переменами, подвергая сомнению новое в угоду традиционному.

Кладезь мудрых и актуальных идей в решении множества сложных вопросов, поставленных современностью, — научное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева, который скрупулезно изучал, безгранично любил и глубоко чувствовал культуру, верил в разумное начало человека, настоятельно советовал быть неравнодушными к отдельной личности. Для него культура является критерием жизни человека, развития в нем созидательных начал, главным смыслом и глобальной ценностью существования как народов, малых этносов, так и государств. Поэтому в его размышлениях о культуре, ее влиянии на человека и роли человека в развитии и сохранении культуры имеются столь важные для сегодняшнего осмысления идеи, которые не утрачивают своей значимости.

Личный жизненный опыт позволил Д. С. Лихачеву расставить правильные акценты при определении роли культуры в развитии человека и человечества. Он понимал, что настоящее и будущее цивилизации зависят от уровня культуры каждого человека и в целом современного общества. Как человек, посвятивший всю свою жизнь культуре, Лихачев осознавал ее важную роль в становлении нравственности и духовности, расширении и обогащении «пространства совести». Он обращался к таким качествам личности, как честь и достоинство, что для него было мерилом нравственно живущего человека[2].

Для формирования культуры личности Дмитрий Сергеевич призывал изучать родную культуру и обязательно культуру других наций, потому что она совершенствует, возвышает человека, обогащает культуру отдельного народа. Для него образованность и интеллектуальное развитие — это как раз суть, естественные состояния человека. Осознавая диалоговую сущность культуры, он подчеркивал, что мало быть знакомым с основными явлениями и ценностями лишь своей национальной культуры, обращал внимание на факт «соединения культур человечества всего земного шара в единое органическое целое», напоминал, что культура не имеет границ и обогащается от общения с другими культурами[3]. Знание других культур способствует пониманию людей с иным мировоззрением, иной точкой зрения, умению воспринимать и принимать чужие идеи. Общение с другими людьми, усвоение других понятий и чувств, другого строя мыслей — это как духовное питание, без которого не может ни существовать, ни развиваться человеческая личность.

Первостепенной задачей академик считал воспитание у граждан любви и уважения к культурному наследию своего народа, культуре других народов мира. Ее успешную реализацию Дмитрий Сергеевич связывал с наличием в обществе культурной среды как необходимого условия формирования личности, которая вбирает в себя не только современность, но и прошлое. Он говорил о необходимости творческого следования традиции, что предполагает «поиск живого в старом, его продолжение, а не механическое подражание отмершему»[4]. Даже историю народов он рассматривал

[1] Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебно-методических пособий: «Основные теории и концепции соизучения языка и культуры», «Подготовка к межкультурной коммуникации в ракурсе культурологического подхода к обучению иностранному языку», «Формирование культурологической идеи преподавания иностранного языка (конец XIX — начало XX в.)», «Изучение иностранных языков в эпоху глобализации и диалога культур», «Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования», «Социокультурная ценность гуманитарного образования» и др. Член Научного совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки.

[2] *Лихачев Д. С.* Тревоги совести // Лихачев Д. С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006. С. 289.

[3] *Лихачев Д. С.* О воспитании патриотизма, о преемственности в освоении культуры // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л., 1985. С. 73.

[4] *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. С. 52.

не как историю территорий, а как историю культуры, абсолютно веря в то, что ценности культуры не стареют[1]. Академик искренне верил, что творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, ненавязчиво и ненастойчиво входят в человека, становясь мерилом прекрасного: «память активна… противостоит уничтожающей силе времени и накапливает то, что называется культурой»[2]. Память для Лихачева — основа совести и нравственности. Совесть же он определял «ангелом-хранителем» человеческой чести.

С тревогой Д. С. Лихачев констатировал факт крайней ограниченности в мире «запаса» памятников культуры и культурной среды, которые к тому же истощаются с прогрессирующей скоростью. Беспокоило его и то, что техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению ее жизни. Связующим звеном во времени Д. С. Лихачев считал человека, нравственно ответственного перед будущим, «чьи духовные запросы будут все множиться и возрастать»[3]. Именно от человека зависит, каким будет будущее не только конкретной личности, но и нации, судьба которой принципиально не отличается от судьбы человека. С сожалением он говорил, что порой человек не ценит то, что создал сам. «В мире культуры мы чаще отвергаем, чем признаем, отказываемся знать, вместо того чтобы изучать и признавать»[4].

Одним из наиважнейших качеств личности, которой не безразлична родная страна и культура, Д. С. Лихачев считал патриотизм. «Любовь к Родине дает смысл жизни, превращает жизнь из прозябания в осмысленное существование»[5], поэтому он рекомендовал сделать все возможное, чтобы воспитать чувство патриотизма у человека. «Истинный патриотизм — это первая ступень к действенному интернационализму»[6], и это качество приобретает особое значение в условиях международной нестабильности. Он подчеркивал, что платонической любви к родной стране недостаточно, любовь должна быть действенной, которая необходима для «нравственной оседлости». Для Лихачева одним из важных проявлений патриотизма являлось сохранение памятников культуры, в его понимании — «экология культуры»[7]. Он считал, что если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к самой стране. Поэтому в воспитании любви к родному краю, родной культуре, родному селу или городу, родной речи он видел задачу первостепенной важности, поскольку, расширяясь, любовь ко всему родному переходит в любовь к своей стране — ее истории, прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре.

Высшим критерием развития государства и общества Д. С. Лихачев считал духовно насыщенную культурную среду — основное пространство жизнедеятельности человека. Он глубоко верил, что благодаря созданию и сохранению такой среды возможно сосуществование людей в согласии друг с другом и другими народами на благо родной страны и человечества. Именно культурная среда, по его мнению, обеспечивает доступ человеку к знаниям, культурным достижениям, воспитывает чувство патриотизма, передает от поколения к поколению традиционные для российского общества ценности, нормы, традиции и обычаи, способствует сохранению исторического и культурного наследия, взаимодействию с другими народами и культурами.

Отраженные в богатейшем творческом наследии Дмитрия Сергеевича идеи не теряют своей актуальности и сегодня. Их востребованность основными институтами культуры поможет человеку в эпоху глобальных перемен найти «истинную дорогу в запутанных обстоятельствах жизни…».

[1] *Лихачев Д. С.* Ценности культуры // Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 197.

[2] *Лихачев Д. С.* Искусство памяти и память искусства // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. С. 65.

[3] *Лихачев Д. С.* Экология культуры. С. 50–51.

[4] *Лихачев Д. С.* Ценности культуры. С. 200.

[5] *Лихачев Д. С.* О воспитании патриотизма... С. 75.

[6] *Лихачев Д. С.* Экология культуры. С. 49.

[7] Там же. С. 50–51.

Ю. К. Волков[8]

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИНВЕРСИИ ТРАДИЦИЙ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Понятие культурного стиля. Понятие «стиль» в современной лексике используется в разных семантических значениях. Одним из них является значение внутренней и внешней формы культуры, конституирующей ее конкретно-историческое содержание на основе общего нормативного образца. Такое понимание стиля применительно к дифференцируемой динамике исторического транзита может быть конкретизировано при помощи термина «стиль эпохи».

Стиль эпохи, культурная традиция и культурный канон. Термин «стиль эпохи», введенный в научный оборот в литературоведении начала XX века, постепенно вышел за рамки своей дисциплинарной спецификации и начал использоваться для указания на связь

[8] Профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Эпистемология сегодня: Идеи, проблемы, дискуссии» (в соавт.), «Природа социального зла: историко-типологический уровень социально-философского исследования»; статей: «Владимир Соловьев и Максим Горький: два взгляда на природу сверхчеловеческого в человеке», «Концепция зон обмена как новая разновидность умеренного экстернализма», «О философских революциях, их идеологических последствиях и статусе философского знания (размышления над книгой В. А. Кутырева „Последнее целование. Человек как традиция“)», «Эпистемологический статус современного обществознания: от идеала научной объективности к самореференциям культуры» (в соавт.), «Идея В. С. Соловьева об автономности нравственной жизни человека и проблема естественных оснований этики добра» и др. Член Российского философского общества.

художественных произведений с исторически определенным способом отражения мира[1]. Выведение особенностей стиля эпохи из оснований картины мира способствовало его сближению с понятием «культурная традиция», или «культурный канон»[2]. В свою очередь, как свидетельствуют процессы перехода от одних культурных организаций стиля к другим, взаимоотношения традиций, канона и стиля в культурной истории общества имеют сложную и разнонаправленную динамику[3].

Классификационные различия стилей и их общекультурное сходство. Отмеченная разнонаправленность процессов сохранения и изменения культурных традиций и канонов, а также характерная для явлений культуры их хронологическая подвижность[4] обусловили отсутствие строгости в определении границ стиля. Однако в рамках культурно-цивилизационной парадигмы выбор был сделан в пользу плюральных различий сменяющих друг друга исторических стилей, в то время как их сходство, обусловленное явным или неявным признанием существования общекультурных канонов, отошло на второй план. Вместе с тем даже существующее разнообразие конкретных исторических стилей[5] и их относительная независимость не препятствуют стилевой диффузии, интеграции и усложнению культуры[6].

Культурная дихотомия: культура традиционного и современного типов. Подтверждающая наличие общекультурных традиций очевидность процессов взаимовлияния стилей допускает возможность их более простой и общей систематизации. Основанием для универсальной типологии выступают хорошо известные различия в механизмах культурной преемственности, реализуемые путем либо сохранения культурных традиций, либо их замены культурными инновациями. По этому критерию обществам, сохраняющим культурную преемственность на основе стереотипных действий, соответствует культура, целиком основанная на традиционном стиле либо частично допускающая внешние инновации. Культура модерна, напротив, будет представлять собой типаж, главным признаком которого является непрерывное усложнение и обновление стилей.

Культура эпохи постмодерна. Хотя понятие «постсовременность» («постмодерн») до настоящего времени вызывает споры[7], его признание в качестве характеристики культуры эпохи современного исторического перехода кажется вполне состоявшемся. В указанном смысловом контексте термин «постмодерн» чаще всего используется для обозначения состояния культуры после эпохи модерна, тогда как понятие постмодернизм характеризует концептуальное содержание современной культуры. Среди множества отличительных особенностей модернизма и постмодернизма, суммируемых И. Хассаном, подавляющее большинство признаков можно отнести к характеристикам формы. Это прежде всего сама форма в культуре модернизма, соединяющая, центрирующая и ограничивающая содержание, и постмодернистская антиформа, дополняемая состояниями разрушения, отсутствия, разбрасывания. В общем итоге изменения, происходящие в формах культуры постмодернизма, можно определить как неопределенность, возникающую в результате смешения многих стилей[8].

Эклектичность стилей и их полилектическое смешение (полилектика — метод формального структурирования содержательно разнородных комплексов) исследователи культуры постмодерна, как правило, пытаются идентифицировать в терминах естественных наук. Речь прежде всего идет о таких терминах теорий неравновесных систем, оптики и фрактальной геометрии, как хаос, стохастические аттракторы, дисперсия, самоподобие и т. д. Однако в искусстве также имеются понятия, обозначающие смешение разнородных частей. В частности, одним из таких понятий является термин «пастиш», вошедший в тезаурус постмодернизма. Понятие «пастиш» (от *итал.* pastissio) первоначально обозначало оперу, составленную из отрывков. Этот заимствованный у Т. Манна и Т. Адорно термин Ф. Джеймисон использует для обозначения стиля, похожего на несамостоятельную пародию[9]. Пародийная недостаточность пастиша состоит в том, что он, являясь подражанием какому-либо стилю, беспорядочно поглощает все другие стили, утрачивая связь с историческим оригиналом. Пастиш, как считает Джеймисон, превращает историю в предысторию — гигантское собрание ретроспективных образов, разрозненных псевдособытий и фотографических симулякров, связь которых с оригиналами отсутствует, а их референты стираются из памяти[10].

Стилистика пастиша с помощью различных приемов обеспечивает логический порядок в артефактах, представляющих собой произвольное, шизофреническое нагромождение копий прошлого, настоящего и будущего: а) через герменевтическую актуализацию создателя текста как представителя своего времени (несмотря на трудности авторской идентификации современных текстов, названных «смертью» автора, Р. Барт); б) через языковую связь референтов означающего. Однако и то и другое требует узнаваемого стилистического канона, выходящего за границы содержательных форм конкретных стилей, а потому позволяющих определить мироощущение культурно-исторической эпохи. Иначе говоря, стать ее формообразующим идейным началом.

Инверсионная логика стилей в культурных традициях предмодерна, модернизма и постмодернизма.

[1] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб. : Наука, 1998. С. 12.

[2] *Ионин Л. Г.* Социология культуры. М. : ГУ ВШЭ, 2004. С. 215.

[3] Там же. С. 221.

[4] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 6.

[5] Например, только в западноевропейской культуре принято выделять следующие основные стили: романский, готический, ренессансный, барокко, классицизм, рококо, ампир, романтизм, неоклассицизм, реализм, модернизм.

[6] *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 61–63, 161–172.

[7] *Штомпка П.* Анализ современного общества : пер. с польск. М. : Логос, 2005. С. 594–596.

[8] *Hassan I. H.* The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. Columbus : Ohio State University Press, 1987. P. 91–92.

[9] *Jameson F.* Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham : Duke Univ. Press, 1991. P. 15.

[10] Ibid. P. 17.

Используя предложенные Хассаном парные критерии двух основных исторических типов мировоззрения: теологического — Бог Отец / Святой Дух и философского — имманентное/трансцендентное для демонстрации смысловой инверсии модернизма и постмодернизма, попробуем определить мировоззренческий канон, подходящий для всех исторических стилей общеевропейской культуры. В культуре традиционного общества такой очевидной доминантой стиля была его ипостасная религиозно-каноническая форма, по образцу которой относительно единообразно конституировались стили эпохи Средневековья. То же самое, несмотря на проявляющийся интерес к человеку, можно сказать о стилистических традициях эпохи Предвозрождения, Возрождения, а также начала эпохи Нового времени. При этом гуманистические задачи Ренессанса могли быть частично выполнены позднее благодаря распространению стиля барокко[1]. В просветительской культуре классического модерна образцами стиля становятся инверсии имманентного и трансцендентного при одновременном поиске новых стилистических форм.

Литературно-художественные примеры стилистических инверсий темы духа зла. В качестве типичного примера стилистических инверсий канонов ренессанса, классики, романтизма и модерна можно назвать сюжет народной книги о докторе Фаусте[2], творчески переработанный в одноименной поэме И. Гёте и романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Во всех перечисленных произведениях в качестве первоисточника выступает евангелический образ духа зла. Однако его последующие смысловые и стилистические инверсии осуществляются в соответствии с традициями либо народной реформаторской литературы, либо новоевропейской трагедии, либо античной мениппеи.

Вывод. Демонстрируемый в культуре постмодерна, но на самом деле подготовленный инновационной культурой модернизма разрыв с традициями не отменяет общекультурной смысловой преемственности. В смысловых инверсиях модернизма и стилистических смешениях постмодернизма современная культура также обнаруживает свои мировоззренческие следы, даже если денотатом текста является калька другой копии или вовсе несуществующего, но потенциально обладающего смыслом оригинала. В то же время, поскольку основаниями стилистической эклектики постмодерна все чаще становятся традиции мировоззренческого синкретизма, можно предположить наступление нового цикла культурной динамики.

[1] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 71–74, 130, 195.

[2] Подробнее литературную историю легенды о чернокнижнике, заключившем договор с бесом, см.: Немецкие шванки и народные книги XVI века : пер. с нем. М. : Худ. лит., 1990. С. 18–22.

В. С. Глаголев[3]

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ВЫЗОВЫ ЧЕЛОВЕКУ И КУЛЬТУРЕ

Особенности исторического развития глобальных трендов современности, проявляющие себя в различных социокультурных локусах (в том числе в социокультурном пространстве России), все чаще рассматриваются в качестве вызовов сложившимся культурам. Причем эти вызовы касаются как традиционных обществ, так и конкретных путей модернизации, без которых не может существовать ни одна традиция. Соответственно, все более острым становится вопрос об особенностях ответа каждой конкретной культуры на подобные вызовы.

Если попытаться классифицировать вызовы глобализации в их отношении к культуре и человеку, то речь пойдет о технико-технологических и информационных вызовах, вытекающих из интенсификации межкультурного взаимодействия, и о вызовах социальной реструктуризации, вытекающих из двух указанных выше.

Насколько глобальные тренды сохраняют свое общекультурное значение в контексте конкретной социокультурной реальности, в том числе отечественной? Можно ли «подключиться» к их позитивным аспектам, минимизировав негативные последствия? Существует ли способ сделать протекание этих процессов более управляемым (точнее, контролировать их, исходя из ценностных предпочтений, характерных для своей культуры, а не центров глобализации, реальных или мнимых)? Поиск реальных ответов на эти вопросы необходим в силу их глобальной актуальности: ведь если такие ответы не будут найдены, может продолжится неконтролируемый дрейф современной политической системы к наиболее агрессивным формам неоимперской организации, которые, вопреки собственным декларациям предполагают нивелирование культурного разнообразия и тотальное насаждение глобальных ценностей в ущерб ценностям национально-культурным. Задача состоит в том, чтобы каждое общество смогло найти свою форму сочетания глобального и национального, позволяющую это разнообразие сохранить и приумножить. Рассмотрение заявленной проблематики в свете фундаментального философско-культурологического подхода[4] позволяет выявить наиболее фунда-

[3] Профессор кафедры философии им. А. Ф. Шишкина МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «„Европейский соблазн“ в контексте истории и современности», «Западное искусство начала XXI века: последствия элиминации онтологии», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Нематериальные факторы в международных отношениях», «Реализм анализа — исходное условие научной перспективности», «Ценность личности и ее творческий потенциал», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Уроки русских революций 1917 года», «Религиозно-духовная культура в профессиональном образовании современного дипломата», «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development of European culture» и др. Член Российского философского общества.

[4] *Симонов Ю. П.* Сейчас наступает век философии // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2 (2). С. 7–19.

ментальные ценности культуры конкретных обществ, без учета которых не приходится говорить о сохранении их культурного своеобразия.

Начнем с логико-методологических предпосылок сущностного содержания глобализационных процессов. В основе развернувшихся глобализационных процессов лежит гигантский объем материализованного человеческого труда, интеллектуальных и психологических усилий сотен миллионов людей[1], создавших предпосылки для реализации совместных программ субъектов международный деятельности — государств и международных организаций. Объединение усилий дает социокультурным общностям такое преимущество, как сокращение общественно необходимого времени на создание материальных и духовных продуктов, востребованных человечеством для его выживания и обеспечения более комфортных условий жизни настоящему и будущим поколениям; сокращение зоны занятости тяжелым физическим трудом, функции которого переданы автоматизированному производству, и контроля за ним. Все это освобождает время для создания новых проектов, оптимизирующих производство и соответствующие социально-экономические, демографические, политические, информационные и тому подобные инфраструктуры[2]. При этом сегодня на всех этапах межкультурной коммуникации возрастает значение психолого-интеллектуального взаимодействия представителей различных культур, расширяются и наполняются дополнительным (а подчас и принципиально новым) смыслом его разнообразные формы.

Бытует мнение, что отказ (в силу тех или иных причин) от глобального сотрудничества сегодня, по сути, невозможен, он лишь оставляет ряд субъектов международного процесса за рамками того уровня сотрудничества, который достигнут к настоящему времени лидерами глобальной кооперации[3]. Оказавшись в группе отстающих, они могут либо мобилизовать имеющиеся у них ресурсы, сохраняя собственную основу технологического, образовательного и интеллектуально-психологического обеспечения в создании и функционировании более продвинутых наукоемких техник, либо обратиться за помощью к продвинувшимся с просьбами о содействии в предоставлении соответствующего рода техники, моделей совершенствования образования[4] и т. д.

Однако нельзя не заметить: ключевыми субъектами глобальной модернизации по-прежнему остаются существующие социокультурные общности, сложившиеся в рамках национальных государств. Только они обладают устойчивыми механизмами культурного самовоспроизводства, без полноценного функционирования которых невозможна реализация сбалансированной глобальной кооперации в решении задач, требующих координации усилий всего мирового сообщества.

Среди таких механизмов ведущая роль отводится образованию и воспитанию, их способности создать нового человека — специалиста, способного принять вызовы глобализации. С одной стороны, он должен быть ориентирован на то, чтобы добиваться оптимального решения стоящих перед ним технико-технологических задач, с другой — быть готовым к постоянному повышению уровня сложности, в том числе за счет интенсификации межкультурного взаимодействия. Здесь наглядно проявляет себя внутреннее противоречие целей и задач профессиональной подготовки кадров (в том числе международников), вытекающее из особенностей глобальной культуры: воспринимать текущее решение актуальных задач как необходимое, но недостаточное. Это предполагает высокий уровень культуры в широком смысле, включая личную ответственность, широту мышления, умение работать в команде и т. д.

При узкокоммерческом подходе затраты на подготовку специалиста глобального масштаба могут показаться излишними. Именно такой — урезанный — сценарий предлагают реализовывать некоторые модели развития глобальной системы образования. Однако отечественные традиции требуют интерпретировать *образование* не только как вооружение субъекта определенными знаниями и навыками, но и как взращивание целостной личности, способной творчески реализовать свой потенциал в избранной профессии на основании как профессиональных, так и общекультурных компетенций. Таким образом, проект, сначала кажущийся неоправданно дорогостоящим, предстает как энергоемкий (и вместе с тем более «прибыльный» в долгосрочной перспективе) комплексный способ решения задачи социокультурного развития. Российский ответ на вызовы глобализации обосновывает роль многоаспектного образования и воспитания в подготовке специалиста, что позволяет поддержать его личностный рост и подготовить к решению сложнейших задач, которые ставит перед ним новая эпоха.

Итак, ключевой формой ответа на вызовы глобализации на примере современной российской культуры можно считать, во-первых, установку на оптимизацию глобальных технико-технологических, информационных и социальных трендов в соответствии со спецификой отечественной культуры, актуальным прочтением ее ценностных матриц и долгосрочных духовно-нравственных ориентиров. Во-вторых, спецификой российского ответа является значимость личностного фактора, играющего ключевую роль в способах организации солидарных действий по решению конкретных задач, требующих межкультурного взаимодействия.

Выделенные особенности освоения глобальных трендов средствами отечественной культуры представляют собой установки, реализация которых не лишена трудностей. Так, установка на уважение долгосрочных ориентиров может понижать уровень прагматизма, необходимый для достижения ближайших и среднесрочных целей, а формирование всесторонне развитой лич-

[1] *Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В.* Глобальная психология: основные подходы к пониманию // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 201–209.

[2] *Тузовский И. Д.* Теоретические модели культурной глобализации в цифровую эпоху // Вестник культуры и искусств. 2018. № 2 (54). С. 29–36.

[3] *Иванов О. Б.* Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 1. С. 7–29.

[4] *Шестопал А. В., Силантьева М. В.* Культурные границы в пространстве современного университета // Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления : материалы VIII Конвента РАМИ. 2015. С. 113–131.

ности может оказаться слишком затратным по сравнению с общей стоимостью подготовки специалиста, требующегося для решения сугубо производственных задач. Более того, принцип реализма заставляет уточнить, что установки и реальное положение дел далеко не идентичны. Сочетание установок на приоритет духовно-нравственных ориентиров с реализуемыми на деле установками, носящими предельно прагматичный характер сиюминутной выгоды, создает в культуре дополнительные внутренние разломы, усиливающие нагрузку на социальную психологию. Вместе с тем управление глобальными процессами в рамках конкретного социокультурного целого требует внимания к возможностям и границам фундаментальных характеристик, свойственных этому целому. К ним, помимо прочего, относятся такие культурные маркеры, как ценности, внимание к которым позволяет корректировать и оптимизировать ответы конкретных социокультурных общностей на глобальные вызовы человеку и культуре.

В. В. Горшкова[1]

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ СОТВОРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО

Непредсказуемая и стремительно трансформирующаяся социальная реальность требует от современного человека интенсивной своевременной включенности во все происходящее, в том числе особой ответственности за собственные мысли, действия и поступки. Человек — это не результат стечения обстоятельств, каждое из которых детерминировано бесконечной цепью причинных связей и отношений. Человек — субъект истории, а эта «субстанция» есть система не механическая. Если ее системообразующим принципом, тем, что определяет способ наследования, является *деятельное* общение субъектов, а сами субъекты лишь постольку субъекты, поскольку в своей деятельности они сообразно цели (будущему) изменяют обстоятельства, а тем самым и самих себя, то и будущее в истории людей есть активная сила, действующий фактор ее целостности (А. С. Арсеньев).

Главным мотивом поступков человека является *сотворение* будущего, воображение результата своей деятельности, который пока что реально не существует. В основе творческой деятельности лежит свобода как познанная, осознанная необходимость и переживаемая ответственность сознательного и целенаправленного изменения обстоятельств, а тем самым изменения своих способов деятельности, своих потребностей и способностей. Выход человека за пределы того, что определено заданными причинами и условиями, а также в соответствии с некоей целью — это и есть действительно свободное и творческое действие. Но для того, чтобы осуществить такое действие, необходимо найти или создать новые способы деятельности и формы общения, а это означает найти и *сотворить в себе человека*. Выдающийся отечественный философ М. К. Мамардашвили более тридцати лет назад утверждал, что человека вообще нет, есть усилие стать и быть человеком. Человек должен постоянно понимать и принимать идею о том, что необходимо прилагать усилия, превосходить себя, чтобы быть и оставаться самим собой. Оптимистическая идея гуманистической психологии заключаются в необходимости искать и видеть человека в человеке, понимать сущность человека, бесконечно верить в него и заложенный в нем потенциал. Изначальная сущность, природа человека добродетельна и конструктивна, причем эта сущность *не дана ему, а задана* в виде *потенциала*, как возможность, реализуемая при определенных условиях (С. Л. Рубинштейн, С. Л. Братченко и др.). Для актуализации созидательного начала в человеке, его свободного самостановления, с одной стороны, необходимы соответствующие условия. С другой стороны, развитие личности предполагает минимизацию тех факторов, которые препятствуют освобождению человека, ограничивают его свободу и искажают природу. Исходное условие продуктивного развития человека, его личностного роста — *понимание и принятие* себя, а также продуктивное взаимодействие с другими субъектами, без которого невозможно полностью раскрыть в себе творческое и человеческое начало. Человек должен осознавать, что его статус и знания не являются тождественными его личности. Знание не статично, оно постоянно и динамично изменяется и уточняется с получением какой-либо новой информации, а следовательно, постановка знания под сомнение — это не посягательство на личность, а, напротив, возможность для нее узнать нечто новое, взглянуть на вещи с другой точки зрения, открыть новые пространства для реализации своего личностного, профессионального и творческого потенциала. При этом открытие подобных возможностей для саморазвития без внешней помощи представляется человеку недоступным, поскольку только взаимодействие с другими позволяет увидеть вещи и аргументы в новом ракурсе, который иначе не открылся бы.

Известно, что человек достаточно давно живет в открытом мире, взаимодействия с которым невозможно избежать. Фактически двадцать четыре часа в сутки на него обрушиваются различные информационные потоки. Масса искушений в условиях общества экономи-

[1] Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 460 научных публикаций, посвященных проблемам педагогики, философии и технологии образования, в т. ч. 30 монографий и учебных пособий: «Проблема субъекта в педагогике», «Межсубъектная педагогика: тенденция развития», «Гуманитарная миссия педагогики», «Взрослый как субъект непрерывного профессионального образования», «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Диалог в образовании человека», «Мир конфликта: субъект и реальность», «Непрерывное образование как способ бытия человека» и др. Член редакционного совета «Педагогического журнала», «Вестника Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна». Награждена медалью К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук».

ческого и информационного потребления чаще всего, как показывает опыт, приводит к актуализации в человеке, его действиях не созидательного, а, скорее, разрушительного начала. В этих условиях человек должен постоянно понимать и принимать идею о том, что необходимо превосходить себя, чтобы оставаться самим собой, делать усилия над собой, чтобы быть и оставаться человеком. Еще Л. С. Рубинштейн настаивал на том, что оставаться человеком следует даже тогда, когда оставаться им невозможно. Современному миру нужны люди, способные производить действия и поступки, благодаря которым могут появиться новые возможности для развития человека и общества в будущем. Именно такого человека мы потеряли — единственного в своей естественности (В. П. Зинченко). Поэтому одной из актуальных проблем современности является возвращение к человеку, актуализация его подлинной сущности, особенно когда речь идет о молодежи — ценнейшем антропологическом потенциале развития культуры и социума.

Новое поколение молодежи в чем-то не оправдывает социальных ожиданий, а в чем-то вызывает почтительное удивление. Задача молодого поколения — не пройти по тривиальному пути, а ставить великие цели, создать что-то самобытное и уникальное, сделать все, чтобы не только сохранить мир, но и сделать его лучше. Высокий уровень развития субъектности человека — это преодоление непреодолимого предела. Как писал К. Ясперс, человек всегда представляет собой нечто большее, чем может сам о себе знать; он стремится стать чем-то большим, чем личностью, когда существует на пределе, за пределом возможного и достижимого. Эти действия и поступки есть единственно верное, что можно сделать в ситуации, когда находишься в эпицентре любой нештатной и даже чрезвычайной ситуации. Именно качественно новый уровень развития человека как субъекта жизнедеятельности и культурно-исторического будущего сможет обеспечить прорыв к невозможному.

Ю. Д. Гранин[1]

ЭРОЗИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Не вдаваясь в детальный анализ этой эпохи, наступление которой было вызвано вступлением человечества в неолиберальную фазу глобализации, отметим ее главное отличие от эпохи модерна. Последняя была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующими оптимальное — национальное — устройство пространства совместной жизни лингвистически, конфессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами на основе не традиций, а рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы».

Однако проект модернизма с характерными для него обожествлением и верой во всемогущество человеческого разума уже в конце XIX века был сначала подточен ницшеанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структурализмом в первой половине XX века и почти совсем разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом. Характерной чертой этого мировоззрения, формирование которого началось в 1960-х на волне кризиса «старых» западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира — с другой, стало установление *стратегического релятивизма*, поставившего под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна. После вступления США, Канады и Западной Европы в постиндустриальную фазу развития, обеспечившую беспрецедентный экономический рост и формирование в этих странах «общества потребления», она была поддержана политическими и экономическими транснациональными элитами, абсолютизировавшими идею «свободы от» государственного регулирования не только экономики, но и унаследованных из эпохи модерна (традиционных) форм общежития. Так возникла «постсовременность» (постмодерн) с ее культом личной свободы и абсолютизацией «равенства», выразителем которой стал постмодернизм. Его кредо — формирование массовой мультикультурной среды существования, появление которой, повторю, вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти.

В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют *экзотизацию* специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. «Неолиберальный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но, напротив, отвлекает внимание от подобных вопросов путем коммерциализации мультикультуры и превращения ее в товар»[2].

Принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности, заключается в том, что она идет не через идеологическую мобилизацию

[1] Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др. Член редколлегий журналов «Вопросы философии и психологии», «Личность. Культура. Общество», «Телекинет». Главный редактор журнала «European Journal of Philosophical Research». Член Союза журналистов РФ.

[2] Глобализация и мультикультурализм. М. : РГГУ, 2005. С. 185.

и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. При этом доступ контролируется, а потребитель во фрагментированной культурной среде получает специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь, растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу.

Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую *идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба все больше становится информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Но мультикультурализм — это не только имманентная часть стратегии глобального доминирования ТНК, большинство которых имеют прописку в странах G-7, но и важная составляющая политики многих государств по адаптации мигрантов. В качестве политического концепта, отмечают исследователи, это философско-политическая идейная система, политический проект, постулирующий культурную неоднородность в качестве стержневого принципа организации социума. Постмодернистские корни определяют своего рода генетический код современного мультикультурализма, его глубинный смысл, его «месседж», посылаемый либеральными конструкторами концепта различным иммигрантским общинам (прежде всего исламским, но не только), в значительной части в принципе не ориентированных не только на культурную, но и на социальную, правовую, политическую интеграцию. Такие общины сохраняют собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную «этническую экономику». Казалось бы, стремительный рост числа переселенцев, не желающих интегрироваться в США и Европе, занимающих нижние ступени социальной лестницы и пополняющих ряды криминала, должен был вызвать массовые протесты коренных жителей, в том числе политиков. Но их сдерживают пресловутые «толерантность» и «политкорректность», формирующие по сути эзопов язык, который рекомендуется употреблять во многих странах Запада. Так, в рамках концепции политкорректности запрещается поздравлять собеседников с Рождеством Христовым, поскольку это может оскорбить атеистов и представителей других религий (как будто непонятно, что они и так не празднуют Рождество!). Негра запрещено называть негром, черным, чернокожим и так далее — он становится афроамериканцем. «Толстый человек» — ненормативно в рамках политкорректного новояза, он — «развивающийся горизонтально», «маленький» — «вертикально недоразвитый», а «жулик» — «этически не ориентирующийся». И так до бесконечности. Эти и другие примеры свидетельствуют об очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евро-атлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер. Об этом же говорит усиливающийся тренд к легализации содомии. Сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира, а также в некоторых штатах США и Мексики. Среди них — протестантские Нидерланды, Бельгия, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания, Новая Зеландия; католические Испания, Португалия, Исландия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Франция. Но и это, увы, не все. Современные европейские ценности включают толерантность к совсем уже диким, нецивилизованным формам общественного бытия. Ведущие голландского молодежного телешоу Proefkonijnen («Подопытные свинки») Деннис Сторм (Dennis Storm) и Валерио Зено (Valerio Zeno) в эфире своей телепередачи попробовали по кусочку мяса друг друга. Вопрос о том, какова на вкус человеческая плоть, стал темой для премьерного выпуска передачи, а также широкого обсуждения на форумах[1].

Подобные перформансы и креативы (а именно этим оправдываются инициаторы) по сути являются пошаговым приучением Запада к толерантности по отношению не только к каннибализму, но и к нарушению других фундаментальных цивилизационных табу. В частности, абсолютным табу практически во всех культурах всегда был инцест, но в ЕС уже началось обсуждение его легализации[2]. Некоторые европейские политики открыто в прессе и на телевидении представляют инцест как европейскую «гендерную норму». При этом по аналогии с «гомофобией» предлагается ввести понятие «инцестофобии», за проявления которой следует наказывать. Одновременно с этим в некоторых странах Европейского союза обсуждают легализацию педофилии. В этом контексте перспективы сохранения и развития большинства европейских культур выглядят совсем не радужными.

[1] См.: http://www.youtube.com/watch?v=IzS6mrdYPl0.
[2] См.: http://www.odnako.org/blogs/o-legalizacii-incesta.

А. Ю. Демшина[1]

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ТОЧКА ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ

Современная гуманитарная наука активно осмысляет роль медиакоммуникаций в системе социокультурного бытия человека. В эпоху глобализации городская среда стала точкой создания и пересечения коммуникативных каналов различных типов. Город становится местом реализации различных коммуникативных форм, героем виртуальных медиаканалов, хронотопом, влияющим на жизнедеятельность и поведение людей. Развитие коммуникативных технологий, активная медиатизация влияют на формирование транскультурных практик. Понимание города как расширенного медиакоммуникативного источника комплексно сформулировано в работах М. Кастельса, который, опираясь на идеи М. Маклюэна, утверждал, что медиа привели к количественным и качественным изменениям в восприятии человеком окружающего мира. Сегодня важен не только контент, но и контекст сообщения[2]. Современное социокультурное пространство, по мнению Н. Коулдри и А. Хеппа, является продуктом, создаваемым посредством коммуникативных действий с участием медиа. Медиа для ученых — это технические средства, которые используются в коммуникации для институционализации и материализации коммуникативных практик, обладая способностью не только формировать виртуальный контент, но и влиять на поведение людей, их восприятие и в конечном счете на культуру как таковую[3].

В процессе развития медиакоммуникаций городской среды можно выделить ряд важнейших направлений: во-первых, связанные с геомедиа[4], во-вторых, понимание городской среды как пространства коллективного сотворчества, в-третьих, город как часть виртуальной среды, в-четвертых, изменение городской среды вследствие развития медиакоммуникаций. Геомедиа позволяют человеку ориентироваться в городском пространстве, предлагая маршруты передвижения, основанные на различных критериях. Они используют коммуникации в онлайн- и в офлайн-мире. Например, карты Google, как и другие картографические сервисы, играют важную роль в повседневной жизни города, влияя на работу транспорта, торговлю, места досуга и даже на культурные события. Такое стирание границ между реальностями, взаимозависимость онлайна и офлайна во многом основана не только на работе профессионалов, но и на действиях наблюдателей. Сегодня любой акт наблюдения становится генератором данных. Так, метка об аварии от наблюдателя, зафиксированная в онлайн-картах, заставляет многих пользователей скорректировать свой маршрут и таким образом изменяет дорожный трафик. В создании медиаоблика города кроме геомедиа важную роль играют социальные сети, служащие проводником различных культурных норм и стандартов. В частности, геолокационные возможности имеют «Инстаграм», «Фейсбук». «Благодаря онлайн-коммуникациям с удаленными другими „здесь и сейчас“ заменяется „там и сейчас“»[5]. Более того, содержание концепта «сейчас» также трансформируется, когда пользователь углубляется в ленту публикаций другого.

Городская среда — это не только фон для фотографий, информационный повод для публикации, но и арт-объект, получающий в сети новые качества. Медиакоммуникации являются агентами по созданию пользователями городской среды как коллективного произведения искусства. В такой ситуации происходит воздействие наблюдателя на пространство наблюдения, то есть осуществляется идея У. Эко об открытом произведении искусства. Это связано также с пониманием искусства в рамках «Ситуационистского интернационала». Еще в 1957 году Ги Дебор писал: то, что меняет наше восприятие улиц, важнее, чем то, что меняет наше восприятие живописи. Поэтому «искусство» в узком смысле уступает место «сконструированным ситуациям»[6]. С одной стороны, речь идет об участии искусства в медиакоммуникативном пространстве, с другой стороны, сами медиа побуждают горожан к созданию и презентации разнообразных артефактов.

Активное развитие медиакоммуникаций приводит к появлению новых проблем и вопросов. В числе наиболее актуальных — проблемы комфортности коммуникаций, информационной безопасности, нарастания манипуляционных стратегий в городской медиасреде. Проблема комфорта медиакоммуникаций связана с тотальным проникновением в нашу жизнь электронных средств связи. Поэтому для современной городской среды кроме экологического комфорта, развитой инфраструктуры, приятной безопасной атмосферы важным фактором становится постоянный доступ в Интернет. Цифровая ориентация в городской среде, наличие различных видов контента справочного, сервисного и развлекательного содержания — сегодня становится важной частью привлекательности города.

Медиакоммуникации обладают достаточно большим властным капиталом, который активно пытаются

---

[1] Доцент кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Визуальные искусства в ситуации глобализации культуры: институциональный подход», «Трансформации советской мифологии в функциоколлажах Вадима Воинова», «Визуальная поэзия А. Горнона в ситуации кризиса вербальных практик», «Игры с архетипами в современном искусстве: интерпретации образа Арлекина в творчестве Тима Бертона», «Диалогическое построение арт-пространства как форма развития современной культуры», «Мода в контексте визуальных искусств XX–XXI веков» (в соавт.) и др.

[2] *Castells M*. The Informational City: Information Technology // Castells M. Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford : Basil Blackwell, 1989.

[3] *Couldry N., Hepp A*. The mediated construction of reality. Cambridge : Polity Press, 2016. P. 32

[4] «Геомедиа — это концепт, который кристаллизуется на пересечении четырех взаимосвязанных траекторий: конвергенции, повсеместности, учете геолокации и обратной связи в режиме реального времени» (см.: *Маккуайр С.* Геомедиа. М. : Strelka press, 2018. С. 12).

[5] *Couldry N., Hepp A*. Op. cit. P. 84.

[6] Situationist International Anthology / K. Knabb (ed). Berkley, CA : Bureau of Public Secrets, 2006. P. 42.

монетизировать как компании, так и отдельные пользователи. Социальные контакты больше не связаны исключительно с местом проживания и пространственно укорененным образом жизни. Это приводит к изменению функций и перераспределению власти. М. Ренг и С. Грэм назвали манипулятивные возможности медиакоммуникаций «делегированием полномочий по принятию всех решений со всеми их этическими и политическими составляющими невидимым системам»[1]. Идеи мягкого воздействия активно продвигаются в дизайне. Например, о дизайне как средстве утверждения определенного поведения человека, а через него и определенных моральных ценностей размышлял Б. Латур: «Свойства артефактов способны заставить человека изменить свое поведение, так как содержат „скрипты“, сценарии действия, как сценарий кинофильма содержит инструкции для поведения актеров в рамках определенной роли»[2].

Парадокс, но несоответствие геомедиа реальным данным рядом пользователей городской медиасреды может восприниматься сегодня как обман, в то время как другие считают это нормой. Более мягкий вариант манипулирования — когда медиа активно продвигают определенные идеи или места в рамках недобросовестной конкурентной борьбы. Отделять правдивую информацию от ложной становится все сложнее. Искусственное поднятие рейтинга, привлечение внимание к определенным объектам в коммерческих целях в наше время скорее норма, чем исключение. В медиасреде существуют преступность, хулиганство, перешедшие в виртуальную среду из реального мира, появились специфические медиаформы давления на личность — буллинг, троллинг и др. Поэтому столь популярны идеи развития медиабезопасности на разных уровнях — от школьного образования до уровня корпораций и государственных программ.

Таким образом, город оказывается своеобразным портом, точкой переплетения различных медиакоммуникаций. Городская среда как межнациональное, межкультурное пространство становится платформой для создания и функционирования особых медиасред. Эти среды не являются нейтральными в силу своего властного и манипулятивного потенциала. Стирание границ между онлайн- и офлайн-реальностью приводит к включению городской среды в сетевую активность и к использованию городскими институциями потенциала этой формы коммуникации, но полностью контролировать медиаисторию и формировать медиаоблик города не способна ни одна организация. Новые медиа — это продукт совместных усилий многих официальных институций, коммерческих организаций, пользователей, наблюдателей, не только создающих контент, но и влияющих на его восприятие. Городская медиасреда оказывается ризомой, существующей в состоянии постоянной трансформации, смещения и изменения границ различных культурных практик. Фланирование, стирание границ между онлайн- и офлайн-режимами становятся формой жизни в современном медиатизированном городском пространстве. Переходность и изменчивость такой модели может быть прочитана как непрерывный процесс нелинейной интеграции и распада различных компонентов культурных практик.

И. И. Докучаев[3]

КРИЗИС ЦЕННОСТЕЙ КРЕАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Вопрос о существе исторического бытия может решаться по-разному. Важнейшим аспектом этого вопроса являются факторы исторической динамики и специфики каждого исторического этапа. Как показывает анализ истории культуры, это не одна проблема, а две отдельные, хотя и тесно связанные. Причины исторической динамики зачастую противоречат ряду существенных свойств того или иного типа или этапа становления культуры. Это неизбежно, поскольку один этап истории сменяется другим и какие-то черты нового этапа будут противоречить чертам прежнего. Но это ни в коей мере не препятствует исторической преемственности даже в случаях радикальных исторических переворотов.

В общем виде история каждого локального варианта культуры и мировая история развиваются по следующему сценарию. Изменяется принцип культурогенеза: на смену воспроизведению приходит творчество. Мы никогда не имеем дело только с традицией или творчеством — любая традиция сопровождается творчеством и всякое творчество невозможно без традиции. Культуры с преобладанием традиции как принципа культурогенеза можно назвать традиционными, а с преобладанием творчества — креативными. Переход от традиционности к креативности наблюдается далеко не всегда. Впервые в истории эти процессы приобрели необратимый характер в эпоху европейского Ренессанса. В течение всего Нового времени они распространялись благодаря самой Европе и заимствованиям во всем мире. Этот процесс продолжается и сегодня, но его перспективы не вполне ясны.

[1] *Маккуайр С.* Указ. соч. С. 230.

[2] *Verbeek P. P.* Morality in Design: Design Ethics and the Morality of Technological Artifacts // Philosophy and Design. 2008. Vol. 1. P. 91–103.

[3] Заведующий кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Введение в историю общения», «Ценность и экзистенция: основоположения исторической аксиологии культуры», «Феноменология знака: избранные работы по семиотике и диалогике культуры», «Эдмунд Гуссерль», «Феномены „мертвого корпуса“ и „живой плоти“ в структуре экзистенциального опыта тела», «Демаркация очевидности и конструкции как основание ответа на вопрос о бытии и истине в философии» и др. Член Президиума Научно-образовательного культурологического общества.

В традиционной культуре существовал особый тип ценностного отношения. Каждый его аспект имел собственную специфику. Инициатором отношения был коллективный субъект, он имел все свойства субъективности, прежде всего созданную собственной историей уникальность. Социальный характер ценностного отношения оказывался и одним из аспектов самой системы ценностей, то есть к числу важнейших установок ценностного сознания относилась сама социальность, ценным было то, что имело социальную принадлежность, определялось всеми участниками социальной группы, к которой принадлежал тот или иной человек, выступавший одновременно субъектом и представителем ценностных отношений своей социальной группы. В креативной культуре эта одновременность перестала быть сущностным единством. Представляя ценностное отношение своей группы, его субъект мог и не разделять соответствующих установок. Между личными и социальными ценностями возникали различия и даже противоречия.

Стабильный и определенный состав ценностей традиционной культуры по мере ее рационализации дифференцировался и уточнялся. Поэтому к числу важнейших ценностей относилась сама традиционность того или иного аспекта человеческого бытия. В креативной культуре этот состав теряет свою определенность, возникают конкурирующие ценности, одни ценности постоянно сменяются другими, важнейшей ценностью становится сама новизна ценностей, творчество. В традиционной культуре не было дифференциации форм: религия определяла все аспекты человеческой деятельности, ее авторитет был непререкаемым, а она сама оказывалась важнейшей ценностью. В креативной культуре таким авторитетом пользовалась наука, точнее, лежащий в ее основе тип рациональности, предполагающий учет логического и эмпирического опыта потенциально каждого человека.

Ценностное отношение всегда оказывалось причиной специфики и динамики культуры. Развитие традиционной культуры происходит чрезвычайно медленно, но это и понятно, ибо развитие противоречит традиционности. В числе важнейших ценностных установок традиционной культуры были те, что сильнейшим образом противодействовали ее изменениям. Но изменения — неизбежная форма существования культуры. В условиях традиционной культуры такие изменения оказывались следствием медленного технического и технологического совершенствования, то есть причиной исторической динамики оказывалась преобразовательная деятельность человека, а причиной исторической специфики — религия. Развитие креативной культуры, напротив, очень динамично. Оказавшись в числе важнейших ценностей, наука придала техническому прогрессу лавинообразный характер. Теперь причины, определяющие специфику и динамику культуры, больше не противоречили друг другу, не ослабляли влияния друг друга, а наоборот, умножали его. Динамичность креативной культуры стала аспектом ее специфики.

XX век стал временем первого универсального кризиса ценностей креативной культуры. Кризис пережили важнейшие институты и практики — наука (научный тип рациональности), творчество. Этот кризис носил общемировой характер, хотя в различных локальных вариантах креативной культуры он и отличался собственной спецификой. Кризис научного типа рациональности выражался по-разному. В конце XX века он привел к своего рода недоверию к науке, которое проявилось, во-первых, в отрицании всемогущества науки, осознании несостоятельности ее претензий на окончательное разрешение ставящихся ею проблем; во-вторых, в отрицании универсальности науки, то есть в признании ее одной из возможных, но не единственной стратегией организации человеческого бытия; в-третьих, в осознании непредсказуемости и опасности науки, обладающей непререкаемым авторитетом. Такое отношение к научному типу рациональности в XX веке сформировалось комплексом событий, имеющим прямое или косвенное отношение к науке. В первую очередь, XX век ознаменовался социальными научными экспериментами, которые, казалось бы, опирались на авторитет науки, но в итоге продемонстрировали полное отрицание ее важнейших принципов. Речь идет о тоталитаризме во всех его разновидностях, таких как фашизм, коммунизм, исламский фундаментализм. В XX веке в результате научно-технического прогресса возникли так называемые глобальные проблемы человечества: демографический и экологический кризисы, угроза мировых техногенных и военных катастроф. Наука стала не только средством решения проблем, но и способом их создания. Стало понятно, на помощь науке должны прийти другие формы культуры.

Кризис личности также приобрел многочисленные формы. Во-первых, начался распад всех существовавших когда-либо социальных институтов или, по крайней мере, рост недоверия и безразличия к ним. Во-вторых, кризис личности выразился в опустошении самой личности. Одиночество становится все более острой проблемой человека в течение всего XX века. Гендерные проблемы, бесконечный рост нарциссических социальных объединений, претендующих на исключительность, социальная апатия и ощущение бессмысленности существования — лишь немногие из многочисленных последствий кризиса личности. Человеческая личность, пройдя в своем развитии такие этапы, как ренессансный универсальный гений, новоевропейская индивидуальность, утверждающая перед обществом свои права на автономию и самоидентификацию, превратилась в одномерного и массового человека уже не по личностным качествам, а только номинально отличного от себе подобных.

Показательным проявлением кризиса творчества стало произошедшее в XX веке разделение культуры на элитарную и массовую. *Элитарная* культура — следствие напряженной реализации творческих возможностей человека, стремления к новизне и оригинальности, что неизбежно вылилось в творчество ради творчества, привело к усложненности, бессмысленности, исчезновению из искусства его коммуникативных характеристик. Возникает особая форма творчества, выразившаяся в стремлении к коллажам,

эклектике, отказе от завершенности произведения, его смысловой конкретности. *Массовая* культура не несет больше ни истины, ни добра, ни красоты, а только формирует спрос и предложение. В ее задачу входит порождение такого спроса у наибольшего числа людей и его удовлетворение наименьшими средствами. Она ориентирована на универсальное, на то, что у всех одинаково, то есть на физиологию. Система жанров массовой культуры ассоциирован с базовыми инстинктами. Так, боевик эксплуатирует инстинкт агрессии, «ужастик» — инстинкт самосохранения, эротика — инстинкт репродукции, реклама — инстинкт потребления.

Все описанные типы кризиса свидетельствуют об определенной исчерпанности системы ценностей, возникновении условий и потребностей для выработки новой системы, на пороге которой оказалось человечество к началу XXI века. Сейчас трудно сказать определенно, какой будет эта система, но очевидно, что она будет иметь интегративный и гибкий характер. Развитие ценностных отношений никогда не было похоже на эволюцию в природе, в нем нельзя увидеть проявление слепого закона. Напротив, оно всегда зависело от воли человека, концентрация которой в наши дни возрастает, так что надежда на преодоление кризиса представляется вполне обоснованной.

В. Ю. Дунаев[1],
В. Д. Курганская[2]

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ДОМИНАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНЫХ ЭКОСИСТЕМ В КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Характеризуя онтологические основания перехода к постиндустриальному типу культурно-цивилизационного развития, Д. Белл отмечает, что на протяжении тысячелетий жизнь человека была его взаимодействием с природой — добыванием средств к существованию из земли, воды, растительного и животного мира.

Постиндустриальное общество поворачивается спиной к этому миропорядку. «В настоящее время *реальность является в первую очередь социальным миром* — не природным, не вещественным, а исключительно человеческим — воспринимаемым через отражение своего „я“ в других людях». В социальном конструировании реальности постиндустриального мира природа более не рассматривается как значимый фактор изменений в сфере смыслов жизни, приоритетов, идеалов и ценностей человека. Между тем отнюдь не исключено, что «Камень, который отвергли строители» (Мф. 21:42) культуры постиндустриального общества, может «сделаться главою угла».

Проектом органичного включения природного мира в культурную динамику современного общества является экология культуры. Широким распространением и международным признанием этот термин и соответствующая научная дисциплина обязаны академику Д. С. Лихачеву. В новой дисциплине культура в широком смысле рассматривается как дом человека — все, что он создает вокруг себя. В процесс этого «домостроительства» культура вовлекает природу. Экология представляет собой взгляд на мир как на дом, ее цель — помощь миру, его «лечение» и обеспечение безопасности вносимых человеком изменений, а также «профилактическая помощь природе со стороны человека как единственного существа в природе, которое может говорить и защищать права природы на достойное существование: права растений, животных, рыб, даже ландшафтов с горами, лесами и всей красотой, которая тоже нуждается в защите»[3].

Раскрывая нравственные основания отношения культуры к природе, Лихачев ссылается на труд В. С. Соловьева «Оправдание добра» как на один из источников этико-философских принципов экологии культуры. Действительно, Соловьев не только во многом предвосхитил установки современного экологического мировоззрения, но и обозначил перспективы его радикального поворота от задач охраны природы и культурного наследия к синергетическому взаимодействию, взаиморазвитию природы и культуры. Соловьев указывал, что отношение человека к природе

[1] Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. 23 индивидуальных и коллективных монографий: «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.), «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Философия познания: век XXI» (в соавт.), «Социоинженерные технологии в управлении трансформациями казахстанского социума» (в соавт.), «Социокультурное развитие Казахстана в условиях виртуализации информационно-коммуникативных практик» (в соавт.) и др. Награжден медалями «За заслуги в развитии науки», «20 лет независимости Республики Казахстан».

[2] Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. 25 монографий: «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др. Член редколлегии журнала «Идеи», председатель редакционного совета международного научного журнала «Global Scienc Communications». Награждена знаком «За заслуги в развитии науки», медалью «20 лет независимости Республики Казахстан».

[3] *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Лихачев Д. С. Русская культура. СПб., 2000. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/Russia/ekolog.pdf.

исторически проходит три этапа. На первом этапе оно заключается в подчинении человека силам природы. На втором этапе человек переходит к покорению природы и ее использованию в качестве орудия для достижения своих целей. Природопользование может быть как хищническим, так и разумным (но все равно насильственным) изъятием («с оглядкой», как пишет Лихачев) у природы ресурсов для обустройства человеком среды своего обитания. На третьем этапе утверждается самоценность природы и принцип направленности деятельности человека не только на собственное благополучие, но и на преобразование, совершенствование, разумно-духовную благоустроенность природы[1].

В соответствии с общераспространенным пониманием экология культуры должна защищать те элементы естественно-природной среды обитания человека, которые тем или иным образом связаны с культурными ценностями. Возникновение экологии культуры связано с осознанием необходимости переориентации перспективы, изменения смыслового и перцептивного пространства картины мира. Предмет экологии как гуманитарной дисциплины — не природа в своей первозданности, самосущей реальности, но природа как среда обитания человека. Поэтому в определенном смысле можно сказать, что для экологии культуры природа — феномен внутрикультурный, «свое иное» культуры. Таким образом, научная картина природно-культурного мира в экологии культуры пишется в соответствии с законами организации духовного пространства. В рамках культуро-экологического подхода идеальные типы культуры, представленные в исторически сформировавшихся формах ее существования (мифологии, религии, философии, искусстве, науке), выступают как модальности коэволюции идеально-духовных и естественно-природных начал процесса обустройства человеком среды своего бытия. Для концептуально-терминологического закрепления принципа когерентности природной и культурной детерминации формирования экосферы целесообразно ввести понятие *природно-культурной экосистемы.* Однако смысл данного концепта находится в противоречии с традиционным противопоставлением культуры и природы, согласно которому культура онтологически определяется через отличие искусственно созданной реальности от естественно-природной среды обитания человека.

Тема взаимозависимости культуры и природы в картине мира имеет множество предметно-содержательных и ценностно-смысловых интерпретаций — в различных религиозно-мистических учениях и философско-мировоззренческих концепциях картина мира строится на признании сущностного тождества, единого духовного корня природной эволюции и культуросозидающего процесса. В этих учениях естественно-природное бытие рассматривается как самоценное, самодостаточное, автономное, неантропоморфное и вместе с тем как органическая составная часть экзистенциальной полноты и духовных смыслов культуры. «Культура с самого начала не есть насилие над природой по законам природы, но есть культовое действие — жертвоприношение, которое возносит саму природу на высокую религиозно-нравственную ступень, придавая ей значение жертвы… культура в своем развитии создает природную среду и наделяет ее атрибутом чистоты, чтобы защищать ее от себя, то есть обращаться с ней подлинно культурно»[2].

Согласно М. Н. Эпштейну, экологическая трансформация ритуала жертвоприношения заключается в самоочищении культуры через ее решимость оберегать и охранять природу в самой себе. «Постоянно возобновляемая и неразрешимая апория экологического сознания» (М. Н. Эпштейн) заключается в том, что сущностная *взаимопричастность* природы и культуры (принцип коэволюции открытых систем) не отменяет их *взаимной автономии* (принцип аутопойесиса, или оперативной замкнутости системы). Абсолютизация того или иного принципа ведет к одной из двух взаимно дополнительных форм редукционизма в анализе морфологии и имманентной логики развития природно-культурных экосистем: натуралистическому и культурно-историческому.

Натурализм заключается в редукции логики культурно-исторического процесса до естественно-природной детерминации. За стремлением рассматривать мир-как-историю с точки зрения мира-как-природы, за стремлением ставить исторические события и культурные смыслы в каузальную зависимость от естественно-природных законов и процессов может быть «скрыто стремление приобщиться к чему-то такому, что стояло бы заведомо *выше* всего *антропо-* и *социо*морфного»[3]. Однако такого рода установки на аналитику природно-культурных экосистем неизбежно оборачиваются культурным нигилизмом, отрицанием собственных оснований и имманентной логики в культуросозидающей деятельности.

Противоположной натурализму формой концептуально-методологического редукционизма является *культуро-историзм,* утверждающий автономию культуры от детерминации природными процессами и факторами. Клиффорд Гирц характеризует парадигму культуро-историзма следующим образом: культуру надлежит анализировать «исходя из самой культуры», «в ее собственных терминах»[4].

Наиболее последовательно принцип автономии социально-культурного целого от внесистемных воздействий в современной социальной теории проводится в концепции аутопойетической системы Никласа Лумана и Умберто Матураны. Принцип аутопойесиса, или оперативной замкнутости системы, означает, что внутрисистемные взаимодействия совершаются социальной системой на собственных основаниях, которые создаются самой же системой и которым в окружающем ее мире ничто не соответствует. Воздействия на систему окружающей среды, разумеется, не отрица-

[1] *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М. : Ин-т русской цивилизации : Алгоритм, 2012. С. 496.

[2] *Эпштейн М. Н.* Наброски к экологии текста. URL: http://philosophy.ru/library/epstein/ecology.html.

[3] *Батищев Г. С.* Введение в диалектику творчества. СПб. : РХГИ, 1997. С. 60.

[4] *Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб. : Университетская книга, 1997. Т. 1 : Интерпретация культуры. С. 185.

ются, но они не специфицируют внутрисистемные операции. Так, например, язык и его структуры не могут возникать и развиваться «благодаря огню, землянике или космическим лучам».

Таким образом, культуро-историзм с его принципом аутопойесиса культуры рассматривает внешнюю (внечеловеческую, внекультурную, объективно-природную) среду культурогенеза исключительно под углом зрения неспецифической для этой среды функции быть «сырьем» для культуросозидающей деятельности человека. Эта деятельность может использовать свойства природы, обязана считаться с ее объективными законами, но она не определяется ими как заведомо низшими по своему онтологическому статусу и аксиологическому рангу и потому не имеющими для культуры *самостоятельной* ценности. Тем самым в составе природно-культурной экосистемы культуро-историзм абсолютизирует культуру, антагонистически противопоставляя ее природе как аксиологически и семантически пустому сегменту системы.

Прочный мировоззренческий фундамент экологии культуры, заложенный Д. С. Лихачевым, позволяет с известной долей оптимизма смотреть на перспективы ее становления в качестве парадигмы нового междисциплинарного синтеза, нового подхода к построению картины мира солидарными усилиями философии, искусства, естественных и общественно-гуманитарных наук.

Н. В. Дымченко[1]

ПОЛИЭТНИЧНАЯ ОБЩНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ (На материале Приднестровья)

Один из важнейших вызовов современности — процесс стирания этнокультурного многообразия мира в эпоху глобализации. Мировая экономика, рыночная конкуренция, информатизация, научно-технические новации, различные виды миграции, унификация — все это определило глобализационные процессы. Возникли угрозы исчезновения языков и культур различных этнических групп, нивелирования национальных особенностей, отказа от традиций и пр. В то же время можно согласиться с мнением академика В. С. Степина (1934–2018), высказанным в одном из его трудов, что глобализацией создаются новые перспективы взаимодействия культур и встреча разных культур всегда приводит к инновационным всплескам и великим творениям[2]. Творец культуры — человек, поэтому понятия «человек» и «культура» неразрывны и являются базовыми в культурологии.

Процессу глобализации в первую очередь подвержены небольшие государства, иногда с неустойчивой экономикой, не имеющие больших ресурсов, с частыми политическим трансформациями. А что можно сказать о непризнанных и частично признанных государствах, таких как Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах (Республика Арцах), Приднестровская Молдавская Республика? Как глобализация повлияла на развитие их социума, произошли ли изменения в их культурах? Что их ждет в эпоху глобальных перемен? Первые три государства имеют более или менее доминирующие этносы (абхазы, осетины, армяне), тем не менее по национальному составу эти страны полиэтничны — Абхазия в большей степени, Нагорный Карабах — в меньшей. Абхазия и Южная Осетия имеют статус частично признанных. Провозглашая свой суверенитет, они практически полностью интегрированы в экономическое, социокультурное и информационное пространство Российской Федерации.

Другая ситуация сложилась в Приднестровье. Под влиянием политических событий 1988–2000 годов здесь (в Приднестровской Молдавской Республике — ПМР) происходило превращение региональной полиэтничной общности в нечто качественное новое — народ Приднестровья. Это особое этнополитическое и социокультурное образование со своей исторической памятью, мировоззрением, менталитетом[3]. В преамбуле Конституции ПМР записано «Мы, многонациональный народ Приднестровской Молдавской Республики, соединенные общей судьбой на своей земле…»[4]. Пожалуй, в этом заключается феномен Приднестровья: при наличии в равных долях трех основных этносов — русских, молдаван, украинцев, а также еще 40 других, население позиционирует себя как единый, неразделимый приднестровский народ. То есть это надэтничная общность, которая сложилась исторически в борьбе за самоопределение. Приднестровский народ образовался на волне отражения вооруженной агрессии путем единения различных этносов для противодействия угрозе.

Другая отличительная черта ПМР заключается в том, что в эпоху становления этнократических режимов она создавалась не на национальной или тем

[1] Проректор Тираспольского межрегионального университета, заведующий кафедрой общегуманитарных и правовых дисциплин, директор Центра исследования культурно-исторического и духовного наследия Приднестровья, доктор философии, кандидат культурологии, профессор. Автор более 150 научных работ, в т. ч. монографий: «Страницы культуры Приднестровья: очерки и статьи», «Культурное пространство Приднестровья: истоки, реалии, тенденции», «Очерки православной истории и культуры Приднестровья», «Культурно-просветительная деятельность в поликультурном пространстве Приднестровской Молдавской Республики: организация, динамика, тенденции (1990–2005 гг.)», «Грани приднестровской культуры» и др. Член Русского географического общества, Союза краеведов России, Императорского православного палестинского общества. Награжден медалью Пушкина (Россия) и др.

[2] *Степин В. С.* Глобализация и диалог культур: проблема ценностей. URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/vg/2011_2/008-017.pdf ; *Он же.* Человек. Деятельность. Культура. СПб. : СПбГУП, 2018.

[3] Феномен Приднестровья / Н. В. Бабилунга, С. И. Берил, Б. Г. Бомешко [и др.]. Тирасполь : РИО ПГУ, 2003. С. 6.

[4] Конституция ПМР (ред. 14.12.18).

более националистической основе, а на гуманистически-гражданских полиэтнических принципах[1]. Конечно, можно сказать, что Приднестровье — осколок советской империи, существующий как непризнанное самопровозглашенное государство, находящееся в изоляции, менее других субъектов бывшего Советского Союза подверглось глобальным переменам. Да, во многом в Приднестровье сохранилась советская ментальность, что выражено в мышлении, традициях, коллективности, повседневном поведении, языке, о чем свидетельствуют советские идеологемы в приднестровском дискурсе. Приднестровье не столкнулось, как многие восточноевропейские страны, в том числе бывшие республики СССР, с массовым культурным и религиозным наплывом и многообразием, определяемым как мультикультурализм, а сохранило ориентацию на традиционную культуру и православные ценности на основе учений Русской православной церкви Московского патриархата. Это неудивительно, так как 90 % населения ПМР считают себя православными христианами. Регион выбрал свой, поликультурный путь развития, не имеющий ничего общего с мультикультурализмом, который зиждется на массовой культуре. Примерно три четверти населения, кроме гражданства Приднестровской Молдавской Республики, имеют гражданство России, Молдовы или Украины. Обладатели российских паспортов свободно ездят в Россию (но не через Украину), а приднестровцы — граждане Молдовы и Украины благодаря безвизовому режиму с Европейским союзом посещают страны Евросоюза.

Процесс румынизации молдавского этноса не затронул Приднестровье, где была сохранена молдавская грамматика на кириллической графической основе, в отличие от Молдовы, перешедшей на латиницу. По мнению приднестровского профессора Н. В. Бабилунги, *«Приднестровье — это единственное место на Земле, где молдавская идентичность не искажается и молдавское национальное самосознание не пытаются переделать на румынское»*. Этнический состав населения Приднестровья сформировался преимущественного как результат взаимодействия этносов индоевропейской семьи и характеризуется исключительной пестротой и мозаичностью. В данном случае можно согласиться с мнением академика В. А. Лекторского: *«Разнообразие традиционных культур — не недостаток, а условие выживания и дальнейшего развития человечества»*[2].

Важным элементом культуры и отличительным признаком этноса является язык. В самопровозглашенном Приднестровье, расположенном между Молдовой и Украиной, провозглашен конституционный принцип: *«Статус официального языка на равных началах придается молдавскому, русскому и украинскому языкам»*[3], в то время как сопредельные государства приняли законы о функционировании одного языка — румынского (вместо молдавского) в Молдове и украинского на Украине, хотя обе страны полиэтничны. Такая гомогенность в языковом вопросе неприемлема в Приднестровье. Несмотря на то что в Приднестровье действуют законы и другие нормативно-правовые акты о сохранении и поддержании в регионе русского, украинского, молдавского языков и культур, императивный постулат полиэтничного Приднестровья венчает конституционная статья, которая гласит: *«Каждый обязан оберегать культурное и духовное наследие народа Приднестровской Молдавской Республики»*[4].

В настоящее время Приднестровье не является центром миграции, так что говорить о кросс-культуре или культурной диффузии не приходится. Анализ миграционной ситуации свидетельствует о том, что побудительными мотивами эмиграции приднестровцев в последние десятилетие является их неопределенный правовой статус, неясные политические и экономические перспективы, сложный морально-психологический климат и кризисная социально-экономическая ситуация. Все это усугубляется проблемой выхода приднестровских компаний на внешние рынки. Безработица и низкий жизненный уровень выталкивают людей из Приднестровья[5].

Таким образом, культура и человек в приднестровском социуме развиваются в условиях непризнанности и изоляции, с элементами советской ментальности в лучшем ее понимании, ориентацией на духовно-нравственные идеалы России на основе православных ценностей и этнического разнообразия, с надеждой на политическое признание государства. Экономическая блокада, информационная война против ПМР, политическая изоляция стали барьерами для распространения российской культуры, на которую ориентировано Приднестровье и которая в регионе является доминирующей. Многие ученые и деятели культуры России с удовольствием приезжают в регион, некогда бывший горячей точкой, но в последнее время это стало проблематично, так как многих журналистов, писателей и артистов, прибывающих в аэропорт Кишинева, чтобы затем ехать в Тирасполь, не впускают в страну и отправляют обратно. Так случилось и с большой делегацией деятелей культуры и искусства, стремившихся попасть в 2017 году на празднование 25-летия миротворческой операции в Приднестровье, которая считается самой успешной в мире. Их просто выдворили из Молдовы, забыв о том, что Россия является основным гарантом мира и стабильности в регионе. Приднестровье выбрало евразийский вектор развития. Может ли приднестровский народ в канун 30-летия провозглашения независимости ПМР ожидать признания своего государства мировым сообществом, интеграции в глобальное экономическое, информационное и культурное пространство? Будет ли происходить реинтеграция с Молдовой или дальнейшее политико-правовое сближение с Российской Федерацией? От этого будет зависеть и жизнь общества, и дальнейшие тенденции развития культуры региона.

[1] Феномен Приднестровья.

[2] *Лекторский В. А.* Человек и культура : избр. ст. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 606.

[3] Статья 12 Конституции ПМР.

[4] Статья 51 Конституции ПМР.

[5] *Фоменко В. Г.* Расширенный миграционный профиль Приднестровья. Кишинев : МОМ, 2017 ; *Бурла М. П., Кривенко А. В., Фоменко В. Г.* Миграция населения Приднестровья: социально-экономическое и территориальное измерение // Вестн. Приднестровского ун-та. 2014. № 3 (48). С. 136–144.

Т. И. Ерохина[1]

ЧЕЛОВЕК И ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ГРАНИЦЫ КОММУНИКАЦИИ

Теоретическому осмыслению проблем глобализма и глобализации посвящены многочисленные исследования последних десятилетий. Изучение исторических корней и генезиса глобализации, сопоставление глобализационных процессов в истории культуры, создание и интерпретация теорий глобализма и глобализации, дискуссии по поводу необходимости и неизбежности процессов глобализации или временности и исчерпанности этих процессов — все эти и многие другие аспекты понимания глобализации сформировали основу самостоятельного направления в научном знании, которое стало междисциплинарным, объединив философов, историков, социологов, политологов, экономистов, культурологов, искусствоведов. Представление о глобализации и ее восприятие вызвали к жизни ряд взаимосвязанных вопросов, рассмотрение которых еще не завершено и вызывает многочисленные дискуссии. Отметим среди них парадоксальные вопросы о глобальных переменах, связанных с глобализацией; о возможности существования глобальных культур и глобальных обществ, наконец, о возможностях «глобализации» человека и формировании нового типа «глобальной личности», противопоставленной человеку локальному.

В этом контексте одной из наиболее значимых становится проблема рассмотрения бинарной оппозиции «граница–безграничность» в аспекте коммуникации по отношению к глобальному миру и человеку, находящемуся в этом мире.

Понимая под глобализацией (в общем смысле этого термина) экономические, политические и культурные процессы взаимодействия стран, регионов, результатом которых становится формирование единого мирового пространства («единого мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления»[2]), отметим, что глобализация всегда связана с коренными переменами и объективным историческим развитием. Но современный контекст глобализации имеет ряд существенных отличий, позволяющих говорить о формировании глобальной культуры как новой картины мира. Можно отметить также создание культуры мегаполисов, стандартизацию как онтологическую базу глобализации, развитие массовой культуры и симулякров (Ж. Бодрийяр) и многое другое. Существенными чертами глобальной культуры становятся создание новых коммуникационных систем, мобильность и динамичность, проявляющиеся на разных уровнях, кризис идентичности и дискретность мышления, а также понимание и восприятие границ[3].

Обращение к феномену границы в аспекте бытования человека в глобальном мире имеет особое значение в силу ряда причин. Во-первых, наше внимание к границе обусловлено не только культурфилософской значимостью этого феномена в его историческом и современном понимании (толкование границ/пограничности опирается на работы Х.-Г. Гадамера, Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта, Ф. Шеллинга, О. Шпенглера и других, в отечественной традиции — на труды М. М. Бахтина, М. С. Кагана, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, П. А. Флоренского и др.), но и тем, что «стирание» границ становится принципиально значимым для процессов глобализации: «Глобализация — *надграничность* (курсив мой. — *Т. Е.*), тенденция к расширению пространства взаимодействия, пространства, существующего как бы поверх пределов локальных пространств и структур, формирование общего и единого центра, вокруг которого структурируется новая целостность»[4].

Во-вторых, нарушение границ в глобальной культуре касается практически всех сфер бытия личности: ее существования, функционирования, деятельности. Наиболее глубоко этот процесс презентуется в системе коммуникации. Прежде всего речь идет о типе коммуникации, созданном Интернетом, само наличие которого также стало результатом и признаком глобализационных процессов и глобальной культуры. Коммуникация в Интернете не имеет пространственных границ, поскольку делает возможным общение практически в любой точке пространства (при этом отсутствуют не только границы страны, региона, области, но и границы локализации — офиса, дома и т. д.). Современная коммуникация не имеет временны́х границ, поскольку может осуществляться онлайн в символически данном «разном» времени (стираются часовые пояса между странами и регионами), может быть синхронной и асинхронной. Коммуникация в Интернете стирает любые социальные, гендерные, национальные границы, поскольку, являясь зачастую анонимной, она позволяет адресату и адресанту выбрать любую роль, маску, стиль общения и т. д.

В-третьих, глобальная культура тяготеет к созданию нового языка, разрушая таким образом языковые барьеры. Речь идет не только о необходимости языка, который был бы универсальным языком общения (в связи с этим мы наблюдаем выделение английского языка как языка глобальной культуры и процессов гло-

---

[1] Первый проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, почетный работник сферы образования РФ, заслуженный работник ЯГПУ. Автор более 170 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.), «Массовая культура: российский дискурс» (в соавт.), статей «Максим Горький и память культуры», «Стереотипы и символы русскости», «Феномен диалога в массовой и элитарной культурах», «Серебряный век как код массовой культуры» и др. Член Союза театральных деятелей РФ.

[2] *Тишунина Н. В.* Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход : сб. науч. материалов / отв. ред. Н. В. Тишунина. СПб. : Янус, 2003. С. 6.

[3] *Устюгова Е. Н.* Глобализация и культура // Глобализация и культура: аналитический подход. С. 25–46.

[4] Там же. С. 32.

бализации). Меняется отношение к языку как средству общения. Вербальность заменяется телесностью в непосредственном контакте, начинают доминировать аудиовизуальные средства, преобладает информативный тип коммуникации, которая становится «контекстной» (А. Д. Иоселиани) — сеть подразумевает обязательное наличие ссылок и т. д. Общение становится интерактивным и гипертекстуальным.

Возникает парадоксальная ситуация: отсутствие границ, характеризующее глобальную культуру и имеющее несомненно позитивные последствия (динамичность мира и человека, социальную мобильность и гибкость мышления, способность «быстро реагировать на постоянно меняющийся интеллектуальный запрос времени»[1], появление новых сфер деятельности, новые способы самореализации человека, новое понимание свободы и т. д.), в то же время порождает кризис коммуникации.

О значимости границы в культуре говорил Ю. М. Лотман, отмечая, что граница выступает в роли билингвального механизма — переводчика сообщения с одного языка на другой, на стыке которого находятся два совершенно разных процесса или явления, но помимо этого она же ограничивает проникновение одного в другое, а также фильтрует и адаптирует поступающую информацию. Функции границы как феномена рождения и пребывания культуры, создания новых культурных кодов и смыслов, основы межкультурной коммуникации и диалога культур были осмыслены в работах М. М. Бахтина, В. С. Библера, Д. С. Лихачева. Именно столкновение «своего» и «чужого», которое происходит на пересечении культурных миров, обеспечивает жизненность культуры, способствует ее развитию.

Безусловно, непроницаемость культурных границ также может стать поводом для кризиса в культуре и отсутствия коммуникации. Граница как препятствие, нежелание выстраивать диалог провоцирует конфликты, последствия которых мы наблюдаем в современной культуре, — терроризм, военные столкновения, различные виды экспансии и т. д.

Тем не менее отсутствие в глобальной культуре границы как «пограничья», как особого пространства самосознания и самоидентификации личности приводит к тому, что возникает мировоззренческий кризис. Это и потеря ценностной ориентации в культуре, и разрыв с культурными традициями, и появление проблемы идентичности (практически на всех уровнях: национальном, конфессиональном, языковом), дискретность мышления, свойственная постмодернизму, превращающая семиотизированный мир в гипертекст. Более того, само понимание глобальности как общечеловеческих идей гуманизма, основы жизни общества и человека в современном мире, условия развития диалога культур, преодоления кризиса и разрешения конфликтов, формирования нового типа культуры и личности базируется на понимании необходимости культурного пограничья, без которого невозможны сохранение культурной идентичности и глобальные перемены. Таким образом, не отрицая значения процессов глобализации, отметим, что только полицентризм, в котором наличие территории «пограничья» обеспечит существование диалога культур, может стать стратегией развития глобализации и существования глобальной культуры.

О. А. Жукова[2]

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Современность с ее сосуществованием модерных и традиционных культур, цивилизационных укладов, национально-культурных традиций представляет собой очень сложный предмет для философского изучения и понимания. Есть определенное методологическое затруднение в социальных и гуманитарных исследованиях, предметом которых является современное общество и его формы социокультурных практик. Новые технологические возможности, меняющие принципы социальной и личной коммуникации, скорость информационных потоков, диффузия общественных систем, ориентированных на традиционные ценности, — только видимая часть трансформаций, определяющих характер глобальной перестройки мировой архитектуры — сам способ существования современной цивилизации. Не всегда читаемые и слабо артикулируемые смыслы событий, происходящих в современности, исследователь культуры и истории вынужден помещать в жесткий дискурс философских наук о культуре и обществе. Как следствие, он оказывается в состоянии «между»: между традициями философского знания и дискурсивными практиками современных наук, классической и неклассической рациональностью, узкоспециализированной областью исследований и междисциплинарностью, дильтеевским опытом погружения в дух культуры и теоретической реконструкцией явления.

XX век значительно трансформировал культурное сознание человека, изменил социальную структуру общества и политическую архитектонику глобального мира. Всем ходом социального и духовно-интеллекту-

[1] *Тишунина Н. В.* Указ. соч. С. 16.

[2] Заместитель заведующего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога, профессор школы философии, академический руководитель философской магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории», «Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал: русская культура и социальные практики современной России», «Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России», «Курс лекций по философии и истории русской культуры».

ального развития он подготовил и манифестировал актуальную современность как сочетание преемственного развития, критического пересмотра и отказа от ценностей, определяющих проект европейского модерна. Именно европейский модерн с его последующими модификациями, транслируя ценности и практики модернизации (технологического и социально-политического перевооружения традиционных европейских и неевропейских стран), создал дизайн современного мирового хозяйства и мировой политики. Нет сомнений, что необходимость философско-исторического, политического и культурологического анализа модерных и постмодерных обществ в форме философской критики современности будет только возрастать.

Специально отметим, что философская критика культуры, осуществленная европейскими и русскими авторами еще в начале XX века и концептуализировавшая тему ее кризиса, способствовала формированию самостоятельной социально-философской и культурфилософской традиции. Анализ процессов урбанизации, омассовления культуры, нарастающего технократизма, роли массовых коммуникаций, тоталитарной идеологии был блестяще произведен в работах Т. Адорно, М. Вебера, Г. Маркузе, Х. Ортеги-и-Гассета, П. Сорокина, Э. Тоффлера, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, а также Х. Арендт, Д. Белла, Э. Гидденса, Г. М. Маклюэна. Авторы зафиксировали переход от модерна к постмодерну, указав на глубинные трансформации, происходящие на уровне политического (коллективного и индивидуального), религиозного и художественного сознания, интеллектуальных традиций. Эти изменения в коллективной ментальности и индивидуальной психологии людей обнаруживаются прежде всего в ситуации выбора ценностей, связанных с дискурсами власти, знания, веры, искусства.

Среди зарубежных авторов, исследующих данную проблему в аспекте взаимодействия высоких и повседневных практик культуры, особая роль принадлежит теоретикам постструктурализма — Р. Барту, Ж. Бодрийяру, Ж. Делезу, Ж. Дерриде, Ф. Джеймисону, Ж. Лиотару, У. Эко. Постструктуралисты неслучайно сконцентрировали свое внимание на художественном творчестве, искусстве, литературе и философии. Признаком современной культуры стало смешение высоких духовно-интеллектуальных практик и повседневности, растворение религиозных, эстетических, политических нарративов и смыслов в обыденной жизни, виртуализация межличностной коммуникации в глобальном информационном пространстве. Теоретики постмодерна вернулись к центральной для европейской философской традиции проблематике человека, обогатив философско-антропологическую тему темами знания, свободы и творчества, связанных в новом контексте «постнарратива» истории и культуры с осмыслением коммуникативной функции слова, смысл которого опосредован в структурах метакультурного текста.

Основным объектом деконструкции в процессе распредмечивания смысла оказывается исторический текст самой культуры. Метафора Р. Барта о «смерти автора» как субъекта истории и творчества, прежде конституируемого словом, отсылавшим к моральному и духовному авторитету, к традиции, фиксирует в современной культуре распад метафизических систем. Если использовать философскую оптику Барта для анализа текущего момента информационной «посткультуры», то можно увидеть, что «интертекстуальность», определяемая Бартом и другими теоретиками, вытеснила текст как авторское высказывание, подменила ответственное слово *автора* гиперссылкой, пребыванием в потоке информации, «постом» и «репостом» информационных сюжетов и кластеров сообщений. Растворенность в «интертекстуальности» современного информационного пространства, «ризомное» блуждание по информационному полю, имитирующее акт свободного познания и творчества, становятся маркером некритического потребления информации, создающего ложное ощущение осведомленности и компетентности. В этой новой технике обретения знания и выработки суждений о действительности нет авторитетов, нет учителей, а есть кредиторы мнения, чья значимость и легитимность утверждается частотностью появления в публичном информационном пространстве и масштабом охвата аудитории.

Перестройка ценностей является значимым предметом постмодернистской рефлексии современной культуры и общества. Для постмодернистской философии культуры доминирующим стал образ принципиальной множественности реальности, подчеркивающий очевидное разнообразие форм социального, интеллектуального, религиозного, художественного опыта. Однако декларацией этого разнообразия и принципиальной «индивидуализации-атомизации» человека манифест постмодернизма, собственно, и ограничивается, превращаясь в миф о толерантности, достаточно жесткий и идеологически поддерживаемый машиной социального контроля (новой идеологической практикой «мейнстрима») — политического, медийного, интеллектуального. Установка на деконструкцию национально значимых нарративов истории и культуры, на релятивизм смыслов и ценностей в постмодернизме создает картину мира, в которой на уровне социальных и культурных практик устанавливается принцип автономности существования — *сверхсвободы,* когда человеку доступно и разрешено все — от индивидуального успеха на любом поприще до смены половой идентичности.

Философы постмодерна считают, что степень трансформации социальной реальности слишком велика, так что невозможно собрать личность на основе ценностей классического модерна. В этом смысле авторы современности берут на вооружение идеологию «посткультуры», что представляет собой не только практику отказа и/или пересмотра ценностей, порожденных христианской традицией, результатом секуляризации которой стал модерн как культурно-политический проект, но и дискредитацию иных культурных систем, составляющих основу национального бытия неевропейских стран и народов. Активно переписывается онтологическая и культурно-антропологическая программа человека, превращая его в существо без определенного пола, без морального облика, без

принадлежности к авторитету традиций, закрепленных в истории, культуре и религии, — в индивида, выбирающего гендер с такой же легкостью, как товар в лавке, готового стать «родителем номер один» или «номер два».

Что может быть противопоставлено этой логике и практике глобальных социокультурных трансформаций, угрожающих не только историческому существованию мировых культур, но и самому онтологическому статусу человека? Как представляется, этой элиминации метафизического ядра культуры и забвению культурной памяти следует противопоставить опыт освоения прошлого и ценностной «интериоризации» культурного наследия. Это означает, что на научном, образовательном и общественном поле следует развивать дискурсивные практики культурно-исторического знания, расширяя при этом публичное пространство обсуждения национальной и мировой истории с целью выработки современного языка интерпретации духовно-интеллектуального опыта наций. Обращая прошлое в социальный и моральный капитал, можно обеспечить переход от культуры «пост» к культуре реального настоящего и прогнозируемого будущего, снизив риск обрушения социальных систем и непредсказуемых последствий деградации культурной истории в глобальном масштабе, ее варваризации и архаизации.

Собственно, формулирование культуротворческой стратегии должно стать одной из важнейших задач философа культуры. Как представляется, профессиональное философское сообщество, которое во многом демонстрирует моральный стиль и мыслительные практики современной индивидуализированной культуры, все же (в этически ориентированных интеллектуальных субкультурах) продолжает быть носителем духовно-интеллектуальной традиции знания. Философская рациональность остается ценностным и инструментальным основанием социально-творческой деятельности человека. Философский подход в интерпретации культуры может быть связан с преодолением культурного догматизма, в том числе релятивистского проекта постмодерна, обладающего собственной «тоталитарностью» мифа, как иные политические идеологии или фундаменталистские религиозные доктрины. Философская альтернатива, формирующаяся в настоящем и открывающая проект будущей культуры, должна, на наш взгляд, состоять в «собирании» бытийного образа человека во времени культуры, истории и вечности. Подобная философская работа будет непременно сопряжена с культурно-образовательной. В этом контексте ближайшей и наиболее значимой задачей для российского сообщества гуманитариев является актуализация смыслов национальных культур, хранящих запас духовных идеалов, интеллектуальных и политических идей, которые могут стать ценностным и концептуальным основанием формирования современной российской нации.

М. А. Замшев[1]

ПЯТЬ ПРИЧИН ВЕЛИЧИЯ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

Огромное творческое наследие Лихачева равнозначно его человеческому авторитету. Наверное, поэтому после ухода из жизни Дмитрия Сергеевича его остро не хватает всем, кто хочет России добра.

Дмитрий Сергеевич Лихачев прожил долгую жизнь, и благодаря ему российской культуре удалось избежать многих бед. Лихачев — филолог. Люди этой классической профессии подчас становятся непререкаемыми авторитетами в своей сфере, но далеко не часто играют значительную роль в общественной жизни страны. К Дмитрию Сергеевичу это не относится. Он был известен и любим всей страной, к нему прислушивались представители всех социальных групп, он находил нужные слова для людей всех возрастов, по нему в мире изучали образ российского интеллигента.

Почему? В чем секрет? На каких прекрасных постулатах строилась его личность? Во-первых, этот человек по судьбе, времени, в котором ему довелось родиться и которое пережить, — настоящий стоик. Это про него можно смело, без натяжек сказать: верность духовным ценностям способна пересилить любые физические страдания. Его соловецкая Одиссея и последующее служение культуре — пример того, как надо справляться с превратностями судьбы.

Во-вторых, ему удалось сделать невозможное — привлечь широкий общественный интерес к предмету своего филологического и лингвистического исследования — древнерусской литературе. До него она воспринималась как нечто сухое, схоластическое, лишенное жизни. Когда он начал деятельность по ее продвижению, всем открылось, какая жизнь и правда в ней заложены, как важно ее знать и изучать для создания полноценного русского культурного кода.

В-третьих, он никогда, несмотря на огромнейший объем филологической работы, не мыслил себя кабинетным ученым. Ни одно сколько-нибудь значимое общественное событие или явление не обходилось без его деятельного участия, будь то знаменитая серия «Литературные памятники» или борьба интеллигенции против пресловутого поворота сибирских рек.

[1] Главный редактор «Литературной газеты» (Москва). Поэт, прозаик, литературный критик. Автор 10 поэтических книг и 4 книг прозы, более тысячи публикаций в разных жанрах в России и за рубежом. Стихи публиковались в «Литературной газете», «Независимой газете», в журналах «Москва», «Нева», «Урал» и других тиражных изданиях. Переводит с румынского и сербского языков. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Член Наблюдательного совета литературной премии «Лицей» для молодых писателей и поэтов. Заместитель председателя Правления Московской городской организации Союза писателей России.

В-четвертых, в нем удивительным гармоничным образом сочеталось абсолютное неприятие тоталитаризма как метода угнетения человеческой личности и полное отрицание рынка как метода наживы. Он и представить себе не мог, что культура в государстве может регулироваться рынком, что государство перестанет выполнять по отношению к культуре охранительную функцию.

В-пятых, его манера общения, убедительность и авторитет не позволяли ни одному государственному мужу пренебречь его мнением, советом или пожеланием. На мой взгляд, эти факторы до сих пор способствуют тому, что при упоминании имени Лихачева сердце получает огромную инъекцию культуры, спасительную для российского самосознания.

О. П. Зубец[1]

МОЛЧАНИЕ И КРИК
(Человек и культура в перспективе Аушвица)

Рассмотрение человека и культуры в перспективе будущего, его предсказуемости и управляемости возможно не только в позитивном ключе, но и (а в наше время такой взгляд представляется важным и необходимым) в негативном: как обращение к тому, чего человечество стремится избежать. В этом случае речь идет не о желаемых перспективах развития, не о социальных идеалах, но о том, что мы хотели бы отменить, уничтожить не в будущем, которого еще нет, а в самих себе, — саму способность совершить то, что сами мы не можем санкционировать. И если по вопросу желаемого будущего пока нет не только согласия, но и сколько-нибудь вдохновляющих идей, то в отношении негативной идеи можно допустить некоторую определенность. Она была сформулирована Т. Адорно как новый категорический императив: мыслить и поступать так, чтобы не повторился Аушвиц. Именно Аушвиц и есть устрашающий негативный образ будущего, поскольку все, что сделало его возможным, все те силы цивилизации и культуры, которые привели к нему, сохраняются и по-прежнему формируют облик современного мира. Что значит мыслить и поступать так, чтобы это не повторилось? Идет ли речь о преображении социального мира или о том, чтобы человек поступал как моральное, а не социальное существо? И как возможно мыслить сам Аушвиц и говорить о нем?

Я хотела бы обратиться к последней, но основополагающей проблеме человека и культуры в перспективе Аушвица: речь идет о возможности рассказывать о ней. Одна из первых очевидностей, с которыми столкнулись мыслители «после Аушвица», заключалась в том, что о нем невозможно и недопустимо говорить способами научного описания и анализа, в терминах права и каким-либо иным языком культуры. Речь идет о радикальном зле, которое невозможно и недопустимо вписать в пространство человеческого, а именно это и делает язык культуры (если даже оставить в стороне тот факт, что сам язык культуры полностью дискредитировал себя соучастием в Аушвице). Это зло принадлежит к тому, о чем невозможно рассуждение, укорененное и укореняющее в описательном и ценностном мире человека, но что можно лишь отрицать, определяя как то, чего не должно быть в человеческом мире. Иной путь заключался бы в признании себя как неодолимо укорененного в этом зле, а значит, тоже лишенного человеческого языка, если не рассматривать сам этот язык как средство убийства.

С первых попыток выразить отношение к Аушвицу (в философии, праве, морали) он стал предметом, о котором невозможно говорить и о котором невозможно не говорить. Так сформировались два полюса неговорения, находящиеся за пределами рассудительности, — молчание и крик. Это два крайних способа выражения формируют два полюса культуры, сходящиеся в одной точке, где невозможно говорить о том, о чем надо кричать. Известно высказывание Л. Витгенштейна, что о боге и морали можно только молчать, а об абсолюте следует молчать хотя бы потому, что он не схватывается в слове, не имеет определений. Но когда человечество сталкивается с радикальным злом, которое невозможно выразить словами и рассматривать в качестве факта-примера, которое выпадает из пространства человеческого в полном смысле, так что у культуры нет и не может быть средств его описания и выражения отношения к нему, то остается одно — крик отрицания: этого не должно быть в абсолютном смысле! Отказ в праве на бытие, в каких-либо основаниях быть — единственный способ говорить о радикальном зле. И этот способ воплощается в молчании и крике: молчании как утверждении невыразимости в чем-либо человеческом, в первую очередь в языке, и крике как предельном отрицании. Под криком я подразумеваю некое предельное высказывание, отказывающееся разворачиваться в рассуждение и не вытекающее из него. Оно сводится к отвержению, отторжению некоего явления как предмета рационального рассмотрения, аргументированного дискурса. Таково утверждение: этого не должно быть в абсолютном смысле до и вне моих человеческих решений. Разум-

[1] Старший научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Концептуальная близость с Аристотелем как ключ к этическому замыслу Маркса», «Величавый Аристотеля: „странный“ текст и великая идея», «Что презирает и что превосходит добродетельный человек», «Боги не лгут», «Мораль: разнообразие понятий и смыслов», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из „Никомаховой этики“», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте», «Аристократизм как основание поступания», «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время» и др.

ное рассуждение об Аушвице невозможно, оно означало бы включение его в пространство человеческого, того, что можно помыслить как человеческое, и возвращение на путь к Аушвицу, а не от него. Рассмотрение его как факта означает утверждение его в бытии: для морального взгляда это то, чего не должно быть никогда, ни при каких обстоятельствах.

Что есть молчание и крик в философии — отдельная тема. Возможно, к ней можно подойти через попытки неговорящего говорения в искусстве, например в кино. Количество фильмов, посвященных Аушвицу, без преувеличения можно признать огромным, и оно ежегодно увеличивается. Очевидна потребность осмыслить произошедшее и что-то сделать с ним. Но если отсеять откровенно спекулятивные, повествовательные, идеологически заказные фильмы, если отсеять те, которые внутреннее чувство отвергает как недопустимые и которые отнесены к так называемой индустрии холокоста, то их останется не так много.

Уже классическим признается фильм 2016 года «Аустерлиц» Сергея Лозницы. Это документальная лента. Современные люди, много людей, они бродят по Аушвицу. Делают селфи и снимаются на фоне печей. Эти действия — символ нашей жизни. В том единственном месте, где люди соприкасаются с радикальным злом, которое называют, хотят назвать нечеловеческим, выпадающим из человеческого, они ведут себя обычным образом, по крайней мере большинство из них. Если принять утверждение, что Аушвиц не исчез, не растворился в прошлом, но стал определением современной цивилизации и ее перспектив, то все мы живем внутри него, делая селфи на фоне газовых камер, пользуясь тем, что привело к нему и соучаствовало в нем: лекарствами, достижениями генетики, идеями, судебной системой, всем социальным устройством. Название фильма перекликается с романом В. Г. Зебальда, герой которого Жак Аустерлиц испытывает чувство вины за исторические события, в которых он не принимал участия. Действительно, ви́дение события в моральном пространстве возможно только в качестве собственного поступка, так как исключительно в этом качестве мир дан человеку как моральному существу и задан им. То есть моральное отношение к Аушвицу возможно только как к собственному поступку, как к тому, за что *я* несу ответственность. Но что может человек сказать о себе как моральном существе? Ничего — ведь в морали он есть абсолютное, а потому бескачественное, неопределимое начало. Что он может сказать о своем поступке, если его смысл не дан самому поступающему, что было известно еще в Античности? Он может лишь утвердить свою ответственность — свое авторство, поставить подпись: возможно, это будет первым и последним актом говорения.

В своей рецензии на «Ночь и туман», знаменитый документальный фильм-свидетельство 1955 года, Франсуа Трюффо писал, что о нем невозможно говорить в терминах кинокритики. А Клод Ланцман сказал о «Списке Шиндлера» С. Спилберга: «Холокост уникален тем, что вокруг него существует огненное кольцо, граница, через которую нельзя переступать, ибо абсолютная мера жестокости непередаваема; тот, кто делает это, повинен в наихудшем нарушении границ дозволенного. Вымысел и является таким нарушением, поэтому я глубоко убежден, что любое отображение холокоста запрещено»[1].

Выжившие после Аушвица не могли не говорить о нем, но, начав говорить, теряли сознание (как это было со свидетелями на суде над Эйхманом), кончали жизнь самоубийством (как Примо Леви и многие другие), не желали иметь детей и продолжать человеческий род (как мой знакомый Джерри, пробывший в Аушвице восемь месяцев). Эли Визель, получивший Нобелевскую премию именно за тексты о холокосте, писал: «Аушвиц не может быть ни объяснен, ни визуализирован… Холокост трансцендирует историю». По А. Ассман, травматизация и табуирование привели к тому, что не только преступники, но и жертвы избегали воспоминаний о холокосте. Дан Бар-Он говорит о «двойной стене молчания»: когда жертвы решаются говорить, они сталкиваются со второй стеной молчания, которую общество воздвигло, чтобы защитить себя от травмы. Общество принуждает к молчанию — это факт истории большинства стран. Возникает идея «коммуникативного замалчивания»: молчание подразумевалось как условие возвращения к нормальной жизни. Для Х. Люббе это молчание — продуктивная социальная среда, для Х. Арендт — тотальное сообщничество преступников и общества. Нацистские преступники мечутся между необходимостью сокрытия, секретности, забвения и желанием славы и признания (таковы речи Гиммлера), жертвы зажаты между невозможностью говорить и необходимостью свидетельствовать и не повторить. Так и те и другие оказываются между молчанием и криком. Только с 1980-х годов «коммуникативное замалчивание» стало «соучастным замалчиванием» (А. Ассман), а дети жертв и преступников оказались в ситуации ответственности за происходящее в единстве прошлого и будущего. Символом эпохи свидетельства стал фильм К. Ланцмана «Шоа» — исключительно речь узников и тех, кто способствовал их гибели, только рассказы, иногда переходящие в молчание, в отказ от говорения узников и разговорчивость преступников.

То, что делает противоположными два молчания — молчание от невозможности говорить и замалчивание общества, — это крик, скрытый в первом и отсутствующий во втором. Его содержание — отказ Аушвицу в праве быть, в возможности быть мыслимым, описываемым и повторяемым.

Для «философии после Аушвица» исходной стала проблема возможности говорения: анализируя существующие ответы, Майкл Ротберг[2] выделяет реалистическое направление (Х. Арендт, З. Бауман) и антиреалистическую тенденцию (Э. Визель, К. Ланцман, А. Коэн, Ж.-П. Лиотар). Артур Коэн вводит понятие цезуры (паузы) холокоста — паузы, связанной с тем, что мышление и лагеря смерти несоизмеримы. Мо-

[1] Цит. по: *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9637770.

[2] См.: *Rothberg M.* Traumatic Realism: The Demands of Holocaust Representation. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2000. P. 7.

ральная философия также оказывается между молчанием и криком: ведь речь может идти не о логических умозаключениях, а исключительно о том, что схватывается умом во всей полноте и окончательности. И это абсолютное принятие того, что возможность или невозможность убийства не должна и не может быть выводом разума, но абсолютный запрет на убийство есть то, что предшествует ему в качестве его основания. Это значит, что говорение, рассуждение и описание Аушвица возможно лишь как полное моральное отрицание его права быть. Отказ от фактологического говорения и крик абсолютного отрицания задают те границы, внутри которых снова возникает возможность человеческой речи, возможность культуры и мышления. Границы, в которых идея человека, оставаясь пугающей и рождающей стыд, сохраняет некую надежду.

М. Г. Иванова[1]

КОНЦЕПТОСФЕРА НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК СМЫСЛОВОЕ ЯДРО НАРОДНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

«Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры — культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности», — писал Д. С. Лихачев[2]. Понимание концепта особенно важно в современном языковом формате, поскольку национальный язык представляет собой не только систему знаковых единиц, предназначенную для коммуникации, но и самостоятельный потенциал постоянно развивающихся познавательных средств, необходимых в постижении мира. Концепт не является в чистом виде значением слова, так как представляет собой сумму его различных смыслов, личного опыта концептоносителя, коллективного языкового контента народа. Это вариации потенциально возможных смыслов слова с включением в них элементов исторического, экономического, социального, культурного факторов, оказывающих влияние на носителя языка, в совокупности с интеллектуальной способностью человека к ассоциативному освоению значимых концептуальных понятий через призму эмоционального опыта народа.

Концептосфера национального языка одновременно статична и изменчива: устоявшиеся смыслы из фольклора, литературы, религии передаются из поколения в поколение и закрепляются на уровне традиций, в том числе языковых и речевых. Изменения в содержании концептосферы происходят посредством наполнения ее новыми современными значениями через жизненный опыт народа, образы искусства, идеологическую систему ценностей, соотносящихся с культурно-историческим опытом нации. При этом богатство любого национального языка определяется не только размером его словарного запаса и возможностями грамматических категорий, но и содержательной многогранностью концептосферы, складывающейся из смысловой вариативности концепта.

Культурный концепт в языковом сознании представляется спектром смысловых значений, которые выражаются в лексических, фразеологических, паремиологических единицах, образующих лингвокультурологические поля, что находит отражение в национальных речеповеденческих стратегиях и тактиках[3]. Ключевые концепты национальной культуры, содержащие важнейшие понятия этнического менталитета и сознания, особенности этнопсихологических проявлений этнофора, выявляются в результате взаимодействия языка, культуры и психологии народа.

Например, для восприятия русской духовной культуры необходимо понимание концепта *«правда»*, тесно сопряженного с православными верованиями и закрепленного на уровне паремиологических единиц: *Бог не в силе, а в правде; Все минется, одна правда останется; Всякая неправда — грех; Неправая нажива — детям не разжива; У Бога правда одна.*

Концепты *«вера»*, *«надежда»*, *«любовь»* как особо значимые в русском национальном сознании, поскольку обладают культурно-нравственным содержанием в православных верованиях, а потому отражают через свои смысловые векторы определяющие духовные ценности русского народа, также закреплены на уровне пословиц и поговорок. Например, *Вера животворит; У них вера хороша (говорят о нравственности народа); Вера и гору с места сдвинет; Нет веры без праведных поступков; Доверяй, но проверяй; Кто легко верит, тот легко и пропадает; Если Бог с нами, то кто против нас* и др.

Концепт *«прощение»* также отражен в пословично-поговорочных единицах русского языка именно потому, что прощение есть характерная черта русского человека, ценность, неразрывно связанная с религиозным воззрением народа. Например, *Была вина, да про-*

[1] Заместитель директора Алматинского филиала СПбГУП по научной работе, профессор кафедры социально-культурных технологий (секции языковых дисциплин), кандидат педагогических наук. Автор более 35 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Ситуации речевого поведения как показатель национально-культурной специфики этноса», «Роль понятия „культура“ в определении основных аспектов этнопсихологии и теории межкультурной коммуникации», «Значение принципа „культурных универсалий“ в формировании компетенции межкультурного общения», «Взаимосвязь этнической психологии и межкультурной коммуникации в процессе изучения русского языка как иностранного», «Национально-психологические особенности в формате педагогической технологии обучения РКИ» и др.

[2] *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 251.

[3] *Карасик В. И., Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 9.

щена; Невольная ошибка прощается; До трех раз прощай; Легкую вину прощают; Понять — значит простить и др.

Осмысление моральных ценностей и норм — задача сложная, но необходимая для любого народа, стремящегося сохранить устои своей национальной культуры и продолжить ее развитие. Такие психологические особенности русских, как чувственное восприятие жизни и всепоглощающая страсть к предмету обожания, закреплены в содержании пословиц: *Либо пан, либо пропал; Либо в генералы, либо в капралы; Либо железную цепь, либо золотую; Либо в стремя ногой, либо в пень головой; Либо мед пить, либо биту быть.* При решении трудного вопроса русский человек чаще всего руководствуется «голосом сердца», «душевным порывом», а не «здравым рассудком» и «холодным умом», отсюда нелюбовь к компромиссным решениям и проявления максимализма, которые выражаются в жизненном принципе «все или ничего». В. Шубарт, объясняя эту яркую особенность тем, что «русской душе чужда серединность; у русского нет амортизирующей средней части, соединяющей звенья между двумя крайностями; в русском человеке контрасты — один к другому впритык...»[1], относит эти свойства к ментальным характеристикам русских.

К еще одному общепризнанному качеству русских относится *«противоречивость»*, объясняемая историками и философами, во-первых, серединным положением России между Западом и Востоком; во-вторых, соединением в русской душе христианских верований и языческих мироощущений; в-третьих, значимыми событиями русской истории, которые высвечивают извечный конфликт между государственным могуществом и свободолюбием народа[2].

Склонность русского человека к иррационализму, повышенной эмоциональности и различным крайностям, то есть неприятие «золотой середины» и другие проявления противоречивости не обойдены вниманием в пословицах и поговорках, более того, ярко в них проецируются. Противоречивость взглядов, мыслей, действий русского человека может наблюдаться и на уровне отдельно взятого концепта, что иллюстрирует смысловую двойственность понятия. Например, концепт *«труд»* впитал неоднозначное отношение русских к труду и работе. С одной стороны, *Кончил дело — гуляй смело; Труд кормит, а лень портит; По труду и честь* и др. С другой стороны, *Работа не волк — в лес не убежит; Трудом праведным не наживешь палат каменных; Работа дураков любит*. Данные примеры показывают, что даже при элементах противоречивого отношения русского человека к труду в большинстве пословиц и поговорок труд и работа предстают положительным началом и общечеловеческой утилитарно-практической ценностью.

Концепт *«деньги»* также очень важен для понимания русской национальной культуры, а потому оказывается среди базовых констант русского бытия и позволяет судить о менталитете народа. Поскольку деньги играют важную роль в жизни общества, отношение народа к деньгам отражается в разнообразных проявлениях культуры, а следовательно, и в национальном языке через пословицы и поговорки. Значимое ядро в когнитивной структуре этого концепта — выражения, дающие различные характеристики деньгам: их происхождению, текучести, трате, воздействию на человека. При этом в русском языке концепт «деньги» противопоставляется не в его пользу таким важным для человека концептам, как *«Бог»*, *«правда»*, *«свобода»*, *«душа»*, *«счастье»*, *«любовь»*, *«дружба»*, *«здоровье»*. Например, *Деньги попа купят, а Бога нет; Деньги могут много — правда все; Уговор дороже денег; Долг платежом красен; Хоть мошна пуста, да душа чиста; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Здоров буду и денег добуду.*

Таким образом, концепты позволяют познать религиозную, этическую и эстетическую философию русского сознания, сформированного в ходе тысячелетнего постижения христианства, пронизавшего бытие народа и оказавшего благодатное воздействие на русскую культуру. Понимание значения паремиологических единиц, всевозможных смыслов выражений, отражающих национальную картину мира, пробуждает интерес к душевной жизни русского человека, к русской духовной культуре и русскому языку, а в результате — к формированию в сознании человека концепта *«русская духовная культура»*.

[1] Цит. по: *Иванова М. Г.* Особенности русского национального характера в контексте системы верований и языка // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2015. С. 199–204.

[2] *Сергеева А. В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004. С. 146.

С. Ю. Иванова[1]

РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛИЗМА[2]

Особенности нового мироустройства влияют на развитие многих явлений, в том числе патриотизма в России, на определение ее места в мировом сообществе. Характер перемен после распада двухполярной модели мира, исторические судьбы российской цивилизации и культуры в контексте глобальных изменений в настоящее время являются дискуссионными вопросами. Как эти процессы воздействуют на развитие России и на общественное сознание россиян, в том числе на их чувство патриотизма?

Глобализация как идеология нового космополитизма заостряет права человека, которые рассматриваются в качестве оппозиции национальным государствам: «По мере глобализации рынков и культуры неолиберальная теория предполагает увядание суверенности отдельных стран, формирование нового типа „гражданина мира“, чья лояльность обращена уже не к отдельным правительствам, а к внегосударственным структурам»[3]. Космополитизм — идеология «мирового гражданства», ставящая интересы граждан выше интересов отдельной нации. Это теория, которая призывает к отказу от патриотических чувств в отношении страны, но заменяет их аналогичными по отношению к миру, планете Земля. «Единство человеческого рода» — вот главная его идея. В ходе глобализации космополитизм все глубже проникает в культуру и идеологию государств, сталкиваясь с патриотизмом в ряде случаев. Глобализация разрушает национальное государство, а объект космополитизма — все человечество, сопереживать которому гораздо сложнее, чем народу или этносу. В современных условиях космополитизм выступает в виде различных социокультурных ориентаций: от взаимодействия и сближения народов и государств до нигилистического отношения к национальной культуре и традициям. Очевидно, что современное общество вступило в процесс формирования единой планетарной цивилизации, в которой отдельные страны действительно потеряют статус автономных самодостаточных единиц. Но мы находимся лишь в начале этого процесса, в той его фазе, когда понятия «национальная культура», «национальная политика» еще не стали фиктивными, а отдельные страны все еще являются обществами, не потерявшими принципиальной способности выживать в автономном режиме. Коренное отличие космополитизма от патриотизма в том, что целью космополитизма является освобождение человека от националистических догм и «державных» представлений, а целью патриотизма, наоборот, — экспорт «державности». Выдвигая привлекательный на первый взгляд лозунг о совмещении любви к своему отечеству с любовью ко всему миру, представители космополитизма исповедуют формулой «где хорошо, там и отечество».

Формирующийся глобальный образ жизни — это не равновесное смешение всех существующих форм, не сплав культур с заимствованием лучшего из каждой и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, американской культуры над всеми остальными. Экономика, государственное устройство, наука, возникшие в Европе, захватывают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной демократией. «Новый мировой порядок» — результат ее развития, несогласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса. Становление монокультуры означает сужение базиса развития человечества.

Наступление американской массовой культуры, английского языка, поп-культуры, визуальных СМИ явно отражает глобальные культурные тенденции. Но что они дают в общей сложности? Составляют ли они вместе новую культуру, новый стиль жизни, способные вдохновить и утешить людей перед лицом горя и смерти? Какие воспоминания, какие мифы и символы, ценности и идентичности может предложить такая глобальная культура? Проникновение глобальной культуры ограничено там, где предпринимаются согласованные усилия, направленные на торможение глобальных воздействий ради защиты местных или этнических культур. Такие попытки могут принимать мягкие формы вроде введения местных правил, определяющих содержание развлекательных программ.

Остается фактом, что вневременна́я глобальная культура не отвечает живым потребностям человека и не создает воспоминаний. Если память имеет центральное значение для идентичности, то сегодня нельзя увидеть никакой становящейся глобальной идентичности, стремления к ней или коллективной амнезии, побуждающей к замене «глубоких» культур космополитической «плоской» культурой. Последняя остается мечтой отдельных интеллектуалов, не находя отклика в массе народов, разделенных по привычным критериям — классам, регионам, религиям, культурам. В идео-

---

[1] Главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч.: «Русский человек в ситуации диалога и конфликта культур: проблема ценностного самоопределения», «Идеология и воспитание: поиск основ», «Национализм как угроза устойчивому мировому развитию», «Молодежь и проблемы модернизации», «Гуманитарная безопасность в полиэтничном регионе», «Проблемы формирования патриотических убеждений в современной России», «Проблема патриотизма в поликультурных государствах», «Мультикультурализм и идентификационные процессы в полиэтничном социуме: российский опыт и проблемы», «Потенциал системы образования в гражданской консолидации полиэтничного социума», «Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерения», «Межэтнические отношения и миграционная ситуация в СКФО» и др. Эксперт РАН в области политологии. Член Российского философского общества. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Президиума РАН.

[2] Публикация подготовлена в рамках выполнения ГЗ ЮНЦ РАН № гр. проекта АААА-А19-11901119010-5.

[3] См.: *Уткин А.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 1998.

логическом плане позитивной альтернативой глобализму является идея многополярного мира. Ее разделяет большинство государств планеты, и предотвратить нарастающую опасность «столкновения цивилизаций» в ближайшей перспективе способен именно этот подход. Немногие народы отказались от своих национальных культур настолько, чтобы их можно было считать глобалистами, не имеющими национальности.

Идеологи глобализма предлагают сфокусировать всю проблематику прав человека на этом новом «гражданине мира». Однако противопоставление суверенности стран и прав человека вряд ли оправданно — полнота жизни человека во многом проистекает из его одновременной принадлежности к национальному государству в качестве гражданина и к обществу в качестве частного лица. Не случайно массовое распространение таких метафор, как «американизация», «макдональдизация» свидетельствует об усилении обеспокоенности распространением массовой культуры и значимости проблемы защиты национально-культурной специфики.

Оценивая в целом «вклад» сторонников космополитизма в дело перестройки и последующего реформирования российского общества на идеологическом поприще, в сфере культуры вообще, можно констатировать, что одним из самых негативных последствий воздействия этого направления стала депатриотизация значительной части населения, особенно молодежи. По мнению сторонников космополитизма, на пути к глобальной вестернизации, представляющейся для них магистральным направлением развития человечества, «одни страны якобы уже преуспели, а другие, пока еще „нецивилизованные“, отстают в силу „шовинизма“, „имперских амбиций“ и неприобщенности к „общечеловеческим ценностям“»[1]. Объективно Россия уже вошла в глобальный мир, а субъективно в нем еще не определилась. Вошла как страна, обладающая высокой духовной культурой, неотъемлемой частью мировой культуры, богатыми природными ресурсами, интеллектуальным потенциалом и ядерной мощью, то есть в качестве одного из цивилизационных и геополитических центров мира. Но субъективно она пока не готова принять вызовы современности и дать на них адекватные ответы.

Выбор российского варианта глобализации может основываться на сочетании реалий мирового экономического развития и статуса России как самодостаточной державы. Геополитическое положение России определяется исходя из признания многополярности мира, ее срединного «месторазвития» между Востоком и Западом, Севером и Югом на Евразийском континенте и общей тенденции смещения центра противостояния на цивилизационный уровень. Выбор ценностных ориентиров россиян должен учитывать современную социокультурную ситуацию, которая в глобальном измерении предстает как столкновение цивилизаций, приводящее к противостоянию идеологий, которые выражают моральные, религиозные, этнические, политические ценности. В контексте глобального гуманизма любая идеология имеет национальное выражение. В России издревле таким выражением является патриотизм. Поэтому можно утверждать, что именно на этом основании следует формировать культуру глобального гуманизма в ее российском варианте, который соответствует российской версии глобализма и геополитическому статусу России. Чем интенсивнее будет проявляться глобализация, тем больше государство должно заботиться о своей «функциональной целостности» и тем актуальнее становятся патриотические ценности и устремления.

Е. А. Ильинская[2]

ЛИЧНОСТЬ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ТРАДИЦИОННОЙ И СЕТЕВОЙ КУЛЬТУР

Глобализационные процессы, происходящие во всем мире, безусловно, оказывают влияние на современную культуру. Под глобализацией мы понимаем объективный процесс, который носит системный характер, заключается во всемирной интеграции и унификации и охватывает все социальные сферы жизни. Изменения, которые происходят в социально-культурной жизни под воздействием глобализации, не воспринимаются сегодня радикально, так как объединяют старое и новое, появляется что-то сверхновое, порой кажущееся хорошо забытым старым, незаметно приживается и как бы «залезает под кожу». Происходит закономерная диффузия старых и новых культурных форм, но чтобы осознать совокупность современных социальных изменений, необходимо признать, что старые формы распадаются и на их основе возникают новые. Осмыслить социально-культурные новообразования необходимо, но достаточно сложно по неизбежной причине измерять новое старыми мерками.

Глобализация оказывает влияние в первую очередь на коммуникационные процессы в культуре, а именно на развитие коннективной интеграции[3] через непосредственный контакт людей на информационных социальных платформах, что способствует согласованию культурных установок и корректировке сложившихся взглядов. Социальные сети прочно укоренились в современном обществе, но масштабы их проникновения и использования коррелируются в зависимости от гео-

[1] *Нарочницкая Н.* Государства слагаются веками, а границы пишутся кровью // Шпион. 1994. № 1. С. 4.

[2] Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Культура и время», «Ментально-темпоральная матрица: матричный подход в изучении культуры», «Категория времени как универсалия цивилизации», «Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы» (в соавт.), «Темпорально-глокализационные процессы в современной культуре» (в соавт.), «Механизмы социально-культурной синхронизации и регуляции» и др.

[3] *Соколов Е. Г.* Межкультурная коммуникация и диалог культур // Культурология. М. : Высш. образование, 2007. С. 163–182.

графии и демографических факторов[1]. Масштабы использования социальных сетей довольно внушительны, что доказывает необходимость осознания изменений, которые происходят в жизни общества и не могут не влиять на развитие современной культуры. В середине 1990-х годов, когда широко была распространена концепция глобализации, австралийский социолог М. Уотерс писал, что под воздействием глобализации формируется новая реальность, создающая единое общество и единую культуру, и концепция глобализации станет ключевой при переходе человечества в третье тысячелетие[2]. Понятно, что новая единая культура может возникнуть лишь в результате распада и ценностного разложения старой культуры. Сегодня можно констатировать, что этого пока не произошло, но определенные изменения есть, и они позволяют нам сказать, что национальным культурам не угрожает распад из-за продолжающегося усиления глокализационных процессов, а глобализацию можно рассматривать лишь как один из факторов трансформации культуры.

Трансформация культуры происходит в результате динамического напряжения[3], появляющегося, когда поведение людей перестает соответствовать имеющимся в данной культуре моделям на протяжении определенного времени. Изменения заключаются не в кардинальной замене паттернов поведения носителей культуры, а в постепенном наслаивании на имеющиеся представления новых смысловых пластов с последующей модификацией всего контекста смысловой репрезентации действительности. Новые паттерны поведения рождаются в социальных сетях благодаря их практически неограниченным коммуникационным возможностям. По сути, социальные сети «оккупировали» свободное время современных людей, особенно молодежи. В социальных сетях преодолеваются мозаичность и разрозненность общества, формируются новые интересы, открывается возможность, не выходя из дома, читать книги, слушать музыку, смотреть фильмы, общаться с людьми независимо от места их проживания и т. д. Вместе с тем социальные сети обладают высоким аддиктивным потенциалом в первую очередь вследствие того, что в Сети формируется постоянная зона комфорта для человека, выражающаяся в одобрении фотографий, лайках на посты, возможности заблокировать неудобных людей и непонравившиеся комментарии. Создается иллюзорно-положительный мир, в котором хочется пребывать.

Социальные сети вполне можно рассматривать как феномен повседневной культуры, так как они обладают своим пространством, временем и специфическим языком. Все происходящее в социальных сетях можно охарактеризовать термином «одновременность неодновременного», предложенным немецким историком искусства В. Пиндером (1878–1947), когда нет четких стилей, схем, все многомерно и сложно, но в целом представляет собой структуру, обладающую постоянными характеристиками и изменяющуюся в соответствии с целым рядом факторов (культурой, географией, языком, индивидуальностью, возрастом и т. д.).

Хотелось бы, чтобы в этом новом пространстве социальных сетей рождалось что-то прекрасно новое и удивительное, хотя бы благодаря априорно заложенному в духе имманентному поступательному движению рационального и морального прогресса, но, к большому сожалению, можно констатировать, что в области морали и разумности мы движемся скорее назад, чем вперед.

Происходящее можно объяснить генерацией странных интересов людей, являющейся результатом «фундаментальной демократизации общества», о которой говорил социолог и философ К. Маннгейм в своей работе «Человек и общество в эпоху преобразования»[4]. Благодаря демократизации общества при помощи новых информационных технологий происходит активизация тех слоев общества, которые ранее играли пассивную роль или не имели возможностей выхода к широким слоям населения. Метко это явление философ М. Шелер называет «демократией настроения», или «демократией масс, интересов и чувств»[5], выражающей не объективные интересы людей, а внезапные стихийные взрывы настроения масс, которые, возможно, являются объектом манипуляции. В целом подобные явления можно назвать кризисными, оказывающими активное влияние на трансформацию культуры. Причины культурного кризиса необходимо искать в фактическом состоянии творцов или «производителей» культуры, которыми являются представители интеллигенции и современной элиты[6]. В состоянии усугубляющегося социального расслоения отношение населения к существующим элитам нельзя назвать положительным, но так или иначе именно элита является образцом успешности и благополучия. В последние десятилетия формирование элиты подвергается серьезным трансформациям, в частности изменились принцип отбора элиты и внутренний состав. Основным стало финансовое состояние, а не принцип крови, который долгое время был доминирующим при отборе элиты. Еще одним принципом отбора элиты является принцип достигнутого успеха, и здесь возникает целый ряд вопросов, например: как достичь успеха при существующей социальной коррумпированности обычному человеку? В результате элита очень нестабильна, нет положительного социально-культурного континуума, сформированных традиций, идей и замыслов, нет того базиса, на основе которого могут рождаться новые уникальные культурные формы. Возникает закономерный вопрос о последующих действиях в условиях глобализационного влияния. Перед нами стоит выбор между позицией невмешательства и политикой активного контроля ситуации. В любом случае основная задача видится в воспитании и образовании подрастающего поколения в духе высоконравственных традиций нашей культуры.

[1] Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование. URL: https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie.

[2] *Иноземцев В. Л.* Современная глобализация и ее восприятие в мире. URL: http://www.socionauki.ru/book/files/ygi/493-507.pdf.

[3] *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб. : Питер, 2003. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/13_m/maz/umoto_1.htm#2.

[4] *Маннгейм К.* Человек и общество в эпоху преобразования. URL: http://files.kabobo.ru/docs/49900/index-3963-1.html?page=2.

[5] *Шелер М.* Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. С. 15–56.

[6] *Маннгейм К.* Указ. соч.

Е. А. Кайсаров[1]

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Мир меняется стремительно, и прогнозировать даже ближайшее будущее становится сложно. В то же время проблема преодоления кризиса самосознания, чувства национальной неполноценности и обретения национально-культурной идентичности может быть решена только в контексте понимания перспектив развития цивилизаций.

В истории человечества можно выделить множество цивилизаций, то есть разных видов социальных организмов, каждый из которых имеет свою самобытную историю и культуру, взаимодействует с природой и с другими цивилизациями. Известные зарубежные и российские ученые, анализируя многообразие культурно-исторических общностей, называли разное количество цивилизаций (по мнению Н. Я. Данилевского, можно выделить десять цивилизаций, О. Шпенглер насчитывает восемь, А. Тойнби выделяет двадцать одну), которые внесли значительный вклад в мировую культуру. Выдающийся российский философ В. С. Степин разделил их на два больших класса, соответствующих типам цивилизационного прогресса, — традиционалистские и техногенные[2].

Исторически первым был традиционалистский тип развития. Он характеризуется замедленными темпами социальных изменений. В этих обществах может смениться несколько поколений людей, которые будут заставать одни и те же структуры общественной жизни. Природа воспринимается как живой организм, действует нравственно-религиозный принцип освоения мира (все мировые религии пришли с Востока). Личность в традиционалистской цивилизации определяется через включенность в определенную корпорацию. Соответственно, в культуре этих обществ в приоритете традиции, образцы и нормы, аккумулирующие опыт предков, их стиль мышления. Данный тип социальной организации сохранился до наших дней, несмотря на радикальные трансформации традиционной культуры и образа жизни под воздействием современной западной цивилизации.

Техногенный тип развития возник позднее в европейском регионе. Начальной его стадией были эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, сформировавшие новую систему ценностей. Она включала: понимание человека как деятельного существа, преобразующего окружающий мир; идеал инноваций как приоритета над традициями; ви́дение природы в качестве резервуара ресурсов для деятельности человека; культ рациональности; идеал суверенной личности. Техногенный тип цивилизационного развития подарил человечеству множество достижений, и длительное время он воспринимался как магистральный путь общественного прогресса. Но уже во второй половине XX века проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы. Так, последние десятилетия свидетельствуют, что глобализация, великие технологические прорывы, формирование общества потребления, распространение рыночных отношений на новые сферы деятельности приводили ко все большему обострению двух основных кризисов — экологического и антропологического. Преодоление кардинальных глобальных кризисов, грозящих разрушению цивилизации и даже самоуничтожению человечества, предполагает переосмысление типологического ядра современной цивилизации. Оно, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому, уже третьему типу цивилизационного развития. В. С. Степин выделяет три фазы такого перехода: 1) динамический хаос (большое количество сценариев развития системы, из которых может реализоваться любой, даже маловероятный); 2) доминирование одного из сценариев, который начинает определять параметры изменений системы; 3) реализация доминирующего сценария становится необратимой, осуществляется целенаправленное движение к новому уровню организации системы[3].

Многие исследователи считают, что середина XXI века должна стать переломной в развитии цивилизации. Резкое возрастание кризисов на современном этапе может свидетельствовать о первой стадии фазового перехода, возникновении динамического хаоса и альтернативных сценариев развития. Сценарий однополярного мира, предполагающий безусловную доминанту современных западных ценностей, нацелен на продолжение стратегии техногенного развития. Другой сценарий — многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями присутствуют сохранившиеся и адаптированные к ним элементы традиционалистской ментальности. Он создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров. Воплощение сценария многополярного мира предполагает решение сложнейших проблем, которые требуют координации действий, сотрудничества его сторонников. Они связаны не только с противостоянием защитников однополярного и многополярного миров, агрессивной политикой западных стран во главе с США, их санкционными действиями, но и с необходимостью переосмысления таких основополагающих концептов, как «человек» и «природа», преодоления антропологического и экологического кризисов.

В реализации второго сценария важная роль принадлежит России, что во многом определяет необходимость укрепления российской и русской идентичности. Россия занимает срединное положение между традици-

[1] Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др. Почетный профессор СПбГУП.

[2] *Степин. В. С.* Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 82–85.

[3] *Степин В. С.* XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 186.

онным и техногенным типами цивилизаций. Сочетание восточных и западных элементов стало ее важнейшим свойством и отличительным признаком. В этом контексте понимание духовной специфики русской цивилизации, осознание ее миссии следует рассматривать как важнейшее условие нивелирования острейших проблем на современном этапе развития — как России, так и всего мира.

Великая культурная миссия России — поиск мостов между конфессиями и культурами, миссия духовного объединения и «коллективного поиска выхода» из цивилизационных тупиков. Ответы на вопросы «кто мы и зачем мы» предполагают идею универсальности, которая может объединить людей в сверх- и наднациональном масштабах. Русская идея — это то, что представитель культуры хочет и должен сделать не только для себя и своего народа, но и для всех. Гиперболизация национальной идеи выступает компенсаторным механизмом, позволяющим укрепить национально-культурную идентичность — преимущественно путем солидарности общности в условиях цивилизационных вызовов.

В России сложилось полиэтническое и поликонфессиональное общество. Сложность ситуации обусловлена наличием в рамках федеративного устройства страны этнотерриториальных автономий в форме республик и автономных округов. В стране действуют разнонаправленные факторы централизации и регионально-этнической дезинтеграции: с одной стороны, общенациональные институты (системы образования, армия, повсеместное распространение русского языка и русскоязычных СМИ и др.) способствуют формированию единой российской гражданской идентичности, с другой — наличие этнонациональных институтов в республиках, поддержка и развитие этнических культур (литературы, народного искусства и ремесла и т. п.) поддерживают этническую идентичность среди нерусского населения, придавая ей в ряде случаев и ситуаций первичную значимость. Эта первичность способна выливаться в межэтнические противоречия и даже в отторжение общего государства.

В России для создания этнонационального баланса делается очень много. Даже самый маленький народ имеет возможность преподавать в школах на родном языке, развивать свою культуру, экономику, участвовать в управлении не только своим регионом, но и выходить на федеральный уровень. Поддержка национальных регионов — часть государственной политики. Во время так называемого этнического ренессанса 1990-х годов стали массового создаваться этнополитические организации и этнонациональные движения, призванные отстаивать интересы различных этнических групп. Идейные позиции этих организаций, как правило, противопоставляли этничность гражданству, а сама этничность служила политическим ресурсом для узкой группы лиц, делавших себе карьеру. Практически этнополитика превратилась в национальных республиках в перманентную манифестацию этничности и систематическую демонстрацию лояльности властей к представителям этнических меньшинств.

Как в республиках, так и в областях местные власти, как правило, не учитывали, что государственная политика — это политика, адресованная всем этническим группам населения, включая русских. Нельзя забывать, что стабильность и развитие державы в первую очередь зависят от самочувствия самого многочисленного в стране русского народа. Все российское существует потому, что есть русское, и это отправная точка государственности и силы страны.

Сегодня можно говорить о системном кризисе государствообразующего народа России. Это касается состояния культуры, языка, демографии, миграции, сохранности русских городов и сел, находящихся на грани исчезновения. Русские потеряли миллионы людей в мировых войнах, революциях. После развала СССР русские оказались еще и разделенным народом. Серьезные политические и культурные изменения, произошедшие в России в начале XX века, привели к ослаблению религиозной составляющей общества, прежде всего православия, что негативно повлияло на духовное состояние русского народа. Центральные властные структуры сегодня принципиально наднациональны, а правящий слой традиционно состоит из людей со стертым национальным самосознанием. Прививаемая «безэтничность» становится для России серьезной проблемой. Она ведет к снижению чувства ответственности политиков, чиновников, бизнесменов перед соотечественниками. Определенная часть этой элиты не чувствует кровной связи с народом, она готова при случае поменять гражданство, уехать за границу.

Элита управления и бизнеса, сформировавшаяся в национальных регионах, гораздо серьезнее относится к будущему своих народов, чем элита русских областей. Забота о сохранении и развитии русской культуры зачастую воспринимается как проявление великодержавности и национализма. Чтобы преодолеть подобные настроения и восстановить межнациональную сбалансированность, важно, чтобы все народы и народности России осознали, что стабильность и развитие государства в первую очередь зависят от самочувствия русского народа. Заботу о благосостоянии титульной нации должны проявлять не только ее представители, а все этносы и нации, населяющие нашу страну. Тогда действия по решению проблемы русских как этноса, состояния его культуры не будут оцениваться как великодержавные. Это осознание должно формироваться и на обыденном уровне, и на уровне теоретического сознания. Важную роль здесь будут играть создание учебников, где история каждого этноса будет сопряжена с общей историей российской цивилизации, преподавание этноэтики в школах, воздействие федеральной власти на бизнес-элиту, потерявшую «этническую совесть».

Славянская культура, русский язык и христианско-византийская традиция в форме русского православия составляют основу культуры россиян. Однако российский народ немыслим без представителей других национальностей — носителей иных культурно-исторических традиций. Хотя этноконфессиональные различия становятся фактором возникновения конфликтов, причинами нетерпимости, этническое и религиозное разнообразие, а также многонациональность российского народа составляет его богатство и силу. Более того, они являются залогом стабильности и развития страны.

О. В. Каширина[1]

ЭПОХА ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: НООСФЕРНЫЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ПУТЬ САМОСОХРАНЕНИЯ В СИТУАЦИИ «НА КРАЮ»

1. *Ситуация «на краю»: «Быть или не быть… человечеству?»* Глобализация наряду со многими другими позитивными и негативными следствиями создает реальные комфортные условия для глобальной коммуникации, то есть переводит многие действительные социальные процессы в режим виртуальности коммуникативного времени и обратно. И хотя виртуальная (мысленно возможная) реальность коммуникативного времени сама по себе еще не приводит к сглаживанию противоречий и субъектов, но уже создает условия (договорные обязательства) для объективации коммуникативного времени.

Объективизация коммуникативного времени в международных отношениях всегда происходит либо в форме компромиссов, либо в кровопролитных войнах. И тогда, как показывает опыт, мирное развитие становится следствием либо военной победы (например, для победителей в Первой и Второй мировых войнах), либо поражения. Весь мир оказывается в ситуации «на краю» (Н. Н. Моисеев, Л. В. Скворцов). В этой переходной ситуации еще сохраняется инерция традиционных форм мирных международных отношений, но уже вырисовывается новый путь поведения победителей, игнорирующих эти традиции. В этом случае войнология (А. А. Зиновьев) акцентирует свое внимание на анализе не столько объективных условий возникновения войн, сколько субъективных факторов, а точнее, субъектных действий (договорных отношений), объективирующих коммуникативное время виртуальности. Если в этих процессах объективизации коммуникативного времени *научно-философская истина* обладающих *знанием* современных элит совпадает с *коммуникативной правдой* повседневного понимания масс, срабатывает инстинкт самосохранения и возникает всеобщее понимание того, что для военной победы в период глобального распространения ядерного оружия объективных условий и необходимых ресурсов уже не будет никогда. Этого достаточно, чтобы новая война не началась.

Вместе с тем современная ситуация «на краю» обостряется в связи с важными внутренними, внешними и метавнешними (переходными) событиями, происходящими в мире, прежде всего в глобальном треугольнике XXI века, то есть с участием трех великих держав современности — США, КНР и России. Во-первых, США ведут сейчас сразу три войны: «холодную гражданскую» — внутри самой страны (например, между парламентом и президентом и др.); торговую войну против Китая и санкционную — против нашей страны; в последнее время многие представители элиты США говорят о возможности превентивного обезоруживающего ядерного удара по России. Во-вторых, в своем федеральном послании 2019 года президент Путин предупредил, что ответный удар с нашей стороны будет не только по тем территориям, откуда были выпущены ракеты, но и по местам принятия решений (Пентагону, НАТО и т. п.). Одновременно он обратил внимание на наши внутриполитические проблемы, на попытки «властной вертикали» решить свои финансовые и другие вопросы за счет большинства населения России. Возникает ситуация, когда внутренние угрозы становятся опаснее внешних.

Но самым острым моментом в ситуации «на краю» была и остается проблема коэволюции (согласованного развития) природы и общества, поставленная Н. Н. Моисеевым. Будучи крупнейшим специалистом в области прикладной математики и математического моделирования, Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) занимался изучением взаимодействия (коэволюции) природы и общества. В процессе исследований он пришел к выводу, что если человек не найдет нужного ключа к взаимоотношениям с природой, то он обречен на гибель, причем не в неопределенном будущем, а уже в наступившем XXI веке. Этот прогноз основывается на разработанной им теории, получившей название универсального эволюционизма, или теории самоорганизации Вселенной[2].

2. *Эпоха глобальных перемен: сигналы бедствия.* Глобальные перемены, по мнению Н. Н. Моисеева, должны начаться с решения образовательных проблем: «Я отдаю этим проблемам первый приоритет: новая цивилизация должна начаться даже не с новой экономики, а с основных научных знаний и новых образовательных программ... другими словами, и естественно-научное образование должно стать гуманитарным! В России была создана лучшая в мире система образования. Причем не столько образования элиты, сколько образования нации в целом… Теперь ситуация изменилась в корне! Как будто бы по злой воле, направляемой неким демоном, научные школы распадаются, уровень образования падает, разрушается сама система образования — последнее особенно страшно. Мы неуклонно погружаемся в невежество. ... Мы можем рассчитывать только на себя — понимают ли это власть имущие? По-

[1] Профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Диагностика времени в контексте открытий естественных наук», «Глобальный вызов цивилизационного времени молодому поколению: стратегическая нестабильность», «Становление молодежной экстремологии в структуре гуманитарной кризисологии» (в соавт.), «Научно-образовательная сфера: приоритеты междисциплинарного взаимодействия» (в соавт.), “Resolving Ethno-Social Confl icts in the North Caucasus: Pathway to Peace and Integration” (в соавт.), «Преемственность смыслов и форм патриотизма в контексте социального времяведения» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

[2] В конце своего творческого пути Н. Н. Моисеев издал две монографии по проблеме, волновавшей его всю жизнь: «Быть или не быть…человечеству?» (1999) и «Судьба цивилизации. Путь Разума» (2000). Жизнь и творчество Н. Н. Моисеева пришлись на период рубежа веков: XX века, который он назвал «веком предупреждения», формирующим вызовы XXI веку — «веку свершения» — ответов на эти вызовы.

нимают ли они, что наш единственный шанс подняться на ноги — образование нации?!»[1]. Итак, система образования России в ситуации «на краю» является единственным шансом «встать на ноги» в эпоху глобальных перемен, а ноосферное сознание и его главные принципы — ноосферного патриотизма и культуры глобального доверия — определяют тактику самосохранения в стратегии выживания человечества.

3. *Ноосферный патриотизм и культура глобального доверия: путь самосохранения и духовно-нравственный иммунитет.* Идея Н. Н. Моисеева о главных принципах стратегии выживания человечества — ноосферном сознании и культуре глобального доверия — востребована новой реальностью, а потому подлежит дальнейшей разработке в индивидуальных и коллективных трудах и в преподавательской деятельности научно-педагогических кадров высших учебных заведений.

Наиболее продуктивными могут быть поиски ответов на следующие вызовы времени: а) формулирование исходной аксиомы универсального принципа ноосферного сознания, позволяющей построить его непротиворечивую реализацию; б) прояснение проблемы происхождения универсального принципа ноосферного патриотизма, его виртуальности и абсолютности; в) определение путей правильного решения этой проблемы на уровне отдельных полюсов в формирующемся многополярном мире (Е. М. Примаков); г) разработка принципа культуры доверия на глобальном общечеловеческом уровне.

Представляется, что наиболее результативными в этом отношении могут быть разрабатываемые методология культуры времени и культурно-временной подход, позволяющий диагностировать правильность интерпретации вызовов времени и адекватность информационно-коммуникативных ответов на них. Уже на данном этапе исследований можно с уверенностью сказать, что они дают возможность обосновать новые глобально-универсальные *принципы ноосферного патриотизма и культуры глобального доверия* во внутренних, внешних и метавнешних (переходных) условиях[2]. Дальнейшая разработка проблемы универсальных принципов в контексте теории Н. Н. Моисеева позволит более продуктивно решать проблему управления информационно-коммуникативными технологиями в соответствии с новыми реалиями.

Ноосферный патриотизм как универсальный принцип энвайронментального[3] образования в России направлен на выработку инновационного типа мышления для обеспечения рывка в будущее. Чтобы общество существовало, нужно поддерживать элементарные принципы, которые выработаны человечеством в течение столетий: бережное отношение к материнству и детству, к своей истории, ее достижениям, своим традициям и традиционным религиям. Поэтому необходимо делать упор на все, что помогает нам идентифицировать себя как полиэтничную и поликонфессиональную российскую нацию, способную не просто развиваться, но и ускоренно расти. Особенно хочу подчеркнуть идею единства прошлого опыта и будущих достижений в процессе модернизации, которая отражается в формировании духовно-нравственного иммунитета. Духовно-нравственный иммунитет — это мощный адаптирующий механизм, обеспечивающий целостность и невосприимчивость духовного мира человека к чуждой ментальности, сохраняющей собственную активность, с помощью информационного отбора и духовного сопротивления требованиям нерациональной повседневности, а также восхождение к современности как единству прошлого (преемственности) и будущего (потенциальной целесообразности) в информационном поле культуры.

П. Н. Киричёк[4]

ДВУЗНАЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ В АКСИОМАРКЕРАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В эпоху глобализации, отмеченную новым фактором существования человечества — цивилизационным противостоянием (по С. Хантингтону), феномен культуры как универсальный процесс и результат креативной деятельности человека по преобразованию природы, собственной личности и окружающей социальной среды нередко видоизменяет статусно-ролевое значение. По всем историософским меркам, это значение должно обладать императивным социокультурным постоянством, ведь оно заключается в том, что в общественной жизни, по определению М. С. Кагана, «системообразующей силой является деятельность человека — существа одновременно природного и социального, творящего культуру и творимого ею»[5].

Тем не менее в Новейшее время системно-деятельная значимость культуры под влиянием субъективных организационно-идеологических флуктуаций может утрачивать константный характер социокультурного свойства и становиться не только структурообразую-

[1] *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 101–104.

[2] *Каширин В. И.* Ноосферный патриотизм как концепт культуры времени // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 6. С. 205–220.

[3] Термин «энвайронментальность» в данном случае употребляется Н. Н. Моисеевым в смысле ментальности, ориентированной на коэволюцию природы и общества.

[4] Профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Республики Мордовия. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Информационная культура общества», «Информация в универсуме культуры», «Информация и коммуникация в государственном управлении»; учебника «Этика массмедиа»; курса лекций «Массовая информация в социокультурном управлении». Член Российского культурологического общества, Союза журналистов России. Член-корреспондент Российской академии естествознания.

[5] *Каган М. С.* Системный подход и гуманитарное знание. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 168.

щей, но и, наоборот, структуроразрушающей силой. При этом статические и динамические элементы, вместе составляющие «тело» культуры, обретают способность целеполагаться в широком общественном диапазоне: от полюса «плюс» — повышающего вектора социализации граждан, вызывающего у них настроение созидательной пассионарности, до полюса «минус» — понижающего вектора, опускающего массы людей в состояние бездеятельной апатии или девиантного поведения.

С одной стороны, в номинальном аксиомаркере (ценностном индикаторе) культура становится в постиндустриальном обществе доминантным ресурсом развития человеческой цивилизации, которая все больше нуждается в интенсивной культурной обработке повседневных реалий окружающей действительности. В образном переложении культура — это душа общества, составляющая его внутреннюю суть, которая определяет характер и свойства телесной (материальной) основы социума. Наконец, культурное начало в XXI веке, который, по утверждению К. Леви-Стросса, «будет веком гуманитарных наук — или его не будет вообще»[1], вполне можно представить ментально-архетипным стержнем общественного бытия и сознания, дающим матрицу развития человечества в индивидуальной и групповой системах координат. В настоящее время любой социально-экономический прогресс в обществе на корневом уровне означает на деле осуществленный культурный «рывок» вперед, как это происходит в современном Китае, а социально-экономический регресс — культурный откат, который наблюдается в современной России, что обязательно находит либо позитивное, либо негативное выражение в политических и экономических изменениях.

В то же время в реальном аксиомаркере (ценностном индикаторе) культура как объект человеческой деятельности все больше эксплуатируется в качестве орудия экспансии небольшой группы стран-лидеров, стремящихся установить в мировом сообществе односторонний порядок, закрепляющий примат «золотого миллиарда человечества» над остальным населением планеты. И здесь культура с ее образными, чувственными, интеллектуальными артефактами, обладающая самым мощным ресурсом для вторжения в чужое ментальное поле, становится агрессивной служанкой политики, экономики, идеологии сильных мира сего, хотя изначально по своей сути она шире и глубже этих феноменов, вместе взятых. В такой одномерной ситуации культура, вместо того чтобы брать в плен человека, сама попадает в плен к человеку. И хорошо, если к доброму и разумному существу, а то ведь к злому и коварному…

Предназначенная на экспорт социокультурная модель общества потребления, заготовленная американо-европейскими устроителями нового мирового порядка, по естественной для Запада логике находит свой первоочередной адресат распространения в лице России, жившей целые века своим евразийским умом и бывшей по всем политическим, экономическим, культурным признакам главным духовно-практическим оппонентом атлантической цивилизации. Основным проводником агрессии, содержательно наполненной либеральным фундаментализмом, в эпоху глобализации выступает межкультурная коммуникация, предлагающая иные, на первый взгляд более успешные и привлекательные, модусы общественного жизнеустройства. В контенте информационно-коммуникативного трансфера фундируется глобальный замысел — полная перелицовка социокультурных доминант евразийского (православного) свойства на евро-американский (протестантский), причем, «готовым каналом для заражения России либерализмом стала утвердившаяся в нашей стране западническая система образования»[2].

Из истории известно, что довольно редко какая-либо агрессия извне достигает абсолютного успеха на «чужой» территории, если она не находит поддержки внутри страны. Именно такое положение сил и возникло в России в конце XX века, когда либеральная элита и пошедшая за ее лозунгами масса полностью отказались в бытии и сознании от социокультурных доминант коммунитаризма. В результате абсолютный отказ в экономике от коммунитарной формулы «государство — собственник и работодатель» с надеждой на «волшебную» руку свободного рынка и всесильный фактор частной собственности (кому что принадлежит и кому что достается) обусловил роковые последствия. Произошла фактическая деиндустриализация страны с исчезновением целых производственных отраслей, над созданием которых трудилось несколько поколений граждан. Появилась стойкая безработица, ввергнувшая миллионы отличных специалистов промышленной, аграрной, строительной, транспортной отраслей народного хозяйства в незнакомое для них состояние лишних в обществе людей. С точностью до наоборот поменялась диспозиция в экономике: главным актором здесь стал не первичный (производственный), а вторичный (финансово-банковский) сектор. Страна подсела на сырьевую (газонефтяную) «иглу» с расточительной эксплуатацией невосполнимых природных ресурсов в обмен с заграницей на постоянно воспроизводимые предметы: одежду, обувь, пищу, лекарства, бытовую технику и др. В довершение состоялось кричащее по доходам расслоение населения на бедных и богатых (с децильным коэффициентом более 20 раз — при допустимом пределе не более 10 раз), где отмечается единственное достижение либеральной экономики — чрезмерно быстрый по заграничным меркам рост числа отечественных миллиардеров.

В политике абсолютный отказ от коммунитарной формулы «народ и партия едины» (как бы иронично она сегодня ни звучала, хотя в годы войны с фашистами работала) имел для страны не менее тяжелые последствия. Произошла фактическая «приватизация» политической сферы избранными социальными группами — рядовому гражданину путь в органы власти оказался заказанным. Административный ресурс кандидатов от власти превратил право граждан на выборах голосовать и избирать в пустую формальность. Главный выборный орган — Государственная Дума — стал канцелярским придатком к президентской администра-

[1] *Леви-Стросс К.* Путь масок. М. : Республика, 2000. С. 157.

[2] *Шамбаров В. Е.* Антисоветчина. М. : Алгоритм, 2014. С. 45.

ции, одобряющим все законодательные инициативы исполнительной власти.

Вопреки постулатам Основного закона в стране утвердилась (в основном с помощью манипулятивных технологий) государственная идеология либерального свойства, которую выражает партия «Единая Россия», чьи представители руководят подавляющим большинством органов власти на федеральном и региональном уровнях. Оформилось радикальное сословное разделение ранее объединенной нации на богатых и бедных, всевластных и безвластных людей с формально равными, но фактически неравными социально-мобильными возможностями. В чистом виде с ужасающими контрастами проявилась имманентная капитализму социальная несправедливость, когда один человек с трудом находит деньги на лекарство от гриппа, а другой в то же время себе на потеху строит личную подводную лодку и покупает зарубежный футбольный клуб. А манкировать в России архетипическим принципом социальной справедливости — значит, подвергать общество масштабному риску очередного революционного катаклизма.

Заимствованный из арсенала глобализации либеральный праксис власти за без малого тридцать лет подверг в России нигилистической ревизии коренные духовные ценности народного бытия — гуманизм, патриотизм, героизм, коллективизм, альтруизм. Внедренный сверху либеральный фундаментализм установил квазирыночный режим существования в ключевых сферах общественной жизни: в экономике — меркантилизм, в политике — аморализм, в культуре — утилитаризм. У состоявшегося в сегодняшней России капитализма обнаружилось отнюдь не «человеческое лицо», а совсем другое — олигархическое, без сантиментов, когда сверхбогатые граждане не думают о здоровье, науке, образовании, культуре народа и не желают платить налог на сверхприбыли больше 13 %. В итоге Россия перестала быть духовно-практическим полюсом мира, коим она считалась на земном шаре как минимум два столетия.

На стыке 1980–1990-х годов в пределах великой державы случился вселенский обман и самообман: на волне демократической эйфории многим людям казалось, что для успешного управления страной достаточно поменять в руководстве коммунистов на либералов, как все сразу наладится и в политике, и в экономике, и в культуре. По мнению многих тогдашних экспертов, эта сказка не имела шансов стать былью: выросший на одной национальной почве образ жизни не может в полном подобии культивироваться на другой национальной почве. Он обязательно столкнется с инерционным сопротивлением иной социокультурной среды («Народ не тот!» — говорили потом младореформаторы). Тем более что за этот безнадежный проект — тотальной переделки россиян в англосаксов — взялись управленцы-либералы, увидевшие в европеизме и американизме идеальный образцовый миропорядок, установить который в России мешал «совковый» ментальный традиционализм, подлежавший списанию в архив истории. Что же получилось в итоге? По словам А. С. Панарина, «опыт России показывает — ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть. Целенаправленная эксплуатация этих фобий — главная находка нашего противника в холодной войне и главная причина российских катастроф»[1].

В мировой истории нередко случаются парадоксы, которые опровергают аксиому о том, что настоящее человечества всегда лучше его прошлого, а будущее, в свою очередь, лучше настоящего. Хорошей иллюстрацией в данном случае может послужить все произошедшее в России в конце прошлого века, которое продолжается до сих пор: заемные извне политика и экономика тянут государственный «обоз» в одну сторону, а почвенная культура изнутри — в другую. Либеральный обертон в намерениях и действиях элиты отправил властей предержащих на девиантный путь государственного строительства — при абсолютном отрицании прошлого державного опыта, который и сейчас подвергается публичному остракизму. Откуда при таком непрактичном нигилизме вверху взяться новой успешной системе управления обществом? Да и вряд ли возможно в этом случае вызвать у народа состояние творчески созидательной пассионарности, необходимой для рывка вперед, заявленного с высокой трибуны…

[1] *Панарин А. С.* Народ без элиты. М. : Алгоритм, 2006. С. 253.

Г. Г. Коломиец[2]

ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Современное мировое сообщество переживает процесс перехода к новому типу техногенной цивилизации и культуры, внедряя инновационные цифровые технологии, электронику, робототехнику в промышленное производство и реальную человеческую жизнь. В связи с этим «экономический базис» повернулся лицом к выгодным энергетическим предложениям, включающим человеческий фактор. Острой проблемой в свете будущего человечества становится коррелят философских, этических, эстетических, научно-рациональных, правовых и других принципов глобальной интеграции. Всечеловеческие проблемы жизненного существования заключаются в том, что человек твор-

[2] Профессор кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий «Ценность музыки: философский аспект», «Музыкально-эстетическое воспитание», «Этика человеческого достоинства: история и современность»; статей: «Национальное достоинство в социальном и антропологическом аспектах», «Национальное достоинство

ческий, увлеченный техногенными процессами, не задумывается о последствиях, забывая о фундаментальных этических установлениях, выработанных веками в социокультурной человеческой истории. Ключевыми понятиями этики, рассматривающей аксиологические основы человеческого поведения, человека в ситуации морального выбора, являются благо (отсюда благополучие, благодарение), добро, долг, ответственность, свобода воли, справедливость, смысл жизни и др. Достояние человечества — сама жизнь как ценность, продлеваемая при условии гармонизации политических, национальных, экономических, правовых, научно-практических, межкультурных отношений. В отличие от юридического права, у этики нет писаных законов, так как ее главный принцип — свобода выбора поступков на основе ответственного практического разума. Ответственность за свободу действий возлагается на тех, кто занимается разработками и внедрением систем современных технологий. В связи с этим всемирные философские конгрессы последнего десятилетия выдвигают антропологическую идею, вынуждая поставить в центр проблему человека и будущее человечества, а по сути — проблему человеческого достоинства в антропологическом, социальном, субъективно-личностном смыслах.

Мы испытываем противоречивое состояние антропо-глобального перехода, когда, с одной стороны, человек творческий возвышает себя и испытывает гордость за свободу в своих творениях, утверждая свое человеческое достоинство. С другой стороны, человек созидающий способен пойти на разрыв с этическим сознанием, признавая в качестве ценности человеческого достоинства интеграцию технических, эстетических, экономических, политических интересов.

Обращаясь к современной философской науке, отметим, что в понятии «человеческое достоинство» следует выделить две стороны: 1) в метафизическом смысле человеческое достоинство обусловлено высшей руководящей силой как путь к совершенству, стремление к идеальному; 2) в диалектико-историческом развитии и рационально-научном смысле антропологическая сущность человеческого достоинства заключается в создании человеком наиболее совершенных форм своего существования благодаря активной творческой деятельности в сообществе с другими людьми и во взаимодействии с природой.

В поисках разрешения жизненных противоречий эпохи глобальных перемен обозначены европейские ценности, которые представлены в ст. 2 договора о Евросоюзе, такие как уважение человеческого достоинства, соблюдение принципов свободы, демократии, равенства, права человека, включая права людей, принадлежащих к меньшинствам, плюрализм мировоззрений, недискриминация, толерантность, справедливость, солидарность и равенство между женщинами и мужчинами. Конституция РФ также защищает человеческое достоинство, устанавливая абсолютный принцип в ст. 21: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Среди российских ценностей человеческого достоинства особо выделим толерантность и дружбу народов, ответственное и дружелюбное отношение к многокультурным традициям, допускающее взаимовлияния, почитание национально-этнических религиозных мировоззрений.

Антропо-аксиологической основой исследований человеческого достоинства являются разные системы теории ценностей. Отечественная теория ценностей определила ценности жизни и культуры: материальные, социально-политические, духовные (истина, добро, красота). Римский клуб (А. Печчеи) выделил гуманистические ценности Декларации прав человека, такие как сохранение самобытности народов и окружающей среды. П. Уайт трактовал ценности как гражданские добродетели самоуважения, мужества, дружбы, честности, доверия и др. Согласно статье Б. Беккера «Достоинство», в Европе преобладает кантовское представление о достоинстве человека как автономном источнике абсолютно существующего нравственного закона (практического разума), основанного на долженствовании, и о неприемлемости нарушения достоинства человека как фундаментальной доминанты его бытия независимо от расы, пола, интеллекта, таланта[1]. Долженствование и верховенство закона не исключают переоценку ценностей европейскими гуманистами, поворот от либеральных ценностей общества потребления к наднациональным всечеловеческим ценностям, обусловленным этико-эстетическим сознанием[2]. Современные гуманисты, ощущая эпоху глобальных перемен, переосмысливают ценность человеческого достоинства в антропологическом аспекте на всечеловеческих основаниях.

Решение проблемы ценности человеческого достоинства на глобальном уровне возможно в нескольких теоретико-практических направлениях. Мы выделим три: 1) антропологические, национальные, демографические ситуации в решении проблемы повышения достоинства человека с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, человека и социальных институтов на современном этапе глобальных перемен, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук; 2) современные этические исследования человеческого достоинства: осмысление демократии и либерального индивидуализма, свободы морального выбора, соблюдения прав и свобод личности, наций, партнерства; проблемы самоидентификации, вопросы долженствования и ответственности, спра-

и утопия этического симбиоза», «Наука и искусство в свете сближения научного и художественного форм познания», «Эстетический аспект генетики гениальности», «Музыкальная эстетика евразийцев», «Философия искусства: о творчестве, творческом процессе и вдохновении», «Смысл и ценность музыки», «Эстетика телесности и достоинство человека в свете эстетической проблемы человеческой среды», «Философия Аристотеля в значении онтологического статуса музыки», «Чувственность в философско-антропологической концепции Маркса-антиутописта» и др. Член президиума Научного совета по проблемам истории музыкального образования, Российского философского общества. Автор благотворительного лектория «Музыка как мир человека».

[1] *Meyer M. J.* Dignite // Encyclopedia of Ethics / eds. L. C. Becker, C. B. Becker. N. Y. ; L., 2001. P. 405–406.

[2] *Коломиец Г. Г.* От либеральных к наднациональным ценностям в современном культурном пространстве // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2012. Апр. № 4 (136). С. 109–113.

ведливости; религиозно-нравственные истоки культуры; профессиональная этика в рыночных условиях; 3) выделение эстетической компоненты как проявление чувственно-выразительного начала антропологической сущности человеческого достоинства, ценностного взаимодействия человека с миром.

В период глобальных перемен содержание феномена человеческого достоинства переосмысляется на основе методологии, учитывающей междисциплинарное взаимодействие. Приоритетным является аксиологический подход, который включает антропоцентрический, социокультурный, эмпирический, эволюционно-глобалистский методы гуманитарного знания, что позволяет феномену человеческого достоинства найти выход в трансгуманизм субъективных и интерсубъективных ценностей. Человеческое достоинство, являясь принадлежностью категориального аппарата философской этики, проникает в разные сферы гуманитарного знания: антропо-аксиологическую, эстетическую, социально-философскую, психологическую, педагогическую, художественную.

Представление о человеческом достоинстве неотъемлемо от культуры технического прогресса и технологических инноваций, естественных прав человека в ракурсе коммуникативных стратегий. Проблема достоинства человека, основанного на российских и европейских ценностях, побуждает раскрыть необходимость антропо-аксиологического знания, включающего проблемы этики и эстетики, искусства и науки, образования и политики, и приобретает особую значимость, переосмысливая условия человеческой среды и достижения техногенной цивилизации. Современное понимание достоинства человека выявляется в контексте индивидуальной и социальной этики в качестве абсолютной и всеобщей ценности, содержащей неизменное ядро добродетелей и утверждающей себя в творчески-созидательной деятельности человека в диалоге культур, наций, профессиональных сообществ.

С. С. Комиссаренко[1]

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Проблема отчуждения в философско-социологических науках всегда занимала определенную и весьма специфическую нишу, начиная с философии Нового времени. Именно тогда в философских трудах человек предстал не просто как предмет исследования — началось становление антропологии, где он стал субъектом мира. В философии Фихте, Канта, Гегеля уже возникает прообраз проблемы отчуждения, но она еще не рассматривается так остро, как впоследствии, когда «во всем своем объеме и во всех своих частях обретается мир в распоряжении человека как мир, завоеванный человеком, чем более объективным выходит на свет объект, тем более субъективным оказывается subiectum и тем настоятельнее поднимает он голову, с тем большей безудержностью преобразуется наблюдение мира и учение о мире в учение о человеке»[2]. Именно в философии Нового времени тема отчуждения начинает рассматриваться в неразрывной связи с самой сущностью человека, где антропоцентристский подход обусловливает ее сущностные черты в виде отстранения человека как субъекта от окружающего его мира, который становится враждебным и агрессивным по отношению к нему. Отчуждение предстает в виде следствия человеческих действий, направленных прежде всего не столько на человека, сколько против него как субъекта своих деяний, порождая проблемы с самим собой. В конце XIX — начале XX века под воздействием развития психоанализа З. Фрейда отчуждение попадает в проблемное поле психиатрии, когда термин в буквальном смысле слова означал душевнобольного человека.

Однако смысловая нагрузка термина «отчуждение» была столь велика, что его параллельно начали использовать в социальных науках. Отчуждение становится социально-философской категорией, ученые применяют его для обозначения общественного процесса, в границах которого происходит «превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их»[3].

В политэкономии К. Маркса отчуждение получает трактовку, связанную с отчуждением человека от средств производства. Отчуждение становится одной из приоритетных тем мыслителя, который рассматривает его в контексте общественного производства и возникающих в связи с этим общественных отношений.

В XX и XXI столетиях проблема отчуждения становится интересна социальным психологам, социологам, культурологам, которые создают свои концепты, часто используя в трактовке термина бинарность понятий: отчуждение–солидарность, отчуждение–одиночество, отчуждение–единение и т. д. Широта интерпретирования понятия «отчуждение» позволяет ему получить своеобразный статус-кво в научном обиходе. Сегодня проблема отчуждения востребована как в исторической социально-гуманитарной ретроспек-

[1] Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Пушкин в культурном мире русского дворянства», «Дворянский этос как социальный код культуры», «Пушкин между службой и творчеством: выбор статусно-ролевых диспозиций в жизни поэта», «Национальный вопрос в современной России как культурная дилемма», «Российский этос: социально-культурный дискурс», «Мир пушкинского бытия: ценностно-смысловые доминанты», «Социальный диалог в коммуникативной среде российского общества» и др.

[2] *Хайдеггер М.* Время и картины мира // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет : пер. с нем. / сост., пер., вступ. ст., примеч. А. В. Михайлова. М. : Гнозис, 1993. С. 150.

[3] Учебно-тематический толковый словарь / под общ. ред. А. В. Копелиовича. Алматы, 2007. С. 870.

тиве, так и в современной культурологической мысли. Актуализация проблемы обостряется по мере углубления кризисных явлений в эпоху глобальных перемен, когда культура отражает симптомы отчуждения во всех наиболее значимых проявлениях.

Во-первых, на *антропологическом уровне* можно зафиксировать отчуждение человека от стремительного и многовекторного развития культурного мира, в котором он перестает быть центром и ядром культуры, порождая тем самым проблему отчуждения на индивидуально-личностном микроуровне. Описывая кризис неолиберальной модели общественного развития в середине XX столетия, немецкий философ и социолог Э. Фромм считал, что природу отчуждения можно понять только при анализе современной жизни, где происходит «рутинизация и вытеснение осознания основополагающих проблем человеческого существования»[1]. Разрыв человека с реалиями своего бытия, ценностной системой, включая товарищескую солидарность, приводит к тому, что человек осознает трагический факт своего одиночества. Особенно Э. Фромм подчеркивает отчуждение в современной культуре, когда человек становится частью потребительского общества. Все его существование направлено на удовлетворение потребностей обмена вещами и обладания ими. Потребительское общество как признак и призрак глобальных перемен современности перемалывает человека, наделяя его лишь одной социальной ролью — потребителя, отчуждает от окружающего многообразия мира творения и деятельности. Человек вступает в конфликт с самим собой, поскольку он не может принять жизнь как коммерческое предприятие, и разрешает внутриличностный конфликт через самоубийство, где главным мотивом, по мнению Э. Фромма, является то, «что жизнь не удалась».

Во-вторых, проблему отчуждения можно зафиксировать *на социально-культурном уровне*, отражающем глубинную дифференциацию культуры. На данном уровне отмечаются разорванность социально-культурного пространства как единого и целостного общественного организма и разделение его на отдельные групповые культуры, что проявляется в процессах дробления единой культуры внутри нее. Групповые культуры выступают в виде субъектов культурных процессов того или иного общества, разлом культуры происходит как по горизонтальной, так и по вертикальной оси отчуждений. Сегодня возникают, развиваются различные сословные, кастовые и классовые культуры, создавая сеть своеобразных субкультурных анклавов, находящихся в открытом (или закрытом) конфликте с основной культурой. Эти субкультуры также негативно настроены в отношении традиционных укладов жизни, общепринятых нравов и норм поведения. Они отвергают общепринятые нравственно-этические представления и ценностные системы. Неспособность главенствующей культуры отвечать на вызовы времени и предоставлять нормативно-ценностное обоснование этому времени является тем основным фактором, который приводит к возникновению субкультур. Появление целого ряда современных субкультур, таких как субкультура шоу-бизнеса или олигархов, ведет не просто к их отчуждению от главенствующей культуры — они, в свою очередь, навязывают членам общества свои потребительские и гедонистические ценности и трансформированные модели образа жизни. Отход от корневой системы традиционных норм и ценностей размывает тонкое пространство единой главенствующей культуры, порождая аномию чувств, восприятий и убеждений по отношению к ней.

В-третьих, *на межнациональном макроуровне* проблема отчуждения фиксируется в стремлении наций, с одной стороны, к обособлению, а с другой — к вынужденному взаимодействию, которое показывает сегодня малую эффективность результатов. Обособление и отчуждение одних национальных культур от других проявляются по мере углубления цивилизационного кризиса. Данный кризис фиксирует стремление народов к большей локализации, чем к интеграции. Геополитические и экономические факторы способствуют возникновению преград на пути межкультурного взаимодействия. Сегодня сокращаются международные научные и гуманитарные программы, прекращаются контакты на межгрупповом и межкорпоративном уровнях. В межнациональных отношениях проявляются черты агрессивности, интолерантности и стремление одних наций доминировать над другими. Общечеловеческие ценности перестают быть актуальными для многих стран, народов и этносов. Они все больше отгораживаются от влияния на них иных культур и замыкаются в локальных границах. Как следствие этих сложных межнациональных процессов, многие страны замыкаются и сознательно отчуждаются от общих межкультурных процессов.

Итак, отчуждение становится характерной чертой современной культуры, где глобализационные процессы ускоряют и укореняют отстранение человека не только от окружающего его мира, но и от самого себя, порождая культурное и социальное одиночество. В связи с этим возникает вопрос. Существуют ли пути преодоления отчуждения на уровне личности, общества, наций? Во-первых, безусловно, человек должен чувствовать солидарность с обществом, в котором он живет. И здесь его вовлечение в социально-культурные процессы зависит не только от самого человека, но и от культурных институтов общества, а также от государства, которое должно содействовать ему в обретении собственной нужности. Во-вторых, проблема отчуждения субкультур внутри единой традиционной главенствующей культуры может быть решена в первую очередь посредством нормативно-ценностных ориентаций на уровне общества, которое в состоянии противостоять аномии и внедрению субкультурных модификаций. В-третьих, преодоление отчуждения между национальными культурами возможно при актуализации диалога культур как наиболее эффективного средства выстраивания межнационального взаимодействия. Теоретическая значимость отчуждения как категории культурологии очевидна, поскольку она опирается на человеческую культурную практику, где отчуждение всегда рядом с человеком, от него невозможно избавиться совсем, его можно только минимизировать. Отчуждение — современная реалия, которая всегда будет существовать во взаимоотношениях между людьми и в отношениях человека с культурой.

[1] *Фромм Э.* Здоровое общество // Фромм Э. Мужчина и женщина. М. : АСТ, 1998. С. 256.

И. В. Кондаков[1]

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Не подлежит никакому сомнению, что процесс глобализации в настоящее время вступил в новую фазу, принципиально отличную от сравнительно недавней, уже хорошо изученной и глубоко проанализированной с разных точек зрения. Эта новая фаза в развитии глобализационных процессов характеризуется следующими параметрами: современная глобализация представляет собой феномен *полиполярного мира*[2] (а не монополярного или биполярного, как это было еще совсем недавно); современный мир складывается из соревнования и борьбы региональных *глобалитетов* (глобализирующих *потенциалов* отдельных цивилизаций), что нередко принимает характер «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон)[3]; общей тенденцией всех современных глобализационных процессов становятся *медиа-* и *компьютероцентризм* всех развитых национальных культур (заменивший собой преобладавший ранее литературоцентризм) и постоянно расширяющиеся возможности *трансмедиальности* в условиях цифровой и IT-революции; общим фоном современных глобализационных процессов является виртуальная реальность[4], объединяющая в себе компьютерные технологии, интернет-ресурсы и сетевые коммуникации и охватывающая всевозможные феномены культуры, претерпевающие в результате виртуализации глубокие качественные изменения; достигаемая таким образом *ценностно-смысловая унификация* культур носит внецивилизационный и внеэтнический характер, что объясняется становлением в целом мировой культуры *третичных моделирующих систем*, выходящих на новый уровень *культурной рефлексии* по сравнению со вторичными моделирующими системами[5] (наукой, литературой, искусством, публицистикой, философией, политической идеологией и т. п.); *язык новых медиа*[6], который используется при третичном проектировании и моделировании воображаемой реальности, включает гипертексты, интертекстуальные и интермедиальные связи, интерфейсы, контенты, медиаархив, репрезентации и тому подобное, фактически представляя собой *софт-культуру*[7], не знающую традиционных этнонациональных, социальных, этических, эстетических и других различий, а потому не подлежащую ни интерпретациям и оценкам, ни качественным характеристикам.

Таким образом, современные глобализационные процессы оказываются включенными в двухслойную информационную среду: один ее уровень предполагает взаимодействие с цивилизационными процессами, заданными соревнованием и борьбой региональных глобалитетов; другой образован цифровыми технологиями и представляет собой виртуальное пространство компьютерной культуры (во многом «снимающее» напряжение, вызванное межцивилизационными отношениями локальных культур)[8]. Между этими двумя слоями культурного пространства неизбежно возникают противоречия, осложняющие сознание и поведение людей, включенных в механизмы глобализации.

Представим теперь проблемы, с которыми сталкивается постсоветская Россия в контексте современной глобализации. Прежде всего приходится констатировать, что Русь, Россия и СССР буквально с самого начала своего цивилизационного, культурного и политического самосознания мыслили себя отнюдь не на периферии мирового культурно-исторического процесса, а по крайней мере причастными к всемирному целому. Во многом это вызвано пограничным положением России между Западом и Востоком, а русской и в целом российской культуры — между культурами европейского и неевропейского типа. Тем самым Россия как культурная область и цивилизация вольно или невольно претендовала на центральное, «связующее» место в мире — между контрастными мирами, на роль «цивилизационного моста» между Западом и Востоком и брала на себя функцию объединения противоречивых частей единого целого, понимаемого как мировое сообщество.

В то же время это означало, что все противоречия между Западом и Востоком, любые столкновения цивилизационных и культурных интересов западных и незападных цивилизаций так или иначе проходили через российское пространство, становившееся полем борьбы противоположных и взаимоисключающих тенденций мирового развития. Н. Бердяев связывал столкновение двух потоков мировой истории в пограничной зоне великого Востоко-Запада с развитием в гра-

---

[1] Профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, кандидат филологических наук, почетный работник общего образования РФ. Автор около 800 научных публикаций, в т. ч.: «От Горького до Солженицына», «Введение в историю русской культуры», «Культура России. Краткий очерк истории и теории», «Русская литература XX в.», «Вместо Пушкина. Незавершенный проект. Этюды по русскому постмодернизму», «Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН «История мировой культуры», вице-президент и председатель Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества. Председатель редколлегии серии коллективных научных трудов «Россия на перекрестке культур». Член редколлегий научных журналов «Общественные науки и современность», «Вопросы культурологии», «Интеллигенция и мир», «Личность. Культура. Общество» и др.

[2] См. подробнее: Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004.

[3] См.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

[4] См.: *Таратута Е. Е.* Философия виртуальной реальности. СПб. : СПбГУ, 2007.

[5] Так Ю. М. Лотман и другие представители Московско-тартуской школы семиотики называли тексты, созданные на языке, на порядок более сложном, чем тексты на естественном языке.

[6] См.: *Манович Л.* Язык новых медиа. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018.

[7] См.: *Манович Л.* Теории софт-культуры. Н. Новгород : Красная ласточка, 2017.

[8] См.: *Маккуайр С.* Геомедиа: Сетевые города и будущее общественного пространства. М. : Strelka Press, 2018.

ницах России цивилизационного катаклизма всемирно-исторической и провиденциальной значимости[1]. Когда Н. Бердяев писал о *мессианизме* русских[2], он имел в виду прежде всего стремление русской национальной культуры оказаться в «фарватере» мирового развития и в целом центростремительную тенденцию культурно-исторического пути России. Но при этом Руси–России — в лице ее выдающихся политиков, мыслителей, деятелей культуры — хотелось непременно находиться не в арьергарде, не в «хвосте» мировой истории, а в авангарде, то есть возглавлять ведущие тенденции развития человечества, подавать ему пример, задавать тон всемирной истории. Именно в этом смысле Москва устами старца Филофея утверждалась в роли Третьего Рима; именно Русь считал Юрий Крижанич центром мирового славянства; именно Россию русские славянофилы видели во главе истинного христианства и общечеловеческой нравственности; именно в русской культуре и ее светоче — Пушкине — Достоевский усматривал феномен «всемирной отзывчивости».

Однако почти в такой же мере России с давних пор был свойствен и антиглобализм. Можно сказать, что российский антиглобализм заложен едва ли не в ментальное основание российской цивилизации, в менталитет русского народа: идея своего, особого исторического пути, отличного от европейского; социальное и культурное охранение, то есть стремление любой ценой сохранить свое национально-культурное своеобразие и многообразие, в том числе и то, которым не подобало бы хвалиться, нередко чреватое отсталостью, дикостью (крепостное право, крестьянская община, русский социализм, коллективизация, российский неустроенный быт и неразвитое коммунальное хозяйство и пр.); обоснование исключительного национально-культурного своеобразия, противостоящего европейскому рационализму и прагматизму и основанного на душевной теплоте, сердечности, отзывчивости; противопоставление русской соборности, коллективности западноевропейскому индивидуализму и эгоизму; российского бескорыстия, энтузиазма, нерасчетливости и широты — западному корыстолюбию, буржуазному частному предпринимательству, рынку, царству «чистогана», отношениям купли-продажи. Подобные примеры идейной и мировоззренческой конфронтации России «развитым» мировым державам и раньше, и сегодня видятся именно в одном контексте со всеми антиглобалистскими выступлениями в современном мире.

Наблюдения за современными социальными и культурными процессами в мире, так или иначе связанными с глобализацией и антиглобализацией, наводят на мысль, что именно в России начиная едва ли не со времен Древней Руси (вспомним двоеверие) эти процессы получили самое раннее и наиболее оформленное развитие. Конечно, прежде всего приходит на ум полемика западников и славянофилов 30–60-х годов XIX века, которые достаточно ярко и резко выражали тенденции, аналогичные современным глобализму (западники) и антиглобализму (славянофилы). Если западники отстаивали приоритеты социального и культурного развития Западной Европы, полагая их всеобщими, выражающими тенденцию мирового исторического развития (что отвечает и интересам отстающей России, и другим странам и культурам, в культурном и цивилизационном отношениях опаздывающим), то славянофилы, защищая интересы национально-культурной самобытности славян, в том числе русских, исходили из идеи дифференцированного развития различных культур, каждая из которых имеет по сравнению с другими свои преимущества и недостатки, несводимые к «единому знаменателю» мировой цивилизации. Полемика западников со славянофилами — это спор просветителей с романтиками. Нигде, кроме как в России и русской культуре, такой спор не обрел ни столь колоритной остроты, ни столь жесткой непримиримости, ни столь прямого временнóго совпадения разных культурных парадигм. Поэтому полемика западников и славянофилов в России способствовала формированию наиболее общей, универсальной матрицы, по которой (или по аналогии с которой) в дальнейшем строилась конфронтация глобализма и антиглобализма, отстаивавших соответственно идеи культурно-цивилизационного универсализма в мировом масштабе и культурно-цивилизационной автономии и самобытности (также в мировом масштабе). В этом свете глобалистские концепции выглядят как неопросветительские, а антиглобалистские — как неоромантические, сохраняясь в этом качестве в России до сих пор.

Однако в объяснении проблематики глобализма/антиглобализма оказывается явно недостаточно выявления ее культурологических корней. Необходимо вспомнить, что полемика западников и славянофилов, а затем космополитов и почвенников в России, продолжавшаяся без малого целый век, завершилась формированием дискурса, соединившего в себе идею всемирности и национальной исключительности, общечеловеческой разумности и организованного субъективного фактора (в формах диктатуры, насилия, партийной организации, планового централизованного хозяйства, единой идеологии и т. п.).

Речь идет о дискурсе *тоталитаризма*, впервые сложившемся именно в России (в формах ленинизма и большевизма), а затем повлиявшем на все разновидности тоталитаризма практического или теоретического (итальянский фашизм, немецкий нацизм, троцкизм, сталинизм, маоизм и т. д.). Собственно тоталитаризм и был первой исторической моделью глобализма: ведь он претендовал на всемирно-исторический, общечеловеческий охват всего мира, выведение всеобщих законов человеческого общежития, обоснование универсальных путей исторического развития человечества. Другое дело, что модель, разработанная в разных вариантах теоретиками и практиками тоталитаризма, на протяжении XX века многих то увлекавшая, то отталкивавшая, в конечном счете поразила мир своей ригидностью, бесчеловечностью, жестокостью. Это был первый *вызов* глобализма человечеству.

Современный глобализм, порожденный либеральной цивилизацией, является *ответом* на вызов тота-

[1] *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М. : Сварог и К, 1997. С. 4–5.

[2] См., например: *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1980. С. 9.

литарного глобализма. Во многом он оппозиционен и прямо противоположен тоталитаризму. Постсоветская Россия, пройдя длительный (почти 80-летний) путь тоталитарного развития, сразу окунувшись в омут американизированного глобализма, в условиях современной конвергенции тоталитарного и либерального дискурсов переживает период глубокого и трудноразрешимого кризиса, органично вписанного в глобальный контекст. Почти неизбежно антиглобалистские тенденции в России получают почвенно-националистический и антизападный характер, более того, они поддерживаются и прототалитарными силами, во многом отражая индустриальный этап исторического развития России в XX веке. Соответственно глобалистские тенденции опираются на либерально-буржуазные и антитоталитарные течения в постсоветской России, естественно ориентирующиеся на Европу и США, формирование постиндустриального общества в России.

Однако именно в России более чем где-либо становится очевидно, что в XXI веке глобализм и антиглобализм — это лишь две разные формы глобализма, конфликт между которыми может быть разрешен лишь в рамках постмодернистской мозаичной парадигмы, постепенно складывающейся на наших глазах. Правда, западная версия этой парадигмы, известная как мультикультурализм, сегодня в Западной Европе подвергается серьезным испытаниям в связи с потоком беженцев с Ближнего Востока, из Северной Африки и Центральной Азии. И еще большой вопрос, справится ли такая модель с поставленными перед ней практическими задачами. В современной России эти проблемы также возникают в связи с неуменьшающимся наплывом гастарбайтеров из Средней Азии.

В ходе своего развития культура на каждом историческом этапе несет в себе своеобразное обобщение прошлого культурно-исторического опыта. Постсоветская культура, не порывая с культурой советской, впитывала в себя достижения Серебряного века, русского зарубежья и советского андеграунда и получала не только глобальное измерение, но и статус культурной «вненаходимости» и метаисторической универсальности. К этому статусу в XXI веке добавились виртуализация и медиализация информационной среды, что в совокупности всех факторов придало российской глобализации тотальный и необратимый характер, а российскому глобалитету, переживающему сегодня очевидный кризис и спад, сообщила необходимую прочность и умеренный оптимизм.

В. А. Конев[1]

ОПЫТ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ НОВОГО МОДЕРНА

Тема нынешних Лихачевских чтений — «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости». Как бы ни трактовались движущие силы развития общества/цивилизации/культуры, в конечном пункте, там, где действующая сила непосредственно прилагается к тому, что будет претерпевать изменение, всегда окажется конкретный человек. Именно здесь, где действует конкретный индивид, скрыта тайна предсказуемости и управляемости общественной жизни. Я думаю, что это тайна свободы и ответственности человека за свои поступки, а точнее — тайна антиномии *очевидности*, *данности* свободы и *неочевидности*, *неданности* ответственности.

Хотя на первый взгляд кажется, что для каждого из нас очевидна именно наша ответственность перед кем-то — перед родителями, начальником, обществом, Богом наконец. Так что куда ни посмотри, всюду обнаруживается, что человек кому-то или чему-то обязан, что он ответствен и подчинен. А где свобода? Вот она-то маловероятна, а то и вообще невероятна. Ведь сказал Спиноза: «Свобода есть познанная необходимость». Вдумайтесь! Нет свободы! Есть необходимость, которая может быть познанной или непознанной.

Но я бы все-таки хотел отстоять свой тезис: данность, очевидность свободы и неданность, невероятность ответственности человека.

Начнем с поиска самой очевидности. Что для человека непосредственно очевидно? Несомненно, его собственное «я». Я всегда знаю свое «я», и каждый знает свое «я». Но где и когда человек обнаруживает свое «я», ведь оно не сразу открылось человеку? Где и когда впервые возникает ситуация явления личности? Она возникает тогда, когда маленький человечек впервые скажет себе: «Нет!» Он потянулся к чему-то, но остановил себя: «Нельзя!» *Сам* остановил себя. Он освободил себя от принуждения действительности, от того, что на него действовало, что принуждало его, что необходимо присутствовало и побуждало его. «Я» человека оказывается *очевидно* там, где человек останавливает себя, отказываясь от окружения, где он освобождает себя от принуждения необходимостью.

Свобода противоположна необходимости. Свобода — в способности выйти за пределы необходимости, за пределы бытия. Куда? К другой, *не к этой* действительности. Свобода — это способность производить разрыв в мире бытия. И этот разрыв есть мое «я», которое как «я», моя индивидуальность, личное «я» есть *не*похожесть, *не*схожесть, *от*личие, *о*свобождение от окружения. Вот она, очевидность свободы «я»! Личность как самостоятельность, индивидуальность, *как это и только это* есть очевидное явление свободы, ре-

[1] Профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Смыслы культуры», «Две концепции логики смысла: Жиль Делёз и Андрей Смирнов», «Современная культура: галактика Цукерберга vs галактики Гутенберга», «Умберто Эко: поэтика Джойса и смена типа культуры», «Университет: из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга» и др. Член Российского философского общества.

зультат освобождения, отделения от окружения и есть само это освобождение и отделение.

Человек как личность определяется и живет в особом пространстве — в пространстве не отождествления, а отрицания. Если индивид попадает в пространство тождества, в те социальные координаты, о которых когда-то говорил Питирим Сорокин и которые подобны декартовой системе координат, он теряет индивидуальность. Так определяется человек в пространстве социальных позиций, системе социальных групп, когда он получает определение как студент, профессор, рабочий или буржуа, как русский или чуваш и т. п. Человек как личность, имеющий свою индивидуальность, определяется в ином пространстве. Это пространство дантовых координат, которое порождается не отождествлением, а отрицанием[1], отказом *от*… и круги ада показывают, от чего должна отказаться душа; она должна покаяться *в*… и уступы чистилища показывают, в чем она должна раскаяться; и даже в раю она должна пройти ряд сфер, чтобы наконец найти свое абсолютное определение. Чтобы получить, надо отказаться. Если зерно не умрет, оно не даст плодов. Чтобы увидеть дома синюю птицу счастья, нужно совершить путешествие по миру в ее поисках. Нравственное лицо человека определяется не тем, где он находится по шкале удовольствий или по шкалам гордыни и алчности (вспомним зверей из первой песни «Ада»), а тем, что он полностью отказывается от отождествления с этими пороками и ориентирами жизни.

Творчество — форма личностного существования. Как оно реализуется? Через ряд отрицаний — не это… не это… не это. Так поэт зачеркивает в черновике слова и целые строчки. Разве он знает, что «это»? Если бы он знал, то сразу бы написал «это». Нет! Он находит через отрицание: «Вот оно!» И это *оно* стало из *нет*, из небытия, благодаря *личным* усилиям. Вот здесь и рождается ответственность за то, *что* стало. Ее невероятность, неочевидность заключается в том, что она, ответственность, *есть*, коль скоро уже нечто случилось («Аннушка уже разлила масло!»), но для меня-то она не дана, я-то ее могу не знать!

Ответственность неочевидна. Принять ответственность — значит дать ответ, который всегда имплицитно содержит в себе посылку: «*Я* отвечаю…» Поэтому сделать *очевидным* ответ и ответственность можно только через свободу. Но это уже не свобода отказа и отрицания, которая очевидна, но непродуктивна. Свобода отказа (нетствование) — это первый шаг личности, первое личностное деяние. Но если он не только первый, но и единственный, он разрушителен. Это свобода Сизифа, как ее представляет Альбер Камю.

Очевидность ответственности — *ответ* — рождается свободой утверждения: «Не это, а вот это…» И этот мир, признанный мною, есть мой мир, моя позиция. «Мы в ответе за тех, кого приручили», и за то, что получили, за то, что народилось. Человек как личность ответствен за время. В этом и заключается тайна неочевидности ответственности. Как можно быть ответственным за время? Может ли кто-нибудь растянуть или сжать момент, остановить мгновение? Да, может. Это человек в своей личностной ипостаси. Время — это не безразличная длительность, не бергсоновское *durée*. Это состояние, стояние (сохранение) деяния, это стояние души в событии. Поэтому есть время Пушкина и Достоевского, Канта и Эйнштейна, но есть время Сталина и Берии. Они ответственны за него. Но эта ответственность очевидна для нас, а для них очевидна была их свобода.

И в той мере, в какой человек способен создавать разрывы в бытии, которые он заполняет своим «*да*», своим деянием, в той мере, в какой он, открыв небытие («*нет* этого, а должно *это* быть!»), закрывает открывшуюся бездну своим творением (собой!), он с *очевидностью свободен и ответствен за эту свободу*. А если для него очевидна не свобода, а только ответственность перед… он слуга, а не самостоятельное лицо, не «я». Но тогда его свобода очевидна для его господина, так как абсолютно прав Жан-Поль Сартр, сказавший: «Только Боги и цари знают, что люди свободны».

Очевидно, что в настоящее время происходят кардинальные изменения в истории европейской (мировой?) цивилизации. Очевидно, что человек кардинально изменяет представление о своем жизненном назначении. Я бы сказал, что это изменение представления индивида о себе может быть выражено формулой «От человека пьедестала к человеку подиума». А в связи с этим существенно меняется и понимание человеком свободы.

В культуре представления (а такова была культура Просвещения, формировавшая картину мира, на которую должен был ориентироваться индивид в своем поведении) фигура, поставленная на постамент, автоматически становилась объектом восхищения/поклонения/преклонения/подражания. Человек пьедестала — человек, ориентированный на представленный в картине мира идеал. Его собственная жизнь проходит в тени пьедестала, она для него не подлинность, а только ожидание подлинности — жизнь «в ожидании Годо», жизнь «заочно живущего», как оценивал свою жизнь персонаж повести Платонова «Котлован». Человек пьедестала живет заочно, так как очная жизнь — это жизнь тех, кто представлен на постаменте, а не тех, кто проходит у его подножия. Однако и пьедестал не обеспечивает вечного постоянства подлинности: памятники рушатся, кумиры низвергаются, и тогда оказывается, что гранит постаментов хранит образ человека нисколько не лучше, чем прибрежный песок, на котором начертано лицо человека (М. Фуко).

Единственная гарантия сохранения человеком своего подлинного лица и всегда очной жизни — это признание подлинным лицом человека лица каждого индивида. И если историческая волна смыла запечатленное в многочисленных изваяниях лицо, смотревшее на нас с пьедесталов, то вместо него появились миллионы селфи, которые свидетельствуют об очном присутствии каждого демонстрирующего себя здесь-и-сейчас.

[1] См.: *Конев В. А.* Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия) // Конев В. А. Онтология культуры. Избранные работы. Самара : Самар. ун-т, 1998 ; *Он же.* Монологи в диалоге о едином и различии // Конев В. А. Смыслы культуры. Самара : Самар. ун-т, 2016.

Рубеж XX–XXI веков, как некогда XVIII век, резко меняет положение человека в обществе. Развитая социальная мобильность, повышение образовательного уровня, колоссальные возможности получения и распоряжения разнообразной информацией, атмосфера креативности — все это, как и многие другие факторы, побуждает человека к активному самостоятельному действию. Свобода становится фактом повседневной жизни, которая ставит человека не в ситуацию долга («Вот образец! Следуй ему!»), а в ситуацию вызова свободы («Бери от жизни все!»). Теперь свобода — не ответ на зов необходимости (NB: Спиноза, Гегель), а опыт *каждого* конкретного человека, в котором он постигает предел своих возможностей и способностей. Реализация свободы становится для индивида демонстрацией его возможностей и способностей, что и превращает его в человека-подиума, человека возможностей. Свобода — это «необходимость себя», если воспользоваться названием сборника работ М. К. Мамардашвили.

В условиях, когда человек подиума приходит на смену человеку пьедестала, культуре важно выработать те инструменты, которые развивали бы в человеке опыт свободы. Думаю, движение культуры именно в этом направлении — формирование специальных культурных институций, культивирующих опыт свободы, — приведет к оформлению нового варианта культуры модерна (нового варианта культуры Просвещения). Трудно сказать, как будет выстроена система институций грядущего этапа развития культуры, но один из ее центральных элементов ясен — это преобразование системы образования в направлении доминирования воспитания над обучением[1]. Установка на создание условий личностного развития как в системе образования, так и за ее пределами — это создание такого цивилизационного гумуса, который становится почвой только таких событий, появление которых не будет порождать мыслей о необходимости предсказуемости и управляемости общественным развитием.

А. В. Костина[2]

РАЗВИТИЕ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Мировое развитие — это совокупность комплексных взаимообусловленных процессов, прямо или опосредованно влияющих на развитие мира в целом. Они связаны с важнейшими проблемами, оказывающими на мировую систему как глобальное, так и локальное влияние. Эти проблемы могут носить как объективный, так и субъективный характер, то есть формироваться и развиваться как спонтанно, непреднамеренно, так и создаваться в виде специфических проектов и алгоритмов их реализации, имеющих безусловную субъектную природу и подчиняющихся субъекту воления. Мировое развитие непосредственно связано с базовыми проблемами, которые стоят перед человечеством, поэтому чрезвычайно важно определить принципиальные цели развития человека и культуры в нынешнюю эпоху.

Необходимо отметить, что современное развитие включает в себя глобальные перемены, которые самым непосредственным образом отражаются на человеке и обществе. В ситуации, в которой сегодня пребывает человечество, весьма трудно предсказать векторы развития мира. Это связано, в первую очередь, с тем, что на современном этапе мир развивается как единая глобальная система, а значит, в его движении задействовано огромное количество составляющих, все из которых учесть невозможно. В этом скрепленном общими взаимодействиями мире зачастую наиболее важными оказываются те процессы, которые трудно осмыслить и верифицировать. Здесь часто проявляется «эффект бабочки», то есть свойство системы существенно изменяться даже после незначительного влияния на нее. При этом изменения происходят в ином месте и в иное время, а сама система, как правило, находится в хаотичном состоянии.

Из-за новых свойств мира, не подчиняющегося линейной логике развития и принципа классического детерминизма, возникла необходимость сформировать новые методы его изучения. Эти методы отражения свойств современного мира, их направленность на постижение и прогнозирование состояния человека и культуры в эпоху глобальных перемен в значительной степени связаны с новой эпистемологической ситуацией. Автор постнеклассической концепции академик В. С. Степин показал, что нынешний этап развития науки отличается в равной степени как от классической науки XVII–XVIII веков, основанной на механицистской картине мира, так и от постклассической (или неклассической) науки конца XIX века, опиравшийся

[1] Доминирование воспитания над обучением означает не то, что не нужно учить знаниям, приобщать к информации и так далее, а то, что знание всегда должно быть ценностно насыщено, мышление должно быть, как говорил, М. Бахтин, «участным», личностно ориентированным.

[2] Директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Массовая культура как феномен постиндустриального общества», «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе» (в соавт.), «Теоретические проблемы современного культурологического знания: методы, подходы, концепции, понятия», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: „баланс интересов“ в современном обществе», «Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования» и др. Главный редактор журнала «Ученый совет», член редакционных коллегий журналов «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке», «Politbook».

на релятивность, относительность и условность описания мира.

Формирование новой исследовательской парадигмы связано с необходимостью пересмотра функции самого научного знания, основанного на системе таких доказательств, которые исключали бы многовариантность решения различных задач. Конкуренция цивилизаций в глобальном мире требует все новых ресурсов, которые являются истощимыми, что ставит под угрозу выживание человечества. Сегодня под вопрос ставится возможность сохранения воды и воздуха планеты в неизменном, незагрязненном виде. Из-за негативных экологических процессов сокращается природное многообразие, вымирают многие виды растений и животных. Унификация всех процессов приводит к разрушению национальных традиций, жизненных устоев. Сегодня становится ясно, что техника не только возвеличивает человека, но и умаляет его человеческую природу, окружая его искусственными предметами и приспособлениями, далекими от природы живой. Человек превращается в часть машины по производству и потреблению, становится средством продуцирования новейших технологий. Все эти изменения позволяют говорить о дегуманизации культуры в век развития технологий.

Кризисная ситуация в социокультурной сфере и в самом мировоззрении современного человека стала причиной появления синергетической научной парадигмы. В рамках данной концепции происходит отказ от классического детерминизма и делается ставка на поливариантность развития, фактор случайности, приводящий к внезапным флуктуациям в живой и неживой природе, на то, что и природа, и культура могут существовать как самоорганизующиеся системы, развивающиеся от Хаоса к Порядку и наоборот. Такой подход позволил увидеть особую, продуктивную роль человека в этих процессах.

Данная парадигма дает новый подход для прогнозирования будущего человека и общества в эпоху глобальных перемен. Она помогает осознать, что развитие всех живых систем и сам культурогенез не являются линейными процессами, обусловленными исключительно кумулятивным накоплением информации, но выступают как ряд сложных процедур с большой степенью верификации описывающихся теорией процессов развития сложных систем. Эта идея о саморазвитии и самосохранении общественной жизни людей опирается на понимание культуры как системы, у которой есть функции, обеспечивающие ее стабильное существование[1].

Выделение негэнтропийной — упорядочивающей, организующей — функции культуры привело ученых к пониманию культуры как системы, которая вырабатывает собственную причинность развития, не согласующуюся порой с технологиями и экономикой. При образовании новой совокупности самых различных обстоятельств или даже превращении одного незначительного фактора в значительный меняется структура всей системы культуры, складываются новые отношения между ее составляющими: функционирующими в ее границах типами культуры, выполняемыми ими функциями, а также складывающимися формами. Эту функциональную амбивалентность культуры М. С. Каган и рассматривал как ее «негэнтропийность», то есть проявление ее организующего потенциала. Негэнтропийность характеризуется как единство стереотипно-продуктивной способности к воспроизведению и творчески порождающего характера бытия в мире, где сама деятельность может быть рассмотрена как направленная на упорядочивание мира и социального бытия, а культура в целом как раз и выступает как «антиэнтропийный» механизм.

Итак, мы можем говорить о понимании культурогенеза как закономерного процесса, но необъяснимого только с помощью рациональной методологии, сложившейся еще в классическую эпоху. Определение культуры как самонастраивающегося механизма составляет основу исследований социальных систем, которые опираются на современную методологию, связанную с синергетической парадигмой. Синергетика является, по сути, междисциплинарным направлением науки. В ней рассматриваются факторы появления и самоорганизации структур в тех системах, которые весьма далеки от равновесия. Поэтому данные законы можно применить для любых систем, главным образом биологических, экологических и социальных. В то же время синергетику рассматривают как «глобальный эволюционизм», или «универсальную теорию эволюции», предоставляющую инструментарий для объяснения любых инноваций и эволюционных изменений как в природе, так и в обществе. Именно синергетика представила саму идею определения образа будущего, его предсказания и возможного регулирования и управления.

Однако некоторые исследователи (В. П. Бранский, С. Д. Пожарский и др.), ссылаясь на методологию синергетики, доказывают, что глобализация не может иметь «человеческого лица»[2], что это — умозрение, не имеющее ничего общего с реальностью. Другие (к примеру, С. В. Чернов) утверждают, что «глобализация знаменует начало новой посткультурной эпохи, где нет уже места ни духовной культуре, ни духовно-нравственным ценностям, ни человечности»[3]. Из этого утверждения следует, что в современной эпохе, когда все процессы происходят в глобальном мире, не остается шансов на дальнейшее существование — и тем более развитие — ни у человека, ни у общества.

Все же представляется, что это не так. Культура — это самонастраивающаяся, саморазвивающаяся система, которая вырабатывает методы саморегуляции и сохраняет то, ради чего она существует. Ни глобализация, ни породившая ее информатизация, ни развитие экономических систем до транснациональных корпораций не способны разрушить культуру. И такими оптимистическими прогнозами изобилует история. На-

[1] *Каган М. С.* Диалектика общего и особенного в методологии познания // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.

[2] *Бранский В. П., Пожарский С. Д.* Глобализация и синергетический историзм. СПб. : Политехника, 2004. С. 385.

[3] *Чернов С. В.* Человек и образование в эпоху глобальных перемен. URL: http://institutnpo.ru/3-obshcherossijskaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-nauka-obrazovanie-proektnaya-deyatelnost-rossiya-xxi-vek/105-chernov-s-v-chelovek-i-obrazovanie-v-epokhu-globalnykh-peremen.

пример, в самые опасные и неблагоприятные для развития периоды, когда экономика была разрушена, когда велись нескончаемые войны, приносящие бедствия и страдания людям, культура находила возможность для духовного развития отдельного человека и общества в целом. Более того, именно в эти периоды культура развивалась наиболее интенсивно: создавались недостижимые образцы, идеалы человеческого духа. Такой была эпоха барокко, когда дух человека находил свое выражение в культуре. Аналогичной была эпоха XVIII века в Германии, когда на фоне системного кризиса сформировалась немецкая классическая идеалистическая философия.

Сегодня главной задачей человека и культуры остается продуцирование новых идей, носящих символический характер и расширяющих то пространство, которое Э. Кассирером обозначено как «символическая вселенная», связанное со сферой идеального и обладающее метафизической природой. Судьба человека и общества в эпоху глобальных перемен связана не с внешними факторами — технологиями, экономикой, финансами и тому подобным, — но с внутренними, где «культурность» становится уникальным качеством, присущим только человеку и определяемым его причастностью к особым идеальным, культурным пространствам. В этом смысле такие феномены, как образование, искусство, наука, религия являются главными в обществе, определяют матрицу его развития и обеспечивают каждому человеку возможность свободно продвигаться к определяемым обществом и им самим целям, соответствующим его природным склонностям и потребностям самой культуры. Поэтому, если общество будет стремиться к формированию и расширению сферы идеального, оно выживет и сохранит весь тот бесценный опыт, который накопило человечество. Если же главными приоритетами человека станут экономические императивы, будущее человечества окажется под угрозой.

В. В. Кравченко[1]

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ВИРТУАЛЬНОЕ «СОЛО» В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ

Одиночество как жизненная стратегия отдельного человека, противопоставление уединенного образа жизни обычному социальному общению в истории культуры — явление чрезвычайное, но в общем хорошо известное.

В древности одиночество было не востребовано обычными членами сообщества, не понимавшими себя вне коллектива, и оно даже было страшным наказанием (изгнание из племени). При этом шаманы и вожди периодически нуждались в одиночестве, концентрируясь на решении важных проблем всего племени. Шаманы, как правило, селились неподалеку от временного или постоянного стойбища, предпочитая общению с соплеменниками таинственные контакты с духами. Строго говоря, они никогда не были одиноки, но, с точки зрения обычных людей, шаманы вели уединенный образ жизни.

Некоторые обряды посвящения древности требовали, чтобы неофит, проходя ступени суровых духовных и физических испытаний, определенный период времени (иногда довольно продолжительный — от нескольких недель до года) находился в полной изоляции. Во всех культурах некоторые виды деятельности или целые культурные направления предполагали постоянное или продолжительное пребывание в одиночестве. Так, в религиозных сектах и Востока, и Запада религиозные фанатики (индийские садху и персидские дервиши, суфии и монахи-затворники разнообразных сект) зачастую совершали свои религиозные подвиги в строгом одиночестве. Одиночество принималось как трагическое обстоятельство (жизнь на необитаемом острове в результате кораблекрушения), вынужденное положение (заброшенность стариков, потерявших родственников), в конце концов как одиночное тюремное заключение преступников, считающееся одним из самых мучительных наказаний.

С процессом индивидуализации членов общества одиночество все более осознавалось в некоторых случаях как необходимое и закономерное, принимая различные социокультурные формы. Одинокие гении провозглашали новые идеалы; алхимики свершали тайное «делание» в поисках философского камня; художники, скульпторы, писатели и поэты создавали шедевры в уединении; анахореты усиленно молились в пещерах; эгоисты высокомерно пренебрегали общественными интересами; правители страдали от мании преследования… В обычной жизни одиночество было уделом чудаков, изгоев и мизантропов, а в целом — часто непозволительной роскошью для обывателя и разумного человека. Общество крепко держало своих членов разнообразными социальными связями, диктовало жесткие рамки поведения, каждому назначало определенные роли и функции и т. д.

В XVIII веке романтики придали одиночеству ореол таинственности и притягательности. Одинокие путешествия в экзотические страны (уже не религиозные, а поэтические, научно-исследовательские, творческие «паломничества») стали источником творческого вдох-

[1] Профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор философских наук. Автор более 70 публикаций, в т. ч.: «Культурно-антропологические основания социальных трансформаций», «Философия полета в идейном наследии русских космистов», «К вопросу о несостоявшемся путешествии В. С. Соловьева в Индию», «Симфония человеческой культуры», «Философия П. Я. Чаадаева как современная теоретическая проблема», «Владимир Соловьев и София», «Vl. S. Solovyov's oeuvre refl ected in foreign philosophy» и др. Член Российского философского общества, Международного центра изучения русской философии при Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета.

новения. В XIX веке философы заговорили об «атомизации» общества, все более частом стремлении простых людей уйти из-под гнета хозяев или начальников, от семьи, социальных обязательств. Так проявлялась жажда независимости — экономической, социальной, политической, духовной, религиозной и пр. В некоторых философских направлениях одиночеству посвящались глубокие исследования. Экзистенциалисты видели в нем форму осознания страха, отчаяния и безысходности человеческого существования. Но эти переживания были характерны лишь для особо чувствительных и мыслящих людей. К концу XX века одиночество превратилось в глобальное явление, характерное для большинства населения Земли.

Некоторые социологи считают, что состояние современного общества ранее было неизвестно человечеству. Знаменитый британский социолог и философ Зигмунт Бауман назвал новое общество индивидуализированным. Оно, по его мнению, результат модернизации и разрегулированности социально-экономических, политических, духовно-нравственных и культурных связей и взаимодействий. По мнению Баумана, «мы вступили на территорию, которая никогда прежде не была населена людьми, — на территорию, которую культура в прошлом считала непригодной для жизни»[1]. Утрачен баланс между общественным и частным, разрушаются прежние формы социальности, нынешний этап существования общества и есть подлинное «модернити», которое подготавливалось два предыдущих столетия.

Современный человек ищет одиночества, устав от чрезмерно напряженной социальной жизни, а вместе с тем освобождается от традиций, социальных обязательств, ответственности и пр.[2] Сегодня одиночество в социокультурном плане можно рассматривать как особую «идеопрактику» — способ выживания социального субъекта в условиях отсутствия жесткой идеологии, относительной экономической свободы и размытых границ социального контроля[3]. При этом социальный субъект, избравший идеопрактику, в первую очередь стремится сохранить свою личность в непредсказуемой социальной среде. Осознание независимости, самостоятельности, неподвластности, самодостаточности, возможности удовлетворить свои основные духовные и материальные потребности — вот основа мотивации такого социального субъекта.

Уже достаточно изучен (и неоднократно описан в научно-популярных и художественных произведениях) феномен дауншифтинга, когда успешный, семейный, социально состоявшийся, богатый или хорошо обеспеченный человек вдруг отказывается от карьеры, семьи, материального достатка и сбегает в какую-нибудь тропическую страну, чтобы вести там рассеянный и одинокий образ жизни на грани нищеты. Такая идеопрактика позволяет социальному субъекту создать индивидуализированный виртуальный «оазис» эгоистического существования в чужом социуме. Это уже не романтические искания себя в необычных обстоятельствах, не бегство от рутины и собственной никчемности: Чайльд-Гарольд и Печорин забыты навсегда. Сегодня речь идет о бегстве от стресса, о поисках свободы от обязанностей, полной открытости новым жизненным опытам.

Во многом одиночеству способствует развитие компьютерных технологий. Человек наедине с гаджетом — символ нашего времени. Сегодня никого не удивляют одинокие самозабвенные компьютерные игры, самодостаточные твиты, самопрезентации в социальных сетях (зачастую не для кого-то, а ради самолюбования) и т. п. Хотя психологи уже бьют тревогу по поводу нового вида психического заболевания — компьютерной зависимости.

В экономическом плане в обычной жизни одинокому человеку легче выжить. Многие молодые люди, озабоченные ценами на образование, жилье, проживание, добровольно отказываются от создания собственной семьи, а главное — от детей. Некоторое время назад сформировалось целое молодежное движение — childless, намеренно и демонстративно бездетных юношей и девушек. В мегаполисах появился целый социальный слой метросексуалов (молодых менеджеров, банковских служащих, компьютерных фрилансеров) — бессемейных, ухоженных, самовлюбленных, в 20 лет делающих успешную, головокружительную карьеру и ведущих насыщенную светскую жизнь. При внешней социальной активности каждый метросексуал — одиночка, полностью погруженный в собственную деятельность, самолюбование и поддержание изысканного имиджа.

Итак, идеопрактики одиночек сегодня (и вызов дауншифтеров, и эгоцентризм метросексуалов, и психопатия компьютерных игроманов, и множество других форм существования «соло») — новый социальный ресурс виртуального одиночества, остро востребованный в перенаселенном и многосложном мире. Мире, по определению З. Баумана, «незримых граждан невидимого общества». И одновременно — это социальная нагрузка, все более отягощающая и усложняющая жизнь реального общества, а также трудноразрешимая глобальная проблема.

---

[1] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. С. 316.

[2] *Кляйненберг Э.* Жизнь соло. Новая социальная реальность. М. : Альпина нон-фикшн, 2018.

[3] *Кравченко В. В.* От идеологии к идеопрактикам: социально-философский дискурс в эпоху плюрализма // Вестн. МГОУ. Сер. «Философские науки». 2013. № 2. С. 28.

Л. К. Круглова[1]

МУЛЬТИЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА КАК ФЕНОМЕН ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время концепт «идентичность» имеет широкую распространенность в научно-философском дискурсе. Однако при всем многообразии подходов к его толкованию внимание исследователей до сих пор не привлекло такое явление, как мультицивилизационная идентичность, доказательством чему служит содержание энциклопедического издания «Идентичность: личность, общество, политика»[2]. Между тем мультицивилизационная идентичность субъектов исторического процесса — одна из характерных примет современности. Связано это с процессами, происходящими в рамках существующих локальных цивилизаций, характером взаимодействия между ними, наконец (а может быть, в первую очередь), с глобализацией, то есть с процессом формирования цивилизации глобального масштаба. В результате сочетания этих процессов границы локальных цивилизаций пересекаются, переплетаются, размываются. В соответствии с этим субъекты исторического развития — будь то страна, регион или отдельная личность — зачастую (или как правило?) формируют идентичность на путях осознания своей принадлежности более чем к одной цивилизации, что осложняет ситуацию неопределенности, столь характерную для настоящего времени (В. А. Лекторский). При этом возникает множество острых вопросов. Важнейшие из них заключаются в следующем: во-первых, необходимо ли при этом центрирование мультицивилизационной идентичности на принадлежности к одной цивилизации, во-вторых, является ли атрибутом идентичности современных субъектов исторического процесса осознание их принадлежности к глобальной цивилизации?

Сложный характер решения поставленных вопросов прежде всего отчетливо выявляет необходимость теоретического осмысления понятия «цивилизация». Не вдаваясь в детали жарких дискуссий по этой проблеме, можно констатировать, что понятие «цивилизация» употребляется в настоящее время в двух основных значениях: цивилизация как стадия социокультурного развития, отличающаяся определенными признаками от предшествующих стадий — дикости и варварства, и цивилизация как социокультурная целостность, отличающаяся определенными признаками от других цивилизаций.

Рассматривая с этих позиций современную российскую ситуацию, мы можем увидеть, что проблема мультицивилизационной идентичности играет в ней весьма заметную роль. Так, есть все основания полагать, что Россия представляет собой самостоятельную и самобытную цивилизацию. Вместе с тем она является частью евразийской цивилизации. Кроме того, нельзя не признать, что, несмотря на весь драматизм отношений с Западом, перед лицом восточных цивилизаций Россия и особенно российский человек осознают свою принадлежность к западной цивилизации. Ситуация осложняется тем, что тяготение к Западу зачастую принимает уродливые формы. Ко всему сказанному можно добавить, что в последнее время активно обсуждается вопрос о правомерности признания факта существования арктической циркумполярной цивилизации[3], частью которой является российский Север. И наконец, нельзя не вспомнить о неотъемлемом компоненте российского менталитета — идее о всемирности русского человека. Это говорит о том, что идея о принадлежности к мировой цивилизации появилась в русской культуре задолго до того, как перед человечеством встала проблема глобализации.

В связи с этим представляется возможным вновь вернуться к поставленному ранее вопросу: является ли необходимостью центрирование мультицивилизационной идентичности субъектов исторического процесса на принадлежности к одной цивилизации или вполне достаточно осознания множественности, плюральности, разнообразия компонентов цивилизационной идентичности? Ответ на этот вопрос может быть, как представляется, только один. Гармоническое развитие любой системы возможно при наличии двух необходимых признаков: разнообразия элементов и их единства. Соответственно, центрирование мультицивилизационной идентичности на принадлежности к одной цивилизации является необходимым условием успешной деятельности субъектов исторического процесса. В соответствии с этим для народов России и граждан России как субъектов истории мультицивилизационная идентичность складывается из осознания своей принадлежности к российской, евразийской, арктической циркумполярной и западной цивилизациям при системообразующей роли российской цивилизации.

При этом надо отметить, что для народов, живущих на севере таких стран, как Норвегия, Швеция, Финляндия, Канада, США, и заявляющих о своей принадлежности к арктической циркумполярной цивилизации, естественно тяготение к западной цивилизации. Таким образом, все современные цивилизации, и особенно Россия, фактически являются «местом встречи» цивилизаций. А где встреча, там возможны как диалог и партнерство, так и соперничество и противоборство, что мы и наблюдаем в настоящее время.

---

[1] Профессор кафедры философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Человек–Природа–Общество–Культура: социокультурная антропоэкология», «Человек и культура», «Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика» и др.; учебников и учебных пособий: «Основы культурологии», «Социокультурная антропоэкология», «Культурология» и др. Награждена медалями «Ветеран труда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «300 лет Российскому флоту». Лауреат премии Санкт-Петербургского философского общества «Вторая навигация» в номинации «За философскую инвестицию в культурную жизнь Петербурга».

[2] Идентичность: Личность, общество, политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир, 2017.

[3] *Винокурова У. А., Яковец Ю. В.* Арктическая циркумполярная цивилизация : учебник. М. ; Якутск : МИСК-АГИИК, 2013.

Каковы же средства диалога, которые одновременно могут противодействовать агрессивному поведению со стороны других цивилизаций? Представляется, что в российской ситуации это прежде всего зримые черты благоденствия и благосостояния народов России и ее граждан. Не менее сильным оружием, потенциал которого проявляется, однако, только в сочетании с первым, являются идеи гуманизма. В современных условиях корпус гуманистических идей может быть представлен в форме концепции универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа. Его суть заключается в ориентации культуры и общества на формирование в человеке гармонического единства всех его сущностных сил на интегративной основе творческой доминанты деятельности. В первую очередь это означает, что формирование гармонически развитого человека должно стать фундаментальным принципом культуротворчества.

Однако необходимость превращения универсального гуманизма в цивилизационный принцип требует его воплощения не только в культуре, но и в экономике, политике и социальных отношениях. Так, в области экономики принципу универсального гуманизма соответствует разнообразие форм собственности, что подразумевает возможность использования и развития многообразных способностей и потребностей человека; в области политики — демократия, которая способна вовлечь в управление обществом наибольшее количество людей; в социальной области — многообразие форм негосударственных объединений, имеющих целью отразить в своей деятельности различные оттенки мнений и интересов граждан.

Таким образом, можно констатировать, что Россия (и, следовательно, российская цивилизация) реально встает на путь воплощения в жизнь принципа универсального гуманизма. В соответствии с этим субъекты исторического процесса, центрирующие свою мультицивилизационную идентичность на принадлежности к российской цивилизации, имеют возможность вести диалог с другими субъектами исторического процесса с позиций универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа.

Это позволяет подойти к ответу на второй вопрос, поставленный ранее: является ли атрибутом цивилизационной идентичности современных субъектов исторического процесса осознание их принадлежности к глобальной цивилизации? Отвечая на этот вопрос, нужно учитывать, что проходящий в настоящее время процесс формирования глобальной цивилизации имеет разнонаправленные векторы и разные источники силы. Один из них — объективная необходимость реального объединения человечества для решения глобальных проблем. Другой — вектор глобализации определяется корыстными интересами транснациональных компаний, готовых превратить весь мир в конвейер по производству прибыли. И наконец, третий вектор глобализации связан с претензиями некоторых политических сил на мировое господство. Совершенно очевидно, что формирование глобальной цивилизации по первому сценарию, то есть глобализации «с человеческим лицом», соответствует интересам всего человечества и каждого субъекта исторического процесса в отдельности. В этом случае осознание принадлежности к глобальной цивилизации необходимо рассматривать как атрибут мультицивилизационной идентичности.

Общий вывод из всего сказанного заключается в том, что осмысление феномена мультицивилизационной идентичности субъектов исторического процесса позволяет во многом по-новому ставить и решать вопросы диалога и полилога цивилизаций, формировать отношение к процессу глобализации, выявлять возможности глобализации «с человеческим лицом», определять роль российской цивилизации в глобальных процессах и, что самое главное, актуализировать проблему гуманизма и показать возможности ее современного решения в глобальном масштабе.

В. А. Кутырев[1]

ЧЕЛО-ВЕК XXI: ИСКУШЕНИЕ ТЕХНОГЛОБАЛИЗМОМ[2]

В середине XX века в истории человечества произошла великая революция, которую можно сравнить с неолитом или с самим возникновением человека. Суть разрыва с предшествующими веками заключается в том, что в своей деятельности люди вышли за пределы реальности, адекватной их органам чувств и смысловому сознанию. Разделив атомы, они проникли в микромир, а выйдя в космос — в мегамир, стали действовать в средах, где нет жизни. Окружающий мир перестал быть равным их дому. Сам дом становится все более отчужденным от чувственной природы человека, вместо стен — экраны, вместо жизненных, предметных событий — виртуальные, так называемые медиафакты и информация.

Наконец, люди проникли в механизм жизни, способы ее воспроизводства и распространения. Вторглись в святая святых — наследственность. Генетика, возникнув в начале XX века, несмотря на сопротивление классической био(зоо)логии, неуклонно развивалась и пришла к прочтению генома человека, что дало возможность воздействовать на его индивидуальное состояние; начал создаваться инструментарий такого

[1] Профессор кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 400 публикаций, в т. ч.: «Культура и технология: борьба миров», «Философия постмодернизма», «Бытие или Ничто», «Философия трансгуманизма (против постчеловеческой технологизации мира)», «Последнее целование. Человек как традиция», «Унесенные прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире», «Сова Минервы вылетает в сумерки. Избранные философские тексты XXI века» и др. Член-корреспондент Международной славянской академии науки, образования, искусств и культуры. Награжден серебряной медалью С. Н. Булгакова (МГУ), дважды лауреат премии г. Нижний Новгород.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

воздействия — биотехнологии. За генетически модифицированными растениями стали модифицировать животных, а на передовых рубежах генной инженерии отрабатываются методы клонирования и модификации людей. Евгеника теперь представляется их детством, а прежние социальные опасения отбрасываются один за другим как предрассудки. Достижения нейрофизиологии привели к тому, что стало возможным изменять мозг и сознание людей. Переписав на диски, архивировать или отправить его путешествовать по Сети, в результате чего люди обретут способность усваивать несравненно бóльшие объемы информации и перемещаться в пространстве со скоростью света и т. д.

Открываются перспективы, от которых захватывает дух. С ростом количества новых изобретений возрастает количество желающих их реализовать без всяких условий и запретов. При конвергенции современных технологий в итоге возникнет новый идеальный человек. «Венец природы» станет «венцом искусственного», всеведущим и всемогущим. Каким он будет в своем бытийном качестве, если (когда) мы прельстимся создать подобный Human+ и сверхчеловек действительно возникнет? Как нам к нему относиться? Или, быть может, никакого «венца» в виде сверхчеловека не будет и процесс улучшения приведет к New brave world, уже постчеловеческому.

Реакция на эти возможности, как и следовало ожидать, — разная. У одних радость, восхищение ими, у других — страх и жалость к нынешнему «ветхому Адаму». К первому отряду относятся специализированные технократы, талантливые и одновременно бездумные творцы этих достижений, по роду своей профессиональной деятельности ставшие представителями искусственного мира, а также мало о чем задумывающиеся потребители технических благ. Ко второму — чувствующие себя живыми люди, консерваторы, гуманисты, «классики», с превалированием художественного восприятия реальности, апологеты сохранения окружающей природы и природы человека. При этом если первый отряд непрерывно пополняется новыми сторонниками, то ряды второго, увы, редеют. Думается, однако, что ответственно мыслящие люди, тем более философы, не должны торопиться их покидать. Надо защищаться.

Основным аргументом в пользу бегства человека от самого себя является апелляция к объективному ходу событий, «прогрессу». Бегство от свободы. Сущее не рассматривается в своей противоречивой или хотя бы амбивалентной ипостаси, и, отбрасывая всякие представления о должном, его автоматически отождествляют с добром. В таком качестве разум человека по мере расхождения со своей природой становится носителем самоотрицания. Появляются дезертиры жизни, мыслящие, но «не в своем уме», которых все больше. Жить без чувств, половых различий, любви, механичным и полумертвым скоро будет модно, а иметь семью, детей, «домогаться женщин» — извращением. И, казалось бы, очевидная трагичность происходящего отказа от собственной природы, разрушение атрибутов идентичности, что составляет реальное содержание «антропологической катастрофы», «апокалипсиса», «конца света», о чем не случайно, но мимоходом, обывательски тоже говорят, предстает теперь движением к высшему благу. Смерть выдается за некую «новую жизнь» или «нового человека».

Предельной обобщающей ценностью в иерархии благ, которые проистекают из усовершенствования людей (объ)является бессмертие. Это главное искушение и прикрытие трагизма их начавшегося глобального технического перерождения. Но даже если отвлечься от факта, что жизнь существует через смерть, а вид — через смену индивидов (More creator vitae est (Смерть — созидатель жизни)), согласившись с возможностью бессмертия, мы сразу сталкиваемся с тем, что это будет другое существо, скорее «техщество». *Другой природы.* Без души, надежд, страхов, радостей и смыслов, у него будет иное отношение к своему «я».

В начале XXI века возник последовательный, честный вариант техноглобализма — трансгуманизм, откровенно, без маскировки провозглашающий, что никакого человека больше не будет, да он и не нужен. Вместо него будут людены или нелюди, то есть некие принципиально новые формы разума, соответствующие искусственной среде, ноотехносфере. Возникая из разговоров об усовершенствовании человека, фактом своего появления трансгуманизм их полностью дезавуирует, раскрывая всю предыдущую фальшь. Его адепты больше не хотят быть людьми, хотя бы и усовершенствованными, не связывают себя никакими телесными и мысленными человеко(со)образными ограничениями. «Трансгуманисты хотят „не остаться людьми“, а наоборот — перестать ими быть, став более совершенными существами, то есть трансхьюманами, или же нелюдями. Трансгуманисты считают, что мы живем в эпоху переходного этапа от обычного человека к постчеловеку…»[1] Таким образом, дальнейшее нерегулируемое развитие новационных технологий ведет к растворению традиционного, исторического человека в творимой им реальности, слиянии с ней. Энтузиасты безграничного техноглобализма им жертвуют, предают, бросая под колеса однонаправленного прогрессистского эволюционизма.

К счастью, в мире есть и другие силы, интересы, тенденции и течения. Прежде всего — выживания человека, его сопротивления трансгрессу в иное. Эволюция жизни привела к человеку, но это не привело к вымиранию всего, что до него было. Даже если (поверим на мгновение трансгуманистам) биоэволюция с неизбежностью должна перерасти в глобальную техноэволюцию, это не значит, что жизнь, в том числе в ее высшей, разумной форме, прекратится. Хотя за ее сохранение, коэволюцию с постжизненными формами надо бороться. Философская антропология будет служить человеку, если останется собственно философской, то есть учением о мире с точки зрения бытия самого человека, его самоценности, или философско-религиозной, то есть учением о мире с точки зрения божественного происхождения людей, их вечности в Боге. Что касается философско-научной антропологии, то в качестве антропологии она тоже возможна, однако при условии,

[1] Энциклопедическая справка. URL: http//www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/90.

что будет опираться на научные направления, в которых рациональность не отождествляется с редукционизмом, детерминизмом и когнитивизмом.

Человек, чье сознание не похищено силами постчеловеческого мира, хочет оставаться человеком. Мировоззренчески эта установка выражается в консерватизме, при котором развитие понимается как изменение с сохранением динамического равновесия, то есть как устойчивое. Консерватизм и устойчивость означают, что, развиваясь, любая система, вещь, сингулярность удерживаются, «стоят» в бытии, в отличие от идеологии новационизма, когда все существует для того, чтобы скорее исчезнуть, заменившись чем-то другим, новым, потом еще более новым. И так далее в дурную бесконечность. Без образа и образца. Консервативное философствование опирается на полионтическое представление о сущем, признание множественности возможных миров и принципиальной значимости *нашей реализации* одного из них. Это своеобразная *ценностная трактовка* антропного принципа. Она является точкой отсчета при оценке всех остальных форм бытия. Человек на Земле — «вышестоящая» форма существования потому и только потому, что мы ее представляем, от ее имени мыслим и теоретизируем. Совершенствование с сохранением того, что совершенствуется, может быть только духовным, к чему веками стремилось человечество и в лице его лучших представителей достигало. В подкрепление этого подхода сошлемся на признанный мировой авторитет. «Любой род как таковой совершенен. Человеческий род совершенен, и он противится какому бы то ни было его усовершенствованию. Он плох, но он совершенен; взятый в его уникальности, он бесподобен. …Необходимо сохранять уникальный голос каждой детали, каждого фрагмента, каждого рода и освобождать их тем самым от гнета конечного предназначения!»[1]

Мы согласны с Ж. Бодрийяром, а также неким Римским Папой, который на искушение предложением улучшить христианский Символ веры ответил: *«Или мы останемся какие есть, или нас не будет»*. Нужна стратегия *управляемой* коэволюции естественного и искусственного (Control development), исходящая из цели сохранения нашей идентичности. Сущностно говоря, в эпоху глобальных перемен XXI века это кредо продолжения земного человечества, его бытия вообще.

И. В. Леонов[2],
В. Л. Соловьева[3]

НАСЛЕДИЕ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСЕВДОМОРФОЗЫ И ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Проблематика доклада основана на многочисленных упрощениях и искаженных представлениях о культурном наследии локальных культур, распространяемых в условиях глобализирующегося мира. С одной стороны, на данный процесс влияет разница представлений о сущности и содержании культурного наследия, которые во многих культурах существенно различаются как по охвату материальных объектов, так и по ценностно-смысловому составу. Как следствие, наследие одной культуры может быть просто не замечено другой культурой, ориентированной на его поиск в сферах, которые для первой культуры первоочередными носителями наследия не являются. Кроме того, возможны ситуации, когда определенные аспекты локальных культур, не имеющие для них первостепенной значимости, извне воспринимаются как важные и заслуживающие несомненного интереса. Данная проблемная ситуация, будучи основана на отсутствии общих параметров в определении границ и содержания сферы культурного наследия как таковой, в настоящее время не имеет однозначного решения, а потому может порождать вышеуказанные разночтения.

С другой стороны, искаженные и неверные представления о наследии локальных культур нередко основываются на проявлении распространенных в глобальном обществе стереотипов и «ожидаемых образов», возникающих в отношении данных культур. В результате их наследие, выходя на мировую арену, попадает в уготовленное заранее прокрустово ложе стереотипов и преломлений, приобретая тот вид, который встроен в сознание глобального потребителя. Причем некоторые современные культуры, позиционируя свое наследие на глобальной арене, сознательно ориентируются на обозначенные клише, что ведет к сильным трансформациям их наследственного материала. Одной из вариаций данного процесса является *псевдоморфоз*, выраженный в наполнении внешних форм наследия локальных культур иным ценностно-смысловым содержанием либо, что бывает несколько реже, во внедре-

[1] *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 100.

[2] Доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор научных публикаций, в т. ч.: «„Миры“ макроистории: идеи, паттерны, гештальты», «Идентичность как навигатор сознания» (в соавт.), «Интерпретации пространства в различных историко-культурных гештальтах», «„Исследовательские горизонты“ и типологии культурных индустрий» (в соавт.), «„Новодел“ как форма воспроизведения старины в современной культуре» (в соавт.), «Метаморфозы искусства в контексте новых типов культуры» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества, Дома ученых.

[3] Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «„Женский вопрос“ в социокультурном развитии шведского и норвежского общества в конце XIX — начале XX в.», «Проблемы, тенденции и факторы развития промышленной культуры Кольского Севера: вторичный анализ статистических данных», «Промышленная культура Кольского Севера и культурные индустрии», «Культурные индустрии как средство глобализации современного общества» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества.

нии ценностно-смысловых аспектов наследия локальных культур в чуждые формы.

Наиболее известным примером подобного псевдоморфоза, возникшего еще в начале Нового времени и продолжающего проявляться в глобальном мире, служат всевозможные интерпретации культурного наследия Древнего Египта, имеющие к реальной древнеегипетской культуре лишь отдаленное отношение. Речь идет о проникновении внешних форм и визуальных образов древнеегипетской культуры в «ткань» западноевропейской и далее глобальной культуры на уровне поверхностного, искаженного или попросту ложного восприятия их смысловой нагрузки, подпитываемого множеством вымыслов, мистификаций и предрассудков, бытующих в массовой культуре. В качестве простого примера можно привести проникновение мотивов гробниц и саркофагов в жилые интерьеры европейцев Нового и Новейшего времени. В данном случае многие потребители не задумываются, что их окружают стилизованные образы и формы захоронений и «разновидности традиционных гробов». При этом повседневная и светская компоненты культуры Египта были достаточно развиты и вполне могли бы найти отклик у европейцев. Однако мотив непонятного и загадочного Египта, насыщенного мумиями и завораживающими мистификациями, многие из которых были рождены еще в ту пору, когда не был найден Розеттский камень и не проводились активные раскопки, прочно укоренились в сознании многих наших современников.

Впервые процессы псевдоморфоза в развитии и взаимодействии культурных организмов были зафиксированы и изучены О. Шпенглером во втором томе его фундаментального труда. Заимствовав термин «псевдоморфоз» и его смысловую нагрузку в минералогии, О. Шпенглер перенес его в историко-культурную реальность на уровне красивых аналогий. Перенос отмеченной аналогии на процессы искажений наследия Древнего Египта в западноевропейской и глобальной культуре, «каменные формы» которого наполняются иным — «силиконовым», пластмассовым и чужеродно-смысловым — содержанием, вполне обоснован.

Еще одним известным примером псевдоморфоза в культуре является так называемая китайщина, распространенная в XVIII веке. Воплотившись в стиле «шинуазри», увлечение европейцев Китаем привело к распространению множества имитаций китайского искусства, в которых при очень низкой смысловой аутентичности даже внешние формы носили приблизительный и искаженный характер. Как следствие, в Европе возник свой «как бы Китай», состоящий из стилизаций, стереотипов, замешанных на малой доле аутентичной продукции. Указанная традиция псевдоморфоза (с учетом различных степеней его протекания) продолжилась в более широком диапазоне — на уровне преломлений наследия многих культур Востока в пространстве культуры Запада, вплоть до современной эпохи глобалитета. В отмеченном случае примеров более чем достаточно: так, в культуре Запада йога и ушу предстают исключительно как разновидности полезной для здоровья гимнастики; чайная церемония — как сугубо внешний обряд заваривания и питья чая; фэншуй — как практика дизайна пространства; китайская живопись — как элемент украшения интерьера с преобладанием декоративных функций; восточные единоборства — как практики умения драться; некоторые практики буддизма — как атрибуты модного образа жизни и т. д. На уровне крайних проявлений рассматриваемых псевдоморфоз уместно указать на опустошенные формы многих традиционных культур Африки, культуры австралийских аборигенов, мезоамериканских культур, которые бытуют в глобальном пространстве в виде «нераскодированных» аутентичных предметов и декоративных «болванок», наполняемых каким угодно смысловым содержанием.

Анализ различных примеров псевдоморфоза показывает, что в основе данного процесса прослеживается определенная логика и различные сценарии протекания. В данном случае необходимо сказать, что любые контакты между культурами сопровождаются их взаимопониманием (в различной степени) на уровне картин мира, ценностно-смыслового содержания, искусства и т. д. Причем полного тождества и адекватности в данном процессе быть не может. Речь идет о разной степени преломлений одной культуры в пространстве другой, в системе координат, находящейся между полюсами «высокой степени тождества» и «максимального несоответствия»[1]. Основу для проявлений псевдоморфоза составляют ситуации «разрывов» и «больших дистанций» между контактирующими культурами. И чем больше дистанция, тем сильнее выражено несоответствие формы и содержания.

Наглядным примером основы для псевдоморфоза является английский Стоунхендж — памятник, чья смысловая нагрузка в настоящее время утрачена. Однако культура, как и природа, не терпит пустоты. Пустые формы в ее пространстве не могут долго существовать, и при отсутствии общепринятого аутентичного смысла они будут заполнены той нагрузкой, которая будет оптимальна для воспринимающей культуры, с учетом особенностей ее картины мира, семиосферы, ценностно-смысловых оснований, этико-эстетических особенностей и исторического опыта. В таком ракурсе интерпретации культуры Египта, возникшие в Европе несколько столетий назад и бытующие по сей день, являются вполне логичными.

Итак, ситуации псевдоморфоза во многом обусловлены проблемой адекватной интерпретации наследия других культур, контакты между которыми в любом случае не будут полностью лишены преломлений и искажений друг друга. Понять другую культуру абсолютно адекватно и в полном соответствии ее образу мира — задача трудновыполнимая даже на уровне отдельного человека. Этот процесс, будучи основан на гештальт-переключениях с одного образа мира на другой, требует больших усилий и затрат времени.

Может ли глобальное общество полностью осуществлять такие переключения? Вероятнее всего, нет. Но повысить степень приближения к адекватному пониманию наследия других культур при реализации

[1] *Леонов И. В., Харитонова М. А.* Метаморфозы искусства в контексте новых типов культуры // Культура и образование. 2018. № 1. С. 17.

соответствующих просветительских программ и стратегий ему по силам.

Кроме того, необходимо учитывать, что глобальный мир являет собой сложное системное образование культуры, имеющей свой масштаб восприятия и обобщения наследия локальных культур. Богатый наследственный материал, накопленный в таких культурах, на глобальном уровне не может сохраняться и усваиваться во всем многообразии своих проявлений. Тотальной грамотности в отношении глубокого постижения наследия каждой культуры добиться крайне трудно, а вероятно, практически невозможно. Как следствие, генерализация общекультурного наследия в глобальном мире ведет к утрате и нивелированию его частных сторон. В таких условиях возникает актуальная задача отсева или «сжатия» наследственного материала локальных культур до минимума, при сохранении его способности войти в глобальный диалог, эффективно позиционируя стержневые основы породившей его культуры. Не попасть в ловушку предрассудков и «ожидаемых образов» в данной ситуации довольно сложно.

Тем не менее необходимо помнить, что глобальная культура не призвана «захватывать» локальные культуры и «размывать» их в единую, гомогенную среду. Наследие многих культур на локальном уровне сохраняется, обновляется и транслируется во всей своей сложности. При этом в тех же культурах сформировался и успешно транслируется особый пласт наследия, востребованный на глобальной арене. Отмеченная двоякость, будучи вполне объяснима с точки зрения устройства современного мира, находит яркое проявление во многих культурах, в том числе в России. В результате потребитель может распознать два пласта культурного наследия России — внутренний, наиболее содержательный и полноценный, и глобально ориентированный — более простой и фрагментарный.

Л. Ю. Лепешкина[1]

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Вопрос о национальном достоинстве в настоящее время приобретает особую актуальность, что связано с усилением процессов глобализации и обострением на этом основании межэтнических конфликтов. На обыденном уровне понятие национального достоинства подразумевает самоуважение народа, его чувство гордости за себя как коллективную общность, стремление к сохранению своей самобытности, выражающейся через язык, искусство, традиции, обычаи. Пренебрежение этим понятием в контексте исторического развития этнических и национальных групп может привести к возникновению чувства обиды, уязвленного самолюбия или бунту.

Национальное достоинство — это, по сути, борьба за признание в мировом социокультурном пространстве, потребность быть услышанным среди многоголосия различных этнических общностей. Как отмечал Ф. Фукуяма, «люди считают, что они имеют определенную ценность, и когда с ними обращаются так, будто эта ценность меньше, чем они думают, они испытывают эмоцию, называемую гнев. Наоборот, когда человек не оправдывает представления о своей ценности, он испытывает стыд, а когда человека ценят согласно его самооценке, он испытывает гордость. Жажда признания и сопутствующие ей эмоции гнева, стыда и гордости — это важнейшие для политической жизни характеристики. Согласно Гегелю, именно они и движут исторический процесс»[2]. Рассуждение Фукуямы о человеческом достоинстве применимо к целым народам, где ощущение признанности — это путь к самоуважению.

Необходимо обратить внимание на то, что основным источником современных глобальных перемен является западный мир, вторгающийся, как известно, в «малые миры» Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки и активно проповедующий ценности демократии. Данный процесс далек от завершения, поэтому в российских средствах массовой информации он подвергается постоянной критике и отрицательной оценке. Глобальные перемены, затрагивающие сферу экономики, политики, культуры и международных отношений, неминуемо ведут к разрушению прежнего миропорядка и построению нового, ориентированного на отстаивание несколькими государствами («глобальными игроками») своих военно-политических и экономических интересов. При этом вопросы, связанные с поддержанием национального достоинства жителей разных стран в его этическом смысле — как чувства долга и ответственности перед своим Отечеством, единения с ним и гордости за него, — отходят на второй план.

Результаты такого пренебрежения к национальному достоинству можно наблюдать повсюду. Так, бывший министр культуры Михаил Швыдкой, выступая в 2000 году на круглом столе в ЮНЕСКО с докладом, посвященным влиянию глобализации на культуру, отметил, что 93 % российского кинопроката составили американские фильмы, а в Москве и Петербурге — 97 %. В Грузии, к примеру, также в кинопрокате были представлены американские фильмы, причем грузин-

[1] Доцент кафедры гостеприимства и межкультурных коммуникаций Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти), кандидат исторических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Обряды жизненного цикла как феномен повседневной культуры», «Обряды жизненного цикла как алгоритм преодоления критических ситуаций», «Роль традиционных обрядов в восприятии жизни и смерти народами Среднего Поволжья», «Эколого-правовая культура Поволжья: история и современность» и др. Член Русского географического общества.

[2] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ : Ермак, 2004. С. 16.

ских фильмов снималось один-два в год[1]. К 2009 году доля российских фильмов по отношению к западным кинокартинам в нашей стране возросла до 29 %, но уже в 2012 году производство отечественного кино сократилось до 13,8 %[2]. В настоящее время, для того чтобы увеличить долю отечественных фильмов в российском кинопрокате, Министерство культуры РФ идет на протекционистские меры, например посредством вмешательства в график показа или полного запрета иностранного фильма. В частности, в 2018 году указанные меры коснулись британских фильмов «Приключения Паддингтона–2» и «Смерть Сталина».

Эти примеры показательны тем, что запреты не являются эффективными способами защиты национальной культуры и формирования национального достоинства. Наоборот, скандал с тем или иным зарубежным фильмом вызывал у российских зрителей повышенный интерес к нему. Подлинное национальное достоинство существует вне радикальных государственных решений и привязанности к тому или иному политическому режиму, оно создается, согласно Д. С. Лихачеву, из следования своим убеждениям и принципам, из умения «жить в согласии с собственной совестью»[3].

Привитие уважения к своим культурным традициям начинается с детства через познание родного языка, национальной литературы, истории, произведений искусства, гуманистическую направленность образования. Тем не менее в многонациональной России вопрос о сохранении национального достоинства превращается в проблему как на государственном, так и на локальном уровне. Примером проблемы государственного уровня служит свободная миграция российских спортсменов за рубеж, их нежелание выступать за свою страну в силу уязвленного самолюбия, поиска новых источников дохода и более комфортного существования. Локальный уровень проблемы обусловлен спецификой межэтнических взаимоотношений в российском обществе. Так, сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук Г. Б. Матвеев приводит результаты опроса, согласно которому 20–25 % чувашских респондентов не идентифицируют себя с этносом. Традиционная чувашская культура и сам этноним «чуваш» вызывают у них негативную реакцию. Они не верят в будущее народа и не видят необходимости в подъеме его национального самосознания[4].

В то же время опросы, проведенные нами в 2013 и 2017 годах в селах и деревнях республик Башкортостан, Татарстан, Ульяновской и Самарской областей, свидетельствуют об «интуитивном» бытии национального достоинства. Исследование проводилось посредством метода глубинного интервью. Всего были опрошены 23 человека. Респонденты эмоционально и с гордостью рассказывали об обычаях, обрядах, праздниках, приметах и поверьях, из которых складывалась тонкая нить, соединяющая прошлые и нынешние поколения[5]. Безусловно, в настоящее время, в эпоху глобальных перемен, эта нить все больше истончается. Тем не менее воспоминание о необходимости поддержания данной связи существует на ментальном уровне как возможность не утратить свое национальное лицо.

Следует подчеркнуть, что сохранение национального достоинства зависит от осознания нацией или этносом своей значимости, что важно как для самих себя, так и для мирового сообщества. В итоге последнее будет воспринимать конкретную национальную (этническую) культуру как общее достояние. Негативное влияние глобальных перемен — угрозы терроризма, роста миграции, обострения международных отношений и прочего — на культуру очевидно. Вместе с тем эти перемены создают определенные возможности для проверки чувства национального достоинства. По сути, это своеобразное испытание народов на верность традициям и на прочность национальных корней. Таким образом, при данных условиях этнос или нация получают опыт переосмысления своего места в мире.

В. Е. Лепский[6]

БЕЗОПАСНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

1. *Нарастающие угрозы культуре в эпоху глобальных перемен.* Современная эпоха глобальных перемен характеризуется конфликтом двух сценариев в организации жизнедеятельности мирового сообщества: консервативного сценария «Эксплуатация возможностей техногенной цивилизации» и прогрессивного сценария «Поиск новых форм цивилизационного развития». В условиях реализации первого сценария нарастают

[1] Материалы министерского круглого стола в ЮНЕСКО «Глобализация и культура», Париж, декабрь 2000 г. URL: http://www.archipelag.ru.

[2] Падение доли российского кино: провал или закономерность? // КиноПоиск. 2012. 20 дек. URL: https://www.kinopoisk.ru/news/2024146.

[3] *Лихачев Д. С.* Письма о добром / вступ. ст. А. Петровского ; послесл. С. О. Шмидта. СПб. : БЛИЦ, 1999. С. 151.

[4] *Матвеев Г. Б.* Об этничности и этнических ценностях материальной, духовной и соционормативной культуры // Проблемы национального в развитии чувашского народа : сб. ст. Чебоксары : ЧГИГН, 1999. С. 161–173.

[5] Полевые материалы Л. Ю. Лепешкиной — экспедиция в Мишкинский район Республики Башкортостан, август 2013 г. ; Полевые материалы Л. Ю. Лепешкиной — экспедиция в село Большая Борла Тереньгульского района Ульяновской области, сентябрь 2017 г. ; Полевые материалы Л. Ю. Лепешкиной, О. Г. Нуровой — экспедиция в Заинский район Республики Татарстан, июль 2017 г. ; Полевые материалы Л. Ю. Лепешкиной, О. Г. Нуровой — экспедиция в село Новая Бинарадка Ставропольского района Самарской области, май 2017 г.

[6] Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Аналитика сборки субъектов развития», «Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития» (в соавт.), «Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ)», «Рефлексивно-активные среды инновационного развития», «Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию», «Моделирование и под-

угрозы культурам всех субъектов мирового сообщества, в том числе тем, представители которых пытаются обогатиться за счет других народов, используя технологии неэквивалентного обмена и современный арсенал методов принуждения.

Главным источником угроз богатству разнообразия культур мирового сообщества являются субъекты, пытающиеся воплотить в жизнь расистские цели разделения человечества на избранных — людей первого сорта — и обслуживающих их — второго сорта. При этом в отношении обслуживающих применяются апробированные технологии, разрушающие их способность быть субъектами своего развития и соответственно конкурентами избранным. Ярким примером являются технологии управляемого хаоса, примененные для разрушения субъектности российского развития[1]. В контексте угроз культуре главными мишенями воздействий являются: человек как творец культуры и ее воплощение; общество как субъект культурной идентификации и хранитель культуры; экологическая культура; культура техносферы, включая культуру организации гибридной реальности (субъектная, цифровая, физическая).

Угрозы человеку проявляются в разрушении экономики, что вызывает снижение качества жизни; в разрушении науки, образования, здравоохранения; бесконтрольном навязывании цифровой реальности, что приводит к многочисленным негативным последствиям для психики и прежде всего к блокировке рефлексии; в разрушении института семьи (ювенальная юстиция, однополые браки и др.), что обусловливает нарушение процессов социализации и приобщения к сложившимся культурам и др. Угрозы обществу выражаются в навязывании массовой культуры и неадекватных сложившимся культурам моделей демократии, стимулировании культа денег и идеалов общества потребления, перехвате управления через мировые финансово-экономические институты и цифровые платформы и др. Угрозы экологической культуры проявляются в ее игнорировании или выходе избранных из международных соглашений по защите окружающей среды и др. Угрозы культуре техносферы обнаруживаются в бесконтрольном внедрении технологий, опирающихся на принцип максимизации прибыли, в отсутствии механизмов оценки готовности человечества к внедрению новаций, а также механизмов контроля и нейтрализации негативных последствий применения новаций и др. Человечество не обладает адекватными механизмами нейтрализации рассмотренных угроз, что неминуемо приведет к примитивизации и разрушению многих культур, сокращению их разнообразия, деградации человечества. Принципиально важно отметить, что рассмотренные угрозы являются естественным порождением культуры техногенной цивилизации, сформированной на идеалах западной цивилизации. Как следствие, актуальна проблема поиска новой цивилизационной модели человечества, формирования новой культуры посттехногенной цивилизации.

2. *Проблемы становления культуры посттехногенной цивилизации.* Предлагаемый нами вариант посттехногенной цивилизации представляется как переход к социогуманитарной цивилизации[2]. Инициатором такого перехода может стать Россия, которая имеет основания претендовать на эту роль в силу своей культуры, исторического опыта интеграции народов с разнообразными культурами, философско-методологических разработок, создающих задел для формирования планетарного мировоззрения, ориентированного на гармонию субъектов развития, преодоление рыночного эгоизма, неэквивалентного обмена и принципа максимизации прибыли.

Главное препятствие на пути разработки и перехода к посттехногенной цивилизации — это бессубъектность развития человечества. У мирового сообщества отсутствуют действенные механизмы, обеспечивающие развитие человечества. А сформированные ранее нормы регулирования отношений в интересах международной безопасности в настоящее время фактически игнорируются избранными претендентами на мировое господство. Как следствие, ключевой проблемой при преодолении угроз техногенной цивилизации и переходе к социогуманитарной цивилизации является глобальная проблема становления субъектности развития человечества, решение которой связано с двумя первоочередными задачами: формированием современной культуры международной и национальной безопасности; разработкой современных моделей организации управления и развития человечества и механизмов внедрения этих моделей.

3. *Культура безопасности в эпоху глобальных перемен.* В период холодной войны сложилось представление о безопасности как защищенности от различного типа угроз. В эпоху глобальных перемен эти установки выглядят архаично, но они до сих пор закреплены в концептуальных и законодательных документах как на национальном, так и международном уровне. Международная и национальная безопасность должна обеспечивать не только защищенность от угроз, представления о которых весьма размыты в условиях бессубъектности развития, но в первую очередь безопасность способности субъектов к развитию, а также «сборки» субъектов развития. Актуальна разработка новой современной методологии и *культуры безопасности*[3]. Обеспечение *национальной безопасности* — это обеспечение способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды, а также защищенность стратегических и обеспечивающих национальных проектов. Аналогичное определение справедливо и для международной безопасности.

В настоящее время принято выделять частные направления безопасности, привязанные к сложившимся

держка сообществ в Интернете» (в соавт.), «Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности»; учебного пособия «Проблема субъекта (междисциплинарный анализ)» и др.

[1] *Лепский В. Е.* Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4. С. 69–78.

[2] *Лепский В. Е.* Гармония культур в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах (От техногенной к социогуманитарной цивилизации) // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 431–433.

[3] *Лепский В. Е.* Развитие и национальная безопасность России // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 24–30.

областям знания: экономическую, военную, информационную безопасность и др. Предлагаемый пересмотр понятия безопасности предопределяет иные основания для выделения направлений безопасности, ориентированные на способность субъектов к социальному воспроизводству и развитию, в частности онтологическую, идентификационную, инновационную, рефлексивную безопасность и др. Особое внимание должно уделяться *безопасности культуры,* которая является фундаментом для обеспечения способности граждан, общества и государства к совместному социальному воспроизводству и развитию в условиях динамично изменяющейся среды. Не случайно З. Бжезинский, комментируя факт поражения СССР в холодной войне и смутное время, переживаемое Россией, довольно точно охарактеризовал это как следствие разрушения концепции бытия русского народа[1]. А концепция бытия базируется прежде всего на культуре. Столь же закономерно, что российская культура уже на протяжении длительного исторического периода и в настоящее время является объектом нападок, разрушения, критики и отрицания. Результатом таких систематических воздействий стало разрушение субъектности российского развития.

4. *Мир как саморазвивающаяся полисубъектная (рефлексивно-активная) среда.* Разработка новых моделей обеспечения безопасности культурного бытия должна базироваться на современных философско-методологических основаниях кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред. Базой научного обеспечения безопасности может выступить постнеклассическая научная рациональность[2], в рамках которой механизм развития представляется как саморазвивающаяся полисубъектная (рефлексивно-активная) среда. Важнейшим положением кибернетики саморазвивающихся полисубъектных сред является *включенность общества в процессы контроля, управления и развития*, что соответствует представлению о народах как носителях властных полномочий. Эта включенность общества распространяется и на стратегическое целеполагание социальных систем, которое, как правило, осуществляется за кулисами процессов управления и развития и, как следствие, в интересах властной элиты с игнорированием интересов общества[3]. Социогуманитарная *кибернетика третьего порядка* дает основания российской науке в XXI веке претендовать на лидерство в обеспечении перехода мирового сообщества от техногенной к социогуманитарной цивилизации, в формировании субъектности развития человечества. Переход неизбежен, ибо в противном случае человечество будет приближаться к катастрофе нарастающими темпами. В центре внимания на пути в будущее — безопасность культуры и культура безопасности.

К. В. Лошевский[4]

КОНЕЦ МОДЕРНА И СУДЬБА ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ НОВОЕВРОПЕЙСКИХ ПРАКТИК

Сорок лет назад, в 1979 году, Жан-Франсуа Лиотар опубликовал свое, наверное, самое известное сочинение «Состояние постмодерна», в котором описал целый ряд симптомов, свидетельствовавших об эпохальной трансформации европейской (в широком смысле) цивилизации в некий новый исторический и культурный статус. Успех сочинения Лиотара способствовал как широкой популярности самих терминов «постмодерн» и «постмодернизм», так и тому, что констатация завершения эпохи (как бы мы ее ни называли — Новым временем, модерном или как-нибудь еще), в которую сформировался конгломерат превратившихся для нас в нечто само собой разумеющееся научных, художественных, политических, правовых и прочих практик, стала буквально общим местом. Наибольший резонанс «постмодернистский» поворот имел в области художественного творчества, однако все более очевидно, что его влияние затрагивает фундамент целостного новоевропейского миросозерцания.

Основу модерна составляет то, что Мишель Фуко назвал volonté de savoir, волей к знанию, подразумевающей volonté de verité, волю к истине[5], как модификацию ницшевской воли к власти. Воля к знанию развертывается в модерне прежде всего в форме новоевропейской науки, которая сама себя рассматривает как неангажированную добычу знания, нейтральную дескрипцию реальности, как природной, так и социальной[6]. Эта дескрипция предполагает фиксацию независимых от наблюдателя различий, на основании которой формируется сеть классификаций и таксономий, охватывающая каждый известный нам сегмент описываемой реальности. В рамках модерна эти различия (к ко-

[1] *Ипполитов К. Х., Лепский В. Е.* О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3, № 1. С. 5–27.

[2] *Степин В. С.* Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003.

[3] Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / З. К. Авдеева [и др.] ; под ред. В. Е. Лепского, А. Н. Райкова. М. : Когито-Центр, 2018.

[4] Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Этический и идеальный референты имени в диалоге Платона „Кратил“», «Миметическая и идеальная природа имени в философии языка Прокла Диадоха», «Топос утопии: пространственная метафорика в новоевропейском социальном конструировании», «Проблема воспитания в контексте социальной антропологии Просвещения», «„Новая феноменология“ Германа Шмитца», «„Критические исследования о человеческом уме...“ Соломона Маймона в контексте эволюции трансцендентального идеализма» и др.

[5] *Фуко М.* Лекции о воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970–1971 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука, 2016. С. 11.

[6] Современное общество, собственно, потому и является современным, что в нем наука, маргинализовав религию, превратилась в важнейшую социальную практику, с которой так или иначе вынуждены соотноситься все остальные.

торым относятся и основополагающие дифференции природа/культура, человеческое/нечеловеческое, мужское/женское и т. д.) не проблематизируются в силу «объективности» методических средств их обнаружения. Как представляется, перед физиком и перед социологом стоит одна и та же задача: описание соответствующего объекта (сегмента реальности) с использованием в той же степени нейтрального инструментария.

Эта нейтральная дескрипция противопоставляется нарративным дискурсам (под нарративными здесь понимаются любые дискурсы, прагматика которых выходит за рамки верифицируемых констатаций и которые поэтому подразумевают определенный перформативный потенциал), в которых реальность не описывается, а конструируется. Такими являются художественный и, например, идеологический дискурсы, нейтральность которых не только не гарантирована, но и необязательна: они служат решению тех или иных персональных и социальных задач, а следовательно, заведомо вовлечены в игру различных сил и интересов. Более того, они представляют собой не артикуляцию методически организованного опыта, а результат «продуктивной способности воображения», порождающей новые объекты и причинно-следственные связи (в том числе и новые значимые различия).

Однако нейтральность научных дескрипций, подразумеваемая в качестве базового условия возможности научного дискурса как такового и его отличия от персонально или социально ангажированных нарративов, основывается не столько на реальности и объективности, сколько на идеологически обусловленном императиве, то есть на максиме воли, воли к власти. За нашим сенсорным опытом, вооруженным самыми изощренными средствами наблюдения, непременно должна крыться неподконтрольная нашим чувствам, разуму и желаниям фактичность, которую мы, ведомые волей к истине, лишь выводим из тени на свет («Факты — упрямая вещь» — эта фраза, произносимая следователями в плохих детективах, могла бы служить самым адекватным девизом эпохи). Но ретроспективный взгляд на историю науки показывает, что с первых своих шагов, с опытов Галилея и Герике, новоевропейская наука решительным и продуктивным образом вторгается в реальность, интерпретируя результаты этой инвазии как доступ к «природе, как она есть сама по себе». По словам Канта, знание превращается в подлинную науку лишь тогда, когда оно само начинает конструировать свой предмет, и это относится не только к математике, но и к эмпирическому естествознанию[1]. Решающей предпосылкой формирования новоевропейского естествознания (послужившего моделью для всех прочих научных дискурсов) становится переход от пассивного, «естественного» наблюдения к активному экспериментированию, то есть конструированию определенных сегментов реальности («фабрикации фактов»)[2] с заранее предусмотренными свойствами и последующей экстраполяцией моделируемых в этих сегментах процессов на всю реальность в целом. Тем самым подлежащая исследованию природа оказывается искусственным конструктом, креатурой человеческой рациональности, а открываемые наукой законы природы представляют собой не просто фиксацию каких-либо нейтральных данностей, а в буквальном смысле устанавливаются разумом, опирающимся на собственные конструктивные способности. Это означает, что референция объективной дескрипции попадает в зависимость от субъективных конструкций. Этот присущий новоевропейской науке конструктивизм обусловливает перформативный (в той или иной степени) характер научных дискурсов.

В еще большей степени это относится к социально-гуманитарным дисциплинам: согласно теореме Гёделя о неразрешимости, общество неспособно к самоописанию с помощью нейтральных и объективных средств и потому прибегает к искусственно генерируемым различиям (индивид/общество, общество/государство, социальное/природное), позволяющим наблюдателю занять внешнюю по отношению к нему позицию. Таким образом, любая социальная теория де-факто неотличима от идеологии (то есть ангажированного нарратива), ибо отказывается от рефлексии над проблемой тождества и поддерживает фикцию реальных различий.

Дескриптивность оказывается трудноотделимой от нарративной конструктивности, и поэтому декларируемая модерном нейтральность научных дискурсов становится все более проблематичной, превращаясь в предмет критики философов и методологов науки второй половины XX века от Людвика Флека до Брюно Латура. Именно в этой проблематичности во многом кроется как будущий кризис модерна, так и возможные стратегии его преодоления.

Более того, нейтральность фиксируемых наукой различий легитимирует их нормативность, устанавливая сеть дихотомий нормального и патологического, приемлемого и неприемлемого: первое должно культивироваться и воспроизводиться, второе — корректироваться, а в крайнем случае экстерминироваться. На фундаменте нейтральной научной истины выстраивается универсум различных новоевропейских практик, включающий практически все области человеческого действия: экономику, политику, право, литературу, искусство, средства массовой информации, семейные, межвозрастные и гендерные отношения, даже развлечения и спорт[3].

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что постмодерн вырастает из последовательного разоблачения мнимости нейтрального статуса дескриптивных дискурсов, в том числе и в первую очередь науч-

[1] *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным. М. : Мысль, 1994. С. 16.

[2] *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 77.

[3] Пример из области политического: в поствестфальском государстве как репрезентанте volonté generale модерн видит агента реализации воли к истине, именно поэтому государство обладает монополией на правосудие, то есть на легальную репрессию; если же оно перестает рассматриваться в качестве такого агента и такого репрезентанта (поскольку эрозии подвергается само понятие «общей воли» как основания для политических и правовых решений), эта его монополия делегитимируется, а затем узурпируется заинтересованными социальными группами, которые пользуются ею пусть и не в такой брутальной форме, но достаточно эффективно.

ного, первоначально разворачивающегося в дискурсивном пространстве самого модерна. Согласно Лиотару, модерн характеризуется господством метанарраций, а постмодерн, напротив, — недоверием к ним: «нарративная функция теряет свои функторы»[1]. Но это недоверие как раз и выражается в том, что нарративы воспринимаются именно как нарративы, не претендующие на универсальную нормативность, распространяясь в том числе и на дискурсы, отрицающие свой нарративно-конструктивный характер. Истины и данности разоблачаются как социальные конструкты, более того, само понятие «социальный» становится универсальным ключом к объяснению практически любых, в том числе физических и биологических, феноменов. Поэтому деструкция этой фикции нейтральности осуществляется посредством производства все новых социальных конструктов, назначение которых состоит в вытеснении и замещении объектов и отношений, с традиционной для модерна точки зрения находившихся по ту сторону общественных дисциплин (характерным примером в связи с этим является понятие «гендер» — это социальная конструкция, созданная для того, чтобы продемонстрировать тот факт, что понятие «биологический пол» не просто имеет социальное измерение, а само есть не что иное, как социальная конструкция)[2].

Снимая различия между фиктивно нейтральной дескрипцией и ангажированным нарративом, постмодерн нарратизирует и социализирует любые дискурсы, тем самым нейтрализуя и десемиотизируя само различие как таковое. Различие более не имеет значения в том смысле, что отныне не влечет за собой каких-либо серьезных последствий. В конечном счете это должно вести к переформатированию всего репертуара социальных (в максимально широком — постмодернистском — смысле) практик. В постсовременном мире борьба и конкуренция за ресурсы — материальные и символические — уже не может вестись на почве какой бы то ни было объективности, ее акторы лишены доступа к тезаурусу вечных или, по крайней мере, принимаемых за таковые истин. Они должны апеллировать исключительно к риторическому и аттрактивному потенциалу используемых ими дискурсов. Индикаторы этого эпохального поворота дают о себе знать в различных доменах постсовременного мира — от глобальной экономики и политики до интимных человеческих отношений.

С. В. Лурье[3]

КУЛЬТУРА В «МИРЕ, КОТОРЫЙ ВО ЗЛЕ ЛЕЖИТ», ИЛИ К ВОПРОСУ О НОВОЙ ГРЯДУЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Культура нашего времени — десятых годов XXI века — переходная. Это культура перехода в иную цивилизацию. Переход может что-то остановить, а если этого не произойдет, то современные изменения в культуре, накапливаясь, переведут ее в иное качество. Это качество связано с принципиально иным взглядом на человека, принципиально иной антропологией, которая господствует в обществе. Данный взгляд (основанный на примате эмпирического человека — как он есть со всеми его страстями и пороками, ограниченными только условными социальными рамками) имел мощное философское обоснование в прошлом, но философы, его породившие, поклялись бы, что речь не шла о таком его результате. И действительно, они не его имели в виду.

Начнем наши рассуждения с одного методологического замечания. Как мне представляется, дьявол кроется в коннотациях, а именно в том, что идеи, являющиеся фактами общественного сознания, выступают не сами по себе, а в определенных ассоциациях: одна идея влечет за собой другую, логически с ней непосредственно не связанную, но которая по привычке мышления, сложившейся в ту или иную эпоху, мыслится в совокупности с первой так, как если бы одна следовала из второй. Приведу пример. Во второй половине XIX века многих молодых людей привлекала благороднейшая идея служения народу. Но многие из них связывали эту идею с прогрессистскими идеями, что на практике вело к революционизированию народа. В принципе идеи прогрессизма и служения народу сами по себе не связаны между собой, но дух эпохи состоял в том, что они ассоциировались. Теперь же сам прогрессизм породил ассоциации, от которых рад был бы избавиться.

Итак, проблема нашего времени заключается также в ассоциации идей. Много говорят об обществе потребления, массовой культуре, которые отучают людей думать. Но масса народа и в любую эпоху немного думает. Другое дело, что в стабильную эпоху народы живут в рамках традиций, порой достаточно глубоких и умных, на которые люди опираются. Но бывают эпохи,

[1] *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. С. 4.

[2] Впрочем, постепенно выясняется, что «существование общества есть часть проблемы, а не ее решение… Оно больше не может рассматриваться как скрытый источник причинности, который якобы следует привлечь для того, чтобы объяснить существование и устойчивость какого-то другого действия или поведения». (*Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / пер. с англ. О. Столяровой // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006. С. 349.

[3] Ведущий научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН, доктор культурологии, кандидат исторических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Метаморфозы традиционного сознания», «Историческая этнология», «Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы», «Империя как судьба. Имперская идеология и практика: этнопсихологический подход», «Ереванская цивилизация. Формирование традиций и ценностей в современном столичном городе», «Imperium (Взгляд на империю на стыке ценностного и этнопсихологического подходов)» и др. Эксперт Российского научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований, член диссертационного совета Социологического института ФНИСЦ РАН.

когда традиции рушатся и наступает безвременье. Как правило, безвременье — это очередная смута, после которой прежняя традиция, видоизменяясь, укрепляется, происходит эволюция общества. Иногда это смена эпох, апофеоз чего — декаданс — римский мир периода упадка, после краха которого произошла смена цивилизаций. Но! Новая цивилизация вызрела не на основании идеологем, распространенных среди разлагающегося общества поздней Римской империи, а почти незаметно в ее недрах как форма культуры, позднюю Античность с ее свободой нравов и агностицизмом полностью отрицающая. Сейчас — иначе!

Идет процесс, похожий на то, что происходило в период декаданса, но каков будет результат? Тут вопрос — в ассоциациях идей, а именно об ассоциировании набора идей, связанных с различными противоестественными проявлениями человека, включая противоречащие инстинкту самосохранения, с идеей права человека, а через нее — с прогрессом и научностью. Теоретически мы можем ожидать, что внутри нашей цивилизации содержатся совершенно неожиданные и противоречащие идеологемам безвременья зародыши будущей цивилизации, как это было в Древнем Риме. При этом и в Риме идеология времени упадка имела определенные философские основания. Древнегреческая философия породила софизм и агностицизм, которые привели к представлению о множественности истин, плюрализме мнений, отсутствии Истины (с большой буквы), то есть чего-то или кого-то, кто есть на самом деле вне зависимости от того, какого мнения мы на этот счет придерживаемся. «И что есть истина?» — устало-равнодушно-иронично спросил в свое время Пилат у Истины. Для него Истины не было, был плюрализм мнений. Эта доктрина родом из Афин. Значительный пласт древней цивилизации держался на ней и до того, когда она стала всеохватной в период декаданса. Эта доктрина была осмыслена и по-своему проработана, но все-таки далеко не так, как она проработана и систематизирована, возведена в принцип в современности. Поколения философов века — века! — осмысляли ее, разрабатывали, учитывали все нюансы, придавали привлекательный вид. И общественное мнение века назад приняло ее. Современность только довела эту идеологию до логического конца.

Я говорю о гуманизме, который предполагает веру в то, что человек по природе хорош, что в нем плохое — только комплексы и наслоения, наследие несправедливости, что противостоит христианству, в котором эмпирический человек, человек как он есть, — падший человек, обладает дурными наклонностями, которые преодолеваются только в процессе преображения себя с помощью Божественной благодати, то есть при коренном изменении человеческой природы. Гуманистическая парадигма имеет несколько коннотаций: одна из них — вера в прогресс, основанный на вере, что человеческую природу надо очистить от того, что ее травмирует в социальном смысле, то есть изменить общество. Отсюда — вера в возможность справедливости. Отсюда вообще вера в некую упорядоченность человеческого бытия, отсутствие неизбежно иррационального и в природе человека, и в мире в целом. Из этого вытекает, с одной стороны, вера в познаваемость мира и возможность преобразить его рациональным путем (то, что называют верой в науку), а с другой — вера в права человека, то есть в возможность предоставления свободы любым внутренним интенциям человека, если только они рационально (законодательно) не ограничены: «пусть расцветают все цветы», поскольку если человек не нарушает рационально принятых этических нормативов, которые сводятся к «живи и дай жить другим», то он всегда прав. Тут мы видим пример ассоциации идей: утверждение о доброкачественной природе человека в философии гуманизма не было связано с тем, что любая интенция человека, если она не несет определенный условными общественными нормами вред, — добро. Ибо гуманистическая концепция предполагает естественную мораль, некие естественные, согласующиеся с естеством человека проявления и их противопоставление противоестественному. Правда, гуманизм подразумевает, что причиной последних является несовершенство мироустройства, а не греховность природы самого человека. Тем не менее иногда понимание противопоставления естественного и противоестественного вполне отчетливо формулируется и в наше время. Мне встречались возражения старых, классических гуманистов, например, против гомосексуализма, основанные именно на противопоставлении естественной и неестественной морали, которые полагали, что признание гомосексуализма относящимся к естественному — это отказ от гуманистической цивилизации. Отсюда делается вывод, что право на гомосексуальные отношения должно относиться не к правам человека, а только к определенным привилегиям, даруемым в виде исключения из естественного порядка вещей. Но такой построенный на логике классического гуманизма вывод встречается редко, чаще он подменяется вульгарным гуманизмом.

В этом же ряду противоестественных, признанных естественными парадигм — воинствующий феминизм с его апофеозом абортов и права на свое тело, стремлением к одностороннему доминированию, в том числе через криминализацию харассмента и подавление неких природных проявлений, опять-таки, по логике классического гуманизма, естественных гендерных, — мускулинности и фемининности, иными словами, мужественности и женственности. Последнее серьезнее, чем кажется, поскольку способно привести к тотальной вражде в обществе — войне полов. К этому же ряду относится навязанное современным гуманизмом право на групповую культурную идентичность, которое разрушается мультикультурализмом, изначально одной из естественных в определенных ситуациях моделей межэтнического сосуществования, которая, будучи глобализированной, превратилась в мощное оружие уничтожения Запада как христианской цивилизации. А в идеологическом плане произошло вот что: право личности в определенной ситуации признали выше права коллектива, то есть право беженца переселиться в чужую среду и сохранять в ней свои обычаи выше, чем право этой среды защищать свою коллективную целостность.

Здесь можно было бы говорить о некоторой избирательности в признании тех или иных прав личности, но причина скорее в том, что ситуативно были высвечены именно эти права. Суть неогумагнизма — в признании любых прав личности, уже даже не всегда с оглядкой на «дай жить другим». И, возможно, со временем эта система будет становиться все более всеохватной и эксплицитной, артикулируемой. Теоретическая база под ней, пока еще фрагментарная, станет системной, будет выработана соответствующая законченная философская система. Но если построить ее на основании тезиса, который лежит в ее основе: «Бога нет, и все позволено», — то в таком виде теория может стать достоянием только единиц. Поэтому через ассоциацию понятий она будет укоренена в классическом европейском гуманизме, из которого возникла, но который в своих лучших, но единичных представителях будет настаивать на том, что произошло это через маленькую логическую ошибку. В массе своей современные европейские гуманисты останутся завороженными неогуманистической коннотацией тезисов о праве на все свободные проявления личности, когда они не нарушают уголовного кодекса, параллельно с декриминализацией все большего числа человеческих интенций, которые люди до сих пор считали преступными (как педофилию).

В итоге мы будем иметь принципиально новую цивилизацию, построенную на новой антропологии. Ее важным атрибутом станет стремление к достижению бессмертия через медицину или синтезирование тела человека из сверхпрочных материалов. Но это само по себе вторично уже хотя бы потому, что пока не является вопросом завтрашнего дня для тех, кто не относится к элите. Это просто фактор, относящийся к построению новой антропологии. Суть новой цивилизации заключается именно в стирании граней между естественным и неестественным, что, кстати, скорее в ущерб гуманистической концепции, чем христианской. В христианстве есть праведность и грех. И грех в известном смысле естествен, ибо падший человек совершает его исходя из своей падшей природы, добродетель же вышеестественна, она достижима только Божией благодатью. В гуманизме же есть понятие нравственного закона, которое позволяет квалифицировать проступки как естественные, то есть превышение меры, заложенной нравственным законом (например, блуд как удовлетворение естественной потребности общественно неодобряемым путем), и противоестественные (например, мужеложество, поскольку такой потребности у здорового человека нет).

В новой цивилизации будет повержен именно естественный человек: идеологема естественного человека, с которой европейская цивилизация прожила несколько веков. И в этом смысле уже все равно, будет ли создан искусственный интеллект или насколько лет медики смогут продлить жизнь человека. Интеллект обычного человека перестанет быть естественным в том смысле, в котором мы до сих пор это понимали. Он будет качественно другой, как у существа, мыслящего не в тех категориях, на которых построена наша культура. Нам трудно понять, как мыслили майя — так же совершенно иначе будет мыслить человек, относящийся к новой европейской цивилизации. И мы можем ожидать от него чего угодно, любой неожиданности. Но это будет человек, не вписанный в гуманистическую антропологию, но выросший корнями именно из классической гуманистической цивилизации. Общество потребления — переходный этап. За ним, может быть, последует общество неких интеллектуалов, но таких, что нынешний потребитель еще будет казаться символом уюта и милого глупого обывательства. Ибо «если Бога нет, то все позволено».

И. В. Малыгина[1]

ГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На рубеже веков тезис «XXI век либо будет веком гуманитарных наук, либо его не будет совсем» был чрезвычайно востребован российской научной и публицистической риторикой, породив множественные рефлексии на тему гуманитарных «потерь» и вызовов глобализации. И если некоторое время назад безапелляционность цитируемого высказывания воспринималась как риторический изыск, то изнутри реалий набирающего обороты нового века трудно не признать: современный мир становится все менее соразмерным человеку.

Постепенное вытеснение гуманитарных приоритетов социокультурной динамики техноцентрическими и информационными трендами привело к описанию современности в тревожных характеристиках очередного «кризиса культуры», системного «антропологического кризиса» и совсем безутешных прогнозов грядущей антропологической катастрофы, о приметах которой в свое время писал еще М. К. Мамардашвили[2].

Глобализация, по сути, «обнуляет» всю историю развития представлений о культуре как системе с устойчивым ценностно-смысловым ядром, демонстрируя все новые модусы переформатирования мирового культурного пространства. Восток и Запад вопреки известной максиме Р. Киплинга не просто сошли

[1] Заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор. Автор более 130 публикаций, в т. ч.: «Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии», «Региональные измерения российской идентичности: между культурой и экономикой», «Столкновение идентичностей и принципы межкультурных коммуникаций в современном мире», «Россия на рубежах истории и границах цивилизаций», «Российская идентичность в контексте культурных „разломов“ глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от „помнящей культуры“ к “культуре забвения”», «Между „быть“ и „казаться“: Дискурсы и соблазны самоидентификации в современной культуре» и др. Член президиума Научно-образовательного культурологического общества.

[2] *Мамардашвили М. К.* Сознание и цивилизация. СПб. : Азбука-Аттикус, 2011. С. 104.

со своих мест, но уверенно проросли на противоположных цивилизационных полюсах, порождая не только различные модели гибридизации культуры, но и болезненные столкновения. Модернизация и традиционализм, не стесняясь в средствах, стремятся доказать друг другу собственное преимущество и право сильного на мировой арене. На угрозы культурной унификации человечество в самых разных частях света, словно в насмешку, отреагировало демонстративной манифестацией своей культурной неоднородности и обозначением символических границ, показав, что этнокультурное и ментальное многообразие современного мира не только не сокращается, но становится все более сложным и конфликтным.

Вместе с тем постоянно нарастающее социальное и культурное разнообразие стимулирует эмансипацию человека от социальных и культурных общностей и пугающий своей стремительностью рост степени свободы индивида от традиционных ценностных систем. В итоге человек новой эпохи — «глобальный человек» — достиг абсолютной свободы в выборе идентичности, которая становится не просто множественной, но прецедентной, и вдруг ощутил такое экзистенциональное одиночество, что моментально научился создавать новые формы социальности, основанные не столько на больших нарративах, сколько на ситуативной общности интересов.

В результате современная культура вопреки сценариям глобального проекта по-прежнему описывается в терминологии неклассического дискурса: как феномен постистории, эпохи постлогоцентризма, как нечто, что может быть осмыслено исключительно в методологии постструктурализма, если будет «просеяно сквозь сито» постмодернистского релятивизма и деконструкции, оказываясь в результате посткультурой. Этот термин демонстрирует значительные эвристические возможности в артикуляции современной культурной ситуации с ее трендами неопределенности, текучести, пограничных состояний и флуктуирующих идентичностей, а также характеристик коллективного субъекта современной культуры, который с легкой руки американских исследователей Н. Хоува и В. Штрауса закрепился в современном дискурсе как поколение Миллениума, или поколение Y. Оно появилось и формировалось в реалиях последних трех десятилетий, в условиях техноцентрического тренда глобализации, информационной и цифровой революций. Это поколение свободно от авторитета «великого Другого», не слишком чувствительно к завоеваниям дуалистической революции[1] — системе координат, основанной на оппозиции сакрального и профанного, на понимании важности различения сущего и должного, добра и зла, прекрасного и безобразного. Миллениал как «продукт» и, что еще более важно, субъект посткультуры, упраздняя дуальную определенность, воспроизводит культуру «с пустым центром», «потенциальный уплотненный хаос», содержащий в «свернутом виде» множество потенциальных бифуркационных расслоений и культурных сценариев. При этом почти невозможно прогнозировать, какой из них готов развернуться с силой расправленной пружины[2] и не повлечет ли он за собой гуманитарную или антропологическую катастрофу.

В связи с этим остро встает вопрос антропологического поворота в глобальных процессах, который, в свою очередь, требует актуализации гуманитарных аспектов социокультурной динамики.

Гуманитарное образование и, шире, гуманитарное знание выступают, с одной стороны, как важнейший фактор формирования всякой национальной культуры, а с другой — как ее концентрированное воплощение. Не будет преувеличением, если мы скажем, что гуманитарное знание — это ценный «осадок» культуры народа в ее концентрированном, «снятом» виде. В конструировании современной социальной и культурной реальности возможности гуманитарного знания почти безграничны, а эффекты несводимы к экономическим эквивалентам.

Чтобы прогнозировать перспективы гуманитарного знания, важно понять логику и векторы его динамики в новейшей отечественной истории, которую, как правило, отсчитывают от середины 1980-х годов. В целом в этой динамике с некоторой долей упрощения можно выделить несколько этапов, последовательность которых была обусловлена возникновением тех или иных гуманитарных вызовов и социальных запросов на гуманитарное знание.

Очевидно, что первый, начальный этап формирования постсоветской гуманитаристики стал ответом на мировоззренческий кризис, дискредитацию коммунистической идеологии и методологии исторического материализма. Гуманитарное знание должно было формировать новую объяснительную модель и новую картину мира. Этот переломный этап развития гуманитарного знания еще пришелся на традиционную для России классическую систему науки и образования. Она была ориентирована на формирование фундаментальных системных знаний в новой научной парадигме, свободной от идеологии, на подготовку универсального специалиста широкого профиля, цельной и гармоничной личности, а кроме того, на понимание социальной реальности как данности в общем-то безальтернативной, к которой необходимо пластично адаптироваться и воспроизводить ее со всеми достоинствами и недостатками. Такая модель образования была ориентирована на максимальную стандартизацию параметров личности и образцов поведения, что, в свою очередь, обеспечивало лояльность населения к существующему социальному порядку[3].

Второй этап и следующий вектор развития гуманитарного знания стали реакцией на новый социальный запрос, связанный с постоянно нарастающим социальным и культурным разнообразием, более или менее демонстративным проявлением «этнокультурных и гендерных Других»[4], многочисленных религиозных и политических движений. Ответом на этот запрос ста-

[1] *Пелипенко А. А.* Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. М. : Согласие : Артем, 2014. С. 636–659.

[2] *Бычков В. В.* Эстетика. М. : КНОРУС, 2012. С. 300–307.

[3] *Флиер А. Я.* Культурологическая парадигма образования (к определению понятия) // Культура и образование. 2013. № 1 (10). С. 25–31.

[4] Там же.

ла новая парадигма гуманитарного знания — культурологическая[1]. Ее главная цель заключалась в преодолении установки на пассивную социальную адаптацию индивида. Данная парадигма «проросла» и реализовалась уже в рамках новой (неклассической или постклассической) модели гуманитарного образования, где целостность, последовательность, определенная логика движения к знанию постепенно вытеснялись фрагментированностью и самого процесса обучения, и собственно содержания знаний.

Наконец третий, существующий пока лишь в тенденции, вектор развития гуманитарного знания связан с отчетливо фиксируемым в последнее время социальным запросом на разнообразную информацию о культуре со стороны широких масс населения. Аналогичный запрос демонстрирует и поколение Y (через которое уже «прорастает» поколение Z). Другое дело, что у этого запроса есть особенность: знание должно быть получено почти мгновенно, в легко усваиваемом, лучше — схематичном виде и в идеале — в дистантной форме.

Новый коллективный субъект культуры — это поколение с устойчивой зависимостью от технологий сетевой коммуникации и жизненным миром, «свернутым» до технологических возможностей смартфона. Если говорить о потребности и способности к гуманитарной рефлексии, или, как говорили древнегреческие ученые мужи, «любви к мудрости», то с грустью приходится констатировать, что понятие мудрости едва ли по-прежнему может претендовать на статус базовой добродетели современного общества и приоритета миллениумов. Пожалуй, только в том контексте, в котором о ней упоминал Габриэль Марсель, размышляя о «трагической мудрости» и сожалея о том, что на статус мудреца, образ которого в современной культуре чрезвычайно размыт, претендует теперь все общество, а само понятие «мудрец» утрачивает своего очевидного референта[2]. В результате траектория движения к знанию значительно сократилась, если не «схлопнулась» вовсе. Его постижение как длительный процесс, череда трудоемких рефлексивных процедур поколению, сформировавшемуся в условиях цифровой революции и «визуального поворота», нередко представляется обременительным и избыточным. Гораздо проще «присвоить» это знание в готовом виде, скачать с помощью все тех же гаджетов. Поэтому метафора «трагической мудрости» кажется вполне уместной.

Выход из ситуации посткультуры невозможен без реабилитации гуманистических приоритетов в социокультурной динамике — невозможен, пока субъектом культуры не станет качественно иной тип личности. Не «глобальный человек» — маргинал с невнятной идентичностью кочевника и фланера, а человек, глобально мыслящий, в идеале — универсально образованный и одинаково комфортно существующий в культурных мирах и Востока, и Запада. Такой тип личности, для которой презумпция невиновности традиции — ценность столь же безусловная, как и все достижения модернизации и преимущества цифровой революции. Без реабилитации статуса гуманитарного знания и образования ответить на эти вызовы едва ли возможно, а чем могут обернуться гуманитарные потери глобализации и антропологическая катастрофа, нам лучше не знать.

В. Э. Манапова[3]

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И «ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ ПАРАДОКС» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В современном мире набирают силу процессы глобализации и взаимодействия культур. В связи с этим усиливается взаимодействие культур и возрастает роль межкультурного диалога. Как показывает опыт, ни одна традиционная культура не может развиваться изолированно, в отрыве от других. Объективные потребности и интересы народов заставляют их общаться, сотрудничать в разных сферах общественного развития. Именно так происходит взаимопроникновение и взаимообогащение культур. Глобальное распространение западной массовой культуры в ее американизированном варианте вызывает опасение за судьбы национальных культур. Основой любой культуры является язык, и, к сожалению, констатируется тот факт, что национальные языки постепенно уходят на второй план, уступая место языкам межнационального и международного общения.

Проблемы взаимодействия культур и их влияние друг на друга порождают интерес к межкультурной коммуникации. Происходит формирование единой мировой культуры, история отдельных народов становится частью глобальной истории. Интенсификация межкультурных контактов, возможность общения с представителями различных культур порождают необходимость изучения механизмов межкультурного взаимодействия и взаимовлияния культур. Процесс сближения культур носит сложный характер, так как взаимодействие народов происходит на разных уровнях. Само понятие «взаимодействие» как философская категория отражает процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и по-

[1] *Флиер А. Я.* Указ. соч.

[2] *Марсель Г.* К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М. : Политиздат, 1991. С. 352–366.

[3] Доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства (Махачкала), доктор философских наук. Автор 75 научных публикаций, в т. ч.: «Миграция как фактор конфликтогенности», «Национальный характер: истоки формирования и стереотипы поведения», «Диалогизм восточной культуры в прошлом и в современности», «Пространственно-временное измерение диалога культур», «Символизм ритуального танца в этнической культуре», «К проблеме этнического самосознания и форм его выражения в современном мире» и др.

рождение одним объектом другого[1]. Другими словами, культуры, взаимодействуя друг с другом, вызывают взаимные изменения, новые формы культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей под влиянием различных факторов, внутренних и внешних.

Понятие «межкультурная коммуникация» включает общение, непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями различных культур (личные контакты между людьми, реже — другие формы коммуникации (такие как письмо) и массовая коммуникация)[2]. В процессе коммуникации происходит обмен сообщениями, то есть осуществляется передача информации от одного участника к другому. Большое значение в процессе взаимодействия имеет изменение качеств, ценностей той и другой культуры, которое генерирует новые формы культурной активности. К культурной колонизации также можно отнести определенную американизацию жизни в Западной Европе после Второй мировой войны, которая выразилась в широком распространении образцов поведения, свойственных американской массовой культуре. Только в течение XX века Россия пережила две волны культурной колонизации. Первая волна была связана с индустриализацией, разрушившей уклад жизни как в деревне, так и в городе, но внедрившей в русскую жизнь новые культурные формы, весьма редко встречавшиеся до той поры. Вторая волна колонизации имеет место в данный период, когда практически во всех сферах жизни внедряются и усваиваются западные (по происхождению) ценности, нормы поведения и организационные модели. Культурная экспансия Запада, происходившая в 1990-е годы на территории бывшего СССР, была своего рода легализацией положения, сложившегося в массовом сознании к концу 1970-х, а в высших кругах — уже в 1960-е годы. Советская идеологическая машина не всегда оказывала успешное сопротивление западной культуре как чуждой, так как ее влияние в обществе к тому времени уже существенно ослабло.

Влияние культурной экспансии Запада на другие страны нельзя рассматривать однозначно. Часто Запад обвиняют в «культурной агрессии», которая способствует разрушению прежних, привычных форм культуры, моральных норм и ценностей, не предлагая полноценной замены их новыми. Такое активное влияние Запада иногда называют «культурным империализмом»[3]. В социальных и политических науках подобные процессы определяются термином «модернизация». Этот термин имеет оценочный характер. Предполагается, что новые модели, сменяющие старые, носят более современный характер, поэтому они в некотором смысле «совершеннее», «выше», «лучше» старых. Термин «культурная колонизация» в ценностном отношении носит нейтральный характер и обозначает скорее процесс «замещения собственных норм, ценностей, моделей и образцов поведения нормами, ценностями, моделями и образцами, пришедшими извне, из инокультурной среды»[4].

Зарубежная экспансия по американскому образцу зачастую принимается в штыки консервативно настроенной частью общества. Некоторые государства даже принимают специальные законодательные меры, ограничивающее иностранную культурную экспансию. Данное явление получило название «культурный протекционизм» — это ситуация, при которой правительство страны намеренно ограничивает доступ своих граждан к иностранным средствам массовой информации, кинофильмам и музыке. Зарубежную (чаще — американскую) культуру обвиняют в пропаганде насилия, конформизма, насаждении морально-нравственных ценностей, чуждых культуре страны-импортера.

Национальное самосознание в условиях глобализации испытывает на себе мощное воздействие сложного комплекса разнородных связей, отношений, пластов: культурных, цивилизационных, идеологических, находящихся в постоянном движении. Именно это движение и несет в себе серьезный заряд внутренней конфликтогенности: процесс наслаивания на традиционное, архаичное (национальное) модернизационного, замещение первых вторым (частичное или полное), проходя в течение длительного времени незаметно, латентно, может вызвать внутриглобализационный «бунт». Формы его проявления, последствия и пути разрешения различны. Но общеизвестно, что в таких ситуациях получает развитие этноцентризм (предпочтение «своего» перед «чужим» или общим) — одна из самых архаичных черт самосознания индивида, группы, народа. При этом чем ниже этностатус, тем сильнее проявляется этноцентризм. В этом и заключается «глобализационный парадокс»: национальная специфика все более ослабевает, а ее субъективное выражение — национальное самосознание — все более усиливается. В целом этот парадокс проявляется, с одной стороны, в провозглашении национального равенства и выработке путей развития, отвечающих интересам участников глобализационного процесса, а с другой — в снижении роли и значения национального, ограничении сфер его применения, противопоставлении национального и универсального.

Кроме того, следует учитывать тот факт, что в диалоге культур участвуют не культуры в целом, а отдельные люди. Как отмечает В. А. Лекторский[5], «диалог культур» — метафора. Только отдельные люди, группы, сообщества, социальные учреждения могут быть участниками подобного диалога. В качестве участников диалога подразумеваются разные культуры. Но эти культуры могут существовать на разных уровнях. Есть национальные культуры и культуры этнические, региональные, локальные. Некоторые социальные группы могут рассматриваться как носители собственных

[1] Советский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1989. С. 216.

[2] *Леонтович О. А.* Введение в межкультурную коммуникацию. М. : Гнозис, 2007. С. 351.

[3] Культурная эволюция и межстрановые заимствования. URL: http://prompolit.ru/141592.

[4] *Платонов Ю. П.* Этническая психология. URL: http://www.tovievich.ru/book/12/184/11.htm.

[5] *Лекторский В. А.* Мировое единство и культурное многообразие // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб. : СПбГУП, 2012. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2012_Sbornik/001_Sbornik_2012/Tom1/006_Plenarnoe_zasedanie.pdf.

субкультур. Индивидуальная идентичность строится на основе принадлежности к нескольким коллективным. Каждая из культур заслуживает уважения и может быть участником диалога. Взаимодействие культур — взаимообусловленный двусторонний процесс. В этом процессе изменения состояния, содержания, функций одной культуры в результате влияния другой обязательно должны сопровождаться преобразованиями в другой культуре.

Глобализация открыла новые возможности для межкультурных контактов. И в то же время возникают вопросы, связанные с пониманием, уважением и сохранением многообразного культурного наследия. Именно с целью охраны культурного наследия и создавалась такая организация, как ЮНЕСКО. Организация разработала международные правовые инструменты, в том числе Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия (1972). Основой работы ЮНЕСКО в области культуры является содействие культурному разнообразию, основанное на человеческих взаимоотношениях. Этот подход был подтвержден в 2001 году принятием Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии. От охраны всемирного культурного и природного наследия, представляющего ценность для всего человечества, организация перешла к защите различных форм нематериального культурного наследия, шедевров устного творчества. Еще один момент работы ЮНЕСКО в области культуры — сохранение культурных объектов в зоне вооруженных конфликтов, основу этого направления деятельности составляет Гаагская конвенция 1954 года[1].

Отсутствие общих правил коммуникации зачастую приводит к несоответствию наших ожиданий и воспринимается как посягательство на наши ценности и мораль. В межкультурном взаимодействии конфликт неизбежен главным образом из-за несовпадения вербальных и невербальных форм выражения культуры, а также ценностных ориентиров.

Мир становится взаимосвязанным, усиливается конкуренция цивилизационных систем, и поэтому возрастает роль межцивилизационного диалога, который невозможен без учета этнической и конфессиональной самобытности. Диалог и сотрудничество могут выстраиваться только на основе равноправия культур и цивилизаций, уважения к чужим ценностям и сохранения культурного многообразия.

М. А. Мануильский[2]

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Идентичность выступает в качестве ключевого атрибута «человека культурного», обеспечивает ощущение самости, формирует индивиду «траекторию прохождения через разные институциональные установления в течение всего жизненного цикла»[3]. Человек может осознавать изменения только потому, что «в различных состояниях он представляет себя как один и тот же субъект»[4]. «Если у человека и есть какой-либо „центр“, какая-то сохраняющаяся при всех исторических изменениях „сущность“ или „идентичность“, то подобного рода центр как раз и занимает эта проблема, на протяжении веков озадачивающая человека»[5]. Деформация идентификационного ядра культурной системы провоцирует системный кризис общества, который сопровождается утратой смысла существования и проявляется в расширении спектра девиаций.

Многообразие репертуара идентичностей — общепризнанный факт. Набор антропологических идентичностей — это, по сути, основа жизненного мира личности, задающая область непосредственных очевидностей, переживаемых человеком в повседневности. Этот набор включает следующие элементы: родовую, гендерную (мужскую/женскую), национальную (этническую), конфессиональную (религиозную), поколенческую, семейно-родственную, гражданскую, социально-статусную, профессиональную (трудовую), экзистенциально-рекреационную идентичность.

Ядро, стержень системы идентичностей образуют представления о человеческой сущности, происхождении человека, его местоположении в окружающем мире (Космосе), о его предназначении в мире. Ключевым основанием духовного самоопределения является мучительный поиск ответа на экзистенциально значимые вопросы, кто мы, откуда мы, куда и зачем мы. Важнейшими слагаемыми родовой идентичности выступают представления о жизни и смерти, добре и зле, о любви, судьбе, долге, ответственности, смысле жизни. Фундаментальным атрибутом родовой идентичности является понимание человека как существа, наделенного свободой воли. Именно последняя придает вышеперечисленным представлениям и идеям конфигурацию идентичности, то есть конструкта, выражающего приверженность субъекта выбранной им мировоззренческой альтернативе.

[1] ЮНЕСКО. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki.

[2] Заместитель главного редактора «Социологического журнала», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, кандидат философских наук. Автор научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книги «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Идентичность как модус человеческой природы», «Архитектоника идентичности», «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Культурно-антропологические доминанты терроризма», «Мир человека в энциклопедическом формате», «Российский чиновник на работе и дома» и др. Заместитель главного редактора «Социологического журнала».

[3] *Симонова О. А.* К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 52.

[4] «Человек может осознавать изменения только потому, что в различных состояниях он представляет себя как один и тот же субъект». См.: *Кант И.* Собрание сочинений : в 6 т. М. : Мысль, 1972. Т. 6. С. 365

[5] *Тищенко П. Д.* «Что такое человек?» Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. 2018. № 5. С. 6.

Значимым элементом мира повседневности является религиозная идентичность — форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании принадлежности к определенной религии и формирующая представление о себе и мире посредством религиозных догм и обрядов. Дело в том, что религиозная идентичность является древнейшим образованием в интеллектуальной истории человечества. Исторически несколько тысячелетий религиозное мировоззрение было единственным мировоззренческим конструктом. Соответственно данный критерий по праву (исторически и логически) занимал центральное место в родовой идентичности. Сужение пространства распространения религиозного сознания и рост влияния мировоззрения, основанного на достижениях науки, принципиально меняют ситуацию: вопрос «Что есть человек?» получает новый по сравнению с религиозным ответ. Примечательно, что приверженность к тем или иным религиозным представлениям демонстрировалась людьми задолго до эпохи модерна, во время которой и сформировался феномен идентичности. Религиозные установки служили органичным элементом мира повседневности, переживались как регулятивы деятельности в разных сферах.

Национально-культурная идентичность, выступающая основой мировоззрения, глубинно связана с национальным самосознанием. В трактовках источников ее формирования доминирует концепция, фиксирующая примордиальный характер рассматриваемого феномена[1]. Вместе с тем подобный подход вызывает ряд вопросов: в чем заключается природная грань этничности? Если нации, во всяком случае европейские, — продукт эпохи модерна, существуют ли принципиальные различия между нацией и этническими сообществами меньшего масштаба (племенем, народностью)? Масла в огонь подлила современная генетика. Оказалось, что по некоторым параметрам различия между этносами существеннее, чем между расами[2].

Уровень «приземления» родовой идентичности фиксирует поколенческая идентичность. В исследовании феномена она не самый востребованный элемент, хотя латентно фигурирует во многих проектах, посвященных молодежи, пожилым людям, — считается, что это не столь значимый фактор, как, например, религиозная или этническая идентичность. На наш взгляд, такая установка недооценивает ситуацию, поскольку с годами поколенческая идентичность становится для личности все более «осмысленным» фактором. Далее следует семейно-родственная идентичность, переживание которой составляет ядро жизненного мира любого человека.

В отечественной литературе довольно убедительно разработана тема гражданской идентичности, которая трактуется как осознание личностью принадлежности к сообществу граждан того или иного государства. Гражданская идентичность артикулирует потребность индивида в Родине (большой и малой), желание чувствовать себя укорененным в каком-то культурно-историческом пространстве, свою сопричастность роду человеческому здесь и теперь. Наличные обстоятельства могут не нравится индивиду, он может сожалеть о прошлом, но изжить чувство укорененности практически невозможно.

В структуре социума идентичность как ключевая самохарактеристика личности включает ролевые предписания (в том числе требуемые для их выполнения качества, навыки, задатки), статусы (самоотождествление субъекта с определенной группой, обладающей правами, обязанностями и символическим капиталом). Значимым элементом социальной идентичности является профессиональная идентичность (в качестве синонима термина используются слова «трудовая», реже, «экономическая идентичность») — важнейшая составляющая человека как субъекта культуры. Труд рассматривается в качестве не только фундаментальной жизненной потребности, но и важнейшей ценности. С точки зрения современной социологии труда это терминальная, то есть конечная, ценность, в отличие от инструментальных (текущих)[3]. Ценностный аспект трудовой деятельности на рубеже веков обрел дополнительную институциональную значимость, что связано с повсеместным распространением корпоративной этики, профессиональных этических кодексов. Последние следует рассматривать как образцы профессиональной идентичности, в том числе составляющих ее ролевых предписаний и статусов. Профессиональная идентичность переживает значительные деформации в информационном обществе. И дело не только в неопределенности маркируемой сферы — проблема в том, что творчески преобразующая деятельность, центральным звеном которой является труд, в постиндустриальном обществе превращает человека в артефакт, то есть в искусственно созданную субстанцию. Творчески преобразующая активность постепенно приобретает новое, дополнительное звучание самовоспроизводства, репликации человеческой природы. Наконец, проблемным остается еще одно обстоятельство: на определенном этапе человеческой истории произошло разделение труда, определившее частичность человеческого бытия.

Экзистенциально-рекреационная самоопределенность, которая отражает различные грани самоотождествления индивида, связанные со сферой досуга, свободного времени, не выделялась в качестве самостоятельного аспекта идентичности. Между тем это важнейшая сфера жизненного мира человека — здесь не только реализуются потребности и способности, по тем или иным причинам не получившие признания в профессиональной области, но и осуществляется процесс самовоспроизводства человека.

Совокупность идентичностей, выражая ключевые модусы человеческой природы, выступает органическим слагаемым культуры, определяя ее устойчивость во времени, социальное единство и духовную целостность ее субъекта. Важнейшим условием сохранения культурной целостности является национально-культурная идентичность, которая наряду политическим суверенитетом, военной и экономической безопасностью, обеспечивающей национальное богатство и благосостояние народа, служит важнейшим фактором духовной безопасности нации.

[1] Один из постулатов о примордиальном характере нации предполагает, что этничность — генетически присущее качество.

[2] *Тетушкин Е. Я.* О месте человека в царстве животных // Человек. 2018. № 1. С. 20–37.

[3] *Темницкий А. Л.* Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд работающего населения России (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 82–91.

Л. В. Матвеева[1]

КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Современная глобализация не является для человечества уникальным феноменом. В истории народов насчитывается несколько периодов, когда одна из цивилизаций пыталась подчинить себе окружающее пространство и народы, населяющее его. Вавилонское царство, Персидское царство, греческое царство Александра Македонского, Римская империя в Европе и китайское Срединное царство на Востоке; позднее — татаро-монгольское нашествие, расширение Османской и Британской империй. Результат глобальных притязаний, как правило, одинаков: возникшая глобальная цивилизация в скором времени распадалась на составляющие части. Н. Данилевский[2], а вслед за ним О. Шпенглер[3] и А. Тойнби[4] справедливо отмечали, что особенности духовной природы народов, лежащие в основе самобытности культурно-исторических типов и образующие цивилизацию, имеют тенденцию к самосохранению, в противном случае им грозят разрушение и гибель.

Процессы глобализации в XX веке имеют свою специфику в силу интенсивного развития научно-технических ресурсов, обеспечивающих функционирование коммуникативных и информационных процессов, явления массовой миграции представителей различных этносов в инокультурную среду, перераспределения капитала и наукоемких технологий из стран западного мира в восточные и южные регионы планеты. Жесткая конкуренция за владение информационным пространством с помощью Интернета и распространения медиаконтента приводит к обострению противоречий между различными государствами, которые многие эксперты называют столкновением цивилизаций.

Господство одного культурно-исторического типа, распространенного на весь мир, означало бы, согласно Н. Данилевскому, деградацию всех народов. Общение с другим народом, как правило, не затрагивает его «природу духа», однако, если это случается, в результате подражания или ассимиляции народ утрачивает свою самобытность. В связи с этим важно понимать, какие представления о цивилизационном наследии России существуют у молодежи, обеспечивающей работу медийных коммуникаций страны, так как именно по медийным каналам распространяется информация, воздействующая на картину мира человека в политическом, историческом, религиозном, поэтическом и бытовом аспектах.

Сущностью цивилизационного наследия, согласно В. Н. Расторгуеву[5], являются духовное образование, просвещение и специальная деятельность по формированию межпоколенческих связей, направленных на передачу системы ценностей как основы цивилизационного кода, лежащих в основе сохранения и самовоспроизводства этнической и цивилизационной идентичности. Носителем цивилизационного кода является национальное самосознание, или менталитет, под которым понимается «совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации или этноса, позволяющих воспроизводить эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности». Он включает как «элементы бессознательного… различные архетипы и стереотипы», так и «культурные нормы и запреты, облеченные в символическую форму»[6]. В национальном самосознании принято выделять три составляющие: пространственно-географический компонент, связанный с образом страны; социально-экономический компонент, описывающий формы жизнедеятельности, особенности уклада жизни народа в данное время на данной территории; историко-культурный и психологический компонент, содержащий представления, мифы и ценности всего народа, а также особенности психологического портрета представителя нации с его характером, сценарием проявлений чувств, поведения и принятия решений. Этот компонент включает также национальный образ героя, символизируя высшие идеалы и ценности традиционной культуры и воплощая ее ценностно-смысловой вектор.

Сохранение в медийном пространстве страны основных ценностно-смысловых кодов российской цивилизационной идентичности является важнейшим приоритетом в обеспечении национальной безопасности. Л. Г. Свитич в своих исследованиях выделяет следующие черты, характеризующие российскую цивилизацию: ценности общинности, семьи, почитание традиций, ценности хозяйствования, труда и его плодов, вера в высшие силы. Также отмечаются следующие добродетели: стремление к познанию, нравственность, осуждение зла, гостеприимство, терпеливость, надежда на счастье, отвага, миролюбие, честь, упор-

[1] Профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Образ России в информационном пространстве как основа межкультурного взаимодействия», «Особенности категориальной структуры восприятия стран Востока и Запада у представителей молодежи, проживающей в разных регионах страны» (в соавт.), «Психология ведения переговоров» (в соавт.), «Субъективные факторы притягательности компьютерных игр для детей и подростков» (в соавт.), «Воздействие компьютерных игр на детей и подростков в аспекте информационно-психологической безопасности» (в соавт.), «Психологическая безопасность детей в медийном пространстве и проблема экспертизы информационной продукции» (в соавт.), «Содержание новостного дискурса и представление человека об опасности» (в соавт.) и др. Член Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка, член Международной академии телевидения и радио. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

[2] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Книга, 1991.

[3] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.

[4] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М. : Айрис Пресс, 2002.

[5] *Расторгуев В. Н.* Цивилизационное наследие славянского мира. М. : ГАСК, 2009.

[6] *Лихачев Д. С.* Заметки об истоках искусства // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 86.

ство, стремление к красоте, состязательность и любовь к движению[1].

В связи с этим нами было проведено исследование культурных представлений о российской цивилизации среди творческой молодежи Москвы, работающей в медийной сфере или готовящейся создавать медийный контент, методом анкетирования, включающего вопросы ассоциативного характера, открытые вопросы и задания на формирование образов героев, экспертов, социально значимых персон.

Представления о российской цивилизации у мужской части творческой молодежи характеризуются следующими особенностями. В историко-природном компоненте образа России прежде всего выделяется обширность территории с разнообразным ландшафтом и климатом (самая большая страна в мире) — 36 %; болота, тайга, равнины, степи, моря и реки — 50 %. Основу прошлого составляют главные переломные моменты истории: Крещение Руси, татаро-монгольское иго, крепостное право, революция, Великая Отечественная война как особое событие, повлиявшее на формирование патриотизма в стране (26 %). Настоящее представляется попыткой восстановить могущество на мировой арене с постепенным укреплением позиций и выходом из кризиса (45 %). Будущее светлое, но еще до конца не определенное. Наука рассматривается как один из главных ресурсов экономического роста. Большинство придерживается мнения, что сближение с восточными цивилизациями позволит России совершить новый рывок в развитии (70 %).

В культурно-лингвистическом компоненте отмечаются сложность и богатство русского языка и тенденции к современному его упрощению — 50 %. Подчеркивается важная роль английского языка в общении и цифровом пространстве (10 %). Ключевое звено культуры — религия и этнокультурное многообразие на стыке европейских и азиатских этносов (35 %). Господствующие религии: православие — 20 %, ислам — 10 %. Одни из основных особенностей российского населения — гостеприимство, патриотизм, доброжелательность (20 %). Главная национальная черта — стойкость к трудностям, добродушие и широта души (25 %). Мужчины отмечают, что в России самые красивые девушки.

В социально-этическом компоненте выделяются проблемы в экономике, подчеркивается роль коррупции и олигархии, отсутствие среднего класса, большой разрыв между богатыми и бедными (50 %). Отмечается тенденция к построению правового государства, но указывается на проблемы с исполнением закона (35 %). Большую роль в соблюдении моральных норм (осознание добра и справедливости, нельзя бить женщин и детей, важно уважать старших) играет религия (53 %). Отмечается важность традиционного семейного уклада (мужчина — глава семьи, он зарабатывает, женщина воспитывает детей), семья признается главной ценностью современного общества (90 %). Важно отметить, что у мужской аудитории складывается положительный и при этом противоречивый образ российской цивилизации. С одной стороны, он для них родной, имеет великую историю и требует заботы, с другой — в настоящем отмечается множество социальных проблем, которые с трудом решаются. Западный путь развития представляется во многом антагонистичным своей культуре, а восточная цивилизация близка и рассматривается как главный ресурс развития и процветания.

Представления о российской цивилизации у женской части творческой молодежи характеризуются следующими особенностями. В историко-природном компоненте культурных представлений о российской цивилизации девушки прежде всего выделяют масштабность территории, включающей элементы как Европы, так и Азии (70 %). Образ прошлого строится ими на основе большого количества военных конфликтов. Образ настоящего имеет противоречивый характер (Россия занимает 26-е место среди лучших стран мира и 119-е место по уровню здоровья) — 50 %. А образ будущего, напротив, носит оптимистичный характер. Участники исследования надеются на улучшение жизни страны и ее развитие (основная масса верит в великое будущее) — 65 %.

В социально-этическом компоненте существенным называется глубокое расслоение в социальной структуре общества, обусловленное отсутствием среднего класса. Есть слишком богатые и малообеспеченные люди, что во многом связывается с неустойчивостью экономики, ее переходным этапом в развитии общества (60 %). Морально-этические нормы во многом основываются на религиозных традициях народов, проживающих на территории России, на превалировании духовного начала над материальным (с рождения у детей воспитывают честность, уважение к правам других людей, справедливость в отношениях) — 75 %. В структуре образования подчеркивается, что оно во многом несет воспитательные цели, а лишь потом обучение знаниям и навыкам (35 %). Среди особенностей национальной кухни также особое место отводится религиозным традициям и обычаям народов, населяющих территорию России. Семейный уклад характеризуется как патриархальный, семья признается главной ценностью, и подчеркивается необходимость сохранять традиции в поддержании ее целостности (90 %). В компоненте образов лидеров, социально значимых персон и героев отмечается, что образ власти строится вокруг беспрекословного сильного лидера — царя-батюшки, президента. Его воля признается безусловной, и народ нуждается в таком сильном лидере (95 %). Образ героя связан с былинным прототипом богатыря, который готов на любые жертвы ради справедливости (80 %).

Важно отметить, что образ российской цивилизации у женской выборки творческой молодежи складывается на основе традиционных представлений, православных морально-этических норм. Величие страны определяется приверженностью традициям и обычаям, ориентацией на героическое прошлое и уважение к сильным лидерам, богатырям и первопроходцам. Также указывается на роль западной цивилизации в историческом развитии, женская аудитория связывает будущее развитие страны с принципами организации жизни общества по образцу западной цивилизации. В целом можно констатировать проработанность ценностно-смыслового кода цивилизационной идентичности у творческой молодежи.

[1] *Свитич Л. Г.* Корневые черты русской нации и телеобраз России // Современный образ России: перспективы развития. М. : МГУ, 2008.

А. А. Мельникова[1]

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: РАКУРС ПОЛЯРНЫХ ВЗГЛЯДОВ

Происходящий в настоящий момент переход от индустриального общества к постиндустриальному, а в культуре — от модерна к постмодерну приводит к смене общественных и личных ценностей, жизненных ориентаций и стереотипов поведения, трансформируя практически все жизнеустройство общества. При этом характерными признаками переходных эпох выступают нестабильность и неустойчивость, что провоцирует кризисы, деструктивные явления в социокультурном пространстве и порождает двойственность, противоречивость: с одной стороны, разрушение привычных культурных норм, с другой — активизация инновационных поисков во всех сферах социокультурной практики.

При этом доминирующей характеристикой постиндустриальности является информационность — мы говорим об информационном обществе, эре, культуре. Тут мы можем отметить первый уровень полярности — полярность ожиданий и воплощения. В ожиданиях — возлагаемые большие надежды на технический прогресс, ощущение, что научно-техническая революция позволит решить большинство социальных проблем, ликвидировать бедность и социальное неравенство. Однако эти надежды XIX и XX веков не оправдались, как и представления о том, что новая информационная эпоха — это осевое время господства знания. На смену оказавшимися иллюзией надеждам пришел скептицизм по отношению к возможностям технического и социального прогресса, отрицание рационализма и детерминизма, а также понимание того, что знание и информация не являются тождественными понятиями. Последнее тоже формирует полярность ожиданий и воплощений — если раньше знания представляли собой персонифицированный процесс (то есть грамотность, осведомленность населения в самых разных областях, в том числе научных и научно-популярных, возрастала), то теперь знания стали отделяться от индивида как их носителя и, перемещенные в виртуальную среду, создавать иллюзию присвоенности. Однако это оказывается именно иллюзией: ожидания, что с приобретением свободного доступа к знаниям общая культура населения вырастет, не оправдали себя. Информация оказалась не тождественной ни знаниям, ни тем более культуре.

В настоящий момент мы также фиксируем полярность, однако это не полярность ожидания и воплощения, а полярность ожиданий, полюса которой определяют, с одной стороны, пессимистичные оценки виртуализации, с другой — усматривание в ней открывшихся новых возможностей. Разберем эти полярные взгляды более подробно.

Один из пессимистических вариантов осмысления современности связан с тем, что информатизация в соединении с глобализацией создала технический базис, который выступил основой для все усиливающегося доминирования масс. Век толп (С. Московичи), восстание масс (Х. Ортега-и-Гассет) — описанные феномены укрепляются через массовые стандарты и стереотипы, однородность конвейерного производства и брендового сознания, унификацию и стандартизацию. Именно массовая психология хорошо соотносится с произошедшим поворотом в сторону потребления, при котором материальные потребности человека абсолютизируются, а потребительство приобретает статус высшей ценности.

При этом усиливает воздействие такой социокультурной направленности специфика общества как информационного, с присущей ему многоуровневостью различных коммуникативных систем, по которым происходит трансляция стереотипов общества потребления. Человеку уже все труднее уйти в свободное пространство, где он мог бы остаться наедине с собой: постоянный поток информации порождает привыкание, и отключение от потока воспринимается как отключение от жизни. И если раньше, во времена газет и телевидения, это была хотя и отцензуренная, но реальность, то теперь при увеличении доли виртуальной коммуникации усиливается объем виртуальной реальности с виртуальными же событиями. В этом контексте вполне закономерно, что в 2016 году в перечень «слов года» Оксфордский словарь включил «постправду» — термин, обозначающий состояние общественного сознания, при котором значимой становится не истина, а захватывающая форма подачи (упаковки), при этом выразительность, эмоциональность являются главными критериями, которые принимаются во внимание и способствуют тому, что информация воспринимается как верная.

Таким образом, если раньше важным представлялось выяснить истину, то теперь важно, чтобы было захватывающе, зрелищно. Такая интенция также не может не вызвать ощущения упадка цивилизации — истина и красота теперь заменены на нечто шокирующе-эпатажное. Данная тенденция также напрямую связана с доминированием масс, их интересов и пристрастий. Массы не тянутся к искусству, им нужно что-то простое, но одновременно привлекающее внимание, возбуждающее. Именно такого типа информация удерживает их интерес. И вот мы в изобилии получаем информацию о безобразном, жестоком, омерзительном,

[1] Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. монографий «Язык и национальный характер: взаимосвязь структуры языка и ментальности», «Психология кросс-культурной адаптации» (в соавт.), «Семья в проблемном поле современного социума» (в соавт.), а также публикаций «Политика глобализации и глубинные основания культур», «Культуролого-лингвистический аспект образовательной стратегии», «Универсалии цивилизации vs глубинных оснований русской культуры: причины противостояния», «Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка», «Национальное мировидение в языке: формы отражения», «Язык и этнические характеристики» и др.

отталкивающем, ужасном — это активизирует любопытство массового человека, притягивает к источнику сообщения. Анализ такой ситуации рождает ощущение тупика.

Что касается индивида, то для него виртуальная среда — «Инстаграм», «ВКонтакте», «Фейсбук», «Твиттер» — становятся тем пространством, где он проводит все больше времени. Психологи говорят о формирующейся зависимости от гаджетов — но именно в этом направлении и можно обнаружить тот плюс, вторую полярность ожиданий от динамики современной реальности. Действительно, в интернет-пространстве легко создать фиктивный образ себя — взять любой аватар, сочинить подобие биографии. Эта игра подобна подростковому поиску идентичности, когда именно примерка различных масок дает возможность осознать, кто ты, найти себя. Но в современной реальности распада традиционных ценностей, смены культурных норм и стандартов поиск идентичности — это удел не только подростков. При этом человек ищет примеры, с которыми он себя соотносит, выбирая для себя те, что становятся для него эталоном при выстраивании своей идентичности. Если раньше такие примеры брались из ближайшего окружения или книг, то в современном информационном пространстве за счет его объемности и многомерности таких объектов значительно больше, и из них, как из отдельных пазлов, можно сложить ту идентичность, которая будет идеальной для конкретного индивида. В этом и видится плюс виртуализации — человек не только «вплавлен» в информационный поток, захвачен им и увлекаем, но также учится работать с этим потоком, активно отбирая нужную информацию, конфигурируя ее уникальным образом и в итоге порождая нечто новое.

Еще один плюс такого подхода — современной социокультурной динамике свойственны высокие темпы смены характеристик окружающей действительности, соответственно человеку необходимо постоянно адаптироваться к новым условиям. В такой ситуации самым простым способом адаптации является наработка механизма подбора новой идентичности с нужными характеристиками и выстраивания себя под эту идентичность.

Если следовать в рассуждениях по оптимистичному пути, то информационное общество — это не количественное наращивание (знаний, технологий), а качественный скачок — соответственно, оказавшись в новом пространстве, человек ведет себя как ребенок: хватает новые игрушки, от которых на первых порах его трудно оторвать. Но, как и ребенок, он наиграется и начнет осваивать те аспекты виртуальности, которые помогут ему раскрыть себя, свое творческое начало. В то же время сетевая культура является прекрасной базой не только для создания нестандартных моделей интерсубъективного взаимодействия, она в целом продуцирует процесс формообразования — ведь именно создание новых форм и есть отличительная черта всякой жизнедеятельности.

Л. М. Мосолова[1]

ЧЕЛОВЕК КАК ПЕРСОНИФИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из существенных особенностей деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов является создание сильной *символико-антропологической основы* в системе обучения и воспитания студентов и в работе всего коллектива вуза. Речь идет прежде всего о наличии особой группы духовных лидеров — когорты почетных докторов, портреты которых увековечены в бронзе на Аллее Славы Университета. Речь идет и о масштабной концентрации выдающихся личностей России — представителей гуманитарных и естественных наук, философов и политиков, художников и литераторов, музыкантов и общественных деятелей — в форматах различных встреч, конференций, лекций и особенно перманентных Лихачевских чтений. В Университете есть также обширные «фотоиконостасы» выдающихся людей и событий, связанных с ними, которые представлены в разных интерьерах. Их избранные труды систематически публикуются в издательстве Университета и доступны широкой студенческой аудитории.

Присутствие когорты духовных лидеров, выдающихся деятелей, встречи с ними и чтение их трудов, безусловно, благотворно сказываются на всей деятельности вуза, на ценностных устремлениях студенчества. По мысли ректора СПбГУП А. С. Запесоцкого, такая впечатляющая символико-антропологическая база была создана «в качестве олицетворения университетских ценностей»[2]. Это завидный результат огромной и целенаправленной организационной и педагогической работы университетского сообщества. Такой опыт достоин распространения в других вузах и регионах страны и ближнего зарубежья.

У каждого народа есть личности, судьбы и экзистенциалы которых становятся явлением общезначимым. Их деяния, достижения вызывают новые смыслы, отношения, источники развития целых наций,

[1] Профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Культурология в контексте междисциплинарных исследований», «История искусства Кыргызстана (с древнейших времен до XX века)», «Культурология в системе современного образования: философско-онтологические основания», «История и культурология в познании мира человека», «Архаика евразийской культуры в свете современной науки», «Теодор Герцен. Творческий портрет» и др. Награждена орденом «Знак Почета», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

[2] См. об этом: *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев: человек будущего в университете будущего // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 3 ; *Он же.* Об Абдусаламе Гусейнове // Абдусалам Гусейнов. Философия — мысль и поступок. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 5.

в том числе тех, кто формировался в советскую эпоху. В ту пору диалог культур был конструктивной формой связи народов, порождающей важные идеи, артефакты, глубокое ви́дение бытия и его проблемные аспекты. Выдающихся личностей, в деяниях которых была явлена та или иная национальная культура, знала вся большая страна.

Однако сегодня беспокоит то обстоятельство, что наша гуманитаристика пока мало озабочена проблемами диалога евразийских культур, который жизненно важен для благополучия и России, и многих других народов Евразии, испытывающих не просто ностальгию, но острую потребность в общении и совместном творчестве в разных сферах современной культуры. *Эта ситуация императивно вменяет культурологии прежде всего поиск путей и общих ориентиров выстраивания диалога евразийских культур в новых постсоветских условиях.* Возможно, один из таких ориентиров — неустанное обращение к феноменам и деяниям тех выдающихся личностей, которые были подвижниками в создании общего цивилизационного пространства в XX веке и явили собой «лицо» национальной культуры, сформировавшееся в то время.

Культуроообразующую роль национальных лидеров я хочу продемонстрировать на примере киргизской культуры. История культуры Киргизии богата талантами. Одно из самых известных имен XX века — *Чингиз Айтматов*, человек с великим сердцем писателя и гражданина, литературные и публицистические труды которого востребованы мировым сообществом. Его всегда волновали судьбы не только своего Отечества, но и всей современной цивилизации. Хорошо известна его максима, высказанная в образной форме на знаменитом Хельсинкском форуме, о взаимозависимости народов на нашей планете: «Мы все сегодня — в одной лодке, а за бортом — космическая бесконечность…» Он говорил об опасности «нескончаемой распри племен…»[1]

Еще одна яркая персонификация национальной киргизской культуры — *Аскар Акаев*. Это имя известно в мировой науке и мировой политике. Сфера научных интересов — математическое моделирование и прогнозирование; демографические, социальные, геополитические процессы, экономические циклы, глобальные проблемы современности и устойчивое развитие человечества. Многие международные академии наук избрали его своим членом. Он является доктором технических наук, профессором Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова. Акаев хорошо известен как первый президент Киргизской Республики (1990–2005), который в сложнейший переходный период смог ввести суверенную Киргизию в историческое русло новой общественно-политической и социокультурной системы. После добровольной отставки с поста президента Киргизской Республики он вернулся к научной работе. Его содержательные выступления на ежегодных Лихачевских чтениях в СПбГУП высоко оцениваются участниками[2].

Личностью, персонифицирующей ценности национальной киргизской культуры, является *Тургунбай Садыков,* творчество которого оказывает существенное влияние на развитие художественной жизни Киргизии и Евразии. Достаточно назвать его основные звания: лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, народный художник СССР, народный художник Киргизской Республики, Герой Киргизской Республики, академик Российской академии художеств (наградившей его золотой медалью), действительный член Национальной академии наук Киргизской Республики, лауреат Государственной премии Киргизии. Он имеет целый ряд других званий и наград, в том числе зарубежных. В настоящее время Тургунбай Садыков — ректор Академии художеств Киргизской Республики. Такой ансамбль званий, наград, должностей — явление исключительное.

Главная линия его творчества — создание ряда крупных памятников и скульптурно-архитектурных ансамблей в столице республики, преобразивших ее эстетический облик и историко-культурное содержание. Речь идет о таких масштабных произведениях скульптуры, как великолепный многофигурный монумент Борцам революции, над созданием которого он работал в течение 12 лет. Монумент получил широчайшую известность и был удостоен Ленинской премии в 1978 году[3]. Не менее значимым стал архитектурно-скульптурный ансамбль «Манас», посвященный великому эпическому богатырю и его сподвижникам и установленный на центральной улице Бишкека. Скульптурная композиция в бронзе «Манас» в 1995 году была установлена в здании ООН в США. Т. Садыков всю свою жизнь создавал монументальные памятники и портретные бюсты выдающихся исторических деятелей и необыкновенные портреты простых людей и знаменитых сограждан. Это образы средневековых ученых-энциклопедистов Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгарского, великого манасчи Саякбая Каралаева, выдающегося актера Муратбека Рыскулова, писателя Чингиза Айтматова, «киргизской Улановой» — Бюбюсары Бейшеналиевой и многих других замечательных людей. Садыков создавал не только монументальные произведения, но и выразительные станковые композиции («Дирижер», «Табунщик», «Размышления о прошлом», серия «Камни веков», «Родник», «Иссык-Кульский форум» и др.). Он стал крупным портретистом, постоянно обращаясь к изучению исторических личностей и незаурядных современников. В его портретной галерее в Музее скульптуры им. Т. Садыкова представлена почти вся интеллигенция Киргизии: философы, писатели, ученые, актеры, хореографы, музыканты, сказители, люди, работающие в сферах промышленности и сельского хозяйства, государственные деятели и художники. Сегодня, когда размышляешь о Киргизии, в сознании возникают не только образы уникальной природы (высокий Тянь-Шань, снежно-синий Ала-Тоо, голубой Иссык-Куль), но и об-

[1] *Айтматов Ч.* В соавторстве с землею и водою… Очерки, статьи, беседы, интервью. Фрунзе : Кыргызстан, 1978. С.4.

[2] См., например: *Акаев А. А., Яковец Ю. В.* Научные основы стратегии становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 34.

[3] *Мосолова Л. М.* Борцам революции // Творчество. М., 1979. № 4.

разы культуры («Народ Манаса», «Айтматовский мир» и подобные им).

Сокровенная и общенациональная суть творчества Садыкова состоит в том, что в его портретных, станковых и особенно монументальных произведениях художественно-символически выражена вся история Киргизии, все вехи, доминанты, ценности и смыслы многовекового культурного развития целой нации. Ансамбли созданных им скульптурных текстов являются мощными символическими аккордами в культурном пространстве республики. Они дают возможность современному и будущим поколениям обрести историко-культурную память и гражданскую компетентность, вселяя в сердца людей чувство гордости за свое культурное достояние.

В наши дни Киргизия вошла в состав Евразийского союза, предоставляющего огромные возможности для экономической интеграции и активного развития национально-культурной самобытности[1]. Между Россией и Киргизией недавно был подписан договор стратегического масштаба, предполагающий интеграционное развитие не только экономики, военной сферы, но и новую диалогическую динамику в сфере художественной культуры, науки и образования. Запланировано перекрестное проведение Года культуры в России и Киргизии. Возможно, что на художественных выставках в Москве и Санкт-Петербурге российская общественность сможет познакомиться с личностями и творчеством мастеров Киргизии, образы которых персонифицируют уникальную национальную культуру.

С. Б. Никонова[2]

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Для современности определяющими стали ценностные ряды, выработанные западной культурой, которая проявила такую сущностную экспансивность, что стала возможной глобализация всего мира по западному образцу. Специфика западной культуры определена развитием критического мышления, антропоцентрической ориентацией, приоритетом рационального осмысления над иррациональными верованиями. Иногда утверждается, что для западного мышления свойственны механицизм и утилитаризм, но, скорее, эти черты следуют из общего рационально-критического порыва, как следуют из него и возрастающая значимость понятия свободы, и распространение принципа значимости человеческой личности. Развитие гуманитарного знания — такой же плод западной культуры, как и развитие знания естественно-научного, при этом ее прагматизм идет рука об руку с романтизмом. «Хищнический» характер западного мышления нельзя отрицать, но экспансия обусловлена не большей интенсивностью воли к власти, а бóльшими возможностями для ее осуществления, предоставляемыми критической рациональностью.

В итоге ситуация оказывается двойственной как с теоретической, так и с практической точки зрения. Распространяя свой критический способ мышления, Запад лишает мир возможности придерживаться старых метафизических ценностей и способов поведения, развенчивая их как невротические адаптации, иллюзии и заблуждения, принимаемые на веру без осмысления. Этим актом критическое мышление уравнивает традиции в правах, но в то же время и обесценивает их, благодаря чему они теперь могут сосуществовать. Также это означает утверждение превосходства ценностного ряда западной культуры над всеми другими. Только мышление, вышедшее на метауровень — к признанию равенства различных, — имеет приоритетное право на господство. Как политическое следствие возникает глобальная экспансия, бесконтрольное навязывание не только своих ценностей, но и своей реальной власти, претензия на абсолютную гегемонию, которая входит в противоречие с утверждаемым равенством.

Этическую противоречивость проекта европейской рациональности наглядно демонстрирует английский социолог З. Бауман. В работе «Актуальность Холокоста» он спорит с распространенным убеждением, что ужасы массового уничтожения этнических групп представляют собой следствие краха цивилизации и всплеск животного насилия, столь неглубоко скрытого под хрупким покровом культуры. Бауман напрямую связывает Холокост с развитием цивилизации и рациональности — в качестве их закономерного проявления, такого же, как рациональная организация труда, моральная ответственность гражданина и работника в условиях буржуазного государства и многое другое, что создается в процессе упорядочивания и оформления человеческого мира на рациональных основаниях. Холокост — это устранение «лишнего элемента», мешающего становлению идеального порядка, но устранение не агрессивное, яростное, каковыми были на протяжении истории регулярно повторяющиеся вспышки ненависти и акты геноцида, но планомерное и бюрократически скучное — что придает ему еще бóльшие ужас и масштаб. Об этом же свидетельствует и развитие в XX веке литературного жанра антиутопии, поскольку антиутопические конструкции описывают, по сути дела, то же, что и старые утопии. Только утопии верят

[1] См. об этом: Евразийская интеграция : сб. науч. тр. : ежегод. СПб. : СПбГУП, 2014. Вып. 1.

[2] Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, член Ученого совета СПбГУП. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (монография), коллективных монографий «Экологическая эстетика: проблемы и границы», «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия», учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др.

в то, что рациональность и упорядочивание приведут нас к идеалу, а антиутопии видят ужас того, что может произойти при утверждении действительно рационального порядка.

Бауман показывает, что тоталитарные системы — прямое следствие развития западной рациональности. Противоположностью их является либеральное общество. Либерализм подчеркивает право людей на свободное проявление себя, на утверждение своих различий. С точки зрения либерализма ни один элемент не может быть признан лишним, ни один не может быть уничтожен, все прекрасны в своем различии. Именно поэтому главной ценностью либерализма является толерантность — готовность к принятию другого в его различии. Для либерализма также существует некий «лишний» элемент, который должен быть устранен. Этот элемент — не-толерантность. Можно быть толерантным к кому угодно — но нельзя быть толерантным к нетолерантному. А значит, правом на существование в толерантной системе обладает только сам либерал. Этот сбой является сугубо логическим, но если на практике либеральная установка должна обеспечить каждому право на проявление особенностей, разрешить все, не подавлять и ни в чем не ограничивать никакие свободы, то в конечном счете любое проявление свободы окажется насилием по отношению ко всем остальным, а следовательно, любое проявление свободы должно быть запрещено.

О парадоксах либерализма в своей книге «Случайность, ирония и солидарность» рассуждает американский философ Р. Рорти. Он утверждает многообразие способов жизни, речевых практик и «словарей» мирооописания, которые, с его точки зрения, нужно воспринимать не как способы выражения истинного знания о мире или информирования, но только как способы приспособления к миру и друг к другу. Вслед за Ницше он полагает язык «подвижной армией метафор», утверждает художественное многообразие картин мира. Р. Рорти обнаруживает, что в рамках развития рациональности и попыток сформулировать единую систему морали, обладающую общими законами и критериями, которые позволили бы нам выстроить наиболее совершенное сообщество, никакого решения до сих пор найдено не было и, судя по всему, найдено быть не может. Наиболее обобщенная мораль, устраняющая любую жестокость и утверждающая свободу любого разумного существа в сообществе других разумных существ, ведет к максимальной степени ограничения свободы и к максимальной жестокости. Какие бы мы ни создавали правила, мы всегда будем противопоставлять рациональный порядок иррациональным «лишним элементам», а значит, на выходе, как бы мы ни старались быть гуманны, получим систему тоталитарного образца.

Чтобы преодолеть имеющееся противоречие, Рорти предлагает отказаться от построения общей системы морали и поиска выхода на путях рационального научного подхода. Именно в опоре на чувство, на индивидуальный опыт и частные ситуации Рорти видит шанс для развития либеральных ценностей, а не в установлении общего либерального закона для всех. В этическом действии он предлагает двигаться не от общего правила, касающегося всех людей или всех разумных существ, к частным случаям, а от частных случаев — к их распространению на все большее количество разнообразных существ. Рорти предлагает, по сути, антикантовский принцип морального поведения. Если Кант полагал необходимым опираться в своих действиях только на долг, но не на склонность, то Рорти обнаруживает в опоре на долг вопреки склонности скорее опасность, подтвержденную катастрофическими событиями последнего столетия. Как ни странно, опора на склонность оказывается надежнее в человеческих отношениях, несмотря на то, что многие склонности и страсти человека являются разрушительными для культурного порядка.

Можно предположить, что именно процесс цивилизации, подчинения правилам, подчинения традициям и законам, какими бы жестокими они ни были, воспитал в человеке нечто вроде морального чувства и долга. Процесс же подчинения долгу, рациональное и критическое осмысление своих действий и действий других позволили человеку осознать себя в отношении к другому и понять, что жестокость ужасна, даже если это жестокость ради соблюдения своих традиций и утверждения своей истины. И вот таким образом сперва выдрессированный законом, а после воспитанный и осознавший себя в качестве свободного субъекта человек оказывается наконец способным опереться на собственное чувство, поскольку оно является более гуманным, чем любые схемы и правила, которые теперь лишь ограничивают его внутренний порыв.

Как ни странно, в таком подходе, который предлагается теоретиком иронии, видящим противоречия и опасности неиронического отношения к либеральным ценностям, можно увидеть совпадение с позицией, которая некогда была сформулирована в христианском мировоззрении. Неслучайно современный итальянский философ Дж. Ваттимо в работе «После христианства» ссылается на принцип, сформулированный Августином Аврелием как закон благодати в граде Божием: *«ama et fac quod vis»* — «возлюби и тогда делай, что хочешь»[1]. Но возлюбить, обрести благодать, которая обретается не в итоге следования каким-либо правилам, но как уникальное событие веры, как чудо — вот что есть самое сложное, самое непредсказуемое и недоступное для формализации.

И тем не менее Ваттимо полагает, что развитие христианской культуры неуклонно ведет нас к царству благодати. Мало того, он полагает, что современные секуляризационные процессы, которые проявляются в отказе человека от рабского подчинения внеположному Богу-господину ради критического осмысления своих собственных моральных установок и действия на основании свободы — это истинная цель христианского проекта, истории спасения, начавшейся, когда дух снизошел к людям, устранив границу между человеческим миром и божественной трансценденцией. Ваттимо ссылается на философию истории средневекового богослова Иоахима Флорского, учившего о трех эпо-

[1] *Ваттимо Дж.* После христианства. М. : Три квадрата, 2007. С. 57.

хах отношения человека с Богом, которые мыслятся по аналогии с ликами Троицы: «Символы священных текстов говорят нам о том, что существуют три состояния мира. Первое состояние — то, когда нами правил закон; второе — это такое состояние, когда мы живем в благодати; третье состояние, которое скоро должно наступить, — это состояние, когда мы будем жить в еще большей благодати. Первое состояние прожито в рабстве, для второго характерно сыновнее послушание, знаком третьего станет свобода. Первое отмечено страхом, второе — верой, третье — любовью к ближнему. Первый период — это период рабов, второй — период сыновей, третий — это период друзей. Первое состояние восходит к Отцу, который является творцом всех вещей; второе принадлежит Сыну, снизошедшему до нашей мирской грязи; третье — Святому Духу, о котором Апостол говорит: „Там, где Дух Господа, там свобода »[1].

Таким образом, Ваттимо предполагает, что неустойчивое, противоречивое состояние, когда все старые ценности, подчинявшие нас строгому закону, оказываются отвергнутыми и забытыми, а новые законы, извлеченные из собственной рациональности, показывают свою жуткую сущность и приводят к катастрофам, дискредитируют себя и также отвергаются как жестокие, дает нам шанс (он подчеркивает: не гарантирует, но лишь дает шанс[2]) на переход к третьей эпохе — эпохе духа, или эпохе благодати.

К. С. Пигров[3]

ПРОЕКТНОСТЬ В ГОРИЗОНТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: МЕЖДУ НООСФЕРОЙ И ТЕХНОГЕНЕЗОМ[4]

Концепт проектности представлен в одной из наиболее развернутых дефиниций как присущий «…не только деятельности проектирования (как ее функциональный результат), но также языку, культуре, среде человеческого обитания… и всем вообще мыслимым, сознаваемым и предощущаемым возможным мирам. Проектность — это интенциональная, рефлексивно-коммуникативная реализация корневой устремленности жизни/деятельности человека и того осевого времени, в котором она, импульсируя, продвигается»[5]. Проектность (проектное мышление, бизнес-мышление, инженерное ви́дение мира по машинным образцам) предполагает техноморфность. От Ф. Бэкона, Р. Декарта, А. Сен-Симона, К. Маркса и до нашего времени нарастающее техническое господство человека над природой провозглашалось в качестве фундаментальной парадигмы, причем это господство само по себе предполагало оптимальное функционирование социума[6]. Великие умы XVII–XVIII веков полагали, что несчастья народов объясняются нехваткой материальных средств жизни. Люди злы, потому что они голодны — у них недостает соответствующего их потребностям жилища и одежды. Мол, если с помощью научно-технического прогресса всех накормить и одеть, обеспечить жилищем, то социальные конфликты будут преодолены. Однако реальное цивилизационное развитие показало утопичность таких надежд. Напротив, создание изощренной культуры технических средств, особенно в военном плане, привело народы к огромным жертвам. Этот тезис актуален сегодня потому, что в начале XXI века человечество снова выходит на уровень тотальной войны.

Человеческий мир как технический проект, мыслимый в рамках новоевропейского проективизма, предполагает три момента: 1) цели, имеющие в качестве ценностей специфический эвдемонизм («наибольшее счастье для наибольшего количества людей»); 2) средства реализации этих идей; 3) фактические результаты реализации. Сущность техники, воплощенного средства как такового, являет собой материальную реализацию проективистской парадигмы. Предполагается, что техника бытийствует *между* субъектом и объектом. В одном отношении техника является как *инобытие субъекта*, как наше второе «я», как «опредмеченные сущностные силы человека». Но в другом отношении она, претерпевая отчуждение, оказывается *объектом*, который может показаться равнодушным. Однако техносфера не нейтральна, но амбивалентна. «В самом злом плену у техники… мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу»[7]. Амбивалентное, промежуточное состояние техники между субъектом и объектом есть следствие того, что она осмысляется как функционирующее средство в системе «цель–средство–результат». Цель никогда не реализуется таким образом, как она была задумана. В средствах по причине их материальности, а стало быть, ак-

[1] *Ваттимо Дж.* Указ. соч. С. 38–39.

[2] Там же. С. 64.

[3] Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самодеятельного философствования», «Бытие и возраст. Монография в диалогах» и др. Член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

[4] Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-011-00798 «Инструментальные стратегии развития национального самосознания России: социально-философское исследование технологий скриптизации бытия».

[5] *Генисаретский О. И.* Преамбула о проектности // Архив ПРОМЕТА. URL: http://prometa.ru/projects/projectivity/0 (дата обращения: 02.12.2018).

[6] *Netopilik J.* Zur Subjekt-Objekt-Beziehung im Sozialismus // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1972. № 2.

[7] *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 221.

туальной бесконечности таятся не только те свойства, которые замышлял использовать инженер, но и *другие*, которые он в своем «проектном мышлении» предусмотреть не мог. Поэтому результаты, особенно при длительном использовании, оказываются не такими, как задумывалось. Техника всегда чревата непредсказуемым. Выступая как потаенный носитель Иного, техника, в сущности, оказывается «серой магией»[1]. Образ техники — Мефистофель, якобы «абсолютный слуга», появляется в «Фаусте» поначалу как собака — метафора абсолютной услужливости. Мефистофель готов исполнить любую прихоть человека. Но через эту услужливость эволюция техники угрожает захватить власть над человеком, который оказывается безответственным, если забывает о своей обязанности философской рефлексии.

А. Е. Ферсман осмысляет природную объективность технического прогресса в сциентистских терминах XX века как *техногенез*. Последний вовсе не сводится к послушному исполнению человеческих «заданий», но представляет собой тип минералообразования, порожденный в качестве эпифеномена хозяйственной деятельностью человека[2]. Вовсе не человек оказывается целью технического прогресса. Человек всего лишь *агент* в геологическом процессе эволюции земной коры.

Техногенез не единственное, что порождено мировой человеческой историей. Случился фундаментальный поворот в период между 800 и 200 годами до н. э. — возникло *осевое время*. Его суть — в утверждении *идеи ноосферы*. Ноосфера выступает как начало, комплементарное техногенезу, но диалектически единое с ним событие человеческой истории. Из существа, которое живет, чтобы есть, на этапе осевого времени человек превратился в существо, *которое ест*, *чтобы жить*, то есть *жить духовно*. Таким существом, несмотря на все отступления, неудачи и частичные поражения, он остается до сих пор. Вслед за Эдуардом Леруа и П. Тейяром де Шарденом В. И. Вернадский[3] обозначил *современный этап ноосферы*, который, по сути, способен противостоять геологической стихии техногенеза.

Перед разумным ликом ноосферы техногенез вовсе не отступает легко. Напротив, с развитием западной цивилизации его позиции усилились. Это выразилось в новоевропейской технике, где в XX–XXI веках усилился *момент риска*. По мере погружения в стихию техногенеза, по большей части неосознанного, техногенный риск возрастает. Нынешний этап развития предстает уже как тотальное «общество риска». Концепт научно-технического прогресса в целом — от Анри Сен-Симона до сегодняшней «третьей волны» (Э. Тоффлер) берется исключительно с позитивной стороны. По умолчанию предполагается, что технический прогресс состоит в том, что одна счастливая случайность будет сменять другую. Однако на самом деле происходит подспудное накопление ошибок. В частности, современный технический прогресс необратимо сползает от экологического кризиса к экологическим катастрофам. Люди создают экономические и научно-технические предприятия, не зная, как их потомки будут преодолевать последствия. В авантюрном мире западной цивилизации, где несчастные случаи имеют тенденцию накапливаться в непоправимое целое, господствуют иллюзии, что счастливый случай удачного технического решения всегда найдется.

Воля к технике, поступательно возрастающая в фаустовской цивилизации, есть не только отражение и рационализация стихии техногенеза, но и слепое стремление использовать технику как универсальное средство для решения человеческих проблем. Вообще говоря, такого рода интенции были в грандиозном проекте новоевропейской цивилизации, который изначально был намечен Ф. Бэконом и Р. Декартом, а потом развит и продолжает развиваться в Новейшее время гениальными инженерами, такими как Г. Форд, С. Королев, И. Курчатов, Р. Оппенгеймер, В. фон Браун, И. Маск и др.

Словом, техногенный проект западной цивилизации не оказался столь спасительным, каким он виделся на заре ее становления. Концепт проективизма в сознании народов, втянутых в ее эксцесс, воцарялся тем прочнее, чем менее осознавалась его суть. Настало время понять, что техногенез как процесс в сущности чужд априорным человеческим ценностям осевого времени. Однако стихия техногенеза до сих пор одерживает верх над аксиологией осевого времени, сияющей над бытием человечества как неподвижные звезды.

Стихия техногенеза оказалась ловушкой, ибо вернуться назад без мучительной переоценки ценностей уже нельзя. Ведь ясно, что современные 7,5 млрд человек на земном шаре не в состоянии добровольно отказаться от «приманок» технического прогресса. Проективные технологические парадигмы обещают не только удобства комфорта, оцениваемые гедонистически, но и являют собой стереотипы наших представлений о возможности *социального порядка*, пусть весьма относительного, однако вполне реального. Хрупкое «равновесие страха», обеспечиваемое в современном мире на основе военной техники и технически организованных институтов государственной безопасности, практически не имеет альтернативы. Если бы в мире вдруг исчезла техника вообще, и особенно военная техника, то мир погрузился бы в анархию. В своей якобы одухотворенности гуманистическими целями новоевропейская техника выступает как момент будто бы становящейся ноосферы. Напротив, в своих реальных результатах техника предстает как принадлежащая миру косного вещества — равнодушного к человеку техногенеза.

Будучи бессознательно захвачены парадигмой проективизма, носящего преимущественно техногенный характер, мы попали во власть могучего геологического процесса техногенеза, который пока оказывается сильнее ноосферы. Правда, поскольку мы прилагаем усилия осознать этот факт, то уже самой рефлек-

[1] *Булгаков С. Н.* Искусство и теургия (фрагмент) // Русская мысль. 1916. № 12. Вторая пагинация. С. 1–24.

[2] *Ферсман А. Е.* Геохимия : в 4 т. Л., 1934. Т. 2. С. 27.

[3] *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А. Л. Яншин ; предисл. А. Л. Яншина, Ф. Т. Яншиной. М. : Наука, 1991.

сией, изменяя самосознание, в определенной степени ограничиваем слепую стихию техногенеза. Преодоление стихийности техногенеза требует прежде всего интеллектуальных и нравственных усилий самосознания. Пока же, особенно в массовых представлениях, стихийно воспроизводятся прямо противоположные мировоззренческие установки, возникающие как бессознательная рефлексия техногенеза.

М. Е. Попов[1]

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Посттрадиционные социокультурные трансформации — это структурные изменения современности, вызванные необходимостью модернизации традиционных культур в процессе глобализации человеческой деятельности и перехода современного мира к целерациональности второго модерна. Рефлексивная (рационально-светская) модернизация как источник посттрадиционных трансформаций (У. Бек, Э. Гидденс) становится конфликтогенной в связи с реактивным сопротивлением неотрадиционализма: традиционалистские общества в новом глобализирующемся мире актуализируют культурный партикуляризм, воплощенный в ценностях этногрупповой безопасности и политического изоляционизма.

Э. Гидденс выделяет три магистральные оси посттрадиционных трансформаций в глобальном мире, определяющие структурные изменения культуры: глобализацию, детрадиционализацию и рефлексивизацию. По мнению Э. Гидденса, глобализацию не следует понимать только в экономических терминах: «Я определяю глобализацию как действие на расстоянии и соотношу ее интенсификацию за последние несколько лет с появлением средств мгновенной глобальной коммуникации и массового перемещения»; связанная с ней «детрадиционализация» вследствие исчезновения аксиологической «буферной зоны», отделяющей различные социокультурные локальности друг от друга, приводит к исчезновению возможности прямолинейного, «наивного» традиционализма, не задающегося вопросом о легитимации собственных положений[2].

Посттрадиционное гражданское общество не означает общество без каких-либо традиций; это общество вне тотальности классической традиции, в котором коллективные традиции становятся глобальными, меняя онтологический и ценностный статус. В контексте глобализирующегося, космополитического порядка традиции постоянно вступают в контакт друг с другом и принуждены „объявлять сами себя» (Э. Гидденс), «нерефлексивные» традиции не могут адекватно отвечать вызовам современности, сохраняться и защищаться прежними «традиционными» путями; там же, где это происходит, можно говорить о феномене фундаментализма и его следствиях — культурных конфликтах[3]. Традиция в посттрадиционном мире может оставаться действенной, если она рефлексивно легитимирована: по Э. Гидденсу, «рефлексивизация» — это субстанциальный признак всего проекта модерна, и до сих пор она была связана с рефлексивным принятием или отвержением устойчивых традиционалистских идентичностей (гендера, этничности, религиозности, идеологии). «Рефлективность» принуждает быстро меняющийся, текучий глобальный мир не только выбирать, но и рационально определять, что именно выбирается («целерациональный» выбор М. Вебера). С посттрадиционной рефлективностью связано исчезновение традиций в их классическом понимании как эссенциалистских условий локального культурогенеза.

Посттрадиционные трансформации как фактор социокультурных взаимодействий изменяют традиционалистское содержание культурных идентичностей (в традиционной иерархической оппозиции «мы–они») посредством ценностной гомогенизации (универсализации) на основе принципов транснациональной интеграции. В этой ситуации изменение иерархии традиционных ценностей и призыв к унификации коллективных идентичностей в процессе постмодернизации и глобализации становятся факторами конфликтной мобилизации и традиционалистского сопротивления. Сосуществование в посттрадиционной культуре разных мировоззрений и ценностей не приводит к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к культурному диалогу и интеграции; однако когда гомогенизация (унификация) культурных различий воспринимается как посягательство на традиционную иерархичность и автономность идентичностей, а также декларируется в качестве вызова и угрозы групповой безопасности, возникают затяжные культурные конфликты.

Специфика посттрадиционных мировоззренческих противоречий заключается в том, что они протекают на фоне ценностных трансформаций «человеческих множественностей» посредством универсализации новых идей глобального человечества и глобального гражданского общества. Идентификационные кризисы, завершение проекта первого «национального» модерна, становление второго «космополитического», «постметафизического» модерна требуют глубокой рефлек-

[1] Профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор 160 научных публикаций, в т. ч.: «Конфликты идентичностей и социокультурная интеграция в современной России», «Социокультурная интеграция как способ разрешения конфликтов идентичностей в современной России», «Роль социокультурной интеграции в урегулировании конфликтов (на примере Северного Кавказа)», «Социокультурная интеграция, гражданская идентичность и проблемы разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе» и др.

[2] См.: *Новицкий В*. Anthony Giddens. Beyond Left and Right // Топос. 2007. № 2 (16). С. 129.

[3] *Новицкий В*. Указ. соч. С. 129.

сии и критического переосмысления ранее гомогенных традиционалистских идентичностей. «Национальный модерн, ориентированный на фиксацию однородности, предельно умалял образующую идентичность силу межнационального, межэтнического, межрелигиозного диалога — силу, часто мучительную и парадоксальную, диалогической фантазии. Именно эту силу проверяет и учреждает космополитический взгляд. …Тесное сближение чужих идентичностей является неисчерпаемым источником креативности и конфликтов. Без испытания способов урегулирования транснациональных конфликтов в центре национально-государственных, политических и корпоративных организаций может возникнуть угроза предстоящей нам фазы появления рефлексов ренационализации или вступления в постполитическую эру высокой технократии»[1].

Культурно-идентификационные трансформации традиционализма генетически связаны с поиском новых глобальных смыслов развития человеческой цивилизации в новом тысячелетии. Глобальные проблемы современности порождают соответствующие реакции на них в виде формирования и легитимации как глобальных институтов управления и наднациональных идентичностей, легитимирующих эти институты, так и новых социокультурных конфликтов.

В современном обществе конструирование метакультурной идентичности как способа преодоления идентификационных конфликтов кристаллизуется вокруг региональных и глобальных, транснациональных институтов легитимного господства, в образе которых «глобальное гражданское общество» идентифицирует себя как макроколлективного актора, тем самым растут интеграция и солидарность государств — членов нового глобального миропорядка. Этот подход в исследованиях посттрадиционности связан с политико-аксиологической методологией глобального «космополитического реализма» (У. Бек, Ю. Хабермас). По мнению Ю. Хабермаса, «главное значение имеет уже не самоутверждение коллектива вовне, а сохранение либерального порядка внутри. Так как идентификация с государством трансформируется в ориентацию на конституцию, универсалистские принципы конституции обретают известное преимущество перед партикулярным, ограниченным контекстом национальной истории конкретного государства. Этот отход от восприятия государства как центра и переориентация на конституцию и дают возможность проявиться (еще в национально-государственных рамках) структуре первоначально абстрактной и юридически опосредованной „солидарности среди чужих“. А эта структура, несомненно, способствует транснациональному расширению государственной солидарности»[2].

Посттрадиционная транснационализация может открывать пути для преодоления конфликтов, связанных с политическими, социальными, этническими, религиозными проблемами трансформирующихся обществ. По мнению У. Бека, «национальное оживление политики достижимо только через денационализацию. Существует внутренняя связь между утратой национального суверенитета и приростом транснационального суверенитета, то есть вновь обретенная возможность развития национального суверенитета на пути кооперации, если под этим понимать решение национальных вопросов проблемно-ориентированной политики. …Необходим некий New deal, который по-новому сбалансирует власть политики и экономики и вынудит международный капитал принять иные правила культурного и политического ангажемента, а также транснациональные государства, возрожденные в форме кооперативных государств. Если это не удастся, то нам угрожает осуществление в той или иной форме модернизированной, неофашистской агрессии и дегуманизации. Но именно от этого могут защитить возникшие в „среде благоденствия“ свободные культуры солидарного индивидуализма. Образу упадка, который бродит по Европе вместе с призраком неолиберализма, до сих не противопоставлена напрашивающаяся альтернатива транснационального обновления демократии, социальной справедливости и безопасности, а также экологического мышления и действий за пределами национально-государственной исключительности. Транснационализация предполагает космополитическую открытость общества»[3].

В современном мире полиэтничность может становиться вызовом посттрадиционным обществам, сталкивающимся с мультикультурным проникновением как результатом роста географической мобильности. «Мы являемся, — пишет Дж. Де-Вос, — свидетелями революции в социальной и культурной историографии. Современные этнические меньшинства очень хотят быть услышанными»[4]. Безопасность посттрадиционных обществ, включенных в систему глобального миропорядка и ориентированных на утверждение в качестве приоритетных ценностей прав и свобод человека, гражданского общества и либеральной демократии, становится фактором противодействия политическому радикализму.

В настоящее время глобальная безопасность при продвижении трансформирующихся обществ к либеральной демократии представляет собой одну из наиболее острых социально-политических проблем: традиционализм не готов развивать единственно возможную в полиэтническом сообществе форму национальной идеи, которая не является конфликтогенной и деструктивной для всех его членов, — «гражданский постнационализм» на основе добровольно принятой надэтнической идентичности и метакультурной солидарности.

[1] *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 77–78.

[2] *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008. С. 72–73.

[3] *Бек У.* Указ. соч. С. 241, 264–265.

[4] *Де-Вос Дж.* Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001. С. 230.

В. Ш. Сабиров[1]

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

При упоминании об информационных войнах чаще всего возникает ассоциация с противостоянием геополитических противников. Однако многие страны пережили в прошлом и переживают сейчас свои внутренние информационные войны, которые предшествовали, сопровождали или сопровождают гражданские. К сожалению, на этот вариант информационных войн почему-то не обращают должного внимания философы и ученые-гуманитарии. Между тем современный человек, живущий в условиях информационного общества, при наличии Интернета, социальных сетей, мобильной связи и других средств массовой коммуникации оказывается под мощным воздействием потоков информации, наполненных определенными ценностными установками, смыслами и идеями, отвечающими интересам разных социальных, этнических, религиозно-конфессиональных и прочих групп. Однако большинство пользователей современных средств массовой коммуникации не являются просто пассивными потребителями идеологически разнородно окрашенной информации, а активно реагируют на нее, доброжелательно или, напротив, враждебно. Порой в Интернете разворачиваются нешуточные баталии вокруг тех или иных проблем. Так что термин «информационные гражданские войны» лишен каких-либо натяжек, не может трактоваться как некая метафора или аллегория.

Как в былые времена, так и сейчас гражданские войны сопровождаются разными способами информационного воздействия на политических противников. Если иметь в виду современные западные страны, информационные гражданские войны в них периодически полыхают с разной степенью интенсивности и остроты. Наиболее ярко эта ситуация проявляется в США, где в ноябре 2016 года президентом страны был избран Д. Трамп, вокруг которого во время избирательной кампании велись и, самое главное, после его инаугурации продолжаются яростные словесные баталии, приводящие к громким политическим скандалам, отставкам высокопоставленных государственных чиновников из команды президента, а угроза его импичмента все еще не снята с повестки дня.

В связи с этим уместно задаться вопросом: почему в стране, бывшей долгое время эталоном демократии и высокой политической культуры, столь радикально поменялись политические нравы и этология высших элитарных слоев общества? Почему информационная война в данной стране приобрела характер настоящей гражданской бойни, затрагивающей интересы многих слоев населения? Наконец, неизбежно возникает вопрос о том, каковы последствия данной информационной гражданской войны? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо углубиться (хотя бы эскизно) в историю США и попытаться найти некие узловые пункты политических и экономических событий, из которых, собственно говоря, и возникли вышеотмеченные явления.

Гражданская война в США 1861–1865 годов официальной пропагандой в США и в советской историографии чаще всего подавалась как борьба демократического Севера с рабовладельческим Югом. Сошлемся здесь на современного исследователя, публициста и известного блогера Владимира Можегова, опровергающего данные представления: «Современному массовому сознанию, воспитанному американским кинематографом, Гражданская война представляется битвой прогрессивных людей Севера с темным и мрачным рабовладельческим Югом за отмену рабства. Ничем подобным Гражданская война, разумеется, не была… Разница между подходами Севера и Юга к проблеме рабства была разницей между традиционным, патриархальным миром и модернистским миром перманентной революции. В этом и была суть конфликта. Американская Гражданская война была прежде всего войной цивилизаций, войной между промышленной, революционно-демократической цивилизацией Севера и патриархальной, аристократическо-помещичьей цивилизацией Юга. …Конфликт, как видим, был историческим и неизбежным»[2]. В современном идейном противостоянии в США белая и черная расы занимают один из важнейших фронтов информационной войны, где выходцы с Африканского континента представляют цветное меньшинство, ныне всячески опекаемое и хорошо защищенное либеральной прессой и их покровителями в соответствующих властных структурах. В настоящее время белое большинство является объектом нападок со стороны прессы за малейшее проявление расизма, а значительная часть белого населения не без влияния пропаганды глубоко поражена комплексом социальной вины за рабство черных и покорно переносит это противоестественное состояние рабства уже совсем другого рода.

Еще один фронт информационной гражданской войны в США развернут на гендерной основе. Можно с уверенностью утверждать, что современные США — страна победившего феминизма. Эта констатация была бы голословной, если бы в законодательстве многих штатов не только не было норм, несущих карательные санкции за малейшее проявление сексизма со стороны мужчин, но и они не применялись бы широко на практике, не были бы выписаны многочисленные штрафы за мнимые или действительные «домогательства» мужчин к теперь действительно ставшему всесильным женскому полу. Защита прав сексуальных меньшинств

[1] Заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 160 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский: две философемы смысла жизни», «Основы философии» (в соавт.), «Стереотипы философского знания» (в соавт.), «Изучение этоса как социокультурная и этикоправовая проблема эпохи информационных войн», «Живая историософия Ф. А. Степуна» (в соавт.), «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» (в соавт.) и др.

[2] *Можегов В.* По силам ли будет миру пережить этот опыт? // Взгляд : деловая газета. URL: http://vzglyad.ru/V.Mogegov/ (дата обращения: 14.05.2017).

относится сюда же. В художественной литературе, кинематографе, театральных постановках приоритет отдается фабулам, посвященным жизни и страданиям сексуальных меньшинств, а защитники традиционных семейных отношений вынуждены взвешивать каждое слово в публичных выступлениях, чтобы, не дай бог, не проявить неуважения к людям нетрадиционной ориентации, в угоду которых из соображений политкорректности чудовищным изменениям подвергается языковая лексика (родитель № 1 и родитель № 2 вместо папы и мамы), места общего пользования оборудуются специальными кабинками для трансгендеров и т. д.

Чем закончится эта информационная война на внутренних фронтах гражданского противостояния в США, пока не совсем ясно. Однако поскольку попытки Д. Трампа и его команды переломить ситуацию в свою пользу пока не увенчались успехом, несмотря на то, что их политика ведется в интересах большинства населения страны, можно предположить, что внутреннее напряжение и противостояние разных социальных групп в ближайшие годы в США будут только нарастать, что чревато социальным взрывом с катастрофическими последствиями не только для этой страны, но и всего мира.

Информационная гражданская война, несомненно, имеет место быть и в современной России. Ее истоки тоже уходят корнями в историю нашей страны и так или иначе связаны с проблемой взаимоотношений между Россией и Западом (сначала с европейскими странами, а затем вкупе с ними и с США). Одним из первых проявлений информационной гражданской войны в России можно считать знаменитую переписку между царем Иоанном Грозным и Андреем Курбским — бывшим его приближенным, ярославским князем, перешедшим на сторону Великого княжества Литовского. Следующим важным этапом информационной гражданской войны на Руси были реформы патриарха Никона, приведшие к церковному расколу в стране и имевшие далеко идущие последствия. В частности, исторический парадокс заключается в том, что старообрядцы, ратовавшие не только за чистоту веры, но и за сохранение национальных традиций, материально поддерживали леворадикальные движения, в конечном счете не только свергнувшие ненавистную им власть, но и уничтожившие те самые традиции и веру, за которые они так неистово боролись. Разумеется, главным этапом явного или скрытого гражданского противостояния в России, сопровождаемого соответствующими пропагандистскими акциями, были реформы Петра Великого и последующие за ними события. Через сотню лет после смерти первого российского императора стало формироваться идейное противостояние между западниками и славянофилами — двумя крылами русской интеллигенции. «Герцен говорил о западниках и славянофилах того времени: „У нас была одна любовь, но не одинаковая“. Он назвал их „двуликим Янусом“. И те и другие любили свободу. И те и другие любили Россию, славянофилы, как мать, западники, как дитя. Дети и внуки славянофилов и западников уже разойдутся настолько, что не смогут спорить в одном салоне. Второе и третье поколения западников и славянофилов все дальше отходили друг от друга, превращаясь из идейных оппонентов в откровенных политических и личных врагов. В этой борьбе перевес оказался на стороне западников, чьи идеи проникли в народные массы, утомленные Первой мировой войной. Г. П. Федотов писал: «К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои»[1].

Хрущевская оттепель породила новый этап противостояния в среде интеллигенции: возникло диссидентское движение, откровенно западническое и подкармливаемое Западом. Появились новые формы идеологического воздействия на умы людей в виде самиздата, которые, несомненно, оказали свое разрушительное воздействие на многие шаткие умы среди интеллектуалов и, главное, правящей партийной верхушки. Горбачевская перестройка явилась апофеозом этой тенденции.

В настоящее время в нашей стране наблюдается чрезвычайно интересная ситуация в области внутренней информационной войны. Складывается впечатление, что она ведется между лжепатриотами и фальшивыми либералами, которые на словах уничтожают друг друга, а в перерывах между страстными словесными баталиями в кулуарах или на досуге мирно общаются друг с другом. Эта ситуация прекрасно отображена в нашумевшем сериале «Спящие». В действительности морально поддерживаемые и хорошо оплачиваемые глобалистски ориентированными политическими кругами и их экономическими спонсорами современные отечественные СМИ не столько изображают борьбу политических и идейных противников, сколько пытаются разобщать, развращать и деморализовать широкие народные массы. В результате мы видим противоестественную картину, когда «патриоты России» воюют друг с другом на донбасской земле: одни — за ополченцев ДНР и ЛНР, а другие — в рядах украинских добровольческих батальонов. Ситуация в этом регионе бывшей большой России убедительно показывает, что информационная война, ведущаяся между якобы разными идейно и политически ориентированными противниками, в действительности оборачивается гражданской войной между оболваненными или запуганными людьми фактически одной крови и судьбы.

[1] *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Грехи и судьба России : в 2 т. СПб. : София, 1991. Т. 1. С. 99.

Т. Б. Сиднева[1]

ЧЕЛОВЕК И БУДУЩЕЕ ИСКУССТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Сегодня нет необходимости доказывать силу влияния искусства на интеллектуальное, эмоциональное, нравственное становление и развитие человека. Напротив, глобальный мир открывает очевидность того, что искусство — во всем многообразии культурно-исторических типов, континентальных и национальных традиций, высоких образцов и низовой продукции — тотально завладевает пространством жизни. Человек оказывается под воздействием беспрецедентно мощного художественного и квазихудожественного потока, он вовлечен в «игры без правил», не дающие четких ориентиров в различении границ подлинного и неподлинного, допустимого и недопустимого, приемлемого и неприемлемого в искусстве.

Глобальные масштабы и стремительные темпы радикальных изменений, характерные для современной эпохи, с особой остротой ставят вопрос о перспективах и прогнозах развития художественной культуры. Проблема будущего искусства, вовлеченного в геополитические, экономические, философские, психологические процессы жизни, сегодня принципиально неотделима от обсуждения перспектив существования государства и мировой цивилизации в целом.

Каким представляется будущее искусства? Не являемся ли мы свидетелями исчезновения искусства как гуманитарного феномена и замены его иными культурными формами? Или, напротив, учитывая сверхвозможности, которыми дигитальная цивилизация наделяет художественное творчество, «не является ли вся тысячелетняя история искусства только лишь тренировкой перед величественными творениями будущего?»[2]. Наконец, возможны ли в ситуации беспрецедентной подвижности и множественности стилей, жанров, языков искусства какие-либо прогнозы о путях его развития?

Проблема будущего искусства не потеряла своей актуальности на протяжении всей истории культуры. Она неизменно находится в поле зрения всех, кто размышляет об искусстве, — и оптимистов, полагающих панэстетизм знаменем грядущего творчества, и скептиков, предрекающих саморазрушение и исчезновение искусства. В бесконечном ряду рефлексий о ближайших и отдаленных перспективах художественного творчества — Платон и Леонардо; Гегель, заявивший о перспективах самоисчерпания искусства, и Вагнер с его идеей Gesamtkunstwerk (произведения искусства будущего); русские символисты, одержимые стремлением к превращению искусства в теургию, и футуристы, бредившие прорывом к грядущему; постмодернисты, предрекавшие растворение искусства в циркуляции образов, а также преуспевшие в радикальном пересмотре фундаментальных основ художественного опыта. В обсуждение будущего искусства в равной степени вовлечены художники и философы, психологи и социологи, политики и экономисты.

Искусство как средоточие творческой свободы, «езда в незнаемое» (В. Маяковский), фокусирует в себе стихийность и индетерминизм. Непредсказуемость в искусстве неотделима от общих законов жизненного процесса, это «одновременно и следствие и причина непредсказуемости в жизни»[3]. Символичными в связи с этим стали последний афоризм «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна («О чем невозможно говорить, о том следует молчать») и выразительный «жест» композитора Д. Лигети, промолчавшего в отведенный регламент времени свой доклад «Будущее музыки» (1961). К концу XX века констатация «конца» искусства становится все более категоричной: по утверждению Ж. Бодрийяра, оно «растворилось в общей эстетизации повседневной жизни»[4], Б. Гройс пишет об «исчезновении искусства как гуманитарного феномена», А. Мигунов констатирует «ревизию онтологических оснований» искусства.

Вместе с тем наряду с очевидными фактами и авторитетными суждениями, отрицающими возможность предвидения и ограничивающими какое-либо прогнозирование, существует отчетливое желание понять, «что нас ждет впереди и куда мы идем», и стремление увидеть контуры будущего. Логика истории свидетельствует о том, что нет более плодотворного способа заглянуть в будущее, чем через опыт прошлого и настоящего. Именно пройденный путь позволяет уловить некоторые закономерности дальнейшего развития.

В контексте размышлений о перспективах искусства представляет интерес статья Д. С. Лихачева «Будущее литературы как предмет изучения»[5]. Написанное полвека назад в определенной социокультурной ситуации, это исследование сегодня не только не потеряло научного значения, но и остается важным примером изучения перспектив художественного опыта. Даже осознавая масштабы пройденного искусством пути за пятьдесят лет, можно со всей очевидностью обнаружить непреходящую актуальность размышлений выдающегося ученого. Оставляя в стороне вопрос о прогрессе вообще и художественном прогрессе в частности, Д. С. Лихачев обращается к выявлению тех линий, по которым литература совершенствует и расширяет свои «художественные возможности». Выстраивание перспектив искусства, представленное в статье, являет

---

[1] Проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика»; статей: «Метакомпаративистика как музыка» (в соавт.), «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Граница-изоляция и граница-диалог в становлении глобальной музыкальной культуры», «Взгляд со стороны: о границах понимания инонациональных художественных традиций в современной культуре» и др. Член Союза композиторов РФ, Российского философского общества. Награждена почетным знаком «За достижения в культуре».

[2] *Прайд В., Кокина Е.* Эстетика будущего // Discovery. 2009. № 5. С. 92–97.

[3] *Прайд В., Кокина Е.* Указ. соч. С. 69.

[4] *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2006. С. 20.

[5] *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему. Статьи и очерки. М. : Наука, 1985. С. 168–202.

собой образец исследовательской мудрости и точности в решении сложнейшей проблемы.

Исходным для Д. С. Лихачева стал тезис: «Художник творит в пределах тех возможностей, которые перед ним открывают эпоха и окружающее его искусство»[1]. Это обстоятельство порождает взаимозависимость горизонтов будущего в искусстве и действительности. Однако связь эта нелинейна: увеличение возможностей не упрощает, а усложняет положение художника, поскольку, как утверждал ученый, это повышает требования к таланту и гению. Ставший хрестоматийным, этот тезис для современной культуры имеет особое значение. В арсенале искусства прочно утвердились информационно-коммуникационные технологии, которые позволили обнаружить колоссальные возможности для креативного опыта, демонстрирующего безграничный спектр экспериментов с цветом, звуком, формой.

Однако доступность современных технологий возросла не пропорционально увеличению художественных ценностей. Напротив, она усложняет поиск оригинального высказывания, что и прогнозировал Д. С. Лихачев. Более того, увлеченность новыми материалами и владение современными техниками нередко затмевают поиск оригинальной художественной идеи, а подчас и скрывают ее отсутствие. В сложившейся культурной ситуации таланту не только труднее проявить себя. Еще сложнее его «разглядеть», поскольку виртуозное владение техническими эффектами не дает ориентиров в различении подлинной ценности и ее имитации.

Характерно, что Д. С. Лихачев для изучения проблемы «будущего литературы» обращается преимущественно к прошлому — фольклору, древнерусской литературе и искусству Нового времени. Эта ретроспектива позволила ему обосновать постепенное возрастание зависимости поисков новых форм от всего многовекового опыта литературы. В проекции на современную эпоху идеи ученого не только позволяют описать перспективы будущего искусства. Масштаб выявленных Д. С. Лихачевым факторов заключается в прогнозировании тех ключевых задач, которые стоят сегодня перед художником.

Одним из прогностически важнейших тезисов Д. С. Лихачева является утверждение о необходимости расширения мирового опыта при сохранении национальных особенностей искусства. Ученый убежден, что в будущем «национальное своеобразие каждой литературы <…> должно стать ценностью мирового порядка, стать опытом всех литератур, войти в мировые исторические традиции»[2]. В этом контексте необходимым фактором поступательного развития искусства ученый полагает «расширение и углубление читательского восприятия литературного произведения»[3], возрастание творческой энергии личности, постигающей искусство.

Любой опыт прогнозирования демонстрирует невозможность однозначного предвидения будущего. Эпоха глобализации отличается повышенной непредсказуемостью и по многим параметрам соответствует лотмановскому определению «взрывных динамических процессов» в культуре. Искусство, казалось бы, опровергает многовековые традиции, разрушая фундаментальные основания художественного творчества и размывая границы допустимого и приемлемого.

В то же время, меняя формы и типы коммуникации, разрушая привычные представления о художественном опыте, современное искусство наращивает мощные защитные механизмы. Создается культурная среда, противостоящая хаосу и энтропии. Об этом свидетельствуют практически ежедневно возникающие новые художественно-образовательные сайты, виртуальные коллекции музеев и фонды электронных библиотек в Интернете, онлайн-трансляции фестивалей, конкурсов, спектаклей. В этом позитивном ряду — совместные национальные и международные проекты и акции (проекты 2019 г. — Год театра, Год музыки России и Великобритании, ежегодный Санкт-Петербургский культурный форум, Московский пасхальный фестиваль, московский фестиваль «Другое пространство», проект Ю. Башмета «Всероссийский юношеский симфонический оркестр» и др.).

Таким образом, размышляя о перспективах искусства в жизненном пространстве человека, необходимо осознать, что будущее художественного творчества безгранично и ограничено одновременно. Эпоха глобальных перемен, усложняя возможность распознавания ценного и перспективного в искусстве, в то же время подтверждает, что «завтрашний день продолжит не только сегодняшний, но и вчерашний, и те дни, что были давно»[4]. И нет другого продуктивного пути в будущее — только память о предшествующем опыте.

[1] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 168.

[2] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 195.

[3] Там же. С. 200.

[4] Там же. С. 202.

М. В. Силантьева[1]

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Одной из наиболее обсуждаемых тем, связанных с проблемой человека в глобальном мире, является вопрос о специфике информационных технологий, их влиянии на человека и общество. В числе наиболее дискуссионных — вопрос о сетевой коммуникации, то есть о специфике отношений между людьми, строящихся «изнутри» и «вокруг» Сети. Подобное поведение связано со специфическими явлениями, которые сегодня мы можем распознать как риски реализации сетевой идентичности: иллюзией неуязвимости, негативной стереотипизацией других, игнорированием негативной информации, давлением на несогласных и т. д.

Во многих теоретических моделях, описывающих такую коммуникацию, имплицитно предполагается, что сетевое взаимодействие активно влияет на социокультурную идентификацию вступающих в коммуникацию индивидов и групп. Соответственно, рассуждать об идентификационных процессах в связи с этим уместно и даже необходимо. Считается, что сам факт коммуникации неизбежно расставляет специфические акценты в становлении «сетевой идентичности»[2] — феномене, раскрывающем суть самоинтерпретации субъектов, вступающих в сетевую коммуникацию. С таких позиций обычно исследуются те или иные профессиональные сообщества («ученые», «филателисты»); различные лингвокультуры («французы», «испанцы»), а также феномены, связанные с *межкультурной коммуникацией* на платформах сетевых сообществ.

Тема сетевой идентичности, особенно в контексте футурологии, увлекла не только специалистов. Ею заинтересовались также представители творческих профессий, не обошла она стороной и массовое сознание, достаточно вспомнить резонансный фильм Джеймса Понсольдта «Сфера» (2017). В последнем случае одной из специфических черт, привлекающей наибольшее внимание, выступает феномен «прозрачности», характеризующий наиболее «жесткие» модели «сетевого общества» будущего. Так, согласно концепции прозрачного общества американского писателя-фантаста и футуролога Дэвида Брина, повышение степени доступности средств коммуникации и наблюдения, а также способов обработки и хранения информационных данных ставит вопрос о «пределах человеческого» как приватного. «Дорога к открытости» пролегает через интенсификацию потоков информирования людей друг о друге (потенциально — каждого о каждом), что, в частности, позволяет производить «обратное наблюдение», то есть наблюдать за наблюдателями, минимизируя возможность злоупотребления информацией[3]. Согласно Брину, приватность в «прозрачном обществе» не разрушается. Напротив, она поддерживается за счет информационных противотоков: публичное пространство (например, ресторан) дает массу возможностей подслушивать и подглядывать, однако страх всеобщего осуждения в силу невозможности скрыть сами акты подглядывания и подслушивания исключает массовые злоупотребления. Политические проекции открытости выводят к концепции гражданской транспарентности, основанной на внедрении информационных технологий в публичное пространство. Уже сегодня существуют не только добровольные формы прозрачности (о которых ведут речь Лиотар и Брин), но и навязанные извне формы контроля, такие, например, как отслеживание по лицам перемещений в рамках городских, производственных и общественных пространств.

Если посмотреть на мир глазами обывателя, то описанная выше девальвация приватности опирается на внешнее наблюдение, действительно ставшее сегодня нормой повседневности в общественном (гипермаркеты, транспорт, людные улицы) и частном (радио- и видеоняни) пространствах. Вместе с тем к настоящему времени отчетливо определился вектор общественного стремления к демонстрации деталей своей приватной жизни в социальных сетях. По сути, речь идет о трансляции повседневной жизни конкретного человека. Примером может служить популярный в Китае мессенджер WeChat, который объединяет в себе задачи средства коммуникации и основную платежную систему, прозрачную в том числе для контроля со стороны государства. Миф о прозрачном обществе, таким образом, имеет массовое, технически продвинутое и в этом смысле совсем не виртуальное обеспечение. Тем не менее, вопреки прогнозам «Сферы», до воплощения мечты о тотальном контроле граждан все еще далеко.

Между тем точечный дискомфорт из-за повышенной прозрачности частной жизни можно ощущать уже сегодня. О таком дискомфорте не понаслышке знают публичные персоны, причем их количество в наши дни стремительно растет. Если раньше это были политики, известные в своей области специалисты, люди искусства, то сегодня (в том числе благодаря «раскрутке» и блогингу) оформился новый общественный кластер так называемых селебрети — блогеров, моделей и других людей, известных только тем, что они известны (например, благодаря участию в медийных проек-

---

[1] Заведующая кафедрой философии им. А. Ф. Шишкина МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Идентичность как коммуникативный проект: „Новые мифологии“ в пространстве современной культуры», «Межкультурная коммуникация в действии», «Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ», «Коммуникация как способ трансляции интернационального опыта локальных культур», «„Другой“ в горизонте свободы (попытка диалога сквозь тусклое стекло стереотипов)», «Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект», «Николай Бердяев о „духах революции“: историко-этические параллели» и др. Член Российского философского общества.

[2] *Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю.* Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 66–83.

[3] *Brin D.* The Transparent Society: Will Technology Force Us to Choose Between Privacy and Freedom? Paperback. N. Y. : Perseus Books, 1996. P. 278–330.

тах, сознательно эпатажного и даже скандального образа жизни и т. д.). Модных блогеров слушают десятки тысяч молодых людей, их открытость предоставляет возможность заработать авторитет (в том числе политический) и/или деньги. В то же время работа с молодежной аудиторией с ее склонностью к подражанию (при высоком уровне психологической диффузности) делает прозрачность медийных персонажей не только ходовым товаром, но и предметом зависти и подражательных действий их аудитории. Возможно, не за горами то время, когда конструирование сетевой идентичности станет профессией, как пиар или «продажа личностей» на черном рынке медийных услуг.

При этом надо понимать: технологии «раскрутки» в Интернете имеют свои естественные границы. Сугубо установочные, не подкрепленные реальными достоинствами проекты здесь могут иметь не одну жизнь, однако и они не вечны. Таким образом, философско-культурологические исследования проблемы лжи в Интернете скоро могут оказаться среди наиболее остро востребованных проблем безопасности, подобно тому, как проблемой безопасности стало сегодня следствие такой лжи — фейковые новости.

Тема обмана в Интернете и подобные ей востребованы в наши дни не только из-за угрозы информационных и гибридных войн. Размывание сетевой идентичности, тенденция ее перерастания в глобальную идентичность наряду с ростом прозрачности вызывают глубинные антропологические изменения. Так, говоря о прозрачности, мы все чаще имеем в виду не личность, а индивидуальность, то есть рассматриваем человека в смысле безликой партикулярности (частичности); подразумеваем человека, *регулярно* переживающего себя как *часть целого* (толпы, массы). Фактически имеет место легитимация человека толпы.

Глобальная сеть, выстраивая коммуникацию по определенной технологической схеме, вырабатывает сходные маркеры сетевого поведения, которые способны полностью нивелировать «обособленность» классических типов (национальную, культурную и пр.): сетевая идентичность легко переключается на заместительные типы референтных групп. Впрочем, их рокировка не позволяет закрепить ни одну из них в качестве базовой. В то же время Сеть не стоит демонизировать: она есть порождение человека и выражает его долгосрочные ориентации, среди которых (возможно, к счастью) есть полярные. Сетевой этикет и даже сетевая мораль не могут полностью исключить из реального (а не виртуального) общения несетевые формы поведения. Насколько им удастся доминировать в новых условиях — вопрос, требующий дополнительного изучения.

Н. В. Синявина[1]

ДИХОТОМИЯ «ДОБРО–ЗЛО» И «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Отнесение той или иной культуры к определенному типу коррелирует со специфическим только для него концептуальным строем сознания, модальность которого детерминирована совокупностью глубинных инвариантных представлений о человеческом бытии и исторически изменчивых форм и моделей социокультурного поведения, хранения и передачи межпоколенного опыта, ценностных систем.

Структура русской культуры бинарна. В этой ее особенности можно увидеть и положительный, и отрицательный моменты, поскольку, с одной стороны, разнообразие полюсов, оппозиций дает возможность приспосабливаться к меняющимся социокультурным условиям в короткие сроки, с другой — наличие лишь крайностей приводит иногда к трагическим для общества последствиям. Для бинарной системы характерно перманентное столкновение противоположностей, что продуцирует в ней маятниковый процесс, в рамках которого происходит смена картины мира с пересмотром всей ценностно-смысловой системы (язычество–христианство, государственность–анархия, богоискательство–атеизм, диалогизм–монологизм и пр.).

Структура культуры детерминирует особенности протекания динамических процессов. Так, тернарная структура предполагает неравномерное распределение компонентов. При наличии на поверхности актуального историко-культурного контекста эксплицитной дихотомии, формирующей смысловое и проблемное поле, выступающей предметом рефлексии и современников, и потомков, в иных культурных пластах всегда наличествует третий компонент, пребывающий первоначально в стохастическом состоянии. По мере усиления конфликта между первыми двумя антиномическими элементами третий может примыкать к одному из них, доминирующему в данной социокультурной ситуации. В момент наступления кризиса, который характеризуется невозможностью воспроизводить существующую социокультурную модель, третий компонент, уже достаточно оформившийся, может совершить перемещение из периферийных пластов культуры к центру и стать смыслообразующим элементом, продуцируя новый историко-культурный контекст. Таким

[1] Доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры, кандидат культурологии. Автор около 50 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «История русской культуры: учеб. пособие», «Дихотомия „свой–чужой“ в контексте культурного диалога метрополии и диаспоры», «Когерентность авангарда и соцреализма в контексте советской культуры 1920-х гг.», «Концепт как культурфилософская категория», «Культура как саморазвивающаяся система и возможности междисциплинарного подхода при ее изучении», «Концепт „художник“ в контексте русской культуры начала XX века», «Причины трансформации религиозной ментальности в российском обществе» и др.

образом, динамическим процессам в тернарной структуре присуща большая последовательность и континуальность.

Формирование константной дихотомии русской культуры «добро–зло» началось в дохристианский период, когда в мифологии восточных славян обозначились персонажи Правды и Кривды. Хотя и после крещения дуальность «Правда–Кривда» продолжала быть актуальной. Размышления о Добре и Зле, их целях и средствах стали константными для русской культуры в целом. Пребывание современной цивилизации в состоянии постправды актуализирует проблемное поле, смысловым ядром которого выступают концепт «граница», дихотомии «добро–зло» и «свой–чужой», трактовка которых происходит в контексте определенной ценностной системы.

Одной из главных задач российского общества в начале XXI века выступает *потребность в осмыслении существующего социокультурного пространства и формировании новых мировоззренческих ориентиров*. Данная проблема обусловлена ситуацией «текучей современности» (Бауман), связанной с присущими современному социуму трансформационными процессами. Актуальное социокультурное пространство наполнено многочисленными паттернами и конструктами, конфигурация которых перманентно варьируется, что продуцирует быструю смену ценностных императивов.

Если в предыдущие периоды формирование новой картины мира, выработка механизмов ее трансляции и укоренения в общественном сознании были продолжительными процессами, то в современной ситуации, когда «утрачена рамка жизни», следует говорить об «обществе текучей современности» [1] и текучей идентичности, что усложняет задачу их анализа. Многочисленные дискуссии по данной проблематике свидетельствуют о попытках обозначить некие актуальные для российского общества координаты и элементы нового ви́дения мира.

Актуализация концепта «граница» в современном мире связана со сменой культурной парадигмы, переориентацией на коммуникацию и диалогичность, преодолением замкнутости традиционных культур, плюрализмом и толерантностью в оценке культурных ценностей и норм. В связи с этим концепт употребляется во многих типах дискурсов.

В 1990-е годы российское общество оказалось на границе исчезнувшего СССР и становящейся новой России, что актуализировало одну из главных проблем того времени — поиск национальной идентичности. Если в советское время процесс национальной идентификации был связан, помимо идеологической основы, с мобилизацией образа врага (капиталистические государства, «враги народа»), с закреплением в общественном сознании через СМИ исходящей от него угрозы, то в середине 1990-х с их ориентацией на приобщение к ценностям и нормам западного мира, произошла трансформация и нивелирование этого образа. В результате стали возникать границы внутри российского общества, что привело к появлению и абсолютизации «своих» и «чужих», поскольку в данной ситуации возможность осознать себя появляется лишь в соотнесении с другой, иной группой, отличающейся по политическим взглядам, уровню образования, материальному положению и пр.

В связи с вышесказанным особый интерес представляет дихотомия «свой–чужой», поскольку «в последние годы стало принято заменять слово „чужой“ понятием „другости“, признавая, таким образом, что феномены, принадлежащие к разным культурам, могут быть поняты и осмыслены как отличные от своих собственных, но не вступающие с ними в противоречие» [3]. Если в период Нового времени это понятие было тождественно «чужому», то его трансформация в конце XX века связана с теорией мультикультурализма. В рамках этой теории особую актуальность приобретают процессы взаимодействия и взаимоотношения культур, новые технологические возможности передачи информации, культурная идентичность и проблема понимания.

Поскольку понимание всегда ориентировано на смысл и связано с коммуникацией, то проблема «другого» выводит на феномен диалога. Иначе говоря, только при наличии «другого» возникают диалогические отношения, которые в современном мире выступают как одна из попыток преодоления субъектно-объектных отношений.

Обращаясь к анализу дихотомий «добро–зло» и «свой–чужой», можно обнаружить особый ракурс ви́дения переходной эпохи, современниками которой мы являемся. Для России с присущей ее культуре бинарностью структуры дихотомии «свой–чужой» и «добро–зло» по-прежнему актуальны, а границей могут выступать любые, иногда неожиданные аспекты. Трансформация картины мира неизбежно приводит в движение каждый из ее элементов, что позволяет увидеть его в ситуации «интенционального сбоя», а структура и смысловое пространство данных дихотомий дают возможность наметить контуры становящейся картины мира.

Литература

1. *Бауман З.* Текучая современность / З. Бауман. — СПб. : Питер, 2008.

2. *Козин Г. Г.* Бегство от России (К логике исторических потрясений России в XX веке) / Г. Г. Козин. — Саратов : Надежда, 1996.

3. *Шапинская Е. Н.* Проблема Другого в современной культуре и культурологии [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/orientiry-metafizicheski-issledovanya-cheloveka/orientiry_3/8446-problema-drugogo-v-sovremennoj-kulture-i-kulturologii.html.

С. В. Снапковская[1]

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ СОЦИУМЕ

Современный человек развивается в многомерном и динамично меняющемся мире, где сотрудничают и конкурируют друг с другом многочисленные социальные группы с множеством идентичностей, которые по-разному проявляются и имеют разные подходы к их определению. Процесс формирования, развития и изменения идентичностей напрямую связан с территорией, экономикой, культурой, экологией, историей, психологией, что нашло выражение в обилии понятий идентичности, которых сегодня насчитывается несколько десятков. Идентичность (*англ*. identity; *лат*. identitás) — это свойство психики человека в концентрированном виде выражать представление о своей принадлежности к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям либо отождествление себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств.

На формирование и развитие идентичности влияют идеологи и политтехнологи, но в значительной степени она зависит от культуры народа. Это подтверждает опыт мигрантов, «примеряющих» на себя идентичность другого общества, значительно отличающуюся от их прирожденной идентичности, поскольку различны территория, природа, быт, язык, культура, экономика исходных и принимающих стран. Чем дольше человек прожил с прежней идентичностью, тем труднее ему воспринимать и принимать новую. Нечасто иммигрантам удается стать гражданами принимающего государства, не испытывая психологического дискомфорта. Чаще всего иммигрант обретает «двойную идентичность»: в публичной сфере он ведет себя в соответствии с вновь обретенной идентичностью, а дома — в соответствии с прирожденной (общается на родном языке, ест традиционную пищу и соблюдает традиции).

Среди основных социальных механизмов развития и совершенствования государственности большое значение имеет присущая жителям страны гражданская идентичность, которая реализуется как отождествление индивидом или социальной группой себя с базовыми ценностями, присущими гражданам данной страны и проявляющимися в их статусных и социально-ролевых характеристиках, идеалах, ценностных ориентациях и жизненных стратегиях. Этот тип идентичности становится особенно востребован в условиях перехода к модернизации и устойчивому развитию страны[2]. Формирование гражданской идентичности тесно связано с этнонациональной идентичностью как процессом усвоения личностью различных элементов национального сознания, традиций, культуры, языка. При этом гражданская идентичность более динамична, чем этническая — формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностями человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору может стать фактором укрепления гражданской и этнической идентичности, что делает государственную идентичность привлекательной для всего социума.

Абсолютное большинство жителей Беларуси, опрошенных социологами в 2013 году, считали, что именно гражданство объединяет их в социальную целостность (91,5 %), причем две трети из них (66,9 %) были убеждены, что этот фактор воздействует на них в сильной степени. Три четверти респондентов (74,4 %) гордились тем, что являются гражданами своей страны, и только 2,1 % не испытывали такой гордости. Проведенные в мониторинговом режиме Институтом социологии НАН Беларуси общереспубликанские социологические исследования показали, что, по мнению трех четвертей населения страны, Беларусь состоялась как независимое, самостоятельное демократическое и правовое государство. Однако в территориально-областном разрезе выявлены существенные различия в ответах на данный вопрос. Если в Гомельской области 90,0 % опрошенных убеждены в том, что Беларусь состоялась как независимое и самостоятельное государство, то в Брестской и Минской областях таких респондентов оказалось 77,4 %. В то же время, судя по последним социологическим данным, уровень взаимного интереса белорусской и российской молодежи к своим культурам весьма невысок. Все реже в Беларуси слова «мы», «наши» означают, как это было раньше, «мы вместе с Россией»; все чаще — «мы самостоятельно», «мы отдельно от России», «мы в отличие от России».

Однако суверенитет Беларуси не приводит к расширению коммуникации на белорусском языке, в том числе из-за запоздалого национально-культурного возрождения белорусов. Если у южных и западных славян возрождение и создание государств (иногда в составе конфедераций) происходило в XIX — начале XX века, так что основные задачи национального возрождения были решены после Первой мировой войны, то у белорусов все сложилось по-иному. Период активного национального самоутверждения застал белорусов в довольно жестких условиях имперской русификации. Возможности возрождения белорусского языка были заморожены сначала образовательной политикой царского правительства, а затем сталинской русификацией. Спустя два столетия после «Весны народов»

[1] Профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета (Минск), доктор педагогических наук, доктор исторических наук. Автор около 330 научных публикаций, в т. ч.: «Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX — начало XX в.», «Белорусскоязычная учебная литература в ретроспективе: синтез национального основания и общероссийского опыта», «В поисках новой образовательной модели», «Педагогическая историография Беларуси: содержание и этапы развития», «Problem kształtowania kultury zawodowo-pedagogicznej wykładowcy szkoły wyższej na tle przemian współczesnej Europy», «Adaptacja społeczno-kulturowa migrantow w wielokulturowej przestrzeni edukacyjnej» и др.

[2] *Бабосов Е. М.* Стратификационная трансформация современной Беларуси. Минск : Беларуская навука, 2018. С. 110.

религиозно-почвенническое отношение к языку стало анахронизмом; к тому же в городах для большинства приверженцев белорусского языка он не является основным языком повседневной жизни. При толерантности Закона о языках, который, в частности, гарантирует белорусским гражданам право обращаться в органы власти на любом из двух языков, государственный статус белорусского языка отнюдь не ущемляет права русскоязычного населения, поскольку русский язык имеет такой же статус. Согласно последней переписи населения (в 2009 г.) 70 % белорусов предпочитают говорить по-русски. Выступая за двуязычие, большинство населения Беларуси фактически высказывается за сохранение существующей языковой ситуации и, значит, смиряется с вытеснением белорусского языка русским.

Белорусы находятся в постэтнической стадии развития общества, когда *национальность* перерастает в *гражданство* и скрепляется не языком и этничностью, а общей организацией жизни на своей земле, в своем государстве[1]. Поэтому вопрос о степени самобытности и привлекательности белорусского информационного наполнения, необходимых для национальной устойчивости и гордости за свою страну, остается открытым.

Сегодня важнейшим элементом государственности и средством консолидации общества становится белорусский язык. Этому способствуют Дни белорусской письменности, XV Международный съезд славистов, состоявшийся в Минске. Но говорить о перспективах белорусского языка в XXI веке можно с весьма сдержанным оптимизмом. Понятно, что в ближайшей перспективе белорусский язык останется одним из языков в двуязычной стране. Однако, несмотря на существенные проблемы с использованием белорусского языка в важнейших сферах официального употребления, можно говорить о том, что существенно меняются социальная локализация белорусского языка и отношение к нему. Становится престижно общаться на белорусском языке в среде городской интеллектуальной элиты, что успешно работает и на повышение общественного престижа белорусского языка[2].

Несмотря на проблемы, белорусский язык сохраняет свою витальность. Двадцать лет назад его было невозможно услышать ни в православной церкви, ни в костеле. Сегодня же он регулярно используется в практическом богослужении, появляется большое количество высококачественных белорусскоязычных религиозных текстов, в том числе переводов Евангелия и Библии. Согласно исследованиям зарубежных лингвистов, белорусский язык вошел в 3 % языков мира, которые активно используются в Интернете, причем не только в официальных текстах, но и на форумах. Это весьма показательно, поскольку использование языка в этом виде современной коммуникации никак не регламентируется.

В суждениях о белорусской государственности и перспективах ее развития получила воплощение достаточно развитая в белорусском социуме гражданственность. Это понятие отражает вектор помыслов и убеждений человека-гражданина, проявляющихся в его способности и готовности активно участвовать в жизни общества и государства, сознательно пользоваться своими гражданскими правами и свободами и ответственно выполнять обязанности. Идея гражданственности становится конструирующим фактором формирования человека-гражданина, готового и способного не только чувствовать сопричастность судьбе своего народа, но и эффективно трудиться во имя благополучия своей Родины. Гражданственность означает осознание причастности к своей Родине и народу, стремление мыслить и действовать в соответствии с основными принципами нравственности, органичное сочетание патриотизма, высокой морали и правовой культуры человека, осознание и выполнение долга по отношению к своей стране. Поэтому гражданственность человека представляет собой важный фактор развития и укрепления государственности[3].

Сегодня можно говорить о развитии нового типа интеграционных процессов — евразийской идентичности. Своеобразие и сложность такой идентификации определяются тем, что странах, входящих в Евразийский экономический союз, социально-экономическое, научное и социокультурное развитие происходит в различных масштабах и по разным направлениям. Проблема заключается в соизмеримости ситуации с безопасностью и ее угроз в культурной сфере. Необходим баланс между защитой собственной идентичности и необходимостью обмениваться ценностями с другими народами.

[1] *Мечковская Н. Б.* Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? URL: http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/m16.html.

[2] http://news.tut.by/society/418576.html.

[3] *Бабосов Е. М.* Указ. соч. С. 109.

О. С. Соина[1]

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДОЛГА

Свобода в этическом смысле — многомерное понятие. Прежде всего свобода предполагает *связь* человека с определенным социумом, который создал и создает условия для его личностного становления, самоутверждения и самореализации. В случае совпадения личной моральной позиции человека и общественных нравственных предписаний мы имеем дело с состоянием *признанности* человека, с уважением его личного достоинства. Однако это особое состояние свободы как всеобщего признания морального достоинства личности не может достигаться посредством конформизма, частичной или полной утраты человеком своего «я», иначе это будет мнимая свобода.

Если единство и целостность общества достигаются благодаря бытующим в нем моральным представлениям, то есть основания определять моральную свободу как готовность человека разделять их со всеми членами общества. Действительно, тот, кто так или иначе нарушает принятые моральные нормы, рано или поздно становится изгоем и, по сути, несвободным человеком, ибо свобода от социума в итоге может обернуться духовным опустошением и деградацией личности, отрекшейся от социальных связей и зависимостей.

Однако драматизм человеческой жизни заключается в том, что *социальность* и *моральность* человека далеко не всегда совпадают. Это особенно остро проявляется в кризисные моменты развития того или иного общества, когда привычные моральные нормы и ценности перестают должным образом выполнять свои регулятивные и императивные функции. В таких ситуациях, как правило, не большинство, а меньшинство (и даже один человек) может взять на себя задачу морального оздоровления всего общества, при этом мерилом свободы становится готовность взять на себя миссию ниспровергателя моральной рутины, подавляющей свободное нравственное самоутверждение личности. Как правило, изначально эти люди становятся объектом жесточайшей критики и даже остракизма, однако на совершенно иных основаниях, нежели ревнители анархической версии свободы. Тем не менее именно они, а не их гонители и ниспровергатели, в конечном счете оказываются свободными в полной мере, свободными в самом точном и высоком значении этого слова. Таким образом, моральная свобода выступает здесь как своеобразный коррелят *правоты и истинности* позиции субъекта морального действия, рассмотренного с позиции исторической перспективы его поступков.

Понятие ответственности в этике носит зеркальный, отраженный характер. Его трудно анализировать самостоятельно, вне связи с понятием свободы. Здесь она представляет собой особое моральное качество личности, побуждающее ее совершать те или иные поступки и отвечать за них перед людьми, обществом и самим собой. В традиционном этическом понимании ответственный человек — это тот, кто никогда никого не подводит, всегда четко исполняет свои профессиональные и моральные обязанности и неуклонно следует взятым на себя обязательствам. В жизни ответственность связана с моральной надежностью человека и отчасти с его нравственным разумом, способностью предвидеть последствия разных действий и обстоятельств, позитивных и негативных.

Несмотря на внутреннюю соотнесенность с идеей долженствования, ответственность и долг — разные понятия. По существу, долг выступает как некий стратегический резерв нравственности, который действует как раз тогда, когда исчерпаны все возможности ответственности. Долг — это совершение моральных поступков тогда, когда уже «не работают» чувства привязанности, любви, благодарности. Это сухое и несколько холодное чувство, в нем нет теплоты и умиления, радости от совершения благих деяний. Оно предполагает поведение, совершаемое «по необходимости», по гражданской, семейной, сыновней, родительской обязанности. Избегать его — предосудительно, а следовать ему зачастую крайне тяжело для человека именно вследствие принудительной природы долга, его ригоризма и непреклонности. Ответственность, в отличие от долга, есть поведение не только добровольно моральное, но и исполненное положительных эмоций, *ответной* доброжелательной готовности совершить поступок, продиктованный изначальными положительными действиями человека или социума; и этот добровольный *ответ*, не сводимый ни к какой изначально формулируемой обязанности, действительно *свободен*, ибо в основаниях своих исходит из порыва, а не принуждения. Если долг «утяжеляет» свободу, то ответственность, напротив, в каком-то смысле и есть свобода или, по крайней мере, неотделима от нее.

На наш взгляд, этический смысл категории ответственности отражает не просто мотивацию человека к моральным поступкам, а именно диалоговую сущность нравственных отношений людей, их изначальную и очень глубокую потребность *отвечать* друг другу и друг за друга как в общесоциальном, так и в собственно моральном аспектах: поступком, чувством и словом. Ответственность подразумевает ответ добром на добро, а в некоторых пределах и на зло. Это особый, сложный тип социальных связей, вытекающий из последствий существования добра в мире. С уменьшением добра в мире снижается именно от-

[1] Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Живая историософия Ф. А. Степуна» (в соавт.), «Испытание добром: праксиологический и метафизический аспекты» (в соавт.), «Основы философии», «Стереотипы философского знания», «Экзистенциальная философия права Ф. М. Достоевского», «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» и др. Награждена дипломом и золотой медалью Ди Мерито (Diploma di Merito) Европейской научно-промышленной палаты.

ветственность, и в обществе неизбежно возникают «прорехи» в отношениях и смыслах, порожденные действиями безответственных людей, в чьих сердцах добро исчезает как в бездонном колодце, не оставив ни следа в душе, ни нравственных переживаний. Холод и мрак, исходящие от таких людей, остужают и другие сердца, и когда общество становится тотально безответственным, оно стоит на краю гибели и в конце концов гибнет.

Удержать общество от распада может осознание долга, актуализирующееся у немногих людей, особенно если они наделены властью и употребляют ее на то, чтобы восстановить в обществе порядок и ответственность. Несмотря на некоторое сходство в поведении людей ответственного и императивно-ригористического складов, между ними все же существуют весьма заметные этические различия. По сути, это разные антропологические типы, и любой наблюдательный человек это понимает. Человек долга бывает суров, но никогда — мил и приятен. Ответственный же как раз мил и приятен, на него можно положиться, на него можно рассчитывать. Человека долга опасаются и подозревают во всех грехах, человека ответственности с радостью принимают где угодно, потому что он никогда не подведет. В каком-то смысле наличие в обществе ответственного человека несколько расслабляет людей, и они охотно перекладывают на него свою долю ответственности, не принимая в расчет ни его возможностей, ни тем более его законного права на субъективную моральную независимость. Облегчая жизнь другим, ответственный человек создает вокруг себя атмосферу благожелательной участливости и радостной легкости бытия. В противоположность этому человек долга служит постоянным укором людям, что вынуждает их брать на себя дополнительные обязанности и исполнять их даже вопреки собственным склонностям. Однако, несмотря на позитивный эмоциональный компонент ответственности, она явно не может целиком базироваться на энтузиазме людей, который рано или поздно будет исчерпан. Поэтому в социально-практическом плане и сама ответственность, и ее носители должны опираться на общественное мнение, выделяющее и поддерживающее разного рода созидательные порывы и начинания.

Нуждающаяся в общественном признании ответственность всегда публична и откровенна и потому находится «на поверхности», в то время как чувство долга коренится гораздо глубже. По сути, оно уходит своими корнями в онтологическую сферу, в духовную глубину морали, в «поддонный» инстинкт выживания и самосохранения человека, народа, нации. В этом смысле долг более иррационален, чем ответственность. Именно долг пробуждается в редко встречающихся людях с необыкновенной витальной силой, которые появляются в переломные моменты истории и как будто призваны свыше изменить ход событий, жизнь целой страны или судьбу нации. Возможно, через людей долга обычный человек в той или иной мере ощущает сверхличные ритмы истории, выражающиеся в трансцендентных повелениях, которые должны быть исполнены при любых обстоятельствах. В метафизическом плане долг есть специфическое проявление божественной любви к людям. В связи с этим не лишено смысла стремление Канта представить заповедь любви как заповедь долженствования. Философ определяет специфику морали, выделяя долженствование в качестве ее главного признака. Действительно, мораль как бы говорит человеку: ты должен творить добро, быть справедливым, честным, хранить свое человеческое достоинство, помогать старшим и младшим и т. д.

Однако Кант ошибается, сводя долженствование исключительно к понятию и чувству долга. Долженствование и долг — далеко не одно и то же. Долженствование есть нормативно-императивная сторона морали, долг же — понятие, отражающее особую форму моральной мотивации. Долженствование императивно, долг ригористичен. Долженствование есть сфера идеального бытия, ценностно и нормативно рекомендуемого поведения. Долг же, напротив, отражает сферу сущего, поступки людей, совершаемые вследствие осознания ими своих гражданских или иных обязанностей. Но долг никоим образом не тождествен обязанности. Обязанности — это то, что нужно делать. Долг — это сила, при помощи которой делается то, что нужно. Обязанности прописаны — долг предписывает.

Если образно представить себе долг как таковой, то это не что иное, как холодный меч, сверкающий своими гранями на солнце, внушающий страх, уважение и трепет, зовущий и принуждающий к деяниям посредством своей повелительной и грозной силы. И коль скоро ответственный человек подобен факельщику, освещающему путь заблудшему путнику, то человек долга — это «меченосец» (И. А. Ильин), грозно смотрящий на суровые реалии жизни и пытающийся упорядочить и организовать ее в соответствии с тем, что ему представляется важным и нужным.

Завершая анализ важнейших категорий этики с акцентом на их антропологическое содержание, считаем необходимым подчеркнуть, что человек долга, в противоположность человеку ответственности, не дорожит свободой, ибо субъективно не очень любит эмпирического человека, хотя объективно в критических ситуациях служит и человеку, и любви. И все же долг — это выхолощенная любовь, ее рациональный «остаток». Гегель писал по этому поводу: «Победа любви не означает, подобно победе долга, что враги ее подчинены ее власти; победа любви означает, что вражда преодолена. Для любви уже своего рода оскорбление, когда ее предписывают, когда ей, живой, духу дают наименование»[1]. В этом удивительном суждении верно переданы достоинство и недостаток долга: его достоинство в том, что через долг утверждается мораль, а недостаток — в том, что утверждается *только мораль*, но она ниже любви, ниже Бога, который посылает дождь на добрых и злых, побуждает солнце светить всем без разделения людей на достойных и недостойных такого дара. Долг повелевает карать нравственно неблагонадежных, любовь же прощает и злодеев, если они обнаруживают готовность к исправлению.

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Дух христианства и его судьба // Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. М. : Мысль, 1973. Т. 1. С. 142.

Таким образом, в решении проблемы свободы, долга и ответственности этика, с одной стороны, опирается на антропологию, с другой — вплотную подступает к метафизике, где моральная свобода неизбежно граничит с духовной свободой, а моральный человек способен перерасти в праведника и святого.

Л. Н. Соловьева[1]

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Попытки осмысления бытия человека начала III тысячелетия так или иначе связаны с разного рода интерпретациями социальной реальности, объективно отражающей ключевые векторы изменений социума. Современный тип социальности специалисты различных областей гуманитарного знания определяют поразному: постиндустриальное общество, надыиндустриальное общество, общество риска, общество знания, сетевое общество, общество постмодерна, информационное общество, общество потребления, цивилизация третьей волны, цифровое общество, общество всеобщей коммуникации и т. д. Представленное множество трактовок социальной реальности как нельзя лучше свидетельствует о многогранности и сложности данного феномена, вместе с тем достаточно отчетливо показывая влияние информационных трендов на современное социокультурное развитие. Неуклонный рост объема циркулирующей информации, формирование глобального информационного пространства, изменение традиционных способов коммуникации и внедрение сети Интернет в повседневную жизнь стали отправными точками динамических изменений, существенным образом трансформировавших социум, культуру и прежде всего самого человека как субъекта новой реальности и новой системы коммуникации.

Безусловной вершиной всей человеческой эволюции стала культура как рукотворный, искусственный мир, возвысившая человека над миром природы. Однако человечеству III тысячелетия удалось невозможное — преодолеть границы объективной физической реальности благодаря созиданию виртуальной информационной реальности, кардинальным способом изменившей статус таких традиционных атрибутов бытия, как пространство и время. Действительно сегодня масштабы и скорость технологических изменений таковы, что контуры грядущей информационной цивилизации просматриваются достаточно четко и вполне реально. Уже сейчас существуют технологические средства, обеспечивающие функционирование мощной информационной инфраструктуры, предоставляющей широкие технические возможности для жизнедеятельности и коммуникации в глобальном информационном пространстве. Постоянное совершенствование инфокоммуникативных технологий делает новую реальность практически неотличимой от объективной и совершенствует условия трансформации человеческого сознания, раскрывая возможности для преодоления фундаментальных пределов человеческих способностей. Постепенно эта искусственная, необъективная реальность становится и орудием, и средством изменений реальной жизни общества в целом и человека в частности.

Человек III тысячелетия значительную часть своего свободного и рабочего времени проводит в рамках информационной среды, погружаясь в пространство техногенной виртуальной реальности, представленной информационно-символическим содержимым Интернета, персональными компьютерами, средствами теле-, аудио- и видеоаппаратуры. Уход от повседневности в виртуальное пространство через монитор компьютера, погружение в социальные сети и пространство Интернета обогащают человека полным комплексом эмоций, недостаток которых ощущается в привычном физическом мире. Эмоционально, таким образом, индивид живет в другом измерении — виртуальном — и даже становится от него зависимым. Погружение в глобальное виртуальное пространство приводит к постепенной перестройке перцептивного аппарата, который под воздействием кратковременных эстетически и этически неоднородных блоков информации перестраивается на особый виртуальный режим, в котором одинаковым статусом начинают обладать принципиально разные явления[2].

По мере превращения информации в ключевую детерминанту социокультурного развития наблюдаются, по словам Э. Тоффлера, и процессы установления нового вида сознания людей — информационно насыщенного[3]. В условиях кинетичности информации (стремительный прирост количества знаний, требующий постоянной необходимости переучиваться; возрастание количества закодированных производителями массмедиа сообщений, требующих дополнительных усилий потребителя для раскодировки; изменчивость языка, наполняющая словарный запас и мышление; необходимость постоянного пересмотра внутренних представлений об окружающем мире, затрудняющего адаптацию к нему, но развивающего адаптационные способности) у человека постепенно формируется спо-

[1] Доцент кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи», «Специфика коммуникации в глобальном информационном пространстве», «Информационные технологии и человек: некоторые аспекты взаимодействия», «Современный человек как субъект новой коммуникативной реальности», «Человек в глобальном виртуальном пространстве: философское измерение», «Человек современной информационной эпохи: проблемы самоидентификации» Межкультурный диалог в условиях информационного общества» и др.

[2] См.: *Хоружий С. С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 67.

[3] *Тоффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 2004. С. 47–48.

собность к овладению колоссальными массивами информации. Совокупности сообщений, циркулирующих в виртуальном пространстве, меняются существенно быстрее, чем материальный мир, описываемый этими сообщениями: чтобы выжить, «индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше»[1].

Виртуальный мир разрушает темпоральность, навязывая человеку сенсации и события сегодняшнего дня, заставляя забыть о прошлом и не думать о будущем. Человек обретает возможность по-новому ощущать и переживать свое бытие, иметь специфический телесный образ, быть свободным в процессе самоидентификации. Личность как социокультурный и исторический феномен постепенно растворяется, перестает существовать, поскольку активные пользователи Интернета вольны в конструировании собственного «я», больше не нуждающегося в таких традиционных атрибутах, как стабильная самоидентификация, индивидуальный стиль исполнения социальных ролей, устойчивая идентичность. Наделяя себя виртуальными телом, именем, статусом, биографией, индивид может вступать в виртуальную коммуникацию с другими подобными. Однако такое общение продуцирует лишь иллюзию реальных отношений, поскольку лишено ценностей, присущих реальным отношениям, в результате наблюдаются утрата способности коммуницировать в рамках физической реальности, искажение, размывание и даже утрата самоидентичности. Таким образом, человек оказывается в ситуации отсутствия условий, обеспечивающих ему возможность адекватного и целостного самовосприятия по причине его открытости перед другими, через которых и реализуется механизм идентичности. Индивида, пытающегося выстроить коммуникацию, ожидает разочарование, поскольку вместо человеческого содержания возникает пустота: субъекта нет, есть только социальные роли, вместо субъекта — социальный статус, некое место. Самоидентификация, таким образом, подменяется процессом позиционирования, в результате противостояние индивида и социума обусловливает не глубинный поиск тождественности, а коллаж идентификаций, на социальном поле вместо личности обнаруживается всего лишь знак текста, пустое имя, «0»[2]. Все это — свидетельство «фундаментальной потери ориентации», когда бытие человека выступает как постоянная смена в рамках коммуникативного пространства стратегий человека — приемника сообщения и его отправителя, человека — объекта коммуникации и создателя собственной субъективности[3]. Необходимость постоянного балансирования между двумя реальностями, объективной физической и информационной виртуальной, а также между двумя типами времени, реальным и времени онлайн, таит в себе угрозы как физической, так и ментальной дезориентации человека, способствуя деструкции его субъективности.

Таким образом, переход человечества к обществу нового информационного порядка по-новому расставил незыблемые до сих пор приоритеты онтологии человека: не только была создана принципиально новая среда жизнедеятельности, виртуальная, открывшая новые грани в вопросе реальности/иллюзорности поведенчески-деятельного и экзистенциального выбора человека, но и впервые мнимая реальность стала приоритетной для жизни, предоставив абсолютную свободу действий. По сути, человек начала III тысячелетия оказался в точке бифуркации, когда современные технологии, предельно расширившие мир человека, нивелировавшие пространственно-временные горизонты, могут превратить человека в свой придаток, безликое, бездуховное и даже бестелесное существо, «ретранслятора сообщений», «переключатель медийной связи», а могут позволить выйти на новый уровень цивилизационного развития, увеличив пространство свободы, творчества, гуманности. И здесь нелишне будет вспомнить о предостережении Д. С. Лихачева, что «XXI век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может выродиться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами»[4]. Ответ на вопрос: «Каким же будет человек информационной эпохи?» — уже в ближайшем будущем, но и сегодня еще есть шанс сделать правильный нравственный выбор, сохранив свою социоестественную и культуросозидательную уникальность, полностью не утратив ни собственное «я», ни свою телесность, ни гуманистические ценности, ни свободу выбора и творчества, ни ответственность.

О. И. Ставцева[5]

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКАХ: ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ВЕДУЩИЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Человек и культура как целостная система, в которую он включен, находятся в постоянном изменении. Изменяться — свойство всего живого, перемены и трансформации были во все эпохи и времена, но в наше время изменения происходят со стремительной быстротой, захватывают многие аспекты, имеют глобальный характер. Так что важно рассмотреть эти метаморфозы более подробно, чтобы выявить основ-

[1] *Тоффлер Э.* Указ. соч.

[2] Цит. по: *Гоноцкая Н. В.* Связи: Философское исследование взаимопонимания. М. : Изд-во ЛКИ, 2013. С. 390.

[3] См.: *Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М. : Изд-во ЛКИ, 2011. С. 230.

[4] *Лихачев Д. С.* XXI век должен быть эпохой гуманизма. М., 1987. С. 31.

[5] Заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур» (в соавт.), статей «С. Кьеркегор и западная религиозно-философская культура XX века», «В кругах сравнения… Понятие „экзистенция“ у Шеллинга, Кьер-

ные тенденции и, насколько возможно, подготовиться к переменам. В данном докладе мы рассмотрим влияние способа трансляции произведений искусства на их восприятие и на мировоззрение человека, а также трансформации, которым подвергаются письменная культура и практика чтения в настоящее время.

Скорость, масштабность и быстрота происходящих перемен позволяют назвать нашу культуру текучей, пластичной. Метафору потока, текучести используют социальный теоретик и социолог З. Бауман, философ и теоретик культуры Б. Гройс. Последний, говоря о текучести современного искусства, отмечает, что «существует целая наука, которая изучает всевозможные текучие субстанции и состояние текучести как таковое. Она называется реологией»[1]. Произведения искусства сегодня активно вовлекаются в поток времени, перемещаются с выставки на выставку, из одного собрания в другое, контекст их восприятия меняется, а следовательно, меняется и их восприятие. Б. Гройс в этом описании замечает, что все вещи настоящего настолько текучи и преходящи, что можно предвосхитить даже их исчезновение[2]. Этим и занимаются, по мысли Гройса, современные художники, которые создают художественные события, перформансы, «демонстрирующие эфемерность существующего ныне порядка вещей и правил, управляющих современным общественным поведением»[3]. Художественные события наших дней, в отличие от прошлого, не могут быть сохранены и не поддаются созерцанию, они обязательно должны быть задокументированы, пересказаны и прокомментированы. Поэтому современное искусство существует только в связке с Интернетом, с дигитальной записью, которая сохраняет не сам объект, а его ауру. Традиционное искусство тоже сохранилось, но функционирует как предмет роскоши, имеющий ограниченную аудиторию, несравнимую с огромным информационным потоком Интернета. Гройс выделяет момент отличия информационного потока от материального: материальный поток необратим, вещи преходящи, что и заставляет подумать о вечном — эйдосах или Боге или их профанном заместителе — музее — как хранилище художественных ценностей. Информационный поток предоставляет нам возможность вернуться к началу воспроизведения, к восстановлению и реконструкции информации. Поэтому Гройс делает вывод, что «Интернет — это не поток, а отмена потока, обращение его вспять», а также о том, что «искусство не предсказывает будущее, а демонстрирует преходящий характер настоящего — и тем самым открывает путь будущему»[4]. Но это будущее неясно. Эпоха древности и Средневековье были направлены на постижение вечного, модерн был направлен в будущее, наша эпоха интересуется настоящим, причем, по Гройсу, это настоящее переживается как странное и неведомое[5]. И это различие в отношении чувства времени Б. Гройс связывает именно с различием двух методов репродуцирования: механическим и дигитальным.

О проблеме репродуцирования произведения искусства впервые написал В. Беньямин в своем известном эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». В этом произведении Беньямин отмечает, что всегда есть видимое или невидимое различие между копией и оригиналом, так как оригинал имеет ауру, некоторое отношение произведения искусства к его внешнему контексту, его особое место в истории — копия лишена этого. Гройс отмечает, что оригинальность у Беньямина связана с природой, ауратическим опытом — опытом пребывания среди пейзажа[6], то есть различие между оригиналом и копией сводится к различию между природой и техникой. Несколько иная ситуация с цифровым копированием, которое, по мнению Гройса, возвращает нас одновременно и к природе, и к метафизике. В процессе цифрового копирования, распространения и воспроизведения данных идентичность сохраняет невидимая нам дигитальная информация (файл), на экране мы видим только воспроизведение, изображение, исполнение данного файла, который остается невидимым для пользователя, — так ситуацию цифрового копирования описывает Гройс[7]. Исполнение или воспроизведение файла не есть сам файл. Таким образом, оригинал и копия визуально не тождественны друг другу. Более того, визуализация, воспроизведение данных зависят от программного обеспечения, которым снабжен гаджет пользователя, от настроек программ и монитора и тому подобного, то есть представляют собой интерпретацию. Каждый файл возникает на экранах смартфонов и компьютеров «здесь и сейчас». Поскольку операция воспроизводства осуществляется вручную и зависит от его тела (мы нажимает на клавишу или прикасаемся к экрану), то присутствует возврат к телесности, к природе. Поскольку мы сталкиваемся с невидимым, имеет место возврат к метафизике. Кроме того, все наши действия в Интернете и виртуальном пространстве могут быть подвергнуты контролю, но кто этот зритель, контролер, наблюдатель? Гройс в своей изящной манере отвечает: «виртуальные души — дигитальные репродукции нашего оффлайн-поведения... явлены взору невидимого зрителя»[8].

Кроме того, еще одним важным аспектом глобальных перемен является трансформация письменной культуры, вторжение в нее аудио- и видеоматериалов, изменение практик чтения. Сегодня нам доступен немыслимый ранее объем информации, который постоянно увеличивается — современные люди все знают, обо всем осведомлены, имеют представление. Во многом это так из-за включенности людей в глобальную информационную сеть Интернет. Но информация там представлена больше в аудиовизуальном формате. Длинные тексты доступны, но потребляются мало в силу того, что на них нужно потратить много времени. Как ут-

кегора, Хайдеггера», «Гегелевское понятие признания, принцип толерантности и мультикультурализм», «Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма», «Ценности и смыслы в эпоху глобализации» (в соавт.) и др.

[1] *Гройс Б.* В потоке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 7.
[2] Там же. С. 8.
[3] Там же. С. 9.
[4] Там же. С. 12.
[5] Там же. С. 152.
[6] *Гройс Б.* Указ. соч. С. 154.
[7] Там же. С. 157–158.
[8] Там же. С. 160.

верждают исследователи[1], в настоящее время происходят такие масштабные изменения в письменной культуре, которые можно смело назвать революционными. Современные технические возможности позволяют, по мнению Р. Шартье, воплотить давнюю мечту людей — создать универсальную библиотеку, оцифровав все имеющиеся книги[2]. Но эта радость от воплощения мечты должна быть осмыслена, то есть необходимо понять, что меняется в тексте в зависимости от способа его восприятия. Уже свершившийся в Античности переход от чтения свитков к книгам-кодексам, состоящим из страниц, существенно изменил восприятие текста. Именно «материальные характеристики письменного текста обусловливали наиболее важные, основополагающие практики письменной культуры и… восприятие отдельных произведений», — отмечает Р. Шартье[3]. Сами тексты являются производными от читательских практик и материальных характеристик текста[4].

Рассмотрим же, как появившиеся новые модальности коммуникации, информации и публикации меняют практики чтения. Информации в электронном виде чрезвычайно много, количество текстов намного превосходит возможности читателей их освоить, этот «бесконечно разрастающийся, вышедший из-под контроля мир внушает бесконечную тревогу»[5]. Отмеченное беспокойство связано с тем, что различные типы текстов — и рукописные, и печатные — сейчас предстают перед читателем на одном носителе — дисплее, что создает текстовой континуум, в котором различие жанров не связано с их материальной фиксацией. Читателям самостоятельно приходиться различать дискурсы и типы текстов. Этот текстовой континуум затрудняет восприятие текста как целого. Шартье фиксирует такие особенности чтения с цифровых носителей: электронный текст прокручивается читателем, чтение с экрана фрагментарно, обрывочно, его цель — поиск по ключевым словам, тематическим рубрикам необходимого фрагмента, части. Эта дробная, прерывистая манера подходит для чтения энциклопедий, поскольку для получения информации необязательно прочитать весь текст как целое. Все тексты сегодня теряют свою идентичность и служат базами данных, никак не предполагающими общего восприятия того произведения, из которого они были почерпнуты[6]. Таким образом, делает вывод Шартье, «цифровая революция заставляет читателя отказаться от того наследия, на основе которого он сложился как читатель». Цифровую революцию Шартье описывает как совпадение трех процессов: 1) революцию в технической модальности воспроизведения текстов; 2) революцию в сфере носителей письменности; 3) революцию в способах использования и воспроизводства дискурсов.

Последний процесс выражается в том, что цифровой текст допускает вмешательство читателя, то есть стирается имя и сама фигура автора, текст многократно меняется путем комментирования, дополнения, контекста, то есть путем «множественного, коллективного письма». Шартье замечает, что сбылась мечта М. Фуко, поскольку «каждый может оставить свой анонимный след в пластах дискурса, лишенного автора»[7]. Эти изменения в практике чтения означают не только подрыв всех категорий и истин, на которых с XVIII века основывалось понятие авторской собственности и собственности издательства, но и несут определенную угрозу, связанную с обновлением материального носителя культурного архива. Возникает риск уничтожения книг вследствие их оцифровки. Но поскольку процесс наделения смыслов текста читателем зависит не только от его семантики, но и от материальных форм, в которых чтение реализуется, потеря материальных носителей — свитков, книг-кодексов, газет, журналов — является невосполнимой утратой.

Таким образом, техническое изменение материальных носителей культуры и практик трансляции произведений искусства приводит к заметным сдвигам в культуре, к новым модификациям практик повседневной жизни, что, безусловно, требует философского осмысления и культурологического анализа.

В. Н. Томалинцев[8]

ЭКСТРИМ КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: МЕЖДУ ТВОРЧЕСКОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬЮ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

В современных условиях глобализирующегося мира человек и общество столкнулись с новым проявлением самореализации личности, которое определяется как «экстрим» (или «экстрем»). Выступая в качестве новой субкультуры, экстрим занимает все большее место в молодежной и массовой культуре.

Как новое социокультурное явление экстрим находится между экстремальностью (включая творческую) и экстремизмом. Экстрим и развитие его современных

[1] *Каплун В. Л.* Социальная теория в междисциплинарной перспективе. СПб. : Алетейя, 2016 ; *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М. : Новое издательство, 2006.

[2] *Шартье Р.* Указ. соч. С. 6–7.

[3] Там же. С. 7.

[4] Там же. С. 8.

[5] Там же. С. 216.

[6] Там же. С. 219.

[7] Там же. С. 221.

[8] Старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Экстремальные смыслы культуры: Популярное изложение социальной экстремологии», «Социальная экстремология» (хрестоматия), «Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма», «Экстремаль России: прогноз развития», «Острые мысли: тематическое собрание афоризмов и изречений», «Типы личности и война между ними...», «Самопознание таланта», «Социальный экстремизм в системе координат культуры», «Введение в социальную экстремологию» (учеб. пособие) и др. Член Дома ученых Санкт-Петербурга (секция культурологии). Награжден грамотой Министерства образования и науки РФ.

форм (зацеперы, руферы, паркур, триран, селфи и др.) есть реализация стремления к риску путем обострения эмоций и переживаний, болезненной тяги к острым ощущениям. Подобные тенденции в прошлом жестко ограничивались социально-экономическими условиями; новые же поколения, «непуганые» большими войнами, воспитанные на виртуальной реальности, тяготеют ко все более ярким и сильным впечатлениям. Автору уже не раз приходилось писать и говорить о том, что сегодня острые ощущения становятся все более надежной валютой.

Еще в начале 1980-х годов Б. С. Мейлах предсказал неизбежное перерастание психологии художественного творчества «в современную науку — в общую теорию художественного творчества и восприятия»[1].

В свою очередь П. В. Симонов, раскрывая свою «информационную теорию эмоций», писал: «В нейрофизиологическом аспекте эмоция есть активное состояние системы специализированных мозговых образований, побуждающее субъекта изменить свое поведение в направлении минимизации (т. е. ослабления, прерывания, предотвращения) или максимизации (т. е. усиления, продления, повторения) этого состояния»[2]. И далее, рассматривая в рамках своей концепции искусство и его восприятие, взятые в пределах нормы, П. В. Симонов заключает: «Чем занимательнее сообщение художника, чем в большей мере оно обладает чертами открытия великой правды о мире и человеке и чем, с другой стороны, *острее* (выделено мной. — *В. Т.*) потребность зрителя (читателя, слушателя) постичь эту правду, тем сильнее эмоциональный отклик аудитории, тем очевиднее желанный эффект сопереживания. Такое совпадение мы называем народностью искусства»[3].

Сегодня в массовой, потребительской культуре в связи с объективно протекающими процессами технизации, виртуализации, цифровизации происходит постепенное смещение фокуса как в восприятии, так и в предложении нового культурного продукта, что нередко сводится к имитации новых форм творческой деятельности[4]. Не случайно в коммерциализованном искусстве, шоу-бизнесе музыка, утрачивая свой основной элемент — мелодию, вырождается в звукопись; живопись, изобразительное искусство в целом, оставаясь без сюжета, становятся цветописью; литература, теряя повествовательность, предлагает «поток сознания», художественный кинематограф подменяется игровым и т. д.

Бездумное стремление к новизне остается важнейшим каналом усиления экстремистских тенденций, их проникновения в массовое сознание. Этому вопросу посвящена статья А. И. Солженицына «Беспощадный поиск новизны, и как он разрушил XX век». Такой «беспощадный поиск» стимулирует возникновение симулякров, мистификаций, изощренной дезинформации (fake news). Для этого служат демонстративные провокации, скандалы, шок, эпатаж. Достаточно указать на такие определения, как «шоковая терапия» — в экономике; «киношок» — название одного из кинофестивалей в нашей стране; «техношок» — торговый бренд. Неприличные намеки и нецензурные высказывания в рекламе определяются сегодня как «шоковый маркетинг» и т. д.

В условиях общества потребления, пребывающего в состоянии относительной сытости, сложно сопротивляться вновь возникающей специфической потребности в новых сильных впечатлениях, необычных эмоциональных переживаниях с обострением. Это оказывает влияние на возникновение целой индустрии экстремального отдыха, экстремальных развлечений, экстремального туризма. Мода на экстрим (экстрем) проникает в кулинарию, парфюмерно-косметическую промышленность, товары, услуги, в культурные обряды (например, свадебные) и т. д. Вместе с тем эта мода порождает всевозможные молодежные субкультуры: «Готы», «Эмо», «Сатанисты», «Скинхеды», «Неоязычники» и др.

Феномен экстрима в настоящее время становится индикатором социального здоровья, регистрируя крен от остроты творческой изобретательности к остроте экстремистской изощренности.

Возрастание позитивного мастерства и радикализация деструктивных действий имеют одну основу — *обострение*. Особенно опасны его односторонние формы, выпадающие из морально-нравственного, эстетического, общекультурного контекста. Однобокое, идущее напролом обострение в мыслях и действиях не сулит ничего хорошего ни отдельному человеку, ни обществу. Это видно на примере того, как на общем фоне декларативных заявлений о торжестве либерализма, толерантности, мультикультурализма, гуманности в высокоразвитых странах зародилось страшное явление школьного терроризма. Сегодня происшествия со стрельбой не только в школах, но и в церквях, культовых зданиях, торговых центрах и так далее становятся «обыденными» сообщениями в сводках новостей.

Столь же неблагоприятные, несоразмерно агрессивные моменты наблюдаются в современной международной политике и дипломатии, где со стороны Запада по отношению к России выдвигаются необоснованные обвинения и следующие за этим угрозы и санкции. Речь идет о преследовании российских спортсменов с вменением им в вину недоказанных фактов применения допинга, обвинениях России во мнимом вмешательстве в президентские выборы в США в 2016 году, пресловутом деле об отравлении семьи Скрипалей в Великобритании и т. п. Неслучайно на последней Международной Мюнхенской конференции по безопасности, проходившей в феврале 2018 года, ее девизом стала фраза: «На край пропасти и обратно?» В этих словах довольно точно отражено положение в современном цивилизованном мире. Экстремальность самого существования человека всегда бросала вызов его

[1] *Мейлах Б. С.* Психология художественного творчества: предмет и пути исследования // Психология процессов художественного творчества / отв. ред. Б. С. Мейлах и Н. А. Хренов. Л. : Наука, 1980. С. 23.

[2] *Симонов П. В.* «Сверхзадача» художника в свете психологии и нейрофизиологии // Психология процессов художественного творчества / отв. ред. Б. С. Мейлах и Н. А. Хренов. Л. : Наука, 1980. С. 33.

[3] Там же. С. 35.

[4] См. подробнее: *Томалинцев В. Н.* Экстрим и новые формы имитации творческой деятельности // Молодежная галактика. СПб., 2014. № 11. С. 95–100.

возможностям. В сегодняшних обстоятельствах имеет смысл обратиться к более тщательному осмыслению экстремумов общественного развития, и прежде всего наиболее важного из них — экстремума оптимума. Научной основой для этого становятся исследования в области социальной экстремологии — новой гуманитарной научной и учебной дисциплины, направленной на изучение экстремальных принципов развития и анализ их реализации в целостной структуре жизнедеятельности человека[1].

В. Е. Триодин[2]

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РИСКИ И ГУМАНИТАРНЫЕ РЕСУРСЫ СОЛИДАРНОСТИ

Термином «глобализация» обозначают явления и процессы, охватывающие весь земной шар (*лат*. globus — шар). Глобализм — международный добровольный союз людей и стран, их сближение и объединение в единое всемирное сообщество. Вступление человечества в эпоху глобализации воспринимается сегодня как знаковая черта, отделяющая день нынешний от дня минувшего.

Но у глобализации куда как более глубокие корни. Еще Чингисхан (Великий хан) завещал покорить всю землю. Один из его преемников Гаюк именовал себя в письмах государем мира [5, с. 284]. А разве идея большевиков совершить мировую революцию («Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» — А. Блок), призыв к пролетариям всех стран соединяться — не одна из ипостасей глобализации? Социалистический лагерь — это уже первые шаги по претворению мечты в жизнь, грандиозный утопический эксперимент.

Академик А. Д. Сахаров был апологетом одной из моделей глобализации — конвергенции. Теория конвергенции предполагает, что социалистическая и капиталистическая системы заимствуют друг у друга все лучшее. Более того, в ООН, ЮНЕСКО и других международных организациях Сахаров хотел бы видеть зачаток мирового правительства, чуждого каких-либо целей, кроме общечеловеческих [8, с. 39, 40].

Понятие «общечеловеческое» тоже не имеет однозначного толкования. Д. С. Лихачев, например, суживал его до европейской культуры. «Европейская культура — культура общечеловеческая» [7, с. 18]. И русская культура, ее плоть и кровь есть *«европейская, универсальная культура»* (подчеркнуто Д. С. Лихачевым) [7, с. 19]. Он решительно не принимал «убогую идеологию евразийства». По его мнению, это — продукт «*национальной закомплексованности*» (выделено Д. С. Лихачевым) [7, с. 19].

Но есть и другая точка зрения. Л. Н. Гумилев, например, доминирующим началом России считал Восток.

Какой же позиции следует отдать предпочтение? Для этого надо осмыслить реальное воздействие той или иной культуры на психологию, обычаи, нравы народа. Европейское влияние — очевидно, нет нужды специально на этом вопросе останавливаться. А азиатское? По Лихачеву, «азиатское начало в русской культуре лишь мерещится» [7, с. 18].

Так ли это? Один из самых глубоких отечественных мыслителей В. О. Ключевский обращал внимание на «скрытый коренной факт» нашествия ордынцев. Оно привело к массовому исходу населения в леса Центральной России. Киев утратил свою роль связующего центра. Образовалась новая ветвь в составе русской народности — *великорусское племя* (выделено В. О. Ключевским). Начался новый, второй период (московский) отечественной истории [6, с. 88].

Еще одно принципиально важное историческое наблюдение сделал В. О. Ключевский. Княжества Руси были не самостоятельными владениями князей, а «улусами» татар. Если бы князья были предоставлены вполне самим себе, они бы разнесли свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскутья. Власть хана давала хотя бы признак единства [6, с. 139].

Одно из главных проявлений культуры, как справедливо пишет Д. С. Лихачев, — слово. Весь мир берет свое начало в Слове [7, с. 14]. Орда обогатила Русь такими словами, как «деньги», «казна», «аршин», «башмак», «таможня», «базар», «табун» и т. д.

Орда оставила в теле Руси и родовые травмы. Князья звались холопами «великого царя» (так в те времена на Руси величали ордынского хана). Они проходили оскорбительную процедуру представления хану. Народ, как фиксировал Н. М. Карамзин, начинал привыкать к рабству, терпеливо сносил свое унижение [5, с. 301]. И самое главное. Россияне стали заимствовать нравы своих победителей. Вознесение монарха на недостижимую высоту было одним из краеугольных камней, созданных Чингисханом. Монгольские гены пустили корни на российской почве. Самодержавие (абсолютная монархия) возникло на Руси по ордынскому образцу. Самоуничижение подданных перед монархом, сакрализация государя стали неписаными правилами

[1] См. подробнее: *Томалинцев В. Н., Козлов А. А*. Введение в социальную экстремологию : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ, 2005 ; *Томалинцев В. Н*. Экстремаль России. Прогноз развития. СПб. : Фонд «Отечество», 2007 ; *Томалинцев В. Н*. Экстремальные смыслы культуры. СПб. : Алетейя, 2019.

[2] Профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Автор около 280 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогика клубной работы», «История социально-культурной деятельности», «Век нынешний и век минувший (Опыт исследования культурно-образовательных проектов социализма в рыночных условиях)», «Социально-культурная деятельность в эпоху нового Великого перелома», «Социально-культурная деятельность государства и гражданского общества», «От анатомии библиотек к анатомии общества», «Сага о времени и о З. В. Чаловой. Опыт биографии», «Эволюционный держите шаг», «Момент истины» и др. Почетный председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП.

поведения. Верховенство закона перед исполнительной властью не укоренилось. В общем, Орда изрядно наследила в сознании и поведении россиян.

Наиболее взвешенная позиция о месте России на карте мира принадлежит Н. А. Бердяеву. Он считал, что «Россия не может определить себя как Восток и противопоставлять Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [1, с. 20]. И на гербе России две головы орла обращены в разные стороны — на запад и на Восток.

* * *

Сближение и объединение стран в единое мировое сообщество подается как истина, не требующая доказательств, притча во языцех. Но это, скорее, сладкий сон адептов глобализации, чем суровая действительность.

Человеческий мир не просто разобщен. Он уже вступил в зону повышенных рисков безопасности. «Идет всемирная Хиросима» (А. Вознесенский). Пока существуют войны, в том числе холодные, пока государства объявляют взаимные санкции, пока недоверие и страх преобладают в восприятии народами друг друга, все разговоры о едином человечестве остаются досужими. Идет повсеместный процесс скорее деглобализации, чем глобализации. Показателен в этом смысле выход Великобритании из Евросоюза (Брексит).

Но главный вопрос заключается вот в чем. Глобализация — это продукт соработничества мирового сообщества или навязывание такой модели мироустройства, когда одна страна путем угрозы силового превосходства пытается доминировать в мире, исходить из безальтернативности собственных представлений о социально-экономическом, политическом устройстве планеты? Сегодня правит бал вторая модель. Носителем ее являются США, которые пытаются обратить в свою веру все человечество. Лозунг Дональда Трампа — «Вернем Америке былое величие».

СМИ как заигранные пластинки прокручивают слова о том, будто глобальными становятся производство, торговля, культура. Сложившаяся практика опровергает это расхожее мнение. Достаточно сказать, что мировая торговля составляет около 17 % мирового валового продукта. Около двух третей человечества живет в странах, практически изолированных от остального мира. У них доля экспорта и импорта в ВВП не превышает 3–5 %.

Красивым штампом — не более — стал так полюбившийся многим афоризм: будто бы пушки молчат, когда говорят музы. События в колыбели цивилизации — Сирии, Месопотамии — выявили другую, более достоверную закономерность: музы погибают, когда говорят пушки. Весь мир с содроганием наблюдал за трагической судьбой Пальмиры, признанной ЮНЕСКО памятником всемирного наследия. «Рукописи не горят» — еще один безответственный штамп. Горят и еще как. В 2015 году боевики взорвали Центральную библиотеку Мосула. В ее дворе был устроен костер из книг. Но и в мирное время рукописи горят. Пожар в библиотеке московского Института научной информации по общественным наукам РАН в том же году навсегда уничтожил многие рукописи, документы, книги.

Но и без пушек, пожара «мягкая сила» — культура — тоже дает сбой. Появился даже термин «гуманитарная война». Вот яркий пример. С 2010 года приостановлены обмены между государственными музеями России и музейными собраниями США. Яблоком раздора стала библиотека Шнеерсона. Американское правосудие требует от России передать ее американским хасидам. Статус неприкосновенности российских культурных ценностей, экспонируемых в США, поставлен под сомнение. Рисковать «святынями нашей культуры», по Лихачеву, «смертный грех народа». Так как «культурными ценностями не может распоряжаться не только правительство, парламент, но и вообще ныне живущее поколение, ибо культурные ценности не принадлежат одному поколению, они принадлежат и поколениям будущим» [7, с. 10].

И мультикультурализм как модель плюралистического, поликультурного общества, как оптимальный консенсус совместно проживающих людей разных культур не выдержал испытания практикой. Все закончилось культурным и ценностным противостоянием коренных жителей и новоселов, антииммиграционным отгораживанием Европы, «стеной Трампа» (проектом американо-мексиканской стены, преграждающей въезд беженцам из Мексики в США).

Крупнейший отечественный писатель и общественный деятель Евг. Водолазкин категорически говорит, что глобализм — утопия. Мир не хочет превращаться в сплошной Макдоналдс [9, с. 6].

* * *

Итак, универсальной для всех модели развития не получилось. Значит ли это, что глобализация недостижима? Вряд ли. Совместное проживание людей разных культур в одном государстве — это ведь и есть ее микромодель. И опыт той же России свидетельствует о том, что многонациональное государство можно построить, сохраняя национальные кухни, не опасаясь призрака макдоналдизации. Глобализм вовсе не исключает культурно-цивилизационного многоцветия. Избрание мисс мира по стандартам Барби — сознательное искажение идеи глобализации.

Еще один пример — Интернет. Глобальная сеть (Всемирная паутина) создана для хранения и передачи информации. Электронная почта связывает пользователей компьютеров. Интернет — царство безграничных возможностей. Но он приносит благо только тогда, когда человек сознательно использует его для возвышения своих потребностей, а не для удовлетворения биологических инстинктов. И потому надо *учить человека жить не только в обществе, но и в Интернете.* Скорее всего, наступила *новая фаза бытия человечества, когда предстоит сообща выработать новые принципы взаимодействия.*

И начинать надо все-таки с культуры. Наметившаяся в последние годы трактовка культуры как надбиологической программы деятельности человека слишком широка и многогранна. Нельзя не согласиться с гла-

вой ЮНЕСКО Одри Азулай, которая накануне визита в Москву в марте 2019 года заявила: «после Второй мировой войны мир увидел, что наука и культура могут быть подчинены разрушительным проектам, которые вынашивал нацизм. Это было моральной катастрофой… Больше никогда нельзя отрывать науку и культуру от гуманистических идеалов» [2, с. 9].

Вот почему культуру надо понимать как возделывание души. То, что мы называем культурой, — продукт деятельности особого типа личности — сеятеля разумного, доброго, вечного. Д. С. Лихачев писал, что культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации [7, с. 9].

Кроветворный орган культуры — образование. ЮНЕСКО объявила XXI век веком образования. Сегодня все страны озабочены поиском нового оружия, а нужно осваивать новое образование. Тем более что целенаправленное формирование субъекта глобализации требует *новую педагогику — педагогику глобального мироустройства.* Продуктом ее должен стать принципиально новый тип личности — *гражданин мира.*

Достоевский в русском человеке угадывал модель *всечеловека*, которому свойственна *всемирная отзывчивость, всечеловечески-братское единение*. И что особенно важно: всемирность приобретается не мечом, а силой братства [3, с. 456–458]. Критериями оценки педагогики глобализма становятся сформированные в человеке способность к соработничеству, сотрудничеству, взаимодействию.

* * *

«Перемен требуют наши сердца. Перемен» (В. Цой). Суть перемен состоит в том, чтобы человек ощутил себя не только объектом, а главным образом — *деятельным субъектом (актором) культурно-образовательного процесса.* Чтобы он не дожидался благоприятных условий для своего развития, а сам создавал их, принимал решения и был ответствен за них. Чтобы человек стал творцом, преобразующим действительность по законам красоты, а не потребления.

Устойчивый тренд последних лет — общественно полезная деятельность по зову сердца.

Народный артист Константин Хабенский на свои средства создал фонд для детей с тяжелыми заболеваниями. По всей России он открывает студии творческого развития, продвигает театральный музыкальный проект «Маугли».

Народная артистка Чулпан Хаматова учредила благотворительный фонд «Подари жизнь». Средства фонда (и личные сбережения Хаматовой) используются для помощи больным детям. Глава государства В. Путин поддержал инициативу фонда. В Москве был выстроен детский центр онкологии, гематологии и иммунологии. Он символизирует *новую веху времени — соработничество государства с частной инициативой в сфере благотворительности.* (В Советском Союзе настороженно относились к частной благотворительности. Это была функция государства.) Благотворительный эффект взаимодействия государства и общества многократно превосходит сумму отдельно предпринятых усилий.

В ногу с миссионерами от искусства шагает та часть бизнесменов, которым не чуждо милосердие. В стране сегодня насчитывается порядка 10 тыс. предпринимателей, которые помогают государству заботиться о детях, инвалидах, людях в возрасте, многодетных родителях. При этом они сами не только зарабатывают, но и получают господдержку. Многие из них совершают настоящий подвиг просвещенной благотворительности — выкупают произведения искусства и передают их государству, основывают культурные центры. В общественном сознании появились *новые понятия — «социальный бизнес», «социальный предприниматель».*

Масштабы благотворительной деятельности приняли черты тектонического сдвига, когда к ней подключилось массовое общественное движение волонтеров. Но самое главное, человек, включенный в благотворительность, социальный бизнес, изменяет свое сознание и поведение. Тот, кто протягивает руку помощи нуждающемуся, прикасается к Богу.

* * *

Культурные связи — гибкий и действенный инструмент в механизме внешнеполитической деятельности. Это важный ресурс дипломатии, инструмент «мягкой силы», используемый для улучшения взаимоотношений между народами и государствами. Народную дипломатию, представленную деятелями культуры, называют *культурной дипломатией.* Она нуждается в *особом типе договороспособной личности*, настраивающей на оптимальный консенсус и гармонизацию отношений.

Вот яркий пример соработничества в сложнейшей геополитической ситуации. 13 марта 2019 года президент РАН Александр Сергеев и глава Национальной академии наук США Марша Макнатт подписали соглашение о сотрудничестве. А. Сергеев так оценил это событие. Выстроенный сегодня мостик научных контактов завтра может стать основой другого моста — с широким двусторонним движением между нашими берегами [4, с. 7].

Двустороннее движение — это и есть реальный шаг к глобализации. Мечта Маяковского «жить единым человечьим общежитьем» рано или поздно овладеет массами и станет материальной силой.

Литература

1. *Бердяев Н.* Душа России / Н. Бердяев. — Л., 1990.
2. *Гусман М.* Русский культурный слой / М. Гусман // Рос. газета. — 2019. — 6 марта.
3. *Достоевский Ф. М.* Пушкин / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 10 т. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. — Т. 10.
4. *Емельяненков А.* Академики и дипломаты / А. Емельяненков // Рос. газета. — 2019. — 14 марта.
5. *Карамзин Н. М.* История государства Российского / Н. М. Карамзин. — М. : Эксмо, 2006.
6. *Ключевский В. О.* Русская история / В. О. Ключевский. — М. : Эксмо, 2006.
7. *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Русская культура. — М. : Искусство, 2000.
8. *Сахаров А.* Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления / А. Сахаров. — Л. : Сов. писатель, 1990.
9. *Яковлева Е.* С добрым утром, Бах, говорит Бог / Е. Яковлева // Рос. газета. — 2019. — 13 марта.

А. В. Успенская[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ТРОЯНСКОГО МИФА

В художественной литературе сопоставление с мифом издавна способствовало не просто моральному возвышению события или героя произведения, но помогало обнаружить новые семантические пласты, будь то психология героя или историософское осмысление загадок бытия. Сравнение российской судьбы с историей Трои оказалось весьма удачным для русской культуры, хотя для того, чтобы этот сюжет стал близким и волнующим, потребовалось несколько этапов освоения знаменитого греческого мифа. Известные еще в Древней Руси со времен переводов хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы троянские сказания о похищении Елены, о битвах Ахилла, Патрокла и Гектора очень рано вошли в наш общекультурный фонд. Троянский миф стал особенно значимым в русской литературе с петровского времени: Гомер — первый писатель Европы, и Россия должна начинать свой культурный путь на Запад с самых основ. Но все-таки до определенного момента Троя осознавалась как легендарное *чужое* прошлое.

В настоящем докладе мы попытаемся отметить многообразие на русской почве самого значения понятия «Троя», а также показать, что с определенного момента троянский миф приблизился к русской культуре настолько, что стал осознаваться личностно близким как судьбам литературных персонажей, так и судьбе России.

Отметим разные варианты восприятия самого концепта «Троя».

1. Гомеровская Троя — мир древней доблести, подвигов, благородства и широты души. Для большинства образованных русских читателей это был знакомый с гимназических лет классический мир переводов с греческого языка «Илиады» и «Одиссеи», мир скучновато-величественный, не предполагавший личностного отношения к происходящему.

2. Совершенно иной облик имела еврипидовская Троя. Это мир катастрофы, невинного страдания, общей иррациональности бытия, непостижимости судеб человека и мира. Речь идет, прежде всего, о трагедии Еврипида «Троянки» — пьесе, где нет единого сюжета, но дается череда трагических эпизодов в захваченной Трое, показана гибель великого города и его жителей, где беспомощным и слабым нет спасения, а захватчикам нет воздаяния (хотя их злодеяния бессмысленны — по мифу, уже за рамками пьесы, гибель ждет и греков, так как они осквернили алтари троянских богов и будут наказаны: их корабли погибнут в великой буре). В России этот образ Трои был воспринят благодаря Шекспиру (в «Гамлете» упоминается актер, играющий в «Троянках», и Гамлет удивлен, насколько чужой мир вызывает у него ужас и сострадание к невинным жертвам рока: «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?»). В еще большей степени образ еврепидовской Трои был раскрыт в поэзии Шиллера. Его стихотворение по мотивам «Троянок» «Торжество победителей» в переводе Жуковского было известно каждому образованному человеку:

Сколько бодрых жизнь поблекла! / Сколько низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла; / Жив презрительный Терсит.
Все великое земное / Разлетается, как дым:
Ныне жребий выпал Трое, / Завтра выпадет другим…
Смертный, силе, нас гнетущей, / Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи; / Жизнью пользуйся, живущий.

3. Иное значение принимает Троя в поэзии римского поэта Вергилия, в отличие от Гомера, смотревшего на гибель Трои только глазами троянцев. История о Трое воспринималась в «Энеиде» глобально, как гибель целого мира. Это восприятие стало актуальным во время русской революции 1917 года. Троянская катастрофа неожиданно приблизилась к русским реалиям. Пала великая империя — Россия, пала на море ее столица, Петербург — в таком контексте город становился новой Троей. Уезжавшие на Запад писатели, философы, художники чувствовали себя новыми Энеями, беглецами. Георгий Адамович признавался через 35 лет: «Для меня в слове „Троя“ столько всего — что само упоминание о ней для меня поэзия». А уезжая в 1919 году в эмиграцию, он писал:

Тогда от Балтийского моря / Мы медленно отступали.
<…> И вдали голубое море / У подножия Трои билось[2].

Троя — это покидаемый Петербург, Россия, вся прошлая жизнь, мир утонченной культуры. В стихотворении «Что там было? Ширь закатов блеклых» Адамович тоскует об исчезнувшем, подобно Трое, Петербурге: «На земле была одна столица. Все другое — просто города».

Другой поэт-эмигрант А. Ладинский писал в стихотворении «Посвящение»:

О, как мы плакали, бросая дом! / В сугробах замерзала наша Троя,
И призрачным непрочным мотыльком / Ушел кораблик наш искать покоя[3].

4. Но «Энеида» повествует не только о гибели великой цивилизации. «Энеида» — произведение, исполненное провиденциальности и оптимизма. Она — о великой миссии беглецов во главе с Энеем. Эта миссия

[1] Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», учебного пособия «Конфликтология духовной сферы», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России». Почетный профессор СПбГУП.

[2] *Арьев А. Ю.* Античные маски Георгия Иванова // Античность и культура Серебряного века. М., 2010. С. 375.

[3] Там же.

неустанно предстает перед ними в снах и прорицаниях оракулов. Покинув старую родину, герои должны отыскать новую, построить новое прекрасное государство, которое когда-нибудь станет могучим Римом, великой империей. Эта идея на первых порах вдохновляла и российских эмигрантов. Построят ли они новую родину или останутся жалкими беглецами? Рима создать не удалось, но эмигрантские Берлин и Париж, особенно поэзия эмиграции, оказались значительным явлением не только в литературе русского зарубежья, но и в европейской культуре в целом. Нина Берберова писала в «Лирической поэме»: «Я не в изгнанье, я — в посланье».

Однако тема Трои, понятая сквозь призму «Энеиды», навевала и более пессимистические идеи. Возникают, а затем исчезают под напором варварства великие царства, и от них не остается ничего. Так, например, Георгий Иванов писал, отказываясь понять и принять историческое забвение, волны которого все более явственно захлестывали белую эмиграцию: «Вдруг — ни похода ледяного, / Ни капитана Иванова, / Ну абсолютно ничего!». Ирина Одоевцева написала об этом в стихотворении «Всегда всему я здесь была чужою…»: «Построили и разорили Трою». Георгий Иванов подхватил эту мысль:

Построили и разорили Трою, / Построили и разорят Париж.
Что нужно человеку — не герою — / На склоне?.. Элегическая тишь.

5. В российской поэзии советского времени образ Трои как несбывшегося счастья, навсегда исчезнувшей великой страны и ее культуры находим у О. Мандельштама:

Греки сбондили Елену / По волнам,
Ну а мне — соленой пеной / По губам.
По губам меня помажет / Пустота,
Строгий кукиш мне покажет / Нищета.

Или у Александра Галича в романсе, посвященном Вертинскому:

А Троя? — Разрушена Троя, / И это известно давно.

Поэт с горечью декларирует распад и исчезновение красоты в современном мире под напором пошлости: «А нашу Елену, Елену — Не греки украли, а век!»

6. Следует отметить и еще одно значение — самое универсальное. Троя — это реальный мир открытий Генриха Шлимана, за которыми в 1870-е годы, затаив дыхание, следил весь образованный мир. Современному человечеству предстала седая древность, первооснова европейского мира в ее потрясающем величии. В таком аспекте история о расцвете и гибели Трои действительно предстает универсальным эпосом о формировании человечества. Именно к этому образу — уже не мифологическому, а реальному — обращался Достоевский в финале «Братьев Карамазовых», также колоссального эпоса о погибающей, но все-таки имеющей шанс возродиться России.

В романе действие происходит в последней четверти XIX века. Достоевский отчетливо ощущал близящийся перелом, российскую катастрофу еще в романе «Бесы». Начиная это произведение как памфлет против нигилистов-нечаевцев, он возвел частный случай к роману-трагедии, роману-мистерии. В последнем романе Достоевского «Братья Карамазовы» тема старого мира, уходящего в прошлое, раскрывается особенно мрачно. Если Тургенев еще испытывал ностальгию по обреченным «дворянским гнездам», то дворянская культура в семействе Карамазовых демонстрирует гниение и распад: низменное сладострастие и ничтожность старшего Карамазова, пьяный разгул и буйство Дмитрия, утонченный, холодный, демонический интеллектуализм Ивана. Даже чистый Алеша то и дело ощущает в себе «карамазовщину». Старая Россия себя исчерпала. Но Достоевский в этом романе провидит и новую эру, она начинается с мальчиков, встретившихся Алеше Карамазову. Это начало — почти с нуля, с первобытного варварства, жестокости стаи: мальчишки при первой встрече с Алешей Карамазовым бросаются в него камнями, один из них кусает его за палец. История повторяется, начинаясь сначала, «с основания Трои».

Недаром именно вопрос о том, кто основал Трою, так волнует мальчиков из романа. Примечательно, что учитель Дарданелов, хотя он, по признанию героев, человек справедливый и умный, — не знает. Он — представитель старого поколения, рационалист, он говорит о движении народов, о постепенном формировании государств, но не видит очевидного. Он просто неспособен к самоидентификации: его фамилия происходит именно от Дардана. Так, старшее поколение уже утратило способность осознавать истину. Ил, сын Дардана (по другому варианту мифа — правнук Дардана, сын Троя), пал: его могила под камнем легла в основание Трои. Над постелью умирающего Илюшечки мальчик Карташов раскрывает тайну: Трою основали Тевкр, Дардан, Трой и Ил. Как справедливо отмечают Фредерик Т. Гриффитс и Стенли Дж. Рабинович в монографии «Третий Рим»[1], смерть нового Ила — Илюшечки — закладывает основание нового братства, основанного уже не на дикости, а на любви и сострадании. Именно молодому поколению, по мнению Достоевского, предстоит перестроить и возродить этот разрушающийся мир. Так роман Достоевского приобретает черты нового эпоса, где древнее и в то же время юное язычество нарождающегося мира сливается с христианством.

7. В конце XX века в России снова настал переломный момент. Вновь происходит распад и гибель Российской империи — уже в ее советской ипостаси. Но означает ли он исчезновение страны, окончательный распад культуры? В масштабнейшем художественном исследовании Андрея Битова «Империя в четырех измерениях» поднимался вопрос о сути русской империи, ее людях и событиях, о нравственном смысле ее существования. Примечательно то, что, когда объект исследования уже перестал существовать, в своем позднем романе «Преподаватель симметрии» Битов также почувствовал необходимость обратиться к троянскому мифу. В первой новелле романа, названной

[1] *Гриффитс Ф. Т., Рабинович С. Дж.* Третий Рим. СПб., 2005. С. 253.

«Вид неба Трои» возникает странный, нелегко поддающийся дешифровке образ: в руки главному герою попадает фотография, названная «Вид неба Трои». Главному герою, писателю Урбино Ваноски, ее подсовывает некий инфернальный толстяк с портфелем. На снимке только небо, но что-то заставляет героев поверить, что это небо Трои. Что остается от великих разрушенных империй? Пустота и забвение — или все-таки остается «воздух культуры», пусть почти бесплотное, но воспоминание, которому суждено снова воскреснуть и воплотиться. Оставляя за спиной развалины горящей Трои, Эней и его спутники смогли увезти с собой лишь образ родины, «вид неба Трои», и на новой земле, в новых условиях жизни сумели воссоздать и многократно приумножить утраченную красоту и величие.

Роман Битова имеет подзаголовок «Роман-эхо». При всем игровом характере интертекстуальности в тексте античный миф придает повествованию бытийный смысл: в эпохи катастрофических исторических переломов эхо древней культуры и эхо вечной красоты не может исчезнуть, оно по-прежнему тревожит современного человека, вызывая к жизни новые и вечные образы, предрекая новые исторические возможности.

А. Н. Фатенков[1]

ОБ АВТОКРАТЕ И ЕГО ОППОНЕНТАХ: ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Современность — не модерн и не постмодерн, а их смесь в реалиях нынешнего дня. К теперешнему всегда приложимо — до определенной поры — немало характеристик с приставкой «пост-». Ее наличие грамматически символизирует переход от некоего былого, содержательного и значимого (неважно, с положительным или отрицательным знаком) к пока лишь становящемуся, не до конца проявленному, существующему только в тенденции, фрагментарно или даже симулятивно. Нынешнему обществу уже нет особого резона в весьма абстрактной метке «постиндустриализма», оно с очевидностью выказывает устоявшуюся, вполне конкретную — информационно-сервисную — технологическую доминанту. С ней так или иначе вынуждена соотноситься вся профессиональная среда, не исключая, увы, и область образования.

Большой удельный вес сферы услуг в функционировании общества ничего не говорит о ее подлинной социальной ценности. Учитель — учит, врач — лечит, услуги оказывают — «девочки по вызову». Трудно отделаться от ощущения нечистоплотности, назойливости, показушности и тотальной купли-продажи, когда соприкасаешься с институцией сервисеров. Услуга, если за ней больше ничего нет, имеет исчерпывающий денежный эквивалент, каким бы числом он ни выражался. Ее оптимальный носитель — посредник, отчужденно снующий-пребывающий между ценностным содержанием передаваемого и соответствующей инстанцией-акцептором. Чистый посредник производит бессодержательную добавочную стоимость. Если ценностное содержание при переносе меняется, то посредник превращается в подсобника (в случае результирующей прибыли) или пособника (в случае итоговой убыли). Даже при благожелательном взгляде на посредничество (который, признаться, неожиданно было обнаружить в тексте Режи Дебрэ — пусть и в прошлом, левака-геварист а), когда оно непременно предполагает преобразование-преображение передаваемого, посредник-медиум лишен личностных и вещных качеств. По сути, это перекресток в системе отношений, «это место и функция в диспозитиве переноса»[2]. Подсобные работы (вернем пристрастно-критический тон и лексикон) имеют свой твердый, невысокий по обыкновению, тариф. При этом далеко не всегда они представляют собой действенную помощь, которая никак не укладывается в формат товарно-денежных отношений и сопряжена с даром, в свою очередь замешенном, по фундированной версии Жоржа Батая[3], на жертвенности и жертвоприношении, отсылая нас к автократичной личности. Возможный испуг либерал-обывателя здесь преждевременен. Реальная помощь людям приходит именно от автократа — и чаще, чем реальная угроза.

Он тот, кто властвует над собой. Самостоятельность для него важнее признания окружающих. Ролью ассистента, а тем более посредника, автократ никогда не удовлетворится. Он не просит помощи от других и не навязывает им свою, помогая не абстрактно — конкретно, избирательно, точечно. Он отчетливо осознает, что не в состоянии облагодетельствовать всех, одновременно будучи убежден, что в подобном тотальном благодеянии и нужды-то нет, более того, неразборчивость во вспоможении грозит масштабными бедами. Он соглашается с тем, что «Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо» (выделяя курсивом *в своем роде*) и, с подозрением относясь к любой разновидности мессианизма, отклоняет универсальную константу спасения.

---

[1] Профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Стратегии осмысления бытия: реализм в полемике с конструктивизмом и теорией отражения», «Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах: Альбер Камю», «Мощь пространства: французский замер», «Революция и экзистенция (этюды разного настроения)», «Человеческое существование в галерее превращенных и отчужденных форм», «Эффективность как ложный ориентир развития общества?», «Близ воплощенного ничто: Антонен Арто и его метафизическая доминанта» и др. Член редакционного совета журнала «Философская антропология», член Российского философского общества.

[2] *Дебрэ Р.* Введение в медиологию / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2010. С. 203.

[3] См.: *Батай Ж.* Границы полезного. Отрывки из незаконченного варианта «Проклятой части» / пер. с фр. И. Б. Иткина // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. С. 235–309.

Автократия неизбежно производит или воспроизводит иерархию (ранжирование, субординацию), хотя бы локальную. Обратное неверно: возможна анонимная иерархия — институтов, законов, инструментов. И вот в соприкосновении с ней надо быть настороже. Персонифицированная же субординация настороженность во многом снимает. О неустранимости социального ранжирования в пику амбициям сетевых структур говорит даже не правого толка интеллектуал, уже цитировавшийся французский медиолог: «…*передавать означает организовывать, а организовывать* — волей-неволей *создавать иерархию*. Чтобы связать людей между собой в горизонтальном измерении, необходимо драматически начать, разделяя их в измерении вертикальном»[1]. В содержании тезиса проглядывает утвердительно-вопрошающая мысль классика исторического материализма: в процессе производства и обращения продуктов «деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?»[2]

Если автократ получает признание, он становится также авторитетом. Но не всякое признание свидетельствует об автократичной первооснове: оно может выказываться распущенной персоне и проистекать из слабости почитателей. Маниакального фюрера жаждут и превозносят надломленные, униженные, отчаявшиеся. Влечение — неполноценное — здесь обоюдное. Самодостаточного человека вождь и толпа одинаково чураются и завистливо ненавидят. Вольно или невольно распространяя власть над собой вовне, автократ обретает черты авторитарной личности. Та не является заведомо преступно-деспотичной; не ограничена ипостасью диктатора, брутального или в бархатных перчатках. Фридрих Георг Юнгер прав: «Именно среди жестких людей можно встретить по-настоящему добрых»[3]. В конце концов, пусть даже авторитарный человек вознамерен рассматривать часть или всех других не субъектами, а объектами, — согласно примитивной идеологеме, никто не запрещает этим другим не соглашаться с незавидной ролью и сопротивляться навязываемой зависимости. Собственно, статус субъекта — актуально существующего — не априорен. Он утверждается и поддерживается волевыми усилиями натуры. Безвольному надо пенять на себя, не на кого-то. Одновременно и хитроумному, привыкшему загребать жар чужими руками авторитаристу, скрытному и бесчестному, рядящемуся в одежды демократии, толерантности и плюрализма, — тоже надо дать окорот: его лицедейству грош цена.

Защиты достойна не всякая — лишь нелукавая авторитарность, и при условии, что она табуирует, обуздывает человеконенавистничество. Тотальная ненависть бесчеловечна, ненависть к отдельным и некоторым — не фатальна. Потому не исключено, что хуже беспросветной ненависти — штиль безразличия. Да, лучше хотя бы отрицательным образом выделять кого-то, нежели пребывать в равнодушии к окружающим. Индифферентность напрочь вымарывает не только ненависть, но и любовь. А вот ненависти, пусть и зашкаливающей, с любовью не справиться никогда. Ненавидь хоть полчеловечества (неужели есть за что?), но любовь — к единственному из многих, пусть так — спасает жизнь и судьбу, отворачивает тебя от безнадеги. Ненависть не беззлобна, однако, как и ярость, способна возвыситься над злобой, стать благородной. Любовь, земную и человеческую, не остановит и благородство. Любовь милостива и к низости — увы. Но, к счастью или несчастью, превозмогает обе моральные крайности, превозмогает саму мораль с исходящей от нее данью внешним силам и обстоятельствам.

Уничижительная адорновская интерпретация авторитарного индивида как потенциального фашиста и актуального антисемита, как существа с максимально предвзятыми стереотипами[4] — недобросовестна и эвристически слаба. Она не позволяет ни корректно структурировать недемократические воззрения и практики, ни надежно отличить авторитарный характер и строй от тоталитарного, ни отдать должное антифашисту-недемократу. Вряд ли вообще прилично мужчине, вне зависимости от его интеллектуальных способностей, сбежавшему от фашизма аж за океан, упрекать других людей в том, что они не боролись или недоборолись с «коричневой чумой» вокруг себя и в себе. Негоже и позицию «одинокого волка» однозначно генетически привязывать к похвальбе нацисткой верхушки и априори равнять с трюкачеством: дескать, никогда не следует верить тому, кто заявляет, что за ним никто не стоит. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: в отсутствие дополнительной информации ситуация с «одиноким волком» — пятьдесят на пятьдесят. Смешно, наконец, мыслить себя радикальным антибуржуа и громить авторитаризм. Подобных деятелей раскусил в свое время Ф. Энгельс: антиавторитаристы «требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видели ли когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных»[5]. Резюме классика недвусмысленно: антиавторитарные «противники мира капитала» осознанно или неосознанно играют на руку реакции. И действительно, Т. Адорно выказывает стопроцентный оппортунизм, когда обвиняет одинокого борца в разжигании ненависти к монополизму, которая (только подумайте!) оказывается якобы «одним из средств ускорить победу тоталитаризма»[6].

Заметка Ф. Энгельса помимо прочего вплотную приближает нас к прояснению сущности автократии. Философ, соотнося принципы авторитета и автономии, справедливо полагает их пропорцию вариативной на разных этапах общественного развития. Держа в уме очерченное подспорье, выстраиваем дефиницию: *автократия* и *есть подвижный оптимум*

[1] *Дебрэ Р.* Введение в медиологию. С. 27.

[2] *Энгельс Ф.* Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 303.

[3] *Юнгер Ф. Г.* Совершенство техники. Машина и собственность / пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб. : Владимир Даль, 2002. С. 439.

[4] См.: *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В. П. Култыгина. М. : Серебряные нити, 2001.

[5] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 305.

[6] *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. С. 315.

в многосложном пересечении автономности и авторитарности. Пределы автократии — от пропасти анархии до тупика диктатуры. Но между безнадежными, бесперспективными крайностями простирается богатое поле вертикально ориентированных экзистенциальных и социальных практик. Тут особо значимы два момента: 1) власть над собой превыше власти над другими; 2) несоизмеримость, равенство, косная иерархия (индивидов, общностей, тел, вещей, смыслов) отвергаются в угоду иерархии подвижной, которая сегодня особо призвана разоблачать горизонтальные миражи сетей.

М. Н. Фомина[1]

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ, ВАРИАТИВНОСТЬ, РИСКИ[2]

В современном мире глобальные экономические и политические проблемы отражаются и на культурной сфере, что является одним из факторов интеграции культур. В научных дискуссиях понятия «культурная глобализация», «глобальная культура» и тому подобные встречаются не реже, чем «глобализация», и мнения о них расходятся так же, как и в отношении глобализации, от безусловного «за» до решительного «против». Приводится много аргументов — критикующих, осуждающих, разоблачающих. Одни авторы и сегодня предлагают сформировать локальное пространство, закрытое от культурного взаимодействия, для сохранения «самости», другие ведут речь о том, что мир движется к единой культуре, свободной от национальной (этнической, религиозной) идентификации. Но, к сожалению, практически никто не предлагает реального, рационально обоснованного пути дальнейшего развития. Время их рассудит.

Культура в современном мире подвержена как внутренним, так и внешним воздействиям. Внутренние трансформации приводят к снижению значения традиционных ценностей, индивидуальных для каждой этнической культуры, и переходу к ценностям потребления, которые не идентифицируются с какой-либо культурой и сформировались в рамках экономических отношений. Результатом внешних трансформаций можно считать глобализирующуюся культуру, которая формируется в контексте диалога культур и межкультурного взаимодействия. Она настроена на прогресс человечества и стремится к гармонии, взаимопониманию и взаимоуважению. Но при этом возникает вопрос культурной безопасности в условиях глобализации. С одной стороны, глобальная культура направлена на сохранение культурных ценностей, с другой — на формирование системного единства.

Глобализация диктует свои правила и условия существования для мирового сообщества, так как охватывает все уровни его жизнеобеспечения и устанавливает взаимозависимость его субъектов. Взаимосвязь выражается не только в формировании международных форм деятельности, но и в диалоге культур и цивилизаций. Сегодня диалог культур вышел за пределы локальных объединений на мировую арену. Об этом, в частности, свидетельствует Международный культурный форум озера Тайху, который был впервые проведен в 2011 году в Китае как глобальное объединение. В нем участвуют народы различных культур и цивилизаций. Форум определил глобальные проблемы в сфере развития мировой культуры. Темы форумов (в 2011 г. — «Диалог и взаимодействие в интересах мировой гармонии и общего развития», в 2014-м — «Укрепление контактов с использованием „мягкой силы“ в культуре, продвижение мира и развития», в 2018-м — «Межцивилизационный диалог: создание общего будущего для человечества») показывают динамику современной гуманитарной мысли. Мировое сообщество должно обратить внимание на культуру, которая является не только средством его существования в глобальном мире, но и условием безопасности.

Если суть глобализации можно определить через анализ процессов трансформации и модернизации, то ее проявления раскрываются не только в экономических и политических, но и в культурных проблемах, одной из которых является культурная безопасность. Анализируя 3-й Всемирный культурный форум 2014 года, А. Н. Чумаков отметил, что культурное взаимодействие между странами объединяет человечество в глобальное сообщество. Основанием для этого являются признание принципов сосуществования культур и роль культуры в сохранении мира, в прогрессе человечества[3]. А. Н. Чумаков видит тесную связь между World Cultural Forum [Taihu, China] и Давосским мировым экономическим форумом: их объединяют сотрудничество и диалог, которые обеспечивают мировую гармонию. Но стремление к гармонии имеет и свои проблемы. Одной из них и является культурная безопасность.

---

[1] Профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Размышление о транскультурном пространстве как рефлексии глобализирующейся культуры» (в соавт.), «Cultural security of the transboundary in a globalizing world: a theoretical and methodological analysis» (в соавт.), «Онтологичность диалога культур», «Globalizing culture as the essence and the phenomenon of globalization» (в соавт.), «Strategy Cultural Resources Chinese Version of ‘Soft Power’» (в соавт.), «Problems of economic globalization of China as a factor of cultural security» (в соавт.), «Methodological approaches to investigation: from dialogue to political dialogue» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества, Комитета по делам общественных и религиозных организаций при Администрации губернатора Забайкальского края.

[2] Доклад подготовлен в рамках Государственного задания № 35.9234.2017/БЧ.

[3] *Chumakov A. N.* „Soft power“ as a way of solving problems in a globalized world // The age of globalization. 2014. № 2. P. 192.

Если Клод Леви-Стросс писал, что культурное взаимодействие порождает не только позитивные, но и негативные явления, то Ж. Тардиф, ссылаясь на С. Хантингтона, отмечает, что сегодня взаимодействие между народами, принадлежащими к разным цивилизациям, не только растет, но и порождает конфронтацию между разными взглядами и системами ценностей. Современный мир вывел человеческие (межличностные, межгрупповые и т. п.) отношения за пределы не только социальных институтов, но и государственных и географических границ. Если в локальных системах они формировались в рамках исторически сложившейся матрицы (традиций, обычаев, ценностных регуляторов, религий и пр.), то за их пределами конкретный человек (группа) становится их субъектом, перенося культурные установки (от «общего» к «частному») в другое культурное пространство, которое становится новой средой жизнедеятельности, способствует культурной адаптации и выступает механизмом (инструментом) культурного диалога.

Жан Тардиф в статье «Межкультурные диалоги и культурная безопасность»[1] по этому поводу задает риторический вопрос: «Эта ситуация поднимает один из самых важных вопросов нашего времени: как мы готовы понимать другие культуры?» И, продолжая свою мысль, задает новый вопрос: «Можем ли мы говорить о диалоге между культурами, если недостаточно взаимного знания?» Эти вопросы приводят автора к необходимости говорить об открытости культур друг другу, но здесь возникает новая проблема — культурная безопасность. По мнению Тардифа, культурная безопасность может быть определена как способность общества сохранять свой специфический характер, несмотря на меняющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы. Это можно объяснить наличием традиционных ценностей: языка, культуры, идентичности, национальных или религиозных ценностных ориентаций. Следовательно, проблемы идентичности и безопасности не только взаимосвязаны, но и составляют одно целое. Сохранность или уязвимость идентичности характеризует уровень реализации безопасности. А проблемы безопасности поднимаются тогда, когда возникает некоторая степень угрозы для идентичности. Вопросы культурной идентичности поднимались еще в конце 1990-х годов в проекте ЮНЕСКО «На пути к культуре мира», где в концепции новой мироцелостности главенствовал принцип равенства культур без какой-либо иерархии.

Все это позволяет говорить о том, что проблемы культурной безопасности полисферичны. Культура в пространстве безопасности — это уже не конкретный (материальный или духовный) продукт, а сфера и результат деятельности человека. Именно об этом свидетельствует разрушение талибами гигантской статуи Будды в 2001 году. Что это — разрушение другой культуры или утверждение своей? Поэтому, говоря о формирующейся глобальной культуре, необходимо, стремясь к достижению гармонии, думать о культурной безопасности в рамках философской рефлексии. По словам В. М. Межуева, «природа философской рефлексии такова, что любой ее объект раскрывается как феномен культуры»[2]. Можно ли с этих позиций говорить о культурной безопасности как о феномене культуры?

С одной стороны, культурная безопасность — это защита, с другой — равновесие системы (системное равновесие). В. М. Межуев, вводя понятие «идея культуры», мыслит возможность «систематического единства» и «типологические различия». Если первое — множество культурных форм, то второе — историческое множество культур народов. Если рассматривать идею культурной безопасности в контексте идеи культуры, то мы выйдем к системному равновесию культурного самосознания и культурной идентичности. И здесь стоит заметить следующее.

Су Гоксун в статье «Культурный конфликт и симбиоз в условиях глобализации»[3] отмечает, что в условиях глобальных вызовов китайский принцип «гармония и различие» подчеркивает, что необходимо поддерживать адаптацию между людьми, принадлежащими к разным культурам и имеющими разные ценности. Су Гоксун замечает, что пока культуры не противостоят друг другу, они формируют жизненную силу. И если западные культуры воспринимают другие как объект исследования, то китайская видит «другого» как субъект, который олицетворяет разнообразие мира, отраженное в моральных идеалах, ценностях, идеологии нации. Таким образом, речь здесь идет об интерпретации одного из принципов диалога культур — равенства культур.

Как было отмечено О. А. Борисенко[4], проблемы безопасности возникают в момент кризиса, на стыке противоречий, следовательно, культурная безопасность не имеет права допустить кризиса цивилизаций. Это объясняется тем, что культура — основа культурного взаимодействия и диалога. А диалог культур, как уже было отмечено, стал платформой, которая является главной глобальной стратегической задачей[5]. Поэтому вполне обоснованно на всех созывах World Cultural Forum [Taihu, China] звучит мысль о том, что сегодня мир подвержен кризису культуры и духовности. А вернуться к его гармонии можно, только опираясь на взаимопонимание и диалог культур.

[1] *Tardif J.* Intercultural Dialogues and Cultural Security. URL: https://www.globalpolicy.org/component/content/article/162/27588.html.

[2] *Mezuev V. M.* Culture of Philosophy in the modern system of knowledge // Personality. Culture. Society. 2004. № 2 (22). P. 136–154.

[3] *Гоксун Су*. Культурный конфликт и симбиоз в условиях глобализации = 苏国勋: 全球化背景下的文化冲突与共生. URL: http://www.hhfg.org/fjywh/f290.html. (На кит. яз.)

[4] *Борисенко О. А.* Культурная безопасность в условиях современной цивилизации (интерпретация китайских исследований) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 7. URL: http://human.snauka.ru/2017/07/24298.

[5] *Борисенко О. А., Фомина М. Н.* ШОС в контексте глобального мировоззрения : моногр. М. : Издат. дом Академии естествознания, 2016. С. 15–16.

Н. А. Хренов[1]

РОССИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: О. ШПЕНГЛЕР О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Новая политическая ситуация всякий раз порождает и новую теоретическую рефлексию, со временем приобретающую форму клише, что становится очевидно по мере того, как в истории происходят дальнейшие сдвиги. Потому весьма полезно возвращаться к некоторым давно возникшим теоретическим концепциям, которые своевременно не были прочитаны и глубоко освоены, а теперь в связи с возрастающей непредсказуемостью событий способны предложить ключ к их осмыслению. Такой концепцией можно назвать опубликованный в 1918 году философский бестселлер Освальда Шпенглера «Закат Европы». Если первый том сочинения Шпенглера в России был своевременно издан и всесторонне изучен, а высказанные в нем идеи стали хрестоматийными, то о втором томе этого сказать нельзя. Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер пытается понять не только взаимоотношения отдаленных во времени культур, но и ситуацию текущего момента, то есть первых десятилетий XX века. Определяющим событием этого периода был переход западной культуры к финальной стадии. Этот переход привел к радикальным изменениям и новым политическим расстановкам, которым в первом томе не было уделено внимания.

Талантливый комментатор проблематики второго тома «Заката Европы» — современный российский философ В. Цымбурский, использующий идеи Шпенглера как исходную точку для объяснения того, что произошло в истории XX века, — обращает внимание на значение «городской революции», обозначающей переход к стадии цивилизации. Для этой революции характерно столкновение реформационных и контрреформационных волн[2]. Следствием городской революции как начала вхождения в фазу цивилизации является то, что в историю в качестве действующих сил наряду со знатью и духовенством включается новая необычайно активная сила, которая ранее о своей активности не заявляла. Эту силу, или «неупорядоченную массу», Шпенглер называет «несословием». Обнаруживая ее, Шпенглер отмечает ее решающую роль в последующем развертывании истории. Активность «несословия» подготовлена ситуацией, возникшей в XIX веке в результате интенсивной урбанизации. Эта неупорядоченная масса, несословие, оказывается способна разрушить форму, которая, будучи достигнутой тем или иным народом в процессе длительной истории, придавала культуре стабильность, устойчивость и целостность. Однако активность неорганизованной массы объясняется не только возникшим на поздних этапах истории городским стилем жизни. Эту активность Шпенглер связывает еще и с либерализмом, точнее, с просчетами в действиях либералов, когда они приходят к власти.

Шпенглера нельзя назвать сочувствующим либерализму. От его взгляда не ускользает, что ошибки либералов во все эпохи, их неспособность организовать политическую и хозяйственную жизнь во многом являются причиной появления в переходных ситуациях такого феномена, как цезаризм: «цезаризм растет на почве демократии»[3]. Ведь, начиная революцию, либералы неспособны удержать ее в конституционных рамках, так что, начавшись как прогрессивное историческое явление, она трансформируется в кровавую катастрофу[4].

Для Шпенглера парламентаризм — это переход к эпохе «великих одиночек посреди сделавшегося бесформенным мира»[5]. Революционные эпохи чреваты распадом культурных традиций. «Все учреждения, с какой бы тщательностью ни поддерживались они в правильном состоянии, начиная с этого момента не имеют ни смысла, ни веса. Значима лишь всецело персональная власть, которой в силу своих способностей пользуется Цезарь или кто угодно другой на его месте. Это возврат из мира завершенных форм к первобытности, к космически-внеисторическому. На место исторических эпох снова приходят биологические периоды»[6].

Мысль Шпенглера представляется нам весьма проницательной. Разве «оттепель» Серебряного века, как и сопровождавшая ее активность русского либерализма, движущегося к Февральской буржуазной революции, не предвосхищает взрыва 1917 года и активность неупорядоченной массы, за которой последует вспышка цезаризма в лице Сталина? Ведь именно ему пришлось выводить страну из смуты, возникшей в результате столкновения реформационных и контрреформационных сил. Именно ему удается, используя вы-

---

[1] Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 700 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «„Человек играющий“ в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя» и др. Ответственный редактор периодических выпусков сборника «Теория художественной культуры». Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России.

[2] *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. С. 139.

[3] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. М. : Мысль, 1998. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. С. 495.

[4] Эту мысль Шпенглера можно проиллюстрировать русской Февральской революцией, о чем справедливо писал А. И. Солженицын (см.: *Хренов Н. А.* Имперский комплекс России и его критики: А. И. Солженицын // Личность и творчество А. И. Солженицына в современном искусстве и литературе : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. столетию со дня рождения А. И. Солженицына, Москва, 15–17 марта 2017 г. М. : Гос. ин-т искусствознания : Русский путь, 2018. С. 134).

[5] *Шпенглер О.* Указ. соч. С. 442.

[6] Там же. С. 459–460.

ражение Цымбурского, «породить новую сакральную вертикаль и начать государственное созидание под ее знаком»[1]. Но результатом этих усилий по поднятию «сакральной вертикали» становится неопределенность в понимании, что же мы получили в итоге: Реформацию (продолжение революции и ленинского курса) или же Контрреформацию — ведь Сталин глубоко зачерпнул из прошлого, из Средневековья, восстанавливая империю в ее византийском варианте.

Объясняя этот процесс, Шпенглер говорит уже не о «душах» разных культур, но о присутствии в каждой культуре двух противостоящих сил, двух душ или двух начал: начала существования и начала бодрствования. Эти начала предстают в истории в так называемых прасословиях — рыцарском и духовном. Их противостояние весьма важно для понимания морфологии любой культуры. Рыцарей отличает привязанность к земле, почве и месту происхождения. Это прасословие, отождествляемое со стихией существования, преследует лишь одну цель — жизнь ради жизни.

Чтобы продемонстрировать актуальность этих идей Шпенглера, процитируем суждение Бориса Межуева: «Финальные пассажи „Заката Европы“, написанные в преддверии кризиса капитализма начала 1930-х, сегодня звучат еще более актуально, когда, с одной стороны, всем и в самом деле „опротивела капиталистическая экономика“, а с другой — действительно „рассеялись грезы о возможности улучшить действительность“ с помощью Маркса. И, судя по всему, выход из тупика будет обнаружен именно в указанном Шпенглером направлении — в утверждении или, скажем осторожнее, попытке утверждения в ситуации экономического хаоса некоей новой глобальной власти, власти тех сил, которые сохранили в себе волю к жизни. Нельзя исключить, что эти силы представляют собой в том числе разнообразные осколки аристократических домов Европы, которые вполне могут возвести на „трон“ какого-нибудь „глобального императора“»[2].

Мысль Шпенглера оказалась важной для становления науки о культуре и развития методологии гуманитарных наук в XX веке. В нашей стране осознание негативных последствий административной системы, с помощью которой в России решались многие проблемы, также привело к оживлению в гуманитарной сфере и к возвращению к культурологической рефлексии. Становление науки о культуре в России возвращает к тем идеям, которые представляют историю культурологической рефлексии, и к таким мыслителям, как Шпенглер. Рецепция идей Шпенглера в России отличается от их восприятия в его родной стране и вообще в Западной Европе. Восприятие Шпенглера в России связано с тем, что здесь интеллектуальная сенсация и апокалиптический прогноз не заслоняют научного смысла, не потерявшего своей актуальности до сих пор и связанного с культурологической рефлексией, с отказом от идеи линейной истории, формированием принципа циклизма.

Происходящий сегодня в России поворот к Востоку является реакцией на отторжение России Западом, всегда подозрительно относившимся к ее самостоятельности, и стран, находящихся в зависимости от цивилизации-лидера. Однако само по себе это не ново: поворот к Востоку происходил и в те времена, когда в России обсуждали только что вышедшую книгу Шпенглера, в которой тот сформулировал свое недоверие к европоцентризму. Именно тогда группа русских мыслителей, которых потом назовут евразийцами, уже прогнозировала будущий поворот России в сторону Востока. Но по сути евразийцы лишь демонстрировали то, что уже было в концепции Шпенглера. Эту близость евразийцев к Шпенглеру проницательно фиксирует Б. Старостин, констатируя, что идеи Шпенглера близки не столько славянофилам, сколько евразийцам[3].

Восточная стихия всегда присутствовала в России. Ее ощущал и Шпенглер, о чем свидетельствуют и некоторые его суждения. Он был далек от того, чтобы констатировать «прописку» России на Западе: «Одно только слово „Европа“ с возникшим под его влиянием комплексом представлений связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство. Здесь в культуре воспитанных на книгах читателей голая абстракция привела к чудовищным фактическим последствиям. Олицетворенные в Петре Великом, они на целые столетия извратили историческую тенденцию примитивной народной массы, хотя русский инстинкт с враждебностью, воплощенной в Толстом, Аксакове и Достоевском, очень верно и глубоко отмежевывает „Европу“ от „матушки России“»[4].

В какой-то степени расхождение России с Западом было следствием русской революции 1917 года, разорвавшей связь России с западным дискурсом, который отказывает в самобытности русской культуре. В эпоху большевизма Россия уже демонстрировала поворот в сторону Востока, хотя больше на уровне теории. Сегодня этот поворот приобретает практический и политический смысл. Сторонников евразийской идеи в России при советской власти было немного, но они все же были. В данном случае следовало бы вспомнить фразу Л. Гумилева, сказанную им в интервью 1992 года: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»[5].

Вопрос о самоидентификации в первых десятилетиях XX века по-прежнему оставался насущным для России. Актуальность философии Шпенглера объясняется актуальностью проблематики идентичности народов, в том числе русского, вступивших в очередную проблемную фазу мировой истории и вынужденных снова и снова ставить вопрос: «Кто мы?»

[1] *Цымбурский В. Л.* Указ. соч. С. 140.

[2] *Межуев Б.* Политическая критика Вадима Цымбурского. М. : Европа, 2012. С. 167.

[3] *Старостин Б.* Историософия Шпенглера в наше время // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. М., 1991. С. 57.

[4] *Шпенглер О.* Указ. соч. С. 145.

[5] Основы евразийства / ред. А. Г. Дугин. М. : Арктогея центр, 2002. С. 482.

А. Н. Чумаков[1]

ЦЕННОСТНОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Перешагнув рубеж нового тысячелетия, мировое сообщество вступило в принципиально новую фазу своего исторического развития, которое характеризуется переходом от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых социально-политических и экономических связей к их единству, целостности, общности, глобальности. Эти изменения наиболее отчетливо проявились на исходе XX века в значительной степени благодаря информационно-технологической революции, осуществляющейся столь быстро и стремительно, что люди не успевают не только адекватно на них отреагировать, но даже в достаточной степени теоретически осмыслить, осознать суть происходящего. По этой же причине и морально-этические нормы, которые по природе своей консервативны и не поддаются быстрым трансформациям, также во многом отстают от происходящих в современном мире перемен. Можно привести множество примеров на этот счет — от бездумного уничтожения флоры и фауны, проистекающего из устаревшей установки на подчинение природы потребностям человека, до консервативных взглядов на необходимость безусловного и непременного сохранения всех традиций той или иной этнической группы в условиях нарастающей взаимозависимости стран и народов. Однако важнее в связи с этим сказать о толерантности.

Будучи важнейшей составляющей культуры, толерантность предполагает такие отношения между людьми, которые основываются на праве и уважении человеческой личности, терпимости к инакомыслию и другим точкам зрения. Проблема толерантности особенно возрастает в условиях активной глобализации культуры и международных отношений, когда настоятельная потребность в межкультурном диалоге делает ее жизненной необходимостью как для гражданского общества, так и для выживания самого человека. Подчеркивая это обстоятельство, Х. Ортега-и-Гассет в свое время писал: «Нет культуры там, где нет начал гражданской законности и не к кому апеллировать. Нет культуры там, где в решении споров игнорируются основные принципы разума (кто в споре не старается держаться истины, не стремится быть правдивым, тот умственный варвар. Именно таков человек массы, когда ему приходится вести дискуссию, устную или письменную)»[2].

Минуло почти столетие с момента написания этих строк, но актуальность данной проблемы не снижается. Возросшие возможности человека как созидать, так и разрушать делают и без того хрупкий и нестабильный мир весьма уязвимым, а проблему диалога и толерантности — безусловной нормой межличностного и межкультурного общения[3]. Однако необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что современный мир — это мир контрастов. С одной стороны, мораль в некоторых отношениях поднялась на недосягаемую прежде высоту, наряду с усилением борьбы за права человека появились даже общественные движения в защиту прав животных, а в ряде стран за грубое обращение с ними теперь можно угодить в тюрьму. С другой стороны, «не замечаются», остаются без обсуждения и осуждения вопиющие преступления, если за ними стоят политические, экономические или иные интересы сильных мира сего. Сюда же относится и проблема двойных стандартов, которая возникает в межгосударственных отношениях при решении ряда вопросов, касающихся международного терроризма или транснациональных финансовых махинаций. Как правило, за этим кроются интересы отдельных государств или весьма влиятельных сил, что лишь подтверждает вышеприведенное суждение[4]. Ярким примером является современная ситуация на Ближнем Востоке или в Афганистане.

В то же время объективный ход событий ведет к осознанию того, что во имя сохранения мира в нем должны доминировать общие принципы и правила совместной жизни. К этому же подталкивает и практика предпринимаемых мировым сообществом реальных действий, показывающая, что решение современных противоречий во многом упирается в многовековые нормы, принципы и стереотипы поведения людей, которые все больше перестают соответствовать реалиям глобального мира. Многие из таких норм (национальный суверенитет, самодостаточность, независимость, право на самоопределение и т. п.) сегодня нуждаются в принципиальном переосмыслении и изменении, в то время как другие, например толерантность и ненасилие, следовало бы максимально развить, даже абсолютизировать, поставив во главу угла общественных отношений как во внутренней, так и во внешней политике различных государств.

Однако проблема заключается в том, что люди не успевают, а то и вовсе не хотят изменять свое поведение, корректировать мировоззрение сообразно со стремительно происходящими переменами. И дело здесь не только в консервативности установившихся норм, изменение которых не поспевает за динамикой жизни, но и в эгоистической природе человека, агрессивная сущность которого проявляется тем легче и сильнее, чем хуже он воспитан и образован и чем

---

[1] Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 650 научных публикаций, в т. ч. на английском, китайском, немецком и других языках. Среди них монографии: «Философия глобальных проблем», «Глобализация. Контуры целостного мира», «Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст», «Глобальный мир: столкновение интересов», «Philosophy of Globalization. Selected Articles», «Философские проблемы глобализации» (в соавт.). Соредактор и автор статей фундаментальных международных трудов по глобалистике на русском и английском языках. Главный редактор журналов «Вестник Российского философского общества», «Век глобализации». Первый вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью «В память 850-летия Москвы». Заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Лауреат Международной премии мира Гузи.

[2] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 144.

[3] *Чумаков А. Н.* Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2. С. 178–179.

[4] *Чумаков А. Н.* Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

меньше подчинен внешней регуляции со стороны принятых в обществе норм и правил.

На это в свое время обратил внимание И. Кант, когда писал: «Отдельные люди и даже целые народы... каждый по своему разумению и часто в ущерб другим преследуют собственные цели… Человек есть животное, которое живет среди других членов своего рода, нуждается в господине. Дело в том, что он обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних; и хотя он, как разумное существо, желает иметь закон, который определил бы границы для всех, но его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение... Нельзя понять, как он создает себе главу публичной справедливости, который сам был бы справедлив. Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распоряжался бы им в соответствии с законами...»[1]

Здесь, как видим, мораль соотносится с правом, принятыми в обществе законами. Вместе с тем, хотя мораль и право немыслимы друг без друга, мораль имеет приоритетную роль по отношению к праву, ибо мораль и ценности нельзя навязать, ввести в действие указом или силой. Их обновления происходят не слишком быстро, а формирование и внедрение требуют значительного времени.

Но вот времени для этого как раз и нет; точнее его просто не хватает, ибо реагировать на серьезные вызовы нужно уже сегодня. И не стоит питать иллюзий, что человечество может обезопасить себя, ликвидировав, например, вредные производства или ядерное оружие. Во-первых, для таких надежд пока нет достаточных оснований уже в силу большой инертности социальной динамики, а во-вторых, агрессивная сущность человека такова, что, даже зарыв топор, он обычно держит руку на топорище, каждый раз уповая на силу, в том числе оружия, когда не хватает других аргументов в решении спорных вопросов. Таким образом, «чем дальше, тем все более очевидным становится тот факт, что создание единого географического пространства не решает остальных проблем единого человечества»[2].

Таким образом, хотя социально-экономическое и политическое равновесие в мировом масштабе и опирается на международную экономическую взаимозависимость, тем не менее оно продолжает в значительной степени поддерживаться за счет военной силы. Обладая современным оружием, человечество в такой ситуации будет и дальше находиться на грани катастрофы, балансируя между войной и миром. Отсюда вытекает, что основные усилия мирового сообщества должны быть направлены не на «борьбу против...», а на созидание. А так как имеется лишь два основных рычага цивилизованно регулировать общественные отношения — мораль и право, то и два принципиальных начала — совесть и страх, лежащие в основе человеческой сущности и предопределяющие (наряду с потребностями и интересами) поведение людей, — должны быть приняты во внимание в первую очередь, когда речь идет об осмыслении современных тенденций глобализирующегося мира.

При этом следует отметить, что мораль, этические нормы, регулирующие поведение человека изнутри, в расчете на его совесть, сами по себе мало что значат без внешней регуляции, где главную роль играют правовые нормы, опирающиеся на силу и неотвратимость наказания. Люди по причине своей изначально противоречивой (биосоциальной) натуры никогда не смогут отказаться от силы в регуляции общественных отношений, но степень потребности в ней и формы ее проявления всегда будут зависеть от уровня цивилизованности общества, которая определяется не официально провозглашенной моралью, а той, что глубоко проникла в души людей, в ткань общественного сознания и с самых разных сторон проявляется в повседневном поведении человека. При этом нет принципиальной разницы, касается дело индивида, коллектива, государства или всего человечества. Каждый из этих субъектов в реализации своих интересов, достижении поставленных целей может быть ограничен, с одной стороны, объективными условиями и силой моральных «тормозов» (общепринятыми и добровольно выполняемыми соглашениями, договоренностями и т. п.), а с другой — внешним силовым воздействием или реальной угрозой такого воздействия. И чем больше мы хотели бы отказаться от силы, тем больше должны освободить человека от пороков, приближая его к совершенству, богоподобному существу.

Но как достичь этого? Уровень гуманизации людей ограничивается определенным предельным порогом в развитии их нравственности, заданным все той же биосоциальной природой человека, на которую в свое время указал И. Кант. Об этом же немало говорилось и на VI Российском философском конгрессе, где, в частности, отмечалось, что «диалог возможен, когда за скобкой остаются первопринципы, которые образуют символ веры того или иного мировоззрения»[3].

В связи с этим, используя весь арсенал культуры, ресурсы и возможности воспитания и образования, следует признать и кардинальную роль силы (порой достаточно реальной угрозы ее применения) в формировании и регулировании общественных отношений, в том числе международных. При этом прямое давление и силу следует рассматривать как неизбежное зло, которое необходимо ввести в рамки закона, используя в противовес силовым и властным структурам силу общественного мнения. Глобализирующийся мир требует также непременного стремления к выработке и установлению всеобщего права. При этом не следует пренебрегать и альтернативными средствами и способами воздействия на поведение людей, в частности посредством «мягкой силы». Именно так можно рассчитывать на максимальное приближение к разрешению различных конфликтов мирным путем, снятие остроты общечеловеческих проблем и на выживание мировой ци-

[1] *Кант И.* Сочинения : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 7–14.

[2] *Кишлакова Н. М., Махаматов Т. М.* Финансово-экономические и гуманитарные вызовы глобализации: международные и национальные аспекты // Век глобализации. 2014. № 1. С. 186.

[3] *Чумаков А. Н., Королев А. Д., Дахин А. В.* Философия в современном мире: диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 3–16.

вилизации[1], окончательно связавшей воедино все народы в их культурно-цивилизационном разнообразии. Очевидно, именно это имел в виду и Д. С. Лихачев, который рассматривал глобализацию «как современный процесс взаимодействия культур в мировом масштабе»[2].

Я. Г. Шемякин[3]

ПАРАДОКС СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОМИНАНТЫ МНОГООБРАЗИЯ. О ЗНАЧЕНИИ ОПЫТА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО «ПОГРАНИЧЬЯ» ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Определяющая черта современной ситуации в мире — перевод всех существующих к настоящему времени человеческих сообществ в неустойчивое, переходное, «пограничное» состояние. Главная его характеристика — нарушение целостности духовных оснований всех цивилизаций планеты и доминанта культурного многообразия, которое повсеместно начинает преобладать над принципом единства социокультурных систем или по меньшей мере ставит его под вопрос. Массовые миграционные потоки — один из главных факторов, обусловливающих подобное положение дел, и одновременно одно из основных его внешних проявлений.

Та черта, которая определяет специфику современной «пограничной» ситуации в мире (преобладание начала многообразия над началом единства), является главной отличительной особенностью цивилизаций «пограничного» типа на всем протяжении их исторического существования. При этом социокультурные системы этих цивилизаций парадоксальным образом сохраняют целостность в условиях доминанты многообразия. Поэтому опыт цивилизационного «пограничья» приобретает особое значение в нынешних условиях «фронтиризации» («опограничивания») смыслового пространства практически всех ныне существующих культур.

В цивилизационных системах «пограничного» типа нет какой-то одной господствующей большой идеи, пронизывающей (как в классическом типе, объединяющем великие цивилизации Востока и Запада) все многообразие составляющих цивилизацию элементов и выступающей в качестве архетипа, положенного в ее основу. В цивилизационном «пограничье» само взаимодействие разнородных начал можно рассматривать как базовый архетип. В данном случае архетип предстает не как *результат* взаимодействия, ставший его инвариантным фактором, «отлитый» в определенные устойчивые символические формы, а как *процесс* взаимодействия. Сама действительность «пограничных» цивилизаций представляет собой сложнейший узел различных типов взаимодействия качественно разнородных традиций, главными из которых являются противостояние, симбиоз и синтез культур. В цивилизационном «пограничье» основную роль играл и играет симбиотический тип взаимосвязи и взаимодействия разнородных составляющих цивилизационного целого. Специфика симбиоза — в том, что участники контакта уже соединены здесь неразрывной системной связью, однако при этом каждый остается самим собой, а нового культурного качества, качественно отличного от тех традиций, которые изначально вошли в соприкосновение, не возникает. В контексте рассматриваемой темы это означает, что каждый участник взаимодействия в рамках симбиоза сохраняет собственную идентичность, а «пограничая» реальность предстает в этом ракурсе как переплетение разных идентичностей, вырастающих из различных корней.

Самый главный парадокс действительности цивилизационного «пограничья» заключается в том, что в условиях доминанты многообразия единство тоже вполне реально. Значит, реально существует и общая идентичность «пограничной» цивилизационной системы как целого, несводимая к сумме идентичностей взаимодействующих в ее рамках традиций. Перед любым исследователем «пограничной» реальности неизбежно встают два вопроса. Во-первых, как возможно существование какой бы то ни было системности, единства при доминанте многообразия? Во-вторых, если такая системность все-таки существует, в чем ее отличительные особенности?

Определяющим фактором достижения целостности sui generis в условиях цивилизационного «пограничья» стал особый характер взаимосвязи сторон тех острейших противоречий, из которых буквально соткана ткань «пограничного» социокультурного бытия. Аверинцев очень точно, на мой взгляд, определил его как «взаимоупор»[4]. Каким же образом достигается и как проявляется подобный «взаимоупор»? Для «пограничных» цивилизаций характерны одновременно повышенная (по сравнению с «классическим» цивили-

[1] *Weizsäcker E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet — a Report to the Club of Rome. N. Y. : Springer, 2018.

[2] *Запесоцкий А. С.* Культурологическое наследие Д. С. Лихачева // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 5.

[3] Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; статей: «Spatial-Temporal Framework of the Process and Main Contours of the Semantic Field of the Concept of Globalization», «Пространственно-временные рамки процесса и основные контуры смыслового поля понятия глобализации», «Взаимосвязь универсального и локального в глобализирующемся мире», «Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей» и др.

[4] *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 250, 252.

зационным типом) роль внешних факторов, бóльшая проницаемость для внешних влияний (что является прямым следствием отсутствия монолитной духовно-ценностной основы в условиях доминанты многообразия) и повышенная (опять же по сравнению с классическими цивилизациями) способность к переработке этих влияний в соответствии с логикой местной социокультурной «почвы», в конечном счете — к превращению внешнего во внутреннее. Следует особо подчеркнуть: обе эти характеристики одинаково органичны для «пограничной» цивилизационной реальности и служат основой для противоположных тенденций — стремления к максимальной открытости миру и ревностной защите собственной самобытности. Подобное сочетание, «взаимоупор» противоположных ориентаций сознания и поведения, оказалось возможным, в свою очередь, в силу наличия такой характеристики цивилизационных «пограничий», как повышенная (по сравнению с классическими цивилизациями) проницаемость внутренних границ в культуре, пролегающих в условиях подобных «пограничий» не только между отдельными индивидами и человеческими общностями, носителями тех или иных традиций, но и в душах людей.

Наличие качества повышенной проницаемости внутренних границ в культуре, в свою очередь, обусловлено формированием в духовном космосе «пограничных» цивилизаций еще одной важнейшей характеристики — повышенного уровня оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера, прежде всего сакральными символами. Оперировать знаковыми структурами не могут общность или социальный институт. Это может делать только живой человек. В силу этого обеспечить повышенный уровень оперирования подобными структурами оказалось возможно лишь в случае кардинального изменения (по сравнению с субэкуменами) соотношения различных уровней развертывания цивилизационного процесса — личностного (индивидуального) и надличностного.

Как было установлено в ходе цивилизационных исследований, разница между ними относительна: надличностный пласт — нормативно-ценностная база цивилизации наличествует в любом человеке. В цивилизациях классического типа именно он является основой целостности личности. Здесь находит одно из главных своих проявлений доминанта принципа единства.

Однако личность несводима к этой основе. В любом человеке имеется определенное «пространство свободы» по отношению к господствующим нормам и ценностям, некий «несводимый остаток», собственно индивидуальный пласт, который и определяет неповторимое своеобразие каждой личности. Для цивилизационного «пограничья» характерно принципиально иное, по сравнению с классическими цивилизациями, соотношение между надличностным и собственно индивидуальным уровнем в структуре самой личности. Крайне противоречивое сосуществование качественно различных, в том числе прямо противоположных, ценностно-смысловых ориентаций, отличающее реальность «пограничных» цивилизаций, обусловливает то обстоятельство, что воплощающий общепринятые, официально утвержденные установки нормативно-ценностный пласт в личности «пограничного» типа, по общему правилу, ослаблен, поэтому его интегративные потенции явно недостаточны для того, чтобы обеспечить ее духовную целостность.

В подобной ситуации решающее значение приобретает тот самый «несводимый остаток» в человеческой индивидуальности, который становится главным фактором достижения ее целостности. Достичь более высокого, чем в «непограничных» человеческих мирах, уровня оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера можно было лишь в «пространстве свободы» личности. Учитывая то, что говорилось выше о специфике соотношения личностного и надличностного уровней цивилизационного процесса в социокультурном «пограничье», это «пространство свободы» следует рассматривать как первичный и в этом смысле ключевой фактор достижения целостности «пограничной» цивилизационной системы.

Перечисленные качества непосредственным образом обусловливают специфику идентификационной сферы цивилизационного «пограничья». Идентичность может проявляться в различных образах и символах, в которых фиксируется найденный той или иной общностью путь решения ключевых экзистенциальных проблем-противоречий. Как свидетельствует исторический опыт, разные образы идентичности могут в различной степени соответствовать состоянию идентичности, в разной мере отражать и проявлять это состояние. То есть образ идентичности и идентификационный стержень — инвариант — могут в бóльшей или меньшей степени совпадать или не совпадать друг с другом. Однако практически всегда между ними существует некий «зазор». В цивилизационном «пограничье» он особенно велик: общая доминанта многообразия проявляется и в многообразии образов идентичности. Важно отметить, что может возникнуть и действительно возникает противоречие между образом идентичности и идентификационным стержнем, в результате чего появляется необходимость приведения образа в соответствие с реальностью идентичности.

Важнейшая характеристика «пограничной» системности — относительное свободное оперирование знаковыми структурами различного происхождения и характера, которое, как было показано ранее, обеспечивает повышенную проницаемость внутренних границ в культуре, прямо обусловливает тенденцию цивилизационных «пограничий» к относительно частой смене образов идентичности. К примеру, и знаменитые «пять Россий» Н. А. Бердяева, и «девять Россий» И. В. Кондакова, и различные проекты устроения латиноамериканской жизни у Л. Сеа[1] — все это именно различные образы идентичности российской и латиноамериканской цивилизаций, сменявшие друг друга при неизменности идентификационного стержня — процесса взаимодействия разнородных начал, ставшего архети-

[1] *Сеа Л.* Философия американской истории. М., 1984 ; *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 67 ; *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 29.

пом — постоянным фактором существования данных цивилизаций.

Главные выводы, которые можно сделать на основании изучения опыта цивилизационного «пограничья» и которые имеют, по моему убеждению, принципиальное значение для понимания проблемы столкновения различных систем ценностей в условиях массовых миграционных потоков: во-первых, возможно достижение единства социокультурной системы в условиях доминанты многообразия, предполагающей сохранение основ идентичности всех участников взаимодействия; во-вторых, возможно сохранение идентификационного стержня при относительно частой смене образов идентичности.

О. Д. Шемякина[1]

ПРАКТИКИ «УХОДА» И КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА: ОПЫТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Нынешний этап развертывания процесса глобализации характеризуется резким усилением давления со стороны мировых центров власти, доминирующих в информационном пространстве, на национальные и этнические культуры. Однако наряду с глобализацией и вопреки ей развертывается процесс, охарактеризованный мексиканским мыслителем и поэтом, нобелевским лауреатом О. Пасом как «мятеж исключений», которые, по его словам, не страдают «от своей аномальности или от разрыва с предполагаемым универсальным общим правилом», но, напротив, берут на себя «роль единственной истины, воплощения неизбежности»[2]. Одним из важных проявлений этого процесса является разработка различных стратегий сопротивления нивелирующим тенденциям глобализации. К их числу относятся и стратегии ухода из зоны повышенного внимания тех, кто пытается достичь цели тотального манипулирования как отдельными людьми, так и человеческими культурами. Эффект «ухода» достигается, как правило, посредством погружения в глубины собственной духовной традиции, сознательного выдвижения на первый план трансцендентных целей, иллюзорных (или во всяком случае незначимых) с точки зрения тех, кто определяет основные направления развертывания глобализационных потоков. В том, что касается реалий современного мира, можно вспомнить и членов мусульманских общин в условиях миграционного кризиса в Европе, повсеместно стремящихся создать на территории европейских государств анклавы, живущие в соответствии с основными принципами собственных традиций и нормами шариата, и членов индейских общин Латинской Америки, упорно отстаивающих свою идентичность и воспроизводящих традиционные организационные формы и духовные принципы построения собственных общин, в том числе во враждебной им среде современных городов. Стратегии ухода могут сильно отличаться по степени агрессивности по отношению к внешнему давлению. Но все они так или иначе опираются на древние духовные практики.

Задача данного доклада — анализ той части значимых для современности духовных практик, целью которых является именно уход из мира с тем, чтобы вернуться в него, обретя новые духовные силы. Если человек преследует трансцендентную цель, то она делает его невидимым, а потому он может спокойно делать то, что должен, ибо никто по-настоящему не понимает, что он делает. Это происходит потому, что становится невозможно найти психологическое объяснение его поступкам, а значит, и манипулировать им.

Одна из самых известных юнгианских аналитиков Мария-Луиза фон Франц в цикле лекций, прочитанных в Цюрихе в 1974 году, обратила внимание слушателей в связи с этим на письма Плиния к римскому императору Траяну. «Плинию было приказано изучить секту так называемых христиан, которых люди считали опасными для государства и обвиняли в подготовке государственного переворота. Он доложил, что отыскал несколько таких людей, включая рабынь, которых он подверг пыткам... Вместе с тем он пишет: „Мне не удалось увидеть ничего, кроме странных предрассудков, похожих на искаженные суеверия, поэтому я считаю этих людей совершенно безвредными, то есть полагаю, что их можно отпустить“»[3].

Ранние христиане были непонятны другим людям — их не видели такими, какими они были в реальности, иначе во всей Римской империи началась бы страшная паника. Паника действительно началась, но позже, когда христианское движение стало настолько мощным, что его невозможно было подавить.

Когда в культуру привносится что-то новое и творческое, оно обычно не раскрывается сразу. Общество занято чем-то еще, а спаситель всегда рождается в разрушенном сарае для скота, в то время когда абсолютно никого не волнует, что именно там происходит, — заключает Мария-Луиза фон Франц[4].

Невидимость могла быть не только следствием слепоты доминирующей культуры, но и сознательно выбранной стратегией на разрыв (добровольной или вынужденной) с привычным образом жизни и реа-

[1] Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «К вопросу о манихеогностическом комплексе в научном дискурсе и конфессиональном тексте», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога», «О принципах описания границ традиционной культуры в модерн-эпоху», «Древние духовные практики как реальность глобальной истории», «Конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива», «У истоков национальной идентичности: русский опыт в сравнительно-исторической перспективе», «Крестьянская культурная традиция в России (опыт изучения)» и др.

[2] *Paz O.* One Earth, Four or Five Worlds. Reflections on Contemporary History. San Diego ; N. Y. ; L. : Harvest/HBJ Book, 1986.

[3] *Франц М.-Л. фон*. Архетипические паттерны в волшебных сказках / пер. с англ. В. Мершавки. М. : Класс, 2007. С. 41.

[4] Там же. С. 44.

лизованной в разнообразных практиках ухода: ухода, связанного с разрывом с прежней средой обитания (переселением отдельного человека, группы людей или даже целого народа) в поисках духовного самообретения; ухода в относительную изоляцию без смены среды обитания в результате коренного изменения основной жизненной ориентации (от радикальной перемены социально-политической позиции до «ухода» в текст в различных духовных практиках как в рамках религиозных традиций, так и в формах «внутренней эмиграции»)[1]. «Уход-и-Возврат» в концепции А. Тойнби представлен как двухтактный ритм творческих актов, вносящих в мир новые смыслы и практики[2].

Предметом нашего внимания будет легенда о ставшем невидимым сакральном локусе, возникшая в среде старообрядцев и ее фольклорных версиях. Эти тексты, в которых трансцендентные цели спасения предопределили уход сакрального города из зоны видимости с помощью мистического вмешательства Бога и природной стихии (воды, земли), оказывали притягательное влияние на воображение разных представителей русской культуры — от крестьян до видных деятелей[3].

Почему этот образ схоронившегося, сокровенного объекта может быть актуален и сегодня? Он появился в результате глубокой травмы традиционной культуры, нанесенной модернизацией. Для современного исследователя важен характер ухода, который предопределил характер «возвращения» — выпавший из земного профанного времени, замерший и уснувший для реального времени, в буквальном смысле провалившийся объект может внезапно проснуться, когда земное время подойдет к своему пределу.

Блуждающий в потемках внешний мир и светлый мир праведников удваивали реальность. Реальность выпавшего мира незаметна не только потому, что мало кто мог вступить в визуальный контакт с ним, но и потому, что этот мир в буквальном смысле незаметен и будничен: в течение кратного мига можно было увидеть лошадь, возницу, телегу, услышать крик петуха или мычание коров. Фрагменты повседневности, внезапно появляющиеся и исчезающие, подтверждали реальность существования ушедшего в инобытие города. А сакральная атрибутика города проявлялась в излучении света, сиянии, горении — знаках-символах сакрального центра и исходящей из него духовной энергии, которая призвана утвердить власть света над тьмой[4].

Пребывание в инобытии связано с некой табуированной тайной, которая открыта только тем, кто способен, пройдя через испытание, достичь входа в сакральный центр. Представление о сакральном центре, воплощенном в мыслеобразах пещеры и лабиринте, уходит корнями в глубокую архаику. Оно обнаруживает себя в таких сложных философско-религиозных учениях, как Упанишады, в мифологических системах многих других народов, представляя собой по существу универсальный знаковый комплекс[5]. Достичь внутренней и самой скрытой точки можно, преодолевая болота и топи (в русских легендах о «провалищах») или двигаясь мысленно по изображению лабиринта. А сама центральная точка может быть реальным физическим объектом — пещерой, центром озера, криптой, а также духовным центром — «пещерой сердца».

Однако спуск вниз и подъем наверх из глубин могли быть связаны не только с обретением света, но и с сошествием в ад и подъемом на поверхность инфернальных сил. И если в легендах о Китеже водная стихия являлась убежищем от сил хаоса и источником обновления, то в петербургском тексте культуры вода могла отождествляться со злым началом, эсхатологическими ожиданиями и отражать ту часть петербургского мифа, которая также родилась в результате травмы. На поверхности, на линии горизонта оказываются два мира, одинаково доступные для зрения, — мир городских обывателей и инфернальный. Мертвецы, покойники, скелеты, разгуливающие по ночному, сумеречному, туманному городу, стали для Петербурга (и в устных преданиях, и в литературе) такой же достопримечательностью, как привидения в старинных английских замках, отмечает А. Некрылова[6]. «Когда читаешь подряд рассказы, повести, романы XIX — начала XX века, создается впечатление, что далекие по времени и убеждениям писатели были уверены в существовании двойного населения Северной столицы, что, в отличие от других городов и весей, умершие здесь не покидают своих домов, улиц, департаментов, продолжают пребывать рядом...

Грань между миром живых и миром покойников в Петербурге настолько тонка и проницаема, что обитатели мира иного то и дело вторгаются в жизнь и дела здравствующих, и никто не застрахован от такой встречи. Город-мираж, город-призрак, город-обман существовал на самой границе России, на пограничье жизни–смерти, яви–сна, рациональности–фантазии, ума–безумия, реальности–инобытия, то есть в тех пограничных временны́х и пространственных зонах, где появляется и фольклорная нечисть»[7].

Спасением сакрального локуса и разведением параллельно существующих на линии горизонта миров в наше время для части реального человеческого сообщества является уход из зоны видимости вследствие нового понимания движения к трансцендентной цели. Если в России Декарт сошел с ума, то духовной опорой может стать обретение евразийского миросознания[8], активирующего древние духовные практики Востока, обладающие особой оптикой и ресурсами соединения разных человеческих миров. Евразийский опыт активизации подобных практик имеет особое значение для современного мира, характерной чертой которого является нарушение целостности духовных основ всех цивилизаций планеты.

---

[1] *Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д.* «Уход-и-Возврат»: социокультурная стратегия и реальность истории. Проект исследовательской программы // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 2 (8). С. 8.

[2] Там же. С. 7.

[3] *Криничная Н. А.* Русская мифология: мир образов фольклора. М. : Академ. проект : Гаудеамус, 2004. С. 713–826.

[4] Там же. С. 77.

[5] *Генон Р.* Символы священной науки : пер. с фр. М. : Беловодье, 2002. С. 229–275.

[6] *Некрылова А.* Народная демонология в литературе. Материалы к словарю // Власова М. Русские суеверия : энциклопед. словарь. СПб. : Азбука, 1998. С. 646.

[7] Там же. С. 646–647.

[8] *Малявин В.* Евразия и всемирность. М. : РИПОЛ классик, 2015.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

М. А. АБИШЕВ	профессор Алматинского филиала СПбГУП, доктор социологических наук, заслуженный деятель Республики Казахстан
Э. АГАЦЦИ	профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН	профессор Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна», доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
М. Н. ВЕТЧИНОВА	профессор Курского государственного университета, доктор педагогических наук
П. А. ВОДОПЬЯНОВ	профессор Белорусского государственного технологического университета, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук
Ю. К. ВОЛКОВ	профессор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. С. ГЛАГОЛЕВ	профессор МГИМО (Университета) МИД россии, доктор философских наук
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
О. А. ЖУКОВА	заместитель заведующего Международной лабораторией исследований Русско-Европейского интеллектуального диалога, профессор школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор философских наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Г. Г. КОЛОМИЕЦ	профессор Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, почетный работник сферы образования РФ
В. А. КОНЕВ	профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
В. В. КРАВЧЕНКО	профессор Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор философских наук
Л. К. КРУГЛОВА	профессор Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор философских наук
В. Е. ЛЕПСКИЙ	главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук
А. П. МАРКОВ	профессор СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП
Л. В. МАТВЕЕВА	профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
В. Ф. ПЕТРЕНКО	заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор
Т. Б. СИДНЕВА	проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
М. В. СИЛАНТЬЕВА	заведующая кафедрой философии им. А. Ф. Шишкина МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук, профессор
В. Е. ТРИОДИН	профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, почетный профессор СПбГУП
А. Н. ФАТЕНКОВ	профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук
М. Н. ФОМИНА	профессор Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук, почетный работник сферы образования РФ

Е. В. ХАРИТОНОВА — старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент

Н. А. ХРЕНОВ — главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор

Я. Г. ШЕМЯКИН — главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук

О. Д. ШЕМЯКИНА — научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Доброе утро, господа! Мы начинаем работу нашей секции. Слово для приветствия предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — От имени Оргкомитета хочу поприветствовать участников секции и пожелать успехов в вашей работе. Такого рода события — мое особое счастье и как ученого, и как ректора. Ректор — это же администратор, он занимается хозяйственными проблемами, учебным процессом и т. д. Но есть что-то такое, ради чего стоит заниматься этими рутинными делами. Мы работаем для того, чтобы молодежь соприкоснулась здесь со знанием, с великими учеными, носителями непреходящих ценностей.

Что касается темы секции, то вчера я пытался у многих выведать: что мы считаем глобальными переменами? И в чем состоит дух эпохи? В том, что мы общаемся по мобильному телефону и можем выйти в интернет-пространство без времени и границ? Но я не думаю, что глобальные перемены связаны с технологической революцией — они происходят в другой плоскости. Полагаю, что наша эпоха — это время некоего надлома, в том числе в культуре, где это чувствуется особенно остро.

На мой взгляд, сегодня в культурологической проблематике фиксируется катастрофически меняющееся соотношение материального и духовного. В последние триста лет в развитых странах идет осознанный диалог по проблеме растущего дисбаланса материального и духовного. Нам говорят, что Адам Смит развил теорию экономического человека, в которой с неизбежностью доминирует материальный фактор. Адам Смит прекрасно понимал, что экономика должна развиваться в ситуации, когда экономически вознаграждаются люди, полезные обществу. Не преступники, не грабители банков, не те, кто разворовывает казну. А что проповедовали уважаемые мною эксперты блистательной Высшей школы экономики в 1990-е годы? Что государство — это не собес, что государственная политика не может быть нацелена на помощь малоимущим. То есть в экономике главное — выгода. Они внедряют в сознание масс идею, которая многократно подвергалась жесточайшей критике со времен Адама Смита.

Духовность, незначимость материальных благ и интересов задает другой полюс бытия, игнорирование которого превращает человека в худшего из животных. Вот, на мой взгляд, важнейшая линия развития общественной дискуссии — необходимо найти баланс духовного и материального. К сожалению, в современном типе общества этот баланс нарушен: материальное тотально подавило духовное. И мы с вами должны, опираясь на методологию и инструментарий философского и культурологического анализа, выявить сущностные причины и факторы таких перемен. Конечно, каждый из нас имеет собственное мнение, но очень важно найти болевые точки, которые могут стать отправным пунктом в выработке сценариев будущего.

Хотелось бы, чтобы наша сегодняшняя дискуссия оставалась в пространстве антропокультурной динамики. Проблематика в этой области нарастает лавинообразно. В частности, значимым фактором культурных изменений является духовная регрессия европейской культуры эпохи постмодерна, истощение и девальвация смыслового ядра основных концептов, лежащих в основе образа человека и мира, цифровизация жизни, которая становится глобальным антропологическим вызовом. При этом трансформация европейской культуры в неолиберальную фазу постмодерна активно отвергает духовно-нравственные ценности предыдущих этапов развития. Эти процессы сопровождаются расширением пространства «нравственной аномии», деформацией функций социальных институтов и сменой мировоззренческих констант, обеспечивших в свое время духовную целостность и достижения европейской культуры. Надеюсь, что эти проблемы станут предметом дискуссий на сегодняшнем заседании. Коллеги, спасибо огромное, что вы здесь. Абдусалам Абдулкеримович, успешной вам работы!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Сегодня я предлагаю сосредоточиться на человеке и культуре в современном мире — неопределенном, изменяющемся, движущемся непонятно в каком направлении. Давайте, слушая друг друга, попытаемся понять ведущие тенденции развития глобального мира, выяснить, насколько они коррелируют с теми обобщениями, которые делаются на основе анализа политических аспектов, международного порядка и т. д.

Слово для приветствия предоставляется профессору Агацци из Италии.

Э. АГАЦЦИ: — Я второй раз участвую в конференции и очень рад, что нахожусь здесь, среди коллег и единомышленников. Наша секция посвящена очень важной проблеме доверия к науке и технологиям. Сколько времени должно пройти, прежде чем наука и технологии предложат нам решения назревших гуманитарных проблем? Предлагаю обсудить те, на первый взгляд, простые вопросы, которые тем не менее требуют неотложного решения, подискутировать о прогрессе, о достижениях науки, о технологической революции и о том, что еще надо сделать, чтобы сделать их решение возможным.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Приглашаю на трибуну профессора Владимира Александровича Конева.

В. А. КОНЕВ: — Уважаемые коллеги, вчера шла панельная дискуссия о глобальных вопросах современности, о международных институтах и т. д. Однако сколько бы я ни рассуждал об ООН, эта организация не откликнется на мои слова. Поэтому я хотел бы обратиться к проблемам, задевающим нас непосредственно. В частности, одна из важнейших тем — человек, содержание его личности. Мы выходим на широкую аудиторию, и очень важно, что за люди слушают нас, ведь они представляют культуру своей страны и своего народа. Так вот, мне представляется, что сейчас происходит глобальное изменение принципов человеческого поведения и самого типа личности. От просвещения мы переходим к постпросвещению, и человек меняется. Я бы сформулировал так: человек пьедестала сменяется человеком подиума.

Человек пьедестала ориентируется на идеал, он живет, как выразился Платонов, «заочной» жизнью, в тени того, кто стоит на пьедестале. «Очная» жизнь — для человека на пьедестале. Но пьедесталы не вечны, они рушатся, исчезают люди, стоявшие на них, так же как, по образному выражению Фуко, смывается волной лицо, нарисованное на песке. Что же остается? Подлинное лицо человека.

Но сейчас появились тысячи, миллионы лиц — селфи. Люди начали заявлять о себе, одним из основных принципов жизни современного человека становится принцип «я себя покажу», который я и назвал принципом подиума. В результате появились необычные для пьедестала персонажи. Что характерно для этого нового человека? Прежде всего свобода. Он говорит: «Я хочу поступить так и позволяю себе это. Я беру от жизни все». «Бери от жизни все» — вот новый принцип. Но тогда возникает вопрос: чем может держаться такая свобода? Спиноза и Гегель утверждали, что свобода — это познанная необходимость. Такая свобода давала точную перспективу развития (вчера об этом говорил академик Гусейнов). Будущее было предсказуемо, потому что свобода базировалась на необходимости. Сегодня же считается, что там, где есть необходимость, свободы нет и не может быть. Свобода современного человека не держится на необходимости. Да и необходимость теперь может быть не только познанная, но и непознанная. Современная свобода — это испытание себя, опыт предела: до какой черты я могу дойти, где я должен остановиться? Вспомните перформанс Марины Абрамович, когда она положила рядом с собой разные предметы, включая бритву и пистолет, и сказала: «Я позволяю делать со мной что угодно». Были и другие эксперименты, показавшие, что в условиях полной свободы человек может проявиться неожиданным образом, в том числе для себя самого. У какого предела он остановится, если ничто его не останавливает? Этот предел должна формировать современная культура. Я пока не вполне представляю, какие институты могут делать это, но скорее всего главный среди них — фундаментальное образование.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — А теперь слово имеет Александр Петрович Марков.

А. П. МАРКОВ: — Я всегда восхищаюсь манерой подачи материала, интеллектом Владимира Александровича, но истина, как известно, дороже. Во-первых, я категорически против ключевого тезиса профессора, отрицающего право свободы быть результатом познанной необходимости. Во-вторых, свобода «я хочу», о которой с воодушевлением говорил Владимир Александрович, с неизбежностью станет свободой самоуничтожения антропоса в его сегодняшний версии, а в конечном счете — способом убийства выстраданной человечеством культуры различения добра и зла, истины и лжи, утверждения правды и справедливости.

В европейской культуре, выросшей на основе христианских матриц, свобода является антропологической константой. На эту тему написано огромное количество томов, но феномен от этого не становится понятнее. Европейская цивилизация уже много веков позиционирует свободу как доминанту культурной системы, которая в XX веке своего пика достигла в ультралиберальной парадигме и получила нормативное закрепление в Декларации прав и свобод человека.

Но о какой свободе идет речь в современном либеральном дискурсе? Какую свободу проповедовал Христос, отвечая на искушения духа пустыни? И какой свободой можно понять и объяснить духовное величие искупительной жертвы Христа, когда он в Гефсиманском саду, в ночь перед распятием, прошептал «На все воля Твоя»? Какую свободу ненавидел Великий Инквизитор, бросая Христу страшные обвинения в том, что он своей проклятой свободой сделал человека несчастным?

Вопросов такого рода возникает много. Действительно, свобода являет себя в различных модификациях. Есть свобода в духе, в служении истине и добру. И есть свобода хаоса, разрушений.

В основу моего доклада положены два тезиса. Первый: существует базовая дихотомия — природа и свобода. В этом качестве свобода равна культуре. Она не может возникнуть из природы. Процесс и результаты культурного творчества, независимо от их гуманистической направленности, есть превращенные формы человеческой свободы.

Второй тезис: противопоставление свободы и необходимости есть недоразумение или элементарная логическая тренировка. Интеллектуальные спекуляции вокруг формулы Спинозы, согласно которой свобода есть осознанная необходимость, вызваны смысловыми издержками перевода. Процесс и результат осознания необходимости не обретает статуса свободного выбора — это всего лишь познавательный процесс. Спиноза писал о другом — о том, что осознание необходимости выступает ключевой предпосылкой свободного выбора: принять эту необходимость или так же свободно отвергнуть. Свобода воли, считал Спиноза, — иллюзия, результат непонимания глубинных причин, обусловливающих человеческие поступки: «Осознай внешнюю для тебя необходимость как единственно возможную, прими ее как свой внутренний зов — и ты обретешь свое место в едином процессе бытия. Свободно подчинись необходимости, как камень, который, падая, подчиняется силе тяготения». Ошибка в трактовке этой формулы состоит в том, что необходимость, как правило, сводят к внешним ограничениям и принуждениям, исключающим свободу воли (это прозвучало в докладе уважаемого мною Владимира Александровича Конева).

Глубинный источник необходимости, которая в социальном пространстве и в индивидуальной жизнедеятельности являет себя в виде внешних норм и ограничений, находится за пределами человеческой природы, опыта и практики. И лишь осознание такой необходимости переводит ее из внешней и принуждающей силы во внутренний моральный принцип, то есть становится ключевой предпосылкой рождения свободы и культуры. Именно этот фантастический прорыв в человеческой истории сотворил антропоса в его сегодняшнем понимании.

В метафорическом плане этот грандиозный прорыв древнего человека из родового плена к свободе поступка показан Зигмундом Фрейдом на материале мифологического сюжета из истории первобытной орды, когда сыновья после убийства своего отца снимают внешний запрет на инцест внутренним и свободным по своей сути отказом не только от действий, но и от желаний (сюжет этот, как известно, лег в основу обоснования эдипова комплекса). В этом акте свободного выбора древнего человека показан момент зарождения основ человеческой морали: нравственных переживаний и чувств вины, стыда, долга, совести, то есть рождения человека культурного.

Именно постижение необходимости как «зова бытия» позволяет человеку свободно понять и принять предопределенность своих устремлений и поступков законами Универсума, становится ключевым условием понимания и осуществления призвания и смысла жизни, который обретает ценность в соотнесении с вечностью.

Но зов необходимости может стать причиной смерти свободы и культуры — когда необходимость заявляет о себе взаимоисключающими призывами. Это ситуация гамлетовского выбора: «Быть или не быть». По существу, у Гамлета не было выбора: «быть» по любому сценарию означало «не быть». Его языческая природа обязывала мстить за смерть отца, а его уже проснувшаяся христианская душа требовала прощения. И нет исхода из этого разлома души человеческой. Ибо отмщение неизбежно убивает христианскую часть души, а прощение уничтожает ее языческого ядро, матрицу которого составляет так называемый закон талиона («око за око»).

Раздвоенность, «шизофрения» голоса необходимости — это ситуация разлома мира, симптом кризиса, смены культурного типа. Именно такую ситуацию переживает сегодня европейская цивилизация. На вчерашней панельной дискуссии остро прозвучал вопрос Александра Сергеевича: почему мы бесконечно повторяем заповеди Нового Завета и Корана, а жить продолжаем в ненависти и грехе? Да потому что зов Христа и Мухаммеда слабее языческого хора.

Условием свободы как стратегии духовного самоопределения и смирения становится экзистенциально глубокий резонанс с миром, который недоступен рациональному сознанию. Органом и «антенной» контакта с высшими измерениями бытия является со-весть — дар и способность слышать весть о себе и мире и свободно принять эту весть как судьбу. Именно совесть отвращает гуманитария от свободы безответственного интеллектуального трепа и зовет к другой свободе — сделать усилие вверх по нравственной лестнице самоограничения амбиций и гордыни, разделить тревоги, радости и горести этого мира. В таком качестве совесть становится условием главного — метафизического — рождения личности. Именно совесть позволяет сердцем почувствовать страдание как атрибут бытия, услышать пронизанность жизни болью и нести ответственность за эту боль. Способность слышать весть и свободно принять ее зов как неизбежности снимает необходимость выбора и становится условием счастья, любви, смысла жизни — эти экзистенциально сущностные переживания не являются результатом выбора, как и сама жизнь.

Свобода как результат осознания необходимости неразрывно связана с ответственностью, которую человек свободно принимает на себя. Но это не та ответственность духовно выхолощенной рациональной свободы в рамках либеральной парадигмы, которая предполагает осознание и предвидение последствий твоих действий и ответ за содеянное перед законом или обществом. Ответственность есть способность и мужество свободно нести груз ответа перед своей совестью: за последствия своего выбора, за собственные провалы и взлеты, победы и неудачи. Высшая форма ответственности — когда ты свободно принимаешь груз общечеловеческих проблем и бед, берешь на себя вину за все несовершенство и грехи мира. Именно в этом состоит искупительный смысл жертвенной кончины Христа. Не обвинять и проклинать мир учит нас Христос, а терпеливо нести свой крест (который всегда «по силам нашим»). Именно такую ответственность не смог понять и принять Иван Карамазов своим отчаянным криком «Не стоит Твое будущее царство слезинки ребенка».

Спасение человеческой цивилизации — в свободе духовного смирения перед высшими началами бытия,

способности свободно принять необходимость даже в ее трагической перспективе (в том числе перед лицом невозможного или на краю гибели). Именно такая свобода избавляет человека от разрушительного уныния и трагического восприятия мира, позволяет достойно пережить самые тяжкие жизненные испытания. Это тяжкий крест свободы, который оказался не по силам западному миру. Именно в неприятии свободы как духовного выбора и ответственности перед самой жизнью — источник ненависти Великого инквизитора, который упрекает Христа: зачем Ты сделал человека несчастным, даровав ему эту проклятую свободу?

Спасительная миссия свободы сегодня, когда мир оказался на краю пропасти, состоит в добровольном признании недопустимости любых форм насилия (эту идею пытается сделать достоянием общественного сознания академик А. А. Гусейнов, используя свой научный авторитет и гражданский статус). Утверждение принципа непротивления злу насилием гарантирует увеличение добра (или хотя бы его спасение от гибели) и уничтожение зла в его корневой составляющей. Жизненная парадигма альтруизма, предписывающая сострадание, милосердие и готовность к самоотречению, не может стать результатом внешнего насилия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Действительно, соотношение свободы и необходимости для нас, философов, — ключевой вопрос. Но, по-моему, надо обозначить причину, в силу которой эта проблема именно сегодня опять звучит. Если мы так и будем перебирать формулы, то в многообразии их вариантов не приблизимся к истине. Мне кажется, важно понять, что есть в современной культуре такого, что актуализирует этот вопрос и обязывает нас к исключительно ответственному его рассмотрению.

Зло может быть двух родов. Зло, которое как бы является тенью добра, его продолжением. Всякое добро имеет свое зло. А еще зло может претендовать на субстанциональность, оторваться от добра, бросить ему вызов. Сейчас мы все находимся именно в такой ситуации. Человечество в своем технологическом развитии достигло такой стадии, когда оно может производить оружие, способное уничтожить саму эту цивилизацию. Знаменитые часы судного дня, установленные в Чикаго, — какое время они показывают? Несколько минут до полуночи — до той самой ядерной катастрофы, в которой погибнет мир. Особенность ситуации заключается в том, что это оружие может быть приведено в действие отдельным человеком или небольшой группой людей. То есть зло достигло таких фантастических масштабов, что его разрушительный потенциал может быть реализован действиями нескольких индивидов. Вот эта страшная динамика: в Первую мировую войну погибло 20 миллионов человек, во Вторую — 50 миллионов. Очень много, но это все же часть человечества, а не все.

Можем ли мы и дальше мириться с таким пониманием свободы, которое предполагает выбор разных вариантов — того или другого? И, в конце концов, что бы мы ни выбрали, мы должны быть довольны тем, что этот выбор был сделан свободно. Нельзя быть уверенными, что среди нас нет людей, искренне убежденных, что всемирный пожар и гибель — это благо. Ведь стоики уже убеждали нас в правильности такого сценария, поэтому мы не можем исключить наличия в современном мире тех, кто одержим идеей зла. В пользу этого тезиса свидетельствует опыт терроризма. Конечно, надо объединить усилия всех стран, но мы все равно ничего не сможем сделать с теми фанатиками, которые считают, что они попадут в рай за свои страшные дела.

Современная ситуация предельно обостряет вопрос о свободе и необходимости. В этом плане интересную постановку, если я правильно понял, предлагает Александр Петрович. Может ли свобода считаться свободой, если она не является следствием осознанной необходимости?

В. А. КОНЕВ: — Позвольте реплику. Если добрая воля всегда разумна, то важно, чтобы человек научился не выходить за какие-то рамки. Надо уметь себя ограничивать, но не внешним запретом или какой-то необходимостью. Я должен уметь останавливать себя, опыт такой остановки и есть свобода. Для этого и существует культура.

А. П. МАРКОВ: — Умение останавливать себя — одна из важнейших граней свободного проявления личности, но в своей основе оно не входит в область позитивных в деятельном смысле проявлений личности, оно исключает поступки, придающие свободе смысл, находящийся за ее пределами. Останавливать себя — в чем? В разгуле гедонистических страстей и саморазрушительных практик? В алчной погоне за статусами и прибылью? Хорошо бы. Но если у человека нет ответа на вопрос «зачем мне себя останавливать?», то все наши призывы «учись останавливаться» будут пустым пожеланием. Даже в случае нашего успеха такая «остановка», совершаемая из-под палки, не имеет отношения к свободному самопроявлению личности. И лишь обретение высшего смысла — того, что находится по ту сторону «остановки», превращает эту запрещающую внешнюю норму в область свободного выбора ответственной личности.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Сергеевичу Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — К спору, который у нас развернулся, у меня есть две иллюстрации.

Герой Советского Союза Натан Борисович Стратиевский был стрелком-радистом самолета «Пе-2» (сидел в хвосте машины и обеспечивал тыл). Когда его самолет уцелел после Сталинградской битвы, его стали приглашать на курсы обучения стрелков-радистов. Но он ответил: «Я начинаю с того, что нарушаю инструкцию для стрелка-радиста, которая предписывает подпустить вражеский самолет на расстояние 400 метров, спокойно прицелиться и открыть точный огонь. Но Мессершмитт с 400 метров разнесет меня в доли секунды, поэтому я стреляю по вражескому самолету, как только замечаю его. Немецкий летчик, видя, что

его заметили, скорее всего, не будет приближаться». Вот это свобода поступка в экстремальных условиях.

Второй пример связан с сюжетом фильма датского режиссера «Человек, который спас мир». Подполковник Станислав Петров, дежурный командного пункта стратегической обороны города Москвы после появления сигнала, что американцы из Калифорнии запустили стратегические ракеты в направлении Советского Союза, пропустил предусмотренный уставом дежурства срок объявления всеобщей боевой тревоги. Он сказал: «Нужны данные наблюдения радиолокационной службы Советского Союза». А для того, чтобы возможная ракета стала «видна» радиолокационным средствам с территории СССР, требовалось 15 минут. И действительно, оказалось, что просто произошел сбой в работе электронной системы предупреждения. Все обошлось. Правда, Петров был вскоре уволен со службы, но спустя много лет в ООН ему была вручена специальная награда с выгравированной на ней надписью «Человеку, который предотвратил ядерную войну». Эти 15 минут — минуты тех самых чикагских часов судного дня, о которых говорил академик Гусейнов.

Мы никогда не впишемся в условия сегодняшних процессов глобализации и грядущих перемен. Что же касается возможности избавиться от формальных критериев и остаться живым и профессионально функционирующим, то здесь требуется радикальное переформатирование, которое, к сожалению, зависит не от философов, а от политических решений. Но вот знаменитая формула: «повинующегося судьба ведет, а неповинующегося — тащит». В ней несколько элементов. Прежде всего, что такое судьба в наше время? Судьба человечества, государства, различных структур, в том числе принимающих управленческие решения — экономические, технологические, политические и многие другие. Так вот, судьба в этом контексте — чрезвычайно серьезная категория. Если давать определение, то, по всей видимости, судьба — это либо некое конечное состояние, либо такое положение, изменение или избежание которого сопряжено с огромными усилиями и рисками.

Мы часто говорим, что должны найти решения современных проблем, но, простите, теоретикам не надо брать на себя слишком много. Мы можем попытаться наметить структуру того, что происходит, когда мы оказываемся в ситуации, описанной стоиками. Но тут еще одна проблема. Если говорить о судьбах в эпоху глобализации, то кто принимает решение вести? А кто повинующиеся, принимающие решение следовать? И как воспитать повиновение в тех, кто принимает судьбоносное решение в масштабе человечества или государства? Вот та философская задача, в рамках которой наши слова либо будут иметь смысл, либо будут обнулены.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Владимир Сергеевич, наши предшественники, в частности французские просветители, делали ставку на то, чтобы убедить правителей. Но мы, вероятно, прошли эту стадию, и разве нельзя сказать, что решение всегда принимает тот, кто действует? Кем бы он ни был и где бы ни находился, он всегда ответствен именно за свое решение. По-моему, адекватное понимание структуры ответственности связано именно с тем, чтобы серьезно осмыслить индивидуально-ответственный характер своих решений и действий.

Сейчас перед нами выступит Галина Григорьевна Коломиец, Оренбург.

Г. Г. КОЛОМИЕЦ: — Уважаемые коллеги, хочу обратить ваше внимание на этический аспект предыдущих выступлений и затронуть вопрос об антропологической сущности долженствования, ответственности, свободы и достоинства. Для меня важно, что Александр Петрович Марков в своем выступлении интонацией выделил слово «должен» в известной с античности присказке «В здоровом теле — здоровый дух», и то, что человек должен принять свободу как зов необходимости, как «зов откуда-то» за пределами человеческого опыта, зов сущей необходимости.

Далее, Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов на пленарном заседании говорил о том, что будущее человечества стало проблемой в физическом и социальном аспектах, поскольку вера в разум и науку привела к той цивилизации, которая не избавила человечество от насилия и таящих опасность непредсказуемых действий. Он выдвинул этику ненасилия и идею новой структуры ответственности, в которой индивидуально-нравственная ответственность довлеет над социально-функциональной. Это объясняется тем, что если раньше мир не зависел от зла отдельных людей, так как их возможности были технически ограничены, то сейчас они вполне могут причинить человечеству огромное, непоправимое зло. Поэтому ведущей должна быть индивидуальная ответственность.

На мой взгляд, антропологические проблемы жизненного существования заключаются в том, что человек творческий, увлеченный технологическим прогрессом, игнорирует или трансформирует фундаментальные этические ценности. С одной стороны, человек творческий возвышает себя в свободе своих творений, тем самым утверждая свое человеческое достоинство. С другой стороны, творящий человек с присущим ему этическим (нравственным, моральным, что по смыслу одно и то же) сознанием не может выйти из круга этических универсалий, иначе он перестанет быть человеком.

Обращаясь к моральной стороне технологического прогресса, я остановлюсь на *этических универсалиях, которые являются сущностной характеристикой человека как вида*. В современном научном обиходе встречаются попытки пересмотреть некоторые этические ценности, в частности, одной из проблем современного мышления становится *этика долга*. Читаю с удивлением строки, где пишется, что слово «долг» стало таким понятием, которое характеризует поведение человека с «отсутствием чувства привязанности, любви и благодарности», что долг есть «сухое, холодное чувство», которое предполагает действия по необходимости — семейной, родительской и др. Более того, долгу противопоставляются ответственность и свобо-

да. Еще хуже то, что на этом основании рассуждают о делении людей по складу характера: человек долга суров, он, так сказать, не может быть приятен и мил, а ответственный человек, он же свободный, наоборот, приятный и т. д. Хотелось бы возразить таким оппонентам и напомнить, что слово «долг» является ключом к пониманию нравственной культуры как отдельного человека, так и всего человечества. Не устарела мысль И. Канта, который восхищался понятием долга и видел в нем трансценденцию абсолютного нравственного закона, неотделимого от добра, поскольку добро как раз и выражается посредством долженствования, долга. Думаю, что следует вернуться к правильному пониманию слова «долг».

Долг — это осознание *своей индивидуальной причастности* к чему-то высокому, целому, всеобщему, которое побуждает человека вести себя по необходимости в соответствии с этим высоким, целым. Таким целым может быть общество, нация, страна, профессия, природа, божественное начало. Отсюда вытекает *индивидуально-нравственная ответственность*, что подчеркнул А. А. Гусейнов, выдвинув новую структуру ответственности. Долг начинается с того момента, когда человек как существо социальное, духовное сталкивается с границами своего поведения, когда он понимает, что живет индивидуально, но при этом в системе.

Отсюда следует понятие самоидентичности. Идентификация осуществляется посредством осознания своей причастности, принадлежности к чему-то целому, к какому-либо обществу и т. д. Любопытно, что на вопрос самоидентичности «кто ты такой?» современный студент, как правило, отвечает «я человек!», то есть доминирует самоидентификация, указывающая на осознание себя причастным к роду человеческому. Раньше студенты чаще отвечали по-разному: «я личность» или «я студент», называли имя и др. Устойчивый ответ собственного человеческого достоинства обоснован в связи с антропологическими проблемами, когда молодой человек интуитивно ощущает глобальные опасности.

Долг предполагает собственное достоинство и ответственность, это значит отвечать за свои поступки, держать ответ, но перед кем? — перед самим собой либо перед любой другой инстанцией, вплоть до Бога. Здесь-то и проявляет себя свобода как возможность выбора действия: следовать ли добру и долгу — или не следовать. Свобода — это возможность выбора. Когда человек сам устанавливает себе границы — это и есть экзистенциальная свобода: человек решает сам за себя.

Ответственность за свободу действий возлагается особенно на тех, кто занимается разработками и внедрением современных технологий. Ответственность лежит на всей научной и практической деятельности в любой сфере, так как все они сопряжены с глобальной антропологической ситуацией. В связи с этим всемирные философские конгрессы последнего десятилетия выдвигают антропологическую идею, вынуждая поставить в центр современности проблему человека и будущее человечества, а по сути — проблемы человеческого достоинства и ответственности.

Здесь я выделяю категорию «человеческое достоинство». Во-первых, человеческое достоинство в антропологическом смысле обусловлено нашим геномом, природной сущностью. Во-вторых, человеческое достоинство обусловлено некоей руководящей силой, которую мы ощущаем как путь к совершенству, стремление к идеальному. Антропологическая сущность человеческого достоинства заключается в креативном человеке, создающем наиболее совершенные формы своего существования. Чувство собственного достоинства поднимает человека на всечеловеческий пьедестал.

Будучи категорией этики, человеческое достоинство выходит в широкие сферы гуманитарного знания, поскольку оно неотъемлемо от культуры и технологического прогресса. Долженствование, долг, свобода и достоинство, ориентированные на ненасилие и ответственность за свою творческую и технологическую деятельность, выступают антропологической сущностью человеческого бытия, в котором моральное сознание совершает выбор между идеально-должным и реально-должным в становлении будущего человечества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Пожалуйста, Алексей Николаевич Фатенков, Нижний Новгород.

А. Н. ФАТЕНКОВ: — Несколько полемических тезисов. Первый — на тему свободы. Формула Спинозы, Гегеля, Маркса — свобода есть познанная или осознанная необходимость — безусловно принимается только в рамках рационализма или даже гипер-рационализма. Неслучайно экзистенциализм предложил другую формулу, во многом противоречащую этой: свобода как инобытие ответственности. Можно ли «примирить» эти две установки? На мой взгляд, да, можно. Я предлагаю приблизительную формулу (хотя, как любая формула, она немного ущербна): свобода — это предельный риск при полном отсутствии страха ошибиться. По-моему, свобода без риска невозможна, но свободе также присуща уверенность, что мы можем не ошибаться.

Второй тезис. Мы все время повторяем как мантру, что мир хаотичен, нестабилен, неуправляем, непредсказуем. Но так ли это? Может, это наши представления хаотичны? Несомненно, мир меняется, но меняется и сознание людей. По моему убеждению, наши представления о мире утрачивают реалистичность, мы все больше впадаем в иллюзии. Почему возникает этот обман и самообман? Как ни парадоксально, главная причина заключается в том, что мы стали слишком прагматичны, оборотной же стороной прагматизма становятся именно иллюзии.

Однако так ли хороша стабильность и управляемость, на отсутствие которой мы сетуем? Ведь жизнь полна рисков, жизнь сама по себе есть риск. И, как полагал Фридрих Гельдерлин (и его слова повторили многие философы в XX веке), где опасность, там вызревает спасение. То, что сейчас предлагается нам власть имущими, я назвал бы культом безопасности, но, по сути, это можно рассматривать как одну из самых реальных и серьезных тоталитарных угроз.

И еще один вопрос, обсуждения которого я пока здесь не услышал. Ну хорошо, какой-то минимум стабильности для спокойной жизни и содержательной работы все же требуется. Но какова максимальная цена, которую мы можем и должны заплатить за эту стабильность? Не является ли она чрезмерно высокой?

О некоторых проявлениях той иллюзорности. Ресурсы России — природные, человеческие и другие — таковы, что страна вполне обоснованно претендует на то, чтобы быть оригинальным и относительно автономным культурно-цивилизационным образованием. Однако вот проблема: мы во многом утратили свою оригинальность. Мы много говорим о национальных интересах и стратегиях, но в годы СССР Россия была более национальна, потому что советская идеология, несмотря на все издержки, была гораздо органичнее связана с традиционными отечественными понятиями о справедливости. А теперь Россия стала ординарной капиталистической страной, каких в мире много.

И последний момент. Я в своем докладе, защищая автократа, главным его противником назвал посредника. В капитализме анонимным посредником являются деньги, а сущность капитализма, по крайней мере, сегодняшнего, заключается в диктате посредничества. И даже при критике со стороны официоза идеи либерализма активно проникают в систему образования. Никого не интересует, что ты написал, главное — в журнале какого статуса ты это опубликовал. Неважно, как ты работаешь со студентами, доверяют они тебе или нет. Главное — заполнить рабочие программы в соответствии со стандартами. Но бесконечное переписывание рабочих программ — это же просто потеря времени, это маразм, который убивает образование. И я боюсь, что точка невозврата здесь уже пройдена.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Евгеньевичу Триодину.

В. Е. ТРИОДИН: — У меня сложилось такое ощущение, что на пленарном заседании мы забыли взять в глобализацию человека, как чеховского Фирса. И глобализация у нас началась с человеческого опустынивания. Хорошо, что сегодня мы поставили в центр внимания человека. Но необходимо дать определение человеку глобального общества. Например, Достоевский говорил о всечеловеке. Мне кажется хорошим определение глобального человека как гражданина мира. Можно вернуться к термину Трубецкого и зафиксировать антропологический сдвиг современности категорией «симфоническая личность».

Второй момент. Главное — не определить, как мы будем называть такого человека: симфоническая личность или всечеловек, — а зафиксировать систему качеств, которые наполняют, определяют и делают человека глобальным. И вот здесь, мне кажется, методологической основой могло бы стать выдвинутое Абдусаламом Абдулкеримовичем понятие «сверхкультура». Я бы дополнил его и предложил остановиться на термине «транскультура». Специфика сверхкультуры (или транскультуры) состоит в том, что она возникает поверх существующих локальных культур, стоит над ними, но не отменяет их, не разрушает, а сохраняет их национально-культурную особенность.

Примеров — сколько угодно. Возникает союз — он и она, в результате рождается сверхсубъектное «мы». И в этом «мы» важно не растерять ни «я», ни «ты». Как у Е. Баратынского: «лица необщим выраженьем». Поэтому когда я слышу от известных философов, общественных деятелей, писателей, что глобализм — это утопия, потому что мир не хочет превращаться в сплошной «Макдоналдс», возникает желание возразить: с «Макдоналдсом» вполне может соседствовать каша с молоком, макароны по-флотски и пр.

Ключевая проблема заключается в том, что сверхкультура придает традиционным видам деятельности, предположим, работе, новые характеристики, свойственные глобальному обществу. И мы должны определить эти характеристики, чтобы наполнить понятие «человек глобального общества». Это уже не работа, а соработничество, не труд, а сотрудничество, взаимодействие. Если раньше считали, что «владыкой мира будет труд», то теперь «владыкой мира будет сотрудничество».

Ф. М. Достоевский как провидец употребил понятие «всемирная отзывчивость». Правда, он сказал это применительно к русскому человеку, но я думаю, что эта характеристика свойственна и глобальному человеку. Пример — пожар в Соборе Парижской Богоматери. Все человечество откликнулось на эту беду, что лишний раз показывает всемирную отзывчивость.

Применительно к сегодняшнему разговору о свободе хочу сказать, что свобода — это определенная ответственность человека перед собой, обществом. Она должна войти в номенклатуру качеств, которые наполняют человека гражданского общества.

Не может быть никакого глобализма, всемирность приобретается, по Достоевскому, не мечом, а силой братства. Отсюда можно сделать вывод, что глобализация требует человека нового типа, который решает проблемы не с помощью кулачного права, не на языке ультиматумов, а путем согласия и любви. Поэтому нужна новая система воспитания, новая педагогика, которую мы могли бы назвать глобальной педагогикой и которая не исключала бы феномена ответственного насилия из процесса творения личности. Еще Волошин сказал, что из всех насилий, творимых на земле, главное насилие — это воспитание и обучение.

Нам нужна педагогика будущего, уроки, которые сделали бы нас глобальными людьми. Будем осваивать эти уроки. Дорогу осилит идущий.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На трибуну приглашается Владимир Евгеньевич Лепский.

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Успех решения научной проблемы зависит прежде всего от ее корректной постановки. В чем, на мой взгляд, заключается проблема культуры, ее развития и влияния на наше будущее? Каковы главные причины кризиса человечества сегодня? Как говорил В. С. Степин, в последние годы все более отчетливо заявляют о себе недостатки техногенной цивилизации. Они состоят в усилении цивилизационно-

го эгоизма. С. Хантингтон, например, прогнозировал конфликт цивилизаций. Еще Карл Маркс предупреждал о негативах рыночного эгоизма, принципа максимизации прибыли. Финансовый эгоизм, как считал Панарин, проявляет себя в делении мира на избранных и неизбранных. Моисеев и Степин писали на тему экологического, техногенного эгоизма, который встроен в цивилизацию как естественный процесс и запускает любую техническую инновацию, если ее можно продать, перевести в товар и делать деньги. Но совершенно не рассматриваются такие вопросы, как готово ли человечество к этим новациям, как и кем этот процесс будет контролироваться?

Четвертый уклад породил угрозы, связанные с атомным оружием, пятый — проблему кибербезопасности. Сегодня специалисты во всем мире не знают, как бороться с киберугрозами. Что-то фантастическое зреет в рамках шестого уклада: генная модификация, производство выборочного оружия, действующего отдельно на каждые этносы. Причем это компетенции узкой группы специалистов, не государственных структур и транснациональных корпораций.

Как быть в такой ситуации? Необходимо осознать проблему развития человечества будущего, которая заключается в переходе от техногенной цивилизации к новой доминирующей цивилизационной форме. Я не говорю о том, что все цивилизации сохранятся, но возникнет новый тип в макроцивилизационной форме, который будет иметь историко-культурные основания, описанные отечественными учеными.

Проблема стратегического развития состоит в следующем. Первое — необходимо выделить базовые ценности человечества. Этим на предыдущих заседаниях Лихачевских чтений занимались Степин, Лекторский, Гусейнов, которые определили три базовые ценности: сохранение развития человека, человечества и биосферы. Я добавил бы четвертую ценность — сохранение развития техносферы, потому что эти четыре ценности связаны между собой. Например, результаты техногенной цивилизации влияют на человека и общество. Трансгуманизм оказывается источником создания новых форм неоколониальной политики. Итак, опора на базовые ценности — первое условие будущего.

Второе — мы должны определить регуляторы и мировоззренческие принципы движения вперед. Это находится в компетенции субъектно ориентированного подхода, который я считаю главным в организации регулирования на планете.

Третье — мы должны разработать механизмы и регуляторы перевода общества в новое качество, соответствующее этим ценностями. Фактически это рождение новой постнеклассической научной рациональности, способной создать новые механизмы управления. Сегодня в этом направлении мы достигли существенных результатов, по сути, обошли американцев и европейцев, предложив новый постнеклассический социогуманитарный подход к кибернетике — концепцию социогуманитарного управления.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается профессор Николай Андреевич Хренов.

Н. А. ХРЕНОВ: — Я нахожусь под впечатлением от дискуссии, состоявшейся на пленарном заседании. Но я не слышал, чтобы кто-то говорил о культуре. Только один раз дипломат из Министерства иностранных дел произнес слово «культура». У нас не получилось вписать культуру в новую мировую архитектуру. Может быть, эта архитектура и будет возведена, но будет ли она стоять без культуры в своем основании — вопрос.

Что же мыслится этим основанием? На что уповают социальные мыслители, когда говорят о будущем? Прослушав несколько выступлений, я ответил на этот вопрос. Главным в основании устанавливающегося миропорядка является технология. По мнению выступавших, из тупика, в котором сегодня оказались все культуры, может вывести только технология. Именно технология поможет решить все проблемы, связанные с человеком.

Я прекрасно понимаю А. С. Запесоцкого, который, увидев, что дискуссия заходит в тупик, попытался спровоцировать несогласие с такой точкой зрения. Он поставил вопрос так: разве технический прогресс не наносит вреда? Ведь именно он примитивизирует образование, тиражирует массовую культуру, средства массовой информации зомбируют общество, извращают идеалы демократии. В мире происходит деградация элит, поскольку акцент делается на пропагандистские технологии.

Странно, но эта тема все же не была подхвачена. Мои претензии к докладчикам, выступавшим на пленарном заседании, касаются только культуры. Как оказалось, этой проблемы не существует. Абдусалам Абдулкеримович сказал, что мы потеряли прошлое, из этого следует, что если мы культуру хотя еще и не потеряли, то начинаем терять.

Культурологи пытаются разобраться в том, что такое культура, для чего она нужна и чему служит. Американский культуролог Лесли Уайт писал, что открытие культуры настолько серьезно, что его можно сравнить с осознанием гелиоцентрической картины мира. Мы в России, дискутируя о культуре, повторили путь, который на Западе прошли раньше. Я сейчас не собираюсь обсуждать вопрос, почему в России культура была открыта позже. Но если мы все-таки ее открыли, то что мы от нее ожидали и какие проблемы она должна была помочь решить. Оправдываются ли наши надежды? Вообще, как мы представляли культуру, утопая во множестве ее определений?

Конечно, в ситуации слома (надлома и распада) советской империи, наверное, самая актуальная для нас проблема — коллективная идентичность. Но во вчерашней дискуссии имелась в виду только «конституционная идентичность». Нужно осознать, что такое коллективная идентичность. Не может идентичность больше основываться на большевистской идеологии, для которой определяющими являлись революция и Гражданская война. Как показали недавние события в Екатеринбурге, мы вновь стоим на пороге чего-то подобного.

С культурой мы связывали новое основание коллективной идентичности. В эпоху господства идеологии ее

недооценивали. Однако, наделяя культуру этими функциями, мы идеализировали ее и верили в ее исцеляющий потенциал. А потенциал действительно мощный: ведь именно культура останавливает насильника. Возможно, в таком представлении о культуре была доля нового утопизма — культурологического. Но этот утопизм можно увидеть только сегодня, когда начинаешь осмысливать реальность: жизнь не становится лучше.

О том, что культура больна, уже давно высказываются разные мыслители. Например, Г. Зиммель в работе «Кризис культуры» писал, что человеку противостоят бесчисленные объективации духа: социальные нормы, произведения искусства, институты и т. д. Они притязают на то, чтобы стать содержанием и нормой нашего индивидуального существования. Но человек воспринимает их как бремя, они противостоят человеку. Это что-то вроде отчуждения через культуру. Позднее еще более критично высказался Й. Хейзинга в докладе, тоже посвященном кризису культуры. По его мнению, культура с некоторого времени обременена грузом всяческого вздора и нелепых идей, какого никогда прежде не несла миру. Он вопрошает: что делать человеку с этой культурой? Разве фантом, возникающий перед нашим взором при слове «культура», имеет право носить это имя?

В статьях, публикуемых в журнале «Стратегические приоритеты», говорится о нарастании в обществе агрессивности, жестокости, равнодушия, лживости, лицемерия, ослаблении связей между людьми, деградации семейных ценностей, экологической катастрофе, оправдании коррупции, доминировании потребительского образа жизни, то есть о том, что мы постоянно наблюдаем в нашей жизни. И все это — не без нашего участия. Существует много причин, почему это происходит. Но в поисках причины я вернулся бы к тому, что было сказано сто лет назад О. Шпенглером. Он один из тех, кто попытался понять, что происходит с культурой (речь идет о западной культуре) и в какой ситуации она находится. Шпенглер сказал, что с некоторого времени цивилизация перестает быть союзником культуры. Что такое цивилизация? Это в том числе и технологии, которые на пленарном заседании так превозносили и с которыми связывали разрешение всех проблем. Культура отступает под натиском цивилизации и растворяется в ней.

Несколько слов об идентичности. По-прежнему актуальны вопросы «что делать?» и «кто виноват?». Но не менее актуальным является вопрос «кто мы?». Сам Шпенглер не употреблял понятия «идентичность», еще не было такого научного направления. О. Шпенглера очень интересовала русская культура, он испытывал влияние русских мыслителей, например Н. Данилевского. Не случайно Шпенглера называли немецким славянофилом. Он постоянно возвращался к русскому вопросу. Касаясь идентичности русских, он в своих выводах оказался ближе к евразийцам, а не к славянофилам. Идентичность русских связана у него не с Западом, а с Востоком. Если иметь в виду сегодняшний политический курс, то нельзя утверждать, что Шпенглер сегодня неактуален. В настоящее время Россия движется по пути, который в свое время прозрел Шпенглер.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Ольге Анатольевне Жуковой.

О. А. ЖУКОВА: — Для меня важно определить местоположение философа в этой интеллектуальной повестке дня и исходную точку размышлений во всей истории и культуре, которая — по оценке первого дня Лихачевских чтений — несправедливо была вынесена за скобки нашего рассуждения, то есть вернуться к философской работе.

Тема, в наибольшей степени корреспондирующая с представленными мною тезисами, — глобальный риск, который представляет будущее, не гарантированное для нас, смотрящих на него из настоящего. Соответственно возникает вопрос об образе будущего и его проекте. Мы находимся внутри своеобразной версии будущего, которая представляет собой отредактированное настоящее, по терминологии Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, улучшенное настоящее. Она отсылает нас к новой временнóй традиции, просветительской прогрессистской концепции истории. В XX веке осложненные идеи технологического и технического процесса на постиндустриальной, информационной стадии развития цивилизации — это вопрос о новых технологиях и новом технологическом укладе. Мы имеем дело с отредактированным геномом цивилизации динамического западного типа. Здесь возникает доминирующий дискурс глобалистики, который мы в полной мере услышали от главных спикеров вчерашнего обсуждения.

Вторая версия альтернативна глобалистскому мейнстриму в рамках оппозиции альтернативистики и глобалистики. У этой альтернативной линии сложная элементная база, которая включает исторические тексты и нарративы культурной памяти и связанные с ними ценностные, смысловые системы как европейских, так и неевропейских культур и цивилизаций. Не учитывать этого нельзя. Более того, акцентирование только первой версии — динамического западного типа — опасно, потому что мейнстрим, оформляющий контуры и идеологическое наполнение текущего проекта современности, становится определенной угрозой и проявляет собственное противоречие, заводит в тупик. Как он выстраивает себя? Это доминирующий дискурс, рассуждение цивилизации о самой себе и проекте будущего. Его острие направлено на проблему ценностей, и соответственно этот проект активно перестраивает систему ценностей.

Проводится сложная и опасная процедура распредмечивания смысла истории, впрочем, как и самого образа человека. Самое главное — становится уязвимым метафизическое ядро культуры. В общественной идеологии, общественном пространстве доминирует иной проект — проект посткультуры. В целом, если дать характеристику проекту посткультуры, можно сказать, что авторский тип слова сопряжен с ответственностью, но в этом типе культуры ответственность (здесь я соглашусь с Абдусаламом Абдулкеримовичем) подменяется гиперссылкой. Как работает гиперссылка в политическом мейнстриме, мы вчера увидели. Если бы не отчаянная попытка Александра Сергеевича Запе-

соцкого выдернуть удобно расположившихся спикеров внутри матрицы мейнстрима, которые обезличенно обменивались репликами друг с другом, то не получилось бы ни остроты, ни собственно проблематизации поставленного вопроса.

Но современная жизнь демонстрирует и другие опасные ситуации, а именно доминирование имитационных процессов в самой культуре, когда важные знания и творческие стратегии проявляются как имитационные акты, например в форме комбинаторной игровой активности, которые имеют смысл в самой себе. Что является онтологической моделью идеи таких стратегий? К сожалению, ничего, это пустота. Причем не та пустота, из которой может родиться космос, как из хаоса, а просто пустота, бытийное ничто. Таким образом, применяя это к социальному уровню, мы получаем сложный тип общества, который опасен в своем дальнейшем продвижении, — идеал общества продвинутых пользователей, грамотных потребителей товаров и услуг, владеющих технологиями.

К сожалению, эта идеология совсем не толерантна. Она тоталитарна, точно воспроизводит форму нового тоталитарного мифа с новой антропологией человека и отредактированным геномом социальности и духовности. Ученые универсализируют отредактированный геном, в том числе тот, что касается физического статуса: родитель 1 и родитель 2, дизайнерские дети и пр. Мою реплику можно посчитать культуркритикой, которая укладывается в историческую логику европейской философии конца XIX — начала XX века.

Мы не пережили фазу футурошока и находимся в ситуации реактивного ответа, но уже значительно травматизированы. И философская работа — все-таки работа посттравматическая. Момент сознания шока и травма уже произошли, мы травмированы не только прошлым и настоящим, но и будущим настоящим. Это и есть то, чем мы должны заниматься.

Что можно противопоставить логике и практике глобальных социокультурных трансформаций, которые ставят под угрозу не только историческое существование мировых культур, но и сам онтологический статус человека? Ответ одновременно и сложен, и прост. С одной стороны, он требует философской рефлексии на высоком уровне, формулирование культуротворческой стратегии деятельности человека со специфическим моральным стилем ответственности и мыслительными практиками высокой рациональности, не исключающими метафизическую интуицию человека и культуры, метафизическую перспективу человека и истории. С другой стороны, нам, как действующим авторам современности, в основном педагогам и научным деятелям, требуется консолидированная работа, то есть нам необходимо сформировать образовательное общественное поле, где должны быть представлены всемирно расширенные дискурсивные практики культурно-исторического знания, а в публичном пространстве должна быть продемонстрирована форма альтернативности — альтернативности исторических представлений, политического знания, политической философии и, конечно, антологических интуиций.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Маргарите Вениаминовне Силантьевой.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Я хотела бы задать два вопроса. Первый из них связан со вступительным словом профессора Агацци, напомнившим о роли науки и технологий. Здесь хотелось бы вспомнить рассуждения Абдусалама Абдулкеримовича о зле, которое является тенью добра. Вопрос о технологиях и есть вопрос о тени добра. Технологии — это инструмент. А кто пользуется этим инструментом? То ли это «быдляцкая культура», то ли что-то другое.

Второй вопрос связан со свободой. Сегодня состоялась интересная дискуссия сторонников двух точек зрения: свобода — это необходимость или она исключает необходимость. Николай Бердяев выделял три свободы, и третья свобода — это свобода не от, а для. Так вот, спрашивая о свободе для, мы не можем обойти вниманием вопрос о том, кто реализует свободу.

Упомянутый вчера манифест-письмо «Европа в огне» — критика особого рода идентичности, которая там описывается. Это непраздный вопрос еще и потому, что сегодня в свете новых технологий мы столкнулись с особым типом идентичности — с идентичностью Сети. Идентичность глобальной сети Интернет и идентичность сетевого типа благодаря новейшим технологиям радикально отличаются от типов идентичности, известных другим историческим эпохам. Здесь можно сделать отсылку к художественной метафоре, которая пронизывает фильм 2017 года «Сфера»: в нем достаточно подробно художественным языком анализируется проблема транспарентности, зависимости от собственного выбора.

Такая идентичность — это тоже конструкт, но не тотальный. Человек застает определенную эпоху, материальные условия, и любой социальный конструкт наслаивается на ту культуру, которая уже имеется. Эту сторону тоже нельзя абсолютизировать. Дж. А. Келли сказал, что если мы будем слишком доверять социально-культурным конструктам, то получится примерно следующее: все фермеры из города *N*, которые пришли ко мне лечиться, — носители определенного типа расстройств, и тогда я должен сделать вывод, что все фермеры, живущие в городе *N*, — шизоиды, но это абсурд.

И последнее: упомянутый на пленарном заседании Кант остается для меня загадкой, особенно когда философы относят его к идеалистам. Его трактат «К вечному миру» содержит ссылку на вывеску трактира, расположенного по дороге на кладбище, которая может читаться двояко, в том числе и как путь к «вечному миру», который, как и вечный покой, находится в потустороннем пространстве, и Кант это понимал не хуже нас.

Но если не ставить перед собой высоких целей и задач (замыкаю свое выступление ссылкой на вчерашнюю реплику профессора Агацци), то человек перестает быть человеком, не важно — сетевая это идентичность или совсем другая, консервативная, которую мы хотели бы сохранить, но, скорее всего, не сможем этого сделать.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На трибуну приглашается профессор Надежда Гегамовна Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Хотела бы отреагировать на высказывание академика Р. И. Нигматулина, который сказал: если студент не хочет учиться, его надо заставить. Хорошо бы еще узнать, как это сделать. Сомневаюсь в том, что современного студента можно заставить. Есть другие слова: «мотивировать», «вдохновить» и пр. Уверена, что если студента вдохновить, то он будет учиться так, как нам и не снилось.

Меня восхитило высказывание Александра Сергеевича. Он подчеркнул значимость личностного образования, которое сегодня называется эмоциональным интеллектом. Это не просто эмоции, чувства, а то, что проникает через когнитивную, интеллектуальную систему человека.

Но то, что сегодня происходит с нашим образованием, выводит данный социально-культурный институт из сферы его компетенции. Все это понимают, но предпочитают молчать, потому что все, что делается в современном отечественном образовании, направлено на трансляцию современной культуры. В любом случае ядро культуры — это образование. Это главный канал, через который мы можем что-либо транслировать.

Состояние современного образования иллюстрирует фрагмент одной из передач Гордона: девушка, которая полностью соответствует критериям современной молодежи, в диалоге с ведущим говорит, что обучается в академии. Гордон спрашивает, для чего ей нужно образование. Она отвечает: «Это как дорогое нижнее белье — вроде его не видно, но чувствуешь себя прекрасно». Как говорится, без комментариев.

Существует и другая сторона проблемы. Мы пытаемся сформулировать свое ви́дение человека глобального. Здесь присутствуют молодые люди — все они разные, но уже глобальные. Безусловно, нам, старшему поколению, есть чему поучиться у этих молодых людей: открытости мышления, технологической продвинутости, решимости, умению жить не в иллюзиях, реалистическому подходу, практичности. Образование — это дорога не с односторонним движением, а взаимный процесс. Только на этом пути может быть достигнут баланс, о котором как о разрушенном говорили многие выступающие.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Относительно альтернативы — должны мы заставлять студентов учиться, как сказал Роберт Искандрович, или вдохновлять, как сказала Надежда Гегамовна, — вспоминается один эпизод. Мы спросили американского профессора: «Скажите, пожалуйста, в Америке вы любите студентов?» Он подумал и ответил: «Нет, мы ненавидим их!» Оказалось, что это не шутка: они постоянно ставят своих студентов в ситуацию, когда те должны бороться, когда им становится трудно, задача учителя — не допустить обходных, легких путей. В такой форме отношений «мы не любим студентов, а ненавидим их» преподаватели вдохновляют студентов, становятся их союзниками.

Виктор Федорович, что Вы думаете по этому поводу как психолог и преподаватель университета?

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Условно можно выделить восточный стиль преподавания и западный, который сейчас насильно интегрируют в российскую систему. Он трактует образование как педагогическую услугу, которая не связана с конкретной личностью преподавателя, — ее может оказать любой человек, а можно просто посмотреть видеоурок и освоить. На Востоке, особенно в рамках буддистской традиции, ученик живет в доме учителя, выполняет домашнюю работу. Казалось бы, при чем здесь образование? В таком личном контакте происходит идентификация с личностью преподавателя. Следовательно, задача преподавателя — не просто передать знания, а продемонстрировать определенный стиль не только мышлением, но и самой личностью. Именно через уподобление личности происходит усвоение всей цепочки передачи знаний. Мне кажется, что перегиб в сторону цифровой педагогики, когда исключается личностное знание, вытесняемое опосредованными техническими средствами, нарушает процесс идентификации.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Вчера на пленарном заседании в качестве одной из болевых точек был назван мировоззренческий кризис. Человеку сложно принять непростую социокультурную ситуацию, быстро интегрироваться в существующий мир гаджетов и высоких технологий, которые порой рассматриваются как угроза привычному укладу. Выступающие отмечали, что новому типу культуры должна соответствовать новая модель образования. Подчеркивалась мысль о важности образования в принципе, поскольку оно в значительной степени влияет на формирование и развитие культуры личности, ценностных ориентаций. Но какая это должна быть модель?

Обращение к образованию понятно и оправданно. Ведь все поступки человека, которые оказывают влияние не только на жизнь конкретного индивида, но и на жизнь других людей, зависят от его образования, нравственности и уровня культуры. Культура обладает практически неисчерпаемыми ресурсами для формирования индивидуальности человека, его приобщения к ценностям. Сегодня остро стоит вопрос о социокультурной интеграции современного человека, которая невозможна без образования. Актуальность гуманитаризации образования вытекает из того факта, что высокие технологии, технический прогресс не приводят к росту культуры человека, не делают его более человечным.

Все это предвидел Д. С. Лихачев, поэтому он настаивал на необходимости образования. По его глубокому убеждению, у человека не должно быть «незанятого» мозга. Он призывал сконцентрировать усилия на образовании, потому что оно формирует личность, человеческий образ, воспитывает гражданские качества, вооружает знаниями и умениями, необходимыми для жизни. Образование учит человека мыслить, влияет на формирование картины мира, способствует воспитанию толерантности, что крайне важно в условиях

взаимодействия культур и одновременно конфликтности культурного пространства глобального мира.

И здесь все связано с гуманитаризацией образования. Хотя о ее необходимости говорят несколько десятилетий, постоянное обращение к этому «надо» свидетельствует о том, что данная идея не находит реализации. Дмитрий Сергеевич настоятельно рекомендовал обратить особое внимание на преподавание истории, литературы, искусства, то есть на предметы гуманитарного цикла, которые открывают мир человеческих отношений, переживаний, размышлений, поступков. Первостепенную задачу он видел в развитии университетского образования, где, по нашему мнению, должны быть не только эталонное знание и образование, но и эталонная культурная среда. В деле сохранения, обогащения и развития культуры, образования человека он возлагал большие надежды на государство и советовал выделять достаточно средств на это, поскольку понимал, что культура дает невидимый «доход» не сиюминутно, а в виде роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни, стабильности экономики, технического прогресса, уважения со стороны других государств. Возможно, именно такой «доход» позволяет нам смотреть в будущее с оптимизмом.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Прежде всего, мне кажется, мы должны не говорить о ценностях как об абстрактной категории, а наполнять их конкретным содержанием. Очевидно, что в разговоре о борьбе цивилизаций, о столкновении идеологий мы забываем, что цивилизация может быть не только восточной или западной, но и русской — православной, славянской, о которой писал Данилевский. Учитывая это, я хочу обратить ваше внимание на те ценности, которые были выявлены в результате анализа, который мы проводили по гранту РФФИ совместно с нашим факультетом журналистики и Институтом гуманитарных наук Международного греческого университета. Участниками исследования были молодые люди, обучающиеся и работающие в системе СМИ — всего мы опросили около 200 человек. Это люди, которые будут формировать наше будущее, используя колоссальные возможности медиа.

В ходе исследования мы выяснили, что в матрицах российской цивилизации доминируют четыре группы ценностей — конечно, с точки зрения того, что демонстрируется СМИ и что актуально для современной молодежи. Это, прежде всего ценности общинности: семья, любовь, верность, патриотизм, уважение к Родине, народу и языку, восприятие человека как члена социума, почитание старших — все это роднит нас с восточной цивилизацией. Во второй группе ценностей — особое отношение к труду и его плодам, любовь к ремеслу, домовитость, близость к земле, уважение собственности и трудового достатка, осуждение праздности, воровства и неправедного богатства.

Третья группа ценностей основана на вере в высшую силу и кару за грехи, верование в чудесные приметы, гадания, осознание своего места во Вселенной, подвластной стихиям. Тут наши ценности перекликаются с понятием вечности, которое в православной культуре хорошо вписывается в самосознание человека.

Последняя группа ценностей фиксирует наше отношение к добродетелям и порокам. С одной стороны, это добро, взаимопомощь, гостеприимство, готовность защищать правое дело, чувство меры, надежда на счастье, терпение к страданиям, уважение ума, стремление к учению, дружелюбие, жизнелюбие, христианское отношение к смерти, уважение праведной власти. С другой стороны, осуждение зла, грехов, пороков, в том числе мотовства, щегольства, глупости. У человека, который придерживается этой системы ценностей, обнаруживается стремление к нравственной дихотомии личностных качеств: бережливость–запасливость, умеренность–мотовство, отвага, смелость, упорство — трусость, миролюбие–агрессия, смирение–гордыня, законопослушность–лихоимство. Так что мы имеем основания оптимистически смотреть на наше будущее: ценности современной молодежи внушают уверенность в том, что российская цивилизация, избирающая третий путь развития, будет достойно конкурировать в сложном геополитическом пространстве мира.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — С докладом выступает Елена Владимировна Харитонова из Института Африки РАН.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — В свое время Александр Романович Лорер, у которого мне лично посчастливилось учиться и слушать его лекции, говорил, что смыслом человеческой жизни и даже ее долголетием человек обязан тем своим целям, которые уходят за жизненный горизонт. Я хотела бы применить это к жизнедеятельности социума. Проблема состоит именно в том, что у нашего общества, у нашего государства в данный момент нет такой уходящей за горизонт цели, нет стратегии развития и внятного образа будущего — все заменяет принцип «обогащайтесь, кто как может». Это приводит к страшным деформациям как на персональном, так и на социальном уровне.

К сожалению, мы вошли в данную фазу без объединяющей концепции развития. При этом у нас может быть замечательная система ценностей — однако мы демонстрируем абсолютную недееспособность. В прошлом году В. Третьяков описал эту ситуацию очень хорошо: мы долго можем рассуждать о добре, красоте, благе, но оно не наступает по той причине, что где-то сидят люди, которые думают в противоположном направлении и работают лучше, чем мы. Мне очень понравилась эта идея. Я считаю, что мы, как ученые-гуманитарии, не дорабатываем в этом плане, не создаем нужную концепцию.

В прошлом году мне посчастливилось стать членом Всемирной федерации научных работников. Как участник этой организации, я на каждом ежегодном форуме говорю о том, что к представителям естественных наук должны присоединиться ученые-гуманитарии, и они к этому готовы.

Многие считают, что можно не думать о будущем. Кстати говоря, такая тенденция наблюдается и в западной, и в восточной традиции — правда, с разной системой мотивации. Например, на Западе и в отечественной психологии все тренинги построены на жизненном принципе «здесь и сейчас»: прошлого уже нет, будущее еще не наступило, и остается только подвластное нам пространство здесь и теперь. Это, между прочим, очень сильно влияет на мировосприятие, психологию и деятельность наших граждан — особенно студентов. На Западе уже даже нет времени подробно обсудить эту проблему, люди там давно живут только сегодняшним днем.

Россия входит в этот стиль жизни, как я уже сказала, плохо подготовленной. Во-первых, мы построили, — хотя и не закрепили это законами, как было в Средние века или до революции, — сословное государство. У нас есть элита, есть те, кто защищает элиту от народа, и все остальное население, которое часто неуважительно относят к «быдл-классу» — к сожалению, я использую термин известного психолога Александра Асмолова. Кроме того, государство, раздираемое конфессиональными и религиозными противоречиями, — это бомба замедленного действия. Отсутствие концепции развития — наша основная беда. Внутри страны всегда есть религиозная этическая матрица, которая направляет развитие культуры, но она же может привести к колоссальному социальному взрыву, если не к гражданской войне. Именно эта матрица обеспечивает жизнеспособность и силу цивилизации.

Конечно, российский проект по сравнению с другими несет в себе больший заряд дезинтеграции. Или в нем интеграция происходит по другому основанию, и нам следует задуматься об этом. Как правило, это приводит к полной дезинтеграции на социальном уровне. То есть мы не готовы ни к войне, которая может разразиться, ни к той консолидации, которая необходима, чтобы отвечать на все цивилизационные вызовы глобализации. Не готовы потому, что мы — поколение потребителей, люди комфорта, неспособные на протест. Я только что вернулась из Парижа, где участвовала в Конгрессе Федерации научных работников: там абсолютно та же ситуация.

Сейчас модно создавать различные хартии. В. Третьяков опубликовал свою хартию спасения Европы, Российский союз промышленников и предпринимателей опубликовал хартию корпоративной социальной ответственности бизнеса и т. д. Не подумать ли и нам о том, чтобы предложить русскому многонациональному миру хартию о корпоративной социальной ответственности ученых-гуманитариев? Сегодня мы используем разную терминологию: кто-то поднимается до вершин философского осмысления, я, например, пытаюсь опуститься до уровня практики, — но мы можем попробовать вместе договориться, хотя мы и очень разные. Вдруг получится?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Между прочим, мы вполне можем создать хартию нашей секции: как спасти человека и культуру. Только позволю себе один комментарий к Вашему выступлению. Когда мы делаем обобщения, в том числе по поводу нашей российской цивилизационной идентичности, надо, как мне кажется, быть осторожными. Скажем, об исламе обычно говорят как о чуждом нам явлении. Почему? Это же часть нашей российской культуры. Или, например, вы говорите «славянско-православное» — но ведь славян много, и среди них есть огромные неправославные нации.

С докладом выступит профессор В. В. Кравченко.

В. В. КРАВЧЕНКО: — Меня очень впечатлило выступление Владимира Евгеньевича Триодина, и я хочу кое-что добавить к этой теме в антропологическом плане. Моя задача — обратить внимание присутствующих на тенденцию, о которой молодежь знает лучше нас: это существование человека-одиночки, образ которого настойчиво входит в нашу культуру. Сегодня есть уже целые движения одиночек, они создают особые кластеры в современной культуре и формируют даже что-то вроде общественных движений, если говорить о дауншифтерах. Это люди, которые покидают высокие посты, отказываются от обеспеченного существования для того, чтобы вести «рассеянный» образ жизни, не отвечая ни за что и ни за кого.

В культуре всегда были одиночки, и, на самом деле, гений — это всегда одиночка, это норма для культуры. Но гений-одиночка двигает всю культуру, а если одиночка — обычный эгоист, зацикленный только на каких-то своих жизненных представлениях, это уже трагедия культуры. Поэтому баланс существования человека и формирования его идентичности, защита его от агрессивного, напряженного, стрессового окружающего мира — это, безусловно, понятная задача для всех. С другой стороны, человеку необходимо все время развиваться, и наша задача состоит в том, чтобы помочь ему понять, что он все-таки виртуальный одиночка. Более того, он может стать чьей-то марионеткой, чьим-то орудием. Именно в этом образе жизни один из источников терроризма и трагедии тех, кто становится жертвой вербовки: очень часто люди, совершающие преступление, не понимают, что делают. Здесь можно вывести целый ряд последствий, но надо понять причину, увидеть эту тенденцию и не забывать о ней. Для этого необходимо разделить в антропологическом плане понятия культурного одиночества и эгоизма, потому что это разные вещи. Эгоизм — это тенденция, принцип существования, а одиночество — это состояние.

Можно назвать различные источники таких проблем. Их решения следует искать в духовном опыте русского народа, традиционная солидарность общежития которого не подавляла индивидуальность каждого. Поэтому и безопасность, и развитие нашей культуры во многом будут зависеть от того, как мы сумеем встроить это понимание «соло» в современные культурологические теории.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Приглашается профессор Майдан Айтмахамбетович Абишев, наш коллега и друг из Казахстана.

М. А. АБИШЕВ: — Сегодня много говорилось о проблемах культуры. Я, в свою очередь, хотел бы

поделиться опытом создания общекультурного поля в Алматы, где был открыт Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО. Его возглавляет выдающийся поэт Олжас Омарович Сулейменов. Во время работы в ЮНЕСКО он инициировал проект «Десятилетие сближения культур», который работает с 2012 года. Его первая книга «Аз и Я» вызвала резонанс и здесь, в Санкт-Петербурге, — уже в этом произведении поэт говорил о значимости сближения культур для будущего мира.

Первые годы проект «Десятилетие сближения культур» действительно работал, но в последнее время дело застопорилось, появились некоторые проблемы. Развитию проекта не способствует геополитическая ситуация в мире, которая вместо сближения государств и народов предлагает миру иной сценарий. Растущая напряженность в сфере культуры становится одним из факторов нарастающей опасности ядерной войны.

В свое время, реально оценивая опасности будущего, мы вынуждены были закрыть Семипалатинский полигон, который работал сорок лет и был одним из крупнейших в мире. Все это время там происходили испытания ядерных бомб. По подсчетам независимых экспертов ООН, во время испытаний пострадали 1,5 млн человек. Мы закрывали полигон, вооружившись общественным мнением: за десять дней инициативная группа собрала 2 млн подписей среди жителей Казахстана.

Сейчас ситуация в мире аналогична той, что была, когда мы закрывали полигон. Только тогда ресурсы мирного сосуществования были значительнее: мировые державы были дружны, Горбачев легко общался с Рейганом и чуть ли не в обнимку ходил с Железной Леди, госпожой Тэтчер. То есть ситуация была вполне благоприятная, а потому можно было считать проблему ядерного противостояния неактуальной. Но Советский Союз распался, и эта проблема возникла вновь. Поэтому мы сегодня призываем нашу молодежь, в том числе студентов, проявлять активность в рамках общественного движения под девизом «Молодежь Казахстана за безъядерное оружие». Мы хотим придать этой акции международный характер, перенести наши идеи в Россию, в Китай и в другие страны мира. Очевидно, что напряженность в мире нарастает, и все вы знаете, по каким причинам. Поэтому мы должны осознать, что будущее зависит от каждого из нас.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Безъядерный мир — это очень хорошо, но еще лучше было бы, чтобы молодежь выступала против оружия вообще. Любого.

Слово предоставляется профессору М. Н. Фоминой.

М. Н. ФОМИНА: — Уважаемые коллеги, каждый год я выступаю здесь, поднимая практически одну и ту же тему: это наше приграничье, Китай, и актуальные для этой страны проблемы, которые решаются в том числе российскими специалистами. Я остановлюсь на трех моментах. Первый — это проблема идентичности. Анализируя исследования китайских ученых и работая совместно с нашими аспирантами и магистрантами из Китая, мы приходим к выводу, что для Китая проблема идентичности имеет две стороны. Во-первых, это вопрос о том, кто человек по рождению, то есть к какому этносу он принадлежит. Во-вторых, это вопрос о национальной принадлежности. Каждый ассоциирует себя с тем этносом, к которому он относится, то есть все китайцы, например, относят себя к ханьцам. Поэтому проблема идентичности осмысляется на внутреннем, государственном, национальном, этническом уровне.

Второй момент, на котором я хочу остановиться, следующий. Мы почти двадцать лет занимаемся исследованиями культуры Китая и приходим к выводу, что там развита культурологическая мысль, но нет философии культуры — хотя культура рассматривается в качестве приоритетной области исследования. Мы с вами живем в системе европейского рационализма, а Китай исповедует практико-ориентированные стратегии. Для того чтобы разрешить проблему культурных противоречий, там не выстраивают теорию и концепцию, а пытаются найти источник проблем и способы их минимизации и разрешения в практической жизни. Элементарным примером здесь являются сегодняшние трудности, связанные с модернизацией и регионализацией Китая. Все удивляются тому, что Китай смог за несколько десятилетий из отсталой аграрной страны превратиться в одно из самых развитых государств, претендующих на роль мировой державы. Программа решения этой глобальной задачи включала в себя несколько составляющих: изучение западного опыта, анализ своей практической жизни и адаптацию западного опыта для китайской практики. Причем результат предусматривается только положительный.

Такая же практико-ориентированная методология используется для обеспечения культурной безопасности. Эта проблема имеет два уровня. Первый связан с восприятием современным молодым поколением ценностей и достижений западной культуры. В Китае приходят к выводу, что западная культура им необходима, потому что они вместе с остальными входят в эпоху глобализации, то есть не могут находиться вне мировой культуры. На втором уровне приоритетной является традиционная культура, поэтому в системе образования соотношение традиционного и мирового опыта соблюдено достаточно четко.

Нам есть чему поучиться у Китая, в том числе в расстановке приоритетов в системе образования. Несколько дней назад в Сочи проходил форум «Наука молодым», который организовало Министерство науки и высшего образования. Это было идейно обоснованное и логически выстроенное мероприятие. Но в списке его участников представители гуманитарного сообщества составляли менее 1 % от общего состава. Программа была ориентирована преимущественно на развитие современных технических направлений и технологического мышления. Мы можем долго говорить о проблемах современности, но если система образования будет игнорировать блок, который формирует мировоззрение и определяет нашу с вами идеологию, то экспансия технократического мышления существенно деформирует духовные матрицы нашего национально-культурного бытия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Павлу Александровичу Водопьянову.

П. А. ВОДОПЬЯНОВ: — Уважаемые коллеги, я предлагаю возвратиться к вопросу, обозначеннному на пленарном заседании: проблема предсказуемости и управляемости мирового развития. Для того чтобы сохранить этот мир, надо научиться управлять настоящим из будущего. Именно этот принцип был зафиксирован в одной из заповедей Лихачева: «Чти природу как матерь свою и помощницу». Я думаю, мы должны обратиться к молодому поколению, студентам, которым мы со временем передадим эстафету спасения этого мира. А мир очень в этом нуждается.

Недавно был опубликован доклад Римского клуба, в котором обозначена именно эта идея: молодежь должна думать о сохранении будущего нашей планеты. Но для этого гуманитарное сообщество всех народов и стран должно ответить на вопросы о том, кто мы, откуда мы и куда мы идем. То, кто мы, задано нашей биологической природой, негативные аспекты которой отражены в библейских смертных грехах: жадность, зависть, уныние, гордость, чревоугодие и т. д. Смыслы человеческого существования зафиксированы в анналах культуры. Вопрос о том, откуда мы, подразумевает то, что мы должны видеть те опасности и системные кризисы, в которых оказалась современная цивилизация, населяющая нашу планету. Прежде всего, это мировоззренческий кризис, который, по сути, определяет все геополитические особенности современного мира. Главное противоречие нашей эпохи — это не противостояние капитализма и социализма, как было в советские годы. Ключевая проблема возникает в зоне противоречия между повсеместно возрастающей численностью населения и ограниченностью природных ресурсов. Приведу некоторые данные, чтобы наполнить философские рассуждения конкретными цифрами. На сегодня 27 % природных территорий полностью нарушено человеческой деятельностью, 27 % нарушено частично и еще 27 % — это нетронутые земли. Что это означает? На планете живет 7,7 млрд человек — это 30 % биомассы нашей планеты. 67 % — эта та пища, которую мы едим. И только 3 % — это дикая природа. Отсюда следует главная проблема, которую, по сути, предстоит решать молодому поколению: чтобы спасти этот мир, нужно сохранить биологическое разнообразие нашей планеты. Это же утверждение касается и культурного разнообразия.

Более «разнообразная» планета легче справляется с различными нарушениями системы. И наше психологическое, культурное состояние тоже зависит от разнообразия. К сожалению, мы видим, что стремительно происходит опустынивание, разрушается природный слой, происходит деградация земель. Наша практическая деятельность, ориентированная на повышение продуктивности, урожайности за счет использования минеральных удобрений, ядохимикатов и тому подобному, уничтожает плодородные земли, сужая тем самым жизненное пространство.

Еще одно обстоятельство, которое касается судьбы человеческой цивилизации, — биологическая деградация человека. Речь идет о том, что эволюция — это процесс взаимного приспособления видов к окружающей среде и друг к другу. И то, что мы употребляем некачественную пищу, принимаем лекарственные препараты и так далее, определяет эволюцию наших заболеваний. Уже на сегодня обнаружено более 30 новых заболеваний, и количество их будет только возрастать. Поэтому помимо военных действий в ближайшем будущем следует ожидать появления болезней, подобных чуме и холере, в свое время сокративших население Европы наполовину. Я не делаю пессимистических заявлений, но тем не менее биологическая эволюция опережает эволюцию нашей медицины.

В результате ученые не успевают охранять существующее природное многообразие. Что делать в этой ситуации? Во-первых, научиться управлять социоприродными процессами. Хочу напомнить одну простую истину, написанную в пирамиде Хеопса: «Люди погибнут от неумения пользоваться силами природы и от незнания истинного мира». То есть наша социально-экономическая деятельность должна согласовываться с законами природы и эволюции биосферы. Поэтому важнейшими задачами становятся оптимизация экологических потребностей и сохранение стабильности биосферы и природных экологических систем. Прежняя стратегия достаточного развития при ограниченности природных ресурсов, по сути, провалилась. Богат тот, как вы помните, кто имеет достаточно.

Напомню мысль Аристотеля, который сказал: «Жадность человеческая ненасытна». Помните, что сказал Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке»? Сколько ни дай этой старухе, пока она не окажется у разбитого корыта, ей все будет мало. Приведу только один пример. Три богатых американца — Билл Гейтс, Марк Цукерберг и Джефф Безос — имеют состояние, равное совокупному доходу 160 млн американцев. Я не хочу здесь, в дружественном государстве, говорить о том, какие аналогичные примеры есть в России — вам они и так прекрасно известны. Ясно, что либо мы должны вернуться в те же рамки, которые заданы нам биосферой, либо нас ждут весьма неприятные последствия. Тем не менее мы все равно будем надеяться на благополучное будущее.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Юрию Константиновичу Волкову.

Ю. К. ВОЛКОВ: — Наверняка все присутствующие здесь, так же как и я, ознакомились с представленными на конференции докладами. Если коротко сформулировать мое общее впечатление от всех прочитанных текстов, то это будет образ, ассоциирующийся с картиной, выполненной из разноцветной мозаики.

Действительно, просто поражает количество и качественный уровень идей, гипотез, оригинальных подходов и теоретических ориентаций, представленных в текстах докладов. При этом можно отметить, что в своем анализе авторы чаще всего апеллируют к трудам таких исследователей современности, как З. Бауман, У. Бек, Ж.-Ф. Лиотар, Э. Гидденс, А. С. Панарин. Кроме того, есть работы, специально посвященные

прогнозам и оценкам наступающей эпохи, высказанным в свое время О. Шпенглером, П. А. Сорокиным, Т. Адорно. И, конечно же, главным идейным вдохновителем большинства участников Чтений стало творческое наследие Д. С. Лихачева.

В то же время каждый из докладов секции обладает своей оригинальной предметной спецификой, которая конструируется при помощи базовых понятий. Поэтому, несмотря на исключительное разнообразие семантических и стилистических коннотаций, представленных в содержании докладов, можно выделить основные группы ключевых понятий, определивших концептуальную доктрину секции в целом и каждого доклада в частности. В связи с этим, как представляется, можно говорить о двух группах понятий, имеющих разный семантический и эвристический статус.

Первая группа включает в себя эмпирические и теоретические понятия, предназначенные для описания и обобщения процессов и явлений, которые характеризуют изменения, происходящие в деятельности современного человека, формах его поведения, а также в различных сферах жизни информационного общества. Как правило, это понятия, которые еще не приобрели логико-смысловой устойчивости, присущей макротеоретическим конструктам. Их главными эвристическими преимуществами являются актуальность, операциональность, непосредственная доступность наблюдению, а также присущая им сферная или предметная локализация. В силу указанных особенностей эти понятия не вызывают споров по поводу эксплицируемых в них смыслов, которые могут меняться в зависимости от выбранных эвристических задач.

Например, для характеристики явлений, возникших в сфере современной российской правовой культуры, применяются такие эмпирические понятия, как «отложенная демократия» и «раздельное мышление» (А. В. Агошков). Для описания и анализа новых явлений, обнаруживаемых в области этнонациональных отношений, а также процессов, связанных с трансформациями локальных культур, используются понятия «эрозия национальных культур» и «экзотизация культур» (Ю. Д. Гранин), а также «этностирание» (Н. В. Дымченко), «псевдоморфоз» (В. Л. Соловьев); «этнический ренессанс» (Е. А. Кайсаров), «ноосферный патриотизм» (О. В. Каширина), «негритюд», «антирасистский расизм» (Е. В. Харитонова) и др.

Разумеется, весьма значительное количество понятий указанного класса предлагается авторами докладов для описания и оценки процессов глобализации. Это, например, следующие дескрипции и термины: «оттепель как версия культурной отзывчивости» (Л. Б. Брусиловская), «полифония культурно-тематического пространства» (И. М. Быховская), «дрейф в сторону неоимперской организации и доминирования глобальных ценностей» (В. С. Глаголев), «кризис ценностей креативной культуры» (И. И. Докучаев), «безграничье» (Т. И. Ерохина), «сверхсвобода» (О. А. Жукова), «аксиомаркеры глобализации» (П. Н. Кричек), «полиполярный мир» (И. В. Кондаков), «мультицивилизационная идентичность» (Л. К. Круглова); «античеловеческая (сверхчеловеческая) революция» (В. А. Кутырев) «новый декаданс» (С. В. Лурье), «саморазвивающаяся полисреда» (В. Е. Лепский), «полисферичность проблемы безопасности» (М. Н. Фомина) и др.

Множество специальных понятий и терминов используется авторами докладов для описания и анализа таких быстро прогрессирующих областей жизни современной цивилизации, как информация, текст, медиакультура. В их числе следующие понятия: «эпоха цифры» (Н. Г. Багдасарьян), «медиакоммуникативный источник» (А. Ю. Демшина), «коннективные контакты» (Е. А. Ильинская), «ангажированная нарративность» (К. В. Лощевский), «информационно насыщенное сознание» (Л. Н. Соловьев), «информационные гражданские войны» (В. Ш. Сабиров) и др.

Однако больше всего операциональных понятий, на наш взгляд, вводится для объяснения феноменов, характеризующих современные формы индивидуальной и социальной активности, а также детерминирующих их ценностно-целевых факторов. Это, например, такие термины, как: «виртуализация личностной идентичности», «диффузия, интеграция и трансформация культурных паттернов» (Н. Г. Багдасарьян), «городской герой» (А. Ю. Демшина), «молчание и крик» (О. П. Зубец), «отказ от коммунитаризма» (П. Н. Кричек), «точки роста ценностей» (Г. Г. Коломиец), «симптомы отчуждения» (С. С. Комисаренко), «человек-пьедестал», «человек-подиум» (В. А. Конев), «одиночество как жизненная стратегия» (В. В. Кравченко), «зрелищность» (А. А. Мельникова), «экстрим», «имитация творчества», «сытость» (В. Н. Томалинцев), «гражданин мира», «социальный бизнес» (В. Е. Триодин) и др.

Вторая группа ключевых понятий — количество которых существенно меньше — включает теоретические конструкты высшего уровня абстракции. Они определяют внешние, хотя и подвижные границы процессов и явлений, для описания которых используются термины первого уровня. Семантический статус этих понятий намного устойчивее. Именно понятия этого класса явно или неявно присутствуют в текстах всех докладов, определяют их тематические и предметные границы и формируют полемический потенциал. В их числе, прежде всего, такие термины, как «человек», «общество», «культура», «цивилизация», «традиции», «инновации», «свобода», «необходимость», «добро», «зло», «глобальное», «локальное», «развитие», «эпоха» и другие универсальные категории. Лишь на основе указанных родовых понятий путем их сопоставления с другими, более частными категориями можно конкретизировать авторский текст — порой требующий специальных знаний от читателя.

Взяв за основу такую иерархию ключевых понятий докладов секции, я хотел бы сказать несколько слов о концепции представленного мной доклада. В богатом творческом наследии Д. С. Лихачева, как мне показалось, одним из ключевых синтетических понятий, характеризующих форму и содержание мироощущения определенной культуры, является «стиль эпохи» — первоначально в теоретическом литературоведении оно использовалось лишь для характеристики разнообразных литературно-художественных стилей. Это понятие, в свою очередь, можно обобщить до уровня

термина «исторический тип культуры» — стилистические образцы которой определяют понятия-ценности секулярного и несекулярного мировоззрения. Двумя основными канонами культурных стилей, на наш взгляд, являются образцы традиционной и современной (инновационной) культуры, а также их разнообразные постсовременные стилистические трансформации, симуляции и инверсии.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — С докладом выступает профессор Татьяна Борисовна Сиднева.

Т. Б. СИДНЕВА: — Николай Андреевич Хренов посетовал на то, что на нашей конференции редко употребляется слово «культура». Я могу дополнить его и сказать, что слово «искусство» сегодня — еще более редкий гость в наших разговорах. В то же время ответить на вопросы «кто мы?», «чего мы ждем?», «куда мы идем?» невозможно без обращения к искусству. Все характеристики современного состояния культуры, о которой мы говорим на Чтениях, — многополярность, смещение центра, маргиналии, хаотизация, преодоление границ возможного и невозможного, допустимого и недопустимого — как никогда точно сегодня транслирует искусство. Несколько десятилетий назад Фрэнк Ллойд Райд сказал: «Если это покупают, значит, это искусство». Тогда его определение шокировало общественность, но сегодня такой подход стал нормой. После, например, «Евровидения» мы можем сказать, что мы присутствовали на политической и экономической акции, искусство здесь играло очень незначительную роль.

В этом году исполняется 50 лет со дня публикации работы Дмитрия Сергеевича Лихачева «Будущее литературы как предмет изучения» — она очень важна для нашей дискуссии. В нем Дмитрий Сергеевич прогнозировал то, с чем мы столкнулись в современной культуре. Лихачев отмечал, что возрастание возможностей не упрощает, а усложняет жизнь художника. Более того, сегодня, получив колоссальный набор средств, художник оказался вовлеченным в игру без правил. И Дмитрий Сергеевич предупреждал об опасности умствований — того, что сегодня в изобилии представлено в искусстве. Характерным примером является скандально известная постановка «Евгения Онегина» в Большом театре: режиссер Евгений Арье сделал экспериментальную работу, которую приняли далеко не все зрители.

Дмитрий Сергеевич Лихачев, рассуждая о будущем искусства, предупредил нас о том, что будущее творится не сегодня, а в прошлом. Неслучайно в своей работе он обращается к истории Средневековья и Ренессанса и показывает, что уроки прошлого необходимо всегда помнить.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Выступает доктор исторических наук Яков Григорьевич Шемякин.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Одной из определяющих черт современной ситуации в мире является существенное расширение контактов между людьми и культурами и их резкая интенсификация. Причина этого — активное использование в обществе современных технологий. Но что скрывается за словами «интенсификация контактов»? По-видимому, это тот феномен, который Ф. де Соссюр определил как «силу общения». То есть речь идет об интенсивном обмене информацией между различными составляющими «мира людей». Причем информация здесь понимается в самом широком смысле — как обмен не только сведениями, но и смыслами. То есть наблюдается резкое увеличение количества сведений и смыслов, циркулирующих по каналам как внутрикультурной, так и межкультурной коммуникации. Но дело не только и не столько в количественных, сколько в качественных изменениях ситуации.

Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, современные технологии привели к существенному увеличению веса и значения личных контактов в мировом информационном пространстве, а следовательно, и личностного уровня межцивилизационного взаимодействия. Во-вторых, «электронная эра» отличается значительным усилением роли образно-эмоциональной сферы, то есть той сферы, в которой человек реализует одну их двух главных интеллектуальных стратегий — «правополушарную». Она предполагает, как установил в ходе своих исследований Вяч. Вс. Иванов, познание и духовно-практическое освоение мира с использованием образов. Это, в свою очередь, подразумевает значительное повышение роли архаической парадигмы универсального. Происходит — судя по всему, практически повсеместно — очевидное «всплытие» из глубин психики архаических пластов, в том числе в странах, казалось бы, дальше всех ушедших по пути модернизации. И это не «вторая жизнь» архаики и даже не ее возрождение. Это скорее актуализация архаической составляющей — как человеческой психики, так и всех человеческих культур, — которая никогда не исчезала.

Контакты могут происходить на разных уровнях. Самый глубокий вариант — это общение представителей различных традиций, которое происходит, говоря словами М. М. Бахтина, «прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные ближайшие формы». Это тот уровень, на котором приходят во взаимодействие различные, в том числе противоположные, подходы к решению ключевых, коренных проблем человеческого существования. Цивилизация в основе своей — не что иное, как выработанный той или иной общностью способ решения подобных проблем. Иными словами, речь идет об уровне взаимодействия цивилизационных основ. Именно здесь, на максимальной «глубине» межчеловеческого и межкультурного общения, со всей остротой встает проблема так называемого радикального перевода — то есть понимания текста, созданного изначально чуждой культурой, избравшей принципиально иной подход к решению ключевых вопросов человеческой экзистенции. Эта проблема, поставленная американским логиком У. Куайном, в условиях глобализации превращается, как справедливо заметил И. В. Следзевский, в глобальную по своим масштабам и значимости проблему «культурной эквивалентности смыслов диалога».

Взаимодействие различных традиций в процессах миграции чаще всего предстает как возникновение, развертывание, разрешение (если удается найти соответствующие пути) и воспроизведение на новой основе разнообразных конфликтов. Если использовать самый высокий уровень абстракции, то все конфликты в человеческих сообществах могут быть условно разделены по характеру на два типа: конфликты интересов и конфликты ценностей. *Конфликт интересов* — это, по сути, борьба за контроль определенной территории, проживающего там населения и имеющихся на данной территории ресурсов. При *конфликте ценностей* речь идет о столкновении качественно различных, часто противоположных подходов к решению коренных проблем-противоречий человеческого существования: между мирским и сакральным, человеком и природой, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры и др.

Какой из выделенных типов конфликта является доминирующим, наиболее глубоким? Первое, что бросается в глаза при попытке рассмотреть эмпирический материал сквозь призму данной классификации, — неразрывная взаимосвязь и теснейшее переплетение в конкретной действительности конфликтов интересов и ценностей. Сплошь и рядом встречающиеся лозунги защиты «истинной религии», «исконных ценностей» и идеологическая риторика вообще скрывают весьма прозаические реалии борьбы за обладание вполне конкретными материальными объектами — территорией и ресурсами. Достаточно вспомнить в связи с этим ожесточенную вооруженную борьбу за передел наследства бывшей СФРЮ между различными этнорелигиозными общностями. Тем не менее можно ли считать случайным тот факт, что основная линия раздела прошла в этой стране между приверженцами различных мировых религий, а в конечном счете — различных цивилизационных ориентаций, то есть между православными, мусульманами и католиками? Это заставляет предположить, что дело не сводится к борьбе за материальные блага, к столкновению социальных интересов.

Пожалуй, самым ярким подтверждением этой мысли за последние годы стал миграционный кризис в Европе. Сегодня представляется совершенно очевидным, что главным центром притяжения мигрантов из охваченных пожаром «арабской весны» мусульманских стран являются укоренившиеся на территории европейских государств анклавы выходцев с Ближнего Востока, воспитанные в соответствии с основополагающими принципами «мира ислама». Безусловно, во многих случаях столкновения между жителями Европы (прежде всего и главным образом — ЕС) и мусульманами-мигрантами могут быть охарактеризованы как «конфликт интересов». И тем не менее самой глубокой причиной миграционного кризиса в Европе является, несомненно, столкновение ценностей западной и исламской субэкумен.

Исторические факты и события современной истории убедительно доказывают то, что конфликт ценностей преодолеть чрезвычайно трудно. Поэтому вполне резонным кажется вывод, сделанный И. С. Семененко: «Основным вектором урегулирования, реализуемым в конкретных политических решениях, является перевод конфликта из плоскости столкновения идентичностей в плоскость противостояния интересов». Это позволяет открыть путь к «рационализации решений», хотя возможна и иная альтернатива — когда столкновение интересов обостряет конфликт идентичностей. Поэтому долгосрочное урегулирование помимо социальной политики государства предполагает поиск способов учета ценностных запросов и нематериальных, «символических» требований, артикулируемых противостоящими сторонами под флагом «борьбы за идентичность».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Ольге Дмитриевне Шемякиной.

О. Д. ШЕМЯКИНА: — Признание онтологического статуса разности модернов предполагает постоянную актуализацию семантик прошлого. В цивилизационном исследовании семантики прошлого связаны с анализом взаимоотношений между властью и собственностью, между традиционными институтами, которые не исчезли в эпоху модерна и которые продолжают жить в форме таких инвариантов, как, например, общинный архетип, значимый для цивилизационного сознания России. И, конечно, одной из основных семантик прошлого является религия и тот тип движения, который связан с пониманием и самоопределением человека в рамках христианского самосознания. Я имею в виду движение по вертикали — между грехом и благодатью. Для России движение по вертикали связанно с огромным пространственным ресурсом, которым обладает наша страна.

Виды движения по горизонтали чрезвычайно разнообразны. Это хождения, паломничества и даже остановка. Эти практики эскапизма были представлены в нашем совместном с Яковом Георгиевичем проекте, связанном с анализом практик ухода. Но сколь бы разнообразны ни были типы движения по вертикали и по горизонтали, они в любом случае образуют крест. Этот крест спасителен, потому что во всем опыте мировой культуры накоплено множество форм осмысления человека в период кризиса и его преодоления. Но этот же крест является и тупиком. Потому что вне зависимости от форм движения все направления задаются по вертикали и по горизонтали.

Поскольку мы говорим об эпохе глобальных перемен и новых вызовах, мне кажется, что осмыслению путей достижения трансцендентных целей и их разнообразия будет способствовать опыт Востока. Я имею в виду даосские практики движения, которые связаны с гораздо более сложным путем освоения пути к трансцендентной цели. Они предполагают одновременное существование человека в двух сферах. То есть не движение по прямой вниз или вверх, но пребывание внутри сфер, которые вращаются в разные стороны. Эти практики, на мой взгляд, предлагают современному человечеству более сложный путь разрешения конфликтов, включающий одновременное вбирание противоположностей. Эта стратегия более гибкая, парадоксаль-

ная, в ней избегается жесткость креста как символа христианской антропологии.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Наше заседание завершает профессор Лариса Константиновна Кругловаа.

Л. К. КРУГЛОВА: — Я хотела бы обратить ваше внимание на один экзотический феномен, который еще не стал предметом обсуждения — на мультицивилизационную идентичность субъектов исторического процесса, главным из которых является личность. Что позволяет нам повернуть в сторону человека и культуры? Почему я называю это экзотическим феноменом?

В 2017 году вышла книга под названием «Идентичность». Она имеет статус энциклопедического научного издания, и в ней представлено более сотни видов идентичности. Но я не нашла там характеристику мультицивилизационной идентичности. Суть этого термина в том, что границы современных цивилизаций пересекаются, размываются, переплетаются и т. д. В результате субъекты исторического процесса — и личность в том числе — ощущают свою причастность к различным цивилизациям. Если мы посмотрим на себя как на представителей российской цивилизации, то обнаружим, что мы одновременно европейцы и евразийцы.

Поэтому исследование мультицивилизационной идентичности очень перспективно, но в том случае, если нам удается совместить расширяющиеся зоны ответственности и свободы. Я согласна с озвученным здесь мнением о том, что не надо противопоставлять свободу и необходимость. А в социальных и культурных обстоятельствах сложность ситуаций выбора многократно усложняется — тут мы многого не знаем, поэтому очень часто хватаемся за оголенный провод.

В связи с расширением сектора мультицивилизационной идентичности возникают, по крайней мере, два вопроса. Первый — нужно ли центрировать мультицивилизацонную идентичность? Второй — является ли атрибутом мультицивилизационной идентичности сознание принадлежности к глобальной цивилизации? Ответы на оба вопроса связаны с конкуренцией цивилизаций. Речь идет о том, с каким багажом каждая цивилизация оказалась на сегодняшней мировой глобальной арене. В этой конкуренции очень большое значение, к сожалению, играет военная сила: у кого ее нет, тот вообще не участвует в выборах.

В любом случае большое значение имеет то, на что мы иногда даже не обращаем внимания: мировоззренческий, идейный багаж цивилизации. Для наращивания этого конкурирующего ресурса главным принципом культуротворчества должна стать ориентация на гармонически развитого человека. Эта цель сформулирована в соответствующем документе, в Основах государственной культурной политики.

В сфере политики вообще необходимо утверждение нового цивилизационного принципа, который вернет институту демократии ее подлинную сущность. В сфере экономики в соответствии с этим требуется разнообразие форм собственности. В социальной области — разнообразие форм различного рода объединений, отвечающих интересам человечества. Так что я призываю сосредоточиться на позитивных моментах в оценке настоящего и проектировании будущего.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На этом заседание второй секции будем считать завершенным. Большое спасибо всем, кто изъявил желание выступить и смог это сделать. До новых встреч!

Секция 3
ЭКОНОМИКА И ПРАВО В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

24 мая 2019 г. Лекционный зал № 2, СПбГУП

Руководители секции:

Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ	профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США)
Г. Б. КЛЕЙНЕР	заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

Е. Е. Амплеева[1]

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ КОНСЕНСУАЛЬНОГО МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА

Международное право и мировая экономика взаимосвязаны между собой: они выступают как элементы глобальной социально-политической и в то же время экономической системы. Одна из основных причин периодически разражающихся кризисов состоит в том, что современное международное сообщество отстает от потребностей достигшей высокой степени единства глобальной экономической и финансовой системы[2].

Структура современного мира отражает иерархичность его строения, то есть они имеют несколько уровней организации, неодинаково взаимосвязанных и взаимодействующих между собой[3]. Сегодня можно с уверенностью сказать, что в мире прослеживаются противоречивые тенденции развития международных экономических отношений. С одной стороны, имеет место тенденция взаимодействия государств, укрепления их сотрудничества, стремления к интеграции, к совместному рассмотрению важнейших проблем современности. Идея ассоциативности стран, объединенных вместе на принципах долевого участия, — главный исторический опыт современного мира, особенно в условиях создания международных наднациональных организаций[4]. Достаточно вспомнить о роли G7 и G20 в решении глобальных экономических проблем развития экономического сотрудничества государств[5].

[1] Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Взаимосвязь государственного суверенитета и государственной территории», «Практика ЕСПЧ и ее значение для развития национальной системы защиты прав человека», «Вопросы государственного устройства в международном и конституционном праве», «К вопросу о „пределах уступчивости“ Конституционного Суда Российской Федерации», «Кризис международного права в постсовременном глобальном мире», «Феноменология международного права» и др. Член Российской ассоциации международного права.

[2] *Лукашук И. И.* Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. С. 61.

[3] *Алимов А. А.* Система основных правовых средств обеспечения безопасности государства и мирового сообщества // Современное право. 2017. № 9. С. 22.

[4] *Амплеева Е. Е.* Современная международная нормативная система // Юрист-международник. 2008. № 1. С. 5–9.

[5] *Крылова Н. С.* Содружество наций: политико-правовые проблемы. М., 1991. С. 4.

Создание ВТО, реформирование Европейского союза, укрепление ШОС, БРИКС, АТЭС, ЕАЭС и других организаций говорит о стремлении государств к объединению, в то время как в мировой политике еще велика роль «права экономического могущества». С другой стороны, в условиях глобализации происходит поиск современных форм и методов правового регулирования в рамках нового геоэкономического миропорядка[1]. Однако, чтобы точнее очертить круг используемых международно-правовых институтов, необходимо представлять те тенденции, которые все более усиливаются из-за проблемы взаимовыгодного сотрудничества государств и установления новых форм договорного взаимодействия.

Глобализация как феномен последних двух-трех десятилетий является конституирующей основой, которая формирует мир завтрашнего дня. Генеральным направлением развития мирового хозяйства является движение человечества к созданию единого планетарного рынка товаров, услуг, инвестиций (капиталов), к единому экономическому пространству. Система международных экономических отношений становится приоритетным объектом нормативного регулирования. Вместе с международными экономическими отношениями меняется и международная нормативная система, которая тесно связана с внутригосударственным правом.

Современная система международных экономических отношений переживает процесс интенсивного развития, связанного с перестройкой политической конфигурации мира, переходом от биполярного мироустройства к новой структуре баланса сил и интересов[2]. Основными нерешенными задачами современных международных экономических отношений с точки зрения правопорядка являются несправедливая система международного разделения труда и применение государствами мер экономического воздействия на основе самостоятельной оценки объективных событий и фактов.

Глобализация проявляется в интернационализации хозяйственной жизни, транснационализации капиталов предприятий и банков, экономической и финансовой интеграции государств. С глобализацией связаны и такие явления, как дифференциация государств по уровню экономического развития и разрыв в уровне экономического развития различных групп государств.

Открытость и прозрачность экономики, государства и общества как атрибут современного экономического развития вызвали принципиальные изменения в межгосударственном сотрудничестве. В последние два десятилетия наступил перелом: прежние протекционистские тенденции пошли на убыль, и в полной мере развернулись два противоположных процесса. Речь идет о сокращении величины таможенных барьеров и растущей потребности в либерализации международных экономических отношений. Это обстоятельство объективно подводит страны с государственной экономикой к необходимости переходить на рыночное регулирование.

Другой уровень — это макроэкономический, или сфера согласования, переплетения публично-правовых интересов при помощи экономической интеграции государств. Каждая международная экономическая организация (интеграционное объединение) имеет свою институциональную надстройку, действует на основании своего учредительного договора, выполняет строго определенные функции.

Аналогичные интеграционные процессы происходят во всех регионах планеты. Создана и широко применяется система экономических льгот и преференций для стран Содружества наций (чаще упоминаемого как стерлинговая зона), происходит интеграция государств Северной Америки (долларовой зоны, страны-участницы — США, Канада и Мексика), создается Африканский союз с перспективой введения единой валюты — афро, оговорены задачи создания общего рынка для стран АСЕАН. В сущности, это свидетельства того, что формируются глобальные правовые пространства и встает проблема управляемости мировым развитием в целом.

При этом глобализация экономики порождает и немало проблем. Главная из них состоит в том, что многие государства лишены или ограничены в возможности пользоваться благами этого процесса. Прежде всего, это развивающиеся страны и в немалой мере — страны с переходной экономикой. Таким образом, глобализация мировой экономики способствует, с одной стороны, созданию единого экономического пространства, а с другой — формированию соответствующей политико-правовой надстройки[3]. Глобализация требует, чтобы практические вопросы либерализации национальных экономик были оформлены и зафиксированы политико-правовыми средствами, в частности, в рамках ВТО[4].

На современном этапе пределы действия международного частного и международного публичного права, характер и правовая природа международных организаций, а также их возможность играть весьма значимую роль в становлении международного сотрудничества будут представлять собой как бы равнодействующую силу в стремлении государств сохранить характер основного субъекта международного права и государственный суверенитет. Постоянно растущая взаимозависимость государств требует развития международных норм и институтов межгосударственного сотрудничества.

Согласование национального права с международным правом охватывает все более широкие области жизни общества, ведет к сближению национальных правовых систем. Международное право с его институтами служит основным инструментом гармонизации и унификации национального права государств, закрепляет «универсальные стандарты» демократии и рыночной экономики.

В орбиту транснационального права включена особая «синтетическая» категория правовой сферы, в которой взаимодействуют субъекты как международного,

[1] *Фархутдинов И. З.* Иностранные инвестиции: глобальные правовые парадигмы // Право и политика. 2003. № 10. С. 57–71.

[2] *Шумилов В. М.* Международное экономическое право в эпоху глобализации. М., 2003. С. 5–6.

[3] *Лукашук И. И.* Указ. соч. С. 35.

[4] *Фархутдинов И. З.* Международное или глобальное право // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 19.

так и национального права. В таком понимании транснациональное право есть необходимое промежуточное звено между внутренним и международным правом — звено, с помощью которого происходит усиление взаимосвязей и взаимозависимости двух правовых систем. Действительно, мировая экономика в решающей мере контролируется крупным капиталом, который, в свою очередь, является доминирующей экономической силой. Транснациональные компании довольно успешно избегают контроля со стороны государства. Сегодня около 70 % мировой торговли осуществляется внутри промышленных отраслей или компаний. Очевидность этого побудила сторонников власти ТНК утверждать, будто демократия возможна и без государства[1].

Причем подобные концепции не остаются достоянием теории. Они реализуются в практике западных держав. США стремятся повысить свою способность иметь дело с транснациональными корпорациями, а также неправительственными организациями и международными учреждениями, такими как Всемирный банк и МВФ. Таким образом, роль бизнеса в глобальной экономике на сегодня является общепризнанной. В «Повестке дня для демократизации» Генеральной Ассамблеи ООН говорится: «Бизнес и промышленность обладают сегодня более значительным влиянием на будущее глобальной экономики и окружающей среды, чем любое правительство или организация правительств». На этом основании делается вывод, согласно которому «сектор частного бизнеса, особенно транснационального бизнеса, должен быть признан как необходимый актор (участник) и вовлечен в принятие решений на международном уровне»[2].

Особый интерес в современных условиях представляют отношения в сфере надгосударственной юрисдикции, которые также порождены глобальными интересами и сопутствующими им проблемами. Признаки наднациональности присутствуют в деятельности ряда международных организаций регионального и универсального характера. Заметим, что приобретение наднациональных полномочий некоторыми международными организациями связано с правом международной организации (государствами-членами) обсуждать вопросы, которые государства обычно считают относящимися к своей внутренней компетенции и принимают по ним решения обязательного характера без согласия заинтересованной стороны или сторон. Решения с течением времени начинают рассматриваться как действующие и применяются непосредственно в отношении индивидов, должностных лиц и т. д. Такой процесс должен проходить медленно и постепенно. В качестве примера следует привести Европейский союз (ЕС).

Переплетение межгосударственных и наднациональных форм отмечалось в ЕС уже с момента зарождения, поэтому отличительной чертой европейской экономической интеграции считается постоянное противоборство двух начал — международно-правового и наднационального. В наибольшем объеме, кроме ЕС, международной правосубъектностью на универсальном уровне пользуются организации системы ООН, например ВТО и ее специализированные учреждения — в частности, МВФ и ИКАО. Другими словами, сегодня только некоторые международные организации приобрели в отношении суверенных государств-членов определенный объем автономных, самостоятельных распорядительных полномочий. В таком понимании наднациональное право предстает как необходимое звено для обеспечения иерархичности формирующейся глобальной правовой системы.

В формировании глобальной правовой системы сделаны, по мнению И. И. Лукашука, важные, но «все же лишь первые шаги»[3]. Данный процесс не следует понимать упрощенно как некую стандартизацию национальных правовых систем, он гораздо сложнее, многообразнее и противоречивее. Однако нельзя не согласиться с тем, что традиционная доктрина международного права в отношении субъектов права становится «тесной», в нее не вписываются реалии последних десятилетий, наглядно обозначенные в сфере международно-экономических отношений. Современная ситуация, ознаменовавшаяся существенными переменами в самой структуре международных отношений и, соответственно, в предмете международно-правового регулирования, побуждает теорию международного права к изменению взглядов при оценке понятия и видов субъектов, принципов и других институтов международного права. Следовательно, в настоящий момент формируется новая глобальная система международно-правового регулирования, закладываются основы функционирования и развития международного сообщества будущего — более устойчивого по сравнению с XX веком — миропорядка.

[1] *Лукашук И. И.* Указ. соч. С. 24.
[2] Там же. С. 25.
[3] *Лукашук И. И.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 122.

Т. Л. Баталова[1]

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В научном сообществе укрепилось понимание того, что у экономики есть свое гуманитарное измерение, требующее решения ряда вопросов в идеологии, политике, государственном устройстве, общественном сознании, культуре, нравственности, праве. Такой потенциал в неэкономической сфере может стать точкой роста производства и улучшения положения дел в отдельной стране и в мире в целом. Поэтому осмысление процессов, происходящих в национальной правовой системе Казахстана, в контексте глобальной нестабильности и последних политических событий в самой стране (отставки первого президента) является одним из актуальных вопросов на текущий момент.

Казахстан в настоящее время стоит перед выбором: развиваться по пути демократии и децентрализации власти либо под лозунгом сохранения собственной национальной идентичности усилить центральную власть. Нередки факты проявления национальных псевдоценностей и конфессионального сепаратизма. Из-за отсутствия идеологии и целенаправленной работы по укреплению в социуме общечеловеческих ценностей на фоне высокого уровня коррупции казахстанцы не доверяют лидерам государства, правоохранительным органам и силовым структурам. Население потеряло уверенность в возможности создания и функционирования правового государства.

На фоне указанных проблем рассмотрим возможность непосредственного участия определенной части граждан Казахстана в управлении государством посредством децентрализации государственной власти и развития системы местного самоуправления. Выбор оптимальной модели взаимоотношений в системе государственной и местной власти, то есть расширения полномочий нижестоящих органов за счет полномочий вышестоящих, обеспечивает рациональную организацию публичной власти. Такой процесс увеличения объема полномочий и ответственности нижестоящих органов власти, их структурных подразделений или должностных лиц составляет суть децентрализации. Это позволит населению приблизиться к управлению государством.

В децентрализованной власти важно реализовать ряд демократических реформ, поэтому выделенная проблема является актуальной. Для налаживания эффективной системы власти в Казахстане на современном этапе необходимо решение некоторых проблемных вопросов. К ним относятся чрезмерная централизация полномочий и финансовых ресурсов органов исполнительной власти, конфликты полномочий и ответственности между местными органами власти и органами местного самоуправления, ухудшение качества публичных услуг органов власти на местах, неразвитость органов самоорганизации населения и межмуниципального сотрудничества.

Изменения, происходящие в Казахстане, тесно связаны с необходимостью реформирования системы органов публичной власти и развития институтов гражданского общества. Опыт развития зарубежных стран свидетельствует о том, что оптимизация территориальной организации власти, укрепление местного самоуправления, формирование самодостаточных территориальных общин невозможно без проведения децентрализации власти. Эта реформа является основой обеспечения высокого уровня жизни населения и оказания качественных услуг на локальном уровне[2]. Указанные вопросы невозможно решить без четкой правовой регламентации — в первую очередь в Конституции.

Существуют различные подходы к определению понятия «децентрализация», среди которых выделяются следующие: самостоятельность в подходах к управлению; передача части функций государственного управления центральных органов исполнительной власти местным органам исполнительной власти; передача части функций и полномочий высшими уровнями управления ниже и ослабление или отмена централизации; процесс перераспределения властных полномочий и объемов компетенции между центральным и местным уровнями и т. д.[3]

В самом общем виде суть децентрализации заключается в том, что переданные функции и полномочия по осуществлению единой государственной власти народу распределяются между соответствующими органами государственной власти с одной стороны и органами государственной власти с органами местного самоуправления — с другой. В первом случае речь идет о распределении функций и полномочий по осуществлению единой государственной власти прежде всего между высшими органами государства. Это отражается в принципе разделения государственной власти на за-

[1] Директор Алматинского филиала СПбГУП, доцент кафедры юриспруденции. Автор более 30 научных, учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Система частных прав граждан и юридических лиц в общей системе права России», «Тенденции развития трудовых и иных социальных прав граждан стран ЕврАзЭС в условиях глобализации», «Реализация частных прав гражданами стран ЕАЭС при трудовой миграции», «К вопросу гармонизации законодательства России и Казахстана в рамках диалога правовых культур», «Цифровое государство: перспективы развития в России и Казахстане в свете реализации и защиты частных прав», «Проблемы правовой регламентации наследственного фонда в законодательстве Российской Федерации» и др. Награждена знаками Федерации независимых профсоюзов России, Федерации профсоюзов Республики Казахстан.

[2] *Ерманкулова Р. И., Альмухамбетова Б. Ж.* Факторы, влияющие на децентрализацию государственной власти // Инновационная наука. 2016. № 12-1. С. 74.

[3] *Викулов А. П.* Модели централизации и децентрализации в федеративных государствах // Экономика. Бизнес. Право. 2016. № 1-2 (15). С. 28–68 ; *Перепелкина О. А., Ревина С. Н.* К вопросу о централизации и децентрализации государственной власти // Научные открытия 2018 : материалы XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф., М., 2018. С. 258–259 ; *Цатурян Т. В.* О факторах, влияющих на централизацию и децентрализацию государственной власти // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 147–149.

конодательную, исполнительную и судебную. Таким образом, децентрализация государственной власти, отражая принципы взаимоотношений парламента, главы государства и правительства, охватывается понятием формы государственного правления.

В ряде случаев децентрализацию государственного управления можно понимать как деятельность независимого местного самоуправления после передачи ему полномочий государства, как процесс расширения и укрепления прав и полномочий административно-территориальных единиц или нижестоящих органов и организаций при одновременном сужении прав и полномочий соответствующего центра[1]. Передача полномочий в этом случае рассматривается не как делегирование, а как преобразование государственных полномочий в самоуправленческие. Это, очевидно, дает возможность рассмотреть различные виды власти местного самоуправления и государственной власти. В то же время если процессы деконцентрации распространяются только на государственную исполнительную власть на местах, то объектом децентрализационной деятельности является сфера местного самоуправления.

Настоящая децентрализация предполагает, прежде всего, передачу полномочий центральной власти непредставительным органам местной власти (например, генеральным и муниципальным советам во Франции) или представителям центральной исполнительной власти на местах (префектам). Соответственно, децентрализация предназначена для создания политической среды, где власть для доступа политических, экономических и социальных ресурсов распределяется между центральным правительством и более низкими уровнями власти[2].

Мы полагаем, что децентрализация власти — это передача властных полномочий и ответственности субъектов управленческого воздействия другим структурным единицам, наделенным необходимыми правами, обязанностями и ресурсами. Соответственно, децентрализация будет осуществляться лучше, если она поддерживает функционирование демократии, надлежащий технический потенциал местного самоуправления и развитие гражданского общества и общественных организаций.

Большинство современных ученых, которые пытались обосновать эффективность в экономическом контексте децентрализации для развития страны, пришли к выводу, что она положительно влияет на макроэкономическую стабильность государства, а это сейчас жизненно важно для Казахстана. Необходима дифференцированная политика, в результате которой мобилизуются силы на местном уровне, нужно повышение интереса, создание партнерских отношений и социального единства, приобретение опыта и создание технических групп на местном уровне. Результатом такой реформы станет бóльшая гибкость в принятии решений и управлении, а также возможность прямого физического контроля на местном уровне в дополнение к камеральному контролю.

Выделим и недостатки децентрализации власти: автономизация целей, риск реализации одиночных амбиций, угроза монополистической позиции государства в отдельных сферах, дезинтеграция публичной деятельности, снижение координации государственного и местного уровней и т. п.

По мнению французских исследователей, близким, но не тождественным по смыслу к децентрализации является понятие деконцентрации власти, под которым понимается «техника управления», то есть перераспределение функций государства внутри самой системы органов исполнительной власти. Децентрализация же предусматривает передачу управления делами органам, обладающим определенной независимостью от центральной власти[3].

На наш взгляд, деконцентрация, являясь первым шагом в децентрализации управления, означает передачу власти и ответственности от центрального правительства на другой уровень управления с сохранением иерархического подчинения местных властей децентрализующейся центральной власти (министерствам).

На практике деконцентрация нередко означает просто передачу полномочий от высших органов государственной иерархии к низшим.

Пределы полномочий местных органов самоуправления формируются на правовой основе. Экономический аспект процесса децентрализации конкретизирует законодательная база, основой которой являются коллективная собственность и финансовые ресурсы. Вопросы в этой сфере включают определение источников наполнения местных бюджетов и сферы их использования, а также процесс формирования муниципальной собственности из общегосударственной или из других источников. В оптимальном варианте эти вопросы должны быть хотя бы в общих чертах сформулированы в нормативно-правовой базе, что в настоящее время отсутствует в Казахстане.

Таким образом, преимуществами децентрализации власти являются возможность реализации дифференцированной политики, эффектов мобилизации на местном уровне; повышение интереса, создание партнерских отношений и социального единства; приобретение опыта и создание технических групп на местном уровне; гибкость в принятии решений и управлении, а также прямой физический контроль на местном уровне. Возможна децентрализации власти по моделям, когда деконцентрация доходит до децентрализации и происходит наряду с децентрализацией на собственном поле власти. Далее деконцентрация и децентрализация функционируют одновременно с разными по объему полномочиями.

Дальнейшие исследования очерченного круга проблем целесообразно сосредоточить на детальном структурно-функциональном анализе политической, правовой, организационной и экономической составляющих децентрализации власти.

[1] *Грачева О. Ю.* Децентрализация государственной власти и местное самоуправление в Российской Федерации // Студенческий электрон. науч. журн. 2018. № 16 (36). URL: https://sibac.info/journal/student/36/116319 (дата обращения: 12.12.2018).

[2] *Ведель Ж.* Структура и функции местных коллективов во Франции // Российско-французская серия. Информационные и учебные материалы. 1993. № 14.

[3] *Ведель Ж.* Указ. соч.

О. А. Бенедская[1]

РАСШИРЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРАВОСУДИЯ: НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Все более широко обсуждаемая в последнее время в социогуманитарных науках глобальная нестабильность характеризует ситуацию цивилизационной ловушки глобализации, когда с потребностями и тенденциями к более тесной экономической, социальной, культурной, правовой и технологической интеграции соседствуют противоположные процессы и явления — отражающие фрагментацию, как бы расслаивание современного мира. Дисфункциональность, пробуксовка традиционных институтов международного права и сотрудничества, системные сбои в обеспечении финансовой и экологической устойчивости экономического развития, торговые и санкционные войны, усиливающееся социально-территориальное неравенство, провалы мультикультурализма, кризис социальной и индивидуальной идентичности — эти и другие серьезные проблемы являются приметами века. Века, в котором неизжитое ортодоксально-инерционное стремление к силе сталкивается с возрастающим резистентным запросом на справедливость.

Пожалуй, именно конфликт между идеями силы и справедливости является главным, центральным противоречием современности: он позволяет вскрыть суть глобальной нестабильности. С одной стороны, очевидно, что потестарная концепция так называемых отодвигаемых рубежей (падение одного провоцирует на взятие другого) привела к выраженным системным коллапсирующим эффектам, продемонстрировала уязвимость и порочность попыток обустройства цивилизации вне рамок институционального инклюзивного диалога. С другой — без новых отработанных механизмов, которые обеспечивали бы баланс транснациональных и государственных интересов, а также сдерживали бы глобальный произвол и беспрецедентные по масштабу акты спонтанной агрессии, появляются предпосылки к реновации авторитарной парадигмы. Симптоматично, что дефицит договороспособности в международных отношениях компенсируется усилением военно-политической риторики, явно не способствующей мирному урегулированию. Более принципиальным в концептуальном плане является стремление увязать саму идею новой стабильности с укреплением роли государства на международной арене и во внутренних делах, что, как ожидается, поможет поиску разумных компромиссов. Этот внешне привлекательный своей исторической преемственностью подход, спекулятивно-популистский в известном смысле, требует крайне осторожных и взвешенных оценок.

Само государство в современных условиях приобретает ценностное значение фактора укрепления международного правопорядка лишь в том аспекте, в каком оно способно институционализировать идею справедливости. Это предполагает, с одной стороны, последовательное увязывание самой идеи государственного суверенитета с гуманистическим измерением. Смысл государственного суверенитета — не формальная легитимация политической воли господствующей социальной силы, а ограждение свободы от произвола, защита слабого от сильного. С другой стороны, понимание государства как политико-юридической формы обеспечения справедливости предполагает недопустимость сведения его существа к моментам централизации, властвования, принуждения. Необходимо его осмысление с позиции инфраструктуры достижения гражданского согласия и мира. Отсюда — принципиальная ориентация на децентрализацию, субсидиарность, а также развитие инструментов активного вовлечения широкого круга социальных групп в формирование и реализацию целей устойчивого развития на локальном, общегосударственном и наднациональном уровнях.

Идея справедливости онтологически и функционально коррелирует с идеей правосудия, которое выступает процедурной формой и материализованным, объективированным итоговым выражением справедливости. Именно правосудие определяет границы властвующей силы — как политической, так и экономической по своему характеру. Оно призвано определять должную, то есть разумную и равную меру свободы против произвола, меру необходимости.

Парадокс современного мира — острый дефицит правосудия в эпоху судов. В самом деле, глобализация права и экономики привела к конвергенции правовых систем с ориентацией на восприятие «живого» права и открыла своего рода эпоху судов. Последние, в свою очередь, давно превзошли традиционные функции глашатаев законодателя и стали субъектами формирования правовой политики. При этом в условиях расширяющейся аномии и энтропийных процессов в правовых системах, а также столкновения формально-правовых и иных по типу средств нормативной регуляции реальным источником упорядочения общественных отношений оказалось (формируемое главным образом в юрисдикционных процедурах) судебное право в виде казуально-ситуационных, прецедентных норм. Вместе с тем налицо и острый дефицит как институционального, так и материально-реализационного правосудия, которое пока не получило глобальных (общепланетарных) форм. Правосудие сталкивается с политизирующими последствиями кризисов социокультурной детерминации и легитимации на региональном уровне, испытывает на себе деформирующее воздействие кон-

[1] Адвокат и советник коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» (Москва). Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Третейский суд как конституционная категория и ценность: к обоснованию доктрины», «Не меньше, чем суд: конституционная природа третейского разбирательства в российской правовой системе» (в соавт.), «Конституционная природа третейского суда: теоретико-правовой аспект», «Проблемы решения корпоративных споров: ориентация на третейский суд», «Чтобы атлант не расправил плечи: Конституционный Суд РФ и социальное бремя бизнеса», «Пределы выносливости: социальное бремя бизнеса в контексте практики российского конституционного правосудия» и др. Сфера научных интересов: конституционная экономика, экономическое правосудие, корпоративное право.

куренции наднационального и государственных правопорядков.

В образах квазиюрисдикционных структур в институционной системе ООН (девять комитетов и один подкомитет, контролирующие выполнение соответствующих обязательств, вытекающих из договоров по правам человека) и наднациональных судов (Европейского суда справедливости, Европейского суда по правам человека, Суда Евразийского экономического союза и др.) правосудие формально возвысилось над властно-силовой составляющей государства, но пока не обрело отличной от него собственной прочной легитимности. Развитие институциональных форм правосудия внутри государственных систем также демонстрирует всю сложность, противоречивость утверждения юстиционного эквивалента справедливости — в его соотношении и различии с принудительно-властными обеспечительными моментами. Классический позитивизм рассматривает правосудие с сугубо государственно-властных позиций. Но государство не обладает монополией на справедливость, которая нуждается во все более профилированных и приближенных к самим субъектам гражданского общежития примиряющих юрисдикционных процедурах. Во многом именно с разрешением данных противоречий, отпочкованием правосудия от идеи властвующей силы связано в конечном итоге преодоление глобальной нестабильности. Необходимыми для этого условиями являются и рациональный авторитет суда, и казуальная гармонизация интересов, и мягкое социально-рефлекторное нормообразование.

Выражая решимость Объединенных Наций создавать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из международного права, Устав ООН оговаривает особую ценность применения для разрешения споров путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства или иными мирными средствами (преамбула, ст. 33 п. 1). Значение альтернативных юрисдикционных процедур для умиротворения спорящих сторон — как на международном, так и на внутригосударственном уровнях — признается во многих конституционных актах разных стран (Австрия, Германия, Ирландия, Италия, Индия, Киргизия, Малайзия, Пакистан и др.).

Расширение институционализации альтернативного правосудия — свидетельство того, что свойственный прежним историческим эпохам властецентрический подход смещается в сторону самоорганизации. Это соответствует возрастающей степени сложности и неустойчивости современной цивилизации, а также гуманистическому началу самих глобализационных процессов, ориентированных на универсализацию индивида, его интересов, потребностей, прежде всего социально-экономических, и его приматом перед государством. Новая стабильность иррелевантна централизации и предполагает широкое и непосредственное вовлечение гражданского общества в решение вопросов обеспечения социально-экономической устойчивости.

Современный европейский конституционализм отражает стремление к развитию пространства правосудия на основе расширения его альтернативных форм. Укрепление альтернативно-судебных институтов рассматривается как фактор повышения доступности правосудия, ценность которого раскрывается в системном единстве с достижением целей по поддержке и развитию пространства свободы и безопасности. Так, еще в октябре 1999 года Европейский совет на встрече в Тампере призвал государства-члены создать альтернативные внесудебные процедуры. В мае 2000 года было принято заключение по альтернативным способам разрешения споров в гражданском и коммерческом праве, а также заявлено, что установление в этой сфере основных принципов — необходимый шаг на пути к развитию и нормальному функционированию внесудебных процедур урегулирования споров в указанных делах, упрощающих и улучшающих доступ к правосудию. В апреле 2002 года была выпущена Зеленая книга об альтернативных способах разрешения споров в гражданском и коммерческом праве. Она стала следствием сложившегося положения в отношении альтернативных способов решения споров в Европейском союзе. В 2008 и 2013 годах появились директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза в отношении альтернативного разрешения споров.

Расширение институционального пространства правосудия за счет развития альтернативных способов — это важный фактор его юстицификации, повышения степени его легальной справедливости и демократической легитимности, выражение актуального цивилизационного запроса на справедливость. Важно понимать, что правосудие как динамическая форма справедливости призвано обеспечить рационализацию данной идеи, ее демистификацию. Запрос на справедливость во многом связан с социальной мифологией, парадистскими исканиями, а неудачи в обретении социальных идеалов не обещают долгой прочности существу идей. Ценность правосудия не в том, что оно олицетворяет монопольную аристократическую силу над обществом, формирующую метафизическую истину, а в том, что оно являет собой процессуально-рационализированный инклюзивно-состязательный диалог в отношении социально значимых коллизий. Позволяя обществу спорить о праве и достигать в этом споре справедливости, правосудие позволяет обогатить, насытить саму идею справедливости конкретно-нормативным и регулятивно-прикладным содержанием, делает общество подлинным субъектом правовой рациональности — тем полнее, чем более широкое пространство форм реализации оно приобретает,

Расширение пространства правосудия должно рассматриваться в качестве стратегического приоритета развития современной цивилизации. Необходим глобальный диалог по вопросам правосудия и альтернативных форм его реализации в современных условиях, формирование минимальных стандартов, ориентированных на внедрение альтернативных юрисдикционных процедур, а также на приверженность верховенству права, которое должно в полной мере связывать частные формы правоприменения.

В условиях сложных геополитических и геоэкономических противоречий современности участие

России в развитии альтернативных форм правосудия в целях институционализации идеи справедливости на международном уровне в качестве ключевого фактора преодоления глобальной нестабильности имеет важное утилитарно-экономическое (в плане расширения инвестиционной привлекательности, создания комфортного бизнес-климата) и мировоззренческое (связанное с легитимацией отстаиваемых Россией национальных интересов) значение. Меры, принимаемые Россией в этой сфере, демонстрируют признание высокой ценности альтернативных юрисдикций. Но нельзя не видеть стремления государства занять патерналистскую и охранительную позицию. При этом централизация, бюрократизация, дискреционный административный контроль нивелируют альтернативные средства правосудия и выхолащивают его идею. Напротив, проектирование и отстаивание Россией на международной арене минимальных принципов альтернативного правосудия, последовательное внедрение широкой автономии юрисдикционных процедур в национальном правопорядке позволит внести серьезный вклад в глобальный консенсус и национальное развитие.

В. Ф. Богачев[1],
Н. П. Веретенников[2]

РИСКИ РОССИЙСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Стагнация российской экономики, которая уже не оспаривается в специальной литературе, является во многом следствием неспособности системы управления реагировать на современные вызовы и отсутствия у руководителей всех уровней умений и навыков принимать эффективные стратегические решения. Дефицит специально подготовленных креативных руководителей, в содержании труда которых гармонично сочетались бы знания и умения в области управления и отраслевой специфики, привел к появлению «новых эффективных менеджеров», имевших в лучшем случае экономическую подготовку, в худшем — финансовую, главной целью деятельности которых является получение прибыли любой ценой. Следование этому принципу сказалось довольно быстро и коснулось многих отраслей науки и техники, в которых Россия раньше занимала ведущие позиции в мире.

Менеджмент в практическом плане накопил огромный опыт, ставший базой сформулированных специалистами разнообразных течений и школ научных основ этой специфической сферы профессиональной деятельности. Многолетний спор о том, является ли менеджмент искусством или наукой, закончился сформулированной во всех учебниках аксиомой, суть которой в том, что менеджер — это профессия, в основе которой лежит природный талант, но которой можно и нужно учиться. Наличие таланта лидерства, который приводит к появлению ярких личностей в сфере управления, таких как Г. Форд, Б. Гейтс, С. Джобс, И. Маск, И. Курчатов, С. Королев, М. Келдыш, Ж. Алферов, лишь доказывает, что талант в менеджменте, как и везде, необходимое, но недостаточное условие для формирования выдающейся личности менеджера, отвечающей самым сложным современным вызовам. Все известные руководители отличались постоянным стремлением совершенствовать свои знания, умения и навыки в той отрасли, где они достигли наивысших успехов. Обладая природным даром руководить людьми, они создавали собственные школы эффективного управления, формируя систему рационального подбора, расстановки и обучения кадров менеджеров через сеть академических и отраслевых учебных центров.

Основная цель (миссия) государственных органов управления — постоянное обеспечение повышения благосостояния населения страны через создаваемую систему соответствующих институтов представительной и исполнительной власти. При этом менеджеры всех уровней должны принимать решения исходя из разработанных и апробированных мировой и отечественной практикой принципов управления, которые априори учитывают действия экономических законов. В числе важнейших из них следует в первую очередь отметить такие, как сочетание политики и экономики при принятии решений, особенно на высшем уровне управления; принцип системности и принцип обратной связи.

Для наглядности проанализируем научную состоятельность, политические и экономические риски самого масштабного и значимого по последствиям проекта, связанного с присоединением Крыма, абстрагируясь

[1] Главный научный сотрудник Кольского научного центра РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор 250 научных публикаций, в т. ч.: «Управление инновационным развитием региона: системный подход», «Проблемы и перспективы развития инновационного предпринимательства», «Научные основы формирования инновационной региональной системы», «Стратегия комплексного развития мегаполиса на основе менеджмента качества», «Национальная инновационная система как институциональная основа экономики знаний», «Сценарный подход к управлению предпринимательскими рисками», «Региональные интересы России в концепции развития Арктики» и др.

[2] Профессор кафедры прикладной экономики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор экономических наук. Автор 114 научных работ, в т. ч. монографий: «Корпорации: организационные формы, принципы и функции управления» (в соавт.), «Отраслевые корпорации региональный бизнес: интеграция интересов» (в соавт.), «Северо-Восток России: региональная экономика и управление» (в соавт.), «Континуум императивов государства, корпораций и регионального бизнеса» (в соавт.); статей: «Мониторинг и менеджмент рисков социально-экономической системы региона» (в соавт.), «Северный морской путь: транспорт, экономика, геополитика» (в соавт.), «Логистические сети в экономическом развитии арктических коммуникаций», «Экономика и геополитика шелкового пути: арктический маршрут» и др.

от псевдопатриотических лозунгов. Такой анализ тем более необходим, так как принятие этого решения привело в дальнейшем к международной изоляции России, многочисленным санкциям и катастрофически отразилось на состоянии экономики страны.

Только за период 2014–2018 годов за счет снижения объемов продаваемого через Украину газа финансовые потери составили более 20 млрд долларов. Строительство Крымского моста обошлось казне в 3,5 млрд евро. И это не считая огромных расходов на строительство подъездных дорог и ремонт дорожной сети на полуострове. Прямые расходы России на содержание Крыма составляют около 2,3 млрд долларов в год. При этом оценки аналитиков по поводу косвенных потерь варьируются от 10 млрд до 50 млрд долларов в год. В ближайшие годы размер прямой финансовой помощи Москвы полуострову будет только расти и Крым станет одной из самых дотационных территорий[1].

Однако более серьезные потери экономика страны понесла из-за санкций, объявленных международным сообществом сначала только в отношении отдельных лиц и ограниченного числа фирм, а затем усиленных из-за военных действий в Донбассе, так как эти события были восприняты во всем мире как связанные с присоединением Крыма. По оценкам А. Кудрина, эти санкции снизили рост ВВП только в 2018 году на 0,5 %; в целом же эти санкции, по мнению экспертов, обошлись российской экономике в 6 % роста[2].

Таким образом можно констатировать, что в данном случае были проигнорированы отмеченные выше принципы управления: чисто политическое решение абсолютно не было стратегически просчитано в экономическом плане, учитывая огромные риски. При проведении весьма сомнительного с точки зрения сроков и организации референдума в Крыму не было учтено мнение населения Украины и России. К тому же были нарушены подписанные Россией Будапештские международные соглашения о неприкосновенности границ Украины.

В связи с этим также следует отметить игнорирование принципа управления, связанного с рациональным делегированием управленческих функций. Стремление решать все вопросы на высшем уровне управления привело к порочной практике «ручного управления», когда даже первые руководители государства пытаются самостоятельно и единолично решать все вопросы, начиная от стратегически важных для государства и заканчивая сугубо оперативными вопросами, входящими в компетенцию руководителей нижестоящего уровня. А в результате верхний уровень управления, будучи перегруженным решением рутинных задач, не имеет возможности заниматься тем, чем должен по определению, а именно — выработкой и реализацией стратегии развития национальной экономики. В силу этого руководство ведет себя «реактивно», а не «проактивно» и часто принимает поспешные и не всегда адекватные решения в ответ на экстренные вызовы.

Можно привести целый ряд важнейших решений, принятых в верхних эшелонах власти, носящих явно политический характер и связанных с огромными финансовыми затратами. Обратимся к такой достаточно специфической отрасли народного хозяйства, как спортивная индустрия. В ней за последние пять лет были проведены два масштабных международных спортивных форума: зимняя Олимпиада в Сочи и чемпионат мира по футболу. Остановимся более подробно на каждом из них.

1. Проведение в России зимних Олимпийских игр в южном курорте Сочи. Право на проведение зимней Олимпиады Россия получила в 2007 году и, учитывая подготовительный период, имела достаточно времени, чтобы проработать проект с учетом показателя «цена–качество». Однако следует признать, что место проведения столь масштабного проекта было выбрано крайне неудачно, учитывая затраты на создание всех спортивных объектов и соответствующей инфраструктуры. Но даже в рамках принятого решения можно было бы значительно снизить затраты за счет строительства всех объектов в районе Красной Поляны, где должны были проходить основные зимние дисциплины (лыжи, горнолыжные дисциплины, прыжки с трамплина и т. п.). Однако решение разместить все крупные объекты в Имеретинской долине привело к кратному росту финансирования и большим проблемам в сфере экологии.

Но самое главное, завоеванное Россией первое место в командном зачете в результате расследования, проведенного Всемирным антидопинговым агентством (ВАДА), было аннулировано из-за допингового скандала с членами сборной России. В результате целый ряд российских спортсменов — победителей и призеров — были дисквалифицированы и Россия переместилась на третье место. Таким образом, отлично организованная и проведенная Олимпиада оказалась в центре международного скандала, в результате которого сборная команда России была вынуждена выступать на следующих двух Олимпиадах под нейтральным флагом и не участвовала в официальном командном зачете. Такого позора не было со времен первой Олимпиады в 1896 году в Греции. И процесс дальнейшего признания соответствия РУСАДа и снятия санкций со сборной России еще не завершен и неизвестно, чем закончится. При этом следует отметить, что скандал с применением допинга начался сразу после Олимпиады, но в течение двух лет власти ничего не предпринимали, не вникали в юридические детали скандала, надеясь, что конфликт разрешится сам собой. Хотя в данном случае руководству страны вместо огульного отрицания результатов работы двух квалифицированных комиссий (МОК и ВАДА) целесообразно было бы признать выявленные ими факты, а также вину бывшего министра спорта, который и осуществлял руководство этой акцией. Только после этого следовало бы начинать переговоры о снятии всех претензий со стороны международных контролеров. Позиция же руководства страны свидетельствует об игнорировании важнейшего принципа обратной связи, что и привело к опасному развитию событий. В результате российский спорт

[1] https://inosmi.ru/politic/20180202/241353749.html.

[2] https://socportal.info/2019/03/07/ekonomika_rossii_stradaet_ot_okkupatsii_kryma_rossijane_terpjat.html.

вновь мог бы быть интегрирован в международное спортивное сообщество и можно было с нуля разрабатывать конкретную стратегию его развития. При этом в основу ее следует положить вполне разумные принципы, как то: временный отказ от расточительных спортивных проектов типа проведения зимней Олимпиады в Сочи, чемпионата мира по футболу в 11 городах (а они по решению международных организаций в настоящее время и так запрещены); рациональное финансирование в соответствии с достигнутыми результатами перспективных видов спорта (а не вкладывать гигантские средства в находящийся на 64-м месте футбол); снятие налоговой нагрузки на частные инвестиции в спортивные проекты; преимущественное развитие детского спорта; возрождение спортивной науки; подготовка кадров для спорта и достойная зарплата тренеров и спортивных специалистов и т. п.

2. Организация в России чемпионата мира по футболу. Стремление получить международные дивиденды от проведения «лучшего в истории футбольных чемпионатов мира» форума привело к необоснованным бюджетным вливаниям в спортивную инфраструктуру. При этом даже выделяемые на стадии проектирования стадионов средства в период строительства значительно возрастали. Особенно отличился Санкт-Петербург, где стоимость строительства «Газпром Арены» возросла с 6,7 млрд рублей до 50 млрд, то есть почти в 10 раз! В результате этот чемпионат мира оказался самым дорогим в истории. Для сравнения, затраты на проведение чемпионатов мира составили, млрд долларов: в США (1994) — 5,6; Франции (1998) — 2; Японии и Корее (2002) — 4; Германии (2006) — 2,9; ЮАР (2010) — 3,5; России (2018) — 16[1].

Но странно, что при этом из числа городов-участников исключен Краснодар, где имеется недавно построенный прекрасный стадион, функционирует футбольная Академия и есть все необходимые условия для развития футбола и проведения международных турниров. В то же время в список попали Калининград, Саранск и Нижний Новгород, которые даже не представлены в высшем футбольном дивизионе и где строительство необходимо было начинать с нуля. Стратегически не просчитана судьба этих спортивных сооружений после завершения чемпионата мира. Что, например, будет с 40-тысячным стадионом в Саранске, если даже в Бразилии, пятикратном чемпионе мира по футболу, 100-тысячный стадион «Маракана» уже находится в плачевном состоянии после завершения Олимпийских игр 2016 года?

В итоге на два гигантских спортивных проекта потрачено порядка 70 млрд долларов и в результате непродуманных, непросчитанных и стратегически ошибочных решений топ-менеджеров мы получили резко отрицательный имидж страны в мире спорта, падение престижа российских спортсменов, отлучение ряда федераций от мировых стартов и реальную опасность недопуска сборной страны на Олимпийские игры. Это позволяет сделать вывод, что решениям по знаковым для страны событиям должны предшествовать тщательный, научно обоснованный анализ рисков и возможных негативных последствий, а также всенародные референдумы.

Е. А. Брылева[2]

СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ СОВЕРШИТЬ НАУЧНЫЙ ПРОРЫВ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ?

В юридической науке и практике существуют разные подходы к оценке вопросов глобализации. В основном под глобализацией понимается постепенное преобразование мирового пространства в единую зону, где беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, услуги, где свободно распространяются идеи и передвигаются их носители, стимулируя развитие современных институтов и механизмов их взаимодействия. Глобализация, таким образом, подразумевает образование международного правового и культурно-информационного поля, своего рода инфраструктуры межрегиональных, в том числе информационных, обменов. Она призвана придать мировому сообществу новое качество, а осмысление этого процесса позволит человеку лучше ориентироваться в мире в эпоху информационных технологий. С этой точки зрения глобализация — привлекательный процесс, который может принести народам взаимную выгоду и пользу. Однако у глобализации есть и масса отрицательных моментов, как то:

— усиление мирового неравенства: отход от принципов международного права и возвращение к классическому «праву сильного»;

— исключение целых обществ из процесса глобальной международной модернизации;

— риск этнонациональных конфликтов, терроризма, вооруженных столкновений;

— перенесение развитыми странами в бедные страны отходов для захоронения, превращение некото-

[1] http://www.rbc.ru/society/01/11/2017/59f72c9f9a79471a1b355899.

[2] Заведующая кафедрой публичного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент. Автор около 100 научных публикаций (17 рекомендованы ВАК, две в индексируемых базах Scopus и Web of Science), в т. ч.: «От наказания к примирению: наступление на „индустрию борьбы с преступностью“», «Право на использование всемирной сети Интернет как одно из „неотъемлемых“ прав человека?», «Правовой статус несовершеннолетних в уголовной и уголовно-исполнительной сфере», «Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем», «Международные стандарты в сфере обращения с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы» (учеб. пособие), «Патриотизм как основная составляющая юридического образования вузов правоохранительной направленности», «Детский и подростковый суицид как новая угроза безопасности России» и др. Награждена медалями «За отличие в службе» I, II и III степени, «200 лет МВД России» и нагрудным знаком «За верность долгу».

рых развивающихся государств в свалки вредных для здоровья веществ[1];

— социальное расслоение, особенно в развитых странах. Так, например, в Российской Федерации, согласно данным Росстата, 2014–2017 годы были периодом падения доходов населения. Согласно же заявлениям Счетной палаты, за первые девять месяцев 2018 года зарплаты россиян выросли на 1,7 % (это ниже инфляции, так что реальные доходы продолжали снижаться), а потом упали и в номинальном выражении. Характерно, что при этом в 2018 году российские миллиардеры вышли на первое место в мире по темпу роста благосостояния. Согласно исследованию, проведенному американским агентством Bloomberg, с начала 2018 года миллиардеры из России увеличили свое суммарное состояние на 10,8 %, при этом у бизнесменов из США капиталы выросли на 7,5 %, у англичан — на 3,4 %[2].

Представляется, что главный отрицательный момент глобализации — отчуждение человека от социума, недостаток обычного человеческого общения и на этом фоне — увеличение частоты психических заболеваний и суицидов, появление так называемых групп смерти и даже создание на этой почве неизвестных прежде форм бизнеса, таких как «друг на час».

В экономике развитие глобализационных процессов тесно связано с ужесточением на мировом рынке конкуренции в контроле природных ресурсов и информационного пространства. Основным методом борьбы здесь является использование новейших технологий. Генеральный секретарь Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Анхель Гурриа на Всемирном экономическом форуме в Давосе указал на последствия «мирового экономического кризиса»: медленный рост экономики, высокий уровень безработицы, рост неравенства и «катастрофическое снижение доверия» к государственным институтам, несоответствие навыков работников потребностям экономики[3]. Эти проблемы характерны и для России. Так, анализ рынка труда в нашей стране показал, что среди наиболее востребованных в 2019 году — технические профессии: инженер, специалист по информационным технологиям, специалист по робототехнике, архитектор, инженер-проектировщик, веб-дизайнер, агроинженер[4]. Однако в стране всего 935 технических вузов и почти столько же (757) учебных заведений с юридическими специальностями.

Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определены основные направления развития Российской Федерации, среди которых одним из приоритетных направлений является наука. Ключевые цели научного проекта — обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для ведущих российских и зарубежных ученых и молодых перспективных исследователей, а также увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки. Безусловно, нацпроект важный и необходимый, особенно в условиях глобализации и непрекращающихся санкций в отношении России.

Вместе с тем выделим некоторые проблемы. Во-первых, сложившаяся система школьного образования — так же как и система подготовки педагогических кадров — не успевает за потребностями общества. Дорогостоящее оборудование в образовательных учреждениях простаивает в связи с отсутствием специалистов. Неудивительно, что большинство педагогов не применяет интерактивные технологии и не может построить образовательный процесс в соответствии с новыми требованиями — учитывая, что средний возраст учителей в России 52 года, и только 14 % — моложе 30 лет. В среднем в год педагогические вузы и педагогические факультеты оканчивают около 100 тыс. молодых людей. По данным соцопросов, только 10 % выпускников согласны работать в школе. Такие данные приводятся в последнем международном исследовании TALIS, в котором Россия принимала участие. Чтобы стать учителем в России, надо окончить хотя бы бакалавриат, это всего 4 года учебы. В развитых странах, прежде чем попасть в школу, кандидат должен не только получить образование, но и пройти много ступеней подготовки. В Южной Корее учителями становятся лишь 30 % специалистов-педагогов[5].

Второй проблемой является «утечка мозгов»: значительный поток эмиграции из России ученых и специалистов в Китай, Южную и Северную Корею, Бразилию, Аргентину, Мексику, некоторые арабские страны. Ранее на контрактной основе в эти государства направлялись преподаватели, врачи и практикующие инженеры, но теперь ситуация изменилась. Наибольшим спросом на рынке труда перечисленных стран пользуются ученые и специалисты в области фундаментальных и прикладных исследований, и значительный интерес наблюдается к специалистам в области фундаментальных наук, высшего образования, военно-промышленного комплекса и технологий двойного назначения[6].

«Люди, которые хотят капитализировать свои мозги, хотят покинуть страну. Потому что „резервирова-

[1] *Иглин А. В.* Государство в условиях глобализации: экономика, политика, право // Научное обозрение. Экономические науки. 2016. № 6. С. 65–74. URL: http://science-economy.ru/ru/article/view?id=858 (дата обращения: 09.03.2019).

[2] Российские миллиардеры обогнали всех по темпам роста состояния. URL: https://meduza.io/news/2018/10/18/rossiyskie-milliardery-obognali-vseh-po-tempam-rosta-sostoyaniya (дата обращения: 10.03.19).

[3] *Герасимов И.* Генсек ОЭСР указал на «тяжелое наследие» мирового финансового кризиса. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/01/2015/54c00bc09a79477198b65f76 (дата обращения: 10.03.2019).

[4] Топ профессий в 2018–2019 году. URL: https://2019-god.com/top-professij-v-2018-2019-godu (дата обращения: 10.03.2019).

[5] *Ивойлова И.* Показали класс: лучшие учителя страны живут в Москве, Казани, Самаре, Димитровграде, Санкт-Петербурге. URL: https://rg.ru/2017/10/05/nazvany-sem-osobennostej-rossijskih-uchitelej.html (дата обращения: 10.03.2019).

[6] *Левицкая А. Ю.* О привлечении высококвалифицированных специалистов, необходимых для модернизации российской экономики. Итоги деятельности ФМС России в 2009 году // Сборник расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы / под общ. ред. К. О. Ромодановского, М. Л. Тюркина. М. : ФМС России, 2010. С. 208.

ние“ для участия в научных проектах, развитии, проведении серьезных исследовательских проектов чрезвычайно сложно, поскольку нет возможности полностью обмениваться информацией и технологиями. Кроме того, для многих профессионалов и предпринимателей сегодня уход — это вопрос амбиций. Если исследователь отключен от возможности участвовать в международных проектах, а бизнесмен лишен возможности поставлять свою продукцию на внешние рынки, они думают о том, что такое российский рынок? Это всего 146 миллионов человек, а также сложная логистика и недружелюбная бюрократическая среда. Конечно, если мозг способен производить продукт, который пользуется спросом на рынке, они хотят, чтобы этот рынок был таким же, насколько это возможно», — говорит Роман Иванов, менеджер проекта «CareerDriver.ru».

Давайте обратимся к зарубежному опыту. В Китае проводится политика возвращения высококвалифицированных специалистов: около 200 тыс. ученых вернулись в страну, они работали в основном в США, Японии и Австралии. У репатриантов не было конкретного стимула, однако каждый год государственные расходы на науку в Китае увеличивались на 20 %, и в какой-то момент выяснилось, что у китайцев просто нет причин уезжать в поисках более высокого уровня заработка. В конце концов, специалисты здесь получали зарплату среднего австралийца и почти подошли к уровню США. Кроме того, ученые в Китае поощряются большими бонусами: за статью в научном журнале автор получает от трех до семи тысяч долларов, за курс лекций — от десяти до пятидесяти тысяч. В США так много платят только успешным ученым, известным в своей среде. Владимир Путин, говоря о необходимости использовать китайский опыт в отношении наших репатриантов, также предложил поставить во главу угла материальные стимулы. Но в Министерстве образования и науки его слова не были услышаны. Так, например, Александр Хлунов, замминистра образования и науки, откровенно высказался против использования китайских наработок. «Аналогия с китайской программой возвращения ученых неуместна хотя бы потому, что там до сих пор есть Центральный комитет Коммунистической партии Китая», — приводит слова замминистра русский «Ньюсуик»[1].

Другой способ привлечения молодых ученых — работа с иностранными студентами. Возможно, решением здесь может быть принятие в России определенных норм, регулирующих миграцию в области образования, создание специального облегченного миграционного режима для иностранных студентов, в том числе для работы после окончания вуза. Авторы концепции миграционной политики признают, что образовательная иммиграция привлекает квалифицированных иностранных граждан. Действительно, студенты из других стран не только изучают язык, но и создают социальные связи в принимающей стране, которые помогают им еще лучше интегрироваться в будущем[2].

Таким образом, решение указанных проблем позволит Российской Федерации совершить прорыв в научном и информационном планах и сосредоточиться на развитии отечественного производства, активно способствуя импортозамещению.

[1] Возвращение эмигрантов в Россию. URL: https://www.politforums.net/internal/1330248817.html (дата обращения: 10.03.2019).

[2] *Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э.* Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов. М. : Центр социологических исследований, 2014. С. 16. URL: http://5top100ru.1gb.ru/files/File/inostrannye_stydenty.pdf (дата обращения: 12.03.2019).

Н. В. Бурова[1],
М. Бали[2]

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДЕКСА МНОГОЦЕЛЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Проблемы управляемости глобальных и региональных экономических и правовых процессов на современном этапе развития общества достаточно часто связывают с практикой применения международных экономических санкций. Международные экономические санкции являются инструментом, обычно используемым правительствами разных стран, для проявления своей дипломатической воли и мирного воздействия на политику других стран. Мировая экономическая реальность знает множество случаев применения санкций одними странами в отношении других.

Почти 30 лет назад Хюльбаер[3] с соавторами (1990) перечислил 116 случаев экономических санкций, введенных Соединенными Штатами Америки после Первой мировой войны. Российская Федерация попрежнему находится под международными экономическими санкциями, хотя, похоже, ее экономика очень быстро адаптировалась к ним. Северная Корея является объектом жестких санкций в течение многих лет; и даже если их экономические последствия оставляют желать лучшего, они имеют ужасные человеческие последствия. Иран также пострадал и продолжает испытывать трудности от санкций, которые, по-видимому, оказали более значительное краткосрочное воздействие, но в долгосрочной перспективе оказались неэффективными[4]. Новости последнего времени свидетельствуют о том, что Венесуэла вновь находится под игом международных экономических санкций, в том числе со стороны Соединенных Штатов Америки. В апреле 2019 года Джон Болтон, советник по национальной безопасности США, объявил о новой серии санкций против Кубы. Несмотря на то что администрация Обамы приостановила действие закона Хелмса–Бёртона, сейчас наблюдается фактически повторное введение Раздела III этого закона, принятого в 1996 году. Перечень санкций может быть продолжен.

Правомерно задаться вопросом, а действуют ли санкции? И если да, то эффективны ли они? На эти вопросы невозможно найти достоверных ответов без серьезного количественного анализа. Эконометрический анализ незаменим в попытке оценить последствия санкций. Для этого необходим особый показатель, критерий или (в нашем случае) «индекс санкций». Для достижения данной цели мы постарались отобрать такие факторы в «индекс санкций», которые меняются во времени, что, в свою очередь, должно позволить измерить влияние индекса санкций на другие переменные наших моделей. Для проведения анализа мы рассмотрим международные санкции против России. В 2016 году Холодилиным и Нецунаевым впервые был создан сводный индекс, связанный с украинским кризисом[5]. Несмотря на его преимущества, он не безупречен. К его недостаткам можно отнести: значение этого индекса никогда не уменьшается со временем (то есть санкции всегда действуют), и этот индекс не рассматривает санкции независимо друг от друга (то есть невозможно отличить последствия одних санкций от других). По этим причинам мы решили создать собственный «индекс экономических санкций».

Построение нового индекса. Наш индекс также является составным: то есть он равен сумме переменных и параметров. Эта сумма меняется во времени, которое мы отражаем на шкале и обозначим как T. В нашем индексе каждая санкция рассматривается независимо. Это означает, что каждая санкция имеет свой код, то есть i. Например, американская санкция отличается от французской. Аналогичным образом, если страна ввела несколько разных санкций, каждая из них имеет свою идентичность, то есть i. Наш индекс санкций определяется как S. Он сопровождается символом k, который описывает конкретную страну, предъявившую санкцию. Поскольку наш индекс санкций имеет значение для каждого момента времени t, то и индекс содержит информацию о данном моменте времени — символ t.

Тип санкций. Первый параметр индекса — это тип санкции. Он обозначен буквой «альфа» (α). Идея заключается в том, что в зависимости от типа санкции

[1] Директор Центра российско-французского сотрудничества в области образования и науки Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры статистики и эконометрики, доктор экономических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Оценка масштабов нелегальной экономической деятельности как проблема измерения», «Статистические методы в гуманитарных и экономических науках», «Оценки нелегального сектора ненаблюдаемой экономики», «Всемирная торговая организация: влияние власти в сфере международной торговли и глобальном экономическом развитии» (в соавт.), «Международные программы высшего образования: генезис и перспективы развития» (в соавт.), «Современный рынок коммерческих сексуальных услуг: структура, изменения, регулирование» (в соавт.), «Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения» и др. Член-корреспондент Международной академии наук высшей школы. Кавалер ордена Академических пальм (Франция), лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга.

[2] Докторант Санкт-Петербургского государственного экономического университета, соискатель ученой степени кандидата экономических наук. Автор научных публикаций по эконометрическому моделированию, международным экономическим санкциям, в т. ч.: «Digital Space: How Cryptocurrencies Offer Safe-Haven Savings and Protection Against Sanctions», «The Impact of Economic Sanctions on Russia and its Six Greatest European Trade Partners: A Country SVAR Analysis», «Digitalization of Economy: Possible Circumvention Strategies of International Sanctions», «Digital Economy and Security: Safety Consciousness in the Teaching of Statistics», «The Impact of Economic Sanctions on Russia and its Six Greatest European Trade Partners: A Country SVAR Analysis», «Ukrainian Crisis: the Impact of Sanctions on Russian and European Gdp», «Collapsing of the Ruble: Response Elements» и др.

[3] *Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A.* Economic sanctions reconsidered: History and current policy / Peterson Institute. 1990. Vol. 1.

[4] *Dizaji S. F., Van Bergeijk P. A.* Potential early phase success and ultimate failure of economic sanctions: A VAR approach with an application to Iran // Journal of Peace Research. 2013. № 50 (6). P. 721–736.

[5] *Kholodilin K., Netšunajev A.* Crimea and Punishment: The Impact of Sanctions on Russian and European Economies // DIW Discussion Papers. 2016. № 1569.

ее способность оказывать экономическое давление различна. Альфа (α) возводится в степень k, поскольку зависит от страны k, которая выставляет санкцию. Альфа соответствует конкретному моменту t, и это представляет собой санкцию идентичности i. Однако значение α равно большой константе K, которая зависит от типа санкции.

Для того чтобы рассчитать K (а именно часть экономического давления, которое потенциально может нанести каждый тип санкций), а это чрезвычайно сложно, если не невозможно, мы используем следующее предположение: параметр K или «тип санкции» равен нулю, если нет санкций; равняется единице, если к нему применяются санкции; равен 10, если есть официальное объявление о санкции; равен 100, если санкции выражены против компании; 1000, если санкция направлена против конкретного экономического сектора; и наконец, равен 3000, если речь идет об экономическом эмбарго.

Экономический рычаг. Этот параметр описывает способность эмитента санкций оказывать экономическое давление на свою цель. Он представлен буквой «бета» (β). Таким образом, β равна произведению двух компонентов, большого A и большого B. Первый компонент (A) представляет интенсивность торговли между страной, объявившей санкцию (страна k), и ее целью, страной (сектором, компанией и т. п.), представленной буквой j. Таким образом, большая буква A равна отношению общего экспорта страны назначения к стране, наложившей санкцию, и общим объемом внешней торговли страны, на которую распространяется действие санкции. Это согласуется с тем фактом, что если санкционирующая страна и ее цель не будут торговать друг с другом, маловероятно, что экономические санкции будут эффективными. A будет стремиться к нулю, и наоборот. Второй компонент (B) должен быть учтен, так как содержит информацию о весе сектора «внешней торговли» в экономике страны, на которую нацелены санкции. Таким образом, даже если страны имеют прочные экономические отношения, санкции вряд ли будут эффективными, если внешняя торговля целевого объекта представляет небольшую часть его экономики и B стремится к нулю, и наоборот.

Фактор времени. Третий и последний параметр группирует все остальные факторы, которые не учитываются, но которые тем не менее оказывают негативное влияние на экономическое давление налагаемой санкции. Другими словами, это время, необходимое для адаптации экономики к санкциям. Оно представлено буквой «хи» (χ). Этот параметр имеет особенность — развиваться во временной шкале, отличной от T. Он развивается параллельно большой T в масштабе времени, называемом большим U. Это объясняется тем фактом, что санкция может иметь дату отсчета, которая может отличаться от даты начала временнóго ряда, используемого в базе данных модели. Точно так же периодичность и частота санкций могут отличаться от периодичности других переменных модели. Идея этого параметра заключается в том, что санкция не будет иметь такой же способности оказывать экономическое давление на свою цель, в зависимости от того, была ли она назначена в момент времени u или, например, в момент времени (u + 10). Способность санкций оказывать экономическое давление со временем уменьшается. Это свидетельствует о том, что экономика может успешно адаптироваться к санкциям: либо путем использования третьей страны, которая позволит ей обойти санкции, либо сменив торгового партнера, либо посредством применения стратегии индустриализации путем импортозамещения и т. д. Наконец, кривая χ может варьировать в зависимости от того, насколько быстро экономика адаптируется к санкциям. Наклон кривой χ определяется малым параметром o. Само собой разумеется, что этот параметр будет легче настроить в режиме завершенных санкций, чем в режиме санкций, которые еще не сняты. В любом случае за определенную корректировку отвечает экономист, который строит индекс санкций. Предпочтительно, чтобы он использовал описательную статистику.

Окончательный индекс. В конечном итоге сводный индекс санкций S может быть записан как сумма санкций, каждая из которых имеет свою четкую индентификацию. Каждая санкция содержит α — значение, умноженное на параметры β и χ. Это означает, что каждая санкция может достичь минимума в зависимости от интенсивности торговли между эмитентом санкции и ее целью (страной, сектором, компанией), от доли внешней торговли в ВВП страны, подвергаемой санкциям, и от времени адаптации к санкции ее объекта. В результате наш новый индекс гораздо более чувствителен к появлению новых санкций, чем старый (2016). Кроме того, значение нашего индекса со временем уменьшается, что отражает тот факт, что способность санкций оказывать экономическое давление имеет ограниченную продолжительность. Наконец, наш индекс идеально подходит для векторных моделей авторегрессии, поскольку фиксирует множество микроколебаний, что, в свою очередь, будет способствовать точности расчетов корреляции между переменными.

Апробация. Возможно применение нашего нового индекса в четырех моделях. Это структурные модели с авторегрессионным вектором. Эти модели призваны измерить влияние международных санкций на российскую экономику. Используются две первые модели: модель A, которая использует нашу новую версию индекса санкций, и модель B, которая использует старый индекс санкции. В качестве переменных приняты реальный обменный курс российского рубля, цена на нефть (Brent) и индекс цен производителей в России. Если мы сравним разложение дисперсии ошибки прогноза, то заметим, что модель A имеет объяснительную силу более 5 %, в то время как модель B (использующая предыдущий индекс) испытывает трудности с достижением 1 %. Это означает, что наш новый индекс санкций может описывать изменения российского ВВП как минимум в пять раз результативнее, чем прежний индекс.

Затем были апробированы еще две модели, которые включают те же переменные, что и предыдущие, но к которым мы добавляем отток капитала и экспорт из России. Модель С использует наш новый индекс санкций, а модель D — старый индекс. На этот раз, сравнивая разложение дисперсии ошибки прогно-

за, очевидно, что модель *C* может объяснить 4,8 % вариаций российского ВВП, тогда как модель *D* падает до 0,7 %. Это подтверждает преимущество нашего нового индекса даже в структурной векторной модели авторегрессии, содержащей шесть переменных.

Таким образом, созданный новый индекс санкций учитывает тип санкций, характер торговых связей между страной, объявившей санкцию, и ее целью, долю внешней торговли в ВВП страны, на которую направлены санкции, и время адаптации к принудительным мерам той экономики, против которой выставлены санкции. Мы сравнили наш санкционный индекс с ранее разработанным Холодилиным и Нецунаевым (2016) и пришли к выводу, что наш индекс имеет объяснительную силу в четыре-пять раз выше, чем старый индекс. Кроме того, наш индекс обеспечивает функции «импульс–отклик» с более низким доверительным интервалом. Это означает, что наш индекс более точно влияет на кратковременные изменения переменных и в целом будет способствовать повышению аналитического потенциала реализуемых межстрановых сопоставлений, прогнозов и рекомендаций.

О. В. Вербовая[1]

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В сегодняшней ситуации глобальной нестабильности важнейшим фактором в процессе динамичного развития государства является государственная служба и ее способность эффективно обеспечивать деятельность государственных органов. Создание высокоэффективной государственной службы и структуры управления, бесспорно, является необходимым условием социально-экономического развития страны, одной из стратегических задач государства. В этом контексте государственная служба в России требует своего дальнейшего совершенствования с учетом мировых трендов ее развития.

Исследование международного опыта позволяет выделить две основные модели построения государственной службы: позиционную и карьерную. В позиционной модели государственной службы (США, Канада, Британия) основной акцент делается на реализации концепции нового государственного менеджмента, оценке качества проведенной работы и ее результатов. Основной идеей здесь является создание из управленца профессионального администратора широкого профиля.

В карьерной модели продвижение по службе идет по вертикали, начиная с низших должностей. В странах с такой системой государственной службы (Германия, Франция, Япония) отбор кандидатов идет на равных для всех участников условиях по конкурсному экзамену. Обязательными для поступления на государственную службу являются базовое и специальное образование. Работник при этом полностью посвящает всего себя служению государству.

Этой модели, к примеру, следует Казахстан. С принятием в 2015 году нового закона «О государственной службе Республики Казахстан» был законодательно закреплен принцип поэтапного карьерного роста по должностям на конкурсной основе и исключительно при наличии стажа на нижестоящей позиции не менее одного года. Введение компетентностного подхода к отбору на государственную службу позволило сместить акценты с оценки теоретических знаний на качества кандидатов, необходимые для эффективной работы. Кроме того, в 2018 году в Казахстане был запущен пилотный проект принципиально новой системы оплаты труда государственных служащих. Новая модель состоит из двух частей — постоянной и переменной. Постоянная часть основана на факторно-балльной шкале, по которой размер заработной платы зависит от характера, объема и сложности работы. Переменная часть связана с выплатой бонусов, они будут начисляться эффективным служащим по итогам оценки их деятельности за год в размере четырех окладов и выше. При таком подходе учитываются компетенция и опыт работы, степень сложности решаемых задач и ответственности за достижение результата. Внедрение новой системы оплаты труда и отказ от уравнительного подхода создает действенный механизм материальной мотивации, позволяет радикально сократить диспропорцию в окладах госслужащих регионов и центра с 70 до 10 %. Это позволит эффективнее использовать механизм ротации кадров по принципу «центр–регион–центр». Согласимся с мнением, что таким образом «мы сможем сделать госслужбу привлекательным, конкурентоспособным игроком на рынке труда, особенно для талантливой молодежи… Это в корне меняет отношение к труду, побуждает к креативности и лидерству, то есть ко всему тому, что делает успешным современного человека»[2].

[1] Профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Актуальные проблемы правовой защиты прав и свобод человека и гражданина: состояние, тенденции, перспективы» (кол. моногр.), «Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан», «Приоритеты развития национального законодательства в контексте глобальных трендов современности», «Ответственность за осуществление экстремизма по законодательству Казахстана и России: сравнительно-правовой анализ», «Уголовная политика Казахстана и России в сфере борьбы с экологическими преступлениями: сравнительно-правовой анализ», «Проблемные вопросы ответственности за создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности», «Правовые механизмы противодействия глобальным вызовам XXI века» и др.

[2] *Шпекбаев А.* К высокому уровню мотивации госслужащих. URL: https://www.zakon.kz/4927750-k-vysokomu-urovnyu-motivatsii.html (дата обращения: 28.02.2019).

Следует отметить, что Казахстан, в отличие от многих передовых стран, избежал проблем со старением человеческого капитала. Сегодня 26 % государственных служащих составляют граждане в возрасте до 29 лет, 32 % — от 30 до 39 лет, 42 % — от 40 лет. Отметим также, что половина госслужащих в стране — женщины: в 2013 году — 49 527 сотрудников (54,9 %), в 2017 году — 50 491 (55 %). В настоящее время 92 % работников имеют высшее образование, причем на центральном уровне этот показатель достигает 100 %. Лица со средним профессиональным образованием занимают низовые должности районного и сельского звена. Количество выпускников вузов, получавших международную стипендию «Болашак», за последние пять лет увеличилось на 82 %, а число выпускников Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан — на 81 %. Таким образом, ядро государственной службы составляют молодые квалифицированные кадры.

Еще один аспект реформирования государственной службы касается социальной сферы. Мировая практика выстраивания карьерной модели показывает, что надо не только повышать требования к государственным служащим, но и усиливать уровень их социальной защиты.

В 2018 году Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) впервые был подготовлен «Сравнительный анализ реформы государственной службы в Казахстане и странах ОЭСР», в котором эксперты указывают на необходимость дальнейшего совершенствования государственного аппарата Казахстана в русле мировых трендов, доказавших свою эффективность. При оценке развития государственной службы ОЭСР использует концептуальную рамку, включающую три основные стадии развития: профессиональную, стратегическую и инновационную. Эксперты отмечают, что для вывода государственного аппарата на новый, стратегически-инновационный уровень необходимо подключение к следующим современным мировым трендам развития государственной службы.

1. *Лидерство* как ключевой фактор построения инновационной и эффективной команды. В современной теории и практике развитых стран подчеркивается важность так называемого трансформационного лидерства, когда руководитель работает вместе с сотрудниками для определения необходимых реформ, формирует соответствующие ви́дение и стратегию и вносит изменения совместно с подчиненными.

2. Развитие так называемых *гибких навыков (soft skills)*, таких как эмоциональный интеллект, социальный интеллект, коммуникативные способности, умение работать с людьми, адаптивность, позитивный настрой. Гибкие навыки не зависят от уровня профессиональных знаний и позволяют человеку продуктивно работать в социальной среде. Такие навыки весьма востребованы у работников в условиях технического прогресса, это критически важный фактор трудоустройства на современном рынке труда, развитых технологий и нарастающей конкуренции с искусственным интеллектом. Государственный служащий цифрового века будет отличаться от машины именно наличием гибких навыков.

3. *Централизация вспомогательных служб.* В передовых странах для большей компактности государственного аппарата функции вспомогательных, обеспечивающих служб передаются на централизованное исполнение специализированным организациям, что позволяет экономить средства и направлять их на развитие государственного аппарата.

4. *Проектный менеджмент*. Основное преимущество проектного управления — структуризация и оптимизация бизнес-процессов, экономия ресурсов, обеспечение прозрачности за счет командной работы, достижение конкретных целей через четкое планирование, персонификацию ответственности за достижение конечных результатов и эффективное межведомственное взаимодействие, ориентированность на достижение результата[1].

Подключение к мировым трендам развития государственной службы, как мы полагаем, позволит вывести государственный аппарат на стратегически-инновационный уровень.

Таким образом, высокую эффективность и привлекательность карьеры на государственной службе на данном этапе развития государства можно достигнуть за счет следующих действий:

1) формирования государства как привлекательного работодателя;

2) изменения организационной культуры государственного аппарата;

3) развития компетенций и повышения потенциала служащих. В эпоху цифровизации умение использовать в работе передовые технологии определяет конкурентоспособность сотрудников;

4) управления человеческими ресурсами на государственной службе, требующего дальнейшей профессионализации государственных служащих;

Все это в совокупности задаст новый вектор развития государственной службы в условиях глобальной нестабильности, потребует принятия организационно-управленческих, правовых и иных мер, в том числе внесения поправок в отраслевые и сопутствующие законодательные акты. Формирование современного, профессионального и автономного государственного аппарата и его постоянное совершенствование должны стать одними из решающих факторов дальнейшего стабильного и поступательного развития государства, а также ответом на глобальные вызовы современности, характеризуемые стремительными изменениями.

[1] Национальный доклад о состоянии государственной службы в Республике Казахстан. URL: http://www.akorda.kz (дата обращения: 26.02.2019).

Ф. Б. Власов[1]

СМЕНА ПАРАДИГМЫ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ МОДЕЛИ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Антироссийские санкции и политика президента США Д. Трампа поставили под вопрос ту модель развития, на которой строится политика либеральных рыночных реформ в России. Сегодня уже очевидно, что главным препятствием для сближения России и Запада являются не идеологические разногласия, а давнее геополитическое соперничество между ними. Реформаторы явно преувеличили роль тенденций к либерализации и глобализации, хотя те и носят объективный характер. В ситуации глобальной нестабильности перспективы основанной на этих постулатах политики приобретают все более непредсказуемый характер.

Следует иметь в виду, что парадигма, на которую опирается экономическая политика ведущих развитых стран во главе с США, за последние два столетия претерпела серьезнейшие изменения. В своем развитии она прошла длительный путь: от либеральных воззрений А. Смита и его последователей через усиление регулирующей роли государства в соответствии с идеями Дж. М. Кэйнса к новому ренессансу либеральной идеи, воплотившемуся в трудах современных западных ученых-экономистов. Поэтому основанная на этой парадигме модель развития, позволившая добиться группе развитых стран впечатляющих успехов, наиболее эффективна именно в этих странах. Нет доказательств того, что, копируя эту модель, Россия добьется таких же впечатляющих успехов. Скорее наоборот.

Еще на заре реформ ряд отечественных и зарубежных ученых предостерегал реформаторов от простого копирования западного пути развития. Например, выдающийся американский ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт обращал внимание на несовпадение российской и западной институциональных матриц[2]. Это означает, что существующая в странах Запада система формальных институтов прочно опирается на соответствующую систему ценностей, традиций, обычаев и привычек. Важнейшими из них являются индивидуальная свобода, неприкосновенность частной собственности, конкуренция, упорный труд и основанный на нем высокий уровень потребления.

В России же такая неформальная опора отсутствует. Поэтому и спустя четверть века у нас индивидуальная свобода относительна, права частной собственности обеспечены недостаточно, вместо конкуренции появились новые формы монополизма, а в условиях забвения ценности упорного созидательного труда высокий уровень потребления ассоциируется с праздностью и бездельем. Но наряду с этим в российском обществе сохраняются традиционные ценности, имеющие продуктивный характер. Правда, сегодня они подвергаются сомнению, во многом дискредитированы, оттеснены ценностями индивидуализма.

Как считает Д. Норт с соавторами, экономические и технологические достижения стран Запада объясняются тем, что в них сложилось общество открытого доступа[3]. В России же, несмотря на то что в основном воспроизведена система формальных рыночных институтов западного типа, сохраняется общество ограниченного доступа, начиная с практики замещения высокооплачиваемых рабочих мест[4].

Несоответствие формальных рыночных институтов их неформальной основе усугубилось в результате стратегических ошибок, допущенных в самом начале российских реформ. Вероятно, главной из них стала проведенная с многочисленными нарушениями бесплатная приватизация государственных предприятий, что и сегодня во многом препятствует легитимации приобретенных прав частной собственности. Не способствовали честной приватизации и массовое банкротство, а затем ликвидация чековых инвестиционных фондов, невозможность использования на денежном этапе приватизации дореформенных сбережений населения, обесценившихся в результате гиперинфляции. Поэтому неудивительно, что сомнения в легитимности прав частной собственности, особенно крупной, сохраняются у населения и в XXI веке[5].

Современная ситуация в российской экономике характеризуется чрезмерной социально-экономической дифференциацией в сочетании с низкой защищенностью прав частной собственности и их сомнительной легитимностью. Такое сочетание вопреки распространенному мнению порождает проблему не только низких доходов основной массы россиян, но и высоких доходов наиболее богатой их части. Похоже, именно чрезмерные доходы узкой группы людей являются главным препятствием на пути подлинной модернизации российской экономики. Этих людей вполне устраивает существующее положение, поэтому они слабо мотивированы на рисковые инвестиции. Часть из них воспринимает институциональные и технологические инновации как потенциальную угрозу своему привилегированному положению и молчаливо им противодействует.

---

[1] Профессор кафедры теории экономики и управления персоналом Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева (до 2017 г.), доктор экономических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие», «Институты и нравственные основы доверия в экономике России» (в соавт.), «Социальный капитал, его виды и противоречия» (в соавт.), «Общество социальной гармонии — альтернатива сложившимся моделям общественного устройства», «Необходимость и пути гармонизации социально-экономических отношений в России» и др.

[2] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997.

[3] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

[4] *Авраамова Е., Малева Т.* О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход? // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 144–160.

[5] *Григорьев Л., Курдин А.* Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 36–62.

Несмотря на все это, хочется надеяться, что наша страна сумеет достичь тех вдохновляющих высот, которые были определены майским (2018) указом президента[1]. Однако в условиях антироссийских санкций, перекрывающих доступ к передовым западным технологиям, Россия останется на траектории догоняющего развития.

С учетом складывающихся внешнеполитических обстоятельств представляется целесообразным в экономической политике перенести акцент с заимствования передовых западных технологий на мобилизацию внутренних резервов развития, а индивидуалистической парадигме противопоставить парадигму, основанную на традиционных российских ценностях созидательного труда, состязательности, справедливости и патриотизма, нацеленную на формирование гармоничного общества. Идея гармонизации общественных отношений выражает вековые мечты россиян о социальной справедливости и одновременно носит надклассовый и надгрупповой характер. Она не означает отказа от рыночной экономики и самоизоляции, но предполагает изменения в социально-экономической политике, дальнейшее усиление плановых начал и регулирующей роли государства.

Ядром общества должна стать социальная гармония, которая предполагает значительное сглаживание существующей ныне в российском обществе социально-экономической дифференциации. Для этого потребуются возвращение к нормированию доходов в бюджетном секторе и перестройка системы налогообложения. Однако основными принципами сглаживания социальных контрастов могут стать только устойчивый экономический рост и сопутствующая ему широкая диверсификация российской экономики.

Безусловно, предприниматели должны сохранить свободу распоряжаться полученной прибылью. Однако патриотизм бизнеса выражается и в его заботе об экономическом процветании родины. Поэтому при использовании прибыли должны четко прослеживаться тенденции, отвечающие интересам Российского государства и общества. В связи с этим целесообразно ввести определенные ограничения на вывоз капитала за границу. Одновременно необходимо существенно усилить стимулы к их инвестированию в отечественное производство, прежде всего высокотехнологичное. Разумеется, это лишь часть мер, необходимых для становления передовой диверсифицированной экономики и гармоничного общества.

По нашему убеждению, только замена индивидуалистической парадигмы развития другой, основанной на продуктивных российских ценностях и традициях, способна обеспечить подлинный прорыв российской экономики и общества в будущее.

В. Г. Графский[2]

О ВОЗМОЖНОСТЯХ И НЕПОЛНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ДЕЛЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Когда речь заходит о преодолении кризисной ситуации в такой обширной области общественных отношений, какой является сфера общегосударственных экономических отношений, то привычнее употребить вместо термина «правовая политика» термин «законодательная политика», подразумевающий более удобопонятный набор регулятивных целей, задач и управленческих процессов. В противном случае часто, даже слишком часто употребляемые выражений типа «право и политика», «право и культура», «право и экономика» выглядят плакатно-грубыми констатациями и примитивными по своему содержанию и употреблению ориентирами в области практического правоведения, в его связях и взаимодействии с теоретической и практической экономикой (политэкономией).

Несовершенство восприятия правовых законов в социальном существовании и общении человека в рамках семейной общины, государства, политической организации и других общесоциальных институтов также влечет отрицательные последствия во времена кризисов, особенно экономических.

Несовершенство восприятия и объяснения права в России проявляет себя особенно отчетливо в том, что основные природные и социально значимые свойства права обсуждаются обычно вне всякой видимой или ощущаемой связи с их противоположностью — неправовыми и беззаконными притязаниями и требованиями, которые чаще всего неосознанно или притворно провозглашаются и правовыми, и законными.

При этом главные условия, составляющие и определяющие масштабы правового регулирования (законность, личная имущественная безопасность, согласно-обязывающая взаимность и уравнивающая, воздающая и конкретно исторически детерминированная справедливость), рассматриваются изолированно и спорадически по отношению к тем явлениям и процессам, которые порождают потребности в правовой законности.

[1] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2018 года № 204. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027.

[2] Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заведующий сектором истории государства, права и политических учений, доктор юридических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Федерализм в развивающихся странах», «Политические и правовые взгляды русских народников (истоки и эволюция)», «Государство и технократия (историко-критическое исследование)», «Философия права в России: из опыта XX века» «Литература и право в культуре морального, эстетического и иного общения и переживания» и др. Награжден Почетной грамотой РАН.

Это иногда ведет к следующим проявлениям неправового и беззаконного поведения:

1) кулачное право (господство произвола и беззакония со стороны сильнейшего);

2) порочность и несовершенство всех или многих социальных и политических учреждений, с помощью которых упорядочивается жизнь человека и социальных групп;

3) невежество общее и специальное;

4) некомпетентность (научно-организационная патология);

5) объективные основания и причины общественных патологий и несовершенств (противоречие принципа правового равенства и правовой свободы, уравнивающей и воздающей справедливости), а также сосуществование законности с беззаконием в основных областях жизни и деятельности человека-гражданина и создаваемых им учреждений.

Выводы из первых последствий ускоренной перестройки советской системы на более либеральную и демократическую оказались малоутешительными. Вновь вспомнили «Больную Россию» Д. Мережковского, когда в новом историческом опыте стали различать такие явления и процессы:

— последствия катастройки (термин советского философа А. А. Зиновьева, противопоставляемый официальному термину «перестройка») привели к возвышению клептократии и узкоолигархического самовластия в условиях дикого капитализма;

— сильно возвысилась финансовая паразитократия;

— коррупция чиновников выглядела как всеохватная и повсеместная (политическая и административно-хозяйственная).

В таких условиях воцарилась на какое-то время (начало 90-х) организационная управленческая патология, сочетаемая с невежеством, неразберихой, безответственностью в отсутствие надлежащего учета и контроля. Слуги народа становились на путь манипулирования и обмана своего формально признаваемого политического властителя. Так зарождалась вполне реальная конфликтная ситуация для этих двух политических субъектов. Эта же конфликтная ситуация имела влияние и на других, чаще всего институционализированных носителей власти, например законодательной и правоохранительной.

Самая понятная реакция законодателей — сограждан и практических так называемых правоохранительных органов на эту ситуацию — устремление на замирение (смягчение) возникшей активности заинтересованных сторон в лице индивидов, групп и их всевозможных объединений и организаций. Проявления такой активности весьма многочисленны и практически нескончаемы. Наиболее частые из них могут иметь самые разные воплощения — случайное, временное и постоянное, разовое и периодически возобновляемое (циклическое) и т. д.

Разумеется, наиболее существенный вклад в упорядочение и замирение конфликтных ситуаций в таком случае вносят правоохранительные органы — полиция, прокуратура, суды. Однако не следует недооценивать самих участников конфликта — индивидов и групп, которые помимо жизненного опыта — начального или обогащенного — имеют опыт, к примеру, законопослушного поведения или разрешения возникающих конфликтов.

Возьмем другую область социального общения и возникающих при этом конфликтов государственно-управленческого и экономического характера. Речь о поведении государственных служащих. Эти отношения регулируются «Типовым кодексом этики и служебного поведения госслужащих Российской Федерации и муниципальных служащих», утвержденным указом президента РФ от 12 августа 2002 года.

Примечательно, что в стране с миллионной армией чиновников поведение госслужащих стало регулироваться с заимствованиями из разных законодательных источников — национальных, зарубежных и международных. К ним относятся упомянутый Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (утвержден Резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г.), Модельный кодекс поведения госслужащих (Приложение к Рекомендациям Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. № R(2000) 10 о кодексах поведения для госслужащих), Модельный закон «Об основах муниципальной службы» (принят на Межпарламентской ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств в Постановлении от 26 марта 2002 г. и затем нескольких федеральных законах от 25 декабря 2008 г.).

На жизнь и функционирование демократии воздействуют многие обстоятельства и внутренние причины, которые присущи демократии по ее природе властвования. В этом случае заслуживают внимания наблюдения и обобщения Макса Кантора, которые он изложил в сборнике эссе «Медленные челюсти демократии» (2008). Здесь примечателен такой фрагмент: «Объясняя разумность внедрения демократии, ее защитники говорят следующее. Демократия — как и ничто на свете — не в силах отменить разнообразные элементы неравенства, присущие самой природе вещей. Демократия — как и ничто на свете — не может отменить того факта, что одни люди рождаются блондинами, а другие брюнетами, что некоторые люди талантливы к математике, а иные к этой дисциплине не расположены, что есть природные гении коммерции — и бездельники. Объявить этих людей тождественными друг другу демократия не в состоянии. Все, что может сделать демократия, — это минимизировать данные противоречия, так сказать, на старте. Иными словами, вам не будет запрещено заниматься математикой, потому что вы брюнет, и тот факт, что вы лентяй, не препятствует вам открыть свой бизнес. Демократия не гарантирует, что брюнет станет ученым, а лентяй разорится — но этот строй дает нам всем равные возможности. В этом смысле демократия за равенство. Но никакая демократия — как ничто на свете — неравенства в принципе не отменяет. Неравенство демонстративно отменяет только тирания — которая всех (и брюнетов, блондинов, и лентяев, и гениев) делает равными перед произволом диктатора. Это принудительное ра-

венство и есть то, что демократия заменяет равенством возможностей»[1].

Существующее социальное неравенство нашло частичное воплощение в стратификации и социальной структуре общества. Усиление социальной дифференциации происходило в последние десятилетия за счет все большего расслоения общества по размеру доходов и уровню жизни. В конце существования СССР высший класс составляла партийно-государственная бюрократия, средний класс вобрал в себя часть элиты в искусстве, культуре, слое высших служащих и обслуживающей интеллигенции и высококвалифицированных рабочих. В постсоветской России социальная структура, по представлениям Т. Заславской, имела пять слоев: элита, верхний слой, средний базовый слой, нижний слой, социальное дно.

В основе стратификации лежит естественное и социальное неравенство людей, а также социальная мобильность. С учетом этого обстоятельства социальная структура включает в себя такие слои:

1) представителей правящей элиты (крупных бизнесменов, независимых финансово от государства);

2) средний класс (средних и мелких предпринимателей, менеджеров, собственников, мелкую торговую и ремесленную буржуазию);

3) базовый слой (различный по составу: основу составляют интеллигенты, крестьяне и рабочие с хорошей квалификацией (профессионалы)).

При этом следует иметь в виду, что устойчивость возникающих в таких обстоятельствах иерархий основана на силе и принуждении и регулируется обычаями, законами и отдельными нормами с помощью госаппарата либо аппарата церковных и других достаточно влиятельных организаций.

Наличие представителей тех или иных слоев в сложившейся на данный момент социальной структуре позволяет со всей определенностью утверждать об их устремленности к использованию сложившегося образа социальной мобильности и тем самым к воспроизведению наличествующего естественного и социального неравенства.

О. Н. Громова[2]

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Воспринимая глобализацию как объективный процесс, обусловленный взаимопроникновением и сближением стран в различных сферах, при котором деятельностный аспект субъектов состоит в организации взаимосвязанного и взаимозависимого функционирования регионов и стран[3], автор представил идеальную модель делового сотрудничества различных стран и государств мирового сообщества. Еще десять лет назад это определение не воспринималось как утопия. Более того, оно рассматривалось в качестве вполне реализуемого проекта при наличии определенных механизмов интеграции в различных сферах между странами и государствами и одновременной фильтрации негативных последствий.

Сегодня эксперты обращаются к такому термину, как «глобальная нестабильность», являющемуся не чем иным, как продуктом процесса глобализации. Изменчивость мировых социально-экономических, геополитических, культурных и религиозных процессов интеграции и унификации послужила причиной изменения основных тенденций преступности в России. Эта тенденция отмечалась в действовавшей ранее Стратегии обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, принятой в условиях глобализации процессов мирового развития. Но уже тогда законодатели понимали, что глобальные процессы порождают изменения международных политических и экономических отношений между государствами, формируют новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства[4].

В современной редакции Стратегии национальной безопасности обозначены основные угрозы государственной и общественной безопасности. Они практически идентичны криминальным угрозам глобального и регионального характера:

— деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, хи-

[1] *Кантор М.* Медленные челюсти демократии. М. : Астрель, 2008. С. 8.

[2] Заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Результаты анализа проблем профессиональной виктимологической подготовки в вузе будущих специалистов для экономической сферы», «Виктимологическая деятельность как составляющая профессионально-правовой деятельности специалистов по обеспечению экономической безопасности субъектов малого и среднего бизнеса», «Актуальные направления развития профессиональной подготовки в вузе будущих специалистов для экономической сферы в условиях глобализации современного социума», «Виктимологическая профилактика и защита как основа профессиональной виктимологической подготовки специалистов для новой экономики», «Развитие понятия „виктимологическая ситуация“ в контексте моделей виктимного поведения», «Влияние экономических процессов на формирование и рост преступности в сфере экономической деятельности» и др.

[3] *Карапетян Л. М.* О понятиях «глобализм» и «глобализация» // Философские науки. 2003. № 3. С. 58.

[4] Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. 18 мая. № 20. Ст. 2444.

мически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

— деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

— деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми;

— деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе;

— преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности[1].

Проблема обеспечения экономической безопасности на современном этапе развития Российской Федерации также приобретает особую значимость в условиях сложившейся политической ситуации в мире, когда странами Запада предпринимаются попытки политической и экономической изоляции нашего государства.

Источниками внешних угроз экономической безопасности России, на наш взгляд, являются:

— существенный технологический отрыв от ведущих стран мирового сообщества и слабеющая конкурентоспособность российских товаров;

— стремление некоторых стран к доминированию, а также к ослаблению позиций России на международном финансовом и товарном рынках;

— введение экономических санкций против России, вызванное политическими мотивами;

— обострение международной конкуренции в экономической сфере.

Внутренними угрозами экономической безопасности страны, в свою очередь, являются:

— усиление инфляционных процессов, приводящих к финансовой нестабильности основных отраслей экономики;

— неблагоприятный инвестиционный климат в стране;

— неравномерность социально-экономического развития регионов;

— неустойчивость финансового положения субъектов экономической деятельности;

— коррупционная составляющая;

— сращивание криминала и власти;

— общая деформация структуры отечественной экономики, упадок социально-экономического рынка Российской Федерации[2].

Наряду с экономическими и политическими угрозами усилила свои позиции трансграничная и транснациональная преступность, активизировалась деятельность террористических и экстремистских организаций, увеличились масштабы оборота наркотиков — все это отмечено в докладе руководства Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Уточняется, что в последнее время активизировалась преступная деятельность организации «Исламское государство», количественный состав которой увеличился в четыре раза. Зафиксирован ежегодный прирост наркотрафика на Ближнем Востоке более чем на 20 %[3].

Еще одним криминогенным фактором являются огромные миграционные потоки. Официальные статистические данные, представленные Генеральной прокуратурой РФ за 2018 год, свидетельствуют, что иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 26 999 преступлений. В качестве положительного момента следует отметить сокращение на 4,1 % (по сравнению с предыдущим периодом) преступлений, совершенных иностранными гражданами. По-прежнему тревожными являются сведения, отражающие количество преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, которое за анализируемый период возросло на 10,3 %[4].

Отмечается обострение криминогенной обстановки в странах Восточной Европы, Северной и Центральной Африки, Латинской Америки. Террористические акты и акты физического насилия были зафиксированы во Франции, Бельгии, Финляндии, Дании, Швеции, Германии и других странах.

В ходе анализа российского миграционного законодательства был сделан вывод об отсутствии эффективного механизма, направленного на социальную и культурную адаптацию и интеграцию трудящихся мигрантов. К примеру, в Российской Федерации отсутствует служба, оказывающая помощь трудящимся-мигрантам в различных ситуациях, несмотря на то, что такая необходимость уже давно созрела. В Указе Президента РФ от 31 октября 2018 года № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» акцентируется внима-

[1] Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. 4 янв. № 1 (ч. II). Ст. 212.

[2] *Громова О. Н.* Виктимологическая деятельность как составляющая профессионально-правовой деятельности специалистов по обеспечению экономической безопасности субъектов малого и среднего бизнеса // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3. С. 34–39.

[3] В ООН заявили о сращивании наркотрафика и терроризма // ВЗГЛЯД.РУ. URL: https://vz.ru/news/2015/12/17/784328.html (дата обращения: 10.01.2019).

[4] Состояние преступности в России за январь–август 2018 года. М. : Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2018. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/2b7/sbornik_8_2018.pdf (дата обращения: 10.01.2019).

ние на необходимости создания условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации. В распоряжении Правительства РФ от 22 февраля 2019 года № 265-р «О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», принятого во исполнение Указа Президента РФ, открыто дается оценка социальных возможностей нашего государства, согласно которой сегодня «лишь намечены направления для создания условий для адаптации иностранных граждан к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации».

В условиях глобальной нестабильности перед странами и государствами стоит задача, определяющая необходимость противодействия виктимизации населения посредством деятельности, которую мы условно назвали виктимологической. Виктимологическая деятельность является особым видом социальной активности, имеет сознательную и мотивированную направленность на удовлетворение общесоциальных потребностей и ориентированность на достижение конечной цели, заключающейся в защите от противоправных посягательств. Она осуществляется субъектами при помощи определенных форм и средствами, одобряемыми государством (государствами)[1].

Необходимо отметить, что в рамках этой деятельности сформированы новые подходы к российскому предпринимательству, в результате чего наметилась иная модель экономического развития. Ее основой является укрепление финансового рынка страны, государственная поддержка хозяйствующих субъектов, позволяющая снизить зависимость экономики от иностранного товарного рынка.

Примером международной деятельности является Резолюция 2253, которая была совместно подготовлена Россией и США и принята единогласно Советом Безопасности ООН в декабре 2015 года. Документ обязывает государства бороться с финансированием террористов, в частности группировки «Исламское государство», а также «незамедлительно заморозить средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы этих лиц, групп, предприятий и организаций», которые будут помещены в санкционный список Совета Безопасности, включая средства, получаемые благодаря имуществу, прямо или косвенно находящемуся в их собственности. Само название санкционного списка «список „Исламского государства Ирака и Леванта“ и „Аль-Каиды“» свидетельствует о признании группировки самостоятельной террористической угрозой. Санкции распространяются на участников финансирования, планирования либо содействия деятельности «Исламского государства» или «Аль-Каиды» в поставках и продаже оружия, вербовке новых участников.

Таким образом, защита от криминальных угроз в условиях глобальной нестабильности требует четкого определения ее объектов, степени уязвимости и мер, необходимых для предотвращения либо ликвидации угроз. Требуется институализация, основанная на определении и закреплении в обществе правовых, моральных, социальных, политических и экономических норм, ориентированных на предупредительные меры и защиту жертв преступных посягательств.

М. Л. Давыдова[2]

СТАБИЛЬНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В условиях постоянно меняющейся социально-экономической реальности особого внимания заслуживает такой традиционный критерий качества системы законодательства, как ее стабильность. С одной стороны, в своих крайних проявлениях стабильность может означать застой, отсутствие развития, отрыв права от динамики общественной жизни. Чем сложнее происходящие в обществе процессы, тем более чутко и оперативно право должно реагировать на них. Кроме того, в сложных системах устойчивость одних элементов часто может обеспечиваться неустойчивостью других. Это означает, что за счет гибкости, изменчивости права именно в эпоху глобальной нестабильности может выполняться функция поддержания баланса между общественно-политическими институтами. Таким образом, далеко не во всех случаях стабильность должна рассматриваться в качестве цели правового развития, добиваться которой нужно любой ценой.

С другой стороны, следует признать, что нормальное функционирование социальной системы возможно лишь при наличии четких «правил игры», обеспечивающих предсказуемость, определенность в развитии общественных отношений. В условиях, когда мир постоянно меняется, именно право способно обеспечить устойчивость, формализованность, понятность общественных связей. Без стабильного законодатель-

[1] *Громова О. Н.* Виктимологическая деятельность как основа профессиональной виктимологической компетентности будущего специалиста для экономической сферы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: http://www.science-education.ru/123-20016 (дата обращения: 21.03.2019).

[2] Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Автор 260 научных публикаций, в т. ч.: «Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление», «Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современности: актуальные проблемы» (в соавт.), «Юридическая техника. Общая часть» (учебник), «The main types of professional juridical thinking», «The philosophy of law in modern Russia» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

ного регулирования выполнение этой функции невозможно.

К сожалению, современное российское законодательство вряд ли может гарантировать такую предсказуемость. Так, с момента принятия части первой Налогового кодекса РФ в 1998 году в него были внесены изменения посредством 127 законов. Вторая часть с 2000 года подвергалась изменениям более чем 500 раз. Земельный кодекс РФ с 2001 года менялся более 120 раз, Уголовный кодекс РФ с 1996 года — более 230 раз, а Кодекс РФ об административных правонарушениях с 2001 года — около 600 раз. Учитывая, что одним законом изменения, как правило, вносятся не в одну, а в целый ряд статей, становится очевидно, что само законодательство в таких условиях начинает выступать фактором дестабилизации общественной жизни. Все это обусловливает актуальность исследования проблемы стабильности, критериев ее оценки и факторов, на нее влияющих.

Проблема стабильности российского законодательства впервые в новейший период обострилась в 1990-е годы, когда изменившиеся социально-экономические отношения привели к резкому устареванию советских законов, а новые социально-политические отношения — к увеличению объема и обновлению структурной конфигурации системы нормативно-правовых актов (например, за счет роста регионального правотворчества). Эти процессы нашли отражение в наиболее значимом в отечественной литературе исследовании данной проблематики — в коллективной монографии «Концепция стабильности закона»[1], подготовленной под руководством В. П. Казимирчука при участии С. В. Полениной, Ю. А. Тихомирова, В. Б. Исакова, Н. В. Варламовой и др. В работе было сформулировано понятие стабильности закона и обозначены условия ее достижения, рассмотрены правовые (конституционные) основы стабильности законодательства, а также социальные (стабильность интересов и конфликты в праве), процедурные (влияние отдельных стадий законодательного процесса на стабильность) и информационные факторы, ее обусловливающие. Также проведена количественная оценка стабильности российского законодательства в целом и экспертный анализ его отдельных отраслей (избирательного, уголовного). Названное исследование и сегодня является наиболее глубокой и системной разработкой проблемы стабильности законодательства, несмотря на то что за прошедшие два десятилетия существенно изменилась как сама система законодательства (увеличился объем законодательного массива, изменилось соотношение между его федеральной и региональной подсистемами, усилилась разница между новым российским и старым советским законодательством, изменился отраслевой баланс за счет развития ряда новых отраслей), так и уровень ее информатизации, обеспечивший значительную прозрачность, а значит, изучаемость системы законодательства и правотворческого процесса.

[1] Концепция стабильности закона / под ред. В. П. Казимирчука. М. : Проспект, 2000.

Как представляется, современная методика оценки уровня стабильности действующего законодательства и факторов, на него влияющих, должна разрабатываться с использованием методов математического моделирования, связанных, в частности, с анализом сложных иерархических систем.

Начиная с 1980-х годов, в отечественной теории права неоднократно обсуждался вопрос о том, является ли правовая система органичной, то есть такой, которая способна самостоятельно — независимо от воли законодателя — реагировать на изменения внешней среды. Сегодня доказано (С. В. Полениной, Н. А. Власенко и др.) наличие у права «механизма саморазвития» — встроенных в систему инструментов (в их число входят принципы права, аналогия, оценочные понятия и т. д.), обеспечивающих ее гибкость. При этом суть упомянутой дискуссии заключалась именно в «вынесении за скобки» законодателя, в оценке собственного внутреннего потенциала изменчивости права. В отличие от этой проблемы, стабильность законодательства не может рассматриваться в отрыве от воли законодателя, так как в появлении каждого нового закона субъективная воля всегда играет свою роль. Поэтому этап создания нормативного акта (предпосылки и цели создания, инициатор, процедура разработки и принятия) должен включаться в число факторов, обусловливающих его стабильность.

Такой подход позволяет говорить о законодательстве как об активной системе или системе с активными элементами (активный элемент — объект управления, обладающий своими интересами, способностью сознательно сообщать недостоверную информацию и не выполнять назначенные планы). Для таких систем разрабатываются математические модели, которые преимущественно применяются для решения прикладных задач в области экономики: для управления предприятиями, проектами, программами, социальными системами. Однако, как представляется, соответствующие методы могли бы быть применены и к исследованию законодательства как иерархической системы с активными элементами.

Сложность заключается в том, что уровень стабильности конкретного закона является результатом действия множества разнородных обстоятельств, ни одно из которых не может рассматриваться в качестве определяющего. Вероятно, математические модели должны строиться для каждого такого фактора в отдельности с последующим наложением полученных результатов. Разработка соответствующей модели — междисциплинарная задача, не нашедшая пока своего решения. Представленные ниже рассуждения затрагивают лишь некоторые аспекты ее построения.

Исследование целесообразно начать с классификации факторов, влияющих на стабильность законодательства, охарактеризовав по отдельности внутренние и внешние, правовые и социальные, предзаконодательные и постзаконодательные. Из всей их совокупности в качестве предмета для дальнейшего анализа должен быть выбран один. При этом важно учитывать его место среди других факторов с тем, чтобы не преувеличивать и не преуменьшать его значение.

К примеру, дальнейшей оценке можно подвергнуть соблюдение процедурных и технико-юридических правил создания нормативно-правовых актов. Для этого должна быть предложена система частных показателей, характеризующих параметры, которые впоследствии могут быть включены в математическую модель. В данном случае исходный набор показателей должен быть разработан для двух различных периодов в жизни закона:

— критерии оценивания правотворческого процесса (общий срок разработки, срок рассмотрения в парламенте, количество чтений, количество обязательных и дополнительных экспертиз, проведение процедуры общественного обсуждения, наличие или отсутствие в концепции законопроекта его определенных характеристик и т. д.);

— критерии оценивания стабильности конкретного закона (общий срок действия, количество изменений за определенный период, срок между вступлением в силу и первыми внесенными изменениями, отношение количества внесенных изменений к объему нормативного акта и пр.).

Во всех случаях характер первичных критериев должен быть исчислимым либо включать альтернативный выбор (да/нет), чтобы обеспечить возможность дальнейших расчетов. При этом данные по одной части критериев могут быть получены статистическим методом, для другой части необходима экспертная оценка (число этих критериев желательно минимизировать, чтобы повысить объективность полученных выводов).

На следующем этапе должна быть разработана система комплексного оценивания, для чего от исходного набора оценок по частным критериям необходимо перейти к агрегированным показателям. Процедура комплексного оценивания может носить линейный или иерархический характер. В случае оценки сложных объектов, описываемых несколькими критериями, более обоснованно построение именно иерархической структуры (дерева) критериев. При этом используются матрицы свертки, с помощью которых несколько первичных критериев сводятся к одному агрегированному показателю. Например, при анализе процесса разработки законопроекта показатели могут быть сгруппированы одним или несколькими из следующих вариантов:

1) процедурные и технико-юридические;

2) характеризующие предпарламентскую и парламентскую стадии создания закона;

3) оцениваемые статистически и экспертно;

4) связанные со сроками, с анализом текстов, с оценкой субъектов правотворческой процедуры и т. д.

Для критериев оценки стабильности такая группировка возможна по следующим основаниям:

1) критерии оценки стабильности основного закона и закона о внесении изменений;

2) изменения, связанные с возникновением новых объектов правового регулирования (первичные нормативные предписания), с изменением действующих правил (вторичные нормативные предписания) либо с исправлением законодательных ошибок;

3) критерии, ориентированные на анализ текста закона, практики его применения и т. д.

Полученные агрегированные показатели, в свою очередь, могут быть свернуты до более общих, образуя иерархию критериев и приводя в конечном итоге к двум основным: показателю качества процесса создания конкретного закона и показателю уровня стабильности этого закона. Получив такие данные по нескольким законам, можно строить обобщения, демонстрирующие наличие или отсутствие зависимости между соответствующими показателями.

На основе полученной системы комплексного оценивания может быть проведен анализ конкретной совокупности нормативно-правовых актов, принадлежащих к одной или нескольким отраслям законодательства, принятых в один или в различные исторические периоды, в зависимости от поставленных исследовательских задач.

Вероятно, основным недостатком данного подхода к оценке уровня стабильности законодательства является масштабность необходимых исследований в сочетании с относительной полнотой полученных результатов. В реальной жизни на действие конкретного закона могут оказать влияние и иные факторы, не включенные в предложенную модель. Как справедливо замечает А. А. Арямов, основной принцип детерминизма гласит: все зависит от всего, а такую всеобъемлющую взаимосвязь не способен просчитать ни один самый мощный компьютер[1].

Таким образом, математически точная оценка уровня стабильности законодательства осложняется множественностью влияющих на него факторов. Более эффективной на практике может оказаться абстрактная оценка, основанная на понимании сущности происходящих в обществе процессов. В любом случае проблема стабильности законодательства на фоне внутригосударственной и глобальной нестабильности заслуживает пристального внимания исследователей.

[1] *Арямов А. А.* Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ). М. : Российская академия правосудия, 2009. С. 164.

М. В. Демидов[1]

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Устойчивое социально-экономическое развитие любого государства напрямую зависит от эффективности функционирования кредитно-денежной системы и от уровня доступности финансовых услуг, поэтому обеспечение доступности финансовых услуг и организация их качественного обслуживания для всех категорий населения и субъектов предпринимательства являются приоритетными задачами во внутренней политике как для Российского государства, так и для стран зарубежья. Особенно остро эти вопросы встают в условиях глобальной экономической нестабильности, главной особенностью которой является нестабильность финансовая. Такая ситуация в одночасье может свести к минимуму, а то и полностью разрушить все достигнутые в течение многих лет положительные результаты экономики.

Действительно, экономический фактор в современном мире доминирует во многих сферах общественных отношений, в том числе на рынке потребительских услуг. Защита прав потребителей, особенно в финансовой сфере, сегодня во всем мире является одной из важнейших проблем. Эти процессы в условиях глобальной нестабильности характерны и для Российской Федерации.

Статистика Банка России показывает, что из года в год растут долги домашних хозяйств перед банками по кредитам и выпущенным долговым ценным бумагам. На 1 декабря 2018 года они составляли 15,9 трлн руб. Львиная доля этой суммы — денежные средства, полученные в виде кредитов. Только в период с января по ноябрь 2018 года банками были выданы кредиты гражданам на сумму 33,47 млн руб. Этот показатель по сравнению с аналогичным периодом 2017 года вырос на 18 %. В результате объем кредитования вырос на 48 % и составил 7,67 трлн руб[2]. Таким образом, в условиях экономической нестабильности в стране наблюдается высокий уровень закредитованности граждан в отсутствие роста их реальных доходов.

Наличие нерешенных проблем в сфере оказания финансовых услуг потребителям стало причиной определения Банком России, исходя из основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации, специальной Стратегии, которая призвана способствовать развитию доступности финансовых услуг в Российской Федерации[3]. Цель данной программы — повышение уровня доступности и качества оказываемых финансовых услуг прежде всего потребителям, которые находятся за пределами городских центров, в отдаленных или труднодоступных местностях, а также категориям лиц, которые обладают ограниченными возможностями получения финансовых услуг в банковской сфере. К последним относятся лица с низким уровнем дохода, а также инвалиды, люди пожилого возраста и другие маломобильные группы населения.

В соответствии с Федеральным законом от 4 июня 2018 года «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» потребитель финансовых услуг представляет собой физическое лицо, которое выступает в качестве стороны договора либо лица, в пользу которого заключен договор, или же является лицом, получающим финансовую услугу в целях, которая не связана с осуществлением предпринимательской деятельности[4].

Обзор судебной практики и ситуации на рынке позволяет говорить о том, что существует ряд проблем в предоставлении потребителям финансовых услуг кредитными организациями. К их числу можно отнести непредоставление полной информации о предлагаемом банковском продукте. Речь прежде всего идет о заключении кредитных и депозитных договоров. Очень часто потребители сталкиваются с тем, что кредитные организации отказываются предоставлять договор для ознакомления до его заключения. Таким образом, у потребителя отсутствует необходимое время для изучения договора — основного правового документа, регламентирующего взаимные права и обязанности клиента и банка[5].

Все без исключения регулирующие органы (Центральный банк РФ, Агентство по страхованию вкладов, Роспотребнадзор) и экспертные организации в сфере защиты прав потребителей настаивают на том, что договоры должны быть внимательно изучены перед подписанием. В то же время практика показывает, что бан-

---

[1] Заведующий кафедрой административного и финансового права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, доктор юридических наук, профессор. Автор около 160 научных публикаций, в т. ч.: «Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом», «Парламентский контроль за органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации», «Становление и развитие местного самоуправления в России и Чувашии и роль депутатов в его осуществлении», «Парламентский финансовый контроль в России: правовые аспекты функционирования и проблемы реализации», «Внешний государственный финансовый контроль в Чувашии», «Институт посланий высших должностных лиц субъектов Российской Федерации законодательным органам власти регионов», «Парламентский контроль за соблюдением конституционных прав и свобод личности» и др.

[2] Показатели долга нефинансового сектора и домашних хозяйств по кредитам и выпущенным долговым ценным бумагам // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/statistics/nfs_hd/metodol.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

[3] Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов: одобрена Советом директоров Банка России 26.03.2018 г. // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/44104/str_30032018.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

[4] Федеральный закон от 04.06.2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

[5] *Demidov M., Andreev V., Antonova E., Skuratova I., Yakhina O.* Violations of the Rights of Consumers in the Market for Savings and Financial Services in the Russian Federation // Proc. 32nd Int. Business Information Management Association Conference (IBIMA) 15–16 November 2018. Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth. Seville, Spain, 2018. C. 7674–7680.

ки не очень-то хотят предоставлять их для детального изучения и требуют немедленного подписания сразу после получения. Такая ситуация подтверждается и результатами проведенного в 2017 году исследования рынка финансовых услуг в России Международной конфедерацией обществ потребителей. В ходе исследования было выявлено, что ни один из банков, входящих в топ-25, не предоставляет для изучения и ознакомления договоры с индивидуальными условиями до заключения[1]. К тому же нередки случаи, когда вместо договора банковского вклада неосведомленному в юридических нюансах клиенту предлагается договор на доверительное управление денежными средствами, который не попадает под страховой случай, установленный федеральным законом[2].

Другая немаловажная проблема заключается в том, что в ряде случаев в банковские договоры вносятся условия, которые заведомо невыгодны для потребителей, или же клиентам навязываются дополнительные услуги. К невыгодным для потребителя условиям можно отнести право кредитной организации в одностороннем порядке изменять такие условия, как процентная ставка, тарифы, автоматическая пролонгация договора и т. д.

Например, условие об изменении тарифов должно быть прямо указано в договоре, однако в подавляющем большинстве случаев банки настаивают на том, чтобы информация предоставлялась только на официальном сайте кредитующей организации. Зачастую иное уведомление не предусматривается. Справедливо возникает вопрос о том, насколько часто потребитель должен проверять официальный сайт банка, чтобы быть в курсе актуальных изменений.

На основе проведенного анализа можно сформулировать некоторые рекомендации, соблюдение которых, на наш взгляд, позволит снизить риски для потребителей. Во-первых, клиентам следует предоставлять предварительную структурированную информацию, которая позволила бы им адекватно оценить не только процентный доход от депозита, но и сумму расходов, связанных с открытием счета в банке, и на этой основе принять обоснованное решение по вкладу. Очевидно, что такой документ должен не только содержать информацию, позволяющую сравнить затраты и доход по каждому из элементов предлагаемого продукта, но и быть кратким, понятным и легко читаемым.

Во-вторых, российское законодательство при получении кредита разрешает потребителю сообщать о своем согласии о заключении договора потребительского кредита (займа) на индивидуальных условиях в течение пяти дней[3]. Логичным было бы применить данное право и на договоры по оказанию сберегательных услуг. В связи с этим представляется важным с точки зрения обеспечения защиты прав потребителей дополнить указанный закон одним из следующих пунктов:

— обязать кредитующую организацию сообщать потребителю о его праве не подписывать индивидуальные условия договора в течение пяти дней с момента их получения;

— установить обязанность банка предоставить полный текст договора потребителю не менее чем за пять дней до его подписания.

В-третьих, для обеспечения действенной защиты прав потребителей необходимо проводить целенаправленную последовательную работу по повышению уровня финансовой грамотности граждан. В ситуации глобальной нестабильности и непредсказуемости развития финансовых рынков еще более значимой становится необходимость обеспечения граждан достоверной информацией об оказываемых финансовых услугах и о защите их прав в качестве потребителей этих услуг.

Введенный в России Федеральным законом от 4 июня 2018 года институт уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, который можно назвать российским аналогом финансового омбудсмена, давно уже применяемого в практике деятельности зарубежных европейских государств, будет вступать в силу поэтапно: с 1 июня 2019 года он начнет действовать для сегмента по ОСАГО, а с 28 ноября 2019 года — для остальных видов страхования. С 1 января 2020 года он будет применяться в отношении микрофинансовых организаций, а с 1 января 2021 года — в отношении кредитных потребительских кооперативов, ломбардов, банков и небанковских кредитных организаций, а также негосударственных пенсионных фондов. Цель этого закона — защитить права и законные интересы потребителей финансовых услуг через институт финансового омбудсмена. В связи с этим устанавливается порядок досудебного урегулирования уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями.

Насколько эффективным правозащитным механизмом в отношении потребителей финансовых услуг окажется институт финансового омбудсмена, можно будет говорить только по конкретным результатам его деятельности в недалеком будущем. Однако результат анализа правового механизма его функционирования по защите прав потребителей финансовых услуг, прежде всего в банковской сфере, наводит на некоторые не столь оптимистические мысли.

Во-первых, согласно указанному закону, уполномоченный вправе рассматривать только имущественные споры, связанные со взысканием в пользу потребителей денежных средств в случаях, когда сумма их требований составляет не более 500 тыс. рублей. Это неактуально для банков — потребителей сберегательных финансовых услуг, поскольку в соответствии с действующим законодательством их вклады подлежат обязательному страхованию. При наступлении страхового случая государством (в лице Агентства по страхованию вкладов) потребителю сберегательной финансовой услуги выплачивается в полном объеме сумма его вклада в банке, но не более 1,4 млн рублей. Это более чем

[1] Ежеквартальный рейтинг банков по объему депозитов // РИА Рейтинг. URL: http://riarating.ru/trend/banks_deposit_rating (дата обращения: 22.03.2019).

[2] Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (ред. от 28.11.2018 г.) // СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. 1). Ст. 5029.

[3] Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

в два раза превышает оспариваемую сумму через институт уполномоченного.

Во-вторых, закон не разрешает потребителям финансовых услуг обращаться к уполномоченному за консультацией по вопросам, связанным с защитой их интересов на финансовом рынке. Вне его компетенции находится рассмотрение обращений граждан по спорным вопросам при заключении банковских договоров, реструктуризации задолженностей перед кредитными организациями — то есть все другие спорные моменты, не связанные с возвращением денежных средств. Данная ситуация, по нашему мнению, существенно умаляет значимость института финансового омбудсмена при выстраивании отношений между кредитно-финансовыми организациями и потребителями их услуг.

В-третьих, институт финансового уполномоченного в России на общественных началах с 2010 года уже функционирует при Ассоциации российских банков (АРБ). Он рассматривает весь комплекс спорных вопросов между банками — членами АРБ и их клиентами, связанных с банковскими комиссиями, жалобами на действия коллекторов, исчезновением денежных средств с банковских карт, отказами в реструктуризации кредитов и другими случаями. Его отличие от статуса нынешнего государственного уполномоченного практически отличается только тем, что решения финансового уполномоченного носят рекомендательный характер, а не обязательный. В интересах повышения защиты прав потребителей банковских услуг, может быть, следовало бы рассмотреть возможность установления статуса официальных финансовых уполномоченных при ассоциациях российских банков и придать их решениям государственно-властный характер.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в условиях глобальной нестабильности вопросы обеспечения защиты прав потребителей финансовых услуг в банковской сфере имеют особое значение, поскольку здесь многократно возрастают финансовые риски как для кредитных организаций, так и для потребителей их услуг. Поэтому государственным институтам и общественным объединениям потребителей по защите своих прав следует комплексно подходить к вопросам, касающимся работы действенного правозащитного механизма потребителей финансовых услуг.

А. А. Джагарян[1]

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В современных условиях глобальной нестабильности вопрос о влиянии права на экономику приобретает особое значение. Достигнутый в середине прошлого века цивилизационный консенсус в отношении таких фундаментальных предпосылок устойчивости мировой системы, как безусловное признание достоинства личности и производных от него прав, обеспечиваемых посредством суверенного равенства государств, послужил целям утверждения права в качестве ключевого фактора глобализационных процессов. Именно глобализация права, воспринятого в контексте свободы, равенства, справедливости и сущностно отграниченного от закона (как государственно-властной формы выражения нормативности, которая может и не отвечать правовому качеству), дала не только мощный мировоззренческий импульс, но и конструктивно-прикладную основу для налаживания глобального экономического взаимодействия. При этом в условиях глобализации для бизнеса сформировались минимальные юридические гарантии защищенности экономических интересов и предсказуемости экономической политики, определяемой в русле демократического диалога. Идея примата права при всех сложностях и противоречиях в ее освоении явилась той фундаментальной гуманистической ценностью, приверженность которой, не обещая всеобщего благоденствия, создает условия для рационального балансирования интересов и позволяет удерживать мир от большой войны.

Представление о ведущей роли права как факторе глобальной экономической устойчивости ставится сегодня под сомнение. Либеральные трактовки права как нормативного выражения самоорганизации гражданского общества, служащего целям максимизации общего благосостояния, воспринимаются с настороженностью в условиях экономической турбулентности, геополитической напряженности и дисфункций мультикультурализма. Суровость обстановки делает особенно требовательным запрос на дискреционно-аппаратную мощь государства, призванного, как это ожидается, скинуть ветхие одежды ночного сторожа и смирять общественную и транснациональную стихию ради безопасности национальных интересов, утверждения социальной справедливости и солидарности. Активная открытая силовая позиция государства, управляющего не в силу, а посредством права, может заявляться, как мы знаем, даже как некий предмет национальной гордости и свидетельство институциональной честности. Эта концепция приводится в противовес якобы декоративному формализму демократических процедур, которые в действительности, как утверждается, весьма далеки от реалий публичной политики.

[1] Советник коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» (Москва), доктор юридических наук. Автор более 170 научных работ, в т. ч. монографий: «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России» (в соавт.), «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.), «Муниципальное право Российской Федерации» (в соавт.), «Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики)» (в соавт.), «Правосудие: ориентация на Конституцию» (в соавт.) и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

К диффузии онтологического статуса права, содержательно вытесняемого при сохранении внешних формальных атрибутов иными, неправовыми регуляторными средствами, приводят различные обстоятельства, в том числе:

— неготовность формирования общих юридически обязывающих интерпретаций и развития эффективных, в том числе юрисдикционных, механизмов имплементации принципов международного права, в особенности находящихся в коллизионном соотношении, тенденциозные толкования и практики их реализации, когда экономика вновь приобретает характер концентрированного выражения политики;

— отнюдь не раритетное восприятие авторитарных методов руководства, определяющих природу немалого числа сложившихся политических режимов как наиболее предпочтительных, а не чрезвычайных, с позиции экономической эффективности;

— идеологические и политико-регулятивные процессы некоей фетишизации социального равенства, оправдывающего разрастание перераспределительных механизмов государства и переложение социальных обязательств на институты бизнеса;

— коррелирующие с процессами культурного релятивизма тенденции бегства от свободы и рациональности в новую спасительную архаику в виде государственного популизма и попыток реставрации ортодоксальных ценностно-нормативных этических ценностей.

Взамен примата права утверждается примат права силы. Сила ли это давления или сопротивления — не столь важно. Обоснованием выступает некий условный морально-политический консенсус, не всегда готовый примириться с представлениями об абстрактном гуманизме.

Но сила как таковая лишена нормативности и не является ни ее предпосылкой, ни источником. Ценность силы — функциональный рефлекс ценности ее основания, преобразованного в конкретном реализационном акте. Политическая сила, не исходящая из правовой рациональности, неизбежно партикулярная и произвольная, неспособна служить применением всеобщего равного масштаба оценки. Напротив, она сама претендует на определение правильности такого масштаба и настаивает на избирательности как решающей предпосылке стабильности и эффективности. Очевидно, силовой субъективизм не может выступать долгосрочным и всеобщим приемлемым фактором экономической устойчивости. Свойственное отнюдь не только российскому контексту отстаивание необходимости концентрации силы для решения крупных социально-экономических задач в логически завершенном виде приводит не только к радикальному разрыву с ценностями правовой демократии, которая в данном случае отказывается в способности обеспечивать социально эффективный режим управления, но и к оправданию преимуществ диктатуры лица или учреждения.

Представление о том, что сложность обстановки может оправдывать отступления от основополагающих правовых принципов и введение неких специальных ограничительных регулятивных режимов ради сохранения безопасности и эффективности, носит спекулятивно-ошибочный характер. Гарантии неприкосновенности собственности, предполагающие в том числе предсказуемые, разумно обоснованные, прозрачные и подконтрольные средства обеспечения ее перераспределения, являются стержневой основой правопорядка как такового. Собственность — экономический эквивалент свободы, признание которой служит условием формирования общей нормы поведения посредством политической демократии и одновременно характеризует предел политической воли большинства, которая не может подрывать индивидуальную автономию. Когда суверенно-патриотический настрой, в общем демократии не противопоказанный, становится фактором взаимосвязи между распределением имущественных прав и стратегическими интересами государства, уместно помнить, что подлинное чувство любви к отечеству доступно лишь сердцу собственника.

Нельзя не учитывать, что современные условия экономико-политической нестабильности сами по себе во многом являются порождением возникшего на разных регулятивных и правоприменительных уровнях дефицита права, который, следовательно, нуждается в восполнении. Речь идет, в частности, о таких значимых для устойчивого развития экономики проявлениях дефицита права, как доктринальная и нормативная неразработанность мер имплементации концепции верховенства права в сфере горизонтальных отношений, в том числе в контексте развивающихся институтов общественного саморегулирования в экономике. Сюда относятся и различные проявления несбалансированности частных и публичных интересов: как произвольное государственное вмешательство в экономические свободы (вплоть до удручающего слияния власти и собственности, в том числе на основе обновленных вариантов теории хозяйственных органов государства), так и, напротив, отсутствие надлежащего обеспечения государством реализации хозяйствующими субъектами минимально необходимых требований экономического правопорядка, которые призваны согласовывать экономические, социальные, экологические и иные интересы, связанные с конкретной экономической деятельностью. Отсутствие сложившейся концепции социальной ответственности бизнеса является еще одним дестабилизирующим фактором. Из-за него филантропическая риторика может приводить к весьма существенному перераспределению нормативных социальных обременений не в пользу бизнеса — при несоотносимости таких обременений с существом предпринимательской деятельности и в отсутствие критериев, определяющих основания и пределы введения обременений. К этому можно добавить проблемы инклюзивного представительства предпринимательского сообщества в демократическом процессе, поскольку экономическое право все же не должно превращаться в право предпринимателей.

Можно говорить о наличии базового консенсуса в отношении таких составляющих концепции верховенства права, как законность, правовая определенность, запрет на произвол, доступ к правосудию, соблюдение прав человека, всеобщее равенство перед

законом. Реализация этих требований может иметь специфику в конкретных исторических и социокультурных условиях применительно к определению приоритетов, институциональных средств и процедур, последовательности конкретных мер, направленных на их имплементацию. Но это вовсе не оправдывает снижение уровня самих требований.

Вопрос взаимоотношений власти и бизнеса является одним из злободневных и своего рода «проклятых» в российском политико-правовом контексте. Фигура свободного ответственного собственника как субъектная персонализация верховенства права еще только должна устояться в правовой системе и юридической этике. Обходными путями, вне последовательной и активной приверженности принципиально правовой парадигме, этого не достичь. Традиционный образ сильного государства обманчиво сливается с созидательным хозяйством, тогда как публичная власть не создает ресурсов, а лишь распределяет, более или менее умело, те блага, которые сформированы совокупными личными усилиями. И свободное общество, ставящее ценности права превыше мифического глобального величия или мещанской выгоды распределительных ожиданий, позволяет в конечном счете сложиться правопорядку, который, будучи ориентированным на юридический комфорт предпринимательства, укрепляет индивидуальную и социальную самоценность, и в материальной базе, необходимой для удовлетворения общих нужд.

С позиции верховенства права сама дихотомия «бизнес за счет государства» или «государство за счет бизнеса» является ложной. Призванное служить суверенно-политической формой организации гражданского общества государство определяет институциональную среду экономической деятельности, субъекты которой в отношениях между собой и с властью равноправны, что исключает любые формы произвола, в том числе в виде неправовых привилегий.

Создание юридически комфортных условий для бизнеса в духе приверженности верховенству права предполагает формирование эффективной системы регулятивных и правоприменительных гарантий неприкосновенности собственности и одновременно системное связывание самих хозяйствующих субъектов требованиями, вытекающими из универсального характера примата права. К этим требованиям относятся обеспечение соблюдения прав человека, прозрачность и подотчетность, демократическое сотрудничество с социальными группами по вопросам хозяйственной деятельности, если и поскольку она затрагивает существенные жизненные интересы этих групп, недопустимость извлечения непропорциональной выгоды от использования ресурсов, относящихся по своей природе к общему достоянию и т. д. Создание таких условий — общее дело и приоритетная задача бизнеса и власти, а также всей системы российских институтов гражданского общества, осознание в котором личной меры коллективной ответственности за претворение в жизнь верховенства права является решающим условием социального, экономического и политического благополучия.

А. А. Дорская[1]

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО СООБЩЕСТВА: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ[2]

Вопросы стабильности и нестабильности определяются целым рядом факторов, среди которых заметное место занимают вопросы коллективной памяти. Так, празднование определенного исторического события может стать объединяющим началом, способствующим возникновению или поддержанию общих ценностей. Например, таковым стало торжественное празднование в Советском Союзе Тысячелетия Крещения Руси. Это событие показало полную смену парадигмы развития государственно-конфессиональных отношений. Однако исторические факты, относящиеся даже к целым периодам, напротив, могут становиться причиной нестабильности, вызывать напряженность.

С конца XX века в мире возобладала вторая тенденция. Анализируя современный период, известный французский исследователь П. Нора определил его как «эпоху всемирного торжества памяти»[3].

Такая обращенность в прошлое обусловлена целым комплексом причин. Во-первых, переход в новый век, а тем более в новое тысячелетие подразумевает оценку минувшего для выработки новых направлений развития. XX век был, с одной стороны, одним из самых трагических за всю историю человечества, так как потери двух мировых войн, если их подсчитать, несоизмеримы с числом жертв нескольких столетий. С другой стороны, произошел прорыв во многих областях жизни: политической (требование демократического политического режима было возведено в ранг международно-правовой нормы), экономической (экономика стала

[1] Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. Автор 450 научных публикаций, в т. ч.: «Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность», «Символы зла в истории российского права», «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений», «Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности», «Правовые традиции России и развитие права международных организаций» и др. Член Российской ассоциации международного права, Российского историко-правового общества. Награждена медалью и премией Европейской академии.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

[3] *Нора П.* Всемирное торжество памяти / пер. с фр. М. Сокольской // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (дата обращения: 13.12.2018).

международной, улучшился уровень жизни значительной части населения планеты и т. д.), культурной (образование стало доступнее, начался процесс информатизации). Таким образом, в XXI век человечество вошло с осознанием противоречивости прошлых и настоящих процессов.

Во-вторых, два раза в течение XX столетия мир оказывался расколотым на победителей и побежденных. После Первой мировой войны неправильные действия и подходы привели к развитию реваншизма и в конечном счете ко Второй мировой войне, поэтому после 1945 года были сделаны выводы, и такое деление стало уже не столь очевидным, хотя отчасти сохраняется до сих пор. Именно поэтому постоянно идет дискуссия о реформировании Организации Объединенных Наций, в том числе о необходимости расширения Совета Безопасности ООН, отказе от права вето и т. д.

Данный процесс стал сопровождаться попытками пересмотра результатов Второй мировой войны, ставшей травматичной для многих народов. В социологической науке даже возникла теория социальной травмы, правовые формы переживания которой могут быть различными.

Для народа Германии юридической формой закрепления исторической памяти стали признание ответственности за злодеяния нацистов, реализация переселенческой политики, а также выплаты компенсаций жертвам концлагерей и остарбайтерам. В конце XX — начале XXI века в Германии был принят ряд законов, определяющих отношение к событиям Второй мировой войны. В годовщину окончания войны в Европе и подписания акта о капитуляции Германии, 8 мая 1985 года, президент ФРГ Р. фон Вайцзеккер назвал эту дату «днем освобождения». В ГДР это было признано на 35 лет раньше. В сентябре 1994 года бундестаг утвердил параграф 86а Уголовного кодекса, запрещающий распространение или публичное использование флагов, знаков отличия, мундиров, лозунгов и приветствий национал-социалистической организации[1]. В 2000 году в Германии был принят закон о создании фонда «Память, ответственность и будущее», задачей которого стал сбор средств для выплат иностранным гражданам, угнанным на принудительные работы во время Второй мировой войны[2].

Для еврейского народа восприятие Второй мировой войны связано с Холокостом. Причем значение этого события в исторической памяти возрастало весь XX век. Как отмечает Н. Е. Копосов, массовое уничтожение еврейского населения далеко не сразу стало центральным элементом «памяти века», однако восприятие Холокоста со временем стало определяющим фактором подъема памяти[3] и изменения отношения к историческим событиям. Не зря именно с отрицания Холокоста начался процесс «криминализации» отношения к определенным историческим событиям.

Закон № 1187 об ответственности за отрицание Холокоста был принят в Израиле в 1986 году. Статья 2 данного закона предусматривает пятилетний срок тюремного заключения для лиц, которые устно или письменно отрицают Холокост или принижают масштабы преступлений против еврейского народа в период нахождения нацистов у власти, защищают нацистских преступников, выражают солидарность с ними или симпатию к их действиям. Однако сразу было закреплено, что под данную статью не могут попадать ученые, занимающиеся научными исследованиями и выражающие точку зрения, отличную от общепринятой, а также представители средств массовой информации, непредвзято освещающие данную проблематику. Чтобы избежать случаев злоупотребления, право подавать обвинительное заключение по данной статье предоставлено только генеральному прокурору[4].

Для чешского и словацкого народов Вторая мировая война неизбежно связана не только с памятью о гитлеровской оккупации, но и с событиями Мюнхенской конференции 29–30 сентября 1938 года. Во-первых, приехавшая чехословацкая делегация не была допущена на переговоры, хотя решался вопрос о ее территориальной целостности. Во-вторых, Франция и Великобритания, будучи союзниками Чехословакии, пошли на сделку с А. Гитлером и Б. Муссолини и согласились на передачу Германии Судетской области, а также выразили свое согласие на возможное самоопределение Словакии. Это определяет несколько отличающееся отношение ко Второй мировой войне в Чехии и Словакии на современном этапе.

В Чехии еще в 2006 году Сенат принял резолюцию, в которой к преступлениям было отнесено отрицание геноцида в отношении евреев со стороны нацистов в годы Второй мировой войны. В 2008 году впервые в истории новейшей истории Чешской Республики за публичное отрицание Холокоста и неонацистскую пропаганду были осуждены редакторы неонацистского интернет-журнала «Последнее поколение» Э. Седлачек и Л. Будик[5].

Несмотря на то что в Чехии идет процесс уравнивания отношения к нацистскому и коммунистическому режимам, есть некоторые позиции, от которых государство не отступает ни при каких обстоятельствах. Так, в 2014 году автослесарь из Перми В. Лузгин на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» процитировал статью, в которой СССР приписывалось развязывание Второй мировой войны наравне с гитлеровской Германией и участие в оккупации Польши начиная с сентября 1939 года. Отметим, что в том же году еще до появления указанной публикации вступила в силу

[1] Strafgesetzbuch // Bundesministerium der Jusiz und für Verbraucherschutz. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb (дата обращения: 13.12.2018).

[2] *Филитов А. М.* Русские и немцы — трудный путь к примирению // История. 2015. № 11 (44). С. 7. URL: https://history.jes.su/s207987840001345-8-1 (дата обращения: 01.02.2019).

[3] *Копосов Н. Е.* Политика памяти и мемориальные законы // Русский журнал. URL: http://www.russ.ru/pole/Politika-pamyati-i-memorial-nye-zakony (дата обращения: 01.02.2019).

[4] *Эпштейн А. Д.* Правовые и общественные механизмы противодействия терроризму, религиозному фундаментализму и ксенофобии: опыт государства Израиль // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 10 (16). С.12.

[5] *Варченко И. А., Литвяк Л. Г.* Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» (ч. 2) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 262.

ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». Было возбуждено уголовное дело, и летом 2016 года Лузгин был осужден с назначением штрафа в 200 тыс. рублей. Не желая платить штраф, он уехал в Прагу и попросил политического убежища, однако чешские власти ему в этом отказали[1].

В Словакии процесс уравнивания отношения к нацистскому и коммунистическому режимам начался несколько позже. 3 июля 2011 года депутаты Национального совета (парламента) с минимальным перевесом проголосовали за то, чтобы ввести уголовную ответственность за публичное отрицание преступлений, направленных против гуманизма, прав и свобод человека, которые совершили фашистские и тоталитарные (коммунистические) режимы[2].

Особенно болезненно данные процессы проходят в Польше. Несмотря на то что еще в 1998 году был создан польский Институт национальной памяти, который стал разбирать архивные дела, в том числе люстрационные, за 1944–1990 годы, реакция на травматические события данного и предшествующего ему периода остается очень сильной. Так, в 2019 году будет отмечаться 80 лет с начала Второй мировой войны. Российская Федерация не была приглашена на памятные мероприятия. В разъяснениях Министерства иностранных дел Польши указывается, что данный день (1 сентября) должен пройти «в кругу государств, с которыми Польша сегодня работает на благо мира, основанного на соблюдении международного права и уважении суверенитета государств»[3]. Однако при этом 26 января 2018 года Сейм Польши принял пакет поправок в закон об Институте национальной памяти, которые предусматривают уголовную ответственность (штраф или лишение свободы сроком до трех лет) за публичные обвинения Польши в преступлениях, совершенных во время Холокоста, название концлагерей в Освенциме и Майданеке «польскими», а также за пропаганду бандеровской идеологии[4].

Необходимо отметить, что историческая память оказывает воздействие и на уровне международно-правового регулирования. Именно благодаря деятельности и приговорам Нюрнбергского и Токийского трибуналов началось формирование понятия «международное преступление». Несмотря на то что решения данных трибуналов сейчас во многом критикуются как суд победителей над побежденными, без них современное состояние развития международного уголовного права было бы невозможным. Поэтому международные органы пытаются занимать взвешенную позицию. Например, когда в 2007 и 2010 годах некоторые страны Восточной Европы попытались добиться приравнивания преступлений коммунистического режима к нацистским во всех странах Европейского союза, Еврокомиссия посчитала это преждевременным, ссылаясь на то, что отсутствует судебная практика по вопросу отрицания преступлений коммунистических режимов. 16 ноября 2017 года Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов принял российскую резолюцию о борьбе с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами дискриминационных практик[5]. То есть диалог в этом направлении продолжается.

Таким образом, историческая память играет важную роль в системе ценностей современного мирового сообщества. Право как универсальный социальный регулятор должно иметь в данном вопросе сдерживающую, примиряющую, стабилизирующую функцию и способствовать преодолению социальных травм, вызванных обостренным переживанием *истории в наши дни.*

[1] «Политику исключать нельзя»: Чехия отказала в убежище первому в России осужденному за реабилитацию нацизма // Настоящее время. URL: https://www.currenttime.tv/a/29232278.html (дата обращения: 13.12.2018).

[2] *Трухачев В.* Словакия открыла охоту на ведьм коммунизма // Pravda.ru. URL: www.pravda.ru/world/1083887-slovensko (дата обращения: 13.12.2018).

[3] Польша объяснила отказ позвать РФ на годовщину начала Второй мировой войны // РИА новости. URL: https://ria.ru/20190321/1551973690.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 21.03.2019).

[4] В Сенате Польши поддержали законопроект, криминализирующий упоминания об участии поляков в Холокосте // Настоящее время. URL: https://www.currenttime.tv/a/29009848.html (дата обращения: 31.01. 2018).

[5] *Лихоманов П.* ООН приняла российскую резолюцию по борьбе с нацизмом // Рос. газ. URL: https://rg.ru/2017/11/16/oon-prinialarossijskuiu-rezoliuciiu-po-borbe-s-nacizmom.html (дата обращения: 21.04.2018).

И. Г. Дудко[1]

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В Декларации тысячелетия ООН заявлено, что главной задачей, стоящей перед мировым сообществом, «является обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира». В документе указано, что, хотя глобализация открывает широкие возможности, ее благами пользуются весьма неравномерно и неравномерно распределяются ее издержки. Глобализация может обрести всеохватывающий и справедливый характер лишь благодаря настойчивым усилиям по формированию общего будущего, основанного на единстве человечества во всем его многообразии. «Эти усилия должны включать политику и меры на глобальном уровне, которые отвечали бы потребностям развивающихся стран и стран с переходной экономикой, которые разрабатывались бы и осуществлялись при их эффективном участии»[2].

Из Декларации следует:

1) в целом глобализация рассматривается государствами как неизбежное явление;

2) признана необходимость создания эффективных механизмов управления глобализационными процессами при участии всех государств;

3) особыми субъектами участия являются «развивающиеся страны и страны с переходной экономикой», поскольку управляемая глобализация должна быть направлена в значительной степени на их развитие.

За истекшие два десятилетия процесс глобализации усилился как на макро-, так и мегауровне. Однако заявленные в Декларации положения в значительной степени не получили воплощения. Во многом это обусловлено доминирующим положением Соединенных Штатов Америки, объявивших о необходимости сохранения господства Америки во всех сферах.

В Стратегии национальной безопасности, провозглашенной президентом США Д. Трампом 18 декабря 2017 года, поставлена сверхцель — «Америка прежде всего». В СНБ указаны четыре главные сферы приоритетов США:

1) обеспечение безопасности;

2) обеспечение процветания;

3) сохранение мира во всем мире за счет военной, кибернетической и космической мощи;

4) расширение американского влияния на планете.

В Стратегии сделан серьезный акцент на экономической безопасности, которая заключена в защите экономических интересов США в глобальном мире. Среди угроз выделены три группы стран: «изгои», «ревизионисты», «террористы». Заявлено, что ревизионистские страны хотят создать мир, не соответствующий американским ценностям и интересам. К ревизионистам отнесены Китай и Россия. Эти государства, согласно Стратегии, «являются вызовом могуществу, влиянию и интересам Америки и пытаются подорвать ее безопасность и остановить ее процветание». Обе страны полны решимости сделать экономические системы стран мира менее свободными и менее справедливыми. Китай рассматривается как стратегический конкурент Америки, так как стремится утвердить свои интересы на европейской земле путем недобросовестной торговой практики, вложения финансовых средств в ключевую промышленность и инфраструктуру Европы[3].

Реализуемая США Стратегия национальной безопасности направлена на установление господства в процессе глобализации и по меньшей мере отвергает возможное партнерство «ревизионистских» государств. Следует признать, что стремление единственной сверхдержавы управлять процессом глобализации приводит к нестабильности данного процесса. Подтверждением тому служат финансовые кризисы в США, которые значительно повлияли на экономику многих государств. Таким образом, очевидное стремление США управлять глобализацией в условиях конкуренции с союзами государств (например, Европейский союз) и отдельными государствами с динамично развивающейся экономикой (к примеру, КНР) порождает столкновение глобальных интересов и стратегий. Это приводит к тому, что нестабильность мировой экономики становится стабильным явлением.

В современном глобализирующемся мире Россия занимает позицию периферийного участника. Во многом это стало возможным благодаря позиции руководства страны, которое отказалось от развития Советского Союза по социалистическому пути. Из-за самоликвидации социалистического строя в СССР перед руководством государства встал выбор: создавать самобытную модель развития или ориентироваться на западную модель.

Анализ российского законодательства и правоприменительной практики последних двадцати пяти лет не оставляет сомнения в том, что правящая элита сделала выбор в пользу западной модели, заявив через Конституцию РФ о перспективе создания правового демократического социального государства с рыночной экономикой. Результаты деятельности истекшей четверти века свидетельствуют о присутствии элементов западной модели во всех сферах Российского государ-

---

[1] Заведующий кафедрой государственного и административного права Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Современная модель государственной власти в Российской Федерации. Вопросы совершенствования и перспективы развития», «К вопросу о предмете конституционного права (в поиске адекватной проекции)», «К вопросу об авторитетности Конституции Российской Федерации», «Защита персональных данных кандидата в избирательном процессе», «Теория государства и права в науке, образовании, практике», «Политические и правовые взгляды Н. П. Огарева» и др.

[2] Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 04.03.2019).

[3] A New National Security Strategy for a New Era // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/articles/new-national-security-strategy-new-era (дата обращения: 04.03.2019).

ства и общества. Однако во многом развитие государства и институтов публичной власти не в соответствует заявленным конституционным целям. По мнению профессора Р. А. Ромашова, «заимствование из западного права целого ряда ценностей и принципов… и включение их в современное российское право имели своим предназначением ребрендинг правовой системы, но не ее качественную трансформацию»[1].

Разделяя данную позицию, отмечу, что «творцы коренных преобразований» Российского государства лишь предполагали возможные изменения, не имея прогностического плана осуществляемых реформ. В правовой системе есть несколько подтверждений данной теории. С одной стороны, это формирование нормативных комплексов исключительно по западному образцу (к примеру, банковский, коммерческий, таможенный и др.). С другой — сохранение рудиментов в важнейших институциональных образованиях (например, сохранение на долгое время советской судоустройственной модели судов общей юрисдикции). С третьей — непрерывность «точечных» изменений законодательства в сфере экономики, не отвечающих требованиям стабильности. То есть сложившаяся в России правовая система представляет собой симбиоз радикальной новеллизации по западному образцу с сохранением рудиментов советского типа во всех сегментах (нормативном, институциональном, правореализационном и др.).

По авторитетному мнению Н. С. Бондаря, «навязанные России неолиберальные модели приватизации государственной собственности и рыночных преобразований создали предельно благоприятные условия (вольно или невольно?) для сращивания политической и экономической власти… В результате возник уникальный симбиоз корпоративного бизнеса с чиновничье-бюрократическими структурами государства, что привело к возникновению нового качества как экономических, так и политических отношений»[2].

Под влиянием глобализационных процессов в российской правовой системе сформировано гражданское право, направленное на развитие рыночной экономики, а также новые комплексные нормативные образования (к примеру, право экологическое, интеллектуальной собственности, информационное), отвечающие современным общеевропейским стандартам. Во многом это обусловлено заявленной руководством страны необходимостью интеграции в общемировое (европейское) пространство. Как правило, заимствуется опыт правового регулирования Европейского союза — отдельных государств и ЕС в целом — с последующей адаптацией к российской правовой системе. Причем даже в условиях относительной изоляции со стороны Европейского союза и некоторого противостояния российские законодатели продолжают перенимать опыт ЕС. Примерами могут служить:

— правовое регулирование института открытого правительства;

— законодательное регулирование саморегулируемых организаций;

— особенности правового регулирования переработки и утилизации отходов производства и потребления.

Несмотря на тесное взаимодействие России на первоначальном этапе с государствами Европейского союза и отчасти с США, в аспекте правового регулирования экономических отношений российское право и правоприменительная практика не отличаются когерентностью. Даже в условиях непрерывных изменений гражданского и сопряженного с ним законодательства в целом оно направлено на развитие рыночных отношений. Однако складывающаяся практика свидетельствует об усилении административного давления на сферу бизнеса. По данным уполномоченного при президенте РФ по защите прав предпринимателей, представители бизнеса указывают, что издержки на административные процедуры составляют до 20 % от выручки. Большая часть компаний подвергалась от одной до трех проверок в год. При этом происходит ужесточение административных наказаний. По мнению российских предпринимателей, законодательство по-прежнему не предоставляет достаточных гарантий для защиты бизнеса от необоснованного уголовного преследования, криминальных проявлений и рейдерства[3].

Вопреки заявлениям правительства РФ о поддержке малого и среднего бизнеса, налоговая нагрузка возрастает. Совокупная налоговая ставка в России больше, чем в США, Великобритании и даже Казахстане. Как следствие, размер теневой экономики достигает около половины ВВП[4].

Господствующими в России по-прежнему являются административные методы управления экономикой. Как результат — снижение деловой активности в секторе малого и среднего бизнеса в России. В начале 2019 года ожидания бизнеса оказались худшими за последние пять лет. В четвертом квартале 2018 года индекс деловой активности малого и среднего бизнеса (RSBI) опустился до отметки 47,1 пункта по сравнению с 48,5 пункта в третьем квартале. Значение индекса ниже 50 говорит о спаде деловой активности, то есть о фактической рецессии. В 2019 году бизнес сконцентрируется на оптимизации затрат. При этом представители предпринимательства не видят ни одной предпосылки роста для малого и среднего бизнеса в 2019 году[5].

Одно из главных препятствий для развития рыночных отношений — отсутствие единой долгосрочной национальной стратегии социально-экономического развития. Разработанные правительством РФ и иными органами исполнительной власти тактические и отраслевые планы развития страны и ее отдельных экономических сегментов не синхронизированы. При

[1] *Ромашов Р. А.* Право: нормативность и девиантность: моногр. СПб. : Алетейя, 2018. С. 41–42.

[2] *Бондарь Н. С.* Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. С. 71.

[3] Доклад Президенту РФ 2015 // Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2015.html (дата обращения: 25.03.2019).

[4] Там же.

[5] Прогнозы малого бизнеса на 2019 год оказались худшими за последние пять лет // The Bell. URL: https://thebell.io/prognozy-malogo-biznesa-na-2019-god-okazalis-hudshimi-za-poslednie-pyat-let (дата обращения: 28.02.2019).

этом количество нормативных правовых актов за десять лет выросло в три раза (с 6888 в 2003 г. до 22 149 в 2014 г.)[1].

Координация действий органов исполнительной власти всех уровней в области развития экономики предусмотрена Федеральным законом «О стратегическом планировании», вступление которого в юридическую силу откладывалось на три года. Однако после его введения в действие правительство РФ так и не смогло добиться реализации положений Закона о планировании и создании механизмов реализации программ. Правительство РФ фактически не несет ответственности за неисполнение федеральных законов, указов президента РФ и принятых в их развитие собственных актов.

Нестабильность законодательства, неясность плана стратегического развития экономики страны, регионов и муниципалитетов не позволяют заявлять об устойчивости экономического развития страны. Периферийность российского права в отсутствие должного (конституционно обусловленного) нормативного и правореализационного механизма позволяет говорить о неэффективном правовом обслуживании экономических отношений.

Г. П. Ермолович[2]

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ПРИНЦИП НЕПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ИЛИ УГРОЗЫ СИЛОЙ: ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ

Согласно доктрине международного права, императивные нормы являются общими и требуют своего безусловного выполнения в силу того, что относятся к нормам jus cogens, поскольку создаются всем международным сообществом. Договоры, противоречащие такой норме, признаются недействительными с момента их заключения. Эта норма может быть изменена только последующей нормой общего международного права.

К данным императивным нормам относятся следующие:

— основные принципы международного права, которые были закреплены в Уставе ООН 1945 года;

— Декларация о принципах международного права 1970 года;

— Хельсинкский акт 1975 года;

— Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами — членами Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии 1999 года и др.

Одной из таких норм является принцип неприменения силы или угрозы силой в отношениях между государствами и другими субъектами международного права. Однако после принятия Устава ООН, где впервые данный принцип был сформулирован, пожалуй, не было ни одного года, когда бы он не нарушался. Очевидно, что это послужило одной из множества причин для разработки дополнительных норм международного права, которые были систематизированы и закреплены в новой отрасли — в праве вооруженных конфликтов.

Иногда в учебниках данный сектор международного права имеет другое название: «международное гуманитарное право». Все зависит от позиции авторов. Эта отрасль представляет собой совокупность принципов и норм (договорных и обычных), принятых со следующими целями:

— ограничение последствий вооруженных конфликтов, устанавливающих взаимные права и обязанности субъектов международного права относительно защиты лиц, которые не участвуют или прекратили участвовать в боевых действиях;

— ограничение в применении средств и методов вооруженной борьбы, регулирующих отношения между воюющими и нейтральными государствами и определяющих ответственность за нарушение соответствующих международных норм и принципов.

Формирование отрасли происходило постепенно. На протяжении десятилетий нормы отражались в различных международно-правовых актах: Парижской декларации о морской войне 1856 года, Санкт-Петербургской декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 года и т. д.

Наконец, в 1949 году были приняты четыре Женевские конвенции о защите жертв войны:

— об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (заменившая Женевские конвенции 1864 и 1929 гг.);

— об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (заменившая Гаагскую конвенцию 1907 г. относительно положений Женевской конвенции 1864 г. применительно к морской войне);

— Об обращении с военнопленными (заменившая Женевскую конвенцию 1929 г. о режиме военнопленных);

— О защите гражданского населения во время войны.

К данным конвенциям в 1977 году были приняты Дополнительные протоколы: касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) и защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II).

[1] Доклад Президенту РФ 2015.

[2] Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Население и полиция: противостояние преступности в США», «Полиция. Общество. Преступность в США», «Международное право» (учеб. пособие), «Международное право по специальности 030501 „Юриспруденция“» (учеб. пособие в соавт.), «Неправительственные организации против преступности» и др.

Объявление войны, даже если это не сопровождается военными действиями, влечет за собой юридическое состояние войны. Это приводит к разрыву дипломатических и консульских отношений. Имущество неприятельского государства конфискуется (кроме имущества дипломатических учреждений, которое охраняется), а неприятельским судам предлагается покинуть порты в определенный срок, по истечении которого они конфискуются.

Государства могут объявить нейтралитет по отношению к вооруженному конфликту. Гаагская конвенция 1907 года о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны регламентирует целый комплекс вопросов, связанных с данным статусом.

Так, территория нейтрального государства не может быть ареной военных действий. Воюющим государствам запрещается перемещать транзитом через данную территорию военные грузы, технику и войска. На территории нейтрального государства запрещается открывать вербовочные пункты, устанавливать разведывательную или иную техническую аппаратуру. Нейтральное государство обязано не снабжать воюющие государства техникой, оружием, интендантским имуществом и т. п.

Военные противники должны уважать нейтральный статус государства. Оно вправе защищать свою территорию своими вооруженными силами в случае военного нападения.

Культовые сооружения — храмы, синагоги, мечети и другие религиозные и культурные памятники, представляющие культурную и духовную ценность, — не должны являться военными целями, и в ходе военных действий воюющим сторонам надлежит избегать их разрушения. Дополнительный протокол 1977 года запрещает применять какие-либо враждебные акты, направленные против тех исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов (ст. 53).

Дополнительную международно-правовую защиту вышеуказанных объектов вводит Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

В ходе военных действий нормами международного права запрещается прибегать к вероломству, однако с целью победы разрешается использовать военную хитрость.

Нормами международного права введены определенные ограничения и запреты на средства и методы поражения противника. К запрещенным средствам ведения войны относятся разрывные и легко разворачивающиеся или сплющивающиеся в теле человека пули, яды, удушающие газы, химическое или биологическое оружие, зажигательное оружие (напалм, фосфорные бомбы), мины-ловушки и любые взрывные устройства, имитирующие игрушки и какие-либо бытовые предметы.

Конвенциями запрещены конкретные методы ведения войны, то есть нельзя совершать следующие действия:

— подвергать разрушению населенные пункты;

— разрушать памятники истории, культуры и архитектуры;

— расстреливать лиц, сдающихся в плен;

— уничтожать гражданское население, а также применять пытки или истязания;

— убивать парламентеров и сопровождающих их лиц;

— разрушать объекты жизнеобеспечения: больницы, водохранилища, дамбы, гидроэлектростанции, атомные и тепловые станции, хлебопекарни, водонасосные станции и др.

В случае занятия конкретной территории государства-противника на ней должен быть установлен режим военной оккупации. В соответствии с законами и обычаями сухопутной войны на местное население распространяется власть военного командования. В соответствии с Женевской конвенцией 1949 года о защите гражданского населения во время войны, запрещается угонять население на территорию неприятельского государства или депортировать его в третьи страны.

Разрешается использовать население на работах для нужд оккупационной армии за исключением оборонительных и военных сооружений — например, на фортификационных объектах. При необходимости населению можно оказать гуманитарную помощь со стороны третьих государств или международных организаций, например ООН, Международного комитета Красного Креста и др.

Прекращение военных действий происходит в двух формах: перемирия и капитуляции.

Перемирие может быть общим и местным. Местное перемирие ведет к приостановлению военных действий только на некоторых участках фронта. Общее перемирие прекращает вооруженное противостояние на всем театре военных действий.

Капитуляция (безоговорочная) — это прекращение всех военных действий без каких-либо условий и сдача в плен всего оставшегося воинского контингента неприятеля. Юридической формой завершения войны является подписание мирного договора. В нем стороны разрешают территориальные, политические и экономические вопросы, требующие урегулирования. Также страны производят обмен пленными, решают вопрос с репарациями. Кроме того, определяется способ привлечения к международно-правовой ответственности военных преступников.

Современная администрация США направляет свои действия не на укрепление, а на разрушение сложившейся системы международного права и игнорирование многих норм международного прав, включая императивные. Возникает законный вопрос: так в чем же их императивность, если они столь легко нарушаются без всяких последствий для того государства, которое решилось на такие шаги?

Налицо беспомощность прежних правовых институтов и слабость сложившейся международной системы, если даже Организация Объединенных Наций, «якорь стабильности», не может агрессора назвать агрессором, осудить и призвать к ответственности.

Так, в 1990 году, когда Ирак напал на Кувейт, и Совет Безопасности ООН принял несколько резолюций, направленных на восстановление статуса-кво, ни в одной из них термин «агрессор» по отношению к Ираку не фигурировал.

В 2018 году, когда вооруженные силы США, Франции и Великобритании, грубо нарушив суверенитет Сирии, под надуманным предлогом обстреляли ракетами ее территорию, в результате чего был причинен материальный ущерб и погибли мирные граждане, реакция ООН в лице Генерального секретаря Антониу Гутерриша была на удивление мягкой. Такое впечатление, что он забыл, что, в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года, актом агрессии является «…применение любого оружия государством против территории другого государства»[1]. «Я внимательно следил за сообщениями об авиаударах по Сирии, которые осуществили США, Франция и Великобритания. Есть обязательство, в особенности когда речь идет о мире и безопасности, действовать в соответствии с Уставом ООН и международным правом в целом. Главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности лежит на Совете Безопасности», — прокомментировал ситуацию Гутерриш[2].

Удивительно, но организация, которая призвана мобилизовать все усилия международного сообщества не только на недопущение военных действий, но и на оказание помощи пострадавшим от такого произвола, вместо этого разрабатывает тайную директиву «Параметры и принципы ООН содействия Сирии». Из документа следует, что помощь международных организаций в восстановлении страны возможна только после смены ее власти[3]. Комментируя данную директиву, глава МИД РФ Сергей Лавров сказал, что она запрещает странам участвовать в каких-либо проектах по восстановлению сирийской экономики[4].

Эти и другие примеры показывают, что система международной безопасности нуждается в серьезной корректировке. Необходимо разрабатывать новые механизмы, гарантирующие странам и народам мирное сосуществование в XXI веке, так как «бацилла вседозволенности» может подточить существующую систему безопасности и привести мир к необратимым процессам. Остро стоит вопрос и о теоретических основах международного права, ибо императивные нормы и принципы международного права утратили свою императивность, и с этим, безусловно, надо что-то делать.

[1] Действующее международное право. Документы : в 2 т. М. : Юрайт, 2007. Т. 1. С. 572.

[2] 8 наивных вопросов об ударе США по Дамаску // Комсомольская правда. 2018. № 16. С. 8.

[3] *Темирчева А.* СМИ обнародовали секретную директиву ООН по работе в Сирии // Life.ru. URL: https://life.ru/t/новости/1148574/smi_obnarodovali_siekrietnuiu_diriektivu_oon_po_rabotie_v_sirii (дата обращения: 21.02.2019).

[4] Там же.

И. В. Зикунова[5]

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Последние три года отмечены резким ростом научно-практического интереса к развитию цифровой экономики. Главными экономическими эффектами цифровизации, обусловливающими перемены в бизнес-процессах и структуре экономики, исследователи называют сокращение транзакционных издержек, рост скорости коммуникаций субъектов экономической деятельности, масштабов сетевизации экономики, повышение качества управленческих решений на базе моделирования процессов и обработки больших данных. Цифровые технологии, вызывая структурные перемены и рост оборотов не только в цифровом сегменте экономики, изменяют структуру спроса на рабочую силу, технологии образовательной деятельности. Широко признано, что максимальных эффектов и распространенности цифровизация достигает в областях, связанных с интернет-коммуникациями: в сфере государственных услуг, услуг консалтинга и информационного обслуживания, банковской деятельности, в оптовой и розничной торговле, в сфере коммунальных, персональных и социальных услуг[6].

Научное сообщество исследует разные аспекты новой технологической трансформации, включая фундаментальное осмысление наблюдаемых перемен, а также решая прикладные задачи адаптации новых методов и инструментов в разных областях социально-экономического развития. К настоящему времени сложились определенные предпосылки к рассмотрению практической и прикладной проблематики, связанной с трансформациями в человеческом капитале.

[5] Проректор по научной работе Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор экономических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор около 90 научных публикаций, в т. ч.: «Предпринимательская активность как фактор постиндустриального циклического развития экономических систем: теория и политика регулирования», «Феномен предпринимательской активности в бизнес-цикле постиндустриального развития», «Исследование постиндустриальных циклов предпринимательской активности: результаты проверки гипотезы», «Моделирование занятости на региональных рынках труда (На примере Хабаровского края России)», «Конечный спрос и миграция населения Дальневосточного региона: результаты сравнительного экономико-математического моделирования», «Фундаментальные факторы курса рубля: ожидания 2017 года» и др. Член Объединенного ученого совета Дальневосточного отделения РАН по общественным наукам, Экономического совета при губернаторе Хабаровского края, Общественного совета при Минэкономразвития Хабаровского края. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

[6] *Паньшин Б.* Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/tsifrovaya-ekonomika-osobennosti-i-tendentsii-razvitiya.

В сфере экономики и управления в контексте цифровой трансформации нам представляются важными институциональные процессы развития предпринимательства, процессы зарождения его субъектного состава как успешно реализованные частные инициативы по учреждению и росту бизнес-единиц. Эти процессы непосредственно связаны с социально-психологическими истоками предпринимательства: многие индивиды, которые потенциально могут стать субъектами предпринимательской деятельности в цифровой экономике, являются представителями качественно новой поколенческой сути. Речь идет о «цифровом поколении», поколении Z[1].

Качественно иной характер окружения, в котором происходили воспитание и становление представителей этого поколения, в русле культурно-исторического подхода Л. С. Выготского не позволяет сомневаться, что в обществе появились носители новых ценностей, технологий коммуникации, новой профессиональной этики и политических предпочтений.

Новое поколение выросло со смартфонами в руках, в окружении гаджетов, постигая реальность через видеосюжеты в YouTube, приобщаясь к ценностям в захватывающих видеоиграх и приобретая уверенность в своей уникальности через энергичное стремление родителей обеспечить все возможности для творческой самореализации, всячески мотивировать к достижению быстрого успеха.

Если принять методологическое допущение теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса о циклическом чередовании поколений с точки зрения тех качеств, которыми оно наделено, то исследователи утверждают, что представители сообщества Z будут подобием «молчаливого поколения», которое появилось в 1920–1940-е годы и отличалось уходом от мрачной реальности в идеальный мир книг и художественного вымысла.

Разумеется, в контексте вовлечения в экономические отношения, процессы менеджмента феномен поколения Z интересен прежде всего с точки зрения ценностей и личностно-психологических качеств, от которых зависят самореализация в процессе трудовых отношений, потенциал и тип личной предпринимательской стратегии.

Многочисленные исследователи, опираясь на результаты изучения цифрового поколения с использованием широкого набора социально-психологических инструментов, утверждают, что эти молодые люди испытывают сложности в построении непосредственных (не опосредованных виртуальными площадками) человеческих отношений, имеют множество друзей, но они не близки им так, как могут быть близки закадычные друзья.

Мир социальных сетей приучил новую молодежь не замечать межкультурных различий и наделил ее высокой толерантностью в межнациональном взаимодействии. Виртуальный мир не предъявляет высоких требований к внешнему антуражу, поэтому для новой молодежи не имеет особого значения внешняя атрибутика статусности, гораздо большее значение приобретает владение уникальными брендами и вещами, которые ассоциируются с оригинальностью и увлекательностью, тем, что принято оценивать как «круто».

Цифровой формат коммуникации, впитанная с детства скорость вызова информации обусловили «гипертекстовость» и фрагментарность их мышления, исключительную нетерпеливость в отношении скорости потребления информации, а потому поколение Z ценит конкретные, лаконичные и понятные задачи. Исполнительность нового поколения, к сожалению, имеет оборотную сторону — низкий уровень инициативности в определении способов решения задач.

Нам интересны предпринимательские перспективы и риски цифрового поколения. Новое предпринимательство, очевидно, стремится использовать *е*-платформы, бизнес-модели, в применении этих инструментов заложены новые конкурентные преимущества бизнес-единиц по сравнению с действующим составом предпринимательских субъектов. Сегодня у нарождающегося предпринимательства есть это преимущество — создавать информационную платформу и систему коммуникаций своего бизнеса с нуля, в отличие от действующей бизнес-единицы, которой придется нести издержки адаптации информационно-компьютерных технологий под сложившиеся бизнес-процессы. Мы наблюдаем у представителей цифрового поколения инициативную смелость учреждать свой бизнес именно в силу высокой адаптации в новом коммуникативном пространстве взаимодействия с потенциальным потребителем — в виртуальном пространстве.

Бизнес-процессы в цифровой экономике сопровождаются кратным ростом объемов информации — это взаимно-обратный процесс: цифровые технологии порождают информацию и помогают перерабатывать ее для принятия решений. Очевидно, эта сфера будет представлять собой поле значительных конкурентных преимуществ цифрового поколения.

Но уже сегодня ошибки искусственного интеллекта показывают, что относительно невоспроизводимым в цифре остается качество экспертной обработки информации до уровня конечного, воплощаемого на практике решения. Следовательно, модели бизнеса предпринимательских субъектов новой цифровой формации будут тяготеть не только к неценовым, но и к экспертным, когнитивным, контекстным, если угодно, конкурентным преимуществам.

Здесь возникает серьезная, как нам представляется, проблема современного цифрового поколения: неоднократно отмеченная педагогами и социологами эпизодичность, клиповость типа их мышления, слабость перед экспертными задачами системного целостного ви́дения объектов противоречат запросу на когнитивное качество принятия решения и экспертные конкурентные преимущества.

[1] *Гурова И. М., Евдокимова С. Ш.* Теория поколения как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7, № 3. С. 150–159 ; *Нечаев В. Д., Дурнева Е. Е.* Цифровое поколение: психолого-педагогическое исследование проблемы. URL: http://sevcbs.ru/main/wp-content/uploads/2016/05/Statya-k-zhurnalu-Pedagogika-2016-1.pdf ; *Кулакова А. Б.* Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42).

До определенного момента времени эта проблема может решаться с помощью вовлеченности в иерархию субъектов, принимающих решение, представителями других поколений. Но в дальнейшем уникальность ресурса принятия экспертного решения обусловит существенный рост его ценности и, думается, вызовет новый тип общественной дифференциации — стратификацию на базе экспертной способности к конечному бизнес-решению.

Изменится состав субъектов предпринимательства по формам организации бизнеса. Так, уже сегодня отмечается рост форм бизнеса, основанных на отношениях аутсорсинга, фриланса. Самозанятость как явление становится не только форматом предпринимательства, но и формой повседневности, сращивания работы и досуга в конкретном домохозяйстве, обусловленного свободой выбора режима труда и отдыха, свободой самоорганизации.

Эта тенденция организационной перемены в субъектном составе предпринимательства вызывает еще один феномен — трансформацию предпринимательской этики и эстетики: снижение значимости внешних атрибутов (процедуры, иерархия, деловой имидж) в пользу утилитарных форматов взаимоотношений, бизнес-процессов, социальной ответственности, мотивированной не только лояльностью клиентов, но и духовной потребностью субъектов предпринимательства.

В цифровой экономике социально ответственное предпринимательство, несомненно, получит общественное одобрение и поддержку, а потому уже сегодня является перспективной сферой приложения предпринимательской инициативы. В условиях развития цифровой экономики изменилась и роль государства. Причем в контексте развития предпринимательства здесь важно различать два аспекта: краткосрочный, связанный со стимулированием развития цифровой экономики вообще и цифрового предпринимательства в частности, и долгосрочный, связанный с глубинной трансформацией социально-экономической системы в целом.

В отношении краткосрочных приоритетов от государства ожидается[1]:

— обеспечение развития цифровой экономики человеческими ресурсами с актуальным составом компетенций и способностей;

— защита нарождающегося бизнеса от устоявшегося консервативного предпринимательства;

— установление правил использования баз данных;

— обеспечение открытости рынков для максимального вовлечения в оборот ресурсов цифрового развития;

— стимулирование нарождающегося бизнеса с цифровой специализацией, в том числе с применением механизмов финансирования;

— использование инфраструктуры развития стартапов, институтов поощрения предпринимательских установок и инициатив у молодежи и школьников;

— создание цифрового пространства, платформ и сервисов для совершения бизнес-операций.

Значительная капиталоемкость цифровизации и высокие риски информационной безопасности обусловили долгосрочный аспект *перепозиционирования роли государства в отношениях с предпринимательством*: оно становится не просто гарантом безопасности, стабильности, институтом решения социальных проблем, но важнейшим субъектом цифровизации, инициатором крупнейших цифровых проектов, инвестором перспективных разработок, субъектом развития инфраструктуры цифровизации, гарантом национальной информационной безопасности, мотиватором предпринимательских инициатив новой приоритетной технологической специализации.

Государство в лице институтов развития с помощью научного и экспертного сообщества может решать футуристические задачи, видеть мощные долгосрочные риски цифровой трансформации, строить социальные прогнозы и принимать ответственность за выбор того общественного договора с предпринимательским сообществом, который станет основой общественной безопасности и неформальной политической целостности нашей страны.

Надо понимать, что в лице цифрового поколения, его представителей в качестве субъектов предпринимательской деятельности государство сегодня сталкивается с качественно новой силой. Цифровое поколение сформировано в рамках наращивания потенциала к самостоятельной творческой деятельности, воспитано в духе осознания своей уникальности и ценности, владеет инструментами доступа к широкой информации, выходом в глобальное информационное пространство. Это предпринимательское поколение предъявляет запрос на прозрачные и честные условия игры, признание своей ценности, бережное и благодарное отношение к своему потенциалу. А это значит, что предприниматели нового цифрового поколения и государство должны установить новые социальные контакты, выработать контракт, снимающий противоречия в целях максимизации выгод цифровой технологии и снижения ее рисков. В цифровой экономике также должен сложиться взаимно одобренный гармоничный договор государства и предпринимательского сообщества. Большую роль в этой гармонизации будет играть широкая публичность взаимных обязательств, прав и ответственности, баланс выгод и издержек сторон.

[1] *Welsum D. van.* Enabling digital entrepreneurs // World Development Report background papers. Washington, D. C., 2016. World Bank Group. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/689341468187747098/Enabling-digital-entrepreneurs.

А. И. Зябкин[1]

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Глобальная нестабильность — это современный мир в его противоречиях, которые присутствуют во всем комплексе связей в экономике, политике, культуре и праве. Такую нестабильность определяет система международных отношений, в которой основной формой существования становится «управляемый хаос», а прежние методы реализации внешней политики теряют свою эффективность.

Возрастает опасность межгосударственных вооруженных конфликтов на региональном и локальном уровнях (Ближний Восток, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия и Корейский полуостров). Также становится все более вероятной возможность обострения и увеличения числа внутригосударственных конфликтов. Со стороны США проводится силовая политика по единоличному принятию стратегических решений при игнорировании мнения других участников международных отношений. Односторонние, нелегитимные с точки зрения международного права действия со стороны некоторых стран, связанные с бесцеремонным навязыванием своих позиций при полном игнорировании законных интересов других партнеров, серьезно подрывают мировую стабильность. Опасным является рост национального и религиозного экстремизма. По сути, продолжается неконтролируемая гонка вооружений, в том числе ядерная.

Иными словами, мир вступил в исторический период, когда в течение сравнительно короткого времени происходят фундаментальные изменения, грозящие глобальной катастрофой. Такие перемены, безусловно, требуют от мирового сообщества соответствующего реагирования на вызовы современности. Какими механизмами, прежде всего в области поддержания международной безопасности, располагает сообщество? Среди многочисленных мер (таких как дипломатия, двусторонние и многосторонние договоры и др.) выделим деятельность международных организаций и прежде всего Организации Объединенных Наций. Созданная в 1945 году как универсальная международная организация общей компетенции ООН имеет своими целями поддержание мира и международной безопасности и развитие сотрудничества государств.

Выделим лишь некоторые факторы, определяющие влияние ООН на современные международные отношения:

— данная организация выступает самым представительным форумом для дискуссий между государствами по актуальным проблемам международного развития (объединяет в настоящее время 193 государства);

— ее Устав является фундаментом современного международного права;

— ООН — важный механизм международного нормотворчества. По ее инициативе и в рамках ее деятельности заключены сотни международных договоров, регулирующих отношения в разнообразных международно-правовых сферах;

— с ООН связана деятельность многих межправительственных организаций, в том числе специализированных учреждений;

— именно Организация Объединенных Наций наделена исключительно важной компетенцией решать вопросы войны и мира, в том числе с применением вооруженных сил.

Важными достижениями в деятельности ООН, на наш взгляд, являются:

— создание и закрепление в Уставе основных принципов международного права, определивших существующий миропорядок (к ним относятся принципы суверенного равенства, неприменения силы, невмешательства во внутренние дела, сотрудничества, равноправия и самоопределения народов, выполнения взятых обязательств мирного разрешения споров);

— ликвидация колониализма (к моменту создания организации треть населения планеты находилась в колониальной зависимости);

— создание правового фундамента регламентации прав человека (разработка и принятие Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и других документов в этой сфере);

— введение ограничений в сфере ядерного вооружения (Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г., Договор о нераспространении ядерного оружии 1968 г. и др.).

Вместе с тем изменения в мире выявляют и недостатки деятельности ООН. Они касаются как организационных вопросов (неэффективность процесса принятия решений, бюрократия и т. д.), так и реагирования на возникающие вызовы современности.

Критикуя работу ООН, эксперты порой высказывают радикальные мнения: например о том, что ялтинско-потсдамская система отношений, базирующаяся на Уставе ООН, в настоящее время несостоятельна[2]. При этом, как правило, не вносятся какие-либо серьез-

[1] Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Юридическая квалификация несанкционированного вещания из открытого моря как противоправного деяния» (в соавт.), «Зарубежные правовые модели разрешения социально-трудовых конфликтов» (в соавт.), «Правовые основы создания международных судов и трибуналов» (в соавт.), «Некоторые вопросы охраны Мирового океана (международно-правовой аспект)», «К вопросу о правовой природе Международного Красного Креста» и др. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени и 10 медалями.

[2] *Тимирчев И. К., Кузьмина Е. А.* Нестабильность глобального миропорядка: кризис системы международных отношений и пути ее трансформаций в XXI веке // Студенческий форум. 2017. № 12 (12). URL: https://nauchforum.ru/journal/stud/12/25167 (дата обращения: 21.03.2019).

ные предложения по совершенствованию деятельности организации. Обратим внимание лишь на одно из суждений по данному вопросу. Профессор Петр Иванович Смирнов ставит под сомнение ценности, которые закреплены в Уставе ООН (мир, права человека, равноправие мужчин и женщин, равенство больших и малых наций, справедливость, социальный прогресс и т. п.)[1]. В качестве альтернативы предлагается переход «к управляемой эволюции общества». Для этого необходимо наметить общий ориентир движения всего глобализирующегося общества. «Таким ориентиром мог бы стать идеальный тип духовно-игровой цивилизации, главной ценностью которой стала бы разумная жизнь, а ее носителем — человечество». Эта ценность, по мнению профессора Смирнова, «должна бы быть признана в качестве наивысшей и положена в основу международного права в переработанном Уставе ООН». В преамбуле к нему нужно было бы закрепить и другие ценности, в качестве высших (но не наивысших) следует указать человечество, общество, личность, природу.

«Лишь принятие здоровой системы ценностей, — продолжает профессор П. И. Смирнов, — в качестве нравственной основы международного права может создать условия для длительного и безопасного существования человечества». Но за этим утверждением следует не очень оптимистичный прогноз: «К сожалению, оптимальный путь к управляемой эволюции общества маловероятен. Намного вероятнее в ближайшей перспективе сползание человечества в постцивилизационное варварство (оно и сейчас идет полным ходом), когда в отношениях между странами, народами, религиозными группами все бóльшую роль будет играть неупорядоченное и чрезмерное насилие».

Среди мер, которые предлагались в рамках реформирования ООН, часто называется упразднение Совета по опеке (в силу того, что он выполнил свои задачи), повышение статуса и эффективности работы Генеральной Ассамблеи, реформирование Совета Безопасности. Среди наиболее распространенных идей относительно преобразования Совета Безопасности встречаются следующие:

— роспуск Совета Безопасности — предложение, предполагающее ликвидацию института постоянных членов и создание совета избираемых представителей;

— отмена права вето;

— расширение Совета Безопасности посредством увеличения количества постоянных членов (предложение ввести в состав СБ Германию, Японию, ЮАР, Индию, Бразилию);

— изменение правил голосования: два или три голоса постоянных членов для применения вето вместо одного;

— увеличение количества избираемых членов Совбеза, что должно обеспечить глобальное представительство и укрепить авторитет СБ.

Однако все попытки реформирования ООН последних лет не удались. Прежде всего, пока нет согласия по вопросу о количестве и о персональных кандидатурах новых государств — постоянных членов Совета Безопасности.

При обсуждении вопросов реформирования ООН речь идет и о совершенствовании миротворческой деятельности этой организации. В частности, в свете новых угроз безопасности, которые требуют быстрого реагирования, предлагается создать специальный силовой орган для оперативного вмешательства.

Позиция Российской Федерации в отношении функционирования ООН отражена в Концепции внешней политики Российской Федерации. В ней зафиксировано, что «центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI веке должна оставаться ООН, которая доказала свою безальтернативность и наделена международной легитимностью. Россия поддерживает усилия по укреплению ее центральной координирующей роли»[2].

Обобщая вышесказанное, отметим следующее. Во-первых, несмотря на имеющиеся недостатки в работе ООН, она продолжает оставаться действенным элементом в механизме обеспечения международной безопасности. Во-вторых, необходимость повышения эффективности работы организации очевидна. В-третьих, только консолидированными действиями членов организации, и в первую очередь постоянных членов Совета Безопасности, можно реально противодействовать экстремистским устремлениям некоторых стран. В-четвертых, в современных условиях главной задачей Организации Объединенных Наций и прежде всего Совета Безопасности должно стать более активное использование площадки ООН для диалога в целях предотвращения глобального конфликта.

[1] *Смирнов П. И.* Об изменении ценностных основ международного права: необходимость и возможность : интервью // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8.

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента от 30.11.2016 г. № 640 // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

В. В. Зябриков[1]

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ФИРМЫ

В современной теории менеджмента концепция идеальной фирмы постепенно вытесняется тезисом о необходимости создания гармоничной фирмы, реализующей долгосрочную стратегию получения умеренной прибыли в рамках концепции устойчивого развития. Антикризисное управление предполагает своевременную смену одной стадии жизненного цикла другой, что сопровождается модернизацией элементов внутренней среды фирмы и их взаимосвязей. Преждевременный переход на следующую стадию жизненного цикла чреват срывом управления и ликвидацией фирмы, а «застойное» затягивание пребывания в той или иной стадии неминуемо приводит к упущенной выгоде и нереализованным возможностям.

Каждая стадия жизненного цикла определяется типом деловой культуры фирмы, который в первую очередь отражает специфику механизма принятия управленческих решений. Успех современной фирмы обусловлен прежде всего правильно выбранной стратегией и развитой деловой культурой, причем стратегия фирмы влечет за собой необходимый темп ее развития, а организационная культура задает контекст того, что происходит в фирме, и придает ее развитию устойчивый характер.

Один из классиков теории жизненного цикла Ларри Грейнер в 1972 году предложил концепцию скачкообразного движения фирмы на своем жизненном пути, состоящем в *революционном* преодолении серии кризисов, возникающих в момент исчерпания характерного для текущей стадии *эволюционного* механизма развития фирмы и отделяющих таким образом одну стадию жизненного цикла от другой. Эта концепция предполагает единственный доминирующий тип культуры на каждой стадии жизненного цикла. В частности, в соответствии с нашим подходом это культура лидера для стадии детства, культура бюрократа для стадии юности, культура предпринимателя для стадии зрелости, культура профессионала для стадии старости оптимальной траектории жизненного цикла.

Однако принцип наибольшего культурного разнообразия в соединении с недопустимостью сочетания двух пар антагонистических типов культуры (культура лидера — культура предпринимателя, культура бюрократа — культура профессионала) приводит к возможности и необходимости одновременного доминирования двух типов культуры: одного — характерного для текущей стадии жизненного цикла, другого — сохранившегося с предыдущей стадии. Этот подход оправдывается на практике при определении типов культуры организаций по методике опросника К. Камерона и Р. Куинна. Он предполагает кумулятивный принцип культурного развития фирмы, когда новые приемы принятия решений осваиваются без утраты старых. Описанное выше постепенное появление нового типа культуры и механизма развития фирмы на фоне действующих старых позволяет говорить о возможности *бескризисной культурной эволюции фирмы*, следующей по оптимальной траектории своего жизненного цикла. Кризисы в этом случае будут возникать только при отклонении фирмы от оптимальной траектории.

Косвенный признак двойного (бинарного) доминирования типов культуры фирмы подтверждается широким распространением смешанных двойных типов организационных структур: линейно-функциональной для стадии юности, функционально-проектной (матричной) для стадии зрелости и проектно-сетевой для стадии старости оптимальной траектории жизненного цикла.

Тип культуры определяет не только тип оптимальной организационной структуры фирмы, но и наиболее подходящий стиль управления (стиль лидерства). На практике именно лидеры интерпретируют опыт существования фирмы, формируют ее культуру (в частности, определяют совместные ценности), разрабатывают стратегию и встраивают ее в организационную структуру, придают тем самым смысл ее существованию и предопределяют характер развития.

Большинство теоретиков менеджмента считают, что идеальным является демократический стиль управления (а не авторитарный и бюрократический), предполагающий развитие творческого подхода и инициативы подчиненных. При этом считается, что авторитарный стиль применим лишь в кризисной ситуации, а бюрократический — только в краткосрочном периоде в особых ситуациях. На самом деле необходимо последовательно по мере развития трудового коллектива реализовывать авторитарный (стадия детства), бюрократический (стадия юности), демократический (стадия зрелости) и либеральный (стадия старости) стили управления. Необходимо учитывать кумулятивный характер развития культуры фирмы как метода принятия решений, когда появляются новые формы без утраты прежних. В итоге либеральный менеджер должен владеть всем репертуаром различных стилей управления.

Наряду с внутренними существуют и *внешние факторы*, вызывающие необходимость трансформации культуры: 1) поглощения и слияния; 2) кардинальные изменения на рынке, в том числе глобализация, ведущая к усилению международной конкуренции; 3) значительные технологические изменения на рынке, включая цифровизацию экономики. Эти внешние факторы прежде всего должны учитывать фирмы, на-

[1] Доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Типология и эволюция организационной культуры», «Русская деловая культура в контексте иностранных типологий», «Единая типология деловой культуры», «Универсальная типология деловых культур» (“Universal classification of business cultures”), «Методологические основы типологии национальных деловых культур», «Оптимальная траектория жизненного цикла фирмы» (в соавт.), «Систематизация ценностей деловой культуры России» и др.

чинающие свою внешнеэкономическую деятельность, в том числе путем создания совместных предприятий.

Цифровизация управления существенно увеличивает объем доступной информации и скорость ее обработки, а потому затрагивает механизм принятия управленческих решений, представляющий собой ядро организационной культуры. Теория деловой культуры рассматривает три ее основных свойства: тип культуры (культура профессионала, лидера, бюрократа, предпринимателя), «силу» культуры (насколько провозглашенные руководством организации совместные ценности разделяются сотрудниками) и степень однородности (единство культуры, предполагающее отсутствие ярко выраженных антагонистических субкультур). Все эти свойства меняются под воздействием цифровизации, причем наиболее существенным является изменение типа культуры организации, определяющее ее развитие в соответствии со стадиями жизненного цикла.

В любом случае невозможно избежать вмешательства в естественное развитие фирмы (по стадиям жизненного цикла) в период зрелости, поскольку на этой стадии организации сталкиваются с ветвлением траектории жизненного цикла. Следующей может стать либо культура бюрократа (для естественной куполообразной траектории жизненного цикла), и тогда гибель фирмы неизбежна, либо культура профессионала (для оптимальной спиралеобразной траектории жизненного цикла), и тогда возможно продолжение восходящего развития. Коренное противоречие современного бизнеса сводится к конкуренции антагонистических типов организационной культуры: либо профессионал поступает на службу к бюрократу, либо бюрократ (администратор) становится ассистентом профессионала. В первом случае делается акцент на правильность процедур и устранение ошибок, а во втором — на достижение необходимого результата. Следует отметить сложность современного бизнеса, вследствие чего соблюдение правил и регламентов не гарантирует получения результата.

К сожалению, бюрократизация затронула и процесс реализации программы цифровизации российской экономики. *План цифровизации*, в соответствии с которым во главу угла ставится не желаемый результат (который может состоять в сокращении трансакционных издержек в экономике, повышении производительности труда, расширении и облегчении доступа к информационным ресурсам), а повсеместное внедрение цифровых технологий, — типичная бюрократическая затея, которая может привести только к бессмысленной трате средств.

Процесс внедрения цифровых технологий должен стать очередной ступенькой на пути совершенствования российского менеджмента с учетом достигнутого уровня его развития и насущных задач, стоящих перед конкретной фирмой, принимая во внимание в том числе стадии ее жизненного цикла, национальную и отраслевую специфику и т. д. Вопрос о полезности цифровой трансформации фирмы не должен подменяться вопросом о ее неизбежности, в противном случае цифровизация превратится в очередную модную публичную кампанию (ведь неизбежность процесса не равнозначна его бесконтрольности). В этом смысле можно утверждать, что менеджмент выше цифровизации, которая должна наконец стать *средством* развития российского менеджмента, а не самоцелью. Надежды на то, что в эпоху цифровизации последние станут первыми за счет экстренного внедрения цифровых методов управления, которые заместят управленческие недоработки, беспочвенны. Говорят, что человеку свойственно ошибаться, но окончательно все запутать может только компьютер.

Менеджмент современных цифровых компаний демонстрирует положительные примеры *усиления организационной культуры*, то есть развития второго свойства культуры — ее «силы». Прежде всего делается акцент на личностном развитии каждого сотрудника, которое обсуждается с ним ежегодно на личной встрече с первым лицом организации и финансово поддерживается фирмой. Это позволяет сопрягать провозглашенные фирмой ценности и ценности ее сотрудников. Правильно было бы подчинить отдел управления персоналом директору по стратегическому развитию, поскольку внедрение стратегий через механизм обучения — правильный путь. В этом смысле целесообразно использовать опыт скандинавских компаний, ставящих во главу угла демократизацию управления и мобилизующих интеллектуальные способности всех сотрудников.

Хорошо известны примеры поддержки персонала компанией «Google», усиливающие ее культуру: открытое офисное пространство без выделения специальных кабинетов для руководства, бесплатная еда и медицинское обслуживание, финансовая поддержка занятий спортом и изучения иностранных языков, помощь в решении мелких бытовых проблем и финансовое поощрение приглашения своих друзей в штат компании. Все эти меры укрепляют уже сформированную культуру адхократического типа, позволяют сотрудникам сосредоточиться на своей работе, являются не слишком затратными и поэтому с лихвой окупаются за счет роста производительности труда.

Третьим свойством деловой культуры является *однородность* (гомогенность), состоящая в отсутствии в ее подразделениях или неформальных группах субкультур антагонистического типа (культура лидера — культура предпринимателя, культура бюрократа — культура профессионала). Особенно опасно в высокоразвитых культурах адхократического типа с либеральными методами принятия управленческих решений появление оппортунистов с культурой начальных уровней развития (например, с культурой лидера). Цифровизация многократно усиливает влияние таких оппортунистов, поскольку их коммуникативная активность оказывается мощным источником неформального влияния. Поскольку возврат адхократической фирмы к пройденному типу культуры (например, культуре лидера) означает начало ее культурной деградации и движения по нисходящей траектории жизненного цикла к смерти, необходимо локализовать влияние оппортунистов и избавиться от них.

Востребованными при цифровой трансформации экономики оказываются концепции самообучающейся и интеллектуальной организации, переживающие сего-

дня второе рождение. Центральной фигурой в этих организациях является профессионал, знающий будущее и обеспечивающий результат. Эти концепции следует дополнить PEST-анализом, предполагающим гармоничное сочетание технологической компоненты *T*, бурно развивающейся в эпоху цифровизации, с политической составляющей *P*, экономической составляющей *E* и социокультурной составляющей *S*.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. В рамках концепции устойчивого развития успех современной фирмы определяется гармонизацией ее взаимодействия с внешней средой, в первую очередь правильным выбором стратегии и развитой организационной культурой, стабилизирующей ее движение по жизненному пути.

2. Формируя концепцию жизненного цикла фирмы, необходимо делать акцент не на одном, а на двух соседних неантагонистических типах культуры (бинарный механизм доминирования типов культуры). В стадии детства это культура профессионала и лидера, в стадии юности — культура лидера и бюрократа, в стадии зрелости — культура бюрократа и предпринимателя, в стадии старости — культура предпринимателя и профессионала.

На стадии зрелости вмешательство в формирование культуры профессионала вместо стихийно складывающейся бюрократической культуры является обязательным условием перехода с естественной траектории жизненного цикла к оптимальной.

3. Цифровизацию следует рассматривать как средство совершенствования управления, а не как самостоятельную цель. Стихийно внедряемая цифровизация чрезмерно усиливает бюрократизацию управления в фирме, что чревато переходом с оптимальной на нисходящую траекторию жизненного цикла.

З. Н. Каландаришвили[1]

ФАКТОРЫ, ДЕФОРМИРУЮЩИЕ ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В нынешнюю эпоху глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур, в том числе правовых. От того, как будет протекать это взаимодействие, зависит в итоге дальнейшее развитие мирового сообщества.

Деформированность правовой культуры молодежи представляет собой результат следующих ошибок:

— упущения и недостатки в воспитании подрастающего поколения в семье, в учебных заведениях и на рабочих местах;

— просчеты в деятельности соответствующих государственных учреждений, общественных институтов;

— недостаточная, а главное — малоэффективная координация усилий этих организаций при профилактике правонарушений.

Под глобальной нестабильностью следует понимать изменчивость процессов всемирной экономической, правовой, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации.

Под факторами, деформирующими правовую культуру личности в ситуации глобальной нестабильности, понимаются условия, происходящие в мире и оказывающие негативное влияние на формирование правовой культуры индивида, то есть явления материальной и духовной жизни, вызывающие определенные отрицательные количественные и качественные изменения в ее функционировании.

На факторы, деформирующие правовую культуру личности, влияют и психофизиологические особенности человеческого организма: уровень развития умственных способностей, влияющих на качество формирования правовых знаний и ценностей, некоторые особенности характера — внушаемость, сила воли, темперамент и другие, а также уровень профессионального образования (квалификация).

Число факторов, влияющих на деформацию правовой культуры извне, определяется количеством «субъектов-творцов» правовой культуры. Последние по своему статусу могут быть разделены на официальные и неофициальные. К официальным субъектам относятся органы государственной власти и должностные лица, а также образовательные учреждения и средства массовой информации. В группу неофициальных субъектов входят религиозные конфессии, социально-демографические группы (социальные слои и т. п.), коллективы (семья, коллеги, в криминальной субкультуре — преступная группа и т. п.), лидеры (образцы для подражания — например, политические лидеры, авторитеты в криминальной субкультуре и т. п.).

Порождаемые перечисленными субъектами факторы могут быть институализированными (к ним относится деятельность всех официальных субъектов и части неофициальных), стихийными (включающими в себя мнение коллектива, лидера и т. п.) и нейтральными, имеющими свои плюсы и минусы (глобализация общества, рыночная экономика и т. п.). Период их

[1] Заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Генезис и эволюция правовой социализации и правовой культуры молодежи в реформируемом российском обществе (вопросы теории и практики)», «Актуальные проблемы правовой культуры российской молодежи», «Деформация правовой культуры современной российской молодежи», «Правовая культура молодежи современного российского общества: теоретико-правовой анализ», «Правовая культура в системе правового поведения личности», «Особенности конфуцианства в Древнем Китае» и др.

наибольшего воздействия на процесс деформирования правовой культуры личности совпадает по времени с самим этим процессом[1].

К основным факторам, определяющим антисоциальное, деформирующее правовое поведение и правовую культуру молодежи, относятся:

1) беспризорность несовершеннолетних. Особенно это явление сегодня распространено в странах Африки и Азии;

2) наркомания и алкоголизм среди молодежи;

3) частичная безнаказанность молодых правонарушителей. Путь к преступлению — ступенчатый: порой отсутствие своевременного реагирования на антиобщественный образ жизни формирует у части молодежи чувство вседозволенности;

4) молодежная проституция (особенно в крупных мегаполисах);

5) насилие в семье и детских учреждениях;

6) высокая латентность преступлений, совершаемых молодежью;

7) вовлечение молодежи в противоправную деятельность взрослыми преступниками, имеющими криминальный опыт;

8) в некоторых случаях — непроизвольное негативное воздействие средств массовой информации на формирование противоправного поведения молодежи;

9) влияние на часть мусульманского молодежного населения мира идеологии преступных экстремистских религиозных организаций;

10) возрастание в мире среди молодежи общего уровня тревожности, страха, агрессивности и жестокости, в том числе в межнациональных, межрелигиозных и межгосударственных отношениях. Одна из основных причин этого явления — рост числа стрессовых и конфликтных ситуаций в мире.

Среди отрицательных характеристик современной молодежи особенно следует выделить следующие:

— жесткость и прагматичность в оценке ситуации и выборе способа действий;

— снижение значения морального и патриотического фактора;

— выраженная неприязнь к органам охраны правопорядка;

— практика правонарушений;

— отношение к людям как к средству достижения своих целей;

— принятие тезиса «цель оправдывает средства».

Очевиден и анархический настрой некоторых молодых людей. В отношениях с другими они, как правило, «прожигатели» жизни, то есть эгоисты и потребители.

Сегодня самое тревожное — даже не сама распространенность агрессивных установок у молодежи. Насилие становится обыденным явлением. И взрослые, и молодые привыкают к тому, что болевой порог неприятия жестокости повышается. Привычка к насилию сочетается с распространенным неуважением к закону. Часть молодых людей в этих условиях готова к следующему шагу — к правонарушению.

У многих молодых людей формируется готовность изменить модель своего поведения, выйти за пределы сложившихся норм. Зачастую у них отключаются культурные ограничители, ослабевает вся система социального контроля. Нездоровый образ жизни и размывание ценностных ориентиров являются предпосылками того, что молодежь все чаще отступает от общечеловеческих норм нравственности, опустошая и разрушая свой духовный мир. Кризисные социальные ситуации создают тот уровень психологического давления на молодежь, при котором почти неизбежно снижаются этические и социокультурные барьеры, главные гаранты того поведения, которое согласуется с ценностями общества и требованиями права. Сами условия жизни, приводящие к снижению этих барьеров, делают нарушение правил общественной жизни нравственно оправданным для молодого человека, поэтому правовое и социологическое изучение становления и развития деформаций в правовой культуре молодых людей позволяет оценить сегодняшнее состояние этого процесса и определить пути преодоления современных негативных тенденций[2].

К деформирующим правовую культуру молодежи факторам можно отнести и негативное влияние политико-правовых и социально-экономических явлений, происходящих в мире[3].

К группе нейтральных факторов, влияющих на деформацию правовой культуры молодежи извне, относятся факторы глобализации общества и противоречивого развития рыночной экономики.

Под глобализацией общества следует понимать процесс, в ходе которого все государства и народы рано или поздно объединятся в общий мировой социум. Глобализация включает в себя следующие главные направления: информационное, экономическое, правовое, территориальное, демографическое и политическое[4].

По нашему мнению, глобализация как сложнейший социальный процесс, влияющий на формирование правовой культуры молодежи, имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Так, глобализация воспринимается как опасный инструмент, поскольку индивид сегодня ослаблен незнанием собственных жизненных целей, человеческих ценностей и смысла своего существвания. Поэтому критики глобализации указывают на данное явление как на реально действующую угрозу для всего исторического опыта человека[5].

Действительно, сегодня очень многие молодые люди не могут включиться в глобализационные процессы из-за недостаточного образования и других социально-экономических и аксиологических причин. Столкнувшись с феноменом глобализации, многие ин-

[1] *Каландаришвили З. Н.* Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 13.

[2] *Вишневский Ю. Р.* Социальные девиации в молодежной среде // Девиация и делинквентность: социальный контроль. Н. Новгород, 2006. С. 8–9.

[3] *Каландаришвили З. Н.* Деформация правовой культуры современной российской молодежи. СПб., 2010. С. 157.

[4] *Юрьев А. И.* Глобализация как правовая форма политической власти, изменяющая человека и миропорядок // Россия. Планетарные процессы. СПб., 2002. С. 236.

[5] *Панарин А. С.* Глобализация и политическое прогнозирование. М., 2000. С. 31–32.

дивиды оказываются вытесненными из активной жизни. Такая ситуация может провоцировать сильные переживания и последующее разрушение психики. Это не может не сказаться на формировании правовой культуры молодой личности, так как эти процессы приводят к усреднению когнитивного, аксиологического и правоповеденческого уровней правовой культуры индивидов.

Нейтральным фактором является наличие в обществе рыночного сектора экономики, который захватывает все большие сферы деятельности в современном мире. У рыночной экономики есть ряд значительных недостатков, главными из которых, пожалуй, являются социальная безответственность и периодические экономические кризисы. Эти явления не могут не отразиться на процессе формирования и вполне возможного в связи с этим деформирования правовой культуры молодого человека.

Таким образом, мы можем утверждать, что правовая культура молодежи во многом деформирована, неустойчива и эклектична. Она отражает характер отечественного переходного периода, умонастроения и социальные позиции молодежи.

На основе анализа содержания и форм выражения названных факторов, детерминирующих процесс формирования правовой культуры молодежи, автор приходит к выводу, что все они — социальные, экономические, правовые, политические и психологические — образуют сложную систему взаимодействия общества и личности. В настоящее время они развиваются в мире весьма хаотично в силу того, что показатели правовой культуры общества всегда напрямую зависят от состояния социума. Следствием такого несогласованного взаимодействия является негативное отношение к праву, а также несформированность и фрагментарность правовой культуры индивида, а в итоге — и ее деформирование, то есть регрессивное развитие правовой культуры. Все это представляет собой глобальную социальную проблему и требует ее скорейшего разрешения.

С. Н. Касаткин[1]

МИССИЯ ПРАВОВЕДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ РОДЖЕРА КОТТЕРЕЛЛА[2]

Из-за глобальных трансформаций современного мира, текучести и непредсказуемости формируемого на наших глазах «общества риска» возникает проблема сохранения права как института, регламентирующего социальную жизнь и международное общение. Также актуализируются вопросы ответственности юридического сообщества. В связи с этим в работе дается анализ концепции британского исследователя Роджера Коттерелла, нацеленной на объяснение ответственности правоведов за благосостояние права в изменяющихся исторических обстоятельствах.

Р. Коттерелл обращается к такой особой миссии правоведов в обществе, как моральная ответственность исполнителей социально значимых профессиональных функций: анализа, защиты и продвижения идеи права как особой практической идеи и социальной практики. По мысли автора, роль правоведов не ограничена разрешением конкретных дел (в роли судей), представлением интересов клиентов (в качестве юристов-практиков) или использованием права как средства власти и управления (в работе законодателей и администраторов). Ответственность правоведа относится к праву в целом как общей практической идее или ее воплощению в близкой правоведу правовой системе или типе систем. Он сосредоточен на ценности права как института, пристрастном осмыслении всех аспектов его «благополучия»: ясности, последовательности, справедливости, непротиворечивости, репутации, доступности, применимости, эффективности. С другой стороны, правовед ответствен не перед какой-либо теоретической дисциплиной или системой (как философ или социолог права), а перед самим правом как хронотопическим полем практики и опыта. В отличие от ученого-юриста, правовед скорее привержен праву (его ценности), чем науке, задачей которой может быть сбор данных о праве или его демистификация. Роль правоведа, таким образом, задана двумя перспективами: широким воззрением на право с точки зрения философии и социальных наук и его рассмотрением в аспекте особенностей юридической практики и правовых реформ[3].

Особая миссия правоведа в изменяющихся условиях практик рассматривается Р. Коттереллом через сравнение подходов немецкого ученого-юриста Густава Радбруха (1878–1949), отстаивающего тезис о моральной ответственности правоведа за благополучие права, и его американского коллеги Рональда Дворкина (1931–2013). Авторы разделяют некоторые общие позиции.

1. Право — *ценностно-ориентированное культурное явление*, выражающее базовые ценности политического сообщества. Правовед ответствен за их выявление и соединение через реконструкцию практиче-

[1] Профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук. Автор 165 научных публикаций, в т. ч.: «Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики», «Как определять социальные понятия? Аскриптивизм и отменяемость юридического языка в концепции Герберта Харта», «Концепция „раннего“ Р. Дворкина как „третья теория права“», «Значимость правовой теории: интегративность, догматика, вызовы контекста», «Культурный плюрализм, парокиальность правовых понятий и рецепция инокультурного опыта» и др.

[2] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-011-01213.

[3] *Коттерелл Р.* Правоведы и философы: Радбрух и Дворкин // Правоведение. 2013. № 2. С. 225–229.

ского развития права во времени при сохранении связи юридической, то есть судебной, практики с правом как доктриной — особым сочетанием ценностей («идей права» по Г. Радбруху или «целостностью права» по Р. Дворкину).

2. Юриспруденция связана с конкретными *правовыми темами, меняющимися в зависимости от места и времени*. Г. Радбрух связывал базовые правовые ценности, ставя вопрос об изменении этой связи и содержания ценностей в различных обстоятельствах. Р. Дворкин же использовал свою «юриспруденцию принципов» как практическое оружие для оценки изменений в праве (в том числе критики решений, подрывающих целостность права).

3. Роль правоведов связана с *постоянной эволюцией ценностей права*. Для Р. Дворкина эта позиция реализуется в бесконечной реинтерпретации права: его судейской трактовке через призму наиболее «здравой» теории, которая дает наилучшее прочтение правовой доктрины и способ интеграции правовых стандартов в их применении к конкретным случаям. Для Г. Радбруха же такая интеграция заключается в снятии постоянного напряжения между базовыми ценностями правопорядка, в нахождении их контекстуально изменчивого компромисса и баланса. Вместе с тем, по Р. Коттереллу, «стили» авторов различны. Р. Дворкин безоговорочно привержен философской системе ценностей. Право для него — подраздел политической морали, часть большой и сложной философской теории, предлагающей «путь жизни». Поэтому роль философа права состоит в рациональной разработке (конструировании из общепринятых, но разрозненных моральных целей, реакций и традиций) и объединении базовых ценностей и принципов. Стиль же Г. Радбруха *релятивен*: «благополучие» права — изменчивое понятие, неопределимое во вневременной перспективе, поэтому правовед хранит верность идее права, оставаясь в контексте правоприменения и не углубляясь в разработку абстрактных философских доктрин. Для Р. Коттерелла образцом правоведа выступает именно Г. Радбрух, тогда как Р. Дворкин в конечном счете — философ, иногда носивший мантию правоведа[1].

Развивая подход Г. Радбруха, Р. Коттерелл подчеркивает необходимую *гибкость* мышления правоведа. Он должен, с одной стороны, обеспечить «*независимую судьбу*» идеи права и ее конкретных воплощений от давления «внешних» интеллектуальных систем (экономической, социологической, политической, моральной). С другой — учитывать *реальные* критерии оценки права и его благополучия. Такая гибкость проявляется в восприятии права как «изменчивой геометрической структуры» или «треугольника» базовых ценностей: справедливости (равного отношения к равным случаям), порядка (формальной определенности) и цели (пользы). Порядок и справедливость суть постоянные технические ценности, обусловливающие действенность права как системы правил: при любом изменении контекстов эти ценности всегда предмет анализа и служения со стороны правоведа. «Цель» образует социальный аспект идеи права, его конкретно-исторические задачи, определяет критерии порядка и справедливости, их культурную значимость и осуществимость в разных контекстах. Отсюда, помимо «технического» примирения ценностей порядка и справедливости, правовед нуждается в анализе права как воплощения культурных стремлений и ожиданий, в соотнесении его ценностей на базе *социологической* экспликации взглядов конкретного сообщества[2].

Технический и социальный аспекты права связаны воедино континуумом. Лишь в крайних случаях существование права становится вопросом «все или ничего» и требует протеста правоведа против разрушения его начал. В обычные же времена социальный порядок является более или менее правовым, а оптимальный баланс ценностей остается на индивидуальное усмотрение: легальность — это вопрос меры, и задача правоведа состоит в ее конструировании как ценностной (то есть легитимационной) структуры. Релятивность такого подхода является недостатком лишь для философских систем, претендующих на целостное и вневременное объяснение феномена права. Для правоведа же теория мыслится как помощь *юридическому ремеслу*: мудрость правоведа — в идее юридического ремесла, практикуемого на самом высоком уровне[3].

Выявление социальной «цели» права требует от правоведов его демонстрации и продвижения как гибкой, общеполезной и объединяющей ценностной структуры (или силы), отличной от интересов государственного аппарата и частных лиц, — структуры, *упорядочивающей и уравновешивающей социальное разнообразие*. Философ (в духе Р. Дворкина) устраняет социальный конфликт через поиск либо конструирование глубинных объединяющих принципов, признаваемых разумными людьми как обоснование политико-правовых идеалов. Подход же правоведа — точное определение того, в чем состоит конфликт и как на него можно реагировать. Тем самым обеспечивается выживание права как идеи и универсального блага в меняющихся обстоятельствах. Таким образом, роль правоведа сводится не только к сохранению техник юридической мысли, но и предусматривает ответственность права за развитие социального порядка и справедливости. В таком качестве его миссия является наиболее важной из всех видов юридической деятельности[4].

Оценивая концепцию Роджера Коттерелла, следует отметить фундаментальность проблемы моральной ответственности правоведов с точки зрения как выживания и успеха института права в меняющихся обстоятельствах, так и ценностно-методологических параметров того, «как делать юриспруденцию». В современ-

[1] См.: *Коттерелл Р.* Указ. соч. С. 229–232. См. также: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004 ; *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge, 1986. Как полагаем, в своей оценке Р. Коттерелл не учитывает ряд аспектов теории Р. Дворкина, близких образу «правоведа»: ее практическую направленность, парокиальность, ценностную ангажированность и прочее, а также то, что ее «тотальность» — скорее элемент «стиля» рассуждений, чем исходная позиция. К тому же Р. Дворкин скорее исходит из изменчивости права как продолжения политической морали общества, чем из самостоятельной идеи эволюции/прогресса правовых ценностей.

[2] *Коттерелл Р.* Указ. соч. С. 231–237.

[3] Там же. С. 234–237.

[4] См.: Там же. С. 237–239.

ном российском контексте это, среди прочего, акцентирует важность удержания «собственно юридической» оценки происходящего и аргументации социально значимых решений, подчеркивает необходимость усиления роли юридического (правоведческого) сообщества в обсуждении актуальных тем и продвижения своей позиции.

Вместе с тем сама концепция Р. Коттерелла вызывает вопросы.

Во-первых, автор, с одной стороны, подменяет традиционное ви́дение правоведа как знатока и теоретика права, с другой — ограничительно связывает «развитую в обществе» функцию защиты благополучия права лишь со статусом правоведа. К тому же, вопреки Р. Коттереллу, важность такой правоведческой миссии в системе юридической деятельности относительна и зависит в том числе и от организации правовой системы и развитости научного сообщества.

Во-вторых, автор сознательно не обсуждает вопрос о понятии и «аналитической структуре» права как вторичный и «технический». Между тем различные его решения в меняющихся культурно-исторических и идейно-практических контекстах формируют конкурирующие трактовки миссии правоведа (того, что, собственно, должно поддерживаться и как). То же касается ценностного аспекта права — как состава и иерархии правовых ценностей (например, веса прав личности), так и обоснования самого права в правоведческой деятельности: на чем строится идея универсальной ценности права, и подлежит ли оно защите при любых обстоятельствах?

В-третьих, вопреки Р. Коттереллу, допустимы различные способы «служения праву». Это означает возможность для правоведа использовать разные методологические схемы, включая создание ценностно-нейтральных описаний права, отличных от правовой идеологии или критики (Г. Кельзен, Г. Харт, Дж. Раз), подчинение юриспруденции политической и моральной философии (Р. Дворкин) *(речь идет о подчинении юриспруденции или о неподчинении («отличных от… подчинения»)?)* и др.

В-четвертых, что особенно важно, концепция Р. Коттерелла игнорирует феномен международного права, нуждаясь в соответствующем развитии и проблематизации в контексте глобальной нестабильности. С одной стороны, вслед за мыслителем можно утверждать, что миссия правоведа здесь будет заключаться в обеспечении благополучия международного права по аналогии с правом внутригосударственным. Даже в ситуации глобальных радикальных трансформаций и конфликтов требуется удержание их независимой юридической оценки и продвижение права как структуры, эксплицирующей и справедливо упорядочивающей разнообразие национальных и других юридически значимых интересов. При этом должны сохраняться гибкость и «объемность» позиции: сочетание реальных критериев, заданных стандартами и практиками международно-правового общения, и верности идее и ценностям права[1]. С другой стороны, подобная установка видится недостаточной. Как отмечалось, в зависимости от подхода проблемными могут оказаться юридический статус и ценностные начала международного права (та же идея справедливости миропорядка). К тому же правовед, действуя в контексте, может принимать альтернативные варианты соотношения международного и внутригосударственного права, что дает разные приоритеты — в частности, ответы на вопрос, до́лжно ли хранить верность международному праву при его использовании против национального правопорядка. Далее реализация подхода Р. Коттерелла требует и концепции легитимных интересов, подлежащих международно-правовому признанию, а также их надлежащего баланса (иерархии). Наконец, нуждается в решении проблема конкуренции и конфликта социальных ролей и тем самым предельных оснований верности именно роли правоведа. В этом плане институциональная, культурная, биографическая и прочие перспективы правоведа, судя по всему, будут обусловливать не только выбор внутригосударственного права в противовес международному, но и возможное приостановление служения праву (или даже отказ от такового) в пользу сохранения более важных, высших ценностей.

[1] Интересным здесь будет вопрос: оправдано ли использование неправовых средств для защиты глобального правопорядка, в том числе если сами международно-правовые инструменты используются для его разрушения (вопреки его смыслу)? По-видимому, подход Р. Коттерелла допускает это как крайний вариант компромисса правовых ценностей при сохранении ориентации на идею/благополучие права.

В. А. Ковалев[1]

АНТИНОМИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. МОДЕЛЬ АГОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПУТЬ ВЫХОДА ИЗ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В современном мире процесс принятия решений на высшем уровне международных отношений оказался неожиданно малоэффективным. Прогресс в развитии многостороннего международного сотрудничества в рамках всемирных международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций, который казался неудержимым в 1980–1990-х годах, сейчас заметно пробуксовывает. Ярким примером является статистика использования права вето в Совете Безопасности ООН. Это право, весьма часто применявшееся в эпоху идеологического противостояния (например, только за первые десять лет существования организации СССР применял право вето 79 раз) и значительно реже в период разрядки, в современной ООН снова имеет тенденцию к росту частоты применения. Например, СССР в 1970–1992 годы применил это право всего 9 раз, а Россия на современном этапе — 21 раз[2].

Этот пример достаточно ясно показывает, что в современном мире кризис классической модели либеральной демократии имеет место не только на национальном, но и на международном уровне. Явление актуально, несмотря на то что демократия в последние годы стала синонимом легитимности. Если попытаться осмыслить причины этого кризиса, можно обратиться к нескольким теоретическим моделям.

Первая — это критика демократической модели известным теоретиком права Карлом Шмиттом. Напомню, что, согласно его теории, сфера политического (в том числе международно-политического) — это область неразрешимых противоречий, вопросов, по которым невозможно прийти к консенсусу, поскольку «враг» (носитель иного мнения) представляется настолько чуждым, что попытки понять его грозят утратой идентичности[3]. Подобное восприятие демократии позволило Шмитту говорить о противоречии между потенциально возможным единым обществом, представление о котором лежит в либеральном дискурсе, и реально существующими тенденциями развития демократии. Исследователь утверждает: «Когда речь идет о равенстве, необходимо проводить различие между двумя совершенно разными идеями: либеральной и демократической. Либеральная концепция равенства утверждает, что каждый человек как личность заведомо равен любому другому человеку. Однако демократическая концепция нуждается в возможности проведения различия между теми, кто принадлежит к народу, и теми, кто к нему не принадлежит; необходимо, чтобы существовало соответствующее неравенство»[4].

Таким образом, с точки зрения Шмитта, долговременное сохранение либеральной демократии невозможно, а противоречия между «своим» и «чужим» неизбежно ведут к конфликтам. Эти столкновения потенциально неразрешимы, и даже в случае решения текущего конфликта у противоречий останется тенденция к накоплению. Действительно, подобный подход хорошо характеризует эпоху идеологического противостояния второй половины XX века. Тем не менее прекращение идеологического соперничества должно было ослабить степень противоречий, а выбор демократии как объединяющего и легитимирующего режима должен был ввести дискуссию на международном уровне в сферу решаемого конфликта и диалога.

Однако если демократия на международном уровне и способна стать основой диалога, то возникает вопрос о форме ее применения. Вне всяких сомнений, идея, согласно которой правила, по которым действуют акторы на международной арене, должны ограничивать их действия только с их согласия, выглядит хорошо обоснованной. Она вписывается прежде всего в рамки набирающего популярность, в том числе и в нашей стране, республиканского (неоримского) подхода. Тем не менее даже такой классик этой концепции, как Филипп Петтит отмечал, что «в сегодняшнем мире каждое государство может ощутить негативные, прямые или косвенные, воздействия от того, что раньше бы сошло за безобидное действие другой стороны»[5]. Для Петтита единственное жизнеспособное решение в свете всех этих зависимостей и взаимозависимостей состоит в их контроле дискурсивным режимом, или, другими словами, в обсуждении их природы в рамках международных организаций, таких как ООН. «Только при посредстве международных дебатов, основанных на признании определенных общих оснований, государства могут надеяться определить, где они ущемляют свободу друг друга, а где естественным образом должны быть

---

[1] Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор 50 научных публикаций, в т. ч.: «Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура», «Реальная политика и реальность насилия в тексте „Парижской резни“ К. Марло», «Экономические, политические и правовые факторы конституционного кризиса в США в середине XIX века» (в соавт.), «„Мы наш, мы новый мир построим“: сравнительный анализ революционных конституций Мексики (1917), РСФСР (1918) и Венгрии (1919)», «Неоримская идеология как основа реформирования международного права в условиях глобального кризиса либеральной парадигмы», «Истина мифа власти. Континуитет и дисконтинуитет в аккламационных процессиях английских монархов конца XIV — начала XVII века» и др.

[2] Вето в Совете Безопасности // Совет Безопасности ООН. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto (дата обращения: 20.03.2019).

[3] *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

[4] *Шмитт К.* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 2. С. 6–16.

[5] *Петтит Ф.* Республиканизм: Теория свободы и государственного управления. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.

установлены границы этой свободы как отсутствия доминирования»[1].

Становится очевидным, что реализация функции ООН как источника публичной власти, уравновешивающей частную власть национальных государств на международной арене, усложняется именно за счет противоречий между национальными государствами внутри самой организации.

Таким образом, обращение к неоримской методологии в понимании международных отношений возвращает нас к дискуссии о демократии на международном уровне и, прежде всего, к двум концепциям современной демократии — делиберативной и агрегативной.

В центре теории делиберативной демократии находится идея оправдания посредством обсуждения. Поскольку для обоснования нормы необходима настоящая дискуссия, следовательно, нужен политический порядок, основанный на реальном публичном диалоге между гражданами. Политическое решение должно быть основано на компетентном обсуждении спорных проблем, то есть на дискуссии, которая ведется в соответствии с коммуникативными принципами согласованного дискурса. Только тогда ее содержание может считаться рационально мотивированным. Нормы, которые не подтверждаются подобным образом, не могут быть обязательными для всех, а если они устанавливаются, то это не что иное, как простое порабощение и подчинение воле. То есть в идеале должна иметь место настоящая политическая дискуссия, которая ведет к рациональному соглашению по поводу норм.

Собственно, именно такое понимание демократичности международного политического процесса продемонстрировал полномочный представитель Российской Федерации в Совете Безопасности ООН Виталий Чуркин, заявивший следующее: «Право вето для постоянных членов — важнейший механизм, который заставляет работать над поиском консенсусных решений, и в огромном числе случаев это удается»[2].

Тем не менее одна из проблем делиберативной демократии — это невозможность объяснить, как современные плюралистические сообщества могут достичь согласия по поводу всего свода законов, по которым они живут. Один из основателей и наиболее ярких представителей этой теории Юрген Хабермас признает, что конвенция никогда не будет полной. В конце дискуссии всегда будет необходимо проголосовать, а это означает, что согласие так и не достигнуто[3]. Таким образом, мы приходим к отмеченному еще К. Шмиттом противоречию.

Делиберативной концепции противопоставляется концепция агрегативной демократии, согласно которой личные мнения и преференции понимаются как данность, а целью демократического процесса принятия решений является объединение индивидуальных предпочтений в социальное решение через голосование. В рамках этой модели демократия понимается как механическая агрегация голосов или частных преференций в социальные решения или коллективные преференции. Представители этого подхода разделяют либерализм как концепцию блага и демократию как процедуру — причем они не всегда связаны друг с другом. В этом смысле агрегативная демократия восходит к концепции агонального либерализма Исайи Берлина, в рамках которой либерализм понимается не как благо (хотя и может являться таковым в рамках данной культуры), а как процедурный принцип, основная функция которого состоит в оценке рисков и достижении компромисса в конфликтах ценностей, целей и интересов[4].

Наиболее ярко концепции, позволяющие сочетать демократическую процедуру с наличием антагонизмов и невозможностью выработки полного компромисса, проявляются в работах политических философов постмарксистского направления — Э. Лакло и Ш. Муфф. Признавая факт антагонистичности политических отношений, эти исследователи тем не менее предложили концентрироваться «на типах практик, а не на формах приведения доводов»[5].

Модель агонистической демократии принимает во внимание ценностное измерение конфликта, при котором невозможны изменения позиций сторон и отказ от ценностей группы ради блага общества в целом. Этот момент очень важен, поскольку подобное восприятие позволяет осмыслить политические конфликты с объективных позиций, характерных для конфликтологической мысли, и создать возможность для их урегулирования. При таком восприятии целью любого политического образования внутри общности становится уменьшение враждебности в социуме, создание некоторых способов взаимодействия между носителями различных убеждений, естественно склонных воспринимать друг друга как врагов. Агонистический плюрализм — это необходимый для агонистической модели демократии способ политического взаимодействия, цель которого заключается «в таком конструировании „их“, когда „они“ перестают считаться врагами, которых необходимо уничтожить, и становятся „соперниками“, то есть теми, с чьими идеями мы боремся, но в чьем праве отстаивать их мы не сомневаемся. Таково действительное значение либерально-демократической терпимости, предполагающей не попустительство идеям, против которых мы выступаем, или безразличие к точкам зрения, с которыми мы не согласны, а отношение к тем, кто их отстаивает, как к законным соперникам»[6].

Использование подобного подхода позволяет преобразовать антагонизм политического конфликта (по К. Шмитту) в агонизм и таким образом снять не-

[1] *Pettit P.* A Republican Law of Peoples // European Journal of Political Theory. 2010. № 9. С. 70–94.

[2] Москва высказалась против отмены права вето постоянных членов СБ ООН // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/467211 (дата обращения: 20.03.2019).

[3] *Habermas J.* Popular sovereignty as procedure // Deliberative democracy: essays on reason and politics. Cambridge : MIT Press, 1997. С. 33–46.

[4] *Грановская О. Л.* Делиберативная и агрегативная модели демократии и агональный либерализм И. Берлина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 126–135.

[5] *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180–197.

[6] *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialistic strategy. L. : Verso, 2001.

разрешимость политических противоречий. Вместо концентрации усилий на абстрактной и малореальной ликвидации всех конфликтов, агональная демократия предлагает признание конфликтов легитимной частью взаимоотношений акторов (в том числе на международной арене). При этом за счет применения неоримского подхода возможно заключение соглашения о правилах ведения состязания (агона) между конкурирующими идеологиями и, таким образом, выхода из тупика, в котором оказалось международное сотрудничество на уровне глобальных мировых институтов на данном этапе.

Ю. В. Кузнецов[1]

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ[2]

Развитие экономики в современных условиях характеризуется увеличением проблем глобализации и нестабильности, ростом конкуренции между странами, регионами, усилением давления внешних факторов развития, с одной стороны, а также сменой вектора экономического роста, усугублением неопределенности перспектив мировой экономики — с другой.

Значимость управления социально-экономическими процессами, в том числе региональными, существенно возрастает. Это обусловлено различиями социально-экономического развития регионов. Так, по доходам на душу населения самые богатые регионы (Москва, Ненецкий, Ямало-Ненецкий (ЯНАО), Ханты-Мансийский (ХМАО) автономные округа) отличаются от самых бедных (Тывы, Калмыкии, Ингушетии) в 4–5 раз. Уровень бюджетной обеспеченности, то есть количество средств, которое может быть потрачено на оказание госуслуг, у десяти самых богатых регионов в 2017 году был в 6,9 раза выше, чем у десяти самых бедных территорий. И даже с учетом дотаций из федерального бюджета, которые они получили, этот разрыв удалось сократить только до 1,3 раза.

Основа неравенства — высокая концентрация экономики в развитых регионах. В 13 сильных регионах расположена половина всего промышленного производства. На долю ЯНАО, ХМАО и Москвы приходится 45–50 % всех налоговых поступлений в федеральный бюджет.

Вместе с тем устранение неравенства — это не только и не столько выравнивание доходов населения в разных регионах, но и создание комфортных условий жизни, основу чего составляет рост экономики регионов. В настоящее время используется даже так называемый индекс счастья, определяются рейтинги стран, существует ряд методик их подсчета.

С переходом к новому экономическому укладу начался переход к новой, более современной модели государственного управления, опирающейся на использование подходов, применяемых в бизнесе, практике корпоративного управления, и учитывающей ценностно-ориентированный подход. В России на федеральном и региональном уровнях управления широко используются методы, применявшиеся в условиях административно-командной системы экономики и не учитывающие особенностей развития в современных условиях, а новые рыночные подходы и методы внедряются бессистемно.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 годов, введение различных экономических санкций со стороны Запада, продолжающиеся стагнационные процессы в экономике, начавшееся после длительного периода сокращения повторное углубление межрегионального неравенства свидетельствуют о необходимости поиска новых подходов к формированию новой парадигмы управления государством и регионами.

Для этого требуется развитие новейших методов управления и планирования. В частности, не потеряли своей актуальности предложения по следующим приоритетным направлениям, которые мы сформулировали для парламентских слушаний[3]:

— повышение уровня и качества государственного стратегического планирования и управления в РФ;

— стимулирование инновационных процессов в экономике;

— предотвращение оттока капитала за рубеж, деофшоризация и рост притока прямых инвестиций в экономику РФ;

— дебюрократизация экономики и создание новых антикоррупционных механизмов;

— создание благоприятных условий для развития предпринимательства, роста занятости, качества и производительности труда;

— устранение социального неравенства и дифференциации доходов населения;

— рациональное использование бюджетных средств и резервных фондов РФ.

---

[1] Заведующий кафедрой управления и планирования социально-экономических процессов Санкт-Петербургского государственного университета, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных и методических публикаций, в т. ч.: «Теория организации: учебник для бакалавров» (в соавт.), «Менеджмент. Учебник» (ред.), «Государственное стратегическое управление. Монография» (в соавт., ред.), «Теоретические проблемы управления туризмом», «A comparative analysis of megaproject risk management models», «Practical tools for assessment of strategic risk factors of entrepreneurial activity» и др. Член Петровской академии наук и искусств.

[2] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-010-01204 «Оценка стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России (На примере Псковской области)».

[3] *Кузнецов Ю. В.* Проблемы государственного и регионального управления в изменяющихся условиях // Актуальные проблемы менеджмента: управление в регионах в условиях изменяющейся среды : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 6 ноября 2015 г. СПб. : СПбГУ, 2016. С. 19–22.

Для реализации предложений необходимо принять ряд мер, в частности заинтересовать население в высокопроизводительной деятельности и инновационной активности, что является основой подъема экономики РФ, роста валового национального продукта, производительности труда и конкурентоспособности. Необходимо при этом создать благоприятные условия для развития предпринимательства и конкуренции, применить новые принципы и критерии государственного стратегического управления, учитывающие полные экономические результаты, экономическую эффективность, рост конкурентоспособности экономики, повысить уровень знаний работников государственных органов управления на основе распространения новых знаний в сфере государственного управления.

Одна из важнейших проблем регионального управления в современных условиях — развитие цифровой экономики как экономического уклада, который включает информационную экономику, криптоэкономику, то есть речь идет о переходе на качественно иной уровень использования новых технологий во всех сферах социально-экономической деятельности, что отмечается в программе Правительства РФ «Цифровая экономика РФ»[1].

Стратегический подход к управлению социально-экономическим развитием на федеральном, региональном и корпоративном уровнях усиливает свою значимость. Для эффективного функционирования стратегического подхода к управлению в регионах должна быть сформирована система стратегического управления, включающая обязательные составляющие. В то же время следует иметь в виду, что регионы России сильно отличаются друг от друга по степени сформированности стратегического управления. В решении этой проблемы поможет формирование стандарта региональной системы стратегического управления.

Сдерживающими факторами развития новых технологий являются дефицит кадров, невысокий уровень подготовки специалистов, недостаточное количество исследований мирового уровня.

В программе «Цифровая экономика РФ» определены восемь направлений развития цифровой экономики в России на период до 2025 года, среди них — государственное регулирование и государственное управление. С учетом целей и задач развития цифровой экономики в России формируется система управления, которая должна:

1) включать представителей всех заинтересованных в развитии цифровой экономики сторон (органов государственной власти, бизнеса, гражданского общества, научно-образовательного сообщества);

2) обеспечивать прозрачность и подотчетность своей деятельности;

3) реализовывать проектный подход в организации управления;

4) включать три уровня управления — стратегический, оперативный и тактический.

На стратегическом уровне системы управления утверждаются направления развития цифровой экономики, стратегические цели и планы, отчеты об их достижении. При этом рабочий орган стратегического уровня управления должен рассматривать и согласовывать форсайты и прогнозы развития цифровой экономики и цифровых технологий, основные направления развития, результаты мониторинга и контроля программы развития цифровой экономики, изменения программы и системы управления.

Стратегическое управление регионом может быть эффективным в том случае, если в нем результативно функционируют все соответствующие системы управления, то есть речь идет не просто о стратегии развития, а о системе стратегического управления.

А. В. Кузьмин[2]

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современная политико-экономическая ситуация в контексте десинхронизации процессов глобализации характеризуется четким разделением мирового сообщества на несколько политических кластеров. Причиной такого разделения, безусловно, является борьба за влияние ведущих мировых держав на экономических рынках и в политических процессах. При этом очевидно, что борьба происходит в том числе с использованием юридических средств и инструментов.

Важное место в этой системе занимает юридическая практика. В сфере публичного права национальная юридическая практика следует в фарватере политических форм-факторов[3] с позиции субъективно-государственного учета положений международного права (возможно, точнее будет сказать — права международ-

[1] *Кузнецов Ю. В.* Проблемы формирования стандарта региональной системы стратегического управления в условиях перехода к цифровой экономике // Актуальные проблемы менеджмента: производительность, эффективность, качество : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 10 ноября 2017 г. СПб., 2017. С. 220–223.

[2] Заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Теоретико-правовые и отраслевые основы механизма правовосстановления», «Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал», «Формирование права: нематериальные факторы»; статей: «Форм-факторы международного права как основание следования национальным интересам», «Государства de facto: внутреннее законодательство о международном праве и внешних сношениях», «Приватизация права правоприменения: по мотивам дискуссионной секции VII Петербургского международного юридического форума» и др. Главный редактор журнала «Theory and Practice of the restoration of rights».

[3] *Кузьмин А. В.* Форм-факторы международного права как основание следования национальным интересам // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 494–498.

ных договоренностей), что вполне объяснимо. В сфере же частного права, исходя из того, что имеет место экономический (внегосударственный) интерес, законодательство и правоприменительная практика должны быть подвержены влиянию таких форм-факторов в гораздо меньшей степени. Однако политическая действительность демонстрирует прямую зависимость частного права от публичных интересов. В связи с этим следует обратить внимание на два обстоятельства, затрудняющие глобализационные процессы.

1. Одним из примеров того, как публичные интересы (как внутри-, так и внешнеполитические) оказывают деструктивное влияние на частное право, является введение так называемых экономических санкций. Они способны существенно ограничить сферу имущественных (если шире — гражданско-правовых) интересов. Так, ограничивается поливариантность экономических правоотношений. Из персональной составляющей его структуры могут исключаться субъекты (например, введение так называемых личных санкций исключает участие конкретных персон в некоторых правоотношениях: невозможно стать заемщиком, вкладчиком, продавцом, покупателем и т. п.) и объекты (невозможно сформировать правоотношения с определенным объектом, имеющим нежелательные место производства, место происхождения, свойства и т. п.) или содержание (из структуры субъективного права исключается какая-либо возможность — например, право распоряжаться собственностью, право на свободное передвижение и т. п.).

2. Сложившаяся глобальная система предполагает формирование особой позитивной конструкции правоприменительной результативности — юрисдикции ограниченного признания. В качестве примера можно привести использование для защиты субъективного права норм иностранного права, закрепленных в заведомо узкопризнаваемой юрисдикции. Например, использование для разрешения различных юридических споров законодательства непризнанных (ДНР, ЛНР, ПМР) и частично признанных (Абхазии, Южной Осетии, Нагорно-Карабахской Республики, Косово) государств, а также непризнаваемых юрисдикций.

Так, при вынесении решения по делу № 2-100/2016 от 24 марта 2016 года Кимовский городской суд Тульской области применил положения Гражданского кодекса Приднестровской Молдавской Республики, легализовав его применение официальной позицией России (по умолчанию) о непризнании ПМР и одновременно сославшись на применение в Молдавии ст. 41 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года. При этом юридическое противоречие формального публичного и неформального частного права выразилось не только в применении ГК ПМР и допущении использования в качестве иностранной валюты приднестровского рубля, но и в неприменении в данной ситуации ГК Молдавии. Более того, текст судебного решения вообще не содержит отсылок к молдавскому праву и ограничивается отсылками к приднестровскому.

Особое место в этой системе факторов занимает проблема применения российскими судами законодательства Украины применительно к отношениям, возникшим до вхождения в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Очевидно, что для российской правовой системы данный юридический факт не представляет особой процессуальной сложности. Важно лишь учитывать момент возникновения правоотношений и применять к ним соответствующую юрисдикцию. Однако признание юридической силы таких решений за пределами Российской Федерации вызывает определенные проблемы. То есть юридическая сила решений крымских и севастопольских судов для российского правового поля очевидна, в то время как в зарубежном поле она полностью отрицается.

Так, ч. 3 ст. 9 Закона Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовой режим на временно оккупированной территории Украины» устанавливает: «Любой акт (решение, документ), выданный органами и/или лицами, предусмотренными частью второй настоящей статьи, является недействительным и не создает правовых последствий»[1]. А в ч. 2 данной статьи устанавливается: «Любые органы, их должностные и служебные лица на временно оккупированной территории и их деятельность считаются незаконными, если эти органы или лица созданы, избраны или назначены в порядке, не предусмотренном законом».

Отметим в этом контексте, что в 2014–2019 годах доля принятых решений с учетом украинского права составила 26 % от общего количества решений российских судов с использованием в мотивировочной части прямых отсылок на применение иностранного права. Причем в структуре этих 26 % судебных решений, значительная доля (22,5 %) принимается в связи с отношениями, возникшими в период нахождения Крыма и Севастополя в украинской юрисдикции. Конечно, вряд ли можно с безусловной статистической точностью продемонстрировать распределение по иностранным юрисдикциям случаев применения иностранного права в отечественных судебных решениях. Однако и использованный метод с выборкой в 200 судебных решений судов первой инстанции, в которых было применено иностранное право, позволяет говорить об устойчивой тенденции в рассматриваемом вопросе.

Представляется логичным сделать следующие выводы.

1. Правовое обеспечение процессов глобализации на национальном уровне демонстрирует жесткую зависимость частного права, направленного в перспективе на глобализацию законодательства и правоприменительной практики, от публичных интересов, декларируемых государством.

2. Факторами, препятствующими реализации идеи юридической глобализации, выступают:

а) институт введения и реализации так называемых экономических санкций;

б) существование узкопризнаваемых юрисдикций.

[1] Закон України от 15.04.2014 № 1207-VII «Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України» (ред. від 04.11.2018) // Інформаційно-пошукова система «Законодавство України». URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1207-18#n2 (дата обращения: 10.03.2018).

Е. А. Куклина[1]

МОДЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ГЛОБАЛЬНОМ ОСЫПАЮЩЕМСЯ МИРЕ

В настоящее время все мировое сообщество вынуждено жить и выживать в ситуации глобальной нестабильности. Реальностью современности стала все возрастающая неоднозначность, неопределенность направлений мирового развития, обусловленная появлением новых растущих центров развития и усилением их влияния на формирование мирохозяйственных трендов.

Новую реальность экспертное сообщество стало характеризовать как VUCA World, используя акроним VUCA из английских слов **v**olatility (нестабильность, изменчивость, неустойчивость), **u**ncertainty (неопределенность), **c**omplexity (сложность) и **a**mbiguity (неоднозначность, неясность, двусмысленность). Симптоматичным является то обстоятельство, что данную аббревиатуру впервые применили военные США для описания соответствующих событий 1990-х годов.

Мир, который был раньше, также получил обозначение — SPOD World: **s**teady (устойчивый), **p**redictable (предсказуемый), **o**rdinary (простой) и **d**efinite (определенный). Этот устойчивый, предсказуемый, простой и определенный мир остался в прошлом. Мировое развитие как в политическом, так и в экономическом отношении сейчас характеризуется двумя объективными реалиями:

— мир «соскользнул» в эпоху односторонних решений — эта тенденция объективна, ею нельзя управлять, но необходимо понимать ее последствия, находить способы нейтрализации и снижения негативных результатов этих последствий;

— государства становятся все более эгоистичными, ориентированными на решение собственных проблем, которые обусловлены вызовами запутанного и неопределенного мира.

Все государства современности вынуждены принять реальности сегодняшнего осыпающегося VUCA-мира. Термин «осыпающийся мир», который был вынесен в повестку ключевой дискуссии на XV юбилейном ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай»[2], наиболее точно отражает специфику современного — осыпающегося — мира.

Мир стал «осыпаться» вследствие того, что был разрушен сложившийся после завершения Второй мировой войны миропорядок, который базировался на признании результатов этой войны и нормах международного права. Сейчас разрушена цивилизованная система международных отношений, не существует даже краткосрочной экономической повестки, нормы права пытаются заменить правилами сильнейшего.

Нет никакого миропорядка, он разрушен главным образом неправомерными и неправомочными действиями одной из глобальных держав, которая в силу обстоятельств, не являющихся темой настоящего доклада, считает себя мировым гегемоном. Данная страна не видит изменений в мире и не ощущает их темпов. Именно это и явилось причиной слома стержневой основы международной структуры; это обстоятельство можно рассматривать в качестве генезиса глобальной неопределенности.

Препятствия для кристаллизации международной структуры, которая может воспрепятствовать дальнейшему «осыпанию» мира и стать основой будущей стабильности и устойчивости, то есть главные международные неопределенности, можно определить следующим образом (со знаком вопроса):

— возможно ли равновесие сил в мире;

— надежно ли обеспечена международная стабильность;

— насколько состоятельны международные режимы?

Государства в современном мире — это масштабные организации долгосрочного и стратегического планирования. Многолетние бюджеты, программы технологического развития, стратегические проекты в инфраструктуре, сфере транспорта, освоении космоса опираются на ключевые международные тенденции. Необходимым условием стратегического и долгосрочного планирования является определенность, но именно она сейчас стала главным дефицитом.

В настоящее время многостороннее соперничество мировых держав протекает в рамках их многослойной взаимозависимости. В условиях глобального характера проблем остается неизменным национальный характер ответов на них. Эта коллизия является одним из определяющих факторов в международной политике и экономике.

Можно ли вообще говорить о развитии в ситуации всеобщего потрясения? И возможно ли вообще развитие в этих условиях? По нашему мнению, возможно, но только если государства примут меры, направлен-

---

[1] Профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, руководитель программы магистерской подготовки «Экономика фирмы», руководитель программы «Двойной российско-французский диплом бакалавра экономики», доктор экономических наук. Автор более 280 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. монографий: «Инвестиционная стратегия развития Северо-Востока России в условиях рыночной экономики», «Формирование экономического механизма устойчивого развития горнопромышленных комплексов», «Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами», «Современные проблемы управления социально-экономическими системами и процессами» (в соавт.), «Устойчивое развитие России в контексте ноосферной парадигмы развития» (в соавт.), «Управление социально-экономическим развитием и туристско-рекреационной деятельностью на федеральном, региональном и местном уровнях: типологический подход» (в соавт.), «Моделирование процессов формирования доходной части бюджета на региональном уровне» (в соавт.) и др.

[2] «Жизнь в осыпающемся мире» — тема доклада на XV ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 15–18 октября 2018 г., Сочи. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/22596.

ные на сохранение максимальной автономии и свободы действий, отстаивание своего национального и экономического суверенитета.

В докладе «Контуры будущего российской экономики в контексте мирового кризиса» академик С. Ю. Глазьев представил свое ви́дение возможных вариантов развития России в условиях осыпающегося мира, каждый из которых в той или иной степени предполагает разные форматы участия России в международном экономическом процессе. Исходя из определения политики как искусства возможного, предпочтительным для России является развитие стратегического партнерства с КНР, которое становится реальным при формировании в России институтов нового мирохозяйственного уклада и переходе к стратегии опережающего развития. В соответствии с этим вариантом разрабатываются общие планы развития, реализуются крупные совместные инвестиционные проекты. По оценкам С. Ю. Глазьева, темпы роста российской экономики могут составить 10 % ежегодного прироста ВВП и 20 % прироста инвестиций[1].

По нашему мнению, российская экономика сможет добиться этого и противостоять глобальной нестабильности только в той мере, в какой она остается экономически суверенной. Экономический суверенитет России является гарантией и мировой безопасности.

Развитие России в условиях осыпающегося мира и глобальной нестабильности должно базироваться на тех условиях, которые имеют внутреннюю природу, то есть зависят только от нее самой.

Представляется, что фундамент стабильности экономики России и ее экономический суверенитет образуют три краеугольных камня:

— экономически сильный государственный сектор;

— развитый предпринимательский сектор (в том числе трансграничное предпринимательство);

— административно сильное гражданское общество.

Роль и значение современного государственного сектора экономики в обеспечении экономического суверенитета и создании предпосылок стабильности экономического развития определяются возникновением у него следующих новых функций и необходимостью их реализации:

— формирование предложения и спроса на новые, инновационные блага и технологии, адекватные требованиям инновационной экономики (омодативная функция);

— стимулирование частного сектора на обновление выпуска продукции, совершенствование технологий, в том числе через механизм государственно-частного партнерства (волюнтативная функция);

— создание новых знаний, их диффузия в частный сектор, коммерциализация, предоставление частному сектору информации о состоянии мировой конъюнктуры, об опыте заключения договоров, лицензий, создание новых рынков инновационной продукции и т. п. (коммуникативно-информативная функция).

Подтверждением того, что на государственном уровне это понимают, является обязательность разработки программ инновационного развития (ПИР) всеми государственными корпорациями в соответствии с поручением президента РФ от 7 февраля 2011 года № Пр-307. ПИР были разработаны и реализуются в настоящее время 47 крупнейшими компаниями с государственным участием.

Развитие экономического устройства отечественного производства включает системное становление рынка, всемерное поощрение конкуренции, поддержку всех видов и форм предпринимательства.

Увеличение предпринимательской активности наряду с ускорением темпов развития новейших технологий, сотрудничеством с центрами производства знаний, возрастанием доли услуг и роли передачи знаний, а также с высоким уровнем значимости интеллектуального капитала характеризует основные аспекты влияния процесса глобализации на инновационное развитие.

Предпринимательство является мощным потенциальным фактором повышения конкурентоспособности национальной экономики, а результаты предпринимательской деятельности — основой инновационного развития страны. Перевод этого фактора из разряда потенциальных в реальные является важнейшей задачей государства.

За год Россия в рейтинге «Doing Business 2019» поднялась на четыре ступени и сейчас находится на 31-м месте среди 190 стран. Самый большой прогресс зафиксирован в традиционно слабой позиции «доступ к строительству», которая оценивает качество и скорость получения разрешения на строительство. Был введен риск-ориентированный подход при проведении проверок, сократились сроки выдачи разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию, застройщики теперь могут получать государственные услуги в электронном виде, также упростились процедуры инженерных изысканий. Безусловно, это позитивные сдвиги, но место в четвертом десятке, по нашему мнению, нельзя признать удовлетворительным для нашей страны.

Целью России является успешное решение задачи комплексного развития экономики, которое могло бы обусловить ее рост. Таким образом, будут решены проблемы, касающиеся обеспечения безопасности и международного статуса страны, достижения высокого уровня благополучия в нашей стране.

Сильное государство невозможно без административно сильного гражданского общества, так как именно гражданское общество продвигает общественные интересы, которые оказались за рамками политической системы или рынка. Именно оно ищет баланс интересов в том случае, когда права потребителей, инвесторов, трудовых коллективов и местных сообществ нуждаются в защите, а экологические требования противоречат потребностям в создании новых рабочих мест.

Таким образом, стратегической целью функционирования экономики Российской Федерации в современных условиях «дивного нового мира» должно стать развитие отечественного производства, которое

[1] *Глазьев С. Ю.* Контуры будущего российской экономики в контексте мирового кризиса // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 56.

включает системное становление рынка, поощрение конкуренции, поддержку всех видов и форм предпринимательства, а также развитие гражданского общества. Именно эта модель российской экономики обеспечит ей устойчивое развитие даже в условиях глобальной нестабильности современного осыпающегося мира.

В качестве постскриптума необходимо вспомнить понятие «антихрупкость»[1] как способность живых систем становиться сильнее и выносливее, пережив потрясения. Достигается антихрупкость (по Н. Талебу) за счет пристального внимания к происходящему, оперативной обратной связи и «прилаживающего» взаимодействия с окружающим миром.

В. В. Лапаева[2]

НБИК-ТЕХНОЛОГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (С позиций философско-правового подхода)[3]

Рассматривая нынешнюю ситуацию глобальной нестабильности в контексте мегаисторических трендов, специалисты[4] признают, что развитие человечества приближается к точке бифуркации, за которой ожидаются скачкообразные изменения кардинально разной направленности. Наличие такой перспективы означает, что уже в обозримом будущем современное общество риска трансформируется в общество качественно новой неопределенности, не поддающейся, в отличие от статистически измеряемого риска, исчислению и прогнозу. Есть множество оснований полагать, что одним из главных факторов, способствующих переходу истории в стадию глобальной неопределенности, является ускоряющийся технологический прогресс, который, как заметил еще в середине прошлого века Дж. фон Нейман, приближает общество «к какой-то фундаментальной сингулярности, после которой знакомый нам человеческий мир не может продолжиться»[5].

В XXI веке это гениальное предвидение выдающегося математика и большого знатока всемирной истории находит подтверждение в колоссальном темпе развития конвергирующих НБИК-технологий. Одной из основных целей НБИК-инициативы, выдвинутой в 2001 году под эгидой Национального научного фонда США, изначально было расширение возможностей человеческой функциональности, то есть «улучшения» человека при помощи модификаций человеческой телесности и интеллекта[6]. Из-за такого перехода от естественной эволюции человеческой природы к искусственной трансформации, имеющей характер дегуманизации (расчеловечивания в буквальном смысле этого слова), перед философским дискурсом ставятся крайне сложные вопросы.

Ю. Хабермас одним из первых обратил внимание широкой научной общественности на опасности, которые таит в себе так называемая либеральная евгеника[7]. Он сделал акцент на том, что превращение человека в продукт чьих-то генетических манипуляций ведет к разрушению самоидентичности и автономности. Ф. Фукуяма продолжил анализ этой темы с позиции еще более ярко выраженного биоконсерватизма[8] и рассмотрел возможные последствия вторжения в человеческую природу, связанные с разрушением гуманистических ценностей, которые обусловлены биосоциальной природой человека. Рассматривая сдерживающие возможности соционормативной регуляции, он призвал вернуться к юснатуралистским учениям Античности, которые признают неизменность некоторых моральных универсалий, имманентно связанных с природой человека. На основе этого Фукуяма предложил обозначить те «красные линии», за которые не следует переходить новейшим технологиям. В развернувшейся затем дискуссии было выявлено множество прямо противоположных подходов к проблеме, наиболее ярко представленных в работах американского футуролога Р. Курцвейла[9].

Каким бы ни был исход этих приобретающих все более широкий размах научных дискуссий, считает израильский историк Ю. Харари, практика, скорее всего, предложит свой подход к ситуации. В XXI веке, утверждает он, человечество, несмотря на все сомнения и опасения, будет стремиться путем апгрейда достичь бессмертия, божественности и блаженства. «Выбор этих проектов, — полагает он, — может быть гран-

[1] *Талеб Н. Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса : пер. с англ. М. : КоЛибри, 2015.

[2] Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правопонимания: правовая теория и практика», «Право и политика: научные очерки», «Право и многопартийность в современной России», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Вопросы права в „Капитале“ К. Маркса», «Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Член редколлегий журналов «Социс», «Российский журнал правовых исследований», «Конституционное правосудие», «Платон». Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

[3] При поддержке РФФИ (проект № 18-29-14009).

[4] *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее. М. : АРГАМАК-МЕДИА, 2015. С. 299–344.

[5] Singularity Hypotheses. A scientific and philosophical assessment. Berlin ; Heildelberg ; Springer-Verlag, 2012. С. 4. Цит. по: *Назаретян А. П.* Указ. соч. С. 301.

[6] Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М. : Научный совет Стратегического общественного движения «Россия 2045». 2013. С. 96.

[7] *Habermas J.* Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik? Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001.

[8] *Fukuyama F.* Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2002.

[9] *Kurzweil R.* The singularity is near: When humans transcend biology. N. Y. : PG, 2005.

диозной ошибкой. Но история полна грандиозных ошибок»[1]. Судя по нашим прошлым успехам и нынешним ценностям, как отмечает далее автор с философской меланхолией, человечество все-таки замахнется на эти цели, даже если в итоге они его погубят.

В процитированном выше высказывании следует обратить особое внимание на то, что автор обозначил как нынешние ценности, поскольку это дает ключ для понимания характера и масштаба угроз. Сами по себе технологии нейтральны: проблема в том, какие ценности преобладают в обществе, в котором они применяются. Очевидно, что в обозримом будущем они будут развиваться в капиталистическом обществе потребления, в котором открывается качественно новая, безграничная по своему потенциалу, рыночная ниша, связанная с совершенствованием отдельных индивидов. В таком обществе, где «потребление прочно утверждается в качестве фокуса и площадки для индивидуальной свободы»[2], отдельному человеку становится все труднее противостоять идеологии консьюмеризма. Подобную неспособность, по мнению специалистов, иногда проявляют даже биоэтические комитеты, принимая решения *ad hoc*, исходя из ожиданий потребителей, и действуя дальше в рамках юридической традиции, согласно которой новые решения должны лишь не противоречить ранее принятым[3]. Этим институциям, которые изначально были созданы для защиты прав пациентов, подвергающихся медицинскому воздействию, и для испытуемых в рамках биомедицинских исследований, легче уступить логике консьюмеризма под предлогом биотехнологического расширения индивидуальной свободы, чем противопоставить этой логике задачи сохранения человечества как социальной общности и биологического вида.

Если человечество пойдет по уже наметившемуся пути рыночного использования биотехнологий, то мы очень скоро будем иметь дело с качественным расколом человеческого сообщества на сверхлюдей и «простолюдинов». Как проницательно замечает Ю. Харари, наблюдаемая сейчас «великая концептуальная революция» в медицине, в ходе которой смещается акцент с лечения больных на усовершенствование здоровых, — следствие общего технологического прогресса, в результате которого капиталистическая экономика уже не заинтересована в здоровье значительной доли населения. В прошлом веке, который был эпохой масс, «армии нуждались в миллионах здоровых солдат, а экономика — в миллионах здоровых рабочих»[4], но сейчас, когда экономика уже начинает выдавливать людей из сферы производства, сходят на нет не только эгалитарные практики социального государства, но и сама идеология эгалитарного либерализма. Таким образом, общемировой процесс последних десятилетий, ведущий к усилению социальной поляризации как на глобальном уровне, так и внутри отдельных государств посредством НБИК-технологий, получает не просто ускорение, а качественно новое направление и принципиально иной масштаб.

Очевидно, что последствия подобного сценария развития событий для подавляющего большинства людей станут катастрофическими. Но и бенефициаров НБИК-технологической революции, возможно, ждут свои опасности, поскольку тот упадок гуманизма, который приведет их на вершину планетарной социальной иерархии, скорее всего, несет в себе скрытую предпосылку саморазрушения. При этом речь идет не только о деструкции биологической природы человека, исчезновении человечества как биологического вида, замене его на так называемое постчеловечество и тому подобном, но и о разрушении в прямом смысле этого слова. Такое предположение следует из разработанной и обоснованной А. П. Назаретяном концепции техно-гуманитарного баланса, согласно которой, чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения социума[5]. Исследователь считает, что благодаря гуманистическим началам разума человечеству удавалось сдерживать разрушительный потенциал антигуманистической рациональности. Однако беспрецедентные масштабы НБИК-технологического давления на гуманитарную сферу могут оказаться фатальными.

Представления о том, что дегуманизирующий эффект от применения технологий по совершенствованию человеческой природы можно компенсировать и даже преодолеть путем биотехнологического «морального усовершенствования» отдельных индивидов[6], представляются наивными хотя бы потому, что реализация подобной идеи предполагает опору на тоталитарные социальные практики. Поэтому так важно сейчас понять, какие культурные регуляторы могли бы достаточно эффективно противодействовать обозначенным выше угрозам. Проблема заключается в том, что право, которое уже прочно утвердилось в качестве ведущей социорегулятивной силы, явно неспособно самостоятельно справляться с угрозами, порождаемыми неконтролируемым применением НБИК-технологий. Это хорошо видно, в частности, на примере биомедицины.

Сегодня в этой области действует целый комплекс международных актов рекомендательного характера (деклараций, рекомендаций, кодексов профессиональной этики и т. п.). При этом единственный международно-правовой акт, касающийся этой темы, — Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины от 1997 года — на настоящий момент ратифицировали лишь 29 государств (а Дополнительный протокол к Конвенции о биомедицинских исследовани-

[1] *Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2018. С. 71.

[2] *Бауман З.* Свобода. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2005. С. 82.

[3] *Тищенко П. Д.* Биотехнологическое улучшение человека в эпоху консьюмеризма // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 23 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека. М. : Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2016. С. 33.

[4] *Харари Ю.* Указ. соч. С. 408.

[5] *Назаретян А. П.* Указ. соч. С. 105.

[6] Критический анализ таких теорий см.: *Гребенщикова Е. Г.* Моральное улучшение человека // Рабочие тетради по биоэтике. М. : ИФ РАН, 2015. Вып. 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека. С. 105–114.

ях — 11 государств)[1]. Как показывает анализ, проблема здесь не столько в недостатке воли со стороны соответствующих международных структур, сколько в отсутствии возможности контроля. Это касается ситуаций, связанных с реализацией нормативных предписаний, научной, экономической и политической конкуренцией в данной области, а также с дополнительным стимулированием биотехнологического развития со стороны тех, кто распоряжается большими деньгами и имеет реальную власть. Кроме того, — и это особенно важно — у общества в целом нет общей позиции по вопросу, каков максимальный предел вторжения биотехнологий, и прежде всего генной инженерии, в природу человека. Нет ясности в этом вопросе и у научного сообщества.

В этих условиях главным регулятором отношений в данной сфере является мораль: общественная, корпоративная (в медико-биологическом сообществе), и особенно индивидуальная мораль исследователей. Что же касается права, то его роль в решении проблемы видится в том, чтобы создать максимальные гарантии защиты для ученых, решивших по моральным соображениям отказаться от участия в исследовании и поделиться своими опасениями с общественностью. Такое подключение правового подхода потребует масштабного поиска компромиссов между исследовательскими коллективами, их спонсорами, частными фирмами и государственными структурами, этическими комитетами разного уровня и теми учеными, которые способны учесть интересы будущих поколений, связанные с сохранением человечества как биологического вида и социальной общности.

Л. Ф. Лебедева[2]

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ТРАМПА

Проводимая Соединенными Штатами Америки политика со времени прихода в Белый дом действующего президента США Д. Трампа (инаугурация состоялась 20 января 2017 г.) характеризуется изменениями, оказывающими воздействие как на внутриэкономическую и социальную ситуацию, так и на разные стороны развития стран мира и взаимодействие между ними, усиливая риски неопределенности перспектив развития мирового хозяйства, что отмечалось, в частности, на последнем форуме в Давосе (январь 2019 г.) в докладе Мирового банка[3].

По оценке Международного валютного фонда (МВФ), корректировка в сторону понижения прогнозов темпов роста ВВП, международной торговли на 2019 год в значительной мере связана с противостоянием США и Китая — двух крупнейших экономик мира по вопросам торгово-экономических отношений и затронет страны с разным уровнем экономического развития[4].

Результаты проведенного в 2018 году опроса около тысячи ведущих экономистов, занимающихся проблемами международных экономических отношений, показали, что, по их мнению, «последствия налоговой и торговой политики» США «могут затронуть экономики как развитых, так и развивающихся стран». При этом около 2/3 респондентов считают, что их страны должны каким-либо образом ответить на новые вызовы[5].

Принятые в период президентства Д. Трампа административные указы, поправки к существующим регуляторам, новые законодательные инициативы и подписанные президентом акты отличаются «эклектичностью, сочетая приверженность к рыночным свободам с одновременным введением торговых ограничений в духе „экономического изоляционизма“ и „национального эгоизма“»[6]. Их противоречивость усиливает неоднозначность последствий политики Д. Трампа для внутренней экономики, социального самочувствия в стране, отношений с другими странами.

В основе проводимой экономической политики действующей президентской администрации — установка на лидерство США с использованием всех возможных инструментов, четко и в полной мере отраженная в Стратегии национальной безопасности страны (National Security Strategy of the United States of America, December 2017)[7], которая охватывает как военные

[1] Сайт Отдела по биоэтике Совета Европы. URL: https://www.coe.int/en/web/bioethics/oviedo-convention (дата обращения: 01.03.2019).

[2] Руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор экономических наук, профессор (мировая экономика). Автор более 270 научных публикаций, в т. ч.: «Китайский вектор политики США во второй половине текущего десятилетия: экономический аспект», «Создание рабочих мест по Трампу: приоритеты, реалии и риски», «Социальное измерение бюджетно-налоговых инноваций в период президентства Д. Трампа», «Трансконтинентальные партнерства на перепутье: факторы, риски, последствия», «США: государство–человек–экономика: региональное измерение», «США: государство и социальное обеспечение», «Приоритеты научно-технологической политики США» и др. Член редакционных советов журналов «Международная торговля и торговая политика»; «США и Канада: экономика, политика, культура», «Россия и Америка в XXI веке».

[3] Global Economic Prospects. World Bank's Report. Washington, January 2019. URL: http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects.

[4] IMF cuts its global growth forecasts. 2018. URL: https://www.cnbc.com/2018/10/09.

[5] Trump's policy // NBC news. 2018. June 7. URL: https://www.nbcnews.com/business/economy.

[6] *Лебедева Л. Ф.* Создание рабочих мест по Трампу // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 11. С. 77.

[7] National Security Strategy of the United States of America. Washington : The White House, 2017. December.

аспекты, так и экономические, финансовые, научно-технологические, энергетические. В данном документе подчеркивается «недосягаемость» политических, экономических, военных, технологических «преимуществ США над другими странами мира» и одновременно фиксируется усиление вызовов во всех сферах международного взаимодействия.

Нарастание политического давления на другие государства, в том числе на ближайших партнеров, корректировка сложившихся норм и правил, ставших помехой для продвижения американских интересов, потребовали укрепления правовых основ санкционной политики законодательными актами, в частности принятия закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries through Sanctions Act 2017). В этих целях в период президентства Д. Трампа Соединенные Штаты используют перманентно расширяющийся набор финансово-экономических инструментов, причем данный процесс приобрел устойчивый характер. Достаточно напомнить о серии санкций — торговых, экономических, финансовых, которые распространяются на юридические и физические лица разных стран как прямо, так и опосредованно, — в отношении поддерживающих сотрудничество, экономические связи с теми акторами, которые уже находятся под американскими санкциями.

Активизация применения санкций происходит в рассматриваемый период в условиях отступления США от длительно продвигаемых в их политике и практике принципов либерализации международных экономических отношений. Повышение тарифов на импортируемую продукцию, обещанное Д. Трампом еще в период предвыборной президентской кампании, способствовало росту протекционистских настроений в мире, переходящих в экономическую конфронтацию, что особенно остро проявилось в американо-китайских отношениях[1]. Согласно данным Министерства торговли США, по числу инициированных президентской администрацией расследований, предпринятых в связи с «недобросовестной конкуренцией» со стороны экспортеров продукции на американский рынок, в 2017–2018 годах лидировали Китай, а также Индия, Южная Корея, Таиланд, Канада.

Многоэтапное повышение тарифов на продукцию, импортируемую из Китая, ответные меры китайской стороны имеют разнообразные последствия для мировой экономики уже в силу масштабов национальных экономик двух стран, их роли в международной торговле, инвестиционном обмене. Кроме того, речь идет о претензиях США по вопросам нарушения прав интеллектуальной собственности со стороны Китая. Необходимость возведения барьеров на пути импорта американская сторона объясняет перманентно дефицитным (в течение десятилетий) торговым балансом, ростом масштабов дефицита в торговле товарами с другими странами, и прежде всего с Китаем. Действительно, из общего дефицита США в торговле товарами (807 млрд долларов в 2017 г.) на Китай приходилось 47 % его объема. Такое же соотношение сохраняется по предварительной оценке итогов 2018 года[2].

Масштабные меры США по ограничению «недобросовестной конкуренции» со стороны зарубежных производителей по состоянию на начало 2019 года не привели к ощутимому снижению глобальных дисбалансов, в частности к уменьшению разрыва в соотношении беспрецедентно высокого дефицита в торговле товарами США и устойчивого профицита торгового баланса по товарам подавляющего большинства их торговых партнеров.

На протяжении первых трех кварталов 2018 года экспорт продукции из США в Китай сохранялся примерно на том же уровне, что и в 2017 году, а в третьем квартале даже уменьшился на фоне значительного роста импорта китайской продукции (со 126,9 млрд долларов в третьем квартале 2017 г. до 137,3 млрд долларов в третьем квартале 2018-го), что увеличило в сравнении с предыдущим годом поквартальный дефицит баланса в торговле товарами с 93 млрд долларов (третий квартал 2017 г.) до 106 млрд долларов (третий квартал 2018 г.)[3]. По предварительной оценке за 2018 год, дефицит США в торговле товарами увеличился до 880 млрд долларов, в том числе в торговле с Китаем — до 413 млрд долларов[4].

В то же время введение США торговых ограничений, перманентно продолжающиеся переговоры по их отмене в случае достижения новых соглашений либо установлению новых барьеров для импорта продукции из стран, с которыми не удалось согласовать условия товарообмена, стали фактором усиления рисков неопределенности в международных экономических отношениях.

Ответные меры Китая на протекционистскую политику США не заставили себя ждать. Несмотря на то что они охватывают значительно меньший объем поставок американской продукции в Китай (объем товарного экспорта из США в Китай почти в 4 раза меньше объема китайского товарного экспорта в Соединенные Штаты[5]), у китайской стороны остаются и другие варианты ответных мер, в том числе связанные с курсом юаня, государственными мерами поддержки национальных производителей, таможенными процедурами, более того, даже вероятность их использования обещает новые риски нестабильности. Особое внимание следует обратить на глобальные риски конкурентной девальвации национальной валюты.

В отличие от середины прошлого века, на современном этапе глобальной взаимозависимости последствия торговых дисбалансов и борьбы с ними усиливаются рисками валютной конфронтации, охватывая широкий круг акторов международных экономических отношений, их инвестиционную, валютную политику.

Проводимая США в период президентства Д. Трампа политика пересмотра торговых соглашений (в том числе НАФТА), выход из Транстихоокеанского партнерства побуждают другие страны к заключению

[1] Trump and China Formalize Tariffs. Peterson Institute of International Economics. September 2018.

[2] Survey of Current Business. October 2018. US Census Bureau. URL: www.census.gov.

[3] Survey of Current Business, February 2019.

[4] US Census Bureau. URL: www.census.gov.

[5] Ibid.

двусторонних и/или региональных торговых соглашений без участия Соединенных Штатов Америки. В 2017 году Евросоюзом заключены торговые соглашения с Канадой, Японией, Сингапуром, продолжаются переговоры в рамках 11 стран Транстихоокеанского партнерства (без США), между латиноамериканскими странами, в Азии и Африке. И хотя новые договоренности носят общий характер, они свидетельствуют об определенном движении к новым форматам экономического взаимодействия.

Контуры новых мировых центров финансово-экономической силы на исходе второго десятилетия XXI века остаются весьма размытыми, но в течение ближайшего десятилетия можно ожидать сохранения лидерства США и Китая в мировой экономике со значительным отрывом от других стран. Их торгово-экономические отношения и в дальнейшем будут одним из ключевых факторов влияния на масштабы и направления торговых, инвестиционных потоков в мире, динамику мировой экономики.

Даже в случае достижения в ближайшем будущем торгового соглашения между США и Китаем перспективы существенного снижения дефицита торгового баланса США проблематичны, а возможные изменения направлений торговых потоков из Китая требуют времени и не добавляют устойчивости сложившимся отношениям между странами.

Политика США в период президентства Д. Трампа существенно усилила влияние фактора неопределенности на ситуацию в мире. В то же время повышение рисков нестабильности в сфере международных отношений затрудняет формирование национальных стратегий, бюджетных ориентиров, бизнес-планов, становится вызовом «не только для международной торговли, для экономических отношений субъектов мирового хозяйства, но также для миллионов занятых за пределами США в производстве продукции, поставляемой на американский рынок; а также на зарубежных предприятиях американских компаний»[1].

Изменение в период президентства Д. Трампа бюджетно-налоговых предпочтений неизбежно приведет к обострению конкуренции, столкновению интересов разных групп общества не только в Соединенных Штатах. Наряду со сменой курса внешнеэкономической политики в сторону протекционизма во внутриэкономической политике действующей администрацией приоритет отдается стимулам для предпринимательства, созданию наиболее благоприятных условий для компаний, действующих на территории США, чему в значительной степени способствовало принятие Закона о снижении налогов и создании рабочих мест (2017 Tax Cuts and Jobs Act). Налоговая реформа будет иметь не однозначно благоприятные последствия для американской экономики и нуждается в специальном исследовании. Вместе с тем положения данного закона, создавая дополнительные бонусы производителям на территории США, усиливают международную налоговую конкуренцию.

До налоговой реформы Д. Трампа в США ставка на прибыли корпораций (35 %) была одной из наиболее высоких в мире[2] (в странах Организации экономического сотрудничества и развития ставка налога на прибыль корпораций составляет около 23 %), но эффективная налоговая ставка (с учетом налоговых льгот, изъятий) оценивалась в США на уровне около 24 %.

Ожидается, что снижение ставки на прибыль корпораций до 21 % по Закону о снижении налогов и создании рабочих мест, а также переход на территориальную систему налогообложения приведут к снижению накопленных за пределами США отложенных налоговых обязательств, усилят инвестиционную мотивацию на территории Соединенных Штатов. Но не стоит забывать о том, что другие страны тоже используют стимулы для повышения инвестиционной активности, оказывающие влияние на потоки международных инвестиций. В Китае, например, были введены меры по поддержке реинвестиций иностранными компаниями в экономику страны. В ряде стран анонсировано или уже проведено в недавнем прошлом снижение ставок на прибыль корпораций, и совокупность этих действий не может не вызвать обострения глобальной налоговой конкуренции.

Уменьшение поступлений в бюджет в результате снижения налоговой нагрузки в сочетании с резким ростом расходов на оборону неизбежно ведет к росту дефицита федерального бюджета Соединенных Штатов Америки, который в 2019 финансовом году может приблизиться к 1 трлн долларов, а государственный долг США, по данным на февраль 2019 года, уже превысил 22 трлн долларов[3], подтверждая статус Соединенных Штатов как крупнейшего мирового должника. Таким образом, последствия проводимой в долг экономической политики действующего президента США Д. Трампа стали фактором усиления глобальной нестабильности по целому ряду направлений развития и взаимодействия стран мира. По иронии современных международных отношений держателями около 10 % американских долговых обязательств являются Китай и Япония — ключевые торгово-экономические партнеры Соединенных Штатов.

[1] *Лебедева Л. Ф.* Глобальные вызовы и национальные приоритеты в социально-трудовой сфере // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 584.

[2] Tax cuts and jobs act. Tax policy center. Washington, 2018. URL: http://www.taxpolicycenter.org/feature.

[3] US debt. February 2019. URL: http://www.usdebtclock.org/world-debt-clock.html.

А. А. Ливеровский[1]

ЭВОЛЮЦИЯ «ЖИВОЙ» КОНСТИТУЦИИ РОССИИ — РЕАКЦИЯ НА ТЕНДЕНЦИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

Организаторы конференции, предлагая название секции «Экономика и право в условиях глобальной нестабильности», тем самым характеризуют современное состояние всемирной или, по крайней мере, европейской цивилизации как неустойчивое. Действительно, международные военные конфликты, миграционные процессы, вызывающие противостояние культурных традиций, массовые нарушения прав человека в отдельных государствах, неравномерное распределение ресурсов — все эти проблемы современной цивилизации вызывают социальное напряжение не только в глобальном международном пространстве, но и в большинстве европейских стран. Люди теряют уверенность в завтрашнем дне, в счастливом будущем своих детей и, естественно, направляют возникающее недовольство на власть. Это очень серьезно: накопление отрицательной общественной энергии — вплоть до критической массы недовольства — приводит к плохо прогнозируемым и разрушительным катаклизмам.

Благодаря введению в государстве законодательного порядка, без которого невозможно существование современного общества, создается динамичный баланс ограничений правовых притязаний населения с одной стороны и полномочий власти — с другой. Для поддержания установленного баланса государство использует право силы, создавая институты принуждения к правопорядку. Развитие конституционной культуры общества приводит к возникновению у людей правовых притязаний, развивающих народовластие, из-за чего баланс взаимодействия сдвигается в сторону ограничения полномочий государственной власти. Однако законодательная позитивация таких состоявшихся в общественном сознании притязаний может задерживаться или вовсе не происходить, если легализованные правоотношения входят в противоречие с собственными интересами власти — например, мешают продлению каких-то форм властных полномочий. Со временем нарушение баланса взаимодействия людей и государства, отрыв органов государственной власти от общества приводят к попыткам изменить существующий нормативный правопорядок. Становятся возможными революционные события, в конечном итоге приводящие к насильственным изменениям. Революции, даже «бархатные», следует расценивать как использование права силы по отношению к праву разума, но уже со стороны общества. Представляется, что именно правоведы должны предлагать теоретические модели объектов и процессов, уводящие от права силы к эволюционному развитию общества.

Значительным достижением человечества является создание идей конституционализма как теоретических доктрин, основанных на представлениях о ценностном характере бытия. Если в традиционных обществах высшей ценностью являлась жизнь человека, воспроизводство потомства, то с развитием конституционной культуры социальными ценностями, за счет которых регулируются общественные отношения, становились достоинство человека, его права и свободы, равенство людей, справедливое распределение ресурсов. Реализуют идеи конституционализма специфические правовые регуляторы — правовые (конституционные) принципы, созданные в результате осмысления исторического развития общественных отношений и потому объективные по своему воздействию, — в отличие от норм законов, возникающих как субъективное волеизъявление власти. Основной конституционного строя государства являются фундаментальные правовые регуляторы, которые выделяются из совокупности принципов, предусмотренных в конституционных текстах.

Специфичность конституционных принципов как правовых регуляторов состоит в механизме воздействия на общественные отношения, отличающемся от механизма нормативного регулирования. Если запреты, дозволения, нормы действуют полностью в соответствии со своим содержанием, то правой принцип воздействует на общественные отношения в определенной мере своего содержания. При этом выбранная законодателем мера реализации конституционного принципа как основа нормативного регулирования может изменяться в соответствии либо с этапом конституционного развития, либо со сложившейся политико-правовой ситуацией в государстве. Так что можно утверждать, что конституционные принципы могут осуществлять «гибкое», эволюционное воздействие на состоявшийся правопорядок.

Результат всенародного голосования 1993 года следует рассматривать как согласие большинства советских граждан на проведение конституционной реформы, то есть на революционный переход к *человекоцентричному* правопорядку, признанию высшей конституционной ценностью не государства, а человека, его прав и свобод. Осознанный выбор народом нового пути государственного развития не решил в одночасье проблемы правовой жизни. В переходных процессах возникли имитационные проявления в реализации демократических институтов, содержание конституцион-

[1] Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционно-правовой статус Санкт-Петербурга», «Правовой статус и экономическое развитие субъекта Российской Федерации», «Актуальные проблемы федеративного устройства России», «Перспективы претворения шариата и адата в современной России», «Юриспруденция и математика (Общность познавательных структур)», «Коррупция как деформация конституционализма» и др. Судья Уставного суда Санкт-Петербурга в отставке. Заместитель председателя Межрегиональной ассоциации конституционалистов России. Член редколлегий «Журнала конституционного правосудия», журнала «Российское право: образование практика, наука». Награжден Почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом», медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», золотой медалью Конституционного суда Республики Армения и др.

ных принципов оказалось во многом деформировано, вернулось советское отделение властной корпорации и «причастных к власти»[1] от остального населения страны. Особенно угнетает население не снижающийся уровень коррупции, которая составляет основу государственного управления. Возникает разрыв между Конституцией и ее реализацией, что приводит к неустойчивости политического режима, правовому нигилизму и разочарованию граждан в демократических институтах.

В последнее время на научно-практических конференциях по конституционному праву проходили дискуссии, в рамках которых ставился вопрос о необходимости пересмотра Конституции РФ. Причиной многих из этих обсуждений стала статья Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина «Буква и дух Конституции», опубликованная 10 октября 2018 года в «Российской газете». Позднее[2] был обнародован развернутый вариант газетной статьи, по которому можно лучше понять политико-конституционную позицию автора.

В работе ставится вопрос о возможности «точечных» изменений Конституции РФ для преодоления «конституционных недостатков». К числу последних профессор В. Д. Зорькин относит «отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной ветви власти, недостаточную четкость в распределении полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры». Автор статьи утверждает: «Недостатки существуют и в разграничении предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами… Конструкция ст. 12 Конституции дает повод к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти (в том числе представительным органам государственной власти)». Необходимо отметить, что перечисленные В. Д. Зорькиным «конституционные недостатки» относятся в основном к содержанию первой главы Конституции РФ.

В девятой главе устанавливается особый порядок пересмотра первой главы, названной «Основы конституционного строя». Ее содержание отражает систему фундаментальных конституционных принципов. По сути, пересмотр первой главы является конституционной реформой — революционным переходом к новой конституционной модели.

В. Д. Зорькин указал на наиболее серьезные проблемы организации государственной власти в России, относящиеся к основам конституционного строя Российской Федерации, но смысл его позиции состоит не в призыве к пересмотру положений Конституции или отказу от общепризнанных доктрин конституционализма, а в корректировке их реализации. Автор статьи категорически не приемлет возможность кардинальной конституционной реформы. Зорькин считает, что «подобные недостатки вполне исправимы путем *точечных изменений,* а заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям».

Предложенная конструкция конституционного регулирования позволяет преодолеть определенные В. Д. Зорькиным проблемы не пересмотром положений Конституции РФ, а выбором иной меры воздействия конституционных принципов на общественные отношения, в которых реализуются соответствующие конституционные доктрины.

Законодательные органы государственной власти при принятии или изменении законов обладают возможностью непосредственно применять конституционные принципы (выбирать меру их воздействия), исходя из властного усмотрения или используя состоявшиеся правовые позиции Конституционного Суда РФ. Сам орган конституционного нормоконтроля, своими решениями корректируя действующее законодательство, создает правовые позиции, содержание которых устанавливает меры реализации конституционных принципов. Именно эту правотворческую составляющую деятельности Конституционного Суда РФ можно трактовать как точечное изменение Конституции («адаптация текста Конституции к меняющимся социально-правовым реалиям»). При этом следует определять конституционные принципы как регуляторы общественных отношений, а созданные Конституционным Судом РФ правовые позиции — как новые принципы, развивающие конституционное право[3]. С данной точки зрения Конституция РФ — правовой документ, определяющий конституционное развитие в соответствии с заложенными в него доктринами конституционализма.

Реалии общественной жизни требуют постоянного осмысления фундаментальных конституционных принципов, следствием которого может стать изменение мер их воздействия на общественные отношения, позволяющее эволюционно корректировать правопорядок. Конституционное регулирование общественных отношений, в основе которого — признание человека, его прав и свобод высшей социальной ценностью, позволяет избежать революционных потрясений и эволюционным путем ведет к прогрессивному развитию государства.

[1] *Авакьян С. А.* Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией // Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы. М., 2016. С. 23.

[2] *Зорькин В. Д.* Конституция Российской Федерации — правовая основа интеграции российского общества // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6 (66). С. 4.

[3] *Кокотов А. Н.* Право конституции в российском праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2161.

А. И. Лученок[1]

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТЬЮ

Институциональная нестабильность рассматривается нами как неустойчивость социально-экономического развития, обусловленная недостаточной проработанностью экономических и правовых норм, определяющих основные параметры функционирования общества.

В теории институциональная нестабильность может возникнуть в случае, когда имеющаяся конфигурация институтов достигла своего оптимума и дальнейший рост при действующих правовых и экономических нормах становится невозможным. Но на практике достижение оптимума по Парето-эффективности является абстрактной моделью и реальное наличие элементов институциональной нестабильности свидетельствует о том, что применяемые формальные и неформальные нормы и правила далеки от совершенства и их нужно корректировать. Поэтому возникновение элементов нестабильности является индикатором необходимости проведения реформ как в экономической, так и в правовой сфере.

Наличие отдельных нестабильных элементов в большинстве случаев не угрожает функционированию институциональной системы в целом. Опасность представляют два варианта развития событий: а) когда происходит чрезмерное накопление элементов нестабильности и количественные изменения приводят к качественным негативным сдвигам в социально-экономической ситуации; б) если возникают противоречия между основными структурными элементами институциональной системы. Это происходит, например, в случае возникновения серьезных противоречий между исполнительной и законодательной властью. Ситуация усугубляется в случае, если при этом судебная власть не занимает принципиальную позицию, а демонстрирует оппортунистическое поведение.

В обоих случаях возникает кризисная нестабильность институциональной системы с ослаблением управляемости общественными процессами из-за разрушения существовавших стабилизирующих экономико-правовых институтов. Ситуация может усугубиться вплоть до провоцирования «цветной революции». Если до этого не доходит, кризисная институциональная нестабильность в любом случае приводит к снижению темпов экономического развития, росту социальной и политической напряженности, подрыву авторитета властей в политике и экономике, падению конкурентоспособности страны на мировых рынках.

В экономике институциональная нестабильность отслеживается с помощью разных индикаторов. Неопасными для сохранения сложившейся институциональной системы являются значения индикаторов, показывающие некритическое ускорение темпов инфляции, умеренную девальвацию национальной валюты для поддержания конкурентоспособности товаров и услуг, относительно невысокий уровень заработной платы работников бюджетной сферы, недовольство пенсионеров размером своих пенсий и др. В этом случае нужно совершенствовать институты монетарной, фискальной и социальной политики, а также развивать систему правовых гарантий для населения. При правильном применении экономико-правовых инструментов элементы институциональной нестабильности будут минимизированы без доведения ситуации до кризиса.

Гораздо хуже развивается ситуация в случае непродуманного изменения законодательства с целью реализации интересов той или иной социальной макрогруппы, которая имеет возможность оказывать чрезмерное влияние на органы государственной власти и в результате получать необоснованно большие преференции. На практике это может выражаться в инициировании проведения через законодательные органы правовых норм, ведущих к усилению роли одних органов государственного управления в ущерб интересам других государственных инстанций, защищающих интересы иных социальных макрогрупп. Это может привести даже к нарушению конституционных норм. Например, в последние годы в Республике Беларусь усилилась роль Национального банка, проводящего достаточно жесткую денежно-кредитную политику. С одной стороны, это стабилизировало денежно-кредитную политику, обеспечило относительную стабильность белорусского рубля и способствовало успешному развитию банковского сектора национальной экономики. С другой стороны, при такой политике значительно сократилась выдача кредитов реальному сектору экономики, замедлились темпы социально-экономического развития и произошло существенное снижение уровня жизни населения. В стране усилился дисбаланс интересов основных социальных макрогрупп, обеспечивающих стабильность созданной институциональной системы.

Доминирующее положение банковской социальной макрогруппы по отношению к другим макрогруппам стало возможно в результате игнорирова-

[1] Заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор. Автор 196 научных публикаций, в т. ч. монографий «Институты правят экономикой» (2018), «Макроэкономические инструменты в белорусской институциональной модели» (в соавт.), «Макроэкономические аспекты обеспечения сбалансированности национальной экономики» (в соавт.), «Макроэкономическое регулирование в условиях Единого экономического пространства» (в соавт.), статей «Совершенствование системы государственного регулирования интеграционных процессов: зарубежный опыт», «Институциональные инструменты реформирования экономики», «Влияние институциональной политики на экономический рост» и др. Член Консультативного совета при Национальном банке Республики Беларусь, член Консультативного совета при Министерстве финансов Республики Беларусь, член экспертного совета Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь. Награжден Благодарностью Премьер-министра Республики Беларусь, почетными грамотами Министерства экономики, Высшей аттестационной комиссии, Президиума Национальной академии наук Беларуси и др.

ния конституционных норм. В соответствии со ст. 106, 107 Конституции Республики Беларусь исполнительную власть в стране осуществляет правительство в лице Совета министров, которое обеспечивает проведение единой экономической, финансовой, кредитной и денежной политики. Но в соответствии с п. 1 своего устава Национальный банк Республики Беларусь объявил себя государственным органом, который не подчиняется правительству. Более того, в соответствии с п. 21 устава Национальный банк лишь координирует свою деятельность с правительством, проводя с ним консультации[1]. При этом пожелания правительства он учитывает выборочно, исходя из собственных интересов. По сути, Национальный банк вразрез с Конституцией стал второй ветвью исполнительной власти в стране. В настоящее время им принимаются дополнительные меры по превращению в мегарегулятора, повышению своей роли в экономике и ограничению полномочий других государственных органов (прежде всего Министерства финансов). Проблема заключается не просто в перераспределении полномочий между органами государственного управления. На самом деле идет борьба за распределение финансовых потоков между различными социальными макрогруппами.

Усиление роли Национального банка идет на пользу прежде всего банковской социальной макрогруппе, а ослабление полномочий Министерства финансов негативно отразится на финансовых потоках в пользу реального сектора экономики и домашних хозяйств. Ведь именно Министерство финансов фактически спасло многие предприятия реального сектора экономики после ужесточения монетарной политики, оказав им финансовую помощь. В 2015–2016 годах оно выдало бюджетных кредитов для погашения обязательств перед банковской системой на сумму 1,8 млрд долларов[2]. В конце концов эти деньги поступили в банковскую систему, которая в настоящее время является одним из наиболее процветающих видов экономической деятельности в стране.

Сокращение финансовых потоков в реальный сектор экономики и снижение доходов граждан, работающих в этой сфере, привели к возникновению пока некритического элемента институциональной нестабильности. Однако непринятие правовых мер по приведению деятельности Национального банка в соответствие с Конституцией Республики Беларусь, а тем более дальнейшее попустительство превращению банковской социальной макрогруппы в доминантную может привести к кризисной нестабильности институциональной системы, снижению темпов экономического развития и уровня жизни домашних хозяйств.

Коллизия с Национальным банком возникла не сама по себе, а явилась следствием ошибок в проведении институциональной политики, обусловленных импортом в страну, функционирующей на основе восточной институциональной *X*-матрицы, институтов, свойственных западной институциональной *Y*-матрице. Исследования российских ученых (В. М. Полтеровича и др.) показали, что институты западной институциональной *Y*-матрицы плохо приживаются в восточной *X*-матрице. Именно такой ошибкой и явилось наделение Национального банка полномочиями, свойственными центробанкам в западных странах с развитыми фондовыми рынками и системами страхования. Думается, что Беларуси для устранения возникшего элемента институциональной нестабильности в регулировании денежно-кредитной сферы необходимо принять правовое решение о подчинении Национального банка Правительству Республики Беларусь с выработкой общей системы баланса интересов ведущих социальных макрогрупп.

Аналогичная проблема существует и с Банком России. На сайте этого банка написано, что ключевой элемент правового статуса Банка России — принцип независимости. Этот банк не является органом государственной власти, но вместе с тем его полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения[3]. Получается, что денежная эмиссия российского рубля и золотовалютные резервы, находящиеся в ведении Банка России, как бы независимы от Российского государства, а Центробанк в этих сферах сам по себе является властью. Эта достаточно спорная позиция с точки зрения защиты национальных интересов может привести к ситуации, аналогичной сложившейся в 2010 году, когда президент Аргентины К. Киршнер предприняла попытку выплатить 6,6 млрд долларов внешнего долга за счет международных резервов Центробанка Аргентины. Однако руководитель аргентинского Центробанка М. Редрадо отказался выполнять приказ президента на том основании, что Центробанк является независимым. В конце концов удалось отстранить М. Редрадо от должности, но запрет на использование международных резервов Центробанка Аргентины остался в силе[4].

Основные выводы. Возникновение элементов институциональной нестабильности обычно связано с борьбой различных групп за принятие нужных им государственных решений, в том числе касающихся перераспределения финансовых потоков в пользу той или иной социальной макрогруппы. Для недопущения кризисного развития ситуации необходимо использовать экономико-правовые инструменты регулирования национальной экономики в строгом соответствии с действующей Конституцией.

При разработке новых формальных институтов (правовых норм) необходимо учитывать специфику институциональной матрицы, на которой построены общественные отношения в стране. Импорт институтов

[1] Устав Национального банка Республики Беларусь // Нац. правовой портал Республики Беларусь. URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30100320 (дата обращения: 14.02.2019).

[2] *Лойко О.* «Беспрецедентное давление». Во что бюджету обошлись долги госпредприятий и что будет дальше. 2017. URL: https://news.tut.by/economics/567175.html (дата обращения: 14.02.2019).

[3] Правовой статус и функции Банка России // Центральный банк Российской Федерации. 2014. URL: http://www.cbr.ru/today/?PrtId=bankstatus (дата обращения: 22.02.2019).

[4] США заморозили счет Центрального банка Аргентины // РБК. 2017. URL: https://www.rbc.ru/economics/13/01/2010/5703d8c49a7947733180daf8 (дата обращения: 24.02.2019).

из другой институциональной матрицы должен производиться осторожно и только в рамках, при которых они не будут приводить к возникновению элементов институциональной нестабильности.

Доминирование одной или нескольких социальных макрогрупп в ущерб интересам других ведет к росту институциональной нестабильности вплоть до возникновения социально-экономического кризиса в стране. Поэтому одной из важнейших задач использования экономико-правовых норм регулирования институциональной системы является обеспечение баланса интересов основных социальных макрогрупп.

О. В. Мартышин[1]

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ

То, что Конституция РФ действует уже 25 лет, свидетельствует об устойчивости государственного строя — несмотря на изменчивость внутренних и внешних условий. При этом в Конституции заложены два принципа, которые не лишены противоречивости. С одной стороны, в законе утверждается полный набор институтов демократии, с другой — устанавливаются очень широкие полномочия главы государства. Сильная президентская власть способствовала стабилизации общества — это подтверждает известную мысль о том, что переход от тоталитаризма непосредственно к демократии нереален, что между ними лежит период авторитаризма. Однако не менее острым остается вопрос о соотношении демократических и авторитарных тенденций. Коснемся этой темы, используя в качестве материала для обсуждения вызвавшую общественный интерес статью Владислава Суркова «Долгое государство Путина»[2]. Автор рассматривает проблему обострения геополитической борьбы в контексте миропорядка, проявлений деглобализации, суверенизации и национализма. Перечисленные обстоятельства не могут не влиять на изменения политической системы, причем не в пользу демократизации. Вопрос в том, насколько глубоко их влияние. Стабильные системы способны к самонастройке, к маневрированию своими ресурсами — это исключает возможность принципиальных сдвигов.

В указанной статье сопоставляются Россия и западные страны. Применительно к Западу В. Сурков пользуется выражением (как он отмечает, турецкого происхождения, но растиражированным американскими СМИ) «глубокое государство». Смысл этого термина в том, что под демократической оболочкой скрывается реальная власть силовых структур. Отношение к фальшивой демократии у автора статьи сугубо отрицательное: ее движущие силы — недоверие и зависть.

Такие утверждения напоминают советскую традицию разоблачения буржуазной демократии и противопоставления ей подлинной советской. Напомним, что по канонам марксизма-ленинизма сутью западного государства была реальная власть монополитического капитала. В. Сурков, говоря только о политической технологии, видит ее во власти силовиков. Противопоставление Запада и России при этом сохраняется, но по другому критерию. Беда Запада в том, что его демократические институты — обман, достоинство России — не в совершенстве политической системы, а в том, что она лишена лицемерия: «Наша система… конечно, не изящнее, зато честнее. Глубинного государства в России нет, оно все на виду… Самые брутальные конструкции его силового каркаса идут прямо по фасаду, не прикрытые какими-либо архитектурными излишествами».

Тем не менее и в отечественной политической системе различаются два пласта: глубинный, то есть народ, и поверхностный, то есть элита. У них разные жизни. Иногда они идут в одном направлении, иногда в противоположных, но никогда не сливаются. Народ не участвует напрямую в мероприятиях, в которые его вовлекает элита. При этом он «создает непреодолимую силу культурной гравитации, которая соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (к родной земле) элиту, время от времени пытающуюся космополитически воспарить». Сурков утверждает, что эта «культурная гравитация», предопределила развитие четырех основных моделей господства, условно названных именами их создателей — государства Ивана III, Петра Великого, Ленина и Путина. Автор не делает заключение о том, к чему ведет «культурная гравитация». Но вывод напрашивается сам собой: России чужды демократические формы, ей присуще либо самодержавие, либо диктатура советского типа. «Начать в России можно с чего угодно — с консерватизма, с социализма, с либерализма, — рассуждает Сурков, — но заканчивать придется приблизительно одним и тем же. То есть тем, что, собственно, и есть».

Определение культурно-исторической парадигмы российской государственности довольно реалистично, хотя и однобоко, так как сводится к технологии отношений между элитой и массами. При этом непонятно, в чем ее привлекательность. Ведь три из названных моделей распались в результате глубоких кризисов, охвативших и политическую систему. Сознавая это, автор статьи вводит в четвертую модель новый элемент, позволяющий ей «преодолеть рок».

Уникальным и главным достоинством государства Путина Сурков считает «умение слышать и понимать

---

[1] Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия права», «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород», учебника «Философия права» и др.

[2] *Сурков В.* Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр.

народ, видеть его насквозь на всю глубину и действовать сообразно». Это свойство теоретически позволяет направить народ и элиту в одно русло в рамках неизменной культурной гравитации. Создается впечатление, что особые качества верховного правителя (Сурков пользуется этим термином) предполагают расширение влияния исторической традиции единовластия. «В новой системе все институты подчинены одной задаче — доверительному общению с гражданами, — пишет Сурков. — Различные ветви власти сходятся в личности лидера, считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь... По существу, общество доверяет только первому лицу... Современная модель русского государства начинается с доверия и на доверии держится. В этом ее коренное отличие от модели западной, культивирующей недоверие и критику».

Как оценка политического режима статья В. Суркова во многом верна и заслуживает пристального внимания, поскольку принадлежит перу человека, относящегося к правящей элите, то есть знающего систему власти изнутри. Его откровенность не только удивляет, но и заслуживает уважения. Однако как политическая программа, как ориентир на будущее статья неубедительна и требует критического разбора.

По существу, то, что предлагает В. Сурков, лежит в лоне монархического правосознания, для которого, по оценке И. А. Ильина, характерны иррационализм и сакрализация власти. С 1990-х годов монархические настроения оживились в России в разных формах: от политических и религиозных движений до тяготения некоторых правоведов к священному и даже возрождения теологических представлений о государстве и праве. Статья Владислава Суркова вписывается в этот контекст, хотя носит вполне секулярный характер. Всякая личная власть сродни прерогативе монарха. Призыв не путать описанную им модель с «пресловутой верой в доброго царя», так как глубинный народ не наивен и едва ли считает добродушие царским достоинством, неубедителен. Представления о царе-батюшке всегда ассоциировались не столько с добротой, сколько со справедливостью, а она требует суровости к отступникам и притеснителям народа. Отсюда пиетет к Ивану Грозному, которым проникнут фольклорный образ царя. Неслучайно Н. Н. Алексеев писал, что «политическое учение Грозного целиком было заимствовано теоретиками нашей абсолютной монархии вплоть до нашего времени»[1].

Главный порок абсолютизма четко сформулирован Монтескье: «если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона»[2].

Между тем именно к этому «притягивает (придавливает) наша „культурная гравитация“», и единственный выход состоит не в уповании на справедливого верховного правителя, а в преодолении такого тяготения.

Совершенствование государственного строя РФ предполагает систему власти, главным институтом которой является не личность, а независимые учреждения, действующие в рамках закона, открытые для общественного контроля и критики, что содействует их оздоровлению. Вся история Российского государства свидетельствует о том, что способность замкнутой системы власти к самоочищению и саморазвитию слишком мала и на нее нельзя полагаться.

Вопрос о том, насколько исчерпал себя положительный потенциал авторитарных методов управления, оправданных в переходный период, спорен. Но кажется очевидным, что перспективы развития России состоят не в увековечении переходных мер, а в постепенном целенаправленном и планомерном развитии демократических начал. Политическая система РФ, функционирующая на основе действующей Конституции, позволяет следовать этим курсом и в условиях мировой нестабильности.

М. С. Мотышина[3]

САМООРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Самоорганизация как механизм адаптации сложных систем к изменяющимся условиям внешней среды привлекла внимание ученых вначале в области физики и химии и лишь затем — применительно к социальным процессам. Теория самоорганизующихся систем школы И. Пригожина, концепция синергетики Г. Хакена[4], а также ряд других научных направлений (теория катастроф, теория хаоса) обусловили формирование новой картины мира, в основе которой лежат представления о самоорганизации и нелинейном характере эволюции систем разной природы, в том числе экономических. Эти представления сложились во второй половине XX века и активно развиваются в настоящее время.

Интерес к механизмам самоорганизации систем вызван необходимостью поиска эффективных способов управления во все более усложняющихся, ди-

[1] *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. С. 64.

[2] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. С. 176.

[3] Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Социально-культурная сфера в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы» (в соавт.), «Сфера услуг в постиндустриальном обществе», «Организационные изменения в управлении амбулаторно-поликлиническими учреждениями на основе интеграции», «Управление социокультурной деятельностью: традиции и новации» (в соавт.), «Диагностика инновационной деятельности вуза на основе когнитивного моделирования» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ. Почетный профессор СПбГУП.

[4] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса : пер. с англ. М., 1986 ; *Хакен Г.* Синергетика : пер. с англ. М. : Мир, 1980.

намичных и нестабильных условиях. Процессы роста сложности, связности и неопределенности развития хозяйственных систем сопровождают эволюцию мирового хозяйства и национальных экономик. В последние десятилетия эти процессы стали глобальными, более острыми, менее предсказуемыми и привносят в деятельность экономических систем, в том числе предприятий и организаций, высокие риски. Так усложняются механизмы международной конкуренции. С одной стороны, нарастают процессы конкурентного давления и монополизации рынков в том числе с помощью государственного влияния (например, таможенное регулирование, санкции). С другой — конкуренция становится более «тонкой», она старается улавливать многочисленные сигналы и меняющиеся тенденции рынка. Российская экономика в существенной мере зависит от международной конкуренции как в сырьевом секторе, так и в перерабатывающей промышленности и сфере услуг. Курс на импортозамещение пока не дал заметных результатов. Например, мониторинг экономической ситуации показал, что в 2015–2017 годах тенденция на импортозамещение отражала снижение. Наиболее интенсивное импортозамещение наблюдалось во втором квартале 2015 года, когда 30 % предприятий промышленности сообщили о снижении физической доли или полном отказе от закупок машин и оборудования по сравнению с аналогичным кварталом 2014 года. Однако далее интенсивность импортозамещения снижалась, и в четвертом квартале 2017 года таких предприятий было всего 7 %[1]. Основной причиной подобной ситуации является либо отсутствие необходимых отечественных аналогов, либо их низкое качество.

В этих условиях необходим курс предприятий на ускорение инновационности предприятий, саморазвитие, невозможное без усиления внутренней конкуренции и создания адекватных институциональных условий. Однако внутренняя конкуренция между российскими компаниями в целом достаточно умеренная и постепенно снижается[2]. Продолжается монополизация ряда отраслевых рынков, что ухудшает условия развития российской экономики. По оценкам Федеральной антимонопольной службы, в 2006 году доля госсектора в экономике составляла 38 %, а в 2016 году этот показатель достиг 70 %[3]. Данная тенденция свидетельствует об усилении в России государственно-монополистического капитализма, что является прямой угрозой развитию рыночной конкуренции со всеми вытекающими последствиями. В частности, это снижает уровень инновационной активности предприятий. Так, в 2016 году удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в РФ составил 8,5 %, в то время как в Австрии — 12 %, в Германии — 13,3 %, в Великобритании — 20,8 %[4].

В целом российские предприятия стараются в меру сил приспосабливаться к непростой ситуации. Анализ степени их адаптации на основе так называемого индекса адаптации («нормальности») в промышленности показывает, что нормальной ситуацию в 2016 году считали 58 % малых и средних предприятий, 64 % крупных и 76 % очень крупных. В 2017 году ситуация улучшилась: среди очень крупных предприятий индекс «нормальности» достиг 82 %, среди крупных — 70 %. Лучший результат для малых и средних предприятий в 2017 году составил 59 % и не смог превзойти показатель 2007 года. В 2018 году ситуация не улучшилась, а по крупным предприятиям даже ухудшилась[5]. Таким образом, российские предприятия испытывают значительные сложности в условиях глобальной нестабильности.

Самоорганизация — это механизм, который не только направлен на поиск и развитие внутренних компетенций и резервов компании, но и активно задействует возможности внешней среды. В течение многих веков эволюция мирового экономического пространства происходила в условиях усиливающейся интеграции, содействующей развитию научно-технического прогресса. Курс на самоизоляцию некоторых экономических систем, наблюдающийся в настоящее время, не способствует росту их эффективности. Примером может служить намерение ряда японских автомобильных компаний покинуть рынок Великобритании в условиях Брексита из-за боязни потерь[6]. Это может негативно отразиться на показателях британского автомобильного рынка и возможностях его дальнейшего развития.

В усложняющихся нестабильных условиях традиционный менеджмент зачастую не в состоянии предвидеть негативные явления и эффективно их преодолевать. Исследования показывают, что инструменты менеджмента, которые успешно использовались на протяжении предыдущего столетия, перестают эффективно работать. Внешний контроль и управление, основанное на принуждении, скорее сдерживают развитие, чем способствуют ему: «…менеджмент как система неизбежно служит укреплению иерархических отношений и бюрократии, автократии и несправедливости, неравенства и привилегированного положения отдельных групп… блокирует самореализацию, ограничивает личную свободу, подрывает принципы этики и единства»[7]. Вследствие этого появились разнообразные концепции менеджмента, стремящиеся преодолеть ограниченность традиционного подхода. В осно-

[1] Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. Февр. № 2 (63). URL: https://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/2-63-rus-2018.pdf.

[2] Оценка состояния конкурентной среды в России : доклад. 2018 // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: www.ac.gov.ru.

[3] Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. 2018. URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 23.01.2019).

[4] Индикаторы инновационной деятельности: 2018 : стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2018.

[5] Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. Нояб. № 19 (80). URL: https://www.ranepa.ru/images/News/2018-11/07-11-2018-monitoring-1980.pdf.

[6] Toyota, Honda и Nissan могут покинуть британский рынок // Auto.Today. 2018. 15 февр. URL: https://auto.rambler.ru/news/39149184-toyota-honda-i-nissan-mogut-pokinut-britanskiy-rynok.

[7] *Клок К., Голдсмит Дж.* Конец менеджмента и становление организационной демократии. СПб. : Питер, 2004.

ве большинства из них лежит идея развития процессов самоорганизации, самоуправления, саморазвития[1]. Это также находит отражение в появлении новых типов организаций, новых способов взаимодействия как вне-, так и внутри организаций.

Механизмы самоорганизации, используемые в управлении, не являются открытиями сегодняшнего дня. Изучение выдающихся, долго и успешно функционирующих на международном рынке компаний, например таких, как IBM, Johnson & Johnson, Procter & Gamble, Sony, Wal-Mart, Walt Disney и многих других, показывает, что среди методов их управления использовались и используются те, что обеспечивали процессы саморазвития. В их деятельности прослеживается сбалансированность таких, казалось бы, противоположных явлений, как преемственность и перемены, ключевые ценности и амбициозные цели, стабильность и эксперимент, организационная культура и воспитание ярких индивидуальностей, дисциплина и креативность. Однако именно это сочетание служит источником успеха: в основе развития данных компаний лежит сочетание двух начал — инь и ян — стремление сохранять основу и одновременно стимулировать прогресс[2]. Именно это обеспечивает их долголетие и успешное приспособление к неустойчивости внешней среды.

Какие сдвиги должны происходить в компаниях в ответ на возникающие вызовы? Прежде всего переход от рутинных, шаблонных задач к новаторству, так как в изменяющихся условиях привычные подходы перестают работать. Для этого нужна подготовка работников к инновациям. В ситуации быстрых изменений преимущества приобретают коллективная работа, работа в команде в противовес индивидуальной в условиях «командной цепочки» управления. Динамизм и нестабильность обусловливают переход от выполнения сотрудниками отдельных функций к проектному подходу. Узкая специализация одновременно может стать и «узким» местом, поэтому каждый работник должен обладать достаточно широким перечнем компетенций. При этом среди компетенций важное значение приобретают не только профессиональные, но и так называемые «soft skills» (коммуникативные, лидерские, командные и пр.). Самоорганизация тесно связана с внутренней мотивацией работников. Человеческий фактор является важнейшим источником происходящих изменений.

Наиболее эффективным способом координации становится не подход «сверху», а механизмы горизонтальной координации. В методах управления происходит переход от жестких авторитарных к демократическим. При этом большое значение приобретают механизмы эффективного лидерства. В структурообразовании также происходят изменения — переход от механистических (жестких) к гибким органическим структурам на основе децентрализации управления. Все большее значение приобретают партнерские отношения, в том числе в мировом рыночном хозяйстве, — формирование сетей и альянсов между компаниями[3]. Происходящие изменения и складывающиеся нормы закрепляются в организационной культуре компании, которая является важнейшим фактором ее долгосрочного развития.

Таким образом, усложнение внешней, в том числе глобальной, ситуации в экономике одновременно способствует развитию механизма противодействия данному процессу — механизма самоорганизации и саморазвития.

[1] См., например: *Хэмел Г.* Менеджмент 2.0: новая версия для нового века // Harvard Business Review. Россия. 2009. № 10. С. 91–100 ; *Робертсон Б.* Холакратия. Революционный подход в менеджменте. М. : ЭКСМО, 2018 ; *Лалу Ф.* Открывая организации будущего. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016.

[2] *Коллинз Д., Поррас Д.* Построенные навечно: Успех компаний, обладающих видением. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.

[3] *Грив Г.* Преимущество сетей. Как извлечь максимальную пользу из альянсов и партнерских отношений. М. : Альпина Диджитал, 2014.

Т. В. Никитина[4]

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ

Резкое изменение общемировой демографической ситуации, наблюдаемое в последние десятилетия, заставило правительства многих стран глубоко и предметно задуматься о модернизации системы социальной защиты граждан. Тенденция увеличения численности населения старше трудоспособного возраста с одновременным снижением численности трудоспособного населения в значительной степени затронула и Россию.

В связи с этим на государственном уровне первостепенное значение приобретают вопросы, касающиеся материального обеспечения наименее защищенных слоев населения, в частности лиц пенсионного возраста.

Пенсионная система России за время своего существования претерпела значительные изменения. Начиная с 2015 года в нашей стране действует новый порядок формирования пенсии, в соответствии с которым

[4] Директор Международного центра исследований финансовых рынков, Российско-немецкого центра Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Finanzsystem der Russischen Föderation», «Основы портфельного инвестирования», «Финансовые рынки и финансовые институты», «Особенности и перспективы развития рынка услуг бюро кредитных историй в Российской Федерации», «Трансформация банковских стратегий в соответствии с методологией agile в условиях глобальной неустойчивой среды», «Современные технологии в сфере финансового образования», «Проведение цифровизации в розничном банковском бизнесе (На примере практики Сбербанка)», «Möglichkeiten und Hürden für die Investitionen in die private Rentenversicherung in Deutschland» и др.

в рамках государственных гарантий граждане могут получать страховую, накопительную и государственную пенсии.

Тем не менее проведенный анализ современного этапа организации пенсионного обеспечения позволяет констатировать, что в настоящее время пенсионная система России находится в достаточно уязвимом положении, а пенсии, формируемые в рамках обязательного пенсионного страхования, не способны обеспечить высокий уровень жизни.

Данная проблема обусловлена рядом объективных причин.

Во-первых, значительное влияние на увеличение дефицита Пенсионного фонда и, как следствие, недостаточность средств для оказания материальной поддержки лицам пенсионного возраста оказывает изменение структуры населения, а именно сокращение численности трудоспособных граждан с одновременным увеличением количества пенсионеров[1].

Во-вторых, частые изменения пенсионного законодательства подрывают доверие населения к бюрократическим институтам, лишая стабильности.

В-третьих, повышению пенсий в значительной мере препятствуют потери бюджета, связанные с занятостью населения в теневом секторе экономики и наличием «серой» заработной платы, ограничивающих поступление обязательных взносов в Пенсионный фонд.

Однако существует еще одна — наименее очевидная, но вместе с тем не менее существенная — причина снижения уровня жизни при выходе на пенсию: бóльшая часть россиян возлагает ответственность за достойный размер пенсии на государство, что свидетельствует об отсутствии заинтересованности в формировании дополнительных пенсионных накоплений.

Сложившаяся ситуация обусловливает необходимость разработки эффективных, рассчитанных на долгосрочную перспективу подходов к реализации проектов финансового образования с учетом специфики социально-экономической среды, а также особенностей менталитета россиян. В данном контексте целесообразно обратить внимание на методики и инструменты, используемые в рамках зарубежных стратегий финансового просвещения, вектор которого устремлен в сторону популяризации индивидуальных пенсионных планов и повышения инвестиционной грамотности различных категорий населения[2].

Действительно, во многих странах среди домохозяйств широко распространена практика использования долгосрочных пенсионных и страховых продуктов. Будущие пенсионеры самостоятельно формируют свою пенсию, производя отчисления в пенсионные фонды. Пенсионные выплаты складываются из пенсионных накоплений и инвестиционного дохода, полученного за счет размещения пенсионных накоплений. Это позволяет человеку и после окончания трудовой деятельности получать доход, достаточный для обеспечения достойного уровня жизни[3].

В то время как в России финансовые продукты дополнительного пенсионного обеспечения практически не пользуются спросом у граждан со средним уровнем дохода, а часть россиян, у которых формируются свободные денежные ресурсы, как правило, инвестирует их в недвижимость, банковские вклады, драгоценные металлы и ценные бумаги[4].

Причиной пассивного поведения россиян на рынке финансовых услуг и низкого уровня информированности о возможности формирования дополнительных накоплений в рамках государственной пенсионной системы и системы НПФ может служить отсутствие понимания необходимости проявления инициативы в данном вопросе.

Населению важно знать свои права как потребителя финансовых услуг, а также понимать, куда можно обратиться в случае их нарушения. С этой целью должна быть сформирована инфраструктура, позволяющая вырабатывать знания, навыки и компетенции в области организации личных финансов[5].

Первая попытка, направленная на повышение самостоятельности и стимулирование экономической активности граждан в области принятия инвестиционных решений, связанных с пенсионными накоплениями, была предпринята в ходе пенсионной реформы 2002 года с трансформацией распределительной системы. Пришедшая на смену распределительно-накопительная модель предполагала использовать часть поступающих взносов на выплаты текущим пенсионерам, а часть средств накапливать на индивидуальных счетах будущих пенсионеров. С этого момента пенсия стала состоять из страховой и накопительной частей, а каждый гражданин имел право перевести свою накопительную часть в негосударственный пенсионный фонд или частную управляющую компанию с целью получения инвестиционного дохода в будущем.

Позднее, в 2012 году, была утверждена Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, действие которой рассчитано до конца 2030 года. Особенностью новой концепции является внедрение модели пенсионного обеспечения, состоящей из трех звеньев: частной, корпоративной и трудовой (государственной) пенсии.

В рамках данной системы основным элементом пенсионного обеспечения граждан, как и ранее, является государственная пенсия, формируемая за счет страховых взносов и межбюджетных трансфертов. При этом корпоративные пенсии должны формироваться за счет добровольных взносов работодателей, а частные — за счет взносов граждан в соответствии с инди-

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=282738&fld=134&dst=1000000001,0&rnd= 0.9118283161571599#07119759990499932 (дата обращения: 01.04.2019).

[2] *Lusardi A., Mitchell O. S.* The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence // Journal of Economic Literature. 2014. Vol. 52 (1). P. 5–44.

[3] *Никитина Т. В., Репета-Турсунова А. В., Никитин М. А.* Возможности и препятствия инвестирования в негосударственную пенсию в России // Известия С.-Петерб. гос. экон. ун-та. 2015. № 5 (95). С. 24–29.

[4] *Никитина Т. В., Репета-Турсунова А. В., Никитин М. А.* Анализ стратегий долгосрочного инвестирования домохозяйств в России и Германии // Финансы и бизнес. 2015. № 2. С. 92–104.

[5] *Репета-Турсунова А. В., Ядрин А. В.* Сберегательная политика домохозяйств в области пенсионного обеспечения с позиции финансовой грамотности // Вестн. Ростовского гос. экон. ун-та (РИНХ). 2015. № 2. С. 205–213.

видуальными пенсионными планами на основе договоров негосударственного пенсионного обеспечения, предполагающих получение инвестиционного дохода[1].

Однако не все идеи удалось реализовать. В 2014 году в связи с возникшим дефицитом Пенсионного фонда был введен мораторий на формирование пенсионных накоплений, который продолжает действовать и в данный момент.

В настоящее время Правительство РФ собирается решить существующие проблемы путем увеличения пенсионного возраста[2].

Данные меры в значительной степени являются оправданными, но недостаточными. Действительно, в условиях сложной демографической ситуации целесообразно стимулировать более поздний выход граждан на пенсию, однако одновременно с этим необходимо реформировать сферу здравоохранения и медицины, а также проводить политику социальной поддержки семьи и материнства, которая в дальнейшем будет способствовать приросту трудоспособного населения.

Существенной преградой на пути к обеспечению достойной жизни является недостаточная осведомленность населения о пенсионной системе в целом и механизме формирования пенсии в частности. Низкий уровень финансовой грамотности ограничивает инструменты использования сбережений в качестве альтернативных источников дохода, в том числе на обеспечение достойного уровня жизни при выходе на пенсию[3]. В связи с этим возникает необходимость проведения образовательных мероприятий и распространения финансового консалтинга.

Кроме того, важно создать условия для функционирования негосударственного пенсионного обеспечения, позволяющие развивать механизмы долгосрочного инвестирования денежных средств населения и внедрять альтернативные способы обеспечения дохода в старости путем реализации индивидуальных пенсионных планов и страховых продуктов.

Таким образом, к проведению пенсионной реформы требуется разработать комплексный подход, включающий не только осуществление структурных преобразований пенсионной системы, но и распространение методик финансового просвещения, направленных на повышение уровня инвестиционной грамотности населения.

[1] Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации : утв. распоряжением Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р. URL: http://base.garant.ru/70290226/#block_15 (дата обращения: 01.04.2019).

[2] Федеральный закон РФ от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (посл. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156 (дата обращения: 01.04.2019).

[3] *Никитина Т. В., Репета-Турсунова А. В., Ядрин А. В.* Сберегательная политика домохозяйств на рынке финансовых услуг // Известия СПбГЭУ. 2015. № 6 (96).

Н. Н. Никулин[4]

РИСКИ И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Как и любой организм, экономика развивается в условиях нестабильности, неопределенности и эндогенных и экзогенных рисков. В рамках Международного экономического форума в течение ряда лет проводятся исследования с целью определения влияния различного рода рисков, которые необходимо учитывать для обеспечения стабильности мирового развития. Кроме того, высказываются положения о способах управления рисками[5]. Подобные исследования проводятся ежегодно начиная с 2006 года. По результатам исследований делаются отчеты о мировых глобальных рисках. Отчет 2019 года включает данные, полученные в ходе ежегодного опроса, в котором приняли участие около тысячи экспертов и руководителей со всего мира.

В качестве глобальных рисков выделяют экологические, технологические, геополитические, социальные, экономические. При этом по степени вероятности наступления и силе воздействия в последние годы (2017 и 2018 гг.) особое место занимают экологические и технологические риски. В качестве экологических рисков чаще всего указывают на экстремальные погодные условия и слабую адаптацию к изменению климатических условий. Технологические риски в основном связывают с ростом киберпреступности и краж денежных средств и информации.

В то же время в 2019 году наиболее существенными станут экономические риски, а также риски, обусловленные политической конфронтацией и разрушением структур коллективной безопасности, в сфере информационных технологий. К примеру, 88 % респондентов полагают, что будут нарушаться многосторонние торговые правила и торговые соглашения, усилится протекционизм.

Так, согласно опросу руководителей фондов BofA Merrill Lynch Global Fund Manager Survey (февраль

[4] Профессор кафедры экономики Института экономики и управления промышленными предприятиями Научно-исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва), доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 55 научных публикаций, в т. ч.: «Россия и СНГ в мировой экономике», «Накопление капитала как фактор интеграции ЕАЭС в условиях экономической глобализации», «Национально-государственные экономические интересы и национальное хозяйство в условиях глобализации мировой экономики», «Возможности и условия развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности России», «Сырьевая „колея“ развития промышленности России», «The correlation of the processes of economic globalization and economic regionalization within the EAEU», «Гностические основания процесса экономической глобализации» и др.

[5] The Global Risks Report 2019. 14th ed. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

2019 г.), основными непостоянными экономическими рисками («Biggest Tail Risk») являются те, что связаны с торговыми войнами между США и Китаем, США и ЕС, а также замедление темпов экономического роста в Китае[1]. При этом главным риском признается замедление темпов роста китайской экономики[2]. Также отмечается отрицательное влияние снижения темпов роста мировой экономики в целом. Кроме того, в 2019 году увеличивается политическая поляризация и растет популизм во внутренней политике, усиливается напряженность между глобализацией мировой экономики и растущим национализмом мировой политики.

Более конкретные показатели экономических рисков для конкретных стран рассчитывает консалтинговая компания «PricewaterhouseCoopers» (PwC). Ее модель основана на расчете премии за страновой риск, которую следует учитывать предпринимателям, инвестирующим средства в ту или иную страну[3].

Наличие значительных природных и социальных рисков формирует неопределенность в проводимой социальной и, в частности, экономической политике. В этих условиях начинает преобладать неопределенность относительно будущей мировой торговли, политических и стратегических отношений с другими странами, будущего финансового регулирования и фискальной и монетарной политики.

В связи с этим делаются попытки определить степень подобной неопределенности, которая может учитываться при проведении конкретной экономической политики в стране. Так, в 2016 году американские экономисты Стивен Дейвис (Steven J. Davisc), Скотт Бейкер (Scott R. Baker) и Николас Блум (Nicholas Bloom) предложили рассчитывать ежемесячный глобальный индекс неопределенности экономической политики (GEPU, Global Economic Policy Uncertainty Index) на основе объема газетных статей, содержащих термины, связанные с экономической и политической неопределенностью, который действует с января 1997 года по настоящее время. Метод расчета подразумевает анализ газетных публикаций: как часто термины «экономика» (*E*), «политика» (*P*) и «неопределенность» (*U*) встречаются в одной статье? Для этого рассматриваются газетные источники в цифровом и печатном формате. Индекс GEPU представляет собой средневзвешенное значение по ВВП национальных индексов EPU для 20 стран: Австралии, Бразилии, Канады, Чили, Китая, Франции, Германии, Греции, Индии, Ирландии, Италии, Японии, Мексики, Нидерландов, России, Южной Кореи, Испании, Швеции, Великобритании и США[4].

С 2018 года рассчитывается всемирный индекс неопределенности (WUI, World Uncertainty Index), который предложили Хайтс Ахир (Hites Ahir), Николас Блум (Nicholas Bloom) и Давид Фурсери (Davide Furceri). Он представляет собой ежеквартальные индексы экономической неопределенности для 143 стран начиная с 1996 года. При этом используются частотные показатели «неопределенности» (и ее вариантов) в ежеквартальных страновых отчетах исследовательской компании Economist Intelligence Unit (аналитическое подразделение британского журнала «Economist»). В докладах EIU анализируются основные политические и экономические события в каждой стране, а также делаются прогнозы[5].

Анализ глобальных и национальных индексов, определяющих уровень рисков, а также уровень неопределенности экономической политики, позволяет бизнесу и государственным структурам принимать верные решения при проведении инвестиционной и социальной-экономической политики как внутри страны, так и за рубежом.

В то же время стратегия страны в условиях действия различного рода рисков и факторов неопределенности будет зависеть от формулирования цели, которую она ставит в качестве основополагающей, и тех задач, которые необходимо решить для ее достижения.

Поэтому каждая страна в первую очередь должна учитывать риски, оказывающие влияние на достижение цели ее социально-экономического развития, сохранение ее положения в мировой системе, и создавать систему противодействия такого рода рискам и неопределенностям в той или иной социально-технологической области как внутри страны, так и за ее пределами.

Так, определение России как особого цивилизационного пространства ставит перед ней специфическую задачу — сохранения своей самобытности в условиях более сильных цивилизационных ареалов: западного, китайского, исламского. Поэтому основной риск для России заключается в действии тех процессов, которые приведут к потере данной самобытности. При этом такой риск, как, например, возможное глобальное потепление, в ближайшем будущем не является критическим.

В связи с этим потеря своего места в мировой экономике, в частности в ее высокотехнологичном секторе, а также сокращение численности населения, которое определяется в качестве носителя специфической российской цивилизации, обусловят невозможность сохранения российского цивилизационного пространства.

Другие риски и факторы неопределенности следует учитывать при решении конкретных тактических задач. В своем Послании Федеральному собранию в феврале 2018 года В. В. Путин отметил, что уже «в 2021 году темпы роста российской экономики должны превысить 3 %, а в дальнейшем опережать мировые»[6]. Учитывая,

[1] Tyler Durden. There is a New «Most Crowded Trade» and «Biggest Tail Risk» on Wall Street. URL: https://twitter.com/ritvikcarvalho/status/1107938572995387392 (дата обращения: 20.03.2019).

[2] It's China Slowdown — Not the Trade War — Investors see as the Bigger Risk. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-20/china-slowdown-seen-as-biggest-risk-for-investors-not-trade-war (дата обращения: 20.03.2019).

[3] Country risk premia quarterly update. URL: https://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/country-risk-premia-quarterly-update.html (дата обращения: 10.02.2019).

[4] Measuring Economic Policy Uncertainty. URL: https://economics.yale.edu/sites/default/files/bloom_macrows_mar2016.pdf (дата обращения: 15.02.2019).

[5] The World Uncertainty Index. URL: http://www.policyuncertainty.com/media/WUI_mimeo_10_29.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

[6] Послание Президента РФ Федеральному собранию. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 10.03.2019).

что за 2009–2018 годы среднегодовые темпы прироста ВВП в РФ составили 0,9 %, а в мире — 2,7 %[1], то выполнить поставленную задачу к 2021 году будет весьма сложно. При этом следует также учитывать, что прогнозы на последующие годы весьма неутешительны. Так, на период 2019–2023 годов МВФ прогнозирует следующие среднегодовые темпы прироста ВВП (%): мир — 3,64, экономически развитые страны — 1,70, развивающиеся страны — 4,82, Российская Федерация — 1,54, Индия — 7,64, Вьетнам — 6,50, Китай — 5,96, США — 1,78[2]. В целом делаются прогнозы, что мировая экономика к 2032 году вырастет вдвое, а к 2050 году она увеличится еще почти вдвое, причем за счет именно развивающихся стран[3].

Низкие темпы прироста ВВП РФ в определенной степени обусловлены сложившейся в России демографической ситуацией — снижением численности населения. В том же Послании В. В. Путин отмечает необходимость «на рубеже 2023–2024 годов добиться возобновления естественного прироста населения»[4]. Однако прогнозы ООН ставят под сомнение такие предположения: по данным отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, к 2030 году численность населения России сократится до 140,5 млн человек[5].

В этих условиях основой ускоренного развития экономики России может стать только рост эффективности труда, что, однако, потребует резкого увеличения производительного капитала в стране, а значит, и величины доли сбережений и доли накопления основного капитала в ВВП. Необходимо отметить, что в февральском Послании В. В. Путин определял, что рост «объема инвестиций уже в 2020 году должен увеличиться на 6–7 %. Достижение такого уровня станет одним из ключевых критериев оценки работы правительства»[6].

Более того, сразу после оглашения своего Послания Федеральному собранию уже в марте 2018 года В. В. Путин поставил конкретную цель: «правительству РФ совместно с ЦБ РФ до 16 июля 2018 года разработать и утвердить план действий по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал и повышению их доли в ВВП до 25 %»[7]. Однако следует отметить, что в 2018 году фактическая доля составила только 17,0 %, что даже меньше, чем в 2017 году (17,4 %)[8].

К сожалению, в течение многих лет накопление основного капитала в экономике РФ происходит гораздо медленнее, чем в быстрорастущих экономиках, особенно в странах Юго-Восточной Азии. Проблема инвестиций и накопления основного капитала — одна из самых важных и сложных для экономики России. Она ставит вопрос о соотношении интересов разных поколений российского общества, разных социальных слоев и групп, покидающих нашу страну и остающихся здесь.

Таким образом, России следует определиться с отношением к основным рискам, с которыми она столкнется в ближайшие годы. В этом случае учет глобальных рисков и глобальной нестабильности не должен препятствовать преодолению собственных проблем в развитии страны. Это означает, что при проведении экономической политики в России следует руководствоваться в первую очередь интересами национальных участников экономических отношений (потребителей, производителей, государства). Только в этом случае возможно сохранение во всемирном рыночном обществе уникальной российской цивилизации.

[1] World Development Indicators. URL: https://databank.worldbank.org/data/ (дата обращения: 20.03.2019).

[2] Real GDP growth. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/RUS/EAQ (дата обращения: 10.03.2019).

[3] Navigating the global economy. URL: https://www.pwc.com/gx/en/issues/economy.html (дата обращения: 10.03.2019).

[4] Послание Президента РФ Федеральному собранию.

[5] World Population Prospects. The 2017 Revision. URL: https://esa.un.org/unpd/Wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf.

[6] Послание Президента РФ Федеральному собранию.

[7] Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному собранию. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57078 (дата обращения: 17.03.2019).

[8] Инвестиции в нефинансовые активы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (дата обращения: 17.03.2019).

Е. А. Петрова[1]

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В ситуации глобальной нестабильности, охватывающей самые разные сферы социальной действительности, необходимо искать общие ценности, с опорой на которые можно было бы обеспечить относительную предсказуемость мирового развития. Одной из таких универсальных ценностей является право, призванное упорядочить общественные отношения как в рамках отдельного государства, так и на международной арене. Правопорядок лежит в основе общественного устройства, но лишь в том случае, если он действенен и устойчив. Необходимым условием обеспечения стабильности правопорядка — как международного, так и внутригосударственного, — на наш взгляд, выступает принцип верховенства права. Его содержание многоаспектно.

Так, сосуществование государств на международной арене, их эффективное взаимодействие невозможны без признания *принципа верховенства международного права*. Именно международное право, а точнее его общепризнанные принципы, выступает тем единым стержнем, на котором держится стабильность международных отношений, обеспечивается сбалансированность национальных интересов мировых держав. Нарушение данных принципов, как показывает современная ситуация на международной арене, неизбежно приводит к возникновению международных конфликтов. В Концепции внешней политики РФ справедливо отмечается, что верховенство права в международных отношениях призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их интересов, а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом. При этом РФ «проводит внешнюю политику, направленную на создание стабильной и устойчивой системы международных отношений на основе общепризнанных норм международного права и принципов равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств в целях обеспечения надежной и равной безопасности каждого члена мирового сообщества»[2].

Учитывая значимость всех общепризнанных принципов международного права, особо следует подчеркнуть необходимость соблюдения принципа добросовестного исполнения взятых на себя международных обязательств, на котором базируется и само существование международного права, и его верховенство в межгосударственных отношениях. Содержание данного принципа раскрывается в Декларации о принципах международного права 1970 года: «Каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства в соответствии с международными соглашениями, имеющими силу согласно общепризнанным принципам и нормам международного права…»[3]. Признавая определенную условность формулировок рассматриваемого принципа (в частности, понятия «добросовестности»), мы полностью согласны с теми учеными-международниками, которые считают, что его отмена означала бы ликвидацию всего международного права. Неслучайно содержание его базируется на идущем еще из римского права требовании «pacta sunt servanda».

Важно подчеркнуть, что рассматриваемый принцип не ограничивает независимость государств на международной арене, поскольку не требует *принятия* на себя тех международных обязательств, которые не соответствуют суверенным интересам каждой отдельной страны. Хотя, несомненно, чем большее количество государств будет участвовать в договорах, тем более универсальными будут нормы международного, а вслед за ними и национального права. Чем более унифицирован будет «язык» права международного общения, тем более стабильным станет мировой правопорядок. Неслучайно, следуя принципу добросовестного исполнения международных обязательств, многие государства, в том числе и Россия, закрепляют на конституционном уровне принцип верховенства международного права, устанавливая иерархический приоритет международных договоров над внутренними законами (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Выступая суверенным субъектом международных отношений, государство не обязано участвовать в тех или иных соглашениях, однако, став таковым добровольно, оно оказывается связанным своими международными обязательствами, как бы они ни соотносились впоследствии с нормами национального права. На это прямо обращается внимание в ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров, в которой закрепляется, что участник договора не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им своих обязательств. В противном случае сводилось бы на нет само содержание принципа добросовестного выполнения международных обязательств, так как у государства всегда оставалась бы возможность уклониться от исполнения договора, сославшись на противоречие национальным нормам. У государства как суверенного образования

---

[1] Доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук. Автор 130 научных публикаций, в т. ч.: «Статуты и прецеденты в системе источников американского права», «Влияние института судебного конституционного контроля на основные источники права США», «Национальная культура как детерминанта правового развития государства в России и США: сравнительный аспект», «Doctrinal Foundations of Judicial Lawmaking in the USA», «Права человека и права нации в глобальном мире: международно-правовой аспект», «Механизм конституционного правотворчества в США как проявление конвергенции в праве», «Феномен правотворчества в основных типах правопонимания» и др.

[2] Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

[3] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16044#04134698207571153 6.

есть другая возможность: изначально не брать на себя подобные обязательства или отказаться от договора на условиях денонсации. Более того, учитывая равную обязательность данного принципа для всех сторон, несоблюдение договорных положений контрагентом дает возможность поставить вопрос об их аннулировании. Подобное понимание принципа «pacta sunt servanda» обеспечивает реальное верховенство международного права, без которого невозможна стабильность мирового правопорядка.

Если же говорить о содержании принципа верховенства права в рамках национального правопорядка, то здесь на первый план выходит *принцип верховенства основного закона государства* — Конституции. Именно конституционные нормы являются тем стержнем, на котором держатся единство и непротиворечивость национальной правовой системы. В Конституции РФ рассматриваемый принцип закреплен в ст. 15 в качестве одной из основ конституционного строя и включает в себя несколько элементов:

1) высшую юридическую силу и прямое действие Конституции на всей территории РФ;

2) соответствие законов и иных правовых актов, принимаемых в РФ, Конституции РФ;

3) обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию РФ.

Важной гарантией стабильности национального правопорядка выступает стабильность основного закона. Ученые справедливо отмечают: важно помнить, что устойчивые государства и элиты, заинтересованные в государственной целостности, стараются избегать конституционных ревизий, поскольку даже небольшое формальное вмешательство может привести к «десакрализации» основного закона и открыть ящик Пандоры политической нестабильности[1]. Поэтому в конституционном правотворчестве должны существовать соответствующие «защитные» механизмы, предупреждающие частый пересмотр конституционных норм.

Формально таким механизмом выступает усложненный порядок внесения изменений в текст конституции. Фактически — деятельность судов (специализированных конституционных, как в России, или верховных, как в США) по официальному толкованию конституционных норм, благодаря которой положения конституции без их текстуального изменения «приспосабливаются» к меняющимся общественным отношениям. Так, например, в США Верховный суд действует, по сути, во всех отношениях как «настоящий продолжающийся конституционный конвент»[2]. В американской правовой системе общераспространенной стала позиция, согласно которой именно судьи Верховного суда обладают «последним словом в интерпретации конституционных положений и именно их решения определяют для каждого подлинное значение Конституции»[3]. Хотя судьи Конституционного Суда РФ не обладают, подобно своим американским коллегам, правотворческими полномочиями, тем не менее формулируемые ими «правовые позиции» оказывают существенное влияние на фактическое содержание конституционных норм.

Наконец, для обеспечения стабильности правопорядка необходимо, чтобы два указанных нами принципа — принцип верховенства международного права, лежащий в основе международного правопорядка, и принцип верховенства Конституции, лежащий в основе правопорядка национального, не противоречили друг другу. Единственный способ для государства предотвратить возникновение подобной коллизии — не брать на себя международные обязательства, не соответствующие положениям конституции. Для обеспечения этого, например, Конституционный Суд РФ в соответствии со ст. 125 Конституции наделен правом проверять на соответствие Конституции РФ не вступившие в силу международные договоры РФ. Согласно же ст. 22 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции РФ, решение о согласии на его обязательность возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ или пересмотра ее положений в установленном порядке[4]. Однако ситуация осложняется в том случае, если противоречие возникает уже в процессе исполнения международных норм. В доктрине конституционного права России однозначно утвердилось мнение о верховенстве в таком случае конституционных норм над международными: «…распространенная точка зрения о «верховенстве» международного права является весьма поверхностной и упрощенной. Речь идет только о приоритете международного договора в применении перед законом в случае их коллизии. Что касается Конституции РФ, то она занимает доминирующее положение в любых коллизионных ситуациях»[5]. На практике подтверждением доктринальных положений стало наделение Конституционного Суда РФ правом проверять решения межгосударственного органа по защите прав человека, в том числе Европейского суда по правам человека, на их соответствие Конституции РФ[6]. По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд РФ может, в частности, принять постановление о невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией РФ решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (ст. 104.4 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Признавая безусловную важность прин-

[1] *Шахрай С. М.* Конституционное право Российской Федерации. М., 2017 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18302#09165792651468772.

[2] Цит. по: *Жидков О. А.* Верховный суд США: Право и политика. М. : Наука, 1985. С. 116.

[3] *Kramer L. D.* Foreword: We the Court // Harvard Law Review. 2001. Vol. 115. P. 6.

[4] СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

[5] *Красинский В. В.* Защита государственного суверенитета. М., 2017 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18489#00554944293099946.

[6] Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ „О Конституционном Суде Российской Федерации“». URL: http://pravo.gov.ru.

ципа верховенства Конституции, считаем необходимым подчеркнуть, что данный принцип не должен использоваться как основание для неисполнения международных обязательств, поскольку без поддержания международного правопорядка национальные интересы не могут быть эффективно обеспечены. Следует исходить из того, что верховенство конституции — это именно принцип правового демократического государства, а не самоцель.

Справедливо отметил судья Конституционного Суда РФ К. В. Арановский: «При верховенстве Права его правилам подчиняются и принимают их последствия, в том числе неприятные, даже если крупная цель велит их переиначить или от них отступить. Верховенство Права неубедительно, когда цель уважают больше правил и простое их соблюдение кажется делом второстепенным и невзрачным…»[1] Таким образом, именно принцип верховенства права, соблюдаемый всеми его субъектами в единстве и взаимосвязи его элементов, способен обеспечить непротиворечивость международных и национальных правовых норм, а значит, и стабильность правопорядка в целом.

В. Г. Петухов[2]

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ. ПОЛИЦЕЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В демократических сообществах законность власти гарантируется, с одной стороны, легитимностью норм, устанавливающих ограничения и принятых с согласия тех, кого они ограничивают, с другой — угрозой применения легитимного насилия со стороны специализированных органов. Эта возможность реализуется государством через монополизацию функции внутреннего принуждения специализированными полицейскими институтами. Однако, поскольку полицейские органы вовлечены в различные формы международной деятельности, эта принудительная функция также имеет выражение на международном уровне. Развитие структур и организаций, обеспечивающих применение правопринудительной силы на международном уровне, было резко стимулировано ростом международной террористической угрозы, особенно после терактов 11 сентября 2001 года.

Показательно, что степень вовлеченности полицейских органов государств в международные организации по борьбе с международным терроризмом не зависит от степени демократичности — как формальной, так и реальной — режимов этих стран. Можно утверждать, что с помощью международных правоохранительных органов терроризм был успешно криминализирован на международном уровне.

Для описания становления этих процессов Мэттью Дефлем предложил теорию бюрократизации международного полицейского сотрудничества. Автор концепции считает, что она позволяет предсказать высокую степень автономности полицейских органов на международной арене в вопросах контроля над преступностью и поддержания порядка. При этом, поскольку на уровне государств бюрократия зависит от политической власти, степень институциональной автономии полицейских органов на национальном уровне в значительной степени зависит от разнообразных факторов, прежде всего от стремления властей использовать полицию в качестве инструмента политической борьбы[3].

Еще Макс Вебер определял функцию государства следующим образом: защита личной безопасности и общественного порядка. При этом рост бюрократии обусловливается ростом потребности в умиротворении, порядке и защите во всех общественных сферах. Согласно теории бюрократизации, зародившись в середине XIX века, полицейские структуры всегда стремились к некоторой институциональной автономии от государственных политических структур. Целью здесь является более эффективное решение задач по поддержанию порядка. При этом они подчиняются логике применения наиболее подходящих средств и профессиональной системы знаний[4].

Данная теория не предполагает, разумеется, что полицейские силы не относятся к сфере государственного контроля, но рассматривает их действия не столько как детерминированные связью с центрами политической власти, сколько в контексте более общего процесса рациональной бюрократизации. В случае с полицейскими силами речь идет о постепенном присвоении полицейской бюрократией принудительных функций в отношении криминальной активности вне зависимости

[1] По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания „ЮКОС“ против России»: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Социальный контроль как важное звено системы права», «К вопросу о противодействии организованной преступности в современных условиях», «Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности», «Молодежные организации экстремистской направленности в Санкт-Петербурге», «Актуальные проблемы уголовного права РФ на современном этапе», «Актуальные проблемы права в условиях глобализации» и др. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отличие в охране общественного порядка» МВД СССР и др.

[3] *Deflem M.* Bureaucratization and social control: Historical foundations of international policing // Law Society Review. 2000. № 34 (3). P. 601–640.

[4] *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

от политических директив и развитие профессиональных технических навыков для достижения этой цели.

Разумеется, данной теорией учитываются изменения и преемственность в вопросах развития социальных институтов. В первую очередь интерес представляют условия, влияющие на бюрократию в ситуации стремительных политических перемен. Революционные изменения предполагают перенаправление бюрократической активности на задачи, тесно связанные с политическими целями.

Можно выделить несколько исторических примеров. Первой международной полицейской организацией можно считать (с известными оговорками) Полицейское объединение Германского союза, созданное в 1851 году и объединившее полицейские организации семи германоязычных стран. Иронично, что на его основе была создана Прусская тайная политическая полиция (*Preußische Geheimpolizei*), впоследствии преобразованная в 1933 году в Государственную тайную полицию (*Gestapo*)[1].

Яркая попытка полицейского объединения была предпринята по инициативе итальянских властей в 1898 году, когда в Риме провели Антианархистскую конференцию. Это событие объединило полицейские силы 21 страны с целью организации мировой полиции для противостояния анархистскому движению. Показательно, что, хотя следующая встреча и была проведена в Санкт-Петербурге в 1904 году, бюрократическая логика развития национальной полиции не позволила на тот момент политизировать деятельность полицейских институтов, перенаправив их с антианархической борьбы на антикриминальную.

Революция в России, хотя и вызвала на Западе страх перед распространением коммунизма и потребовала полицейской политической активности, оказала незначительный эффект на бюрократическое развитие международного полицейского сотрудничества. Так, антикоммунистическая активность ФБР во времена Гувера сводилась лишь к контролю опасной для государства деятельности.

Можно провести интересные параллели между этими попытками политизировать полицейскую активность в период войн и революций и деятельностью полиции на международном уровне после террористических атак 11 сентября 2001 года. В десятилетие перед терактом международное антитеррористическое законодательство развивалось невысокими темпами. На международном уровне по-прежнему основой антитеррористического сотрудничества была принятая еще Лигой Наций в 1937 году Конвенция о предотвращении и преследовании терроризма. Несмотря на принятие ряда актов о противодействии терроризму на национальном уровне — таких как «Patriot Act», наиболее значительным прорывом в этой сфере является выход на новый уровень сотрудничества в рамках работы Интерпола[2].

Количество сотрудников Интерпола, созданного в 1923 году в Вене, постепенно росло, однако не подвергались значительным изменениям ни цели его деятельности, ни организационная структура. Первые решения по противодействию терроризму и связанной с ним деятельности были приняты в 1970-е годы. Они касались преступлений, традиционно связанных с терроризмом, таких как захват воздушных судов и заложников. При этом особенно подчеркивалось, что решения должны исполняться только с учетом Резолюции 1951 года, согласно которой Интерпол не связывает свою деятельность с политическими, социальными, религиозными или иными вопросами, — это закреплено в ст. 3 Устава данной организации. В 1984 году была издана Резолюция Интерпола о насильственных преступлениях, связанных с терроризмом. В ней участники организации призывались к борьбе с терроризмом на национальном уровне. В 1985 году была создана спецгруппа со статусом субдиректората по общественной безопасности и терроризму (PST). Ее цель — координация и развитие сотрудничества по вопросам противодействия глобальному терроризму[3].

В 1990-х были предложены некоторые антитеррористические инициативы в рамках Интерпола, прежде всего утвержденная в 1998 году Генеральной ассамблеей Интерпола в Каире Декларация о противодействии терроризму. Аналогичные положения были провозглашены и на заседании Генеральной ассамблеи в Сеуле в 1999 году.

Семидесятое заседание Генеральной ассамблеи Интерпола произошло после 11 сентября 2001 года в Будапеште. На нем была принята Резолюция AG-2001-RES-05, которая, кроме осуждения «бесчеловечной жестокости, хладнокровных массовых убийств и преступлений против человечности», а также призывов к кооперации усилий в противостоянии угрозе, устанавливала в качестве конкретной меры придание высшего приоритета так называемым красным карточкам Интерпола («Interpol's Red Notices»), то есть предписаниям об аресте и экстрадиции лиц, подозреваемых в терроризме, его финансировании и отмывании террористических денег[4]. Обсуждались и иные меры, в частности создание специальной базы данных по находящимся под угрозой авиарейсам, а также по проблемам биотерроризма, таким как рассылка писем со спорами сибирской язвы.

Тем не менее возникала проблема с применением этих норм параллельно с требованиями ст. 3 Устава Интерпола, запрещающей касаться вопросов политики, религии и военных конфликтов, — таким образом активность Интерпола ограничивалась только криминальными проявлениями терроризма[5].

В рамках противостояния терроризму Интерпол задействовал связи с другими международными органи-

[1] *Deflem M.* International Policing in Nineteenth-Century Europe: The Police Union of German States, 1851–1866 // International Criminal Justice Review. 1996. № 6. P. 36–57.

[2] *Deflem M.* Policing World Society: Historical Foundations of International Police Cooperation. Oxford, UK : Oxford Univ. Press, 2002.

[3] *Barnett, M., Coleman, L.* Designing Police: INTERPOL and the Study of Change in International Organizations // International Studies Quarterly. 2005. № 49 (4) P. 590–599.

[4] About Red Notices // International Crime Police Organization — INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/en/How-we-work/Notices/Red-Notices (дата обращения: 20.03.2019).

[5] Legal Documents // International Crime Police Organization — INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/en/Who-we-are/Legal-framework/Legal-documents (дата обращения: 20.03.2019).

зациями. При участии генерального секретаря Рональда Ноубла, долгое время бывшего главой Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег («Financial Action Task Force»), была разработана и принята Сеульская резолюция по борьбе с финансированием терроризма[1]. Также были заключены соглашения с Европолом, арабским Советом министров внутренних дел и другими международными региональными организациями. Наконец, была создана Специальная группа по расследованию событий 11 сентября («11 September Task Force») в штаб-квартире Интерпола в Лионе.

Как уже было сказано, теория бюрократизации исходит из высокой степени автономности полицейских институтов. Таким образом, возникают как бы две сферы — глобального права и глобальной правоохранительной деятельности, при этом высокая степень политизации первой слабо влияет на работу второй. Таким образом, задачей Интерпола в противостоянии международному терроризму стало, прежде всего, осуществление координации и кооперации усилий полицейских структур стран с достаточно различными идеологическими режимами. Так, например, при посредничестве Интерпола были разработаны меры по внедрению биометрических паспортов как меры противодействия подделке документов[2].

С другой стороны, политизация сферы межгосударственного сотрудничества ведет к снижению доверия между участниками операций Интерпола, что отрицательно сказывается на эффективности антитеррористического сотрудничества. Основатель Международного института научных исследований в сфере криминалистики Махмуд Шериф Бассиуни отмечал: «Наиболее сильные державы, такие как США, не доверяют нам полностью»[3]. В вопросах противостояния глобальному терроризму полицейские силы США предпочитают унилатерализм действия многостороннему сотрудничеству в рамках деятельности Интерпола и иных подобных организаций.

В целом, прекращение односторонних акций и политизации борьбы с терроризмом на международном уровне видится именно в деполитизации целей этой борьбы и криминализации проявлений терроризма. Определение действий, подпадающих под понятие «преступление против человечности», как криминальных элементов террористической активности должно способствовать бюрократизации процесса борьбы с ними. Это, в свою очередь, позволит бюрократическому сотрудничеству полицейских сил отгородиться от политических, религиозных, идеологических и иных противоречий[4]. Ограничение государственно-центричных теорий международных отношений позволит выделить антитеррористическую деятельность как автономную форму сотрудничества и эффективнее внедрять меры по противостоянию этой угрозы в условиях политизированного глобального мира.

Н. Н. Покровская[5]

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИЛИ СИСТЕМА КРЕАТИВНОЙ ГУМАНИЗАЦИИ

Процесс оцифровки мира опирается на представления о всемогущих интеллектуальных системах, способных обрабатывать информацию таким образом, чтобы оптимизировать затраты ресурсов для достижения целей. Цифровая экономика, рассматриваемая с этих позиций, требует трех регулятивных оснований:

1) целеполагания;

2) массового доверия к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ);

3) обеспечения постоянного источника инноваций и новых творческих идей.

Перечисленные основания позволяют опираться на информационно-коммуникационные технологии для сокращения непроизводительных и избыточных затрат, а также на точное таргетирование производства и тем самым возвращение от спонтанного рыночного равновесия к системе глобального планирования. Цифровизация экономики позволяет на основе анализа больших данных определять объемы выпуска продукции, более приближенные к реальным потребностям населения планеты, чем при попытках компаний в условиях рыночных механизмов выявить эти потребности и их количественные и качественные характеристики.

В этом смысле цифровая экономика на глобальном уровне позволяет вернуться к индикативному планированию по схеме Франции 1950–1980-х годов или к государственному планированию по схеме СССР. Администрирование физического сбора данных, их обра-

[1] Ronald Noble. URL: https://www.ronaldknoble.info (дата обращения: 20.03.2019).

[2] *Deflem, M., Maybin L. C.* Interpol and the policing of international terrorism: Developments and dynamics since September 11 // Terrorism: Research, readings, realities / ed. by L. L. Snowden and B. Whitsel, E. Clifts. N. Jersy : Prentice Hall, 2005. P. 175–191.

[3] *Bassiouni M. C.* Legal control of international terrorism: A policy-oriented assessment // Harvard International Law Journal. 2002. № 43. P. 83–103.

[4] *Deflem M.* Global Rule of Law or Global Rule of Law Enforcement? International Police Cooperation and Global Terrorism // The Annals of the American Academy of Political and Social Science 2006. Vol. 603 : Law, Society, and Democracy: Comparative Perspectives. P. 240–251.

[5] Профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, кандидат экономических наук. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики», «Рациональность экономического поведения», «Мировые практики аудита корпоративной социальной ответственности», «Проблемы и задачи оценки эффективности налогового регулирования НИОКР», «Ограничения и возможности инструментов когнитивного анализа поведенческих моделей: big data и умные вещи» и др. Член Санкт-Петербургского союза ученых. Член ред. совета журнала из перечня ВАК «Социология и право», журнала «Научная мысль», главный редактор журнала «Личность и культура».

ботка на бумажных носителях и обсчет потребностей народного хозяйства (национального, регионального, например на уровне Европейского союза, или глобального) требовали несопоставимо высоких финансовых и временны́х затрат, что делало такое планирование слишком дорогостоящим механизмом. Вычислительные мощности и интеллектуальные системы (нейросети и машинное обучение, алгоритмы нечеткой логики, распределение вычислений, туманные и облачные модели расчетов), напротив, требуют меньших затрат и, таким образом, приводят к стремительному росту эффективности планирования как глобальной основы экономики.

На корпоративном уровне это позволяет компаниям расширяться, формулировать глобальные стратегии и формировать производственные монополии и агрегаторы услуг, подобные «Qualcomm», «Intel», «Samsung», «Amazon», «Airbnb», «Booking.com». Следует отдельно отметить процесс уберизации, который получил свое название от компании «Uber», хотя фактически возник значительно раньше (можно привести в качестве примера такие сервисы, как «Blablacar» и «CouchSurfing») и чаще описывается терминами «sharing economy»[1], «we-economy»[2] и отчасти «gig economy»[3] (гигномика). Данное явление представляет собой основу организации трудовой деятельности для реализации экономической модели «совместного потребления» («sharing»), или «экономики всех нас»[4] («we-economy»), построенной на предельной индивидуальной кастомизации.

Понятие «sharing economy» возникло на основе концепции «открытого источника» (точнее, открытого исходного кода или исходного текста, «open source»[5]), которая подразумевала раннее свободное участие самостоятельных индивидов в разработках на условиях доступа к продукту и безвозмездность вклада своих трудовых ресурсов. Сегодня этот термин охватывает существенное количество экономических моделей, основанных на приглашении высококвалифицированных специалистов и экспертов, инвесторов, партнеров в бизнес-процесс, вознаграждение за участие в котором будет формироваться по результатам реализации.

В отличие от представлений об открытом коде, гигномика («gig economy») демонстрирует как достоинства, так и недостатки модели отношений в обществе, построенных на точечных контрактах. С одной стороны, и работодатель, и работник нередко рады избежать длительных трудовых отношений и заключить договоры лишь на выполнение отдельных работ («gigs»). С другой стороны, перевод профессорско-преподавательского состава на десятимесячные трудовые контракты или на почасовую оплату обнаружил ряд неожиданных отрицательных последствий для обеих сторон. Если в случае длительного трудового договора обе стороны вынуждены выполнять требования трудового законодательства, то они рассчитывают и на разностороннюю взаимную поддержку (работник — на оплату отпускных в размере оклада, университет — на разработку учебно-методической документации и отчетов, необходимых для прохождения разнообразных аккредитационных процедур). Отсутствие долгосрочных устойчивых трудовых взаимоотношений неожиданно привело вузы не только к получению финансовой выгоды на основе экономии трудовых затрат, но и к проблемам: преподаватели, труд которых оплачивается по часам, не заинтересованы ни в разработке рабочих программ и иных методических документов, ни в предоставлении подробных отчетов, ни в публикации статей с аффилиацией работодателя. В результате возникают ситуации, когда администрация вуза с удивлением узнает, что у сотрудника есть, например, шестнадцать публикаций в международных базах «Scopus» и «WoS», но учебное заведение может учесть в рейтинговых показателях только одну из них, поскольку в остальных автор указал иное место работы как более выгодное или престижное. Работодатель также не может рассчитывать на работу такого сотрудника в режиме аврала или на его активное участие в прохождении процедур проверки, поскольку преподаватель не видит необходимости работать больше, чем предполагает оплата за часы проведенных занятий. Также эти сотрудники оставляют в социальных сетях и иных коммуникационных системах свое откровенное мнение о вузе, оказывающее не всегда положительное влияние на имидж и репутацию своего «случайного» работодателя. Более того, «gig economy» позволяет сотруднику сравнивать работодателей и давать своим читателям в социальных сетях или друзьям более объективные оценки различных конкурирующих между собой компаний. Особенно типична такая ситуация, например, для служб такси, поскольку водители с удовольствием делятся с пассажирами своими впечатлениями о работе с разными агрегаторами, что позволяет в дальнейшем клиенту делать более обоснованный выбор между традиционными таксопарками и агрегаторами, а также между самими агрегаторами.

Аналогичный анализ может быть проведен для финансово-кредитных учреждений и для денежной системы в целом. Так, деньги, представляя собой систему измерения хозяйственных процессов, в условиях цифровой экономики конкурируют с инструментом, который ранее имел форму векселей — выпускавшихся в бумажной форме документов, подтверждающих имущественные обязательства отдельных локальных и региональных институциональных партнеров (например, небольшого производственного кооператива

[1] Новая экономическая модель «common based peer production» («производство на общей основе») была описана в статье: *Benkler Y.* Coase's Penguin, or, Linux and The Nature of the Firm // The Yale Law Journal. August 2002. Vol. 112, № 3. P. 369–446. URL: https://www.yalelawjournal.org/pdf/354_t5aih5i1.pdf ; http://www.benkler.org/CoasesPenguin.PDF (дата обращения: 23.03.2019).

[2] *Hesseldahl P.* We Economy: Beyond the Industrial Logic. Gjern (DK), 2017.

[3] *Petriglieri G., Ashford S. J., Wrzesniewski A.* Thriving in the Gig Economy // Harvard Business Review. March-April 2018. Vol. 96 (2). P. 140–143. URL: https://hbr.org/2018/03/thriving-in-the-gig-economy (дата обращения: 23.03.2019).

[4] *Рагимова С.* Каждой компании нужна экосистема // Коммерсантъ Информационные технологии : прил. 31 марта 2015. № 55. С. 13.

[5] С 1952 года программисты объединялись для адаптации «железа» и «софта», чтобы создать удобное программное обеспечение, дающее широким кругам пользователей доступ к вычислительному оборудованию. В 1983 году Р. Столлман основал движение и проект свободного программного обеспечения. См., например: *Stallman R. M., Lessig L., Gay J. (eds.)* Free Software Free Society: selected essays of Richard M. Stallman. Boston : GNU Press, 2002.

или даже частного лица, желающего предложить свои активы в аренду или на иных условиях в хозяйственное пользование). Сегодня эту же роль выполняют тысячи возникших криптовалют, в которых реализуется право покупателя на часть предлагаемого им имущества — например, на квоты лесных площадей как системы, позволяющей промышленным производствам не платить экологические штрафы за загрязнение воздуха.

Указанные отдельные особенности цифровой экономики в плане как финансового обращения, так и хозяйственной деятельности, особенно на основе «умных контрактов» («smart contracts»), характеризуют цифровизацию как переход к плановой экономике на новом технологическом, инструментальном уровне. На ценностно-смысловом уровне следует выделить такие особенности цифровой экономики, как автоматизация рутинных функций и роботизация вредных, тяжелых или монотонных производственных операций в опасных для человека условиях (например, покрасочные работы в автомобилестроении). Это приводит к постановке новых задач: в условиях, когда можно с низкими затратами удовлетворить практически все потребности, рентабельные бизнес-модели создаются лишь на основе поиска новых потребностей. С этих позиций цифровая экономика сможет показать свою эффективность лишь при условии того, что объем потребления будет сохраняться. То есть подразумеваются две возможности: либо расширять кредитование потребления (причем под нулевой процент), либо повышать оплату труда. Если «рейганомика» (кредитование массового частного потребления) исчерпала себя к 2008–2009 годам, то стимулирование внутреннего спроса путем повышения оплаты труда демонстрирует эффективность как в версиях Швейцарии или Финляндии (прямые выплаты денег гражданам страны), так и в версии Китая (повышение оплаты труда).

Оба варианта подразумевают некоторые этические вопросы.

1. Если работающие и неработающие граждане получают одинаковый доход (от работодателя или от государства), возникают социальная напряженность в силу «незаслуженного» равенства и отсутствие мотивации к труду.

2. При массовых высвобождениях рабочей силы вследствие роботизации необходимо выработать правила социальной защищенности увольняемых работников с точки зрения поддержания их дохода. Одновременно с этим необходимо продумать их социальную интеграцию. Например, символическое потребление в значительной мере опирается на стимулирование покупок товаров, которыми можно будет «похвастаться» перед коллегами — но если сотрудник уволен, резко падает и потребность в символических товарах, составляющих престиж, отражающих позицию в социальной иерархии. Это неизбежно будет приводить к снижению потребления уже не только из-за утраты прежнего дохода, но и в силу сокращения потребностей.

3. Необходимо выработать критерии распределения доходов между сотрудниками, занимающимися разными типами труда. Сохраняющийся физический труд и творческий, креативный труд должны оплачиваться по-разному, поскольку в новой экономике только инновационные продукты и технологии создают добавленную стоимость или формируют цепочку создания ценности фирмы. В то же время далеко не все способны выполнять самостоятельные творческие задачи — либо же сотрудники недостаточно мотивированы и заинтересованы.

4. Прекаризация и дефрагментация труда как проблемы управления трудовыми отношениями должны решаться не технологически, а на основе выработки национальной стратегии — или глобальной стратегии человечества, в которой отражались бы целеполагание, смысловое наполнение хозяйственного роста и развития. Сюда же относятся ценностные регулятивные механизмы, отвечающие на вопрос «зачем?», поскольку цифровизация и роботизация успешно отвечают на вопрос «как?», предоставляя методы и способы достижения целей, но не предлагая способов их постановки.

Обеспечение инновационного экономического роста лишено смысла без внятного ценностного регулятивного основания, которым может стать креативная гуманизация экономики как система повышения возможностей человека в его самореализации — как рутинной, так и творческой.

Э. Э. Полетаев[1]

ПОДХОД КАЗАХСТАНА К МОДЕЛИ ЕАЭС: «ЭФФЕКТ НИЗКОЙ БАЗЫ», ПРИОРИТЕТНЫЕ СМЫСЛЫ ИНТЕГРАЦИИ И СПЕЦИФИКА ПОЗИЦИИ

25 лет назад, в 1994 году, первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступил с инициативой сформировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС), и спустя 20 лет, в 2014 году, был подписан Договор о создании такой организации. Это наднациональное объединение с населением более 180 млн человек и рынком с внешнеторговым оборотом в 750 млрд долларов пока характеризуется «эффектом низкой базы». Однако если ЕАЭС реализует свой потенциал, то у него будут все шансы укрепить свои позиции на международной арене.

Казахстан заинтересован в участии в ЕАЭС прежде всего из-за сегодняшних глобальных тенденций. Экономика страны во многом зависит от мировых цен на сырье. Нефть — главный экспортный продукт страны. В 2018 году ее поставлено на экспорт 16,5 млн тонн на 8,2 млрд долларов, что составило 60 % от всех экспортных объемов Казахстана. Для сравнения отметим, что второго по значимости экспортного продукта, меди и медных сплавов, продано на 744,7 млн долларов, то есть нефть принесла в 11 раз больше прибыли.

Казахстан довольно болезненно пережил финансовый кризис 2007–2009 годов. Во время перехода к этапу стабилизации были сделаны выводы о том, что в условиях периодической нестабильности мировой экономики жизнеспособность страны во многом зависит от интеграции с другими государствами. Для роста экономики необходимы расширение рынков сбыта, упразднение таможенных барьеров, улучшение условий для инвестиций.

Власти Казахстана, продвигая идею евразийской экономической интеграции, использовали следующие основные аргументы. Во-первых, в рамках ЕАЭС для бизнеса откроется единый рынок с емкостью порядка 2 трлн долларов, благодаря чему будут созданы условия для развития экономики. Во-вторых, четыре ключевые свободы ЕАЭС (по аналогии с Европейским союзом: свобода движения товаров, рабочей силы, услуг и капитала) позволят Казахстану вместе с союзниками выступить единым блоком на международном рынке. В-третьих, новый региональный рынок расширит возможности для создания новых ведущих направлений национальной экономики, повысит ее инвестиционную привлекательность, благодаря чему Казахстан обретет сильные переговорные позиции и конкурентные преимущества в экономических отношениях с третьими странами. Кроме того, повышение инвестиционной привлекательности Казахстана должно обеспечить более благоприятный, чем у стран-партнеров по ЕАЭС, налоговый и инвестиционный климат. Результатом этого станут приток новых технологий и закупка современного оборудования. В-четвертых, Казахстан, получив доступ к российской транспортной инфраструктуре, сократит издержки при экспорте своей продукции и станет одним из мостов между мощными экономиками Китая и ЕС. Казахстан является одной из самых удаленных от Мирового океана страной. Основные транспортные артерии, дающие выход на мировые рынки, проходят через территорию России, что и определяет заинтересованность Казахстана в наличии единых транспортных тарифов. Таким образом, выгода ЕАЭС для Казахстана очевидна, хотя вступление в Союз не означало автоматическое решение всех проблем экономики. Интеграция, прежде всего, должна создать для нее более благоприятные условия.

Важно отметить, что любые крупные и долгосрочные интеграционные проекты на евразийском пространстве в значительной степени зависят от России, экономика которой по объему больше казахстанской, второй в ЕАЭС, примерно в десять раз. Другим важным моментом является то, что из-за удаленности отдельных экономик и отсутствия общих границ между некоторыми странами Союза имеется довольно низкий товарооборот (например, ежегодный оборот между Казахстаном и Арменией составляет порядка 5 млн долларов США). При этом если у стран бывшего СССР, географически относящихся к Европе, была возможность выбора своей ориентации на европейский либо евразийский вектор, то у Казахстана она отсутствовала. В Нур-Султане понимают, что даже в далекой перспективе членом ЕС Казахстан не станет. Поэтому создание ЕАЭС в стране не воспринимается как альтернатива европейской интеграции. Тем более одновременно являться участником разных торгово-экономических союзов невозможно, так как сегодняшняя мировая политика вынуждает делать четкий выбор, с кем именно устанавливать свободную торговлю.

В казахстанском образе ЕАЭС отсутствует ностальгия по советскому прошлому: заявляется только прагматичный, конструктивный подход с учетом открытости экономики и продолжения активного сотрудничества со всеми партнерами. В контексте глобализации важно, что в Казахстане членство в ЕАЭС воспринимается как участие в открытом проекте в контексте его возможного широкого взаимодействия с ЕС, китайским проектом «Один пояс — один путь», Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и другими значимыми объединениями.

Можно выделить и другие принципы, которые обозначены в казахстанском дискурсе. Один из них состоит в том, что участие в интеграционных проектах должно быть равноправным, добровольным и на условиях поддержки его населением — тем более что из пятнадцати республик бывшего СССР активное

[1] Президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алматы, Казахстан), политолог. Автор 15 научных книг и учебных пособий, в т. ч.: «Международная журналистика: навигатор для авторов из Центральной Азии», «Практическая журналистика в Казахстане: Практическое руководство» (в соавт.), «Каспий милитаризуется», «Права человека для журналистов: практические советы», «Что такое ВТО и зачем Казахстан стремится вступить в данную организацию?» (в соавт.) и др.; более 2 тыс. информационно-аналитических материалов в СМИ России, Казахстана и стран Центральной Азии.

участие в интеграционных процессах принимает лишь треть из них. При этом уважается суверенитет стран — участников ЕАЭС. Смысл другого принципа заключен в незавидной альтернативе. Если страна не будет участвовать в экономической интеграции, ее оттеснят на обочину мировых торгово-хозяйственных связей в качестве сырьевого придатка. Еще один постулат восприятия интеграции Казахстаном заключается в ее органичности для стран, имевших и имеющих исторические экономические связи, которые необходимо развивать с учетом вызовов XXI века.

Однако все это не означает, что в будущем евразийская интеграция будет восприниматься Казахстаном как столь же значимый процесс. К идеям интеграции в целом позитивно относятся как политическая элита, так и большинство населения. Евразийская интеграция и глобализация воспринимаются в Казахстане как взаимодополняющие сложные процессы, и в них важно не потерять свою уникальность. Поэтому Нурсултан Назарбаев в своей программной статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», опубликованной в 2017 году и по сей день имеющей фактический статус стратегического документа, выделяет необходимость духовной модернизации, которая заключается в сохранении и укреплении национальной идентичности. Здесь имеется в виду, что евразийская интеграция, как и глобализация, несет в себе не только огромные возможности, но и определенные риски. Последние заключаются, к примеру, в постепенной утрате национального самосознания или в потере национальной идентичности. Поэтому необходимо «сохранение своей культуры, собственного национального кода» в региональных и глобальных интеграционных процессах. Такой подход поможет укрепить их устойчивость (как считают в Казахстане, этому, в частности, будет способствовать переход казахского языка с кириллицы на латиницу). То есть понимание интеграции в Казахстане оценивается как уникальность в многообразии, а не единая унификация.

Договор о создании ЕАЭС был подписан во времена политического кризиса на Украине, немногим более двух месяцев после включения Автономной Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации. Это привело к тому, что Казахстан (как и Беларусь) решили оградить себя от возможных политических перспектив нового объединения. Впрочем, эти страны и ранее были не особенно заинтересованы в имплементации в договор, даже в отдаленной перспективе, каких-либо пунктов, подразумевающих политическую интеграцию. В результате лоббирования со стороны Казахстана и Беларуси было достигнуто общее понимание того, что политические вопросы в любых их проявлениях не являются и не могут быть объектами рассмотрения и обсуждения в рамках ЕАЭС.

Из-за сдерживающих причин политического характера были сняты с повестки некоторые полемичные экономические направления интеграции, которые ранее рассматривались в качестве потенциального долгосрочного приоритета. Среди них — унификация макроэкономической, налоговой и социальной политики, вопросы безопасности, обороны, общего парламента, паспортно-визового режима. Особый акцент в Казахстане сделали на том, что ЕАЭС не ставит перед собой задачи создания единой валюты.

Казахстан, преследуя в ЕАЭС экономические интересы, знал, что очевидным плюсом объединения являются благоприятные отношения для ведения бизнеса. Страна по условиям привлечения прямых иностранных инвестиций, по ставкам налогообложения и другим показателям занимает довольно неплохое положение среди развивающихся стран, что отражают различные международные рейтинги. Так, Казахстан занял 28-е место в рейтинге Всемирного банка и Международной финансовой корпорации (IFC) «Doing Business–2019» (среди 190 исследуемых стран). Страна предоставляет инвесторам освобождение от корпоративного налога на 10 лет. Также инвесторам в перерабатывающей промышленности по новым положениям возвращается 30 % инвестиций после ввода объекта в действие.

Для Казахстана с его политикой многовекторности, прописанной в Концепции внешней политики РК на 2014–2020 годы, евразийская интеграция является лишь одним из десяти приоритетов внешней политики. При этом ЕС остается крупнейшим торгово-экономическим и инвестиционным партнером Казахстана, и двусторонний товарооборот в последнее время демонстрирует положительную динамику. ЕС опережает ЕАЭС и Китай, на его долю приходится более половины казахстанского внешнеторгового оборота и 49 % привлеченного иностранного капитала в экономику.

Казахстан вступил в ЕАЭС со сравнительно слабыми экспортными (сырьевыми) возможностями. Внутренний же рынок страны испытывал потребность в импорте тех товаров, значительную часть которых способны производить партнеры по интеграции — в основном Россия и Беларусь. В результате снятия тарифных барьеров в рамках ЕАЭС увеличился импорт технической и другой продукции в Казахстан, снизив рентабельность и без того немногочисленных аналогичных казахстанских производств.

В данном ключе выявилась еще одна проблема. Ожидалось, что инвестиционная привлекательность Казахстана повысится за счет того, что инвесторы, организовывая производство на территории страны, благодаря более низким налогам и либеральным бюрократическим условиям для ведения бизнеса получат доступ к рынку всего ЕАЭС. Оказалось, что в вопросах производства готовых товаров, особенно машин и оборудования, наиболее привлекательными юрисдикциями для инвесторов оказался не Казахстан, а те же Россия и Беларусь — по причине уже имеющихся производственных мощностей, научно-технической базы и низких транспортных издержек. Зато комфортные налоговые условия привлекли в Казахстан торговые и дистрибьюторские компании из стран ЕАЭС. Таким образом, ЕАЭС поспособствовал деятельности казахстанских компаний, ориентированных на рынок стран Союза, при этом предприятия, работающие на внутреннем рынке Казахстана или на внешнем рынке вне ЕАЭС, фактически не получили значимых дивидендов.

К сожалению, потенциальный экспорт казахстанской продукции сталкивается с нетарифными барьерами. Они являются важной проблемой при доступе на российский и белорусский рынки. Несмотря на то что Казахстан глубоко интегрирован в мировую экономику, поскольку ведет торговлю более чем со 180 странами мира, его собственная экономика находится на начальной стадии диверсификации. Конкурентоспособны пока малодиверсифицированные добывающие отрасли, которые и без ЕАЭС имеют доступ на мировые рынки. Вопросы создания общего рынка нефти и нефтепродуктов в ЕАЭС отложены до 2025 года, к этому времени должен будет предоставляться доступ к газотранспортной инфраструктуре. Казахстан очень заинтересован в решении данных вопросов.

В обозримой перспективе ЕАЭС продолжит пользоваться политической поддержкой в Казахстане, поскольку у элиты есть понимание того, что отказ от евразийской интеграции — неблагоприятный сценарий в условиях глобализирующегося мира, усиления международной экономической конкуренции и отсутствия интеграционных альтернатив. В начале деятельности ЕАЭС был определен десятилетний горизонт планирования. То есть в полноценный экономический союз ЕАЭС трансформируется не ранее 2025 года.

В Казахстане считают, что главной задачей является качественное развитие ЕАЭС. Поэтому в ближайшей перспективе необходимо решать вопросы, связанные не с привлечением новых стран, а с расширением взаимодействия внутри Союза на принципах разноскоростной интеграции. Кроме того, наличие успешных кейсов функционирования ЕАЭС поможет получить поддержку для более глубокой интеграции населения и бизнеса.

Р. А. Ромашов[1]

ФЕНОМЕН КОНСТИТУЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Конституционализм как теоретическая модель современного мироустройства

Для современного цивилизованного мира оптимальной признается система, в которой социально-политическое устройство и экономико-правовые отношения строятся в соответствии с теоретической моделью конституционализма. Данная модель предполагает понимание Конституции в трех основных значениях:

— в качестве совокупности закрепляемых на уровне закона ценностных детерминант, без признания которых общество не может считаться цивилизованным;

— как сложившегося и функционирующего политико-правового режима, включающего в себя общезначимые правила, в соответствии с которыми формируются и функционируют аппарат публичной власти и юридические механизмы, посредством которых обеспечивается подчинение действующим правилам всех субъектов социально-политических отношений (в том числе и самих представителей государственной власти);

— как идеальной модели взаимодействия государства и общества, в которой достигается баланс публичных, частных и корпоративных интересов и определяются направления развития социально-политической организации сообщества.

В подобном плюралистическом ракурсе конституционализм рассматривается преимущественно в западной политико-правовой науке. Для отечественной юриспруденции более характерными являются научные подходы, в которых формируется представление о конституционализме как о системе взглядов на структуру и содержание Конституции, ее месте и роли в системе источников права, а также о юридическом механизме ее разработки, принятия и реализации. Следует отметить, что данный подход, несмотря на его научную значимость, весьма узок, поскольку сведение конституционализма к совокупности знаний о законе не позволяет дать комплексную характеристику рассматриваемого феномена.

Понимание будущего: от линейности к цикличности

Настоящего времени как темпорально неизменной характеристики состояния общественных отношений в реальной жизни не существует. Время как инструмент измерения представляет собой систему координат, которая актуальна и значима только для того, кто в ней находится. При таком подходе вместо термина «настоящее» следует употреблять понятие «современное», которое подразумевает соучастие субъектов в социальных процессах, протекающих в рамках совместимых для участников коммуникации временны́х параметров.

Время может быть объективным астрономическим (календарным) и субъективным (социально-историческим). Определение прошлого и будущего актуально только для социально-исторического времени, применительно к которому прошлое можно измерять, описывать, анализировать и оценивать. Будущее, в свою очередь, можно моделировать с той или иной степенью вероятности и достоверности. Будущее объективно в том смысле, что оно наступит независимо от субъективного восприятия. Понимание будущего предпола-

[1] Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Право: нормативность и девиантность», «Право — язык и масштаб свободы», «Философия права и преступления», «Национальная культура как контекст государственно-правового развития России», «Национальная правовая культура России: традиции, ценности, техника», «Интернет — правовая среда герменевтики», «Террор как легальное средство маргинальной политики государства» и др. Член редколлегии журнала «История государства и права».

гает две модели исторического развития: репродуцируемую в направлении бесконечности современность и альтернативную современности цикличную историю.

Будущее, возникающее в результате репродукции современности, по сути своей есть неизменное в социально-пространственных координатах и непрерывно прирастающее во временны́х координатах прошлое. Конца социальной истории нет, исторический век рассматривается, по аналогии с бесконечностью, как историческое постоянство. В марксизме такое состояние финализировалось переходом к коммунистической общественно-экономической формации, которая является завершающей для исторического развития — началом «бесконечного во времени земного рая»[1]. По мнению Д. Белла, конец истории — это постиндустриальная эпоха, следствие завершения предшествующей ей эпохи индустриального общества[2]. Для В. Суркова это вечный авторитаризм российской государственности, выход на «постоянные обороты машины долгого государства Путина»[3]. При этом во всех перечисленных моделях есть три последовательно сменяющих друг друга этапа, которые условно можно связать с прошлым, современностью и будущим.

Альтернативное будущее представляет собой иной по сравнению с современным путь социального развития, начинающийся с момента «окончания линейной истории». Последняя, в свою очередь, предполагает сохранение традиционной взаимосвязи предшествующего и последующего поколений.

Волновая теория Э. Тоффлера, в отличие от перечисленных концепций исторического развития, основывающихся на преемственности и взаимной обусловленности поколения отцов и поколения детей, оперирует качественно иной методологией понимания социальной истории[4]. Согласно этой теории, история — это измеряемое временны́ми параметрами социальное состояние, которое представляет собой сочетание замкнутых исторических циклов (локальных континуумов). Будучи связанными друг с другом, они непосредственным образом друг друга не порождают и могут сосуществовать в качестве альтернативных (параллельных) социальных миров.

Конституционная экономика в постсоветской России

Экономико-правовая система России во все периоды отечественной истории рассматривалась власть имущими как область хозяйственной деятельности, всецело зависящая от воли тех, кто выступает в качестве «хозяев русской земли и русского народа». При таком подходе экономические закономерности (детерминирующие зависимости цены и качества, спроса и предложения производимых и распределяемых товаров и услуг) рассматривались как вторичные по отношению к государственной, а точнее, корпоративно-классовой целесообразности.

На всех этапах становления и развития российского конституционализма инициатором и основным носителем программных установок конституционных преобразований выступала не буржуазия, как это было на Западе, а само государство, представленное высшей бюрократией и непосредственно монархом (партийным лидером, президентом). В России политическая власть — это универсальный ресурс, благодаря которому осуществляются манипуляции субъективным сознанием и поведением во всех сферах общества, в том числе в экономике.

Современный период, переживаемый экономико-правовой системой постсоветской России, имеет два перспективных направления.

1. Формирование правового (конституционного) государства и правовой (конституционной) экономики. Реализация этого направления подразумевает принятие общих для европейской цивилизации правовых ценностей и экономических принципов и основана на объективных факторах цивилизационного развития.

2. Усиление волюнтаризма бюрократической олигархии, неподотчетной и неподконтрольной в своих решениях и поступках конституционно-правовым институтам.

Следствием первой тенденции является возникновение конституционной экономики, основанной, как уже отмечалось, на понимании свободы и собственности как неотъемлемых личных прав, по отношению к которым государство выступает в качестве регулятора и охранителя, но не правотворца. Бюрократизация же государственного механизма, наблюдаемая в современной России, влечет усиление контрольно-репрессивной составляющей в механизме государственного влияния на сферу экономических отношений. Это, в свою очередь, приводит к подчинению и конституционного права, и конституционной экономики государству, а точнее, государственной целесообразности.

Отмечая, что «конституционная экономика в России уже прошла тот этап, когда надо было определять ее предмет, предназначение, сферу практического применения»[5], судья Конституционного Суда России профессор Г. А. Гаджиев совершенно справедливо утверждает: «В методологическом отношении первичными для конституционной экономики являются такие вопросы, как рациональность конституционных норм»[6]. При этом рациональность понимается как характеристика умственной и практической деятельности человека, которая определяется объективным показателем — выбором, который человек совершает в той или иной ситуации[7]. Иными словами, определяющей оценочной характеристикой конституционной экономики является установленная в конституционной норме возможность выбора субъектом того или иного варианта поведения.

[1] *Зибарев М. В.* К проблеме периодизации общественно-экономических формаций // В мире научных открытий. 2013. № 11–9 (47). С. 126–131.

[2] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 2004.

[3] *Сурков В.* Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 21.02.2019).

[4] *Тоффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 2004.

[5] *Гаджиев Г. А.* Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве // Ежегодник конституционной экономики. М. : ЛУМ, 2018. С. 19.

[6] Там же. С. 23.

[7] Там же. С. 24.

Базовыми конституционными категориями, определяющими сущность экономики, являются право на личную свободу (ст. 22) и право на частную собственность (ст. 35). Не вызывает сомнений то обстоятельство, что государство, закрепляя самостоятельный юридический статус личной свободы и частной собственности, по идее, должно защищать их от противоправных посягательств, исходящих в том числе от самого государства в лице представителей государственной бюрократии. В то же время в действующей Конституции оговаривается возможность легального ограничения этих прав. В частности, определив право на личную свободу, законодатель оговаривает возможность его ограничения путем ареста, содержания под стражей и социальной изоляции. Также Конституция устанавливает практически неограниченную возможность государства изымать частную собственность в «государственных и муниципальных нуждах».

Полагаю, что рациональность Конституции и конституционной экономики заключается не в декларациях, сколь бы прекрасны они по содержанию ни были, не в призывах к патриотизму, в воспитании общественной сознательности, гражданской активности и увеличении производительности труда. Суть конституционной экономики в условиях «альтернативного будущего» постсоветского конституционализма заключается в стремлении не просто соединить в одной словарно-смысловой конструкции два разноотраслевых понятия — «право» и «экономика», — а создать эффективно работающий механизм трансформации российского общества, в котором на смену принудительной рабочей занятости населения придет свободный творческий труд и в рамках которого в конечном счете будет обеспечен консенсус экономических и правовых интересов государства, общества, личности.

Е. С. Садовая[1]

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ ОПИШЕМ НАШЕ БУДУЩЕЕ (О методологии исследования социальной динамики в условиях трансформации мироустройства)

Широко известно выражение о том, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. И оно верно не только для военной науки. В той или иной мере с такой проблемой сталкиваются все занимающиеся исследованиями в области общественных наук. Это становится особенно очевидно на определенном этапе общественного развития, когда количественные сдвиги неотвратимо приводят к изменению качественных характеристик общественной системы, имея в виду то, что Д. Хендрикс называл ситуацией фазового перехода. Изменения приобретают самоусиливающийся характер и препятствуют возвращению в прежнее состояние[2].

При этом процесс бифуркации необязательно завершается хаосом. Система может перейти к «более высоким формам порядка»[3], однако по своим параметрам, организационно-институциональному и содержательному наполнению она будет качественно отличаться от предшествующей. В такие моменты возникает явная потребность спрогнозировать направления общественной динамики. Прогнозы, основанные на адекватных представлениях о сути происходящих трансформаций, ценны не только с гносеологической, но и с практической точки зрения, поскольку они позволяют правильно выбрать направления политики, «подтолкнуть» положительные перемены и элиминировать возможные социальные риски. Научное сообщество оказывается перед сложным вызовом: необходимо дать обществу достоверную картину происходящих трансформаций, нарисовать «образ будущего» — при том что само это будущее еще неявно, его перспективы неочевидны, еще не все «развилки» пройдены.

Причины, по которым эта задача оказывается невероятно сложной, очевидны. Дело в том, что происходящие перемены все труднее поддаются осмыслению в привычных рамках работавших ранее объясняющих концепций, вполне удачно справлявшихся с аналитическим структурированием социального пространства. При этом общеупотребимый и доступный язык, на котором возможно его описать, еще не сложился. Более того, научный язык, который сформировался в рамках уходящей эпохи и позволял адекватно описывать сложившуюся социальную реальность, в условиях постоянных сущностных изменений стремительно устаревает.

Сложность теоретического осмысления происходящего, его концептуализации обусловлена не только лишь неоднозначностью процессов и их стремительностью. Свою роль сыграли «бедность словаря и ограниченность понятийного аппарата исследователей стремительно меняющегося мироустройства и не-

---

[1] Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (кол. авт.), «Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант» (кол. авт.); статей: «Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда», «Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений» и др.

[2] *Hendricks D.* Financial Reform Project. Briefing Paper # 1: Defining Systemic Risk. 2009. URL: https://ru.scribd.com/document/19388590/Defining-Systemic-Risk-Pew-Financial-Reform-Project.

[3] *Ласло Э.* Рождение слова — науки — эпохи // ПОЛИС. 1993. № 2. С. 27.

адекватность объяснительных моделей, при которых… „кризис развития“ накладывается на „кризис знания о развитии“»[1]. Главной сегодняшней проблемой, таким образом, становится необходимость разработки релевантного инструментария для интеллектуального осмысления того «ускользающего из рук мира» (по Э. Гидденсу), в котором нам довелось жить.

Кроме того, существует вполне оправданная боязнь неизвестного будущего. Это затрудняет процесс принятия самого факта кардинальной трансформации, обостряет желание пролонгировать существующие тенденции. Именно нарастанием тревоги и неопределенности в первую очередь объясняется и изменение общественного дискурса — от ви́дения его как «текучей реальности» (у З. Баумана) к «обществу риска» (по У. Беку и О. Яницкому) и «обществу травмы» (по определению Ж. Т. Тощенко). «Общество риска» О. Н. Яницкий обозначает как «новую парадигму общественного развития»[2]. Это связано, на наш взгляд, с неопознанностью, непредсказуемостью наблюдаемой нами социальной динамики, а значит, с тем, что процессы плохо управляемы.

Понимание происходящего осложняется также тем, что различные процессы, протекающие в обществе, — технологические, организационно-институциональные, социальные, наконец, связанные с трансформацией сознания человека, — развиваются неравномерно, и это затрудняет определение основных тенденций. Так, в последние десятилетия весьма заметно ускорилось технологическое развитие, и если раньше смена технологических укладов происходила на протяжении жизни нескольких поколений, то сегодня несколько технологических укладов сменяются при одном поколении. В основе данного процесса лежат ужесточение конкуренции по издержкам и экономическая глобализация.

Экономическая парадигма общества меняется медленнее, так как она основывается на групповых интересах, подлежащих согласованию, и процесс этот идет небыстро. Политическое развитие еще более инерционно. Наконец, скорость трансформации институтов и отношений в социальной сфере самая низкая, поскольку затрагиваются интересы всех без исключения членов общества[3].

В итоге разрушение социальных структур «уходящего» индустриального общества идет медленнее, чем формируются технологические основы общества, которое конвенционально признается информационным. При этом данные процессы являются отражением единой социальной динамики, они взаимообусловлены и активно влияют и на общество, и на каждого отдельного человека. Именно в таком ключе они и должны рассматриваться.

Очевидно, что процесс общественной трансформации обусловлен широким распространением цифровых технологий. Материальной основой этого нового формирующегося общества становится цифровая экономика, представляющая собой новую организационную логику, соотнесенную с новой технологической парадигмой и нашедшую свое физическое воплощение в платформенных решениях[4].

Главное ноу-хау платформенных компаний — это не производство конкретных товаров или услуг, но создание условий и технологической базы для кардинального изменения моделей взаимодействия между субъектами в совершенно разных (собственно, даже неважно, каких именно) сферах экономической деятельности. Такая перемена по-своему революционна: новые модели бизнес-взаимодействий порождают совершенно новую экономическую реальность, грани которой известны нам под разными именами: «экономика по запросу», «гиг-экономика», «сетевая экономика», «долевая экономика», «экономика совместного потребления».

В докладе, подготовленном компанией «Accenture», подчеркивается, что использование бизнес-моделей, основанных на платформенных решениях, знаменует собой «самое значительное изменение макроэкономической среды со времен промышленной революции»[5].

Действительно, логика развития цифровых технологий, определяющая кардинальное изменение всей архитектуры экономики и ведущая к переформатированию всей системы общественных отношений и социальной структуры общества, приводит к размыванию таких привычных для индустриального общества понятий, как «собственность» и «предпринимательство». Исчезает предприятие в привычном смысле этого слова, уступая место краудворкинговым платформам, стираются границы между субъектами рынка. Созвучна этому идея О. Н. Яницкого о «двойственности, двузначности всякого орудия, социального действия, организации», являющихся «одновременно инструментами креативной и разрушительной деятельности, защиты и нападения». Как и любые другие, цифровые технологии несут в себе огромные возможности, иначе они не получили бы такого широкого распространения, а их применение не стало бы конкурентным преимуществом отдельного человека, бизнес-проектов и стран. Их не стоит излишне демонизировать, но и недооценивать связанные с ними социальные риски также нельзя.

Одним из важнейших механизмов, через который цифровые технологии оказывают непосредственное воздействие на человека, является занятость. Именно в ней преломляются технологические новации, заставляя складывающиеся здесь отношения эволюционировать от вынужденно солидарных, характерных для

[1] Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России / под ред. В. И. Пантина, И. С. Семененко, В. В. Лапкина, К. Г. Холодковского. М. : ИМЭМО РАН, 2016.

[2] *Яницкий О. Н.* Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 9.

[3] Здесь стоит отметить, что культура и человеческое сознание, очевидно, еще более инерционные системы. Именно «универсалии культуры» (концепт, предложенный академиком В. С. Степиным), являющиеся своего рода надбиологическими программами, определяющими характер того или иного общества, обеспечивают устойчивость и преемственность человеческого сознания. Однако в данном случае основной упор делается на анализ институциональных трансформаций.

[4] *Castells M.* The Information Age. Economy, Society, and Culture. Vol. I : The Rise of the Network Society. Oxford : Wiley-Blackwell, 2010.

[5] Technology Vision 2016. URL: https://www.accenture.com/ru-ru/company-news-release-techvision-2016.

общественного производства индустриальной эпохи, к полностью индивидуализированным, фрагментированным, неустойчивым, зачастую виртуальным в разных смыслах этого слова отношениям.

Основные структурообразующие элементы общества, сформировавшиеся в условиях аналоговой реальности, размываются в реальности цифровой. Привычные категории научного анализа и обыденной жизни, такие как занятость, труд, профессиональная деятельность, трудовые отношения, безработица, также меняют свое содержание, формируя основы нового общества, которое лишь отчасти может быть названо «посттрудовым»[1].

Все же основная часть трудоспособного населения вынуждена будет искать возможности добычи средств для жизни, поскольку проекты с введением безусловного базового дохода провалились по экономическим причинам даже в наиболее развитых странах. Другое дело, что это не будет занятостью и трудовыми отношениями в привычном смысле. В этих условиях второе рождение получает предложенное Э. Тоффлером понятие «протребители»[2], на наш взгляд, скорее, в художественной, нежели научно-аналитической форме отражающее происходящие в сфере труда перемены, связанные с размыванием прежних представлений о труде и профессиональной занятости.

Сегодня люди вынуждены менять сферу приложения своего труда несколько раз в год, а то и в месяц, скачивая приложения на свои мобильные устройства и становясь, вслед за «экономикой по запросу», «занятыми по запросу», никак юридически свою деятельность не оформляя. Платформа ведь, являющаяся, по сути, всего лишь программным продуктом, не может быть работодателем. Креативность же труда для значительной части таких работников заключается в том, чтобы придумать возможные способы дискретного, нестабильного, зачастую низкооплачиваемого заработка. Все это приводит к размыванию прежних ценностных оснований общества, смене парадигмы общественного устройства, изменению сознания людей, их мировосприятия, отчего человек делается более зависимым и манипулируемым.

Несомненно, современное общество, находясь в точке бифуркации и оказываясь «обществом риска», вынуждено будет выбирать путь своего дальнейшего развития. Можно согласиться с О. Н. Яницким, говорящим о ценностной детерминированности выбора «между рискованными альтернативами»[3]. Трудно пока сказать, будет ли сформулирован и предложен обществу некий универсальный глобальный проект его переустройства. Пока мы видим очень широкий набор образов нашего будущего. От китайской «рыночной, управляемой по плану системы»[4] с ее индексами социальной благонадежности и тотальным цифровым контролем до футуро-архаического общества Жака Аттали и трансгуманистических идей, которые все шире распространяются в западных странах[5]. Момент выбора между тем наступает неотвратимо. Это актуализирует необходимость «политической интерпретации технического и естественно-научного знания… перевода этого знания на язык политического диалога и решений»[6].

[1] *Srnicek N., Williams A.* Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work. L. : Verso, 2015.

[2] Будущее труда. Интервью Элвина Тоффлера // Гуманитарные технологии. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/2502.

[3] *Яницкий О. Н.* Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 16.

[4] *Wang B, Li, X.* Big Data, Platform Economy and Market Competition: A Preliminary Construction of Plan-Oriented Market Economy System in the Information Era // World Review of Political Economy. Summer 2017. Vol. 8, №. 2 P. 138–161.

[5] Paper Panther. What will family life be like in the future? // BBC Ideas. URL: https://www.bbc.com/ideas/videos/what-will-family-life-be-like-in-the-future/p071p72t?playlist=life-in-2039.

[6] *Яницкий О. Н.* Указ. соч. С. 12.

А. Ю. Саломатин[1]

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Международная турбулентность — относительно новое состояние современного мира, включающее в себя целый комплекс параметров[2]. Она четко проявилась с началом нынешнего мирового финансово-экономического кризиса. По всей видимости, с 2008 года происходит завершение первого этапа постмодернизационного развития, и в условиях экономической и политической общемировой дестабилизации начался переход к новому этапу[3]. Экономисты определяют эти изменения как замену прежнего, пятого технологического уклада, опиравшегося на микроэлектронные компоненты, на шестой, ядром которого являются нанотехнологии[4].

Следует отметить, что существенные корректировки вносятся не только в мир права и экономики, но и в другие сферы жизни[5]. При этом международная турбулентность проявляет себя не только в развивающихся странах, но и на Европейском континенте. В период с 1980 по 2010 год Евросоюз допустил ряд тактических и стратегических просчетов. Прежде всего, отметим тактические ошибки.

1. Прием в Евросоюз в 1980-е годы новых членов (Греция, Испания, Португалия), сильно отличающихся от других участников по уровню своего социально-экономического развития. Следствием этого решения стала необходимость серьезной коррекции аграрной политики Евросоюза. В итоге негативные последствия на настоящий момент преодолены.

2. Принятие в 1986 году Единого европейского акта, ускорившего евроинтеграцию и распространившего ее на новые области, не готовые к интегрированию. Это привело к заключению Маастрихтского договора в 1992 году и конституированию Евросоюза, что форсировало интеграцию.

3. Евросоюз, желая обзавестись новыми рынками, взял курс на интеграцию стран Восточной Европы, выработав на саммите в Копенгагене в 1994 году критерии для новых членов. Со временем оказалось, что эта тактическая ошибка по неоправданному расширению организации стала стратегической «ловушкой».

4. Идею единого европейского паспорта и гражданства европейцы массово поддержали. Однако это создало неудобства для правоохранительной деятельности.

5. Учреждение единой европейской валюты вело к снижению транзакционных издержек в периоды экономического процветания, но порождало опасные последствия в периоды экономических кризисов.

6. В Амстердамском (1997) и Ниццком (2001) договорах евробюрократия начала неоправданно расширять компетенцию Евросоюза. Впоследствии появились прецеденты властной экспансии, отчего интеграция была дополнительно форсирована.

7. Отказ от принятия единой Конституции Евросоюза продемонстрировал, что планы на федерализацию были тактической ошибкой. Тенденция интеграционного европейского конституционализма оказалась со временем купирована в Лиссабонском договоре 2007 года, где были более гибко сформулированы задачи построения общего конституционного пространства.

Также обозначим стратегические ошибки, допущенные Евросоюзом.

1. Прием в мае 2004 года в состав объединения большинства государств Восточной Европы с последующим дополнительным включением стран с еще более низким уровнем социально-экономического развития. В результате организация стала еще более неоднородной. Также вследствие этого управление ею стало затруднительным.

2. Иммиграционная политика Евросоюза изначально была серьезной тактической ошибкой, которая начиная с 2015 года стала колоссальной проблемой, инспирирующей как внутриполитическую нестабильность в государствах-членах, так и конфликты между странами.

3. Евро-атлантическая солидарность, первоначально мало влиявшая на судьбу Евросоюза, становится для него все более обременительной по мере того, как растут противоречия в правящих элитах США и усиливается внешнее давление на Евросоюз со стороны Соединенных Штатов.

4. Бескомпромиссно-активная пропаганда европейских ценностей и пренебрежительное отношение к точке зрения европессимистов со стороны СМИ, академической общины и евробюрократии закрывают путь к диалогу и стимулируют раскол в Евросоюзе. В результате происходит рост консервативно-патриотических изоляционистских настроений.

До начала мирового финансово-экономического кризиса 2008 года не все ошибки могли быть оценены и исправлены (хотя бы частично, в пределах имевшихся возможностей). Однако с возникновением экономи-

---

[1] Заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Всемирная история государства и государственного управления», «Президентская власть в США», «Судьба Евросоюза и уроки для России» (в соавт.), «Сравнительное правоведение» (в соавт.), «История государства и права зарубежных стран» и др. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Париж). Член Ассоциации европейских исследований, Российской ассоциации политической науки; Международной академии сравнительного права.

[2] *Громыко А. А.* Формационный подход к развитию международных отношений (европейский ракурс) // Современная Европа. 2015. № 5. С. 8–9.

[3] *Саломатин А. Ю.* Всемирная история государства и государственного управления. М., 2013. С. 259.

[4] *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса М., 2010. С.80–89.

[5] *Малько А. В., Саломатин А. Ю.* О некоторых чертах модернизационных процессов в современных условиях // Государство и право. 2004. № 3. С. 27–31 ; *Они же.* Постмодернизация и глобализация: особенности государственно-правовой жизни общества в XXI столетии // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 1. С. 17.

ческой и политической турбулентности в мире неадекватность принимаемых и принятых прежде управленческих решений стала более чем очевидной. Тем не менее должные коррективы не были внесены.

В настоящее время мы видим два главных источника дискомфорта для стабильности Евросоюза: вызывающая общественное раздражение иммиграционная политика и вносящая дисфункцию в деятельность европейских институтов экспансия судебных органов. Хотя кульминация иммиграционного кризиса пришлась на 2015 год, когда, по разным оценкам, в Евросоюз прибыло от 1 млн до 1,8 млн беженцев и нелегальных мигрантов, негативное отношение к приезжим укрепляется до сих пор[1]. По данным на весну 2018 года, иммиграционная проблема среди жителей Евросоюза считается главной (38 % всех упоминаний). Масштабы беспокойства особенно высоки в Эстонии (62 %), Чехии (58 %) и Венгрии (56 %)[2]. Попустительская иммиграционная политика с введением неких обязательных квот для стран-членов раскалывает Евросоюз и служит поводом для антиинтеграционных настроений.

Судейская экспансия Европейского суда справедливости в большей степени волнует не рядовых граждан, а политиков и судей из государств — членов Евросоюза. Изначально этот орган был наделен обширными полномочиями, и со временем они расширялись. Во времена «евросклероза» в 1970-е годы именно Суд способствовал углублению сотрудничества в Европейском экономическом сообществе «за счет так называемой негативной интеграции (то есть снятия барьеров на пути свободного передвижения товаров через взаимное признание национальных норм стран-членов, а не через нормотворчество)»[3]. Однако из-за переноса в 1990-х годах акцентов на гуманитарные вопросы в деятельности Суда стали появляться весьма неоднозначные решения. «В основном не учитываются государственные интересы в двух категориях дел: 1) связанных с вмешательством в компетенцию стран-членов под предлогом защиты фундаментальных принципов европейского права и 2) относящихся к расширительной трактовке гражданства Евросоюза»[4].

Так, в деле Mangold v. Helm (2005), касавшемся решения спора о том, могут ли предприниматели в соответствии с немецким законодательством предлагать работнику старше 52 лет срочный трудовой контракт, судьи вывели запрет на возрастную дискриминацию как принцип общеевропейского права, хотя решение не было должным образом юридически обосновано[5]. Неслучайно экс-президент ФРГ и бывший председатель Конституционного суда Р. Герцог и некоторые его коллеги выступили с лозунгом „Остановите Европейский суд“»[6].

Показательным также является дело Gerardo Riuz Zambrano v. Office national de L'emploi (2011), связанное с супругами из Колумбии, которым было отказано в статусе беженцев в Бельгии. Примечательно, что после рождения детей на территории этой страны они стали претендовать на социальные выплаты и вид на жительство. Сотрудники Бельгийского суда, куда обратились приезжие, после консультационного запроса в Европейский суд с удивлением обнаружили, что иск колумбийцев, по мнению европейских судей, следует удовлетворить. Хотя эта пара не попадала под норму о пересечении внутренних границ Евросоюза, в связи с рождением детей, ставших фактически гражданами Евросоюза, родители должны были получить разрешение на работу и вид на жительство. Таким образом, Европейский суд вмешался в деятельность национальных властей, связанную с регулированием вопроса гражданства и иммиграции и проигнорировал одну из базовых норм Евросоюза, согласно которой гражданство является только дополнительным к национальному гражданству[7].

Многие специалисты давно обращают внимание на неадекватность решений Суда, на превышение им своих полномочий. Например, Конституционному трибуналу Польской Республики пришлось заниматься рассмотрением вопроса о несоответствии Конституции Польши европейского ордера на арест, который подразумевал запрещенную Конституцией выдачу польских граждан за рубеж. Группа депутатов Сейма и сенаторов даже обратилась в Суд с требованием проверить Лиссабонский договор на соответствие Конституции Польши[8].

Однако национальные суды редко проявляют открытое недовольство решениями Европейского суда. Чаще эти решения просто игнорируются[9]. В то же время экспансионистская политика Суда не способствует его популярности среди европейских граждан, уровень доверия к нему за последние 10 лет серьезно снизился. При этом более трети граждан относятся к Суду негативно[10].

В целом же в теоретическом отношении представление о верховенстве европейского права (равно как и решений Европейского суда) сильно преувеличено. Нельзя не согласиться с мнением А. В. Клемина: «Конвенции ЕС разворачивают свое действие в Германии только через акты немецкого происхождения». Нормы права ЕС носят договорной характер, поскольку они

[1] *Узнародов И. М.* Иммигранты и европейская идентичность в XXI веке // Европейский путь для России: за и против. Воронеж, 2017. С. 55.

[2] Standard Eurobarometer 89. Spring 2018.

[3] *Романова Т. А.* Институты Европейского союза и процесс принятия политических решений : учеб. пособие. СПб., 2018. С.77.

[4] Стратегия развития правосудия в условиях глобализации : моногр. / под. ред. А. В. Малько, А. Ю. Саломатиной. М., 2017. С. 109.

[5] *Mazak J., Moser M. K.* Adjucation by Reference to General Principles of EU Law: A.Second Look at the Mangold Case Law // Judging Europe´s Judges… / ed. by M. Adams, H. de Waele, J. Meeusen and G. Straetmans. Oxford and Portland, 2013. P. 61–86.

[6] *Hezgord R., Gerken L.* Stopt der Europaischen Gerichtshof // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 8 sept. 2008.

[7] *Schwarze J.* Balancing EU Integration and National Interests in the Case Law of the Court of Justice // The Court of Justice and the Constitutional of Europe: Analysis and Perspectives of Sixty-Years of Case Law. The Hague, 2013. P. 270.

[8] См.: *Wyrzykowski M.* When Sovereignty eans So Much: The Concept(s) of Sovereignty, European Union Membership and the Interpretation of the Constitution of the Republic of Poland // The Court of justice. 2012. P. 229–243.

[9] *Bobeck M.* Of Feasibility and Silent Elephants: The Legitimacy of the Court of Justice Through the Eyes of National Courts // Judging Europe's Judges… P. 197–200.

[10] *Саломатин А. Ю.* Деятельность Суда ЕС и европейское общественное мнение // Современная Европа. 2015. № 5. С. 24–25.

«региональные, локальные, индивидуальные. Конституция ФРГ не наделяет их преимуществом перед законами ФРГ и не избавляет от ратификации»[1]. Более того, национальные парламенты не потеряли права голоса при формировании европейского права. «Брюссель обязан рассылать проекты всех своих актов в 28 парламентов. Обсуждают, ратифицируют, отвечают. Такое случается. Но снаружи это „участие“ выглядит, как говорят, „в рабочем порядке“ — будто решения принимаются лишь Брюсселем»[2]. Германии и другим странам — членам Евросоюза следует начать более жестко заявлять о своих национальных интересах и перестать потворствовать евросудьям и евробюрократам в их амбициозной экспансионистской политике.

М. Г. Смирнова[3]

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В условиях глобализации усиливается нестабильность мировой экономики. Основными причинами этого являются цикличность экономического развития на международном уровне, стихийность мировой рыночной системы и нестабильность финансовой системы в целом. Следствием процесса глобализации стал рост зависимости стран от международной конъюнктуры и динамики цен. Усиливается нестабильность государств, экономика которых в значительной степени зависит от экспорта сырья. Если ранее передача негативных импульсов из одного региона в другой происходила в первую очередь по каналам внешней торговли, то в настоящее время в связи с усилением мобильности капиталов главными механизмами такой передачи становятся валютная и финансово-кредитная сферы. Возрастает опасность возникновения глобального финансового и валютного кризисов.

Глобализация создает такие условия взаимозависимости стран, при которых замедление роста и кризисы в одной стране легко распространяются на другие государства, регионы или на мировую экономику в целом. В условиях постоянного рыночного давления поддержка внутренней экономической стабильности для большинства стран становится крайне тяжелой задачей. Любое экономическое решение правительства по защите национальной экономики от рыночного давления провоцирует резкое колебание валютных курсов и отток капиталов.

Каждое суверенное государство должно стремиться к экономической безопасности. Под этим термином понимается состояние национальной экономики, которое характеризуется устойчивостью, то есть «иммунитетом» к воздействию внутренних и внешних факторов, нарушающих нормальное функционирование общественного воспроизводства и подрывающих достигнутый уровень жизни населения и тем самым вызывающих повышенную социальную напряженность в обществе, а также угрозу самому существованию государства. Главную роль в обеспечении экономической безопасности играет экономическая система государства, устойчивость которой отражается на степени его защищенности.

Стратегия экономической безопасности России определена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»[4]. Выделены два этапа реализации настоящей Стратегии:

1) в период до 2019 года — разработка и реализация мер организационного, нормативно-правового и методического характера в целях обеспечения экономической безопасности, совершенствование механизмов мониторинга и оценки ее состояния;

2) до 2030 года — выполнение мер по нейтрализации вызовов и угроз экономической безопасности.

Согласно положениям Стратегии, одной из целей государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности является повышение уровня и улучшение качества жизни населения (пп. 6 п. 14). Одним из основных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности является развитие человеческого потенциала (пп. 8 п. 15).

Принятие данной Стратегии обусловлено назревшими социальными притязаниями граждан, общественных групп и других субъектов. Экономические и социальные реформы, предпринятые для модернизации российского общества, привели к его глубокой трансформации. Вследствие ускорения процесса имущественной дифференциации и чрезмерной поляризации доходов резко обозначилось социальное расслоение общества. За чертой бедности оказалось немалое число граждан, среди них больше всего пенсионеров. Это и стало основной причиной выдвижения населе-

[1] *Клемин А. В.* ФРГ: соотношение международного и национального права // Современная Европа. 2017. № 2. С. 78.

[2] Там же. С. 85.

[3] Профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Социальные притязания и субъективное право: проблемы теории и социологии права», «Институционализация социальных притязаний в праве», «Судебное правотворчество как вид государственной деятельности: современное состояние», «Культурная обусловленность социальных притязаний», «Механизм выявления социальных притязаний как условие легитимности законодательства» и др.

[4] Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902 : Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.05.2017).

нием социальных требований о реализации интересов граждан и восстановлении социальной справедливости. Важно отметить, что на основе анализа и учета социальных интересов и притязаний государством должна быть разработана принципиально новая активная политика, направленная на повышение уровня и качества жизни — особенно лиц, наиболее нуждающихся в социальной защите.

Источник прав человека — сам человек, его потребности, интересы и социальные притязания, его образ существования и развития, то есть реальные способы его общественной жизнедеятельности[1]. Еще один из основателей раннего либерализма Гуго Гроций выводил право из общественной природы человека. Вслед за ним и мюнхенский профессор Блунчли в своей публичной лекции, посвященной понятию права, связывал его с внутренней потребностью человека и указывал на различные потребности личности как на источник права[2]. Оно появляется и существует, когда человек ощущает себя способным реально на что-то претендовать и чего-то требовать. Социальные притязания — это основа права, которая затем принимает в законе государства в ту или иную форму.

Права человека являются результатом выдвижения, отстаивания и закрепления в законодательстве социальных притязаний субъектов, в которых проявляется их извечное стремление к справедливости, равенству и свободе. Так, еще Л. Петражицкий и П. Сорокин говорили о правообразовании как о процессе, выражающемся во взаимных притязаниях и ожиданиях определенного поведения в интересах решения жизненной проблемы[3].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что право начинается с социальных притязаний, которым придается юридическая форма, в результате чего возникают гарантии их реализации.

Человек с его психологическим складом, интересами, потребностями, волей должен находиться в центре внимания правоведов. Одной из главных проблем здесь является правовое опосредование социальных притязаний, интересов субъектов. При этом основная задача для правовой науки заключается в юридическом обосновании, правильном законодательном закреплении указанных притязаний — как в самих правовых нормах, так и в субъективных правах. Благодаря фиксации в позитивном праве у любого участника отношений появляется уверенность: притязание будет постоянно поддерживаться юрисдикцией государства в качестве субъективного права, все иные субъекты обязаны с этим считаться. Тем самым обеспечивается социальная обусловленность права.

Социальные притязания и механизм их выявления находятся в тесной связи с легитимностью законодательства. Причиной данной взаимосвязи является то, что проблемы социальных притязаний в их правовом опосредовании затрагивают такие жизненно важные вопросы, как удовлетворение возникающих потребностей и запросов людей, повышение общественной и правовой активности населения, создание соответствующих позитивных стимулов поведения, а также трудовой и экономической деятельности.

Учет социальных притязаний за счет правового мониторинга и общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов посредством Интернета, а также опросы общественного мнения и другие социологические исследования совместно образуют механизм выявления социальных притязаний. Его основной задачей является эффективное определение притязаний субъектов с целью их последующего закрепления в праве.

К новационным способам выявления социально-экономических притязаний относится оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Под ней следует понимать совокупность методов и способов, использующих научные знания и специальные познавательные техники, при помощи которых анализируются эффективность и необходимость существующих программ и векторов развития, в том числе в сферах права и экономики. Оценка регулирующего воздействия используется при анализе проектов нормативно-правовых актов, а также актов, вносящих изменения в действующие законы, с целью выявления издержек и выбора верных альтернатив, то есть для оптимизации национального законодательства. Несмотря на наличие законодательной базы, в современной России отсутствуют единые методики и процедуры проведения оценки регулирующего воздействия, которые признавались бы всеми участниками данного процесса. Поэтому целесообразно обратиться к зарубежному опыту.

Эффективной является такая правовая система, нормы которой социально обусловлены и вызывают одобрение подавляющего большинства населения. Тем самым обеспечивается легитимность права, его безусловное признание. Россия имеет печальный опыт экономических реформ, которые не получили признания общественности и воспринимались как несправедливые. Ярким примером является приватизация, в результате которой было произведено неправовое распределение крупной собственности, созданной трудом многих поколений, между узким кругом лиц, приближенных к новой власти или связанных с криминальной средой. Другим примером может послужить закон «О монетизации льгот» (№ 122-ФЗ от 2004 г.), который привел к массовым публичным протестам[4]. Также не является социально обусловленным и легитимным закон, принятый в рамках пенсионной реформы (№ 350-ФЗ от 2018 г.), в результате которого был уве-

[1] *Манджиев Т. Б.* Право как всеобщая форма бытия идеального в обществе // Правоведение. 1997. № 3. С. 37.

[2] Юридические записки. СПб. : П. Редькин и К. Яневич-Яневский, 1859. Т. 3. С. 132.

[3] *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб, 1907. С. 179 ; *Сорокин П. А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919. С. 32–33.

[4] Федеральный закон от 22.09.2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации““» // Российская газета. Спецвып. 2004. 31 авг. № 3565.

личен пенсионный возраст: с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин[1].

Таким образом, создание механизма выявления и последующего закрепления назревших притязаний субъектов является гарантом социальной обусловленности права, которая, в свою очередь, выступает необходимым условием его эффективности в ситуации глобальной экономической нестабильности.

А. А. Тарасов[2]

СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ФОРМА ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Народное участие в правосудии, особенно в уголовном, в истории большинства государств с развитыми правовыми системами, независимо от избранной процедурной формы, всегда рассматривалось правящими элитами как способ нейтрализовать народное недовольство и найти общий язык с населением своей страны. В высшей степени это касается именно суда присяжных в классическом его варианте, в котором непрофессиональные судьи, отобранные в результате случайной выборки представители общества, принимают самостоятельное, независимое от профессионального (коронного) судьи решение по главному вопросу любого уголовного дела — о виновности либо невиновности подсудимого. В научной литературе отмечается, что априорное доверие к вердикту присяжных (на латыни «vere dictum» буквально означает «правдиво сказано») изначально было обусловлено тем, что он пришел на смену ордалиям — «божьему суду» — и унаследовал в том числе и сакральный смысл. Отдавая решающее слово присяжным, подсудимый как бы вверял свою судьбу Богу[3].

Сегодня в привлечении к рассмотрению уголовных дел непрофессиональных судей, образующих в своей коллегии из восьми или шести человек некий серединный срез общества, уже нет той древней смысловой нагрузки. Однако обращение к суду присяжных крайне важно для сохранения стабильности и жизнеспособности государственной системы правосудия, а через нее — и всего государственного механизма.

Наиболее рельефно это проявляется в кризисных ситуациях, в условиях экономической и социально-политической нестабильности. В такое время государству особенно важно заручиться поддержкой большинства населения, которому, с одной стороны, дается понять, что с его мнением считаются в одной из самых значимых социальных сфер, с другой — предлагается непосредственно выразить свое мнение по вопросу доказанности факта преступления и виновности подсудимого в его совершении. Важно, что мнение это будет решающим для содержания приговора суда. Полагаем, что потребность в народной поддержке сыграла не последнюю роль в увеличении частоты применения института присяжных заседателей в современной России.

Суд присяжных — дорогостоящий и организационно затратный правовой механизм. Этот факт в течение нескольких столетий традиционно использовался противниками привлечения непрофессионального элемента в правосудие. В последние годы проблема оптимизации бюджетных расходов коснулась всех сфер общественной жизни. Задача такой политики очевидна: это целенаправленное сокращение бюджетного финансирования. Однако в разгар оптимизации в июне 2016 года был принят пакет законов, предусматривающих расширение компетенции российского суда присяжных, а с июня 2018 года суд присяжных начал действовать на уровне районного звена федеральной судебной системы, то есть в самом массовом ее сегменте.

Сопротивление значительной части профессионального юридического сообщества как расширению компетенции суда присяжных, так и самому его существованию — тоже общеизвестный факт. Суд присяжных вводился в средневековой Англии, в революционной Франции конца XVIII века и в борющихся за независимость североамериканских штатах как инструмент общественного противодействия бесправию государственных чиновников, занимающих судейские кресла. Склонность чиновников к деспотизму презюмировалась, а представители общественности привлекались к судейству не только для недопущения произвола, но и для подтверждения факта его отсутствия в случае необходимости. Поэтому к недовольству самим фактом существования суда присяжных, проявляющемуся у конкретных судей, прокуроров и других государственных должностных лиц, причастных к отправлению правосудия, следует относиться как к закономерному явлению. Кроме того, российский чиновник в принципе не привык отчитываться о своей работе перед людьми, а уж зависеть от их мнения — тем более.

---

[1] Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6190.

[2] Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Башкирского государственного университета (Уфа), доктор юридических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии», «Стереотипы профессионального правосознания и проблемы „обратной связи“ правоохранительной системы и общества», «Уголовно-процессуальная компаративистика и проблема точности перевода юридических терминов», «Процессуальная форма и бюрократический формализм: проблема соотношения в уголовном судопроизводстве», «Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения», «Обновленный российский суд присяжных сохранен в классической модели», «„Правозащита“ или „борьба с преступностью“? К дискуссиям о теории и практике реализации уголовной политики» и др.

[3] *Стрелкова Ю. В.* Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика : дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 24.

Суд присяжных нужен не только самому гражданскому обществу, но и государству, желающему жить с гражданским обществом в согласии. Он способен оказывать позитивное влияние на всю систему уголовной юстиции вне зависимости от отношения к нему конкретных чиновников от юриспруденции. Неслучайно, например, одновременно с введением в УПК РСФСР 1960 года раздела X, посвященного суду присяжных, в ст. 69 («Доказательства») появилась часть третья, в которой было воспроизведено конституционное положение о том, что доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. В отличие от обычного судопроизводства, в суде присяжных не должны даже звучать недоброкачественные доказательства, поскольку заключенная в них информация может сыграть свою убеждающую роль в отношении присяжных независимо от ее достоверности, надежности способа получения и проверяемости. То же касается устных высказываний в присутствии присяжных, да и любых поведенческих проявлений в ходе судебного разбирательства.

Влияние суда присяжных распространяется также и далеко за пределы системы уголовной юстиции. Резонансные процессы в разных странах и эпохах вошли в мировую историю благодаря тому, что в них отразились политические явления, представляющие всеобщий интерес. Прежде всего, это касается оправдательных вердиктов присяжных, особенно «нуллифицирующих», когда присяжные признают подсудимого невиновным, несмотря на очевидные доказательства виновности, в том числе на признание обвиняемого в совершении преступления. К ним относятся такие нашумевшие в свое время истории, как дело по обвинению Веры Засулич в покушении на генерала Ф. Ф. Трепова (1878 г., Петербург, Российская империя), дело по обвинению Самуила Шварцбарда в убийстве Симона Петлюры (1928 г., Париж, Франция) и многие другие. Нуллификация как особое явление образует самостоятельное направление исследований проблем суда присяжных в юридической науке. Названные процессы имели выраженную политическую подоплеку и вызвали крайне противоречивые реакции в обществе: от горячей поддержки до крайнего осуждения, переходящего на институт суда присяжных в целом.

В современной России нуллифицирующие вердикты тоже встречаются и вызывают оживленные дискуссии даже без всякой политической подоплеки. Яркий пример — оправдательный вердикт по делу Краскиной, вынесенный Ивановским областным судом 10 марта 1995 года. Признав доказанным факт совершения убийства своего сожителя на бытовой почве именно подсудимой — шестидесятилетней женщиной, присяжные одновременно признали ее невиновной в совершении преступления. Очевидная для профессионала логическая ущербность такого решения, подтвержденного, тем не менее, присяжными даже после дополнительных разъяснений председательствующего, стала предметом широкого обсуждения в специальной литературе. По поводу причин оправдания Краскиной высказывались разные предположения. В числе версий было и мнение, что недостаточно профессионально работали государственные обвинители и председательствующий. Присяжным, как подразумевалось, не объяснили, что свое сочувствие пожилой женщине они могут выразить, например, признанием ее заслуживающей снисхождения или особого снисхождения, которое было предусмотрено действовавшим на тот момент законом[1].

В обсуждении этого дела в научной литературе было прокомментировано известное высказывание А. Ф. Кони о том, что виновность может быть понята не только в узком уголовно-правовом, но и в широком общесоциальном смысле. В последнем случае виновность означает способность данного общества вменять в вину данному человеку данное преступление[2]. А. Ф. Кони был председательствующим по делу В. И. Засулич и с оправдательным вердиктом присяжных не согласился. Однако в том, что подобные решения допустимы и при этом не ставят под сомнение саму необходимость суда присяжных в России, А. Ф. Кони также был уверен. Он считал суд присяжных лучшим нововведением российской судебной реформы XIX столетия.

Зарубежные исследования по проблемам нуллификации в судах присяжных позволяют классифицировать основные причины оправдания подсудимых вопреки доказательствам виновности: это либо какие-то исключительные обстоятельства совершения преступления, либо исключительные характеристики личности подсудимого, либо категорическое несогласие присяжных с законом, подлежащим применению[3]. Данные факторы могут сочетаться между собой, а также дополняться еще и резко негативным отношением к правоохранительным органам и к властным структурам вообще.

Оправдательный вердикт в отношении шестнадцатилетнего Романа Казакова по делу об убийстве в Санкт-Петербурге восьмилетней таджикской девочки (март 2006 г.) повлек прекращение уголовного преследования в этой части при осуждении и самого Казакова, и других подсудимых за хулиганство[4]. В судебном следствии по разным поводам фигурировали сведения, касающиеся отношения жителей Санкт-Петербурга к мигрантам из Таджикистана и к переселенцам вообще. Прежде всего, речь шла об организованной преступности и наркоторговле в данной социальной среде и возможной причастности к незаконной деятельности отца и родственников убитой девочки. На этом очевидно неблагоприятном фоне обсуждались и доводы защиты, касавшиеся отсутствия прямых доказательств совершения убийства именно Казаковым, а не кем-то другим. Голосуя за недоказанность совершения убийства конкретным юношей, присяжные необязательно выражали свое сочувствие к подсудимым, и уж тем более они едва ли оправды-

[1] Подробнее об этом см.: *Тарасов А. А.* Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара : Самарский ун-т, 2001. С. 290–291.

[2] Подсудимая: «Вину признаю полностью». Вердикт присяжных: «Не виновна» // Рос. юстиция. 1995. № 8. С. 4–5.

[3] *Стрелкова Ю. В.* Указ. соч. С. 85.

[4] Кассационное определение по уголовному делу № 78-006-65сп. Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=150856 (дата обращения: 30.12.2018).

вали убийство ни в чем не повинной девочки. Но при этом у голосовавших было негативное отношение к мигрантам вообще, а также к миграционной политике петербургских властей и разным аспектам работы правоохранительных органов с этническими преступными группировками. Нет сомнений в том, что эти вопросы были предметом обсуждения в совещательной комнате и результаты дискуссии наверняка повлияли на оценку присяжными юридически значимых обстоятельств дела.

Подводя итог, подчеркнем, что суд присяжных — это не просто процедурная форма рассмотрения и разрешения уголовных дел — это продолжительный и многоплановый диалог государства и общества по наиболее значимым вопросам социально-политической жизни страны. Суд присяжных — одно из лучших средств диагностики общественных настроений, и при умелом использовании — один из самых эффективных способов влиять на них в ситуации глобальной нестабильности.

В. В. Трофимов[1]

КОНФЛИКТНАЯ ПРИРОДА ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР МОБИЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ (Введение в проблему)[2]

Государственно-правовые системы испытывают постоянное воздействие внешних и внутренних импульсов, чем, собственно, и обусловливается их динамика. Одним из таких значимых факторов государственно-правовой жизни на современном этапе развития человечества являются сложные глобализационные процессы. Так, становление новых государств и национальных правовых систем сопровождается изменением старых устоявшихся государственно-правовых форм. Глобализации сопутствует встречный процесс регионализации, конвергенция и интенсификация на одних уровнях государственно-правовой жизни сочетается с деконструкцией и диффузией на других и т. п.

Современное состояние мира можно охарактеризовать как ситуацию глобальной нестабильности. Это признается многими исследователями, которые находят различные причины данного явления[3]. Сегодня в отечественной и мировой социально-гуманитарной науке это один из самых обсуждаемых феноменов, поскольку к концу второго десятилетия XXI столетия нестабильности в мире стало существенно больше даже по сравнению с началом века, что не может не беспокоить общественность[4].

Жизненно-бытийная природа данного состояния глобального миропорядка, как представляется, во многом ясна. Это, прежде всего, конфликт интересов государств (в особенности ведущих), стремящихся занять приоритетное положение и диктовать свою политику другим участникам глобального пространства. По этой причине мировая система оказалась в состоянии перманентной турбулентности. И хотя порой участники взаимодействий пытаются найти точки соприкосновения, консенсус, выгодный для каждой из сторон, выработать линию сотрудничества, благодаря чему наступает своего рода сезон «затишья», это продолжается, как правило, недолго. Вновь вызревают социально-политические конфликты внутри стран, военные конфликты между государствами и т. д.

Согласно универсальным социальным законам, общемировые государственные и социально-правовые процессы проходят именно на основе двух обозначенных базовых стратегий функционирования социально-интерактивных систем: стратегии конфликта и стратегии сотрудничества. От каждой из них зависит в конечном счете преимущественный характер, который примет за основу функционирования та или иная национальная государственно-правовая система и международная государственно-правовая система в целом.

Социальные субъекты, конфликтуя или налаживая сотрудничество, влияют на правовую картину мира, внося в нее элементы мер государственно-правового воздействия. В результате конфликты либо предотвращаются или разрешаются (если меры воздействия доминируют на практике), либо мировая правовая жизнь обогащается новыми соглашениями и договорами о сотрудничестве (конвенциональными юриди-

[1] Директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, руководитель Научно-образовательного центра «Государственно-правовая политика современной России», доктор юридических наук, доцент. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект», «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве» (в соавт.), «Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации» (в соавт.) и др.; соавтор коллективных монографий, словарей-справочников, учебников и учебных пособий; автор научных статей, обзоров и рецензий в ведущих российских научных журналах («Государство и право», «Известия высших учебных заведений. Правоведение», «Журнал российского права», «Российская юстиция», «Правовая политика и правовая жизнь» и др.). Главный редактор научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования», ответственный редактор сборников научных трудов, справочных изданий. Член Ассоциации юристов России.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

[3] См.: *Данилов А. Н.* Глобальная нестабильность — порождение системной трансформации постсоветского мира // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 1. С. 37–52.

[4] *Степин В. С.* XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 185–189.

ческими формами), если преобладают международная солидарность, согласие и взаимоуважение между государствами. Каждой из стран, по сути, необходимо выстраивать ту стратегию поведения, которая, будучи нацелена на сохранение собственной идентичности (суверенности), что предполагает реализацию активной роли в международной политико-правовой интеракции, учитывала бы также интересы других участников взаимодействия и была бы ориентирована на сотрудничество. Это стало бы гарантией и собственного эффективного развития. В. Д. Зорькин, обрисовывая перспективы развития России в условиях существующей в современном мире социальной турбулентности (характеризуя, придерживаясь социально-политической концепции У. Бека[1], это состояние мирового социума как «глобальное общество риска»), справедливо отмечает: «Нормальное правовое развитие России обусловлено выстраиванием верного баланса между конкуренцией и сотрудничеством с правовыми системами других стран»[2].

Интерактивно-социальный уровень мировых государственно-правовых процессов — это та предельная социальная основа, на которой выстраиваются все экономические, политические, культурные отношения между различными социальными акторами. Глобальные процессы взаимодействия здесь лишь подтверждают общий закон функционирования социальных систем, на фоне действия которого право проявляет свою энергию и силу[3].

Резонно согласиться с определением глобализации, предложенным Ф. Лапортом[4], в котором разъясняется коммуникативная природа данного явления: «…Идущий поверх установленных государственных границ сложный и всеобъемлющий процесс человеческого взаимодействия, определяющий существование совокупности политических, культурных и общественных связей, приоритетность которых по отношению к местным, региональным, национальным ограничениям обеспечивает условия для создания новой транснациональной цивилизации»[5].

Попытки сближения, мирного решения государственно-правовых проблем, опосредованных глобальными процессами, безусловно, имеются. Но, к сожалению, та сторона глобальной правовой жизни, которая связана с конфликтом, конкуренцией, порой достаточно агрессивной, сегодня является одной из доминирующих тенденций социально-правового взаимодействия в глобальном масштабе. При этом конкуренция предстает в некотором смысле в качестве превратно понятой отдельными участниками международной арены задачи: «отстоять» свое место в мировом разделении труда, в мировой системе координат, порой игнорируя интересы других, используя при этом правовые — или, лучше сказать, «квазиправовые» — инструменты для решения проблем[6].

В. Д. Зорькин выделяет в современном глобальном мире три основных направления конкуренции как национальных, так и региональных (и во внутригосударственном, и в международном значении) правовых систем. Первое из них — борьба за потоки инвестиций. Второе — борьба за технологические потоки (имеются в виду и производственные, и социальные технологии). Третье — борьба за потоки всего того, что может в совокупности именоваться гражданской, политической, экономической, социальной лояльностью на основе правовой легитимности (имеется в виду конкуренция различных правовых систем за активную лояльность граждан к своим странам и их правовым системам). К этим видам примыкает множество направлений конкуренции «второго порядка», находящихся на стыке трех основных. Во всех указанных конкурентных сферах используются право и социально-правовые технологии, позволяющие субъектам находить те или иные конкурентные преимущества либо минимизировать таковые у других. При этом параллельно вырабатываются наднациональные регуляторы[7].

Существующие конфликтные отношения между странами или населяющими их людьми сами по себе отрицательны, но вместе с тем и они не исключают конструктивное начало. Конфликты приводят к возникновению иных международно-правовых институтов и регуляторов, функцией которых является предотвращение возможных конфликтов либо их разрешение, в том числе посредством санкций, негативных обязываний и запретов на осуществление той или иной социально-политической, социально-экономической и прочей активности.

Влияние фактора глобализации на государственно-правовую жизнь довольно существенно и неоднозначно. Как отмечает В. Е. Чиркин, «…глобализация иногда жестко ломает привычный уклад, социокультуру»[8]. Глобализация, отражая алгоритм «взаимодействия–противостояния», дает основание задуматься странам о собственном национальном суверенитете. П. Бергер указывает: «…Не может быть сомнения в том, что экономические и технологические преобразования, которыми обусловлено само явление глобализации, породили серьезные социальные и политические проблемы, такие как разделение на победителей и проигравших (как в пределах одного общества, так и между сообществами) и вызов традиционным представлениям о национальном суверенитете»[9].

В результате национальное право (которое во многом становится зависимым от наднационального пра-

[1] См.: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. М., 2000.

[2] *Зорькин В. Д.* Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 6.

[3] См.: *Поляков А. В.* Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 18–30.

[4] См.: *Лапорта Ф.* Глобализация и верховенство права. Некоторые сомнения вестфальца // Philosophi of Law Issues. An International Journal. Kyiv, 2008. Vol. IV–V. P. 35.

[5] Цит. по: *Поляков А. В.* Указ. соч. С. 19.

[6] Так, в качестве примера можно привести «юридические» решения МВФ и Еврогруппы по разрешению экономического кризиса на Кипре, которыми были фактически инициированы действия по экспроприации банковских вкладов (в противоречие со всеми стандартами по обеспечению права собственности). См.: *Зорькин В. Д.* Указ. соч. С. 438.

[7] См.: *Зорькин В. Д.* Указ. соч. С. 450–451.

[8] *Чиркин В. Е.* Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории). М., 2017. С. 7.

[9] *Бергер П.* Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона ; пер. с англ. В. В. Сапова, под ред. М. М. Лебедевой. М., 2004. С. 9.

ва[1]), как правило, формирует арсенал средств для предотвращения известных угроз национальной безопасности (экономических, финансовых, военных и прочих механизмов, определяемых правовыми формами[2]). Говоря о процессах модернизации, глобализации и интеграции, В. Е. Чиркин также утверждает: «По отношению к государству и праву эти процессы, в том числе и из-за сопротивления глобализации, ведут к возрастанию значимости социокультурных правовых ценностей разных страновых правовых систем и региональных семей…»[3] Именно при отстаивании таковых становятся заметны различные формы реагирования государств на последствия глобальной нестабильности и общий конфликтный фон современного межгосударственного обмена[4].

Итогом является объективная мобилизация национальных государственно-правовых систем (не говоря о том, что глобализация приводит к трансформациям национального государства по различным сценариям[5]). Это выражается, во-первых, в стремлении усилить систему государственного правового регулирования в стране (повысить эффективность права), во-вторых, во введении ряда законодательных ограничений, в том числе санкционного характера, на иностранное (чужеродное) влияние со стороны политики, бизнеса, государственно-правовых стандартов и т. д.

С. Ф. Ударцев[6]

КОСМИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРЕДСКАЗУЕМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Д. С. Лихачев в Космической академии наук

Идеи российского космизма начала XX века (высказанные Н. Ф. Федоровым, В. И. Вернадским, К. Э. Циолковским, Н. К. Рерихом и др.) явились значительным прорывом в мировой философской, политической и правовой мысли, оказали значительное влияние на литературу и искусство, а также на формирование молодежи той эпохи в целом. Д. С. Лихачев вспоминал, что в студенческие годы, во второй половине 1920-х годов, один из друзей пригласил его в студенческую Космическую академию наук (КАН). Это был кружок, основанный в 1926 году преподавателем литературы, религиозным философом И. М. Андреевским, у которого в школе учился и Дмитрий Сергеевич (позже Андреевский эмигрировал в Германию, затем — в США). У КАН были гимн, «конференц-залы» и «священное место» в Царском Селе. Его участники старались сделать науку и научные исследования интересными и веселыми. Здесь студент Д. С. Лихачев возглавил «кафедру старой орфографии», или, как вариант, «кафедру меланхолической филологии». Этот кружок, по словам Лихачева, играл «особенно значительную роль в нашей жизни того периода, когда свободная философия и религия постепенно становились запретными, неофициальными, непризнаваемыми»[7].

Несмотря на шуточную форму мероприятий, в 1928 году Космическую академию распустили, а ее участников арестовали[8]. По иронии истории через 30 лет именно СССР было суждено открыть космическую эру человечества, отправить в космос первый искусственный спутник Земли и первого космонавта…

Новая волна космической деятельности

После полувекового затишья сегодня на волне стремительного научного и технического прогресса начинается новая фаза активной космической деятельности. К 2018 году три страны — Россия, США и КНР — создали космические войска. В январе 2019 года КНР, обогнав все страны, посадила космический аппарат на обратную сторону Луны и уста-

[1] В общетеоретическом аспекте см. об этом подробнее: *Чиркин В. Е.* Указ. соч.

[2] См.: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444 ; Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

[3] *Чиркин В. Е.* Указ. соч. С. 7.

[4] См.: *Васильева Л. Н.* К вопросу о мерах по противодействию культурной экспансии иностранных государств на территорию Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 8–11 ; *Горбунова О. Н.* Проблемы совершенствования финансового законодательства в условиях развивающегося мирового финансового кризиса // Право и государство: теория и практика. 2009. № 3 (51). С. 64–76 ; *Беляева Т. Н., Веселова Е. В.* Управление ликвидностью российского банковского сектора в условиях глобальной нестабильности // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2010. № 3 (23). С. 35–39.

[5] *Осветимская И. И.* Основные модели трансформации национального государства в перспективе установления глобального порядка // Правоведение. 2013. № 4. С. 51–63.

[6] Руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления Университета КАЗГЮУ им. М. С. Нарикбаева (Нур-Султан), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана, почетный работник образования Республики Казахстан. Автор более 550 научных публикаций, в т. ч.: «Рукопись М. А. Бакунина „Гамлет“», «О некоторых тенденциях глобальной эволюции государства и права», «История политических и правовых учений. Древний Восток: академический курс», «Учителя и коллеги: из истории юридической мысли Казахстана XX — начала XXI вв.», «Конституция и эволюция общества (вопросы теории и философии права)», «Видные ученые-юристы Казахстана XX — начала XXI в.» (в соавт.), «Казахстан: конституционная реформа 2017 года», «Верховенство права, проблемы современного правопонимания и обеспечение защиты конституции» и др. Академик Академии социальных наук и Академии юридических наук Республики Казахстан. Главный редактор журнала «Право и государство».

[7] *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб. : Logos, 1995. С. 136–138.

[8] *Лихачев Д. С.* Космическая академия наук // Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. URL: https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=12647 (дата обращения: 25.02.2019) ; См. также: Дело «Космической академии наук» // Санкт-Петербург. Энциклопедия. URL: http://www.encspb.ru/object/2860387429?lc=ru (дата обращения: 25.02.2019). Андреевский, Иван Михайлович // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 25.02.2019).

новила с ним связь. За полгода до этого другой аппарат был помещен в точку Лагранжа между Землей и Луной, обеспечивавшую его относительную неподвижность и связь через него с Луноходом. Президент США Д. Трамп в конце марта 2019 года принял решение форсировать реализацию космических программ, а также дал указание НАСА к 2024 году вновь высадить человека на Луну. В апреле 2019 года прошло заседание Совета безопасности РФ, на котором обсуждались вопросы космической деятельности и лунной программы. Это ускорение в военной и гражданской сферах в условиях глобальной нестабильности может стать причиной значительных изменений в области экономики, политики, права, международной безопасности.

Формирование космического государства — закономерный этап эволюции государственности

В последние десятилетия происходят перемены в государственности — ядре политической системы современного человечества. В начале XXI века эти изменения стали неотвратимыми. Развитые страны постепенно превращаются в космические государства[1]. Такие государства расширяют цели, стратегию, программы и пространство деятельности. Они создают органы управления, организующие космическую деятельность и ее инфраструктуру, формируют космические войска и иные необходимые подразделения в государственном аппарате, принимают национальное космическое законодательство. Кроме того, получают космическое продолжение основные функции государства, достраиваются необходимые межгосударственные органы и развивается международное космическое право. Также предпринимаются попытки искусственного ускорения этого процесса (примером здесь является непризнанное государство Асгардия).

Изменение представлений о будущем государства

Начавшийся космический этап эволюции государственности — свидетельство того, что государство как историческое явление не исчерпало свой потенциал, а также того, что именно такая форма организации общества в обозримом будущем будет соответствовать космической цивилизации. На наших глазах разрушаются либеральные и тоталитарные мифы XIX и XX веков о планетарном государстве как предельной ступени и форме развития государственности. Рушатся также леворадикальные утопические мифы об отмирании или возможной принудительной ликвидации государства на Земле в близком будущем. Государственность адаптируется к новым историческим задачам и пространственным измерениям, к космической эпохе и цивилизации, раскрывает свой космический потенциал. Все более отчетливо проявляется *новая глобальная историческая закономерность в эволюции государственности — формирование космических государств* сначала на базе наиболее развитых стран, затем и на основе других.

Космизация экономики и права

Космическое государство будет развивать государственный и частный секторы экономики, государственно-частное партнерство и международные отношения. Одним из существенных симптомов грядущего развития космической экономики можно считать закон, подписанный президентом Соединенных Штатов Б. Обамой в 2015 году. Он распространил юрисдикцию США на космическое недропользование и разрешил частным компаниям страны добывать и присваивать космические ресурсы (Договор о космосе 1967 г. объявлял все космические тела достоянием человечества).

В дальнейшем основные отрасли земной экономики будут постепенно распространяться и на космос. Космическая деятельность десятков стран дополнится конкуренцией в этой сфере государственных компаний, частного бизнеса, транснациональных корпораций (особенно в сфере космического транспорта, связи, телекоммуникаций, разработок для космической добывающей и перерабатывающей промышленности, робототехники, искусственного интеллекта). Уже сегодня совершенствуется инфраструктура, связанная с космической деятельностью. Телевидение и иные электронные СМИ, Интернет, мобильная связь, образование, дистанционное зондирование Земли, метеорология, информационная база науки уже немыслимы без космической деятельности. Готовятся новые коалиции стран для реализации в ближайшие годы лунных программ.

По экспертным оценкам, на 2019 год объем мирового рынка коммерческих услуг, связанных с космосом, составляет около 183 млрд долларов США в год, и в ближайшие годы и десятилетия он будет только увеличиваться[2]. Кроме того, быстро растут затраты некоммерческого сектора, в том числе военного. Как только начнется использование многоразовых ракет и космических кораблей разных типов, эта сфера деятельности станет более рентабельной, ее развитие многократно ускорится, в частности космического туризма.

В условиях мирового экономического кризиса и глобального противостояния стран-лидеров и их союзников оказывается еще более необходимым укрепление национальных правовых систем. Можно предположить, что вслед за США и другие страны по мере их готовности к добыче космических ресурсов и промышленном производстве в космосе будут издавать законы, разрешающие их государственным и частным компаниям включаться в процесс освоения ресурсов.

[1] Об этом новом явлении см.: *Ударцев С.* Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования // Государство будущего: новые технологии и государственное управление : межд. науч.-исслед. конф., Астана, 28 ноября 2018 г. : сб. ст. / под ред. Б. Н. Бокаева ; Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2019. С. 21–29 ; *Он же.* Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования и юридического закрепления статуса // Правовая культура. 2019. № 1 (36). С. 23–37 ; *Udartsev S. F.* Space State: Possible Options for Forming // RUSSIAN LAW: Theory and Practice. 2019. № 1. P. 66–75.

[2] Расширенное заседание Совета безопасности // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60301 (дата обращения: 17.04.2019).

Возникнет необходимость урегулировать правом экономические, экологические, технические, информационные, политические вопросы, дополнить нормы многих отраслей национального права, распространив их положения на отношения субъектов космической деятельности. Можно допустить, что международное право в силу его усугубляющегося кризиса может отставать от способных к более быстрому развитию национальных систем космического права. Могут возникнуть конфликты между нормами разных национальных правовых систем, а также коллизии норм международного права, их интерпретаций и норм и интерпретаций национального права отдельных стран. Однако со временем из-за необходимости урегулирования международных споров и обеспечения мира потребуются более широкое международно-правовое регулирование этой сферы конкуренции и разработка нового поколения международного космического права.

Развитие космической деятельности и культура

Человечеству по мере освоения космоса будут открываться новые горизонты развития науки, образования, религии, литературы и искусства. Культурная политика космического государства будет продолжением политики в этой сфере земных государств с обеспечением также культурных потребностей формирующейся космической цивилизации. В начале XXI века космическая составляющая присутствует во всех областях материальной и духовной культуры. Литература, живопись, киноиндустрия и другие направления немыслимы без космической тематики, в том числе футурологической, а также без исследования художественными средствами природы, жизни и перспектив человека, глобальных и космических проблем эволюции человечества. Колоссальное развитие получили информационные технологии, исследования в сфере теоретической физики, генетики, клонирования, нанотехнологий, трансплантологии и выращивания органов, ИИ, проекта «Коннектóм человека» и т. д. В сфере образования появляются новые космические специальности. Все это будет содействовать максимальному раскрытию возможностей человека и человечества как творческих субъектов Вселенной, выявлению их космического потенциала.

Дальнейшее изучение и освоение участков и объектов космоса с неблагоприятными условиями потребует развития автоматических средств, робототехники и ИИ, которые должны будут существенно дополнять и превосходить человеческие возможности. Такие проекты окажут значительное влияние на жизнь и устройство общества. Вместе с возможностями раскрытия способностей человека это создает и новые риски, требующие тщательного многоуровневого контроля за программным обеспечением для искусственного интеллекта (особенно при использовании ИИ в военной сфере).

Противоречивые последствия для глобальной безопасности

Формирование космических государств может двояко сказаться на развитии и преодолении глобальных кризисов и конфликтов. С одной стороны, будет развиваться конкуренция государств в космической сфере (гражданской и военной), а также конкуренция государств и частных космических компаний разных стран в космическом туризме, космической энергетике, космической промышленности. Это может привести к обострению кризисов.

С другой стороны, постепенная глобальная перенастройка вектора развития цивилизации в космос будет содействовать объединению усилий человечества в крупнейших проектах и решении проблем безопасности. Следствием этого может стать снижение политической напряженности на Земле, перенаправление конфликтной энергии в конструктивную космическую деятельность, формирование более тесного связанного человечества (в том числе в новых глобальных политических формах). При этом не будут утрачены сложная внутренняя структура общества и многообразие национальных культур.

Г. Ф. Фейгин[1]

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ: ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Современное мировое хозяйство переживает сложный и противоречивый этап своего развития. После мирового экономического кризиса 2008–2009 годов несколько лет ожидалась его новая волна. В явной форме кризис не продолжился. Ведущие страны демонстрируют относительно устойчивые темпы роста. Наблюдаются тенденции некоторого снижения уровня инфляции и безработицы. В то же время для характеристики состояния мировой экономики в последние годы зачастую используется термин «глобальная нестабильность». Данное понятие следует интерпретировать как ситуацию, в которой присутствуют факторы, действие которых при определенных сценариях может привести к новому глобальному кризису. Истоки и формы проявления глобальной нестабильности многообразны. Выделим некоторые существенные аспекты.

1. Особенности динамики хозяйственных трансакций.

Один из важнейших признаков глобализации — рост объемов глобальных сделок. Начиная с 1970-х годов объем международных торговых сделок в течение 10 лет возрастал приблизительно в 2 раза. В период с 1980 по 2008 год ежегодные объемы экспорта возросли с 2,3 трлн до 19,8 трлн долларов. Однако с 2011 года ситуация изменилась: объемы мирового экспорта стали колебаться в диапазоне 22,6–23,6 трлн долларов, то есть фактически стабилизировались. Следует предположить, что динамика спроса на иностранные товары, которая позволила бы стимулировать новый рост объемов экспорта, отсутствует. Реальный рост доходов населения с 2011 года в глобальных масштабах не настолько велик, чтобы оказать существенное влияние на объемы мирового экспорта. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере прямых иностранных инвестиций (ПИИ): до 2007 года динамика объемов ПИИ была существенной, хотя и носила несколько более волнообразный характер по сравнению с динамикой экспортных операций. С 2011 года мировые объемы ПИИ колеблются в диапазоне 2203,2–1862,7 трлн долларов. Глобальные инвесторы не видят в современной хозяйственной практике таких проектов, потенциал которых предполагал бы существенный рост прямых инвестиций. Похожие процессы происходят и в финансовой сфере. Несмотря на некоторый рост капитализации мировой экономики, объемы международных портфельных инвестиций, международных кредитов и валютных операций после масштабного роста в 1980–2000-е годы с 2009 года существенно не увеличиваются.

Таким образом, современная модель глобализации, вероятно, не создает реальных предпосылок для дальнейшего развития трансграничной хозяйственной деятельности. Не вызывает сомнений высокий уровень взаимосвязи и взаимозависимости национальных хозяйственных систем. Однако дальнейший прогресс в данной сфере не наблюдается. Подобное положение дел свидетельствует о некоторой нестабильности развития мировой экономики. Существовавшие ранее факторы роста исчерпывают свой потенциал, а наличие новых дискуссионно.

2. Темпы экономического роста и новые геополитические расклады.

Стабилизация темпов экономического роста после кризиса 2008–2009 годов — сложный и неоднозначный процесс. Ведущие страны ЕС (за исключением Италии) в 2010–2012 годах демонстрировали положительные темпы роста. В первые три года после кризиса экономический рост в Германии составил 2,8 %, во Франции — 1,4 %, в Великобритании — 1,6 %. В последующие годы (2013–2017) в Германии и Франции темпы роста несколько снизились и составили 1,6 и 1,1 % соответственно. Напротив, в Великобритании среднегодовой экономический рост несколько вырос и составил 2,2 %. Достаточно стабильные темпы роста показывает экономика США (2,1 % в посткризисный период и 2,2 % в дальнейшем).

На этом фоне впечатляющими выглядят темпы экономического роста в азиатском регионе. Помимо Китая и Индии (среднегодовые темпы роста в этих странах превышают 7 %), обращает на себя внимание экономическая динамика во Вьетнаме (5,9 % в посткризисный период и 6,2 % в дальнейшем), Индонезии (6,1 и 5,1 % соответственно), Монголии (12 и 5,7 %), Камбодже (8,1 и 7,1 %), Мьянме (7,5 и 7,2 %). Кроме того, примечательными являются высокие темпы экономического роста в азиатских странах постсоветского пространства: Узбекистане — 8,3 и 7,4 %, Таджикистане — 7,1 и 6,8 %, Туркменистане — 11,7 и 7,9 % соответственно[2].

У «азиатских тигров» (новых индустриальных стран Азии) темпы экономического роста несколько снизились после кризиса 2008–2009 годов, но превышают аналогичные показатели для развитых стран ЕС и США. Азиатский регион является на сегодняшний день самым динамичным регионом мира. Казавшийся ранее устойчивым геополитический расклад, при котором «большая триада» (США, Западная Европа и Япония) однозначно доминировали, уходит в прошлое. Прогресс азиатских стран меняет геополитическую структуру, делает ее более многообразной. В логику данного процесса вписываются китайские инициати-

[1] Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор 130 научных публикаций, в т. ч.: «Постсоциалистические страны: интеграция в мирохозяйственные связи», «Факторы и условия трансатлантической интеграции», «Пенсионная система России — этапы реформирования», «Социально-культурная сфера в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы», «Тенденции развития ИКТ в России: феномен информационного неравенства в регионах», «Трансформация пенсионных систем стран Евразийского экономического союза» и др. Почетный профессор СПбГУП.

[2] www.worldbank.org.

вы: проект «Один пояс — один путь» (совершенствование торговых путей транспортных и экономических коридоров, связывающих более 60 стран Азии, Европы и Африки) и создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, который рассматривается как альтернатива Всемирному банку. Индустриальные страны Запада неоднозначно оценивают ситуацию и стремятся к поиску новых конфигураций международного сотрудничества, которые в большей мере соответствовали бы их национальным экономическим интересам. В данном контексте можно выделить экономические противоречия между США и Китаем, выход США из Соглашения о Трансатлантическом партнерстве, продолжающуюся процедуру Брексита.

3. Проблема бедности.

Один из важнейших факторов современной глобальной нестабильности заключается в том, что проблема бедности населения остается актуальной. По данным Всемирного банка, свыше 1,9 млрд человек в 2015 году жили менее чем на 3,2 доллара в день. Доходы около 46 % населения составляли 5,5 доллара в день[1]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что данную проблему невозможно решить в обозримом будущем, несмотря на определенный прогресс в этом направлении. Бедность населения является, прежде всего, социальной проблемой отдельных стран. Возрастает социальная напряженность, растет недовольство малообеспеченных слоев населения, что может иметь непредсказуемые последствия. Кроме того, феномен бедности имеет и глобальное значение. Бедность ограничивает покупательную способность населения. Некоторые страны (Бангладеш, Нигерия, Пакистан) в связи с большой численностью населения могли бы стать крупными рынками. Однако уровень ВВП на душу населения столь низок, что эти страны фактически не принимаются во внимание крупными компаниями как целевые ориентиры маркетинговой деятельности. В условиях отсутствия роста объемов глобальных сделок на современном этапе МНК заинтересованы в повышении уровня доходов населения во всем мире. В рамках современной модели глобализации не просматриваются институциональные механизмы, которые могли бы создать реальные предпосылки для увеличения доходов населения в беднейших странах.

Отмеченные факторы глобальной нестабильности делают правомерной постановку вопроса о некотором несовершенстве модели глобализации, известной как «глобальный капитализм». Происходит переосмысление глобальных парадигм экономического развития. Бурный прогресс азиатских стран подтверждает эффективность холизма в хозяйственной деятельности, когда на передний план выходят коллективные ценности. Экономические модели азиатских стран олицетворяют процесс взаимодействия государства и рынка, отличающийся от аналогичного в индустриальных странах Запада. Идеи усиления конвергенции в экономике, то есть гармоничного сочетания рыночных инструментов регулирования хозяйственной деятельности с планомерным характером в экономической политике государства, набирают популярность. Если в настоящее время холизм в экономическом развитии проявляется прежде всего в рамках некоторых национальных хозяйственных систем (в основном в странах Азии), то в будущем он может служить своеобразной базой для совершенствования институционального регулирования глобальных хозяйственных процессов.

Для российской экономики важным представляется сочетание внутренних экономических реформ с поиском своего места в системе мирохозяйственных связей. На современном этапе большое значение имеют евразийские интеграционные проекты, осуществление которых происходит как на постсоветском пространстве, так и за его пределами. Перспективы российской экономики зависят от того, в какой мере Россия сможет стать активным участником процессов евразийской интеграции и оказывать им необходимую поддержку. Существенным шагом в данном направлении является развитие взаимовыгодного сотрудничества с Китаем.

[1] Всемирный банк рассказал об уровне бедности в мире // Известия. URL: https://iz.ru/801291/2018-10-17.

Н. М. Филимонова[1]

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В ЭКОНОМИКЕ СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В последнее десятилетие появилась и быстро выросла экономика совместного использования, что обусловлено ростом интереса к онлайн-платформам, которые поощряют обмен ресурсами, такими как жилье, транспорт, продукты, услуги. Про прогнозам международной консалтинговой компании PricewaterhouseCoopers, размер экономики совместного использования, составлявший в 2015 году 15 млрд долларов, в 2027-м достигнет 335 млрд[2], то есть увеличится более чем в 22 раза. Основная причина этого роста заключается в том, что все большее количество людей и компаний вовлечены в эту практику и участвуют в ней в той или иной степени. Такие системы позволяют людям находить жилье и временную работу, путешествовать, получать дополнительный доход и доступ к различным ресурсам. Прогнозируется, что количество загрузок мобильных приложений по всему миру к 2022 году увеличится примерно на 20 % по сравнению с 2018 годом[3]. Самыми загруженными издателями неигровых приложений в магазине Google Play в январе 2018 года были Facebook, WhatsApp и Google.

Исследователи и практики утверждают, что экономика совместного использования создает новые преимущества и потенциальные источники прибыли для компаний, в том числе расширение рынков, готовность клиентов платить больше, чтобы получить товары и услуги более высокого качества, при этом слабое государственное регулирование позволяет предприятиям действовать с большей степенью свободы. Примеры наиболее известных и успешных фирм с небольшим числом сотрудников показывают, что можно достигать лучших результатов, если использовать бизнес-модели совместного потребления на основе цифровых платформ, что позволяет снижать операционные издержки[4] и затраты на оплату труда, так как персонал привлекается для выполнения определенной работы на временной основе[5].

Тем не менее большинство компаний сталкиваются с нехваткой собственных средств и внешнего финансирования, что существенно влияет на их выживаемость. Поскольку высокотехнологичные фирмы имеют более высокие риски для вложения капитала, инвесторы, как правило, проявляют осторожность при выборе проектов для финансирования.

Согласно исследованиям, проведенным в 2018 году, из более чем 1100 технологических компаний, основанных в США в 2008–2010 годах, в настоящее время в шестом раунде, соответствующем раунду серии E, осталось 3 % компаний[6]. Около 48 % компаний смогли перейти во второй раунд (раунд серии A) из посевной стадии. В каждом последующем раунде остается все меньше участников.

Анализ научной литературы продемонстрировал, что исследователи изучают успешные компании в экономике совместного использования[7] и в большинстве случаев обходят вниманием случаи неудач. Между тем практика показывает, что изучение негативного опыта в бизнесе положительно влияет на эффективность новых предприятий, что связано с повышением уровня готовности к новым бизнес-возможностям и рискам[8].

Основной целью данного исследования стала идентификация проблем развития компаний в экономике совместного использования.

Методы

Исследование состояло из следующих этапов.

На первом этапе были отобраны успешные компании, использующие онлайн-платформы для бизнеса. Основной целью на данном этапе было построение бизнес-модели компаний, отражающей типовые особенности их функционирования, и определение основных факторов успеха. Для построения бизнес-модели мы использовали модель Канвас, позволяющую визуализировать деятельность компании и определить логику взаимосвязей между элементами бизнес-системы[9]. Данная модель включает в себя девять основных блоков: сегменты потребителей, ключевые ценности, каналы сбыта, взаимоотношения с клиентами, потоки доходов, ключевые ресурсы, основные действия, ключевые партнеры и структура расходов.

На втором этапе были отобраны компании, зарегистрированные в период с 2001 до 2018 года и ликви-

---

[1] Заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор экономических наук, профессор. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Социальные медиа как инструмент обратной связи для повышения качества продукции (на примере предприятий легкой промышленности)» (в соавт.), «Развитие молодежной политики в регионах России» (в соавт.), «Instruments for the development of regional social and economic systems» (в соавт.), «Research trends in global value chain: Possibility of practical use for the Russian economy in terms of innovative development» (в соавт.), «Impact of small business sector on quality of life in Russian regions» (в соавт.) и др. Член Академии международного бизнеса (США).

[2] The Sharing Economy. Consumer Intelligence Series. URL: https://www.pwc.fr/fr/assets/files/pdf/2015/05/pwc_etude_sharing_economy.pdf.

[3] Annual number of mobile app downloads worldwide in 2017, 2018 and 2022. URL: https://www.statista.com/statistics/271644/worldwide-free-and-paid-mobile-app-store-downloads.

[4] *Geissinger A. et al.* How sustainable is the sharing economy? On the sustainability connotations of sharing economy platforms // Journal of Cleaner Production. 2019. № 206. P. 419–429.

[5] *Ginès i Fabrellas A.* The zero-hour contract in platform work. Should we ban it or embrace it? // IDP Revista de Internet Derecho y Política. 2019. № 28. P. 29–43.

[6] The Venture Capital Funnel. URL: https://www.cbinsights.com/research/venture-capital-funnel-2.

[7] *Apte U. M., Davis M. M.* Sharing Economy Services: Business Model Generation // California Management Review. 2019. № 61 (2). P. 104–131 ; *Piscicelli L., Ludden G. D. S., Cooper T.* What makes a sustainable business model successful? An empirical comparison of two peer-to-peer goods-sharing platforms // Journal of Cleaner Production. 2018. № 172. P. 4580–4591.

[8] *Ifedapo B. et al.* Do entrepreneurs always benefit from business failure experience? // Journal of Business Research. 2019. № 98. P. 370–379.

[9] *Osterwalder A.* The business model ontology a proposition in a design science approach. URL: https://serval.unil.ch/resource/serval:BIB_R_4210.P001/REF.pdf.

дированные до 2019 года. Целью данного этапа стала систематизация основных неудач компаний. Для ее достижения мы использовали метод кейс-стади, позволяющий выявить закономерности становления и развития компаний в экономике совместного использования и сделать предположения о неудачах в их бизнес-моделях. Для проведения анализа неудач компаний были отобраны компании, находящиеся на третьем этапе финансирования (раунд B), так как они уже имеют возможность генерировать доход, являются безубыточными, реализуют новаторские бизнес-модели, которые могут быть масштабируемы, предлагают инновационные товары/работы/услуги на рынке, создают и развивают взаимосвязи между клиентами.

В качестве информационных источников мы использовали:

— базу данных CrunchBase (www.crunchbase.com) — открытый набор сведений об инновационных компаниях, тенденциях их развития, инвесторах, учредителях и др.;

— techcrunch (www.techcrunch.com) — интернет-издание, содержащее информацию о бизнесе, связанном с использованием новых технологий, анализ новых тенденций в области развития инновационных предприятий и их продуктов.

Результаты

Существует большое количество классификаций бизнес-моделей компаний в экономике совместного использования по различным основаниям. Мы выбрали исследование классификации бизнес-моделей на основе типа рынка, где функционируют компании[1], и выбрали те из них, которые занимаются предоставлением услуг по требованию, что связано с более высокими темпами роста создания подобных компаний по сравнению с компаниями, работающими в секторе электронной коммерции.

Результаты нашего исследования показали, что количество созданных компаний, оказывающих услуги по требованию и представленных в базе CrunchBase, ежегодно увеличивалось до 2015 года (со 120 в 2001 г. до 930 в 2015-м). Затем их количество стало снижаться и по итогам 2018 года составило 227, что связано с постоянной актуализацией базы данных.

На основе анализа успешных компаний, использующих бизнес-модели «услуги по требованию», таких как GOJEK (Индонезия), Postmates (США), Grab (Индия), Uber (США), Netflix (США) и другие, мы построили типовую бизнес-модель, описывающую их деятельность в экономике совместного использования. Основная идея данной бизнес-модели заключается в ее ценностном предложении: предоставление услуг по более низким ценам на основе использования онлайн-платформ. В рамках бизнес-модели услуг по требованию действия компании ориентированы на клиента. Оплата услуг, организация взаимодействия между поставщиком и клиентом осуществляются через специальные приложения. Ключевая функция платформы — обеспечение эффективности взаимодействия, но в то же время она дает возможность оценивать как поставщика, так и потребителя через систему рейтингов.

Однако не все компании достаточно эффективны и успешны. Согласно нашим расчетам с использованием данных CrunchBase, из всех компаний в раунде B, размещенных на сайте с 2001 года, 2,3 % были ликвидированы, а 13,5 % были проданы либо подверглись слиянию или поглощению.

Мы проанализировали основные причины закрытия компаний, имеющих устойчивые бизнес-модели, с точки зрения инвесторов. Одна из основных — предоставление услуг по низким ценам с целью привлечения клиентов. Для этого компании предлагают скидки и специальные предложения, что не покрывает их расходы (Homejoy, PepperTap, Shyp и др.). Другая важная причина закрытия компаний — постоянное расширение рынка, в ходе которого компания не успевает масштабировать свои продукты/услуги и операции в других регионах (Shyp, Carpooling.com). В данном случае компании расширяют свою деятельность на другие регионы, не имея для этого достаточных ресурсов (трудовых, материальных, финансовых).

Низкая степень интеграции приложений в AppStore с партнерами компании не обеспечивает своевременного доступа к продуктам и услугам партнеров (PepperTap). Например, клиенты компании по доставке продуктов не могли видеть полный ассортимент товаров онлайн, при этом цена на товары в приложении могла отличаться от реальной.

Выводы

Несмотря на то что компании удовлетворяют требованиям инвесторов, то есть имеют технически масштабируемые бизнес-модели, технологически не развитый для предоставления различных услуг рынок, тесное взаимодействие с местным сообществом, возможность генерировать доходы с первого дня основания компании, они сталкиваются с определенными сложностями. Во-первых, компании, предоставляющей услуги по требованию, трудно масштабировать свои услуги, имея ограниченное размером территории количество пользователей. Если даже компания успешно работает в крупном городе, при масштабировании своей модели в пригороде или небольшом городе она столкнется с недостаточным спросом по причине других предпочтений населения или более низкого уровня его доходов.

Во-вторых, привлекая новых клиентов путем проведения акций и предоставления скидок, компания не всегда может покрыть свои расходы.

В-третьих, существует проблема частоты использования сервисов. Если услуги, которые предоставляют Uber и Netflix, можно использовать ежедневно, то, например, стрижка волос и уборка требуются значительно реже. Это неизбежно порождает проблему получения доходов компании.

Таким образом, проанализировав опыт компаний, предоставляющих услуги по требованию, мы пришли к выводу, что, хотя они работают в разных областях, им приходится сталкиваться со схожими проблемами. Поэтому их функционирование на разных стадиях развития требует более полного изучения.

[1] *Barbu C. M., Bratu R. Ş., Sîrbu E. M.* Business Models of the Sharing Economy // Review of International Comparative Management. 2018. № 19 (2). P. 154–166.

И. Э. Фролов[1]

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

1. С 1 января 2016 года официально вступили в силу 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР)[2], принятые Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в сентябре 2015-го. Как минимум 9 целей устойчивого развития (начиная с ликвидации нищеты, ликвидации голода и обеспечения продовольственной безопасности, обеспечения здорового образа жизни, обеспечения качественного образования и пр.) тесно связаны с целью 8: «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех». Но как развивается мировая экономика в последние годы? Ожидание, что после кризиса 2007–2009 годов глобальная экономика вернется к высоким темпам роста, не оправдалось. Низкие темпы роста даже получили название «новая нормальность» (New Normal). По данным МВФ, с 2010 по 2016 год темпы роста мировой экономики устойчиво снижаются (по паритету покупательной способности: с 5,4 % в 2010 г. до 3,3 % в 2016-м; по рыночным курсам валют: с 4,1 % в 2010 г. до 2,5 % в 2016-м)[3]. Только в 2017 году мировая экономика стала немного ускорять рост (по паритету покупательной способности: по 3,7 % в 2017 и 2018 гг.; по рыночным курсам валют: 3,2 % в 2017 и 2018 гг.). Получается, что в 2011–2016 годах глобальная экономика никак не могла вырваться из ловушки низких темпов роста, то есть фактически стагнировала, и только в 2017–2018 годах, возможно, начался новый цикл роста. Но будет ли он устойчив? Простого ответа нет, поэтому возникает потребность в исследовании, касающемся природы нынешнего этапа развития глобальной экономики.

2. Возможно, в настоящее время мировая экономика находится *на этапе глобальной системной трансформации*, сопоставимой по последствиям (и с учетом новых исторических реалий) с Великой депрессией 1930-х годов. При этом системная трансформация мировой экономики *не сводится к кризисным явлениям*, а включает становление новых типов капитала, технологических укладов, в том числе новых типов современных инноваций, и т. д.[4]

Для прояснения этой гипотезы проблематизируем основания традиционных экономических теорий путем различения таких сфер деятельности, как экономика и хозяйство. В современной литературе *Volkswirtschaft* и *National economy* используются как синонимы, но исторически так не было. В частности, К. Маркс различает концепты «экономика» (Ökonomie) и «хозяйство» (Wirtschaft). Анализ его работ показывает, что, когда он говорит об «экономике», то, как правило, имеет в виду «развитую капиталистическую экономику», которая противопоставляется «примитивным обществам» (urwüchsigen Gemeinwesens), «самостоятельным крестьянским хозяйствам» (selbstwirtschaftende Bauern) или «колониальной» периферии капиталистической системы (Kolonialwirtschaft).

Другие ученые также фиксировали отличия Wirtschaft от Ökonomie. Ф. Бродель неоднократно подчеркивал отличия «материальной жизни» (*фр.* vie materielle) и связанной с ней «элементарной экономики» (*фр.* économie très élémentaire) как «не-экономики», отличной от «экономики» в привычном «для французского читателя смысле»[5]. Дж. Арриги обусловливает развитие буржуазного типа хозяйства с экспансией экономики, называя докапиталистические производственные порядки «не-экономическими» (non-economic)[6]. Различение «экономического» и «не-экономического» позволяет ставить вопрос не только о возникновении и развитии, но и о *разрушении* экономических отношений. Процесс частичного разрушения наблюдается регулярно — это и есть периодические экономические кризисы.

К сожалению, англоязычные авторы, как правило, применяют понятие «economy» для обозначения любой хозяйственной деятельности. Отсутствие в английском языке термина, комплементарного понятию «economy» и оттеняющего его ограниченное значение, приводит к неявному тезису о неизменности и вечности этого общественного феномена. Справедливости ради отметим, что некоторые англоязычные авторы также пытаются зафиксировать эти различия[7].

3. Развивая вышеупомянутые идеи, различим экономику и хозяйство как разные сферы общественной деятельности.

---

[1] Заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция экономико-технологического механизма ускоренного развития наукоемкого, высокотехнологичного сектора экономики и ее теоретические основы», «Анализ управления и контроля бюджетными ресурсами в условиях финансово-экономического кризиса: зарубежный опыт и уроки для России» (в соавт.), «Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки» (в соавт.), «Проблемы капитализации российской науки: продуктивность, результативность, эффективность», «Историческая реконструкция возникновения денег и рынка и их теоретико-систематическое описание как экономических объективаций», «Adjusting the Global Economy Innovation Development to the Sluggish Crisis: How Long „Innovation Pause“ Lasts?» и др. Действительный член Междисциплинарного альянса исследователей в области организационных наук.

[2] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция 70/1 ГА ООН от 25.09.2015. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения: 31.03.2019).

[3] World Economic Outlook Database. IMF: 2010-2018. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx (дата обращения: 31.03.2019).

[4] *Frolov I. E.* Adjusting the Global Economy Innovation Development to the Sluggish Crisis: How Long «Innovation Pause» Lasts? // Journals Economy & Business. 2016. Vol. 10. P. 424–439. URL: https://www.scientific-publications.net/en/article/1001254 (дата обращения: 31.03.2019).

[5] *Braudel F.* Civilisation materielle, economic et capitalisme, XV–XVIII siecle. T. 2. P., 1979. P. 7.

[6] *Arrighi G.* The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times. L. ; N. Y., 1994. P. 10.

[7] *Polanyi K.* The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time : 2nd ed. 2001 (1944) ; *Graeber D.* Debt: the first 5,000 years. N. Y. : Melville House Publishing, 2011.

Тогда **хозяйство** — это специфическое единство производства и потребления внутри хозяйствующего общественного субъекта («для себя», для семьи, предприятия и т. д.), для которого рыночные отношения являются внешними. Хозяйство *присваивает* предметы природы, обрабатывает их и потребляет продукты. Оно воспроизводит локальную повседневную жизнь людей, не воспроизводя стоимости. В хозяйстве человек включен в цикл воспроизводства и как субъект, и как объект. Воспроизводство человека восстанавливает его силы и возможности в составе локального целого его жизни, и рекреация связана с жизненными целями человека.

Экономика — это объективация *расширенного воспроизводства* субъектов и взаимодействий, в которых производится стоимость, в условиях транслокального рынка. Каждый новый цикл воспроизводства экономики основан на производстве «для другого». Только с появлением такой сложной общественной объективации, как *производительный капитал* (первая историческая форма — мануфактурная промышленность), объективируется собственно современная экономика как динамика общественного производства и объективация расширенного воспроизводства стоимости. В экономике рекреация человека восстанавливает ресурс производительного потребления его рабочей силы и *подчинена* цели увеличения прибыли. Другими словами, экономика возникает как *обособление* денежного хозяйства и начинает расширенно воспроизводить *стоимость* в эпоху становления и объективации производительного капитала.

Соответственно, можно различить и другие сферы общественного воспроизводства, такие как финансы и сфера финансовых активов[1]. Можно также предположить, что в настоящее время происходит становление **нового типа богатства** — на основе расширенного воспроизводства финансовых активов. Воспроизводство сферы финансовых активов порождает и дополнительный тип присвоения — присвоение избыточного капитала в денежной форме.

4. Такое представление описывает глобальную экономику как сложный, неоднородный синтез различных типов общественных объективаций — локальных хозяйств, собственно мировой экономики, финансов и финансовых активов. Следовательно, с одной стороны, совокупная динамика глобальной экономики гораздо сложнее, чем ее фиксация агрегированными показателями типа валового продукта, с другой — развитие экономики становится принципиально неустойчивым, как только начинает складываться кризисная конфигурация финансовых и экономических взаимодействий.

С учетом изложенного сформулируем гипотезу квазицикличного развития глобальной экономики:

— рост глобальной экономики в начале каждого бизнес-цикла относительно сбалансирован: экономика стимулирует развитие мирового хозяйства, а развитие финансов и финансовых активов — развитие экономики;

— однако капитал развивается быстрее, чем его базовые материальные производства (в том числе хозяйственные отношения), что обусловливает нарастание новых диспропорций;

Сфера финансовых активов, соответственно, растет быстрее мировой экономики благодаря общественному механизму присвоения стоимости из реального сектора за счет расширенного воспроизводства долговых обязательств. При этом накопление долговых обязательств, предшествующее кризису, продолжается до 20–25 лет, что существенно длиннее классического бизнес-цикла (7–11 лет).

Каждая новая конфигурация всех этих типов общественных объективаций в рамках очередного экономического периода развития уникальна. В ее рамках сочетание конкретных типов капиталов в конечном счете порождает условия, приводящие к новому кризису.

Мировые финансовые и экономические кризисы следует рассматривать как процессы разрушения таких временных синтезов, воспроизводящихся и взаимодействующих общественных объективаций. После завершения очередного мирового кризиса, который частично ликвидирует диспропорции, связанные с перепроизводством различных типов капитала, возникает новый синтез, позволяющий расти мировой экономике и мировым финансам.

Возможно, что современное стагнирующее развитие мировой экономики спровоцировано перенакоплением финансового, а не производительного капитала. Об этом свидетельствуют факты лавинообразного роста взаимных долговых обязательств, которые превысили все ранее эмпирически наблюдаемые случаи. Так, по данным Institute of International Finance, в 2018 году глобальный долг составил около 247 трлн долларов (что на 69 трлн больше, чем в 2008 г.)[2], а мировой долг корпораций только по облигациям на конец 2018 года достиг пика в 13 трлн долларов[3]. Это позволяет говорить о достижении предела политики кредитного стимулирования мировой экономики. Центробанки ведущих стран практически исчерпали набор возможных действий (кроме, возможно, прямой монетизации долга). По некоторым прогнозным оценкам[4], к концу 2019 года (возможно, к началу 2020-го) сложатся все ключевые предпосылки нового глобального финансово-экономического кризиса.

5. Динамика новых кризисных явлений (до 2020 г. и далее) будет иной по сравнению с финансово-экономическим кризисом 2007–2009 годов: кризис будет более глубоким и длительным.

---

[1] О методе исследования общественных объективаций см.: *Фролов И. Э.* Историческая реконструкция возникновения денег и рынка и их теоретико-систематическое описание как экономических объективаций // Экономика в переломные эпохи. История мировой экономики : сб. ст. М. : ИЭ РАН, 2017. Вып. 6. С. 77–89. URL: https://ecfor.ru/publication/istoricheskaya-rekonstruktsiya-vozniknoveniya-deneg-i-rynka (дата обращения: 31.03.2019).

[2] *Colombo J.* Ballooning Global Debt Will Undo Poverty Improvements. 2019. 21 Febr. URL: https://realinvestmentadvice.com/ballooning-global-debt-will-undo-poverty-improvements (дата обращения: 31.03.2019).

[3] *Çelik S., Demirtaş G., Isaksson M.* Corporate Bond Markets in a Time of Unconventional Monetary Policy. P. : OECD Capital Market Series, 2019. URL: http://www.oecd.org/corporate/Corporate-Bond-Markets-in-a-Time-of-Unconventional-Monetary-Policy.pdf (дата обращения: 31.03.2019).

[4] *Mauldin J.* This Is How You Create the Biggest Credit Bubble in History. 2019. 17 Mar. URL: http://www.marketoracle.co.uk/Article64436.html (дата обращения: 31.03.2019).

Большая продолжительность будущих кризисных явлений отодвинет бурное внедрение новаций нового поколения, включая модную «цифровую экономику». «Инновационная пауза» продлится как минимум до середины 2020-х годов. При этом эффективность инновационной «новой волны» будет ниже, чем у инноваций 1960–1990-х годов.

К сожалению, Россия не готова к такой ситуации. Правительство РФ надеется на такую «подушку безопасности», как Фонд национального благосостояния России, но он будет израсходован быстрее, чем закончатся кризисные явления, а национальные проекты будут провалены.

М. М. Хайкин[1],
А. А. Лапинскас[2]

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРЕД- И ПОСТРЕФОРМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В настоящее время экономика в России находится в кризисном состоянии, в связи с чем возникает необходимость выявления его причин и формулирования основных параметров посткризисной, обновленной экономики. Необходимо продолжение реформ, но какими они должны быть? Неудачный опыт недавних российских преобразований заставляет аналитиков предполагать, что отечественная экономика «нереформируема». Вспоминаются невеселые высказывания обществоведов и философов, в частности П. Чаадаева: «История ее (России) мрачна, а будущее сомнительно».

Но каково здесь соотношение закономерности и случайности? Насколько оправдан фатальный пессимизм Чаадаева и других общественных деятелей, насколько закономерны или случайны многочисленные неудачи и редкие успехи? Правильно ли было сказано в историческом материализме, что в развитии общественно-экономических систем есть неизбежные закономерности, а случайности — это лишь форма проявления детерминированной эволюции?

Здесь уместно вспомнить, как относился к данным фундаментальным проблемам обществознания Д. С. Лихачев. Как отмечает А. С. Запесоцкий, согласно представлениям Д. С. Лихачева, «не „объективные“ законы существования классов, страт или партий, *а индивидуальная воля конкретной нравственной личности* должна утверждаться в качестве локомотива истории)»[3]. И далее: «Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем… Нас ждет то, что мы сделаем сами»[4]. Таким образом, известной формуле «бытие определяет сознание» академик противопоставляет свою: «сознание определяет бытие»[5]!

Эта позиция Лихачева успешно сочетается с относительно новым общенаучным методологическим подходом — синергетическим. Синергетика — это познание закономерностей самоорганизации в нелинейных системах вблизи критических точек — так называемых точек бифуркации, в которых очень велика роль случайности. В данной точке возникает множество потенциально возможных вариантов (путей) дальнейшего развития, которые выбираются под воздействием флуктуаций, то есть случайно. Однако после того как намечается один из возможных путей дальнейшего развития, вновь вступает в силу детерминизм, действующий до следующей точки бифуркации.

Важнейшим объективным фактором общественно-экономического прогресса в данной трактовке является не уровень развития производительных сил, а *творческое* начало человека как личности, что и подчеркивал в своих трудах и выступлениях Лихачев. Реформы — это тоже результат творческой деятельности конкретной личности, которая берет на себя их осуществление. Появление такой личности — случайный фактор, который имеет далеко идущие последствия, зависящие в первую очередь от уровня ее образования, прежде всего экономического, а также общего уровня культуры.

Проблема заключается в том, что в ряде случаев запускался механизм в виде не адекватной российским условиям и неэффективной организационно-управ-

[1] Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Государство и бизнес в развитии экономической системы России», «Сфера недропользования в контексте современного развития экономической теории», «Собственность как основа управления хозяйственной деятельностью домохозяйства», «Экономико-правовые проблемы развития сферы услуг в обществе знаний», «Марксистская политическая экономия и проблемы развития современной экономической теории», «К вопросу о развитии сферы услуг в современной системе экономических отношений» и др. Член редколлегий реферируемых журналов «Проблемы современной экономики», «Евразийский юридический журнал». Член Новой экономической ассоциации.

[2] Профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Типы и особенности функционирования экономических систем», «Планомерность как социально-экономическая технология реформирования общественного хозяйства», «Главное — эффективная модель», «Планомерность как системная категория», «Современная специфика корпоративных отношений на примере вертикально-интегрированной компании», «О причинах и направлениях изменения стратегических ориентиров развития» и др. Член редколлегии журнала «Экономический вектор».

[3] *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев: человек будущего в университете будущего // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 70.

[4] Там же.

[5] Там же.

ленческой структуры[1]. Начальный этап рыночных преобразований 1990-х годов был многообещающим. Обозначились некоторые положительные результаты: 1) деньги обрели реальную ценность и стали «работать»; 2) был ликвидирован товарный дефицит и насыщен рынок продовольствия; 4) появился и стал расширяться интегрированный рынок и др.

Однако многие «пережитки» социалистической экономики сохранялись, к тому же ошибки псевдолиберальных реформаторов породили новые проблемы: 1) высокий уровень монополизма; 2) угрозу экономической безопасности; 3) усиление вмешательства чиновников в экономику, что привело к небывалому уровню коррупции; 4) чрезмерно жесткую налоговую систему, что наряду с неустойчивыми финансами ухудшило инвестиционный климат; 5) как следствие предыдущего — значительный спад производства; 6) над реальным сектором экономики стал преобладать финансовый и т. д. Этот список можно долго продолжать[2].

Все же необходимо отметить, что после назначения Е. М. Примакова главой правительства осенью 1998 года начался довольно заметный экономический рост, и его инерция ощущается до сих пор. Это яркий пример позитивной роли личности в экономическом развитии. Преобразования 1990-х — это детище *перестройки* второй половины 1980-х, основной экономической причиной которой были перманентный дефицит потребительских товаров и отставание советской экономики в производительности труда и научно-технической области. Только продажа нефти на мировых рынках помогала экономике хоть как-то функционировать. В этих условиях был взят курс на «ускорение», предполагающий переход промышленных предприятий на хозяйственный расчет.

Непоследовательность мер привела к обострению кризиса во всех сферах жизни. На фоне перестройки появилась программа «Интенсификация-90», которая была разработана в 1984 году и рассчитана до 1990 года; она рассматривалась как качественно новый шаг в развитии индустриального производства на базе его автоматизации, внедрения гибких автоматизированных систем и вычислительной техники. Главный девиз программы: «Весь рост объемов производства — за счет технического прогресса, максимальной загрузки оборудования и экономии ресурсов». Однако такие «совершенствования» не привели к заметным результатам. Дело было, в частности, в том, что реальный хозрасчет на предприятиях так и не прижился, поскольку бюрократическая система препятствовала этому через «стопроцентный госзаказ» и другие уловки.

Причины провала перестройки не были проанализированы, и в итоге родилась концепция «нереформируемости» административно-командной системы, которая, казалось бы, подтвердилась в 1990-е годы. Современная же российская экономика лишь условно может считаться рыночной. Об этом, в частности, свидетельствует структура российского ВВП, в котором больше половины обеспечивают государственные и смешанные корпорации с контрольным пакетом акций в собственности государства — ОАО «РЖД» (стопроцентный пакет), ПАО «Газпром», ПАО «Роснефть», ПАО «Сбербанк» и др.

Современная российская экономика характеризуется большим разнообразием форм собственности и управления с преобладанием административно-командных методов: 1) административно-командная модель; 2) рыночная, основанная на механизме саморегулирования; 3) олигархическая (управляемая ограниченной группой лиц); 4) корпоративная (с преобладанием государственных корпораций); 5) монетарная (преобладают финансовые институты); 6) сырьевая (преобладает продукция с низкой добавленной стоимостью); 7) аграрно-индустриальная; 8) транзитивная; 9) мобилизационная; 10) инфляционная; 11) наукоемкая (с максимальной добавленной стоимостью); 12) креативная, предполагающая высокий интеллектуальный уровень персонала; 13) инновационная; 14) цифровая (без изменений экономической сущности); 15) «умная» экономика — smart economic; 16) информационная; 17) зеленая — безотходные технологии, рециклинг; 18) противозатратная; 19) рациональная; 20) оптимальная (по Парето — взаимовыгодная для всех субъектов).

Необходимо заметить, что указанный перечень нередко носит лишь технический характер и отражает субъективные представления авторов, зачастую не затрагивая сущности экономики как науки — теоретической и прикладной. К настоящему времени экономика России по некоторым признакам является рыночной, но она включает элементы типов с преобладанием административно-командной системы. Мощная сырьевая составляющая, как и военно-промышленный комплекс, есть продолжение административно-командной экономики. Сырьевая модель, обусловленная обилием полезных ископаемых — от нефти и газа до цветных и редких металлов — обеспечивает экономике России большой *запас прочности*. В этом смысле современная российская экономика является смешанной, или *гибридной*. Такая экономика, как и большинство гибридов, характеризуется высокой устойчивостью, поэтому в таком виде может существовать очень долго. В то же время прямая зависимость курса рубля от мировых цен на нефть порождает определенную нестабильность. Для того чтобы возобладали положительные тенденции, необходима высокая квалификация специалистов и менеджеров, поэтому первейшей задачей является резкое *повышение качества подготовки экономистов*.

Современные вузы недостаточно сотрудничают с предприятиями — потенциальными работодателями, а это все больше увеличивает разрыв между наукой, образованием и производством. Отсюда — необходимость усиления взаимодействия вузов с предприятиями. В свою очередь, это требует повышения квалификации профессорско-преподавательского состава во взаимодействии с работодателями, желательно с отрывом от учебного процесса, что даст возмож-

[1] Подробнее см.: *Лапинскас А. А.* Главное — эффективная модель // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания. М. : Финансовый ун-т при Правительстве РФ, 2015. С. 328–332.

[2] Подробнее см.: *Хайкин М. М., Лапинскас А. А.* Марксистская политическая экономия и проблемы развития современной экономической теории // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 23–27.

ность «подпитки» научного творчества конкретными знаниями; таким образом создается научное поле и для обучающихся. Вуз, еще по замыслу М. Ломоносова, — это прежде всего научное учреждение, научный центр; такой статус позволяет преподавателю быть носителем новых знаний, а не просто интерпретатором учебников. Но вуз также и педагогический центр; педагогика — это не только трансформация знаний, но и искусство, даже творчество. Преподаватель должен быть также и воспитателем (Учителем с большой буквы!), а для этого у него должно быть время на саморазвитие — повышение не только специального образовательного, но и общего культурного уровня.

Основным препятствием на пути достижения указанных выше параметров является излишняя и все усиливающаяся бюрократизация деятельности вузов, которая заглушает процесс как научного, так и педагогического творчества. Там, где есть творчество, не может быть излишнего формализма. Развитию творческих процессов в вузах также изрядно мешает чрезмерная аудиторная и учебно-методическая нагрузка профессоров и преподавателей.

В целом можно сделать вывод, что социально-экономические проблемы прошлого и настоящего не являются фатальными. В качестве примера можно привести Китай, в котором административно-командная тоталитарная система существовала около двух тысячелетий — намного дольше, чем в России. Тем не менее в 1980–1990-е годы там были проведены эффективные реформы, благодаря которым сегодня китайская экономика по объему ВВП вышла на второе место в мире, там очень быстро развиваются наука и высшее образование. Обидно, что реформы в КНР по формам и методам проведения, а также по результатам очень похожи на реформы в России (СССР) в период нэпа, при том что наши горе-реформаторы 1990-х не смогли воспользоваться положительным опытом отечественной экономической истории[1].

Таким образом, в России имеется достаточный ресурсный потенциал (в том числе кадровый), позволяющий добиться успехов в экономическом развитии. Важнейшим залогом реализации указанных возможностей является укрепление, расширение и в качественном, и в количественном аспекте системы образования, что будет способствовать росту российской интеллигенции — среды, в которой только и формируются исторические личности, способные положительно повлиять на судьбу России.

И. Г. Хангельдиева[2]

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Образование — лекарство от «болезни перемен».
Э. Тоффлер

Технологии делают жизнь проще.
С. Джобс

Человечество вступило в эпоху тотального господства цифровых технологий, получивших беспрецедентно быстрое и всеобщее распространение. Все сферы человеческой жизнедеятельности ощутили на себе их влияние. Нельзя сказать, что эта ситуация стала абсолютно неожиданной, но ее последствия имеют чрезвычайное значение. Российское научно-педагогическое сообщество обеспокоено проблемами образования, осмыслением его стратегических целей и поиском адекватных инструментов их достижения.

Сегодня можно констатировать, что теоретические предпосылки тенденций, которые ныне очевидны, прогнозировались рядом исследователей в 1960–1970-е годы. Основные вызовы образованию были обусловлены укоренением постиндустриализма во второй половине XX века. Некоторые западные исследователи (Э. Тоффлер, Д. Белл и др.) к 1970-м годам выдвинули ряд гипотез относительно будущего вектора социального развития. Известно, что Д. Белл в книге «Грядущее постиндустриальное общество»[3] выделил постиндустриальную эпоху как особый период развития цивилизации. В силу общественных потребностей ведущую роль в постиндустриальном обществе приобретают наука, информация, знание и, следовательно, образование. Статус образования в период постиндустриализма значительно повысился в силу объективных

[1] *Лапинскас А. А.* Реформы в России и Китае: сопоставления и размышления // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 1998. Вып. 1 (№ 5). С. 52–59.

[2] Профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, учебников и учебных пособий, в т. ч.: «Арт 2В & В2 Арт, или О том, что такое арт-рынок и как он работает» (в соавт.), «Управление культурой и современными коммуникациями: предпринимательство в культуре» (в соавт.), «Бренд 2В. Бренд 2С» (в соавт.), «Культура и рынок: современные тенденции» (в соавт.), «Прикладная культурология: калейдоскоп идей» (в соавт.), «Креативные технологии в образовании», «Теория культуры» и «Теория искусства» (в соавт.) и др.; статей: «Образование: основные вызовы современности», «От синестезии к современным формам художественного синтеза», «Предпринимательство в культуре: российская версия», «Международное партнерство в исполнительских искусствах», «Аренда и лизинг в сфере культуры и искусства», «Бренд вуза как качественный маркер и стратегический нематериальный ресурс», «Креативные технологии в образовании: генезис и современное состояние» и др. Член редколлегий журналов «Медиамузыка», «Ученый совет», «Наследие веков». Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

[3] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М. : Academia, 2004.

причин[1]. В 1980-х годах концепция постиндустриального общества дополнилась теорией «информационного общества» Е. Масуда, Дж. Нейсбита и др. К концу прошлого столетия информационное общество стало особой формой актуализации постиндустриализма.

Еще одной знаковой работой, связанной с осмыслением развития эпохи постиндустриализма, является книга Э. Тоффлера «Футурошок»[2], в которой был дан прогноз перемен в обществе последней трети XX века. Главными изменениями автор считал *конец постоянства, эскалацию ускорения, конфликт между скоростью протекания биологических, психических и социальных процессов.*

Известно, что на период развития постиндустриального общества пришлось два кардинальных научно-технических преобразования: информационная и цифровая революции. Именно в это время совершается превращение науки в непосредственную производительную силу, на чем настаивал К. Маркс задолго до появления постиндустриального общества и о чем свидетельствует современное развитие уникальных информационных и цифровых технологий. Новый тип общества, в котором информация стала системообразующим элементом, потребовал высокого профессионализма в образовательной среде. В ВВП развитых стран произошел беспрецедентный рост доли услуг, особенно интеллектуальных, и их персонификация. Динамика технологических и социальных процессов существенно возросла, особенно это коснулось информационных наук, технологий и миграционных процессов. Влияние новых технологий привело к непредсказуемости рынка труда и широкой информатизации повседневной жизни (компьютеры, мобильная связь, Интернет, социальные медиа, дополненная реальность, искусственный интеллект и т. д.). Этот процесс нарастает и имеет устойчивую тенденцию к ускорению.

Закономерно возникает вопрос, возможно ли в условиях современного бытия опережающее образование, не просто отвечающее на актуальные запросы общества, но работающее «на вырост». Без решения данного вопроса невозможно представить себе будущее человечества. Концепция опережающего отражения была разработана нашим соотечественником академиком П. К. Анохиным[3]. Смысл концепции — адекватное прогнозирование будущего в зависимости от влияния внешней среды.

В настоящее время больше говорят о невозможности долгосрочных прогнозов, так как общество оказалось в плену социальной и технологической турбулентности, нестабильности, неопределенности и непредсказуемости. На эти факторы часто ссылаются с начала 2000-х годов. Но если к этому вопросу подойти более внимательно, то необходимо вспомнить фигуру еще одного нашего соотечественника — И. Пригожина, который стал известен в связи с работой «Философия нестабильности»[4]. В контексте данной темы она весьма важна, так как рассматривает феномен нестабильности не только с негативной стороны, но и с позиции потенциальных изменений к лучшему. Поэтому проблемы социальной турбулентности, непредсказуемости и неопределенности, обострившиеся в начале нового тысячелетия, при всей их сложности не являются путем заведомо в никуда. Именно в данном контексте концепция опережающего образования может стать очень полезной.

Однако необходимо осознавать последствия глобальной нестабильности, о которых достаточно подробно высказываются исследователи этих феноменов. Американский экономист и философ Н. Талеб утверждает, что мы живем во времена «черных лебедей», другими словами — под знаком непредсказуемости[5]. Ситуация непостоянства, о которой писал Тоффлер, значительно усугубилась. «Черных лебедей» стало значительно больше, чем во времена написания «Футурошока». Появление «черного лебедя» невозможно просчитать, он всегда появляется внезапно и символизирует нелинейность развития тех или иных процессов.

Ситуация неопределенности и непредсказуемости — это данность, которую необходимо принять и, самое главное, понять. Н. Талеб считает, что традиционное образование «уничтожает наш мир», потому что отвечает запросам прошлого линейного развития. Концепция нелинейного опережающего образования в данном случае может оказаться весьма кстати. Для дальнейшего развития образовательной сферы необходимо осмысление стратегических целей с учетом того нового, что происходит в современной реальности, включая особенности человеческого капитала, который может быть сформирован прежде всего из представителей поколений миллениалов и центениалов.

Один из современных гуру в сфере управления — профессор Школы менеджмента Калифорнийского университета И. Азидес — не устает повторять, что в современном мире цели и, соответственно, стратегии меняются в ускоренном темпе. Он отмечает, что «наши бабушки и дедушки принимали стратегические решения, возможно, однажды в жизни, а родители такие решения принимали каждые 15 лет, мы принимаем стратегические решения раз в 7–10 лет, а наши дети будут принимать такие решения каждый год»[6]. Он справедливо считает, что подобные изменения — стресс для любого человека. В силу обстоятельств человек постоянно должен уметь ставить новые стратегические цели, что, безусловно, влечет за собой различные изменения, в том числе в мировоззрении.

При невероятно динамичном развитии информационно-коммуникационных и цифровых технологий

[1] Книга о постиндустриальном обществе Д. Белла была высоко оценена не только современниками, но и представителями последующих поколений. М. Кастальс как исследователь уже информационно-сетевого общества писал о ней: «Это одна из самых плодовитых работ за последние 50 лет… и за следующие 50 лет» (см.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / науч. ред. О. И. Шкаратан. М. : ГУ — ВШЭ, 2000).

[2] *Тоффлер Э.* Футурошок : пер. с англ. СПб. : Лань, 1997.

[3] *Анохин П. К.* Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. 1962. № 6. С. 97–109.

[4] *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

[5] *Талеб Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М. : Азбука-Аттикус, 2016.

[6] *Адизес И.* Лучшее. Пища для размышлений. Об изменениях и лидерстве, о менеджменте и о том, что важно в жизни. М. : Эксмо, 2017.

и, соответственно, быстром переоснащении производства сфера образования должна поставлять на рынок труда человеческий капитал, способный моментально адаптироваться к меняющимся условиям. По сути, человечество в основной своей массе настроено традиционно и консервативно, это происходит по ряду причин, и одной из них является стремление к устойчивости. Однако специалисты по стратегиям считают, что целеполагания меняются в современных условиях чрезвычайно быстро.

Переход к дигитальной эпохе произошел, как утверждают теоретики и практики, в момент возникновения феномена Big Data. Технологии призваны преобразовывать мир, но их природа нейтральна. Степень и качество влияния технологий на цивилизацию зависят от целеполагания и заложенных в них смыслов.

Современный мир закономерно формирует новые потребности, и одним из важнейших социальных институтов при этом остается образование — институт универсальный и в антропном плане вечный. Типы и формы образования динамичны, они эволюционируют в зависимости от потребностей, возникающих в обществе в определенных исторических обстоятельствах. Однако в любом случае проблемы образования — это во многом проблемы мировоззрения, ценностей, информации, ее получения, усвоения, хранения и трансляции... В условиях цифровых технологий жизнь радикально изменилась, что повлияло на мировоззрение, систему ценностей, структуру социальных потребностей. Дж. Ма — известный китайский миллиардер (кстати, бывший учитель) в одном из многочисленных интервью утверждает вечную истину: «*Помните, всего лишь изменяя свое сознание, мы вместе изменяем мир!*»[1] Сегодня на социальную арену вышли поколения, которые родились и выросли уже в условиях информационно-коммуникационных и цифровых преобразований. Эти поколения принято называть поколениями *Y* и *Z*, или миллениалы и центениалы. Социологи, анализируя их основные предпочтения и характеристики, отмечают, что они значительно отличаются от своих предшественников.

Сбербанк России провел масштабное исследование поколения центениалов и опубликовал его результаты[2]. Люди поколения *Z* живут в двух системах бытия — реальной и виртуальной; иногда во второй проводят больше времени, чем в первой. Все формы коммуникаций осуществляют через Интернет, социальные сети, онлайн-цифровые платформы. До 90 % детей имеют мобильный телефон и другие электронные гаджеты. Они рано взрослеют, и некоторые из них успешно вступают на тропу бизнеса, будучи еще школьниками (доказательством может служить форум «Шаг в будущее», который прошел в Москве весной 2018 г.).

Известно, что объективно современное образование поставлено в довольно сложное положение. Кардинально изменившаяся реальность требует адекватной реакции. Эта адекватность *многовекторная*. В сфере образования существует разрыв по нескольким направлениям. Один из наиболее сложных — разрыв между запросами современного образования и формальными регламентациями, исходящими от бюрократических институтов, что сильно сковывает творческий и научно-экспериментальный потенциал сферы образования. Кроме этого, существует и поколенческий разрыв между школьниками, студентами и частью преподавателей. Содержательно этот разрыв может носить ментальный, мировоззренческий и технологический характер, но последний особенно явный. Наряду с указанными особенностями, бесспорно, остается вопрос, связанный с определением контента современного образовательного процесса, его приоритетами, которые во многом определяются запросами общества, в частности рынка труда. Но здесь возникает проблема, так как рынок труда практически не поддается прогнозу. Уже сегодня по ряду причин нельзя точно определить востребованность конкретных специалистов и их количество. Еще один немаловажный вопрос — форма обучения. Какими методами развивать в современных школьниках и студентах мотивированную потребность в получении и постоянном обновлении знаний, навыков, умений? Для современного образования характерно *укоренение в сознании преадаптивного мировоззрения, которое способствует резистентности к различным формам социальной турбулентности, нацеливает человека на динамичную смену профессиональных стратегий, перманентное обучение и переобучение на основе научно-технологических достижений, повышает его востребованность на рынке труда в XXI веке.*

[1] Как школьный учитель стал миллиардером. 30 цитат Джека Ма. URL: http//https://econet.ru/articles/168789-30-tsitat-dzheka-ma/ (дата обращения: 21.03.2018).

[2] 30 фактов о современной молодежи. URL: http//https://adindex.ru/files2/news/2017_03/158487_youth_presentation.pdf (дата обращения: 21.03.2018).

Е. Г. Хольнова[1]

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Мировая экономика в настоящее время переживает глубокий системный кризис, вызванный серьезными трансформациями и новыми вызовами. Современный этап процесса глобализации входит в свою самую неустойчивую фазу, что проявляется в возрастающем количестве факторов неопределенности и их влиянии на мировой экономический уклад. Как отмечают крупнейшие российские экономисты, такие как С. Ю. Глазьев, Ал. А. Громыко, А. Д. Некипелов, в ближайшем будущем мировая экономика достаточно серьезно трансформируется. Основные изменения будут связаны с ослаблением влияния американской экономики на мирохозяйственный уклад; формированием его нового ядра, в который будут вовлечены, помимо КНР, Индия, Индонезия, Южная Корея, Вьетнам, Африка, Египет и некоторые государства Латинской Америки; усилением влияния в первую очередь политических факторов на развитие как национальных экономик, так и мировой экономики в целом[2].

Данную гипотезу подтверждает динамика темпов роста ВВП в этих странах за последние десять лет. Средний ежегодный темп роста ВВП в пока еще лидирующей экономике США колеблется около 3 %, в ведущих странах Евросоюза (Германия, Франция) — около 1 %, в Великобритании — около 1,5 %, в Японии — не более 1 %, в то время как в выходящих на новый экономический уровень странах — Китае, Вьетнаме, Индии — рост ВВП в этот же период составлял около 6,5–6,7 % в год, в Индонезии и Египте — 5,2 %, в Южной Корее — 3,2 %[3].

Современный этап глобализации экономики проявляется в том, что ведущая роль той или иной страны переходит от сферы реальной экономики в сферу финансовых отношений, обеспечивающих развитие мирохозяйственных связей. В последние годы в мире произошли события, повлиявшие на все экономики — череда мировых финансовых кризисов, ослабление юаня и резкие колебания на фондовых биржах Шанхая и Шэньчженя, завершение «сырьевого суперцикла», новая промышленная (технологическая) революция и др. Это усилило нестабильность мировой финансовой системы, для которой характерны: значительное превышение финансовых активов банков, не связанных с движением реальных товаров и услуг, над объемом ВВП; рост влияния политических амбиций лидеров ведущих стран на мировые финансовые потоки; продолжающиеся противоречия в деятельности финансовых институтов на макро- и микроуровне. Мировой банковской системе по-прежнему присущи цикличность развития, «финансовые пузыри», высокий уровень рисков и неэффективное управление ими, невозможность идентификации кризисных процессов и несвоевременное их предупреждение.

Сформировалось общее понимание, что следующий глобальный экономический кризис возникнет в финансовом секторе, а именно в его инвестиционном сегменте, который перенасыщен необеспеченными деривативами. Именно поэтому кризис быстро распространится через банковские системы и будет иметь более серьезные последствия, чем кризис, вызванный промышленным спадом или колебанием сырьевых цен. Высокая вероятность такого прогноза требует пристального внимания центральных банков и правительств стран к устойчивости коммерческих банков и их способности противостоять вызовам времени.

Российская экономика, как и ее банковская система, за последние пять лет прошла достаточно сложный период развития и до сих пор, по мнению многих известных экономистов и политиков, не смогла адаптироваться к изменившимся макро- и микроэкономическим условиям, связанным с финансовыми санкциями США, резкими колебаниями стоимости нефти на мировых рынках, сложностями импортозамещения и т. д.

В настоящее время ведутся дискуссии о необходимости трансформации российской экономики, поскольку даже выход из рецессии, начавшейся после введения финансовых санкций, не привел к ее ощутимому росту (за последние два года около 1,5 %). Также неутешителен прогноз Министерства экономического развития РФ на ближайшие 20 лет: ожидается, что они пройдут в режиме стагнации социально-экономического развития. Поэтому актуальной задачей, стоящей перед национальной экономикой и ее банковским сектором, является их трансформация путем перехода на новый уровень развития на основе концепции инновационной модели развития человеческого капитала[4]. В противном случае Россия откатится к уровню отстающих стран и потеряет свое место в числе лидирующих стран на мировой экономической арене.

Российская банковская система как «кровеносная система» экономики сталкивается со всеми вышеперечисленными проблемами, но у нее есть и собственные, снижающие финансовую устойчивость банков:

---

[1] Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция финансовой устойчивости коммерческого банка как методологическая основа эффективного функционирования банковского финансового менеджмента», «Роль банковского менеджмента в современных условиях развития экономики России», «Стратегический и финансовый менеджмент системы оказания образовательных услуг в высокотехнологичных корпорациях», «Необходимость использования новых моделей бизнеса в практике российских коммерческих организаций», «Пути развития национальной экономики в условиях глобализации», «Системные банковские кризисы как неизбежное следствие кризиса глобализации экономики», «Социально-культурная сфера в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ за многолетний и плодотворный труд, Почетной грамотой ФНПР за многолетний добросовестный труд, активную работу по обучению профсоюзных кадров актива.

[2] https://www.lihachev.ru/chten/2018/plen (дата обращения: 15.03.2019).

[3] https://ru.tradingeconomics.com/country-list/gdp-annual-growth-rate (дата обращения: 15.03.2019).

[4] https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2018/dokladi/HolnovaEG_sec4_rus_izd.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

— неэффективная денежно-кредитная и монетарная политика ЦБ РФ;

— централизация и огосударствление банковского сектора;

— снижение качества активов и высокая степень убыточности коммерческих банков (на 1 января 2019 г. более 20,7 % от всех действующих кредитных организаций)[1];

— снижение финансовой устойчивости банков (стресс-тестирование банков ЦБ РФ по итогам 2018 г. показало, что при резком падении рубля и цен на нефть 117 банков, на которые приходится более 30 % активов всей банковской системы, будут неустойчивы, а это почти 23 % всех функционирующих банков)[2];

— ухудшение экономической конъюнктуры привело к росту просроченной задолженности населения и предприятий (на начало 2019 г. она составила в среднем около 12 % от объема кредитного портфеля банков);

— рост недружественных поглощений и банкротств в банковском секторе (за последние пять лет количество банков сократилось с 923 до 561, то есть на 39,2 %), что, несомненно, повлияло на рост монополизации и снижение конкуренции в банковском секторе[3];

— высокий уровень коррупции (Россия занимает 136-е место из 174).

Одной из основных особенностей российской банковской системы является то, что наши банки продолжают работать в условиях, когда старые проблемы еще не решены, а новые уже появились (негативные демографические тенденции; замедление экономического развития страны; серьезное снижение инвестиций — как внутренних, так и внешних; переход к цифровой экономике и т. д.). Таким образом, в российской банковской системе назрела необходимость в трансформации, и это понимают Центральный банк и правительство России.

В сентябре 2015 года Аналитическим центром при Правительстве РФ была предложена «Стратегия трансформации банковского сектора экономики», целью которой было восстановление его финансовой устойчивости, что станет основополагающим фактором обеспечения экономической безопасности и устойчивости всей национальной экономики[4]. Стратегия определяет 10 возможных направлений трансформации, включающих 3 основных компонента:

— *макропруденциальная политика*, направленная на раннее выявление системных рисков в банковском секторе (систематическая оценка качества активов и стресс-тестирование капитала и ликвидности банков, определение взносов в систему страхования вкладов в соответствии с уровнем риска банков-участников и т. д.);

— *микропруденциальный надзор*, обеспечивающий функционирование банков в соответствии с целями финансовой стабильности и предотвращающий их банкротство (разработка планов финансового оздоровления системно значимых банков и поддержки поглощения ослабленных банков);

— *управление кризисными ситуациями*, позволяющее повысить его эффективность как в целом на финансовом рынке, так и на уровне конкретных банков (разработка новых финансовых инструментов, конвертируемых в банковский капитал, создание рыночной площадки «биржи проблемных и залоговых активов», создание фонда «плохих активов» с целью их выкупа у банков и Агентства по страхованию вкладов и т. д.)[5].

В Стратегии также отмечается, что банки должны активно участвовать в поддержании своей финансовой стабильности путем повышения эффективности своего риск-менеджмента, и подробно рассматриваются все эти направления трансформации банковского сектора на ближайшие 5 лет. Большая часть срока, указанного в данной Стратегии, уже прошла, но, к сожалению, серьезных сдвигов в ее реализации мы пока не видим. Российская банковская система остается финансово нестабильной и подверженной любым внешним и внутренним колебаниям экономической конъюнктуры.

В феврале 2017 года председатель совета директоров Банка России Э. Набиуллина заявила о начале институциональной трансформации банковского сектора. ЦБ РФ планировал к началу 2019 года реализовать «концепцию пропорционального регулирования» и сформировать трехуровневую банковскую систему, которая, по словам Э. Набиуллиной, «…сможет максимально полно удовлетворить запросы потребителей»[6]. Предполагалось, что на первом уровне будут системно значимые банки (в настоящее время их официально десять), которые благодаря своему капиталу и ведущей роли должны быть суперустойчивы; на втором уровне — банки, имеющие универсальную лицензию и выполняющие все банковские операции, включая международные, в соответствии с базельскими стандартами, на третьем — банки с базовой лицензией, которые будут специализироваться на обслуживании населения, малого и среднего бизнеса. Но в таком случае мы будем иметь в России уже не трехуровневую банковскую систему, а четырехуровневую, так как на первом уровне всегда предполагается центральный банк, в нашем случае Банк России. Фактически в России четырехуровневая банковская система давно сформировалась — после того как ЦБ РФ стал выделять в банковской системе системно значимые банки в отсутствие соответствующей нормативно-правовой базы, кстати, ее до сих пор так и нет, хотя 2019 год уже наступил.

Несмотря на все меры ЦБ РФ по реализации основных направлений «Стратегии трансформации банковского сектора экономики», эксперты Группы Всемирного банка в своем традиционном ежегодном докладе «Об экономике России» (декабрь 2018 г.) отмечают, что российская банковская система по-прежнему

[1] https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/15751/Bbs1902r.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

[2] https://www.rbc.ru/finances/06/06/2018/5b17b7a19a7947e5738845e9 (дата обращения: 16.03.2019).

[3] https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/15751/Bbs1902r.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

[4] http://ac.gov.ru/files/publication/a/6540.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

[5] http://ac.gov.ru/files/publication/a/6540.pdf (дата обращения: 17.03.2019).

[6] https://www.banki.ru/news/lenta/?id=9534455 (дата обращения: 17.03.2019).

относительно слаба и уязвима и в ближайшее десятилетие вряд ли сможет составить существенную конкуренцию на мировой банковской арене[1]. Этот вывод пытается опровергнуть крупнейший российский банк ПАО «Сбербанк России», который в своем финансовом аналитическом отчете выделил Топ-10 позитивных трендов в банковской сфере к 2019 году: рекордный прирост кредитования населения, малого и среднего бизнеса; сокращение средств в иностранной валюте и рост в рублях на счетах в банке; увеличение доли дистанционного проведения платежей клиентов до более 50 %; девалютизация балансов банков; развитие инвестиционных продуктов и рынка банковских карт[2]. Но даже такой радостный настрой одного из суперустойчивых банков не позволяет говорить о суперустойчивости всего банковского сектора российской экономики, требующего серьезной и немедленной трансформации, которая позволит вывести национальную экономику на достойный для России уровень в мире. В качестве рекомендации Банку России следует включить в свою «Стратегию трансформации банковского сектора экономики» меры, направленные на развитие человеческого потенциала банковского сектора, который, как показывает исторический опыт, генерирует инновации и является главным драйвером развития, создания высоких технологий, непрерывной модернизации экономики, роста и развития индустрии знаний.

Е. Ф. Чеберко[3]

ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МОТИВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАПИТАЛИЗМА

Современный этап развития человеческого общества можно назвать периодом бесконечных непрекращающихся дискуссий по поводу всех без исключения направлений трансформации социальной действительности. Общим местом для всех выступлений является острая критика сложившейся в мире негативной ситуации во всей системе общественных отношений, но ви́дение путей выхода из системного кризиса отличается чрезвычайным многообразием.

Угадать, а лучше сказать — предвидеть, основные направления общественного развития и на основе этого предвидения построить адекватную экономическую политику — значит заведомо получить преимущество по отношению к странам, которые этого не сделают. Причем оптимальным вариантом является максимальная приближенность прагматических и идеологических установок исследователей, занимающихся прогнозированием.

В противном случае мы получим результаты, похожие на итоги холодной войны, когда капитализм в момент своей победы сам оказался в глубоком системном кризисе, который поставил вопрос о невозможности дальнейшего развития общества в капиталистической форме отношений.

Тем не менее многие специалисты считают, что возникновение кризисов связано не с природой существующего общественного устройства, а с нарушением присущих ему от природы положительных характеристик.

Сторонники концепции разрешения современных общественных противоречий путем модернизации капиталистических экономических отношений ссылаются на опыт исторического развития человечества в течение последних двухсот лет. В рамках капитализма были успешно реализованы пять технологических укладов (ТУ), каждый из которых был связан с резким ускорением развития производительных сил общества, развитием его социальных основ, но при этом сохранял неизменными базисные отношения капиталистического товарного производства.

До пятого ТУ внедрение каждого уклада приводило к радикальному снижению себестоимости производимого мирового продукта. Сложнее определить реальный эффект пятого уклада. Не случайно возник парадокс Р. Солоу, который, по его мнению, состоит в следующем: «Мы видим компьютеры повсюду, но только не в официальных цифрах роста производительности».

Никто с полной уверенностью не может утверждать, но большинство специалистов считают, что современный общественный глобальный кризис может быть преодолен только путем революционных изменений как в производительных силах, так и в общественных отношениях. Судя по всему, возможности нового технологического уклада не могут быть реализованы в рамках капиталистической организации производства.

В соответствии с существующим в экономической теории законом при альтернативных возможностях развития следует выбирать вариант, который дает наи-

[1] http://pubdocs.worldbank.org/en/970371543924414355/RER-40-Russian.pdf (дата обращения: 17.03.2019).

[2] https://buhguru.com/spravka-info/trendy-v-bankovskoj-sfere-k-2019-godu-top-10.html (дата обращения: 17.03.2019).

[3] Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Российская экономика между прошлым и будущим» (в соавт.), «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макроэкономический аспект)», «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.), «Основы предпринимательской деятельности. История предпринимательства: учебник и практикум для академического бакалавриата»; статей «Трансформация экономических отношений в условиях современного цивилизационного кризиса» (в соавт.), «Социокультурные факторы инновационного развития» (в соавт.), «Взаимосвязь традиционных и новых институтов в процессе модернизации российской экономики» (в соавт.), «Мотивационный потенциал модернизации» (в соавт.) и др.

больший общественный эффект и обеспечивает максимальную мотивацию непосредственного производителя. Причем система мотивации должна оптимально сочетать интересы общества и личности.

Капитализм, успешно справлявшийся с социальной адаптацией производительных сил в течение двух столетий, не выдержал, по утверждению Пола Мейсона, автора книги «Посткапитализм», трех ударов, нанесенных в течение последних 25 лет информационными технологиями по его базисному отношению — капиталистическому товарному производству, а точнее по его мотивационному механизму.

Если вспомнить, что любая экономическая система эффективна до тех пор, пока непосредственный производитель заинтересован в результатах своего труда, то наблюдения Мейсона — просто приговор капитализму как жизнеспособной экономической системе. Во-первых, ослабла, а в некоторых регионах мира исчезла необходимость в работе как обязательном условии существования человека. Во-вторых, информация «разъедает» способность рынка корректно формировать цены, потому что рынки основаны на дефиците, в то время как информация — это изобилие. В-третьих, мы наблюдаем спонтанный рост совместного производства: товары, услуги и компании появляются, невзирая на диктат рынка или управленческие решения[1].

В развитых странах при существующей системе социальной защиты удовлетворение физиологических потребностей как минимум на уровне, достойном человека, перестает быть функцией обязательного участия в производственном процессе. Стоимость товаров народного потребления быстро снижается и приводит к тому, что человек не стремится обеспечить эквивалентность в обмене. Человек перестает быть экономическим в том понимании, которое вложил в этот термин Адам Смит.

Но не это самое страшное нарушение в мотивационной системе капитализма. Мейсон обращает внимание на потерю крупным капиталом мотивации в инновационном развитии. Проблема до недавнего времени в основном рассматривалась применительно к современному российскому капиталу, возникновение которого считают не вполне легитимным. А. С. Ципко одним из первых понял, какой убийственный удар был нанесен именно мотивационной системе нового зарождающегося общества. Он пишет, что так называемые залоговые аукционы — когда государство запросто раздавало в частные руки национальное достояние, огромные куски общественного пирога, когда можно было стать владельцем миллиардного состояния ни за что ни про что, — навсегда, на поколения вперед, убьют трудовую этику и мораль[2].

Инновационную немощность российского капитала объяснили нелегитимностью его происхождения, не усомнившись в его природной полноценности. Как объяснить тогда поведение «безупречного» по происхождению западного капитала, которое вызывает серьезные опасения за последствия отрыва финансового капитала от материального. Об этом как о реальной угрозе экономической системе пишут в последнем прогнозе члены Римского клуба, на аморальность финансового капитализма указывает бывший президент Франции Н. Саркози.

Сегодня в капиталистическом предпринимательстве происходят изменения, которые академик Г. Б. Клейнер назвал процессом декоммерциализации. Суть его идей состоит в следующем. В последние годы в мировой экономике становится все более заметной тенденция расслоения экономического пространства как сферы реализации пересекающихся на разных уровнях процессов производства, распределения, обмена и потребления на две части: на собственно экономику и создание новой стоимости и на бизнес как процесс извлечения прибыли. При этом сфера некоммерческой деятельности завоевывает все большую часть пространства, оттесняя бизнес на периферию «нравственной топологии» общеэкономической сферы. Идет спонтанный процесс декоммерциализации экономики[3].

Здесь следует обратить внимание на то, как меняется роль некоммерческих факторов в принятии стратегических решений, затрагивающих основы общественного устройства. Из факторов второго ряда они превращаются в решающие аргументы при принятии решений. Речь уже идет не столько о добровольном отказе от примата традиционных стоимостных критериев при расчетах эффективности инвестиционных проектов, сколько о вынужденном выборе некоммерческих аргументов в качестве решающего фактора принятия тех или иных решений.

Говоря о декоммерциализации, мы имеем в виду преодоление нравственной ущербности капиталистического товарного производства, доминирующей целью которого становится максимизация прибыли, а не удовлетворение общественных потребностей. Сегодня речь идет не об отказе от предпринимательской деятельности, а об установлении разумного равновесия между конечной и непосредственной целями производителей.

Предполагалось, что усиление общественного характера производства будет сопровождаться возрастанием роли государства, точнее, его функции планомерности. А процесс повышения уровня обобществления производства приведет к уменьшению роли и абсолютному сокращению размеров товарно-денежных отношений (ТДО) за ненадобностью, поскольку вторым обязательным условием появления и существования ТДО является обособление производителей как разных собственников, которое исчезает в рамках непосредственно общественного производства. На самом деле процесс обобществления сегодня сопровождается не усилением централизации в традиционном виде, а, наоборот, уменьшением иерархического планово-принудительного начала. Рыночные механизмы при этом не исчезают, а трансформируются.

[1] *Mason P.* The end of capitalism has begun. URL: http://www.theguardian.com/books/2015/jul/17/postcapitalism-begun-end-of.

[2] *Ципко А. С.* Драма перестройки: кризис национального самосознания // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М. : Ин-т эконом. стратегий, 2008. С. 88.

[3] *Клейнер Г.* Декоммерциализация экономики как культурный проект на пути к созданию культурологической теории экономики // Гуманитарий юга России. 2015. № 2.

Первым условием существования ТДО является возникающая вследствие общественного разделения труда необходимость в обмене между разными производителями результатами производства. При любой трактовке стоимости или ценности именно она лежит в основе эквивалентного обмена. Стоимостная основа обмена в современном обществе начинает размываться. Уже ставится вопрос о том, что при товарном обмене основой должна быть не стоимость средств производства для выпуска продукции, а потребительная стоимость выпускаемой техникой продукции.

Но уже есть форма обмена не стоимостью, а свободным временем, взаимными услугами без требований компенсации. Появляются сетевые структуры организации производства, в которых нет традиционных отношений иерархии. Производители делают это добровольно и так же свободно из них выходят. Эквивалентны ли эти отношения? Да, но не на основе стоимости. На стоимости они строятся, когда речь идет либо об угрозе физическому или социальному существованию одного из субъектов, если он не возместит затраты на произведенные товары или услуги, либо о стремлении к наживе. Участники отношений, выстраиваемых в Сети, получают от сотрудничества ровно столько, сколько хотят, потому что здесь нет принуждения и начальников в традиционном понимании. Если это и не новые по сути ТДО, то по крайней мере на их месте возникают новые непосредственно общественные отношения.

Социализация производства проходит по линии трансформации, декоммерциализации капиталистических товарных отношений. Это станет окончательно ясно, когда в результате развития производительных сил исчезнет необходимость работать исключительно ради удовлетворения насущных потребностей.

И. Л. Честнов[1]

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В МИРЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВЕ

Глобализация — сложный и противоречивый феномен, изменивший все стороны жизни человечества. Именно глобализация обусловливает приход постсовременности, которая представляет собой новую историческую и социокультурную эпоху, отличающуюся новым — постиндустриальным — типом экономики, политики и социальной сферы. Однако наиболее важные изменения, как представляется, произошли (и продолжат происходить) в сфере культуры. Именно культурные трансформации именуются «ситуацией постмодерна» и определяют содержание постсовременной социальности как таковой.

Изменения культуры постсовременности выражаются в новой картине мира и, собственно говоря, в признании новой роли знаково-дискурсивных практик в воспроизводстве социальности. Картина мира эпохи постмодерна строится как конструируемый, интерсубъективный, знаково опосредованный, человекоразмерный, постоянно изменчивый ситуативный образ. Более того, сам мир превращается в картину мира, так как реальным становится и является только то, что воспринимается как реальное. Поэтому господствующие социальные представления не просто образуют содержание постсовременной картины мира, но формируют саму социальность.

Имманентность риска связана с онтологической стохастичностью, неустойчивостью, контингентностью мира, а также с ограниченностью наших знаний о нем, а потому — с принципиальной непредсказуемостью социальной эволюции. Так как наша жизнь в значительной ее части протекает в юридической форме (трудно назвать какую-либо сферу общества или жизнедеятельности, которая не была бы урегулирована правом), риск имманентен правовой реальности. Одним из проявлений риска как онтологического и гносеологического измерения правовой реальности является *неопределенность права*, имеющая несколько сторон.

Первым аспектом неопределенности права является онтологическая многогранность, стохастичность и гносеологическая контингентность правовой реальности. Право, как и любое социальное явление, не дано нам как некая вещь или стабильный процесс, как некая объективно существующая данность. Бытие права интерсубъективно, оно конструируется социальными представлениями. Отсюда следует отсутствие одной единственно верной точки зрения на право. Неизбежная множественность социальных представлений о праве порождает исторический и социокультурный контекстуализм и релятивизм, тем самым постулируя неопределенность права (конечно, не абсолютную, но относительную). Одновременно онтологическая неопределенность права связана с противоречием между перманентной изменчивостью социальной жизни и стремлением к ее формализации. Законодательное закрепление общественных отношений предполагает их хотя бы относительную устойчивость, а как следствие — стабильность нормативного материала (что и выражает значение слова «определенность»). Однако современный мир неустойчив. Более того, социальные изменения в современном информационном глобализирующемся мире протекают с гораздо большей быстротой, чем в недавнем прошлом.

Второй аспект неопределенности права состоит в ограниченности возможностей его формализации. Такая ограниченность следует из принципа невозможности полной формализации любой аксиоматической

[1] Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 400 публикаций, в т. ч.: «Постклассическая теория права», «Теория государства и права», «История и методология юридической науки», «Постклассическая онтология права», «Социокультурная антропология права» и др.

системы (множества) или из ограничительных теорем К. Геделя. Стремление формализовать право витало в умах просветителей в «золотой век» кодификации законодательства. Одним из мифов современного юридического мышления («мифом позитивного права», по терминологии Н. Рулана) является вера в полноту и непротиворечивость законодательства (форм нормативности права).

Невозможность полной и непротиворечивой кодификации законодательства связана с тем, что не существует формальных систем, которые были бы одновременно полными (завершенными) и непротиворечивыми. Этот постулат первой ограничительной теоремы К. Геделя нельзя не принимать во внимание при анализе возможностей конструирования законодательства[1].

Проблема формализации законодательства состоит также в том, что любое определение (а нормативный материал не может обходиться без дефиниции) не может быть полным и исчерпывающим: оно неизбежно приводит либо к регрессии в бесконечность, либо к тавтологии. Уже И. Бентам признал, что общий (классический) метод определения юридических терминов несостоятелен. «Среди подобных абстрактных терминов мы вскоре приходим к таким, для которых отсутствует более общая родовая категория. Определение *per genus et diffementiam* в случае его применения к указанным терминам не может обеспечить никакого продвижения вперед… Его также недостаточно для того, чтобы определить предлог или союз… „через“ — это… „потому что“ — это… и так далее»[2].

Следующая проблема определенности как формализуемости законодательства связана с тем, что одни его элементы логически не выводятся из других (как дедуктивно, так и индуктивно)[3]. Так, из одного принципа права делаются разные, значительно различающиеся выводы законодательного плана. Например, из принципа разделения властей следуют четыре разные формы правления — организации высших органов государственной власти, основанной на данном принципе (президентская и парламентская республики, смешанная и конституционная монархии). Из принципа независимости суда следует несколько вариантов организации судоустройства. Одновременно невозможно обосновать логическую однозначность связи принципа права с его законодательной конкретизацией и практическим воплощением на уровне правоприменения (реализации права). То же самое касается «сводимости» прав человека к конкретной системе их реализации: право на образование или медицинское обслуживание может быть реализовано в разных вариантах. Более того, между принципами права всегда существует конкуренция, которая не имеет универсальных рациональных оснований разрешения: невозможно разрешить все случаи коллизии права наций на самоопределение и территориальной целостности государства, права на информацию или свободу передвижения и безопасность и т. д.

Еще одной проблемой неопределенности права, понимаемого как многогранное явление, в обязательном порядке включающее воспроизводимость правил поведения в юридически значимых практиках, является неформализуемость человеческого поведения. Право в действии (реализация права) существует через «прочтение» знака (формы внешнего проявления права) и стимулирует (а через механизм интериоризации — и мотивирует) поведение человека. Другими словами, формальная определенность права существует только вместе с ее интерпретацией людьми и образует текстуальность в постструктуралистском смысле. Одновременно приходится констатировать, что нет исчерпывающе полного механизма реализации норм права в связи с проблемой «следования правилу». Действие права — это всегда практики людей, «нагруженные» мотивацией. А мотивация всегда является принципиально вероятностной и не может быть калькулируема внешним наблюдателем. Право реализуется через толкование, а интерпретация права включает личностное измерение права, которое противится любой формализации.

Изложенное дает основания для заключения, сделанного в свое время Г. Хартом: «Какой бы механизм, прецедент или законодательство ни выбрать для сообщения образцов поведения, они, как бы гладко ни работали среди огромной массы обычных случаев, окажутся в некоторый момент, когда их применение будет под вопросом, неопределенными: они будут обладать тем, что терминологически выражается как *открытая структура*»[4].

Таким образом, в связи со сказанным возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной и правовой реальности. Приходится констатировать, что в ситуации «постмодернити» невозможно дать однозначную оценку, в том числе юридическую, сложного социального явления или процесса. Так, например, действия, направленные на защиту государственного суверенитета другой стороной (с позиции другого «наблюдателя»), могут быть оценены как нарушение права нации на самоопределение,

[1] Первая теорема Геделя о неполноте показала — пишет Я. Хинтикка, — что «любая аксиоматизация элементарной арифметики неполна, так как в ней всегда найдется такое предложение G, что ни его утверждение, ни его отрицание не будут доказуемы в рамках данной системы аксиом» (*Хинтикка Я.* О Геделе. М., 2014. С. 60). То, что «Геделевская теорема о полноте обычной первопорядковой логики не может быть распространена на… более сильные логики», не отменяет общего вывода: «Этот результат вполне заслуженно считается одним из наиболее важных и вызывающих открытий в науке XX века, сравнимых с теорией относительности Эйнштейна и принципом неопределенности Гейзенберга» (там же. С. 67, 11).

[2] *Bentham A.* Fragment on Government. Ch. V. Note 6 (цит. по: *Касаткин С. Н.* Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта : моногр. Самара, 2014. С. 382–383).

[3] Системный подход постулирует зависимость элементов от системы, но отрицает их логическую выводимость: из гештальта невозможно вывести «фактические детали его составных частей. Они не даны без гештальта, но логически не следуют из него. Они должны устанавливаться» (*Агасси Э.* Научная объективность и ее контексты. М., 2017. С. 630).

[4] *Харт Г. Л. А.* Понятие права. СПб., 2007. С. 130. Р. Алекси называет это зоной неопределенности позитивного права: «Таким образом, можно говорить о „зоне неопределенности“ позитивного права, которая в той или иной степени присутствует в каждой правовой системе. Случай юридической практики, попадающий в зону неопределенности позитивного права, можно назвать „сложным случаем или сложным судебным делом“» (*Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., 2011. С. 87).

гуманитарная интервенция при массовом нарушении прав человека другими может быть признана вторжением во внутренние дела государства, то есть попрание государственного суверенитета и т. п. Неустранимость субъективности позиции наблюдателя, вытекающая из принципа дополнительности, не дает возможности описать и объяснить (квалифицировать) такого рода ситуации одним единственно правильным способом.

Изложенное дает основание констатировать, что принцип формальной определенности права в постсовременном глобально нестабильном мире — идеал, который в современных условиях недостижим. Это не означает признания необходимости отказа от этого краеугольного положения. Скорее, все изложенное свидетельствует о необходимости более пристального внимания научного сообщества к данной проблеме.

Т. В. Чубарова[1]

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕГУЛИРУЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА

Поведенческая экономика как вклад в «новую рациональность»

Кризис 2008 года оказал существенное влияние на экономическую науку. Главная проблема состоит в том, что экономика мейнстрима не смогла предсказать его наступление. Одно из объяснений, почему это произошло, связано с тем, что реальность оказалась сложнее, чем ее понимание, основанное на человеке экономическом — рациональном акторе, стремящемся к максимизации своего благосостояния, реализации своекорыстных интересов. Однако такие ученые, как Р. Талер, Д. Канеман, А. Тверски и другие, показали, что человек часто ведет себя вовсе не рационально, а скорее наоборот, его действия плохо укладываются в рамки классической рациональности мейнстрима.

Проблема роли поведения человека в экономике не нова, но формальным признанием ее важности можно считать присуждение американскому исследователю Ричарду Талеру в 2017 году Нобелевской премии за вклад в изучение поведенческой экономики, исследование последствий «ограниченной рациональности, социальных предпочтений и недостатка самоконтроля».

Поведенческая экономика связана со включением психологии в анализ принятия экономических решений, рассмотрением факторов, объясняющих, почему потребитель покупает тот или иной продукт [1]. В отличие от классической экономики, в которой принятие решений полностью основано на рациональной логике, поведенческая экономика допускает иррациональное поведение и пытается понять его причины. Это касается и конкретных ситуаций, связанных с изменениями в поведении индивидуальных потребителей, и более масштабных проблем, охватывающих широкие слои населения и требующих решения на уровне государственной политики.

В настоящее время идет дискуссия о рациональности, которая перестала быть только проблемой методологии экономической науки и перешла в более широкий социально-философский контекст. Вместе с тем различные подходы к пониманию рациональности, предлагаемые разными исследователями, не должны, на наш взгляд, противопоставляться друг другу, что диктует необходимость разработки общего понимания рациональности из ее отдельных частей, взаимодействия между ними, в том числе позиции поведенческой экономики. Речь идет о формировании новой рациональности, соответствующей современным реалиям общества как открытой саморазвивающейся системы, функционирующей в условиях неопределенности и изменений [2].

Поведенческая экономика: от научного эксперимента к практическому патернализму

В основе положений поведенческой экономики лежат наблюдения и эксперименты, которые эмпирически подтверждают, что в ряде случаев особенность восприятия ситуации не позволяет людям принять полностью рациональные решения. Исследования показали, что одним из потенциальных источников неэффективности рынка, выходящих за рамки традиционных «провалов рынка», можно считать когнитивные ограничения потребителей и психологические искажения, связанные с несовершенной оптимизацией, ограниченным самоконтролем и нестандартными преференциями [3]. Соответственно, на эффективность традиционных инструментов политики могут влиять психологические факторы, понимание которых способно расширить сферу инструментов политики, доступных для исправления рыночных сбоев, перераспределения ресурсов и увеличения государственных доходов [5].

[1] Заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, доктор экономических наук. Автор более 80 научных работ, в т. ч. индивидуальной монографии «Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство»; монографий «От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире» (в соавт. с В. А. Садовничим и Н. С. Григорьевой), «Современное здравоохранение: политика, экономика, управление» (в соавт. с Н. С. Григорьевой); глав в коллективных монографиях и учебниках; ряда статей в ведущих российских журналах: «Система здравоохранения в России: экономические проблемы теории и практики» («Вопросы экономики»), «Государство социальных инвестиций — новый поворот в социальной политике?», «Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода» (обе: «Общественные науки и современность») и др. Имеет публикации за рубежом на английском, французском и немецком языках. Член Новой экономической ассоциации, Международной ассоциации исследований публичной политики. Награждена дипломом «Лучший экономист РАН–2004».

Таким образом, отличительной чертой поведенческой экономики является не только ее академическое содержание (и признание), но и очевидная практическая направленность. Современное регулирующее государство активно использует ее рекомендации в своей политике исходя из того, что регулирование должно быть основано на реальном поведении граждан и их предпочтениях.

В результате поведенческая экономика связывается с либертарианским патернализмом. В настоящее время патернализм достаточно широко используется для обоснования роли государства в обеспечении благосостояния индивида. Интерес к этой теме связан с необходимостью повышения эффективности государственной политики в области обеспечения социального благосостояния граждан в условиях активизации гражданского общества и ограниченных возможностей общественного перераспределения, что, в свою очередь, ставит на повестку дня изменение форм и методов социальной политики. Перспективность патернализма для формирования государственной социальной политики определяется его влиянием на поведение человека в направлении, необходимом с точки зрения общественного интереса. Это затрагивает вопросы, с одной стороны, государственного воздействия на принятие индивидуальных решений, с другой — мотивации акторов социальной политики. В связи с этим появляются новые формы государственного участия, которые пытаются регулировать поведение людей мерами, не связанными с прямым принуждением, а направленными на корректировку индивидуального выбора, который по тем или иным причинам признается государством нерациональным.

Наиболее известной инициативой в этой области стало создание в Великобритании специальной команды поведенческого анализа (the Behavioural Insights Team, BIT). Целью ее деятельности является использование результатов академических исследований в области поведенческой экономики и психологии для разработки государственной политики. Задача состоит в том, чтобы сделать общественные услуги более экономичными и удобными для использования гражданами; улучшить результаты за счет ориентации на более реалистичную модель поведения граждан и тем самым обеспечить им возможность сделать «лучший выбор для себя»[1].

Понимание психологии может способствовать разработке инструментов политики, которые лучше мотивируют желаемое изменение поведения или являются менее затратными, чем традиционные инструменты. Среди принципов поведенческой экономики, применяемых при разработке регулирующих мер, которые влияют на выбор человека, следует отметить простоту информации и ассортимент возможных вариантов. При этом людей привлекают простые варианты, лучше всего «по умолчанию» [4].

Теория «подталкивания», созданная Р. Талером и К. Санстейном, может рассматриваться как один из механизмов регулирования, основанный на положениях поведенческой экономики. Она предполагает, что небольшие стимулы могут побуждать людей принимать определенные решения [7]. Эта идея получила большую популярность среди государственных деятелей, которые искали эффективные способы влияния на избирателей и формирования социальной политики в условиях финансовых ограничений.

Идея подталкивания иллюстрируется рядом примеров. Так, супермаркеты рассматриваются как «среда выбора» человека, где можно легко привлечь внимание к определенным продуктам. Другая ситуация — эффективность «механизмов по умолчанию» в обеспечении потребности в донорских органах. Система предполагаемого согласия означает, что люди соглашаются на использование их органов после смерти, если они специально не откажутся от этого. Электронные сигареты рассматриваются как устройства, потенциально полезные для оказания помощи курильщикам. Главная идея состоит в том, что гораздо легче мотивировать граждан скорректировать привычное поведение, чем заставить полностью изменить, отказаться от него.

В настоящее время разработка практических мер происходит в рамках индуктивного подхода к формированию политики, который сочетает постулаты психологии, когнитивной науки и социальных наук с эмпирически проверенными результатами, чтобы определить, как люди на самом деле делают свой выбор. Этот подход получил название «понимание поведения» (*Behavioural Insights*). В рамках ОЭСР был предложен специальный алгоритм BASIC (**B**ehaviour, **A**nalysis, **S**trategies, **I**ntervention, **C**hange — поведение, анализ, стратегии, интервенции, изменение) для применения данного подхода по всему циклу принятия политических решений. Он включает пять этапов, которые определяют возможности применения представлений поведенческой экономики, и основан на лучших практиках и методологических стандартах. Важно отметить, что BASIC предлагает подход, который может быть в целом актуален при решении любой политической проблемы. Этот алгоритм отличается от традиционной парадигмы государственной политики, основанной на предположении, что поведение людей является полностью рациональным и обдуманным. Соответственно, предлагаемые меры учитывают скорее предполагаемое, а не фактическое поведение. Основная идея заключается в том, что эффективная государственная политика в настоящее время может быть разработана только на основе понимания причин реального поведения людей, поэтому должна использовать данные поведенческих и социальных наук.

Либертарианский патернализм как практическое применение положений поведенческой экономики «сохраняет свободу выбора, но требует и от частных, и от государственных институтов направлять людей в направлениях, которые будут способствовать их благосостоянию» [6]. Это, по мнению сторонников поведенческой экономики, позволяет преодолеть такие отрицательные стороны патернализма, как возможность явного принуждения, неспособность госу-

[1] https://www.gov.uk/government/organisations/behavioural-insights-team.

дарства правильно оценить, какие его действия социально оправданы, а какие нежелательны, а также проблемы внедрения соответствующих мер на практике. Вместе с тем существует ряд проблем, которые могут возникнуть в ходе реализации положений поведенческой экономики в процессе регулирования, в том числе этические вопросы: должно ли государство таким «скрытым» образом влиять на поведение людей и насколько можно в этом случае избежать злоупотреблений? Однако независимо от отношения такие меры подчеркивают стремление найти механизмы для разработки политики, основанной на эмпирических доказательствах (*evidence based*) и, соответственно, способствующей более эффективному решению социальных проблем.

Литература

1. *Капелюшников Р. И.* Поведенческая экономика и новый патернализм / Р. И. Капелюшников. — М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2013 (препринт WP3/2013/03).

2. *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. — 2003. — № 8.

3. *Congdon W.* Policy and choice: public finance through the lens of behavioral economics / W. Congdon, J. R. Kling, S. Mullainathan. — Brookings Institution Press, 2011.

4. *Lunn P.* Regulatory Policy and Behavioural Economics / P. Lunn. — P. : OECD Publishing, 2014.

5. *Madrian B. C.* Applying Insights from Behavioral Economics to Policy Design / B. C. Madrian // Annual Review of Economics. — 2014. — Vol. 6 (1). — P. 663–688.

6. *Sunstein C.* Libertarian Paternalism / C. Sunstein, R. Thaler // American Econ. Review. — 2003. — Vol. 93, № 2. — P. 175–179.

7. *Thaler R.* Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness / R. H. Thaler, C. R. Sunstein. — Yale Univ. Press, 2008.

В. Л. Энтин[1]

ОБОСТРЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЛАТИЛЬНОСТИ

1. *Балансировка конфликтующих принципов как инструмент развития права.* Действующее право — от гражданского до международного — содержит набор универсально признанных взаимоисключающих принципов, зафиксированных в межгосударственных соглашениях. Считается, что их существование и закрепление в многосторонних договорах обеспечивают выполнение государствами взятых на себя обязательств, а также их предсказуемое поведение во внутренней и внешней политике. Это работает при условиях единообразного толкования норм, служащих имплементации указанных принципов. В то же время последние новости свидетельствуют, что в условиях сохранения высокого юридического статуса базовых принципов их толкование становится все более произвольным, баланс между ними утрачивает устойчивый характер, а поведение государств оказывается все более непредсказуемым.

В тех странах, в которых принципы разделения властей, регионального самоуправления, доверия к СМИ и политическим партиям традиционно обслуживали потребности поступательного развития, а не являлись средством разрешения политических конфликтов, использование имеющегося политико-правового инструментария не по назначению, как это происходит в США или в Европейском союзе, вызвало глубинные изменения в общественном сознании. Как следствие, происходит стремительная смена политических настроений, фобий и способов выражения политического недовольства. Все это нередко принимается за волатильность, хотя речь идет о преобразовании функционирования демократии в информационном обществе, которое оказалось не готово ко вторжению в политический процесс новых технологий. Отсюда — стремление восполнить образовавшийся правовой вакуум сиюминутными законодательными новеллами. Новеллами, которые могут создать негативный эффект, сходный с тем, что произвела борьба с пьянством во времена сухого закона в США или борьба с алкоголизмом в СССР в период правления М. С. Горбачева.

2. *Исключительное право как проекция экономической мощи.* На международном уровне исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности обслуживало потребности общества в условиях глобализации. На национальном уровне оно имеет тенденцию охватывать все большее количество способов использования, включать практически неограниченное число результатов творческой деятельности, поддающихся воспроизведению, а также средств индивидуализации, которые признаются объектами интеллектуальной собственности. Последнее отчасти уравновешивается специальными изъятиями или ограничениями полномочий правообладателя. Хотя монополия по-прежнему считается злом в экономике, с которым призваны бороться антимонопольные службы по всему миру, она все чаще признается допустимой, когда такая форма представляется функционально и экономически оправданной.

Складывалась парадоксальная ситуация, когда качество продуктов и услуг само по себе не гарантирует присутствие на рынке. Необходимо было получить

[1] Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи)», «Роль адвоката в охране объектов интеллектуальной собственности: международно-правовой аспект», «Авторское право и смежные права в европейском праве», «Институт государства и права РАН» (в соавт.), «Закон о СМИ: на перекрестке веков» (в соавт.), «The Evolution of Media Landscape in Russia and CIS Countries: Legal and Regulatory Framework», «Средства массовой информации в политической системе современного капитализма» и др. Соавтор Закона РФ «О средствах массовой информации». Эксперт ЮНЕСКО по законодательству о СМИ и авторскому праву. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Франция).

разрешительные документы, а также лицензии и разрешения от правообладателей объектов интеллектуальной собственности. Свертывание глобализации и преобразование ее в регионально обособленные анклавы усиливает напряжение в сфере охраны объектов интеллектуальной собственности, что проявляется в виде роста политической коннотации экономического соперничества.

Когда от экономики вещей и других материальных объектов мир перешел к экономике дериваторов, имеющих мало общего с реальным материальным миром, который они призваны отражать, юридический фактор оказался гипертрофирован. Дело в том, что преображенная субстанция может существовать только в благоприятной юридической среде. Любое возмущение этой среды (выход из международных договоров, наложение санкций, принятие национального законодательства, отклоняющегося от господствующих стандартов или не соответствующих ожидаемому поведению) оказывается своего рода юридической катастрофой, имеющей долговременный губительный эффект.

Стабильность функционирования национальной экономики, вписанной в международный правопорядок, зависит не столько от объема производимых и потребляемых ресурсов, сколько от способности генерировать и обеспечить принудительную защиту прав на полученные результаты интеллектуальной деятельности. Выход за пределы международного правопорядка в любой из областей ставит под сомнение способность и желание обеспечивать защиту объектов интеллектуальной собственности на территории государств-реципиентов.

В силу этого способность обеспечить юридическую защиту декларируемых интеллектуальных прав на национальной территории, независимо от места их приобретения, гражданства или политической лояльности правообладателя, становится *sine qua non condition* и предпосылкой устойчивости экономического развития. Привнесение политических соображений в сферу защиты прав интеллектуальной собственности разрушительно воздействует на способность экономики к рецепции инноваций и развитию, хотя первенство соображений национальной безопасности никто не оспаривает.

Вместе с тем в условиях господства и взаимодействия юридических абстракций обеспечение соблюдения норм материального и процессуального права, гарантирующих предсказуемость поведения государственных органов и должностных лиц, становится единственным инструментом поддержания устойчивого развития, которое представляется все более разбалансированным под воздействием волатильности международных отношений, строящихся по принципу «враг моего врага — мой друг, а остальное неважно». Кроме того, влияние оказывает смена внутренних и внешних факторов, определяющих характер изменений, вызванных скептическим отношением к человеку как к производительной силе в эпоху четвертой промышленной революции.

3. *Волатильность во многом вызвана снижением порога допустимости в балансе между конкурирующими принципами разного уровня и степени значимости.* Всеобщий интерес сдает позиции перед национальным и коллективным эгоизмом. Внешняя политика теряет связи с национальными интересами, здравым смыслом и становится заложницей внутриполитических процессов. Демократия расщепляется на набор неравнозначных показателей, каждому из которых придается завышенная ценность в зависимости от сиюминутных пропагандистских потребностей в отношениях между странами. Так, степень толерантности к скандальному поведению зависит от принципа «свой–чужой», по котортому Франклин Д. Рузвельт оценивал поклонника Гитлера[1] — никарагуанского диктатора А. Сомоса. Если верить журналу «Тайм», авторство выражения «наш сукин сын» принадлежит именно этому американскому президенту. Имена могут меняться, но прагматизм в оценках остается превалирующим, несмотря на словесную шелуху. В условиях быстрых перемен, когда правовое регулирование запаздывает и обслуживает узкоотраслевые, а нередко и частные интересы, право как сбалансированная система теряет внутреннюю устойчивость, сложившаяся иерархия отраслей права утрачивает стройность и взаимную обусловленность.

4. *В условиях разброда и шатаний, отсутствия внятной, законодательно проработанной позиции регулятора использование современных технологий не спасает.* Так, например, применение распределенных реестров и использование искусственного интеллекта потребует аккумуляции больших данных о правообладателях и транзакциях во всех открытых отраслях экономики. Это изменит значимость административного законодательства и законодательства о конкуренции для регулирования общего рынка стран ЕАЭС, к чему его участники на сегодняшний день, похоже, не готовы.

5. *Изменения в законодательстве, вызванные императивами развития, стимулирования творчества и инноваций, диктуются меняющимися и сиюминутными представлениями о целесообразности.* В эпоху четвертой промышленной революции возникает возможность мгновенно отслеживать любые сделки с объектами интеллектуальной собственности, что приведет к дискретности прав на использование результатов интеллектуальной деятельности в зависимости от характера полученных полномочий и даты их осуществления. При этом может усилиться волатильность из-за скорости происходящих изменений. Так что взаимная ценность и значимость отраслей права, обсуживающих человеческую деятельность, становится обособленной динамичной категорией. Одновременно регулирование промышленной деятельности с использованием искусственного интеллекта все больше будет подчиняться стандартам и регламентам, устраняющим человеческий фактор. Тем самым право будет все больше распадаться на области, плохо связанные друг с другом, и человеческий

[1] А. Сомоса открыто симпатизировал Гитлеру. Однако это не помешало возглавляемой им Никарагуа вступить в войну против Германии вместе с США 11 декабря 1941 г. Участие в войне заставило А. Сомосу убрать портрет фюрера из гостиной и повесить его в своей спальне.

контроль за происходящим станет отдельным возмущающим фактором.

6. *В условиях правотворчества внутри обособленных экономических систем в отношении к конкурирующим принципам прослеживаются следующие изменяющиеся предпочтения*:

— укрепление государственного суверенитета и расширение демократии как приоритетные векторы развития постоянно меняются местами;

— политические права и свободы, а также разделяемые ценности перестают служить предпосылкой межгосударственного сотрудничества в эпоху роста меркантилизма в международных отношениях;

— конкуренция в международных отношениях и отход от глобализации усиливают стремление к разработке автономных правовых систем интеграционных образований, к использованию правовых инструментов интеграционных образований с целью создания системы административных преимуществ для «своих» хозяйствующих субъектов.

7. Ранее считалось, что *международное право должно обеспечивать конструктивное сотрудничество между государствами хотя бы в интересах сохранения Земли как среды обитания человека*. Кроме того, считалось необходимым ограничить в этих целях угрозы применения силы в соответствии с Уставом ООН. Сегодня в угаре воинственной риторики и противостояния в международных отношениях действующие лица мировой политики вернулись к ветхозаветным принципам «око за око, зуб за зуб и аз воздам», что все больше напоминает метание острых предметов в воздушный шарик глобальной экономики в надежде на то, что его оболочка окажется достаточно прочной.

8. *Из активной политики ушло поколение тех, кто понимал риски, связанные с эскалацией санкций и силового противостояния.* Все это риски, вызванные тем, что для другой стороны единственным способом нанесения эквивалентного ущерба останется отказ от выполнения взятых на себя обязательств в самых разных областях.

9. *Нестабильность международных отношений сказалась на сфере охраны интеллектуальной собственности.* Одним из завоеваний принципа международного сотрудничества является закрепление в Парижской конвенции по охране промышленной собственности и Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений принципа предоставления национального правового режима гражданам других стран — участников конвенции. Режим санкций предполагает разработку оснований для избирательного отказа от предоставления правовой охраны иностранным физическим и юридическим лицам.

Такая избирательность связана не только со стремлением наказать за неправильное поведение. Все чаще она используется для получения односторонних преимуществ в области внешней торговли. Практика покажет, устоят ли складывающиеся многие десятилетия правовые принципы в условиях силового давления.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Е. А. БРЫЛЕВА	заведующая кафедрой публичного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. Г. ГРАФСКИЙ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ	профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США)
М. Л. ДАВЫДОВА	заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
И. Г. ДУДКО	заведующий кафедрой государственного и административного права Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Г. Б. КЛЕЙНЕР	заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
В. А. КОВАЛЕВ	доцент СПбГУП, кандидат исторических наук
В. В. ЛАПАЕВА	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук
А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ	профессор СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
А. И. ЛУЧЕНОК	заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор
О. В. МАРТЫШИН	профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
Н. Н. НИКУЛИН	профессор Научно-исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Л. А. ПАСЕШНИКОВА	первый проректор СПбГУП, кандидат юридических наук, профессор, почетный профессор СПбГУП
Р. А. РОМАШОВ	профессор СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
Е. С. САДОВАЯ	заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент
А. Ю. САЛОМАТИН	заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор
А. А. ТАРАСОВ	заведующий кафедрой уголовного права и процесса Башкирского государственного университета (Уфа), доктор юридических наук, профессор
С. Ф. УДАРЦЕВ	руководитель научно-исследовательских проектов Университета КАЗГЮУ им. М. С. Нарикбаева (Нур-Султан), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП

Н. М. ФИЛИМОНОВА — заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор экономических наук, профессор

И. Э. ФРОЛОВ — заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор

М. М. ХАЙКИН — заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор

Т. В. ЧУБАРОВА — заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, доктор экономических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Добрый день, дорогие друзья! Слово от имени Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктору культурологических наук, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — От имени Оргкомитета я хочу сказать всем огромное спасибо за участие в нашей конференции. Отдельно хочу поблагодарить наш блистательный президиум. Не знаю, какой еще научный форум сегодня может собрать президиум такого уровня.

Мы сегодня обсуждаем вопросы экономики и права, их необходимо рассматривать не изолированно от тем других секций. Мы все говорим примерно об одном и том же — только с позиций разных отраслей научного знания. Кстати говоря, именно так университеты должны дополнять Академию наук и академические институты. Вузам, на мой взгляд, нужно не противопоставлять себя институтам Академии наук, а работать с ними на пересечении областей, интегрировать знания — в этом их миссия. В наших программах подготовки дается интегральное знание, общая картина мира, которая детально прорабатывается в той или иной области, соответствующей специальности. Студенту-выпускнику важно обладать конкретными знаниями по своему профилю. Но с точки зрения профессионального успеха необходимо вписать информацию, относящуюся к специальности, в контекст общей картины мира. Это интегрирование и есть образовательная задача вуза.

Есть еще один момент, который я хотел бы отметить. В нашем Университете — и на Лихачевских чтениях в частности — уже достаточно давно выработалось понимание экономики и права как больших подсистем культуры. Эта идея сейчас часто встречается в научных изданиях, на страницах печати. Как-то Даниил Александрович Гранин рассказал мне такую историю. Однажды он оказался в Кремле и пил чай в комнате отдыха, ожидая встречи с одной из высокопоставленных персон. Вдруг в помещение зашел другой высокопоставленный чиновник и сказал: «Мы сейчас Мединского назначаем министром культуры. Даниил Александрович, а что такое культура?» Не знаю, что ответил Гранин, тем более что нужно было сформулировать, за что именно будет отвечать Мединский. Решили, в конце концов, просто сказать, что он будет следить за музеями, концертными залами и т. д. Но вообще-то культура — это все, что создано руками и разумом человека за всю историю его развития. В этой системе экономика и право являются очень большими и относительно самостоятельными подсистемами, которые связаны миллионами невидимых нитей с другими сферами, в том числе с философскими идеями, ценностями и т. д.

Хотелось бы, чтобы у нас произошел обмен мнениями по актуальным вопросам. На пленарном заседании мы вместе с гостями постарались прийти к общему пониманию проблематики и ответить на следующие вопросы: что представляет собой современная ситуация в мире; что лежит в основе глобальной нестабильности; почему стали часто происходить события, подобных которым раньше совсем не было; где раньше были, например, экономические мыльные пузыри? Это совершенно новое явление. Финансовая система в экономике классического капитализма была нужна для обслуживания производства. Банк — это то место, где промышленник мог взять кредит, чтобы закупить новое оборудование, наладить производство по цепочке «деньги–товар–деньги», чтобы в итоге удовлетворить общественные потребности и получить прибыль. В наше время вдруг оказалось, что в финансовой отрасли деньги могут делаться из воздуха. И надувать такие мыльные пузыри намного выгоднее, чем производить товары.

Как же сформулировать то, что происходит сегодня? В мире сложился совсем иной тип капитализма, очень непохожий на классический времен Карла Маркса. В нем нет свободных сил конкуренции. Ситуация такова, что значительная часть рынка регулируется монополистически. Центр тяжести переместился с производства товаров на производство услуг и смыслов. Сейчас смысл стал дороже бренда и прочего, дороже материальных вложений и труда рабочего на фабрике. Так что сегодня мы имеем дело с вообще другим капитализмом, который находится в огромном кризисе.

Не менее важно обсудить правовую систему, которая обеспечивает всю сегодняшнюю жизнь. Что это вообще за право, терпящее такую экономику: когда мож-

но сделать миллиарды долларов из воздуха без всяких юридических последствий? Очень интересно было бы во всем этом разобраться. Вчера, например, профессор Кёхлер сказал, что ситуация в мире стабилизируется, если мы внесем изменения в Устав ООН и примем несколько законов. При этом у нас есть Государственная Дума, которую противники российской государственности окрестили бешеным принтером, потому что она непрерывно издает законы. Но можно ли вообще решить все проблемы принятием законов? То есть нужны ли вообще мягкие регуляторы?

Я думаю, что вопросам, которые рассматриваются на этой секции, можно посвятить всю жизнь. Какова вообще роль права и экономики в современную эпоху? Как осмыслить то, что происходит? Конечно, каждый из присутствующих здесь крупных ученых работает в своем исследовательском направлении и придерживается своей научной школы. Но мне кажется, что наша сегодняшняя встреча предназначена для того, чтобы мы не столько поработали в своих нишах, сколько попробовали посмотреть на проблемы под другим углом, с позиции других людей, которые, с одной стороны, тоже являются профессионалами, с другой — очень озабочены происходящим в стране и в мире. Я призываю выйти за рамки своей сферы и постараться посмотреть на проблемы со стороны — в духе Лихачевских чтений.

Дмитрий Сергеевич Лихачев изучал найденные на раскопках древние манускрипты, но потом почувствовал необходимость обратиться к культуре в широком плане. И мне кажется, что сегодня экономисты, философы, юристы, конфликтологи и другие имеют замечательную возможность осмыслить свои профессиональные проблемы в контексте общекультурного развития. Как председателю Оргкомитета, мне очень хочется свести воедино разрозненные потоки гуманитарного знания. Для чего, собственно, Лихачевские чтения и предназначены. Желаю вам успехов.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — С удовольствием предоставляю слово руководителям секции, чтобы они задали тон нашей дискуссии. Гадис Абдуллаевич, прошу Вас.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Уважаемые коллеги, мы можем рассматривать себя как временный научный коллектив. Надеюсь, что у нас состоится интересная и полезная дискуссия.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Несколько слов о том, что обсуждалось на пленарном заседании, то есть в первый день работы Чтений. Высказывалось, по-моему, единодушное мнение, что современный мир находится в кризисе, причем если раньше говорили об экономическом кризисе и кризисе идентичности, то сейчас появился еще один: кризис международного права, то есть конструкции, сложившейся в мире после Ялты и более или менее благополучно просуществовавшей до распада Советского Союза и попытки построить однополярный мир. Начало 1990-х стало неким рубежом, после которого мы не вполне понимаем, в каком направлении следует развивать международное право, каким должно быть дальнейшее регулирование международных отношений.

Между тем очевидно, что проблемы возникают во всех областях — в политике, экономике, использовании технологий, охране окружающей среды и т. д. Правовая база должна обеспечивать и сохранение природы, и прогресс научной и технической мысли, и социальное развитие. Все это межцивилизационные проблемы, и, конечно, они заслуживают нашего внимания. Поэтому было бы неплохо, если бы в ходе нашей дискуссии мы не ограничивались констатациями, а по возможности высказывали идеи, связанные с построением новой международной правовой системы. Каким должно быть регулирование в новых условиях, как бороться с назревшими проблемами?

Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Я вновь приехал в Санкт-Петербург, в Гуманитарный университет профсоюзов, чтобы обсудить в ходе дискуссии важные вопросы экономического развития, управления экономикой в сложный период.

Недавняя история продемонстрировала людям, в частности населению России, недостатки экономических идеологий и выявила необходимость следовать стратегии, которая хорошо подходит к специфическим условиям страны. В целом это относится ко всем странам, но именно исторический опыт России дал русскому народу шанс осознать, проникнуть в суть явлений, что представляется значимым не только для вас, но и для всего остального мира.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Лихачевские чтения традиционно объединяют представителей целого ряда гуманитарных направлений и проливают свет на дальнейшее развитие самых разных гуманитарных наук: социологии, юриспруденции, экономики, культурологии и т. д. Каждый год я принимаю участие в этом форуме и благодарю судьбу за возможность пообщаться с выдающимися людьми, представляющими эти отрасли знаний. Уверен, что мы выйдем из этой аудитории более информированными и просвещенными, чем вошли сюда. Желаю всем успешной работы.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позвольте предоставить слово профессору Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Скоро исполнится полвека со дня публикации памятного и очень важного труда в области юриспруденции и философии права — книги «Право и закон» академика Нерсесянца. Эта работа до сих пор не утратила своего научного и просветительского значения.

Почему право и закон оказываются интересны в сопоставлении? Дело в том, что 99 % тех, кто употребляет эти термины, считают их синонимами. Но, оказывается, не все так просто, особенно если задуматься над их смыслом в научном контексте. Огромная заслуга Владика Сумбатовича в том, что он впервые провел грань между понятиями «право» и «закон», но до сих

пор эта концепция не находит понимания даже в академических кругах.

Здравый смысл подсказывает, что закон далеко не самое совершенное «произведение» законодательного «искусства». Вечный соперник любого закона — правовой обычай. Мы пользуемся обычаем, не замечая, что это юридический вариант коммуникации, поэтому обычай как способ создания нормы права практически не обсуждается. Между тем обычай невероятно многообразен. Он заполняет все законодательные пустоты, неясности или нуждающиеся в регулировании связи, имеющие правовой смысл, в первую очередь относящиеся к такой категории, как справедливость. Вообще слова «право» и «справедливость» когда-то были образованы от одного корня.

А как связаны право и экономика? Прежде всего через законодательство. Однако в теме нашей секции заявлены «экономика и право». Значит, надо ставить знак равенства между словами «право» и «законодательство»? Такое понимание существует уже не одно столетие, но с этим надо что-то делать.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Владимир Георгиевич, одна ремарка. В экономике есть такая сфера, как торговое мореплавание. Вероятно, в ней основным источником регулирования является как раз торговый обычай?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Торговые контакты в мире интенсивно развиваются, поэтому многое уже урегулировано международным правом.

В. А. КОВАЛЕВ: — Вы сказали, что слова «право» и «справедливость» имеют общий корень. Но это верно только для русского языка. В английском языке это не так, да и вообще для группы романских языков. Получается, что соотношение права и справедливости не универсально?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Однако в английском слово «right» означает и «право», и «правильность», и «справедливость».

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Сейчас перед нами выступит Елена Сергеевна Садовая.

Е. С. САДОВАЯ: — Я хотела бы продолжить разговор, начатый вчера. Есть общее мнение, что прежняя система мироустройства исчерпала себя и впереди нас ждет неизведанное будущее, которое сегодня нам представляется весьма туманным и даже немного пугающим. В связи с этим возникает вопрос: до какой степени мы можем прогнозировать будущее? Когда развитие идет поступательно и представляет собой более или менее линейный процесс, можно говорить о будущем, соотнося его с прошлым и настоящим. Но когда со всей очевидностью грядут качественные изменения, такая методология не работает. Сложность, на мой взгляд, заключается в том, что будущее следует рассматривать в проектном ключе, так что для нашего прогноза требуется идея. Эта Идея с большой буквы составит содержание будущего, но пока она четко не выкристаллизовалась даже в научном и философском дискурсе.

Сегодня есть большой запрос на справедливость. Этим словом обозначается сложный культурно-исторический феномен, потому что в разные исторические эпохи в разных концах планеты справедливость понималась по-разному. Однако, не сформулировав эту идею, мы вряд ли сможем говорить о будущем и тем более прогнозировать и описывать его.

Еще одна мысль, которая сейчас волнует меня как исследователя, — технологии и будущее. Кто-то из известных фантастов-шестидесятников сказал, что на каком-то этапе своего развития технологии превращаются в магию. Для нас они становятся чем-то сродни фокусам, мы все меньше понимаем, как они работают. И сейчас перед исследователями стоит серьезная задача перевода технологического языка на язык гуманитарного знания. Это значит, что нам необходимо осознать социальные последствия, к которым приводит бурное развитие технологий, во всем их объеме. И когда мы говорим об этих социальных последствиях технологического развития и о том, как технологии влияют на каждого из нас, мне кажется, связующей категорией между социальным и технологическим развитием становится такое понятие, как занятость. Преобразуя трудовые отношения, технологии тем самым изменяют и все отношения в обществе, всю социальную ткань.

Сегодня говорят об индустрии 4.0 и Интернете вещей, мы читаем о замене людей роботами, о безлюдных производствах. Это звучит и выглядит завораживающе: беспилотный транспорт, телемедицина, когда хирург, находясь, например, в Китае, делает операцию пациенту в Европе, и т. д. Что-то из индустрии 4.0 уже стало реальностью, но многое остается журналистскими фантазиями, которые вряд ли реализуются. И не потому, что они технологически невозможны, а потому, что экономически нецелесообразны. Все-таки большинство из нас (около 70 % занятых) трудится не в промышленности, а в сфере услуг, независимо от того, в какой стране мы живем. И в этой сфере цифровые технологии преобразуют экономику кардинальным образом. Вместо отраслей и предприятий появились технологические платформы. Поэтому трудовые отношения, которые в индустриальную эпоху были вынужденно коллективистскими в силу сложившейся модели разделения труда, сегодня становятся все более индивидуальными. У работника нет предприятия и работодателя, а есть скачанное на мобильный гаджет приложение, в соответствии с которым он оказывает услуги. Его работа превращается в форму поденного труда, системы социального обеспечения рушатся, как и общественные отношения. Необходимо выработать новый язык научного познания, потому что термины «предприятие», «занятость», «безработица», к которым мы привыкли, в новой реальности теряют смысл. Нам еще предстоит осмыслить эту реальность, и только после этого мы сможем прогнозировать будущее.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позвольте предоставить слово Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уважаемые коллеги, я продолжу тему технологий и будущего. Сегодня будущее неопределенно в гораздо большей степени, чем в какие бы то ни было времена. Эта неопределенность, касающаяся всех без исключения, порождена прежде всего развитием современных технологий. Когда я собиралась говорить о технологиях по совершенствованию человека, то есть, как сейчас говорят, технологиях апгрейда, я была уверена, что здесь эта тема будет одной из центральных. Однако ни на Лихачевских чтениях, ни на Международном юридическом форуме, который несколько дней назад завершился в Санкт-Петербурге, она не обсуждалась. О технологиях говорили много, но тема совершенствования человека не была затронута. Между тем несколько месяцев назад в Китае родились генно-отредактированные близнецы. Это произошло вопреки жестко сформулированному в целом ряде международных актов запрету.

В китайском случае самое неприятное то, что эту манипуляцию произвел даже не генетик. Это сделал физик, показав таким образом, что колоссальные усилия, материальные и интеллектуальные ресурсы, затраченные на расшифровку человеческого генома и создание генных редакторов, привели к тому, что теперь любой человек может использовать их результаты. Мы недооцениваем масштаб опасности такого использования. Сошлюсь на одно весьма серьезное международное исследование, в ходе которого, в частности, было опрошено семьсот футурологов. Им задали вопрос о тенденциях развития человечества, и 55 % поставили на первое место катастрофический сценарий: в обозримой перспективе человечество будет уничтожено. На втором месте оказался прогноз, что человечество в ближайшем будущем разобьется на страты, причем эта стратификация будет обусловлена такими различиями в самой природе человека, каких до сих пор не было. Прежде всего мы разделимся на сверхлюдей и простолюдинов, то есть просто людей. И это еще не худший вариант.

Примерно эту же мысль на Юридическом форуме, на секции, посвященной философии права, неожиданно высказал министр юстиции А. В. Коновалов. Он сказал, что в ближайшем будущем люди будут жить до двухсот пятидесяти лет, но это будет очень дорогое удовольствие. «А вообще человечество, — сказал он как бы между прочим, — разобьется на страты, и важно каждому постараться попасть в такую страту, где его не ударят битой по голове». Такой благожелательный совет от очень информированного чиновника высшего ранга явно диссонировал с лейтмотивом лекции, которую прочел там же председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин. По его словам, суть русской философии права сводится (с отсылкой на Арсения Гулыгу) к предчувствию общей беды и мысли о всеобщем спасении. Выступления Коновалова и Зорькина не соответствовали общей оптимистически-прагматической атмосфере дискуссии о будущем права. Ведь если, предчувствуя угрозу своего исчезновения, человечество не выберет идею всеобщего спасения, а пойдет по пути деления на страты, то о каком праве как всеобщей равной мере свободы может идти речь? По сути, это будет означать, что в новом тысячелетии мы вернемся в Средневековье с его жесткими феодальными барьерами. Думаю, что в этот момент человечество обратится к идее справедливости, причем в самой резкой форме. Fiat justitia et pereat mundus, как вы помните. Пусть погибнет мир, но свершится правосудие (или справедливость).

Наука, породившая эти проблемы, сама пытается с ними бороться. Ведется огромная работа по развитию социогуманитарной экспертизы и даже социогуманитарного контроля научно-технологического развития. При этом для юристов открывается широкое поле деятельности, но эти усилия вряд ли к чему-то приведут, если мы не изменим модель современного капитализма, общества потребления, где технологии стали общедоступным товаром. Назрела острая необходимость в действиях по социальному переустройству мира.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Мы знаем, что сейчас ядерное оружие парадоксальным образом спасает мир. Но создание ядерного оружия стало результатом определенного этапа развития науки, так же как в свое время изобретение пороха. На протяжении тысячелетий от научно-технического прогресса выигрывают в первую очередь военные. То есть мы имеем константу, и я не вижу причин для того, чтобы в XXI веке было по-другому. Значит, вопросы, связанные с опасностями технического прогресса для человечества, никуда не исчезли.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Валентина Викторовна, не могли бы Вы высказать свою точку зрения относительно идеи Валерия Дмитриевича о праве метамодерна, как он его назвал. Что это за идея?

В. В. ЛАПАЕВА: — Ее суть в том, чтобы соединить идею премодерна (в связи с этим он упомянул историческую школу права), модерна (это либеральное правопонимание) и постмодерна с его субъективистским подходом к трактовке права. Идея синтеза различных типов правопонимания, в общем, не нова, но здесь она просто удачно обыграна терминологически. Первыми с подобным предложением выступили нидерландские авторы: синтезировать разные подходы и выбрать из них лучшее, потому что либеральное правопонимание в той прозападной версии, которая сейчас развивается, продемонстрировало свои негативные стороны. Надо больше опираться на национальную идентичность, на личность, то есть не вырывать человека из исторического контекста, не воспринимать его как абстракцию.

М. Л. ДАВЫДОВА: — Вы сказали, что всеобщий доступ к технологиям таит в себе опасность. Но если ограничить доступ к технологиям, то, возможно, с этого и начинается разделение общества на страты? И, напротив, общедоступность технологий должна стать залогом справедливости.

В. В. ЛАПАЕВА: — Да, это колоссальная проблема, и я не даю рецептов. Кроме того, проблема еще за-

ключается в том, что любыми жизнесберегающими технологиями (в широком смысле) сначала пользовалась верхушка общества, и только потом они распространялись на низы. И сейчас нам говорят: не волнуйтесь, сначала мы продлим свою жизнь и молодость, а потом и до вас очередь дойдет. Но это работало в XX веке, который был, по выражению Юваль Харари (автора книги «Хомо Деус: краткая история будущего»), веком масс. Экономика нуждалась в миллионах рабочих, а армия — в миллионах здоровых солдат. Сейчас наступает другой век: массы становятся не нужны, так что элита вполне может не захотеть делиться с ними — а зачем? Это порождает сложнейшую проблему, которую не решить без государственного регулирования, рассчитывая лишь на то, что в условиях рынка все утрясется само собой. Чтобы справиться с этой опасностью, потребуются огромные усилия заинтересованного общества. Удивительно, что мы до сих пор не озаботились этими проблемами, в то время как в Китае появились на свет генно-отредактированные младенцы. Как предупреждал министр Коновалов, все мы можем оказаться в той страте, где получим битой по голове.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Приглашаю к микрофону Георгия Борисовича Клейнера.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Дорогие друзья, я хотел бы сделать несколько методологических замечаний по поводу того, что мы услышали здесь вчера и сегодня.

Первое замечание — о стратификации нашего знания. Мы говорим о науке, о технологиях, но более фундаментальная область — экономика. Экономическое мировоззрение — это то, как мы видим мир. Состоит ли он из предприятий, технологических платформ, проектов, изобретений или процессов или просто из отдельных людей? Экономическое мировоззрение — основа наших взглядов на все остальное, на то, что лежит выше. А выше находится экономическая идеология: хорошо это или плохо? Хорошо или плохо либеральное устройство мира, его переинституционализация или недоинституционализация? И только над этими двумя слоями располагается теоретическое, научное знание.

Если основываться на этой модели, то можно сделать некоторые выводы из наших обсуждений. Много анализа, эмпирики, фактов, угроз, о которых говорит практически каждый выступающий. Кто-то видит их в технологиях, кто-то — в разобщении, в стратификации и т. д. А чего нет в наших речах? Синтеза. Единственное исключение, на мой субъективный взгляд, представляет выступление Александра Сергеевича Запесоцкого, который попытался предложить некоторую систему координат. Если продолжить эту линию, то мы получим основания для теоретического синтеза, который, в свою очередь, может подсказать решение проблем, о которых мы говорим.

Моя тема на этом форуме — предсказуемость, прогнозируемость, управляемость в цифровом веке. С методологической точки зрения, на мой взгляд, крайне важно разделять прогнозируемость и предсказуемость. Предсказуемость — это прыжок, не связанный с последовательным движением, а прогнозируемость — сценарное развитие в процессе. Прогнозирование имеет смысл не только тогда, когда речь идет о будущем, то есть о движении во времени, но и когда речь идет о движении в пространстве — от одной страны к другой. Это серьезный скачок. Прогнозирование «здесь», так же как и предсказание «здесь», — это основа нашего исследования и движения вперед. Это первое методологическое различие.

Второе методологическое замечание касается теорий, описывающих развитие. У нас есть, скажем, информационная теория Маркса, которая говорит о том, как меняются общественные формации во времени. Но у нас фактически нет теории о том, как изменяются условия при переходе не от одного периода к другому, а от одной группы стран к другой. Необходима классификация стран, подобная «пятичленке» Маркса, классифицирующей временны́е периоды.

И третье замечание — о цифровой реальности. Жан Терентьевич Тощенко задает вопрос: «Кто же будет субъектом этих социальных преобразований?» Субъектом будущего общества будет не человек в традиционном понимании, а некий синтез человека и компьютера. Это полностью меняет картину. Возможно, такие гибридные системы станут основными элементами будущего мироустройства.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Георгий Борисович, Вы поместили экономические процессы, предприятия и человека на «нижний этаж». Но, по-моему, это разноуровневые категории. Видимо, нужна некая смысловая иерархия, потому что экономика — это для человека способ сохранить жизнь и в большой степени — достоинство.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Среди участников секции — представители разных дисциплин. Социологи интересуются человеком, группами, социальными сообществами; философы — социальными конструктами, процессами изменения общественного сознания и так далее; экономисты — производством, потреблением, распределением, обменом, технологиями. У каждого свой фокус. Какая наука стоит выше других? Конечно, всюду участвуют человек, технологии, математические формулы и пр. Но это не означает, что у нас нет дисциплинарного деления. Каждый исследователь видит «свои», интересующие его подсистемы. Какие условия нужны, чтобы синтезировать их взгляды? Мне кажется, что для участников Лихачевских чтений это одна из важнейших задач.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Сейчас перед нами выступит коллега из Беларуси Александр Иванович Лученок.

А. И. ЛУЧЕНОК: — Экономическая и социальная нестабильность, о которой мы с тревогой рассуждаем, во многом обусловлена тем, что мы пытаемся внедрить институты, которые не могут работать на практике. Например, мы учимся по западным учеб-

никам, в частности осваиваем экономическую теорию по Самуэльсону, но в жизни видим нечто совсем другое. В чем причина? В учебниках предполагается, что человек ведет себя рационально, но в действительности все мы, по сути, оппортунисты и стараемся всегда действовать в собственных интересах. Законодательные власти принимают, казалось бы, правильные законы, а «на земле» продолжает процветать коррупция и прочие злоупотребления. Создается впечатление, что экономисты стараются определить универсальные закономерности для всех стран и народов. Однако в реальности существуют две институциональные матрицы: западная и восточная, азиатская. В первой превыше всего человек, во второй — государство.

Эти две системы управления довольно существенно различаются. Если в Азии действуют больше приказными методами (в Китае, например, дворникам стали надевать специальные браслеты, чтобы отслеживать, работают они или отдыхают), то в странах Запада все намного гуманнее. Мы хотели жить по западной модели, но, к сожалению, и Беларусь, и Россия традиционно ближе к азиатской матрице, поэтому рыночные инструменты здесь часто не работают, наоборот — приводят к появлению олигархов, которые «гребут под себя» (потому что они оппортунисты). Эти нюансы необходимо учитывать, когда мы решаем вопросы взаимодействия между людьми. Мы должны понимать, какие инструменты будут полезны, а от каких лучше сразу отказаться. В связи с этим предлагаю в образовании больше уделять внимание институциональным подходам Дугласа Норта и других авторов, которые более адекватно отражают нашу реальность.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Александр Иванович, Вы говорите, что законодательное регулирование в Беларуси основывается на гипотезе о рациональном принятии решений. Но наука ушла далеко вперед, сегодня существуют понятия ограниченной рациональности и даже органической иррациональности. В отличие от представлений конца прошлого века, сегодня экономическая наука рассматривает человека как сложную систему, в которой присутствуют и оппортунизм, и целеустремленность, и другие свойства. Отсюда и разделение, если следовать Кирдиной и Бессоновой, на восточную и западную матрицы. Но эта дихотомия также имеет ограничения, как и дихотомия между рациональностью и нерациональностью.

А. И. ЛУЧЕНОК: — Я хотел подчеркнуть, что нас учат по учебникам, в которых предполагается рациональность. На самом деле человек часто поступает нерационально. В нашей стране работают не по принципам рациональности, а с учетом ограниченной рациональности. Я согласен с Вашим замечанием, и поэтому, думаю, необходимо переориентировать учебники на институциональную и неинституциональную методологию.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Прошу к микрофону Ореста Владимировича Мартышина.

О. В. МАРТЫШИН: — Уважаемые коллеги, позвольте коснуться влияния современной международной обстановки на политическую систему Российской Федерации. Очевидно, что вместо сотрудничества мы имеем конкуренцию, а временами и конфликты. Но возобновление холодной войны не способствует развитию демократических институтов, особенно в тех политических системах, которые пока не сложились окончательно. А ведь нашей политической системе всего двадцать пять лет.

Недавно мы отметили юбилей действующей российской Конституции, в которой сочетаются два принципа: с одной стороны, полный набор демократических институтов и прав человека; с другой — очень сильная президентская власть, что позволяет говорить об автократии. На мой взгляд, именно автократическое начало способствовало стабильности нашего общества. Но это не отменяет вопроса о будущем. Какой все-таки должна быть наша политическая система? Какой ее необходимо сделать? На мой взгляд, в этих дискуссиях о будущем наблюдается тревожная тенденция к отрицанию демократических принципов. У нас уже не первый год формируется антидемократическая идеология.

Приведу пример. Юристы, возможно, знают о так называемой православной теории права. Один из ее пропагандистов — профессор Алтайского университета Васильев — заявляет следующее: «Идеалы правовой республиканской государственности, свободы личности, превалирования права как социального регулятора являются духовно выхолощенными, в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под духовные культурные ценности исключительно Европы». Другой представитель этой теории — профессор Величко — утверждает, что православная монархия — это единственная подходящая форма правления для России.

Конечно, есть и противоположные течения. Например, полгода назад председатель Конституционного Суда РФ опубликовал статью в журнале «Государство и право», где он защищает, по его словам, «нормативные рамки общественного согласия». Эти рамки суть не что иное, как принципы, которые отрицает господин Васильев: демократическое республиканское устройство, разделение властей, правовое государство и пр. Однако в этом перечне важных принципов, обеспечивающих национальное согласие, я не нашел упоминания о светском государстве. Это не более чем досадное упущение? Не хотелось бы думать, что это привет от Конституционного Суда члену Общественной палаты Иосифу Дискину, который заявляет, что светскость стесняет людей, ориентирующихся на религиозные ценности, в то время как государство их поддерживает.

Но вернемся к антидемократической тенденции. Яркое проявление православной монархии — заявление заместителя председателя Всемирного русского народного собора Константина Малафеева: «Если бы мы восстановили православную монархию, Путин был бы прекрасным монархом». Это что, случайное заявление? Или вспомним февральскую статью советника Президента Российской Федерации Владислава Суркова, где он пытается доказать, что у нас есть доминанта, куль-

турная гравитация, которая обрекает Россию на автократические методы управления. Есть такая гравитация? Думаю, да. А предопределенность автократических методов? Полагаю, что ее нет. Но предрасположенность все же имеется.

Наверное, автократические методы возможны и допустимы как временные меры в переходные периоды. Не будем забывать, что наше недавнее прошлое — тоталитарный строй. А задолго до тоталитаризма XX века революционер и демократ Павел Иванович Пестель говорил, что народ, не знающий личной свободы, не готов к свободе политической. Отсюда следует необходимость переходного периода, но он не должен продолжаться бесконечно. В чем порок выступления Суркова? Он возводит необходимость в добродетель, считает, что это идеал российской государственности, который, кстати, он и его единомышленники хотели бы распространить на всю Европу и на весь мир. В этом заключается опасность антидемократической тенденции. Хотелось бы надеяться, что она будет успешно преодолена.

В. А. КОВАЛЕВ: — Я совершенно с Вами согласен: отрицание демократических ценностей — очень опасная тенденция. Но правы ли мы, связывая автократизм с идеей монархии? Давайте посмотрим на европейские страны с самым высоким индексом развития демократии: четыре из пяти государств — Норвегия, Швеция, Нидерланды и Бельгия — монархии. Только Финляндия оказалась республикой. Более того, короли в этих странах являются еще и главами церкви. Но это не мешает демократическим институтам. Напротив, монархия с ее высоким потенциалом законности может гарантировать защиту от опасности тоталитаризма, поскольку тоталитарный лидер приходит к власти с нарушением закона и устанавливает диктатуру.

О. В. МАРТЫШИН: — Естественно, автократия не тождественна монархии. Но абсолютная монархия — это частный вариант автократии. В этом смысле был прав Иммануил Кант, который назвал единоличное правление не монархией, а автократией. Сильная президентская власть означает возможность такой автократии.

Что же касается современных конституционных монархий в Европе, то замечательное определение им было дано в 2000 году в «Основах социальной концепции Русской православной церкви»: современные европейские монархии — это монархические по форме республики.

А. А. ТАРАСОВ: — Вы упомянули, что у нас тоталитарное прошлое. Но концепции тоталитаризма в 1940–1950-х годах была придана большая идеологическая нагрузка, чтобы поставить на одну принципиальную основу нацистскую Германию и Советский Союз. При этом экономическая база была совершенно разная.

О. В. МАРТЫШИН: — Известно, что история знает два вида тоталитаризма: фашистско-нацистский и коммунистический. Тоталитаризм — это определение политической системы, социализм, коммунизм, капитализм — экономической. Полагаю, что объединение двух видов тоталитаризма, принципиально разных и сошедшихся на поле боя, вполне допустимо, оно соответствует характеру политической системы и того и другого типа.

И. В. КРЫЛОВА, *доцент кафедры отраслей права СПбГУП*: — По-моему, в России до революции половина теоретиков права были приверженцами православной теории права без всяких новых тоталитаризмов. В частности, Иван Ильин был теоретиком православия, но без идеологии, связанной с тоталитаризмом. И вот теперь возникают антидемократические тенденции. Неужели нельзя избежать столкновения православных и светских концептов? Вы полагаете, что православная теория права фатально ведет к антидемократическому строю?

О. В. МАРТЫШИН: — Видите ли, взгляды классиков православной теории права — Алексея Величко и Виталия Сорокина — совершенно не соответствуют официальной позиции Русской православной церкви, изложенной в названном мною документе.

Если говорить о дореволюционной русской профессуре, то я убежден, что все они придерживались либеральных традиций, хотя и в разной степени. То есть русская профессура — это кадетская профессура, а партия народной свободы — это партия либеральная. Но в эмиграции у них усилились ностальгические настроения, которые способствовали крену в том числе в религиозность. Особенно ярко это проявилось у Ильина, который в своих знаменитых выступлениях военных лет предстает как сторонник православной монархии. Но для русского дореволюционного профессора-правоведа это нетипичный случай.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Приглашается на трибуну Александр Алексеевич Тарасов из Башкирского государственного университета.

А. А. ТАРАСОВ: — Именно в том общекультурном плане, о котором сейчас было сказано, хочу обратить ваше внимание на наметившиеся в нашей стране антидемократические тенденции. Это заметная проблема, и мы не можем не искать выхода из сложившейся ситуации. Поскольку я имею дело с уголовной юстицией, обозначу некоторые антидемократические тенденции, которые наметились в моей сфере, и предложу варианты того, как бороться с возникшими трудностями.

В России есть главная проблема системы уголовной юстиции, от которой, увы, не удастся абстрагироваться никому из участников нашей конференции, включая экономистов и тех, кто связан со сферой культуры, потому что в повседневной жизни, к сожалению, постоянно обнаруживается связь всех слоев общества с производством по уголовным делам. Эта проблема состоит в том, что система уголовного правосудия не готова разговаривать с людьми, не готова объяснять, для

чего она существует и почему поступает именно так, а не иначе. Здесь мне не хотелось бы полностью абстрагироваться от той темы, которую я рассматриваю в своем докладе. Речь идет о суде присяжных. По сути, это единственный метод общения власти с населением, который применялся во многих государствах в разные эпохи. Суд присяжных — это способ для государства дать понять людям, что оно готово к диалогу.

Но введение суда присяжных, в том числе на уровне районных судов, уже сейчас показало, что правоохранительная система и система правосудия не вполне готова общаться с людьми. К сожалению, это проявляется на всех обучающих семинарах для государственных обвинителей. Вопросы, которые задают судьи, и рассказы о реальных случаях из жизни показывают, что идея суда присяжных не очень хорошо понята в профессиональном юридическом сообществе. Во-первых, она отторгается на уровне инстинкта. Во-вторых, даже если отторжение удается преодолеть, работать с этим институтом все равно не удается.

Самым непонятным в суде присяжных во всех странах во все времена было такое явление, как «нуллифицирующий вердикт», или так называемая нуллификация. Имеются в виду случаи, когда при, казалось бы, очевидных доказательствах виновности человека присяжные выносят оправдательный вердикт. Такое происходит по многим причинам, которые, сводятся к нескольким основным. Это либо исключительные обстоятельства, характеризующие дело, либо исключительные обстоятельства, характеризующие обвиняемого человека, либо неприятие людей того закона, который в данном случае подлежит применению.

Практика суда присяжных показывает, что люди очень по-разному могут воспринимать те или иные ситуации, и к этому нужно быть готовыми. Необходимо понимать, что правоохранительной системе предстоит столкнуться с большим количеством неожиданностей.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Еще совсем недавно Конституционный Суд рассматривал вопрос о мораториии на смертную казнь. Это было связано с организацией судов присяжных в различных субъектах страны. Как Вы относитесь к тому, что в республиках Кавказа применение судов присяжных пробуксовывает, в том числе из-за клановой структуры общества?

А. А. ТАРАСОВ: — На самом деле это происходит не только в кавказских республиках. И проблемы, которые обнаруживаются при введении суда присяжных, обусловлены не правом. Они кроются в структуре нашего общества и организации общественной жизни вообще. При тейповой организации населения республик Кавказа очень трудно сформировать коллегию присяжных, в которую не войдут ни родственники, ни кровники того, кто сидит на скамье подсудимых. Этого можно избежать с помощью окружных судов, которые позволят набирать присяжных из большей аудитории. Существуют и другие способы. Но я думаю, что в этих республиках есть и другие проблемы помимо суда присяжных, и многие из них взаимосвязаны.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Существует еще проблема функционирования суда присяжных при введении электронной системы правосудия, — поскольку эти явления никак не вяжутся друг с другом.

Слово предоставляется Игорю Эдуардовичу Фролову.

И. Э. ФРОЛОВ: — Сегодня в мировой экономике есть определенные глобальные тенденции. И я бы хотел рассмотреть некоторые из них, сделав акцент на том, с чем я не согласен из упомянутого на пленарном заседании и сейчас.

Мы видим соотношение темпов роста мирового валового продукта и мировой торговли. Простой и очень интересный феномен: начиная с 2014 года темпы роста валового продукта превысили темпы роста торговли. Такое в последний раз наблюдалось только в начале 1990-х годов, после распада Советского Союза и мировой социалистической системы. Но тогда был качественно иной тип экономики. Поэтому необходимо понять, является ли то, что сейчас происходит, статистическим феноменом. В таком случае это может быть связано с изменением методики счета, в частности с внедрением системы национальных счетов 2008 года, которая завышает темпы роста, либо с каким-то другим эффектом.

Главная гипотеза, которую я буду отстаивать, такова: мир перешел в стадию глобальной системной трансформации, сопоставимой с XVI–XVII веками, и это приведет к непредсказуемым результатам. Кризисы — только часть этой трансформации, экономика, скорее всего, находится на этапе перегрева. И действительно, с осени 2016-го наблюдается некоторое ускорение темпов роста. До этого, с 2011 по 2016 год, они снижались. Это явление получило название new normal, то есть новая нормальность, великая рецессия и т. п. Сейчас темпы ускоряются, но никто не понимает, долго ли это будет продолжаться. Скорее всего, это быстро закончится, потому что долги страны в несколько раз превышают мировой валовой продукт. Так что возникает вопрос: устойчиво ли это развитие? Многие говорили о том, что оно неустойчиво, я согласен с этой позицией. Но возникают другие вопросы: почему развитие неустойчиво; каковы механизмы этой неустойчивости; как можно их различить?

Я бы обозначил, пользуясь введенным тезисом, то, что находится выше и ниже экономики, — но с точки зрения не знаний, а действительности. Надо учитывать как минимум три категории: экономику, хозяйство и финансы. Вообще, слово «хозяйство» не переводится на английский, у используемого обычно «household» немного другое значение. Хозяйство — это производство для себя, то есть ситуация, когда производство и потребление находятся в единой конструкции, в единой системе. По этому принципу можно выделить домашние хозяйства, предприятия и так далее — принципиально локальные организации. Экономика же — это всегда производство для другого, опосредованное рынком, поэтому в ней появляется и воспроизводится стоимость. Экономика имеет куда бóльшую динамику, разрушительную для хозяйства, и это неслучайно. Третья

категория — финансы — это надстройка над экономикой, причем в финансах не воспроизводится стоимость: она перераспределяется, и воспроизводится возможная стоимость, которая актуализируется только при выводе денежных средств. Динамика здесь тоже иная.

Синтез обозначенных видов общественных отношений принципиально неустойчив. В начале любого экономического цикла они помогают друг другу развиваться. Но финансы растут быстрее, чем экономика, а экономика растет быстрее, чем хозяйство, и баланс со временем нарушается. Так, собственно, и появляются предпосылки кризиса. Следующий такой кризис начнется достаточно скоро: через полгода или год. Он, как всегда, будет неожиданным, особенно для российского правительства, и более продолжительным, чем предыдущий. Потому что кризис 2008–2009 годов, хотя и был системным финансовым, не затронул базис экономики.

Проблема, о которой я говорю, реальная и дискуссионная. Чего нам следует ожидать дальше? Пока можно сказать, что инноваций во время кризиса не будет, их отложат. Только та страна, которая научится создавать инновации в условиях кризиса, то есть работать совершенно по-другому, окажется в выигрыше. Кризис — это ведь и большие возможности. Его надо переживать, к нему надо готовиться.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Приглашается Алексей Юрьевич Саломатин из Пензенского государственного университета.

А. Ю. САЛОМАТИН: — Мне очень приятно выступать после такого основательного доклада, который, по сути, переворачивает устоявшиеся представления о кризисном развитии мирового сообщества. В свое время наши известные ученые В. И. Пантин и В. В. Лапкин на основе циклов Кондратьева и своих изысканий предсказали начало мирового кризиса 2008–2009 годов, причем было это еще в конце 1990-х. К сожалению, не сбылось предсказание о том, что к 2018–2019 годам он будет преодолен. Так что для нас очень важно было услышать мнение авторитетного специалиста о том, что до середины 2020-го мы не выйдем из кризиса.

С точки зрения государствоведческой, юридической науки мы пытаемся осмыслить эти явления в рамках постмодернизационных процессов. Они начались, видимо, со всеобщей компьютеризации производства и быта в конце 1970-х годов после циклических и структурных кризисов того периода. В 1980-е годы эти процессы происходили уже весьма стабильно. В общем-то, мировая экономика относительно благополучно развивалась и в 1990-е годы. Сложилась концепция либерального оптимизма, но, как образно написал Сергей Юрьевич Глазьев в своей монографии 2010 года, началась глубокая трансформация экономики. Мы и сегодня наблюдаем этот процесс. Видимо, первый этап постмодернизационного развития завершился, а перейти ко второму оказалось достаточно сложно. Вероятно, десяти, а может быть, и пятнадцати лет будет недостаточно.

В своем же докладе на этой конференции я рассмотрел не вопросы мирового развития — хотя это действительно очень интересно, — а то, что происходит буквально в эти дни. 23 мая начались выборы в Европарламент. Из рутинного процесса эта процедура превращается в критические выборы. Любопытно, каким будет новый состав Европарламента.

Мы наблюдаем, что из организации, которая в начале 2000-х ассоциировалась с прогрессом, с неким идеалом межгосударственного интеграционного объединения, Евросоюз превращается в организацию, которая допускает множество стратегических и тактических ошибок. Я думаю, это объединение выстоит как организация, но хочется также надеяться, что ЕС больше не будет совершать экспансионистских действий, стремясь включить в сферу своего влияния Кавказ и республики Средней Азии, что абсолютно нелогично и контрпродуктивно. Полагаю, Евросоюз должен превратиться в более солидную организацию. Во всяком случае, хотелось бы в это верить.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я думаю, что, помимо всего прочего, Евросоюзу предстоит сыграть новую роль, если мы говорим об экономике. Это будет третий конкурент на мировом рынке. Как Вы думаете, какие последствия это может возыметь?

А. Ю. САЛОМАТИН: — Это намного лучше, чем ситуация, в которой Европа является сателлитом Соединенных Штатов. Полагаю, это удачный расклад, при котором усложнится мировая конфигурация.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Марине Леонидовне Давыдовой.

М. Л. ДАВЫДОВА: — Я озвучу несколько тезисов из своего доклада, как бы на полях.

Актуален вопрос о том, нужна ли вообще стабильность законодательства именно в эпоху глобальной нестабильности. С точки зрения системного подхода устойчивость одних элементов системы обеспечивается неустойчивостью других. В этом смысле мы, например, можем сказать, что государству нужна нестабильность законодательства, чтобы поддерживать собственный баланс в условиях всеобщей неустойчивости. У этой характеристики законодательства есть и положительные черты. Отсюда следует вопрос, не надумана ли вообще проблема стабильности законодательства. Мир изменяется, и чем больше изменений происходит, тем более чутко и динамично должно реагировать на них законодательство.

При этом важно различать собственно гибкость законодательства и его нестабильность. Гибкость — это такое свойство, которое позволяет праву реагировать на происходящие изменения без необходимости внесения постоянных изменений в законодательство. То есть такая система правовых институтов, в которую встроены какие-то элементы, принципы, оценочные понятия, аналогии, позволяющие без корректировки извне меняться, соответствовать каким-то новым потребностям.

В случае с нестабильностью все получается как раз наоборот. Здесь можно рассмотреть конкретные количественные данные, например дату принятия того или иного кодекса и количество изменений, которые были в него внесены, то есть количество законов о внесении в него изменений. И мы видим, что, скажем, Земельный кодекс изменяется в среднем шесть раз в год, Уголовный кодекс — около десяти раз в год, вторая часть Налогового кодекса — двадцать семь раз в год, то есть дважды в месяц, и т. д. В этом потоке, естественно, невозможно уследить за технико-юридическим качеством всех законов. Нормальное экономическое развитие невозможно в отсутствие четких правил игры. Когда правила меняются с такой скоростью, само законодательство становится фактором дестабилизации общественной жизни.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть, — о том, как именно исследовать причины или факторы нестабильности, на которые можно было бы воздействовать. Здесь, вероятно, есть два подхода: эмпирический и философский. Мой доклад посвящен именно эмпирическому подходу, тому, как можно математическими методами рассчитать влияние того или иного фактора на уровень стабильности законодательства. Второй, философский, подход представляет собой взгляд на право с точки зрения глобальных проблем, того самого общего контекста картины мира, о котором сказал профессор Запесоцкий. То есть мы должны, создавая нормативный акт, исходить из общего видения того, что происходит с современным обществом.

Огромное количество изменений в российском законодательстве связано с ужесточением ответственности, с дополнительной ответственностью или с введением новых мер ответственности за те или иные правонарушения. Речь идет даже не о бессистемности этих изменений. Дело в том, что санкции воспринимаются как основное средство воздействия. Но если мы посмотрим на то, как информационное общество меняет людей, то увидим, что в современных условиях под влиянием новых технологий человек получает возможность конструирования собственного жизненного пространства, он становится более индивидуалистичным. Следствием чего является то, что он начинает сомневаться в легитимности государственно-властных решений, меньше уважать иерархические связи и предпочитать связи координаций. Для этих людей, формирующихся в условиях информационных отношений, сам по себе авторитет власти уже не является аргументом. Нужно именно то, о чем сказал профессор Тарасов, — разговаривать с людьми, а не просто пытаться устрашать их санкциями.

Последнее, о чем я хотела бы сказать, — это проблема кадров. Законодатель — само по себе абстрактное понятие. Непонятно, идет речь об экспертах, которые оценивают законы, или непосредственно о людях, которые предлагают нормативные акты. На эту тему тоже идет дискуссия. Должны ли мы специально обучать людей, которые будут писать законы? В любом случае, вероятно, проблема упирается именно в тех людей, которые формулируют нормы и которые должны понимать роль этих норм и степень их действенности.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Скажите, пожалуйста, какие факторы влияют на нестабильность законодательства, если мы посмотрим на этот вопрос с позиции характеристик политической системы государства?

М. Л. ДАВЫДОВА: — Можно упомянуть такой фактор, как степень демократичности политической системы. Количество субъектов, реально влияющих на содержание правотворческих решений, наверное, влияет на качество нормативных актов.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Также влияют, полагаю, расстановка политических сил и представительство партий. Быстрое принятие того или иного закона — это, собственно, задача. Вопрос в том, есть ли определенная партийная дисциплина в депутатском корпусе.

М. Л. ДАВЫДОВА: — В нашей стране получается так: чем быстрее закон принимают, тем менее вероятно его высокое качество. Так что партийная дисциплина — это хорошо, но здесь важнее большое количество субъектов, способных высказать свое мнение.

Е. А. БРЫЛЕВА: — Я солидарна с Вами. Вы сказали, что есть два подхода к тому, как решить обозначенные вопросы. А как Вы относитесь к третьему подходу, с которым я сталкивалась: законодательному ограничению внесения изменений по одним и тем же вопросам в определенные сроки, то есть к мораторию на внесение изменений? Этот подход мотивирован тем, что в таком случае не будет рефлексии по поводу частых изменений в одних и тех же сферах отношений.

М. Л. ДАВЫДОВА: — Такой инструмент имеет право на обсуждение, хотя я вовсе не уверена, что он сработает. Может быть, для каких-то правовых институтов это было бы уместно. Например, мне кажется, что надо каким-то образом остановить поток изменений Уголовного кодекса. Но я не большой специалист, скажем, по Налоговому кодексу и не уверена в том, что такой подход не нанесет вреда.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позвольте предоставить слово Наталье Михайловне Филимоновой.

Н. М. ФИЛИМОНОВА: — В своем выступлении я хочу обратить внимание на то, каким образом экономика совместного использования влияет на модели бизнеса различных компаний и предприятий. Такая экономика предполагает совместное использование различных недоиспользованных активов, сервисов, работ и услуг. По различным оценкам, мы сейчас недоиспользуем около 70 % времени наших автомобилей, они большую часть времени находятся на парковках или стоя́т около наших домов. Кроме того, согласно различным оценкам, офисные помещения и пространства используются тоже только около 50 % времени.

Поэтому одно из преимуществ, которое дает экономика совместного использования предприятиям, — это получение доходов за счет расширения рынков. Также она дает возможность компаниям использовать новые возможности и технологии, чтобы привлекать клиентов. Люди благодаря таким компаниям могут легко найти удаленную работу и получить дополнительные доходы. Кроме того, компании в поисках новых возможностей находят те рынки, на которых уровень государственного регулирования недостаточен, и организуют там свою деятельность.

Согласно оценкам PricewaterhouseCoopers, размер экономики совместного использования по сравнению с 2015 годом к 2025 году увеличится более чем в двадцать два раза. Рост чистых доходов успешных компаний, которые используют современные цифровые технологии, например Netflix, Uber и других, описывается экспоненциальной моделью.

В нашем исследовании мы рассмотрели те компании, которые находятся на втором и третьем раундах, то есть еще не имеют большой доли рынка, но они уже имеют продукт, который может быть потреблен клиентами. Они известны на рынке, у них есть модели, которые могут быть масштабированы, есть свои клиенты. Особенно популярны эти компании стали с 2014 года. Компании предоставляют услуги этим клиентам, используя различные онлайн-платформы, получают доходы в виде комиссии за сделку, платы за доставку, а также за доступ к сайту и благодаря рекламе. Однако не все они столь успешны на данном рынке, несмотря на такие примеры, как Uber, Яндекс и Netflix.

Экономика совместного использования оказывает большое влияние на существующие компании. Необходимо учитывать не только те преимущества, которые она дает, но и те ограничения, которые она накладывает на деятельность компаний.

Н. Н. НИКУЛИН: — Почему Вы считаете, что Uber — это пример совместного использования? Они просто провозят пассажиров.

Н. М. ФИЛИМОНОВА: — У них нет своего автопарка, они дают людям возможность выйти на работу со своими автомобилями и соединяют клиентов и водителей.

В. В. ЛАПАЕВА: — В чем специфика трудовых отношений между рабочими, которых привлекают компании типа Uber, и руководством компаний?

Н. М. ФИЛИМОНОВА: — Это важный вопрос. Я не изучила его в должной степени, но проблема действительно существует. В других странах, например, такие компании заключают с сотрудниками договоры найма, при котором люди не считаются постоянными сотрудниками, а это затрудняет предоставление и накопление средств на пенсию, на отпуск и т. д. То есть это наемные рабочие для выполнения разовых заказов.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается Игорь Геннадьевич Дудко.

И. Г. ДУДКО: — Прежде всего хотел бы попросить студентов внимательно относиться к публикуемой информации о себе. Сегодня мы все — а вы в первую очередь — заложники гаджетов и активные пользователи Интернета. Это позволяет не только пользоваться услугами и находить информацию, но и делиться сведениями о нас самих. Информация может быть совершенно разной и распространяться в разных форматах: вы рассказываете о том, что едите, что смотрите, с кем общаетесь, что читаете и т. д.

Приведу один пример того, как информация из Интернета помешала человеку, строившему карьеру в государственной службе. На заседании коллегии судей в одном из регионов рассматривалась кандидатура прекрасного выпускника, помощницы судьи. У девушки были великолепная характеристика, отличные оценки, подходящие личностные качества — все прекрасно. Однако выяснилось, что когда-то студенткой она делала весьма фривольные селфи, что-то с использованием мантии. Потом всплыла публикация о том, как она посещала ночной клуб, где рассказывалось, как она отдыхала, как на сцену ее выводил плейбой и т. д. Эта информация заставила коллегию усомниться, и в итоге девушке не дали занять должность судьи.

В связи с этим я хотел обратить ваше внимание на проблемы юридического характера, связанные с использованием персональных данных. Надо отметить, что сегодняшнее законодательство России движется в этом вопросе в правильном направлении — я имею в виду защиту персональных данных. Информацию, которая не соответствует определенным требованиям, например, можно удалить. На мой взгляд, хорошо, что здесь мы учитываем удачную практику Евросоюза, хотя это удается и не в полной мере.

В связи с этим я хотел бы призвать вас интересоваться не только правовыми аспектами защиты информации. Наш законодатель, судя по последним публикациям, — в частности интервью в «Парламентской газете» с одним из заместителей руководителя комитета, связанного с информатикой, — озабочены тем, чтобы оцифровать нас полностью. То есть все данные о нас представить в электронном виде и с нашего согласия использовать их. Так что у меня к вам такое предложение: поразмышлять над исследовательской проблемой, связанной с оцифровкой и ее правовым урегулированием. Особенно советую обратить внимание на такую становящуюся все более актуальной тему, как право быть забытым. Данные поисковых систем свидетельствуют, что все больше лиц — я имею в виду граждан России — стремятся направить запрос в соответствующие компании для того, чтобы удалить информацию о себе. Речь идет о тех сведениях, которые, с точки зрения пользователя, не соответствуют действительности или уже неактуальны.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позвольте предоставить слово Елене Александровне Брылевой.

Е. А. БРЫЛЕВА: — Я хочу продолжить разговор в этом же русле и вспомнить посыл пленарного засе-

дания, главный вопрос вчерашнего дня: каким станет наше будущее?

Первая тема, которую я хотела бы затронуть, — будущее международного права. Сейчас очень многие теоретики говорят, что международного права нет вообще, что мы имеем дело с отношениями, сложившимися целиком в XX веке. Когда я читаю своим студентам лекции по международному праву, то объясняю им этапы исторического развития и подчеркиваю, что в основном международное право развивалось в XX веке. При этом нужно учитывать специфику событий и проблем прошлого столетия. С одной стороны — две мировые войны, а с другой — проблематика прав человека и развитие международного права.

Сейчас часто возникают споры на тему того, надо ли что-то менять в международном праве. Я считаю, что нужно все оставить как есть. Все принципы, которые были сформулированы в свое время в международном праве, прекрасны. Если государства будут жить в соответствии с ними, в мире сложатся компромиссные условия. В XX веке две системы — социалистическая и капиталистическая — были вынуждены сосуществовать. Причем формально они уживались мирно, выработав общие правила сосуществования, в соответствии с которыми жили. Конечно, велись военные действия в Афганистане и во Вьетнаме, оба блока поддерживали террористические организации. Но вместе с тем внешне все было цивилизованно, все проходило на дипломатическом уровне. Так продолжалось до определенного периода, когда в 90-х годах не была разрушена система Советского Союза.

И когда я сейчас рассказываю о том, что в конце прошлого века начался новый этап развития международного права, то делаю оговорку. Я поясняю, что не знаю, как будет называться этап международного права, который мы переживаем сейчас. Но мы, безусловно, перешли в какую-то иную стадию и можем сейчас говорить о кризисе международного права. В свое время Д. А. Медведев сказал о кризисе отношений — именно его мы сейчас и переживаем.

Второе, о чем я хочу сказать, — это будущее России. Наша история продолжает двигаться по спирали. Мы, например, опять вернулись к традиционному спору западников и славянофилов о том, по какому пути развиваться России: западному, восточному или по тому уникальному, который мы выработаем сами. Но, насколько я вижу, мы опять склоняемся к восточному пути развития. Время покажет, насколько это продуктивно. Сегодня мои коллеги говорили о том, что скоро мы опять перейдем в стадию экономического кризиса, что надо запасаться продуктами и каким-то образом готовиться. Тем не менее, я все-таки надеюсь на лучшее будущее для России.

Кроме того, нужно сказать и о социальных сетях. Недавно я присутствовала на принудительном эксперименте, который проводился в Новооскольской воспитательной колонии. Суть его была в том, что девочек, которые там находятся, полностью лишили гаджетов. В результате девочки стали намного больше всего успевать. Они изучают языки, занимаются шитьем, вяжут, танцуют, выступают на различных конференциях. Кроме того, уровень их подготовки к ЕГЭ заметно вырос.

Последнее, о чем я хотела бы сказать, — это дистанционное обучение. В одном из выпусков журнала «Юридическая наука и образование» напечатана статья, в которой читателей призывают к дискуссии на тему того, можно ли давать юридическое образование дистанционно. Это тоже относится к вопросу о плюсах и минусах информационных технологий. Лично я категорически против. Ни одна онлайн-конференция не заменит простого общения. В конце концов, человеческое общение — это тот незаменимый ресурс, который дает нам возможность жить.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Приглашаю к микрофону Николая Николаевича Никулина.

Н. Н. НИКУЛИН: — Предлагаю обсудить сегодняшнюю ситуацию в экономике, то, какие цели нужно поставить, и способы их достижения. Очень важно посмотреть на то, что нас не устраивает в экономике нашей страны.

Темпы роста экономики России падают: сегодня они ниже общего мирового уровня. Соответственно, понижается место российской экономики в мире. Через двадцать-тридцать лет при таком соотношении темпов роста России и мира мы не попадем не только в пятерку, но и в десятку лидеров.

Сегодня уже говорилось о том, что нужно различать экономику и хозяйство. Я с этим полностью согласен. Но дело в том, как проявляется отличие одного от другого. В хозяйствах субъективно решается то, кому сколько достанется: например, что получат в хозяйстве семьи дочь, сын, мама и папа. В экономике действуют объективные отношения, основанные на конкуренции, и если кто-то их не выдерживает, он выпадает из этой системы. Сегодня экономические отношения глобальны, то есть мы имеем дело с мировыми экономическими отношениями. Только вписавшись в них, можно остаться в экономической, а не в хозяйственной системе. Поэтому «Суперджеты» и прочее — это все попытки остаться в хозяйственной системе, подобной тому, что было в Советском Союзе. То же относится к импортозамещению.

Капитал — это самовозрастающая стоимость в разных формах: в денежной, производительной или товарной. Денежная форма должна иметь определенную величину, чтобы стать капиталом. Производительным капитал будет только тогда, когда появятся технологии и оборудование для того, чтобы произвести товар. Товар — это то, что можно продать за доллары, только в данной валюте можно определить его ценность.

В связи с этим возникают те проблемы, которые я уже упомянул: низкие темпы роста экономики и ее структура, в том числе то, что в ее основе — продажа сырья. Кроме того, нас не устраивают неравенство и снижение численности населения. Что делать?

Мне кажется, что те, кто устраивал перестройку, просто-напросто хотели пожить за счет ресурсов, созданных предыдущими поколениями. Сегодня также стоит вопрос экономических интересов поколений.

Доля накопления основного капитала в Российской Федерации в 2018 году составила 17,8 %, хотя президент поставил задачу довести до этот показатель до 25 %. Для сравнения скажу, что доля накопления капитала в Китае — 45 % в год и более. Примерно такая же норма в Индии и Вьетнаме, и за счет этого экономика стран растет. Кроме того, для Китая огромное значение имеют прямые иностранные инвестиции, потому что за 2000–2017 годы приток иностранного капитала там составил примерно 2 трлн долларов.

Если мы сегодня не повысим норму накопления капитала, темпы останутся такими же, и в связи с этим возникает вопрос сопоставления интересов поколений. Да, мы получили что-то от того, что создано предыдущим поколением. Но согласна ли сегодняшняя молодежь сократить свое потребление для того, чтобы их дети пользовалось их накоплениями? Если нет, то ситуация в стране останется прежней. Поэтому, на мой взгляд, основная проблема сегодня заключается в том, чтобы согласовать интересы нынешнего поколения с будущим. Только в этом случае экономика России займет достойное место в мире.

И. Э. ФРОЛОВ: — Николай Николаевич, Вы уверены, что низкие темпы роста — это не новая нормальность? Есть исследования, в которых был выявлен повальный рост примерно за последние сто лет и установлено соотношение темпов роста экономики с ростом имущественного неравенства, которое усилилось благодаря войне, потом сгладилось к 1960-м годам, а теперь снова выросло. Вам не кажется, что возникает системное ограничение роста экономики?

Н. Н. НИКУЛИН: — В какой-то степени можно с этим согласиться. Но если сопоставить темпы прироста основного капитала в Соединенных Штатах и Европейском союзе с темпами в Китае и других азиатских странах, а также учитывая, что темпы роста экономик различные: в Европе — 1,5 %, в США — 2 и 7 % в азиатских странах, то эта взаимосвязь действительно имеет место. Поэтому накопление капитала — единственный, на мой взгляд, источник экономического роста для России.

Перейти к производству, например, цифровых технологий сейчас не получится. Скажем, какая-нибудь тайваньская фирма строит сегодня завод для производства процессоров по 5-нанометровой технологии, который стоит 20 млрд долларов. При этом каждый литографический станок, который они закупают в Нидерландах, стоит 130 млн долларов. Если у вас нет такого оборудования и необходимой суммы денег, вы будете производить не 5-нанометровые, а 90-нанометровые технологии на устаревшем оборудовании, которое вам поставила AMD. Поэтому нужно накопить 20 млрд, плюс деньги на оборудование, которое никто бесплатно не отдаст. Также необходима рабочая сила, нужны умы для того, чтобы занять достойное место в мировой экономике.

В. В. ЛАПАЕВА: — Николай Николаевич, а при каком официальном проценте бедного населения этого можно достичь? За счет кого Вы предлагаете делать накопления? Какие социальные проблемы Ваше предложение поднимает?

Н. Н. НИКУЛИН: — Я уже говорил на этой конференции о том, что сегодняшняя ситуация в российской экономике с точки зрения накопления капитала в какой-то степени повторяет то, что было в XIX веке, когда капитал, который получали помещики, тратился на закупку предметов потребления, а не на создание производства внутри страны. Сегодня тоже происходит утечка капитала. За 2017 год отрицательный приток прямых иностранных инвестиций составил 53 млрд долларов. Это означает, что капитал уходит из страны, а его необходимо оставлять здесь, возможно административными методами.

Кроме того, необходимо возвращать ушедшие капиталы. Проблема неравенства, конечно, существует, но обратите внимание вот на что. В банках страны свободные средства предприятий составляют примерно 27 трлн рублей, депозиты населения — примерно 25 трлн. То есть у нас есть 50 трлн рублей, которые лежат без движения. Почему? Говорят, мол, высокая процентная ставка, гораздо выгоднее спекулировать на валютном рынке, а отбить такую ставку нормой прибыли в производственном процессе очень сложно. Но, на мой взгляд, основная проблема в том, что мы не знаем, во что вкладывать свободные средства, и что мы не можем произвести ничего конкурентоспособного на мировом рынке. Простой наглядный пример: некоторое время назад господин Прохоров решил создать «Ё-мобиль» и потерпел неудачу. Но когда Илон Маск, располагая куда меньшими средствами, решил построить ракеты и космический корабль, ему это удалось. То есть общий уровень технологического развития страны предопределяет очень многое.

Выход из этой ситуации только один: надеяться на молодые умы. Может быть, они придумают систему телепортации, и тогда нашему «Суперджету» или ИС-21 не надо будет конкурировать с «Боингом» и «Эирбасом». В противном случае мы всегда будем отставать, отставать и еще раз отставать.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается Татьяна Владимировна Чубарова.

Т. В. ЧУБАРОВА: — На пленарном заседании многие выступающие говорили об изменениях, хаосе, переходе. В 1990-е годы мы пытались перейти из социалистического общества в капиталистическое, хотя, как выяснилось позже, не совсем правильно его себе представляли. По мнению Р. С. Гринберга, мы хотели сохранить преимущества социализма и добавить к нему преимущества капитализма, но это не вполне получилось.

Что делать теперь? Какое общество мы хотим построить, в каком обществе мы хотим жить? Один известный философ высказал мысль о так называемом хорошем обществе. Что такое хорошее общество? Это важно понимать, потому что развитие происходит постоянно: нам известно о конце идеологии, конце исто-

рии и даже о конце человечества, но тем не менее жизнь продолжается. Не случайно на пленарном заседании докладчики обращались к идеям социализма — это то, что мы видели и знаем. Каким будет новое общество, представить довольно трудно. В этом контексте обращение к прошлому известно, понятно, вполне закономерно. Круг замкнулся: мы говорим о постмодернизме, а одно из высказываний К. Маркса состоит в том, что мир нужно не только понять, но и изменить, — это девиз современного постмодернизма.

Я не знаю, каким должно быть новое общество, но уверена, что один из важнейших вызовов, стоящих перед нами, — это неравенство. К сожалению, сегодня неравенство есть во всех странах, находящихся на разных уровнях развития. В этом плане мы солидаризируемся с Соединенными Штатами Америки, потому что в России уровень неравенства, по официальным данным, приблизительно такой же, как в США. Сегодня здесь присутствует замечательный исследователь проблем неравенства Дж. Гэлбрейт, работы которого я советую всем почитать.

Проблема заключается в том, что неравенство становится не только доходным, оно существенно ограничивает наши жизненные возможности во всех сферах: в образовании, здравоохранении, жилищной сфере. И что самое неприятное для молодежи — неравенство ограничивает социальный лифт и не дает людям изменить свои позиции в обществе, перейти на другой жизненный уровень.

Что делать? Ответ: проводить Лихачевские чтения. Ценность Лихачевских чтений и нашей сегодняшней дискуссии заключается в том, что здесь собрались представители различных дисциплин, которые пока, к сожалению, не очень хорошо понимают друг друга. Я не знаю, что делать (удел молодежи — формировать общество, в котором они будут жить), но уверена, что одна из главных научных проблем — междисциплинарность.

Право и экономика тесно связаны между собой. Например, антимонопольное законодательство иллюстрирует, как правовая система ограничивает развитие монополий, чтобы дать возможность экономической системе и конкуренции в полной мере проявить свои преимущества. Экономический анализ правовых явлений сегодня тоже важен. Имеет значение так называемая поведенческая экономика: можно менять поведение человека путем предоставления ему определенных стимулов. В основе этого подхода лежат экономические критерии. Люди, с одной стороны, хотят максимизировать свое благополучие, благосостояние, с другой — реагируют на стимулы, которые заставляют их думать о том, что с ними будет, как изменится их благосостояние, если они совершат тот или иной поступок. В этом плане нам помогает право, например различные штрафы. Было бы интересно провести более глубокий анализ синтеза права и экономики.

Модная сегодня идея состоит в том, что человек поступает рационально. В экономике действует ограниченная рациональность, но, вспоминая классиков, возникает вопрос: а судьи кто? Кто оценивает, ограниченная она или это наша собственная рациональность? Эти вопросы важны и для права, и для других наук.

В связи с формированием новой рациональности я хотела бы взять за основу мнения трех российских академиков. Академик Вячеслав Семенович Степин в философском плане поставил вопрос о необходимости новой синтетической концепции рациональности — междисциплинарной концепции, которая отвечала бы интересам саморазвивающегося общества, постоянно находящегося в условиях изменений. Академик Олег Тимофеевич Богомолов много времени посвятил исследованию неэкономических граней экономики. В его работах различные явления рассматривались с междисциплинарной точки зрения, была сделана попытка объяснить явления, в том числе экономические, с гуманитарной позиции. Академик Виктор Меерович Полтерович серьезно продвигает идею о необходимости формирования общего асоциального знания, которое в объяснении реальности должно учитывать и опираться на методы разных социальных наук.

Мы должны признать, что существующий мир очень сложный. Будущее может быть и таким, как в фильме «Звездные войны», но одна из серьезнейших проблем, затрудняющих формирование образа будущего, — отсутствие междисциплинарности. Мне кажется, мы должны использовать площадку Лихачевских чтений для ее продвижения.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — В 1917 году, затем в 1947-м Россия, Советский Союз, а потом Китайская Народная Республика встали на путь исправления социального имущественного неравенства. Этот эксперимент провалился. В США и России много богатых людей (в процентном соотношении), но у меня создается впечатление, что в Китае их еще больше. Допустим, количество очень богатых людей сократится в два раза. К чему эту приведет, к культурной революции?

Т. В. ЧУБАРОВА: — В современной экономической теории доказано, что высокий уровень неравенства является препятствием для существенного экономического роста. Если необходимо увеличить темпы роста экономики, то нужно снизить уровень неравенства.

Сегодня неравенство — другого качества, потому что оно затрагивает серьезные жизненные основания. По сути, у нас формируются два раздельных мира: мир обеспеченных, богатых, состоятельных людей и мир малообеспеченных людей, эти два мира не пересекаются. Серьезная проблема заключается в том, что неравенство — это остановка в развитии человечества, потому что между обществами нет социального «переливания». Но социальные лифты перестают работать не только в России, но и во многих других странах.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Темпы роста Китайской Народной Республики — 8 % при существующих проблемах (неравенстве, голоде и пр.). Возникает вопрос: что делать?

Т. В. ЧУБАРОВА: — Мне кажется, что социальное равенство является императивом общественного развития и без него мы далеко не продвинемся. Воз-

можно, в какой-то период неравенство может быть полезно, но, на мой взгляд, оно не имеет перспектив, что и показал 1917 год. Революция произошла не случайно: имевшееся неравенство, в том числе социальное, сословное, вылилось в серьезные проблемы.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Татьяна Владимировна, существует представление, что неравенство является лишь стимулом в достижении определенных позиций, приложении усилий, а зло коренится в невозможности преодолеть это неравенство, отсутствии лифтов, то есть важно не неравенство само по себе, а возможность его уменьшения.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Абсолютно с Вами согласна. Исследователь Шевяков писал об избыточном неравенстве. На мой взгляд, если мы, руководствуясь этой идеей, отпустим контроль за неравенством, то оно в какой-то момент может стать избыточным. В этом и заключается проблема.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Назовите, пожалуйста, научные критерии неравенства.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Научные критерии, которыми я оперировала при определении неравенства, — коэффициент Джини, коэффициент фондов и т. д. Сегодня много говорят о многокритериальном неравенстве: люди не равны в доступе к образованию, здравоохранению, обеспечению основных социальных благ. Это дискуссионный и сложный вопрос.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Марку Михайловичу Хайкину.

М. М. ХАЙКИН: — Я хотел бы рассказать о пред- и постреформенном состоянии национальной экономики. Это глобальная тема, поэтому я сделаю акцент на том, что сегодня не прозвучало. Общество, человеческая цивилизация так устроены, что много тысячелетий человек искал оптимум между свободой и справедливостью. Об этом сегодня говорили, но эти мысли можно перенести в экономическую плоскость: в природе существует план, или государство, и рынок. Модели экономических систем различаются тем, что между государственным регулированием административно-командными методами и рыночными инструментами существуют разные соотношения. Экономика одной страны отличается от экономики другой именно тем, что в разных секторах, отраслях, сферах деятельности, системах управления отмечается разная динамика, разное соотношение плана и рынка.

Нет будущего без прошлого и настоящего, поэтому нужно постоянно культивировать мысль об истории и эволюции, трансформации экономической системы. 1913 год — пик экономического развития дореволюционной России. Затем война, революция и т. д. 1920-е годы — новая экономическая политика, конкуренция, к которой мы к концу 1990-х — началу 2000-х годов так и не подошли. Во второй половине 1980-х годов переход к рынку был многообещающим: возникновение массового кооперативного движения, появление малых форм хозяйствования и т. д. Но все это в первой половине 1990-х годов было заморожено или уничтожено.

Я хотел бы сформулировать (может быть, спорный) тезис: сегодняшним реалиям не адекватна не только институциональная среда, но и умение управлять в новых условиях. В. И. Ленин в известной работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» (главная мысль — экономические преимущества крупного производства) сделал акцент на эффекте масштаба. Практически вся 70-летняя история Советского государства была историей гигантомании, когда строились крупные предприятия. Выработалось умение управлять только большими системами, и совершенно отсутствовал опыт управления небольшими системами. Фактически одна из серьезнейших проблем нашей экономической жизни — абсолютное отсутствие конкуренции или ее ограниченность.

В завершение хочу сказать следующее. Обществу, каждому из нас — и экономистам, и правоведам, и специалистам других областей знаний — важно состояние нашей жизни, потому что все должно быть для человека. До тех пор пока главным в нашей жизни будет рост экономики, экономическое развитие, мы принципиально не перейдем к новому состоянию общественного развития. Экономика станет вторичной, достигнет пределов общецивилизационного мирового развития только тогда, когда станет обеспечивающей по отношению к человеку и экологии. Это совершенно иной путь развития, который условно можно назвать посткапитализмом.

Сегодня многие выступающие говорили о синтезе, междисциплинарном подходе. Новые знания возникают только на стыке междисциплинарных знаний — в этом и заключается ценность Лихачевских чтений.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Марк Михайлович, Вы сказали, что экономика должна стать обеспечивающей. Что Вы понимаете под обеспечением — удовлетворение материальных потребностей, в том числе потребностей других, в целенаправленной совместной деятельности?

М. М. ХАЙКИН: — Я имел в виду в первую очередь высшую потребность человека в самореализации, самоактуализации, гармоничное развитие в широком смысле. И, конечно, речь идет не только о материальном обеспечении, хлебе насущном, хотя без этого ничего не может быть.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Значит, обеспечивающая экономика является и целью, и средством?

М. М. ХАЙКИН: — В этом смысле да.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — На трибуну приглашается Роман Анатольевич Ромашов.

Р. А. РОМАШОВ: — Мы живем в плену заблуждений. Если спросить у людей, чего им больше хочется — равенства или неравенства, то все ответят: равенства. Как мне представляется, самая большая ценность человека — это именно неравенство. Но когда мы го-

ворим о неравенстве, то предполагается, что в обществе должны работать социальные лифты: люди, которые наделены большим объемом ресурсов, должны занимать в системе неравенства более высокую ступень. Победили красные, а не белые, потому что у красных была система социальных лифтов: они начали войну лейтенантами и сержантами, а закончили генералами. Социалистическая экономика развивалась в том числе потому, что работали социальные лифты.

Рефлексия по поводу сказанного на Лихачевских чтениях. Мир человеческой культуры — перманентно изменяющаяся реальность. Когда мы говорим о том, что глобальное изменение воспринимается как негатив, мир изменяется. Другого мира нет. Социальное время представляет собой субъективный оценочный фактор, в рамках которого отсутствует статичная составляющая — настоящее. Настоящего в жизни и времени нет. Человеческие отношения существуют только в одной реальной форме — в прирастающем прошлом. При этом прошлое делится на две составляющие: современное эмпирическое и ретроспективное реконструированное. Будущее существует только в качестве вероятностной гипотезы, причем высказываются две гипотезы: будущее — это непрерывно сохраняемое настоящее, то есть современное прошлое, и будущее — это альтернативное современному прошлому состояние.

Человек, как правило, считает, что альтернативы негативны. По моему мнению, до тех пор пока существует президент России, равно как и президент Казахстана и другие президенты на постсоветском пространстве, у нас есть будущее. Как Россия будет жить без Путина? Для американцев такой вопрос даже не стоит. В любом нормальном обществе предполагается, что на смену одному чиновнику придет другой. Понимание стабильного мира сводится к традиционной системе соотношения ценностей и антиценностей. В условиях стабильности неизменность такого соотношения имеет значение для сменяющихся поколений культур, которые с определенной долей условности могут быть названы культурами отцов и детей. Нестабильность основана на разрыве либо конфликте культур отцов и детей, живущих в различных временных фазах прошлого и по-разному воспринимающих как ценности, так и антиценности, задающие векторы современного развития.

На пленарном заседании и в панельной дискуссии поднимались вопросы, касающиеся как оценки современной ситуации, так и будущего развития. С одной стороны, отмечалось усиление конфронтационных тенденций между государствами, принадлежащими к различным культурным типам, с другой — звучали призывы к компромиссу, при этом на какой основе такой компромисс может быть достигнут в реальности, к сожалению, сказано не было.

Академик А. Г. Лисицын-Светланов, обобщая итоги первого дня конференции, отметил, что современный мир находится в кризисе. К кризису в экономике добавляется кризис в международном праве. Продолжается трансформация мирового устройства, контуры которого были обозначены руководителями держав — победительниц во Второй мировой войне. Разрушение СССР и самоликвидация мировой системы социализма обусловили переход от биполярной структуры мира к многополярной, или мультикультурной.

В настоящее время происходит выстраивание сложной системы коммуникации между государствами, претендующими на статус центров силы. В основу понимания центра силы положены три фактора: уровень национальной экономики, измеряемой объемом ВВП; обладание ядерным оружием и эффективными средствами его доставки к месту применения; владение современными технологиями в области компьютерной техники, освоения ближнего и среднего космоса, искусственного интеллекта. Претензии России на статус центра силы базируются в первую очередь на военном ядерном потенциале и космических технологиях. И то и другое является советским наследием, разработанным и созданным в 1960-х годах. Современная Россия в данном случае выступает как квалифицированный пользователь, но не как создатель. Способность к инновационному развитию со стороны российской науки и практики представляется весьма иллюзорной. Очевидно, что современное состояние отечественного образования и науки не позволяет относить их к передовому сегменту мировой культуры.

Проанализировав историческое развитие России, можно констатировать, что в нашей стране никогда не было, нет и в ближайшей перспективе не предвидится права и экономики в том понимании, которое вкладывается в них в странах англоязычной культуры. Если для англо-американской культуры право — это common law, общее право (буквально: объединенный закон), включающее в качестве равноуровневых структурных элементов статут, прецедент, обычай, доктрину, то для России право — это справедливость, представленная одновременно волей всемогущего государя-отца, способного решить любую правовую проблему в режиме ручного управления. Правом в историческом понимании (с учетом прерывистого характера российской истории) на всех этапах отечественной истории является волюнтаризм государственной власти, в первую очередь воплощенная в законодательную форму воля действующего российского государя. То же самое можно сказать об экономике. То, что в английском языке обозначается как экономикс, в русском называется хозяйством и является столь же персонифицированным, как и государство и право. И то, и другое, и третье есть объекты хозяйственной деятельности персонифицированного государя, выступающего, по выражению последнего российского императора Николая II, в качестве хозяина земли русской.

Получается, что основа в экономической и правовой сфере — это стабильность, а точнее, несменяемость русского государя. Стремление к сохранению такой стабильности в обозримом будущем мы наблюдаем в прошлом нашей страны.

Н. Н. НИКУЛИН: — Роман Анатольевич, Вы сказали, что настоящего нет, а есть современное прошлое. Мы наблюдаем объекты разных типов с различными интервалами жизни: резонансные частицы живут де-

сятые доли секунды, биологические объекты — годы, планеты и звездные системы — миллиарды лет. В Вашей концепции современное прошлое едино для всех объектов или у каждой системы будет свое современное прошлое?

Р. А. РОМАШОВ: — Если мы мыслим юридическими категориями, то при употреблении приставки «со-» предполагается, что соучастник, современник — это только тот, кто находится в едином понятийном пространстве. Поэтому для галактик современность измеряется миллиардами лет, для микрочастиц — долями секунд, для людей — совместно проведенными годами. В гимне Советского Союза были слова «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь». Век с точки зрения современности понимается в русском языке как вечность, хотя вечности нет. Предполагалось, что Советский Союз вечен, но он просуществовал срок жизни обычного человека — 70 лет. Так что современность — это соучастие во времени, которое вы измеряете.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — То есть действие права во времени и пространстве.

В. А. КОВАЛЕВ: — На Чтениях много говорилось о нестабильности, конфликтности и т. д. Прозвучала мысль, что нестабильность — это нормально, с чем я полностью согласен. Стабильно только мертвое существо, человек нестабилен. Также много говорилось о поиске компромисса — того, чего хотят все. При этом отдельные люди используют выступление для пропаганды, как при делиберативной демократии, когда голосование, по сути, не нужно — пока не договоримся так, чтобы всех всё устроило. Это не способ преодоления кризиса, в том числе на международном уровне. Условно говоря, пусть конфликты будут, но по правилам. Устанавливаются общие правила, и все продолжают конфликтовать, но уже в рамках правил. Роман Анатольевич, не является ли это способом ввести нестабильность в стабильное состояние, не угрожающее существованию? Насколько идея агональности, введения правил игры (когда создается процедура, определяющая рамки игры) является способом сделать конфликт нормативно безопасным, когда он не разрушает, а является соперничеством?

Р. А. РОМАШОВ: — У сильного всегда бессильный виноват. Правила игры интересуют только тех, кто не готов проигрывать по правилам. Поэтому до тех пор, пока мир делится на сильных и слабых, пока действует монистическая модель мышления, будут существовать две точки зрения — моя и неправильная. Если я знаю, что мыслю правильно, то зачем мне договариваться с тем, кто мыслит неправильно? Если враг не сдается, его уничтожают. О свободе вероисповедания говорят сектанты. Как только религия приобретает общемировой характер, она сразу начинает бороться с сектантством. Мир разнообразен и нестабилен. Единственной гарантией того, что мы будем договариваться, является возможность уничтожения. Сегодня единственный гарант стабильности — ядерное оружие, которое выступает как сдерживающее. Все остальные конфликты будут существовать. Вот он, Нюрнбергский процесс — победители судят побежденных.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Тематика Лихачевских чтений связана с проблемами предсказуемости и управляемости. Я хотел бы поделиться своими соображениями, осмыслив то, что было сказано на пленарном заседании и прозвучало сегодня в ряде выступлений.

В чем заключается проблема предсказуемости, управляемости процессами в современной глобальной экономике? Популярный уже не одно десятилетие термин «глобализация» базируется на определенной модели — глобальном капитализме. Модель, которая создана сегодня, — капитализм, принявший глобальные формы. Надо сказать, что в основе глобализации лежала не только капиталистическая идея, но и идея мировой революции. Когда мир был разделен на две противоположные хозяйственные системы, по крайней мере в нашей стране высказывалась идея о мирном соревновании двух экономических систем, но люди верили в то, что в перспективе победит социалистическая система и социализм наступит во всем мире. Однако реальность показала, что мир пошел по пути глобального капитализма.

Формы проявления глобализации — динамика хозяйственных и торговых транзакций, инвестиции, финансовые потоки — по сути капиталистические. Кроме того, глобализация проявляется и в международных исследованиях, студенческом обмене, туризме, но в основном она существует в форме глобального капитализма. Хорошо это или плохо? Капиталистическая модель, как и любая другая, несовершенна. Традиционные проблемы капитализма — это подверженность конъюнктурным колебаниям, социальная дифференциация.

Во второй половине XX столетия в развитых индустриальных странах возникло общество благосостояния, прежде всего за счет перераспределения. В 1990-е годы это был привлекательный феномен. И когда на постсоветском пространстве в рамках бывшей социалистической системы проходили трансформационные процессы, нам хотелось создать такое общество. Была вера, что, разрушив социализм, мы станем жить так же, как в развитых индустриальных странах.

Что мы имеем сегодня? Глобальная модель капитализма содержит в себе элементы непредсказуемости, неуправляемости. Прежде всего глобальный капитализм — это глобальная конкуренция. Сегодня мы видим, что развитые индустриальные государства — США, страны Западной Европы, Япония — конкурентоспособны, а развивающиеся страны должны стать такими. Сегодня Китай показал, как, используя методы конкуренции, можно соревноваться. Это вызвало ответную реакцию — усиление протекционизма, потому что впервые развитые страны столкнулись с сильным конкурентом. Все принимаемые Трампом меры объясняются просто: США импортирует из Ки-

тая, допустим, на 500 млрд, а экспортирует на 100 млрд долларов; отток составляет 400 млрд.

Вторая проблема — социальное неравенство. ВВП на душу населения, по статистике Всемирного банка, отличается в странах с высоким уровнем дохода и странах с низким и средним уровнем дохода примерно в 23–25 раз. Потенциально большие рынки — Бангладеш, Нигерия, Пакистан, в каждой из этих стран проживают примерно 200 млн человек. Но это очень маленькие рынки во всех рейтинговых системах, потому что население этих стран живет очень бедно. Возникает вопрос: как решить эту проблему в глобальном масштабе? В развитых индустриальных странах богатые платят 50 % в виде налогов. Как эта проблема решается в остальном мире? Все это порождает новый национализм, желание пересматривать институциональные системы и пр.

Сейчас интеграционные процессы замедлились. Яркий пример — Брексит. В настоящее время нет ни одного регионального блока, который развивался бы успешно. Это еще один момент, который делает экономику нестабильной, неуправляемой.

Когда речь идет о глобальной конкуренции, то мы понимаем, что сегодня главный конкурент — это Китай, а в перспективе — и другие страны. То есть глобальная конкуренция всегда сценарна и непредсказуема. Социальное неравенство будет порождать недовольство и варианты решений, которые также могут быть непредсказуемыми. Поэтому проблема непредсказуемости, потери управляемости будет оставаться актуальной в ближайшие десятилетия.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Мы подошли к финальной части нашего заседания — подведению итогов. Слово предоставляется профессору Гэлбрейту.

Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Я с удовольствием приезжаю в Россию, Санкт-Петербург, в этот Университет на Лихачевские чтения, потому что на этом форуме обсуждается ряд серьезных проблем, поднимаются актуальные вопросы: культура, технологии, справедливость, законодательные нормы, вероятность финансового кризиса, проблема неравенства, нестабильность, конфликты и, кроме всего прочего, вопрос об оптимальной форме правительства.

Ведется поиск путей демократического управления и порядка, но не исключающих свободу, хотя нередко можно услышать жалобы на авторитарность. Возможно, отчасти это так. Но что было бы, если бы на самом деле мир был авторитарен? Во-первых, мир был бы наполовину пуст. Многие из приехавших на конференцию били бы баклуши, непродолжительное время послушали бы выступления профессорско-преподавательского состава, а затем ушли, не пытаясь завязать разговор и принять участие в дискуссии, и т. д. Сидящие в президиуме сопредседатели заседания, где сейчас царит атмосфера свободы, проявляли бы осторожность, чтобы не сказать ничего лишнего и двусмысленного. Итак, мой посыл состоит в следующем: будьте осторожны, когда вы чего-то желаете, вы можете это получить.

Около 170 лет назад Маркс и Энгельс сделали вывод, что история ранее существовавших обществ — это история классовой борьбы, но я думаю, что они ошибались. История всех ранее существовавших обществ — это история борьбы между идеологиями, которая большую часть времени принимала форму религиозной борьбы. В XIX веке появилась новая идеология — экономика. Идеологически экономики разделена между социализмом и капитализмом. Эта борьба продолжалась на протяжении долгого времени. Именно тогда стало ясно, что это в большей степени борьба между идеальными и неидеальными типами, а не между реальными системами.

Все это время ведется поиск альтернативы — третьего пути. Борьба за поиск разумной альтернативы, которая находится где-то посередине, должна продолжаться. Необходимо размышлять над этими вопросами, обсуждать эти темы, рассматривать их со всех точек зрения и только потом принимать решения. А это невозможно в обстановке, когда никто друг с другом не разговаривает, только высказываются жалобы, как в США, которые постоянно сетуют на то, что делают русские.

Итак, необходимо осознать, что мы здесь делаем. Нужно проанализировать успешный и неуспешный опыт, который пережили люди на протяжении своей жизни, в частности советскую эпоху и период свободного рынка, рыночного капитализма. Например, при устойчивом прогрессе, когда компромиссы приемлемы и могут быть долгосрочными, сохраняется возможность представлять будущее. И в этом будущем мы занимаемся решением проблем, с которыми сталкиваемся постоянно, и помогаем другим людям, не участвующим в этой дискуссии, также добиться прогресса.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Георгий Борисович, Вам слово.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Дорогие коллеги, мне понравились выступления, прозвучавшие сегодня на нашем заседании и касающиеся болевых точек современной экономики.

Была озвучена концепция экономического роста, о котором вещают со всех трибун без осмысления этого понятия. Кроме роста, существует понятие развития. Происхождение роста, измеряемого в темпах изменения ВВП и подобных ему показателях, носит неоклассический характер. В моделях магистрального типа неймановский луч отражает пропорциональное изменение всех показателей. Эта отжившая концепция основывается на представлении о линейности пути. Но так не получается — мир и экономическая наука иные. Необходимо менять критерии — перейти от количественного роста (не важно, идет речь о накоплении капитала, росте зарплаты и пр.) к понятию гармоничного развития. Это должно стоять во главе угла, как представляется современной науке. В том числе это относится и к такому понятию, как неравенство.

Неравенство как дисгармония вызывает отрицательное отношение. Но дисгармония в музыке разрешается в гармонической последовательности, потом она снова сменяется дисгармонией, дисбалансом

и т. д. Важна возможность движения от дисгармонии к гармонии. Неравенство как статичное понятие мало о чем говорит. Во многих случаях неравенство является стимулом. А невозможность реализовать этот стимул, о чем говорили коллеги, когда речь шла о некоторой сословности нашего общества, действительно тормозит наше развитие.

Еще одно проявление неравенства — между странами. Эта проблема тоже обсуждалась сегодня. Здесь важна системная постановка задач. Не может существовать однородная мировая структура. Неравенство между странами также является стимулом мирового развития. Но когда неравенство достигает пределов, речь идет уже о неблагополучии. Выбор между разнообразием и однородностью, стабильностью и волатильностью — в этом и заключается искусство развития экономики.

Мне понравился доклад Ореста Владимировича Мартышина, в котором выступающий четко разделил предрасположенность и предопределенность. Но возникает вопрос: когда мы говорим о предрасположенности российского общества к диктатуре, о том, что монарх предрасположен к диктатуре, получается, что диктатура является предопределенной. Эта разница между потенциалом предрасположенности и предопределенности как детерминантой очень важна. А. П. Чехов написал о ружье, которое висит на стене и в конце пьесы должно выстрелить. Предрасположенность в виде ружья превращается в предопределенность в виде выстрела.

И последнее: важно не только радоваться и огорчаться, но и, как говорили древние философы, понимать. К определенному уровню понимания мы приблизились после сегодняшнего заседания.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Коллеги, мое предположение, что в этом зале сложился временный научный коллектив, подтвердилось, даже с учетом того, что бóльшая часть присутствующих — это студенты. Я вижу свою цель в выделении общих тем — красных нитей нашей дискуссии.

Мне понравились выступления нескольких коллег, хотя в каждом из сегодняшних докладов прозвучали идеи, которые можно использовать. Валентина Викторовна Лапаева, отвечая на мой вопрос о разных типах правопонимания, сказала, что возможно комбинирование этих типов. Тогда появится новый комплекс правопонимания. В частности, она говорила о том, можно произвести такое конструирование, используя и старые типы правопонимания, идею исторической школы права о народном духе. Возникает вопрос, возможно ли это методологически: сложности связаны прежде всего с тем, что, говоря о разных типах правопонимания, мы начинаем рассуждать об объективных ограничителях процесса продвижения к будущему.

Когда Георгий Борисович говорил о том, что в экономической науке необходимо выявлять страты, и в качестве низовой страты выделил экономическое мировоззрение, то он, по сути дела, предложил совершенно другую — сложную — экономическую картину мира. Это не прежняя экономическая теория, а сложная теория, которая, на мой взгляд, предполагает учет контекста, включая мировоззрение, психологию людей. Это один из трендов современной экономической теории, с этого начался наш разговор о междисциплинарности, и это одна из красных нитей нашей сегодняшней дискуссии.

В этом смысле дискуссия состоялась, потому что мы, озвучивая разные точки зрения, говорили о том, что без командной игры представителей разных областей ничего нельзя сделать. Если мы хотим приблизить будущее, понять, каким оно будет, необходима командная игра как минимум экономистов и юристов. Я солидарен со всеми оценками, прозвучавшими сегодня, включая оценку статьи Суркова.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Сегодня состоялась действительно интересная дискуссия, но я хотел бы высказать ряд критических пожеланий. Мы рассматривали недостатки, давали оценку и характеристику явлений каждый со своего шестка. На Лихачевских чтениях проявился определенный тренд, связанный с глобальными проблемами: мы даем оценку, рассказываем о проблемах с учетом контекста мирового развития. Россия встала на путь не изолированного, а интегрированного развития государства. Причем в какой-то период у нас было только желание, а определенных шагов сделано не было. За последние десять лет ситуация кардинально изменилась. Нужно не оглядываться по поводу каждого шага, а соотносить его с разными тенденциями в разнообразном мире. Эта проблема поднималась и на пленарном заседании, когда специалисты, представляющие разные области, говорили о смещении центров: идеологических, экономических, политических и военных. Нет единого критерия для оценки и подражания — они многообразны. И соответственно оценивать и изучать то, что происходит в нашей стране, нужно в контексте существующего многообразия.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Я благодарю президиум и всех участников за интересную дискуссию.

Секция 4
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОФСОЮЗЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВА И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

24 мая 2019 г. Лекционный зал № 3, СПбГУП

Руководители секции:

Г. М. БИРЖЕНЮК	заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП
Ю. Р. ГРОТЕ	главный научный сотрудник Научно-исследовательского института «Диалог цивилизаций» (Берлин)
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии
Е. И. МАКАРОВ	заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, почетный профессор СПбГУП
А. В. ШЕРШУКОВ	секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор газеты «Солидарность»

ДОКЛАДЫ

Г. М. Бирженюк[1]

НОВЫЕ РЕАЛИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ И ЗАДАЧИ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

Социально-трудовые отношения в XXI веке претерпевают изменения, которые ставят под вопрос сложившиеся теории, систему трудовых прав и их защиты, технологии управления конфликтами в данной сфере и многие другие аспекты функционирования этой важнейшей области социальной практики. Отношения в сфере труда выступают в качестве производной от изменений, происходящих на рынке труда. Этот рынок во многом зависит от уровня научно-технического прогресса, который, в свою очередь, является производной от глобальных цивилизационных процессов, охватывающих экономику, политику, культуру и т. д.

Данные тезисы не претендуют на исчерпывающий анализ всей совокупности факторов, оказывающих влияние на социально-трудовые отношения. Это не более чем попытка осмыслить те вопросы, которые требуют первостепенного исследовательского внимания.

Рынок труда в XXI веке претерпел ряд изменений, которые имеют тенденцию к дальнейшему усилению. Это, во-первых, постоянное сокращение общего числа рабочих мест в мире. Данный процесс идет различными темпами в разных странах и сегментах рынка, но как тенденция проявляется достаточно отчетливо. В частности, во флагманском докладе МОТ «Перспективы занятости и социальной защиты в мире в 2018 году» прогнозируется дальнейшее сокращение занятости в сельском хозяйстве и промышленно-

[1] Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Глобальные информационные вызовы и информационная безопасность», «Время и социальные институты как универсалии культуры», «Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы» (науч. ред.), «Мониторинг социально-трудовых конфликтов в России: теория, методика, технологии» (в соавт.), «Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность» (в соавт.), «Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015)» (в соавт.) и др. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования (2016). Почетный профессор СПбГУП.

сти и увеличение занятости в сфере услуг[1]. Исследование, проведенное Rabota.ru, показывает, что 23 % из 300 опрошенных руководителей компаний намерены в 2019 году сократить штат работников. Речь идет о медиа, маркетинге, продаже продуктов питания. Во многих отраслях на смену людям уже пришел искусственный интеллект. По мнению рекрутеров, к 2050 году 30 % рабочих мест будут заменены роботами[2].

Во-вторых, повышается разнообразие форм занятости. Это отчасти подтверждается тем, что по упомянутому выше опросу 33 % работодателей намерены в этом году обучать и переобучать свой персонал. Все более востребованными становятся работники, обладающие знаниями и умениями работы с цифровыми интеллектуальными системами, роботизированными и автоматизированными комплексами и линиями.

В-третьих, расширяются масштабы явления, которое можно обозначить как индивидуализация труда и, соответственно, социально-трудовых отношений. Один из аспектов этого явления — прекаризация трудовых отношений. В переводе с английского precarius означает «неопределенный, ненадежный, рискованный». К прекариату относят работников по найму, не имеющих постоянной работы, стабильного заработка, социальных гарантий, которые предоставляют работодатели и государство[3].

Отметим, что трудовое право и вся система регулирования социально-трудовых отношений формировались в условиях индустриальной (промышленной) организации труда, основанной на методах тейлоризма. Конец XIX и весь XX век были отмечены ростом профсоюзной солидарности, развитием системы защиты коллективных трудовых прав работников, совершенствованием механизмов социального партнерства в сфере труда.

Сегодня мы являемся свидетелями и участниками становления новой экономики. Ее основные черты предсказал Э. Тофлер в книге «Третья волна»[4]. В этой работе отмечается, что грядущая экономика будет существенно отличаться от традиционной, основу которой составляют государственные и частные компании или их комбинации. В новой экономике, утверждает автор, будут доминировать такие формы организации труда, как «электронные кооперации», религиозные и семейные производственные команды, бесприбыльные рабочие сообщества и т. п.[5] Многие будут трудиться на дому[6].

Ныне мы можем оценить как степень точности прогноза Тофлера, так и реальные последствия тех процессов и явлений, о которых шла речь в его нашумевшей работе. Действительно, дистанционная занятость получает все большее распространение. При этом наблюдается разнообразие форм социально-трудовых отношений: отношения с работником, работающим дистанционно по бессрочному трудовому контракту, отношения по срочному контракту, отношения с «мобильным» сотрудником (приглашаемым для выполнения отдельных заданий). Отношения с дистанционными работниками, функционирующими в системе e-lans, могут выстраиваться по любой из этих схем.

У таких форм организации труда есть преимущества и недостатки. К числу последних некоторые авторы относят следующие: психологические проблемы, связанные с изоляцией работника от коллектива, отсутствием возможности работать в команде, получать оценку и помощь от коллег, невозможностью видеть результаты своего труда, что снижает мотивацию работника; отсутствием границы между домом и работой, что может повлечь семейные конфликты; относительно низкий социальный статус надомного работника в обществе; распыление рабочих мест, а значит, децентрализация экономики и концентрация политической власти[7].

Задолго до Э. Тофлера Н. Винер в 1954 году говорил о двух промышленных революциях и их негативных последствиях. Первая, произошедшая в последней трети XVIII века, связанная с расширенным использованием угля и железа, внедрением машинного производства, породила безработицу. Та, в свою очередь, привела к стихийным выступлениям рабочих, которые оказались на улице вследствие замены ручного труда машинным. Вторая промышленная революция — это то, что происходит сегодня и называется «цифровой экономикой». Развитие высоких технологий также ведет к безработице, но здесь не только ручной труд заменяется машинным, но и интенсивно идет замена интеллектуального труда трудом компьютера, способного осуществлять огромное количество сложных операций в короткое время. Винер полагал, что внедрение такого рода машин вызовет безработицу и другие кризисы, несопоставимые с теми, которые переживали мировая и национальные экономики в прошлом. Как писал автор, «этот кризис нанесет ущерб многим отраслям промышленности, возможно даже тем отраслям, которые извлекут выгоды из этих новых возможностей. Однако ничто в промышленной традиции не помешает промышленнику извлечь гарантированные и быстрые прибыли и ретироваться, прежде чем банкротство затронет его лично»[8].

Отмеченные выше изменения в сфере труда в нынешнем столетии привели к увеличению доли индивидуально-договорных отношений. Это объективно влияет на многие параметры деятельности профессиональных союзов, которые по своей природе являются выразителем и защитником коллективных трудовых прав и выступают стороной в коллективных трудовых спорах. Сегодня во многих странах роль профсоюзов снижается. Например, в Германии, «где влияние проф-

[1] Перспективы занятости и социальной защиты в мире в 2018 году : флагманский доклад МОТ. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_616001/lang--ru/index.htm.

[2] Массовые сокращения в 2019 году: кто лишится работы // Газета.ru. 2018. 19 дек. URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/12/19/12099979.shtml.

[3] *Мигович И. И.* Что такое прекариат? URL: http://www.kpu.ua/ru/84792/chto_takoe_prekaryat.

[4] *Toffler A.* The Third Wave. L. : Pan Books Ltd. in association with William Collins Sons & Co. Ltd., 1980.

[5] *Toffler A.* Previews and Premises : An Interview with the Author of «Future Shock» and «The Third Wave». N. Y. : Morrow, 1983. P. 37.

[6] *Toffler A.* The Third Wave. P. 210.

[7] *Белова Л. Г.* Информационное общество: трансформация экономических отношений в мировой экономике: моногр. М. : МГУ ; Барнаул : Азбука, 2007.

[8] *Винер Н.* Кибернетика и общество / пер. с англ. Е. Г. Панфилова. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. С. 15.

союзов традиционно сильно, а численность велика, за последнее десятилетие прошлого века она снизилась с 12 до 9 млн человек, а в целом за названный период абсолютная численность членов профсоюзов в большинстве развитых стран снизилась на величину от 6 до 75 %. Охват профсоюзным членством во многих странах составляет менее 20 % работников»[1]. В России эта тенденция проявляется не столь ярко, но в перспективе она может набрать силу, что выносит на повестку дня вопрос об изменении данного института с учетом новых реалий.

В этом контексте нельзя не отметить принципиально новые явления в сфере профсоюзного движения. Это формирование глобальных и локальных профессиональных сетей, становление специфических моделей социально-трудовых отношений в транснациональных корпорациях и в сетевых горизонтальных организациях и предприятиях, появление наднациональных профсоюзов, киберпрофсоюзов, усиление тенденции к самоорганизации работников, развитие сетевого партнерства на принципах коллаборации, сближение позиций стран в международной стандартизации трудового законодательства и др.[2]

Ясно одно: изменилась и стремительно продолжает меняться сфера труда и собственно социально-трудовых отношений. Цифровая экономика и глобализация создают ситуацию, когда капитал в форме транснациональных корпораций и финансового капитала имеет возможность приложения по всему миру. В то же время труд объективно привязан к определенному месту. Положение работников меняется, причем очевидна тенденция к ухудшению положения людей старших возрастных групп, а также представителей тех профессий, где человек вытесняется машиной. Интенсивно происходит атомизация форм организации труда, разрушение социального капитала, нарушается принцип равенства возможностей участников социально-трудовых отношений для реализации и отстаивания своих прав.

Современная экономика объективно востребует людей, способных постоянно обучаться, готовых к приложению своих знаний и умений в разных формах организации труда и различных ситуациях. Между тем трудоспособное население лишь в относительно небольшом количестве отвечает такого рода требованиям. Известный исследователь информационного общества М. Кастельс пишет, что общество в очередной раз раскололось на победителей и побежденных. По его мнению, «никогда труд не играл столь значимую роль в процессе создания стоимости. Но никогда рабочие (безотносительно к их квалификации) не были более уязвимы для организации, ибо они стали „подтянутыми“ индивидами, которые отданы на откуп гибкой сети и местоположение которых в этой сети неизвестно ей самой»[3].

Изменения в социально-трудовой сфере обусловили ситуацию, суть которой состоит в том, что сегодня труд и трудовые отношения не могут быть ни описаны, ни объяснены в рамках теорий, складывавшихся на протяжении последних двух с половиной веков. Соответственно, приходится признать, что и вопросы управления социально-трудовыми отношениями, защиты прав наемных работников сегодня в ряде случаев не могут быть решены эффективно в силу неготовности к новым реалиям как науки, так и методики управления.

Это актуализирует необходимость развертывания обширных научно-исследовательских программ и проектов, целью которых стало бы осмысление реальной ситуации в сфере социально-трудовых отношений XXI века и выработка правовых, организационных и других механизмов защиты прав и интересов наемных работников.

В. Ю. Бочаров[4]

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ УРАЛА В ПРОФСОЮЗЫ И ГОТОВНОСТЬ ОТСТАИВАТЬ СВОИ ТРУДОВЫЕ ПРАВА[5]

Наш многолетний опыт социологических исследований позволяет говорить о необходимости изменения государственной политики в области трудовых отношений на отечественных предприятиях [3]. Проблемы существования реального, а не «бумажного» социального партнерства [2] и низкой включенности в этот процесс отечественных профсоюзов [1] являются негативными факторами, тормозящими процесс модернизации отечественного производства. Проведенное нами новое исследование показывает, что отмеченные проблемы в трудовых отношениях на российских предприятиях до сих пор не преодолены. При этом молодежь — главный социальный ресурс модернизации —

[1] См.: *Лушникова М. В., Лушников А. М.* Очерки теории трудового права. СПб., 2006. С. 283.

[2] *Медведева Т. А.* Эволюция теорий социально-трудовых отношений в условиях глобализации экономики : автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2016. С. 3.

[3] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ — ВШЭ, 2000. С. 43.

[4] Доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, кандидат социологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Институциональный подход к анализу договорных трудовых отношений», «Социальный институт трудового найма в современной России», «Состояние трудовых отношений на предприятиях Самарской области», «Социальное партнерство на промышленных предприятиях» (в соавт.), «Роль российских профсоюзов в модернизации института наемного труда», «Низкий уровень жизни как социальное препятствие на пути модернизации промышленного производства» (в соавт.). Ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

[5] Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

не чувствует себя социально защищенной на работе, не участвует в профсоюзной деятельности и не готова солидарно отстаивать свои права. Как следствие, рабочая молодежь слабо ориентирована на качественный производительный труд, долгосрочную трудовую занятость по рабочей профессии.

Объектом массового опроса стали молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет. Анкетирование проходило с апреля по июль 2018 года в трех городах Уральского федерального округа (УрФО)[1] — Екатеринбурге, Тюмени и Кургане, а также в типичных сельских поселениях в этих областях.

Одновременно с массовым опросом на предприятиях и в организациях был проведен опрос экспертов (100 чел.). Экспертами выступили непосредственные руководители молодых людей, преподаватели профессиональных учебных заведений, представители органов молодежной политики УрФО. Более 80 % экспертов — специалисты с высшим образованием.

В ходе интервью с информантами выяснилось, что подавляющее большинство из них не состоит в профсоюзах. В основном рабочая молодежь просто не видит в этом смысла: *«Нет, мне предлагали, когда устроился, я сказал: не хочу и все»* (Александр, 25 лет, оператор поста управления). Встречалось мнение, что профсоюз им вообще не нужен: *«Профсоюза у нас нет, да и ни к чему он нам. Любые проблемы, возникающие в коллективе, можно решить путем переговоров с начальством напрямую…»* (Александр, 28 лет, менеджер по продажам автомобилей).

Некоторые информанты были осведомлены о наличии отраслевых профсоюзных структур, но не видели смысла в них вступать: *«У нас нет профсоюза. Есть какой-то большой. Типа работников сферы обслуживания или что-то такое. Но я там не состою. И никто у нас вроде не состоит…»* (Евгений, 26 лет, повар). Иногда с усмешкой говорили, что никаких профессиональных союзов для их профессии не существует: *«А что, есть профсоюзы для гардеробщиц? (Улыбается) Не думаю, что у нас в городе есть такие»* (Татьяна, 21 год, гардеробщик).

Вероятность коллективных действий и трудовых конфликтов

Более 1/3 (34,5 %) рабочей молодежи вообще не собираются предпринимать каких-либо действий в случае нарушения их трудовых прав со стороны работодателя. Почти каждый третий (31,3 %) намерен отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором. Каждый пятый (20,3 %) собирается обращаться в профсоюз (отметим, что многие из таких респондентов не состоят в профсоюзе, но патерналистски надеются на его помощь). Еще 18,2 % при нарушении своих прав могли бы обратиться в суд, 16,5 % — в прокуратуру, а 12,1 % — в федеральные органы по трудовому надзору. Примерно каждый десятый (9,9 %) мог бы обратиться в комиссию по трудовым спорам (КТС). О своей готовности к забастовкам и другим коллективным формам протеста заявили только 8,7 % опрошенной рабочей молодежи. Еще менее популярными методами борьбы за свои трудовые права, по их мнению, являются обращение в СМИ или к региональным (муниципальным) властям.

Наиболее велика доля тех, кто не готов предпринимать какие-либо действия в случае нарушения работодателем их прав, — среди молодежи возрастной группы 25–29 лет (41,5 %) и жителей сельских районов (38,5 %). Интересно, что среди сельчан также наибольшая доля тех, кто заявил о возможности прибегнуть к коллективным актам протеста (12,5 %), тогда как среди жителей городов об этом заявили только 7,6 %.

Информанты также были довольно скептически настроены относительно возможности защитить свои трудовые права, выражая уверенность, что могут быть просто уволены. Нередко они предпочитают увольнение, чем борьбу.

И все же небольшая часть информантов готова отстаивать свои трудовые права. Однако про такую борьбу одни говорили уверенно исключительно относительно себя лично, не рассчитывая на помощь коллег: *«Я бы точно боролась!»* (Диана, 22 года, консультант в банке); другие неуверенно выражали мнение, что работники могли бы всем коллективом или большой группой предъявить какие-то требования работодателю: *«Я думаю, мы бы собрались и высказали, что нас не устраивает, начальству»* (Анастасия, 21 год, продавец в магазине одежды), *«Думаю, да, с некоторыми, но не со всеми, многие, наверно, побоятся потерять текущее место работы…»* (Андрей, 21 год, упаковщик). При этом выражалась либо робкая надежда, что руководство прислушалось бы к их требованиям: *«Вообще думаю, что да. Потому что у нас понимающее начальство»* (Анастасия, 21 год, продавец в магазине одежды), либо, если проблема не будет решена, говорили об апелляции к официальным государственным структурам: *«обращение к каким-нибудь органам правоохранительным»* (Андрей, 21 год, упаковщик).

Некоторые выводы и рекомендации

1. Данные нашего исследования позволяют сделать вывод, что новое поколение, вступившее в ряды рабочего класса, обладает собственными представлениями о месте труда в своей жизни, не имея, в частности, приоритета пожизненного найма в одной организации, мало рассчитывая на помощь профсоюзов и слабо надеясь на помощь коллег. При этом рабочая молодежь не готова мириться с отношением к себе, как выразился один из информантов, как к *«половым тряпкам»*, но выходом из конфликтной ситуации для рабочей молодежи в основном является один — увольнение. Несмотря на индивидуальное недовольство трудовыми отношениями, они в подавляющем большинстве не готовы коллективно защищать свои права. Ни митинги, ни забастовки, ни переговоры практически не исполь-

[1] Участниками исследования стали 1534 респондента, использована целевая многоступенчатая выборка по четырем объективным критериям: возраст (около 500 человек в каждой из возрастных групп, соответствующих периодизации когорт в официальной статистике РФ: 15–19 лет (33 %), 20–24 года (33,4 %) и 25–29 лет (33,6 %); пол — мужской (50,3 %) и женский (49,7 %); место жительства — город (76,2 %) и сельская местность (23,8 %) в соответствии с распределением населения в УрФО; сфера занятости — промышленность и техническое обслуживание (45,2 %), клиентский сервис (54,8 %).

зуются рабочей молодежью как легитимные способы выражения недовольства и требований к работодателю. Здесь, безусловно, действует целый комплекс причин, но главных, по нашему мнению, три: профессионально-квалификационная раздробленность работников, угроза потери рабочего места и слабость позиций профсоюзов.

2. В настоящее время около 2/3 рабочей молодежи не участвуют в какой-либо общественной деятельности и не являются членами никаких общественных объединений. В результате большинство молодых людей находятся в информационном вакууме и не знают об имеющемся опыте молодежного самоуправления при органах государственной власти и профсоюзных структурах, проводящихся форумах и конкурсах профессионального мастерства (в них принимало участие только 17,5 % опрошенной нами рабочей молодежи). Помимо низкой информированности негативную роль играет тот факт, что в реализуемых программах преимущественно речь идет о молодежи вообще, без акцента на рабочих, а предлагаемые мероприятия и программы воспринимаются как неинтересные или, как выразился один из информантов исследования, предназначенные *«для богатеньких»*. Более того, как показало исследование, в состав существующих молодежных структур (молодежных общественных палат, парламентов и т. п.) практически не входит рабочая молодежь. В связи с этим первоочередной мерой для исправления такого положения в организационном плане могло бы стать создание координационных советов рабочей молодежи при региональных правительствах и муниципалитетах. В них могли бы входить исключительно представители рабочей молодежи, проживающие на территории конкретного региона (района). Такие органы могли бы, во-первых, объединять и направлять в позитивное русло энергию и реализовывать инициативы молодых людей, лишенных такой возможности в своих организациях, не имеющих подобных органов молодежного самоуправления и не вовлеченных в профсоюзную деятельность; во-вторых, решать проблему адресной социальной поддержки рабочей молодежи, нередко лишенной социального пакета в своей организации.

3. Важнейшим направлением корпоративной политики в сфере трудовых отношений должно стать развитие и поощрение механизмов наставничества на предприятиях и в организациях. Сегодня речь идет не просто о механизме неформального кураторства, но о составлении формальных индивидуальных планов адаптации молодого рабочего с ежемесячным отчетом наставника, который по результатам своего наставничества получает определенный процент от оклада (естественно, свои бонусы имеет и молодой рабочий при выполнении этого плана). Такой индивидуальный план адаптации молодого рабочего может включать не только производственные показатели, но и учебные, общественные, участие в конкурсах мастерства.

Литература

1. *Бочаров В. Ю.* Роль российских профсоюзов в модернизации института наемного труда / В. Ю. Бочаров // Вестн. С.-Петерб. ун-та. — Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2017. — Т. 10, № 1. — С. 4–22.

2. *Бочаров В. Ю.* Социальное партнерство на промышленных предприятиях / В. Ю. Бочаров, Б. Г. Тукумцев // Петербургская социология сегодня : сб. науч. тр. Социологического ин-та РАН. — СПб. : Нестор-История, 2015. — Вып. 6. — С. 10–63.

3. *Бочаров В. Ю.* Социальный институт трудового найма в современной России / В. Ю. Бочаров. — Самара : изд-во «Самарский университет», 2010.

4. *Гаврилюк В. В.* Рабочий класс в советском и российском социологическом дискурсе / В. В. Гаврилюк, Т. В. Гаврилюк // Уровень жизни населения регионов России. — 2018. — № 4 (210). — С. 86–92.

Л. И. Грошева[1]

ФЕНОМЕН НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛА

Прекаризация труда для сельского населения менее выражена по причине двух коррелирующих факторов: участия в низкоквалифицированном труде населения без образования либо с низшим его уровнем, а также приглашения сторонних кадров (как правило, из ближайших городов) по программам социальной поддержки молодых специалистов села. Поэтому сельский «новый рабочий класс» представлен «заимствованными» специалистами из города, транслирующими городской образ жизни, ценности и установки, и низкоквалифицированными рабочими, самоидентификация которых, вероятно, не происходит на сознательном уровне и заменяется ассоциацией с географическим аспектом проживания.

Более половины сельских жителей не фиксируются в качестве занятых, что позволяет говорить о высоком уровне неустойчивой занятости в сельских регионах. 32,4 % жителей села имеют высшее образование, в то время как 18,2 % обладают лишь основами школьных знаний без профессиональной специализации и навыков. Согласно данным государственной ста-

[1] Старший преподаватель кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, кандидат социологических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Obstacles and opportunities of Self-employment of Young people in a modern society. Facing an Unequal World Challenges for Global sociology. Book of abstracts», «Развитие семейного молодежного предпринимательства в условиях современной России», «Молодежный семейный бизнес в структуре малого предпринимательства России», «Особенности национальных систем формирования бизнес-активности молодежи», «Специфика национального фактора в научно-практической активности студенческой молодежи» и др. Член Российского общества социологов.

тистики за 2018 год, официальная полная занятость населения в возрасте 15–72 лет составляет 65,6 % от всех экономически активных жителей села. Среди безработных в возрасте 15 лет и старше доля женщин в октябре 2018 года составила 49,3 %, городских жителей — 66,7 %, молодежи до 25 лет — 24,8 %, лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности, — 26,3 %[1].

Таким образом, сельское население (при прочих равных условиях) в меньшей степени учитывается в среде безработных и составляет лишь треть от общей массы населения.

Однако относительный показатель безработицы демонстрирует более негативные тенденции: уровень безработицы среди сельских жителей (6,8 %) превышает таковой среди городских жителей (4,1 %). В октябре 2018 года это превышение составило 1,7 раза. Лидируют по показателям доли безработных Северо-Кавказский (9,9 %), Сибирский (6,6 %), Дальневосточный и Южный федеральные округа (5,3 %)[2]. Среди них отмечаются два региона, имеющих отраслевой уклон в сфере производства сельскохозяйственной продукции, что, в свою очередь, отражает общие проблемы в развитии аграрных регионов.

Другое качественное отличие сельского населения — более важная роль этнических факторов, воздействующих на быт, производство и коммуникативную активность молодежи. Например, Тюменская область характеризуется компактным проживанием татар, размещение которых в значительной мере уплотнено в деревенских и сельских поселениях. Таким образом, на формирование нового рабочего класса на селе вполне могут оказывать влияние этнические и религиозные факторы, обусловливающие практики, реализуемые подавляющим большинством населения[3].

Исследования конца XX века были в значительной мере ориентированы на экономический фактор расслоения жителей села, но с 2002–2004 года социология делает акцент на дивергенции морально-нравственных и ценностно-ориентационных аспектов, что позволило условно разделить сельскую рабочую молодежь на лабильную (подвижную) и рутинерскую (консервативную) группы. Проблема такого расслоения жителей села заключается в сложности выделения класса рабочих как такового, ибо лабильные селяне преимущественно идентифицируют себя с местом реализации трудовой функции в городе, тогда как рутинерская группа не всегда обладает признаками именно рабочего класса и с трудом самоидентифицируется с какой-либо группой в структуре общества.

Проблема включения специалистов села в структуру нового рабочего класса обусловливается тенденцией к высокой индивидуализации сельскохозяйственного труда, размыванию коллективной коммуникационной среды в деревне и ее разрушению как своеобразной разновидности социального института.

В то же время сложность в изучении нового рабочего класса села объясняется высокой дивергенцией стратегий развития в странах Европы, Центральной Азии, Африки и постсоветского мира, где аграрный сектор имел кардинально разные цели, стратегии, интересы и способы взаимодействия с окружающим социумом. В традиционных регионах Африки и ряде стран Центральной Азии сельское хозяйство значительно превалировало над остальными сферами материального производства и сферой услуг, что обусловило, во-первых, значительное преобладание сельских жителей над другими группами, во-вторых, замедлило формирование рабочего класса как группы, связанной с внедрением новых технологий в производство. Низкое качество жизни, постоянное нахождение в условиях атавистических межплеменных отношений сформировали условия этнизации рабочих села, их установку на традиционные условия жизни и труда, несмотря на внедряемые технологии.

Если говорить о теоретическом закреплении этого феномена в зарубежной литературе, то там о новом рабочем классе обычно не упоминается, несмотря на его близость к указанным структурам. Фактически существование классов рабочих в новой социальной реальности зачастую отрицается либо самими исследователями, либо косвенно по результатам социологических опросов, отражающих отсутствие идентификационных интенций сельской молодежи относительно принадлежности к квалифицированному рабочему классу[4]. Общая тенденция зарубежных сельских поселений — старение населения, усугубляющее проблему идентификации селян по причине консервативности людей старшего возраста. Естественный опыт коммунистической экономики в странах постсоветского пространства вносит элементы остаточной классовой структуры, однако они интенсивно разрушаются под действием европейских традиций.

Другим заслуживающим внимания фактом является недостаточное внимание зарубежных исследователей к дауншифтингу как основе и предпосылке формирования нового рабочего класса в сельских поселениях. Искусственная, осознанно принятая прекаризация специалистов с высшим образованием, «вернувшихся в лоно природы», формирует особый класс людей, нацеленных на рабочий труд при высокой квалификации. Единственным препятствием их активного включения в исследуемую категорию является их преимущественная ориентация на фермерство и самозанятость, то есть на владение средствами производства. Еще один момент — относительная новизна данного явления, так как новые поколения, родившиеся в условиях деурбанистического движения, пока не настолько многочисленны, чтобы представлять достаточный массив для выделения классовой структуры[5].

[1] Занятость и безработица в России. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/254.htm (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Занятость и безработица в России в октябре 2018 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/231.htm (дата обращения: 10.08.2018).

[3] *Хайруллина Н. Г.* К вопросу об этнической идентификации татар Тюменской области // Новые исследования Тувы. 2014. № 2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-etnicheskoy-identifikatsii-tatar-tyumenskoy-oblasti (дата обращения: 10.08.2018).

[4] *Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.* Рабочие: трудовой потенциал и адаптационные ресурсы // Наемный работник в современной России / отв. ред. З.Т. Голенкова. М. : Новый хронограф, 2015. С. 103.

[5] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Таким образом, неустойчивость положения сельского населения является следствием кризиса инфраструктурного обеспечения, экономической поддержки и самоидентификационной размытости населения. Формирование четких целевых ориентиров, особенно у молодежи, становится одной из основных задач государства, предполагающей стабилизацию и улучшение условий жизни сельского населения.

У. Х. Карабаев[1]

СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ: ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В Указе Президента Республики Узбекистан Шавката Миромоновича Мирзиёева от 7 февраля 2017 года № 4947 «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» определена Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. В числе этих направлений — развитие и либерализация экономики, направленные на укрепление макроэкономической стабильности и сохранение высоких темпов роста экономики, повышение ее конкурентоспособности, модернизацию и интенсивное развитие сельского хозяйства, продолжение институциональных и структурных реформ по сокращению присутствия государства в экономике, усиление защиты прав и приоритетное развитие частной собственности, стимулирование развития малого бизнеса и частного предпринимательства, а также развитие социальной сферы, направленное на последовательное повышение занятости и реальных доходов населения, совершенствование системы социальной защиты и охраны здоровья граждан, повышение социально-политической активности женщин[2].

Реализация указанных задач продолжается уже около трех лет и в практическом плане высветила ряд проблем, которые связаны с развитием социально-трудовых отношений и совершенствованием механизмов защиты прав наемных работников. Суть проблемы состоит в том, что на смену отношениям, которые в республике во многом строились на традициях, регулировались в ряде случаев не столько законами, сколько обычаями, пришли отношения, порождаемые новыми реалиями национальной экономики, ситуацией на рынке труда, модернизацией всех актуальных сфер социальной практики. Страна повернула на путь индустриализации, внедрения современных технологий во все сферы хозяйствования и производства. Это влечет за собой в числе прочих изменений развитие новых форм занятости, существенно отличных от тех, что доминировали на рынке труда в предшествующие периоды истории страны. Эти формы, которые называются инновационными, нетрадиционными, новыми формами организации труда и иными терминами, порождают новые модели социально-трудовых отношений и пока не во всех случаях оптимально регулируются действующим законодательством. Однако они востребованы субъектами рынка труда, постоянно развиваются и, как показывает практика, приносят реальные плоды для участников социально-трудовых отношений. Это, в частности, рост доходов, оптимальное расходование и использование ресурсов, снижение издержек производства, оптимизация трудовой занятости и сокращение безработицы, что для Узбекистана с учетом нынешней социально-демографической ситуации весьма актуально.

В докладе Международной организации труда, обнародованном 1 апреля в Брюсселе, отмечается: «Узбекистан твердо привержен дальнейшему совершенствованию системы обеспечения прав, свобод и законных интересов человека в стране и впредь будет продвигаться по пути реальных реформ, а предпринимаемые усилия имеют целостный, устойчивый и необратимый характер»[3].

Новые формы трудовой занятости выступают как своеобразный комплекс взаимоотношений между работниками, работодателями и государством, специфика которого накладывает отпечаток на коллективные и индивидуальные трудовые договоры, организацию трудового процесса, систему вознаграждения за работу и т. п. В настоящее время существует ряд видов и форм нестандартной занятости, которые начинают занимать свое место на рынке труда Узбекистана. К ним относятся:

— субподрядные отношения, получившие названия «аутсорсинг» и «офшоринг», когда те или иные функции и виды работ передаются другим, субподрядным организациям. При этом работа может выполняться на территории предприятия (где она выполнялась и раньше силами самого предприятия) либо в другом месте;

— «заемный труд», «аутстафинг» или «лизинг персонала» — формы, при которых осуществляется оформление работников в штат агентства занятости, выступающее посредником между работодателем и работником и направляющее его по месту работы;

— оформление работников по временным контрактам для выполнения конкретного задания или на конкретный срок;

[1] Профессор кафедры музееведения Национального института художеств и дизайна им. К. Бехзода Академии художеств Узбекистана, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Традиционное народное творчество: проблемы возрождения и развития», «Праздники узбекского народа», «Культурные мероприятия», «Этнокультура», «Вопросы культуры», «Культура Узбекистана», «Книга о традициях» (в 2 т.) и др. Член Международной комиссии ЮНЕСКО по проблемам народного творчества, член Европейской академии естественных наук.

[2] Президент утвердил Стратегию действий по развитию Узбекистана // Газета.uz. URL: www.Lex.uz; https://www.gazeta.uz/ru/2017/02/07/strategy.

[3] https://uz.sputniknews.ru/society/20190406/11163362/mot-uzbekistan-hlopok.html.

— «фриланс», «удаленная занятость», «псевдочастное предпринимательство», «контрактная работа» — формы, при которых либо трудовые отношения не предполагают документального оформления («ударили по рукам»), либо заключаются персональные подрядные договоры (контракты).

Все эти формы объективно содержат в себе значительный конфликтогенный потенциал, поскольку защищенность трудовых прав работников здесь минимальна или вообще отсутствует. В целом эти «инновационные формы организации труда» отражают тенденцию к повышению мобильности работников, гибкости организационных схем производства, оптимизации расходования фонда оплаты труда и т. д. Но при этом очевидна и другая тенденция — к деинституциализации труда. Действующие законы о труде и нормативная база профсоюзной работы созданы в предшествующие исторические периоды и ориентированы на защиту прав наемных работников, объединенных в трудовые коллективы, которые имеют свои представительные органы (профсоюзы).

Недостаточная готовность профсоюзов к защите прав работников в новых условиях приводит к сокращению их численности. Этот процесс начался в конце прошлого века. Так, в частности, в 1990-е годы в США в профсоюзах состояло 18 % работников, во Франции — 14 %. При этом налицо отрицательная динамика. В Германии в период между 1995 и 2000 годами число работников, состоящих в профсоюзах, снизилось на 20,3 %, во Франции — на 30 %. Ныне данная тенденция сохраняется.

В Узбекистане ситуация выглядит следующим образом. В 14 отраслевых территориальных объединенных организациях состоит в общей сложности 5,9 млн человек[1]. Однако значительная часть работников (преимущественно в сельской местности) в профсоюзах не состоит. С точки зрения защиты трудовых прав работников ситуация в ряде случаев оптимизируется за счет того, что спорные вопросы решаются традиционными методами. Маслахат — это орган местного самоуправления, действующий на территории поселка, кишлака, аула и махалли города, который избирается на сходе граждан. Согласно ст. 12 Закона «Об органах самоуправления граждан» Республики Узбекистан, при органах самоуправления создается примирительная комиссия. В ее функции входит рассмотрение семейных, трудовых и иных споров.

Эта форма во многом опирается на народную мудрость, которая многие века регулирует правила человеческого общежития, общения, диалога с окружающим миром, учит людей, несмотря на религиозные, национальные, расовые, языковые, этнические различия, жить в мире и согласии с самими собой и живой реальностью, быть доброжелательными, честными и трудолюбивыми, мудрыми, терпеливыми и благородными. Выполняя эти важнейшие дидактические нравственно-воспитательные задачи, народная мудрость сегодня играет важную роль в жизни трудовых коллективов и личной жизни работников.

В то же время данная форма сегодня вызывает нарекания, так как она не всегда соответствует реалиям современной жизни и возникающим проблемам, прежде всего в системе социально-трудовых отношений. Переход страны на путь ускоренного цивилизационного развития будет ставить новые задачи и в области развития социального партнерства и совершенствования социально-трудовых отношений, включая защиту трудовых прав. В этом плане опыт России может быть осмыслен и адаптирован к условиям республики и станет важным ресурсом достижения целей и задач, поставленных в Указе Президента Республики Узбекистан «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан».

А. М. Митяева[2]

ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Международное законодательство в сфере труда является необходимой составляющей регулирования мирового рынка труда и его национальных сегментов. Первые международные акты, касающиеся мирового рынка труда, были приняты в XIX веке.

В период Первой мировой войны тред-юнионистские организации по обе стороны фронта настояли на том, чтобы во время перемирия их голос был услышан. В рамках мирной конференции Комиссия по международному трудовому законодательству рассмотрела вопрос о правах трудящихся. Работа Комиссии способствовала включению в Версальский договор и в другие мирные договоренности XIII части, связанной с правами рабочих. На основе этих договоренностей была создана Международная организация труда (апрель 1919 г.), которая до сих пор занимается принятием конвенций и рекомендаций в этой области.

Первая конференция труда была созвана в октябре 1919 года в Вашингтоне, чтобы принять первые конвенции и выбрать руководящие органы. С той поры

[1] *Моховикова М. Н.* Деятельность профсоюзов и органов самоуправления граждан в сфере занятости и охраны трудовых прав // Власть. 2013. № 3. С. 161.

[2] Заведующая кафедрой социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 210 научных публикаций, в т. ч.: «Профессиональная научно-исследовательская деятельность выпускников вузов», «Интеграция в профессиональной подготовке студентов в условиях модернизации образования», «Технологическое обеспечение реализации модели профессиональной подготовки специалистов по работе с молодежью» (в соавт.), «Interethnic communication and interaction of students in their professional training» (в соавт.), «Psychological counseling strategies for women regarding their level of fulfillment of need for personal development» (в соавт.), «Разрешение конфликтов в социальной среде» и др.

конференция собиралась ежегодно, за исключением периода Второй мировой войны.

После окончания Второй мировой войны на очередной конференции в Филадельфии была принята Декларация, которая вновь определила цели и задачи организации. В частности, Декларация подтвердила право каждого человека независимо от расовой, национальной и половой принадлежности на получение определенного уровня благополучия, свободный и достойный труд, экономическую безопасность и равенство возможностей. Впоследствии Декларация назвала ряд специфических целей МОТ, к которым относятся:

1) полная занятость и улучшение уровня жизни;

2) облегчение условий работы через урегулирование заработной платы, часов работы и других условий труда, принимая во внимание плоды прогресса;

3) признание права на коллективные договоры;

4) взаимодействие менеджмента и трудящихся в соответствии с продолжающимся повышением производительности труда;

5) взаимодействие работников и работодателей в подготовке и выполнении социальных и экономических решений, расширении мер социальной безопасности с целью обеспечения базового дохода для всех нуждающихся в поддержке, медицинской помощи и т. д.

Помимо стандартов МОТ в области труда было подписано значительное количество двусторонних и региональных соглашений.

Одним из оснований при принятии международного трудового законодательства был аргумент, связанный с преодолением негативных последствий конкуренции для работников, а также с необходимостью установления правил справедливой конкуренции между работодателями и странами. Было признано, что усиление конкурентоспособности продукции не может идти вразрез с соблюдением социальных прав работников. Другой причиной разработки международных нормативно-правовых актов в сфере труда стало понимание того, что соблюдение принципов социальной справедливости является условием поддержания демократии и взаимопонимания между странами во всем мире, а международное законодательство должно обеспечивать баланс между экономическим и социальным прогрессом. Понятие «социальная справедливость» было введено в оборот в 1919 году на мирной конференции в Версале, когда было принято решение об организации МОТ.

Важным пунктом интеграции национальных экономик в международное законодательство является ратификация национальными законодательными органами всех основных конвенций, касающихся прав и свобод трудящихся. Это может предотвратить принятие непопулярных мер, а также мер на рынке труда, не отвечающих требованиям времени, со стороны правительств. Международные трудовые стандарты играют роль «всеобщего международного закона». Наиболее авторитетными глобальными инструментами международного трудового законодательства следует считать Конституцию МОТ и ее многочисленные конвенции и рекомендации. Некоторые принципы содержатся в преамбуле Конституции и в декларации, принятой на Конференции в Филадельфии в 1944 году и раскрывающей цели и задачи МОТ. Конвенции МОТ являются обязательными для государств в части соблюдения их основных принципов, в то время как рекомендации носят добровольный характер и скорее дают указания к действию.

Существует определенная иерархия конвенций. В первую категорию входят конвенции, связанные со свободой ассоциаций и коллективными соглашениями (87-я и 89-я конвенции), принудительным трудом (29-я и 105-я), недискриминационной занятостью (100-я и 111-я) и детским трудом (138-я). Вторая категория включает технические стандарты, которые обосновывают нормы, касающиеся улучшения условий работы.

1. *Конвенция МОТ о свободе ассоциации и защите права на организацию* (1948 г., № 87) устанавливает право рабочих и работодателей создавать организации или объединяться, исключая лидерство одной из сторон, гарантирует свободу функционирования подобных организаций без права вмешательства властей.

2. *Конвенция МОТ о применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров* (1949 г., № 98) обеспечивает защиту от дискриминации на право объединения работников, защищает организации работников и работодателей от вмешательства в работу друг друга, поддерживает меры по коллективному сотрудничеству.

3. *Конвенция МОТ о принудительном или обязательном труде* (1930 г., № 29) требует ликвидации всех форм принудительного труда. При этом в качестве исключения рассматриваются работы, связанные со службой в армии, участием в военных действиях, ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций и т. д.

4. *Конвенция МОТ об упразднении принудительного труда* (1957 г., № 105) запрещает использование любой формы принудительного труда как средства политического принуждения или обучения, наказания за выражение политических или идеологических взглядов, мобилизации рабочей силы, повышения трудовой дисциплины, наказания за участие в забастовках или дискриминации.

5. *Конвенция МОТ о дискриминации в области труда и занятий* (1958 г., № 111) призывает национальные правительства ликвидировать дискриминацию в доступе к занятости, подготовке и условиям работы на основе расовых, половых, религиозных и иных взглядов.

6. *Конвенция МОТ о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности* (1951 г., № 100) призывает к равной оплате за труд мужчин и женщин при равных условиях.

7. *Конвенция МОТ о минимальном возрасте при приеме на работу* (1973 г., № 138) нацелена на сокращение использования детского труда, настаивает на том, что возраст начала трудовой деятельности не должен быть ниже возраста завершения среднего образования и в любом случае не должен быть ниже 15 лет (или 14 лет для развивающихся стран).

Основополагающий документ, объединяющий все основные принципы достойной и справедливой работы, — Декларация МОТ о фундаментальных принципах и правах в сфере труда, принятая на 86-й Международной конференции по труду в 1998 году. Ее основными положениями являются соблюдение принципов справедливости в отношении работников и работодателей, право на свободу собраний и коллективных соглашений, сокращение дискриминации в отношении занятости, устранение детского труда и принудительного труда.

Необходимо отдельно сказать об ООН в целом как организации, которая несет ответственность за соблюдение прав работников во всем мире, хотя и признает за МОТ приоритет в решении вопросов занятости. Отдельные принципы, касающиеся регулирования трудовых отношений, отражены в таких программных документах, как Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, которые узаконили основные права человека. В 1966 году была принята, а через 10 лет вступила в силу Всемирная декларация прав человека.

Генеральная Ассамблея ООН приняла также ряд законодательно взаимосвязанных конвенций, касающихся проблем труда. Наиболее важные из них — Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1969), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Конвенция о правах детей (1989), Конвенция о статусе беженцев (1954), Конвенция о статусе апатридов (1960). Международные нормативно-правовые акты, принятые на уровне ООН и МОТ, являются основополагающими при выстраивании политики управления на региональных рынках труда, которые отличаются друг от друга рядом особенностей.

Именно эти документы могут быть эффективно использованы в разработке специфических региональных инструментов регулирования социально-трудовых отношений и тем самым способствовать развитию социального партнерства.

Литература

1. Декларация Международной организации труда от 18 июня 1998 года «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда».

2. *Климов П. В.* Трудовые ресурсы / П. В. Климов. — М., 2000.

3. *Медведев О. М.* Правовые проблемы обеспечения занятости населения / О. М. Медведев. — Тверь, 2001. — С. 19.

А. С. Мишенко[1]

ИНТЕГРАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВУЮ КУЛЬТУРУ ЕВРОПЫ: ИДЕЯ И АСПЕКТЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние десятилетия в российском обществе постоянно нарастает потребность в специалистах, способных работать в условиях технологически насыщенной рыночной экономики. Для успешной производственной деятельности им все больше требуется профессионально-трудовая культура, которая зиждется на новой системе компетенций и ценностей. Такие специалисты должны соответствовать вызовам так называемого глобального информационного и цифрового общества, стандартам и требованиям к работе, которые приняты, в частности, в европейском сообществе.

Для комплексного и разностороннего анализа данных процессов, на наш взгляд, необходимо рассмотреть ряд основных идей и дисциплинарных аспектов интеграции российских специалистов в европейскую профессионально-трудовую культуру. Их минимально необходимый, далеко не исчерпывающий набор представлен ниже.

Первую концептуальную идею исследования можно выразить следующим образом: стержневым компонентом формирования современной профессионально-трудовой культуры специалиста является его система ценностей. Без них она просто рассыпается[2]. Исторически профессионально-трудовая культура детерминирована законами становления континентальных институтов рыночной экономики, заинтересованностью современного европейского сообщества в выводе профессионально-трудовой культуры своих граждан на более высокий уровень, особенно в условиях сложившегося дисбаланса производственно-технологических укладов материального мира экономики и мира полиэтнической духовно-нравственной культуры разных европейских регионов[3]. Эффективность принимаемых мер в этой области зависит от многих факторов, в том числе от совокупного качества профессионально-трудового и культурного потенциала европейской рабочей силы старших поколений и молодежи.

[1] Эксперт общественного объединения «Непрерывное образование для всех» (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч.: «Развитие профессиональной культуры педагога: основания и принципы исследования», «Interaction between Factors of Activities and Culture of Teachers as an Integrated Resource for the Development of the Educational Process in Vocational Schools and Colleges» (в соавт.), «Событийный подход к развитию сетевых ресурсов образовательных учреждений обучения молодежи и взрослых», «Профессиональная культура педагога: дисциплинарные подходы к исследованию и факторы ее непрерывного развития» (гл. моногр.), «Развитие университетского образования как условие гуманитарного обновления региональной экономики» и др. Награжден Почетной грамотой РАО за многолетнюю и плодотворную научно-исследовательскую работу.

[2] *Столович Л.* Философия. Эстетика. Смех. СПб. ; Тарту, 1999. С. 106.

[3] *Козловски П.* Принципы этической экономии. СПб. : Экономическая школа, 1999. С. 13.

Вторая концептуальная идея исследования. Интеграция специалистов в европейскую профессионально-трудовую культуру есть, по нашему мнению, наиболее продуктивная форма реализации их конкурентного потенциала в сфере общественного производства. Такая интеграция зиждется, прежде всего, на механизме развития их инновационного потенциала. В силу своей многомерности данный механизм имеет сложный синергийный характер. В нем синтезируются культура и экономика, профессия и творчество специалистов. Из-за своего комплексного характера вышеуказанный феномен — это такой предмет исследования, в котором его базовые аспекты должны быть изучены с точки зрения философии и истории, культурологии и экономики, социологии и профессионального образования.

Философский аспект исследования позволяет, в частности, затронуть онтологически самое глубокое основание жизнедеятельности специалистов — их культурно-трудовую сущность — умение производить в точном соответствии с мерой любого предмета объективного мира, мыслить их в качестве особого космопланетарного субъекта[1]. *С исторической точки зрения* изучение профессионально-трудовой культуры представителей европейских сообществ (куда мы относим и российских специалистов) может вместить целый спектр факторов, включая развитие их творчески заряженной, исторически неизбежной, выражаясь словами Л. Н. Гумилева, этнокультурной потребности роста нарождающейся и динамично развивающейся той или иной социальной общности[2].

Культурологический аспект исследования дает возможность изучить способность и готовность российских специалистов интегрироваться в европейскую профессионально-трудовую культуру, представить данный процесс в качестве определенного результата, выражающего реальные возможности отечественных специалистов адекватно (в точном соответствии с требованиями конкретного сообщества) формировать и творчески преобразовывать сам процесс расширения, углубления своих профессиональных знаний, умений, гражданской и личностной активности в различных сферах российского и европейского сообщества. Ведь стержень профессионально-трудовой культуры специалистов генетически связан с культурой вообще. Обратное влияние культуры общества на конкретных специалистов опосредовано творческой составляющей их деятельности. В самом широком и глубоком смысле производственная деятельность специалистов с культурологической точки зрения есть онтологически первая базисная форма предметного проявления и развертывания их профессионально-трудовой культуры. Она выражает исторически возможную меру человечности и социальности развития отечественных специалистов — весь процесс становления их сущностных сил в качестве субъектов конкретной национальной, социальной и профессиональной общностей. В связи с этим вся система принципов формирования европейски ориентированной профессионально-трудовой культуры российских специалистов должна быть нацелена на создание соответствующих производственных систем, должна опираться на тенденции взаимодействия и взаимовлияния единых в своей основе интенций континентальных институтов рыночной экономики и современного гражданского общества.

Экономический аспект исследования. В основе обозначенных феноменов лежат социально-экономические, по своей сути революционные процессы обновления и развития общественного производства. С этой точки зрения каждый российский специалист, чтобы быть полноценным субъектом европейской профессионально-трудовой культуры, должен не только проявлять этнокультурные, профессиональные и прочие личностные качества как свою индивидуальность, но и уметь выстраивать целую гамму соответствующих экономических и профессиональных моделей поведения в труде и общественном производстве. Эти модели должны отвечать не только национальным, но и континентальным наднациональным требованиям к традициям и жизненным потребностям производственного освоения окружающего ландшафта. В этом смысле экономический аспект исследования должен позволить выявить закономерности и механизмы формирования профессионально-трудовой культуры современных специалистов, нацелить изучение данного феномена на рассмотрение их профессиональной жизнедеятельности в качестве особой области пересечения континентальных и региональных, национально и наднационально окрашенных экономических — базисных — факторов развития европейской ойкумены.

Социологический и профессионально-педагогический аспекты исследования. Подход к профессионально-трудовой культуре специалистов с точки зрения социологии образования конкретизирует его научный анализ, но сохраняет комплексный характер изучения опосредованного влияния базисных континентальных и национальных социальных факторов на преобразование содержания обучения людей в профессиональной школе различного уровня, вплоть до преломления через личность конкретных специалистов (как особую призму) движения всей совокупности отношений, происходящего в материально-технических, социально-экономических и ценностных основах, образующих их жизненное полифоническое содержание. Данные процессы, как подчеркивал П. А. Сорокин, выражают механизмы рациональной интеграции сложных явлений всего социокультурного универсума[3]. Они, как показывает анализ, приводят к выработке в сфере образования новых социокультурных алгоритмов формирования у российских специалистов европейски ориентированной профессионально-трудовой культуры.

Выводы исследования. Научный анализ собранных нами различных данных позволяет сформулировать следующие выводы. Система мер профессионально-трудовой интеграции российских работников в евро-

[1] *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 94 ; *Казначеев В. П., Спирин Е. А.* Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. Новосибирск : Сиб. отд-ние. РАН, 1991. С. 254.

[2] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стер. Л. : Гидрометеоиздат, 1990. С. 258.

[3] *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика : пер. с англ. М. : Астрель, 2006. С. 42–47.

пейские производственно-технологические структуры должна опираться на кардинальное преобразование отечественного производительного труда, особенно в части его формирования в качестве субстанции европейской профессионально-трудовой культуры. Одновременно в реализации этих тенденций должен быть заложен социокультурный механизм сохранения евразийского кода. В этом укоренен наш глубинный национальный интерес. Но для этого, как отмечал С. Л. Франк, охранение должно быть направлено не на готовые, уже воплощенные формы и отношения, а на непрерывность и устойчивость творческого развития, жизненной активности российских граждан, особенно молодежи[1].

Наши современные возможности формирования профессионально-трудовой культуры специалистов, плотно сопряженной с ее европейской доминантой, непосредственно обусловлены зрелостью институтов российского гражданского общества (в том числе институтов профессионального образования) и опосредованно — расширенным воспроизводством такой культуры за пределами нашей страны. Это объясняется эволюцией современной рыночной экономики и формированием институтов непрерывного профессионального образования молодежи в России, превращением наших граждан в субъектов профессионально-трудовой культуры, содержащей как национальные, так и наднациональные компоненты. В ближайшие десятилетия эти зависимости должны стать плацдармом для выстраивания эффективной социальной и экономической политики на разных уровнях организации российского социума, в том числе в области формирования профессионально-трудовой культуры российских специалистов, позволяющей им эффективно интегрироваться в европейскую профессионально-трудовую культуру.

И. В. Новикова[2]

МИНИМИЗАЦИЯ НЕУСТОЙЧИВОСТИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современные трудовые отношения находятся в стадии перехода на новый качественный уровень. Все меньше предприятий и организаций, особенно вновь создаваемых[3], придерживаются мирового стандарта, применяемого на протяжении многих десятилетий (пятидневная рабочая неделя, восьмичасовой рабочий день, постоянно определенные выходные дни и др.). Трудовые отношения характеризуются неустойчивостью, выраженной в гибком графике работы, мобильностью рабочего места, многофункциональностью и зачастую невозможностью определить, кто является работодателем того или иного работника[4], и т. д. Однако это не искусственная созданная неопределенность, она является естественным следствием новых моделей ведения бизнеса и внедрения информационно-коммуникационных технологий. Наблюдается отчетливый тренд замены человеческого труда роботами, компьютерными программами и технологиями[5]. С одной стороны, у работодателя появилась уникальная возможность минимизировать дорогостоящие трудовые ресурсы, с другой — конкурентоспособность современного предприятия напрямую зависит от применения на нем передовых информационно-коммуникационных технологий и интеграции в цифровую экономику[6].

Каковы негативные последствия такой неустойчивости? Основная, на наш взгляд, — слабая социальная защищенность работника, так как пока не сформированы механизмы социальной защиты и социального обеспечения лиц нетрадиционных форм занятости[7]. Это является следствием недостаточной нормативной обеспеченности и учета новых форм занятости в трудовом законодательстве[8]. Так, в Российской Федерации из множества нестандартных форм занятости отражена только одна — дистанционная[9]. Однако даже ее применение не упрощается, а осложняется данными нормами. Перспективным в данном направлении, на наш взгляд, будет применение международного опыта регулирования новых форм занятости[10]. Такая необходимость обусловлена тем, что Россия включена в процесс формирования глобального рынка труда, который основывается на применении информационно-коммуникационных технологий («работа всегда и везде»)[11],

[1] *Франк С. Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Париж : УМСА-ПРЕСС, 1930. С. 270.

[2] Ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики, доктор экономических наук. Автор 120 научных публикаций, в т. ч.: «Гибкая занятость как форма реализации способности к труду „информационного человека“», «Регулирование занятости населения на Дальнем Востоке России», «Регулирование рынка труда и занятости населения в условиях развития информационно-коммуникационных технологий» (в соавт.), «Стратегирование занятости населения как механизм минимизации ее неустойчивости», «Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия», «Автоматизация процессного управления как механизм сокращения неустойчивости занятости населения» (в соавт.) и др.

[3] *Bernhardt A.* Labor Standards and the Reorganization of Work: Gaps in Data and Research. Berkeley : IRLE Working Paper, 2014.

[4] Working anytime, anywhere: The effects on the world of work. Luxembourg ; Geneva, 2017. doi : 10.2806/372726.

[5] Работать ради лучшего будущего — Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда Международное бюро труда — Женева: МБТ, 2019 г. С. 21.

[6] Changing business and opportunities for employers' and business organizations, International Labour Office and International Organisation of Employers. Geneva : ILO and IOE, 2019.

[7] Christina Behrendt, Quynh Anh Nguyen Innovative approaches for ensuring universal social protection for the future of work. Geneva : ILO, 2018.

[8] *Новикова И. В., Локтюхина Н. В.* Регулирование рынка труда и занятости населения в условиях развития информационно-коммуникационных технологий. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1. С. 45–57.

[9] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ. Гл. 49.1. Особенности регулирования труда дистанционных работников.

[10] Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда / гл. науч. ред. В. Н. Бобков. М. : РеалПринт, 2017. С. 313–324.

[11] Working anytime, anywhere: The effects on the world of work.

и отсутствие законодательных норм регулирования современных трудовых отношений или их несовпадение с международным законодательством снижает конкурентоспособность российских работников и не позволяет нашей стране занять достойное место на глобальном рынке.

Второе следствие — нарушение стабильности всего социального развития, от создания семей до разработки карьерных стратегий. Неуверенность в будущем не позволяет сформировать основные жизненные планы человека, а соответственно и всего общества в целом.

В связи с этим минимизация неустойчивости возможна при условии разработки стратегий от глобального до личностного уровня, в которых будут согласованы интересы всех субъектов[1], а затем последовательного и четкого стратегического управления трудовыми ресурсами. Построение стратегии позволит обозначить основные тренды развития, миссию, ви́дение, определить приоритеты дальнейшего развития, основанные на имеющихся конкурентных преимуществах, поставить цели и задачи[2]. С учетом глобальной стратегии необходимо разработать национальные, региональные и корпоративные стратегии. Это позволит увидеть перспективный спрос на трудовые ресурсы, что, в свою очередь, повысит эффективность системы образования и подготовки кадров, отдачу от человеческого капитала[3].

Таким образом, минимизация неустойчивости современных трудовых отношений благодаря разработке стратегии и осуществлению стратегического управления трудовыми ресурсами позволит:

— повысить эффективность деятельности и конкурентоспособность предприятий за счет того, что они будет отчетливо представлять свое будущее не только в текущем периоде, но и на долгосрочную перспективу;

— своевременно сформировать заказ на подготовку и переподготовку профессиональных кадров, что повысит эффективность системы образования, увеличит отдачу от нее, позволит развиваться производству благодаря найму квалифицированного персонала;

— снизить неопределенность, выстроить карьерные траектории работников, адаптировать систему образования и подготовки кадров, сформировать эффективное долгосрочное производство, адаптирующееся под происходящие текущие и будущие изменения;

— разрабатывать и проводить действенную социальную политику, обеспечивающую достойный труд[4] и достойный уровень жизни всех членов общества.

Т. О. Разумова[5],
М. В. Артамонова[6]

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И НОВАЯ РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В год своего столетия Международная организация труда (МОТ) определяет новые глобальные задачи, решение которых приведет к кардинальному изменению роли правительств, профсоюзов и объединений работодателей [2, с. 24]. Это поддержка *занятости*, что требует создания новых рабочих мест; снижение *безработицы*, особенно среди молодежи; сужение пространства *неформальной занятости*; преодоление проблемы *бедности среди работающих*; резкое сокращение *смертельных производственных травм и профессиональных заболеваний*; нормализация продолжительности *рабочего времени*; поддержание темпов роста *заработной платы*; *снижение гендерного разрыва в оплате труда*; сокращение *неравенства*; преодоление *цифрового разрыва*, то есть обеспечение равной доступности цифровых технологий в разных странах и для разных групп населения.

МОТ предлагает три основных пути решения этих вызовов, основанных на дальнейшем развитии системы социального партнерства [2, с. 33]:

[1] *Kvint V.* Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. N. Y. ; L. : Routledge-Taylor & Francis, 2015.

[2] *Квинт В. Л.* Концепция стратегирования. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019.

[3] *Новикова И. В.* Стратегирование занятости населения как механизм минимизации ее неустойчивости // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2. С. 71–77.

[4] Работать ради лучшего будущего. Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда. Международное бюро труда. Женева : МБТ, 2019. С. 21.

[5] Заведующая кафедрой экономики труда и персонала МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, заслуженный преподаватель Московского университета. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Влияние дополнительного профессионального образования на трудовую карьеру работника» (в соавт.), «Гибкие формы занятости в системе критериев концепции „Будущее в сфере труда“» (в соавт.), «Влияние новой технологической революции на сферу труда», «Science popularization and public outreach activities: Russian experience» (в соавт.), «Особенности реализации принципов социального партнерства на предприятиях топливно-энергетического комплекса Российской Федерации: проблемы и противоречия» (в соавт.), «Further professional education as an instrument of finding a decent work» (в соавт.) и др. Эксперт-консультант Международной организации труда, Государственной Думы РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ в области экономики труда, молодежной занятости и безработицы, новых форм занятости.

[6] Доцент кафедры экономики труда и персонала МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук. Автор около 90 научных публикаций, в т. ч.: «Гибкие формы занятости в системе критериев концепции „Будущее в сфере труда“» (в соавт.), «Обзор публикаций Международной организации труда по вопросам социальной защиты и социального диалога», «Подготовка кадров в условиях цифровой экономики в России: проблемы и пути решения», «Подготовка менеджеров в условиях цифровой экономики в России», «Развитие человеческого потенциала в современных российских организациях», «Пути совершенствования качества рабочей силы: аспект социально-партнерских отношений» (в соавт.) и др.

1) инвестирование в способности человека, в том числе:

— *обучение на протяжении всей жизни для всех*, позволяющее людям приобретать профессиональные навыки, переучиваться и повышать квалификацию; охватывающее формальное и неформальное обучение — от воспитания в раннем детстве и начального образования до обучения взрослых. Правительства, работники и работодатели, а также учебные заведения несут совместную ответственность за создание эффективной и должным образом финансируемой экосистемы обучения на протяжении всей жизни;

— *поддержку людей в переходные периоды*, в том числе молодежи, которая будет нуждаться в помощи для преодоления все более сложного перехода от школы к трудовой деятельности; пожилых работников, которые будут нуждаться в расширении возможностей, чтобы оставаться экономически активными до тех пор, пока они того желают, и чтобы формировалось общество, в котором граждане сохраняют активность в течение всей жизни; всех работников, которым потребуется поддержка во время переходных событий на рынке труда, все чаще происходящих в течение их жизни;

— *преобразующую повестку дня в области гендерного равенства*, включая меры в области политики — от родительского отпуска до инвестиций в государственные услуги по уходу за домом, которые должны способствовать разделению неоплачиваемого домашнего труда, чтобы обеспечить подлинное равенство возможностей на работе;

— *усиление социальной защиты от рождения до старости.* Будущее сферы труда требует создания на основе принципов солидарности и разделения рисков сильной и чутко реагирующей системы социальной защиты, которая помогает удовлетворять потребности людей в течение их жизни. Это требует установления минимального уровня социальной защиты, обеспечивающего базовую защиту всех нуждающихся, дополненную основанными на взносах программами социального страхования, повышающими уровень защищенности;

2) инвестиции в институты рынка труда со следующими целями:

— *установление всеобщей трудовой гарантии*, которая означает, что всем работникам независимо от их договорного статуса или статуса занятости гарантировано соблюдение их основных прав («заработная плата, обеспечивающая удовлетворительные условия жизни» [4], лимитирование рабочего времени, а также безопасность труда и охрана здоровья на производстве);

— *усиление суверенного контроля работника над своим рабочим временем*, чтобы он мог свободно им распоряжаться, одновременно удовлетворяя потребности предприятий;

— *возрождение коллективного представительства работников и работодателей посредством социального диалога как общественного блага при активном содействии со стороны государственной политики.* Всем работникам должны обеспечиваться права на свободу объединения и проведение коллективных переговоров, а государство должно выступать в качестве гаранта этих прав. Организации работников и работодателей должны укреплять свою представительную легитимность с помощью новаторских организационных методов, расширяющих участие в новых бизнес-моделях, в том числе с помощью технологий. Они также должны использовать свою сплачивающую силу, чтобы собирать за столом переговоров выразителей разных интересов;

— *развитие технологий в интересах достойного труда*, означающее, что работники и менеджеры договариваются о содержании и организации труда; используется искусственный интеллект по принципу «управляет человек», который гарантирует, что окончательные решения, влияющие на организацию труда, принимаются людьми;

3) инвестиции в достойную и стабильную занятость, что предполагает:

— *преобразование экономики с целью обеспечения достойной и стабильной занятости*, а также достижения гендерного равенства, массового создания рабочих мест и новых возможностей для микро-, малых и средних предприятий;

— *изменение структуры стимулирования модели бизнеса и экономики, ориентированное на развитие человека и его благосостояния,* предполагающее следующие действия: проведение справедливой налогово-бюджетной политики, пересмотр корпоративных стандартов бухгалтерского учета, расширение представительства заинтересованных сторон и внесение изменений в практику отчетности; разработку на уровне стран новых показателей прогресса, отражающих распределительные аспекты экономического роста, стоимость неоплачиваемого труда, связанного с обслуживанием домашних хозяйств и сообществ.

МОТ призывает все заинтересованные стороны брать на себя ответственность за построение справедливого и равноправного будущего сферы труда. Странам необходимо разработать национальные стратегии в отношении будущего сферы труда с использованием социального диалога между правительствами и организациями работников и работодателей.

Лучшие практики реализации принципов социального партнерства наглядно демонстрируют, что достижение баланса интересов участников рынка труда необходимо для формирования достойного будущего сферы труда. Примерами успешной реализации социального партнерства в России можно считать компании «Газпром нефть», ПАО «Северсталь», Объединение «Желдортранс» и др.

Компания «Газпром нефть» при разработке и реализации программ кадровой и социальной политики развивает партнерство с профсоюзными организациями [3]. Задачей партнерства «Газпром нефть» считает большее вовлечение профсоюзов в деятельность компании, расширение компетенций профсоюзных лидеров, которое должно позволить им защищать долгосрочные интересы работников с учетом ключевых целей и задач компании, развития экономики ситуации и соблюдения баланса интересов всех заинтересованных сторон. Представители профсоюзов участвуют

в обсуждении изменений системы социальных льгот «Газпром нефти», совещаниях руководителей кадровых служб, мероприятиях по созданию безопасных условий труда. В компании действуют комиссии по работе с молодежью, защищающие интересы рабочей молодежи и участвующие в программах адаптации новых молодых специалистов. «Газпром нефть» совместно с отраслевыми профсоюзами и Российским союзом промышленников и предпринимателей участвует в формировании отраслевых соглашений по каждому из направлений деятельности компании.

В основу взаимоотношений компании «Северсталь» с работниками положены принципы взаимной ответственности и уважения, социального партнерства, строгого соблюдения трудового законодательства [1]. ПАО «Северсталь» признает право работников на свободу создания ассоциаций и ведение коллективных переговоров. Компания видит в профсоюзных организациях ключевых партнеров в обеспечении социальных и трудовых гарантий работников, активных участников стратегического развития. На предприятиях компании действуют первичные организации Горно-металлургического профсоюза России (ГМПР), Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф), Независимого профсоюза горняков России (НПГ), организации которых объединяют от 46 до 66 % работников различных предприятий «Северстали».

В коллективном договоре на 2016–2017 годы позитивные изменения коснулись мер социальной поддержки сотрудников. В случае реструктуризации организаций или структурных подразделений, ликвидации рабочих мест коллективные договоры также определяют меры социальной поддержки, в том числе возможность досрочного (за два года до достижения пенсионного возраста) выхода на пенсию; возможность обучения новой профессии, профессиональной переподготовки работников; предоставление работникам, получившим уведомление о сокращении, четырех часов в течение рабочей недели в дневную смену для поиска нового места работы с оплатой этого времени по среднему заработку; выплата единовременного вознаграждения в размере 15 % среднемесячного заработка за каждый год работы в угольной отрасли при расторжении трудового договора с работником предпенсионного возраста (за два года до выхода на пенсию) при ликвидации организации или ее структурного подразделения, сокращения численности персонала (распространяется на работников АО «Воркутауголь»). Компания и профсоюзные организации сотрудничают и в таких сферах, как повышение профессионального уровня работников и повышение производительности труда, вопросы труда и быта работающих женщин и молодежи. Совместно организуются конкурсы профессионального мастерства, профессиональные праздники, спортивные мероприятия, акции поддержки ветеранов.

Еще один пример хорошей практики — реализация социального партнерства в организациях железнодорожного транспорта. Социальное партнерство как самостоятельный правовой сегмент взаимоотношений работодателей и работников в вопросах регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений определено Трудовым кодексом РФ. Железнодорожная отрасль рассматривает персонал в качестве важнейшего актива. С учетом масштаба деятельности и статуса железнодорожных организаций как крупнейших работодателей страны приоритетной стала реализация политики социальной ответственности перед работниками, обществом и государством. Баланс интересов является одним из основных направлений социального партнерства.

Развитие социального партнерства продолжается уже на глобальном уровне. Так, президент компании «ЛУКОЙЛ» и генеральный секретарь глобального союза IndustriALL подписали очередное Глобальное рамочное соглашение, знаменующее эффективный социальный диалог на международном уровне между IndustriALL и ЛУКОЙЛом, который одним из первых в Восточной Европе подписал такое соглашение в мае 2004 года, признав принципы защиты прав работников на международном уровне. Глобальный союз IndustriALL представляет в 140 странах мира интересы 50 млн работников, занятых в горнодобывающей, энергетической и перерабатывающих отраслях. То, что одна из самых мощных профсоюзных организаций мира заинтересована в сотрудничестве с компанией, говорит о том, что ЛУКОЙЛ, который сегодня работает более чем в 50 странах и почти в 60 регионах России, не только строго соблюдает российское законодательство о труде, но и соответствует международным стандартам трудовых отношений.

Особое значение в системе социального партнерства приобретает в настоящее время работа с молодежью, развитие привлекательных для молодежи направлений, таких как профессиональное переобучение и повышение квалификации, работа советов молодых специалистов, поддержка молодых семей, организация спортивных и культурно-массовых мероприятий, волонтерского движения, работа в цифровом пространстве.

Литература

1. Взаимодействие с профсоюзами // Отчет об устойчивости развития за 2015 год. Корпоративное управление. Северсталь [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://media.rspp.ru/document/1/e/d/ed08bf1b3bf2677dbc28b7adfc09b425.pdf (дата обращения: 27.01.2017).

2. Работать ради лучшего будущего — Глобальная комиссия по вопросам сферы труда. Международное бюро труда. — Женева : МБТ, 2019.

3. Сотрудничество с профсоюзами // Газпром Нефть : отчет об устойчивом развитии. Разд. «Развитие кадрового потенциала». — 2015 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://media.rspp.ru/document/1/2/c/2c2bbcbf6afc9139b5b61c401eee67a7.pdf (дата обращения: 27.01.2017).

4. Устав МОТ, 1919.

О. С. Сухарев[1]

СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТОДАТЕЛИ И РАБОТНИКИ: ПРИРОДА КОНФЛИКТА И ЕГО ПЕРСПЕКТИВА

Отношения работодателей и работников не только определяют функционирование рынков труда, но и задают режим развития сектора производства и услуг. На современном этапе особое значение приобретает проблема, известная в науке как «проблема принципала–агента», или наемного работника и наемного менеджера, либо наемного работника и собственника производства, если он исполняет функции менеджера своего предприятия.

Собственник заинтересован в получении как можно большей прибыли, наемный работник — в увеличении заработной платы, желательно без увеличения рабочих функций и времени труда. Именно это различие целей собственника и наемного работника формирует основу для трудовых конфликтов. Если менеджер не является собственником, то он также заинтересован в росте своей заработной платы («управленческого жалованья») за исполняемые обязанности, включая наем персонала. Ему выгодно за одну и ту же заработную плату получить как можно более опытного и квалифицированного работника и постепенно увеличивать нагрузку на него. Такое расширение функций работника есть не что иное, как режим эксплуатации, который позволяет собственнику при том же размере основного капитала) получать бóльшую прибыль.

Малые формы бизнеса предполагают, что число нанятых работников невелико, в основном собственник исполняет функцию управления производственным процессом, включая и наем работников, если они необходимы, причем сам участвует в процессе создания товаров или услуг. Чем больше размер предприятия, тем сильнее разделены функции владения, управления и исполнительские функции (выполнения конкретной работы по созданию определенных видов благ). Следовательно, проблема принципала-агента обостряется с расширением предприятия и ростом числа работников, поскольку увеличивается разница между мотивами: с одной стороны, достойное вознаграждение за наемный труд, с другой — максимизация прибыли.

Анализ фактических данных по прибыли и заработной плате в России говорит о том, что наемный труд явно недооценен. Владельцы капитала — собственники, получают значительно бóльшую прибыль, нежели заработная плата. Причем в годы отрицательного темпа роста экономики прибыль банков и ряда сырьевых секторов растет, а заработная плата остается прежней или снижается. На рис. 1 показано снижение темпа роста прибыли с 2014 года и реальной среднемесячной заработной платы в России начиная с 2012 года.

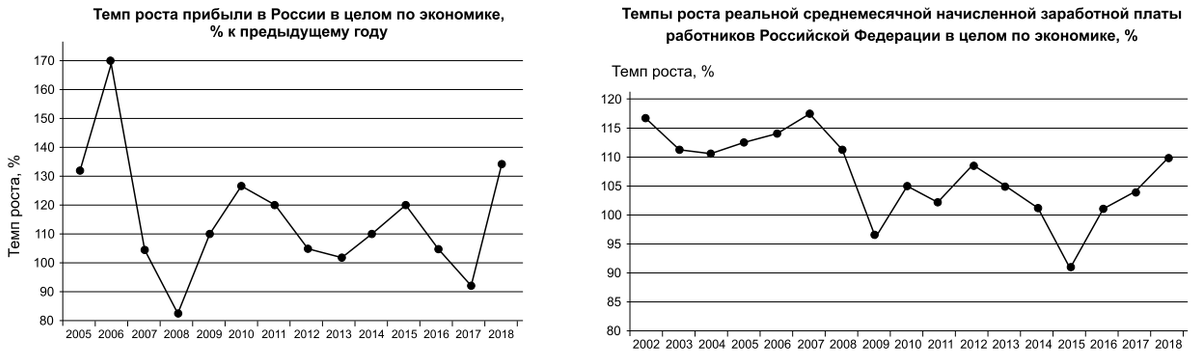

Рис. 1. Темп роста прибыли (слева), реальной среднемесячной заработной платы (справа), 2000–2017 гг.
По данным Росстата

В 2017–2018 годах заработная плата возросла (прибыль еще более существенно возросла только в 2018 г.), но это не вернуло величину заработной платы к докризисному уровню, как и темпы ее роста. В течение пяти лет в России не растут реальные располагаемые доходы населения (рис. 2), а рост 2018 года является весьма призрачным (несущественным), несмотря на рост среднемесячной начисленной заработной платы (по данным Росстата — 106,8 %). Причем общее снижение роста реальных доходов наблюдается с 2007–2008 годов (рис. 2), что говорит о хронических причинах такой динамики. Доля заработной платы в реальных располагаемых доходах населения занимает около 38 %, следовательно, другие доходы не растут.

[1] Главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Экономический рост, институты и технологии», «Информационная экономика: знание, конкуренция и рост», «Теория реструктуризации экономики», «Элементы теории саморазвития экономики», «Экономическая теория эволюции институтов и технологий» и др. Член правления Международного фонда Н. Д. Кондратьева. Лауреат медали РАН для молодых ученых, памятной и Серебряной медали им. Н. Д. Кондратьева.

Вместе с тем разрыв между прибылью и заработной платой сохраняется (рис. 2). Даже снижение темпа роста прибыли происходит позднее, нежели заработной платы (с 2014 г., а зарплаты — с 2012-го; см. рис. 1).

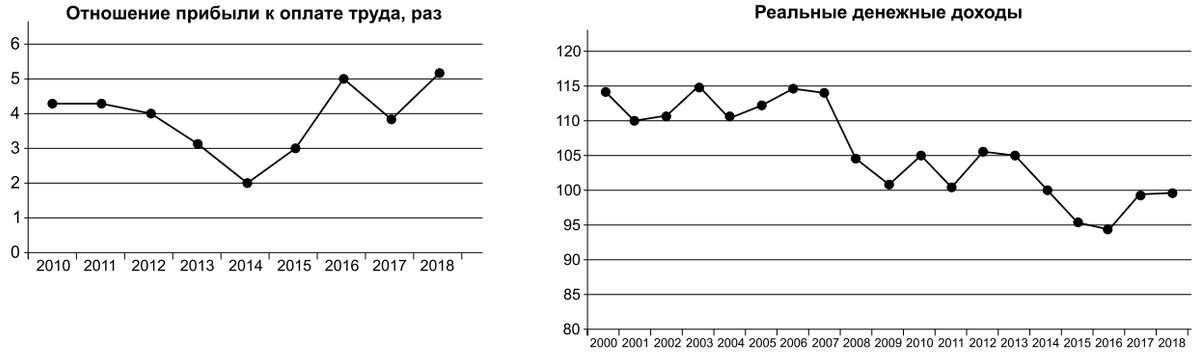

Рис. 2. Отношение прибыли к заработной плате (слева) в 2010–2018-м и реальные располагаемые доходы населения (справа) в 2000–2018 годах[1]

На рис. 2 видно, что разрыв между прибылью и заработной платой в период роста экономики перед кризисом 2014–2016 годов снижался до 2 раз, но с началом кризиса (обвальной девальвацией 2014–2015 гг.) резко возрос, превысив исходное значение 2010 года. С некоторым оживлением экономики в 2017–2018 годах этот разрыв увеличился более чем в 5 раз.

Таким образом, в период роста и относительного благополучия собственники бизнеса довольствуются приемлемой прибылью, а для развития своего бизнеса задействуют механизмы привлечения труда и повышения заработной платы. Когда возникает кризис, который развертывается через финансово-валютные рынки (девальвацию) и банковскую систему, рост заработной платы существенно тормозится и владельцы капитала заботятся исключительно о сохранении и увеличении своей прибыли.

Сервисная экономика представлена услугами, которые вносят ощутимый вклад в показатели экономического роста. Занятость также смещена в пользу сектора услуг. Именно сюда переходили кадры из обрабатывающих отраслей. Этот процесс наблюдается до сих пор, интенсивность его изменяется по годам, но в целом труд перетекает в сектор услуг и инфраструктурного обслуживания, где бóльшая рентабельность и динамизм развития. Это предоставляет возможность более высокой оплаты труда, что и обеспечивает его мобильность. Многие виды труда осуществляются дистанционно, не требуют больших затрат на организацию рабочего места, а высокий темп развития этих секторов, особенно IT-индустрии, приводит к тому, что исполнитель (наемный труд) и владелец бизнеса — это зачастую одно и то же лицо. Поэтому понятие прибыли и заработной платы для него сливаются в единое понятие получаемого дохода за оказанные услуги. В этом смысле проблема «принципала–агента» в значении разделения собственности и управления элиминируется, если не исчезает совсем, поскольку агенты не разделены функционально. Вместе с тем во многих видах бизнеса, в том числе в IT-фирмах, имеются собственники, управляющие и нанятые программисты, и соотношение прибыли и заработной платы отражает наличие такой проблемы. При этом роль профсоюзов весьма ограничена, так как бизнес имеет малые размеры, конкуренция по интерспецифическому знанию высока, хотя динамизм развития таких секторов и видов бизнеса в силу их спекулятивного характера позволяет назначать очень высокие заработные платы относительно иных секторов, но прибыль, как правило, еще выше. То есть эксплуатация присутствует, и она не меньше, чем в секторах материального производства.

Проблема разделения собственности и управления выступает центральным звеном в практически всех социальных проблемах, связанных с трудом, его организацией и защитой. Различие целей требует баланса интересов работника и владельца или управляющего — работодателя, что фиксируется системой статей Трудового кодекса. Однако вводимые государством институциональные регулирующие меры практически не касаются именно разницы целей — прибыли и зарплаты, так как зарплата регулируется договором работодателя с работником, а размер прибыли определяется решением акционеров или учредителей, касающимся распределения полученной прибыли между владельцами.

Следовательно, даже в институциональном смысле регулирование и правомочия разделены, как и возможности влияния на один и другой показатели, несмотря на то, что оба являются составными частями цены создаваемого продукта/услуги. Если же цену повышать нет возможности, то управляющему или собственнику приходится выбирать: не повышать заработную пла-

[1] См.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance/# ; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# ; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#.

ту, но наращивать свою прибыль либо на бóльшую величину повышать прибыль и на меньшую — заработную плату. Этот эксплуатационный механизм составляет основной ресурс увеличения прибыли. Перед владельцем бизнеса стоит альтернатива: терять сотрудников, недовольных зарплатой, или увеличивать свою прибыль. Именно относительно высокая зарплата в сервисной экономике и желание владельца сохранить свою прибыль являются факторами перемещения труда из обрабатывающих секторов в транзакционный и сырьевой секторы.

Связывание роста заработной платы (когда труд недооценен) с ростом производительности труда, во-первых, формирует неверное представление, будто производительность зависит только от труда (одного фактора), а от капитала не зависит вовсе, хотя именно капитал стимулирует внедрение новых технологий; во-вторых, означает увеличение нагрузки на труд, когда она и так высока и несоразмерна оплате. Экономическая политика, исходящая из подобных императивов, обостряет проблему отношений наемного работника и работодателя, который не видит, что заработная плата является условием роста производительности, а не наоборот. Отсутствующее институциональное давление на собственников бизнеса приводит к яркому доминированию мотива выжимания прибыли из рынка, в том числе за счет воссоздания потогонной системы (по Дж. Гобсону). Это отбрасывает социальное развитие на уровень конца XIX — начала XX века и не может рассматриваться в контексте новых культурных императивов развития общества.

Как итог, в России наблюдается:

— ползучее негласное увеличение рабочего дня (более 8 часов);

— сокращение оплачиваемого отпуска;

— сокращение надбавок и компенсаций за вредность, например отмена бесплатного молока по определенным группам профессий и т. д.

Возможно, эти явления пока не носят системного характера, но их появление наблюдается отчетливо, и эти процессы развиваются.

Без изменения социального аспекта экономической системы невозможно обуздать «культурные» пороки современного капитализма, какие бы новые формы занятости в секторах услуг и информации ни привносила «информационная экономика». Труд должен быть защищен так, чтобы это его возвышало, чтобы задавались возможности его совершенствования и чтобы разрыв между владением и исполнением сокращался.

Концепция естественного права, провозглашающая примат права владеть, что гарантирует в среднем более высокий доход, нисколько не лучше и не хуже «права не владеть», которое реализуется носителями исполнительского знания — наемными работниками (учеными, врачами, учителями, инженерами и т. д.). Но именно эти слои общества, получая низкую заработную плату «стабильного» размера, подвержены самой жестокой эксплуатации в пользу собственников-работодателей, которые черпают из владения «работодательскую ренту», верша судьбы носителей исполнительского знания, создающих и вносящих наиболее существенный вклад в добавленную стоимость.

По этой причине современный капитализм нуждается в институциональной трансформации, выравнивающей возможности владения и невладения, использования ренты, получения прибыли и заработной платы. Соотношение прибыль / заработная плата выступает определяющим структурным параметром, на который необходимо обратить внимание с точки зрения планируемых институциональных коррекций в экономике.

Л. Г. Титова[1]

КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ СМЫСЛОВ

Глобализация на каждом шагу демонстрирует реальности бытия, которые в таком объеме и масштабе не имели места в истории. Выведя развитие цивилизации на новую ступень, она выявила ее проблемы и противоречия, неустойчивость обществ, возрастающий динамизм развития, который, превращаясь в естественный ход событий, требует совмещения человека с темпами и характером перемен. В ходе глобализации просматриваются такие явления, которые вновь обращают внимание исследователей на вопросы смыслообразующей составляющей деятельности, на возможность предвидеть последствия идущих процессов. Тенденции, которые очевидны в современных развитых обществах, позволяют определить общий путь изменения смыслов и ценностей, создания новых культурных парадигм эпохи — исходных требований, определяющих содержание прогресса. Условия общества потребления делают предсказуемым обесценивание традиционных ценностей (общения, труда) и появление псевдоценностей (удовольствия, потребления).

Парадигма — модель, идеал — необходима, как необходима и новая интерпретация самого человека, его социального назначения и обязательств перед самим собой.

Глобализация потребовала новых идей и действий, она же создала и новые конфликты. Проявляясь во всех

[1] Профессор Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор политических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 95 научных публикаций, в т. ч.: «Гуманитарная катастрофа образования», «Гражданское просвещение как процесс: становление системы», «Образование в контексте политики», «Справедливость как социальный проект в современной России», «Актуальные проблемы современного образования (опыт Ярославской конференции)», «Социальное значение образования в течение всей жизни и задачи социума по его поддержке», «Эволюция понятия „непрерывное образование“» и др. Член Российской ассоциации политической науки.

сферах, они оказываются наиболее чувствительными тогда, когда касаются сущностных областей человеческой жизни, тех, в которых содержится ее смысл и назначение. Такой областью является труд.

Представления о труде складываются в контексте культуры эпохи. В начале индустриализации создавалась культура коллективного, рационализирующегося труда. Потребность в профессиональных знаниях касалась в основном части работников — квалифицированной рабочей силы (работников интеллектуального труда, врачей, инженеров, техников), от других категорий требовались исполнительность и дисциплина. Появлялись первые научные труды, где провозглашалась новая культура труда и управления (Тейлор, Мэйо и др.), обосновывались цели организации труда, роль образования как фактора повышения производительности. З. Бауман указывает, что как только люди стали осознавать, что труд — источник богатства, они начали искать способы наиболее эффективного его использования, поэтому обучение с точки зрения капиталиста — это вклад в работника, который должен быть возвращен с прибылью. Эксплуатация труда сделала для человека значимыми ценности свободы и знания, нравственности и права.

Современный труд имеет не только онтологическое значение, являясь составляющей деятельности человека, через которую реализуется программа выживания и которая содержит образ, идею бытия, свидетельство состоятельности личности, ее знаниевых, коммуникативных и иных возможностей, позволяющих органично выписываться в жизнь общества. Индивидуализация жизни в условиях глобализации индивидуализирует и трудовую деятельность: человек максимально реализует свои возможности, вкладывая усилия в трудовой процесс, удовлетворяя свои потребности. Чем свободнее труд, тем больше возможностей для самопроявлений человека в процессе труда — познавать, творить, мыслить, проявлять инициативу.

Культурная парадигма труда означает смену исходных позиций в отношении его значения и качества. Труд, который всегда был средством достижения каких-либо целей, становится самоцелью, ценностью, без которой человек не мыслит своего существования. В системе «человек–труд» оба слова несут знаковую нагрузку: человек становится знаком высокоинтеллектуального, профессионального труда, а труд — знаком высокоинтеллектуальной профессиональной личности. В труде формируется социальная и культурная идентичность, личность производится и воспроизводится как собственно человеческое существо, способное к осознанной, творческой деятельности, к свободному выбору способа своего существования.

Такое представление об объективном характере и роли труда, формируемое в эпоху глобализации, вступает в противоречие с действительностью. Человечество оказалось в ситуации жесткого прагматизма, усиливается дисбаланс между материальным и духовным, стремление «жить настоящим» обесценивает прошлое, лишает человека надежды влиять на будущее и веры в перспективу. Крах идей переустройства, объявление утопией любое стремление улучшить мир приводит к истончению идеи созидательного труда, сведению его к средству поднять свой жизненный уровень. Труд, таким образом, выводится за пределы культурной парадигмы, что сужает не только его значение, но и представления о самом человеке. И дело не только в том, что в трудовой деятельности проходит основная часть жизни людей, но и в том, что в ней так или иначе выявляются их качества. Именно новый век показал, что узкие трактовки человека и труда («значимо то, что полезно», «жизнь одна, и она есть здесь и сейчас, значит, надо брать от жизни все и сразу», «только успех и деньги решают все» и т. п.) не только не создали нового мирового порядка, но и стали усиливать тенденции непредсказуемости и хаоса.

Изменение положения человека в системе труда — процесс конфликтный. Особенности трудовых конфликтов заключаются в том, что обе стороны — собственники средств производства и работники, являясь антагонистами, связаны и взаимозависимы. Противоположные интересы разводят их по разные стороны баррикад. Объединенными усилиями профсоюзов, самих работников, общественных организаций идет борьба трудящихся за свои права. В странах с развитой экономикой выработались мирные способы этой борьбы — договоры, переговоры, компромиссы, однако забастовки, столкновения с полицией, в которые втягиваются многочисленные группы населения, включая молодежь, показывают, как хрупок сегодня социальный мир.

Научно-технический прогресс создал новую культуру труда, основанную на знаниях. В развитых странах появились новые возможности профессионального обучения, повышения квалификации в широкой сети образовательных учреждений, подготовки и переподготовки. Однако все это не сняло напряжения в сфере труда: квалифицированные работники недовольны условиями и оплатой труда, новыми видами эксплуатации в виде жесткой регламентации труда, администрирования, краткосрочных контрактов, бессрочных отпусков и т. д.

Изменение темпа трудовых процессов, необходимость смены видов деятельности, быстрое устаревание профессиональных знаний и навыков влияют на эмоциональное состояние работника, что делает жизнь в современных социумах не только неустойчивой, но и взрывоопасной. На традиционную борьбу труда и капитала накладываются проблемы общества с его массовой культурой, бездуховностью и сниженными нравственными требованиями.

Социальная маргинализация создает возможности для провокаций, спонтанных действий взбудораженной толпы. Современные информационные технологии создают множество способов манипулирования людьми; правительства, вынужденные балансировать между избирателями и капиталом, прибегают к любым средствам, чтобы создать армию послушных и управляемых работников, готовых идти на компромисс и соглашаться с любым предложением.

Формируется новая культура отношения власти со сферой труда, основанная на представлениях о цен-

ности капитала, которому необходимо создавать все условия для свободного развития, в том числе формируя политически инертного работника, не способного к сопротивлению. Современная «культура гаджетов», разъединяющая людей, в немалой степени способствует индивидуализации, что в свою очередь делает успешной политику «разделяй и властвуй». Противоположности современного общества — коллективное как бессознательное и индивидуальное как духовно обедняемое — две стороны процесса управления людьми, ограничивающие их возможности отстаивать свои права. Маневры правительств по отношению к трудящимся, поддержка капитала, попытки управлять настроением и поведением людей опираются на новую культурную практику, в которой «настоящими» ценностями объявляются все, кроме труда, — досуг, шопинг, путешествия, еда.

Достижимость этих ценностей в обществе потребления создает стремление к нетрудовым доходам. З. Бауман, рассматривая новую трудовую этику и эстетику работы, отмечает вспомогательную, зависимую от потребления роль, которую начинает приобретать трудовой процесс. Потребление становится вознаграждением за работу — чем больше наработал, тем больше получаешь, работаешь только ради последующего удовольствия, получаемого от удовлетворения растущих потребностей. Смена ценностей меняет этику труда: работник, подчиненный вещи, работающий для удовлетворения своих желаний, заслуживает уважения не за свой труд, а за то, сколько он может получить за него, то есть оценивается по количеству получаемых благ. Меняется и содержание трудовых конфликтов: работник отстаивает право не на достойный, а на высокооплачиваемый труд, увеличивающий возможности потребления.

Удовлетворению желаний посвящены все усилия человека — и творчество в том числе. Труд теряет уважение, и сам человек, его жизнь теряют смысл и значение. Этому в немалой степени способствует и другая сторона жизни современных обществ — скорость перемен и неопределенность перспектив существования в реальности войн, кризисов и террора. Традиционные ценности теряют смысл там, где нет будущего. Ощущения человека в таком мире заставляют его торопиться жить «здесь и сейчас», поскольку здесь ничто не гарантировано, даже простое жизнеобеспечение, так как потеря рабочего места может произойти неожиданно в интересах работодателя.

Объективные процессы — новые виды труда, новые технологии с применением робототехники — высвобождают работника из сферы производства материальных благ в сферу услуг и обмена, они же создают возможности освобождения человека от тяжелого, неквалифицированного труда, чтобы направить его способности на творчество. Потребность в новых технологиях вызвала к жизни идею непрерывного образования — учения в течение всей жизни, для создания армии квалифицированных работников, чьи знания и умения могут соответствовать потребностям развития. Однако социально-экономические условия, благоприятствуя интересам капитала, приводят к появлению элитных групп работников, оставляя массе трудящихся роль резерва, к чьим услугам прибегают по мере надобности. В русской лексике исчезает слово «трудящийся», заменяемое все чаще употребляемым «работник»: человек, воспринимаемый как товар, как поставщик капитала, не может быть не чем иным, как «работником», то есть функцией.

Проблемы, возникающие в сфере труда, в условиях глобализации становятся всеобщими. В странах догоняющего развития они осложняются бедностью, массовой безработицей, низкими зарплатами, тяжелыми условиями труда, отсутствием социальных гарантий и защиты прав человека труда, слабым действием или отсутствием механизмов, компенсирующих эти факторы. Это порождает социальные фобии, депрессивное состояние населения, грозящее перейти в социальный взрыв.

Сегодня как никогда прежде велика потребность в новой интерпретации культуры труда, поиска оснований, на которых будет формироваться отношение к труду как к ценности, возвращающей человека из пространства физического выживания и потребления в пространство культуры, где труд — средство не только жизнеобеспечения, но и творения Жизни, ценность, за которую иногда приходится платить самой жизнью (героический труд, военный труд, труд первооткрывателя). Культурная парадигма труда позволяет выявить стороны трудовой деятельности, выходящие за пределы производства материальных благ, акцентируя внимание на тех сторонах труда, которые способствуют развитию личности, удовлетворению ее духовных потребностей, получению удовольствия от самого процесса труда.

Е. В. Улько[1]

УСТАНОВКИ К КОНФЛИКТУ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Понимание, прогнозирование и управление социально-трудовыми конфликтами предполагает научный анализ процессов на макро- и микроуровне. Значимым является выявление психологических закономерностей активности человека как субъекта конфликтов в трудовой сфере. При трактовке конфликта как целостного явления, объединяющего в общую систему интрапсихические процессы (переживания, отношение, понимание и др.) с интерпсихическими (общение, взаимоотношение и др.) в ситуации актуального взаимодействия социальных субъектов в форме противостояния (по А. Л. Журавлеву)[2], целесообразным представляется изучение установок к восприятию и оценке конфликтной ситуации участниками, их готовность действовать определенным образом. Мы полагаем, что эти установки могут меняться в течение профессиональной жизни человека. Особый интерес представляет изучение установок молодежи как наиболее активной и определяющей будущее части общества. Оканчивая высшее учебное заведение, молодые люди основываются на своих представлениях о будущей профессии и возможных проблемах и конфликтах в процессе трудовой деятельности. Профессиональный опыт вносит коррективы в ранее сложившиеся ценностные ориентации и установки личности. Изучение и конкретизация содержательных и структурных составляющих данных изменений — основные идеи нашей работы.

В эмпирическом исследовании, проведенном совместно с Н. Я. Хоревой, было проверено предположение о различиях установок к конфликту в трудовой деятельности у личности на стадиях профессионализации адепта и интернала (по классификации Е. А. Климова)[3]. Согласно данной периодизации, адептом является человек в период обучения и освоения основ знаний и навыков будущей профессии. Далее идет стадия адаптации, начала профессиональной деятельности. Затем стадия интернала — включение работника в профессиональное сообщество как полноценного члена.

В отношении установок к конфликту как наличию общей готовности человека воспринимать и действовать особым образом в конфликтной ситуации мы ориентировались на трехкомпонентную структуру. *Когнитивный* компонент — знания и представления молодых людей о сущности конфликта, его основных причинах и характере протекания конфликтных ситуаций в сфере профессионально-трудовых отношений. *Эмоционально-оценочный* компонент включает выявление отношения личности к конфликтам, типичные эмоциональные состояния и переживания в таких ситуациях. *Поведенческий* компонент характеризует готовность к определенным моделям и способам поведения в ситуациях противостояния.

Целью нашего исследования было изучить и сравнить компоненты установок к конфликтным ситуациям в трудовой деятельности у испытуемых в группах адептов и интерналов. Выборку составили молодые люди, представители профессии менеджмента на разных стадиях профессионализации — адепты и интерналы (всего 90 человек). Группы сравнения представляли 45 студентов III–IV курсов Сочинского государственного университета, факультета экономики и процессов управления по направлению подготовки «Менеджмент» (23 девушки и 22 юноши, возраст 21–23 года) и 45 сотрудников предприятий (22 женщины и 23 мужчин, возраст от 26 до 32 года).

Методы сбора эмпирических данных: психодиагностические (тест К. Томаса «Стили поведения в конфликте» в адаптации Н. В. Гришиной), тест О. Ф. Потемкиной «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере»); анкета; интервью для конкретизации содержания структурных компонентов установок к конфликту в трудовой деятельности; статистический анализ (t-критерий Стьюдента); качественный анализ (категоризация ответов испытуемых на вопросы анкеты и интервью).

Обратимся к наиболее существенным результатам исследования. Рассмотрим данные стандартизированных методик. Сравнение показателей способов поведения в конфликтной ситуации у испытуемых выделенных групп свидетельствует об общей склонности к выбору диалоговых стилей поведения (сотрудничество и компромисс). Однако отмечен ряд особенностей. В группе интерналов стратегия сотрудничества значимо выше (средний балл 7,3) по сравнению с адептами (6,1). Стратегия борьбы наименее привлекательна для обеих групп, но для интерналов она приемлема, тогда как адепты практически полностью ее исключают (4,9 интерналы и 2,3 адепты). Среди пассивных стратегий реагирования адепты склонны к избеганию конфликта (5,6), а интерналы готовы к приспособлению (6,4). Данные свидетельствуют о более активной позиции интерналов — готовности к участию в конфликтном взаимодействии, к разрешению проблем.

По анализу социально-психологических установок личности были выявлены следующие особенности групп. Адепты имеют более высокие показатели

---

[1] Доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета (Краснодар), кандидат психологических наук. Автор около 80 научных публикаций, в т. ч.: «Этничность как контекст конфликтного взаимодействия: психологический и социально-политический аспекты» (в соавт.), «Сравнительный анализ конфликтологической компетентности руководителей с различным стажем управленческой деятельности» (в соавт.), «Опыт конфликтного взаимодействия как фактор взаимоотношений личности в трудовом коллективе» (в соавт.), «Локальная идентичность и субъектность местного сообщества» (в соавт.), «Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия» и др. Член Российского психологического общества.

[2] Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М. : Социум : Ин-т психологии РАН, 2001.

[3] *Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2010.

по шкалам «ориентация на результат» (6,35), «ориентация на эгоизм» (4, 52), «ориентация на власть» (3,45). Для группы интерналов характерна ориентация «на процесс» (6,48), «на результат» (5,52) и «альтруизм» (5,62). Результаты свидетельствуют о большей направленности адептов на себя и свои интересы, интерналы же проявляют большую включенность в общие процессы и связь в окружающими.

Анализ результатов анкетирования и интервью с респондентами сравниваемых групп позволяет выделить ряд особенностей. В когнитивном компоненте установки конфликт воспринимается адептами как негативное явление, практически всегда имеющее деструктивный характер, склонность к стереотипному восприятию. Предметом трудового конфликта они называют преимущественно столкновение личных интересов и потребностей участников. Отмечают внешние причины и инициаторов конфликта, собственный вклад в возникновение конфликта не предполагают («Основными причинами конфликтов в трудовых отношениях, возможно, будет неблагоприятный климат в коллективе… малообразованность сотрудников по вопросам решения конфликтных ситуаций», «скорее всего, начинаться будут с чьего-то недовольства моей работой, возможно личной неприязни...», «начальник может несправедливо относиться ко мне»). Интерналы понимают конфликт как неотъемлемую часть трудовых отношений, выделяют деструктивную и конструктивную функции. Предмет трудового конфликта представляют в отвлеченной от личных отношений форме («обычно является трудовая ситуация», «права и обязанности сотрудников», «выполнение должностных обязанностей»). Чаще, чем адепты, интерналы обозначают роль непонимания или недостаточного согласования позиций сторон в возникновении конфликтов. Для интерналов характерна готовность быть инициаторами конфликтов, если ситуация потребует разрешения противоречия.

В эмоционально-оценочном компоненте установок в обеих группах отмечены определенные противоречия. Адепты демонстрируют выраженное негативное отношение и опасение, при этом отмечают свою готовность не реагировать эмоционально на конфликтные ситуации. Возможно, что для этой группы отсутствие опыта в трудовой сфере проявляется в защитной позиции преуменьшения значимости конфликтного взаимодействия и преувеличения своей способности к регуляции эмоциональных реакций. Интерналы в большинстве отмечают общее нейтральное восприятие и оценку трудовых конфликтов как рядового явления. Однако они выделяют имеющуюся у них проблему эмоционального реагирования и стремление снизить негативное влияние эмоций на свои действия («я нейтрально отношусь к конфликтам, так как понимаю, что полностью исключить их из трудовой деятельности практически невозможно», «переживаю, но всегда нахожу выход», «считаю их неизбежными, но неприятное чувство есть»).

В поведенческом компоненте в ответах респондентов обеих групп преобладает готовность к урегулированию конфликтов путем обсуждения проблем и достижения устраивающего обе стороны компромиссного решения. Отметим общую склонность к рефлексии своих поведенческих установок в группе интерналов, выделение ими ситуаций сознательной инициативы активного ведения конфликта, трудностей регулирования эмоций. У адептов отмечена низкая способность к оценке своего поведения в конфликте, позиция обвинения оппонентов, стремление не столько урегулировать противоречие, сколько защитить свои интересы либо при невозможности добиться этого уклониться от конфликтного взаимодействия.

Обобщая и интерпретируя полученные результаты сравнения групп молодых людей, осваивающих профессии (адепты) и занявших свою позицию в группе профессионалов (интерналы), мы наблюдаем различия по всем трем компонентам установок к конфликту. Дадим обобщенную характеристику установок к конфликтам в трудовой деятельности в группах адептов и интерналов. Молодые люди, обучающиеся профессии (адепты), негативно относятся и оценивают будущие возможные конфликты на работе, соотносят будущие конфликты со столкновением личных интересов участников. Для данной группы характерен ряд противоречий в конфликтных установках, что может создавать им проблемы при вхождении в коллектив в начале трудовой деятельности. Несмотря на то что для группы характерна некоторая центрированность на собственных интересах (выраженность ориентаций на достижение результата, эгоизм и власть), представители группы видят источник конфликтов во внешней среде, связанный преимущественно с борьбой за интересы, с несправедливым отношением к ним. Возможную свою роль в возникновении конфликта не предполагают, однако на активную борьбу за свои интересы не настроены. Такое противоречие между акцентом на своих потребностях, обвинительной позицией к окружению и неготовности к отстаиванию своей позиции может выражаться в напряженности и неудовлетворенности. Состояние может усугубляться фактом уверенности молодых людей в своей возможности контролировать эмоциональные реакции. Таким образом, можно отметить основную потенциальную проблему для данной группы в возникновении конфликтов на межличностном уровне с коллегами при будущем вхождении в трудовую деятельность.

Для группы молодых людей, уже вошедших в профессию (интерналов), характерна фиксация неизбежности конфликтов в трудовой деятельности, выделение как отрицательных, так и положительных сторон. Они готовы к активному осознанному включению в конфликтное взаимодействие, инициированию конфликтов при необходимости, не склонны избегать конфликтных ситуаций. При этом выражена ориентация на взаимодействие и учет позиций и интересов других участников, ориентация на власть в меньшей степени значима. Они в большей степени готовы к подчинению и приспособлению и видят такой вариант как приемлемый способ решения конфликта. В качестве проблемы для данной группы можно отметить подверженность влиянию эмоций на поведение, несмотря на их нейтральное отношение к конфликтам в целом. Можно ожидать, что

конфликты в трудовой деятельности для представителей данной группы могут носить эмоционально насыщенную окраску, иметь не только межличностный характер, проявлять их готовность к решению противоречий, связанных с интересом дела и других людей.

Наша работа показала, что установки молодежи к конфликтам в профессиональной сфере меняются с получением опыта трудовой деятельности. На различных стадиях у молодых людей есть своя специфика установок, свои проблемные зоны и внутренние противоречия. Знание данных особенностей конфликтных установок может быть учтено в прогнозировании и профилактике конфликтов в организациях, в создании эффективной программы психологической поддержки и сопровождения молодых людей на разных стадиях профессионализации.

Н. Н. Цветкова[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ РЫНКА ТРУДА И ВЫЗОВЫ АВТОМАТИЗАЦИИ: ТРУДЯЩИЕСЯ, ПРОФСОЮЗЫ И ТНК

Люди, работающие по найму, и, соответственно, организации, отстаивающие их интересы, в том числе профсоюзы, уже сегодня сталкиваются с новыми вызовами, которые в ближайшие десятилетия будут только усиливаться.

В 1960–1970-е годы развернулся процесс перемещения трудоемких, энергоемких, материалоемких, экологически небезопасных производств в страны с дешевой и достаточно подготовленной рабочей силой, прежде всего в Восточную и Юго-Восточную Азию и некоторые страны Латинской Америки. Перемещение проходило под эгидой транснациональных корпораций (ТНК), в развивающихся странах Азии не только высокими темпами увеличивались прямые инвестиции ТНК в создание филиалов, но и распространялись так называемые неакционерные формы организации международного производства, в частности, субподряды (сегодня их чаще называют производством по контрактам — contract manufacturing).

Самый известный пример производства по контрактам — сборка айфонов американской компании «Эппл» в Китае, но не в ее дочерней фирме, а в филиале работающей на нее по контракту тайваньской компании «Фоксконн» (другое название — «Хон Хай») или в китайском филиале тайваньской компании «Пегатрон». В 2011 году предприятие «Фоксконн» в Шэньчжене стало объектом критики, в том числе в газете «Нью Йорк Таймс», из-за тяжелых условий труда и проживания рабочих (в основном мигрантов из деревни) в общежитиях: длинный рабочий день, низкая зарплата и еще снижающая ее система штрафов, похожие на казармы общежития. После скандала руководитель Фоксконн, тайваньский миллиардер Терри Го, заявил, что компания расширит применение роботов. Тогда это воспринималось как пустая риторика, но в 2017 году Фоксконн действительно заменила рабочих на своем заводе в Куньлине (КНР) роботами («механические руки»), причем и производственных («фоксботов»), и коммуникативных роботов она выпускает сама.

В результате перемещения производств и развития собственных предприятий страны Восточной и Юго-Восточной Азии заняли в международном разделении труда место ведущих экспортеров готовой продукции — сначала текстильных изделий и обуви, затем электронной продукции, так называемых товаров ИКТ (компьютерного, телекоммуникационного оборудования, теле-, видео- и аудиотехники). Страны Восточной и Юго-Восточной Азии поставляют на мировой рынок основную массу цифровых устройств: в 2015 году на них приходилось 70,3 % мирового экспорта товаров ИКТ, в том числе 64,7 % мирового экспорта компьютерной техники, 72 % — телекоммуникационного оборудования, 78,5 % — компонентов для товаров ИКТ[2].

Трудоемкие отрасли обрабатывающей промышленности стали важной сферой занятости в странах Азии. Так, в 2015 году в производстве компьютеров и электронной промышленности в Таиланде было занято 10 % работающих в обрабатывающей промышленности, на Филиппинах — 16 %. В швейной и обувной промышленности в середине 2010-х годов было занято 3/4 всех занятых в обрабатывающей промышленности в Камбодже, 2/5 — во Вьетнаме. В пищевой промышленности работало 30 % всех занятых в обрабатывающей промышленности на Филиппинах, 21 % — в Таиланде, 18 % — в Индонезии[3].

Однако сегодня трудящиеся сталкиваются с новыми вызовами. Один из них — развитие решоринга. Отнюдь не все в развитых странах выигрывают от глобализации. Если ТНК благодаря переносу производств в страны с дешевой рабочей силой получают большие прибыли, то работники их предприятий, закрытых вследствие перемещения производств, часто не могут найти новую работу и вынуждены соглашаться на более низкооплачиваемую, например, квалифицирован-

[1] Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Международные монополии и социальная эволюция в развивающихся странах Азии», «Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России: опыт сравнительного анализа», «ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг.», «Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг»; статей: «Афро-азиатские страны: новые тенденции в глобализации и трудосберегающие технологии», «ТНК из стран Востока: производство компьютерного и телекоммуникационного оборудования» и др.

[2] Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2015. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx (дата обращения: 10.01.2018).

[3] ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation. P. 16, 18, 19. URL: http://www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/downloads/publications/2016/asean_in_transf_2016_r2_future.pdf (дата обращения: 10.09.2017).

ный рабочий на заводе «Дженерал Моторз» становится разносчиком пиццы. Безработица затрагивает целые районы и города. Наглядный пример — Детройт, некогда процветающий центр автомобильной промышленности, а сейчас, по сути, город-призрак с большим числом безработных и даже криминальных элементов. Целые отрасли оказались в США затронутыми перемещением производств — автомобильная, текстильная, электронная и др. Депрессивные регионы, от Питтсбурга до Сент-Луиса, называют поясом ржавчины[1].

Недовольство многочисленных слоев населения умело используют в своих интересах политики. Так, белые бедняки пояса ржавчины поддержали Дональда Трампа, одним из предвыборных обещаний которого было возвращение в США рабочих мест (решоринг). Трамп предъявил требования по возвращению производств крупнейшим американским корпорациям — Ford, General Motors. Решоринг означает, что своих рабочих мест могут лишиться те, кто занят на китайских, мексиканских заводах, «возвращающихся» в США.

Однако будет ли при решоринге создано большое число рабочих мест? ТНК активно переключаются с использования живой рабочей силы на автоматизированное производство. Показательно, что вопрос о решоринге встал тогда, когда дешевизна рабочей силы перестает быть решающим фактором: трудиться на вернувшихся заводах будут роботы, а не рабочие.

Автоматизация и роботизация — важнейший вызов для рынка труда на долгосрочную перспективу. На смену глобальным цепочкам стоимости может прийти высокоавтоматизированное производство на заводе ТНК в стране происхождения.

Сегодня ведущие аналитики на Западе делают прогнозы о влиянии автоматизации на рынок труда. Карл Бенедикт Фрей и Майкл Осборн провели с помощью математических методов исследование рисков замены рабочих мест в результате компьютеризации по 702 специальностям применительно к США (так называемый Оксфордский проект 2013 г.). Согласно их выводам, всего под угрозой исчезновения в США к 2030 году находится 47 % рабочих мест. В Оксфордском проекте выделены, с одной стороны, рабочие места с максимальной вероятностью замены в результате компьютеризации, с другой — с самым низким риском замены. В первой группе оказались промышленные рабочие, низший офисный персонал, уличные торговцы, официанты, бармены, персонал гостиниц, работники розничной торговли и сельского хозяйства; во второй — специалисты по трудотерапии и социально-бытовой реабилитации людей с алкогольной либо наркотической зависимостью и психическими заболеваниями (что заставляет задуматься о том, какие последствия уже сейчас ожидаются от компьютеризации), специалисты по наладке и ремонту механического оборудования (роботов); менеджеры антикризисного управления, социальные работники, учителя начальной и средней школы, врачи, топ-менеджеры и консьержи(!)[2].

Согласно опубликованному в 2016 году прогнозу МОТ, где подсчеты производились по методике Оксфордского проекта, к 2030−2036 году (через 20 лет после 2016 г.) автоматизация поставит под угрозу 56 % рабочих мест в пяти странах Юго-Восточной Азии: Индонезии, Таиланде, Вьетнаме, Камбодже, на Филиппинах. Автоматизация затронет и трудоемкие ориентированные на экспорт отрасли — швейную, электронную промышленность, в свое время перенесенные в эти страны ТНК, традиционную занятость в неформальном секторе городов (например, мелких торговцев) и сельское хозяйство.

В 2010-х годах Вьетнам стал одной из стран с наиболее высокими темпами роста, был включен в группу стран — экспортных платформ по производству трудоемкой продукции, а в 2015 году занял четвертое место в мире по экспорту телекоммуникационного оборудования. Во Вьетнаме разместили свои производства такие крупные ТНК из стран Востока, как «Самсунг электроникс», LG, «Хон Хай» («Фоксконн»). В стране возросла занятость в современном производстве. Однако, по оценкам прогноза МОТ, во Вьетнаме под угрозой потери рабочих мест к 2036 году находится 74 % занятых в обрабатывающей промышленности, в том числе 89 % — в швейной отрасли, 75 % — в производстве компьютеров и электронной промышленности (это важнейшие экспортные отрасли), 93 % — в гостиницах и ресторанах. В Таиланде среди занятых в обрабатывающей промышленности риск потери работы в результате автоматизации к 2036 году оценивается в 64 %, в производстве компьютеров и электронной промышленности — 75 %, в автомобильной промышленности (крупный производитель автомобилей в стране — японская «Тойота») — 72 %. Под угрозой и рабочие места в сфере туризма[3]. Хотя массовое вытеснение людей машинами не является неизбежным, наибольшим будет негативное воздействие на трудоемкие отрасли, те самые, которые развивались при участии ТНК.

Задача организаций, защищающих интересы трудящихся, в первую очередь профсоюзов — изучать ситуацию и находить ответы на новые вызовы, которые возникают сегодня и ожидаются в перспективе на рынках труда, искать возможности адаптации к меняющейся ситуации.

[1] См.: *Форд М.* Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2019.

[2] *Frey C. B., Osborne M. A.* The Future of Employment: How susceptible are jobs to computerization? Oxford : Univ. of Oxford, 2013. P. 57–72.

[3] ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation.

А. В. Шершуков[1]

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ

Ты славно роешь, старый крот!

У. Шекспир. «Гамлет» (акт 1, сцена 5)

Вот потому, что вы говорите то, что не думаете, и думаете то, что не думаете, вот в клетках и сидите. И вообще, весь этот горький катаклизм, который я тут наблюдаю… и Владимир Николаевич тоже…

Кинофильм «Кин-дза-дза»

Крушение «социалистического блока» в начале 1990-х годов внезапно для Запада лишило мир многополярности в том виде, в каком она была привычной со времен окончания Второй мировой войны. Западу, рассматриваемому как капиталистическая общность, представилась возможность начать процесс ликвидации «социального государства» в своих национальных государствах. Одновременно в прямое или косвенное распоряжение западных транснациональных корпораций попали источники природных ресурсов, дешевая рабочая сила и новые потребительские рынки. Это вдохнуло новую жизнь в транснациональные корпорации, стало драйвером глобализации и в то же время способствовало переходу западного общества потребления на новый уровень.

В конце 1990-х годов — первом десятилетии 2000-х западный потребитель получил возможность обменять существенную часть своих социально-трудовых прав на новую версию IPhone. Или, как минимум, не замечать явного сужения этих прав. Перефразируя классику, «брюки социальных гарантий превратились в не очень элегантные шорты». Увлеченный смартфоном, работник не заметил повышения пенсионного возраста, а манипуляции с его сознанием с целью атомизации некогда солидарного общества, публичная передача приоритета индивидуальному над коллективным были поставлены на поток индустрией развлечения. По большому счету, из числа развитых капиталистических стран только Скандинавские и в меньшей степени Германия и Канада сохраняют ориентацию на «социальное государство», и большинство их населения это поддерживает.

Как бы то ни было, процесс почти неограниченного «триумфального шествия антисоветской власти» резко затормозился в момент мирового экономического кризиса 2008 года. Формальной причиной кризиса была неконтролируемая экспансия финансового капитала. Между тем возможности, предоставленные распадом «социалистического блока», к тому моменту были исчерпаны, большинство рынков освоено, а новые не сформировались. В странах бывшего СССР и в Китае появились свои государственные компании или ТНК, которые претендовали на «свои» национальные — природные, трудовые — ресурсы. Таким образом, одним из остающихся главных ресурсов для продолжения роста прибыли, в том числе ТНК, можно было рассматривать сокращение расходов на рабочую силу.

Одним из факторов лавинообразного развития Интернета и компьютерных технологий можно считать тот факт, что для капиталистической экономики именно они стали волшебным ключом, который не просто оптимизирует процесс управления и производства, а влияет на трудовую деятельность работника, оптимизируя и удешевляя ее. Понятно, что теперь каждый работник может зарабатывать бóльшие деньги, но если рассматривать рынок труда в целом, то доля расходов компаний на оплату труда сотрудников по сравнению с доходами компаний снижается за счет уменьшения числа работников. Люди наемного труда зарабатывают меньше, часть их деклассируется, переходит в группу, живущую за счет социальных пособий.

Такой процесс был бы невозможен при сохранении масштаба и эффективности профессиональных союзов на том уровне, какой был достигнут в 1970-е годы. Организационное и идеологическое ослабление профсоюзов стало условием для указанных выше процессов, происходящих в бизнесе. Не буду здесь описывать достаточно известные действия, которые были предприняты против профсоюзов неоконсерваторами Р. Рейганом и М. Тэтчер и которые стали одной из важных причин весьма странной сегодняшней ситуации.

Отметим, что огромный запрос на создание профсоюзов есть практически во всех странах, то есть трудящиеся понимают: «что-то пошло не так». При этом численность профсоюзов (за исключением упомянутых Скандинавии, Германии, Канады) не растет, а скорее падает. В США, по социологическим опросам, проведенным несколько лет назад, 53 % работников, не входящих в профсоюзы, хотели бы иметь у себя на работе профсоюзную организацию. Однако в американских профсоюзах состоит около 10 % работников. Во Франции членами профсоюзных организаций являются менее 8 % трудящихся (в частном секторе — меньше 2 %), а доверие к профсоюзам колеблется

[1] Секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность». Председатель Всероссийской политической партии «Союз Труда». Автор книг «Россия: профсоюзы и рабочие организации» (1991, 1993), «КРО и Александр Лебедь» (1996), «Профсоюзная идеология» (2012).

на уровне примерно 40 %. В Германии около 20 % работников состоят в профсоюзах, а доверяют профсоюзам почти 50 % населения. В России же, согласно проведенным ВЦИОМ опросам, 71 % наших сограждан говорят о необходимости профсоюзов.

То есть доверяют, хотят, чтобы защищали, — но не вступают?

Международные инструменты, которые на протяжении XX века использовались для достижения баланса интересов между работниками и работодателями, в настоящее время испытывают сильное давление. На мой взгляд, неслучайно давление работодателей на Международную организацию труда усилилось в 2012 году, когда они внезапно отказались признать неотъемлемое право трудящихся на забастовку. В рамках изложенной выше концепции о целенаправленном снижении расходов собственников на оплату труда работников это выглядит вполне убедительно. Время, в которое произошли эти события, тоже закономерно — вскоре после окончания мирового финансового кризиса.

Можно спорить, являются ли сегодняшние процессы проявлениями промышленной революции 4.0, особенно с учетом того, что пока нет доступа к радикально новым источникам энергии, а внедрение новых технологий идет в последние годы скорее экстенсивно, а не интенсивно. Но можно уверенно утверждать, что изменение технологий коснулось и трудовых отношений. Удаленная работа и удаленный контроль работодателя, платформенная занятость, отсутствие определенного постоянного работодателя, неполный рабочий день, замена трудового контракта на договор оферты — все эти новые аспекты трудовых отношений были бы невозможны без новой технологической основы.

Государство и бизнес сталкиваются с искушением поставить себе на службу самые современные формы контроля поведения человека. Государство обосновывает это заботой о жизни граждан, бизнес — стремлением более полно соответствовать интересам потребителей. Однако степень этого контроля превосходит фантазии Оруэлла. Характерно, что это не связано с политическим или экономическим фундаментом какого бы то ни было государства. Скажем, в Китае это развивается как социальный эксперимент в виде «социального рейтинга» человека. Поступки и общение человека могут оцениваться как поощряемое или наказуемое, и на этом основании человеку может быть предоставлен или осложнен доступ к ресурсам, распределяемым государством.

Другой пример — претензии к «Фейсбуку»: по сведениям «Нью-Йорк Таймс», эта социальная сеть передавала личные данные пользователей без их согласия 150 фирмам, с которым сотрудничала компания Марка Цукерберга. Это могло коснуться 87 млн пользователей, к тому же не секрет, что эти данные обрабатывались и использовались во время избирательных кампаний в США и референдума о выходе Великобритании из Евросоюза. Степень такого вполне реального влияния на результаты выборов на несколько порядков превосходит уровень мифического вмешательства России в американские выборы.

Если мы считаем, что в России нет таких форм контроля и влияния, то это лишь иллюзия. Другое дело, что здесь этим занимаются не частные компании, а государство. Комплекс уже принятых законов о сборе и хранении интернет-данных пользователей, переписки и прочего — это не только способы борьбы с террористами, но и форма контроля за гражданами. И поскольку в настоящий момент формы общественного контроля за властью у нас реализованы хуже, чем в некоторых других странах, такие формы контроля со стороны государства потенциально опасны. Напомню известную формулировку Александра Герцена, который в письме к Александру II писал: *«Если б у нас весь прогресс совершался только в правительстве, мы дали бы миру еще небывалый пример самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода. Это было бы нечто вроде Чингисхана с телеграфами, пароходами, железными дорогами и с Конгревовыми ракетами под начальством Батыя»*.

Если же мы применим эти формы контроля к трудовой деятельности и отношениям «работник–работодатель», то можем получить (и уже частично получаем) повышение степени эксплуатации работника при одновременном снижении заработной платы. Впрочем, работник этого не осознает, поскольку его центры удовольствия заняты опять-таки современными технологиями развлечения. В высшей точке это может напоминать этакую «трудовую матрицу» — с той лишь разницей, что содержательные решения принимает не отстраненный электронный разум, а все тот же «старый добрый» капиталист, руководствующийся все теми же, из XIX века, стимулами в виде роста прибыли и собственных дивидендов.

Сегодня это еще не действительность, но реальная опасность.

На мой взгляд, профсоюзам необходимы изменения по трем направлениям: это технологии, эстетика и этика.

Изменение технологического уклада деятельности профсоюзов требуется, чтобы они как минимум соответствовали уровню возникших угроз. Профсоюзы должны понимать, что в обществе (а значит, и в секторе членов профсоюзов, работников в целом) за последние 5–10 лет произошли существенные трансформации. Сократилось расстояние от лидера (политика, общественного деятеля) до его аудитории, а значит, он больше не воспринимается как недосягаемое божество или бюрократ. Это эстетика. А поскольку, несмотря на то, что ложных сообщений становится все больше, мы живем в более прозрачном обществе, для профсоюзов (и их лидеров) существенно не «казаться», а «быть». Это относится к сфере этики: «что такое хорошо и что такое плохо», с проверяемым соответствием организаций и лидеров этим нормам. Что непросто.

Сегодняшний мир одновременно и меняется, и балансирует, рискуя сорваться либо в хаос, либо в тоталитарную антиутопию. И все же, как сказал некогда поэт, «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

Е. А. Шишкина[1]

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СИНДРОМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Профессиональное выгорание как результат влияния некоторых видов деятельности на самочувствие отдельных профессиональных групп и общества в целом все более актуализирует потребность в осмыслении данного феномена и комплекса системообразующих факторов, способствующих его развитию. Современный подход к пониманию сущности профессионального выгорания, как правило, ограничивается психологической, реже медицинской, концепцией применительно к некоторым профессиям, в то время как влияние профессиональной деятельности на здоровье человека или социальной группы невозможно адекватно оценить вне связи с трудовыми отношениями в целом. В системе профессиональной патологии они имеют двоякий статус: выступают источником индивидуальных и групповых дисфункций и в то же время сами становятся следствием неблагоприятного трудового климата. И в том, и в другом случае профессиональное выгорание в значительной степени определяется не только спецификой профессии, но и характером общественных отношений, сложившихся в коллективе, что ориентирует исследовательский вектор в пространство социологической науки.

Профессиональное выгорание представляет собой совокупность эмоциональных и характерологических отклонений, проявляющихся в утрате интереса к работе, снижении эмоционального «оформления» профессионального поведения, хронической усталости от работы, черствости и равнодушии к проблемам других, чрезмерной и необоснованной раздражительности. В запущенных случаях развиваются гипертония, вегетососудистая либо нейроциркуляторная дистония и иные соматические и психоневрологические патологии. Весь этот комплекс симптомов принято считать следствием влияния профессий, связанных с высокой коммуникативной активностью. К их числу, как правило, относят профессии педагога, медицинского работника и ряд других, так или иначе построенных на интенсивных межличностных и групповых взаимодействиях в системе «человек–человек». Потому следует согласиться с Т. И. Ронгинской в том, что для человека ничто не является такой сильной нагрузкой и испытанием, как другой человек[2].

Изучение профессионального выгорания строится преимущественно на анализе таких факторов, как степень межличностного, группового общения и эмоциональных затрат на выполнение профессиональных обязанностей, что и приводит к концентрации исследований на определенных профессиях. При этом за рамками изучения причин, приводящих к развитию данного синдрома, остаются трудовые отношения как важнейшая социально обусловленная форма социальных взаимодействий. Это обстоятельство заставляет не только принимать во внимание множество рисков для здоровья, появившихся в современных условиях, но и обращаться к классическим подходам в понимании генезиса профессионального выгорания.

Так, исследования, проводимые в рамках «школы человеческих отношений» Э. Мейо, А. Маслоу, Г. Мюнстерберга, хоторнского эксперимента, показали, что характер трудовых отношений определяется не столько физическими условиями труда, сколько психологическим климатом в коллективе, а также трудовой мотивацией, которая особенно значима для развития профессионального выгорания или противостояния ему. А. Маслоу отмечает, что индивидуальный мотив практически всегда зависит от уровня удовлетворенности или неудовлетворенности потребностей организма и от того, насколько полно удовлетворены наиболее фундаментальные и наиболее сильные потребности[3], что имеет теснейшую связь с ценностями личности, представлениями о справедливости, этикой и стилем профессиональных отношений. Поэтому профессиональное выгорание — это не только результат влияния круга профессий, реализуемых посредством коммуникативной функции. В значительной мере выгорание — это эмоциональное истощение, утрата способности восстанавливать энергетический баланс, нарушенный трудовыми перегрузками, с одной стороны, и недостаточной компенсацией энергетических затрат — с другой. Такое понимание профессионального выгорания позволяет считать ошибочной точку зрения, согласно которой данный феномен проявляет себя под влиянием лишь определенного круга профессий. Особенности трудовых отношений, складывающихся в организациях самого разного профиля, высвечивают его общесоциальный характер.

Нарушение равновесия в системе «человек — внешняя среда» приобретает институциональный характер. Дисфункции трудовых отношений, обусловленные кризисом всей общественной системы, поливариантны и усложняют реализацию трудовой деятельности не только тех, кто принадлежит к профессиям риска, но и множества иных граждан. Разрушение механизмов стимулирования труда, сокращение зарплаты, увеличение объема трудовых обязанностей, нередко приобретающих уродливые формы, создают условия для утраты интереса к работе и формирования

---

[1] Профессор кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Астраханского филиала Международного юридического института. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Моделирование социального здоровья региона», «Социология глобального экологического кризиса: теория, методология, структура», «Международная экологическая преступность как предмет криминологического анализа», «Экологическое здоровье в проблемных полях социологии медицины», «Социокультурные практики как фактор оценки экологической культуры» и др. Член Российского общества социологов. Награждена медалью им. Пауля Эрлиха и орденом Чести Европейской академии естественных наук.

[2] *Ронгинская Т. И.* Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 86.

[3] *Maslow A. H.* Motivation and Personality. 2nd ed. N. Y. : Harper&Row, 1970 ; СПб. : Евразия, 1999. URL: http://www.psylib.ukrweb.net/books/masla01/txt03.htm.

преждевременного психоэмоционального истощения, в связи с чем иммунитет к профессиональному выгоранию, приобретаемый посредством различных весьма сомнительных форм биосоциальной платы, оказывается слабым.

Нетрудно заметить, что подобные модели трудовых отношений распространены в разных сферах деятельности и свидетельствуют о социальной дисгармонии и прогрессирующем психологическом истощении всего общественного организма. Поэтому источник профессионального выгорания не следует рассматривать как узкопрофессиональный фактор. Он является следствием трудовых отношений в целом, сформированных в обществе на конкретном этапе развития. А «научный подход обязывает смотреть на каждое явление с точки зрения того, как оно возникло в истории общественных отношений»[1].

Исследования, направленные на изучение влияния трудовой деятельности на здоровье отдельных социальных групп, показали, что риск возникновения различных заболеваний у работающих, пенсионеров и неработающих граждан достаточно высок, но одинаков во всех этих группах и варьируется в пределах 47,6–52,4 % у сельских жителей и в пределах 66,5–52,3 % у городских. Зато риск развития заболеваний у работающих горожан (66,5 %) заметно выше, чем у работающих селян (47,6 %)[2], что доказывает не только повсеместное распространение неблагоприятных факторов трудовой деятельности, но и существование различий в трудовых отношениях жителей города и села.

Современный город — особая модель постиндустриального пространства, формирующая новый тип трудовых взаимодействий, которые становятся всеохватывающими и все больше расширяют границы интерперсональных связей, что, по мнению Г. Б. Орланова, способствует резкому расширению перечня субъектов управления социальными процессами[3], усложняет и разрушает упорядоченные трудовые процессы, создает предпосылки к агрессивным стилям поведения и трудовым конфликтам. Появление новых энергетических систем, искусственного интеллекта, электронных средств связи и виртуальных форм взаимодействия нарушило привычный общественный порядок, способствовало изменению стиля трудовых отношений, обусловив появление новой формы трудовой патологии — выгорания.

Мы часто ищем причины проблем там, где, как нам кажется, их легче обнаружить, в то время как социальная динамика меняет формы общественных взаимодействий и конструирует новые условия и возможности для появления рисков. Общесоциальный генезис профессионального выгорания позволяет говорить о том, что он строится на основе личностного, ролевого и организационного факторов, которые образуют систему общетрудовых дисфункций и стирают границу между понятиями «профессиональное выгорание» и «эмоциональное выгорание». Думается, пора изменить представления о профессиональном выгорании как «спутнике» отдельных профессий и расширить его понимание посредством соотнесения с понятием «эмоциональное выгорание». Последнее, согласно В. В. Бойко, происходит в процессе жизнедеятельности человека и выступает формой психологической защиты в виде полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие ситуации[4], которые в современном мире сопровождают почти все трудовые отношения. Эти обстоятельства обусловливают необходимость исследований, направленных на диагностику выгорания у представителей различных профессий с целью получения объективного знания и создания механизмов практического преодоления дисфункций в сфере труда.

Важно отметить, что проблема профессионального (трудового) выгорания, явно обозначившая себя на теоретическом уровне, пока не имеет средств для практического преодоления. Существующие рекомендации по типу «чаще отдыхать, путешествовать, делать перерывы в работе» и другие — примитивны и несостоятельны. Социологическое понимание масштабов патологии выводит ее за узкопредметные рамки и ориентирует, согласно Э. Мейо, на создание адаптивного общества, где профессионально подготовленная административная элита будет решать человеческие проблемы наравне с техническими[5].

Таким образом, профессиональное выгорание, которому в последние десятилетия подвержены многие трудящиеся, уже не является характеристикой отдельных профессий, связанных с межличностным и межгрупповым общением, а представляет собой сложную форму социальной патологии, затрагивающую разные стороны трудовых отношений. Это требует его изучения не только с психологических и медицинских, но и с социологических позиций. Междисциплинарность в исследовании трудовых отношений и различных дисфункций, возникающих в процессе профессиональной деятельности, позволяет выстраивать системное знание и формировать адекватные пути преодоления проблем.

---

[1] *Ярская В., Яковлев Л., Печенкин В., Ежов О.* Пространство и время социальных изменений. М. ; Саратов : Научная книга, 2004. С. 13.

[2] *Шишкина Е. А., Одинцова Е. В., Куандыков Г. Б., Набиуллина Г. А.* Моделирование социального здоровья региона. Астрахань : Волга, 2015. С. 79, 150.

[3] *Орланов Г. Б.* Трансформации социального управления в информационном обществе // Труд и социальные отношения. 2012. № 2 (92). С. 4.

[4] *Бойко В. В.* Методика диагностики уровня эмоционального выгорания. URL: http://test-metod.ru/index.php/metodiki-i-testy/1/33.

[5] *Мауо Е.* The Social Problems of an Industrial Civilization. New Hampshire : Ayer, 1945. URL: http://christsocio.info/content/view/952/124.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Г. М. БИРЖЕНЮК	заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП
В. Ю. БОЧАРОВ	доцент Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, кандидат социологических наук
Ю. Р. ГРОТЕ	главный научный сотрудник Научно-исследовательского института «Диалог цивилизаций» (Берлин)
Л. И. ГРОШЕВА	старший преподаватель Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, кандидат социологических наук
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
У. Х. КАРАБАЕВ	профессор Национального института художеств и дизайна им. К. Бехзода, доктор философских наук
Д. В. ЛОБОК	заведующий кафедрой трудового и профсоюзного права СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент
Е. И. МАКАРОВ	заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, почетный профессор СПбГУП
Л. Г. ТИТОВА	профессор Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор политических наук
М. П. ТОМАС	доцент кафедры социологии Йоркского университета (Торонто, Канада), кандидат социологических наук
Е. В. УЛЬКО	доцент Кубанского государственного университета (Коаснодар), кандидат психологических наук
Н. Н. ЦВЕТКОВА	ведущий научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук
А. В. ШЕРШУКОВ	секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор газеты «Солидарность»
Е. А. ШИШКИНА	профессор Астраханского филиала Международного юридического института, доктор социологических наук

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Добрый день, уважаемые гости, коллеги, студенты! Слово предоставляется председателю Оргкомитета Лихачевских чтений Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие коллеги, приветствую вас от имени оргкомитета Чтений. Хочу пожелать вам интересной и успешной работы и поблагодарить ученых из России и других стран за то, что вы нашли возможность принять участие в Лихачевских научных чтениях.

В формулировке темы секции призываю вас обратить особое внимание на слова «в глобальном мире». Почему? Взаимодействие профсоюзов, правительств и транснациональных корпораций осуществляется и в традиционном формате, но в мировом опыте все время появляется что-то новое, и нам хотелось бы узнать ваши взгляды на происходящие изменения, на их значение и актуальность, мнение о том, как следует или, напротив, не следует на них реагировать.

А изменения действительно масштабны. В прошлом году одно из выступлений заставило меня по-новому посмотреть на мировые процессы. Американские корпорации много лет размещали производство в тех странах, где оно обходится дешевле из-за низких

зарплат работников. Люди приходят работать на завод американской корпорации, повышают квалификацию, и вместе с этим растет их самосознание. Они создают профсоюз и начинают бороться за повышение зарплаты. Их требования в той или иной степени удовлетворяются, а значит, себестоимость продукции и производственные издержки растут, а прибыль корпораций снижается. Капиталист перемещает производство в другую страну, где можно платить работникам по минимуму, те начинают работать и т. д. История повторяется. В итоге оказывается, что в мире не осталось стран, где люди согласны работать на рабских условиях. Везде поднялись зарплаты, и вроде все хорошо, вот только Америка лишилась индустрии. Все производство сосредоточено в других странах, и там фирмы платят налоги своим правительствам. Это очень серьезные и важные перемены в глобальном масштабе. Нам важно их осмыслить, систематизировать, сделать какие-то выводы.

Вчера на пленарном заседании я задал вопрос: в чем особенности нашей эпохи? И выдающиеся ученые не находили ответов. Сможем ли мы найти их сейчас? Какие изменения происходят во взаимоотношениях профсоюзов, правительств и транснациональных корпораций в глобальном мире? И еще один вопрос, над которым предлагаю поразмышлять: как нам действовать дальше? Как выстраивать социально-трудовые отношения, чтобы предотвращать конфликты, а если они все же возникают, то не допускать их разрастания? Если мы хотя бы наметим возможные подходы к решению данных вопросов, это окажет огромную пользу не только России, но и всему мировому сообществу, потому что эти идеи через Международную организацию труда транслируются в другие страны. Еще раз желаю вам успешной работы.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Передаю слово Евгению Ивановичу Макарову, заместителю председателя Федерации независимых профсоюзов России, руководителю Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП.

Е. И. МАКАРОВ: — Следует отметить, что профсоюзы являются самыми активными участниками социально-трудовых взаимодействий во всем мире. Упомяну две особенности их работы. Первая — это те рамки, которые задаются национальной экономикой, то есть пределы, в которых можно построить сбалансированные социально-трудовые отношения. Вторая — это возможность проводить консультации, переговоры, заключать соглашения, приходить к консенсусу и тем самым развивать экономику. Вот эту схему необходимо учитывать каждому, кто берется рассуждать о профсоюзном движении.

Конечно, в каждой стране есть свои ограничения. Мы не можем сравнивать работу профсоюзов в Индии, России, Германии, Канаде или США — условия в этих странах очень разные. Мы понимаем, что социально-экономические и политические системы в этих странах различаются. Несмотря на то что в каждой из них декларируется экономическая модель капитализма, у каждого государства своя политическая система. Внутри них закладывается фундамент, на котором строится экономическая основа для диалога между работодателями и профсоюзами. Не надо забывать, что существует также мировой орган управления, который формирует свои рамки. В нашем случае это Международная организация труда, в которой создаются свои конвенции и рекомендации на основе диалога трех сторон: государства, работодателя и профсоюза. Далее национальные правительства, являющиеся членами Организации Объединенных Наций, берут на себя обязательства выполнять условия этих конвенций — таким образом появляются новые рамки на более высоком уровне. Эти два фундаментальных начала позволяют удерживать социальную систему в состоянии удовлетворительного баланса.

Завершая свое краткое вступление, я хотел бы процитировать двух политиков. Один — это политик международного уровня, генеральный директор Международной организации труда, который три недели назад побывал Санкт-Петербурге. Он сказал следующее: «Система социального партнерства в Российской Федерации — одна из лучших в мире». Второй политик, который два дня назад выступал на съезде профсоюзов, — это президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. В его выступлении была такая фраза: «Трудовое законодательство Российской Федерации, по мнению многих международных экспертов, лучшее в мире». Но почему тогда мы так плохо живем? Вроде бы у нас все самое лучшее в мире — а счастья нет.

На самом деле все очень просто. Рамки, которые заданы национальной экономикой, никого не устраивают. Не устраивает ни бюджет прожиточного минимума, ни минимальный размер оплаты труда, ни размеры стипендий и пособий. Также не удовлетворяют население рост экономики и уровень занятости. Причем я говорю только о трудовой сфере. Но в каждом из этих направлений мы можем развиваться. И здесь у нас есть возможность обсудить, куда нам двигаться.

Я хотел бы предоставить слово господину Юргену Гроте из Берлина.

Ю. Р. ГРОТЕ: — Хочу отметить, что с 1980-х годов я являюсь участником проекта, который называется «Неокооператизм», или «Корпоративизм». Основная тема исследований в данной сфере — это социальные отношения и социальное партнерство, причем отношения в треугольнике «государство — профсоюзы — организованный бизнес». Я работаю с бизнес-ассоциациями, анализирую трудовые отношения между работодателями и работниками и т. д. И не так давно я начал заниматься профсоюзами и общественными движениями.

Раньше эта тема не представляла такого интереса, но после возникновения движений по защите окружающей среды, феминистских движений и так далее она стала актуальной. Возникли два исследовательских направления. Первое — это изучение профсоюзов, второе — исследование общественных движений. По этой причине мы с коллегами решили организовать несколь-

ко семинаров и опубликовать труды на эту тему, в которых мы попытались понять, как можно соединить эти две традиции — профсоюзы и общественные движения. Нас интересует, как может быть создано неодвижение, которое будет выступать против тенденций неолиберализма, и как можно сделать это с помощью социальных групп и профсоюзов.

Хочу отметить, что я не согласен с некоторыми идеями, высказанными на предыдущих дискуссиях нашей конференции. В частности, с тем, что идеи капитализма должны быть отброшены, что капитализм и социализм — устаревшие понятия. Я думаю, что капитализм сегодня существует действительно в иной форме. Мы можем назвать его неокапитализмом, неолиберальным капитализмом.

Также я хотел бы сказать несколько слов о том, как влияют сложившиеся капиталистические условия на различные слои населения и какие последствия это может иметь. Кроме того, следует отметить особенности сложившейся системы. Например, отход от старых традиций, в трудовой сфере — нефиксированный рабочий день, расслоение общества и т. д. Следует обозначить, как контактируют профсоюзы и общественные движения. Если у них есть точки пересечения, то какие общие и частные проблемы возникают у этих организаций? Какие вызовы стоят перед объединениями этих двух видов?

Вообще в научной литературе рассматриваются вопросы, связанные как с профсоюзами, так и с общественными движениями. Если сравнить цели и задачи этих организаций, можно прийти к выводу, что общественное движение — более широкое понятие. Такие организации занимаются защитой окружающей среды в глобальном плане и ведут деятельность в других сферах. Профсоюзы, в свою очередь, более сосредоточены на рабочих отношениях: на условиях труда, рабочей атмосфере и т. д.

Несколько лет назад вышла книга французских социологов Люка Болтански и Эва Кьяпелло «Новый дух капитализма». На ту же тему Альберт Хиршман написал работу «Страсти и интересы». В этих трудах предприняты попытки совместить социальную критику, творческую критику и потребности конкретных людей. В условиях неолиберализма, как мне кажется, это возможно. Многие социологи сегодня занимаются изучением интересов социальных слоев, издают книги. В этих трудах, адресованных как профсоюзам, так и общественным движениям, есть призыв работать сообща, чтобы образовать некое контрдвижение, которое предотвратит, например, бесконтрольную приватизацию. Но они обращены в первую очередь к европейским читателям, для которых данная проблема действительно актуальна. Полагаю, и россиянам также будет интересно ознакомиться с этими исследованиями.

Е. И. МАКАРОВ: — Тема конвергенции профсоюзов и социальных движений имеет довольно долгую историю. Между прочим, этот вопрос неоднократно обсуждался в рамках Международной организации труда, где была предложена инициатива включить в состав представителей работников участников различных социальных движений. Классические профсоюзы выступили категорически против: потому что невозможно себе представить, чтобы за одним столом находились представители профсоюза металлистов, общества любителей пчел, общества защиты медведей и, например, любителей покемонов. Эта идея показалась нам совершенно неприемлемой, бессмысленной, и мы отклонили данное предложение. Возможно, после того как мы ознакомимся с исследованием господина Гроте, у нас возникнут новые идеи. Но проблема в том, что фундамент, на котором он возводит эту возможность договориться, касается либеральной экономики, которая объективно «завалилась на бок» во всем мире. И только благодаря деятельности господина Трампа, Терезы Мэй и других выдающихся политиков современности она держится на плаву. Нам еще предстоит узнать, каким будет капитализм в недалеком будущем. Но конвергенция между классическим профсоюзом и обществом защиты пчел пока не проводится.

Я предоставляю слово следующему докладчику — Петру Дуткевичу из Канады.

П. ДУТКЕВИЧ: — Очень важно, что на Лихачевских чтениях есть целая секция, тема которой связана с трудовыми отношениями. Это большая заслуга наших коллег и ректора СПбГУП Александра Сергеевича Запесоцкого.

Я обозначу четыре тезиса. Первый тезис: мы привыкли считать, что основные противоречия, с точки зрения левых, заключаются в столкновении рабочей силы и капитала. Но сейчас приоритеты значительно сместились, появились три, а то и четыре новых вида противоречий в этом контексте. К ним относятся столкновения гегемонии и многополярности, универсализации и идентичности, государства и рынка. Это очень сильно влияет на трудовые отношения, меняет их суть.

Второй тезис следующий. С точки зрения Запада, мировое сообщество все меньше эксплуатирует рабочую силу и все больше — наши естественные ресурсы. Поэтому иногда получается так, что эксплуатация не через капитал влияет на рабочую силу, а через рабочую силу — на использование естественных ресурсов, которых становится меньше и меньше. Это также влияет на трудовые отношения, во многом ослабляя остроту противоречий между рабочей силой и капиталом. Иногда мы уже не понимаем, где заканчивается одно противоречие и начинается другое, в котором рабочая сила больше не играет роли, по крайней мере, на уровне самых развитых капиталистических государств.

Третий тезис такой. Пять или шесть главных противоречий, включая те, которые я обозначил, вместе делают мир очень динамичным. Более того, они сами становятся все хаотичнее, все менее предсказуемыми. Например, протесты рабочих на первый взгляд не всегда связаны с трудовыми отношениями. Поэтому их бывает сложно анализировать с точки зрения противостояния рабочей силы и капитала.

Последнее, о чем я хотел бы сказать, — это новый этап трудовых отношений, который, как уже отметил

мой коллега, очень интересен, поскольку на его основе возникают новые, прежде не известные общественные силы. Я имею в виду социальные движения, сетевые движения, движения в Интернете. Они задают совершенно новый характер трудовых отношений, которые мы должны изучать с новой методологической точки зрения. Я надеюсь, что вместе с Университетом профсоюзов мы сможем внести такой вклад в наше общее будущее.

Е. И. МАКАРОВ: — Как ведущий, я предлагаю проанализировать изменения, связанные с тем, что промышленный капитал, на который опирается классический капитализм, сейчас дополнен финансовым капиталом. И процессы, о которых мы рассуждаем вместе с П. Дуткевичем, во многом питаются за счет того, что финансовый капитал не имеет отношения к рабочим процессам, к труду. Оторвавшись от трудовых отношений, он эксплуатирует сырьевую базу, интеллект, человеческий капитал, но только не через трудовые отношения.

Именно это, вероятно, связано с историей «желтых жилетов» во Франции. В данном случае мы имели дело именно с социальным движением, которое обнажило эти противоречия. Я беседовал с одним из организаторов «желтых жилетов», господином Пьером Кутазом из французской Всеобщей конфедерации труда. Он очень четко понимает происходящее. Он сказал следующее: «Сколько мы ни пытались этих „желтых жилетов“ заставить себя институализировать, то есть найти базу для объединения и обсуждения общих проблем, ничего не получается. Они не хотят институализации. А переговоры невозможно вести с неинституализированным партнером, толпой». Это очень интересная тема, я думаю, мы к ней еще вернемся.

Слово предоставляется Александру Владимировичу Шершукову, заместителю председателя ФНПР, главному редактору газеты «Солидарность».

А. В. ШЕРШУКОВ: — Можно спорить по поводу институтов и общественно-экономических формаций — если использовать такие термины. Отношение к этому со стороны граждан как России, так и зарубежья за последние, наверное, десять лет достаточно сильно изменилось. Мы имеем основания утверждать, что виды трудовых отношений и формы эксплуатации работников, которые были сформированы в XIX–XX веках, сейчас меняются. В итоге все сводится к классической фразе из фильма братьев Коэнов: «Где деньги, Лебовски?» То есть необходимо посмотреть, на каком уровне общественной иерархии концентрируются доходы, в какой пропорции делятся произведенные богатства.

Мы видим, что социальное расслоение в обществе и в России, и за рубежом увеличивается. Видим, что недовольство этим со стороны граждан растет. Так что «желтые жилеты» — это совершенно правильный пример, образец нового формата объединения работников, построенный на цифровой платформе. Атомизированные граждане объединяются, используя новые технологии, то есть то, что раньше было реализовано в формате политических протестов — так называемых «цветных» революций, которые шли по миру. Но если те протесты были направлены на слом действующих структур власти в конкретной стране, то в данном случае «желтые жилеты» — это именно движение, в котором еще пытаются найти себя и профсоюзы. Суть заключается в следующем: французские профсоюзы говорят, что «желтые жилеты» повторяют 90 % их требований. Но при этом люди, которые выходят таким образом протестовать, как правило, не собираются вступать в профсоюзы. Конечно, профсоюзы могут принимать участие в тех или иных социальных движениях либо хотя бы поддерживать их. Но они обычно не заинтересованы в этом, поскольку люди, которые выходят на площадь, в дальнейшем не собираются вступать в их организации.

Следующее, о чем я хотел сказать, — это проблема институтов. Построенная в нашей стране система социального партнерства, основанная на пирамиде трехсторонних комиссий — начиная с российской комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и заканчивая переговорными структурами на уровне отдельных предприятий, — базируется на достаточно проработанном законодательстве. Во многом эти структуры обеспечивают устойчивость уровня доходов и качества жизни работников. Вопрос в том, насколько они способны обеспечивать более или менее существенный рост этих доходов и влиять на перераспределение общественного богатства, которое зарабатывают компании.

Данная проблема актуальна и для Международной организации труда, потому что МОТ как трехсторонний институт подвергается давлению. Начиная примерно с 2012 года, когда работодатели внезапно отказались воспринимать право трудящихся на забастовку как естественное и неотъемлемое, общение на площадке МОТ становится все более сложным.

Отмечу также несколько моментов, связанных с изменением трудовых отношений в технологической части. Начиная с XIX века профсоюзы базировались на больших производствах. Понятно, что сейчас происходит частичная автоматизация и роботизация таких предприятий, благодаря чему они становятся существенно меньше. В связи с этим возникает множество вопросов, связанных с организацией труда, например с платформенной занятостью. Перед профсоюзами встает проблема, потому что, насколько я понимаю, ответом с их стороны должен быть переход на аналогичную модель взаимоотношений с людьми — то есть через пресловутую «цифру». Однако это затрудняет личное общение и создает некоторые трудности. Пока что ни в нашей стране, ни за рубежом такой технологический формат не реализован на более или менее глобальном уровне, хотя некоторые отдельные организации и совершили такой переход.

Еще один момент, который я хотел бы затронуть, относится не к технологиям, а к образу профсоюзов и власти и отношению к ним работников. Последние несколько лет в мире в целом и в нашей стране в частности наблюдается ярко выраженный антиистеблишментный запрос. То есть люди не доверяют традици-

онным партиям, которые исчерпывали кредит доверия граждан. Согласно опросам «Левада-центра», уровень доверия к профсоюзам в России также оказался не слишком высоким, что спровоцировало критику профсоюзов со стороны СМИ. Похожим образом дела обстоят и за рубежом. Но есть государства, в которых уровень доверия к профсоюзам существенно выше, прежде всего в странах Скандинавии и в Германии. Обратите внимание: это те государства, в которых общество более солидаризировано, и в которых довольно высок уровень налогообложения, и где огромные средства вкладываются в общественные фонды потребления. Во Франции и Италии уровень доверия к профсоюзам существенно ниже. Но при этом во всех этих странах население крайне обеспокоено вопросами заработной платы, условий труда и т. д.

Безусловно, существует запрос на профсоюзную структуру, которая защищает интересы работников, отстаивает их право на справедливую заработную плату, нормальные условия работы и т. д. Но действующие сейчас структуры — по тем оценкам, которые сегодня даются, — не соответствуют этому запросу в полном объеме. Это большая проблема, которая стоит перед нами, и нам каким-то образом нужно в ней разобраться. Если поиску решения поможет работа на этой конференции, я буду счастлив.

Е. И. МАКАРОВ: — Французское движение отличается от общеевропейского тем, что постоянное профсоюзное членство в этой стране очень маленькое: всего 7 % занятых в экономике. Почти такой же показатель в Эстонии — 6 %. Дело в том, что модель профсоюзного движения во Франции построена не так, как, например, в Скандинавии. В Дании, Норвегии и так далее постоянное членство в таких организациях обеспечивается за счет предоставляемого их участникам социального пакета. А во Франции работает мобилизационная модель профсоюзного движения, при которой активисты способны замотивировать своими идеями миллионы граждан.

Слово предоставляется Владиславу Юрьевичу Бочарову.

В. Ю. БОЧАРОВ: — В настоящее время мы реализуем грант РНФ, изучая одну из социальных групп — рабочую молодежь. Здесь мы применяем концепт «новый рабочий класс», или «молодежь нового рабочего класса». В течение года мы работали совместно с Тюменским индустриальным университетом, и результатом этого сотрудничества стала книга «Молодежь нового рабочего класса», которая была издана в Москве.

Мне хотелось бы поделиться некоторыми соображениями на тему сегодняшней дискуссии. Я тезисно озвучу основные практические выводы, которые могут помочь российским профессиональным союзам активизировать свою деятельность и повысить свой авторитет среди рабочей молодежи. Действительно, мир изменился, и капитализм приобрел новую форму: сегодня мы можем говорить об этапе финансиализации капитализма. Безусловно, отношения между работниками и работодателями трансформировались. Идеология неолиберализма, которая являлась доминирующей в последние тридцать лет, начиная с 1980-х годов, и продолжает развиваться в западных странах, несомненно, ухудшила положение наемных работников.

Каждый может себя спросить, состоит ли он в профсоюзе. Я, например, являюсь членом профсоюза, но имеет место еще и проблема идентификации. Участником каких еще организаций я являюсь? То же относится и к «желтым жилетам», и к членам общества любители пчел и т. д. Они все одновременно являются членами профсоюзов. И проблема кроется как раз в формальном, «бумажном» членстве.

Существует такой термин — «paper tiger» — «бумажный тигр». Почему, рассуждая об уровне членства в профсоюзах, мы говорим о таких больших показателях — 20 млн? Ведь очевидно, что большинство из тех, кто состоит в профсоюзах, не участвует в работе своих организаций. Очень часто они, по сути, находятся в отрыве от профсоюзных структур. Кроме того, мы выяснили, что многие сотрудники маленьких фирм из сервисной сферы, практикующих неформальную занятость — торговли, маршрутных такси и так далее, хотели бы быть членами профсоюза, но таких организаций у них нет. Это один из аспектов проблемы.

Данные нашего исследования позволяют сказать, что новое поколение, вступившее в ряды рабочего класса, имеет свои представления о месте труда в своей жизни. У них, как правило, нет потребности в пожизненном найме в одной организации, они не слишком рассчитывают на профсоюзы и не особенно надеются на помощь коллег. При этом та рабочая молодежь, которая отчуждена от собственности и вопросов управления, не готова мириться с тем, что к ней порой относятся — здесь я цитирую одного из респондентов — как к половым тряпкам. Сегодня единственным выходом из такой ситуации для большинства молодых рабочих является увольнение с места работы. Они не готовы конфликтовать. Ни митинги, ни забастовки как легитимные способы выражения своих прав фактически не практикуются. То есть они не говорят о своих надеждах и требованиях в рамках трудовых отношений. У этого, безусловно, есть целый комплекс причин, но главными, по нашему мнению, являются три из них. Первая — профессиональная квалификационная разобщенность работников. Вторая — страх потери рабочего места. Ну и третья — слабость позиции профсоюзов, которые не всегда, как мы выяснили, способны контактировать с молодежью, находящейся вне индустриального сектора занятости.

Кроме того, в ходе исследования мы выяснили, что в настоящее время около двух третей рабочей молодежи не участвует вообще в какой-либо общественной деятельности. В результате большинство рабочей молодежи находится в информационном вакууме, не имея представления об уже имеющемся опыте самоуправления профсоюзных структур при органах государственной власти. Они также не знают о форумах и конкурсах профессионального мастерства. По данным нашего опроса, в таких мероприятиях принимало участие всего 17,5 % опрошенной рабочей молодежи.

Помимо низкой информированности негативную роль играет тот факт, что в реализуемых программах речь идет, как правило, о молодежи вообще. То есть в сегодняшней практике отсутствует такое понятие, как «рабочая молодежь». Одним из наших предложений является введение этого определения. Оно, на наш взгляд, может быть сформулировано следующим образом: «молодой рабочий — это выпускник учреждений НПО и СПО в возрасте до 30 лет, работающий на предприятиях или в организациях по полученной рабочей специальности».

Важным направлением профсоюзной деятельности может стать работа с тем, что ценят участники организации. Мы провели опрос, в котором попытались выяснить, что особенно волнует молодежь в работе. Ответы были сгруппированы в пять основных групп. Первая — это стабильность занятости. Вторая — комфортные условия труда. Третья — достойная оплата. Четвертая — хорошие отношения в трудовом коллективе. И пятая — удобный график работы. Сегодня же, по данным нашего исследования и экспертного опроса, к сожалению, сохраняется ситуация, когда у подавляющего большинства профсоюзных структур, которые функционируют на уровне предприятий, организаций, основная деятельность — это культурно-массовая работа. Такое положение сохраняется все двадцать лет, в течение которых мы проводим мониторинг.

Завершая свое выступление, отмечу еще одну особенность. Сегодня важную роль в работе предприятия играет связь старшего поколения с молодым. И мы уделяем много внимания тем ситуациям, когда профсоюзы «не дотягиваются» до молодежи. Решением этой проблемы может стать такая организационная форма, как наставничество. Профсоюзы могли бы организовать, формализовать такую работу. На наш взгляд, целесообразно разработать индивидуальный план адаптации молодого рабочего в виде некого документа — аналога зачетных книжек у присутствующих здесь студентов. Такой документ мог бы не только помогать оценивать сотрудника внутри предприятия, но и быть предметом профессиональной гордости нового специалиста. Лучших молодых рабочих, имеющих отличные показатели выполнения личных планов, можно поощрить грамотами, общественным вниманием, а также реальными льготами. В любом случае это могло бы способствовать росту престижности профессии рабочего, дать повод для гордости за свое предприятие, за свой регион. И профсоюзы также могли быть инициаторами в этих вопросах.

Наконец, последнее замечание. Минимальный размер оплаты труда и уровень жизни в нашей стране чрезвычайно низкие. Чтобы выйти на нормальный европейский уровень, по данным наших исследований, необходимо иметь уровень прожиточного минимума в три раза выше сегодняшнего — это позволило бы значительно снизить уровень бедности.

Е. И. МАКАРОВ: — Есть такой нюанс, который касается различий между поколениями «Y» и «Z». Когда мы в своих исследованиях изучаем, чем они не похожи друг на друга, то выясняем, что общий термин «молодежь» невозможно применять к этим поколенческим группам. Здесь у профсоюзов есть свои подходы: они пока еще носят лабораторный характер, но уже проверяются в конкретных ситуациях социальной жизни.

Еще позволю себе дополнить тезис о конкурсах профессионального мастерства, организаторы которых пытаются переделать их в грантовые мероприятия — так называемые WorldSkills. В Санкт-Петербурге, например, каждые три месяца проводятся городские и областные конкурсы, рабочие получают в них награды. Мы знаем об этих мероприятиях, и они действительно очень помогают молодым людям сформировать профсоюзный актив.

Я предоставляю слово нашему следующему докладчику — Марку Томасу из Канады.

М. П. ТОМАС: — Я обращу внимание на три момента из моего доклада: профиль профсоюзов в Канаде; проблемы, с которыми сталкиваются канадские профсоюзы; каким я вижу их будущее.

В Канаде 30 % занятых являются членами профсоюзов, 16 % из них работают в частном секторе и 75 % — в государственном; многие трудятся в сфере здравоохранения и образования. С 1980 годов, когда членами профсоюзов были 40 %, профсоюзное движение в Канаде стало менее активным, люди проявляют все меньше интереса к организованной защите своих трудовых прав.

Наемные работники в Канаде имеют законное право вступать в профсоюзы, но это право ограничивается некоторыми запретами, например на забастовки, и работодатель диктует условия труда. Регистрация профсоюзов, ведение переговоров, заключение коллективных договоров — все эти процессы сильно децентрализованы и забюрократизированы.

Профсоюзы в Канаде сталкиваются с тремя основными проблемами. Первая — сокращение рабочих мест в производственном секторе. Если в 1980–1990-х годах 40 % населения было занято в производстве, то сегодня их количество уменьшилось до 25 %. Это произошло по нескольким причинам. Первая — договоры о свободной торговле с США и Мексикой. Многие компании разместили свои производственные мощности в Мексике, что привело к потере рабочих мест. Вторая причина — аутсорсинг, когда большая компания сокращает свой персонал и нанимает работников со стороны, а также рост сферы услуг — служб сервиса, ресторанов быстрого питания и т. д. При этом практикуются такие формы занятости, как временные контракты, неполная рабочая неделя и др. Менее 10 % работающих в таких сферах являются членами профсоюзов. Третья причина — неолиберальное правительство в Канаде. Начиная с 1990-х годов правительство Канады оказывает все большее давление на профсоюзы. Это влияет на такие государственные секторы, как образование и здравоохранение. Врачам, преподавателям, работникам социальной сферы все сложнее отстаивать свои трудовые права, в результате рост их зарплат сильно ограничивается, они теряют право на забастовки и т. д.

Это также включает сокращение работников в государственном секторе.

Профсоюзы Канады пытаются противостоять этим новым веяниям с помощью забастовок, лоббирования, сотрудничества с руководством корпораций. Однако в целом социальная и политическая ситуация в стране такова, что профсоюзное движение переживает спад. В этих условиях профсоюзы видят перспективу своего дальнейшего развития в том, чтобы расширять новые формы организации.

Е. И. МАКАРОВ: — Уважаемый господин Томас, то, о чем вы рассказали, вызывает сожаление. 4 декабря 1991 года на съезде профсоюзов Канады я видел совсем другие — позитивные — настроения. Но времена меняются. Уверен, что мы вместе найдем выход из этого сложного положения.

Уважаемые коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что социально-трудовые отношения — это в первую очередь отношения между работодателями и профсоюзами. Мы много говорим о профсоюзном движении, и, наверное, это закономерно, но не слышим выступлений работодателей, и это настоящая проблема. Представители работодателей принимают участие в конференциях, посвященных социально-трудовым конфликтам, которые мы традиционно проводим в конце марта — начале апреля. Но это, пожалуй, исключение. На съезде ФНПР выступал президент Общероссийского объединения работодателей «Российский союз промышленников и предпринимателей» А. Н. Шохин, но и это скорее исключение, потому что на региональном уровне объединение работодателей себя практически никак не проявляет. Конечно, мы хотели бы увидеть кого-то из работодателей здесь на трибуне и узнать их точку зрения, но, как выяснилось, они еще более разрозненны, чем некоторые профсоюзные организации. Это объясняется историей развития объединений работодателей: они возникли в России благодаря усилиям профсоюзов. Правительству было предъявлено требование о принятии нормы, обязывающей работодателей создавать свои организации, потому что у профсоюзных объединений не было социального партнера, с которым можно было бы взаимодействовать. Как здесь отмечалось, разговаривать с толпой бессмысленно и бесполезно.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется Усману Хосиловичу Карабаеву из Узбекистана.

У. Х. КАРАБАЕВ: — Думаю, всем интересно, что происходит в Узбекистане — одной из бывших союзных республик, ныне одном из субъектов Содружества Независимых Государств. После того как в стране сменился президент, во всех сферах нашей жизни начали происходить масштабные изменения. Если раньше мы старались решить ту или иную проблему, бросая на нее все силы и забывая об остальных, то по инициативе нового президента была разработана Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах, то есть на пять лет. Вся работа в стране строится на основе этой стратегии, и многое стало меняться к лучшему.

Что это за пять направлений? Первое — реформы в сфере государственной службы. Президент один-два раза в месяц посещает одну из областей, где принимает участие в разработке и проведении различных мероприятий, помогает, дает советы. Люди высоко ценят реальное, не показное внимание главы государства, и это оказывает положительное воздействие на все сферы жизни.

Второе направление — обновление законодательной базы. Принимаются нормативные акты, которые улучшают условия работы, устраняют ненужные препятствия и тем самым способствуют развитию экономики.

Третье направление касается непосредственно развития и либерализации экономики. В составе СССР Узбекистан развивался как одна из сырьевых республик, а сейчас мы наращиваем наш производственный потенциал с ориентацией на экспорт готовой продукции.

Четвертое направление — совершенствование социальной сферы: здравоохранения, образования, работы учреждений культуры и т. д. Медицина кардинально перестраивается, мы начали производить многие лекарства, которые раньше импортировали. У людей, работающих на предприятиях и в организациях, растут зарплаты. Если раньше одним из приоритетов экономической политики было сдерживание роста цен, чтобы товары и услуги были доступны широким слоям населения, то теперь мы столкнулись с тем, что низкие цены не всегда означают выгоду, особенно если за пределами страны цены на аналогичные товары выше, чем у нас. Поэтому ставка сделана на рост доходов населения, при этом цены на товары тоже растут, но до определенного предела, чтобы люди могли по-прежнему их покупать.

Президент Узбекистана придает большое значение спонсорству и меценатству. Теперь все учреждения культуры — каждый театр, кинотеатр, музей и другие — находят помощь и поддержку предприятий и частных лиц. Резко повысилась зарплата работников образования и культуры, особенно сотрудников музеев. Одной из важнейших областей стал туризм. Такие древние города, как Самарканд, Бухара и некоторые другие, включены в Список культурного наследия ЮНЕСКО, они ежегодно принимают большое количество туристов, но могут еще больше, и мы все для этого делаем, так что за последние два года туристический поток заметно вырос.

Пятое направление — улучшение межнациональных и межконфессиональных отношений.

Важно, что в стране меняется отношение к труду. В каждой организации кроме управленческой структуры и профсоюза есть совет коллектива, не зависящий от руководства. Люди собираются, обсуждают различные проблемы и обращаются с предложениями в вышестоящую организацию. Этот общественный совет во многом определяет, как будет дальше функционировать организация. С тех пор как они начали работать, произошли некоторые положительные изменения. Например, учителя в школе были обязаны вести громозд-

кую отчетность, но после рекомендаций совета количество документов было сокращено до двух-трех. В вузах тоже избавились от лишнего документооборота.

Все это происходит в рамках стратегии. Мы нарабатываем полезный опыт, но есть многолетние традиции, и далеко не все из них позитивные. Устаревшие традиции, которые препятствуют движению вперед, невозможно отменить, поскольку они глубоко укоренились в сознании людей. Для формирования новых, прогрессивных традиций мы изучаем мировую практику. Нас интересует история развития западных и восточных стран, в частности Японии, Германии, а в последнее время — Китая и Сингапура. И, конечно, России, которая продолжает быть для нас одним из важнейших партнеров и примеров.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется Любови Игоревне Грошевой.

Л. И. ГРОШЕВА: — Мы говорим о защите прав работников и проблемах профсоюзов, но привычно рассматриваем эти вопросы, имея в виду городские предприятия. Между тем не следует забывать, что достаточно много представителей рабочей молодежи проживает в селах и деревнях. Однако о таком явлении, как профсоюз, применительно к сельским районам, к сожалению, говорить не приходится. Существует ряд объединений, которые позиционируют себя как правозащитные организации сельских работников, фермеров, однако по факту их деятельность, по крайней мере по данным нашего исследования, не фиксируется ни документально, ни фактически.

Когда мы говорим о рабочей молодежи, надо учитывать, что после распада Советского Союза развитие сельского хозяйства идет по трем основным направлениям: 1) предприятия и колхозы, которые нашли свое место на свободном рынке; 2) предприятия, преобразованные в индивидуальные фермерские хозяйства; 3) агрохолдинги. Однако, как известно, в течение десятилетия развитие сельскохозяйственных регионов активно перестраивалось и не было единой линии по их поддержке — ни политической, ни социальной. Соответственно, возникло несколько негативных тенденций, которые сформировали современный облик рабочей молодежи. Во-первых, происходило активное вымывание интеллигенции из сельской среды, шел отток специалистов в сфере образования, здравоохранения, инженерных кадров и т. д. Во-вторых, отсутствие перспектив в сельских регионах вынудило наиболее активную молодежь покидать родные места.

В итоге в деревнях и селах, если использовать классификацию Шалановой, осталось всего несколько типов молодежи. Первый — молодые люди, сумевшие адаптироваться к новым реалиям, в депрессивных регионах таких оказалось не более 20–25 %. Второй (большинство) — молодые люди, у которых качество жизни ухудшилось из-за снижения престижа сельскохозяйственного труда, но они остались жить в сельской местности и сегодня являются основным фактором развития села. Третий — наиболее депрессивная часть рабочей молодежи, судьба которой — выйти за границы сельского культурного сообщества и стать люмпенами. Соответственно, немалая часть сельской рабочей молодежи маргинализируется. Одни, наиболее талантливые, едут в крупные города, избегая небольших периферийных районов, другие стараются повысить квалификацию без отрыва от производства и переезжают в более развитые сельские районы. Проблемная категория молодежи — те, кто не желает развиваться и, по большому счету, не имеет такой возможности.

Какие же особенности современного рынка труда в сельских районах не позволяют профсоюзам проникнуть туда и стать ежедневной и обычной практикой, как в городах? Дело в том, что в селах и деревнях люди заняты преимущественно сельскохозяйственным трудом, а одна из его особенностей — гибкий рабочий график. Казалось бы, мы должны радоваться, потому что в контексте того, что мы сегодня услышали, за гибким графиком будущее. Однако фактически этот режим означает сокращение рабочего времени и, как следствие, заработной платы. За последние 10 лет в разных регионах снижение зарплаты составило до 30 %. Другая особенность сельского хозяйства — сезонные работы. Агрохолдинги и другие крупные предприятия, да и фермеры тоже привлекают молодежь лишь на временную работу, причем на основе устных договоренностей, соответственно, без каких-либо социальных гарантий, не говоря уже о профсоюзах.

Другая тревожная тенденция — распространение на селе контрактной формы трудовых отношений. Международная организация труда фиксирует негативный тренд: если 10 лет назад трудовые контракты заключались в среднем на 5 лет, то сегодня — не более чем на 3 года, а на селе и того меньше — как правило, на 1 год. Соответственно, сельская молодежь не может планировать свою жизнь на среднесрочную перспективу.

Но давайте обратимся к практике. Мы провели исследование на территории Тюменской, Свердловской, Курганской областей. Первое, на чем бы хотелось кратко остановиться, — длительность ожидания реализации трудовых функций на одном рабочем месте. Большая часть молодежи не имеет представления о том, насколько долго они продержатся на своем рабочем месте. Какой смысл вступать в профсоюзные организации, если они в принципе не уверены в том, что проработают достаточное время, чтобы получить возможность защищать свои трудовые права? Среди сельской молодежи всего 12 % нацелены на карьерный рост, развитие, получение социальных гарантий и занятие должности руководителя.

Профсоюзная деятельность в сельских регионах практически отсутствует, а единичные профсоюзные организации работают в рамках компаний и не создают объединений. Это связано не столько с низкой социальной активностью молодежи, сколько с тем, что она не может рассчитывать на стабильное трудоустройство. Молодым людям проще сменить работу, чем отстаивать свои трудовые права. Наиболее частой формой выражения недовольства является отказ от выполнения рабочих обязанностей, который может принимать такую деструктивную форму, как вредительство.

Это приводит к снижению качества сельскохозяйственной продукции, а ведь продукты питания — необходимая и очень важная статья потребления каждого человека, от которой во многом зависит наше здоровье.

Что касается защиты прав вообще, то кроме суда и прокуратуры, как правило, рабочая молодежь не видит других альтернатив. И дело не в том, что молодые люди не знают других способов. Знают. Интернет доступен даже в отдаленных регионах. Но они сознательно отказываются от использования профсоюза как помогающей организации. Причин много, но основных, на мой взгляд, две. Первая — отсутствие доверия к профсоюзной организации, вторая — соединение профсоюзной организации и работодателя. То есть профсоюзные деятели, получающие зарплату у того же работодателя, не вызывают доверия у современных работников.

И еще один очень важный момент. Известно, что современные реалии требуют от нас непрерывного приобретения новых знаний, повышения квалификации, адаптивности, развития и т. п. Однако наше исследование показало, что сельская молодежь не готова постоянно обучаться. Более того, лишь 20 % молодых людей на селе в принципе рассматривают необходимость обучения в ближайшие пять лет, остальные учиться не желают, а хотят стабильно зарабатывать и обеспечивать приемлемый для них уровень жизни. Они хотят стабильности, а если учесть краткосрочные трудовые контракты, то, думаю, их можно понять.

Сельская рабочая молодежь гораздо более мобильна, чем городская. Молодым людям проще переехать в другой регион или работать в условиях маятниковой миграции, чем отстаивать трудовые права в своем регионе. Соответственно, у нас огромная доля подвижной рабочей молодежи, которая размывает границы сельских территорий. И вполне возможно, что перспектива России — полное вымирание деревень через несколько десятилетий.

Таким образом, говоря о положении и перспективах сельской рабочей молодежи, мы задаем два вопроса. Во-первых, будем ли мы рассматривать защиту трудовых прав именно в сельскохозяйственных регионах и каким образом мы будем это делать? А во-вторых, будет ли кого защищать там через 20–50 лет? Эти вопросы остаются открытыми, но я надеюсь, что в ближайший год мы найдем на них ответы.

Материалы нашего исследования «Молодежь нового рабочего класса современной России» доступны в Интернете.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется Людмиле Григорьевне Титовой.

Л. Г. ТИТОВА: — Дорогие коллеги, у меня не очень популярная тема — культура труда. Мы много говорим об условиях трудовой деятельности, партнерских отношениях, трипартизме, о том, как должен вести себя человек труда и другие стороны по отношению к нему, но вопрос о культуре труда не затрагиваем. Поэтому мне очень близко выступление коллеги из Узбекистана, который поднял вопрос о том, что является фактором другой культуры труда. Глобализация изменила содержание многих понятий. Думаю, что и представление о труде в условиях глобализации тоже существенно меняется, во всяком случае на это обращают внимание крупнейшие современные социологи Энтони Гидденс и Зигмунт Бауман.

Тема моего выступления — культурная парадигма. Что в культуре труда является парадигмой, то есть желаемым образом, идеалом? Я считаю, что это образ человека. Каков человек, таким будет и его труд. Несомненно, необходимо создание определенных условий, решение вопроса о взаимоотношениях между тем, кто дает работу, и тем, кто ее выполняет. Вопрос об эксплуатации труда не сходит с повестки дня, судя по протестам и другим событиям. Но есть и другой вопрос: как человек ощущает себя в этой системе, что является ценным для него? Иногда ответить на эти вопросы помогает этимология слов. Русские слова «работа», «раб», изобретенное Чапеком «робот» — это все моменты интеллектуализации, рационального труда, к которым шла Европа начиная с эпохи Просвещения, когда она ставила вопрос о том, что человек в труде должен быть прежде всего рациональным. Это протестантская этика, речь идет о том, что человек всю жизнь получает вознаграждение за то, что он вкладывает.

Интересно, как своеобразно эта мысль трансформировалась в современном западном обществе. На это обращает Бауман в своей книге «Текучая современность». Он говорит, что трудящийся человек ориентируется только на вознаграждение за свой труд. Давайте продолжим логическую цепочку: если вознаграждение, то чем? Продуктом. Но для этого продукт должен быть произведен. Общество потребления растет, и преобладающим остается представление о ценности труда как средства получения вознаграждения в виде материального продукта или услуги. Эта западная парадигма становится близкой сегодняшнему работнику. Обратите внимание, что из нашего лексикона почти исчезло слово «труженик», остался только «работник», который все больше становится знающим интеллектуалом.

В решении проблемы нам могут помочь смежные науки. Всем известна пирамида потребностей Маслоу, но не все обращают внимание, что это не просто пирамида, а восхождение к вершине. То есть труд сначала обеспечивает «нижнюю» потребность — выживание. Поднимаемся на следующие уровни, и через выживание и удовлетворение социальных потребностей к самореализации, самосовершенствованию, то есть возвращаемся к Человеку. Восхождение на вершину этой пирамиды — вот в чем задача достойного труда. Труд как образ такого человека, каким он представлялся на протяжении всей истории человечества, как нечто лучшее, как то, в чем реализуются отношения, взаимопомощь, сострадание, поддержка. Все, что мы знаем хорошего о человеке, — это и есть человеческое в труде.

Однако другой мыслитель, психолог Андерфельд, высказывает другую идею: по пирамиде Маслоу можно передвигаться как вверх, так и вниз. К сожалению, сегодня это наблюдается, об этом свидетельствует исследование сельской рабочей молодежи, которое провела Любовь Игоревна с коллегами. Если человек

не может удовлетворить высшие потребности, он спускается на нижний уровень и может навсегда остаться на уровне выживания. Мы обсуждаем проблемы условий труда, оплаты, инфраструктуры, но должны понимать, что всего этого недостаточно, если человек низводится до уровня робота.

Мы вступаем в эру цифровизации, недавно было заявлено даже о цифровизации нефтедобывающего производства. Информационные технологии в очередной раз изменяют трудовые процессы: они наполняются новым содержанием и отчуждаются от человека. Машины все больше заменяют людей на производстве. Эта тенденция насчитывает уже не одно столетие: человек в процессе труда воспринимается как живое орудие, потом его заменяет машина, а человек становится ее придатком. Сегодня мы вступаем в мир технологий. Как они влияют на труд? Оставляют ли они человека придатком усовершенствованной машины или включают его в трудовую деятельность более высокого уровня?

Те тенденции, которые сейчас начинают обнаруживаться, предсказуемы в том смысле, что их трудно предсказать, простите за парадокс. Мы видим, что вектор обозначен, ценности меняются и т. д. Но ситуация становится несбалансированной: с одной стороны, требования к человеку растут во всем мире, с другой — растет неуважение к самому человеку. Как решить эту проблему? Мы начинаем верить себе, воспитывать в себе Человека, начинаем восхождение, и труд становится для нас той сферой, где обретается смысл. Потому что смысл не в том, чтобы выживать, а в том, чтобы жить и становиться Человеком.

Д. В. ЛОБОК: — Людмила Григорьевна, проблема, которую вы подняли, более чем актуальна. Как Вы полагаете, кто свободнее — труженик или работник?

Л. Г. ТИТОВА: — В контексте того, о чем я говорила, конечно, более свободен труженик. Но хороший работник тоже должен быть свободен, если он владеет своей профессией на высоком уровне. Однако, к сожалению, сегодня работник очень несвободен. Труженик — это тот, кто занимается той или иной деятельностью по собственному выбору, работник же «привязан» к профессии. И хотя сегодня открываются новые горизонты, с помощью непрерывного образования появляется возможность менять свою квалификацию и сферу деятельности, но мы не очень активно пользуемся этим благом.

Это же родственные слова — «труд» и «трудно». Мне нравится идея, что учиться надо заставлять. Человек должен приучаться к труду (каковым является учеба) с раннего возраста, тогда он сможет стать профессионалом и будет свободным человеком, в отличие от работника, владеющего небольшим числом навыков.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется Елене Васильевне Улько.

Е. В. УЛЬКО: — У меня как психолога дух захватывает от масштабности обсуждаемых проблем и глобальности обсуждаемых перспектив. Полагаю, что научный анализ процессов, проходящих на микроуровне, то есть социально-психологических проблем субъектов, имеет значение и для понимания глобальных вопросов, и для решения глобальных проблем.

На микроуровне мы провели следующее исследование: изучили особенности восприятия термина «свобода», использования этого конструкта для объяснения человеком профессиональной ситуации. Свобода от начальника и свобода в реализации своих профессиональных интересов — это разное понимание профессиональной жизни, связанное с различными ее этапами. В дальнейшем мы решали эту задачу с точки зрения изучения социально-психологических характеристик человека как субъекта трудовой деятельности, трудовых отношений и связали ее с разными этапами профессионализации.

Молодежь — достаточно большая группа. При сравнении групп мы ориентировались на периодизацию Е. А. Климова. Были опрошены студенты, обучающиеся профессии (адепты), люди, осваивающие навыки, получающие знания в профессиональной сфере. Затем мы сравнили адептов с интернами, молодыми людьми, которые уже сориентировались в профессиональной сфере. Нас интересовало, как меняются конфликтные установки: восприятие ситуации, оценка и готовность к определенному поведению.

Были установлены отличия адептов от интернов, так как опыт работы человека, включенность в реальные процессы должны были сказаться на особенностях. Отличия в когнитивном плане, то есть в понимании того, что такое конфликт, заключались в том, что адепты отмечали деструктивность конфликтов, говорили, что это плохо и хотелось бы избежать их. Причем они связывали конфликты прежде всего с межличностными отношениями, называли внешнюю причину конфликта (либо начальник недооценивает, либо коллеги не такие, как хотелось бы). Вопросов по поводу общих или структурных характеристик предмета конфликта они не задавали. При этом адепты говорили, что хотя и считают, что конфликт — это плохо, но не будут на этот счет волноваться. Дальнейшие исследования показали, что, скорее всего, это была защитная реакция перед пока не осознаваемой реальностью. На поведенческие стратегии адепты-студенты реагировали пассивно: если будет плохо, то, скорее всего, они уйдут с работы. На вопрос: «Будете ли вы защищать свои права, проявлять активность?» 89 % адептов ответили «нет». Вступление в профсоюз или обращение к этой организации не присутствуют в ожиданиях студентов.

Адепты считают, что конфликты лучше решать в ходе переговоров. Но переговоры представлялись им скорее не как переговоры, способствующие установлению диалога и поиску взаимовыгодного решения, а как встреча с целью доказать правильность своей позиции, получить желаемое.

Интерны, уже адаптированые в профессии, отличались от адептов по когнитивному, эмоционально-оценочному, поведенческому параметрам: они видели как деструктивные, так и конструктивные функции конфликта. Интерны считают конфликты неизбежными,

не дают им негативной оценки, но при этом активны в их урегулировании. Более того, они отмечали готовность инициировать конфликты, но предмет конфликта видели не столько в защите своих интересов, сколько в более широком круге вопросов, связанных с профессиональной деятельностью.

Решение конфликтов видится молодежи скорее в рамках межличностного круга, чем в организованной борьбе за свои права. Настроенность молодых людей на готовность, осознание позитивности конфликтов и необходимости их решения, на мой взгляд, делает перспективными работу и привлечение в профсоюзы активной части молодежи из группы интернов. Психологически люди готовы к участию в движении.

Сфера проблем, которые нас интересуют, междисциплинарна. Мы обогащаемся за счет знаний и понимания проблем. Считаю, что мы, психологи, можем быть полезны в этом пространстве. Наше взаимное сотрудничество приведет к решению глобальных проблем, которые обсуждаются в рамках Лихачевских чтений.

Д. В. ЛОБОК: — Елена Васильевна, Вы затронули проблему «молодежь и профсоюзы». На Ваш взгляд, что сегодня мешает молодежи объединиться, «почувствовать локоть» с точки зрения психологии?

Е. В. УЛЬКО: — Скорее всего, сплочению молодежи препятствует то, что постоянно увеличивается количество людей, не привязанных к конкретным компаниям и не организованных в формальные структуры. Профсоюз — это формальная структура, а молодежь — прекариат. В то же время и профсоюзы не идут навстречу молодежи, не вовлекают ее в свои ряды.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется Нине Николаевне Цветковой.

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — Начиная с 1960-х годов транснациональные компании стали перемещать производство из развитых государств в страны с дешевой рабочей силой. К этому подтолкнуло повышение цен на нефть, потому что после 1973 года любым способом нужно было снижать издержки. В результате в развитых странах в целом ряде отраслей занятость сократилась, а в развивающихся (а именно на Востоке и в Латинской Америке) возросла.

ТНК использует при перемещении не только классические прямые иностранные инвестиции в создание филиалов, но и так называемые неакционерные формы организации международного производства, например производство по контрактам, когда продукцию производит не филиал компании, а местная компания или компания, которая является филиалом другой ТНК. Классический пример — айфоны, которые производит не компания «Apple» в своем филиале, а компания «Foxconn» в Китае, где используется дешевая рабочая сила.

Как правило, когда используются неакционерные формы, условия труда рабочих не слишком благоприятные. В 2011 году на предприятиях Foxconn разразился скандал из-за тяжелых условий труда рабочих: 12-часовой рабочий день, плохие условия проживания (общежитие напоминает казармы, на окнах которого, чтобы работники не выпрыгивали, сделаны решетки), низкая зарплата. Глава компании «Foxconn» ответил на обвинения, что они будут использовать роботов. В 2012 году мне показалось это преувеличением. Однако сегодня в Китае на своих заводах Foxconn использует роботов. Симпатичный коммуникативный робот Pepper, собранный там же, стоит 2 тыс. долларов. Foxconn также собирает роботов, которые используются в производстве, это результат альянса с японской компанией «SoftBank» и известной компанией «Alibaba».

На будущее делается много прогнозов, которые ставят перед профсоюзами новые вызовы. Например, после прочтения книги Мартина Форда «Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы» возникает чувство угрозы от использования роботов и искусственного интеллекта. Так, прогнозируется, что к 2050 году в ведущих странах будет 25 % безработных — их места займут роботы. Это достаточно оптимистичный прогноз, потому что в 2013 году в исследовании К. Фрея и М. Осборна «Оксфордский проект» указана гораздо бóльшая доля вытеснения рабочей силы роботами. Согласно прогнозу Фрэя и Осборна, из 702 специальностей 47 % находятся под угрозой. Параллельно сокращаются возможности занятости в современном производстве и традиционные виды занятости, которые служили своего рода резервуаром.

Также на Лихачевских чтениях обсуждалась проблема прекариата. Жан Терентьевич Тощенко на пленарном заседании сказал, что сегодня 50 % составляет прекариат, а будущее — за развитием цифровых платформ, которые соединяют клиентов и тех, кто предоставляет услуги, продавцов и покупателей, например «Яндекс-такси», Uber. Правда, таксисты жалуются на довольно низкие доходы, но потребители довольны.

Еще один обсуждаемый момент — фрилансеры. Одна из крупнейших в мире фриланс-бирж oDesk объединяет заказчиков и фрилансеров. Вообще сфера фрилансинга чревата рисками, она должна стать объектом интереса профсоюзов, особенно учитывая удельный вес занятости прекариата. Эти люди заинтересованы в том, чтобы кто-то защищал их интересы. Если установить с ними связь через соцсети, с помощью других технологий и предложить защиту их интересов, то они вполне могут пополнить ряды профсоюзов, так как действительно нуждаются в защите.

Известный немецкий социолог У. Бек в работе «О рисках глобализации» отмечает, что сегодня существует риск нестабильной занятости. И главное, чему мы должны научиться, — готовности к переменам, умению перестраиваться.

Д. В. ЛОБОК: — Нина Николаевна, транснациональная компания, приходя в любую страну, организует там производство, на котором могут работать роботы, соответственно, будет расти уровень безработицы. В XVIII веке луддиты ломали станки, потому что те вытесняли их с работы. Нужно ли сегодня ломать роботов? ТНК, которые порождают эти проблемы, считает,

что проблемами безработицы должно заниматься государство. Должны ли государство и профсоюзы брать решения этих проблем на себя?

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — Не только ТНК используют роботов. Хотя нужно учесть, что выгоду от использования роботов получат прежде всего те, кто их разрабатывает и производит, — крупнейшие компании цифровой экономики типа Google и пр. Конечно, не нужно ломать роботов. По сравнению со временами луддитов сейчас техника используется в гораздо больших масштабах, и когда вспоминают их опыт, то говорят и о появлении новых видов занятости. Сегодня высказывается идея взимать налог на роботов, причем высказывает эту идею представители бизнеса, то есть они осознают этот риск.

В связи с финансиализацией экономики Тодон предлагает собранные налоги тратить на финансовые сделки. Потом гражданам будет выплачиваться базовый общедоступный доход. В России сумма базового дохода равна размеру средней пенсии. Что касается развитых стран, например Скандинавских или Германии, то там серьезно обсуждается этот вопрос, а также проблема занятости. Людям предлагается ряд вариантов: хобби, выращивание экологически чистых продуктов, волонтерство, учеба. Люди часто страдают не столько от отсутствия дохода, сколько от того, что трудно отойти от деятельности.

Д. В. ЛОБОК: — К микрофону приглашается Елена Александровна Шишкина.

Е. А. ШИШКИНА: — Проблема профессионального выгорания с каждым годом становится все более актуальной, причем не только для российского общества, но и для мирового сообщества в целом, поскольку ее масштабы увеличиваются. Но, к сожалению, сегодня изучением данной проблемы занимается только психология.

Профессиональное выгорание — это состояние человека, которое возникло в результате трудовой деятельности. Считается, что профессиональному выгоранию подвержены представители определенных профессий, прежде всего тех, что связаны с высококоммуникативной активностью, тратой психической энергии, эмоций, в частности преподаватели. Но практика последних лет показывает, что профессиональное выгорание присуще всем работающим людям, поэтому проблема приобретает большие социальные масштабы, и в целом ее нужно решать на междисциплинарном уровне (с учетом психологии, социологии и медицины).

Что симптомно, клинически представляет собой профессиональное выгорание? Я условно разделила весь симптомокомплекс этого состояния на два блока — более слабые и более глубокие изменения в организме.

Первая ступень выгорания проявляется в утрате интереса к собственной работе, хронической усталости, эмоциональной обедненности контактов и коммуникаций, в черствости, равнодушии к проблемам других людей, необоснованной раздражительности. Таким профессиональным выгоранием занимаются психологи.

Вторая ступень знаменует погружение в более глубокую стадию, когда появляются разные заболевания: вегетососудистая и нейроциркуляторная дистония, соматические, сердечно-сосудистые заболевания и т. д. Вторая ступень есть следствие первой, но ею занимаются уже медицинские работники. На этой ступени утрачивается смысл профессионального выгорания: медицинский работник выписывает рецепт, нужно купить лишь фармацевтическую продукцию — и все. То есть медицина лишает нас возможности изучать причины развития эмоционального выгорания, поэтому мы рассматриваем этот процесс как медицинский.

В рамках выполнения своих трудовых обязанностей большинство работников сталкиваются с конфликтами, чрезмерной нагрузкой, зачастую необоснованной, что формирует хронический стресс. Некоторые авторы связывают профессиональное выгорание с тем, что сегодня материальное стимулирование труда практически утратило свое значение. Материальное стимулирование труда — это иллюзия противостояния выгоранию. Организм не считает деньги, он рассчитывает на биологический и психический ресурсы.

Сегодня практически стирается грань между понятиями «профессиональное выгорание» и «эмоциональное выгорание». Первый термин говорит об узких профессиях, а второй показывает общесоциальную проблему: эта проблема есть у всех, кто занят тем или иным трудом.

Возникает вопрос, что делать. Можно избежать выгорания с помощью адаптивного общества, где профессионально подготовленная административная элита будет решать человеческие проблемы наравне с техническими. Практический вопрос — где элита и когда она будет решать проблемы человеческих отношений — уже для следующих Лихачевских чтений.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Григорию Михайловичу Бирженюку.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — В 1970-е годы в одном из романов популярный фантаст Артур Кларк написал, что персональное радио появится в 2014 году. Персональное радио — мобильный телефон — было создано в 1994 году. То, что кажется фантастическим даже фантасту, может возникнуть очень скоро. Мы обсуждаем роботов, и сегодня это кажется фантастикой. На самом деле это может произойти уже завтра.

Александр Сергеевич Запесоцкий предложил подумать о том, что происходит. Я попытался это сделать хотя бы в первом приближении. Мы являемся свидетелями и участниками процесса формирования «шеринг-культуры». Шеринг — буквально «совместное использование». В принципе все это уже было. Библиотека — это бук-шеринг, когда можно не иметь книг, а брать их в библиотеке.

В Советском Союзе был тотальный дефицит. У людей сформировалось огромное желание иметь. Порой получалось смешно и глупо. Если нужно было просвер-

лить дырки в стене, нужно было купить перфоратор, сделать дырки, а потом он годами хранился дома невостребованный, но грело чувство, что он есть. В СССР в пунктах проката люди брали весы для взвешивания новорожденных детей. Они нужны были только в первые полгода жизни ребенка. Некоторые брали напрокат музыкальные инструменты, например пианино.

К 2000 году появилось понятие «шеринг-экономика». В 1976 году Эрих Фромм опубликовал книгу «Иметь или быть», написанную под воздействием общества потребления. Мир развивался, количество предметов увеличивалось, люди скупали их, это становилось болезнью. Конечно, Фромм имел в виду более серьезный концептуальный вопрос: «иметь или быть?». Применительно к студенческой аудитории это вопрос «иметь диплом или быть специалистом?». И молодежь ответила: «быть специалистом».

Выяснилось, что потребности никуда не деваются. Возникла новая концепция: «не иметь, но пользоваться». Не иметь велосипеда, а брать его напрокат. Каршеринг — прокат авто без водителя.

Шеринг начал бурно развиваться. В каком-то смысле это не новое явление, особенно в сфере человеческих отношений. Можно жить в съемной квартире, пользоваться арендованной машиной. Со временем шеринг распространился и перекинулся на сферу труда. Социально-трудовые отношения в нынешнем виде в основном формировались в Средние века. Модель состояла в том, что человек работает полный рабочий день, иногда 12–14 часов. Шеринг в сфере труда проявляется в том, что человека можно использовать частично: одна контора задействует его четыре часа, а другая — два часа или вообще не использует. Появляются частичный человек и частичная зарплата.

Шеринг имеет несколько измерений, например заемный труд. Отечественные профсоюзы выступают против заемного труда, на этот счет существует соответствующая законодательная база, которой он запрещен. Но так или иначе заемный труд и еще некоторые виды труда существуют. Некоторые работодатели заинтересованы в том, чтобы, скажем, у работника был четырехчасовой рабочий день. Четыре часа работник работает продуктивно, а следующие четыре часа — хуже, не то, чтобы он выгорает, но глаз уже не блестит.

Работодателю выгодно использовать «частичного человека», потому что под различные конкретные задачи лучше приглашать разных людей. Как выяснилось, это выгодно и работнику, потому что это лучше сопрягается с учебой, уходом за детьми, животными и т. д.

В этом случае начинает ломаться привычный жизненный цикл, что уже более серьезно. Раньше жизненный цикл включал период учебы, время работы, пенсионный период. Во время учебы у человека много потребностей, но нет денег. В период работы у него есть деньги, но нет времени. А на пенсии у человека есть и потребности, и время, но денег опять нет. Одно с другим постоянно не сходится.

Сегодня люди склонны использовать более гибкие формы занятости, что ставит перед законодателями определенные задачи, потому что непонятно, как быть с налогами и ответственностью. Это обусловливает проблемы и для работников. Недавно на съезде ФНПР был приведен пример: в Новосибирской области автопредприятия заставляют работников стать самозанятыми. Работник должен уволиться, оформить себя как самозанятое лицо и платить маленький налог. Всем хорошо. Но при этом работник теряет отпуск, ему не оплачивается больничный лист и пр. Более того, он попадает в полную зависимость: либо ему дают заказы, либо нет. Очевидный плюс — работник может распоряжаться своим временем.

Мне кажется, что профсоюзы сегодня должны реагировать на эти явления. Новый класс работников — частичных, самозанятых, дистанционных — тот же прекариат, но неоднородный и не имеющий социальной защиты. Они часто становятся жертвами недобросовестных работодателей. Это явление пока набирает силу, но к тому моменту, когда оно получит широкое распространение, мы, как всегда, окажемся к нему не готовы. Поэтому как культуролог обращаюсь к конфликтологам — обратите внимание на шеринг.

Д. В. ЛОБОК: — Сегодня на заседании нашей секции поднимались интересные темы. Выступающие на Лихачевских чтениях не только отвечали на вопросы, но и ставили новые проблемы, которые будут решаться на следующих Чтениях в рамках данной секции. Благодарю всех за участие!

Секция 5
ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников)

24 мая 2019 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции

Н. В. БУРОВ — профессор СПбГУП, народный артист России

Участники:

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА — директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП *(модератор)*

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ — ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

М. БАЖЕНОВА, А. БОТОВА, А. ВОРОБЬЕВА, С. ЕВГЕНЬЕВА, Д. ЕЛЬФИН, Д. КАРМАНОВА, К. КОРКИНА, А. КРИВОШЕЕВ, Д. КУЗНЕЦОВА — победители и призеры конкурса творческих работ старшеклассников

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Дорогие друзья, я рада приветствовать вас на Международном форуме старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность», который ежегодно проводится Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов в рамках Международных Лихачевских научных чтений. В этом году на рассмотрение жюри было представлено 388 работ из более чем 60 регионов России, республик Беларусь и Казахстан. По традиции на Международный форум старшеклассников приглашены призеры конкурса Университета, занявшие первое, второе и третье места, — они составляют президиум нашего форума. Наши победители получили уникальную возможность поделиться основными положениями своих творческих работ со своими сверстниками — участниками форума. Материалы сегодняшнего форума будут опубликованы в сборнике Международных Лихачевских научных чтений, а лучшие выступления конкурсантов будут размещены на научном сайте «Площадь Лихачева». Кроме того, отмечу, что в этом году в рамках конкурса мы учредили номинацию «Лучший мультимедийный проект на тему „Идеи Лихачева и современность“». Наряду с текстовыми творческими работами жюри выбрало и лучшие медиапроекты, поступившие на конкурс.

Возглавляет работу Международного форума старшеклассников профессор СПбГУП, народный артист России Николай Витальевич Буров. Прошу Вас, Николай Витальевич, сказать несколько слов.

Н. В. БУРОВ: — Уважаемые участники форума, я очень рад приветствовать вас здесь в это прекрасное время, когда по всей стране где-то жалобно, где-то назойливо звенит последний звонок и радостные ученики приступают к ликвидации своих дневников. Хотя я бы посоветовал вам оставить их себе на память: пройдет совсем немного времени, и вы с таким удовольствием будете заглядывать в них и вспоминать то славное время, которое прожили в школе.

В этом году мы отмечаем столетие Даниила Александровича Гранина, Почетного доктора нашего Университета. Здесь многое осталось от Гранина, от Лихачева, хотя, казалось бы, их самих с нами уже нет. На самом деле они еще долгие годы будут оставаться с нами и помогать нам. Без их помощи нам не найти то направление, тот пункт Б, в который надо прийти из пункта А, в котором мы сейчас находимся. Когда-то академик Дмитрий Сергеевич Лихачев создал несколько формул, которые позволяют нам самосовершенствоваться — причем создал их на уровне страны, объединив все лучшее, что было создано отечественной и европейской культурой на протяжении тысячелетий. По сравнению с такими сроками наша жизнь совсем коротка, и надо успеть как можно больше для того, чтобы передать тем, кто придет следом за нами, еще много полезного, необходимого, чтобы просто оставить после себя что-то достойное.

Я давно обратил внимание на то, что те работы, которые появляются здесь, на этом форуме, меньше всего подвержены какому-то массовому психозу. Здесь докладчики не стараются говорить то, что было бы им выгодно сказать, не говорят специально то, что хотели бы услышать от них другие. Поэтому здесь озвучивается очень много оригинальных, интересных мыслей. Совсем недавно я рассказывал коллегам из Москвы одну историю. Несколько лет назад здесь выступил со своим докладом совсем молодой человек, одиннадцатиклассник — и неосознанно сделал заявку на полноценную докторскую диссертацию. В своем исследо-

вании он рассмотрел такой феномен, как СМС-язык, и то, как он влияет на деградацию русского литературного языка. Казалось бы, СМС — это всего лишь удобный телеграф. Но даже телеграфный язык, который еще много десятилетий назад вызывал беспокойство у наших предшественников, был гораздо богаче, чем сегодняшний СМС-язык. И почувствовать в этом опасность и попытаться что-то предпринять — это, наверное, уже задача вашего поколения, которое полноценно освоило современные цифровые технологии. Нам нужно чуть-чуть чаще останавливаться и, может быть, обращаться в том числе к тем идеям, которые когда-то сформулировал Дмитрий Сергеевич Лихачев, чтобы понять, кто мы, откуда и куда мы движемся.

Лихачев оставил наследство, которое непреходяще. Подтверждением этому является и то, что по всей стране продолжают проводиться мероприятия, связанные с его именем, — в том числе Лихачевские чтения в Гуманитарном университете профсоюзов. Так что я, человек пенсионного возраста, хочу низко вам поклониться, поблагодарить вас за то, что вы не поленились погрузиться в это наследие, не испугались размаха мысли Лихачева. Но не оставляйте это знание только для себя, старайтесь делиться им. Потому что нет лучшей заразы, чем зараза «культурной палочкой». Она и в организме приживается неплохо, и дает хорошие результаты. Я хотел бы пожелать успехов тем конкурсантам, которые сейчас будут выходить сюда и озвучивать идеи, представленные в своих работах. Я уверен, что это будет интересно.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Я также желаю успехов нашим победителям и призерам. Приглашаю на трибуну Андрея Кривошеева, учащегося 11-го класса школы № 41 г. Самары, победителя нашего конкурса в номинации «Лучшая текстовая работа». Тема его выступления: «Память — основа совести и нравственности».

Андрей КРИВОШЕЕВ: — Изучение родовой истории, восстановление межпоколенной связи, возрождение интереса к истории своего народа являются актуальными проблемами в настоящее время. В периоды общественных кризисов, социальных потрясений, переворотов и революций происходит переписывание или фальсификация прошлого. Это, как сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев, «оставляет человеческую личность без духовных корней, без той нравственной почвы, на которой произрастает человеческое в человеке».

В моей семье с недавних пор ведется генеалогическое исследование: мы собираем информацию о предках, формируем семейный архив, бережно храним реликвии и фотографии, делаем запросы в архивы различных регионов, изучаем литературу. Оказалось, что в истории только нашей семьи отразилось гигантское количество событий, относящихся к трем русским революциям, коллективизации, индустриализации, Первой и Второй мировым войнам. Например, мой прапрадед Иван Николаевич Петров, до революции работавший в ремонтных мастерских Златоусской железной дороги, в первые годы советской власти вступил в ряды партии большевиков, участвовал в продразверстке, боролся с зажиточным крестьянством, был убежденным ленинцем, атеистом, получил за заслуги перед страной орден Ленина. Другой же мой прапрадед, Тимофей Васильевич Золотов, был глубоко верующим человеком, выходцем из семьи бедных крестьян-старообрядцев, и накануне революции он имел лавку в деревне, в которой трудились его жена и дети, у них было богатое хозяйство и кирпичный дом. В 1920-е годы он был раскулачен, лишен избирательных прав и отправлен на поселение в Алтайский край.

Но судьбы таких разных людей объединила Великая Отечественная война, на фронтах которой воевали и Петровы, и Золотовы. Не все вернулись домой: погибли два сына Тимофея Васильевича — Павел и Артемий, от ран в госпитале умер брат моего прадедушки Михаила Павловича Кожана — Петр, сын Ивана Николаевича Петрова, Владимир, попал в лагерь после выхода из окружения.

Потеря исторической памяти для народа равносильна потере памяти у человека, который после этого перестает быть личностью. Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждал, что «историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ».

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Ксении Коркиной, учащейся 11-го класса школы № 1 г. Приозерска Ленинградской области, победительнице конкурса нашего Университета в номинации «Лучший мультимедийный проект на тему „Идеи Лихачева и современность“». Тема ее выступления: «Неприступная крепость как наша память»

Ксения КОРКИНА: — Создавая свой фильм, я стремилась не только дать информацию об истории и культурных ценностях моего города, а в первую очередь «зацепить» моих сверстников. Мне важно было на эмоциональном уровне пробудить интерес к исторической памяти. Я поставила перед собой цель — создать короткометражный фильм, рассказывающий о важных исторических событиях Приозерска, моего родного города. Для ее достижения мне нужно было выполнить следующие задачи:

— изучить историю Приозерска;

— выбрать наиболее яркие исторические моменты для сценария;

— определить приемы, которые бы помогли зрителю эмоционально воспринять эти исторические события;

— снять видеоматериал в соответствии с задуманным съемочным планом;

— смонтировать и озвучить отснятый материал;

— показать фильм ученикам нашей школы и обсудить с ними получившуюся работу.

Фильм «Неприступная крепость как наша память» был задуман как небольшой учебный мультимедийный проект для школьников и гостей нашего города. Начали мы с того, что выбрали самые интересные, на наш взгляд, исторические факты и приступили к составлению сценария. Коснувшись в своем творческом проекте только нескольких значимых моментов истории

Приозерска, основное внимание я уделила событиям, относящимся к Смутному времени. Далее мы выбрали локации, отсняли материал, начитали текст и собрали все воедино.

Созданный фильм можно использовать в качестве дополнительного учебного материала. Я провела показ фильма для школьников, и затем мы вместе обсудили его. Ребята говорили, что они по-новому смогли взглянуть на известные им исторические события. В итоге, я думаю, мне удалось изменить отношение сверстников к нашему историческому прошлому.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Приглашается победительница нашего конкурса, занявшая II место в номинации «Лучшая текстовая работа», — Софья Евгеньева, учащаяся 11-го класса Образовательного центра № 11 г. Череповца. Тема ее выступления: «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести, — это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни».

Софья ЕВГЕНЬЕВА: — Современное состояние общества требует идеологии, которая соединяла бы человека, социум и государство. Таким объединяющим фактором является нравственная парадигма, в которой основное значение приобретает совесть человека. Именно совесть определяет вектор развития личности, общества и человечества в целом.

На фоне нравственных вызовов современного общества особое значение приобретают личность Дмитрия Сергеевича Лихачева. Почему он стал образцом высочайшей нравственности, совестливости, порядочности и честности? Истоки личностных качеств Лихачева — в его детстве, которое он провел с родителями в Куоккале. Там был местный театр, где выступали Маяковский, Чуковский, Репин и многие другие. Именно родители привили сыну любовь к театру, к прекрасному — наверное, отсюда и начинается его любовь к литературе и искусству.

Тема совести и совестливости часто становится центральной в произведениях русской классической литературы. Их герои стремятся к милосердию, любви и совестливости. Так, например, в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Родион Раскольников после ужасающих мук совести признается в своем грехе. Другой пример — рассказ Л. Н. Толстого «После бала». В нем автор показывает, что каждому человеку требуется духовное развитие, чтобы приблизиться к истинам.

Проведенный мною опрос старшеклассников и курсантов военного училища показал: наше поколение понимает, что такое совесть и как она важна для человека. Это вселяет надежду на то, что в будущем из нас получатся нравственно здоровые люди, которые живут по совести и следуют зову сердца.

Однако, например, с личностью Дмитрия Сергеевича Лихачева школьники в большинстве своем незнакомы. Они не имеют представления о его вкладе в развитие культуры нашей страны. Это может быть связано с тем, что наше поколение ограничивается чтением книг по школьной программе. Поэтому я считаю, что необходимо ввести в программу по литературе произведения Дмитрия Сергеевича Лихачева для того, чтобы школьники знали не только классических писателей, философов, ученых, но и современных мыслителей.

Дальнейшее исследование данной темы можно проводить по следующим направлениям:

— совесть как средство определения добра и зла в современном мире;

— формирование в человеке духа служения добру;

— выбор ценностных установок и нравственных ориентиров в жизни;

— развитие добровольной общественной деятельности молодежи.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья! Я с большим интересом посмотрел фрагмент фильма призера нашего конкурса Дениса Ельфина и хотел бы прокомментировать его концовку. Завершая свою работу, вы говорите: «Мы молодые, мы современные, мы будем все определять» и т. д. То есть зрителям дается надежда на светлое будущее. Должен сказать, как автор этой работы вы мне намного симпатичнее, чем, например, Юрий Дудь. Однако после просмотра у меня создалось впечатление, что вы смотрите на мир сквозь розовые очки. Потому что совсем непросто определять свое настоящее — и тем более определять свое будущее.

Вчера в этом зале сидели люди существенно старше вас — выдающиеся мыслители, многого добившиеся в жизни. Мы с ними дискутировали по такому вопросу: чем сегодняшний век отличается от предыдущего? Многие говорили о развитых информационных технологиях как о примете современности, утверждали, что они делают человека лучше, что они дают доступ к огромным объемам информации и т. д. Но прозвучало и другое мнение: что гаджеты, компьютеры и другие современные технические средства лишают человека возможности мыслить или существенно ограничивают ее. Все зависит от того, как сам человек пользуется результатами технического прогресса.

При нашем Университете есть гимназия, в которой учатся ребята со всей страны. Там используется определенная методика проверки учеников: в ходе подготовки к поступлению в вуз они проходят тестирование, в котором проверяется, например, то, насколько хорошо они могут использовать информационные средства. Оказывается, только 30 % ваших сверстников, старшеклассников, умеют грамотно работать с информацией — и то под руководством преподавателя. А самостоятельно анализировать получаемые сведения не может почти никто — единицы из сотен. Поэтому я с восхищением смотрю на людей, которые сегодня сидят в этом президиуме. Это лучшие из лучших, это победители конкурса, на который присылали работы

школьники со всей России и из других стран. И, несмотря на мою шутку про розовые очки, вы действительно будете определять будущее — и слава богу.

На мой взгляд, ваше поколение живет в чрезвычайно сложных условиях в том смысле, что средства массовых коммуникаций подсовывают вам всякую дрянь, но делают это так, что она весьма привлекательна. Мы включаем телеящик, а там предлагают купить жвачку, с которой вы понравитесь даже родителям девушки, когда они застукают вас почти при интиме. Телевидение это объясняет. Это особенность нашей эпохи. Ориентиры в ней очень странные.

Когда-то на этой сцене с нашими студентами встречался величайший музыкант — и, кстати, мультимиллионер — Мстислав Ростропович. Когда ему было уже за 50, его вместе с женой выдворили из Советского Союза за инакомыслие. Они покинули Советский Союз и стали жить на съемной квартире где-то в Италии — почти без денег и без гастрольных контрактов. В 50 лет очень непросто начинать жизнь с нуля, тем более в другой стране, где тебе никто не поможет. И в это время Ростроповича, великого музыканта, пригласил к себе Папа Римский. Они беседовали часа полтора. В конце разговора Папа сказал ему: «Вы знаете, у вас только одна проблема». Ростропович удивился и ответил: «У меня не одна проблема, а сто, мне практически негде жить». «Нет, — ответил Папа Римский, — только одна. Каждый Ваш шаг — это шаг либо на ступеньку наверх, либо на ступеньку вниз».

Так вот, я желаю вам каждый день делать хотя бы один небольшой шаг вверх. Хороших профессий вам и хороших семей. Желаю вам, чтобы вы, когда повзрослеете, могли бы помогать своим родителям. Но самое главное — это ценности. Сегодня жизнь предлагает очень разные пути. Читайте Лихачева, он учит, как выбрать правильный путь. Успехов вам!

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Спасибо, Александр Сергеевич! Я предоставляю слово автору мультимедийного проекта «Память преодолевает время», призеру нашего конкурса, занявшему II место в номинации «Лучший мультимедийный проект», Денису Ельфину, учащемуся 10-го класса школы № 404 Колпинского района Санкт-Петербурга.

Денис ЕЛЬФИН: — Среди многих идей академика Лихачев мне особенно близко его высказывание об истории и памятниках: «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, — он, как правило, равнодушен и к своей стране». В современной России его слова приобрели особое звучание. Порой наши соотечественники знают и рассказывают о загранице больше, чем о собственной стране. А ведь, как писал Дмитрий Сергеевич в своей книге «Письма о добром и прекрасном»: «Память и знание прошлого наполняют мир, делают его интересным, значительным, одухотворенным… Будем знать историю — историю всего, что нас окружает в большом и малом масштабах. Это ведь четвертое, очень важное измерение мира. Но мы не только должны знать историю всего, что нас окружает, но и хранить эту историю, эту безмерную глубину окружающего».

Восполнить пробелы в знании истории помогают исторические музеи, выставки, памятники. Ведь где, если не в музеях, бережнее всего сохраняют память для потомков? Люди, работающие там, связаны с отечественной культурой, они оберегают самые сокровенные страницы истории страны. Это, в частности, директор Музея истории Ижорских заводов Лариса Бурим и руководитель поискового отряда «Шлиссельбург», автор трехмерных панорам «Битва за Берлин», «Прорыв» и ряда других Дмитрий Поштаренко.

Лариса Дмитриевна Бурим с сожалением говорит о том, что культура, особенно в небольших городах, финансируется по остаточному принципу, и нынешнее поколение лишено того, что было доступно молодежи в советское время. Сейчас появились люди, готовые ради собственной выгоды разрушить раритеты, снести памятник истории. Это внушает тревогу.

Трудно с ней не согласиться! Тем ценнее опыт людей, которых можно противопоставить таким циникам.

Дмитрий Поштаренко своим примером показывает, что осознанное отношение к истории формируется в людях уже в возрасте 4–5 лет, когда, «будучи маленьким человечком, ты уже понимаешь, что ты — часть большой и великой страны, часть ее истории, к которой можешь прикоснуться». Дмитрий — один из тех, кто занимался поисковой работой. Благодаря его усилиям обрели имя сотни неизвестных солдат, чьи останки были найдены на полях сражений в Ленинградской области.

Сейчас Дмитрий вместе с единомышленниками создает проекты, погружающие нас в события военных лет. Делается это с помощью трехмерных панорам. Как объясняет сам Дмитрий в одном из интервью, трехмерная панорама — это «застывшая секунда боя». Такие секунды вряд ли могут оставить кого-то равнодушным!

Если в нашей стране создать условия для успешного продвижения таких проектов, как мультимедийные музеи, если поддерживать и охранять памятники истории, то это поможет развитию лучших качеств личности, в том числе творческих талантов. Как тут не согласиться с Дмитрием Лихачевым, сказавшим: «Мы не должны возлагать полную ответственность за небрежение к прошлому на других или просто надеяться, что сохранением культуры прошлого занимаются специальные государственные и общественные организации и „это их дело“, не наше. Мы сами должны быть… благодарными нашим предкам, создававшим для нас и наших потомков всю ту красоту, которую не кто-либо другой, а именно мы не умеем порой опознать, принять в свой нравственный мир, хранить и деятельно защищать».

Я собрал материал о неравнодушных людях, достойных того, чтобы о них узнали, продолжали их инициативы. Может быть, благодаря им мы сможем сохранить не только памятники, но и богатую культуру

и историю своей страны. Свою же задачу я вижу в том, чтобы рассказывать всем об их деятельности.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Приглашаю на трибуну Марию Баженову — учащуюся 11-го класса школы № 5 г. Солнечногорска Московской области, занявшую III место в номинации «Лучшая текстовая работа».

Мария БАЖЕНОВА: — Добрый день! Тема моего исследования, выполненного под руководством учителя истории и обществознания Владимира Александровича Шульмина, — «Патриотизм — начало творческое, начало, которое может вдохновить всю жизнь человека». Патриотизм может сформировать круг интересов человека, подсказать выбор профессии, осветить всю его жизнь.

Президент России В. В. Путин неслучайно продвигает патриотизм в качестве современной национальной идеи. На мой взгляд, это обусловлено тем, что, во-первых, объективный процесс глобализации подвергает серьезным испытаниям возможность и способность российского народа сохранить свою самобытность, во-вторых, эскалация русофобии требует от российского народа, с одной стороны, напряженной созидательной работы, с другой — формирования правдивого образа России и ее многонационального народа.

Губернатор Ставропольского края В. В. Владимиров в статье «Мы все рождены патриотами» написал: «Для меня патриотизм — это созидание. Чем больше сделаешь, тем больше гарантия, что жизнь вокруг станет лучше». С таким взглядом на патриотизм сложно поспорить, так как перед Россией стоит много творческих, созидательных задач.

Очень важны меры, направленные на формирование патриотических чувств у молодежи, пробуждение интереса к родному краю. В нашей школе ведется краеведческая работа, в том числе в кружках и на внеклассных занятиях. Почти все ученики проявляют большой интерес к истории и современному развитию своей малой родины, и я уверена, что для многих это станет одним из определяющих факторов при выборе профессии.

Проведенное мной исследование подтверждает, что богатое идейное наследие Д. С. Лихачева не утратило своей актуальности в современных условиях.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется автору мультимедийного проекта «Путь добра» Диане Кармановой — учащейся 11-го класса Центра образования п. Первомайское Ленинградской области, занявшей III место в номинации «Лучший мультимедийный проект».

Диана КАРМАНОВА: — Название моего проекта созвучно с фразой «будь добра» — с таким призывом я обратилась бы к каждому человеку. Кроме того, это отсылка к лихачевским «Письмам о добром и прекрасном». Как известно, сорок шестое письмо он назвал «Путями доброты».

Цитата, которую я выбрала для своей работы, как раз из этого письма: «В жизни надо иметь свое служение — служение какому-то делу. Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если будешь ему верен». Цель моего видеоролика — донести мысль о том, что каждому необходимо выбрать собственный путь в жизни и уверенно, без страха, идти по нему, верить в себя и свое дело. Наверное, было бы правильно, если бы каждый человек нашел свое любимое дело, которому он посвятил бы себя целиком.

Одна из важнейших проблем в наше время — защита окружающей среды. Об этом обязательно нужно говорить с подрастающим поколением. Ведь именно молодежи предстоит жить в мире, который может стать непригодным для жизни из-за нашего безответственного отношения. И если сейчас не бить во все колокола, то, возможно, наши дети не увидят многих видов флоры и фауны. Это недопустимо!

Работая над этим медиапроектом, я впервые попробовала себя в роли композитора. Сочинила мелодию, старший брат помог с аранжировкой, он исполнил партию на фортепиано, а я — на арфе. Я также получила ценный опыт звукорежиссуры. Думаю, это в любом случае будет полезно, ведь видео- и звуковые эффекты очень важны в современном информационном пространстве.

«В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром (не только людьми, народами, но и с животными, растениями, природой и т. д.). Чувство сострадания заставляет нас бороться за памятники культуры, за их сохранение, за природу, отдельные пейзажи, за уважение к памяти», — это слова академика Лихачева. Я очень рада, что формат конкурса позволил мне передать его идеи в мультимедийной форме.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — На трибуну приглашается учащаяся 11-го класса школы № 1 г. Ковдор Мурманской области Александра Ботова, занявшая III место в номинации «Лучшая текстовая работа». Ее тема: «Память — основа совести и нравственности».

Александра БОТОВА: — Все темы, предложенные для сочинения, оказались мне близки, но именно память для меня — своеобразный компас в жизни, она определяет, как мне жить, указывает, каким должен быть нравственный человек. Память соединяет настоящее с прошлым и будущим, она обеспечивает связь поколений.

В сочинении мне хотелось развить несколько мыслей: помнить и гордиться историей, делами наших предков — значит понимать ответственность за будущее; память народа содержится в книгах, «в культуре прошлого живут ум и душа, дух и талант наших предков»; человеку нужна память о своих родных, о своем крае, о своей стране.

В истории нашей страны было немало людей, чья жизнь может служить примером. Д. С. Лихачев — один из них. В книге «Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет» он пишет: «Человеку тесно жить только в настоящем. Нравственная жизнь требует памяти о прошлом и сохранения памяти на будущее...»

Память начинается с памяти о своих предках, раздумьях о жизни дорогих и близких нам людей. Имена

этих людей вряд ли найдешь в официальных изданиях, а без них, как мне кажется, летопись будет неполная: «Разнообразие осколков позволяет судить об огромных размерах целого» (Д. С. Лихачев). О Великой Отечественной войне в нашей семье сохранилось много воспоминаний. Фотографии, дневники, документы — все это перенесло меня в другое время. Судьба моей прабабушки поразила меня больше всего: «Когда стояла на посту, попала под машину, травма оказалась тяжелой. Три месяца лечения и предложение — демобилизация домой. Поразмыслив, решила: буду продолжать службу». Воспоминания моего прадедушки: «на прорыве Курской дуги меня ранило в лопатку, воевал при освобождении Польши, в Карпатских горах. На территории Чехословакии получил третье ранение, в октябре 1944 года почти истек кровью и лечился в госпитале». Читаю записи Ероховой Лидии Михайловны: «Давали одну карточку на семью, кое-как перебивались: мололи траву, копали мерзлую картошку, иногда и из гнилой пекли лепешки».

В каждой семье есть фотографии, письма, документы, награды, и все это — воспоминания. Нужно бережно хранить все это, чтобы не прервалась связь времен: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие» (А. С. Пушкин).

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Предоставляю слово Анне Воробьевой — учащейся 10-го класса гимназии № 32 г. Калининграда, занявшей III место в номинации «Лучшая текстовая работа». Тема ее выступления: «Русская интеллигенция и время».

Анна ВОРОБЬЕВА: — Моя работа основана на цитате из Д. С. Лихачева: «Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель. История русской интеллигентности есть история русской мысли».

В разное время термин «интеллигенция» трактовался по-разному. Очень часто нам приходится слышать неточное определение этого слова, смешивание понятий «образованность» и «интеллигентность». Многие полагают, что это просто вежливость, культурная речь и эрудированность. Дать универсальное понятие русской интеллигенции и проследить путь ее становления довольно сложно, потому что мнения по этому вопросу нередко расходятся.

Лихачев обращает внимание на то, что многих общественных деятелей, писателей, ученых прошлых эпох можно назвать интеллигентными — Максима Грека, Карамзина, Пушкина и др. Однако к интеллигенции, по его мнению, вряд ли можно причислить тех деятелей, которые имеют огромные заслуги перед отечественной культурой, но были зависимы от власти или от своих материальных интересов. То есть, например, Державин не интеллигент, так как его творчество выражает те взгляды, которые считались «правильными» в обществе, даже если они были не вполне гуманны.

Д. С. Лихачев высоко оценивает способность русской интеллигенции сохранять верность своим идеалам, сопротивляться деспотизму власти. В советскую эпоху в обыденном сознании этическая составляющая в определении интеллигенции отошла на второй план, интеллигенцией стали называть всех «работников умственного труда». Но в России оставались истинные интеллигенты, отстаивавшие свои взгляды и сохранявшие достоинство, — А. Ахматова, Б. Пастернак, И. Бродский и др.

Постсоветская интеллигенция оказалась расколота на группы. Различное понимание термина и его составляющих привело к необходимости изучения феномена «русская интеллигенция», поэтому в конце 1990-х в российской науке возникло «интеллигентоведение» как особое направление межнаучных гуманитарных исследований.

Сам Дмитрий Сергеевич Лихачев может служить идеальным образом интеллигентного человека. В сознании множества людей сохранился его образ общественного деятеля, у которого слово не расходится с делом, а провозглашенные идеалы воплощаются в практической деятельности. Он стал совестью нации, пожалуй, это вершина русской интеллигентности, покорить которую удалось очень немногим.

Идеи великих не стареют, их воплощают в жизнь их последователи, ученики. Это дает надежду на появление новых интеллигентов, которые не дадут нации скатиться в пропасть бездуховности и деградации.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — На тему «С произведением искусства надо уметь оставаться один на один» выступит учащаяся 11-го класса школы № 28 им. А. А. Суркова г. Рыбинска Ярославской области Дарья Кузнецова, занявшая III место в номинации «Лучшая текстовая работа».

Дарья КУЗНЕЦОВА: — Можно ли научиться пить росу из одуванчика? Видеть в плывущих по небу белоснежных облаках отражение своих надежд и мечтаний? Слышать тихие шаги приближающегося рассвета? Идти, идти, постоянно идти к горизонту, и вдруг…

И вдруг осознать собственное «я». Я слушаю и слышу, смотрю и вижу, чувствую и ощущаю тебя, мой мир. Мир, который страницу за страницей открывала мне Книга.

Этот маршрут, на котором всегда двое — я и книга, интересен и бесконечен. Иногда мы с книгой бежим (это была «Динка» Валентины Осеевой), иногда останавливаемся, и остановка длится долго-долго (так случилось с повестью «А зори здесь тихие» Бориса Васильева), застываем на берегу моря (в тот раз это были «Алые паруса» Александра Грина), поднимаемся высоко-высоко, к самым звездам, ведь только там можно постичь поэзию Серебряного века. Ощущение удивления и открытия при встрече с книгой никогда не покидало меня, будь это идеи самовоспитания в педагогике Л. Н. Толстого или «осердечивание» ума, когда при этом отдаешь свое сердце другому, в «Письмах о добром и прекрасном» Д. С. Лихачева.

Думается, на разных этапах жизненного пути взаимоотношения человека с культурой складываются поразному. Конечно, культура — это не только искусство, это все, что «возделано» человеком в ходе его исторического развития (если идти от общего определения

культуры), это все лучшее в мире, что было создано и сказано.

В одном из последних «заветных» трудов Лихачева — «Декларации прав культуры» — определен вектор духовных исканий для каждого молодого человека и дано точное определение понятию «культура» и той роли, которую играет искусство в жизни каждого: «Между тем культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией».

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Николаю Витальевичу Бурову, который поделится своими впечатлениями о нашем форуме, конкурсантах и их выступлениях.

Н. В. БУРОВ: — Наш «марафон» дал представление о каждом из участников нашего конкурса. Среди участников и призеров преобладают девушки, и это, с одной стороны, радует, но с другой — парни, нельзя же так отставать!

Примечательно и прекрасно, что ни одна работа не похожа на другую — ни по эмоциональному настрою, ни по креативному подходу, ни по идеям. Мы сегодня говорили неодинаково, но, в общем, об одном и том же. Это свидетельствует о том, что каждый из участников — личность, каждый имеет свою индивидуальность, но все мы при этом единомышленники.

Я хотел бы на прощание просто поздравить вас с окончанием учебного года. Приходите по возможности на «Алые паруса», а кто не сможет — просто погуляйте, успейте полюбоваться петербургскими белыми ночами, эти дни — лучшее время для того, чтобы насладиться красотой нашего великого города.

И еще желаю всем успешно сдать экзамены и поступить в вузы вашей мечты. Тем, кто придет сюда, я по-хорошему завидую. Вы увидите пример уникального университетского сообщества, получите замечательный опыт. Здесь вас ждут полезные знания, новые друзья и незабываемый духовный опыт. Это целая планета, хотя и в общей системе, но далеко не во всем похожая на другие. И это настоящий Университет. Хорошей, настоящей вам студенческой жизни!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдоллахи М. 292
Абишев М. А. 295, 437
Абрамова И. О. 26, 257, 281, 283, 284, 286
Агацци Э. 31, 264, 426
Агошков А. В. 306
Азиз Ш. 35, 269, 274
Акаев А. А. 38, 261, 281, 290
Аксюмов Б. В. 308
Амплеева Е. Е. 444
Артамонова М. В. 594
Архипова О. В. 309
Багдасарьян Н. Г. 311, 435
Багис Э. 40, 269, 273, 283
Баженова М. 627
Бали М. 456
Баталова Т. Л. 447
Беблер А. 43, 276
Бенедская О. А. 449
Бирженюк Г. М. 582, 621
Богачев В. Ф. 451
Бондарев А. В. 313
Бондарь Н. С. 49
Ботова А. 627
Бочаров В. Ю. 584, 614
Брусиловская Л. Б. 314
Брылева Е. А. 453, 573
Буров Н. В. 623, 629
Бурова Н. В. 456
Быховская И. М. 315
Бюльбюль оглы П. 54
Варга Ч. 56, 277
Василенко В. В. 317
Вербовая О. В. 458
Веретенников Н. П. 451
Вершинин С. В. 60, 249, 270, 274
Ветчинова М. Н. 319, 435
Власов Ф. Б. 460
Водопьянов П. А. 296, 439
Волков Ю. К. 320, 439
Володин А. Г. 299
Воробьева А. 628
Вятр Е. 61, 278, 289
Гаджиев Г. А. 63, 252, 581
Глаголев В. С. 322, 428
Глазьев С. Ю. 66
Горшкова В. В. 324
Гранин Ю. Д. 325
Графский В. Г. 461, 564
Громова О. Н. 463
Громыко Ал. А. 73, 260, 291
Гроте Ю. Р. 79, 611
Грошева Л. И. 586, 617
Гусейнов А. А. 83, 255, 428
Гусман М. С. 88
Гэлбрейт Дж. К. 89, 257, 564, 580
Давыдова М. Л. 465, 571
Данилов А. Н. 92
Дегарден Б. 97, 265, 282, 289
Демидов М. В. 468
Демшина А. Ю. 327
Джагарян А. А. 470
Докучаев И. И. 328
Дорская А. А. 472
Дудко И. Г. 475, 573
Дунаев В. Ю. 330
Дуткевич П. 103, 255, 612
Дымченко Н. В. 332
Евгеньева С. 625
Евстигнеева А. Г. 623
Ельфин Д. 626
Ермолович Г. П. 477
Ерохина Т. И. 334
Жукова О. А. 335, 433
Замшев М. А. 256, 337
Запесоцкий А. С. 110, 247, 248, 250, 251, 266, 268, 269, 271, 273, 276, 425, 563, 610, 625
Затулин К. Ф. 117, 248
Зикунова И. В. 479
Зубец О. П. 338
Зябкин А. И. 482
Зябриков В. В. 484
Иванова М. Г. 340
Иванова С. Ю. 342
Ильинская Е. А. 343
Ингимундарсон В. 124, 279, 289
Кайсаров Е. А. 345
Каландаришвили З. Н. 486
Карабаев У. Х. 588, 616
Карманова Д. 627
Касаткин С. Н. 488
Каширина О. В. 347
Квинт В. Л. 129
Кёхлер Г. 132, 262, 283
Кириллов В. В. 251
Киричёк П. Н. 348
Клейнер Г. Б. 137, 564, 567, 580
Ковалев В. А. 491, 569, 579
Колодко Г. В. 140, 262, 290
Коломиец Г. Г. 350, 429
Комиссаренко С. С. 352
Кондаков И. В. 354
Конев В. А. 356, 426
Коркина К. 624
Король А. Д. 145
Костина А. В. 358
Кравченко В. В. 360, 437
Крамаренко А. М. 150, 264, 284
Кривошеев А. 624
Круглова Л. К. 362, 443
Кузнецов А. В. 154, 277, 287
Кузнецов Ю. В. 493
Кузнецова Д. 628
Кузьмин А. В. 494
Куклина Е. А. 496
Курганская В. Д. 330
Кутырев В. А. 363
Лапаева В. В. 498, 566
Лапинскас А. А. 546
Лебедева Л. Ф. 500
Лекторский В. А. 159
Леонов И. В. 365
Леонтьев В. А. 248
Лепешкина Л. Ю. 367
Лепский В. Е. 368, 431
Ливеровский А. А. 503
Лисицын-Светланов А. Г. 162, 259, 564, 566, 581
Лиханов А. А. 165
Лощевский К. В. 370
Лурье С. В. 372
Лученок А. И. 505, 567
Макаров В. Л. 166
Макаров Е. И. 251, 611–616
Малыгина И. В. 374
Мамонтов В. К. 168
Манапова В. Э. 376
Мануильский М. А. 378
Марк Х. А. 172, 268, 269, 272
Марков А. П. 176, 426, 428
Мартышин О. В. 507, 568
Матвеева Л. В. 380, 436
Мельникова А. А. 382
Меттан Г. 180, 279, 285
Миронов В. В. 183
Митяева А. М. 589
Мищенко А. С. 591
Моратинос Куйяубе М. А. 187, 254, 271, 274
Мосолова Л. М. 383
Мотышина М. С. 508
Муса А. 270, 273
Нигматулин Р. И. 190, 250, 281, 291
Никитина Т. В. 510
Никонова С. Б. 385
Никулин Н. Н. 512, 574
Новикова И. В. 593
О'Брайен Р. 192
Пасешникова Л. А. 563, 564, 581
Петренко В. Ф. 195, 435
Петрова Е. А. 515
Петухов В. Г. 517
Пигров К. С. 387
Покровская Н. Н. 519
Полетаев Э. Э. 522
Попов М. Е. 389
Проданов В. 198, 280, 287

Разумова Т. О. 594
Расторгуев В. Н. 231
Резник Г. М. 202, 263, 285, 289
Ривера Марин Л. 270, 273, 291
Ромашов Р. А. 524, 577
Сабиров В. Ш. 391
Садовая Е. С. 526, 565
Саломатин А. Ю. 529, 571
Санаи М. 204, 253, 290
Сиднева Т. Б. 393, 441
Силантьева М. В. 395, 434
Синявина Н. В. 396
Смирнова М. Г. 531
Снапковская С. В. 398
Соина О. С. 400
Соловьева В. Л. 365
Соловьева Л. Н. 402
Ставцева О. И. 403
Сухарев О. С. 597
Талукдар И. 206, 259, 286
Тарасов А. А. 533, 569
Титова Л. Г. 599, 618
Толочко П. П. 209, 260, 287
Томалинцев В. Н. 405
Томас М. П. 211, 615
Тощенко Ж. Т. 214, 266
Третьяков В. Т. 219, 261, 280, 290
Триодин В. Е. 407, 431
Трофимов В. В. 535
Ударцев С. Ф. 537
Улько Е. В. 602, 619
Успенская А. В. 410
Фатенков А. Н. 412, 430
Фейгин Г. Ф. 540, 579
Филимонова Н. М. 542, 572
Фитуни Л. Л. 222, 279, 288
Фомина М. Н. 414, 438
Фролов И. Э. 544, 570
Хабриева Т. Я. 227
Хайкин М. М. 546, 577
Хангельдиева И. Г. 548
Харитонова Е. В. 303, 436
Хольнова Е. Г. 551
Хренов Н. А. 416, 432
Цветкова Н. Н. 604, 620
Чеберко Е. Ф. 553
Черешнев В. А. 231, 263, 288
Честнов И. Л. 555
Чубарова Т. В. 557, 575
Чумаков А. Н. 418
Шаваньяк У. де 258, 281
Шемякин Я. Г. 420, 441
Шемякина О. Д. 422, 442
Шершуков А. В. 606, 613
Шишкина Е. А. 608, 621
Шмаков М. В. 236
Шолте Я. А. 240, 265, 284
Штайнманн Р. 280
Энтин В. Л. 559
Яковенко А. В. 244

Научное издание

МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ:
ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ

XIX МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

22–24 мая 2019 года

Ответственный редактор *Я. Ф. Афанасьева*
Художественное оформление *А. В. Костюкевич*
Редакторы: *П. И. Гринберг, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *С. А. Зинченко, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-1055-6

Подписано в печать с оригинала-макета 19.07.19. Формат 60x90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 79,0. Тираж 500 экз. Заказ № 19529

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15